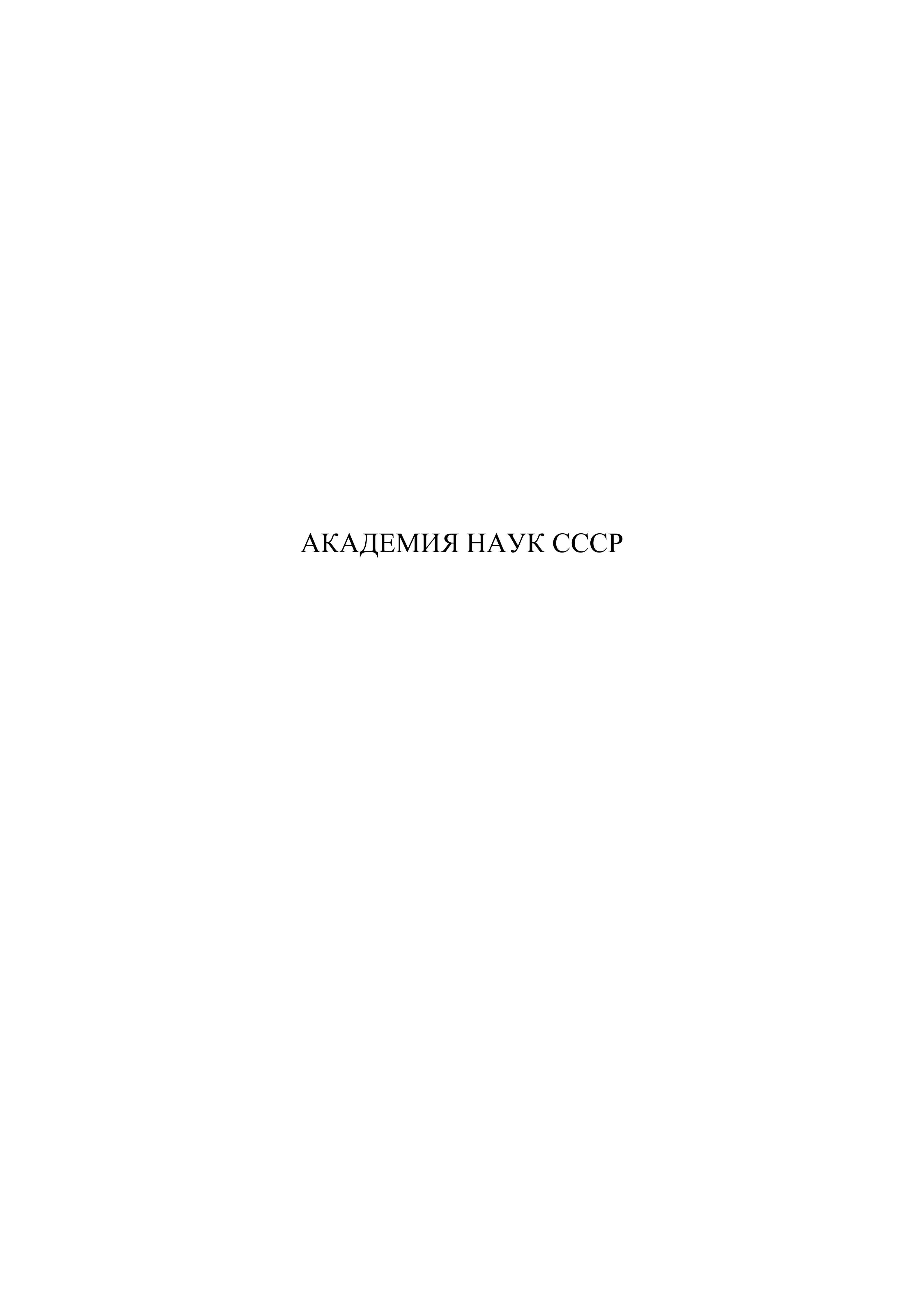


АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
М О С К В А
1 9 5 6

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ТОМ II

Под редакцией:

С. Л. УТЧЕНКО (ответственный редактор)
Д. П. КАЛЛИСТОВА, А. И. ПАВЛОВСКОЙ, В. В.СТРУВЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
М О С К В А
1 9 5 6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМ
II

ВВЕДЕНИЕ

К середине I тысячелетия до н. э. — рубежу, с которого начинается изложение всемирной истории в данном томе, — древнее общество прошло длительный путь развития. Возникшие в плодородных долинах Тигра и Евфрата, Нила, Инда, Ганга и Хуанхэ, в бассейне Эгейского моря отдельные очаги рабовладельческой цивилизации с течением веков разрослись и дополнились новыми, сложившимися позднее. К VI в. до н. э. уже значительная часть населения субтропического пояса Азии, Европы и Северной Африки жила в условиях рабовладельческого строя.

История народов, населявших Азию, к концу I тысячелетия до н. э. всё теснее переплетается с историей народов Европы и Северной Африки. И на западе — в Средиземноморье и Передней Азии, и на востоке — в Китае и Индии возникают государства с обширной территорией, предпринимаются грандиозные по тому времени завоевательные походы, прокладываются постоянные торговые пути, связывающие Индию, а затем и Китай со странами Средиземноморья. Происходит взаимное проникновение элементов культуры с запада на восток и с востока на запад.

В процессе развития классового общества, разрушавшего старые родовые и племенные связи, складывались древнейшие народности.

Уровень развития рабовладельческих обществ в середине I тысячелетия до н. э. был далеко не одинаков. В старых рабовладельческих государствах Передней Азии, Северной Африки, Индии и Китая на основе эксплуатации труда рабов и общинников сравнительно высокой степени развития достигли сельское хозяйство и ремесло, развилась торговля, возникли крупные города; вместе с тем здесь уже достаточно чётко выявились противоречия рабовладельческого строя, значительно

обострилась классовая борьба. В соседних с ними областях, (например, в Персиде, Армении, Средней Азии), где рабовладельческий строй находился ещё в процессе становления, хозяйство носило более примитивный характер, сильны были пережитки родовою общества, слабее выступала классовая дифференциация. У большинства народов, населявших северное побережье Средиземного моря, классовое общество складывается лишь в первой половине I тысячелетия до н. э. Но развитие рабовладельческих отношений идёт здесь быстрыми темпами: примерно к V в. до н. э. уже выдвигаются отдельные греческие города-государства с развитой экономикой, характеризующейся рядом новых черт и специфических особенностей.

В отличие от рабовладельческих обществ предшествующего времени, в которых рабовладение развивалось сравнительно медленно и в большинстве случаев не вышло за рамки патриархального рабства, в период, рассматриваемый в данном томе, выдвигаются такие общества, в рамках которых рабовладельческий способ производства достиг своей высшей ступени, а раб превратился в основного производителя материальных благ.

Наиболее четкое, «классическое» выражение эти процессы получили в греко-римском (античном) мире. Для античного общества характерно раннее разложение сельской общины, радикальнее устранение пережитков первобытно-общинного строя, сокрушение в ходе острой борьбы и революционных выступлений народных низов политического господства родовой аристократии. Эта победа, одержанная в основном ещё в предшествующий период (см. «Всемирная история», т. I), имела далеко идущие экономические и политические последствия. Она положила предел распространению долгового рабства и других форм порабощения общинников. В результате этой победы был расчищен путь развитию частной рабовладельческой собственности на основное средство производства—землю. Мелкое крестьянское хозяйство и ремесленное производство свободных не только сохранялись в античном обществе в течение продолжительного времени, но и явились, по глубокому замечанию Маркса, экономической основой этого общества в наиболее цветущую пору его существования [1]. Вместе с тем и в силу тех же причин именно здесь сложились условия для максимально широкого распространения рабства иноплеменников— неприкрытой и наиболее жестокой формы рабства.

Внутренне противоречивый характер античного общества нашёл своё отражение в эволюции города-государства (полиса). Это был исторически сложившийся тип рабовладельческого государства: община свободных и полноправных граждан — землевладельцев и рабовладельцев, противостоявших, как привилегированный коллектив, массе неполноправных и рабов. Широта круга полноправных граждан и участие их в политической жизни своего государства определяли степень развития античной демократии. Чем шире был круг полноправных граждан, тем жизненнее был полис, тем большие возможности экономического, политического и культурного подъёма заключал в себе античный город-государство. Самым ярким примером в этом отношении были Афины V в. до н. э.—времени расцвета эллинской демократии. Несмотря на классовую ограниченность рабовладельческой демократии—демократии привилегированного меньшинства, это первый в мировой истории пример демократии как государственной формы, и его глубоко прогрессивное для того времени значение становится особенно ясным, если сравнить эту форму государства с восточными деспотиями.

Но именно потому, что подъём античного общества имел одной из своих решающих предпосылок свободный труд крестьян и ремесленников, вытеснение труда свободных трудом рабов не могло не привести к упадку античной демократии, лишая ее прежней социальной опоры. Рост рабовладения, охватывавшего постепенно одну отрасль общественного производства за другой, неизбежно сопровождался обезземе-

[1] См. *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1955, стр. 341, прим. 24.

ливанием и пауперизацией мелких землевладельцев, концентрацией земель в руках рабовладельческой верхушки, что порождало, в свою очередь, кризис полиса, как определённой политической формы.

Необходимость создания более широкой политической организации, чем город-государство, диктовалась потребностями хозяйственного развития античного мира: ростом товарного производства и экономических связей между отдельными районами. Конкретно-историческим выражением этого процесса явилось возникновение эллинистических государств в Восточном Средиземноморье, завоевание Римом Италии, образование Сиракузской державы.

Формы политической организации рабовладельческого общества в этот период многообразны: наряду с союзами городов, такими, как, например, Этолийский и Ахейский союзы или италийская федерация под гегемонией Рима, возникают крупные эллинистические государства, сохранившие черты восточной деспотии (птолемеевский Египет, царство Селевкидов и др.), а затем и Римская империя. В этих государственных образованиях полис ещё продолжал жить, хотя и имел уже существенно иные, подчинённые функции и значение.

На почве роста рабовладения сначала в Греции, затем в эллинистических государствах и, наконец, в Риме получили дальнейшее развитие товарно-денежные отношения, разделение труда между торгово-ремесленными центрами и аграрной периферией — между городом и деревней, с одной стороны, между отдельными районами и странами — с другой. Широкие масштабы принимает торговля, в которой особое место занимает работорговля, тесно переплетённая с пиратством и войнами. Выдвигаются немногие города и государства (Карфаген, Афины, Коринф, Родос, Александрия и др.), богатство и могущество которых зиждились на завоеванной в ожесточённой борьбе торговой и морской гегемонии. В целом же экономика древнего мира продолжала основываться на натуральном хозяйстве. Развитие товарного производства ограничивалось прежде всего тем, что рабочая сила не была товаром: раба могли продать и купить, но сам он не выступал продавцом своей рабочей силы. К тому же основная масса рабов захватывалась насильственным путем. Колоссальные для того времени богатства, скапливавшиеся в результате войн и посреднической торговли, использовались в основном не в производительных целях, а служили источником расточительного, паразитического потребления господствующих классов рабовладельческих государств.

Развитие рабовладельческих отношений повсюду было тесно связано с разорением общинников или свободного крестьянства и мелких ремесленников, живших в основном своим трудом. Этот процесс можно наблюдать и в различных эллинистических государствах и в Китае, начиная с периода «Воюющих царств» (Чжаньго), но особенно ярко — во времена Циньской империи.

Мелкие свободные собственники упорно отстаивали свое существование, поднимались на борьбу против крупных землевладельцев и ростовщиков. В разное время и в разных частях рабовладельческого мира происходили народные движения, не раз вынуждавшие господствующие классы предпринимать социальные реформы, в топ или иной мере отражавшие требования масс (реформы Агиса и Клеомена в Спарте в III в. до н. э., реформы Гракхов в Риме во II в. до н. э. и уже в иной исторической обстановке—реформы Ван Мана в Китае в I в. н. э. и др.).

Неуклонно нарастал основной антагонизм древнего мира — антагонизм между рабами и рабовладельцами. Вырванные из родной среды, лишенные самых элементарных условий человеческого существования, разноплемённые и разноязычные рабы лишь в редких случаях могли объединиться и подняться на открытую борьбу. Но именно восстания рабов представляли собой высшую форму классовой борьбы в древности — ту силу, которая подрывала самые устои рабовладельческого строя. Крупнейшие из выступлений рабов соединялись обычно с борьбой бедноты. Так было, например, во время сицилийских восстаний и восстания Аристоника в Малой

Азии, восстания Савмака в Боспорском царстве, восстания «краснобровых» в Китае и многих других. Великое восстание рабов во главе со Спартаком вошло в историю человечества, как один из наиболее ярких примеров борьбы угнетённых против своих угнетателей.

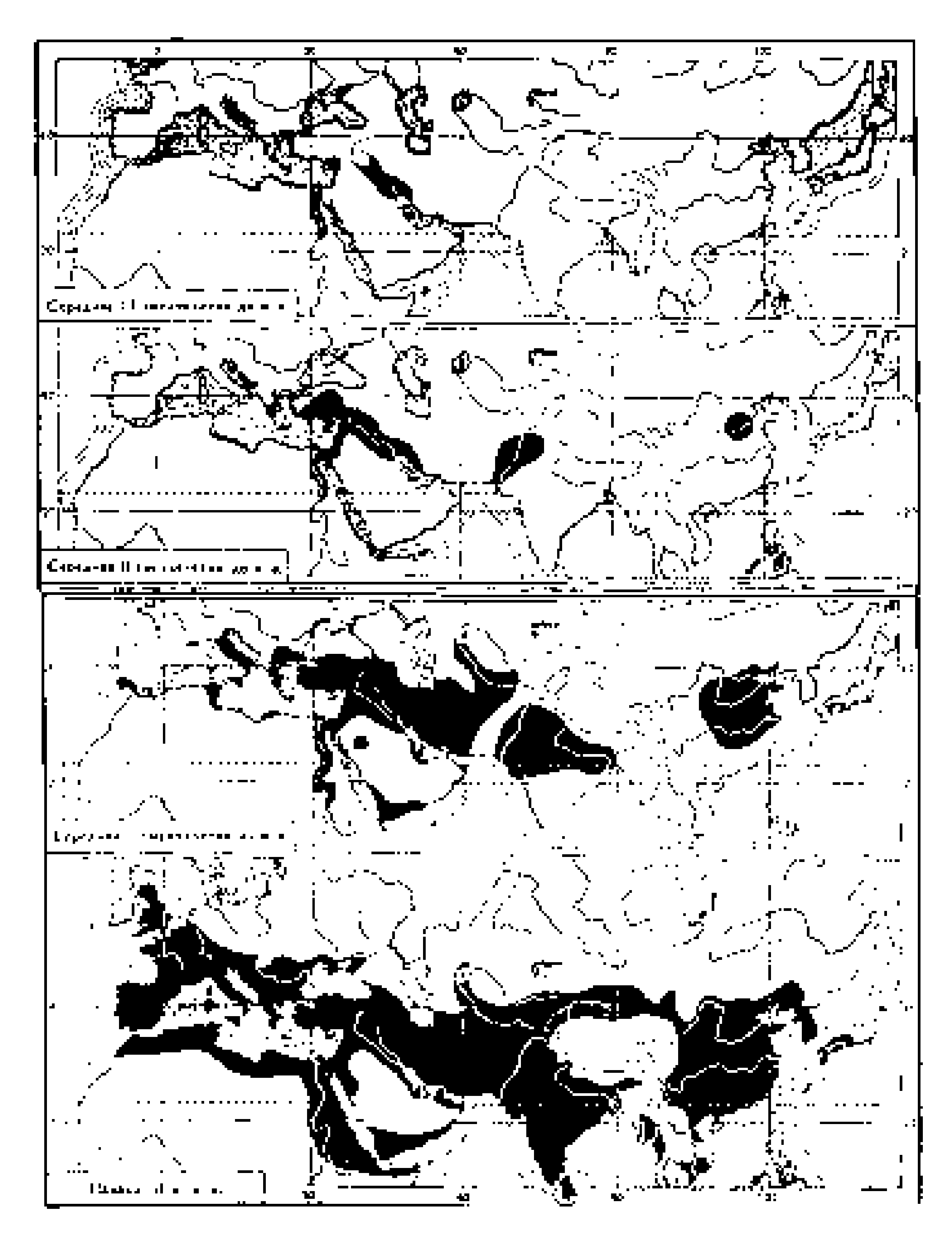
Как ни сильны были удары, наносимые этими восстаниями, сами по себе они еще не могли сокрушить рабовладельческий строй. Даже в тех немногих случаях, когда восстания приводили к временному успеху, дело не шло дальше освобождения непосредственно участвовавших в них рабов. Рабство как институт сохранялось. Движения угнетённых жестоко подавлялись рабовладельцами.

В первые века нашей эры рабовладельческий мир широкой полосой опоясал Восточное полушарие от атлантического побережья Пиренейского полуострова на западе до Жёлтого моря на востоке, от устья Рейна, от Азовского и Аральского морей на севере до шестого порога Нила, до Цейлона и Индокитая на юге.

За пределами этой полосы жил, развивался и становился всё более опасной угрозой рабовладельческому обществу огромнейший мир племён Европы, Азии и Африки. Рабовладельческие же общества могли развиваться лишь при условии непрерывного притока рабов извне. Особое значение этот приток имел для стран античного рабовладения, где запрещение кабального рабства почти исключало возможность пополнения рабов за счёт беднейших граждан полиса. Порабощение военнопленных, главным образом из пограничных племён, а также из числа жителей соседних рабовладельческих государств, являлось на протяжении всей истории рабовладельческого общества важнейшим источником рабства. Накопление богатств в рабовладельческих центрах было в громадной мере результатом ограбления более слабых, менее развитых народов — как в форме «мирной» торговли (неэквивалентного обмена), так и при помощи прямого, открытого насилия. Вся история рабовладельческого строя есть история кровопролитных, захватнических войн, опустошения целых стран, массового истребления их жителей. Так складываются крупнейшие рабовладельческие империи — Персидская держава Ахеменидов, монархия Александра Македонского, Циньская и Ханьская империи в Китае, империя Маурьев в Индии, наконец, средиземноморская держава Рима, включившая в свой состав обширные территории, на которых жили свободные ранее племена и народы.

Но племенной мир отнюдь не был только объектом завоевания рабовладельческих империй. Развитие большинства племён шло самостоятельно. Даже в период наибольшего расцвета рабовладельческой цивилизации многочисленные племена Европы, Азии и Африки, которые вели кочевой, полукочевой, а иногда и оседлый образ жизни, продолжали сохранять первобытно-общинный строй. Внутри этих племён по мере развития земледелия и скотоводства постепенно растёт социально-имущественная дифференциация, развиваются ремесло и торговля, складываются союзы племён, зарождаются рабовладельческие отношения, в первую очередь у племён, непосредственно соприкасавшихся с рабовладельческими государствами и испытывавших влияние их экономики и культуры.

В результате этих внутренних процессов отдельные племена или союзы племён усиливались, подчиняли своих соседей, вторгались на территорию рабовладельческих государств, опустошая их, занимая отдельные области, иногда разрушая старые и создавая новые рабовладельческие государства. Так, передвижения племен гуннов и массагетов во II—I вв. до н. э. во внутренних областях Азии привели к крушению Греко-Бактрийского царства, к перемещению на запад центра Парфянского царства, к образованию огромной державы кушанов. Ещё более грандиозные передвижения племён происходили в конце III— в IV в. н. э., когда рабовладельческий мир уже был не в силах оказывать им сопротивление и перешёл к вынужденной обороне. Подвергаясь воздействию рабовладельческой цивилизации, свободные или покорённые племена и народы, в свою очередь, оказывали влияние на рабовладельческую культуру. Галльский плуг получил широкое применение в Римской империи; вооружение



РОСТ ТЕРРИТОРИИ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

саков-массагетов и гуннов оказало влияние на вооружение армии в державе Ахеменидов и в Ханьской империи; мотивы скифского искусства ясно звучат в искусстве греков Причерноморья.

Эпоха господства рабовладельческого способа производства была крупным шагом вперёд в поступательном движении человечества. На основе рабства стало возможным в то время разделение труда между земледелием и ремесленным производством, между городом и деревней, что было необходимым условием всего дальнейшего развития производительных сил. Вооружённые металлическими орудиями труда» люди освоили большие пространства не обрабатываемых ранее земель. Крупные успехи были достигнуты в области ирригации и мелиорации. Появились новые сельскохозяйственные культуры, новые методы обработки почвы, положено было начало агрономии. На высоком уровне находилось строительное искусство древних народов, сооружения которых пережили века. Из других отраслей ремесла получили развитие судостроение, добыча и обработка металлов, ткачество, гончарное производство. Руками древних ремесленников создавались тончайшие художественные изделия. Прогресс ремесла оказывал громадное влияние на развитие военной техники и военного искусства.

Рост общественного производства, развитие обмена и товарно-денежных отношений привели к возникновению и расцвету рабовладельческих городов, созданию новых, несравненно более эффективных средств сообщения. Значительно расширился географический кругозор людей, раздвинулись пределы известного тогда мира.

Особенно велико культурное наследие древности. Передовая мысль уже в то далёкое время смело и широко поставила коренные вопросы мировоззрения. Отсюда идёт великая материалистическая традиция народов Европы и Азии, представленная такими мыслителями, как Гераклит, Демокрит, Эпикур, Лукреций, Ян Чжу, Ван Чун. Философия носила тогда в значительной мере всеобщий, универсальный характер, заключая в себе все или почти все отрасли ещё не расчленённого знания. В трудах Аристотеля с особенной яркостью воплотился этот энциклопедизм античной науки. Однако уже и в древнем мире начинается процесс постепенного отпочкования отдельных отраслей знания, прежде всего тех, которые были теснее всего связаны с потребностями практической жизни и общественно-политической борьбы (математика, астрономия, медицина, география, история и др.).

Древние народы создали непреходящие ценности и в области искусства — архитектуры, скульптуры, живописи, поэтической и драматической литературы. Такие величайшие творения этого времени, как «Илиада» и «Одиссея», «Махабхарата», как «Рамаяна» древнеиндийского поэта Валмики, как трагедии Эсхила, Софокла и Эврипида, комедии Аристофана и Плавта, басни Эсопа и Федра, поэмы Цюй Юаня, Калидасы, пережили свой век и своё общество; они вошли прочным и неотъемлемым вкладом в сокровищницу мировой культуры.

Но исторические возможности развития рабовладельческого способа производства были весьма ограничены. Низкая производительность труда раба, не заинтересованного в результатах своей трудовой деятельности, ставила предел прогрессу техники сельскохозяйственного и ремесленного производства. Многие научные открытия и изобретения древности не могли найти себе применения в условиях общества, основанного на хищнической растрате мускульной силы и самой жизни сотен тысяч совершенно бесправных людей. Растущее рабство не только вытесняло и разоряло свободных производителей, но и породило в их среде презрительное отношение к физическому труду, как к занятию, бесчестящему свободного человека. Вся система общественных отношений превратилась, таким образом, в тормоз для дальнейшего развития производительных сил.

Рабовладельческое общество зашло в тупик, не находя выхода из раздиравших его противоречий. Кризис рабовладельческого строя развивался в разных частях древ-

него мира далеко не одновременно. Приходившие в упадок отдельные рабовладельческие государства в большинстве случаев порабощались другими, более сильными, в недрах которых со временем нарастал тот же кризис, но с ещё большой силой и остротой.

В крупнейшей цитадели рабовладения — Римской империи признаки этого кризиса стали проявляться уже с конца II в. н. э. В римском обществе начинают зарождаться элементы феодальных отношений: появляются новые формы земельной собственности, мелкий арендатор-колон, постепенно закрепощаемый и низводимый на положение, близкое к рабскому, в качестве основного производителя вытесняет раба.

Но переход от рабовладельческого строя к феодальному не мог произойти и не произошёл мирным, эволюционным путём. Римское государство представляло собой огромную машину, охранявшую и консервировавшую уже изжитые рабовладельческие отношения как путём прямого насилия, так и при помощи разнообразных попыток приспособить эти отношения к новым экономическим условиям. Кризис и гибель рабовладельческого строя обусловлены, в первую очередь, обострением всех внутренних противоречий рабовладельческого общества. Последние века существования Римской империи — время ожесточённой классовой борьбы, бурных движений рабов и колонов — движений, охватывавших обширные территории и продолжавшихся десятилетиями (движения багаудов, агонистиков и т. д.).

Ломка старого, рабовладельческого мира порождала глубокие сдвиги и в области идеологии. Самым значительным проявлением кризиса античного мировоззрения было возникновение христианства. Зародившееся в первые века нашей эры как религия угнетённых и обездоленных, христианство превратилось вскоре в государственную религию, в орудие духовного господства сначала рабовладельцев Рима, а затем и правящих классов феодальной Европы.

Расшатанная, но не сломленная народными антирабовладельческими движениями, Римская империя была опрокинута натиском окружавших её племён. Выдающуюся роль в этих событиях сыграли племена Средней и Восточной Европы (германцы, славяне, фракийцы и другие придунайские племена). Именно они, говоря словами Энгельса, «омолодили Европу» [1] и расчистили путь к победе нового, более прогрессивного, феодального способа производства.

Раньше, чем в Западной Европе, и своеобразными путями, но по существу тот же процесс смены рабовладения феодализмом совершался на другом конце мира — в древнем Китае.

Рабовладение не достигло здесь такого высокого уровня, как в Римской империи. Наряду с появлением развитых форм рабовладения в Китае продолжали сохраняться примитивные его формы — самопродажа в рабство свободного населения, долговое рабство, домашнее рабство. Очень долгое время сохранялись и довольно сильные пережитки патриархально-общинных отношений. Поэтому переход от рабовладения к феодализму, начавшийся в Китае сравнительно рано, носил затяжной характер.

В иных конкретных условиях и формах происходило крушение рабовладельческого строя в других частях древнего мира (в Индии, Парфии, Армении и др.). Но всюду действовала одна и та же историческая закономерность: неизбежность замены изжившего себя рабовладельческого строя более прогрессивным строем— феодальным.

[1] *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 161.

* *
*

Эпоха истории человечества, которой посвящён настоящий том, постоянно привлекала к себе: внимание последующих поколений. Истолкование исторического опыта и традиций древнего мира играло крупную роль в развитии общественной мысли, в идейной и политической борьбе.

Неодинакова сама судьба наследия различных культур древности. На Востоке, где переход к феодализму носил, как правило, более длительный и менее катастрофический характер, он сопровождался и менее резкой ломкой культурных традиций. Такие древние культуры, как китайская и индийская, сохраняли поэтому на протяжении средних веков более тесную по сравнению с европейской культурой преемственную связь со своим прошлым.

На Западе же в бурных событиях, сопровождавших крушение рабовладельческого строя, навсегда погибло или было на долгие века погребено под развалинами многое из богатейшего культурного наследия античного мира. То же, что осталось от этого наследия (сохранённое в значительной мере благодаря Византии, а затем арабам), было приспособлено к нуждам и потребностям средневекового феодального общества и католической церкви.

Впоследствии идеологи зарождающегося буржуазного общества облекали свою борьбу с феодальным мировоззрением и церковной схоластикой в форму возрождения и очищения античной традиции. Начиная с эпохи Возрождения поколения европейских философов, писателей и художников, учёных и политических деятелей воспитывались на изучении философии, искусства, политических теорий Греции и Рима. Изучение древних языков много дало для развития научного языкознания. Исследование античных правовых норм сыграло большую роль в оформлении нового, буржуазного права. Преклонение перед античностью достигло особенной силы во время французской революции конца XVIII в. «В классически строгих преданиях Римской республики,—писал Маркс,—гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии» [1].

Общественно-политические интересы лежали и в основе интенсивного изучения истории античного мира буржуазными мыслителями и историками XVIII и особенно XIX в.— Вико, Монтескьё, Гиббоном, Нибуром, Гротом, Дройзеном, Моммзеном и др., представлявшими различные научные направления и школы. Историки-античники вовлекли в научный оборот огромный круг источников, разработали методы их критики, поставили ряд важных проблем истории Греции, Рима и эллинистических государств. Большое значение имело развитие таких отраслей исторической науки, как археология, эпиграфика, папирология, нумизматика. Однако на трудах даже крупнейших буржуазных учёных лежит печать классовой ограниченности. Модернизация древности — основной порок буржуазной историографии, который особенно усилился в новейшее время и проявился, например, в попытках найти «античный капитализм» (что характерно для концепций Эд. Мейера, Пёльмана, Ростовцева и др.). Буржуазные историки проходят, как правило, мимо закономерностей рабовладельческого общества, не видят или сознательно игнорируют его основной классовый антагонизм — антагонизм между рабами и рабовладельцами.

Другим крупнейшим пороком буржуазной историографии являлся присущий ей европоцентризм, при котором история древнего мира сводилась преимущественно к «классической древности». История Греции и Рима рассматривалась при этом как некий эталон, а в истории других стран отмечались лишь отклонения или прибли-

[1] *К. Маркс,* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 213.

жения **к** этому эталону. Если буржуазные учёные и обращались к памятникам истории древнего Китая, Индии и других стран Востока, то они изучали их преимущественно с филологической точки зрения, вне связи со всем процессом всемирной истории, проходя по сути дела мимо того неоценимого вклада, который внесли народы Востока в сокровищницу общечеловеческой цивилизации. Широкий размах национально-освободительных движений народов Востока, ставших в ходе борьбы против колониальных держав величайшим фактором всей современной международной жизни, заставил ныне часть буржуазных историков провозгласить свой разрыв с европоцентризмом и подобными концепциями. Но на деле этот отказ от европоцентризма носит в большинстве случаев внешний характер, так как реальные достижения народов древнего Востока в ходе всемирно-исторического процесса по-прежнему недооцениваются и ставится под сомнение способность этих народов к самостоятельному историческому творчеству.

Советская школа историков древнего мира — сравнительно молодая научная школа. Она стремится воспринять научные достижения отечественной и передовой зарубежной историографии в области изучения как античности, так и древневосточных культур.

Критический пересмотр наследия прошлого и построений современной буржуазной историографии должен органически сочетаться с творческой разработкой коренных проблем истории древности с позиций марксизма-ленинизма. Маркс и Энгельс, посвятившие ряд блестящих страниц своих трудов истории рабовладельческого мира, раскрыли основные закономерности и диалектику его развития. Основоположники марксизма показали как неизбежность того этапа развития человечества, который характеризуется господством рабовладельческих отношений, так и историческую ограниченность рабовладельческого способа производства. Особое внимание они уделяли при этом античному обществу, в котором рабовладельческий способ производства с наибольшей силой выявил все свои возможности и все свои противоречия. Новые данные науки о древности, расширяя и уточняя наши представления о далёком прошлом, вместе с тем вновь и вновь подтверждают верность исходных марксистских положений, открывающих простор для глубокого, творческого осмысления нового материала.

* *
*

Текст тома написан: гл. I, раздел 1— И. М. Дьяконовым, разделы 2 и 3— В. В. Струве; гл. II и III—Д. П. Каллистовым; гл. IV—В. П. Зубовым и Д. П. Каллистовым; гл. V — С. Л. Утченко; гл. VI, раздел 1—С. Л. Утченко, Е. М. Штаерман и Т. В. Блаватской, раздел 2—Д. П. Каллистовым, разделы 3 и 5 — О. В. Кудрявцевым, раздел 4 — Т. В. Блаватской; гл. VII, раздел 1—М. М. Дьяконовым и О. В. Кудрявцевым, разделы 2 и 3— М. М. Дьяконовым, раздел 4 — И. М. Дьяконовым и М. М. Дьяконовым; гл. VIII, раздел 2 * и гл. IX, разделы 3* и 4*—К. К. Зельиным; гл. X, разделы 1 и 2—С. Л. Утченко, раздел 3— А. И. Павловской, раздел 4—А. И. Павловской и О. В. Кудрявцевым, раздел 5—О. В. Кудрявцевым; гл. XI, раздел 1—С. Л. Утченко, разделы 2 и 4 —Е. М. Штаерман, раздел 3— Е. М. Штаерман и Т. В. Блаватской; гл. XII, раздел 1 — С. Л. Утченко, раздел 2—Е. М. Штаерман и Т. В. Блаватской, разделы 3—5—Е. М. Штаерман; гл. XIII, разделы 1—4 и 6—0. В. Кудрявцевым, раздел 5—М. М. Дьяконовым и О. В. Кудрявцевым; гл. XIV—XVI — Т. В. Степугиной; гл. XVII—XVIII— Г. Ф. Ильиным; гл. XIX, разделы 1 и 2 — М. В. Воробьевым, раздел 3— Д. В. Деопиком, раздел 4 — А. Я. Шевеленко, раздел 5 — Г. Ф. Ильиным;

* В раздел редколлегией тома внесён ряд изменений.

гл. XX и XXI — Е. М. Штаерман; гл. XXII, разделы 1, 2, 6—8— О. В. Кудрявцевым, разделы 3—5—М. М. Дьяконовым, раздел 9—Е. М. Штаерман; гл. XXIII, разделы 1, 2 и 4 — Е. М. Штаерман, раздел 3— Т. В. Блаватской, разделы 5 и 6—О. В. Кудрявцевым; гл. XXIV—Е. М. Штаерман; гл. XXV, разделы 1, 3—6—0. В. Кудрявцевым, раздел 2—М. М. Дьяконовым, раздел 7— Е. М. Штаерман: гл. XXVI, разделы 1 и 2 — О. В. Кудрявцевым, раздел 3— Е. М. Штаерман; гл. XXVII, разделы 1—5—Е. М. Штаерман, раздел 6— С. Л. Утченко.

Для гл. VIII (разделы 1 и 3), гл. IX (разделы 1, 2, 5—7) и гл. X (разделы 3 и 6) редколлегия тома использовала материалы К. К. Зельина. Кроме того, были использованы материалы Ю. Я. Перепёлкина по истории Египта (в гл. I, разделе 2 и в гл. VII, разделах 1—3), А. Г. Периханян по истории Малой Азии (в гл. VII, разделе 1), И. С. Кацнельсона по истории Эфиопии (в гл. X, разделе 5), М. А. Тихановой о черняховской культуре (в гл. XXIII, разделе 3).

Введение и заключения к частям написаны редколлегией тома.

В редактировании тома оказали большую помощь Б. Г. Вебер, О. В. Кудрявцев, Я. А. Ленцман, О. Н. Юлкина, М. А. Лифшиц.

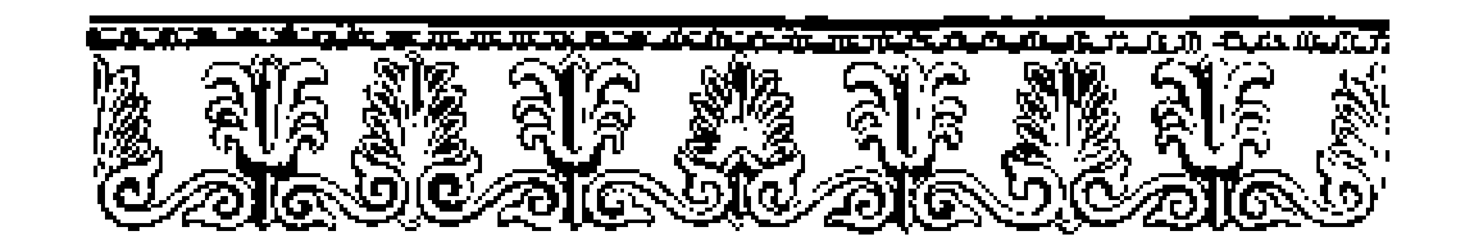
Хронологическую таблицу и указатели составил А. Я. Сыркин.

Список основной литературы и источников составлен авторами тома, кроме части, посвящённой истории Парфии и сасанидского Ирана, разработанной А. Г. Периханян.

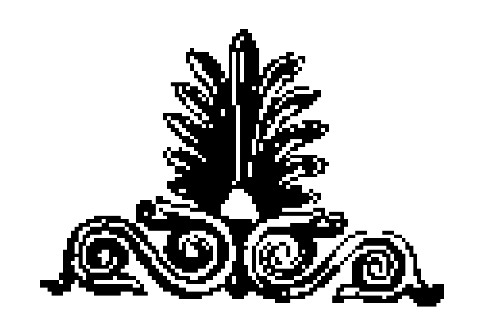
Подбор иллюстраций осуществлён Н. А. Сидоровой, за исключением иллюстраций к части III, подобранных Т. В. Степугиной.

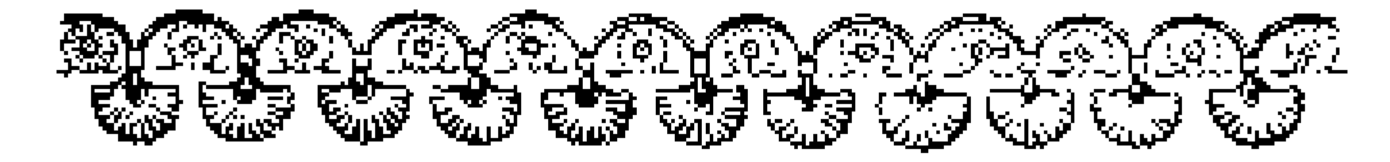
Научно-организационная работа по тому проведена Е. В. Козаковской, 3. С. Белоусовой, Е. Л. Глушицкой и Е. С. Голубцовой.

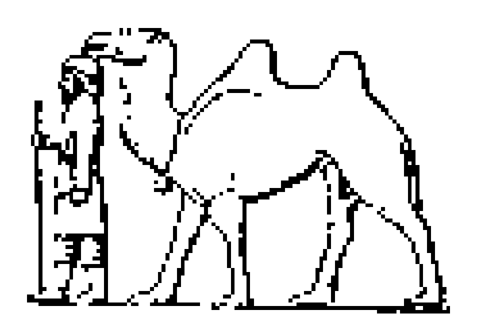
Редакционная коллегия приносит благодарность Институту философии АН СССР за рецензирование разделов по истории культуры, а также всем специалистам, рецензии, замечания и предложения которых оказали большую помощь при редактировании тома.



ЧАСТЬ I РАЗВИТИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ. ДЕРЖАВА АХЕМЕНИДОВ. ЭЛЛИНСКИЕ ГОРОДА- ГОСУДАРСТВА. ПЛЕМЕНА ЕВРОПЫ И АЗИИ (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э.)







ГЛАВА
I
ДЕРЖАВА АХЕМЕНИДОВ

Передняя Азия была одним из древнейших очагов рабовладельческого мира. Политическая карта этого обширного района не раз менялась в течение веков. В результате внутренних социальных потрясений, войн и захватов рушились одни государства, возникали другие. В начале I тысячелетия до н. э. здесь образовалась первая крупная рабовладельческая империя — Ассирийская держава, включившая в свой состав большую часть Передней Азии и Египет.

Захват чужих территорий обеспечивал приток массы рабов и материальных ценностей, огромной дани, обогащавшей военно-служилую знать и жречество Ассирии. Создание обширной державы, на территории которой проходили важнейшие караванные пути, отвечало отчасти и интересам торгово-ростовщической верхушки крупных городов. Вместе с тем росли противоречия внутри империи. Грабительская политика ассирийских царей, массовые переселения покорённых народов, разрушения ремесленных центров порождали сопротивление различных общественных сил в завоёванных областях. Государство, лишённое общей экономической основы и представлявшее собой насильственное объединение различных по уровню своего развития стран и областей, не могло быть прочным и устойчивым. Военные неудачи ускорили распад Ассирийской державы. В конце VII в. до н. э. она пала под ударами Вавилонии и Мидии [1], разделивших её наследство и, в свою очередь, уступивших место новой, Персидской державе.

[1] См. «Всемирная история», т. I, главы XXI и XXIV.

1. Особенности развития рабовладельческих обществ Передней Азии в середине I тысячелетия до н. э.

Образование рабовладельческих империй породило некоторые новые черты в развитии экономики, социальных отношений и в политическом строе рабовладельческих обществ Передней Азии.

Создание империй, сопровождавшееся уводом в плен части населения завоёванных территорий, привело к громадному росту рабства. Не только цари и храмы, но и значительная прослойка людей, тесно связанных с войском и царской администрацией, превратились в крупных рабовладельцев, обладавших сотнями, а иногда и тысячами рабов. В это время начинает практиковаться поселение пленных-рабов на земле небольшими разрозненными группами. Так как наблюдение за ними было практически невозможно, то рабам, лишённым по-прежнему личной свободы, предоставляли известную долю самостоятельности: они вели хозяйство господскими средствами производства и вынуждены были отдавать рабовладельцу большую часть продуктов своего труда. Те же черты принимала и эксплуатация рабов-ремесленников в немногих крупных городах.

Вторым важным следствием образования военных империй было то, что на покорённых территориях вся земля переходила по праву завоевания в собственность царя. Исключение составляли лишь земли храмов и городов, добровольно подчинившихся завоевателям. Огромное распространение получила раздача земель и целых территорий представителям крупной рабовладельческой знати господствующей державы за службу или в порядке дарения.

Существенно изменилось положение рядовых общинников. Раньше — независимо от того, существовала ли номинальная верховная собственность царя на землю или нет,— общинники рассматривали землю, которой они фактически обладали, как свою. Теперь же собственность царя на обрабатываемую общинниками землю приобрела для последних реальное значение, чему, в частности, способствовали массовые переселения, производимые ассирийскими царями и их преемниками. Крайнее обнищание общинников, опутанных долговыми обязательствами, бесконечные поборы и повинности — всё это низвело общинников на положение, немногим отличавшееся от положения рабов, с которыми они часто жили в одних селениях.

В особом положении находилось население городов. Древний Восток не знал до сих пор городов в подлинном смысле слова, т. е. торгово-ремесленных центров. То, что мы называем здесь городом, представляло собой «нерасчлененное единство города и деревни» [1] — крупное, в основном сельскохозяйственное или сельскохозяйственно-ремесленное укреплённое поселение. Горожане были общинниками и несли обычные для общинников повинности. Наряду с этим существовали царские административные центры — крепости с царским гарнизоном.

Однако к началу I тысячелетия в наиболее развитых областях, в особенности в узловых пунктах караванных и морских торговых путей, некоторые городские общины превращаются в настоящие города с развитым ремеслом. Господствующее положение в них занимают торгово-ростовщические слои рабовладельцев. Жители этих городов продолжают нести общинные и царские повинности, уплачивают налоги, но фактически рабовладельцы перекладывают эти тяготы на плечи трудящихся, в частности посылая на отработку повинностей своих рабов.

Средоточием ремесла, торговой и ростовщической деятельности становятся и важнейшие храмы. Нередко целые города (как, например, Урук в Вавилонии) получали храмовую организацию, а вместе с ней и те привилегии, которые издавна предоставлялись храмам.

---

[1] *К. Маркс,* Формы, предшествующие капиталистическому производству, Госполитиздат, 1940, стр. 13.

Несмотря на то, что жившие в городах рабовладельцы не ощущали всей тяжести деспотической власти царей, они всё же стремились добиться освобождения городов от налогов и повинностей. К VIII в. до н. э. полной автономией в Передней Азии пользовались Урук, Ниппур, Сиппар, Вавилон с пригородами Борсиппой и Куту, Ашшур, Харран. В таком же положении оказались и подчинённые ассирийскими и вавилонскими царями торговые финикийские города-государства—Арвад, Сидон, Тир. В привилегированном положении находилось и рабовладельческое население храмовых территорий в Египте, в Малой Азии и в других областях.

Изменения, происшедшие в хозяйстве и социальных отношениях переднеазиатских империй, нашли отражение и в политической истории этих держав. Уже в VIII—VII вв. до н. э. в пределах Ассирийской державы, а позднее в Вавилонской державе наблюдается борьба двух группировок внутри господствующего класса. Одна из них, отражающая интересы военно-служилой знати, стремится к всемерному усилению царской власти и армии, к продолжению политики завоеваний и грабежей. Другая, связанная с жречеством и торгово-ростовщическими центрами, выступает за отказ от широких завоеваний и за предоставление привилегий храмам и городам. Эта партия получила преобладание в Вавилонской державе. Политика жречества и торгово-ростовщических кругов в Вавилонии привела к ослаблению её военной мощи. Поэтому при столкновении с возникшим в VI в. более сильным в военном отношении Персидским государством Вавилонская держава не смогла устоять.

2. Образование державы Ахеменидов

В конце VII — начале VI в. Мидийская держава в результате разгрома Ассирии и Урарту овладела обширными пространствами Передней Азии (от реки Галиса в Малой Азии до пустынь Центрального Ирана). В состав созданного ею объединения, наряду с областями старых цивилизаций, был включён и ряд областей, населённых племенами, жившими в условиях первобытно-общинного строя или совсем недавно перешедшими к классовому обществу.

Одной из таких областей была Персида (современный Фарс) на юго-западе Иранского плоскогорья. Здесь сложилось раннеклассовое общество с характерным для него превращением родоплеменной знати в рабовладельцев, стремящихся к военной добыче и захватам. Воспользовавшись конфликтом между мидийским царём Астиагом и мидийской знатью, недовольной, видимо, его политикой централизации государства, персидский царёк Кир II (Куруш) в результате трёхлетней войны захватил в 550 г. власть над всей страной. Мидийскую державу сменила Персидская.

Первые завоевательные походы Кира

Объединив после победы над Астиагом весь запад Ирана, Кир создал сильную армию, вербовавшуюся в основном из свободных общинников. Войско на древнеперсидском языке называлось словом *кара,* означавшим также и «народ». В этом выражалась особенность общественного строя Персиды, сохранявшей ещё, подобно другим областям древнего Ирана, сильные пережитки общинных порядков. Греческая традиция восхваляла Кира как организатора персидской армии, не знавшей в течение более полустолетия поражений и подчинившей все страны Ближнего и Среднего Востока, несмотря на сравнительную малочисленность персов и мидян, общее число которых, наверное, не достигало миллиона.

Победы персидского войска до известной степени были облегчены тем, что городская знать, храмы и торговые круги древних государств Восточного Средиземноморья были заинтересованы в создании такого объединения, которое могло бы способствовать расширению торговли. Полная неудача антиперсидского союза, заключённого в 547 г. между Лидией в Малой Азии, Вавилонией и Египтом, была

в значительной мере обусловлена изменой определённой части господствующего класса союзных стран. В 546 г., после победы, одержанной на лидийской границе, войска Кира наводнили территорию Лидийского государства, взяли столицу его Сарды, а затем подчинили и греческие города-государства на западном побережье полуострова.

Завоевание Вавилона

После завоевания Малой Азии Кир начал наступление на Вавилонию, столица которой Вавилон была превращена Навуходоносором II в мощную крепость, почти неприступную для военной техники того времени. Кир стремился постепенно отрезать Вавилон от окружающего мира и тем самым нанести удар торговле, которую Вавилон вёл на востоке с Западным Ираном, а на западе — с Сирией, Финикией и Палестиной. Греческий историк Геродот и вавилонский историк Берос свидетельствуют о том, что Кир начал непосредственное наступление на Вавилонию после того, как «он покорил всю Азию». О помощи Вавилонии со стороны Египта мы ничего не знаем. Очевидно, царь Египта Амасис II не нашёл возможным оказать сколько-нибудь серьёзную помощь своему союзнику, вавилонскому царю Набониду.

Прекращение внешней торговли привело к усилению в среде вавилонского господствующего класса группировок, которые готовы были ради экономических выгод отказаться от самостоятельности Вавилонского государства и примириться с включением его в состав Персидской державы. Ненадёжны были и наёмнические отряды вавилонской армии. Несмотря на всё это, часть вавилонской знати, связанная с войском, решила оказать сопротивление и поставила во главе войска сына Набонида Валтасара (Белшаррусура). В 538 г. Киру удалось захватить основную часть Вавилона. Лишь центральная, особо укреплённая часть города, в которой засел Валтасар с отборным военным отрядом, некоторое время оказывала ему сопротивление.

Вслед за покорением Вавилонии Кир намеревался завоевать последнее из великих древних государств, входивших когда-то в состав Ассирийской мировой державы,— Египет. Однако завоевание долины Нила было задачей весьма нелёгкой, так как Египет представлял собой в это время сильное и довольно сплочённое государство. Поэтому Кир начал тщательно подготовлять условия, которые обеспечили бы ему успех вторжения в долину Нила. С этой целью он возвратил на родину иудеев и финикийцев, находившихся в вавилонском плену со времени похода Навуходоносора, и разрешил иудеям восстановить город Иерусалим, получивший широкую автономию. Тем самым Иудея превращалась в удобный плацдарм для наступления на Египет. Возвращением пленных финикийцев Кир рассчитывал привлечь на свою сторону приморские города-государства Финикии, которые могли бы оказать ему помощь своим флотом в войне с Египтом.

Поход Кира в Среднюю Азию

Учитывая всю трудность похода против Египта, который на долгое время мог отвлечь его основные военные силы, Кир решил сначала покорить Бактрию и обезопасить восточные границы державы от вторжения кочевников. Поэтому после взятия Вавилона Кир предпринял ряд походов против кочевых племён среднеазиатских степей. Успех сопутствовал ему, пока он ограничивал цели своих военных экспедиций отражением набегов кочевников. Когда же он решил включить в состав своей державы племена саков-массагетов, кочевавших в степях к востоку от Аральского моря, то встретил упорное сопротивление. В одном из сражений в 529 г. Кир потерпел поражение и был убит. На престол вступил его старший сын Камбис (по-персидски — Камбуджия), который, очевидно, уже при жизни отца был его соправителем.

Завоевание Египта Камбисом

Вступив на престол после тяжёлого поражения, нанесённого Киру саками-массагетами, Камбис, очевидно, сумел оградить границы восточных областей своей державы от опасности вторжения кочевников. После этого он приступил к осуществлению похода в Египет. Вероятно, уже в конце 527 г. Камбис направил свои основные силы на запад

и на некоторое время остановился в Иудее. Начали подготовку своего флота и финикийские города-государства. Некоторое количество кораблей прислали также города острова Кипр и правитель греческого острова Самос — Поликрат. Узнав от одного из командиров греческих наёмников в Египте — Фанета о недовольстве египетской знати и жречества внутренней политикой фараона Амасиса, стремившегося укрепить единоличную власть и опиравшегося на армию, Камбис, по-видимому, попытался завязать сношения с некоторыми из представителей египетской знати.

Персидский царь привлёк также на свою сторону арабские племена, кочевавшие в степях и пустынях между Южной Палестиной и Египтом, обязав их оказывать помощь персидскому войску при переходе его через их области. Эта помощь арабских кочевников оказалась весьма полезной, когда в 525 г. армия Камбиса двинулась в поход на Египет. В это время умер фараон Амасис, и на престол вступил его сын Псамметих III.

Первая и решающая битва произошла у Пелусия, на границе Египта. Египетское войско, понёсшее очень тяжёлые потери, отступило к Мемфису и оказало здесь последнее сопротивление, но через некоторое время было вынуждено сдаться на милость победителя. При взятии Мемфиса был захвачен персами и фараон Псамметих III вместе со своей семьёй и приближёнными. Вся долина Нила вплоть до Элефантины подчинилась персидскому царю.

Столь быстрая победа над Египтом была, несомненно, обусловлена изменой знати и жречества. Главой этих изменников был, видимо, Уджагорресент, командовавший в это время морскими силами Египта. Возможно, что он открыл морское побережье для финикийского флота, который благодаря этому мог беспрепятственно проникнуть по рукавам Нила в глубь Дельты и подчинить её Камбису. В своей автобиографической надписи Уджагорресент умалчивает о действиях морских сил Египта и говорит лишь о том времени, когда власть Камбиса над долиной Нила уже установилась и перс, ставший фараоном, приказал ему быть «другом и управителем дворца». Для представителя египетской знати Уджагорресента Камбис — чужеземец, пришедший с востока,— являлся таким же желанным царём, каким был для господствующего класса Вавилонии его отец Кир.

Дальнейшие завоевательные походы Камбиса

Напуганные победой Камбиса над Египтом, ливийские племена, жившие к западу от Египта, добровольно признали господство персидского царя и прислали ему дары. Укрепив таким образом свою власть в долине Нила и в смежных с ней областях, Камбис сделал попытку продвинуться дальше на запад, во владения Карфагена, и на юг, в Эфиопское царство. Вынужденный отказаться от нападения на Карфаген с моря, так как финикийцы не захотели, по свидетельству греческого историка Геродота, «идти войной на родных детей», Камбис задумал поход на него по суше. Для этой цели он подготовил военную экспедицию в северо-западную часть ливийской пустыни — к оазису Амона, открывавшему пути на Киренаику и на Карфаген. Это предприятие закончилось, если верить Геродоту, полной катастрофой: войско Камбиса погибло на пути в результате песчаной бури. Неудачно окончился и поход на Эфиопское царство: неся большие потери как от жары и жажды, так и от нападений врагов, армия Камбиса вынуждена была отступить.

Неудачи Камбиса в войне с эфиопами породили в Египте слухи о гибели персидского царя и привели к смутам и восстаниям, в которых был замешан и Псамметих III, живший в Мемфисе в почётном плену. Вернувшись из похода, Камбис сурово расправился с теми, кто противился его власти. В надписи Уджагорресента говорится о «величайшей ярости (царя)... подобной которой никогда не было». Камбис предал казни Псамметиха, велел стереть на саркофагах имена и титулы членов семьи фараона. Он приказал разрушить те храмы, жречество которых участвовало в восстании.

Ярость Камбиса была вызвана не только волнениями среди населения Египта. В связи со слухами о гибели Камбиса, в персидском поиске, оставленном Камбисом в долине Нила под начальством его младшего брата Бардии, на последнего стали, по-видимому, смотреть как на царя. Поэтому Бардия после возвращения Камбиса из похода против Эфиопского царства был отослан в Персию и там тайно умерщвлён. Боясь заговора в войске, верхушка которого была недовольна деспотизмом царя, Камбис предал смертной казни и ряд знатнейших персов.

Переворот Гауматы и внутренняя борьба в Иране

Вскоре после этого Камбис получил тревожные известия из Ирана, где появился самозванец, называвший себя Бардией. Самозванцем был некий маг Гаумата. В Бехистунской надписи, рассказывающей об этих событиях, говорится, что, когда в 522 г. Гаумата объявил себя Бардией, «весь народ взбунтовался и перешел от Камбиса к нему, и Персия, и Мидия, и другие страны. Он (Гаумата) захватил царство». Надо полагать, однако, что движение, возглавленное Гауматой, началось несколько раньше, и не в Персиде, а в Мидии. Согласно Геродоту, узурпация царской власти магом-самозванцем рассматривалась как переход власти в государство от персов снова к мидянам. Смерть Камбиса (он умер в июле 522 г. на пути из Египта в Иран, при каких-то таинственных обстоятельствах) укрепила власть Гауматы.

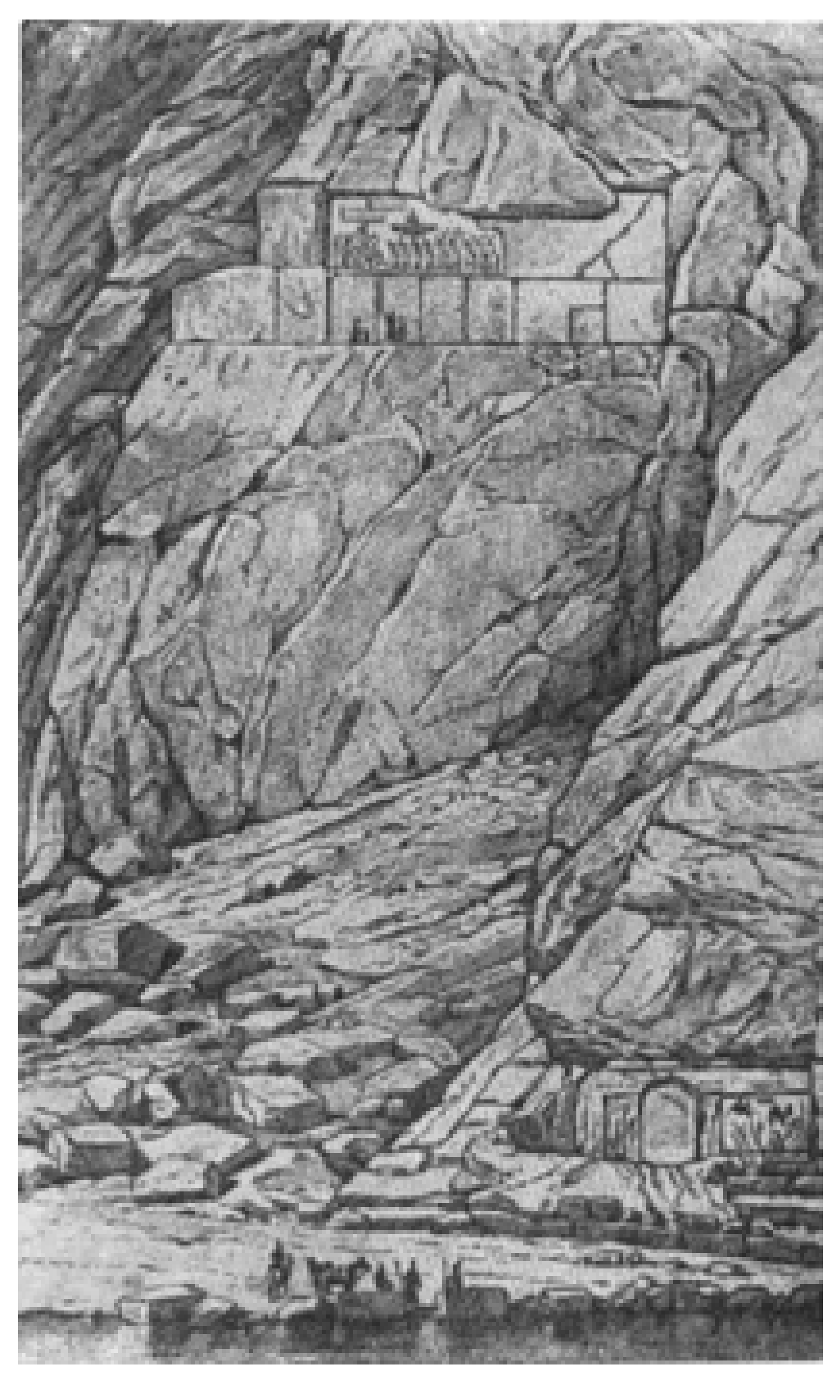
Выяснить достаточно определённо причину успеха самозванца и преследуемые им цели из-за скудости источников не удаётся. Известно лишь то, что узурпатор являлся магом, т. е. представителем мидийского жречества. Бехистунская надпись сообщает, что Гаумата приказал разрушить святилища — по всей вероятности, центры родовых культов — и отнял у кары «по общинам» пастбища, имущество и «домашних людей» (как полагают некоторые исследователи — рабов). Очевидно, Гаумата в интересах мидийской знати и с целью нанесения ущерба персидским воинам-общинникам пытался разрушить сохранившуюся ещё общинную организацию.

Однако значение переворота Гауматы не ограничивалось только этим. В сложной по своему составу державе переплетались разнообразные и противоречивые интересы. Геродот рассказывает, что «маг разослал по всем народам своего царства распоряжение о свободе от военной службы и от податей на три года» и что, когда он погиб, «все в Азии жалели о нём, за исключением самих персов». Очевидно, народные массы завоёванных Киром и Камбисом стран и отдельные группировки господствующего класса были сильно ожесточены тяжкими поборами и различными повинностями в пользу Персидской державы и поддерживали Гаумату. В то же время можно предполагать, что именно политика Гауматы, по своему классовому существу, вероятно, мало отличавшаяся от политики Ахеменидов, привела в Маргиане к восстанию народных масс. Наибольшее недовольство реформы Лжебардии вызвали у войска Западного Ирана и у персидской знати, примыкавшей к царскому роду Ахеменидов.

Враждебные самозванцу силы на западе Ирана возглавил 27-летний военачальник Дарий, сын Гистаспа (по-персидски—Дараявауш, сын Виштаспы), представитель младшей ветви царского рода Ахеменидов. Дарий с помощью шести других представителей персидской племенной знати организовал убийство мага Гауматы (522 г. до н. э.), находившегося тогда в Мидии. Вступив на престол, Дарий восстановил родовые святилища персов, разрушенные самозванцем, вернул отнятые у кары пастбища и скот. Очевидно, Дарий восстановил привилегированное положение войска, в котором служили все свободные люди Западного Ирана, и лишил страны, завоёванные Киром и Камбисом, тех льгот, которые были им дарованы самозванцем.

События начала своего царствования Дарий увековечил на Бехистунской скале. Эта скала является последним отрогом горной цепи, окаймляющей на востоке до-

лину Керманшаха, к северу от древнего Элама. Здесь, на большой высоте, клинописным слоговым письмом была вырезана большая надпись в 400 строк на древнеперсидском языке и её переводы на эламский и аккадский языки. Над надписями был изваян рельеф, изображающий Дария, торжествующего над связанным магом Гауматой и восемью вождями мятежных областей.



Бехистунская скала с рельефом и надписью Дария I. VI в. до н. э.

Восстановление династии Ахеменидов вызвало восстания ряда западных областей державы, прежде всего Элама и Вавилонии. Элам скоро подчинился, но подавление восстания в Вавилонии потребовало нескольких месяцев, а тем временем от Дария снова отпали Элам, Мидия, Египет и Парфия. В качестве мятежной области в Бехистунской надписи названа и Маргиана.

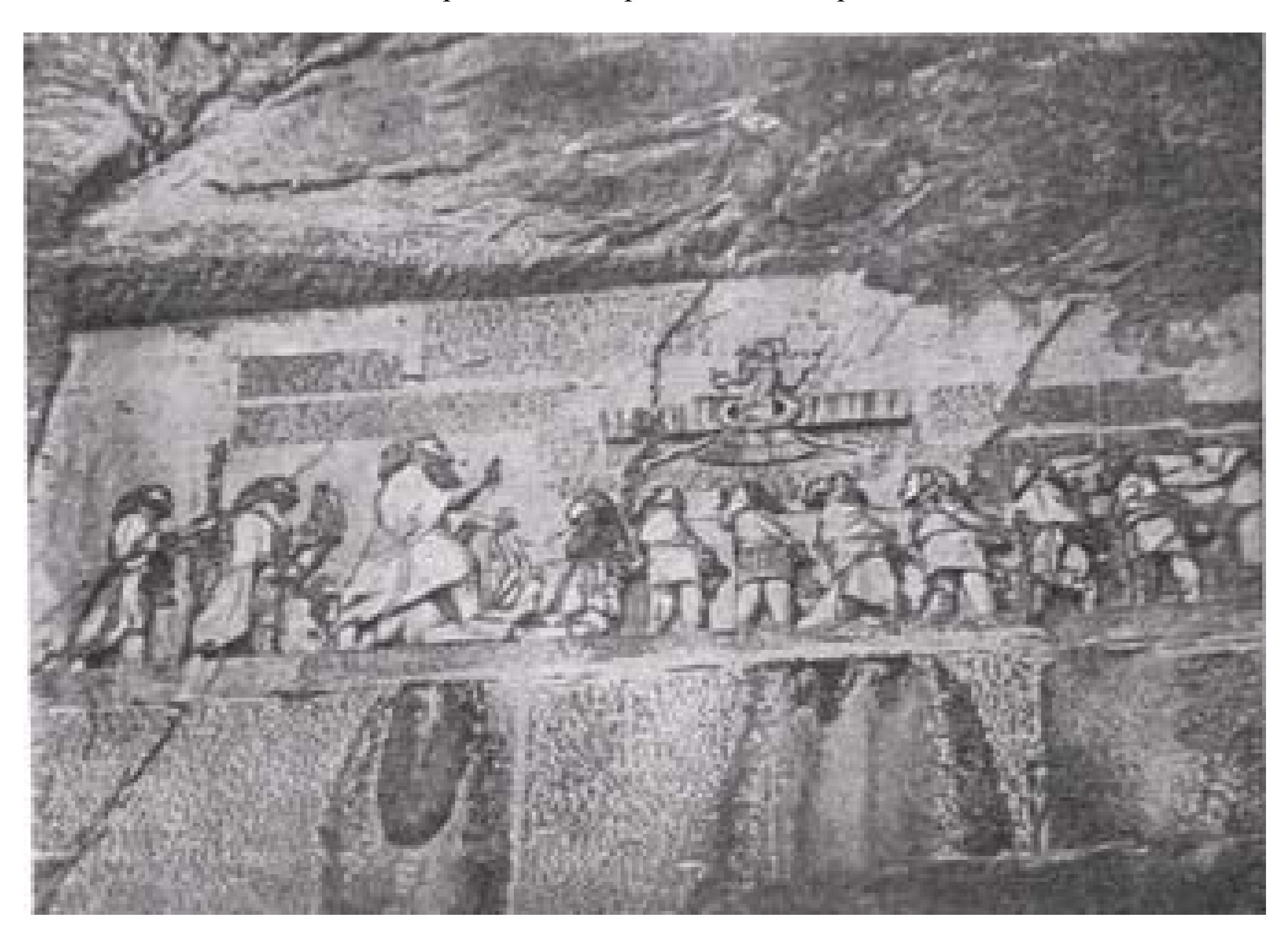
Восстания на западе и на востоке имели различный характер. Мятежи на западе государства не выливались в подлинно народные движения, о чём свидетельствуют сравнительно небольшие потери при их подавлении. Наоборот, на востоке Дарию пришлось вести борьбу с подлинным народным восстанием против знати, вспыхнувшим в Маргиане еще при Гаумате. Маргиана была разгромлена в декабре 522 г. с беспредельной жестокостью: непокорная Дарию область была в буквальном смысле слова залита кровью; число убитых повстанцев превысило 55 тыс. человек; в плен было взято всего лишь 6572 повстанца.

В Бехистунской надписи Дарий хвастливо заявляет, что в течение одного лишь года он одержал 19 побед, захватил в плен девять «царей» и полностью постановил Персидскую державу.

3. Держава Ахеменидов при Дарии I

Организация государственного аппарата

Империя Кира представляла собой мало связанный конгломерат народностей и племён, существенно различных по уровню своего развития, формам хозяйственной жизни, языку и культуре. В западной части державы господствовали рабовладельческие отношения, а в восточной её части многие племена жили ещё в условиях первобытнообщинного строя. Если иметь в виду время Кира и Камбиса, то можно говорить лишь о военном владычестве персов над покорёнными ими странами. По сообщению



Рельеф на Бехистунской скале с изображением Дария I и пленных вождей повстанцев. VI в. до н. э.

Геродота, «в царствование Кира, а затем Камбиса в Персии определённой подати не существовали вовсе, но подданные приносили подарки». Под термином «подарки» подразумеваются, очевидно, произвольно взимаемые поборы, а не налоги, твердо установленные постоянно действующим административным аппаратом. Именно отсутствие административной организации обусловило столь быстрый распад Персидской державы после смерти Камбиса и Гауматы.

Введение устойчивой административной системы управления завоёванными странами источники приписывают Дарию I. Реформы, проведённые Дарием в начале его царствования, были направлены на максимальное укрепление центральной власти. Опираясь на армию, Дарий достиг этой цели. Характер Персидской монархии четки выступает в одной из надписей, составленных в правление Дария, в так

называемой Накширустемской надписи «Б», являющейся апологией единоличного правления. Только царь имел право награждать и наказывать. Ослушание «царя царей» грозило жестокими карами даже самым знатным персам. Так, один из шести участников заговора против Гауматы был предан смертной казни за пренебрежительное отношение к строгому придворному церемониалу, вопреки данному Дарием обещанию «оберегать» соучастников убийства Гауматы.

Население собственно Персиды занимало исключительное положение в державе Ахеменидов. Государственный аппарат, привилегированные части войска комплектовались прежде всего из персов. Поэтому не только персидская знать, но в известной мере и персидские общинники поддерживали царскую власть.

Основные материальные средства деспотии слагались из государственных налогов, а также из доходов царского хозяйства. Баснословные в глазах греческих историков доходы персидского царя шли на содержание пышного царского двора с его многочисленным придворным штатом, с его роскошными дворцами и садами. Больших расходов требовал и обширный чиновничий штат, в частности царская канцелярия с многочисленными писцами, знавшими различные языки, применявшиеся в империи, и архивом, где хранились документы делопроизводства. Во главе административного аппарата стоял совет из семи знатнейших вельмож, в число которых, надо полагать, входили участники заговора против Гауматы или их преемники и, кроме того, верховный сановник государства, который, невидимому, назывался «тысяченачальником». Промежуточным звеном между центральной администрацией и администрацией области являлся крупный сановник, носивший весьма характерный титул — «глаз царя», и его помощники, называвшиеся столь же образно — «глаза и уши царя».

Сатрапии

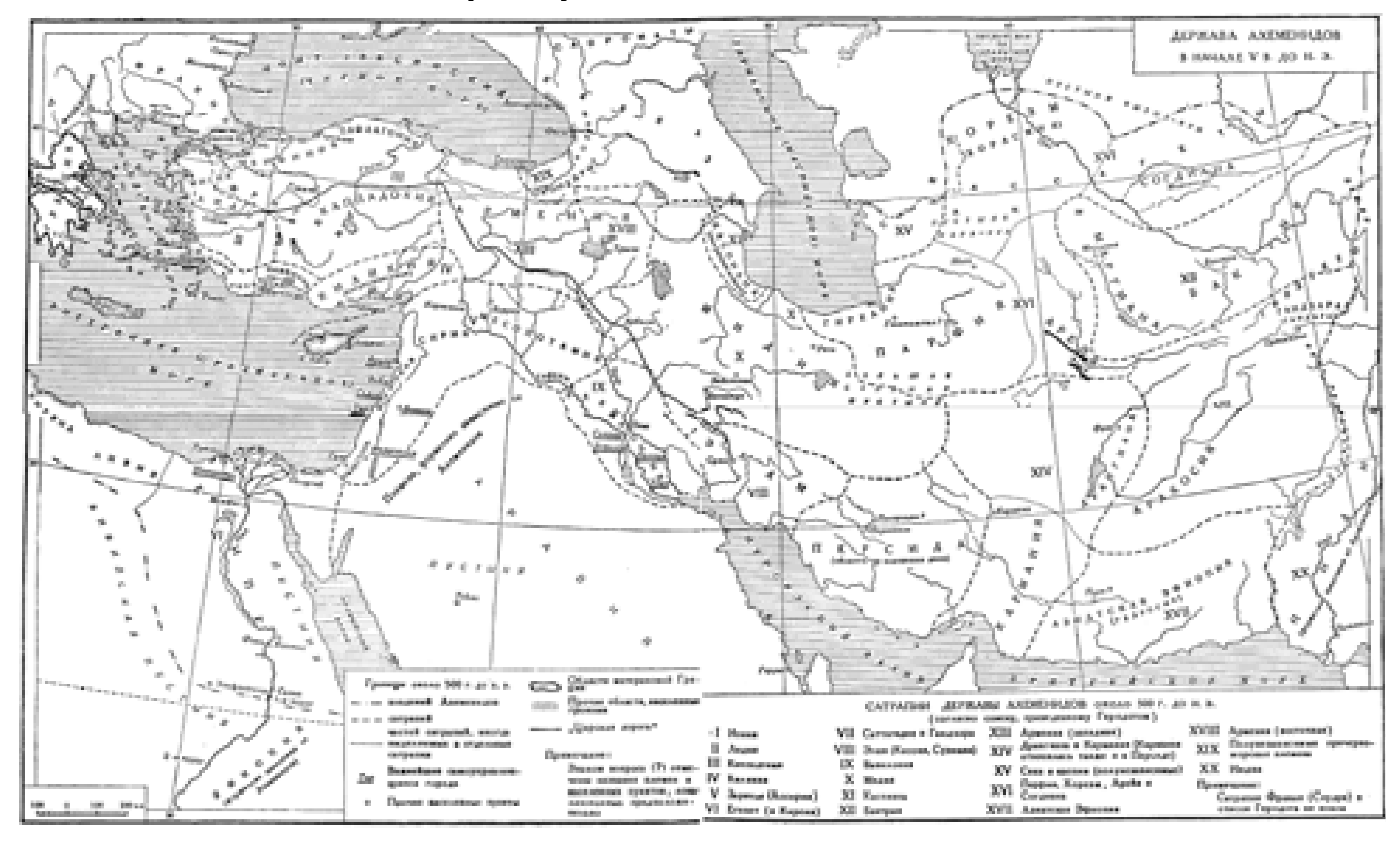
Вся империя при Дарии была разделена на 20 областей — сатрапий, из которых каждая должна была платить определённое количество талантов [1] серебра в качестве налога. Только сатрапия Индия, подчиненная в первые годы правления Дария, вносила налог не серебром, а золотом. Вавилония платила 1 000, а Египет 700 талантов серебра. Одна лишь Персида была свободна от налогов, а при Дарий I—и от строительных и транспортных работ, к которым привлекалось население прочих сатрапий. В совокупности сумма налогов, ежегодно поступавших со всех сатрапий, равнялась 14 560 талантам (свыше 400 *т*) серебра. При Дарии и его преемниках это огромное количество драгоценного металла в значительной мере накапливалось как сокровище. Геродот сообщает, что полученный в виде налогов металл расплавлялся и им «наполняли глиняные сосуды, затем глиняная оболочка снималась. Всякий раз, когда требуются деньги, царь велит отрубить металла, сколько ему нужно». По свидетельству Геродота, персы называли Дария «торгашом за то, что он установил определённый налог и принял другие подобные меры».

Правитель области — сатрап был неограниченным повелителем её гражданского населения. Обычно сатрапами были знатные персы, однако некоторые области с разрешения царя возглавлялись их прежними правителями. В Египте, например, сохранились кое-где старые номархи, которые являлись по существу персидскими наместниками. Во всех важнейших делах они полностью подчинялись воле сатрапа, основной задачей которого было немедленное выполнение приказов царя и обеспечение исправного поступления в царскую казну установленных налогов.

Дарий в своей империи установил более сложный и более чётко действующий налоговый механизм, чем тот, который существовал в Ассирии, хотя и ассирийские цари похвалялись в своих надписях той «тяжёлой данью», которую они возлагали на побеждённые народы. Налоги, существовавшие в империи Дария, были бедствием для народных масс. Тяжесть налогов усугублялась способом их

[1] Талант = около 30 *кг*.

Сатрапии державы Ахеменидов около 500 г. до н. э.



взимания. Персидское государство, по-видимому, систематически отдавало сбор налогов на откуп. При этой системе откупщик, выплачивая вперёд установленную сумму налогов, получал за это право взимать с населения значительно большую сумму. В качестве откупщиков выступали группы богачей, например, в Вавилонии — представители торгово-ростовщического рода Мурашу. О том, как хозяйничали откупщики, свидетельствуют документы архива этого дома. Так, в одном документе от 425 г. до н. э. сообщается, что агенты Мурашу во время взимания налогов разгромили два больших поселения и ряд более мелких населённых пунктов. Дело дошло до того, что персидский чиновник Багадата, ведавший делами пострадавших поселений, подал на этих агентов в суд. Представитель торгового дома Мурашу опротестовал обвинение, но «ради миролюбия», во избежание судебного дела, он согласился дать Багадате 350 мер ячменя, 1 меру полбы, 50 мер пшеницы, 50 сосудов старой и столько же сосудов новой финиковой водки, 200 мер фиников, 200 голов мелкого скота, 20 голов крупного скота и 5 талантов шерсти. Багадата принял эту огромную взятку и согласился замять поднятое им судебное дело. Этот документ наряду с другими подобными свидетельствует о полной беззащитности народных масс в державе Ахеменидов.

Войсковая организация

Сохраняя почти неограниченную власть сатрапов над местным населением, Дарий вместе с тем подчинил все военные гарнизоны, стоявшие в крупных городах сатрапий, особым военачальникам, не зависевшим от сатрапов. Таким образом обеспечивался необходимый для центральной власти взаимный контроль, о котором греческий историк Ксенофонт сообщает следующее: «Если военачальник недостаточно защищает страну, начальник [мирных] жителей и заведующий обработкой земли доносит, что трудиться нельзя вследствие отсутствия охраны. Если же военачальник обеспечивает мир, а у начальника обрабатываемая земля мало населена, не обработана, то на последнего доносит военачальник». Такой контроль над деятельностью сатрапов должен был противодействовать их сепаратистским устремлениям. Деятельность сатрапа контролировалась также приставленным к нему «царским писцом». В пограничных наместничествах, например в Египте, Малой Азии, сатрап был одновременно и военачальником. В таких случаях «царский писец» оставался единственным наблюдателем за деятельностью сатрапа.

Военачальники отдельных сатрапий подчинялись пяти главным военачальникам. Каждому из последних были подчинены основные военные силы нескольких сатрапий. Во времена Дария I надёжным ядром армии являлась персидская пехота и конница. Сознавая значение персидского народа-войска (кары) для безопасности империи, Дарий завещал своим преемникам: «Если ты так мыслишь: я не хочу бояться врага,— то оберегай этот народ (персидский)». Наряду с персами армия пополнялась мидянами, затем представителями восточно-иранских племен и, наконец, частями, набранными в других покоренных областях. Персидские военачальники следили за тем, чтобы в гарнизоны крепостей сатрапий не включались местные уроженцы. До нас дошли многочисленные папирусы конца V в. из Элефантины в Египте, где была большая пограничная крепость. Папирусы написаны на арамейском языке и представляют собой архив иудейской общины, часть членов которой состояла в гарнизоне местной крепости. Египтяне не входили в состав гарнизона элефантинской крепости, а допуск египетских воинов в её пределы рассматривался даже как преступление. Число персов и вообще иранцев в Элефантине было невелико; они составляли преимущественно командный состав гарнизона.

Пути сообщения и торговля

Военных сил в сатрапиях было достаточно, чтобы в нормальной обстановке держать население в подчинении, но во время крупных восстаний или при вторжении внешнего врага главные военачальники должны были спешно перебрасывать войско в наиболее угрожаемые области. Для этой цели требовалась сеть благоустроенных дорог. Геродот, путешествовавший по этим дорогам и получивший, таким образом, возможность познакомиться с рядом областей Передней Азии, обстоятельно описал так называемую «царскую дорогу», соединявшую Эфес (на западном побережье Малой Азии) с Сузами, главной резиденцией

царя в далёком Эламе. На протяжении около 2400 *км* были расположены, примерно через каждые 25 *км,* станции со служебными помещениями; сатрапы областей, через которые была проложена дорога, обязаны были следить за безопасностью передвижения путешественников, торговцев и т. д. и жестоко карать преступников, угрожавших их жизни и имуществу.

Кроме большой «царской дороги» имелись ещё и другие дороги, пересекавшие в различных направлениях обширное Персидское государство. На определённом расстоянии друг от друга находились посты всадников, обслуживавших царскую почту по принципу эстафеты. Геродот писал, что «среди смертных существ нет такого, которое достигало бы места назначения быстрее персидского вестника». Кроме царской почты в Персидской державе, как и в Ассирийской, в качестве сродства связи применялась сигнализация огнём.

Наряду с расширением сети сухопутных дорог обращалось большое внимание и на водные пути. В связи с завоеванием Северо-Западной Индии смелому мореходу Скилаку из Кариандны в Малой Азии было поручено исследовать устье Инда и установить возможность непосредственной морской связи со странами Запада. Корабли Скилака, отправившиеся от берегов Инда, на 30-м месяце путешествия по Индийскому океану прибыли к северо-западному побережью Красного моря, откуда финикийские моряки начали в своё время по повелению фараона Нехао путь вокруг Африки. Удача экспедиции Скилака побудила Дария довести до конца начатые Нехао работы по прорытию канала, соединяющего Нил с Красным морем. После завершения этого грандиозного предприятия вдоль берега канала были воздвигнуты большие каменные плиты с надписями.

Денежное хозяйство державы было упорядочено: введена была единая чеканная монета, причем право чеканки золотой монеты принадлежало только царю. Сатрапы могли чеканить серебряную монету, а автономные города и области выпускали медные деньги. Золотая монета персидских царей, весом в 8,4 г и с изображением царя в виде лучника, называлась «дариком» и имела хождение не только в самой империи, но и в соседних странах, в частности в Балканской Греции, где она высоко ценилась.

Распространение в Персидской державе денег в монетной форме облегчало развитие торговли и обусловило дальнейшее обогащение связанных с нею кругов рабовладельцев, особенно в Вавилоне. На улицах Вавилона можно было услышать речь всех племён и народностей, входивших в состав Персидской державы. Богатые торгово-ростовщические дома, как, например, род Эгиби, игравший крупную роль ещё во время самостоятельности Вавилонии, теперь значительно увеличили свои операции. Подобные предприятия были основаны не только в Вавилоне, но и в других городах Двуречья, а также в прочих сатрапиях Запада. Таким был и упомянутый в связи с системой откупов торгово-ростовщический род Мурашу в Ниппуре. Судя по документам архивов родов Эгиби и Мурашу, их торговые дома обслуживали обширные районы державы и имели в числе своих должников даже представителей царской семьи.

Социальная опора царской власти в покорённых странах

Социальной опорой царской власти в покорённых странах были местные крупные рабовладельцы, которые в государственном аппарате Ахеменидов видели надёжную защиту против восстаний бедняков и рабов. Кроме того, в сатрапиях выделялись крупные земельные владения представителям персидской знати. Эти земли обрабатывались сотнями рабов, дома владельцев являлись мощными крепостями со стенами из восьми сырцовых кирпичей в толщину.

Дарий стремился привлечь на свою сторону местное жречество. В угоду жрецам Мардука он сделал Вавилон одной из столиц своей державы наряду с Персе-

полем, Сузами и Экбатанами. В надписи Уджагорресента сообщается о восстановлении Дарием школы врачей в Саисе; при этом Уджагорресент особо подчёркивает, что Дарий включил в неё «книжниками» «сыновей мужа» (т. е. знатных) «и не было среди них сыновей бедняков». Дарий реставрировал также ряд египетских храмов и возвратил им те доходы, которые были отняты у них Камбисом. Подобно фараонам, сатрап персидского царя назначал жрецов, следя затем, чтобы в их число не попали нежелательные лица.

Не меньшую заботливость проявлял Дарий и по отношению к греческим храмам в Малой Азии. Когда наместник западной части Малой Азии Гадат не посчитался с привилегиями, дарованными царём храмам, Дарий пригрозил ему своей немилостью: «за то, что ты скрываешь моё расположение относительно богов, ты, если не переменишься к лучшему, испытаешь мой справедливый гнев...».

Центральная власть нуждалась в законодательных нормах, которыми должны были руководствоваться сатрапы и их помощники. В надписях Дарий подчёркивал, что установленный им «закон» сдерживал страны, входившие в его державу, и что этого «закона» они боялись. Общегосударственное законодательство должно было учитывать законы покорённых стран, чтобы стать приемлемым и для господствующих классов отдельных сатрапий. Есть сведения, что персидская царская администрация собирала данные о законах, действовавших в покорённых ими странах, в частности в Египте. К сожалению, о самом сборнике законов для всей Персидской державы, если он был действительно составлен, мы ничего не знаем.

Внешняя политика Дария I

Сохранение мощи персидского народа-войска, а также сближение с господствующими классами покорённых народов укрепили Персидское государство и позволили ему перейти к активной внешней политике. В первые годы царствования Дария была покорена часть Северо-Западной Индии. Тогда же стали подвластными персам острова Эгейского архипелага.

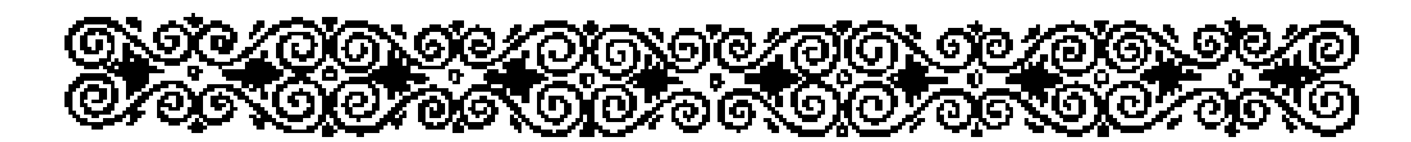
В так называемой Накширустемской надписи «А» дан список стран и народов, входивших в состав Персидской державы. Из них семь, упомянутые в списке последними, были, по-видимому, завоёваны войсками Дария после 517 г. до н. э. Среди них прежде всего названы «саки, которые за морем», отождествляемые с саками-массагетами, населявшими территорию к востоку от Аральского моря. В той же надписи сохранилось свидетельство о покорении персами фракийцев — народа, жившего уже в Европе, к западу от проливов, соединяющих Чёрное и Эгейское моря. Этот народ, согласно Геродоту, при единодушии среди его племён «был бы неодолим и могущественнее всех народов». Однако единодушия среди фракийских племён в то время не было, и поэтому Дарий смог вслед за «саками, которые за морем», отметить среди подвластных стран и Фракию, называемую в персидских надписях «Скудра». Полководец Дария—Мегабаз завоевал затем греческие города на северном побережье Эгейского моря, и, таким образом, в число подвластных Ахеменидам народов попали и «щит носящие ионийцы».

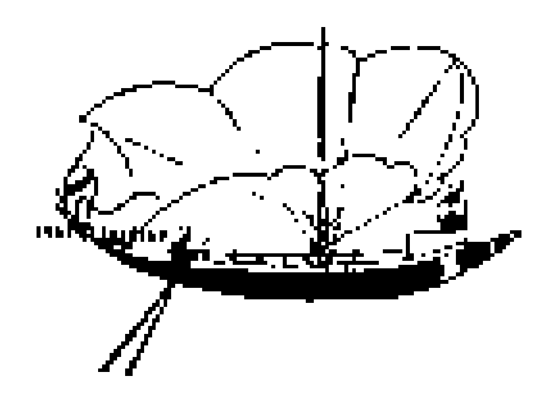
Укрепившись на европейском берегу Эгейского моря, Дарий предпринял в 514—513 гг. поход через Геллеспонт и Фракию в Северное Причерноморье. Перейдя Дунай, большое персидское войско углубилось в скифские степи. Скифы тревожили Дария постоянными нападениями своей „конницы, но уклонялись от решительного сражения. Отступая в глубь страны и увлекая за собой неприятеля, они поджигали на его пути степь и засыпали колодцы. Истощив свои силы, персы были вынуждены двинуться в обратный путь, оставив часть войска во Фракии. Постигшая Дария неудача сильно подорвала военный авторитет Персидской державы.

В 500 г. в крупнейшем из греческих городов Малой Азии — Милете вспыхнуло восстание, сразу же поддержанное всеми другими ионийскими городами. Ставленники персов повсеместно были свергнуты восставшим населением. Предвидя

неравную борьбу с громадной Персидской державой, восставшие обратились с призывом о помощи к европейским грекам. Но на этот призыв откликнулись лить Афины, пославшие 20 кораблей, и город Эретрия на острове Эвбея, пославший 5 кораблей. Несмотря на отсутствие единого командования и постоянные разногласия, восставшие первоначально добились успеха и им даже удалось разрушить Сарды — резиденцию персидского сатрапа в Малой Азии. Но вскоре персы стянули силы, овладели рядом восставших городов и в 494 г. наголову разбили греков в морском сражении у острова Лада. В том же году персы взяли штурмом Милет. Большая часть его жителей была перебита или продана в рабство, город был опустошён. Это произвело сильнейшее впечатление на греков. Когда в афинском театре была поставлена трагедия Фриниха «Взятие Милета», зрители рыдали. Участь Милета разделили и другие греческие города Малой Азии. К лету 493 г. с восстанием было полностью покончено. Помимо численного перевеса персов определённую роль в неудаче этого восстания сыграло предательское поведение ионийской аристократии.

Однако ионийское восстание послужило поводом к началу большой войны. Хотя помощь, оказанная европейскими греками восставшим ионийцам, была очень незначительной, правящим в Персии кругам стало ясно, что они смогут укрепиться в своих малоазийских владениях только после покорения греческих государств на Балканском полуострове. С этого времени начинается длительный период греко-персидских войн, имевших огромное значение как для дальнейшей истории Персидской державы, так и для истории Греции.





ГЛАВА II
ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ. РАСЦВЕТ ЭЛЛИНСКОЙ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

1. Греко-персидские войны

В середине I тысячелетия до н. э. всё более заметную роль в истории Восточного Средиземноморья начинает играть Эллада (Греция). К этому времени греки, несмотря на сохранение племенных делений и особенностей в языке и жизненном укладе, представляли собой сложившуюся народность. Далеко зашедший процесс имущественного расслоения, роста частной собственности и формирования классов подточил старую, родовую организацию. Её место занимает государство, специфической формой которого для древней Греции был полис — античный город-государство.

Полис представлял собой гражданскую общину, принадлежность к которой давала отдельным её членам право собственности на основное средство производства того времени — землю. Однако далеко не всё население, жившее на территории того или иного полиса, входило в состав общины и пользовалось гражданскими правами. Рабы были лишены всяких прав; кроме того, в каждом полисе существовали различные категории лично свободного, но неполноправного населения, например переселенцы из других полисов, чужестранцы. Рабы и неполноправные обычно представляли собой большую часть населения полиса, а граждане — привилегированное меньшинство. Но это меньшинство, имея полноту политической власти, использовало ее для эксплуатации и угнетения рабов и других категорий зависимого или неполноправного населения. В некоторых полисах пользовались политическим преобладанием лишь верхние слои граждан (аристократический полис), в других — более широкий круг граждан (демократический полис). Но и те и другие полисы были рабовладельческими.

Греция накануне греко-персидских войн

В древности Эллада представляла собой сумму независимых друг от друга и самоуправляющихся городов-государств, которые в силу исторически складывавшейся обстановки то вступали в союз друг с другом, то, наоборот, враждовали между собой. Ряд крупных греческих полисов возник на побережье Малой Азии (Милет, Эфес, Галикарнас и др.). Они рано превратились в богатые торгово-ремесленные центры. Во второй половине VI в. до н. э. все греческие города малоазийского побережья подпали под власть Персии.

Крупные греческие города-государства возникают также на островах архипелага и на территории самой Балканской Греции. В период наибольшего развития греческой колонизации (VIII—VI вв. до н. э.) рамки эллинского мира широко раздвигаются. Успешное продвижение греков в северо-восточном направлении приводит к возникновению ряда полисов на южном (Синопа, Трапезунт), а затем на северном (Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Феодосия) и восточном (Диоскуриада, Фасис) побережье Чёрного моря. Ещё более интенсивно развивается греческая колонизация в западном направлении. Количество греческих колоний на юге Италии и в Сицилии было настолько велико, что этот район ещё в VI в. получил название «Великой Греции».

Весь берег Тарентского залива опоясывается кольцом богатых и цветущих городов (Тарент, Сибарис, Кротон и др.), затем греки проникают в глубь Южной Италии (Неаполь) и в восточную часть Сицилии (Сиракузы, Мессана и др.). Города-государства Великой Греции становятся всё более заметной политической силой в сложной международной борьбе, развернувшейся в VI—V вв. до н. э. в бассейне Западного Средиземноморья.

Однако центром развития этого обширного и широко раскинувшегося греческого мира к началу V в. до н. э. является Балканский полуостров, территория собственно Греции. Здесь к этому времени выделились два наиболее значительных города-государства — Спарта и Афины. Пути развития этих государств были различны. Спартанская община носила аграрный, земледельческий характер; торгово-денежные отношения были здесь развиты слабо. Земля, поделённая на примерно равные участки (*клеры*) и находившаяся в пользовании отдельных семей спартиатов считалась собственностью общины, государства в целом, и владеть ею отдельный спартиат мог лишь как член общины. Эти земли обрабатывались трудом бесправного, зависимого и прикреплённого к клерам населения — *илотов.* В отличие от обычного для Греции типа рабовладения илоты принадлежали не отдельным спартиатам, а считались собственностью общины в целом. В Спарте существовала также особая категория неполноправного населения — *периэки* («живущие вокруг» т. е. не на территории самого города Спарты). Их положение было менее тяжёлым Они владели имуществом и землёй на основе частной собственности и занимались не только земледелием, но ремёслами и торговлей. Богатые периэки владели рабами.

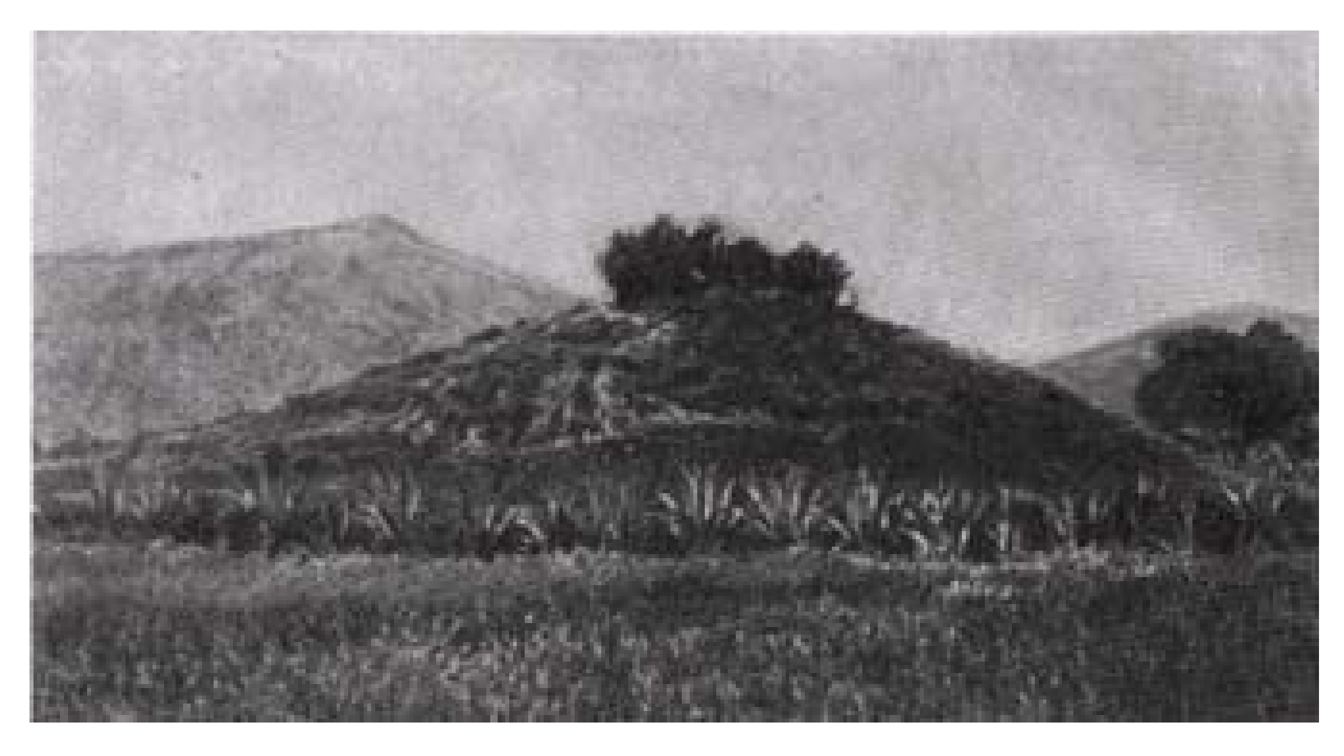
Афины представляли собой иной тип рабовладельческого города-государства. Интенсивный рост производительных сил афинского общества, связанный с развитием ремесла и морской торговли, привёл к сравнительно раннему разложению общины. В Афинах в результате борьбы, развернувшейся между широкими слоями населения (*демос*) и родовой аристократией (*эвпатриды*), складывается рабовладельческое государство, получившее довольно сложную социальную структуру.

Свободное население Афин распадалось на класс крупных рабовладельцев-землевладельцев и класс свободных производителей. К первому из них следует отнести, помимо эвпатридов, представителей новой торгово-денежной знати, ко второму — широкие слои демоса, т. е. крестьян и ремесленников. Существовало и другое деление свободной части афинского населения: на пользовавшихся политическими правами и неполноправных — на граждан и *метэков* (чужестранцы, жившие на территории

Афин). Ниже всех на социальной лестнице стояли абсолютно лишённые гражданских прав и личной свободы рабы.

Государственное устройство Афин и Спарты также имело существенные различия. Спарта была типичной олигархической республикой. Во главе общины стояли два царя, но власть их была сильно ограничена советом старейшин (*герусия*) - органом спартанской знати - и коллегией *эфоров,* которые играли крупную роль в политической жизни. Народное собрание (*апелла*) хотя и считалось формально верховным органом власти, но фактически большого значения не имело

В Афинах в результате преобразований, проведённых в VI в. Солоном и Клисфеном, установился строй рабовладельческой демократии. Политическое господство



Холм над могилой афинян, павших в битве при Марафоне в 490 г. до н. э.

родовой знати было сломлено. Вместо прежних родовых *фил* появились территориальные, подразделявшиеся на *демы.* Всё более росла роль афинского народного собрания (*экклесия*). Основные государственные должности были выборными. Выборный «совет пятисот» (*булэ*) постепенно оттеснил на задний план оплот родовой знати — *ареопаг,* хотя последний в начале V в. ещё представлял собой определённую политическую силу. Был создан такой демократический орган, как суд присяжных (*гелиэя*), состав которого пополнялся путём жеребьёвки из числа всех полноправных граждан.

Экономический и политический строй греческих государств определял и характер их военной организации. В Спарте своеобразный быт и система военизированного воспитания, основанные на установлениях, приписываемых легендарному законодателю Ликургу, способствовали созданию сильного и опытного войска (спартанская пехота). Спарта подчинила себе Кинурию и Мессению и возглавила Пелопоннесский союз, в который входили аркадские города, Элида, а затем Коринф, Мегары и остров Эгина.

Афины, как торговое и морское государство, развивали преимущественно кораблестроение. К началу V в. афинский флот, в особенности военный, был ещё невелик.

Однако всё экономическое развитие Афинского государства, а затем нависшая над ним военная угроза толкали афинян на путь усиленного строительства флота. Так как служба во флоте была в основном уделом беднейших граждан, то рост афинского флота был тесно связан с дальнейшей демократизацией политического устройства, а низший командный состав и гребцы флота были опорой рабовладельческой демократии. В скором времени вопрос о значении флота для Афинского государства встал во весь рост. Это произошло в связи с нападением персов на Грецию.

Начало греко-персидских войн. Походы Дария I на Балканскую Грецию

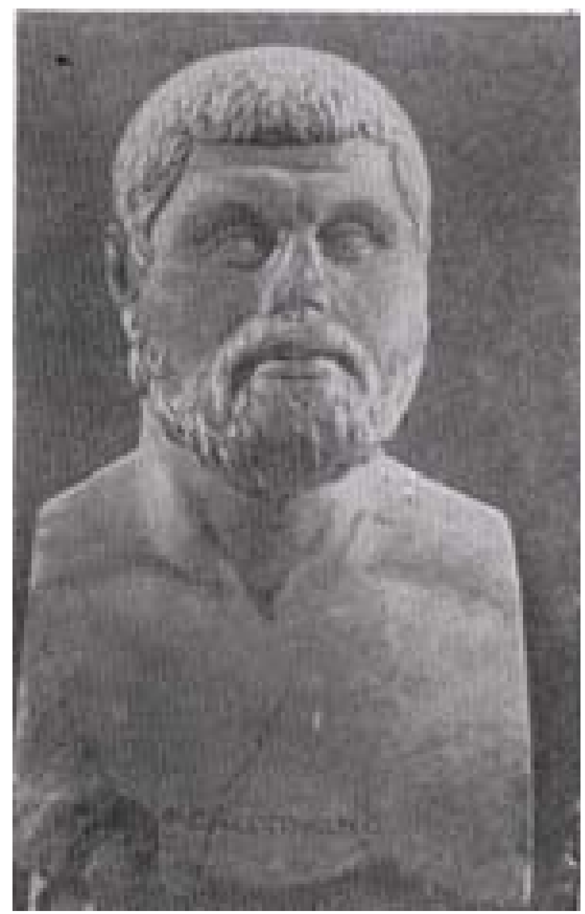
После подавления восстания греческих городов Малой Азии персидские правящие круги решили использовать в качестве предлога для войны против европейских греков тот факт, что афиняне оказали помощь восставшим. Персы, как уже упоминалось, понимали, что они могут укрепиться в своих малоазийских владениях только после покорения материковой Греции. Поэтому летом 492 г. под командованием зятя Дария — Мардония был предпринят первый сухопутно-морской поход вдоль фракийского побережья на Балканскую Грецию. Когда силы Мардония приближались к полуострову Халкидика, его флот попал у Афонского мыса в шторм, во время которого погибло до 300 кораблей с их экипажем. После этого Мардоний, оставив гарнизоны на фракийском побережье, вынужден был повернуть назад.

Прощание воина.
Изображение на краснофигурном сосуде из Вульчи.
Вторая половина V в. до н. э.

В 490 г. до н. э. персы предприняли второй поход против Греции. Персидские войска переправились на кораблях через Эгейское море, опустошили по пути остров Наксос и город Эретрию на Эвбее, после чего высадились на побережье Аттики у Марафона. Над Афинами нависла опасность персидского вторжения. Обращение их за помощью к Спарте не дало ожидаемого результата: Спарта предпочла занять выжидательную позицию. Сами афиняне могли выставить только 10 тыс. тяжеловооружённых воинов, около тысячи воинов выслали им на помощь Платой — небольшой беотийский город, расположенный у самой границы с Аттикой. Достоверными данными о численности высадившихся у Марафона персов мы не располагаем, но можно думать, что их было во всяком случае не меньше, чем греков. На совете афинских стратегов было принято решение выйти навстречу врагу и дать ему сражение у Марафона. Это решение было обусловлено не только военными, но и политическими соображениями. В городе находилось немало аристократов, а также сторонников политического режима, существовавшего в Афинах при тиране Писистрате и его сыновьях. При приближении врагов к городу они могли перейти на сторону персов. Командование над выступившим к Марафону войском было поручено стратегам, в том числе Мильтиаду — бежавшему от персов правителю Херсонеса Фракийского, которому военные приёмы персов были хорошо знакомы.

Сражение у Марафона произошло в 490 г. до н. э. и увенчалось полной победой афинян и их союзников — платейцев. Персы не выдержали атаки сомкнутого строя тяжеловооружённых греческих воинов, были опрокинуты и обращены в бегство. Геродот рассказывает, что они оставили на поле боя до 6 400 трупов, тогда как греки потеряли убитыми всего 192 человека.

Эта победа, одержанная воодушевлёнными патриотическим чувством гражданами греческого полиса над войсками сильнейшей державы того времени, произвела огромное впечатление на всех греков. Те из греческих городов, которые изъявили раньше покорность Дарию, вновь объявили себя независимыми. Почти одновременно возникли волнения в Вавилонии, а в Египте и далёкой Нубии даже вспыхнули восстания.



Фемистокл.
Греческая скульптура V в. до н. э.
Римская копия. Мрамор.

Но персы не думали отказываться от своего плана завоевания Греции. Однако в 486 г. умер Дарий, и начались придворные смуты в связи с переходом власти в новые руки. Поэтому только через 10 лет после Марафонской битвы преемник Дария царь Ксеркс оказался в состоянии выступить в новый большой поход против греков.

Греки плохо использовали десятилетний перерыв для подготовки к возобновлению войны. Исключение в этом отношении представляли лишь Афины. Здесь в это время происходила острая политическая борьба между аристократической и демократической группировками. Демократическая группировка возглавлялась Фемистоклом — одним из наиболее смелых, энергичных и дальновидных деятелей этого времени. По словам греческого историка Фукидида, Фемистокл, как никто другой, обладал способностью предусматривать «лучший тли худший исход предприятия, скрытый ещё во мраке будущего», и умел во всех случаях моментально изобретать надлежащий план действия». В группировку Фемистокла наряду с торговцами и зажиточными ремесленниками входили и более широкие слои гражданского населения Афин, разделявшие выдвинутую им так называемую морскую программу — широкий план усиления морской мощи Афин, строительства нового флота. Их противники, во главе которых стоял Аристид, находили опору в среде крупных землевладельцев. В конце концов народным собранием морская программа была принята. Осуществляя эту программу, афиняне построили за счёт доходов с Лаврийских рудников, ранее распределявшихся между гражданами, около 150 боевых кораблей (*триэр*). После этого афинский флот стал самым сильным в Греции.

Поход Ксеркса

Военные действия возобновились весной 480 г. Огромный флот и сухопутная армия, состоявшая как из самих персов, так и из отрядов, выставленных покорёнными народами, входившими в державу Ахеменидов, двинулись во главе с самим Ксерксом через Геллеспонт вдоль фракийского побережья по маршруту первого похода Мардония на Балканскую Грецию. Решившиеся на сопротивление греческие полисы заключили оборонительный союз, во главе которого стала Спарта, как государство, обладавшее самым сильным

сухопутным войском. На границе между Северной и Средней Грецией небольшие по численности силы союзников заняли удобный для обороны узкий Фермопильский проход. Войска Ксеркса много раз атаковали защитников Фермопил, тщетно пытаясь прорвать оборону. Но среди греков нашёлся предатель, который показал врагам обходную горную тропу. По этой тропе отряд персов вышел в тыл защитникам Фермопил. Когда спартанскому царю Леониду, командовавшему силами союзников, стало известно об этом, он приказал своим войскам отступить, по сам с отрядом спартанских воинов в 300 человек остался в Фермопилах. Окружённые со всех сторон врагами спартанцы сражались до последнего человека. Впоследствии на могиле Леонида и его воинов был воздвигнут памятник с надписью:

Путник, пойди, возвести нашим гражданам в Лакедемоне,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костьми полегли.

Прорвавшись через Фермопилы, персы хлынули в Среднюю Грецию. Почти все беотийские города, в которых была сильна персофильски настроенная аристократия, поспешили подчиниться Ксерксу. Аттика была опустошена, Афины разграблены. Детей, женщин и стариков афиняне эвакуировали в Пелопоннес и на близлежащие острова, все же способные носить оружие мужчины перешли на палубы военных кораблей. Сухопутные силы греков укрепились на Коринфском перешейке. Сражавшийся у мыса Артемисия (на севере Эвбеи) флот, в котором больше половины кораблей принадлежало афинянам, отошёл в Сароничеcкий залив.

Переломным событием в ходе войны явилось знаменитое морское сражение у острова Саламин (480 г. до н. э.). Разделив свой флот, персы сразу с двух сторон напали на противника. Греческие корабли двинулись им навстречу. В узком проливе между берегами Аттики и Саламином персы не сумели использовать свой численный перевес. Стремительным натиском греки расстроили боевой порядок их кораблей, которые по своим размерам были больше греческих и менее способны к маневрированию; в тесноте корабли персов сталкивались и топили друг друга. К наступлению ночи персидский флот был разгромлён.

Лаконский воин («Царь Леонид»).
Скульптура первой половины V в. до н. э. Мрамор.

Победа при Саламине была прежде всего заслугой афинян, предводительствуемых стратегом Фемистоклом. Поражение, которое потерпели здесь персы, было для них тяжёлым ударом. Хотя у них оставалось большое и вполне боеспособное сухопутное войско, но связь его с тылом легко могла быть прервана. Кроме того, весть о крупном поражении персидского флота угрожала вызвать волнения в пределах самой Персидской державы, прежде всего в Ионии. Поэтому Ксеркс решил вернуться в Азию, оставив в Греции часть армии под командованием Мардония.

В следующем, 479 г. Мардоний, перезимовавший со своими войсками в Фессалии, вернулся в Среднюю Грецию и подошёл к Истмийскому перешейку. Объединённые силы греческих союзников под командованием спартанца Павсания расположились вблизи Платей. В происшедшем здесь вскоре сражении войска Мардония были наголову разбиты и сам он был убит. В том же 479 г. греческий флот, возглавленный афинским стратегом Ксантиппом и спартанским царём Леотихидом, одержал блестящую победу над персами в сражении у мыса Микале (побережье Малой Азии).

Окончание войны и её историческое значение

После Саламина и Платей война ещё не закончилась, но характер её радикально изменился. Угроза вражеского вторжения перестала тяготеть над Балканской Грецией, и инициатива перешла к грекам. В городах западного побережья Малой Азии начались восстания против персов; население свергало посаженных персами правителей, и вскоре вся Иония вновь обрела независимость.

В 467 г. греки нанесли в сражении у устья реки Эвримедонт (на южном берегу Малой Азии) ещё один удар по военным силам Персидской державы. Военные действия, то затихая, то вновь возобновляясь, продолжались вплоть до 449 г., когда в сражении около города Саламина на острове Кипр греки одержали новую блестящую победу над персами. Эта битва при Саламине и считается последним сражением в греко-персидских войнах; в том же году, как сообщают некоторые греческие авторы, между обеими сторонами был заключён так называемый Каллиев (по имени афинского уполномоченного) мир, по условиям которого персы признали независимость греческих городов Малой Азии.

Главная причина победы греков над персами в этом историческом столкновении заключалась в том, что они боролись за свою свободу и независимость, в то время как войска Персидской державы состояли в значительной части из навербованных по принуждению воинов, не заинтересованных в исходе войны. Крайне важное значение имело и то обстоятельство, что экономическая и социальная жизнь Греции этого времени достигла относительно высокого уровня развития, тогда как Персидская держава, насильственно включившая в свой состав многие племена и народности, тормозила нормальное развитие их производительных сил.

Победа греков в столкновении с персами не только обеспечила свободу и независимость греческих городов, но и открыла перед ними широкие перспективы дальнейшего беспрепятственного развития. Эта победа явилась, таким образом, одной из предпосылок последующего расцвета греческой экономики и культуры.

2. Экономика рабовладельческой Греции в V в. до н. э.

Рабство

В середине V в. до н. э., после окончания греко-персидских войн, в ряде полисов континентальной Греции, особенно в Афинах, расцветают ремёсла, растёт товарное производство, расширяются торговые связи, в сельском хозяйстве интенсивно идёт переход от зерновых культур к оливководству и виноградарству. Правда, этот экономический подъём охватил не всю Грецию. Многие области развивались более медленными темпами.

В городах-государствах Греции в рассматриваемый период окончательно утверждается рабовладельческий способ производства. Если в предшествующие столетия даже в наиболее развитых греческих городах рабов было сравнительно немного, то в V в. число их значительно возрастает, а в IV в. рабство достигает максимальных для античной Греции размеров. В связи с этим развивается процесс вытеснения свободного труда рабским, что в свою очередь приводит к росту городской бедноты и люмпен-пролетарских элементов.

Содержащиеся в источниках сведения о размерах рабовладения и его характере в V в. до н. э. касаются главным образом Афин и в меньшей степени Аттики в це-

лом. Однако не подлежит сомнению, что число рабов сильно увеличилось во всех тех районах Греции, где развивалось ремесло и связанная с ним торговля.

Исходя из разного рода косвенных данных о количестве *гоплитов* (тяжеловооружённых воинов), о ввозе продовольствия и т. д., современные учёные пытаются определить численность населения Аттики и установить соотношение между тремя основными группами её жителей: гражданами, метэками и рабами. В своих выводах они значительно расходятся. Одни считают, что количество рабов несколько уступало численности двух других групп, вместе взятых; другие, наоборот, полагают, что рабов в Аттике было примерно в два раза больше, чем свободных. Общее число рабов в Аттике V в. так же оценивается по-разному — от 70 тыс. до 150 тыс.

В глазах древних греков рабы были не людьми, а лишь одушевлённым имуществом. Рабы продавались и покупались, как вещи; они не имели никаких не только политических, но даже обычных человеческих прав. Раб не мог обзаводиться семьёй; дети рабов считались собственностью их хозяев. Господа могли по своему произволу наказывать и истязать рабов. В суде показания от рабов принимались только под пыткой. Обычным видом наказания рабов за нарушение каких-либо предписаний публичного порядка было бичевание. Только в случае совершенно уже невыносимого обращения с ним хозяина раб мог воспользоваться правом убежища, скрывшись у алтаря в храме. По решению жреца раб в таком случае передавался в руки другого господина или же возвращался прежнему. Рабы не имели даже имени. Чаще всего хозяева называли рабов по месту их происхождения — колхами, сирийцами, скифами.

Основными источниками рабства были войны, пиратство и тесно связанная с ними торговля. В отличие от последующего времени количество «доморождённых» рабов было ещё невелико, так как дешевизна рабов делала невыгодным их воспитание дома. Военные действия, даже между греческими полисами, особенно со второй половины V в., часто заканчивались продажей побеждённых в рабство. Так, по данным одной надписи 446—445г., афиняне захватили в районе Мегариды 2 тыс. рабов. В ещё больших масштабах практиковалась продажа в рабство негреков. После битвы при Эвримедонте было продано свыше 20 тыс. персидских воинов.

Основная масса рабов состояла из уроженцев различных областей Малой Азии и Причерноморья. Греческие рабовладельцы предпочитали пользоваться трудом иноземных рабов, так как рабам-иноземцам было труднее бежать и, ввиду незнания языка, труднее сплотиться для совместных выступлений, чем грекам. Всё же и число рабов-греков было немалым. Об этом свидетельствуют довольно частые выступления греческих писателей против «андраподистов», т. е. людей, специально занимавшихся похищением свободных и продажей их в рабство.

Крупнейшим в V в. рынком рабов были Афины. Здесь на рыночной площади был огорожен специальный участок, внутри которого выставлялись на продажу рабы. Рабы выводились на помост, а продавцы расхваливали свой товар. Рынки рабов засвидетельствованы также на Хиосе, в Византии и в других местах. Цепы на рабов нам известны по одной надписи 415 г. Рабы-мужчины стоили от 70 до 300 драхм, женщины — от 135 до 220 драхм. Для сравнения укажем, что средний заработок афинского ремесленника составлял в это время драхму в день. Рабы, имевшие определенную профессию,—ремесленники, музыканты, танцовщицы, писцы и т. п.— стоили значительно дороже.

Использование труда рабов носило весьма разнообразный характер. В городах с развитым ремеслом рабы использовались в ремесленных мастерских — *эргастериях.* Литературными источниками и надписями засвидетельствовано существование таких мастерских во многих отраслях ремесленного производства того времени: в металлургии, оружейном доле, кожевенном производстве, производстве керамики, музыкальных инструментов, лекарств и т. д. Производственный процесс осуществлялся в эргастериях при помощи самых простых инструментов; даже в

строительном деле, достигшем в V и IV вв. значительного прогресса, античная техника не пошла дальше рычага, клина, ворота и блока.

Разделение труда в греческих мастерских носило ещё весьма примитивный характер. По сути дела эргастерий представлял собой лишь соединение под одной кровлей отдельных работников, связанных друг с другом не процессом производства, а тем, что они принадлежали одному хозяину. При таких условиях крупное ремесленное производство не обладало существенными преимуществами перед мелким. Господствующим типом эргастериев была поэтому небольшая мастерская с 3—12 рабами. В более мелких мастерских работал сам хозяин с помощью одного-двух рабов. Упоминания о мастерских с большим числом рабов крайне редки и относятся главным образом уже к IV в. до н. э.

В земледелии труд рабов использовался менее широко. Правда, в таких земледельческих областях Греции, как Лаконика и Мессения, Фессалия и Крит, на полях работали илоты, *пенесты,- клароты, афамиоты.* Различие между этими группами населения и афинскими рабами состояло в том, что они не были полностью оторваны от средств производства и, отдавая землевладельцам значительную часть урожая, пользовались относительной хозяйственной самостоятельностью. В областях с развитым ремеслом и торговлей в VI и особенно в V в. наблюдается превращение пахотных земель в виноградники, оливковые и плодовые сады. Однако разведение специальных культур, особенно на каменистых землях, требовало большой тщательности. Низкая производительность труда рабов затрудняла использование его в тех отраслях сельского хозяйства, которые требовали особенно внимательного ухода за культурами. В мелких хозяйствах работали сами владельцы с помощью членов семьи и одного-двух рабов. Крупные землевладельцы также считали невыгодным содержать круглый год большое число рабов, предпочитая в горячую пору сельскохозяйственных работ эксплуатировать труд наёмных батраков. Число рабов в сельском хозяйстве таких областей, как Аттика, по сравнению с числом рабов, эксплуатировавшихся в ремесленном производстве, было значительно меньше.

В наиболее тяжёлых условиях находились рабы на рудниках. Представление об их труде дают описания и археологические исследования древних рудников в Лаврийских горах в Аттике, где добывали серебро и свинец. Рабы трудились в этих рудниках в полулежачем положении, задыхаясь от жары и духоты. Орудиями их труда были молоток, кайло и корзины, в которых породу поднимали на поверхность земли. Лаврийские рудники были собственностью государства, но работавшие здесь рабы принадлежали частным рабовладельцам, отдававшим их в наём или аренду. Такой способ эксплуатации рабов был довольно широко распространён в Афинах, так как приносил собственникам рабов обеспеченный доход без всяких с их стороны хлопот и затруднений. Так, известно, что в конце V в. крупный рабовладелец и богач Никий отдавал в наём для работы на рудниках 1 000 рабов.

В наём отдавали также рабов-ремесленников, поваров, танцовщиц и др. В домах богатых людей рабы использовались в качестве домашней прислуги. Одной из довольно распространённых форм эксплуатации рабов являлся отпуск их на заработки. Такие рабы назывались специальным термином—«живущие вне дома». Хозяин отпускал раба на условиях периодической уплаты известной суммы денег — своего рода оброка. Отпущенные на таких условиях рабы работали по найму, занимались ремёслами и мелкой торговлей. К числу таких рабов принадлежали, очевидно, и рабы, упоминаемые в надписях, посвящённых строительству афинского храма Эрехтейон.

Рабы широко использовались также во время войн в качестве оруженосцев, носильщиков, обозных.

В относительно лучшем положении находилась довольно значительная группа государственных рабов, так называемых *демосиев.* В её состав входило прежде всего триста человек городской стражи, которых в Афинах называли, по-видимому по

их происхождению, скифами. К этой же группе принадлежали писцы, глашатаи и т. д. Все они находились на городском довольствии и пользовались охраной закона.

Несмотря на некоторое различие в положении отдельных групп рабов, в целом они представляли собой единую массу людей, стоявших вне политической организации рабовладельческого общества и объединённых ненавистью к своим угнетателям. Борьба рабов против рабовладельцев принимала иногда характер восстаний, как, например, восстания илотов, но в основном носила ещё скрытый характер. Главным её видом было бегство рабов.

В V в. количество рабов, отпущенных на волю, было весьма незначительно. Однако и вольноотпущенники не получали полной свободы. Они сохраняли известную зависимость от своих бывших хозяев: были обязаны выплачивать ему деньгами или натурой часть своих доходов, не имели прав юридического лица. Их положение было хуже, чем положение метэков.

Труд свободных

В каждом греческом полисе имелась довольно значительная прослойка свободной бедноты, занятая производительным трудом. Например, в ремесленных мастерских, кроме рабов, заняты были и свободные; в земледелии же, игравшем главную роль в экономике многих греческих полисов, основная масса производителей состояла из граждан. Известно также, что в Афинах в годы правления Перикла многие афинские граждане использовались на проводившихся в широких масштабах строительных работах.

Афинские всадники.
Деталь скульптурного фриза Парфенона. Вторая половина V в. до н. э. Мрамор.

В большинстве греческих государств занятие земледелием считалось почетным; только граждане могли владеть земельным участком. В целях сохранения за гражданами этих участков государство часто, особенно в более ранний период, вмешивалось в поземельные отношения. Аристотель сообщает о законах, воспрещавших продавать или закладывать основные наделы. Такой закон существовал, например, у западных (озольских) локров. В Спарте отчуждение земли было воспрещено вплоть до начала IV в. В Коринфе по законам Фидона и в Фивах по законам Филолая должны были приниматься специальные меры к поддержанию соответствия между числом граждан и числом земельных наделов. По одному из законов Солона в Афинах было запрещено неограниченное приобретение земель одним человеком.

Мелкое крестьянское землевладение в Аттике отличалось стойкостью и в V в., безусловно, преобладало. Известно, например, что в середине V в. число афинских граждан, способных приобрести и содержать боевого коня, т. е. принадлежавших, по солоновой разбивке, ко второму имущественному разряду, не превышало 1 000 человек, тогда как один только дом Ахарны примерно в то же время мог выставить 3 тыс. тяжеловооружённых воинов, принадлежавших к третьему имущественному разряду— зевгитов. Афинские зевгиты, по-видимому, обладали участками земли в 10 *га*

в среднем, в состав которых могли входить и пашня, и виноградники, и площадь, занятая под огород, и плодовый сад. Участки в 30—50 га, видимо, считались в Аттике уже крупными и давали их владельцам право числиться в первом имущественном разряде—*пентакосиомедимнов,* т. е. обладавших годовым доходом в 500 медимнов зерна.

В V в. в афинское сельское хозяйство всё шире проникают товарно-денежные отношения. В это время на городских базарах постоянно можно было видеть крестьян, продававших вино, уксус, растительное масло, овощи, древесный уголь и покупавших привозной хлеб, рыбу и другие продукты. В более крупных хозяйствах товарность была выражена ещё ярче. По рассказу Плутарха, один из крупнейших политических деятелей Греции V в. до н. э. —Перикл в своём хозяйстве «весь урожай... ежегодно продавал, а затем все предметы первой необходимости покупал на рынке».

Мастерская сапожника.
Изображение на краснофигурном сосуде.
Середина V в. до н. э.

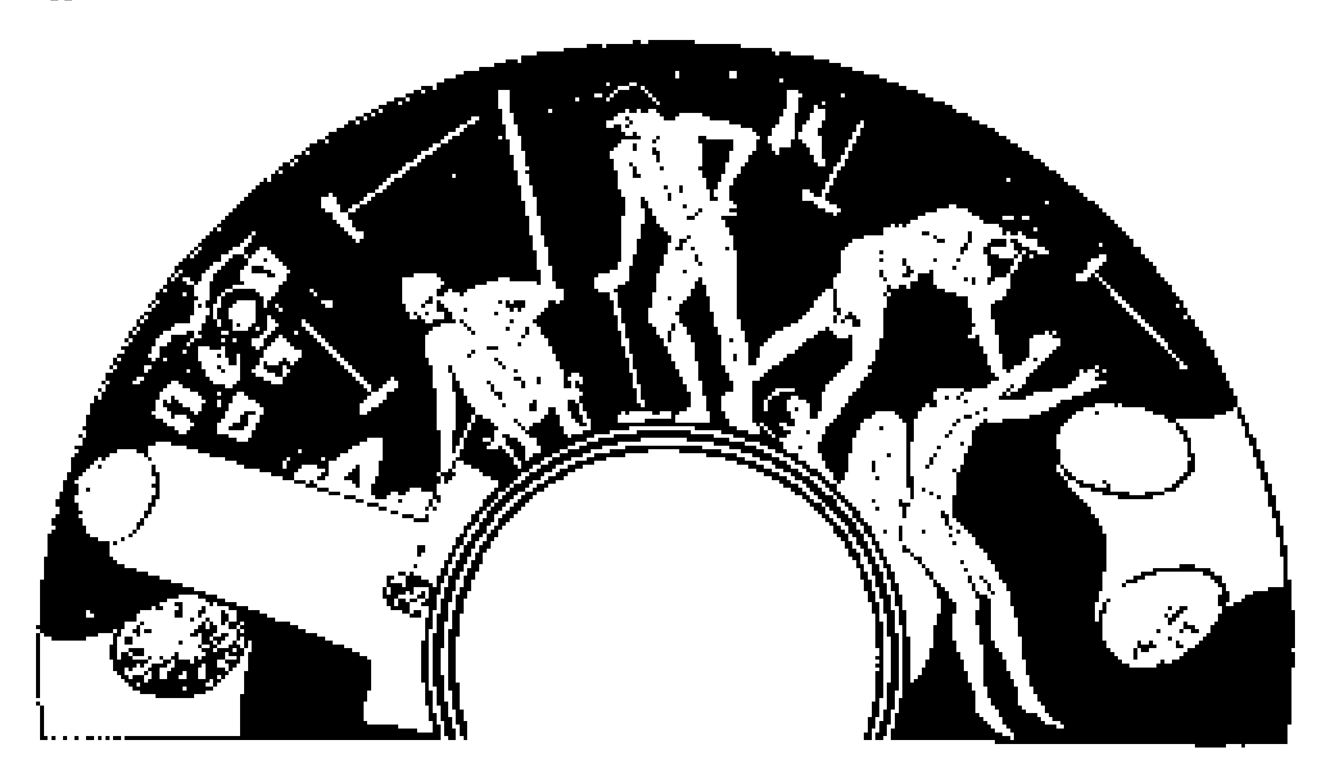
В отличие от труда земледельцев труд ремесленников, по общераспространённым в Греции взглядам, был занятием, недостойным гражданина. Жизненная практика, впрочем, внесла в эти взгляды известный корректив: некоторые профессии, требующие высокой квалификации и природных дарований. например, занятия архитектурой, скульптурой, вазовой живописью, не считались позорящими свободного гражданина; другие профессии, как, например, ремесло кожевника и т. п., рассматривались как недостойные. Этими ремёслами преимущественно занимались неграждане: метэки, периэки, вольноотпущенники и рабы.

Значительное число переселенцев проживало во всех крупных центрах Греции. В греческих городах-государствах, граждане которых ревниво оберегали свои привилегии, не только временно проживавшие иноземцы, но даже переселенцы из других греческих городов не получали гражданских прав. За право проживать в Афинах и заниматься здесь ремёслами и торговлей метэки платили особый поголовный налог—*метэкион.* Этот налог составлял 12 драхм с мужчины и 6 драхм с женщины. Кроме того, на метэках лежали ещё разные другие платежи и повинности, в частности военная повинность. Метэки были ограничены и в своих экономических правах: им было запрещено владеть землёй на территории принявшего их полиса; их дети от брака с полноправными гражданами не получали гражданства; метэки не имели даже права самостоятельно выступать на суде.

В Афинах ко второй половине V в. число метэков составляло около трети, а в конце IV в.— около половины свободного городского населения. Они играли весьма видную роль и в торговле и в ремесленном производстве. Среди метэков, как и среди вольноотпущенников, встречалось много предприимчивых людей, которые, несмотря на своё неполноправное положение, наживали крупные состояния. Наиболее богатые метэки иногда получали право приобретения земельной собственности в Аттике.

Общий характер греческой экономики. Товарное производство

Существенную роль в нарастании социально-имущественного неравенства сыграло развитие товарного производства. С обособлением отдельных видов производственной деятельности на основе общественного разделения труда товарное производство быстро растёт во всех передовых общинах Греции. Ярким свидетельством этого роста служит широкое развитие греческой торговли в V—IV вв. В этом отношении особенно показательна морская торговля Афин. К середине V в. афинская гавань Пирей превращается в крупнейший в античном мире центр торговли. В Пирей ввозилось зерно из Северного Причерноморья, Египта и Сицилии, солёная рыба, мёд, воск, скот и кожи из Причерноморья, шерсть из Милета, карфагенские и персидские ковры, разного рода пряности, благовонные масла и другие предметы роскоши из стран Востока, слоновая кость из Африки, льняные ткани для



Литейная мастерская скульптора.
Изображение на краснофигурном сосуде из Вульчи. Середина V в. до н. э.

одежды и парусов из Египта, обувь и бронзовые изделия из Этрурии, корабельный лес, смола и пенька из Македонии и Фракии, медь с Кипра и ряд других товаров. Из различных областей в Пирей ввозились рабы.

Сами афиняне потребляли лишь незначительную часть всех этих предметов. Главная масса товаров тут же перепродавалась, перегружалась на другие корабли и отправлялась дальше в другие города и страны. Посредническая торговля давала большие доходы Афинскому государству, взимавшему пошлину в размере 2% со всех ввозимых и вывозимых товаров, а также различные рыночные сборы. Концентрация торговли в Пирее одновременно облегчала снабжение Афин продовольственными товарами и сырьём. Из Афин вывозились ремесленные изделия, особенно керамика, а также вино и оливковое масло. Общий валовой оборот Пирея достигал огромной по тем временам суммы в 2 тыс. талантов.

Развитие торговли закономерно сопровождалось ростом денежного обращения и различных кредитных, ростовщических и валютных операций. Каждый полис стремился чеканить свою собственную монету. Наибольшим распространением в V в.

пользовались афинские монеты с изображением совы. При разнообразии существовавших в Греции монетных систем необходимо было организовать обмен одних денег на другие. Эта функция принадлежала особым менялам — *трапезитам* («трапеза» по-гречески — стол). Постепенно трапезиты превращаются из менял в торговых посредников, начинают принимать деньги на хранение и выдавать ссуды под проценты, ведут личные счета своих клиентов. Крупными денежными операциями занимались также популярные в Греции храмы в Афинах, Дельфах и др. Должниками храмов в основном были не частные лица, а государства. Процентные ставки обычно составляли около 12—18 % в год. Однако в связи с опасностями тогдашнего мореплавания процент по «морским ссудам» был значительно выше — вплоть до 100%.

Сухопутная торговля в Греции была развита слабо. Изрезанная горными кряжами местность, отсутствие хороших дорог, постоянные войны между полисами делали её невыгодной по сравнению с морской торговлей. Всё же и в удалённых от моря греческих городах возникали местные рынки, на которых торговали главным образом съестными припасами, мелкой домашней утварью и ремесленными изделиями. Во время общегреческих праздников при наиболее популярных святилищах происходили ярмарки.

Греческие государства уделяли большое внимание регламентации торговли. Существовали особые должностные лица — *агораномы,* поддерживавшие на рынках порядок, взимавшие пошлины и т. д. Различные торговые пошлины и сборы являлись, как уже упоминалось, одной из важных статей дохода полисов.

Хотя в Греции V в. торговля и денежное обращение достигли относительно высокого уровня, было бы неправильно определять греческое хозяйство того времени в целом как товарно-денежное. Совершенно бесспорно, что в Греции V в. в ряде отраслей производства известная доля продуктов труда продавалась на рынке, тем самым превращаясь в товар, следствием чего было появление купеческого и ростовщического капитала — исторически первых видов капитала. Тем не менее рабовладельческое хозяйство в основном сохраняло свой натуральный характер: весьма значительная часть продуктов производилась в нём не для обмена, а для непосредственного потребления рабовладельца и его семьи. Кроме того, рабочая сила основных производителей — рабов — присваивалась методами внеэкономического принуждения, что и отличало в принципе античное общество от капиталистического.

3. Афинский морской союз и победа демократии в Афинах

Борьба между демократическими и олигархическими группировками греческих полисов

Существенное значение для понимания сложившейся после победы над персами обстановки имеют события, характеризующие внутреннюю жизнь Афин этого времени. Острые столкновения и борьба между различными социальными группировками свободного населения и в Афинах и в других греческих полисах породили два основных типа политических движений рассматриваемого времени: движений демократических и движений олигархических. Сторонники демократии стремились к такому государственному порядку, при котором верховная власть принадлежала бы подавляющему большинству граждан, организованному в народное собрание. Демократический строй в греческих полисах, таким образом, выражал в основном интересы довольно широких кругов гражданского населения: и зажиточных слоев демоса, и мелких ремесленников, и крестьян. В отдельных случаях на стороне демократии оказывались и даже возглавляли её богатые люди—владельцы ремесленных мастерских, крупные торговцы и т. д. В противоположность демократам сторонники олигархии стремились к такому государственному строю, при котором полнота гражданских прав и фактическая возможность активного участия в управлении государством предоставлялись бы лишь

наиболее богатой части граждан. Олигархические течения шли из среды консервативно настроенной земельной аристократии, крупных рабовладельцев.

Борьба между олигархическими и демократическими группировками пронизывала политическую жизнь большинства греческих полисов этого времени и оказывала определённое влияние на их взаимоотношения друг с другом. Именно поэтому политические перемены, происшедшие за годы войны в Афинах, которые после побед 480—479 гг. стали одним из наиболее влиятельных государств Греции, имели далеко идущие последствия. Как мы уже знаем, власть старой родовой аристократии была низвергнута в Афинах ещё в конце VI в. до н. э. Однако в Афинах продолжал существовать имущественный ценз, и доступ к высшим государственным должностям был открыт только для состоятельных граждан. Для дальнейшей демократизации афинского государственного строя большое значение имела победа, одержанная демократической группировкой, возглавленной Фемистоклом, над олигархической группировкой во главе с Аристидом. Реализация морской программы Фемистокла не только оправдала себя в чисто военном отношении, что сказалось в решающих сражениях у Саламина и Микале, но и привела к значительному повышению политической роли неимущих и малоимущих граждан, служивших во флоте и составлявших большинство в народном собрании. Значение народного собрания в политической жизни афинян, таким образом, возросло в ущерб олигархическому ареопагу.

В этот же период демократия одерживает победы и в целом ряде других греческих городов. Демократический переворот произошёл в Фивах, где было свергнуто аристократическое правительство, скомпрометировавшее себя своей персофильской политикой. Примеру Фив следуют города Фокиды, где —очевидно, не без поддержки со стороны Афин — также приходят к власти демократические группировки. В Пелопоннесе демократия одерживает победу в Аргосе, самом видном после Спарты и Коринфа пелопоннесском государстве, и в Элиде. Но особых успехов достигло демократическое движение в тех островных и малоазийских полисах, которые один за другим освобождались от власти персов и вновь обретали свою независимость. Как правило, движущей силой этих переворотов были зажиточные слои демоса, стремившиеся добиться политической власти. Однако чем больших успехов достигало демократическое движение в Греции, тем более упорным оказывалось сопротивление олигархических элементов, неизменно ориентировавшихся на Спарту. Постепенно Спарта становится главным оплотом олигархических и реакционных движений во всей Греции.

Конфликты внутри союза греческих городов

Спарта, как уже упоминалось, являлась официально главой союза греческих полисов, объединившихся во время греко-персидских войн для совместной защиты своей независимости; Афины же входили в состав этого объединения в качестве одного из наиболее сильных и влиятельных его членов. Соперничество Афин и Спарты, одинаково стремившихся к расширению сферы своего политического влияния и к гегемонии, не могло не отразиться на дальнейшей истории общегреческого союза.

В прямой связи с военными успехами союз греческих государств значительно увеличился и продолжал увеличиваться благодаря вступлению в него все новых и новых членов из числа городов, освобождавшихся от власти персов. В то же самое время увеличивался и разлад между союзниками. Города с развитыми ремеслом, товарным производством и морской торговлей—в их числе как уже освободившиеся, так и продолжавшие ещё оставаться под властью Персидской державы полисы островных и малоазийских греков — были жизненно заинтересованы в продолжении войны против персов. Не вытеснив персов с побережий Фракии и Малой Азии, в особенности же с берегов Геллеспонта, они не могли возобновить прежних сношений с причерноморскими странами, доставлявшими греческим городам хлеб.

Между тем земледельческая Спарта стояла в стороне от морской торговли и была заинтересована в войне только до тех пор, пока враг угрожал вторжением на её собственную территорию. К тому же военные действия теперь целиком были перенесены на море, а Спарта не располагала ни опытом ведения морской войны, ни сколько-нибудь значительным флотом. Естественно, что при таких условиях государства, заинтересованные в продолжении войны, стали группироваться вокруг Афин и осуждать спартанцев за вялость и неумелость в руководстве военными действиями.

Взаимное недоверие между союзниками возрастало. Спарта, Коринф и некоторые другие пелопоннесские полисы были крайне встревожены растущим влиянием Афин и раздражены их политикой повсеместной поддержки демократических движений. Дело кончилось тем, что Спарта в 478 г. до н. э. отозвала свои силы из общегреческого объединения.

Образование Делосского союза

Представители всех тех греческих государств, которые были заинтересованы в продолжении войны с персами, в 478 г. собрались на острове Делос и учредили здесь новый, так называемый Делосский союз, который позднее стали называть первым Афинским морским союзом.

Первоначально Делосский союз представлял собой объединение независимых и равноправных греческих городов-государств. Верховным органом этого объединения считалось общее собрание представителей союзников, собиравшееся на острове Делос. Союзники обязались поставлять для объединённого флота установленное число кораблей с экипажами и определённое количество воинов. Была также учреждена общая казна союза, пополнявшаяся денежными взносами союзников по особой раскладке (в дальнейшем эти взносы назывались *форосом).* Средства из этой казны шли на покрытие общих военных расходов. Афины, обладавшие самым многочисленным и сильным флотом, заняли в этом объединении первое место, и им было поручено главное руководство военными действиями. Фактически афиняне уже с самого начала стали играть главную роль и в организационных и в финансовых делах Делосского союза.

Остракон с именем и демом Фемистокла.
471 г. до н. э.

В военном отношении возникновение нового объединения сразу же себя оправдало. Под командованием Кимона, сына Мильтиада, союзники открыли активные военные действия против персидских гарнизонов, остававшихся на фракийском побережье Понта и берегах Геллеспонта. Вскоре весь этот район был очищен от персов.

Тем временем в Афинах произошли важные политические перемены: в результате непрекращавшейся политической борьбы преобладание перешло от демократической группировки Фемистокла на сторону олигархического течения, возглавленного вернувшимся из изгнания старым политическим противником Фемистокла Аристидом и прославившим свое имя военными успехами Кимоном. В результате обоюдных усилий афинских олигархов и Спарты, весьма заинтересованной в политическом поражении Фемистокла и его единомышленников, Фемистокл в 471 г. был подвергнут остракизму и изгнан из Афин, а ещё через некоторое время заочно приговорен афинским судом к смертной казни и конфискации всего имущества.

После изгнания Фемистокла и последовавшей затем смерти Аристида вождем стоящей у власти олигархической группировки становится Кимон, представлявший интересы знатных и наиболее богатых рабовладельцев. Формально в Афинах по-прежнему продолжали функционировать народное собрание и другие демократические учреждения. Деятельность их, однако, теперь была поставлена под постоянный контроль ареопага — оплота афинской олигархии.

Летом 464 г. в южной части Пелопоннеса произошло неслыханной силы землетрясение. Общим замешательством, вызванным этим землетрясением, немедленно воспользовались спартанские илоты

после этого афинский флот разбил соединённый флот пелопоннесцев и эгинян и осадил город Эгину. Примерно в это же время афиняне завершают постройку так называемых «Длинных стен», соединивших Афины и Пирей и связавших город и порт в единый укреплённый комплекс.

Превращение Делосского союза в морскую державу афинян

Таким образом, афинские демократы в короткий срок добились весьма значительных успехов. Важнейшей материальной предпосылкой этих успехов была возможность использовать экономические ресурсы своих союзников. Афины, как упоминалось, имели значительный перевес в силах уже в момент образования Делосского союза. В связи с быстрым экономическим развитием Афин и превращением города в крупнейший в Греции торгово-ремесленный центр удельный вес Афин в союзе неуклонно возрастал. Определенную роль в превращении Делосского союза в Афинскую морскую державу (*архэ*) сыграло и то обстоятельство, что денежные взносы от союзных городов фактически поступали в распоряжение Афин, которые на эти деньги увеличивали свой флот. Афиняне получили возможность вмешиваться во внутреннюю жизнь своих союзников и властно диктовать им свою волю. Вся афинская политика в Делосском союзе, вне зависимости от того, проводилась ли она представителями демократического или олигархического лагеря, была направлена на превращение прежде независимых союзников в афинских подданных. Попытки более крупных союзников—Наксоса, Фасоса, Лесбоса, Хиоса и Самоса, обладавших собственным флотом, избавиться от афинской опеки и выйти из Делосского союза немедленно пресекались вооруженной рукой. В таких случаях афинский флот появлялся у берегов непокорного союзника, афиняне высаживали десант, отбирали часть земель и основывали на этих землях военные поселения (*клерухии*). Так, в 465 г. попытку выйти из союза сделал Фасос, у которого афиняне отобрали золотые прииски и ряд пунктов на фракийском побережье. Афиняне немедленно осадили Фасос и после двух лет осады заставили его сдаться. По условиям капитуляции оборонительные стены Фасоса были срыты, а военные корабли выданы афинянам.

В результате такой политики Афин собственные военно-морские силы сохранили только Лесбос, Хиос и Самос. Между тем общее число городов в составе Афинского союза в середине V в. было более 200. Судя по эпиграфическим данным, афиняне разделили союзные полисы сначала на три, а затем на пять округов, в каждом из которых афинские уполномоченные наблюдали за выплатой фороса. На земли восстававших союзников было выведено в качестве военных поселенцев (*клерухов*) в общей сложности до 10 тыс. человек.

Опираясь на эту организацию, афиняне стали требовать от союзников, помимо выплаты фороса и участия в военных действиях против персов, выполнения и других обязанностей. Постепенно афиняне стали осуществлять над своими союзниками экономический контроль. Афинская монета и меры веса были объявлены обязательными при всех расчётах на территории союза. В 454 г. афиняне перенесли союзную казну с Делоса в Афины и с тех пор стали распоряжаться союзными средствами, как своими собственными. Так, например, строительство в Афинах в 40—30-х годах проводилось в значительной степени на средства, взятые из фороса. Споры между гражданами союзных городов и афинянами стали рассматриваться только афинским судом. В компетенции судов союзных городов остались лишь дела, касавшиеся незначительных преступлений и гражданских исков. По всем вопросам, которые до сих пор решались общим собранием делегатов союзных полисов, окончательные решения стали приниматься в афинском народном собрании.

О положении афинских союзников даёт представление одна надпись этого времени, содержащая клятву, которую должны были дать халкидяне после подавления восстания на Эвбее в 446—445 гг.: «Я не восстану против афинского народа ни делом, ни помыслом, ни словом. Я не буду повиноваться тому, кто восстанет, а если

кто-нибудь восстанет, сообщу о нём афинянам. Я буду платить форос афинянам по соглашению с ними. Я буду столь честным и проданным союзником, как только смогу быть, и буду помогать и защищать афинский народ, если кто-нибудь нанесёт ему обиду, и буду повиноваться афинскому народу». К середине V в. Делосский союз, таким образом, окончательно превратился в Афинскую морскую державу (архэ).

Столкновение между Афинами и Спартой

Растущее влияние Афин побудило Спарту на открытое военное выступление против афинян (эта война иногда называется первой Пелопоннесской). В 457г. спартанцы вместе со своими союзниками переправились в Среднюю Грецию, объединились с фиванцами и создали непосредственную угрозу Аттике. В битве при Танагре (Беотия) афиняне потерпели крупное поражение. Однако после возвращения спартанских войск в Пелопоннес и четырёхмесячного перемирия афиняне сумели быстро восстановить свои силы и вскоре выступили против фиванцев. В битве при Энофитах (Беотия) афиняне разбили их наголову. После этой победы вся территория Средней Греции до Фермопил вошла в сферу афинского влияния. Осаждённая Эгина утратила надежду на получение помощи со стороны Спарты и сдалась (456 г. до н. э.).

После этих успехов афиняне, желая развязать себе руки для продолжения войны с персами, предложили Спарте заключить перемирие сроком на пять лет. Согласие Спарты было куплено Афинами ценой отказа от союза с Аргосом, который после этого должен был заключить в 451 г. мирный договор со Спартой сроком на 30 лет. В 449 г. афинянам удалось довести борьбу против персов до победного конца.

Прекращение войны с персами усилило брожение внутри Афинского морского союза, дальнейшее существование которого теперь теряло всякий смысл в глазах союзников. Для укрепления авторитета Афин Перикл выдвинул идею созыва общегреческого конгресса под лозунгом всеобщего мира между городами. Этот конгресс в действительности должен был узаконить афинскую гегемонию над союзниками. Однако план Перикла был сорван из-за отказа Спарты принять участие в конгрессе.

После окончания срока перемирия военные действия между Афинами и Спартой возобновились. Они шли с переменным успехом, и в 446/5 г. ввиду установившегося равновесия сил был заключён мир на 30 лот. Афиняне отказались от всех своих приобретений на территории Пелопоннеса и Истма, но за ними остались Эгина и Навпакт. Спарта признала Афинский морской союз. В дальнейшем Афины обязались не принимать в свой союз тех, кто принадлежит к Пелопоннесскому союзу, и не поддерживать в городах Пелопоннесского союза своих сторонников. Такое же обязательство в отношении Афин и их союзников взяла на себя Спарта.

4. Расцвет афинской рабовладельческой демократии

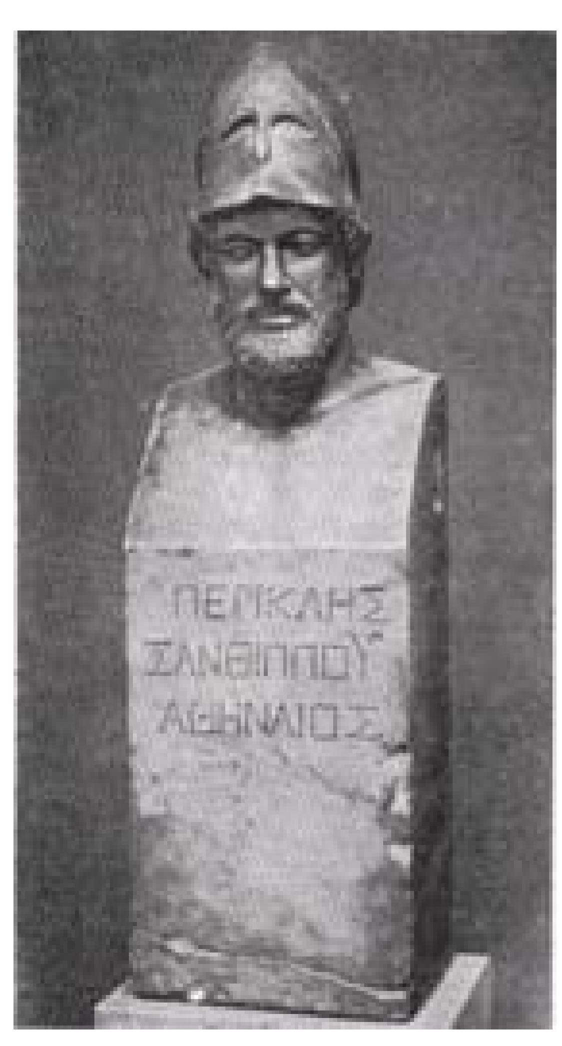
Демократические преобразования в Афинах. Перикл

После организованного олигархами убийства Эфиальта признанным руководителем афинской демократии стал Перикл. Перикл был одним из наиболее ярких и крупных исторических деятелей дровней Греции, хотя роль его в исторических событиях V в. значительные преувеличена и античными историками и буржуазной историографией.

Перикл принадлежал, по словам греческого историка Плутарха, «к самым знатным родам в Афинах»; отец его Ксантипп командовал греческим флотом в битве при Микале; мать была родственницей афинского реформатора Клисфена. Одним из его воспитателей был известный философ Анаксагор. Перикл проявил себя как осторожный и дальновидный политик, блестящий оратор, разносторонне образованный для своего времени человек. Будучи уже признанным руководителем Афинского государства, Перикл наряду с укреплением политического могущества Афин по переставал заботиться о том, чтобы Афинское государство стало «центром

просвещения Эллады». В своём доме он собирал наиболее выдающихся учёных, писателей, художников. Так, известно, что он поддерживал тесные отношения с софистом Протагором, трагиком Софоклом, скульптором Фидием, историком Геродотом и др.

С самого начала своей политической деятельности Перикл примкнул к тем верхним слоям рабовладельческой демократии—купцам, судовладельцам, ремесленным предпринимателям, средним землевладельцам,— которые были заинтересованы в усилении мощи Афин на море и в расширении торговых связей. Он был популярен в широких кругах граждан и начиная с 443 г. в течение 15 лет ежегодно избирался на должность стратега. Популярность Перикла объяснялась прежде всего тем, что его политическая деятельность, направленная на укрепление демократического строя, на усиление Афинской морской державы и вообще могущества Афин, отражала интересы большинства афинских граждан.



Перикл.
Скульптура Кресилая Кидонского.
Вторая половина V в. до н. э.
Римская копия. Мрамор.

Главная задача, стоявшая перед Периклом и его единомышленниками в ходе борьбы с олигархами, заключалась в последовательной демократизации государственного строя Афин. В отличие от более ранних единовременных широких реформ, типа реформ Солона или Клисфена, в середине V в. был проведён ряд отдельных законодательных мероприятий, вводивших новые порядки или отменявших старые законы, ограничивавшие демократию. В иных случаях эти старые законы формально и не отменялись, но их просто переставали соблюдать. Так, например, хотя цензовое законодательство Солона формально не было отменено, но в 457 г. впервые на должность архонта был избран зевгит, т. е. представитель средних слоев демоса; в дальнейшем зевгиты и беднейшие граждане — *феты* получили фактически доступ почти ко всем государственным должностям. Старый способ выборов путем голосования всё чаще стал заменяться жеребьёвкой, в основе которой лежало признание за любым афинским гражданином права занимать любой пост в государстве. Исключение составляли лишь несколько высших должностей (например, должность стратега), отправление которых требовало специальных знаний; эти должности по-прежнему замещались путём голосования в народном собрании.

Для того чтобы рядовые граждане на доле смогли занимать ответственные должности, необходимо было ввести оплату должностных лиц из государственной казны. Начало было положено установлением жалованья *гелиастам* (заседателям в афинском суде) в размере двух оболов за заседание. В дальнейшем казна стала выплачивать суточные деньги членам «совета пятисот», архонтам и другим должностным лицам. Несколько позже был создан особый фонд, так называемый *теорикон*, для выдачи денег малоимущим гражданам на посещение театра. Так как театр играл большую роль в общественной жизни, теорикон имел существенное политические значение. Денежные пособия были обычно очень невелики, но всё же они обеспе-

чивали дневное пропитание и, следовательно, давали возможность малоимущим гражданам активно участвовать в государственной деятельности. Например, гелиэя с этого времени стала комплектоваться в значительной море из среды наименее обеспеченных граждан; для многих из них участие в судебных заседаниях стало важным источником существования.

Афиняне пользовались материальными благами не только за счёт эксплуатации труда рабов, но и за счёт эксплуатации других греческих городов—членов морского союза, фактически ставших подданными Афин. Афинские граждане понимали, что в случае увеличения их общей численности сумма получаемых каждым из них материальных благ может уменьшиться. Поэтому в 451—450 гг. афинское народное собрание по предложению Перикла приняло особый закон, согласно которому только тот считался гражданином, чьи отец и мать были гражданами Афин. Этот закон, ставивший целью ограничение численности привилегированной группы полноправных граждан во имя эгоистических интересов каждого из них, ярко свидетельствует об узости античной полисной демократии. Кстати, от этого закона едва не пострадал и сам Перикл: ему впоследствии стоило большого труда добиться предоставления гражданских прав его сыну от милетянки Аспасии.

Государственный строй Афин

Афинское государство в годы Перикла управлялось народным собранием (экклесия), юридически обладавшим всей полнотой верховной власти. Экклесия никому не передоверяла своих верховных прав и пользовалась ими непосредственно. В античной Греции и, в частности, в Афинах это было в какой-то степени возможно, поскольку все граждане могли свободно уместиться на площади своего города. Афинские граждане собирались, примерно, через каждые 10 дней для решения государственных дел. К наиболее важным из них принадлежали: избрание стратегов и других высших должностных лиц; объявление войны и заключение мира; решение всех внешнеполитических вопросов, в том числе и заключение договоров о союзе; принятие отчётов у высших должностных лиц; издание различных постановлений. Все органы Афинского государства были подчинены народному собранию. В число этих органов входили: «совет пятисот» (булэ), гелиэя, ареопаг, коллегия десяти стратегов, избираемых по одному от каждой филы, архонты и ещё ряд должностных лиц, в большинстве своём избираемых по жребию.

Организация булэ в общем была той же, что при Клисфене. Члены булэ избирались по жребию из числа граждан, имевших не менее 30 лот от роду, по 50 человек от каждой из 10 фил. Эти 50 человек образовывали так называемую *пританию.* Каждая из пританий по очереди выполняла обязанности булэ в течение одной десятой части года. Обязанности эти состояли в подготовке дел для экклесии, а также в решении текущих дел в промежутках между заседаниями экклесии.

Гелиэя (суд присяжных) занималась в Афинах не только обычными судебными делами, но и играла определённую роль в законодательной деятельности. Она состояла из 6 тыс. избранных по жребию присяжных судей, разделённых на 10 палат *(дикастериев),* в среднем по 500 человек в каждой (100 присяжных в каждом дикастерии считались запасными). Опасность подкупа судей предотвращалась многочисленностью присяжных заседателей, к тому же подсудимые обычно не знали, какому дикастерию будет поручено рассмотрение их дел. Во время заседания гелиасты выслушивали обвинителя, обвиняемого и свидетелей и, когда суть дела становилась им ясной, приступали без предварительного совещания между собой к голосованию судебного постановления. Специальных государственных обвинителей в Афинах не было; любой из граждан мог возбуждать и поддерживать обвинение, в том числе и в тех случаях, когда оно касалось интересов государства или охраны существующего правопорядка. Не было на суде и защитников; каждый подсудимый должен был защищать себя сам. Когда подсудимые не чувствовали себя достаточно подготовленными, они заучивали наизусть заранее написанные для них речи. Если по ходу дела

требовались свидетельские показания рабов, их подвергали пыткам, так как считалось, что добровольным показаниям рабов доверять нельзя.

Из выборных афинских государственных органов наибольшим политическим весом обладала коллегия десяти стратегов; отправление должности стратега не оплачивалось и при Перикле. Таким образом, на неё могли претендовать только богатые граждане. Между тем в руках афинских стратегов сосредоточивались наиболее важные государственные функции. Во время войны они командовали армией и флотом, ведали всей внешней политикой Афинского государства и распоряжались значительной частью государственных финансов. Располагая такими широкими полномочиями, стратеги в то же время были подотчётны экклесии и постоянно ею контролировались.

Своеобразное право контроля было предоставлено и каждому афинскому гражданину в виде особого права заявлять «жалобу на противозаконие» (так называемая *графэ параномон*). Каждый гражданин мог обжаловать любое из поступавших в народное собрание предложений или уже принятые постановления и законы. Если после рассмотрения жалобы в суде присяжных (гелиэе) она признавалась справедливой, обжалованное постановление или закон отменялись, а лица, виновные в их проведении, привлекались к судебной ответственности. С другой стороны, если жалоба на противозаконно признавалась неосновательной, то жалобщик подвергался крупному штрафу.

Историческая ограниченность афинской демократии

Таков был в общих чертах установившийся в середине V в. до н. э. государственный строй Афин. Это был период относительно высокого развития античной демократии, ограниченной, однако, её рабовладельческой основой. Кроме полностью бесправных рабов и лишенных политических прав метэков, в Афинах, как и во всех других греческих полисах, женщины также не пользовались политическими правами. Количество полноправных граждан, имевших возможность принимать участие в экклесии, составляло, таким образом, весьма незначительную часть населения Аттики.

К тому же далеко не все те, кто обладал в Афинах политическими правами, были в состоянии реально ими пользоваться. Это прежде всего относится к участию граждан в народном собрании, что в годы Перикла не оплачивалось. Для всех граждан, живших трудом своих рук, было не по силам бросать работу и каждый десятый день проводить на Пниксе (холм в Афинах), где собиралась экклесия. Крестьянам Аттики, особенно тем из них, которые жили далеко от Афин, приходилось тратить два-три дня на посещение экклесии. В горячую пору сельских работ это было для них вообще недоступно. Поэтому число присутствовавших в экклесии, при общей численности афинских полноправных граждан примерно в 30—35 тыс. человек, обычно не превышало 2—3 тыс., преимущественно жителей самого города. Только в исключительных случаях, например при остракизме, требовалось, чтобы за постановление голосовало не менее 6 тыс. человек.

Политический строй, утвердившийся в Афинах, вызывал острое недовольство со стороны олигархических элементов, группировавшихся вокруг одного из политических деятелей— Фукидида из Алопеки. Однако борьба с олигархами закончилась победой Перикла и остракизмом Фукидида (443 г. до н. э.). Существовали оппозиционные настроения и в среде самой демократии: городская беднота стремилась к более радикальным преобразованиям и была недовольна умеренностью проведённых реформ. Правительство Перикла пыталось ослабить рост оппозиционных настроений рядом мероприятий. В Афинах, например, затрачивались значительные средства на строительство общественных зданий; одной из целей такого строительства было дать заработок необеспеченным афинским гражданам. Расходы на общественные нужды покрывались не только за счёт государства, но и путём привлечения частных средств. В Афинах издавна существовали *литургии* — особые повинности, на-

лагавшиеся только на богатых людей, которые на свои средства должны были строить военные корабли, устраивать театральные зрелища и т. п. После победы над олигархами литургии получили в Афинах особенно частое применение. Наконец, в это время значительно шире, чем раньше, выводятся клерухии на земли союзников. Этим достигались сразу три цели: наиболее важные в политическом и экономическом отношении пункты на территории Афинской архэ ставились под постоянный контроль метрополии; неимущие афинские граждане — в клерухии выводились в основном феты — обеспечивались участками земли; наконец, выселение бедноты ослабляло радикальную оппозицию в экклесии.

В середине V в. до н. э. Афины превратились в самый крупный и цветущий центр экономической, политической и культурной жизни Греции. Государственный строй Афин оказал сильнейшее воздействие на развитие политической жизни в ряде других греческих государств, в первую очередь городов, входивших в состав возглавляемого Афинами морского союза или находившихся в сфере его влияния.

В целом весь этот исторический период—так называемый «золотой век Перикла» — был, по выражению Маркса, периодом высочайшего внутреннего расцвета Греции [1].

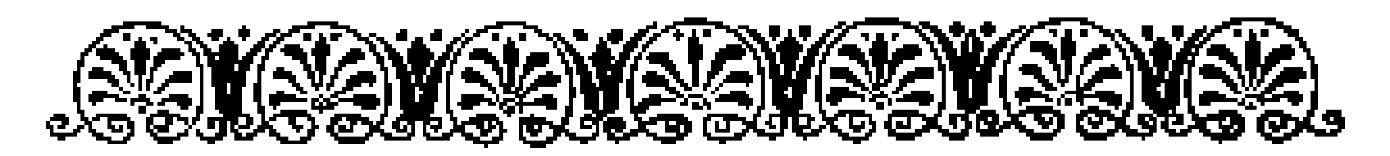
Внешняя политика Афин

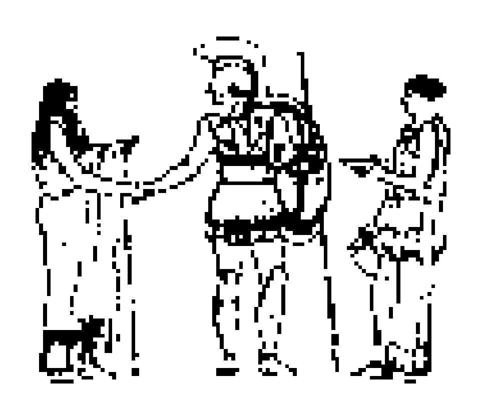
В середине V в. отчётливо выступает новое направление афинской внешней политики, которое впервые наметилось ещё при Фемистокле. Афины заключают соглашения с Керкирой, с Сегестой и Леонтинами в Сицилии, с Регием в Италии. Перед афинскими торговыми кругами открылись, таким образом, пути проникновения на запад. В 443 г., стремясь укрепить своё влияние в Италии, афиняне вывели на её южное побережье колонию Фурии. Этой колонии с самого начала был придан характер общеэллинского предприятия, что должно было повысить авторитет Афин в глазах всего греческого мира.

Чтобы обеспечить интересы Афин на Чёрном море и расширить морской союз за счёт включения в него причерноморских городов, Перикл предпринял около 437 г. понтийскую экспедицию— большой морской поход в Чёрное море. В результате похода Афины укрепили своё влияние на южном побережье Чёрного моря. Возможно, тогда же в состав союза вступили и некоторые города Западного Причерноморья.

Усиление афинского влияния в Причерноморье и попытки Афин утвердиться в Западном Средиземноморье обострили противоречия между Афинской архэ и городами Пелопоннесского союза и привели к крупнейшей в истории Греции войне, называемой обычно Пелопоннесской войной.

[1] См. *К. Маркс,* Передовица в № 179 «Kolnische Zeitung», *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 1, изд. 2, 1955, стр. 98.





ГЛАВА III
ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА. УПАДОК АФИН И ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ

1. Пелопоннесская война (431—404 гг. до н. э.)

Пелопоннесская война как по своему историческому значению, последствиям и продолжительности (она длилась с небольшим перерывом около 27 лет), так и по размаху военных действий и ожесточению боровшихся сторон существенно отличалась от всех других, обычных в Греции военных столкновений между полисами. Это была война между двумя большими группировками греческих государств — между возглавляемым Спартой Пелопоннесским союзом, с одной стороны, и Афинами и их морской державой — с другой. В борьбу включились города греческого Запада — Южной Италии и Сицилии, а также негреческие государства, например Персидская держава Ахеменидов. В масштабах эллинского мира эта война, таким образом, приобрела характер войны всеобщей. «За время её,— пишет один из крупнейших историков древности—Фукидид,— Эллада пережила столько бедствий, сколько ни разу не испытала раньше за такой же период времени... Никогда,— продолжает он,— не было взято и разорено столько городов... не было стольких изгнаний и убийств, вызванных как самой войной, так и междоусобицами». Таким образом, если предшествующий период был временем наивысшего расцвета Греции, то с началом Пелопоннесской войны весь эллинский мир вступил в полосу тяжёлых потрясений; последствия её в равной мере пагубно сказались и на побеждённых и на победителях. Пелопоннесская война послужила преддверием к кризису полиса как особой формы рабовладельческого государства.

Причины войны

Война была вызвана целым рядом причин экономического и социального характера. Таких государств, которые могли бы претендовать на господствующее положение в экономической жизни Греции, к середине V в. до н. э. оставалось немного. Некогда цветущие города малоазийского побережья после разгрома, пережитого ими при подавлении

Дарием Ионийского восстания, не смогли занять своего прежнего места в экономической жизни Греции. В ряде других греческих городов, расположенных на Балканском полуострове, товарное производство было сравнительно слабо развито, и эти города были мало заинтересованы в развитии торговли. В этих условиях главная роль в области торговли принадлежала двум соперничавшим друг с другом греческим государствам: Афинам и Коринфу. Оба эти полиса давно уже вступили на путь развития товарного производства и морской торговли, оба одинаково были заинтересованы в максимальном расширении сферы своего экономического влияния. Острое столкновение между ними стало неизбежным.

В ходе давно уже начавшейся борьбы между Афинами и Коринфом существенное значение приобрели Мегары — тоже торговый город, расположенный на весьма выгодном для торговли Истмийском перешейке, через который проходил путь, связывавший Коринфский и Саронический заливы, Пелопоннес и Среднюю Грецию. Экономически Мегары были значительно слабее и Афин и Коринфа, но, когда около 460 г. до н. э. Мегары порвали с Коринфом, вышли из Пелопоннесского союза и вступили в союз с Афинами, коринфские купцы потеряли возможность транспортировать свои товары через мегарскую гавань. Правда, в 446 г. до н. э. Мегары расторгли свой союз с Афинами и вновь вошли в Пелопоннесское объединение, сблизившись с Коринфом.

Господствуя благодаря Афинскому союзу в Эгейском море, афиняне во времена Перикла широко распространили своё влияние на запад. Между тем торговля с западными городами, в частности с городами Южной Италии и Сицилии, осуществлявшаяся в то время главным образом через Коринфский залив, была одним из основных источников экономического преуспевания Коринфа. Насущнейшие интересы коринфской торговли оказались, таким образом, под серьёзной угрозой. Вести дальнейшую борьбу с таким могущественным противником, как Афины, Коринф мог, только опираясь на своих союзников по Пелопоннесскому объединению, прежде всего на Спарту. Опасаясь уронить свой политический престиж в глазах всех остальных членов Пелопоннесского союза, Спарта не могла отказать в поддержке Коринфу, который был одним из самых влиятельных и крупных участников этого объединения.

Но у Спарты были и другие основания поддерживать коринфян в их борьбе с Афинами. Тут на первый план выступали противоречия между Спартой и Афинами, боровшимися за гегемонию над греческими полисами.

По словам Фукидида, «афиняне своим усилением стали внушать опасения лакедемонянам и тем вынудили их начать войну». Действительно, за истекшее со времени нашествия Ксеркса пятидесятилетие Афины выросли в силу, угрожавшую прочности спартанской гегемонии даже в самом Пелопоннесе. Несмотря на мир, заключённый между Спартой и Афинами в 446/5 г., афиняне продолжали вести свою обычную политику поддержки в греческих полисах враждебных Спарте группировок, преимущественно демократических, тогда как олигархические группировки греческих городов продолжали, как правило, ориентироваться на Спарту.

Таким образом, два лагеря, на которые перед войной распался греческий мир, были разделены не только различиями экономических интересов и стремлением возглавлявших их государств к гегемонии, но в известной мере и различными политическими тенденциями.

Сложный узел обрисованных выше противоречий нашёл своё выражение уже в предшествовавших войне событиях. Поводов к нарушению мира, заключённого между Афинами и Спартой на 30 лет, было несколько. В 435 г. до н. э. возник конфликт между Керкирой и Коринфом из-за Эпидамна, богатого торгового города на Адриатическом побережье, в котором произошёл демократический переворот. Свергнутые олигархи бежали из Эпидамна на Керкиру. В свою очередь, утвердившиеся

у власти эпидамнские демократы в предвидении столкновения с Керкирой, обратились за помощью к Коринфу, который обещал им военную поддержку. Конфликт разгорался. В 433 г. керкиряне обратились за помощью к Афинам и заключили с ними союз. В происшедшем морском сражении у Сиботских островов афинская эскадра, действуя совместно с морскими силами Керкиры, заставила отступить флот Коринфа. Таким образом, афиняне в данном случае поддержали олигархов. Стремление подчинить своему влиянию Эпидамн и Керкиру заставило их отступить от традиционной политики поддержки демократии.

Второе столкновение произошло из-за коринфской колонии на Халкидике — Потидеи. Этот город продолжал сохранять связь со своей метрополией, и Коринф ежегодно направлял в него своих представителей. В то же время Потидея находилась в составе Афинского морского союза. После сражения у Сиботских островов афиняне, опасаясь, что Потидея под влиянием Коринфа может отпасть от союза, потребовали удаления коринфских должностных лиц — *эпидемиургов* и срытия городских стен со стороны моря. Свое требование афиняне подкрепили посылкой отряда кораблей я гоплитов. В ответ на это подстрекаемые Коринфом и Македонией потидеяне заявили о своём выходе из союза. Афиняне снарядили большой флот и сухопутные силы и открыли военные действия против Потидеи. Потидеянам оказали военную помощь Коринф и македонский царь Пердикка. Между Афинами и Коринфом, таким образом, произошло второе военное столкновение.

Третьим поводом к Пелопоннесской войне явился конфликт Афин с Мегарами, закончившийся тем, что афинское народное собрание вынесло особое постановление, запрещавшее торговлю с мегарянами в Аттике и во всех портах Афинского союза, что нанесло страшный удар по мегарской торговле и поставило Мегары в крайне тяжёлое положение. В этой обстановке Коринф обратился к Спарте с требованием созвать съезд городов Пелопоннесского союза и объявить от его имени войну Афинам. Сама Спарта, всегда опасавшаяся восстаний илотов в своём тылу, не была заинтересована в том, чтобы вступать в новую большую войну, но под давлением Коринфа и других своих союзников начала с Афинами переговоры. В ходе переговоров афинянам был предъявлен ряд таких требований (вроде роспуска Афинского союза или изгнания Перикла), на которые они заведомо не могли согласиться. После отклонения Афинами спартанского ультиматума началась война.

Первый период войны

Первый период войны, так называемая Архидамова война, начался с нападения союзников Спарты — фиванцев на Платеи в 431 г. до н. э. и вторжения спартанского царя Архидама с пелопоннесским войском в Аттику. Всё население Аттики нашло спасение за неприступными для противника стенами Афин. Тактика афинян соответствовала заранее обдуманному Периклом плану ведения войны, основанному на учёте реального соотношения сил. Сухопутные силы афинян были значительно слабее пелопоннесских, зато благодаря своему флоту они имели огромное преимущество на море. Кроме того, афиняне, располагавшие регулярным поступлением фороса и запасом средств в государственной казне, были значительно лучше подготовлены к войне в финансовом отношении. Поэтому они уклонились от сражения с противником на суше и в ответ на вторжение Архидама послали свой флот к берегам Пелопоннеса. На следующий год, когда Архидам снова вторгся в Аттику, население её, как и в первый раз, переселилось под защиту городских укреплений. Благодаря господству Афин на море в переполненном людьми городе не ощущалось недостатка в продовольствии, но положение осложнилось тем, что в нём вспыхнула эпидемия какой-то страшной болезни.

Бедствием воспользовались политические противники Перикла. Активизировали свои действия олигархи, острым недовольством были охвачены и вынужденные бросить свое хозяйство крестьяне. Дело кончилось тем, что Перикл в 430 г. был отстранен от должности стратега, обвинён в должностных злоупотреблениях и при-

суждён к громадному штрафу в 50 талантов. Правда, когда эпидемия пошла на убыль, народное собрание отменило своё прежнее решение и вновь избрало Перикла на должность стратега, но вскоре он умер (и 429 г.). После его смерти в Афинах обострилась борьба внутри демократических кругов населения. Одна из группировок, возглавленная богачом Никием, в общем следовала политическому курсу Перикла, другая была настроена более радикально в области внутренней политики и одновременно более агрессивно в области политики внешней.

Афинские воины.
Надгробие конца V в. до н. э. Мрамор.

Состав последней группировки был довольно пестрым. С одной стороны, это были разорённые или наименее обеспеченные слои афинских граждан, привыкшие жить за счёт общественных раздач, т. е. эксплуатации союзных городов. Они мечтали о выводе новых клерухий на земли побеждённых, об увеличении доходов афинской казны и вытекавшей отсюда возможности увеличения раздач и т. д. С другой стороны, к этой группировке примыкали и авантюристически настроенные элементы из среды афинских торговцев, ремесленных предпринимателей, судовладельцев и т. д., готовые идти на риск и многое поставить на карту в предвидении тех выгод, какие им может принести победа. Вождём этой разнородной группировки, получившей в историографии название «радикальной демократии», был сын владельца кожевенной мастерской Клеон. Выражая интересы перечисленных выше слоев населения, он требовал более решительного и активного ведения войны и более крутой политики по отношению к союзникам.

Между тем пелопоннесцы возобновили свои вторжения в Аттику, на которые афиняне отвечали действиями на море. Взаимное ожесточение борющихся сторон всё более возрастало. Против Афин вспыхнуло восстание в Митилене (на острове Лесбос), объявившей о своём выходе из союза. Афиняне подавили восстание с крайней жестокостью. Спартанцы же, овладев после длительной осады Платеями, почти поголовно уничтожили их население. Керкира была охвачена внутренней борьбой: и демократы и олигархи привлекали на свою сторону рабов обещаниями свободы; перевороты, происходившие здесь, сопровождались беспощадными расправами победителей над побеждёнными.

Перелом в ходе военных действий, шедших в первый период войны с переменным успехом, наметился в 425 г., когда афинянам удалось овладеть на побережье Мессении Пилосом, а кроме того, взять в плен на острове Сфактерия 120 спартиатов

из самых знатных семей и возбудить волнения среди илотов. Но этот успех был ослаблен поражением афинян в сражении у беотийского города Делия и ответными действиями спартанского полководца Брасида в Халкидике и Фракии, где ому удалось добиться отпадения от Афин ряда их союзников.

Афиняне были настолько встревожены начавшимся развалом своего союза, что направили на север Балканского полуострова войско, возглавленное Клеоном. В неудачном для афинян сражении у Амфиполя (422 г. до н. э.) были убиты и афинский полководец Клеон и спартанский полководец Брасид, после чего в Афинах и в Спарте усилились мирные настроения. Затяжная война, истощая силы обеих сторон, но приводила ни к какому результату. В Афинах перевес получило возглавляемое Никием более умеренное течение.

В результате переговоров Афины и Спарта в 421 г. до н. э. заключили так называемый Никиев мир, основным условием которого было восстановление существовавшего до воины положения. Практически выполнение этого условия оказалось, однако, неосуществимым. Такие полисы, как Коринф и Мегары, жизненно заинтересованные в сокрушении Афинской державы и принёсшие много оказавшихся теперь напрасными жертв, были недовольны политикой Спарты. Дело дошло до острых конфликтов внутри Пелопоннесского союза. Спарта не торопилась возвращать Афинам перешедшие в ходе войны на её сторону города, в которых успели утвердиться сочувствовавшие ей олигархические правительства. Афины вернули Спарте перебежавших к ним во время войны илотов, но не вывели своего гарнизона из Пилоса. Политическая обстановка в Афинах после заключения мира оставалась напряжённой.

Возобновление войны. Поход в Сицилию

В связи с прибытием в Афины посольства из сицилийского города Сегесты с жалобами на притеснения, которые жителям этого города приходилось терпеть от других сицилийских городов, придерживавшихся пелопоннесской ориентации, в среде радикальной демократии появились плены вмешательства в сицилийские дела. Особенно горячо поддержал проект большого морского похода в Сицилию Алкивиад, один из видных политических деятелей того времени.

Алкивиад принадлежал к одному из наиболее знатных и богатых афинских родов. По материнской линии он приходился родственником Периклу, который после смерти родителей Алкивиада стал его опекуном. Будучи от природы человеком одарённым, Алкивиад получил хорошее образование и рано проявил блестящие военные и ораторские способности. Вместе с тем Алкивиад был непомерно честолюбив и беспринципен. Он не только неоднократно менял свою политическую ориентацию, но не останавливался и перед прямой изменой Афинам. Прежняя полисная патриотическая мораль была ему совершенно чужда. Демократию в кругу близких друзей он называл «общепризнанной глупостью», что не помешало ему, однако, начать свою политическую карьеру в качестве сторонника демократии.

Поддержанный Алкивиадом проект похода в Сицилию сразу же приобрёл многочисленных сторонников в среде радикально настроенной демократии, особенно среди торговых слоев афинского демоса. Но и беднейшие слои населения, увлечённые демагогическими посулами и широковещательными планами Алкивиада, рассчитывали на улучшение своего положения за счёт военной добычи, за счёт включения сицилийских городов в состав Афинской державы и обложения их форосом. Несмотря на то, что Никий и его единомышленники указывали, что поход в Сицилию неизбежно приведёт к возобновлению войны с Пелопоннесским союзом, всё же сторонникам экспедиции удалось добиться постановления экклесии об организации похода.

Афиняне снарядили огромный флот в 134 триэры, который взял на борт 6 400 воинов. Экспедицию по решению народного собрания должны были возглавить три стратега: Алкивиад, Ламах, стяжавший известность своей храб-

ростью во время Архидамовой войны, и Никий—противник похода, который должен был подчиниться воле собрания. По поводу избрания Никия афиняне говорили, что война будет идти успешнее, если развести крепкое вино трезвой водой, т. е. к Алкивиаду и Ламаху прибавить осторожного и рассудительного Никия.

В ночь накануне отплытия флота неизвестными лицами были изуродованы стоявшие на афинских улицах *гермы*—изображения бога Гермеса. Политические противники Алкивиада воспользовались происшествием и обвинили его в соучастии в этом преступлении. После отплытия флота, когда соотношение сил в афинской экклесии изменилось в их пользу, они добились постановления об отозвании Алкивиада и привлечении его к суду. За ним был направлен корабль «Саламиния». Однако на обратном пути в Афины Алкивиад бежал в Пелопоннес и затем открыто перешёл на сторону спартанцев. По его совету они оказали военную помощь осаждённым афинянами Сиракузам.

Если вначале военные действия в Сицилии развивались удачно для афинян и осаждённые Сиракузы были близки к капитуляции, то после прибытия к ним на помощь подкрепления из Спарты положение существенно изменилось. Афиняне стали терпеть поражения, и Никий был вынужден обратиться в Афины с просьбой срочно выслать в Сицилию дополнительную эскадру. Однако эта помощь не принесла ожидаемого результата. В 413 г. афиняне фактически должны были снять осаду Сиракуз. Вскоре сиракузяне в морском сражении частью уничтожили, частью блокировали афинский флот. У афинян не осталось иного выхода, как начать отступление вглубь острова. Часть отступавших была перебита, остальные, в том числе и стратеги, попали в плен. Почти все афиняне погибли в невыносимых условиях плена.

Сицилийская катастрофа явилась переломным моментом в ходе всей войны. Потеряв в Сицилии почти весь флот и наиболее боеспособную часть гражданского ополчения, афиняне лишились своего преобладания над союзниками. Начался развал Афинского союза. Лесбос и Хиос тайно направили послов к спартанцам и заявили, что готовы отпасть от Афин, как только у их берегов появится пелопоннесская эскадра. Хиос это обещание выполнил. От афинян отпали также Эрифры, Клазомены, Теос, Милет и другие города малоазийского побережья. Афиняне теперь были бессильны что-либо предпринять против отпадающих союзников.

Ценой огромного напряжения сил афиняне в 412 г. до н. э. отстроили 150 новых триэр, что несколько приостановило процесс распада союза. Между тем спартанцы ещё до сицилийской катастрофы изменили свою прежнюю тактику кратковременных вторжений и заняли постоянным гарнизоном Декелею, расположенную в 20 *км* от Афин. Таким образом, афиняне оказались под постоянным наблюдением и контролем противника. При этом, по свидетельству Фукидида, 20 тыс. рабов (главным образом ремесленников) перебежало к спартанцам. Это был сильный удар по экономике Афин.

Отдавая себе отчёт в том, что конечной победы можно достигнуть лишь на море, спартанцы одновременно обратились к Персии с просьбой о денежной субсидии, необходимой для содержания большого флота. Персы, будучи заинтересованы в продолжении войны, ослаблявшей греческие государства, обещали Спарте поддержку и предоставили ей денежные средства. За это Спарта признала права персидского царя на малоазийские греческие города.

Олигархический переворот 411 г. до н. э.

Постигшая афинян катастрофа существенно отразилась и на их политической жизни. Положение в городе, постоянно находившемся под угрозой неприятеля, было тяжёлым и напряжённым. Гибель большого числа сторонников демократического строя во время сицилийской экспедиции и в других сражениях Пелопоннесской войны и активная деятельность организованных в так называе-

мые *гетерии* (товарищества) олигархов привели в 411 г. до н. э. к политическому перевороту в Афинах. Под давлением олигархов народное собрание было вынуждено санкционировать отмену прежнего политического строя и замену его новым — олигархическим. Сущность этого нового строя заключалась в передаче верховной власти особому «совету четырёхсот», состоявшему только из самых богатых афинских рабовладельцев. Этот совет должен был управлять государством, созывая по своему усмотрению народное собрание, число участников которого было уменьшено до 5 тыс. наиболее зажиточных граждан. Все раздачи должностным лицам из государственной казны отменялись. Но даже и эти меры, сводившие к нулю все прежние права большинства афинских граждан, казались крайним афинским олигархам, возглавляемым Антифонтом, Писандром и Фринихом, недостаточными. Они были вообще против созыва собрания пяти тысяч; в области же внешней политики они настаивали на немедленном заключении мира со Спартой.

Афинский флот, в котором было наибольшее число приверженцев прежнего демократического строя, находился в это время у острова Самос. Вести о происшедших в Афинах переменах были встречены афинскими моряками с возмущением. Узнав о настроениях в афинском флоте, Алкивиад, который в это время находился в Персии и у которого отношения со спартанцами успели испортиться, вступил в переговоры с афинскими моряками. Переговоры эти закончились тем, что Алкивиад был провозглашён командующим флотом.

Тем временем олигархи в Афинах, не добившись мира со Спартой, поскольку последняя выдвинула совершенно неприемлемое даже для олигархического «совета четырёхсот» требование о полном роспуске Афинского союза, вступили на путь прямой измены и стали подготавливать капитуляцию Пирея. Намерения их, однако, были разгаданы представителями более умеренного олигархического направления, возглавляемого Фераменом. Фриних был убит, и власть перешла к группировке Ферамена. Последовавшее затем поражение при Эретрии снаряженного олигархами флота и восстание против Афин на Эвбее окончательно подорвали престиж олигархического правительства. Вскоре после этого в Афинах был полностью восстановлен демократический строй. Восстановлены были и раздачи государственных пособий беднейшим гражданам. Афинский флот под командованием Алкивиада направился к Геллеспонту и здесь нанёс ряд поражений спартанцам. Эти победы, увенчавшиеся восстановлением власти афинян над Халкедоном и Византием, обеспечили подвоз в Афины черноморского хлеба. При таких условиях Алкивиад мог спокойно возвратиться в Афины, где он был торжественно встречен всем населением города и избран стратегом с широкими полномочиями.

Последние годы войны

Вскоре общая обстановка снова изменилась не в пользу афинян. Младший сын царя Дария II Кир, получивший в своё управление малоазийские сатрапии, стал оказывать щедрую поддержку Спарте. В это же время спартанский флот был возглавлен талантливым *навархом* (командиром флота) Лисандром. В 408 г. до н. э. афиняне потерпели поражение в морском сражении у мыса Нотия. Хотя Алкивиад непосредственно и не командовал афинскими кораблями в этом сражении, но афиняне, По-видимому, заподозрили его в каких-то новых политических манёврах и отстранили от должности стратега. На этом заканчивается политическая карьера Алкивиада. Он уехал сначала на Херсонес Фракийский, потом во Фригию, где вскоре был убит.

В эти последние годы войны в Афинах был проведён ряд мер, свидетельствующих о крайне напряжённом положении в государстве. Был, например, отменён известный закон Перикла о составе афинского гражданства, так как при огромной убыли населения потребность в нём отпала. По той же причине рабов стали использовать в качестве гребцов на военных кораблях, тогда как раньше их преимущественно использовали на кораблях торговых. Вызванный войной упадок экономической жизни

Афин заставил правительство пойти на такую меру, как *диобелия* — ежедневная выдача из казны гражданам, не имеющим заработка, пособия в сумме 2 оболов.

В 406 г. до н. э. афинский флот одержал последнюю победу над пелопоннесским флотом в сражении у Аргинусских островов. Однако после этого сражения командовавшие флотом афинские стратеги, очевидно в результате происков их политических врагов, были преданы суду по обвинению в том, что они якобы сознательно не подобрали тонувших в море сограждан и не предали погребению тела убитых. Стратеги были приговорены к смертной казни, что, конечно, ослабило афинский флот.

В 405 г. до н. э. Лисандр, хорошо понимая, какое значение имеет для афинян Геллеспонт, сосредоточил свои военные силы у этого пролива. Афинский флот также находился в Геллеспонте, избрав местом своей стоянки устье небольшой реки Эгоспотамы. Падение военной дисциплины в афинском флоте к этому времени было настолько велико, что большая часть афинских гребцов и воинов рассеялась по берегу, корабли же стояли без надлежащего военного охранения. Воспользовавшись этим, Лисандр внезапно напал на афинский флот и нанёс ему сокрушительное поражение. Из 180 афинских кораблей около 170 было захвачено спартанцами и только нескольким кораблям удалось уйти в море. Все взятые в плен афинские моряки были казнены.

Капитуляция Афин

Поражение при Эгоспотамах окончательно подорвало силы афинян. От этого удара они уже не смогли оправиться, к тому же враг не давал им возможности опомниться. Вскоре пелопоннесское сухопутное войско и флот блокировали Афины.

Радикальная демократия, которая тогда ещё находилась у власти, и её вождь Клеофонт предприняли ряд героических попыток отстоять город. Был принят закон, угрожавший смертной казнью всякому, кто заговорит о мире. Но положение становилось безвыходным. В осаждённом и отрезанном от внешнего мира городе начались голод и болезни. Всё больше усиливалось влияние олигархических группировок, которым удалось добиться казни Клеофонта. Осада Афин продолжалась ещё несколько месяцев, но в конце концов истощенные голодом афиняне сдались на милость победителя.

Коринф, Фивы и другие наиболее враждебно настроенные по отношению к Афинам города потребовали полного их разрушения и поголовной продажи афинского населения в рабство. Спарта, однако, не была заинтересована в чрезмерном усилении своих союзников и настояла на сохранении Афин в качестве своего рода противовеса Коринфу и Фивам. Тем не менее заключённый в 404 г. до н. э. мир был для афинян очень тяжёлым: распускался Афинский морской союз; афиняне лишались права иметь флот, за исключением 12 сторожевых кораблей; разрушались «Длинные стены» и укрепления Пирея. Афины теряли все свои прежние владения, за исключением территории самой Аттики и острова Саламин, и должны были вступить в союз со Спартой, признав её гегемонию; наконец, специально оговаривалось, что афиняне должны вернуть изгнанников и восстановить «строй отцов».

Правительство «тридцати тиранов». Восстановление демократического строя

Последнее несколько неясно сформулированное требование спартанцы расшифровали в том смысле, что передали власть над Афинами олигархическому правительству «тридцати тиранов». Таким образом, демократический строй в Афинах был снова отменён. То же произошло во многих других греческих городах, в которых спартанцы посадили своих наместников и реакционные олигархические правительства. В состав правительства «тридцати тиранов» в Афинах вошли главным образом крайние олигархи во главе с Критием, в своё время участвовавшие в перевороте 411 г., и некоторое число более умеренных олигархов, возглавляемых Фераменом. Они назначили совет в составе 500 человек и ограничили число полноправных граждан тремя тысячами человек. Фактически деятельность правительства свелась к массовому свирепому террору, направленному против демократов.

Вскоре между самими тиранами началась борьба: Ферамен выступил против Крития, однако последний добился его казни. Дело дошло до гражданской войны. Вернулись изгнанные ранее из Афин сторонники демократического строя во главе с Фрасибулом и с помощью населения Пирея и самих Афин вынудили тиранов бежать в Элевсин. Некоторое время в Аттике одновременно существовали три правительства: демократов в Пирее, умеренно-олигархическое (потом сменившееся умеренно-демократическим) в Афинах и правительство крайних олигархов в Элевсине. Олигархи обратились за помощью к Спарте, и Лисандр выступил в поход. Но так как эфоры и царь Павсаний опасались чрезмерного усиления Лисандра, его действия были приостановлены. После этого правительства, находившиеся в Пирее и Афинах, объединились, а элевсинское правительство пало. В 403—402 гг. в Афинах был восстановлен прежний демократический строй.

Причины поражения Афин

Такими результатами закончилась 27-летняя ожесточённая война. Главную причину поражения Афинской морской державы следует видеть в том, что эта держава жила за счет жестокой эксплуатации населения многих других греческих городов. Любую военную неудачу Афин союзники стремились использовать, чтобы восстановить свою независимость. Наглядным примером может служить отпадение ряда афинских союзников после катастрофы в Сицилии, в известной море предрешившее окончательное поражение Афин. Определённую роль сыграло и то, что против Афин выступил не только Пелопоннесский союз, но и города греческого Запада. К тому же противники Афин заручились материальной помощью со стороны Персидской державы, располагавшей огромными денежными и военными ресурсами.

2. Экономическое и общественное развитие греческих городов-государств в IV в. до н. э.

Кризис полиса

После Пелопоннесской войны греческие государства вступили в период хронических потрясений — социально-политических и военных. Эти события знаменовали собой кризис полиса, как особой, типичной для древней Греции формы рабовладельческого государства. Важнейшей экономической предпосылкой кризиса был интенсивный процесс концентрации земли, оборотной стороной которого являлось растущее разорение и обезземеливание крестьянства. Необычайно усиливается имущественное расслоение общества, обостряется политическая борьба; коллектив граждан, составлявший основу полиса, теряет былое единство и сплочённость.

В связи с разорением значительной части граждан снизилась численность и боеспособность гражданского ополчения—основы военного могущества полиса. Поэтому теперь возникла потребность в наёмных войсках, вербовавшихся из тех же разорившихся граждан. Не имея возможности обеспечить себе средства существования, бедняки, политические изгнанники охотно шли в наёмные войска соседних полисов или даже Персии.

Наёмничество, означавшее разрыв с традициями свободного и демократического полиса, легко превращалось в орудие политических и военных авантюр. Во главе военных предприятий часто становились богатые люди, имевшие связи с торговыми и ростовщическими кругами. Чем более развивался денежный оборот, том беспощаднее и решительнее становилось применение оружия в целях добывания средств. Крупные суммы, собранные с населения или конфискованные в храмах, постоянно пускались на военные предприятия. Предводители наёмных войск, например Тимофей, Ификрат и др., были связаны с денежными кругами общества, в частности со всемогущим афинским богачом и ростовщиком Пасионом.

Если рост античного люмпен-пролетариата и в связи с этим превращение наёмничества в массовое явление составляли одну из характерных черт кризиса полиса, то другой его чертой, неразрывно связанной с первой, было дальнейшее развитие рабовладельческих отношений и всё более глубокое проникновение рабского труда в основные сферы производства. В полосу кризиса греческие полисы вступили далеко не одновременно. В первую очередь его воздействие ощутили на себе наиболее развитые полисы, тогда как ранее отсталые общины Греции (например, города Беотийского союза), - выйдя теперь из-под опеки более сильных государств, начали развиваться более быстрыми темпами, и некоторые из них превратились в крупные экономические и политические центры.

Развитие рабовладения. Положение рабов в IV в. до н. э.

Войны между полисами стали одним из крупных источников пополнения числа рабов. Так, например, во время Пелопоннесской войны были проданы в рабство женщины и дети Платой, Мелоса, Иаса и многих других местностей.

Расширяется сфера применения труда рабов. Характерно, что все данные источников о мастерских, в которых труд рабов эксплуатировался в широких масштабах, относятся именно к IV в. Так, мы знаем, что в мастерской, принадлежавшей отцу афинского оратора Лисия, работало 120 рабов — цифра для прежнего времени небывалая. В мастерских отца другого знаменитого афинского оратора — Демосфена — работало 63 раба.

К этому же времени относится более широкое использование труда рабов и в сельском хозяйстве. Очевидно, в хозяйстве таких крупных землевладельцев, как Эпикрат, состояние которого исчислялось в 600 талантов, или Каллий, имущество которого равнялось 200 талантам, использовалась и рабочая сила рабов. Однако эксплуатация рабов в сельском хозяйстве Аттики оставалась недостаточно выгодной с точки зрения самих землевладельцев.

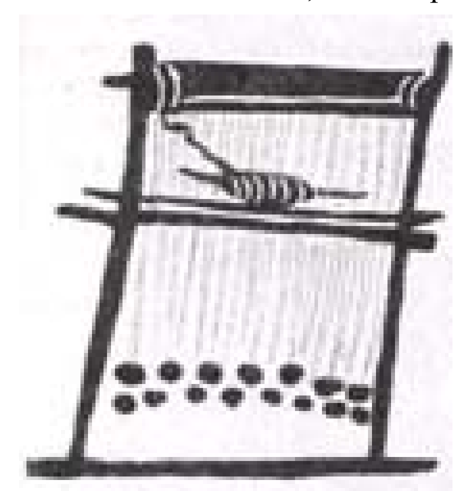
В IV в. до н. э., несомненно, увеличилось число рабов, эксплуатируемых на горных работах, например в принадлежавших Афинскому государству Лаврийских серебряных рудниках. Как уже указывалось, в Афинах издавна практиковалась сдача отдельными рабовладельцами принадлежавших им рабов крупными партиями (в 300—600 и даже 1 000 человек) подрядчикам, ведавшим этими работами. Ксенофонт в трактате «О доходах», написанном в первой половине IV в., сообщает, что «никто теперь из владеющих рабами в рудниках не уменьшает числа их, но всегда приобретает как можно больше новых, и это оправдывается тем, что каждый такой отданный в аренду раб ежедневно даёт своему владельцу один обол чистого дохода». Автор трактата советует и государству также заняться приобретением рабов и использованием их труда на рудниках: по его подсчётам, если число таких рабов будет доведено до 10 тыс. человек, то доход государства от их эксплуатации достигнет 100 талантов.

В IV в. до н. э. рабы занимают уже настолько крупное место в производстве и хозяйственной жизни Греции, что возникает потребность в разработке практических приёмов эксплуатации их труда и в теоретическом обосновании рабства. Тот же Ксенофонт советует применять по отношению к рабам такие же приёмы «воспитания», как и к животным, ибо, «угождая влечениям их желудка, можно добиться от них многого». Знаменитый греческий философ Платон в сочинении «Законы» говорит о распространенном в Греции воззрении, согласно которому «породе рабов» не следует ни в чём доверять и следует воздействовать на них «стрекалом и бичом». Платон при этом сетует на тех, кто «безрассудно изнеживает рабов» и «этим только делает более трудной их подчинённую жизнь, да и самим себе затрудняет управление ими». Другим не менее знаменитым философом — Аристотелем была даже разработана целая теория о разделении людей по самой их природе на свободных и рабов. «Одни, — писал Аристотель, —естественно являются свободными, а

другие — естественно рабами и... по отношению к этим последним рабское положение столь же полезно, как и справедливо». Раб по природе (к числу их Аристотель относит всех «варваров», т.е. чужеземцев, не-греков) «совершенно лишён воли» и нравственных чувств, ибо «если предположить в рабах личные достоинства, то в чём же будет их отличие от свободных людей?». Совершенно очевидно, что подобного рода рассуждения отражают характерные воззрения господствующих слоев развитого рабовладельческого общества.

Афины в первой половине IV в. до н. э.

Пелопоннесская война самым пагубным образом отразилась на состоянии афинского хозяйства, особенно сельского. Многократные и опустошительные вторжения врага на территорию Аттики, во время которых было сожжено и уничтожено множество селений, вырублены оливковые рощи, истреблены виноградники и погиб от бескормицы почти весь скот, вконец разорили аттическое крестьянство. Очень многие из переживших воину земледельцев Аттики не вернулись в свои разорённые хозяйства, так как у них не было средств на их восстановление. Продав свои земельные участки за полцены, крестьяне уходили в город, однако лишь некоторые из них могли найти применение своим силам, так как афинское ремесленное производство и торговля находились в состоянии полного застоя. Война на ряд лет парализовала торговлю большинства греческих государств, так как плавание вдоль неприятельских берегов или в контролируемых вражескими флотами водах было весьма опасным. Всё это на долгое время лишало афинских ремесленников возможности сбывать свои изделия за морем. Обнищание населения и падение его покупательной способности значительно сократили спрос на ремесленные изделия и в самих Афинах.



Ткацкий станок.
Изображение на чернофигурном сосуде из Беотии. IV в. до н. э.

После окончания военных действий это положение мало чем изменилось к лучшему. В городах, менее других пострадавших от военных бедствий, после войны сократился спрос на изделия афинского ремесла. Во время войны они волей-неволей должны были удовлетворять свою потребность в ремесленных изделиях собственными средствами, и теперь многие из них располагали достаточно развитым ремесленным производством. Морские торговые пути после войны вообще изменили прежнее направление: после военного разгрома Афины утратили своё былое значение крупнейшего узлового торгового центра всей Греции, и поток товаров, проходивших через Пирей, значительно сократился.

Одновременно в Афины хлынули афинские клерухи, согнанные с территорий бывших союзников после роспуска Афинского морского союза по мирному договору 404 г. При всей скудости и неточности статистических сведений, имеющихся в нашем распоряжении, можно полагать, что количество неимущих граждан превышало в то время половину всего населения Афин.

Наряду с этим многие богатые люди не только сохранили, но и увеличили свои состояния. Значительная часть средств, затраченных воюющими государствами на покрытие военных расходов, попала в руки всякого рода подрядчиков, хозяев оружейных мастерских, судовладельцев и др. В обстановке упадка сельского хозяйства и ремесла обогатившиеся во время войны люди пускались во всякого рода тёмные спекуляции и занимались ростовщичеством. В одной из своих речей афинский оратор Лисий упоминает о махинациях хлебных спекулянтов, скупавших хлеб для того, чтобы поднять на него цену. Аристотель сообщает об одном ловком

торговце, нажившем в Сицилии 50 талантов на спекуляции железом. Многие скупали у разорившихся крестьян землю. Именно в это время в Аттике широко развёртывается процесс концентрации земель, столь характерный для периода кризиса полиса.

Спарта

После разгрома Афин переход руководящей роли к Спарте, как главе Пелопоннесского союза, был вполне закономерен. Военный и политический вес этого государства во многом определялся относительной сплоченностью коллектива спартиатов. Однако в IV в до н. э. положение в Спарте существенно изменилось. Государственная форма собственности на землю начинает разлагаться, усиливается социальное расслоение «общины равных» В последние годы воины благодаря щедрым персидским субсидиям Спарта обзавелась собственным флотом. Помимо персидских денег в руки спартанской знати попадала богатая военная добыча. По словам философа Платона, «одного только золота и серебра в частном владении во всей Греции нельзя было найти столько, сколько его стало в одном Лакедемоне».

При таких условиях древние спартанские законы, предписывавшие всем спартиатам иметь одинаковые участки земли, пользоваться только железными деньгами и запрещавшие ввозить в Спарту золото и серебро, стали постоянно нарушаться. Вскоре эти законы были отменены и официально. Реформой эфора Эпитадея около 400 г. до н. э. спартиатам было разрешено дарить земельные участки или передавать их по завещанию. Эта реформа фактически санкционировала и вместе с тем ускорила процесс концентрации земли. Задолжавшие спартиаты продавали свои земельные участки под видом дарения или передачи по завещанию. Таким образом, появилось большое число неимущих. Так как в Спарте тот, кто не имел тяжёлого вооружения и не являлся участником совместных трапез — *фидитий,* автоматически лишался политических прав, число граждан стало катастрофически сокращаться. Если Спарта в 480 г. могла выставить более 8 тыс. гоплитов, то в 371 г. она располагала лишь 1500—2000 гоплитов.

Теперь среди спартиатов появились новые деления: те, кто сохранил свой земельный участок, стали называться *гомеями* (равными); те, кто разорился,— *гипомейонами* (меньшими). Фактически за гипомейонами сохранилось лишь право участвовать в народном собрании, значение которого в политической жизни Спарты и раньше было невелико. В связи с появлением нового органа управления в Спарте — «малой экклесии», куда допускались, видимо, только гомеи, значение народного собрания ещё больше упало.

Имущественное расслоение неизбежно вело к обострению социальной борьбы. В 399 г. до н. э. спартанец Кинадон, опираясь на разорившихся и недовольных существующими порядками граждан, попытался свергнуть власть олигархов. Ксенофонт сообщает, что замыслы заговорщиков «совпадали со стремлениями всех илотов, неодамодов (освобождённых илотов.— *Ред.*), гипомейонов и периэков». Заговор Кинадона, однако, был раскрыт, и сам он казнён.

Острый разлад начался и в правящей среде. В ней чётко обозначились две враждующие группировки. Одна из них, консервативная, во главе которой стоял царь Агесилай, всячески стремилась сохранить стародавние порядки и, в частности, выступала против активной внешней политики, ибо считала её гибельной для Спарты. Вторая, возглавленная Лисандром, напротив, была за решительное изменение прежних порядков, не отвечавших интересам крупных землевладельцев, и ставила своей целью укрепление спартанской гегемонии над всем эллинским миром.

Коринф, Аргос, Беотийский союз

Состояние других греческих полисов было далеко не одинаковым. Так, например, хотя Коринф и вышел победителем из Пелопоннесской войны, положение в этом полисе в начале IV в. до н. э. вряд ли было многим лучше, чем в Афинах. В ходе войны между Коринфом и Спартой, начавшейся вскоре после окончания Пелопоннесской войны, коринфская территория подверглась не меньшим опустошениям, чем в. своё время

территория Аттики. В самом Коринфе кипела социальная борьба. В 392 г. борьба между правящим олигархическим слоем и рядовыми гражданами вылилась в форму кровавого столкновения на улицах города.

Сходные события двумя десятилетиями позже произошли в Аргосе, где толпа дубинами перебила 1 200 аристократов, заподозрив их в подготовке олигархического переворота. Волна таких же, но, может быть, несколько менее ярких проявлений классовой борьбы прокатилась в это время и по другим городам Пелопоннеса.

В Средней Греции, например в Беотии, положение было несколько иным. Товарное производство, ремесла, торговля, рабовладельческие отношения были развиты в Беотии слабее, чем в передовых полисах Греции, большую часть населения этой области составляло крестьянство. Во время греко-персидских войн беотийская родовая знать жестоко поплатилась за свой переход на сторону персов: после сражения при Платеях греческие союзники предприняли поход против Фив с целью наказать фиванскую аристократию за измену. В результате похода много знатных фиванцев было уничтожено, их политическое преобладание было навсегда сломлено. Однако оно перешло после этого не к беотийскому демосу, а к так называемым «всадникам» — средним и крупным землевладельцам неаристократического происхождения, способным содержать коня и приобрести себе полное всадническое вооружение. Хотя в середине V в. власть беотийских всадников в результате вмешательства Афин во внутренние дела Беотии была на время поколеблена и в ряде городов на короткий срок утвердилась демократия, всадникам удалось всё же восстановить своё положение во всех городах Беотийского союза.

Беотийский союз, восходивший своими корнями к древней племенной федерации, приобрел ко времени Пелопоннесской войны черты более тесного объединения полисов, возглавленного общими для всей Беотии органами: союзным советом, считавшимся верховным органом союза, коллегией так называемых *беотархов,* наделённых функциями военной и гражданской власти, союзным судом, По-видимому разбиравшим конфликты между городами и дола по преступлениям против союза. Местопребыванием всех этих органов были Фивы. В этом же городе была сосредоточена чеканка монеты для всего союза.

В области внешнеполитических взаимоотношений правительство Беотийского союза придерживалось спартанской ориентации, и в течение всей Пелопоннесской войны беотийские города активно участвовали в военных действиях против Афин. После окончания войны обстановка существенно изменилась. Афины не могли больше угрожать Беотии, политика же её союзника Спарты, открыто стремившейся подчинить своей гегемонии всю Грецию, но сулила беотийским городам ничего хорошего. К тому же во внутренней жизни Беотии к рассматриваемому времени наметились довольно важные сдвиги. Сельское хозяйство и теперь составляло основу экономической жизни Беотии, но всё большее развитие наряду с зерновыми культурами получают виноградарство, разведение плодовых деревьев, огородничество, т. е. те отрасли сельского хозяйства, которые давали большую, чем хлебопашество, товарную продукцию. Товарно-денежные отношения за это время успели довольно глубоко проникнуть в экономический быт крестьянства и других слоев беотийского общества.

Прямым следствием всех этих перемен в экономике Беотии и во внешнеполитической обстановке были изменения в расстановке классовых сил и обострение социально-политической борьбы во всех городах Беотии. Беотийское крестьянство и демократические элементы городского населения переходят теперь в наступление против всадников, продолжавших придерживаться спартанской ориентации. Всадники потерпели поражение и были вынуждены выпустить власть из своих рук. В Беотийском союзе утвердилось умеренно-олигархическое правительство, которое было враждебно настроено по отношению к Спарте и сразу же повело политику

сближения с побежденными Афинами. Афинские эмигранты, бежавшие в Беотию от преследовании «тридцати тиранов», были здесь радушно встречены. Однако положение нового правительства не было прочным. Политическая борьба в Беотии продолжала развиваться с нарастающей силой и шла с переменным успехом для участвовавших в ней сторон.

Малоазийские города, Византии и Родос

Несмотря на тяжёлые потрясения, пережитые во время войны греческими городами малоазийского побережья, некоторые из них в IV в. сумели восстановить своё благосостояние. Так, например, Эфес благодаря своей торговле с внутренними областями Малой Азии вскоре стал еще богаче, чем был до войны. Не менее интересна в этом отношении судьба Византия. Этот город входил в состав Афинского союза и его гражданам пришлось в полной мере претерпеть все бедствия войны. Дважды Византии поднимал восстания против Афин и отлагался от них. Потом ему пришлось пережить гнёт спартанской оккупации. Транзитная торговля через пролив обогащавшая не только купцов и городскую казну, но и кормившая многих работавших в гавани рядовых граждан, замерла. Восстало полузависимое от Византия окрестное фракийское население. Многие из граждан Византия разорились потеряв свои торговые и ремесленные предприятия, земельные участки работу в порту.

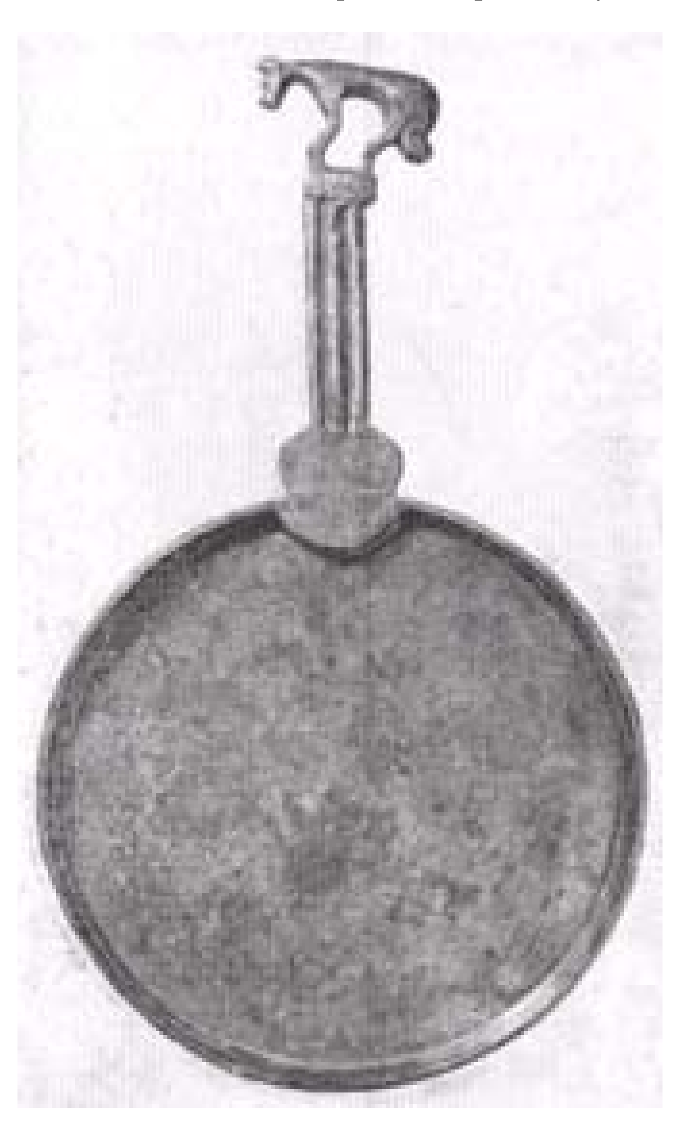
В таком положении Византии находился, однако, только в течение первого десятилетия IV в. до н. э. В конце этого десятилетия, когда спартанская гегемония была сломлена, граждане Византия изгнали из своего города спартанского наместника, свергли посаженное спартиатами олигархическое правительство, восстановили демократический строй и возобновили свои старые торговые связи с Афинами Одновременно Византии установил связи и с рядом других торговых центров-Самосом, Эфесом, Книдом. С этого времени экономическая жизнь в городе начинает быстро возрождаться. Через пролив снова пошли причерноморский хлеб и другие виды экспортируемых в Грецию товаров.

Особенно большие выгоды принесли Византию торговые связи с Родосом — новым, быстро растущим торговым центром, чрезвычайно заинтересованным в доставке своих товаров через Геллеспонт и расширении торговой деятельности в причерноморских странах. О широких торговых связях Родоса с припонтийскими областями свидетельствуют многочисленные находки родосской керамики на всём побережье Чёрного моря. Число родосских кораблей, прибывавших в Византии, значительно превышало количество кораблей, прибывавших сюда из других торговых городов Греции. Наряду с причерноморским хлебом существенную роль в византийской торговле начинает играть и торговля рабами. Пошлины, взимаемые Византием со всех провозимых через пролив товаров, быстро обогатили его городскую казну. Сбор этих пошлин в Византии, как и в других греческих полисах, сдавался на откуп, что, надо думать, обогащало занимавшихся этими операциями византийских граждан. По всем имеющимся данным источников, в Византии получили широкое развитие всякого рода денежные, кредитные и ростовщические операции.

В IV в. до н. э. принадлежавшая Византию территория расширилась за счёт захвата земель местного фракийского населения. Эксплуатация труда этого населения также способствовала росту богатств верхнего слоя византийских граждан. По обогащение отдельных торговцев, ростовщиков, крупных рабовладельцев и землевладельцев сопровождалось здесь, как и всюду, обнищанием рядовых граждан. Обострялись социальные противоречия и классовая борьба. Недаром побывавший в Византии Ксенофонт обратил внимание на то, что «византийцы не согласны между собой и смотрят друг на друга врагами».

Города Северного Причерноморья

Чрезвычайно своеобразной оказалась судьба греческих городов в Северном Причерноморье. Пелопоннесская война не только не принесла им опустошений и других бедствий военного времени, но в некоторых отношениях оказалась для них выгодной. Так, после сицилийской катастрофы повысился спрос на северочерноморский хлеб, вывозившийся через эти города. Обусловленные войной перерывы в торговых сношениях с Центральной Грецией способствовали развитию в северопонтийских городах собственного ремесленного производства, достигшего вскоре значительных успехов. IV век, который для многих полисов Центральной Греции был веком кризиса и тяжелых потрясений, явился для северочерноморских городов временем максимального подъёма экономической жизни, периодом расцвета.



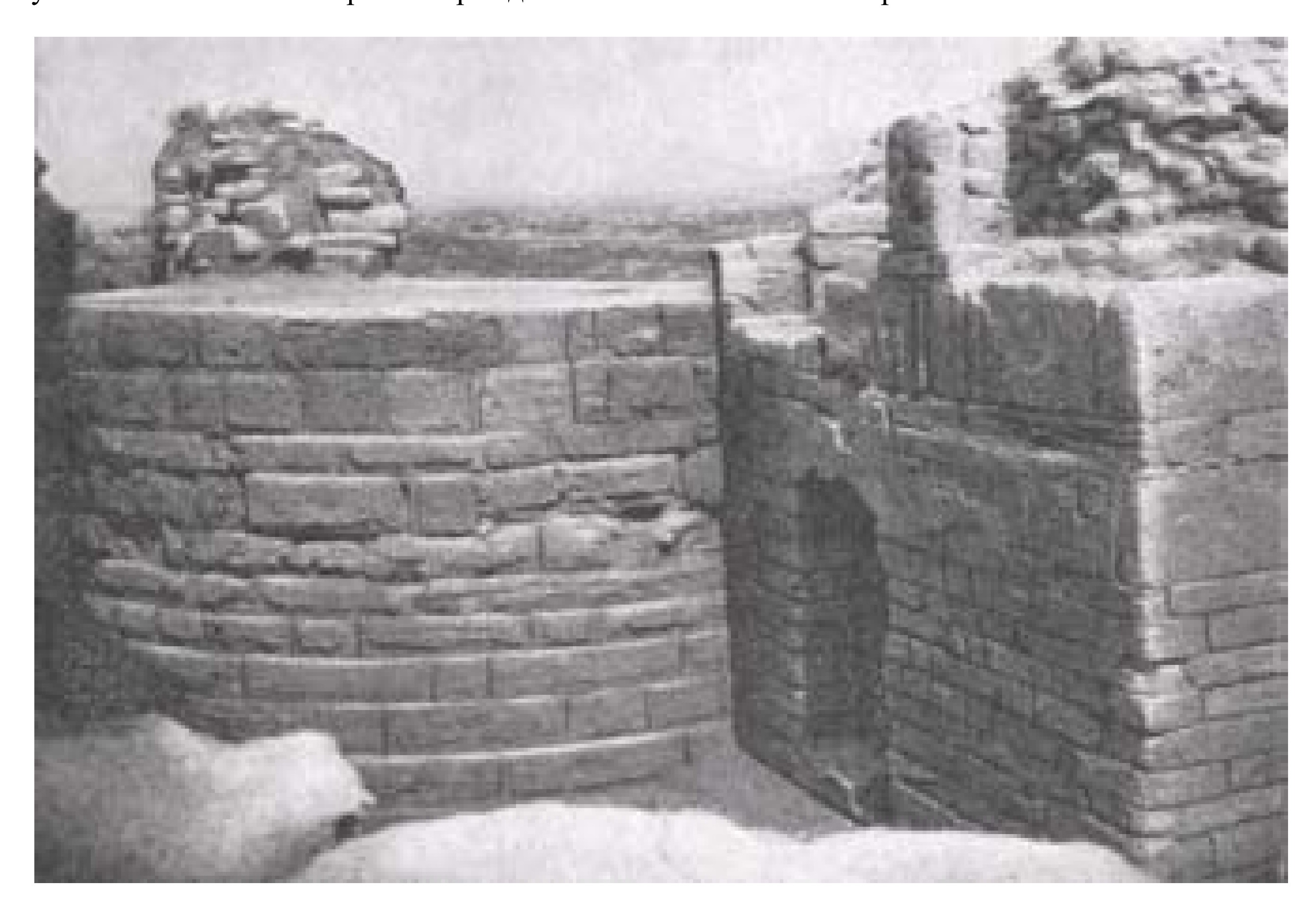
Бронзовое зеркало.
Ольвийская работа V в. до н. э.

Со времени колонизации в Северном Причерноморье сложились три главных эллинских центра: Ольвия, Херсонес и Пантикапей. Ольвия в V в. до н. э., когда её посетил Геродот, была уже большим и цветущим городом. Часть её жителей занималась на прилегающей к городу территории земледелием, но особенно была развита торговля. Ольвийская керамика и надписи свидетельствуют о постоянных и прочных связях Ольвии с другими причерноморскими городами и с рядом средиземноморских полисов. Значительная часть товаров, ввозившихся в Ольвию из Греции, перепродавалась местному населению или выменивалась на зерно и другие продукты. Жители Ольвии — ольвиополиты, в свою очередь, вывозили в Грецию хлеб, сырьё, а также, очевидно, и рабов. О размахе торговых операций Ольвии свидетельствует то обстоятельство, что Ольвия начинает регулярно выпускать свои денежные знаки со второй половины VI в. до н. э., раньше многих других греческих колоний. К первой половине IV в. до н. э. относится дошедший до нас декрет из Ольвии, устанавливавший определенные правила обмена монет других городов на ольвийские деньги и обеспечивавший привилегированное положение за ольвийской монетой.

Постоянная потребность Ольвии в зерне и сырье для сбыта создала экономические предпосылки для сношений Ольвии с окружавшим город местным населением. На этой почве развивается процесс ассимиляции: Геродот называет ближайшее к Ольвии племя каллипидов эллино-скифами; надписи последующего времени сообщают о *миксэллинах*—смешанных эллинах. Об этом же процессе свидетельствуют археологические данные: раскопки ольвийского некрополя VI и V вв. обнаружили наряду с погребениями греков значительное число местных погребений, а также могилы, содержащие греческий и местный инвентарь. Яркий образ эллинизованного «варвара» из среды племенной знати даёт Геродот в своём рассказе о скифском

царе Скиле, усвоившем греческие обычаи и религию и помногу месяцев проживавшем в Ольвии в своём выстроенном на греческий лад доме.

Политическое устройство Ольвии было типично греческим: здесь существовали народное собрание, совет и выборные должностные лица. Как и во всех рабовладельческих полисах, участвовавшие в этих органах граждане составляли в Ольвии при-



Укрепления Херсонеса. Башня Зенона.

вилегированное меньшинство: ни проживавшие в Ольвии выходцы из других греческих городов, ни миксэллины политическими правами не пользовались. Исключение в этом отношении составляли граждане ольвийской метрополии Милета, которые на основе особого договора пользовались равноправием с ольвиополитами.

Херсонес — единственный в Северном Причерноморье дорийский полис — был основан в конце V в. до н. э. выходцами из Гераклеи Понтийской. В отличие от Ольвии основную роль в экономической жизни Херсонеса играла не столько торговля, сколько сельское хозяйство: хлебопашество и виноградарство. Гераклейский полуостров, на котором находился Херсонес, был защищён от соседей-тавров целой системой укреплений, представлявших собой своеобразный тип усадеб-крепостей. Мощные стены и башни вокруг самого города свидетельствуют о том, что опасность нередко угрожала ему не только со стороны тавров, но и воинственных скифских племен степного Крыма. Помимо Гераклейского полуострова Херсонесу принадлежали также земли на западном побережье Крыма, в районе современной Евпатории, где находились подвластные ему Керкинитида и так называемая

Прекрасная гавань. Все эти земли были собственностью либо граждан, обрабатывавших их с помощью рабов, либо государства; в последнем случае они сдавались в аренду или на откуп. Наряду с хлебопашеством и виноградарством в экономической жизни Херсонеса известную роль играли также животноводство, рыбный и соляной промыслы.

В IV в. до н. э. хозяйство Херсонеса уже обладало чертами товарного производства; часть его сельскохозяйственной продукции шла на рынок. Так, из Херсонеса вывозились вино, соль и рыба. Ввозились туда главным образом изделия художественного ремесла, оружие, ткани. На почве этой торговли у Херсонеса установились особенно прочные связи с его метрополией — Гераклеей, а также Родосом, Фасосом и целым рядом других торговых городов. В результате археологических исследований территории города были обнаружены различные виды херсонесского ремесла, свидетельствующие о наличии керамического и металлообрабатывающего производства, ткачества и пр.

По своему политическому устройству Херсонес, как и Ольвия, представлял собой демократическую рабовладельческую республику с обычными для неё органами власти. Жизнь города ярко отразилась в сохранившемся до наших дней тексте присяги херсонесских граждан, который датируется концом IV или началом III в. до н. э. По своему характеру это была не обычная присяга, произносимая греческими юношами при получении гражданских прав, а скорее чрезвычайная клятва, вызванная какими-то очень тревожными обстоятельствами, возможно внешнеполитического характера. Присягавший клялся в том, что он не замыслит ниспровержения демократического строя, не примет участия в заговоре, не предаст Херсонеса и его владении «ни эллину, ни варвару». Текст присяги, таким образом, показывает, что и в причерноморских полисах кипела такая же острая политическая борьба, как и в городах Балканской Греции.

Боспорское царство

Греческие города на берегах Керченского пролива, в древности называвшегося Боспором Киммерийским, в 80-х годах V в. до н. э. были объединены под властью наследственных архонтов города Пантикапея (находившегося на месте современной Керчи) — Археанактидов. На основе этого объединения возникло крупное государство, включившее в дальнейшем в свой состав, помимо греческих городов, также и области, населённые местными меотскими и скифскими племенами. По-видимому, первоначальная, территория археанактидовского Боспора была невелика. Расширение её начинается лишь после перехода власти от Археанактидов к новой династии — Спартокидов (438/37 г.— II в. до н. э.).

В годы правления одного из представителей этой династии — Сатира I (407—389) было предпринято завоевание Феодосии, ставшей одним из важнейших центров боспорского хлебного экспорта. При Левконе I (389—349) Боспору удалось подчинить и местные меотские племена на таманской стороне пролива. В IV в. до н. э. Боспорское государство владело территорией всего Керченского полуострова до Феодосии включительно и территорией нынешнего Таманского полуострова, в древности представлявшего собой группу островов, образуемых дельтой Кубани. На этом берегу Боспора Киммерийского боспорские владения простирались вплоть до современного Новороссийска. На северо-востоке сфера влияния Боспора достигала устья Дона, где находился подвластный ему город Танаис со смешанным греко-меотским населением.

Господство над обоими берегами пролива облегчало освоение природных богатств этого края и обеспечивало широкие возможности для вывоза товаров. Пантикапей, как и Ольвия, уже с середины или второй половины VI в. до н. э. начинает регулярный выпуск своей монеты.

В IV в. до н. э. Боспорское царство вело оживлённую торговлю со всем эллинским миром и прежде всего с Афинами. Ежегодный экспорт боспорского хлеба в

Афины в середине IV в. достигал иногда 400 тыс. медимнов (около 16 тыс. тонн). В свою очередь из Афин, Коринфа, Родоса, Фасоса, Хиоса, Коса и из других мест импортировались ткани, вино, оливковое масло, металлические и ювелирные изделия и т. д.

Основу боспорской экономики составляло сельское хозяйство. Плодородные земли Восточного Крыма, Придонья и Прикубанья обрабатывались местным населением, а также греками. От местного населения боспорские правители получали частично путём скупки, частично в форме дани нужный для экспорта хлеб. Наряду с земледелием на Боспоре получают развитие скотоводство и рыбный промысел, а в городах растёт ремесло.

Монументальные боспорские погребения, поражающие роскошью инвентаря, дают наглядное представление о богатствах, сосредоточенных в руках боспорской знати. Эта знать возглавлялась Спартокидами, которые сами были крупнейшими землевладельцами, рабовладельцами и экспортёрами боспорского хлеба и сырья. Можно думать, что на Боспоре рабы широко эксплуатировались не только в крупных землевладельческих хозяйствах, но и в ремесленных мастерских, например в государственном производстве кровельной черепицы.

Формально власть Спартокидов, располагавших наёмными войсками и управлявших отдельными частями государства при посредстве наместников, носила монархический характер. Однако центральной власти приходилось считаться как с греческими городами, видимо сохранявшими в урезанном виде автономию, так и с местными племенными традициями, что наложило на государственный строй Боспора черты двойственности. Спартокиды официально именовали себя архонтами (правителями) по отношению к боспорским городам и царями по отношению к подчинённым племенам.

Следует подчеркнуть, что эта не греческая (родоначальник династии Спарток был, по-видимому, фракийцем), хотя в значительной степени эллинизированная, династия была тесно связана с местной племенной знатью. К этому времени процесс смешения греческого населения с местным достиг на Боспоре заметных результатов. В состав господствующего класса наряду с верхним слоем греческого населения городов вошли теперь и представители местной племенной знати. Таким образом, Боспор стал уже не греческим, а греко-туземным государством, что наложило отпечаток на все стороны его экономической, социальной и культурной жизни. В этом отношении Боспор имеет много общих черт с государствами последующего, эллинистического периода.

В конце IV в. до н. э. Боспор представлял собой крупное государство, претендовавшее на объединение всего Северного Причерноморья под своей властью.

3. Борьба за гегемонию в Балканской Греции после Пелопоннесской войны

Гегемония Спарты

Первые годы после Пелопоннесской войны проходят под знаком спартанской гегемонии. Однако гегемония Спарты с самого начала вызывала острое недовольство в эллинском мире. Подобно Афинам Спарта также обложила своих союзников форосом. Постоянно вмешиваясь во внутреннюю жизнь греческих городов, Спарта повсеместно преследовала демократов и насаждала власть олигархов. Во многие города были введены гарнизоны во главе со спартанскими наместниками. Таким образом, греческие полисы, ожидавшие от Спарты освобождения, очутились в худших условиях, чем во времена Афинского союза.

Положение Спарты сильно осложнилось, когда у неё испортились отношения с Персией. Получая субсидии во время Пелопоннесской войны, Спарта обещала в

случае победы вернуть Персии греческие города малоазийского побережья. Однако малоазийские греческие города обрели свою независимость в результате греко-персидских войн, которые воспринимались большинством греков как героическое прошлое. Посягнуть на эту независимость Спарта сразу не решилась. Поэтому она делала всё возможное, чтобы оттянуть исполнение своего обязательства.

Поход «десяти тысяч»

После смерти персидского царя Дария II между его старшим сыном и наследником Артаксерксом и младшим — Киром началась борьба за престол. Кир обратился за помощью к Спарте, с которой он был тесно связан ещё со времени Пелопоннесской войны. Спарте было выгодно поддержать Кира потому, что в качестве компенсации за поддержку она могла бы выговорить сохранение независимости малоазийскими городами.

Навербовав 13-тысячный отряд греческих наёмников и соединив их со своими персидскими войсками, Кир предпринял поход против Артаксеркса. Однако в 401 г. до н. э. в сражении при Кунаксе (севернее Вавилона) Кир был убит. Туземные войска Кира немедленно перешли на сторону Артаксеркса, греческие же его наёмники, которых к этому времени осталось немногим более 10 тыс., оказались вдали от родины в окружении врагов. К тому же приглашённые в лагерь Артаксеркса якобы для переговоров военачальники греческих отрядов были вероломно перебиты. Тогда греки избрали новых военачальников, одним из которых был описавший этот поход историк Ксенофонт, и начали отступление на север к побережью Чёрного моря. Несмотря на все усилия персов воспрепятствовать походу и на трудности пути, греки всё же пробили себе дорогу к морю и сумели вернуться на родину, потеряв, правда, около четверти своего состава.

Вне зависимости от исхода этого отступления положение Спарты оказалось нелёгким. Артаксеркс был очень раздражён выступлением Спарты на стороне Кира. Сатрап Тиссаферн потребовал от малоазийских греков уплаты дани, т. е. признания себя подданными персидского царя. В сложившейся обстановке Спарта вынуждена была поддержать малоазийских греков.

Коринфская война и Анталкидов мир

В 399 г. до н. э. между Спартой и персами началась война. Первоначально военные действия шли довольно вяло, но через некоторое время спартанский царь Агесилай добился крупной победы в сражении у Сард (395 г.).

После этого персы пустили в ход давно испытанный приём: при помощи подкупа и дипломатических манёвров они попытались организовать в самой Греции антиспартанскую коалицию. Обстановка им благоприятствовала, так как Спарта восстановила против себя многие города. В состав антиспартанской коалиции вошли Беотийский союз, Коринф, Аргос, Афины, Локрида, Акарнания, Левкада и большинство фессалийских городов. В 395 г. до н. э. началась Коринфская война.

Положение Спарты было весьма тяжёлым, так как ей приходилось вести войну одновременно и с Персией и с членами антиспартанской коалиции. В 394 г. в битве при Книде спартанский флот был разбит объединённым греко-персидским флотом под командованием афинянина Конона. После этого Конон вернулся в Афины с большими субсидиями от персов, на которые афиняне восстановили стоны вокруг своего города и начали возрождать флот. В Коринфе и некоторых других пелопоннесских городах было решено вести войну до полного уничтожения Спарты.

Спартанцы были вынуждены вступить в переговоры с Персией, которую пугало это возрождение афинских военных сил и переход преобладания на сторону противников Спарты. В результате переговоров персов со спартанским уполномоченным Анталкидом Персия поддержала Спарту и предложила членам коалиции прекратить военные действия. В 386 г. Персия продиктовала условия мира. Все города на побережье Малой Азии объявлялись подвластными персидскому царю. Запрещены были какие-либо объединения греческих городов. Исключение было сделано только для Спарты и её союзников, в покорности которых персам теперь

не было оснований сомневаться. Этот так называемый Анталкидов, или царский, мир показал, что некогда побежденная греками Персия теперь фактически становилась вершительницей судеб греков.

Возвышение Фив. Второй Афинский морской союз

После Анталкидова мира на короткий срок возобновилась спартанская гегемония в Греции. Однако дальнейший ход событий показал, что политика грубого нажима и вмешательства во внутренние дела других греческих государств, которая неукоснительно проводилась Спартой, была способна лишь оттолкнуть от неё даже старых союзников. В этой связи существенное значение приобрели события, происшедшие в 379 г. до н. э. в Фивах. Здесь у власти находились олигархи, которые пользовались поддержкой полуторатысячного спартанского гарнизона, расположенного в фиванском акрополе Кадмее. Многие из фиванских демократов были вынуждены бежать в Афины и другие города; часть осталась в Фивах, но скрывалась. Однако в среде городского демоса и беотийского крестьянства всё сильнее нарастало недовольство существующими порядками. Во главе демократического движения встал Пелопид. Ненависть восставших к олигархическому режиму была столь велика, что фиванские олигархи были перебиты, а спартанский гарнизон был вынужден капитулировать.

С этого времени начинается возвышение Фив. Вокруг них объединились другие беотийские города; вопреки Анталкидову миру был вновь организован Беотийский союз. С этим союзом вскоре начинают поддерживать дружественные отношения Афины, надеявшиеся найти в нём опору против Спарты.

В 378 г. до н. э. под руководством Афин возникает второй Афинский морской союз. В его состав вошли многие государства, которые и раньше были союзниками Афин, но по количеству участников этот союз не мог идти в сравнение с первым. В нём, например, не участвовали города Малой Азии, попавшие под власть персов, и ряд других. При организации второго морского союза и афиняне и новые их союзники учли опыт прошлого: союз был построен на более или менее равноправных началах. Интересна надпись, представляющая собой постановление афинской экклесии о структуре этого объединения: опасаясь, как бы союзники не заподозрили их в стремлении возродить свою державу, афиняне поклялись, что не будут взыскивать с союзников фороса, не будут вмешиваться в их внутренние дела, не будут посылать к ним ни должностных лиц, ни гарнизонов, ни, особенно, клерухов. Для того, чтобы снарядить и содержать флот, афиняне были вынуждены мобилизовать внутренние ресурсы и провести реформу, согласно которой первые три разряда граждан должны были ежегодно платить особый налог, так называемую *эйсфору,* соответственно размерам их имущества.

Образование второго Афинского морского и Беотийского союзов Спарта не без оснований рассматривала как реальную угрозу своей гегемонии. Поэтому пелопоннесский флот был направлен к берегам Аттики, чтобы их блокировать. Вскоре, однако, пелопоннесский флот потерпел тяжёлое поражение в морском сражении у Наксоса (376 г. до н. э.). После этого спартанцы бросили свои основные силы на борьбу против Фив. В 371 г. до н. э. в Беотии произошла знаменитая битва при Левктрах. Фиванскими войсками командовал выдающийся полководец Эпаминонд, который в этом сражении впервые применил новое построение, так называемый косой клин. Суть нововведения состояла в необычном для того времени усилении левого фланга, что и решило исход битвы. Спартанское войско подверглось сокрушительному разгрому.

Поражение спартанцев и последующие походы фиванцев в Пелопоннес вызвали общий подъём демократического движения во всей Греции. Ряд демократических переворотов происходит в самом Пелопоннесе. В такой ранее отсталой области, как Аркадия, образовался сильный демократический союз под руководством города Мантинеи. Становится независимой Мессения. Результатом всех этих потрясений был

полный распад Пелопоннесского союза, утрата Спартой положения гегемона и прекращение её во второстепенное государство.

Однако возвышение Фив оказалось весьма непродолжительным. Беотия имела ещё меньше возможностей занимать руководящее положение в эллинском мире, чем Спарта. Кроме того, соотношение сил в Греции резко изменилось, когда афиняне, напуганные чрезмерным усилением Фив, отошли от них и объединились со Спартой. Эпаминонд предпринял новый поход в Пелопоннес, и в 362 г. до н. э. при Мантинее произошло решительное сражение между спартанскими и фиванскими войсками. Фиванцы снова одержали блестящую победу, но не смогли реализовать её результатов из-за чрезвычайно крупных потерь и гибели Эпаминонда. Силы Фив уже были исчерпаны, и они не смогли дольше удерживать гегемонию в Пелопоннесе.

Афины тем временем попытались использовать эту выгодную для них ситуацию и вернуться к своей старой великодержавной политике в отношении союзников. Но возрождение этой политики привело к так называемой Союзнической войне (357— 355 гг.), результатом которой был распад второго Афинского морского союза.

4. Македония и Греция

Природные условия и население Македонии

С середины IV в. до н. э. в политической жизни Греции важную роль начинает играть Македония — новое рабовладельческое государство, расположенное на севере Балканского полуострова. По особенностям географического характера Македонию обычно подразделяют на две части: Нижнюю Македонию — область, примыкающую к морю, и Верхнюю Македонию—гористую страну. Природные условия, особенно в Нижней Македонии, благоприятствовали развитию земледелия. В Верхней Македонии благодаря обилию хороших пастбищ по склонам гор получило развитие скотоводство. Македония была богата лесом и полезными ископаемыми. Месторождения серебра и золота в районе реки Стримона, отделявшей Македонию от Фракии, пользовались в древности широкой известностью.

Население Македонии состояло из фракийских, иллирийских и некоторых родственных грекам племён. В сравнительно раннее время население Македонии подверглось сильному воздействию греческой культуры и восприняло греческую письменность. Скудость данных о языке македонян затрудняет решение вопроса об их этнической принадлежности и о процессе формирования македонских племён в народность. В начале V в. до н. э. в Македонии ещё не был полностью изжит первобытно-общинный строй. Даже в IV в. население страны в своей массе состояло из мелких свободных земледельцев и скотоводов, возглавляемых родовой землевладельческой аристократией. Городов до середины IV в. на территории Македонии почти не было; рабство по сравнению с Грецией было значительно менее распространено. Однако со второй половины V в. в Македонии усиливается процесс классовой дифференциации.

Возникновение государства в Македонии

В VI в. территория Македонии распадалась на несколько областей, во главе которых стояли независимые царьки. В каждой из таких областей существовали аристократические советы и народные собрания, состоявшие из македонян, способных носить оружие. В V в. в Македонии всё более усиливается тенденция к политической централизации, сопровождавшаяся ожесточёнными столкновениями между отдельными знатными родами и царской властью. В конечном счёте этот процесс привёл к образованию македонской монархии.

Существенный шаг на этом пути был сделан царём Александром I (около 495—450), которому удалось объединить под своей властью всю Нижнюю Македонию и поставить в зависимость от себя царьков горной части страны. В годы

греко-персидских войн Македония на короткий срок была вынуждена подчиниться персам, ни вскоре вновь обрела независимость. При Александре I между Македонией и греческими городами устанавливаются более тесные экономические и культурные связи, о чём, в частности, свидетельствует и прозвище Александра — Филэллин («друг эллинов»). В последней четверти V в., при царе Архелае (413—399), происходит дальнейшее укрепление Македонского государства. Строятся крепости и дороги, проводятся реформы в области военного дела и монетного обращения, столица государства из города Эг переносится ближе к побережью, в Пеллу, вводятся гимнастические состязания по греческому образцу и т. п. В области внешней политики Архелай ориентировался в основном на союз с Афинами. Двор Архелая пользовался широкий известностью. Здесь проживали выдающиеся художники и поэты, среди них знаменитый трагик Эврипид, посвятивший македонским сюжетам трагедию «Архелай», и художник Зевксис.

После убийства Архелая заговорщиками в Македонии разгорается острая политическая борьба, вызванная стремлением части родовой знати воспрепятствовать политике централизации государства. Ослаблением Македонии попытались воспользоваться её соседи, но тем не менее Македонское государство нашло в себе силы противостоять этим попыткам.

Реформы Филиппа II

Окончание периода временного ослабления Македонии совпало с воцарением Филиппа II (359—336), одного из наиболее даровитых политических и военных деятелей того времени.

В годы правления Филиппа Македония превращается в крупнейшее государство на Балканском полуострове. Аристократический совет — совет *гетеров* («товарищей» царя) и народное собрание были окончательно подчинены царской власти. Ликвидируя полунезависимые аристократические владения Верхней Македонии, поддерживая строительство городов и развитие торговли, Филипп наносил сильный удар влиянию родовой знати. При этом он опирался на близкие ко двору круги аристократии, торгово-ремесленные слои в городах и на наиболее зажиточное крестьянство.

В царствование Филиппа был проведён ряд реформ. Важнейшей из них была военная реформа. Ядро македонской армии по-прежнему состояло из свободных крестьян, служивших в тяжеловооружённой пехоте. Филипп реорганизовал пехоту и создал из неё знаменитую македонскую фалангу, которая отличалась от греческой большей компактностью и глубиной построения, достигавшей 16 и более рядов. Воины были вооружены особым македонским копьём—*сариссой,* достигавшим 5 *м* длины. Первый ряд воинов имел более короткие копья, но по мере углубления рядов фаланги сариссы удлинялись, причём фалангисты задних рядов клали свои сариссы на плечи впереди стоящих. Перед строем фаланги, таким образом, был целый лес копий. Такое вооружение превращало фалангу в единое целое, но вместе с тем затрудняло возможность быстрого перестроения. Чтобы возместить этот недостаток, на флангах ставились отряды легковооружённых воинов. Тяжёлая конница, как и раньше, комплектовалась из аристократов—гетеров. Опираясь на фалангу, конница и легковооружённые могли успешнее маневрировать. Македонская армия была хорошо оснащена осадной техникой: катапультами, таранами, осадными башнями и т. п.

Македония в 50-х годах IV в. до н. э. захватила золотые россыпи в горах Пангея, в результате чего в руках Филиппа сосредоточились значительные запасы золота. Это позволило ему ввести денежную систему, построенную на одновременном обращений золотых и серебряных монет, размениваемых по твердо установленному курсу. Финансовая реформа содействовала развитию торговли. Накопление большого запаса денежных средств сыграло значительную роль в последующих военных успехах македонской армии. Недаром Филиппу приписывается изречение об осле, навьюченном золотом, перед которым открываются ворота любой крепости.

Военные действия в Халкидике и во Фракии. «Священная» война

Создание мощной армии и накопление денежных средств позволили Филиппу начать агрессивную политику. Главная цель, которую он при этом преследовал, заключалась в том, чтобы пробиться к морю. До этого времени Македония не имела ни одного хорошего порта. Свободный доступ к морю был главным условием для развития македонской торговли и активной внешней политики.

Большинство приморских греческих государств, граничивших с Македонией, прежде всего города Халкидики, входило в состав второго Афинского морского союза, следовательно, любое выступление против них неизбежно вылилось бы в конфликт с Афинами и всем союзом. Независимым был только Амфиполь, расположенный в устье реки Стримона. Путём искусной дипломатической подготовки Филипп обеспечил временный нейтралитет Афин и овладел Амфиполем (357 г. до н. э.). Затем, воспользовавшись войной между Афинами и их бывшими союзниками, он в короткий срок завоевал Пидну и Потидею и заключил союз с Олинфом, самым крупным из халкидикских городов. В то же время была завоёвана обширная полоса фракийского побережья, где македонянами был основан новый город, названный Филиппами; позже Македония подчинила себе и остальную часть Фракии.

Успехи реорганизованной македонской армии и захват богатых пангейских россыпей дали Македонии возможность активно вмешаться во внутренние дела собственно Греции и принять участие в так называемой «священной» войне. «Священными» у древних греков назывались войны, официальной целью которых была защита интересов храма. В то время вспыхнула такая война из-за фокейцев, захвативших часть территории, принадлежавшей Дельфийскому храму, а затем и всю его казну. *Амфиктиония* — религиозный союз нескольких греческих племён,— находившаяся под влиянием Фив, объявила «священную» войну фокейцам. Однако те наняли на захваченные средства большую армию, при помощи которой нанесли ряд поражений своим противникам. Филипп по приглашению амфиктионов двинул войска против фокейцев. После нескольких неудач македоняне разбили армию фокейцев на территории Фессалии (352 г. до н. э.) и попытались пройти через Фермопилы, чтобы закрепиться в Средней Греции. Однако в Фермопилах им преградили путь афиняне, и Филипп предпочёл отступить, обеспечив себе политическое преобладание в Северной Греции, прежде всего в Фессалии.

Борьба македонской и антимакедонской партий в Афинах

Агрессивные действия Филиппа встревожили всю Грецию, особенно города Халкидики. В случае дальнейших успехов Македонии дни их независимого существования были бы сочтены. Перед лицом этой опасности Олинф и Другие халкидикские города сблизились с Афинами и стали готовиться к решительной борьбе. В 349 г. до н. э. македонские войска двинулись на Олинф. Вождь афинской демократии и самый крупный оратор древности Демосфен понимал, что если сейчас не дать отпора Филиппу, то он в скором времени подчинит себе всю Грецию, и призывал сограждан немедленно и активно вмешаться в олинфскую войну. Таково же было настроение демократических кругов и в других греческих городах.

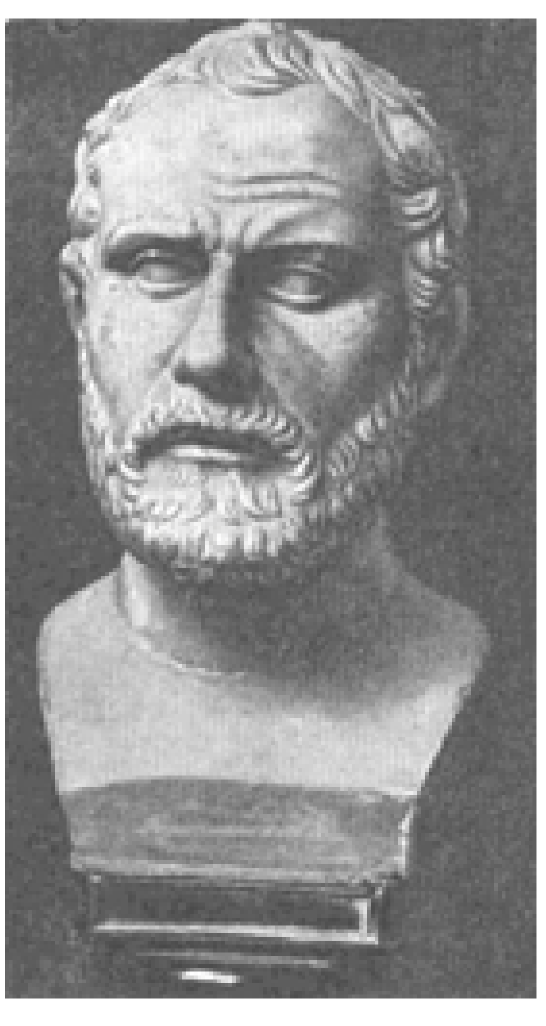
У Демосфена, однако, было много противников внутри самих Афин. Олигархические группировки видели главное зло не в Филиппе и даже не в угрозе потери политической независимости, а прежде всего в массах городской бедноты, всё более резко выступавшей против «благонамеренных», состоятельных граждан. Выражая взгляды олигархов, афинский оратор Исократ в это время выдвинул целую политическую программу. Для того, чтобы восстановить нормальную экономическую и политическую жизнь Греции, греческим городам необходимо объединиться любой ценой и вокруг кого угодно. Тогда греки общими силами смогли бы выступить против своего извечного врага — Персидской державы. Завоевание восточных территорий должно открыть перед греческим ремеслом

и торговлей широкие перспективы, и, самое главное, «лишние» люди найдут применение своим силам и избавят от своего присутствия Грецию. С точки зрения Исократа и его сторонников — а к этому направлению примыкал также заклятый противник Демосфена оратор Эсхин, — Македония и Филипп вполне могли быть той силой, которая способна повести греков в восточный поход.

Единомышленники Демосфена, как и он сам, также считали, что, только соединив свои силы, греческие полисы спасут свою независимость, но в отличие от Исократа Демосфен призывал сплотиться не вокруг Филиппа, а против Филиппа. Эту мысль он неустанно проводил в своих речах, направленных против македонского царя и его политики и получивших поэтому название «Филиппики». В Афинах, таким образом, возникли две группировки: антимакедонская, демократическая, возглавленная Демосфеном, и промакедонская, олигархическая, во главе с Эсхином, Исократом и др. Подобного рода группировки существовали и в других греческих городах.

Когда македонские войска осадили Олинф, в афинской экклесии восторжествовала точка зрения Демосфена. Было вынесено постановление выступить на помощь Олинфу и набраны отряды, которые впервые после долгого перерыва состояли не из наёмников, а из граждан. Но афиняне опоздали. В 348 г. до н. э. македонские войска взяли Олинф и сравняли его с землёй.

Все эти события произвели сильное впечатление в Афинах. Дальнейшая борьба с Македонией стала представляться обречённой на неудачу. Перевес перешёл на сторону промакедонской группировки. Один из её лидеров — Филократ был направлен к Филиппу с официальными полномочиями вступить с ним в переговоры о мире. Поскольку Македония ещё не была сильна на море, а афинский флот снова был самым мощным в Греции, у Филиппа были все основания пойти навстречу Филократу.



Демосфен.
Скульптура Полиевкта. III в. до н. э.
Римская копия. Мрамор.

Филократов мир (346 г. до н. э.) был заключён на условиях признания сложившегося к тому времени положения. Для афинян эти условия были очень невыгодны: они должны были примириться с потерей всех своих владений на фракийском побережье.

Битва при Херонее и Коринфский конгресс

После заключения Филократова мира македонские войска вступили на территорию Фокиды и вместе с фиванцами наголову разбили фокейцев. На совете амфиктионов фокейцы были исключены из состава Дельфийской амфиктионии, а освободившееся место было предоставлено Филиппу за его участие в «священной» войне.

Однако, когда Филипп предпринял в 340 г. до н. э. поход к Геллеспонту и осадил находившийся на его побережье город Перинф, в настроениях греков произошёл крутой перелом. Стремление Македонии взять контроль над проливом в свои руки задевало интересы всех греческих городов, ввозивших черноморский хлеб. Перед

лицом этой реальной угрозы в Афинах прекратились все прежние разногласия Преобладание вновь перешло на сторону демократической группировки возглавляемой Демосфеном. Афинское народное собрание объявило воину Македонии Афиняне послали свой флот к Геллеспонту. Морское сражение произошло близ Византия где македонский флот был разбит наголову. В Афинах весть о победе вызвала ликование. Появилась надежда, что эта крупная военная неудача Македонии, продемонстрировавшая её слабость на море, приостановит дальнейшее развитие её экспансии.

Надгробный памятник фиванским воинам и их союзникам, павшим в битве при Херонее. Конец IV в. до н. э. Мрамор.

Однако эти расчеты не оправдались. Вскоре опять возник повод для вмешательства Македонии в греческие дела, которым Филипп не преминул воспользоваться. Началась новая «священная» война, объявленная амфиктионами локрийскому городу Амфиссе. С необычайной быстротой и без всякого призыва со стороны греков Филипп провел свои войска через Фермопильский проход якобы для того, чтобы оказать помощь в благочестивом деле расправы с Амфиссой. Когда македонские войска неожиданно очутились в Средней Греции, стало ясно, что решается вопрос о судьбе греческих полисов.

Против Македонии возникла коалиция греческих государств, в которую вошли Коринф, Мегары и даже такие часто враждовавшие друг с другом государства как Афины и Фивы. В 338 г. до н. э. у беотийского города Херонеи произошло кровопролитное сражение, в котором греческие войска потерпели поражение. Херонейская битва явилась поворотным моментом в развитии событии. Сопротивление греческих государств было сломлено. Во всех городах пришли к власти олигархические группировки. Только афиняне, уверенные, что их ожидает жестокая расправа, стали лихорадочно готовиться к защите. Однако им был предложен мир на относительно мягких условиях. Это был ловкий политический шаг Филиппа; после заключения мирного соглашения преобладание в Афинах получила промакедонская группировка.

Победа Македонии была закреплена на конгрессе в Коринфе (337 г. до н. э.), в котором приняли участие все греческие государства, кроме Спарты. На конгрессе был торжественно декларирован всеобщий мир и запрещение войн между греками, объявлена свобода мореплавания, постановлено общими силами ликвидировать пиратство, торжественно провозглашена независимость греческих государств, учреждён панэллинский союз. Решениями конгресса запрещалась конфискация имуществ, переделы земли, отмена долгов и освобождение рабов в целях использования их для политических переворотов. И, наконец, было принято решение о походе против Персии. Решения конгресса были своеобразной реализацией программы Исократа. Они показывали, что Македония, фактически подчинив себе Грецию и подавив демократическое движение, вместе с тем умело использовала в своих интересах лозунг

общегреческого единства и традиции борьбы с Персией, которые ещё были живы в различных слоях греческого населения.

Формально решения Коринфского конгресса были делом «доброй воли» самих греков. Македония даже не вошла в панэллинский союз, хотя Филипп и был избран главнокомандующим объединёнными военными силами союзников. На самом же деле во многих греческих городах уже находились у власти промакедонские, послушные Филиппу олигархические правительства, в других же, например в Фивах, Коринфе и Халкиде, стояли македонские гарнизоны.

Утверждение македонской гегемонии над Грецией находит объяснение в ряде обстоятельств. Греческие государства подтачивались глубоким кризисом полисной системы, длившимся многие десятилетия. Их обороноспособность была ослаблена непрерывными войнами между собой; ни одно из греческих государств не смогло добиться гегемонии, так как союз городов, возникавший в ответ на стремление того или иного полиса установить свою гегемонию, срывал все эти попытки. Преимущество Македонии заключалось в том, что противоречия рабовладельческого общества здесь ещё не были столь обострены, в результате чего при столкновении с греческими государствами Македония сравнительно легко вышла победительницей.

ГЛАВА IV
ЭЛЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА В V—IV вв. ДО Н. Э.

Подъём экономической и политической жизни Греции в V в. до н. э. сопровождался подъёмом эллинской культуры. Рабство ещё не успело глубоко отравить сознание демоса. Античный полис, хотя и разделённый социальными перегородками, сохранял черты независимой гражданской общины, жившей кипучей политической жизнью. Народные традиции, окрепшие в героической борьбе с нашествием персов, проявились особенно ярко в художественном творчестве эллинов, а глубокие сдвиги, происшедшие во всём средиземноморском мире, раздвинули кругозор и заострили пытливую мысль передовых людей того времени. На этой почве возникли гениальные идеи атомистического материализма Левкиппа и Демокрита, великие образы античной трагедии, наиболее совершенные создания греческой пластики и зодчества.

Характерные черты социально-политической жизни Эллады IV в. до н. э.— рост и обострение противоречий античного рабовладельческого общества, кризис полиса, междоусобные войны и упадок демократии — не могли не наложить отпечатка и на развитие эллинской культуры, обнаруживающей в это время первые признаки упадка. Но этот процесс совершается неравномерно; в греческом обществе ещё живы могучие силы, способные породить такие явления, как философия Аристотеля или творчество Лисиппа. В некоторых областях, например в области естествознания, продолжается движение вперёд.

Расцвет греческой науки в V—IV вв.

В целом V и IV века до н. э. были эпохой дальнейшего накопления значительного фактического материала в таких отраслях науки, как математика, астрономия, медицина и др.

Античную математику отличает тенденция к большей систематичности, строгости и доказательности, применение новых методов исследования, имеющих не только

эмпирическое, но и более широкое теоретическое значение. Так, идея бесконечно малых величин, впервые выдвинутая Анаксагором (около 500 — около 428), нашла в трудах Демокрита (около 460—370) и Эвдокса Книдского (около 408—355) своё практическое приложение в геометрии и, в частности, стереометрии (определение объёма шара, конуса и т. д.). Тот же Эвдокс разработал учение о пропорциональности и создал теорию соотношения несоизмеримых величин, которая во многом предвосхитила теорию иррациональных чисел, возникшую лишь в конце XIX в. Гиппократ из Хиоса (около 470—400) предпринял первую, предшествовавшую замечательному труду Эвклида, попытку систематизировать данные геометрии. Даже в условиях рабовладельческого строя, существенно ограничивавшего возможности технического прогресса, отдельные достижения математической мысли находили себе практическое приложение в ремесленной технике, в строительном деле и других отраслях.

В области астрономии возникают новые представления о шарообразности Земли и светил, что сделало возможным появление более правильной теории солнечных и лунных затмений. У последователей философа Пифагора [1] мы встречаем впервые мысль о том, что Земля не занимает центрального положения среди планет: в центре вселенной находится некий огонь, вокруг которого обращаются в прозрачных сферах Земля, Солнце, Луна, пять планет, а также сфера неподвижных звёзд. По-видимому, для того, чтобы количество мировых тел достигало числа 10, считавшегося пифагорейцами совершенным, они ввели ещё гипотетическую «противоземлю». Расстояния небесных сфер от центрального огня выражались, согласно пифагорейцам, в простейших («музыкальных») числовых отношениях, отсюда — учение о так называемой гармонии сфер.

Эвдокс предложил теорию гомоцентрических (т. е. объемлющих одна другую) сфер, имеющих общий центр, в котором находится Земля. Все они вращаются равномерно вокруг осей, расположенных под известным углом одна к другой. Внешние сферы увлекают в своём движении заключённые в них внутренние сферы. Для определенного периода теория Эвдокса (её разделял и Аристотель) давала достаточно удовлетворительное объяснение видимых планетных движений (впоследствии, во II в. н. э., ее сменила более сложная гипотеза Птолемея). Другой астроном IV в., Гераклид Понтийский, выдвинул теорию, согласно которой Меркурий и Венера движутся вокруг Солнца, оно же, в свою очередь, движется вместе с прочими планетами вокруг Земли. Все эти гипотезы развивали теорию мироздания, которая ушла далеко вперед по сравнению с наивными представлениями ионийских натурфилософов VI в. до н. э.

Ещё афинянин Метон (вторая половина V в. до н. э.) согласовал лунный календарь греков с солнечным, определив величину года в 365 и $^5/_{19}$ суток. Метонов календарь просуществовал, по-видимому, в течение четырёх столетий до введения Юлианского календаря.

Значительный прогресс заметен и в области медицины. Центральное место занимает здесь фигура Гиппократа, воспитанника и выдающегося представителя Косской школы врачей (не смешивать с упоминавшимся выше Гиппократом Хиосским). В так называемом «Гиппократовом сборнике», пользовавшемся авторитетом на протяжении многих столетий и на Западе и на Востоке, были объединены как подлинные произведения знаменитого греческого учёного, так и приписанные ему позднее.

По Гиппократу, медицина требует систематического и всестороннего наблюдения больных. Все части организма взаимно связаны друг с другом. Большое внимание в книгах «Гиппократова сборника» уделено внешней среде — климату почве воде и т. д. Об эпилепсии, считавшейся ранее «священной» болезнью, Гиппократ

[1] О Пифагоре см. «Всемирная история», т. I, стр. 680.

говорил: «Насколько мне кажется, она не божественнее, не священнее, чем другие... Мне кажется, что первые, признавшие эту болезнь священною, были такие люди, какими и теперь оказываются маги, шарлатаны и обманщики».

Разнообразие человеческих организмов («темпераментов») Гиппократ сводил к различному сочетанию или смешению четырех «соков», или "влаг» (крови, слизи, светлой и чёрной жёлчи). Ставшее традиционным учение Гиппократа о четырёх темпераментах (сангвиническом, флегматическом, холерическом и меланхолическом) сохранило известное значение для всей последующей науки. Обычным термином стало выражение facies Hippocratica (Гиппократова маска) — оно имеет в виду то классическое описание внешнего облика умирающего, которое было дано в «Афоризмах» Гиппократа. Широкое распространение получили и другие его афоризмы, например: «Чего не излечивает лекарство, излечивает железо. А чего железо не излечивает, излечивает огонь. А чего огонь не излечивает, то должно считать неизлечимым» (или по другому варианту: «то излечивает лишь смерть»).

Многое в представлениях Гиппократа о человеческом теле было ещё чрезвычайно наивным. Он не умел ещё, например, отличать нервы от кровеносных сосудов и думал, что артерии наполнены воздухом. И тем не менее имя великого греческого учёного неотделимо от развития медицины как науки. Он первым дошёл до отрицания «ниспосланных богами болезней», противопоставив этому объяснению систему эмпирических наблюдений за ходом самой болезни.

Философы-материалисты V в. до н. э.

Успехи в области положительных знаний шли рука об руку с развитием материалистической философии. Мыслители V в. уже не довольствуются утверждением единой материальной основы мира. Они ставят вопрос о строении материи. Эмпедокл (около 495—около 435), из сицилийского города Акраганта, выводил все явления природы из четырех основных материальных элементов - земли, воды, воздуха и огня; весь мир представляет собой сочетание этих четырёх элементов. Их соединение и разъединение даёт начало определённым циклам мироздания. Анаксагор решал этот вопрос посредством учения о «семенах» всех вещей, под которыми он подразумевал однородные материальные частицы, вступавшие в соединения друг с другом. В результате этих соединений и возникали подобные этим частицам тела: из капелек крови — кровь, из частичек мяса — мясо и т. д. Это учение Анаксагора, при всей} своей ограниченности, открывало возможность более последовательного материалистического объяснения окружающего мира, чем натурфилософские учения мыслителей VI в. до н. э. Анаксагор стал идейным вождём афинских вольнодумцев времён Перикла. Дело дошло до привлечения его к суду по обвинению в оскорблении богов. Только благодаря помощи Перикла ему удалось избежать осуждения на смерть, но он должен был уйти в изгнание.

Слабой стороной учений Эмпедокла и Анаксагора было представление о силах, которые приводят в движение частицы материального вещества. Анаксагор считал этой силой *нус* — мировой разум, который он, правда, определял как тончайшее и легчайшее материальное вещество. Эмпедокл объяснял движение материи действием двух противоположных сил — «дружбы» и «вражды», соединяющих и разъединяющих материальные элементы. У Эмпедокла материалистические стороны его учения уживались ещё с верой в переселение душ и проповедью религиозного очищения. Значительно последовательнее были греческие атомисты, в учении которых античная материалистическая философия достигла своей вершины.

Учение об атомах — неделимых частицах материи — было впервые выдвинуто Левкиппом и развито Демокритом, но почва для этого учения была подготовлена всем предшествующим развитием материалистической философии V в. О жизни Левкиппа мы знаем мало. Демокрит (около 460—370) был уроженцем большого торгового города Абдер (Фракия), много путешествовал, в частности побывал в Египте и в странах Востока; эти путешествия расширили его кругозор. Демокрит был

«эмпирическим естествоиспытателем и первым энциклопедическим умом среди греков...» [1]

Многочисленные естественно-научные сочинения Демокрита, дошедшие до нас лишь в сравнительно небольших отрывках, затрагивали разнообразные вопросы астрономии, космографии, геологии, физики, метеорологии и биологии. Имеются основания утверждать, что Демокрит определил объём конуса, пирамиды и шара.

В основе учения греческих атомистов лежат два основных положения: 1) мир состоит из качественно однородных, неделимых, различаемых только по величине и форме (т. е. лишь количественно) атомов и пустоты, в которой совершается их механическое движение; 2) все явления происходят не случайно, но в силу необходимости. Возникновение и исчезновение бесчисленных миров, на которые, по Демокриту, распадается вселенная, обусловлено непрерывным движением атомов в пустоте. Сталкиваясь и отталкиваясь, соединяясь и разъединяясь, атомы образуют вещи. Последовательно развивая эти положения, Демокрит распространил их и на психику человека. «Душа» человека, согласно его взглядам, также представляет собой сочетание наиболее подвижных и круглых атомов, находящихся в постоянном соприкосновении с атомами других тел, образующих мир.

«Из ничего ничего не может возникнуть, и ни одна вещь не может превратиться в ничто» — в этом изречении Демокрита впервые с такой определённостью была выражена идея вечности (несоздаваемости и неуничтожимости) материи, которая и ныне лежит в основе материалистического понимания природы. Свойственные античным атомистам представления о неделимости атомов и качественном их однообразии, признание механического движения единственной формой движения просуществовали в течение многих столетий и были пересмотрены наукой лишь в результате великих открытий XIX—XX вв.

В области теории познания Демокрит является безусловным материалистом, но вопрос о диалектической связи чувственного восприятия и рационального мышления остаётся у него нерешённым. Он проводит резкую грань между многообразием непосредственно воспринимаемого чувствами мира и простыми сочетаниями атомов, которые мы постигаем посредством разума. Попыткой соединить эти два начала является, может быть, учение Демокрита об образах вещей, отделяющихся от них в виде тонкой плёнки, которая действует на наши органы чувств.

В области общественных явлений философия Демокрита сводится к признанию полной зависимости человека от природы. Нравственные идеи вытекают, по Демокриту, из природы человека, стремления его к пользе и удовольствию. Это положение Демокрита легло в основу тех социологических идей, которые были присущи материалистам в течение многих веков. Политические взгляды Демокрита обнаруживают в нём сторонника умеренной демократии.

Учение атомистов родилось в острой борьбе с идеалистическими реакционными течениями греческой философии. Слова В. И. Ленина о двухтысячелетней борьбе «тенденций или линий Платона и Демокрита в философии» [2] показывают, какое большое значение придавал он размежеванию основных философских направлений в V в. до н. э.

Прогресс науки неизбежно расшатывал и подрывал основы традиционных религиозных верований. В первой половине V в. медик Эпихарм сделал попытку объяснить происхождение веры в богов из обожествления предметов физического мира. По его словам, «боги суть ветры, вода, земля, солнце, огонь, звёзды». Анаксагор утверждал, что солнце и другие светила — не что иное, как раскалённые камни. Эти учения уже не оставляли места для веры в солнечное божество, источник жизни. По представлениям атомистов, природа не нуждается в существовании

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Немецкая идеология, Соч., т. 3, изд. 2, 1955, стр. 126.
[2] в. *И. Ленин,* Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. 14, стр. 117.

особого движущего начала, «первотолчка» мирового разума (нус). Мир возникает в результате вихря, являющегося причиной того, что более тяжёлые тела скапливаются в центре, а более лёгкие выталкиваются к периферии. Луна, по Демокриту, — каменная масса, покрытая горами и ущельями; точно так же солнце — огромный камень, раскалившийся от вращения.

Софисты

Борьба античного материализма и идеализма развернулась главным образом в Афинах, которые в V и IV вв. до н. э. были главным центром умственной жизни всей Греции. Утверждение в Афинах демократического строя, развитие отношений частной собственности, оживлённые сношения со многими греческими городами, постоянное соприкосновение с другими народами — всё это создало благоприятную обстановку для деятельности так называемых *софистов* (буквально—«учителей мудрости»). Напряжённая политическая борьба, проявлявшаяся в форме постоянных дебатов в народном собрании и суде, порождала интерес к вопросам права, государства, морали. Она создавала потребность в овладении искусством красноречия *(риторикой)* и спора *(эристикой).* Эти новые потребности удовлетворялись софистами, разъезжавшими из города в город и за деньги — иногда очень большие — обучавшими всех желавших овладеть их искусством.

Взгляды софистов и круг интересовавших их теоретических вопросов отличались разнообразием. Общим для всех софистов, пожалуй, было то, что все они в большей или меньшей степени отошли от вопросов естествознания, стоявших в центре внимания философов предшествующего периода. Для софистов более характерен интерес к проблеме человеческого познания.

В учениях древнейших греческих материалистов эта проблема не была достаточно разработана, сторонники элейской школы [1] своим учением о коренном различии между рациональным знанием и чувственной иллюзией завели её в тупик. По-видимому, именно в полемике с ними представитель так называемых старших софистов Горгий (около 483—376) из Леонтин (Сицилия) выдвинул утверждение, сводившееся к тому, что с одинаковым успехом можно доказать как то, что мир непознаваем, так и то, что его вообще нет. Развивая эти положения, Горгий пришёл к отрицанию возможности познания мира и в конце концов к отрицанию самой объективной реальности.

Современник Горгия Протагор, уроженец города Абдер на фракийском побережье, живший также и в Афинах, отвергает существование истины, независимой от человеческого познания. «Человек есть мера всех вещей, существующих, как они существуют, не существующих, как они не существуют».

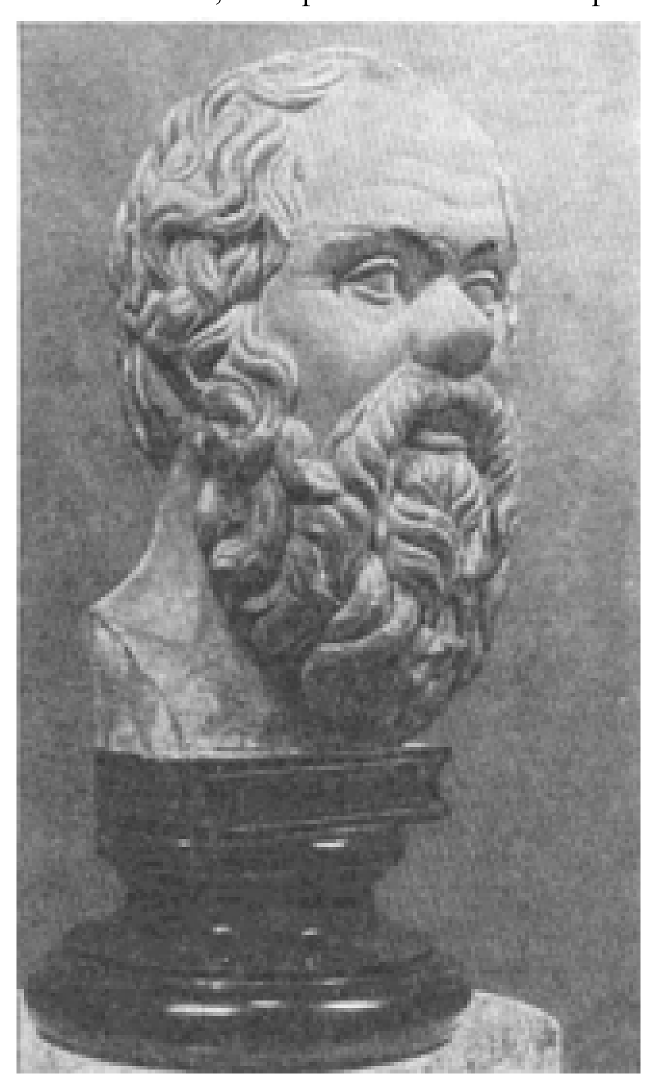
Материалистический взгляд на чувственное восприятие, как основу познания, приобретает у Протагора односторонний характер. Чувства не могут ошибаться, поэтому все люди правы, а истин столько же, сколько людей. Если существует какая-нибудь разница между различными точками зрения, то она имеет только практическое значение. Так, в области общественных отношений Протагор в соответствии со своими политическими взглядами считал истиной то, что представляется истинным большинству граждан. В этом утверждении противоречиво переплетается попытка теоретически обосновать принципы античной демократии с общей релятивистской тенденцией философии софистов. Столь же противоречиво и учение Протагора о нравственности, которое он отделял от официальной религии. Как скептик, отрицающий существование объективной истины, Протагор сомневается и в существовании богов:

«Относительно богов я не могу знать, существуют ли они или не существуют и каковы они». На этом основании во время правления «четырёхсот» (в 411 г.) Протагор был обвинён в атеизме и должен был бежать из Афин.

Если во многих отношениях скептицизм Протагора был отражением назревших потребностей в ломке отживших традиционных представлений (и это, по-видимому,

[1] О школе элейцев см. «Всемирная история», т. I, стр. 680.

привлекало к нему таких людей, как Перикл и Эврипид), то само по себе философское учение знаменитого греческого софиста явилось отступлением от материализма и таило в себе возможность для реакционных выводов. И действительно, дальнейшее развитие выдвинутого Протагором положения «человек есть мера всех вещей» привело многих софистов к крайнему релятивизму и солипсизму. Оперируя этим положением, они фактически лишили философию всякого содержания, превратив её в сомнительное искусство умственной эквилибристики.



Сократ.
Скульптура Лисиппа. IV в. до н. э.
Римская копия. Мрамор.

Об учениях младшего поколения софистов сохранились крайне скудные сведения. Одни из них (Калликл, Гипподам, Критий) были связаны с реакционными олигархическими кругами и стремились теоретически оправдать их антидемократические взгляды. Калликл, например, противопоставлял исторически сложившемуся праву так называемое «право естественное», согласно которому, с его точки зрения, власть должна принадлежать только сильным. Эти сильные вправе пренебрегать законами. Другие из младших софистов, напротив, стояли ближе к интересам и настроениям демократических слоев. У софистов из этого лагеря также было в ходу понятие «естественного права», в ходу понятие «естественного права», но выводы они делали из него совсем другие. Так, Ликофрон, исходя из этого понятия, считал знатность вымыслом. Дальше всех в этом отношении пошёл Антифонт. В найденном в начале XX в. фрагменте из его сочинения под названием «Об истине» он выступил против привычного для греков этого времени пренебрежительного отношения к «варварам». «Детей знатных родителей мы чтим и уважаем, детей же незнатного происхождения не чтим и не уважаем. Этому разделению мы научились от варваров и ведём себя при этом, как варвары; но от природы мы все и во всём устроены одинаково — и варвары и эллины. Все мы дышим через рот и нос, и все мы едим руками».

Сократ

Распространённые в среде софистов скептицизм и крайний релятивизм открыли дорогу новому философскому направлению, пытавшемуся разрешить проблему познания с позиций последовательного идеализма. Начало этому новому направлению было положено Сократом (469—399). Он был афинским гражданином, сыном скульптора Софрониска, и прошёл школу софистов. Не питая, подобно им, интереса к естественным наукам, Сократ сосредоточил всё своё внимание на проблемах этического характера. Источником истинного знания Сократ провозгласил внутреннее самопознание («познай самого себя»). Только таким путём человек, по учению Сократа, может прийти к истинному знанию, которое он отождествлял с добродетелью. В то же время Сократ выступил

против детерминизма материалистов, противопоставив ему телеологическое мировоззрение, учение о цели, которая определяет существование любой вещи. И сам Сократ и образовавшийся вокруг него кружок учеников отрицательно относились к демократическому строю. Участниками этого кружка были Ксенофонт, Критий, Платон и др. Поэтому, когда политическое преобладание в Афинах после ликвидации олигархического правительства «тридцати тиранов» перешло на сторону демократии, Сократ был обвинён в «совращении юношества», «введении новых богов» и приговорён к смертной казни. Отказавшись воспользоваться подготовленным его сторонниками побегом из тюрьмы, Сократ выпил принесённую ему палачом чашу с ядом.

Платон

Ученик и последователь Сократа Платон (около 429— 347) выступил со своим учением в первые десятилетия IV в. до н. э. После казни Сократа он был вынужден бежать из Афин, но потом вернулся в город и основал здесь около 385 г. философскую школу, известную под именем Академии. По происхождению, политическим и философским взглядам Платон был представителем афинской аристократии. Философские взгляды Платона и его последователей представляют собой наиболее яркий образец объективного идеализма. Чувственное бытие, материальный мир, по учению Платона,— лишь тень действительного мира, истинное же бытие заключено в вечных и неизменных общих идеях. Познание этих объективно существующих идей, согласно Платону, возможно для человека лишь потому, что его собственная бессмертная душа до воплощения находилась в мире идей и может путём воспоминания постигать идеи. В формировании системы объективного идеализма видную роль сыграло учение пифагорейцев, с которым Платон познакомился во время своего пребывания в Сицилии. Некоторые сочинения Платона проникнуты крайним мистицизмом.

Свои философские взгляды Платон излагал преимущественно в форме написанных им с большим художественным мастерством многочисленных диалогов. Произведения Платона почти полностью дошли до нашего времени. В сочинении о государстве им с большим художественным мастерством многочисленных диалогов. Произведения Платона почти полностью дошли до нашего времени. В сочинении о государстве Платон развивает утопическую теорию идеального государства. В этом идеальном государстве управление общиной граждан находится в руках «философов», не имеющих ни семьи, ни частной собственности. Граждане идеального полиса подразделяются на «воинов», живущих совместно, и простой народ (ремесленники, земледельцы), обязанный содержать своим трудом высшие слои общества. Существуют, конечно, и рабы, но иноземного происхождения. Утопическая республика Платона во многом напоминает государственный строй древней Спарты. Вместе с тем, по словам Маркса, она представляет собой афинскую идеализацию египетского кастового строя [1].

В более позднем сочинении — в «Законах» Платон ближе подошёл к реально существующим формам политического устройства современных ему греческих государств. Здесь уже не говорится об общности имуществ правящего слоя, хотя выдвигаются различные меры ограничения частной собственности, ремесла и торговли.

Аристотель

Система Платона была подвергнута критическому пересмотру Аристотелем (384—322), величайшим мыслителем древности.

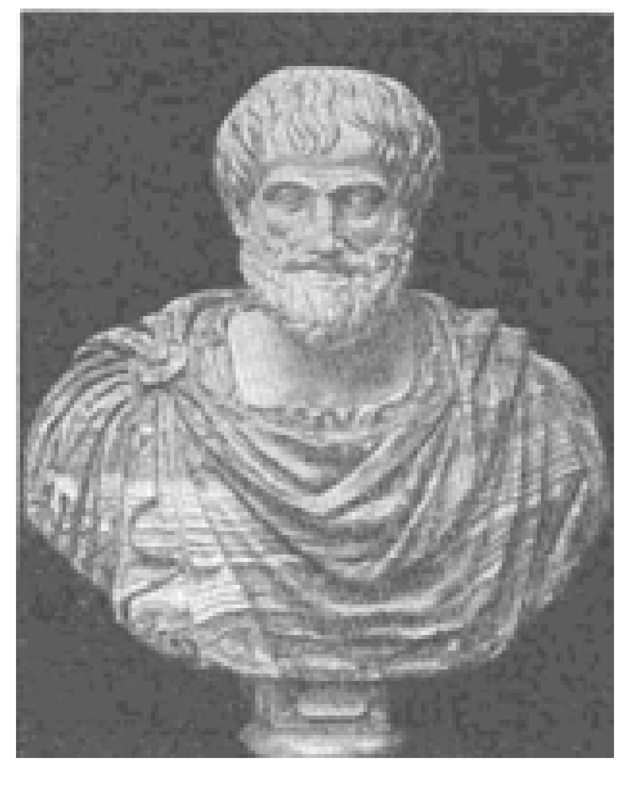
Многочисленными произведениями Аристотеля завершился классический период истории греческой философии. Аристотель родился в Стагире, в семье придворного врача македонского царя Аминты II. Он был современником Филиппа II и воспитателем его сына Александра Македонского, т. е. жил в период кризиса полисного строя, а следовательно, и полисной идеологии.

Аристотель выступил против основного положения всей философии Платона — против учения о сверхчувственном мире идей. Аристотель решительно отвергает это учение. По его мнению, платоновские «идеи» не могут объяснить ни причин возникновения, ни причин изменения чувственно воспринимаемых

[1] См. *К. Маркс,* Капитал, т. I. стр.,375.

вещей. Следовательно, нет никаких оснований видеть в «идеях» Платона неизменные сущности всех вещей и тем более утверждать, что вещи заимствуют от них свое бытие. Поэтому «говорить, что идеи это образцы и что всё остальное им причастно,— значит произносить пустые слова и выражаться поэтическими метафорами» (Аристотель). Значение этого высказывания Аристотеля не только в том, что в нем подверглось критике главное положение Платона, но и в том, что оно направлено против идеализма в целом, как философского течения.

В теории познания Аристотель в противоположность Платону признаёт чувственное восприятие вне нас находящегося объективного мира источником правильных о нём представлений. Это главное положение всей системы философских взглядов Аристотеля было высоко оценено в. И. Лениным, считавшим, что в данном случае Аристотель «вплотную подходит к материализму» [1].



Аристотель.
Греческая скульптура IV в. до н. э.
Римская копия. Мрамор.

Однако, колеблясь между линиями Демокрита и Платона, Аристотель в конце концов остаётся идеалистом. Его философия не оказалась в состоянии диалектически решить вопрос об отношении непосредственных ощущений к мышлению. Аристотель считал активным началом в процессе познания независимую от тела разумную душу. Те же колебания наблюдаются в учении Аристотеля о материи и движении:

материю он считает пассивной и бесформенной, активное же начало целиком приписывает нематериальной форме, воздействующей на материю, как на инертную массу, и преобразующей её. В итоге Аристотель приходит к понятию перводвигателя природы —«форме всех форм», как основной первопричине и в то же время конечной цели всеобщего развития, т. е. к богу. Именно эта сторона его учения была широко использована реакционной философией последующих веков.

Аристотель был не только творцом философской системы, в которой ему так и не удалось преодолеть влияние идеалистических построений Платона, но и гениальным учёным. Под его руководством в Ликее, близ Афин, возникла большая школа так называемых *перипатетиков, во* многих случаях также первоклассных учёных. Аристотель, помимо работ по философии и логике, написал ряд сочинений по естествознанию, истории, политике, теории литературы и т. д., которые подвели своего рода итог достижениям научной мысли греков. В своём труде «Описание животных» Аристотель сделал одну из первых попыток дать зоологическую классификацию, основанную на научных принципах. Во всех этих работах, особенно в области естествознания, Аристотель часто оказывается значительно ближе к материализму, чем к своим идеалистическим философским построениям.

В социальной области Аристотель целиком стоит на почве рабовладельческого строя: он считает рабство естественным состоянием для «варваров», а частную собственность — основой господства полноправных граждан. Аристотель был сторон-

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 267.

ником «смешанного» государственного устройства, сочетающего элементы монархии, аристократии и демократии.

Работы Аристотеля и его учеников имеют большое значение для изучения социально-политической истории греческих полисов. По-видимому, ими были составлены обзоры политического строя 158 государств. Важнейшим из этих обзоров является «Афинская полития», найденная в конце XIX в.

Историография. Геродот. Фукидид

Важным этапом в развитии исторической науки в V в. до н. э. явился труд Геродота Галикарнасского, получившего в античной традиции почетное прозвище «отца истории». Геродот родился около 484 г. в городе Галикарнасе, на побережье Малой Азии. Покинув родину, он долгое время жил в Афинах, где находился в близком общении с кружком ученых и писателей, собиравшихся вокруг Перикла. Геродот много путешествовал; он посетил страны Ближнего Востока, берега Чёрного моря, жил в Великой Греции. Его труд (позднее разделенный на 9 книг, по числу муз) имел своей основной целью дать изложение истории греко-персидских войн. Что касается первых четырёх книг, то они в основном посвящены истории Востока: 1-я и 3-я — Ассирии, Вавилону и Персии, 2-я — Египту, 4-я — Скифии. Эти книги являлись как бы введением к основной части труда и должны были осветить историю взаимоотношений между греками и «варварами» в период, предшествовавший греко-персидским войнам.

Любознательный путешественник, внимательный наблюдатель, Геродот постарался добросовестно передать то, что он видел и слышал во время своих странствий. Сочинение его содержит большое количество географических, этнографических и естественнонаучных сведений. В частности, 4-я книга является ценным источником наших знаний о скифах, населявших территорию нынешней Южной Украины. Объездив страны Востока и восточную половину Средиземного моря, Геродот довольно правильно представлял себе эти районы. В его труде уже наметилось ставшее позднее традиционным деление на три части света: Европу, Ливию (Африку) и Азию. Восточных языков Геродот не знал, поэтому для получения сведений ему приходилось прибегать к переводчикам, а документальные источники (например, хроники) остались ему недоступны.

Несмотря на то, что Геродот стремился доказать справедливость войны, которую греки (и прежде всего афиняне) вели против персов, великий историк был чужд односторонности. По его собственным словам, главную цель своего труда он видел в том, чтобы «от времени не изгладились в нашей памяти деяния людей, а также, чтобы не были бесславно забыты огромные и удивления достойные сооружения, возведённые частью эллинами, частью варварами». Он сумел отдать должное культуре Персии и Египта, с восхищением рассказывал, например, о таких технических достижениях персов, как государственные дороги.

В своём труде Геродот руководствовался принципом: передавать то, что говорят, но не всему верить. В некоторых отношениях Геродот сохранил связь с приёмами работы логографов [1]. В первых книгах его труда вкраплено много отдельных эпизодов, носящих характер законченных новелл. Но в отличие от более ранних авторов, вплетавших подобные рассказы в основную ткань своего изложения как её органическую часть, он с большим чувством такта подчёркивал их самостоятельность; это нашло своё выражение и в особенностях стиля, и в легендарно-сказочной трактовке содержания. Не особенно веря в эти легенды, Геродот воспользовался ими как художественным средством, чтобы оживить своё изложение, придать ему яркость и занимательность. Впрочем, Геродот ещё не мог вполне отрешиться от веры в чудеса, приметы, предсказания оракулов и т. д. Его философия истории построена на убеждении в том, что боги завидуют людям и судьба преследует тех, кто достиг слишком большого счастья.

Вершиной древнегреческой историографии явился труд Фукидида (около 460 — около 395) «История» (в восьми книгах), посвящённый Пелопоннесской войне,

[1] См. «Всемирная история», т. I, стр. 683.

в которой Фукидид принимал непосредственное участие в качестве одного из афинских стратегов. Изложение событий доведено до осени 411 г. до н. э. Смерть помешала Фукидиду завершить свой труд.

Намекая на Геродота, Фукидид говорит: «Я не считал согласным со своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого». Трудность таких исследований Фукидид видел в том, что «очевидцы отдельных фактов передавали об одном и том же неодинаково, но руководствуясь симпатией к той или другой из воюющих сторон или основываясь на своей памяти».

В вводной части к своей «Истории» Фукидид подвергает исторической критике древнейшие сказания. Он относится скептически и к словам поэтов, которые воспевали события прошлого «с преувеличениями и прикрасами», и к тем прозаикам, которые заботились «не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха: ими рассказываются события, ничем не подтверждённые и за давностью времени превратившиеся большей частью в невероятное и сказочное».

Дух научного изучения фактов, недоверие ко всяким чудесам и предзнаменованиям были настолько сильны у Фукидида, что некоторые античные авторы даже обвиняли его в атеизме. Великий греческий историк понимал уже разницу между внешними поводами исторических событий (например, войн) и более глубокими причинами их. Он придавал большое значение естественно-географическим условиям и материальным ресурсам — денежным средствам государства, а также, в известной степени, общественным интересам его граждан. Задачу историка—дать потомкам «ясное представление о минувшем» — он отделял от чисто нравоучительных целей, которые преследовал Геродот.

Младший современник Фукидида — Ксенофонт (около 430—353), пытавшийся продолжить в «Греческой истории» труд своего предшественника, во многих отношениях уступает Фукидиду. Афинский аристократ-спартанофил, участвовавший в качестве наёмника в персидском войске, Ксенофонт и в своих сочинениях (исторических, политических и экономических) идеализирует олигархический и монархический строй, выступает в качестве защитника «традиционного» земледельческого хозяйства. Как историк, Ксенофонт наблюдателен, в его трудах много важных подробностей (в частности—в знаменитом описании похода 10 тыс. греков—участников борьбы Кира младшего за персидский престол). Ясный и точный язык принёс Ксенофонту прозвище «аттической пчелы». Ксенофонта как историка от Фукидида отличает склонность к морализированию при изложении и оценке исторических событий.

Ораторское искусство

Необходимость выступать с изложением своих взглядов и политических программ перед согражданами, острые споры в народном собрании, частые судебные дела породили потребность в специальных занятиях риторикой. Красноречие весьма высоко ценилось в Греции, и речи не только произносились ораторами, но и облекались в письменную форму, приобретая тем самым характер особого литературного жанра, который оказал значительное влияние на развитие прозаической литературы в целом. К концу V в. до н. э. и особенно в IV в. риторический жанр достиг наибольшего развития.

Образцом судебного красноречия являются речи Лисия (около 459—378). Они просты, так как предназначены для произнесения лицом, неопытным в красноречии, они Кратки, так как время выступления регламентировалось водяными часами (*клепсидрой*), язык их чист — в нём отсутствуют слова устарелые или вновь придуманные (неологизмы). В них нет аффектации и ложного пафоса, нет излишней поэтической образности. Речи Лисия ярко отражают быт и нравы Афин: перед читателем проходят инвалид, лишённый пособия, истец малолетних детей, обобранных опекуном, муж, убивший из ревности своего соперника, и т. д.

Иной характер носили предназначенные для публичных собраний торжественные речи Исократа. Обладая слабым голосом, он не мог произносить их сам. Речи его тщательно отделаны. Исократ — мастер большого ораторского периода, логически и ритмически расчленённого. В его произведениях заметно стремление к виртуозности, он обращает большое внимание на звуковую сторону, например старательно избегает встречи двух гласных (так называемого «зияния»).

В своих речах Исократ, примыкавший к промакедонской, олигархической группировке, как уже указывалось, проводил мысль о необходимости сплочения эллинов любой ценой, даже под властью Македонии, для похода против «варварской» Персии и освобождения порабощённой Ионии, что, по его мнению, явилось бы выходом из тяжёлого положения, в котором находились греческие полисы. Исократ оказал большое влияние на современную ему историографию.

Мужественным защитником принципов демократии явился Демосфен. Громадная настойчивость, убеждённость в правоте своего дела в соединении с исключительным ораторским мастерством сделали Демосфена величайшим оратором древности. В продолжение 30 лет он был одним из самых опасных и упорных противников Филиппа II. Язык Демосфена — чисто аттический, без архаизмов и напыщенности; вместе с тем он богат и разнообразен, свободен и подвижен. В нём нет холодной правильности речей Исократа. Большой интерес представляют также судебные речи Демосфена.

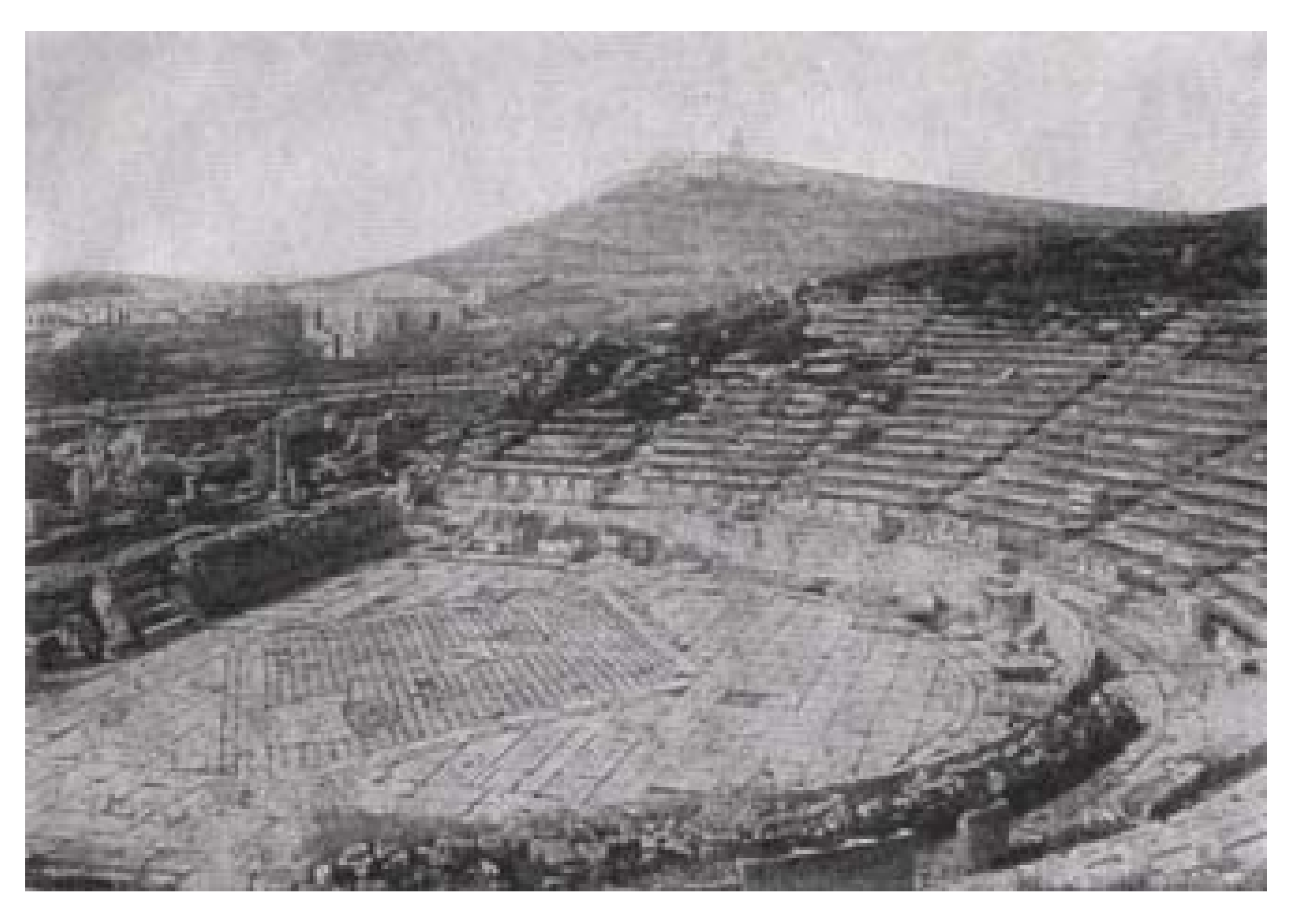
Греческая литература V—IV вв. Театр

В области литературного творчества V и IV вв. до н. э. были временем высокого подъёма и появления новых литературных жанров. Ведущая роль в развитии литературы целиком переходит к Афинам — главному центру культурной жизни всей Греции. Утверждение в Афинах демократического строя наложило яркий отпечаток и на литературное творчество. Писатели этого времени даже и в тех случаях, когда по своим взглядам они не были сторонниками демократии, не могли не считаться с запросами своих сограждан. Некоторые из этих запросов отличались злободневностью и были непосредственно связаны с текущей общественной жизнью, другие касались личной и общественной морали, старых общественных - устоев и новых проблем. Отражавшая все эти запросы классическая греческая литература до сих пор поражает глубиной, тонкостью и разнообразием высказанных в ней мыслей и силой их художественного выражения. Отсюда огромное влияние греческой литературы на всё последующее развитие мировой литературы.

Если для архаического периода характерно развитие лирической поэзии, то для V—IV вв. столь же характерным был расцвет трагедии и комедии, т. е. литературных жанров, связанных с театром. Театральные зрелища родились в Греции из культовых обрядов, связанных с празднествами Диониса — бога умирающей и воскресающей природы, покровителя виноделия. Песни, исполняемые на этих празднествах хором ряженых, уже содержали в себе элементы примитивного театрального действия. Но для V в. это было далёким прошлым, связь с которым ощущалась лишь постольку, поскольку театральные зрелища, например в Афинах, приурочивались к праздникам в честь Диониса — *Великим дионисиям* и *Малым дионисиям.* В это время театр в Афинах и в других греческих городах был одним из важнейших центров общественной жизни и пользовался огромной популярностью.

Само слово «театр» происходит от греческого глагола (theaomai (созерцаю) и может быть переведено как «место для зрелищ». Первоначально не существовало постоянных сооружений для театральных представлений. Позднее стали строить театры, нередко огромных размеров. Так, построенный в Афинах в IV в. до н. э. на юго-восточном склоне Акрополя театр вмещал до 17 тыс. человек, т. е. около половины всех афинских граждан; построенный примерно в то же время театр в аркадском городе Мегалополе — 44 тыс. зрителей и т. д. Само собой разумеется, что при таких огромных размерах греческие театры были лишены кровельных перекрытий: и актёры и зрители находились под открытым небом, и театральное действие про-

исходило при естественном освещении. Места для зрителей располагались полукругом, уступами и были разделены проходами. Для переодевания актёров служила палатка (по-гречески *скенэ),* а затем особое сооружение, сохранившее то же наименование. На передней стене его, обращённой к зрителям, рисовали декорацию и перед ней выступал актёр. Позднее слово «скенэ» стало обозначать особый помост перед этой стеной (от греческого «скенэ» происходит наше слово «сцена») Перед скенэ находилась утрамбованная площадка, так называемая *орхестра,* для танцев и хора



Театр в Эпидавре. IV в. до н. э.

Параллельно с развитием живописи и овладением теорией перспективы шло усовершенствование декораций. Первую перспективную декорацию приписывают Агафарху, который устроил её при постановке трагедии Эсхила в Афинах. Особые приспособления (так называемые *энкиклемы)* давали возможность показывать богов и героев, парящих в воздухе и своим появлением вносящих в действие неожиданную развязку. Руководство спектаклем обычно брал на себя сам автор трагедии или комедии. Часто он выступал и в качестве актёра, но хор, обязательный для всех видов греческих театральных постановок, подготавливался так называемыми *хорегами* за их собственный счёт в порядке почётной общественной повинности — литургии.

В дни Великих дионисий в Афинах устраивались театральные состязания, обычно между тремя авторами трагедий. Каждый из участников этого состязания ставил три трагедии, т. е. три произведения, написанных на скорбный, чаще всего заимствованный из мифов сюжет, и одну так называемую сатировскую драму, сюжет которой также заимствовался из мифов, но трактовался шутливо, иной раз даже карикатурно. Состязания устраивались и среди авторов комедий, ставивших по одной

пьесе. Результаты состязаний фиксировались в особых надписях — *дидаскалиях,* хранившихся в афинском государственном архиве. Общее наблюдение за проведением театральных зрелищ лежало на архонтах. Как уже говорилось выше, афинские граждане получали из государственной казны теорикон — особое пособие на посещение театра. За счёт этих средств и литургий покрывались все связанные с театральными постановками расходы, которые бывали весьма значительными.

В своей «Поэтике» Аристотель указывал, что предметом трагедии должно быть событие значительное. Трагедия не есть простое повествование о случайном, единичном факте. Единичное событие возвышается в трагедии до обобщения. Волнующая значительность образов классической греческой трагедии, чеканная строгость и совершенство формы были причиной того, что на протяжении столетий образы трагических героев древней Греции продолжали жить в литературе европейских народов. Таковы Прометей, Эдип, Федра, Ифигения.

Сюжеты для своих произведений трагические поэты, как правило, черпали из мифологии, но иногда сюжетами трагедий бывали и события исторические. Так, один из первых афинских трагиков (первым традиция считает Феспида, поставившего свою трагедию в 534 г. до н. э.), Фриних, вскоре после разрушения Милета персами поставил трагедию «Взятие Милета», а после победы над персами при Саламине — трагедию «Финикиянки», в которой прославлялся Фемистокл.

Эсхил

Дальнейшее развитие трагического жанра связано с именами трёх великих афинских поэтов: Эсхила, Софокла и Эврипида. О времени их жизни можно судить по тому, что в 480 г. до н. э. Эсхил, по-видимому, участвовал в Саламинской битве, Софокл пел в хоре юношей на праздновании этой победы, а Эврипид, по преданию, якобы как раз в это время родился.

Эсхил.
Греческая скульптура V в. до н. э.
Римская копия. Мрамор.

Эсхил — «отец трагедии», как называет его Энгельс, происходил из знатного рода. Его политические взгляды отличались консерватизмом. Из написанных Эсхилом, по сообщению древних, 90 трагедий до нашего времени дошло только 7. Несмотря на использованные в этих трагедиях мифологические сюжеты, Эсхил откликается на актуальнейшие вопросы своего времени. Так, основной темой трилогии Эсхила «Орестея», состоящей из трагедий: «Агамемнон», «Хоэфоры» и «Эвмениды», служит борьба между гибнущим материнским и побеждающим отцовским правом. Содержание этой трилогии сводится к следующему. Клитемнестра вместе со своим возлюбленным Эгистом умерщвляет своего мужа Агамемнона, вернувшегося после взятия Трои. Мстя за смерть отца, Орест убивает свою мать и её любовника. За это его преследуют богини мести, змеиноволосые Эриннии. Блюстительницы старинных начал матриархата, они не считают виновной Клитемнестру, ибо «чужим по крови был убитый ею муж». На стороне Ореста новые боги— Аполлон и Афина, поправшие «скрижаль старинных правд». Но Афине удаётся «преклонить одичалых богинь неподатливый гнев». Учреждаемый ею ареопаг оправдывает Ореста. Превратившись в благих Эвменид, Эриннии остаются

в Афинах — становятся их богинями-покровительницами. В уста Афины автор вложил и завет, выразивший его собственные политические взгляды:

Храните город столь же зорко, граждане,
От безначалья, сколь от самовластья.

В трагедии «Прикованный Прометей» Эсхил даёт образ мужественного борца против богов, за счастье человечества. Образ Прометея потом на протяжении многих веков воодушевлял деятелей прогресса в борьбе против реакции. Трагедия «Персы», написанная не на мифологический, а на актуальный исторический сюжет, отражает торжество афинян, одержавших историческую победу в борьбе против Персии, и содержит подробное описание Саламинского сражения.

Трагедии Эсхила написаны ещё в приёмах полуэпической хоровой лирики, но в этой области Эсхил проявил себя новатором. В старой трагедии главным действующим лицом был хор, который вступал в диалог с единственным актёром; Эсхил впервые вывел одновременно двух актёров и тем самым создал независимый от хора актёрский диалог, который затем стал быстро развиваться за счёт хоровой части. Последующее развитие театрального искусства происходило, однако, настолько быстро, что афинянам конца V в. до н. э. Эсхил по сравнению с Софоклом и особенно Эврипидом представлялся уже поэтом далёкого прошлого. Так, в комедии Аристофана «Лягушки» он олицетворяет героическое, но уже безвозвратно ушедшее время.

Софокл

Софокл был современником Перикла. По происхождению он принадлежал к зажиточным торгово-ремесленным слоям афинского демоса и был не только поэтом, но и государственным деятелем: в 440 г. до н. э. он занимал вместе с Периклом должность стратега. Из многочисленных (по преданию, до 120) произведений Софокла до нас дошло полностью, не считая отрывков (сравнительно недавно в Египте был найден ещё один значительный фрагмент его драмы «Следопыты»), 7 трагедий и 1 сатировская драма. Наибольшей известностью из них пользуются трагедии на сюжеты фиванского цикла «Эдип-царь» и «Антигона».

В трагедии Софокла «Эдип-царь» дельфийский оракул предсказывает что сын фиванского царя Лайя и царицы Иокасты Эдип убьёт своего отца. Поэтому в младенческом возрасте он был брошен родителями; его усыновил царь Коринфа Полиб. Слухи, что Эдип не настоящий сын Полиба, заставили юношу отправиться в Дельфы. Оракул не дал ему прямого ответа о его происхождении, но возвестил, что он убьёт отца и женится на своей матери. «У распутья, где две дороги с третьего сошлись», Эдип, сам того не зная, убил своего отца при случайной встрече и споре. Проходя через Фивы, он освободил город от хищного чудовища Сфинкса стал царём Фив и мужем царской вдовы Иокасты. Трагедия Софокла начинается с момента, когда оба преступления уже давно совершены: прошло около 15 лет, Эдип — отец четверых детей. Всё содержание трагедии посвящено постепенному раскрытию ужасной правды, которую гонит от себя сознание героя и которая приводит в конце драмы к самоубийству Иокасты и к самоослеплению Эдипа: сорвав золотую застёжку с плеча своей умершей матери, он выкалывает себе глаза острой иглой:

Так грянул рок из тучи двуобразной
Двойною гибелью — ему и ей.

В основе этой трагедии лежит представление Софокла о роли судьбы в жизни людей.

Уже у Гомера упоминается о богинях судьбы, мойрах, стоящих выше самих богов. В греческой трагедии вопрос о судьбе становится одним из центральных. Но мировоззрение греческих трагиков не было покорностью судьбе, фатализмом. Именно то, что греческая трагедия показывала человека в борьбе с судьбой, являлось утверждением силы человека, его героизма и его свободы. В уже упоминавшейся трагедии Эсхила в образе Прометея изображён мятежный титан, похитивший с неба божест-

венный огонь и научивший людей искусствам. Жестокий владыка Зевс велел приковать его к голому каменному утёсу. На уговоры бога Гермеса Прометей отвечает:

Напрасно докучаешь разговором:
Я, как волна морская, глух к тебе.
Не думай, что из страха перед Зевсом
Я стану бабой, буду умолять,
Как женщина, заламывая руки,
Чтоб тот, кого я ненавижу, снял
С меня оковы. Не бывать тому!

В софокловой «Антигоне» хор воспевает силу человека, покоряющего природу. Человек смело держит путь за море под мятежный вой вьюги, он бороздит плугом землю, он подчинил своей власти стаи беззаботных птиц, лесных зверей, рыб: «на всех искусные сети плетёт разумный муж». Ему покорились гордый лев и легкогривый конь. «Много в природе дивных сил, но сильней человека — нет».

Софокл.
Греческая скульптура IV в. до н. э.
Римская копия. Мрамор.

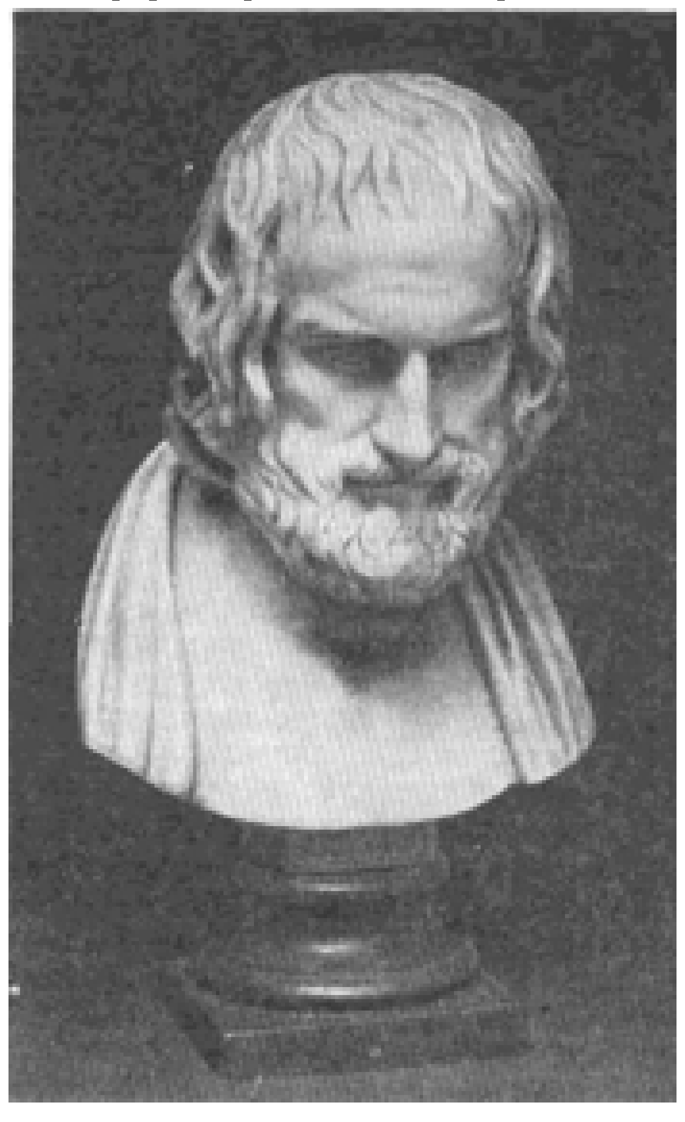
На протяжении сравнительно короткого времени греческая трагедия претерпела значительную эволюцию. Её развитие шло по пути усложнения действия и расширения тематики. Уже говорилось, что Эсхил ввёл второго актёра и тем сделал диалог независимым от хора. Дальнейший шаг сделал Софокл: в его трагедиях выступают уже три актёра, хотя преобладающим остался сменяющийся диалог двух действующих лиц. Введение трёх актёров позволило усилить контрасты; наряду со столкновением двух суровых антагонистических сил появился третий контрастирующий элемент — характер мягкий и кроткий. Три актёра стали исполнять по несколько ролей, так что действующих лиц в трагедии было больше, чем актёров. Второстепенные действующие лица (пастухи, слуги, рабы) также приобрели теперь большее значение.

В зависимости от исполняемой роли менялась и одежда актёра. Вместо грима надевались маски, закрывавшие не только лицо, но и часть головы. Один и тот же персонаж мог по ходу действия появляться в разных масках (например, царь Эдип, появляющийся конце трагедии с выколотыми окровавленными глазами). Обувь актёров (так называемые *котурны*) с очень высокими, толстыми подошвами увеличивала их рост.

Параллельно с усложнением действия шло и психологическое усложнение характеров действующих лиц. Характеры Эсхила были «трагической маской», остававшейся неизменной на протяжении всей драмы. Эсхил знал крутые повороты действия, резкие сопоставления на протяжении одной и той же сцены (например, превращение мстительных Эринний в благих Эвменид), но у него ещё не было постепенных психологических переходов, как, например, у Софокла в «Антигоне», где диалог Гемона с его отцом Креонтом, начинаясь в тонах сыновней почтительности, мало-помалу разгорается до мятежного протеста и отчаяния.

Эврипид

Дальнейшее своё развитие античная трагедия получила в творчестве третьего выдающегося представителя этого жанра — Эврипида. Из биографии Эврипида известно сравнительно немногое. Родился он в 485 г. до н. э. на острове Саламин. Его родители, По-видимому, занимались мелкой торговлей. Вступив в общественную жизнь, Эврипид познакомился с учением философа Анаксагора, сблизился с Протагором и другими софистами, оказавшими на него большое влияние. Впрочем, философские взгляды Эврипида не отличались чёткостью и последовательностью. Из 92 произведений Эврипида до нашего времени дошло 18 трагедий, 1 сатировская драма и значительное число фрагментов из других, в том числе и лирических, его произведений. Незадолго до смерти — умер он в 408 или 407 г.— Эврипид уехал из Афин в Македонию, где написал свою последнюю трагедию — «Вакханки».



Эврипид.
Греческая скульптура IV в. до н. э.
Римская копил. Мрамор.

В творчестве Эврипида уже видны симптомы надвигающегося кризиса полисного миросозерцания, что проявлялось в пересмотре им, как и многими его современниками, целого ряда прежде незыблемых традиционных представлений. Так, если в основе трагедий Эсхила и Софокла ещё лежит представление о разумных, управляющих миром божественных силах, то в трагедиях Эврипида можно встретить уже довольно скептические высказывания относительно всемогущества богов. Так, например, в трагедии «Электра» хор выражает сомнение в том, что Зевс может по своей воле изменить движение солнца и звёзд. В других трагедиях Эврипида проявляется скептическое отношение к прорицаниям оракула или боги изображаются в сугубо непривлекательных чертах: подчёркиваются их алчность, жестокость, низменные страсти; в трагедии же «Беллерофонт» в уста главного её героя вкладываются следующие слова:

На небе боги есть... Так говорят.
Нет! Нет! Их нет! И у кого крупица
Хотя бы есть ума, не станет верить
Сказаньям старым...

В сохранившихся отрывках из трагедий Эврипида «Александр» и «Меланиппа-узница» излагаются воззрения и мысли софистов о «естественном праве» и «природном» равенстве всех людей — и рабов и свободных.

Обычно для своих трагедий Эврипид заимствовал сюжеты из второстепенных мифологических эпизодов; это открывало перед ним возможность трактовать их с

большей свободой. При этом Эврипид стремился выбирать эпизоды, богатые страстями и страданиями, в сценическом изображении которых он был мастером, непревзойдённым на протяжении всей античности.

Художественное дарование и тонкая психологическая наблюдательность сочетались у Эврипида с редкой смелостью в трактовке моральных проблем. Ярким тому примером могут служить его трагедии «Медея» и «Ипполит», в которых Эврипид с большой художественной силой трактует моральную драму женщины своего времени, порождённую её приниженным положением и уже наметившимся кризисом старых семейных устоев. Вопрос о положении женщины в семье и обществе с разных сторон освещался и в других трагедиях Эврипида. Хотя он и не даёт прямого ответа на этот вопрос, но самая его постановка казалась многим современникам Эврипида, особенно принадлежавшим к консервативному лагерю, чрезмерно радикальной. В этом отношении весьма показательно, что, выступив со своими произведениями на поэтических соревнованиях свыше 20 раз, Эврипид только 4 раза смог достигнуть на них победы и получить первое место. Огромное художественное дарование Эврипида по-настоящему было оценено уже после его смерти, последующими поколениями. В эллинистическую эпоху он стал любимым поэтом афинян.

Политические взгляды Эврипида сказываются в ряде его трагедий, особенно в «Гераклидах», «Просительницах», «Андромахе», «Троянках». В этих трагедиях он выступает горячим афинским патриотом, прославляющим морское могущество Афинской державы, и сторонником демократического строя, хотя радикальную демократию в «Просительницах», а также в «Оресте» он осуждает. Для Эврипида также характерно резко отрицательное отношение к консервативной Спарте («Гераклиды») и дельфийскому оракулу. Тяжёлые бедствия, причинённые Пелопоннесской войной, нашли отражение в его трагедии «Троянки», ярко изображающей несчастье побеждённых и горе пленников.

В целом Эврипид и по содержанию своих произведений и по приёмам художественного изображения значительно отходит от своих предшественников: в его трагедиях нельзя найти ни строгой торжественности Эсхила, ни монументальных фигур Софокла. Отнюдь не отказываясь от приёмов поэтического обобщения образов своих героев, Эврипид трактует их, однако, ближе к условиям реальной жизни.

Аристофан

Афинская комедия V в. до н. э. по сравнению с трагедией и сатировской драмой носила гораздо более острый политический характер, живо откликаясь на текущие политические события. Истоки этого жанра связаны с сельскими праздничными шествиями в честь Диониса, распространёнными во всех частях Греции, особенно в Аттике. Шествия эти сопровождались шутками, остротами, взаимными передразниваниями, шуточными перебранками. Другим источником комедии явились популярные в Сицилии *мимы* — жанровые сценки, получившие литературную обработку во второй половине V в. Первоначально комедия сводилась к чередованию выступлений запевалы и хора. Первым, кто ввёл в начале V в. в комедию фабулу и завязку, придав ей целостность и законченность действия, был сицилийский поэт Эпихарм. В том же столетии комедия достигла высокого развития в Аттике.

В отличие от трагедии, черпавшей, как правило, свои сюжеты из традиционных мифологических сказаний, сюжет комедии являлся плодом фантазии, художественного вымысла. Один из авторов комедий иронически замечал по этому поводу, что трагедия — «настоящая счастливица». «Всё, о чём она повествует, известно зрителям задолго до того, как она надумает сказать своё первое слово... У нас же, комиков, ничего подобного нет. Мы должны сами всё придумывать; мы должны изобретать имена, должны создавать для своих героев и минувшее и настоящее, должны снабжать пьесу и заключением и началом». Для комедии не являлось обязательным единство места, соблюдавшееся в античной трагедии: действие быстро переносится из города в деревню или даже с земли на небо.

Из политических комедий V в. дошли до нас полностью, а не в отрывках только комедии Аристофана (около 446—385), крупнейшего представителя комедийного жанра. По-видимому, Аристофаном было написано 44 комедии, но из них сохранилось только 11. В этих комедиях ярко запечатлелись политические воззрения автора, который держал сторону аттического крестьянства, разоряемого междоусобицами, и был недоволен авантюристической политикой современных ему вождей «радикальной демократии». Остриё сатиры Аристофана направлено поэтому прежде всего против Клеона, выведенного в комедии «Всадники» и в неполностью дошедших до нас «Вавилонянках».

«Радикальная демократия» высмеивается также в «Осах». В комедиях «Ахарняне», «Мир» и «Лисистрата» Аристофан с большой силой выступает против нескончаемой войны, которая принесла народу огромные бедствия.

Как художник Аристофан является великим реалистом. Но искусство его очень своеобразно; в нём много фантастики, живой и яркой. Острую политическую тенденциозность и беспощадную наблюдательность сатирика Аристофан сочетает с условными приёмами народного театра. Так, в комедии «Птицы» фигурирует государство, построенное птицами в воздухе. В «Лисистрате» женщины всей Эллады объявляют бунт против своих мужей и уходят на афинский Акрополь, требуя прекращения войны. В другой комедии они захватывают всю государственную власть в свои руки. Такие фантастические положения были одним из средств, которые позволяли в завуалированной и вместе с тем достаточно прозрачной форме говорить о злободневных вопросах политики, искусства, морали.

Аристофан откликался в своих произведениях не только на политические события: основное содержание его комедии «Лягушки» посвящено высмеиванию современных ему литературных течений, а в «Облаках» он высмеивает софистов, к числу которых относит и Сократа. В этой комедии Сократ, подвешенный в корзинке, размышляет о Солнце. Юноша, прошедший у Сократа курс философского обучения, начинает доказывать отцу своё право бить его, после чего отец, озлобившись, поджигает «мудрилище» его учителя.

Язык и литературные приёмы Аристофана замечательны своим разнообразием. Наряду с пародированием торжественного языка дифирамбов, эпической поэзии и ораторской речи, языка оракулов и драматических поэтов Аристофан пользуется простонародными словами, многосложными, производящими комическое впечатление словообразованиями, смешными звукоподражаниями, напоминающими щебетанье птиц или кваканье лягушек. Его стих отличается ритмическим разнообразием и свободой метрики. Диалог Аристофана поражает своей быстротой и стремительностью. Комизм усиливается приёмами неожиданного разрушения сценической иллюзии; например, актёр во время полёта обращается к служителю сцены, управляющему машиной, с просьбой не уронить его. Всему этому соответствуют одежды актёров и хора. Участники хора выводятся в виде птиц, ос, лягушек, облаков. Птицы в комедии Аристофана появляются с фантастическими клювами, осы тащат за собой свои жала, персидский посол—«Царское око»—Лжеартаб представлен с единственным громадным глазом, закрывающим всё лицо.

В IV в. до н. э. греческая комедия теряет свой прежний ярко выраженный политический характер и превращается в комедию бытовую.

Музыка

Многие поэтические легенды и мифы указывают на высокое значение, которое греки придавали музыке: Орфей своим пением зачаровывал диких зверей, деревья и скалы; под звуки лиры Амфиона послушно ложились камни при постройке Фив. Все эти сказания и мифы свидетельствуют о глубокой вере греков в силу музыки. Эстетические учения складывались в Греции в значительной мере под влиянием музыкальных впечатлений и музыкальных теорий. Выражение «гармония» имело у греков необычайно широкое значение. Писатели пользовались им, например, говоря о произве-

дениях архитектуры. В среде пифагорейцев создалось учение о гармонии небесных сфер: светила в своем движении рождают звуки, соответствующие тем, которые употребительны в музыке Музыка была тесно связана (особенно в Спарте) с гимнастическими упражнениями и военной тренировкой юношей.

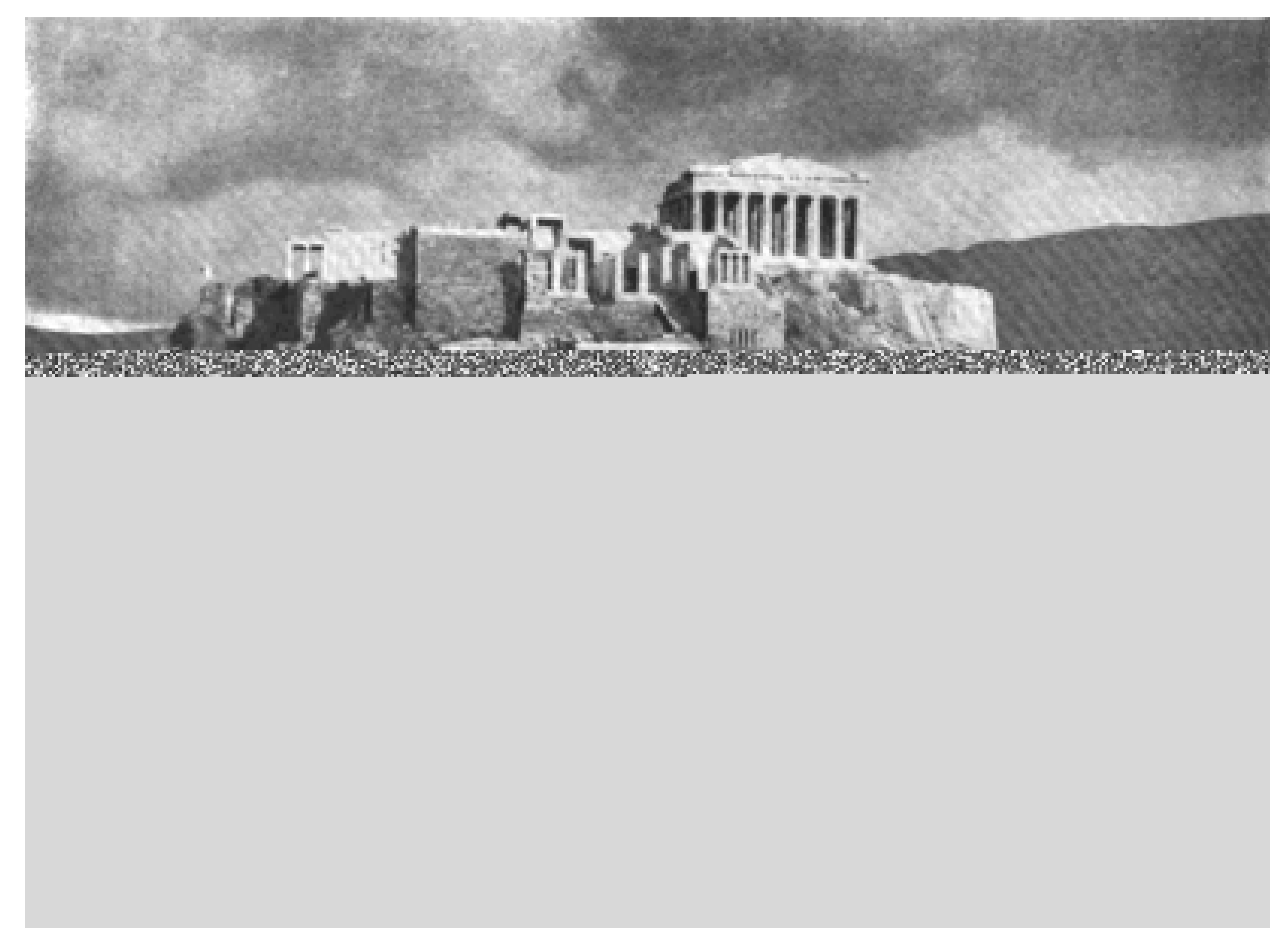
У греков существовали струнные, духовые и ударные инструменты. Смычковых инструментов они не знали Струнные инструменты нередко обозначались общим названием — лира (хотя, наряду с лирой в собственном смысле слова, большим распространением пользовались также кифара, барбитон и другие инструменты).

Урок музыки в афинской школе.
Изображение на краснофигурном сосуде. Работа вазописца Дуриса. Первая половина V в. до н. э.

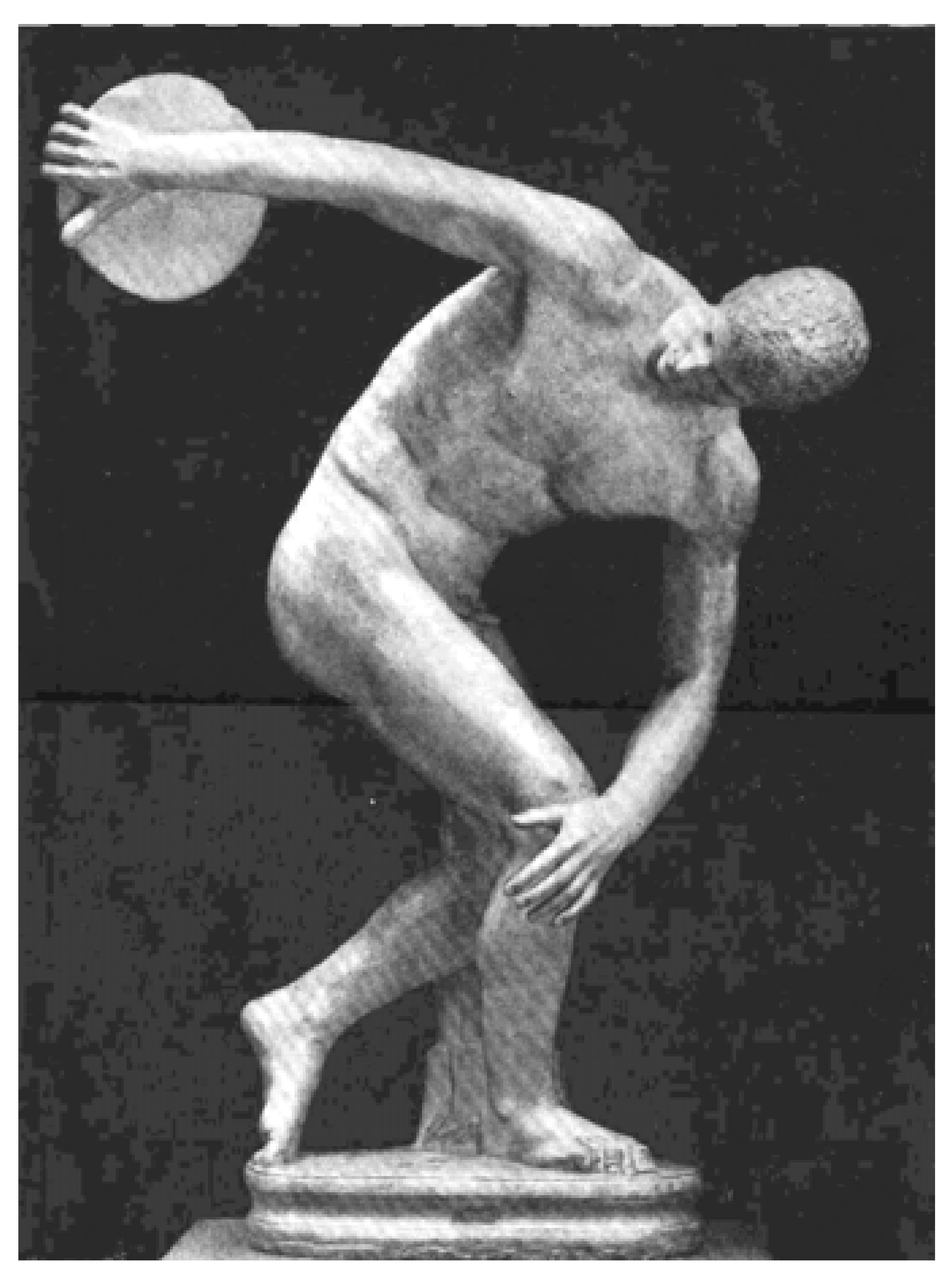
К числу духовых инструментов принадлежали флейта и различные виды труб. Важнейшими ударными инструментами были кимвалы и тимпаны. Противопоставление лиры (или кифары) и флейты стало классическим в греческой литературе. Кифара — инструмент светлого бога Аполлона, бога гармонии, предводителя муз, ее звуки — очистительные и болеутоляющие. Наоборот, музыка флейты говорит на языке страсти, это—музыка бога Диониса.

Первоначально игра на музыкальных инструментах сводилась главным образом к аккомпанементу — служила как бы опорой для певца в его пении: на инструменте брались те же ноты, которые пел певец. Лишь постепенно развилось «разноголосие» (*гетерофония*), т. е. звуки голоса и звуки сопровождения перестали совпадать. Вынужденная приспособляться к богатству стихотворных размеров, к приёмам декламационного пения, греческая музыка достигла высокого ритмического разнообразия. Напротив, в гармоническом отношении (одновременное звучание нескольких звуков) она развития не получила. Греция знала лишь созвучия, одновременное звучание двух нот, и не знала аккордов, состоящих из трёх и более звуков. Хоры исполнялись в унисон, не было ни многоголосия, ни оркестра.

Инструментальная музыка начала развиваться ещё в архаическую эпоху и получила дальнейшее развитие в V в. до н. э. К сожалению, до нас дошло лишь очень небольшое количество памятников греческой музыки.



АФИНСКИЙ АКРОПОЛЬ
Вид со стороны Пропилей. Современное состояние



ДИСКОБОЛ
Скульптура Мирона. Середина V в. до н. э. Римская копия. Мрамор

Основа музыкальной теории и музыкальной акустики была заложена в Греции Пифагором и пифагорейцами. По преданию, Пифагор установил соотношение между высотой звука и длиной струны: чем длиннее струна, тем звук ниже. Простейшим отношениям длин (1 : 2, 3 : 2, 4 : 3) соответствуют благозвучные интервалы (октава, квинта, кварта). В отличие от пифагорейцев ученик Аристотеля Аристоксен (конец IV в. до н. э.) стал придавать основное значение не математическим изысканиям, а реально слышимым соотношениям между звуками. Противоположность этих двух направлений долго сохранялась и определила два различных пути музыкально-теоретических исследований. Ко времени Аристоксена сформировалась и нотация, т. е. обозначение звуков условными знаками. Для этой цели пользовались буквами. Нотация вокальной и инструментальной музыки была различной.

Изобразительное искусство и архитектура

V и IV вв. были временем подлинного расцвета греческого изобразительного искусства. Это один из наиболее значительных периодов в истории мирового искусства в целом. В V в. до н. э. впервые в истории человечества в Греции развивается художественное творчество, стоящее на почве высокого и сознательного реализма. Условность и схематизм архаического периода были преодолены. Черпая свои образы из действительной жизни, выражая наиболее передовые идеи своего времени, греческие мастера создают величайшие произведения, которыми впоследствии вдохновлялись и которым подражали лучшие представители мирового искусства.

Краснофигурный сосуд из Орвието
с изображением аргонавтов.
Аттическая живопись в стиле Полигнота.
Середина V в. до н. э.

К сожалению, подавляющее число памятников художественного творчества первой половины V в. не дошло до нашего времени: монументальная живопись известна лишь по описаниям или воспроизведениям отдельных её сюжетов на вазах, произведения греческих скульпторов — по копиям более позднего времени или воспроизведениям на монетах, от многих архитектурных сооружений сохранились лишь фундаменты.

Такова была судьба произведений и великого греческого живописца Полигнота (середина V в.), влияние которого не только на живопись, но и на скульптуру ясно чувствуется на протяжении всего V в. Из фресок Полигнота, украшавших так называемый «Пёстрый портик» в Афинах, не сохранилось ни одной: они известны нам лишь по позднейшим описаниям. Полигнот впервые создал сложные многофигурные композиции, используя наиболее драматические сюжеты греческой мифологии и истории. Известное представление о композиционных и изобразительных приёмах Полигнота даёт современная ему краснофигурная вазовая живопись. Расписывавшие эти вазы художники, несомненно, руководствовались образцами живописи Полигнота.

Существенный сдвиг произошёл и в пластическом искусстве. Скульпторы V в. отошли от господствовавшего в архаическом искусстве принципа схематической и

неподвижной трактовки человеческой фигуры. Уже к середине V в. в творчестве трех наиболее прославленных скульпторов—Мирона, Фидия и Поликлета — греческая пластика достигает классического совершенства.

Расцвет творческой деятельности Мирона, уроженца Элевфер, приходится на вторую четверть V в. Он прославился изображениями атлетов—победителей на состязаниях, сохранились копии его «Дискобола» и отдельных фигур скульптурной

Храм Никэ Аптерос в афинском Акрополе.
Конец V в. до н. э.

группы, изображающей Афину и Марсия. В первом из этих произведений Мирон запечатлел наиболее характерный момент в движении атлета, мечущего диск. Группа «Афина и Марсий» отличается тонкостью психологической характеристики каждого из этих образов.

В несколько ином направлении развернулась творческая деятельность другого великого скульптора рассматриваемой эпохи — аргосца Поликлета (вторая половина V в.), выразителя строгих дорических идеалов. Он пытался установить систему математически точных пропорций человеческого тела, изложив эту систему в особом теоретическом трактате «Канон». Хотя популярность Поликлета была очень велика, некоторые современники уже упрекали его в однообразии.

Вторая половина V в. до н. э. ознаменовалась ещё одним важным сдвигом в изобразительном искусстве: художники Аполлодор из Афин, Зевксис из южноиталийской Гераклеи и Паррасий из Эфеса, стремясь к созданию живых человеческих образов, разработали линейную и воздушную перспективу, светотеневую моделировку, более тонкий и богатый колорит. Это имело такое же значение для дальнейшего развития живописи, как отказ от архаического принципа неподвижности в скульптуре.

Дорифор (копьеносец).
Скульптура Поликлета. Вторая половина V в. до н. э. Бронза.

Шедевром мировой архитектуры является ансамбль афинского Акрополя, возникший во второй половине V в. После возведения новых оборонительных сооружений (так называемые «Длинные стены») Акрополь утратил своё былое значение главного городского укрепления. В результате новой застройки он приобрёл характер религиозного и художественного центра города. В Акрополе сохранялась казна афинян и союзников. Сюда направлялись из города в праздничные дни торжественные процессии.

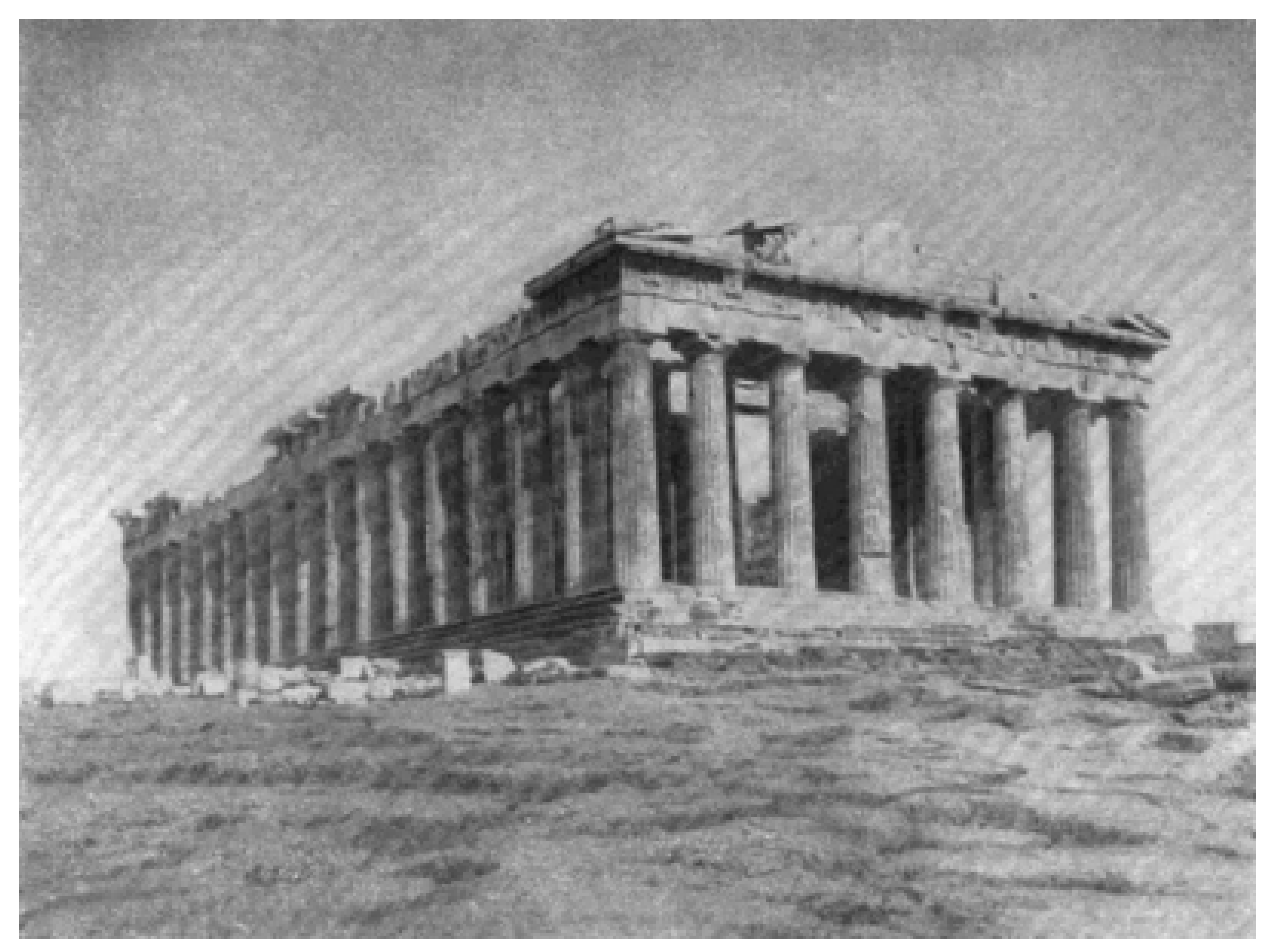
Ансамбль Акрополя был создан трудами лучших мастеров этой эпохи. При Перикле зодчими Иктином и Калликратом был построен храм Афины-Девы, Парфенон. Вслед за тем у входа в Акрополь возникли мраморные Пропилеи и небольшой храм Никэ Аптерос — бескрылой Победы (афиняне изображали её бескрылой, считая, что, не имея крыльев, она никогда не покинет их). Несколько позднее был построен Эрехтейон, храм, объединивший древнейшие культы города, в том числе культ легендарного царя Афин Эрехтея.

Афина.
Скульптура Фидия. Вторая половина V в. до н. э.
Уменьшенная римская копия. Мрамор.

Характерными особенностями ансамбля Акрополя являются его свободная асимметричность, гармония с окружающей природой. Естественные особенности рельефа оставлены почти нетронутыми. Ансамбль раскрывается в определённой последовательности, здания обращены к зрителю под некоторым углом. Нет мёртвой симметрии, однообразного повторения в деталях.

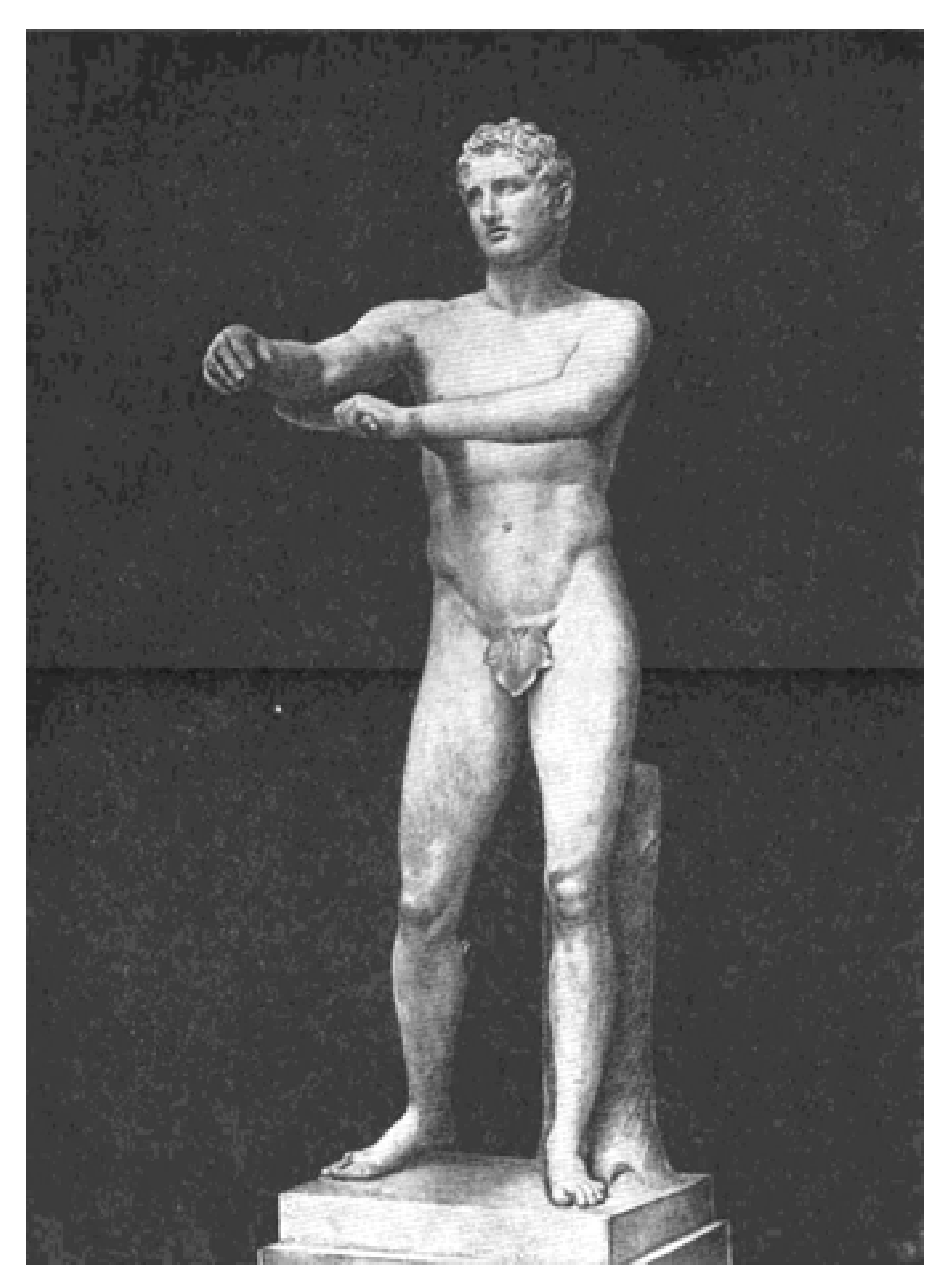
Архитектурные формы органически сочетались с другими видами искусства. В левом крыле Пропилеи находилось собрание картин (пинакотека). На площади Акрополя возвышалась гигантская статуя Афины-Воительницы с золотым копьём. Построенный в дорическом ордере, Парфенон получил и некоторые черты, свойственные ордеру ионическому: таков, например, фриз, проходящий по стене храма. В этом сочетании как бы отражался всеэллинский характер главного здания афинского Акрополя. Подойдя к Парфенону, можно было увидеть на фронтонах скульптурные изображения мифов, непосредственно связанных с Афиной: её чудесное появление из головы Зевса, её спор с Посейдоном за обладание Аттикой. В метопах были изображены эпизоды борьбы мифического племени лапифов с дикими кентаврами, далее—битвы с титанами, амазонками, Троянская война. На фризе стены было изображено шествие афинян (работа Фидия). Внутри храма высилась статуя Афины из слоновой кости и золота, вышедшая также из-под резца Фидия.

В IV в. до н. э. в греческом искусстве общий уровень художественной культуры ещё остаётся очень высоким. Развиваются новые черты, незнакомые искусству V в. —тонкая наблюдательность, более свободное выражение индивидуальных особенностей. Но классическая гармония века Фидия уходит в прошлое. Общественный



ПАРФЕНОН
Зодчие Иктин и Калликрат. 447—438 гг. до н. э. Современное состояние

ГЕРМЕС С МЛАДЕНЦЕМ ДИОНИСОМ
Скульптура Праксителя. Середина IV в. до н. э. Римская копия. Мрамор



Апоксиомен.
Скульптура Лисиппа. Вторая половина IV в. до н. э. Римская копия. Мрамор.

идеал греческого искусства становится менее значительным, его вытесняет психологический интерес к внутренней жизни личности.

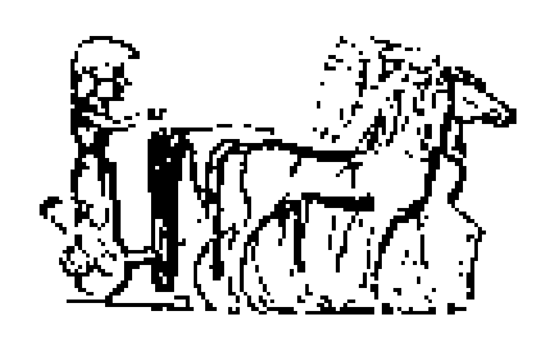
Характерным представителем этого нового направления был знаменитый скульптор середины IV в. афинянин Пракситель. Единственная дошедшая в оригинале его работа — Гермес с младенцем Дионисом. Гермес изображён в лёгкой, непринуждённой позе, он облокотился на древесный ствол и дразнит мальчика Диониса кистью винограда.

Совсем иное впечатление производит творчество современника Праксителя, скульптора Скопаса из Пароса. Произведения Скопаса, столь же совершенные в художественном отношении, как и статуи Праксителя, проникнуты драматизмом, бурным движением. Таковы, например, фигуры из фронтонной композиции храма Афины Алеи в Тегее. Здесь Скопас решительно нарушает традиционную для греческой пластики трактовку лица, придав ему полное жизненных эмоций выражение.

Третий крупнейший скульптор IV в.—младший современник Праксителя и Скопаса сикионянин Лисипп продолжает традицию Скопаса. Лисипп жил уже во время возвышения Македонии и походов Александра. Из его произведений наибольшей известностью пользуется статуя «Апоксиомен» — атлет, очищающий скребком своё тело. В творчестве Лисиппа реализм греческой скульптуры приобретает более жизненный, жанровый характер. Голова Александра, изваянная Лисиппом,—предвестие новой эпохи, эпохи эллинизма, с её культом властителя-героя.

Ряд существенных перемен вносит IV век и в область архитектуры. Архитекторы IV в. до н. э. продолжают дело Гипподама Милетского, друга Перикла, который впервые начал составлять планы строительства городов. В «гипподамовой системе» улицы пересекаются под прямым углом — принцип, необходимый для городов с развитым движением и торговой деятельностью. По этой системе была перестроена в IV в. Приена (Малая Азия). «Гипподамова система» получила большое распространение в градостроительстве эпохи эллинизма. Таково было в общих чертах развитие эллинской культуры V—IV вв. В это время был сделан громадный шаг вперёд в познании человеком окружающего его мира, а также и в художественном развитии человечества. Цельность, гармоничность, жизнеутверждающая сила греческого искусства, корни которого, несмотря на свой классовый характер, глубоко уходили в народную почву, сделали бессмертными лучшие его творения, сохраняющие во многих отношениях значение нормы и недосягаемого образца [1].

[1] *К. Маркс,* Введение к «К критике политической экономии», *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* Соч., т. XII, ч. I, стр. 203.



ГЛАВА V
РАЗВИТИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Развитие рабовладельческих отношений в западной части Средиземного моря привело к тому, что здесь уже в VIII—VI вв. до н. э. завязался чрезвычайно сложный узел противоречий. Напряжённая борьба, кипевшая в бассейне Западного Средиземноморья, определялась в первую очередь соотношением и взаимодействием таких сил, как Карфагенская держава, противостоящий ей мир западного эллинства и, наконец, могущественная этрусская федерация [1], распространявшая в то время свою власть почти на весь Апеннинский полуостров, а частично и за его пределы. Но если в VIII—VI вв. до н. э. борьба между этими основными силами западно-средиземноморского мира шла с переменным успехом и не давала решительного перевеса ни одной из борющихся сторон, то к середине I тысячелетия вся картина взаимоотношений существенно изменилась.

Прежде всего окончательно выделилась основная линия противоречий — борьба и соперничество между западными эллинами и карфагенянами. На протяжении VI—V вв. до н. э. эта борьба развёртывается чрезвычайно активно и приносит в конечном счёте эллинам ряд успехов, что, в свою очередь, даёт им возможность ликвидировать другую опасность: решительно пресечь этрусскую экспансию. С начала V в. и до его последнего десятилетия эллины становятся ведущей силой не только в восточной, но и в западной части Средиземноморья.

Не менее важным фактором международных отношений VI—V вв.—если только иметь в виду тенденцию дальнейшего развития — было появление на Апеннинском полуострове новой активной силы: молодого Римского государства. Становление этого государства происходило в процессе борьбы римлян и других италийских племён с этрусками.

[1] Об этрусках см. «Всемирная история», т. I, гл. XXVII.

1. Западные эллины и образование Сицилийской державы

Сицилийская держава в V в. до н. э.

Переломным моментом в ходе борьбы западных эллинов с карфагенянами следует считать битву при Гимере (на северном берегу Сицилии), состоявшуюся, согласно традиции, в тот же день, когда персы потерпели поражение под Саламином (480 г. до н. э.).

Наступление карфагенян на Сицилию, возможно, было составной частью грандиозного плана Ксеркса, начинавшего войну против эллинского мира с широкими захватническими планами. Диодор Сицилийский свидетельствует о существовании договора между Персией и Карфагеном, а другой греческий историк, Эфор, сообщает, что в Карфаген было даже направлено специальное персидско-финикийское посольство. Однако вторжение карфагенян не застало сицилийских греков врасплох. Сиракузский тиран Гелон в союзе с правителем Акраганта Фероном объединил в своих руках крупные военные силы и в битве при Гимере одержал блестящую победу над карфагенянами. После этого поражения Карфагену с трудом удалось сохранить свои старинные владения в Сицилии (Панорм, Солунт и т. п.), уплатив огромную контрибуцию в 2 тыс. талантов.

Битва при Гимере не только приостановила на продолжительное время карфагенскую экспансию, но и развязала руки сицилийским грекам в их борьбе против могущественных союзников Карфагена — этрусков. Когда в 474 г. до н. э. этруски сделали новую попытку захватить Кумы, брат и наследник Гелона — сиракузский тиран Гиерон I выступил на помощь куманцам и нанёс серьёзное поражение этрусскому флоту, окончательно подорвав морское могущество этрусской федерации. Историческим следствием этих побед было образование Сицилийской державы во главе с Сиракузами. Акрагант и Гимера заключили с Сиракузами союз, Мессана и Регий признали их главенство, влияние Сиракуз распространилось теперь на всю эллинскую часть острова.

В V в. греческие полисы Сицилии и Южной Италии стали крупными земледельческими и торговыми центрами. Отсюда продукты сельского хозяйства в значительном количестве вывозились в материковую Грецию, в Сицилию же из Греции, в свою очередь, поступали ремесленные товары. Именно в это время в Сицилии начинает развиваться крупное зерновое и пастбищное хозяйство с широким применением рабского труда.

Богатая военная добыча, пленники-рабы, откупная система взимания налогов — всё это, вместе взятое, давало в руки сиракузских тиранов огромные средства, значительная часть которых шла на сооружение великолепных построек в Сиракузах, Акраганте, Селинунте и в других городах, а также на содержание пышного двора. Гиерон (а затем и другие сиракузские тираны) приглашал к своему двору знаменитых поэтов и художников. В Сиракузах побывали поэты Пиндар, Симонид, Эсхил и др. В Сицилии возникают своеобразные философские системы (Эмпедокл из Акраганта), сравнительно рано развивается риторика (Горгий из Леонтин), которая в дальнейшем играет выдающуюся роль в системе греческого образования.

Наряду с этим показным блеском в Сицилии вследствие роста задолженности и разорения крестьянства кипела ожесточённая борьба, в которую были втянуты различные слои населения, в том числе и порабощённые крестьяне *(киллирии)*. Во многих городах низшие слои населения выступали с требованиями передела земли и отмены долговых обязательств. Крупную роль во всех этих движениях играли крепнущие торгово-ремесленные круги, стремившиеся к власти. Наряду с внутренней борьбой, происходившей в греческих полисах, продолжалось сопротивление древнейшего местного населения эллинским колонизаторам. Источники сохранили лишь краткое упоминание о продолжавшемся в течение двух десятилетии (460—440 гг.) восстании сикулов, во главе которых стоял их вождь Дукетий.

Середина V в.— важная веха в политическом развитии Великой Греции. В целом ряде полисов происходят демократические перевороты. Демократический строй устанавливается в Таренте, после поражения тарентинцев в войне с япигами. После смерти Гиерона I (466 г. до н. э.) демократическая форма правления утверждается в Сиракузах, в 444 г. до н. э. под руководством философа Эмпедокла происходит демократический переворот в Акраганте, демократический строй устанавливается также в Гимере, Регии, Мессане.

Храм Посейдона и Пестуме (Италия).
V в. до н. э.

Таким образом, победа западных эллинов над Карфагеном и этрусками имела для Великой Греции такое же значение, как победоносный исход греко-персидских воин для самой Эллады. Если в Восточном Средиземноморье наиболее ярким последствием победоносного окончания войны было образование Афинской архэ и расцвет рабовладельческой демократии в классических формах Афинской республики времён Перикла, то в западной части Средиземноморского бассейна решающее значение имело образование Сицилийской державы и установление демократических форм правления в городах-государствах Великой Греции.

История западных эллинов во второй половине V в. тесно связана с ходом Пелопоннесской войны. В начале войны Наксос, Катана, Леонтины и другие города Сицилии, поддерживаемые Афинами, выступали против Сиракуз и их союзников. Но вмешательство Афин вскоре приняло столь угрожающие размеры, что враждующие

стороны предпочли прекратить внутренние раздоры и заключить в 424 г. мир; Во время большой сицилийской экспедиции афинян (415—413 гг.), когда их захватнические намерения проявились с предельной ясностью, большинство городов Сицилии заявило о своём нейтралитете или начало оказывать тайную помощь Сиракузам. Это и было одной из причин рокового для афинян исхода сицилийской экспедиции.

После победы над афинянами, которой сиракузяне были обязаны в значительной мере своему флоту, снова происходит укрепление демократии в Сиракузах. Один из вождей демократов, Диокл, добивается введения жеребьёвки для замещения ряда государственных должностей. Однако только что окрепшей сиракузской демократии предстояло серьёзное испытание: возобновление борьбы со старым врагом западного эллинства — Карфагеном.

Тирания Дионисия

Карфагеняне после поражения при Гимере долгое время избегали вмешательства в сицилийские дела. Даже во время Пелопоннесской войны Карфаген остался нейтральным, хотя, по некоторым сведениям, афиняне предлагали ему союз. Но в конце V в. ситуация существенно изменилась. Сиракузы, наиболее серьёзный противник Карфагена, были в значительной степени истощены длительной осадой афинян. Сиракузская эскадра была отправлена в Эгейское море, что ещё более ослабило военно-морские силы Сиракуз. Кроме того, в Сицилии шла непрерывная борьба между греческими городами. Воспользовавшись этой борьбой, карфагеняне весной 409 г. высадили в Сицилии большую армию и осадили Селинунт. После непродолжительной осады город пал, большая часть его жителей была истреблена, остальные обращены в рабство. За Селинунтом та же участь постигла Гимеру. Потом карфагеняне овладели Акрагантом и Гелой. К 405 г. в их руках оказались почти все греческие города Сицилии, кроме Сиракуз, осада которых становилась грозной реальностью.

Военные неудачи ослабили положение демократии в Сиракузах, а всё возрастающая роль наёмных войск подготовила почву для новой тирании. Опираясь на преданные ому отряды, один из наиболее популярных военачальников — Дионисий захватил власть в Сиракузах. В 405 г. он был избран стратегом-автократором, т. е. получил право верховного командования армией и флотом, право представлять государство во внешних сношениях и, наконец, право председательствовать в народном собрании.

Вначале действия Дионисия против карфагенян были мало удачными, что привело к восстанию в сиракузской армии. Но Дионисию удалось подавить это движение, основным ядром которого были всадники — представители знатнейших семей города. Часть мятежников была предана смерти, часть изгнана. Их земельные владения были конфискованы и распределены между бедными гражданами, выслужившимися наёмниками и, как рассказывает Диодор, даже между отпущенными на волю рабами.

Истинной опорой Дионисия была армия и особенно наёмники, из которых теперь вербовалась новая служилая знать. В руки этой знати фактически перешло управление государством. Были организованы военное и финансовое ведомства, игравшие большую роль. Совет и народное собрание сохранились, но демократическая конституция Сиракуз, созданная в 410—409 гг. по афинскому образцу, была значительно урезана. Очевидно, определённую поддержку тирании оказывали и круги средних рабовладельцев, связанные с ремеслом и торговлей и враждебно настроенные по отношению к олигархии.

Упрочив своё положение в Сиракузах, Дионисий начал готовиться к новой войне с Карфагеном. Эти приготовления имели широкий размах. Весь город превратился в арсенал, строился мощный флот, были созданы новые укрепления вокруг Сиракуз. Весной 398 г., когда все приготовления были закончены, народное собрание приняло решение объявить войну Карфагену. Война оказалась длительной и упорной; по существу она велась до конца жизни Дионисия (367 г. до н. э.). И, хотя ему не

удалось реализовать основную цель войны—полностью очистить остров от карфагенян, всё же восточная часть Сицилии была от них освобождена, крупнейшие города признали главенство Сиракуз и за карфагенянами осталась примерно лишь треть территории острова.

Войска Дионисия вели удачные военные действия в Южной Италии (взятие Регия в 386 г. до н. э.) и на Адриатическом море. Были даже возобновлены военные действия против этрусков, в результате которых Дионисий занял гавань этрусского города Царе. Только в последние годы его правления Сиракузы начинают отступать под давлением Карфагена.

В начале IV в. Сицилийская держава стала крупной экономической и политической силой не только в Западном Средиземноморье, но и во всём эллинском мире. Сиракузяне в эти годы активно вмешиваются в дела континентальной Греции (неоднократная помощь спартанцам, союз с Афинами) и даже Малой Азии.

Образование Сицилийской державы вызвало усиленную иммиграцию из материковой Греции. В Сицилии был основан ряд новых городов (например, Тиндарис, Гадранон и пр.), Сиракузы переживали необычайный расцвет, став самым крупным городом эллинского мира. Старые предместья города были введены в кольцо укреплений и превратились в оживлённые кварталы. Двор Дионисия содержался с большим блеском, сюда приглашались знаменитые учёные, философы, поэты, художники, сам Дионисий писал трагедии, одной из которых афиняне присудили почётную награду.

Однако Сицилийская держава оказалась весьма непрочным государственным образованием. Вскоре после смерти Дионисия в Сиракузах началась династическая борьба. Власть из рук его сына, Дионисия II, перешла к шурину умершего тирана — Диону. Но Дион недолго удерживал власть: не имея поддержки состоятельных граждан, которых он восстановил против себя конфискациями их владений и новыми налогами, Дион не смог опереться и на неимущую часть населения, так как резко противился требованиям передела земель. Он был убит своими же наёмниками, и на короткое время власть снова была захвачена Дионисием II (346 г. до н. э.). Все эти события привели к быстрому распадению Сицилийской державы. Сиракузские колонии и союзные города объявили себя независимыми, в большинстве из них также началась борьба за власть.

Карфагеняне использовали благоприятную для них ситуацию и возобновили военные действия против греческих городов, что вынудило сиракузян обратиться за помощью к своей метрополии — Коринфу. Коринфяне направили в Сицилию небольшую эскадру, командование которой было поручено опытному полководцу, ярому врагу тирании — Тимолеонту. После прибытия коринфской эскадры в Сиракузы Дионисий II был изгнан, Тимолеонт овладел Сиракузами и в скором времени нанёс карфагенянам сокрушительное поражение (341 г. до н. э.).

В Сиракузах был установлен умеренно-демократический образ правления. Компетенция коллегии стратегов ограничивалась чисто военными функциями; наиболее влиятельным органом стал «совет шестисот», в состав которого избирались лишь состоятельные граждане. Греческие города острова были объединены в федеративный союз во главе с Сиракузами. Однако такой порядок управления продержался недолго. В Сиракузах произошёл олигархический переворот, снова начались столкновения между отдельными городами. Единство Сицилийской державы Дионисия не было восстановлено.

Характер тирании в IV в. и причины её установления в Сицилии объясняются рядом обстоятельств. В условиях длительной, напряжённой борьбы с карфагенянами очень возросла роль наёмных войск, нередко поддерживавших удачливого полководца против жителей его же полиса. Содействовала возникновению тирании и необходимость создания сильного государственного аппарата для удержания в повиновении рабов и угнетения местного населения (в Сицилии племена сикулов и сиканов
долгое время боролись против колонизаторов, которым так и не удалось добиться их окончательного порабощения). Наконец, одной из причин возникновения тирании была поддержка этого строя торгово-ремесленными кругами рабовладельцев, заинтересованных в росте сиракузских владений и в активной внешней политике. В отличие от ранней тирании (Кипсел,

Писистрат, тираны VI в. до н. э. в Сицилии), которая была прогрессивным явлением, так как означала шаг вперёд по пути от аристократических порядков к демократии, поздняя тирания выросла уже на почве разложения рабовладельческой демократии.

2. Древнейший период истории Рима

Источники по ранней истории Рима

Проблема источников по древнейшей истории Рима чрезвычайно сложна. Эпиграфические памятники, современные ранней эпохе, очень скудны, притом древнейший из них — надпись на золотой пряжке (так называемая пренестинская фибула) датируется не раньше, чем 600 г. до н. э. Труды

Капитолийская волчица—эмблема города Рима.
Скульптура этрусской работы. Бронза.

же римских историков и писателей относятся к сравнительно позднему времени (в основном не ранее I в. до н. э.), которое отделено от событий ранней римской истории многими веками. Правда, поздние писатели, у которых мы черпаем наши знания о первоначальной истории Рима, опирались, в свою очередь, на свидетельства более древних авторов, так называемых *анналистов.* Но сами анналисты, даже наиболее ранние из них, как, например, первый римский историк — сенатор Фабий Пиктор (конец III в. до н. э.), тоже не были современниками событий на-

чальной истории Рима. К тому же, используя материалы семейных хроник знатных римских родов, предания и легенды, анналисты часто включали в свои труды очень недостоверный, а иногда и сознательно искажённый в угоду представителям того или иного римского рода материал. Таким образом, литературная традиция, которая повествует нам о событиях древнейшей римской истории, требует к себе осторожного и критического отношения.

Лингвистические данные служат прежде всего для выяснения этнического состава населения древнейшей, «доримской» Италии. На основании этих данных римляне, как и латины [1] в целом, должны быть отнесены к племенам особой латинско-фалискской языковой группы, которую некоторые современные филологи резко отличают от другой крупнейшей группы италийских языков (оскско-умбрской).

Наиболее достоверные сведения по древнейшей истории Рима даёт материал археологических раскопок. В свете археологических данных становится ясно, что основание города не было делом рук одного «основателя», как об этом сообщает литературная традиция. Город возникал постепенно, путём объединения и слияния отдельных общин. Стратиграфическими раскопками последних лет установлено, что в VIII в. до н. э. в Лации, на холмах Палатине, Эсквилине, Целии и Квиринале появилась группа примитивных поселений. Они были ещё изолированы друг от друга; болотистые земли между холмами оставались незаселёнными. Примерно к середине VII в. до н. э. население первоначальных посёлков стало занимать склоны холмов и долины между ними, где впоследствии возникает римский Форум. Заселение этих территорий тоже ещё нельзя считать временем возникновения города как такового. В этот период происходит лишь укрепление связей между общинами, а может быть, и объединение некоторых из них. Возникновение римского Форума, уже как центра экономической и политической жизни, на основании новых раскопок относят к первой четверти VI в. до н. э. Примерно в это же время происходит превращение Капитолия, который был ещё, видимо, незаселённым холмом, в крепость нового города. Таким образом, возникновение Рима археологи склонны датировать началом VI в. до н. э.

Происхождение названия города неизвестно. В литературе делались попытки вывести его из корней греческих слов, а также доказывалось его этрусское происхождение, но всё это покалишь недостаточно обоснованные гипотезы и догадки.

Царский период

Древнейший период римской истории обычно принято называть «царским». Этот период, согласно легендарной традиции, длился около двух с половиной столетий. Однако изложение исторических событий этого времени, за небольшими исключениями, следует признать недостоверным, а римских царей, начиная с мифического основателя Рима — Ромула, нельзя считать историческими личностями. Но если конкретные события, сообщаемые традицией, в значительной степени легендарны, то при осторожном и критическом использовании её данных мы можем сделать некоторые выводы о социальном устройстве римской общины царского периода.

В древнейшее время в Риме сохранялись ещё родовые отношения. Согласно преданию, всё население состояло из 300 родов. Каждые 10 родов объединялись в *курию,* каждые 10 курий — в *трибу.* Таким образом, всего было 3 трибы, каждая из которых, видимо, представляла собой особое племя. Некоторые учёные считают, что одна из триб являлась объединением латинских родов, другая—сабинских и третья,— по-видимому, этрусских. Упомянутые 300 родов составляли римский народ (populus Romanus), к которому мог принадлежать лишь тот, кто был членом рода, а через свой род — членом курии и трибы.

Римский род имел такую же организацию, как и греческий. В каждом роде все его члены сообща владели землёй, имели общие кладбища, общие религиозные праздники, общее родовое имя и т. п. Старшина рода избирался, по-видимому, всеми его

[1] О латинах см. «Всемирная история», т. I, стр. 629.

членами. Древнейший общественный строй выглядел следующим образом: важнейшими делами общины подал совет старейшин, или *сенат,* состоявший из старейшин родов. Постепенно вошло в обычай избирать старейшин из одной и той же семьи каждого рода. Этот обычай, вызванный развивавшейся имущественной дифференциацией, привёл к образованию в Риме родовой знати, к возникновению так называемых *патрицианских* семей. Тогда же, очевидно, развился аналогичный этрусскому институт *клиентелы.* Люди, по том или иным причинам переселившиеся в Рим, т. е. «чужаки», не входившие в состав римских родов, а затем и представители обедневших родов искали покровительства и защиты у знатных людей, которые становились их *патронами.* В обществе, в котором ещё не существует чётко оформленной государственной власти, институт клиентелы является весьма распространённым учреждением.

Кроме сената, предварительно обсуждавшего наиболее важные вопросы, существовало и народное собрание, которое собиралось по куриям *(куриатные комиции).* На куриатных комициях принимались или отвергались новые законопроекты, избирались все высшие должностные лица, в том числе и царь; это собрание объявляло войну и, как высшая судебная инстанция, выносило окончательное решение, когда дело шло о смертном приговоре римскому гражданину.

Рядом с сенатом и народным собранием стоял царь. Римские цари отнюдь не были самодержавными владыками типа древневосточных деспотов, но лишь выборными племенными вождями, которые совмещали функции военачальника, судьи и верховного жреца. Это заставляет нас применять термин «царь» весьма условно.

Подобный общественный строй Энгельс называл военной демократией. Это, действительно, была примитивная демократия, поскольку народное собрание считалось высшим органом общины, военной же она была потому, что в собрании принимали участие лишь мужчины-воины; таким образом, куриатные комиции представляли собой сходку вооружённого народа.

Очень сложен и, по существу, до сих пор ещё не решён вопрос о происхождении особого слоя древнеримского населения — *плебеев.* Сведения источников о происхождении плебеев чрезвычайно сбивчивы и противоречивы. Очевидно, под плебеями первоначально подразумевались переселенцы (добровольные, а иногда и насильственно переселённые в Рим) и представители покорённых племён, лично свободные люди, имевшие право владеть землёй и обязанные нести военную службу. Первоначально они не входили в состав родов, курий и триб, а потому не пользовались никакими политическими правами, но затем, перемешавшись с незнатными родами самого «римского народа» и принимая на себя клиентские обязанности, они постепенно и на урезанных правах включались в родовую организацию.

Несомненно, в римском обществе этого периода уже были рабы из числа военнопленных. Но в целом рабство ещё не получило большого развития, оно носило примитивный, патриархальный характер, причём рабы использовались, главным образом, в домашнем хозяйстве.

Реформа Сервия Туллия

В VI в. до н. э. в Риме заметно усилилось этрусское влияние. Это находит своё отражение в сказаниях об этрусской династии Тарквиниев, к которой принадлежали последние римские цари. Ещё в XIX в. при раскопках этрусского города Цере, откуда, по преданию, прибыл в Рим Тарквиний, была открыта гробница рода Тарквиниев и найдено много этрусских надписей. Принимая во внимание, что как раз на VI в. падает расцвет этрусской федерации и наиболее широкое распространение её могущества, вполне обосновано предположение о том, что Рим некоторое время был подчинён этрускам.

Вскоре после этого завоевания, а возможно и в качестве реакции на него, резко обострилась борьба народа против родовой знати. Энгельс говорит о «революции, которая положила конец древнему родовому строю» [1].

[1] *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 133.

У нас нет точных данных о времени или ходе этой революции, но причина её, несомненно, коренилась в борьбе между плебеями и первоначальным населением Рима. Отзвуки и отголоски этих событий отразились в рассказе о реформе, приписываемой предпоследнему римскому царю Сервию Туллию, который ввёл новое устройство римской общины на основе территориально-имущественного принципа. Теперь римская городская территория делилась на 4 трибы. Эти трибы не имели ничего общего со старыми родоплеменными трибами, но были лишь территориальными округами. К ним приписывалось всё гражданское население, как патрицианское, так и плебейское, владевшее в данном округе землёй. Таким образом, плебеи были фактически включены в состав единой с патрициями гражданской общины.

Кроме того, Сервий Туллий разделил всё мужское население Рима — патрициев и плебеев — на 5 классов. Принадлежность к тому или иному классу определялась имущественным цензом. К I классу принадлежали те, чьё имущество оценивалось в 100 тыс. асов [1], ко II классу — 75 тыс. асов, к III классу — 50 тыс. асов, к IV классу— 25 тыс. асов, к V классу — 12,5 тыс. асов. Беднейшие слои населения, неимущие, не входили ни в один из классов и получили название *пролетариев* (от латинского proles—потомство). Этим названием подчёркивалось, что всё их имущество и богатство состояло только в потомстве.

Реформа имела большое военное значение. Народное ополчение, т. е. римская армия, строилось теперь в зависимости от нового деления на имущественные классы. Каждый класс выставлял определённое количество *центурий* (сотен). I класс выставлял 80 центурий пехотинцев и 18 центурий всадников, следующие три класса—по 20 центурий пехотинцев и, наконец, V класс выставлял 30 центурий легковооружённых пехотинцев. Кроме того, выставлялось ещё 5 нестроевых центурий, одна из них — пролетариями. Вооружение призванных также дифференцировалось в зависимости от принадлежности к тому или иному классу: представители I класса должны были или содержать коня, или являться в полном тяжёлом вооружении; для представителей последующих классов вооружение было облегчённым, а воины V класса были вооружены лишь луком и стрелами.

Реформа имела также большое политическое значение. Центурия становится теперь не только военной, но и политической единицей. С включением основной массы плебса в гражданскую общину народные собрания по центуриям вытесняют куриатные комиции, которые утрачивают почти всякое значение. Голосование происходит тоже по центуриям, причём каждая центурия имеет один голос. Подлинный характер этой новой конституции ясен хотя бы из того, что больше половины из 193 центурий выставлялось I классом (80 +18 ==98). Таким образом, I класс имел обеспеченное большинство голосов в народном собрании.

Таково основное содержание реформы, проведение которой приписывалось Сервию Туллию. Традиционный рассказ о реформе, изображая её в виде единичного акта, конечно, грешит против исторической истины. Изменения в социально-политическом устройстве римского общества, которые традиция приписывает творческой воле одного законодателя, на самом деле — результат длительных процессов, протекавших на протяжении нескольких столетий (VI—III вв. до н. э.). Это подтверждается тем, что в самом традиционном рассказе о так называемой реформе Сервия Туллия содержатся позднейшие напластования: так, например, указываемое вооружение классов соответствует, видимо, концу V в., расчёт имущественного ценза на асы — середине III в. и т. п. Однако в основе традиционной версии лежит ряд достоверных фактов. Деление населения на имущественные классы, центуриатные комиции, территориальные трибы — всё это возникло значительно раньше III в. и продолжало существовать и в более позднюю эпоху. Эти установления явились

[1] Ас—медная римская монета V—II вв. до н. э. весом 327,5 е.

итогом длительной борьбы плебеев. Новое общественное устройство — и в этом состоит его историческое значение — наносило сокрушительный удар прежним родовым порядкам и безраздельному господству родовой патрицианской знати.

По мере того, как шёл процесс становления рабовладельческого государства, органы родового устройства модифицировались и становились органами государственной власти. Возможно, в связи с включением плебеев в гражданскую общину, а также в связи с борьбой против этрусского господства происходит падение царской власти и установление республики в Риме. Историческая традиция приурочивает это событие к концу VI в. до н. э. (509 г.) и связывает его с изгнанием седьмого римского царя Тарквиния Гордого. Многочисленные легенды, расцвеченные рассказами о героических подвигах римлян в борьбе с этрусками, пришедшими якобы на помощь Тарквинию, возможно, в какой-то мере отражают последние этапы борьбы римлян против этрусского владычества и факт распадения некогда могущественной этрусской федерации.

Ранняя римская культура

Идеологическая жизнь и духовная культура римского общества этого времени была еще довольно примитивной. Однако нам известно, что уже в царский период в Риме существовала письменность. Алфавит был заимствован римлянами, очевидно, у греков, живших в Кумах, на западном побережье Апеннинского полуострова. Историк Дионисий Галикарнасский (конец I в. н. э.) утверждал, что он своими глазами видел текст договора царя Сервия Туллия с латинскими городами относительно постройки на общие средства храма Дианы на Авентине. Буквы в тексте по своей форме — договор был вырезан на медной колонне — напоминали древнейшие греческие. В 1900 г. на римском Форуме при раскопках был найден на месте легендарной гробницы Ромула так называемый «Чёрный камень», содержащий надпись, сделанную бустрофедоном (одна строка написана слева направо, следующая справа налево и т. д.). Формы букв близки к греческим. Надпись почти не поддаётся дешифровке, в ней содержится, видимо, какое-то заклятие и встречается слово «царь» (rex). Древнейшим памятником латинской письменности, поддающимся дешифровке, является упомянутая выше пренестинская фибула.

«Чёрный камень» с архаической надписью с римского Форума.

К этому же времени относятся зачатки литературного творчества. Памятники древнейшей народной поэзии, которая, конечно, существовала у римлян, как и у других народов, до нас не дошли. Но в более поздних источниках имеются отрывки религиозных гимнов, восходящих к глубокой древности. Древнейшая религиозная поэзия римлян знала также сборники песнопений, заклинания против болезней, пожаров, града и т. п., предсказания

о судьбе людей, написанные так называемым сатурническим стихом, близким по ритму к былинному стиху.

Для ранней римской религии был характерен примитивный политеизм. Каждый предмет и явление в представлении древних римлян имели своего духа, своё божество; так, например, было 43 бога детства: бог первого крика ребёнка, бог колыбели, бог первого шага и т. д. Римская религия в ранний период не была антропоморфной, поэтому в Риме долгое время не существовало изображений богов. Они появляются позже под влиянием этрусской и греческой религий. Значительную роль играли родовые и семейные культы. Хранителями семьи и дома считались добрые духи — *пенаты* и *лары;* души умерших предков также выступали как добрые божества — *маны.*

Обрядовая сторона римской религии разрабатывалась чрезвычайно детально, что привело к широкому развитию жречества и жреческих коллегий. Древнейшими из них были: *понтифики,* имевшие верховный надзор за выполнением религиозных обрядов, *авгуры* и *гаруспики* — жрецы-гадатели по полёту птиц и внутренностям животных, *весталки* — жрицы богини Весты, хранительницы государственного и семейного очагов. Жреческими коллегиями были также *арвалъские братья*—коллегия жрецов богини Земли — и *салии* (скакуны) — жрецы древнейшего латинского бога Марса.

Одним из древнейших римских богов был также Янус, первоначально бог дверей, а затем бог всякого начала, предшественник Юпитера. Весьма раннего происхождения так называемая капитолийская троица: Юпитер, Марс и Квирин, где Юпитер уже выступает как верховное божество, Марс — как бог весенней растительности, а затем как бог войны, Квирин же — как его двойник. Под влиянием этрусков, а затем и греков римский пантеон расширяется, в нём появляются Юнона (Гера), Минерва (Афина), Сатурн (Кронос), а затем Церера (Деметра), Меркурий (Гермес), Аполлон и др. Римский пантеон никогда не был замкнутым, римляне часто стремились «переманить» на свою сторону богов своих соседей и даже богов противников, с которыми очи вели войны. Постепенно под влиянием греческой религии происходит отожествление римского и греческого пантеонов и антропоморфизация римских богов.

3. Римская республика в V—IV вв. до н. э.

Римское общество раннереспубликанского периода

Рим в конце царского периода и в раннереспубликанскую эпоху был ещё очень небольшой общиной. Хозяйственная жизнь её была довольно примитивной. Основным занятием населения было скотоводство и земледелие. Хозяйство носило натуральный, замкнутый характер. Римляне разводили крупный и мелкий рогатый скот, а также свиней. Они возделывали зерновые культуры, занимались огородничеством и виноградарством, была известна культура оливок. Плуг изготовлялся из целого куска дерева. Применялись в сельском хозяйстве мотыга, борона, коса, грабли, лопата и другие орудия.

Об относительно широком применении железа для изготовления сельскохозяйственных орудий в конце царского периода свидетельствуют сообщаемые римским учёным и писателем Плинием Старшим сведения о том, что по договору с царём этрусского города Клузия Порсеной римляне обязывались ввозить железо только для нужд сельского хозяйства. Известно было удобрение навозом, довольно широко применялось дренажирование полей.

По-видимому, ещё в царский период началось отделение ремесла от сельского хозяйства. Так, например, Плутарх приписывал царю Нуме Помпилию учреждение ремесленных союзов (плотников, горшечников, кожевников, медников, золотых дел мастеров и т. п.). О развитии ремесла и наличии ремесленников-профессио-

налов свидетельствуют и археологические находки, относимые к тому времени: остатки римских крепостных стон, городской канализации, развалины древнейших храмов (например, храма Юпитера Капитолийского). Возможно, что эти сооружения были возведены южноиталийскими греками или этрусками, но всё же они доказывают развитие ремесла в Риме.

Отделение ремесла от сельского хозяйства было связано с ростом обмена. В древнейшее время еженедельные базары происходили на римской городской площади — Форуме. Весьма древнего происхождения и ежегодные ярмарки, которые приурочивались к большим религиозным празднествам и происходили обычно при известных святилищах (например, при храме Дианы на Авентине).

Пахарь.
Этрусская статуэтка. Около 400 г. до н. э. Бронза.

В так называемый республиканский период своей истории Рим вступает как типичный город-государство, политическая власть в котором принадлежит общине рабовладельцев и землевладельцев.

Характерным явлением в рамках гражданской общины была римская семья — familia (фамилия). Она представляла собой, по воззрениям самих древних римлян, государство в миниатюре. Власть отца семьи над её членами была безгранична. Кроме того, эта власть была самостоятельной и независимой по отношению к общегосударственным властям, которые, таким образом, не могли вмешиваться в распоряжения отца в пределах семьи. Глава семьи — верховный хозяин семейной собственности, верховный жрец семейного культа и судья, имеющий право на жизнь и смерть членов семьи. Власть отца, главы семьи, распространялась не только на членов семьи в узком смысле слова, но и на рабов, которые в Риме включались в состав фамилии.

Государственный строй ранней республики

Римская традиция о ранних годах республики, представленная, главным образом, в трудах историков Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского и Плутарха, основывается на позднейшей обработке исторического материала и потому должна приниматься с большой осторожностью. Особенно это относится к изложению событий до 464 г. до н. э., т. е. до предполагаемого начала летописи понтификов, которая сообщала основные факты истории Рима и устанавливала более твёрдую хронологию событий (даты освящения храмов, списки консулов и т. д.). Существенным коррективом служат некоторые данные историка Диодора, который в целом ряде случаев опирался на так называемых старших анналистов.

Традиционным годом у становления республики считается 509 год до н. э. Однако для первых лет республики, как и для царского периода, мы располагаем более твердыми данными лишь при выяснении вопроса о формах общественного устройства.

Царская власть в Риме была заменена теперь властью двух ежегодно избираемых в центуриатных комициях должностных лиц *(магистратов).* Они сначала назывались *преторами* (предводителями), а затем *консулами* и избирались только из среды патрициев. К консулам перешла высшая власть (*империй*) и основные функции царей, за исключением жреческих обязанностей.

Постепенно наряду с этой высшей магистратурой начали возникать и другие, первоначально ей подчинённые: *квесторы,* которые, видимо, были помощниками преторов по судебным делам, а позже приобрели функции казначеев, и *эдилы,* которые были помощниками преторов по городскому хозяйству.

Сенат не только не утратил своего значения, но, наоборот, стал центральным органом Римской республики. Он обсуждал все важнейшие вопросы как внутренней, так и внешней политики. До середины IV в. даже законодательные решения народных собраний, видимо, также утверждались сенатом.

Избрание высших магистратов только из среды патрициев и патрицианский состав сената — всё это придавало ранней Римской республике ярко выраженный аристократический характер. Патрицианская знать всё более и более замыкалась в привилегированное сословие, противопоставлявшее себя неполноправному плебсу.

Плебеи и патриции

Основным содержанием внутренней истории раннереспубликанского Рима была борьба между патрициями и плебеями. Эта борьба развернулась вокруг двух жизненно важных вопросов: аграрного (и связанного с ним долгового вопроса) и вопроса о политических правах. Античная историография, а вслед за ней и буржуазная наука обычно выдвигают на первое место борьбу плебса за политические права. Однако борьба за политические права была лишь следствием борьбы за землю. На это обстоятельство указал ещё Маркс. Давая оценку истории Римской республики вплоть до её падения, он писал: «Внутреннюю историю можно plainly [целиком] свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется вводя те модификации, которые обусловливаются существованием рабства» [1].

Этрусское зеркало.
III в. до н. э. Бронза.

Ожесточение, с которым велась борьба между патрициями и плебеями вокруг аграрного вопроса, объясняется, в первую очередь, тем, что этот вопрос в земледельческом Лации имел жизненно важное значение. Он ещё более осложнялся тем обстоятельством, что у патрициев и плебеев были существенно различные формы землепользования. Плебеи первоначально владели очень небольшими земельными участками на правах частной собственности. У патрициев же долго сохранялись стойкие пережитки общинного землевладения. Поэтому основная масса земли считалась принадлежащей всей патрицианской общине. Это был так называемый ager publicus (общественное поле). Согласно преданию, ещё Ромул наделил каждого римского гражданина участком земли в два *югера* (югер=0,25 *га),* который считался его собственностью и передавался по наследству. Но это был лишь приусадебный участок. Вся остальная масса земли считалась общественным полем. Патриции имели право занимать *(оккупировать)* для себя и своих клиентов из этого земельного

[1] Письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 8 марта 1855 г., *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 89.

фонда такое количество земли, какое они могли использовать не только для земледелия, но и для скотоводства.

Фонд общественного поля непрерывно увеличивался, так как по римскому обычаю часть захваченных во время войн земель (одна треть, а иногда и две трети) конфисковалась и превращалась в общественное поле. Таким образом, использование общественного поля становится в скором времени основным источником обогащения патрициев. Плебеи к эксплуатации общественного поля не допускались; естественно, что именно вопрос о земле стал центральным пунктом борьбы патрициев и плебеев.

Но для того, чтобы добиться доступа к общественному полю, необходимо было вырвать политическую власть из рук патрициев. Поскольку в античном обществе владельцем земли юридически мог быть лишь полноправный член общины, вопрос о политических правах был, по существу, оборотной стороной вопроса о земле.

К этому времени плебс был уже далеко не однороден. По мере численного роста плебеев и всё возрастающей их роли в римском войске и в экономической жизни усиливается процесс социально-имущественного расслоения в среде самого плебса. Основную массу плебейства составляют мелкие собственники — землевладельцы, ремесленники, торговцы. Но у плебеев возникает и своя знать —богатые и почитаемые роды, по своему экономическому положению не уступавшие патрицианским. Они-то в первую очередь и стремились к получению равных с патрициями прав на оккупацию общественного поля и к политическим привилегиям.

Борьба мелкого землевладения с крупным, осложнённая ростом задолженности и обнищания мелких землевладельцев — плебеев, тесно переплеталась с борьбой за политическое полноправие, к которому стремилась в первую очередь плебейская верхушка. Сочетание этих двух линий борьбы является основным содержанием всей ранней истории Римской республики.

Сецессии плебеев и законы XII таблиц

Одним из ранних примеров этой борьбы является так называемая первая *сецессия* (т. е. уход плебеев из Рима). Согласно рассказу Тита Ливия, в 494 г. до н. э. плебеи, изнывавшие от притеснений патрициев и обременённые долгами, отказались выступить в военный поход и в полном вооружении удалились из Рима на Священную гору, где стали лагерем. Уход плебеев породил панику в Риме: падала боеспособность римской армии, кроме того не исключалась возможность, что плебеи могут основать самостоятельное государство. Патриции вынуждены были начать переговоры и пойти на уступки: была создана специальная магистратура народных трибунов, которая в дальнейшем приобрела огромное значение. Народные трибуны могли избираться только из числа плебеев и пользовались неприкосновенностью. Первоначально их обязанности заключались в защите плебеев от произвола патрицианских магистратов. В связи с этим они получили право приостанавливать проведение в жизнь распоряжений этих магистратов (право veto — «запрещаю»). Сначала избиралось два трибуна, затем число их увеличилось до десяти.

Историческая традиция упоминает о трёх сецессиях, но многие учёные считают первую сецессию легендарной и возникновение трибуната относят к несколько более позднему времени (471 г. до н. э.). К 486 г. традиция приурочивает попытку осуществления первой аграрной реформы. Консул Спурий Кассий предложил разделить завоёванные земли между плебеями. Законопроект не прошёл, потому что ему воспротивился другой консул, а затем Спурий Кассий был обвинён патрициями в стремлении к тирании и казнён. Но уже в 456 г. народному трибуну Ицилию удалось провести закон о разделе земли на Авентинском холме между плебеями.

К середине V в. до н. э. относится первое вполне достоверное событие ранней римской истории — запись действующего права. Как в своё время греческий демос,

так теперь римские плебеи страдали от произвола в судах и выдвинули требование кодификации законов. В 451 г. была избрана специальная комиссия из 10 человек *(децемвиры),* наделённая самыми широкими полномочиями. Ни консулы, ни народные трибуны в этом году не избирались. Однако децемвиры не сумели в течение года закончить составление свода законов, и на 450 г. была избрана новая чрезвычайная комиссия, состоявшая из пяти патрициев и пяти плебеев. Вторым децемвирам традиция приписывает тиранические наклонности и связывает борьбу против них с новой сецессией плебеев. Как бы то ни было, но в 449 г. были восстановлены прежние магистратуры, а записанные децемвирами законы были высечены на двенадцати медных досках и выставлены для всеобщего обозрения.

Текст XII таблиц до нас не дошел, но мы имеем о них довольно детальное представление благодаря цитатам и ссылкам у более поздних авторов. Архаизм языка в этих цитатах, а также примитивные общественные отношения, отражаемые законодательством, свидетельствуют о его глубокой древности. Законы XII таблиц воспроизводят социальные отношения ранней Римской республики. Однако они не касаются вопросов государственного права, ограничиваясь гражданским и уголовным законодательством.

Законы XII таблиц открыто выступали в защиту частной собственности, покушение на которую каралось чрезвычайно строго. Поджигателям и тем, кто совершал кражу в ночное время или травил чужое поле, угрожала смертная казнь. Чрезвычайно детально разработано в таблицах и весьма суровое долговое право. Должник, не выплативший своего долга, попадал в кабалу и мог быть «продан за Тибр» или даже лишён жизни. Однако, несмотря на всю жестокость долгового права, законы XII таблиц ограничивали ростовщичество, устанавливая максимум в $8^1/_3$ % годовых.

В законах причудливо смешиваются пережитки родового строя с новыми установлениями. Особенно это касается семейных отношений. Отец семейства пользовался неограниченной властью родового владыки вплоть до продажи собственных детей в рабство. Женщина в семье совершенно бесправна. Имущество умершего без завещания отходит *агнатам,* т. е. тем, кто находился под властью одного и того же главы семьи. Вместе с тем законодательство XII таблиц уже допускает полную свободу завещаний. Законами признаётся родовая месть, но вместе с тем за ряд проступков устанавливаются штрафы.

По существу, законодательство XII таблиц характеризует римское общество в период утверждения рабовладельческого строя, но при наличии стойких пережитков родовых отношений.

В 449 г. консулы Валерий и Гораций провели закон, согласно которому постановления плебейских собраний по трибам *(плебисциты)* приобретали силу общегосударственных законов. Это вынудило патрициев также принимать участие в собраниях по трибам и привело к тому, что в Риме возник новый и более демократический вид народных собраний — *трибутные комиции.*

В 445 г. по закону, предложенному народным трибуном Канулеем, отменялось старинное запрещение браков между патрициями и плебеями. Другой законопроект Канулея ставил вопрос о допуске плебеев к высшей магистратуре — консулату. Этот законопроект не прошёл, но в порядке компромисса с 444 г. начали избираться военные трибуны с консульской властью; эта должность была доступна и для плебеев.

Так завершился первый этап борьбы патрициев и плебеев. В ходе этой борьбы плебейская верхушка добилась существенных результатов, подготовивших слияние её в единое сословие с патрицианской знатью. Наступившее затем временное затухание дальнейшей борьбы между плебеями и патрициями объясняется напряжёнными внешнеполитическими событиями.

Война с этрусками

Войны начального периода республики (V в. до н. э.) открываются борьбой за свержение этрусского владычества. После изгнания Тарквиния римлянам пришлось выдержать упорную и довольно длительную борьбу с этрусками, в частности с Порсеной, правителем этрусского города Клузия. Если отбросить позднейшие патриотические легенды, созданные для прославления патрицианских родов, то следует признать, что Порсена, взяв Рим, навязал римлянам довольно тяжёлые условия мира. Только когда этруски потерпели сильное поражение от куманского тирана Аристодема в Лации (около 506 г.), римлянам, очевидно, удалось окончательно освободиться от этрусского владычества.

Римский воин.
Статуэтка этрусско-римской работы.
V—IV вв. до н. э. Бронза.

Во всяком случае из этой борьбы римская община вышла значительно ослабленной. Этим воспользовались соседние племена вольсков и эквов, с которыми Риму пришлось вести длительную борьбу. История этой борьбы изукрашена многочисленными легендами об изменнике Кориолане, о диктаторе Цинциннате и т. п., но более или менее достоверными историческими фактами являются лишь договор Спурия Кассия (которому приписывалась первая аграрная реформа) с латинскими городами (493 г.) и вступление Рима в так называемую Латинскую федерацию шести латинских городов. Вскоре к этому союзу присоединилось племя ерников.

Положение Рима постепенно укреплялось, и во второй половине V в. римляне перешли к наступательным военным действиям против этрусков. Начинается упорная борьба с крупным этрусским городом Вейи, расположенным на правом берегу Тибра. Согласно традиционному рассказу, Вейи были взяты после десятилетней осады (406—396 гг.) римским полководцем Марком Фурием Камиллом. Город был разграблен, жители проданы в рабство, а его обширная территория (около 300 тыс. югеров) превращена в римское общественное поле.

Итоги римской внешней политики в V в. довольно незначительны: римляне вступили в Латинскую федерацию, успешно отразили несколько нападений соседних племён—вольсков и эквов и, наконец, овладели правым берегом реки Тибра в нижнем её течении. Рим ещё только становился на ноги, как вдруг военная катастрофа, разразившаяся в начале IV в., чуть было не уничтожила его.

Нашествие галлов

В начале IV в. до н. э. Рим подвергся нашествию галлов. Кельты, или, как их называли римляне, галлы, населяли значительную часть Западной Европы. Часть кельтов, теснимая германскими племенами, перешла через Альпы и расселилась по обоим берегам реки По, в свою очередь вытеснив отсюда этрусков. Головной отряд вторгшихся на территорию Италии

кельтов — племя сенонов — спустился к югу, до устья По. Так как Геродот ещё не знал о присутствии здесь кельтов, можно сделать вывод об их появлении в этих областях лишь в самом конце V в. Но уже с начала следующего столетия начались набеги кельтов на Этрурию и Лаций; молва об их храбрости и непобедимости распространилась по всей Италии.

Согласно традиционной хронологии столкновение кельтов, или галлов, с римлянами произошло в 390 г. Когда галлы осадили город Клузий в Северной Этрурии, римляне отправили туда своих послов, которые в нарушение обычаев приняли участие в битве. Галлы потребовали выдачи виновных и, когда им в этом было отказано, двинулись на Рим. На реке Алии (приток Тибра) галлы нанесли римлянам страшное поражение. Остатки разбитого римского войска бежали в Вейи. Рим, оказавшийся без защиты, подвергся опустошению и был предан огню. Однако галлы не смогли взять Капитолия, который они осаждали в течение семи месяцев и который, согласно известной легенде, был спасён во время ночного штурма криком священных гусей, разбудивших спавшую стражу. Наконец, галлы согласились снять осаду за выкуп в 1000 фунтов золотом. Позднейшие патриотические легенды изображали дальнейший ход событий таким образом: когда осаждённые отвешивали галлам золото, на Форуме появилось римское войско из Вей под командованием *диктатора* Марка Фурия Камилла. Произошло сражение, в котором галлы были разбиты и затем изгнаны из Рима.

Из всего рассказа о галльском нашествии, богато изукрашенного легендарными подробностями, достоверны лишь такие детали, как битва при Алии, длительная осада Капитолия и, наконец, уход галлов после получения выкупа. Захват Рима галлами, очевидно, произвёл сильнейшее впечатление на современников, и память о нём сохранилась у римлян на долгие века. Но фактически Рим довольно легко оправился от галльского нашествия. Правда, галлы сделали в 348 г. попытку нового нападения, но оно было отбито без особых затруднений, а в 334 г. они заключили с Римом мирный договор.

Законы Лициния и Секстия

Внутренняя история Римской республики после галльского нашествия характеризуется новым обострением борьбы между плебеями и патрициями и дальнейшей демократизацией государственного аппарата в результате этой борьбы.

Важнейшей проблемой продолжал оставаться аграрный вопрос. Однако он теперь ставился по-новому. Военные успехи конца V в. (победа над Вейями) и в особенности IV в. чрезвычайно расширили фонд римского общественного поля. Вскоре после разрушения Вей на их месте были учреждены четыре сельские трибы. В 357 г. были основаны две сельские трибы на территории вольсков. По мере роста завоеваний большая часть земель оставалась нераспределённой, и римским гражданам предоставлялось право свободно её занимать.

Поэтому основным содержанием аграрного вопроса становится теперь не столько борьба за право доступа к общественному нолю, сколько бурный рост крупных земельных владений, концентрация земельной собственности на территории общественного поля. Крупными земельными собственниками преимущественно оставались ещё патриции. Это и привело к новому обострению борьбы между плебеями и патрициями, тем более что неизбежным следствием процесса концентрации земельной собственности было разорение свободного производителя, рост задолженности и кабального рабства.

То, что эти явления были широко распространены уже в первой половине IV в., подтверждается законодательством Лициния и Секстия, которое имело своей целью разрешение всех коренных вопросов, вокруг которых шла борьба между патрициями и плебеями: аграрной и долговой проблемы, а также вопроса о политической власти. Согласно традиционной версии, народные трибуны Лициний и Секстий боролись за утверждение своих законопроектов в течение десяти лет. В 367 г. эти законы были,

наконец, приняты. Первый из них ограничивал определённой нормой владение общественной землёй: никто не имел права владеть более чем 500 югерами (125 *га*) земли. Второй касался вопроса о политических правах: должность консулов (вместо которых в последние годы избирались военные трибуны с консульской властью) восстанавливалась, причём один консул должен был избираться обязательно из плебеев. Некоторые исследователи считают, что должность консула (взамен первоначальной должности претора) возникла именно в это время. И, наконец, третий закон давал частичное удовлетворение интересам должников: проценты на совершённый заём засчитывались в счёт долга, а оставшуюся сумму можно было погашать в течение трёх лет.

В 326 г. был принят закон Петелия, по которому должник отвечал перед кредитором своим имуществом, а не личностью. Закабалённые были освобождены, и продажа в рабство за долги запрещалась навсегда. Так в Риме, как некогда в Афинах благодаря реформам Солона, было отменено долговое рабство.

Цензорская деятельность Аппия Клавдия

Большое значение имела деятельность *цензора* 312 г. до н. э. Аппия Клавдия. Должность цензора была создана в 442 г., и первоначально она замещалась только патрициями (до 351 г.). Цензоры избирались на полтора года; в их функции входило производство *ценза* (учёт граждан), распределение по центуриям и трибам, составление списков сенаторов. Постепенно возникла и другая своеобразная функция цензоров — наблюдение за чистотой нравов.

Аппий Клавдий опирался в своей деятельности на торгово-ремесленные круги плебса. В противовес патрицианской аристократии он, как цензор, включил в списки сенаторов некоторых сыновей вольноотпущенников. Кроме того, он разрешил гражданам, не имевшим земельной собственности, приписываться не только к городским трибам, как то имело место до сих пор, но и к сельским. Теперь представители торгово-ремесленных кругов (вольноотпущенники, городской плебс), будучи более равномерно распределены по трибам, могли оказывать влияние на голосование и более организованно отстаивать свои интересы в комициях. Проведение этой реформы означало фактическое приравнение денежного ценза к земельному. Это было тем более вероятно, что примерно к тому же времени следует приурочить начало чеканки монеты в Риме. Вероятно также, что к данному периоду относится одна из последних редакций конституции, приписываемой Сервию Туллию.

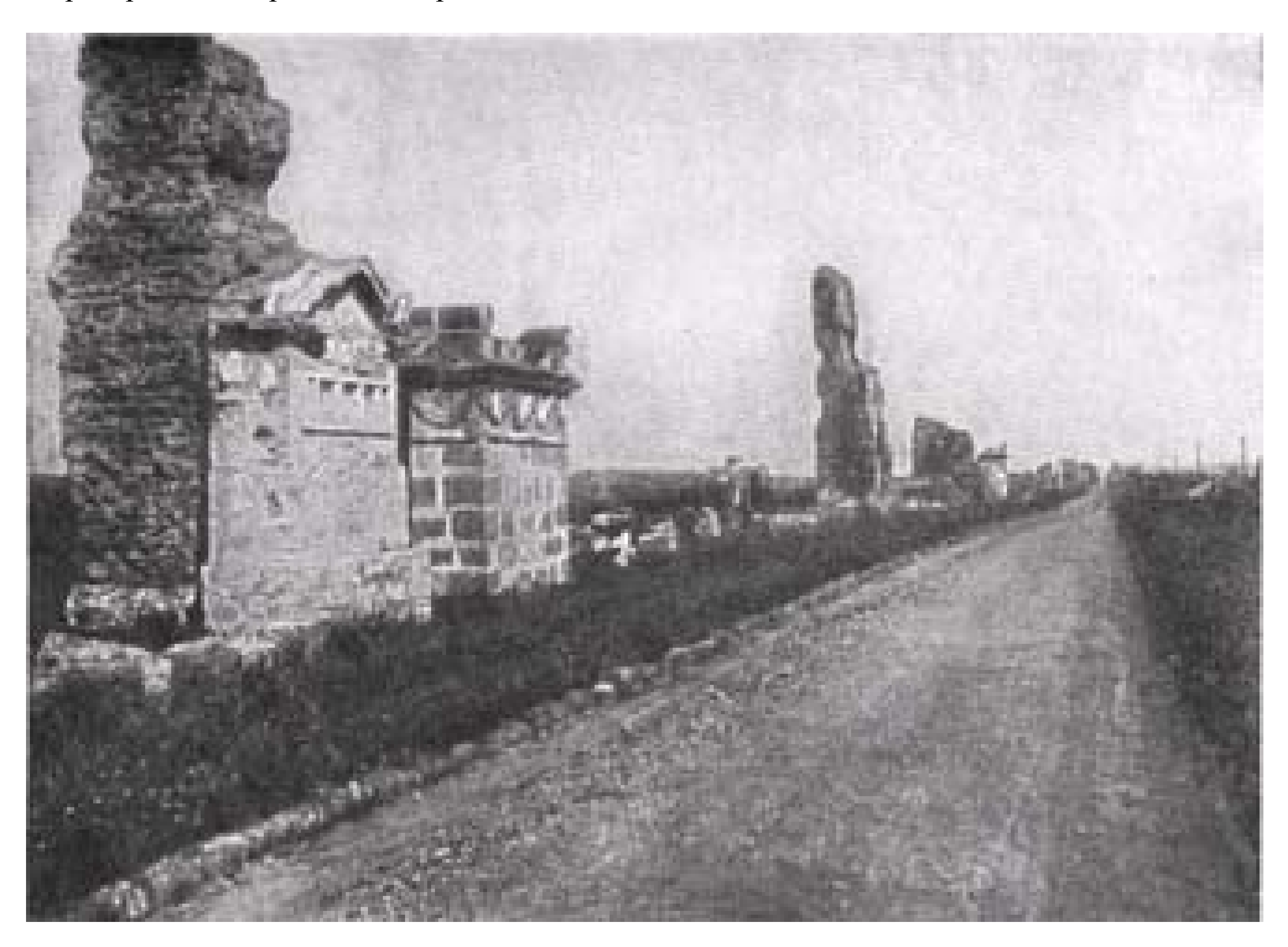
С именем Аппия Клавдия связаны два крупнейших сооружения: первая мощёная дорога от Рима до Капуи («виа Аппиа»), имевшая большое военно-стратегическое значение, и водопровод длиной в 15 *км,* обеспечивавший Рим питьевой водой.

Завершение борьбы между плебеями и патрициями

В IV в. до н. э. плебеям стали доступны все должности, включая и высшие жреческие. К 287 г. традиция относит новую сецессию плебеев (на Яникульский холм). Назначенный из плебеев диктатор Квинт Гортензий провёл закон, сущность которого сводилась к повторению закона Валерия и Горация (очевидно, вследствие его нарушений): решения трибутных комиций получают силу закона для всех граждан и не нуждаются в одобрении сената. Обычно события 287 г. рассматриваются как завершение борьбы между патрициями и плебеями, результаты которой привели к существенным изменениям в социальной структуре Римского государства.

Собственно, именно теперь и складываются сословия (ordines) в римском понимании этого слова. Вследствие вымирания значительной части старых патрицианских родов, с одной стороны, и роста плебейской знати—с другой, происходит слияние патрицианско-плебейской верхушки и превращение её в единое привилегированное сословие — *нобилитет.* Поскольку уничтожается понятие патрицианской (родовой) знати, постольку исчезает и понятие плебеев в его старом социальном значении. Теперь под словом «плебс» начинают понимать просто низшие слои

городского и сельского населения. Итог борьбы патрициев и плебеев, борьбы, которая свела на нет пережитки родового строя в Риме, знаменует собой коренное изменение в расстановке классовых сил, оформление классово-сословной структуры римского рабовладельческого государства. Именно это имеет в виду Энгельс, когда он говорит: «...победа плебса взрывает старый родовой строй и на его развалинах



Виа Аппиа.
Современный вид.

воздвигает государство, в котором скоро совершенно исчезают и родовая аристократия и плебс» [1]

В результате завершения борьбы между патрициями и плебеями произошла демократизация римского государственного аппарата, однако в очень ограниченных рамках. Правда, при слиянии патрицианско-плебейских органов власти победа часто оставалась за плебсом (например, роль трибутных комиций, реформы Аппия Клавдия), но всё же в итоге борьбы политическая власть оказалась в руках попой знати — нобилитета. Изменился социальный состав и характер римской аристократии, но аристократический характер республики сохранился.

Главный вопрос, вокруг которого шла борьба,— аграрный — не получил разрешения. Борьба мелкого землевладения с крупным вступила в новый этап: вследствие

[1] Ф. *Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 175.

начавшейся концентрации крупной земельной собственности мелкий землевладелец — крестьянин оказался теперь перед угрозой полного разорения и пауперизации.

И, наконец, в это время происходит важнейший сдвиг в развитии рабовладения. Благодаря запрещению долгового рабства Рим вступил на путь развития античной формы рабовладения. Эксплуатация раба-иноплеменника открывала неограниченные возможности экстенсивного развития рабовладельческого хозяйства. С другой стороны, запрещение превращать в раба соплеменника придавало внутреннее единство и силу коллективу римских рабовладельцев.

Культура и идеология раннереспубликанского Рима

Сами римляне определяли свою гражданскую общину термином civitas, под которым и следует понимать совокупность граждан, их объединение в общество и государство. Во всяком случае, именно такой смысл вкладывали в понятие civitas римские философы и юристы.

В эпоху ранней Римской республики складывается своеобразная идеология, характерная для замкнутой аграрной общины, в которой сохранялись пережитки родового строя. Римский писатель и крупнейший политический деятель Катон Старший, рассматривая земледелие как одну из гражданских доблестей, писал, что предки, «хваля доброго мужа, хвалили его как земледельца и сельского хозяина». Но сельским хозяином и владельцем земли каждый римлянин становился только в силу того, что он являлся членом общины. Сознание этого было живо в римлянах раннереспубликанской эпохи и удивительно ярко отражено в своеобразной полисной морали. Порядок и последовательность нравственных обязанностей римского гражданина были точно определены: сначала долг по отношению к общине, затем — к семье и родственникам и на последнем месте — забота о личном благе. Считалось, что только община в целом может даровать человеку отличия, честь, славу, только она является высшей инстанцией для признания его заслуг. Поэтому деятельное участие в respublica (общегосударственных делах) — необходимая и обязательная черта морального облика всякого «достойного гражданина».

Но зато признавался авторитет лишь своей общины, почитались только «обычаи предков». Всё неримское, всё, заносимое извне, подвергалось самому решительному осуждению. Для идеологии раннереспубликанского общества характерны черты консерватизма, приверженность к традициям и вражда ко всяким новшествам.

Специфическим продуктом развития римского общества было право, деятельная разработка которого начинается в V—IV вв. Хотя первоначальные элементы этого права зародились ещё в царский период, но основные понятия были сформулированы в эпоху ранней республики. Отправным пунктом, видимо, служили законы XII таблиц, к которым постепенно присоединялись законы, принимаемые комициями. В дальнейшем в развитии римского права большую роль сыграли так называемые преторские эдикты, которые расширяли и исправляли действующие правовые нормы.

Раннереспубликанское право устанавливало и определяло возможные способы приобретения собственности. Основным способом была так называемая *манципация* — особый обряд вступления в собственность, выполнявшийся в присутствии свидетелей. Развитие отношений собственности привело также к созданию наследственного права.

Процесс судопроизводства носил чрезвычайно формальный характер. Всякий иск должен был основываться на определённом законе и выражаться в строго определённых формулировках. Малейшая ошибка в формулировке могла повлечь за собой проигрыш всего процесса. Эти процессуальные формулы предполагали участие в процессе жрецов-понтификов, которые, таким образом, были первыми римскими юристами и толкователями права.

К начальным векам республики относится и зарождение римской литературы. Устное народное творчество, включающее в себя зачатки эпической поэзии, лирики

и драмы, несомненно, существовало в Риме с незапамятных времён, однако образцы его до нас дошли в столь скудных отрывках, что мы скорее догадываемся, чем знаем о его существовании. Это объясняется тем, что римляне в тот период, когда у них пробудились литературные интересы, находились под влиянием эллинистической культуры и римские писатели обращались не столько к памятникам народного творчества, сколько к греческим образцам и канонам.

К устному народному творчеству следует отнести религиозные гимны, застольные песни и похоронные песнопения. Зародышем римской драмы были шуточные стихи, часто непристойного характера, так называемые *фесценнины,* распевавшиеся во время народных празднеств после жатвы и сбора винограда. В начале IV в. в Риме, по свидетельству Тита Ливия, впервые появились этрусские танцоры, имевшие, видимо, большой успех. Их римские подражатели вскоре стали сочетать танец с диалогом. Дальнейший путь развития драматического искусства уже приводит к появлению «правильной» драмы по греческому образцу.

Что касается письменных памятников раннереспубликанского периода, то, как они ни скудны, они всё же свидетельствуют о некотором развитии римской поэзии и прозы. К таким памятникам должны быть прежде всего отнесены надгробные эпитафии *(элогии),* написанные старинным сатурническим стихом. До нас дошло несколько таких эпитафий на гробнице Сципионов, древнейшая из которых относится к началу III в. Первым римским поэтом традиция считает Аппия Клавдия, знаменитого цензора, который к тому же впервые начал литературно обрабатывать и издавать свои речи.

Образцом ранней римской прозы были так называемые *анналы,* т. е. погодная летопись, которая велась главными понтификами. О методе составления этих летописей Цицерон сообщает следующее: «...главный понтифик записывал все события каждого года и, записавши их на белой доске, выставлял её у своего дома с той целью, чтобы народ имел возможность ознакомиться с этими событиями». Образцы этой летописи до нас не дошли, но, по свидетельству самих древних, записи пелись весьма примитивно: отмечались начало и конец войны, триумфы полководцев, заключение договоров и всякие стихийные бедствия (неурожай, наводнения и т. п.). Хотя древние неоднократно жаловались на сухость анналов, но они, несомненно, легли в основу развития древнеримской историографии. В дальнейшем один из понтификов — Публий Муций Сцевола собрал и опубликовал их под названием «Великие анналы».

Завоевание Центральной Италии Римом

Хотя галльское нашествие не оставило глубокого следа в жизни римского общества, но внешнее положение Рима заметно пошатнулось. Риму снова пришлось вести упорную борьбу с вольсками, эквами, этрусками. Даже старые союзники римлян — герники и некоторые латинские города сделали в это время попытку освободиться от его гегемонии. Почти 50 лет понадобилось на то, чтобы восстановить Латинскую федерацию, распавшуюся после галльского вторжения.

Только с середины IV в. Рим, окончательно восстановивший своё положение в Лации, возобновляет агрессивную политику. Положение в Средней Италии в это время облегчало захватнические устремления римлян. Там шла борьба между федерацией воинственных горных племён — самнитов и племенами Кампании за богатое и плодородное побережье, в частности за город Капую.

Традиционная версия так называемой первой Самнитской войны (343—341 гг.) настолько недостоверна, что некоторые современные исследователи считают эту войну вымышленной. Вероятнее всего, крупных военных действий не было, и римляне поспешили заключить мир с самнитами, так как им угрожала опасность со стороны латинских союзников.

Латинские города, подчинённые Риму, решили воспользоваться его борьбой с самнитами, чтобы добиться равноправного положения в Латинской федерации. Латины, если верить традиции, потребовали половины мест в сенате и одного

консульского места. Когда римляне категорически отвергли эти требования, началась Латинская война (340—338 гг.). В этой войне, по существу говоря, решался вопрос о том, станет ли Рим рядовым латинским городом или же латины превратятся в подданных Рима. Против Рима образовалась сильная коалиция, в которую, помимо латинов, вошли аврунки, вольски и даже кампанцы. Решительное сражение произошло при Трифане, около Суессы, где римляне одержали полную победу Мир с латинскими городами и общинами был заключён на различных условиях населению ближайших к Риму городов были дарованы права римского гражданства, другие латинские общины были уравнены с римлянами во всех гражданских правах, кроме права голоса в комициях. Этим было положено начало латинскому гражданству

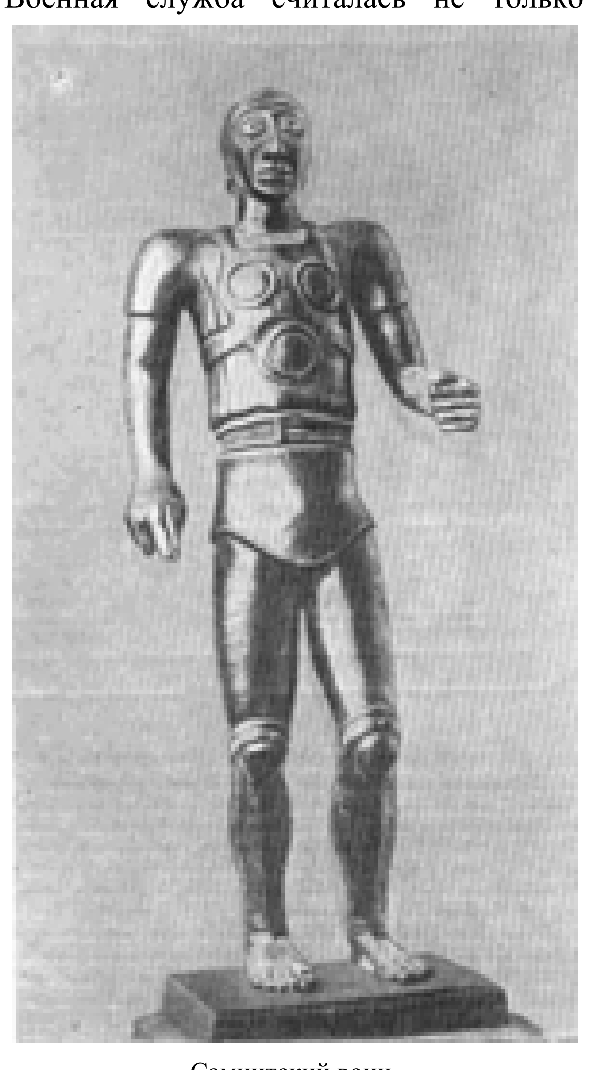
Эпизод из Самнитской войны.
Фреска с Эсквилинского холма в Риме.
III—II вв. до н. э.

Во время Латинской войны римлянам удалось сохранить союз с самнитами, которые даже оказали им во время этой войны существенную поддержку. Но после покорения латинов Рим снова устремляет свои взоры на богатую Кампанию Захват римлянами греческого города Неаполя послужил предлогом к новой, второй Самнитской войне (326—304гг.). Вначале она развивалась успешно для римлян, но, когда военные действия были перенесены в горную часть Самния, успехи сменились поражениями. В 321 г. римское войско, попавшее в ловушку в Кавдинском ущелье, вынуждено было сдаться на милость победителя и совершило позорный обряд прохождения «под игом». Этот обряд заключался в том, что воины побеждённой армии проходили под копьём, положенным на две стойки наподобие ворот. Перелом в ходе войны наступил лишь в 314 г., когда римляне проникли в Апулию, а затем заняли главный город самнитов Бовиан.
Однако по мирному договору 304 г. самниты уступили римлянам лишь Кампанию.

Через шесть лет вспыхнула третья Самнитская война (298—290 гг. до н. э.). Самнитам удалось организовать против Рима сильную коалицию, к которой примкнули этруски, северо-италийское племя умбров и даже галлы. Это вынуждало римлян вести борьбу на два фронта. Решительное сражение произошло в Северной Умбрии при Сентине (295 г.). Вскоре весь Самний, Северная Этрурия и Умбрия подчинились Риму. После ещё одной крупной победы над соединёнными силами этрусков и галлов (288 г.) Рим овладел всей Средней Италией—от долины реки По до северных границ Лукании. Таков был итог войн IV в. до н. э., превративших Рим в одно из крупнейших государств того времени.

Римская армия

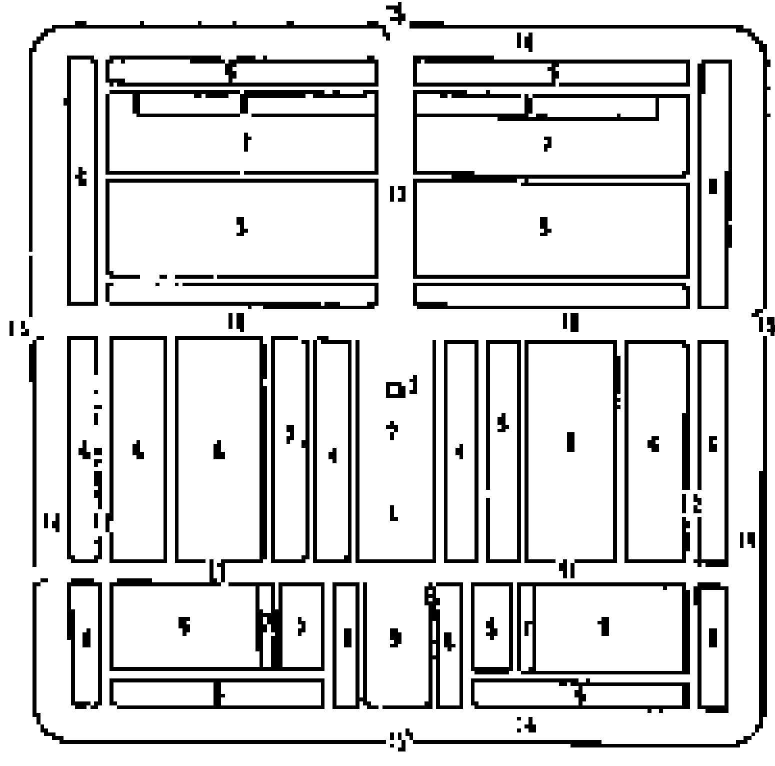
В ходе этих длительных и упорных войн сложилась и окрепла военная организация Рима. Римская армия представляла собой народное ополчение и комплектовалась путём набора граждан, начиная с 17-летнего возраста. Все римляне обязаны были служить в армии, стаж военной службы был необходим для получения государственных должностей. Военная служба считалась не только обязанностью, но и честью: к ней допускались только полноправные граждане. Пролетарии, в соответствии с конституцией Сервия Туллия, не несли строевой службы, рабы в армию вообще не допускались. Уклонение от воинского долга каралось весьма сурово: виновный мог быть лишён гражданских прав и продан в рабство. В ранний период республики армия в случае военной опасности набиралась по распоряжению сената и консулов, а после окончания военных действий распускалась. Формально такое положение сохранялось довольно долго, но уже в IV, а тем более в III в. вследствие почти беспрерывных военных действий армия фактически становится постоянной. Служба в армии в ранние годы республики не оплачивалась: каждый воин сам должен был заботиться о своём вооружении и продовольствии, только всадники получали от государства коней или соответствующую сумму на их приобретение. В зависимости от своего имущественного положения римляне служили в коннице, в тяжело- или (наименее состоятельные) легковооружённой пехоте. В конце V в. до н. э. была проведена военная реформа, приписываемая полулегендарному герою Вейентинской и Галльской войн Марку Фурию Камиллу, в соответствии с которой устанавливалось жалованье воинам, выдавалось казенное вооружение и продовольствие, а также изменялось построение армии.



Самнитский воин.
Статуэтка V в. до н. э. Бронза.

Римская армия подразделялась на *легионы,* численный состав которых колебался от 4 200 до 6 000 человек. До реформы легион представлял собой фалангу тяжеловооружённых пехотинцев до восьми рядов в глубину. Конница и легковооружённая пехота размещались обычно на флангах и использовались преимущественно как резервы. Реформа заключалась в реорганизации этой малоподвижной фаланги и введении так называемого манипулярного строя. Каждый легион был разделён на 30 тактических единиц — *манипулов.* Каждый манипул в свою очередь делился на две центурии. Легионы строились теперь по принципу опытности воинов в три боевые линии: в первой стояли молодые воины (так называемые *гастаты*), во второй—более опытные *(принципы)* и в третьей — ветераны *(триарии).* Каждая линия распадалась по фронту на 10 манипулов; манипулы первой линии были отделены друг от друга определёнными интервалами, манипулы же второй линии выстраивались против интервалов первой линии, манипулы триариев строились за интервалами второй линии.

Манипулярный строй обеспечивал значительную свободу манёвра. Бой обычно начинался следующим образом: движущийся вперёд строй метал в ряды неприятеля дротики. Залп дротиков открывал путь к рукопашной схватке, в которой главным оружием были меч, копьё, а для обороны — щит, шлем и панцирь. Большое преимущество римского боевого порядка и заключалось в этом сочетании рукопашного боя с предварительным метанием дротиков на расстоянии.



План римского лагеря для двух легионов.
Схематическая реконструкция по Полибию: 1. Преторий, площадь, где находилась палатка командующего. *2.* Форум, площадь, служившая для сходок. 3. Алтарь. 4. Помещения преторианской когорты, личной стражи командующего. 5. Казармы вспомогательной конницы. 6. Казармы легионеров. 7. Казармы вспомогательных отрядов пехоты. 8. Казармы отряда ветеранов, вновь призванных на военную службу. 9. Площадь, где находилась палатка квестора. 10. Главная улица лагеря. 11. Улица, параллельная главной, на которой помещались торговавшие с солдатами купцы. 12. Улица, отделявшая части, расположенные непосредственно у укреплений, от внутренней части лагеря. 13. Улица, соединявшая преторий с воротами лагеря. 14. Промежуток между окружавшим лагерь оборонительным валом и первыми казармами. 15. Ворота лагеря.

Бой начинали легковооружённые, которые строились перед фронтом легиона. Затем, после вступления в бой основных сил, легковооружённые отступали в интервалы между манипулами, и бой вела уже первая линия, т. е. гастаты. Если противник оказывал стойкое сопротивление, то в интервалы первой линии вступали манипулы принципов, создавая таким образом уже сплошной фронт. Только в крайнем случае, когда исход боя не мог быть решён без привлечения резервов, в сражение вступали триарии. У римлян существовала пословица: «Дело дошло до триариев», означавшая, что дело доведено до крайности.

К высшему командному составу принадлежали консулы, которые были главнокомандующими, их помощники — *легаты* и командиры легионов — военные трибуны. В случае особой опасности для государства высшее командование передавалось диктатору. Это была необычная магистратура, создаваемая на сравнительно короткий срок (полгода). Диктатор осуществлял полноту военной и гражданской власти, по армии он назначал себе помощника — начальника конницы. Основной фигурой низшего командного состава был *центурион.* Центурион первой центурии одновременно был командиром всего манипула. В ранний период республики вооружённые силы обычно состояли из четырёх легионов; каждый консул командовал двумя легионами. Когда армии объединялись, консулы, по римскому обычаю, командовали поочерёдно.

Кроме легионов, состоявших исключительно из римских граждан, в римской армии были ещё так называемые союзники, вербовавшиеся из покорённых племён и общин Италии. Они обычно представляли собой вспомогательные войска, располагавшиеся на флангах легионов. На один легион полагалось 5 000 пехотинцев и 900 всадников из числа союзников.

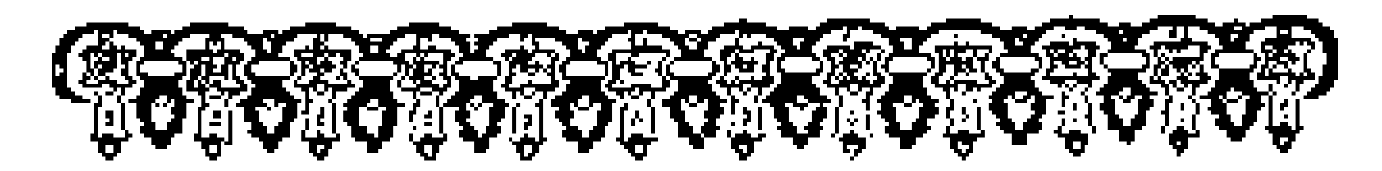
Особенностью римской военной тактики было устройство укреплённых лагерей. Место, где римское войско останавливалось хотя бы на одну ночь, непременно окружалось рвом и валом. Лагерные укрепления исключали внезапное нападение врага

и давали возможность сочетать преимущество наступательных действий с оборонительными, так как лагерь всегда служил опорной базой, куда войско могло укрыться в случае необходимости.

В римской армии царила железная дисциплина. Порядок и повиновение ставились превыше всего, всякое уклонение от них каралось беспощадно. За невыполнение приказа полагалась смертная казнь. Главнокомандующий имел право распоряжаться жизнью не только рядовых солдат, но и военачальников. Если отряд римлян бежал с поля битвы, проводилась *децимация:* отряд выстраивали, и каждый десятый подвергался смертной казни.

Воины, отличившиеся на поле битвы, получали повышение по службе, серебряные или золотые знаки отличия, но высшей наградой считался лавровый венок. Полководцу, одержавшему крупную победу, давался титул императора и назначался триумф, т. е. торжественный въезд в город во главе победоносных легионов.

Такова была римская военная организация, которая в значительной мере обусловила победы Рима над другими италийскими народами и содействовала в дальнейшем установлению господства Рима над всем Средиземноморьем.



ГЛАВА VI
ПЛЕМЕНА ЕВРОПЫ И АЗИИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Одновременно и бок о бок с миром рабовладельческой цивилизации существовал мир кочевых, полукочевых и оседлых племён и народностей, населявших обширные пространства Европы, Центральной Азии и Сибири.

Историческое развитие отдельных стран и народов в древности шло крайне неравномерно. В то время, когда уже существовали очаги высокой для своего времени рабовладельческой цивилизации, огромное большинство человечества проходило ещё стадию первобытно-общинного строя или различные этапы его разложения. В своём дальнейшем историческом развитии эти племена и народности дошли до ступени образования классового общества, до складывания государства далеко не одновременно. Для некоторых из них период разложения первобытно-общинных отношений затягивается до рубежа или первых веков нашей эры (например, для кельтов, германцев, славян и т. д.), для других он завершается значительно раньше — в IV—III вв. до н. э. (например, для некоторых племён Причерноморья, Закавказья и др.).

История рабовладельческих обществ теснейшим образом связана с историей развития окружающих их племён. Отношение господствующих классов рабовладельческих государств к этим племенам обусловливалось прежде всего тем, что они служили для них источником пополнения армии рабов и были объектом грабежа во всех его формах — начиная от территориальных захватов, принудительной колонизации и кончая неэквивалентной торговлей. Этим целям вполне соответствовали те методы грубого насилия и обмана, которые завоеватели, торговцы, ростовщики применяли по отношению к «варварам», рассматривая их как людей, самой природой предназначенных для рабской участи.

Косвенным следствием развития взаимоотношений рабовладельческих обществ с окружающим миром племён было ускорение внутренних процессов развития отдельных племён и народностей: разложение первобытно-общинных отношений, рост социально-имущественной дифференциации, выделение племенной знати и неимущих слоев населения.

В отличие от буржуазной историографии, видящей в «варварских» племенах лишь объект воздействия очагов рабовладельческой цивилизации в форме «эллинизации», «романизации» и т. д., марксистских историков интересует внутренняя история племён и народностей, их самобытная культура, своеобразные пути их исторического развития.

К сожалению, письменные источники в этой области, и в частности свидетельства древних авторов, весьма скудны, фрагментарны, а иногда дают искажённое и тенденциозное освещение истории тех отдельных племён, которые приходили в соприкосновение с рабовладельческим миром. Поэтому основным источником для изучения экономики, социально-политической жизни и культуры большинства племён и народностей является археологический материал. Всестороннее изучение этого материала и критическое использование письменных свидетельств древних авторов дают возможность представить картину истории многочисленных племён, выступающих не только как объект эксплуатации или «культурного воздействия», но и как субъект исторического развития.

1. Племена Западной и Юго-Восточной Европы (VI—I вв. до н. э.)

Иберы

Смутные сведения об Испании, как о стране, лежащей на далёком Западе, сохранила нам ещё греческая мифология, связывая эту в то время полулегендарную для греков страну с циклом сказаний о Геракле. По мере проникновения греков в западную часть Средиземноморья сведения их об Испании уточняются. Со времени Гекатея Милетского (греческий логограф, конец VI — начало V в. до н. э.) появляется название Иберия, которое относилось к южному и восточному побережьям Испании, заселённым племенами иберов. Вся остальная часть полуострова носила имя Кельтики, считаясь непосредственным продолжением страны кельтов, т. е. Галлии. Начиная со времени образования Римской державы, весь полуостров стал называться Испанией. Происхождение этого названия до сих пор неясно.

Климат Пиренейского полуострова отличался мягкостью и умеренностью. Ряд древних авторов, описывавших Испанию, отмечает её богатство лесом. В стране была широко развита культура оливы и винограда, значительную роль в хозяйственной жизни играла также культура хлебных злаков, особенно распространённая в плоскогорной части страны. Испания была чрезвычайно богата полезными ископаемыми. Здесь добывались золото, железо, медь, олово, но главным богатством Испании были её серебряные рудники.

Пиренейский полуостров был одной из древнейших территорий расселения человека в Европе. Железный век в Испании совпадает с началом финикийско-карфагенской колонизации, которая в дальнейшем дополняется греческой. Очевидно, примерно в это же время формируется самобытная культура иберийских племён. Иберийская культура представлена большой группой памятников, начиная от городских построек, архитектурных сооружений и кончая утварью и украшениями. Многочисленны памятники иберийского искусства, в частности скульптуры, среди которых первое место занимает знаменитая «Дама из Эльче» — бюст, созданный, как ныне считает большинство учёных, иберийским мастером.

Этнический состав населения древней Испании был чрезвычайно сложен и разнообразен. Греко-римские авторы перечисляют большое количество племён, живших в различных районах страны (так, например, Плиний Старший насчитывал в Испании свыше 500 различных племён). Ведущей группой, несомненно, следует считать иберов и иберизовавшиеся племена: среди них турдетанов, живших на юге страны, кельтиберов, населявших Центральную Испанию, лузитанов, живших на западе полуострова, и, наконец, кантабров, астуров и галаиков (в Галисии), располагавшихся в северо-западной части Испании. Известны также племена илергетов, карпетанов, вакцеев и веттонов, не говоря уже о более мелких этнических группах. Степень хозяйственного развития и культурный уровень этих племён были весьма различны.

«Дама из Эльче».
Конец V — начало IV в. до н. э.
Известняк.

У древних иберов в VIII—VI вв. сохранялся родовой строй, хотя уже проступали и характерные черты его разложения. Население занималось земледелием, а на плоскогорье и в горных районах страны — скотоводством. Из овечьей шерсти изготовлялись знаменитые в древности кельтиберийские плащи. Определенного развития достигло ткацкое ремесло и керамическое производство. Дома иберов часто строились из кирпича, на каменном цоколе, хотя широко были распространены и круглые хижины из плетня и глины (например, у лузитанов).

Структура иберийского общества этого времени определяется наличием большого числа племенных союзов, которые часто объединялись вокруг городских поселений, служивших как политическим центром данного объединения, так и укрытием в случае военной опасности. Нам известен ряд иберийских городов — Нуманция, Сегонтия, Контребия, Бильбилис и пр., — которые были сравнительно крупными центрами древней Испании. Иберийские племена и городские общины управлялись военачальниками, которых греческие источники часто называют «царями». Видную роль у иберов играл совет старейшин, о котором также неоднократно упоминают греко-римские историки. Старейшины, видимо, входили в свиту племенного вождя и выступали в качестве его советников. О наличии у иберов народного собрания прямых данных в источниках не имеется. Но по некоторым косвенным указаниям можно полагать, что оно существовало, хотя собиралось, очевидно, нерегулярно, главным образом для выборов военачальников, послов и т. д. Оно представляло собой сходку *всех* воинов племени. Племенные союзы или объединение нескольких общин вокруг наиболее укреплённого города, рост этих городов, выделе

ние племенных вождей, а затем и различных органов управления общиной — всё это свидетельствовало о начале разложения первобытно-общинных отношении у иберов.

Примерно на этой ступени развития их и застаёт начало финикийско-карфагенской колонизации. Все данные античной традиции, равно как и выводы современных исследователей, относительно древнеиберийского государства с центром в городе Тартессе могут рассматриваться лишь как гипотетические, пока они не подкреплены археологическим материалом. Поэтому у нас нет достаточно веских доказательств существования более или менее устойчивых государственных образований на Иберийском полуострове.

Первой финикийской колонией на побережье Испании античная традиция считает Гадес, затем Малаку, Секси и Абдеры. Дальнейшее развитие финикийской колонизации Испании уже связано с выступлением Карфагена как крупной державы. Все финикийские колонии переходят под власть карфагенян, причём они развивают свою колонизационную деятельность не только вдоль побережья Испании, но стремятся проникнуть и в глубь страны. Параллельно с карфагенской развёртывается и греческая колонизация. Опираясь на Массалию, основанную в VII в., фокейские греки продвигаются дальше на запад, возникают колонии Эмпории, Майнака, Рода, Алонис и др. Укреплению фокейских греков в западной части Средиземноморья помешало поражение, которое им нанесли в битве при Алалии (535 г. до н. э.) объединённые силы карфагенян и этрусков.

Новый этап карфагенской колонизации Пиренейского полуострова начинается во второй половине III в. до н. э., после первой Пунической войны. Его можно рассматривать как планомерное подчинение страны. Несмотря на отчаянное сопротивление свободолюбивых иберийских племён, большая часть полуострова была покорена карфагенянами, стремившимися превратить его в плацдарм для последующих войн с Римом.

Кельты

К середине I тысячелетия до н. э. кельтские племена населяли бассейны рек Рейна, Сены и Луары и верховья Дуная. Эта территория впоследствии получила у римлян наименование Галлии. В течение VI—III вв. кельты заняли области современной Испании, Британии, Северной Италии, Южной Германии, Чехии, частично Венгрии и Трансильвании. Отдельные кельтские поселения были и далее к югу и востоку, в иллирийских и фракийских областях. В III в. до н. э. кельты предприняли неудачный для них поход в Македонию и Грецию, а также в Малую Азию, где часть кельтов осела и впоследствии была известна под именем галатов.

В некоторых странах кельты смешались с местным населением и создали новую, смешанную культуру, каковой была, например, культура кельтиберов в Испании. В других областях местное население было быстро кельтизировано (как, например, лигуры, жившие на юге Франции), и незначительные следы его языка и культуры сохранились лишь в некоторых географических названиях и пережитках религиозных верований.

О раннем периоде истории кельтов почти не сохранилось письменных источников. Впервые упоминает их Гекатей Милетский, затем Геродот, который сообщал о поселениях кельтов в Испании и на Дунае. Свидетельство Тита Ливия о походе кельтов на Италию ещё во время правления римского царя Тарквиния Приска в VI в. мало достоверно, но, по-видимому, кельты начали проникать на территорию Италии довольно рано. Как уже указывалось, в 390 г. одно из кельтских племён совершило набег на Рим. В начале IV в. кельты предлагали тирану Сицилии Дионисию I союз против Локр и Кротона, с которыми он тогда воевал. Позже они в качестве наёмников появляются в его войске. В 335 г. кельтские племена, жившие по берегам Адриатического моря, посылали своих представителей к Александру Македонскому.

Эти скудные письменные данные дополняются материалом археологии. С именем кельтов связано распространение созданной ими так называемой латенской культуры

(от залива Ла-Тен на Невшательском озере в Швейцарии, где было обнаружено укрепление и большое количество характерного для этой культуры кельтского оружия). Памятники латенской культуры, которая в середине VI в. до н. э. сменяет гальштаттскую [1], позволяют судить как о постепенном развитии кельтских племён, так и об истории их проникновения в различные области Европы.

Кельтские воины.
Рельефный фриз из Чивито-Альба. III в. до н. э. Терракота

На первом этапе своего развития (середина VI—конец V в.) латенская культура была распространена от Франции до Чехии. Большое количество мечей, кинжалов, шлемов, бронзовых и золотых украшений свидетельствует о том, что уже тогда кельтское ремесло стояло довольно высоко. Высоко стояло и искусство, что видно на примере художественно украшенной посуды. В это же время в погребениях появляются греческие вещи, проникавшие к кельтам через Массалию по рекам Роне и Соне. Греческое искусство оказывало заметное влияние на кельтское, хотя местные мастера исследовали слепо греческим образцам, а перерабатывали их, приспособляя к местным вкусам и традициям. Уже в это время в некоторых областях, на Среднем Рейне, на Марне, появляются богатые курганные погребения, очевидно принадлежавшие родовым старейшинам и племенным вождям.

В дальнейшем (V—III вв.) латенская культура в связи с расселением кельтов распространяется постепенно и по другим областям Европы. Совершенствуются изделия кельтских ремесленников. Всё меньше чувствуется греческое влияние. На западе появляются типичные для кельтов вещи, украшенные эмалью. Распространённой становится керамика, изготовленная на гончарном круге. Высокого уровня достигает и земледелие. Именно кельтам принадлежит изобретение тяжёлого плуга с резцом, который мог вспахивать землю на значительно большую глубину, чем лёгкий плуг, использовавшийся в то время италиками и греками. В земледелии применялась трёхпольная система, обеспечивавшая хорошие урожаи. Славилась в Италии тонкостью помола и мука из кельтских областей.

При продвижении кельтов в новые районы занятые земли раздавались *пагам* — родам или племенам, составлявшим также войсковую единицу. В Британии» мало связанной с внешним миром, родовая и племенная собственность на землю сохранялась долго. На континенте, где кельты вступали в торговые сношения с греческими и италийскими купцами, постепенно возникает частная собственность на землю; родовая община сменяется сельской, причём из среды общинников выделяется знать, которая начинает захватывать всё большую часть земли.

Из этой знати формировалась кельтская конница, составлявшая главную силу войска. Конница вытесняет распространённые прежде среди кельтов боевые колесницы, которые сохранялись ещё только в Британии. О высоком мастерстве кельтов в фортификации свидетельствуют остатки их укреплений — огромные стены из

[1] О гальштаттской культуре см. «Всемирная история», т. I, стр. 625—626.

каменных блоков, скреплённых дубовыми балками. Эти так называемые галльские стены были потом заимствованы и другими народами.

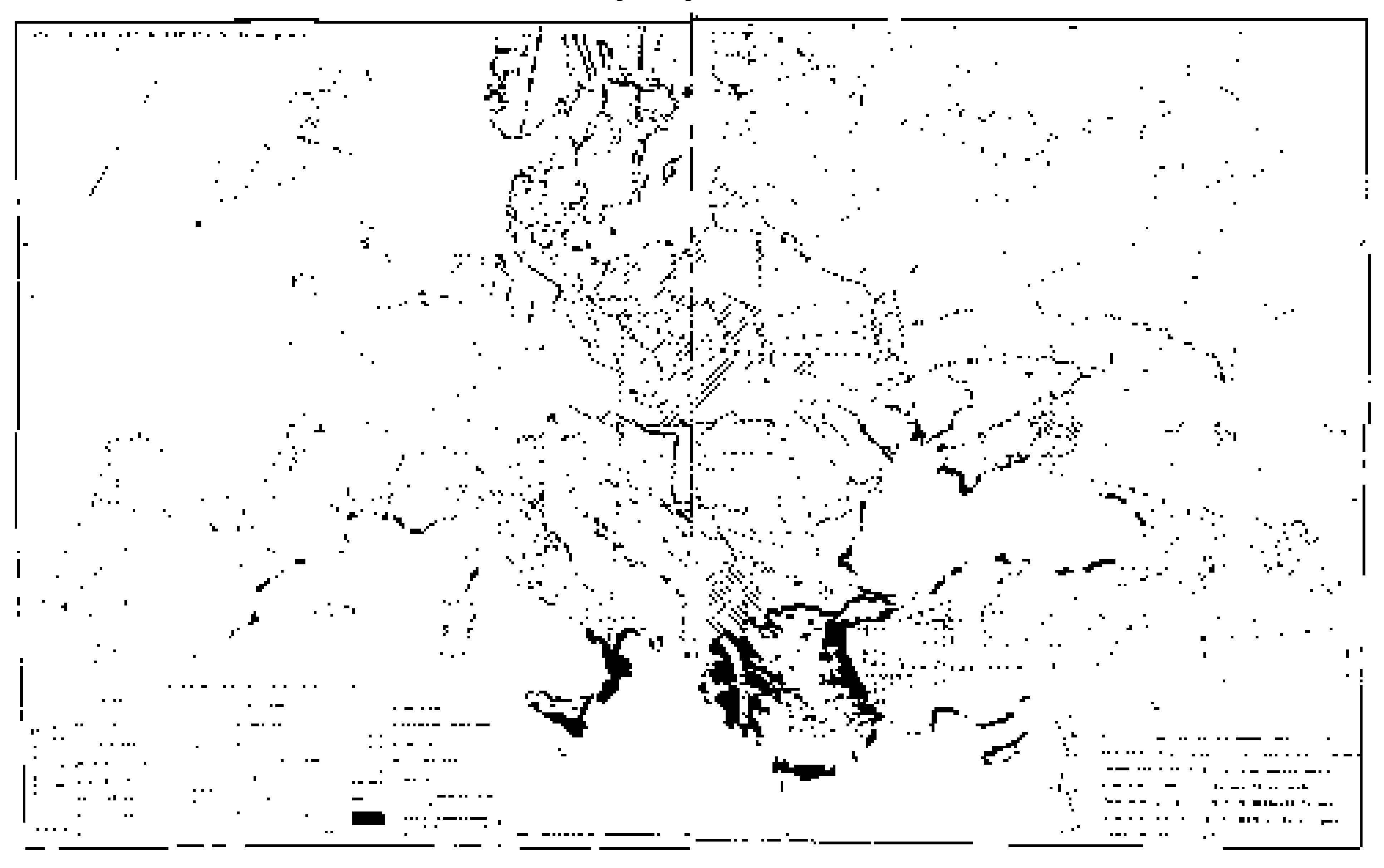
К концу III—началу II в. торговля среди континентальных кельтов достигла такого уровня, что они начинают чеканить собственную золотую и серебряную монету по типу монет македонских царей, Массалии, Родоса, а затем и монет Рима.

Оружие и предметы домашнего обихода из могильников латенской культуры (Средняя Моравия).

Раньше всего монета появляется у племён, более тесно связанных с городами греческого и римского мира, но к I в. её начинают чеканить и более отдалённые племена, в том числе и племена Британии.

Развитие производительных сил и торговли приводило к разложению первобытнообщинных отношений, которое особенно быстро шло у племён, непосредственно соприкасавшихся с античным миром. Во II в. экспансия кельтов прекра-

Этническая карта Европы V—IV вв. до н. э.



щается. Одной из причин этого было то, что они встретились с такими сильными противниками, как германцы, продвигавшиеся к Рейну, и римляне, которые в 121 г. захватили Южную, так называемую Нарбонскую, Галлию и всё более утверждали своё влияние и господство в придунайских областях.

Последнее крупное передвижение кельтских племён выразилось в приходе из зарейнских областей племени белгов, которые утвердились на севере Галлии и в некоторых прирейнских областях Германии.

О кельтах конца II и I в. мы имеем уже ряд свидетельств, из которых наиболее интересны данные знаменитого римского полководца, государственного деятеля и писателя Юлия Цезаря, уделившего много внимания населявшим Галлию кельтам в своих «Записках о Галльской войне». К этому же времени относятся материалы раскопок кельтских городов — Аварика, Бибракте, Алезии (во Франции), Страдонице (в Чехии). Все эти данные показывают, что к концу II в. до н. э. кельты достигли уже последней стадии разложения первобытнообщинного строя. Племенная знать владела обширными землями и рабами; последние использовались в качестве слуг. Множество родовых общинников попадало в зависимость от знати и вынуждено было обрабатывать её земли, внося определённую плату, и входить в дружины, обязанные сражаться за своих вождей.

Отдельные паги к этому времени соединялись уже в более или менее крупные племенные общины, наиболее значительными из которых были общины эдуев и арвернов. Они подчиняли себе менее сильные племена, попадавшие в большую или меньшую от них зависимость. Уже начали возникать города, которые были центрами ремесла и торговли, а в ряде случаев и политическими центрами. Города были обычно хорошо укреплены и служили для окрестного населения убежищами при нападении врагов. У большинства племён возникло подобие аристократической республики, несколько сходной с ранней Римской республикой. Прежние племенные вожди, которых античные авторы именовали царями, изгонялись, их заменяли совет аристократии и выбранные из её среды магистраты — *вергобреты,* главной задачей которых было отправление суда. Правда, нередко отдельные представители знати пытались захватить единоличную власть. Их поддерживали дружина и народ, который надеялся, что они ограничат власть угнетавших его земельных собственников. Но последним обычно удавалось быстро пресечь подобные попытки.

Наряду со знатью, которую Цезарь называл на римский лад «всадниками», большую роль играло жречество—*друиды.* Они были организованы в корпорацию во главе с верховным друидом, пользовались освобождением от военной службы и уплаты налогов и почитались как хранители божественной мудрости и некоторых, впрочем, довольно скудных знаний. Ежегодно они собирались в области племени карнутов и творили суд, решения которого были обязательны для всех галлов. Непокорным они воспрещали участвовать в религиозных церемониях, что как бы порывало их связи с обществом. В число друидов принимались представители аристократии, овладевшие их учением. Это учение было тайным, преподавалось устно, на усвоение его шло до 20 лет. О содержании его известно мало; по-видимому, основой его были идея бессмертия души или переселения душ и представление о конце света, который будет уничтожен огнём и водой.

Трудно сказать, насколько учение друидов повлияло на религию кельтов, которая известна также недостаточно. Наряду с культом духов лесов, гор, рек, ручьёв, отдельных племён и т.п. сложился и культ богов солнца, грома, войны, жизни и смерти, ремёсел, красноречия и др. Некоторым из них приносились человеческие жертвы.

Не все кельтские племена стояли на одной ступени развития. Более удалённые от Италии северные племена, в частности белги, жили ещё первобытно-общинным строем, так же как и британские кельты. Здесь попытки римского проникновения встречали резкий отпор.

Напротив, племена Южной Галлии, особенно эдуи, уже стояли на грани перехода к классовому обществу и государству. Местная знать в борьбе со своими соплеменниками и с другими племенами искала помощи Рима, что впоследствии облегчило завоевание Галлии и обращение её в римскую провинцию.

Германцы

Германцы были ближайшими соседями кельтов, с которыми античные авторы долгое время их отождествляли. Первоначальным их местожительством были Южная Скандинавия, Ютландия и побережье Балтийского и Северного морей между Везером и Одером. В течение VI—I вв. до н. э., постепенно продвигаясь к югу, они заняли территорию современной Германии вплоть до Рейна; некоторые племена, из которых впоследствии наибольшую роль играли треверы, перешли Рейн и утвердились на его левом берегу. В Южной Германии расселились свевы, маркоманны и квады, наиболее тесно соприкасавшиеся с кельтами, с которыми они отчасти смешались.

До середины I в. сведения греков и римлян о германцах были довольно скудны. Самое имя германцев, которым первоначально называлось племя тунгров и которое затем было присвоено кельтами всем германским племенам, было античным авторам долгое время неизвестно. В VI в. до н. э. купцы Массалии знали жившее на Верхней Роне племя тилангиев, впоследствии известное как германское племя тулингов. В середине IV в. Массальский путешественник Пифей в поисках наиболее удобного пути в Британию, где добывался свинец, и в Прибалтику, откуда вывозился янтарь, побывал в некоторых населённых германцами областях. По его сообщениям, к северу от Британии находилась земля, которую он считал островом и именовал Фуле, но которая, по-видимому, была западным побережьем Норвегии. Пифей рассказывал, что её населял народ, занимавшийся земледелием и собиравший мёд, из которого изготовлял особый напиток. Пифей писал также об острове Абал у побережья Северного моря, очевидно современном Гельголанде, и о живущих неподалеку от этого острова, в Западной Ютландии, тевтонах, также одном из германских племён. В III в. до н. э. германцы-гезаты, что значит копьеносцы, служили наемниками у италийских кельтов, а затем и у римлян.

Судя по археологическим данным, германцы в это время стояли на значительно более низком уровне развития, чем кельты. Вплоть до начала IV в. изделия из железа они получали из кельтских областей, и только позднее у них развивается собственная металлургия. Лишь с I в. до н. э. начинают проникать к ним римские товары, главным образом вино и дорогая посуда, но приобретали их весьма немногие представители родовой знати.

Земледелие у германцев было довольно примитивным и играло значительно меньшую роль, чем скотоводство. Германцы легко покидали моста своего жительства и отправлялись искать новые земли для поселения. Так, например, около 120 г. до н. э. тевтоны и соседние с ними кимвры ушли из Ютландии вследствие большого наводнения, опустошившего их земли. Они направились в Испанию, Галлию и придунайские области, заключили союз с воевавшими, с Римом скордисками и двинулись на Италию, но были разбиты римлянами. Остатки их расселились в Галлии на реках Маасе, Майне и Неккаре. При переселениях германцы, как и кольты, шли родами и племенами, которые вместе сражались и вместе занимали отведённую им старейшинами часть захваченной земли.

Многие германцы служили наёмниками в войсках других народов. Довольно рано выделяются среди германцев вожди, набиравшие дружину и отправлявшиеся на завоевание новых земель или предлагавшие свои услуги тем, кто в них нуждался. В 72 г. до н. э. такой предводитель дружины свевов, Ариовист, с 15 тыс. человек пришёл в Галлию по приглашению кельтских племён арвернов и секванов, воевавших с эдуями. Разбив эдуев и утвердившись на севере Галлии, Ариовист начал расширять свои владения. На захваченных дружиной Ариовиста землях тех же секванов селились многочисленные представители различных германских племён. Постепенно

их набралось до 120 тыс. Однако в 58 г. до н. э. германцы были разбиты римскими войсками под командованием Юлия Цезаря, поддерживавшего эдуев. Цезарь, дважды переходивший Рейн, дал в своих «Записках» первые более подробные сведения о германцах, которых он уже отличает от кельтов.

О свевах Цезарь сообщает, что у них имеется сотня пагов, из которых каждый ежегодно посылает на войну тысячу вооружённых. Оставшиеся дома снабжают их продовольствием, а через год, в свою очередь, отправляются на войну, а те возвращаются домой. У них не существует частной собственности на землю, и они ежегодно переходят на новые земли. Основные средства к жизни им доставляют скотоводство и охота. Одеждой им служат звериные шкуры, а пищей — молоко, сыр и мясо. Разводят они и коней, хотя и малорослых, но очень выносливых.

В мирное время родовые старейшины разбирают споры членов рода; на время войны выбираются военачальники. Хотя род у германцев был уже патриархальным, женщины пользовались уважением и играли значительную роль, что свидетельствует о сохранившихся пережитках матриархата.

Все эти данные показывают, что даже в середине I в. до н. э. первобытно-общинный строй у германских племён находился ещё в полном расцвете.

Иллирийские племена

Восточное побережье Адриатического моря населяли иллирийские племена. Иллирийцы сравнительно поздно вступили в общение с греческим миром, имея уже к тому времени сложившийся государственный строй. У иллирийских племён — япидов, либуров, далматов, автаритов и др. земледелие, скотоводство и ремёсла достигли в V—IV вв. до н. э. высокого уровня. Иллирия славилась в древности своим плодородием, её сады и виноградники особо отмечены географом Страбоном. Богатства страны увеличивались также разработкой полезных ископаемых, в первую очередь, соляных залежей. Удобные берега позволили иллирийцам рано стать искусными мореплавателями. Можно полагать, что мореплавание иллирийцев было тесно связано с вывозом соли, которую они продавали италикам, кельтам и другим племенам.

Особенности социального строя иллирийцев нам почти неизвестны. По-видимому, уже в V в. до н. э. в Иллирии первобытно-общинный строй уступил место классовому обществу. Царская власть в IV в. превратилась в наследственную, передаваемую от отца к сыну. Об образовании довольно прочного Иллирийского царства в IV в. до н. э. можно судить по силе сопротивления, которое иллирийцы оказывали македонскому продвижению. Царь иллирийцев Граб принял участие в союзе с Фракией и Пэонией (к которому в 356 г. присоединились и Афины), направленном против Филиппа II Македонского. Иллирии удалось сохранить свою независимость.

Значительного расцвета достигла Иллирия к середине III в. до н. э. Большинство населения страны находилось под властью царя Агрона, который обладал значительными войсками и флотом. После смерти Агрона иллирийцы продолжали натиск на территории к югу от Иллирии, в особенности на Эпир. Эти войны, развернувшиеся в 20-х годах III в. до н. э., имели своей целью не только захват новых территории, но и борьбу с италийскими купцами, которые вели значительную торговлю в Эпире. Эти действия иллирийцев внушили опасения Риму. В 223 г. до н. э. римляне послали войска, которые оттеснили иллирийцев из Эпира.

Внешние неудачи совпали с волнениями внутри Иллирии, приведшими к тому, что некоторые области объявили себя независимыми. По-видимому, в вопросах внешней политики интересы населения прибрежных областей и внутренних горных районов не совпадали. Стремления обитателей морского побережья Иллирии, развивавших ремесла, мореплавание, торговлю, широко пользовавшихся трудом рабов, добивавшихся захвата новых территорий и военнопленных, резко отличались от интересов земледельцев и скотоводов внутренних областей страны. Эта борьба настолько ослабила Иллирийское царство, что оно постепенно утратило свою независимость: уже в 190 г. до н. э. один из правителей, Плеврат. получил царскую

власть от Рима. Однако иллирийские племена долго ещё вели борьбу с римской экспансией. Самое упорное сопротивление оказали далматы, успешно отстаивавшие свою независимость до 23 г. до н. э.

Фракийские племена до образования государства

Обширная и богатая Фракия в V в. до н. э. имела столь густое население, что греки считали фракийцев вторым по численности народом в мире. Природные богатства страны способствовали высокому развитию производительных сил.

Население плодородных равнин и долин Фракии занималось хлебопашеством и садоводством, а в менее благоприятных горных районах — скотоводством. Фракийцы с большим искусством выращивали не только хлебные злаки, но и такие трудоёмкие культуры, как конопля, виноградная лоза и др. Ещё больше славились фракийцы своим коневодством. Богатые месторождения железа, золота, серебра и других металлов, особенно интенсивно разрабатывавшиеся населением центральных и южных областей Фракии, позволили фракийцам производить разнообразные и многочисленные виды орудий труда, оружия, украшений и т. д.

Уже в конце VI — начале V в. до н. э. у фракийских племён наблюдается имущественное расслоение, начинается разложение родового строя, появляется рабство, развивавшееся не только за счёт обращения в рабов военнопленных, но и за счёт порабощения своих соплеменников (как сообщает Фукидид, фракийцы продавали в рабство своих детей). Однако главное место в общественном производстве занимали мелкие и средние земледельцы, составлявшие в то же время и основную силу во фракийском войске.

В это время фракийцы делились на множество отдельных племён, по большей части самостоятельных и независимых одно от другого. Племена управлялись вождями, которых греческие авторы называли «царями». Социальная дифференциация и развитие классовых отношений среди южных фракийцев ускорялись благодаря длительным и интенсивным связям с греческими государствами. Особенно большую роль играли греческие полисы в прибрежных районах Фракии. Эти крупные торгово-ремесленные центры служили удобными пунктами, куда фракийская знать могла сбывать рабов, хлеб, металлы и ремесленные изделия подчинённых ей соплеменников. Торговля с греками стимулировала развитие товарно-денежных отношений среди наиболее развитых племён Южной Фракии. В то же время у многих племён, живших изолированно в труднодоступных горных районах или обитавших в центральных и северных областях Фракии, сохранялся первобытно-общинный строй.

Образование государства у южных фракийцев

Таково было состояние фракийского общества, когда в конце VI — начале V в. до н. э. восточные области Фракии были захвачены Дарием во время его похода на скифов, а южное побережье было занято персами на пути в Грецию.

Отдельные фракийские племена оказали сильное сопротивление персам, но отстоять независимость удалось лишь племенам центральных и северо-западных областей страны. Персидское владычество окончилось с поражениями персов в 480— 479 гг.

Освобождение фракийских племён ускорило процесс образования классов и государства. Ранее всего государство возникло у юго-восточных племён Фракии — одрисов. Правивший около 480—450 гг. до н. э. Терес подчинил власти одрисов ряд более северных племён, а его сын Ситалк (около 450—424) укрепил границы Фракии как на севере, где ещё в VI в. до н. э. скифы постоянно совершали нападения на земли фракийцев, так и на западе, где правители Македонии пытались подчинить пограничные фракийские племена.

Одрисское государство в середине V в. до н. э. было ещё мало сплочённым объединением. Более изолированные и сильные горные племена полностью сохраняли свою независимость. Видимо, консолидация царства проходила в основном

в районах, близких к побережью. Слабая централизация Одрисского царства объяснялась сохранением родоплеменных учреждений. Царская власть у одрисов передавалась не от отца к сыну, а к старшему в роде, у царя были и «соправители», как называет их Фукидид. Эти «соправители» пользовались большими привилегиями, вплоть до выпуска монеты со своим именем.

Царь Ситалк деятельность которого несколько напоминает деятельность Филиппа II Македонского, провел ряд внутренних реформ. По сведениям Диодора,

Часть росписи фриза гробницы в Казанлыке (Болгария). III в. до н. э.

он весьма заботился о доходах. По-видимому, именно Ситалк установил систему денежных и натуральных податей, которые уплачивались царю подвластными фракийскими территориями и прибрежными эллинскими городами. Во времена Ситалка во Фракии началась чеканка собственной монеты, ходившей наряду с широко распространёнными монетами многих греческих городов. При нём и последующих правителях почти до середины IV в. до н. э. Фракия играла большую роль в международной жизни Восточного Средиземноморья. В это время Афины стремились поддерживать самые тесные связи с фракийскими династами, заключая с ними союзные договоры (в 391 г. до н. э.). Тесные политические связи Фракийского царства со средиземноморскими центрами основывались на широком экономическом общении.

В середине IV в. до н. э. в истории Одрисского царства произошёл перелом. В 359 г. по проискам афинян был убит царь Котис I, пытавшийся укрепить царскую власть. Это совпало с натиском на Фракию двух могущественных сил — Македонии и Скифии. В результате длительных войн к 336 г. до н. э. часть

Фракии попала в подчинение македонянам, область к югу от устья Дуная захватили скифы, большинство же племён, населявших Центральною Фракию, как, например, трибаллы, отстояло свою независимость. Власть одрисских царей сохранилась только в пределах их давних владений в Юго-Восточной Фракии. По-видимому, им, как и правителям других прибрежных племён, пришлось признать верховную власть Македонии. Но ни Филипп, ни тем более Александр Македонский не устанавливали во Фракии какой-то новой системы управления, ограничиваясь оставлением войск, достаточных для поддержания македонского владычества.

Развитие товарно-денежных отношений и усиление социальной дифференциации сопровождались значительной эллинизацией населения Южной Фракии. Эллинская культура широко воспринималась знатью страны, отражением чего является роспись склепа, открытого в городе Казанлыке (Болгария). Среди свободного населения Южной Фракии появляется обезземеленное и разоряющееся крестьянство. Об этом свидетельствует большое число наёмников-фракийцев, встречающихся в чужеземных армиях в течение всего III в. до н. э.

После освобождения Фракии от македонского владычества началась борьба с новым неприятелем. Это были кельты, вторгнувшиеся в 279—277 гг. не только на Балканский полуостров, но и в северные области Малой Азии. На небольшой территории в юго-восточной части Фракии возникло кельтское царство, просуществовавшее до 220 г. до н. э.

К концу III в. до н. э. Южная Фракия оказалась разделённой на несколько небольших владений, правители которых вели постоянные войны друг с другом. Сохранилось, хотя уже не в прежних пределах, Одрисское царство, включавшее теперь в свой состав только коренные территории племени одрисов.

Одрисское царство в III—I вв. до н. э. представляло собой довольно устойчивое государственное образование. Оно находилось в тесных экономических связях с некоторыми из прибрежных греческих городов Фракии (например, Одесс в конце II в. до н. э. чеканил монету для одрисского царя) и с крупнейшими центрами самой Греции. Одрисское царство очень насторожённо относилось к росту римского влияния на Балканах, но достаточных сил для противодействия Риму у одрисов не было. В 31 г. н. э. Рим возвёл на престол одрисов своего ставленника, превратив тем самым Южную Фракию в зависимое царство.

Северо-фракийские племена

История северо-фракийских племён до I в. до н. э. известна лишь в общих чертах. Археологические памятники свидетельствуют о высоком уровне развития металлургического, камнетёсного, керамического и других ремёсел. В I в. до н. э. у северо-фракийских племён — гетов и даков возникает денежное обращение. В дакийских крепостях и поселениях I в. до н. э. найдены многочисленные монеты не только Рима и других государств, но и монеты местной чеканки, сделанные по образцу распространённых в то время денежных единиц.

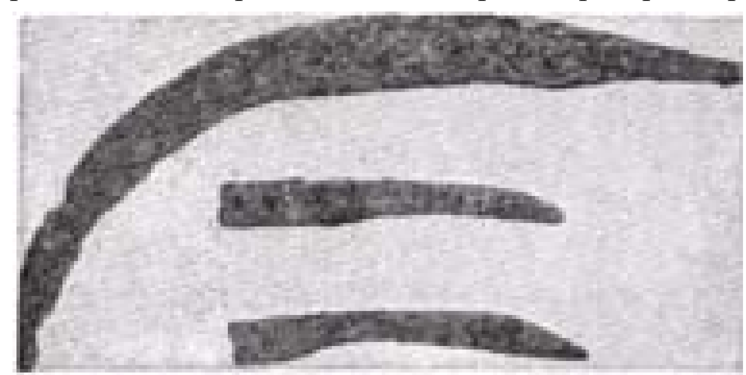
По-видимому, внутри гето-дакийских племён складывались классовые отношения, а вместе с ними возникала и государственная организация. Скудные данные источников позволяют заключить, что среди северо-дунайских племён в начале I в. до н. э. ведущее положение занимали племена гетов. Энергичный правитель их Биребиста, правивший в 60—45 гг. до н. э., подчинил своей власти не только северо-дунайские, но и часть южно-дунайских фракийских племён и даже некоторые мелкие греческие полисы (например, Дионисополь). Биребиста провёл реорганизацию гетского войска и построил многочисленные крепости по всей стране.

По-видимому, царство Биребисты сохраняло ещё многие черты союза племён, своеобразно сочетавшиеся с зачатками государственного строя. Оно в значительной мере основывалось на военном могуществе, которого достигли геты при Биребисте. Но подъём Гетского царства был недолговечным: в 45 г. до н. э. Биребиста был

убит восставшими против него гетами, царство его распалось на несколько самостоятельных частей. Видимо, политика объединения, проводившаяся Биребистой, не имела ещё достаточной почвы в гетском обществе, и племенная раздроблённость на некоторое время вновь одержала верх.

2. Племена Северного Причерноморья (VI—IV вв. до н. э.)

К числу областей, граничивших с рабовладельческим миром и имевших с ним многосторонние связи, принадлежит Северное Причерноморье. Большой частью сведений об этом крае и его древнем населении мы обязаны грекам. Смутные представления греков о побережье Чёрного моря находят отражение уже в древнегреческих мифах и сказаниях. С появлением в VI в. до н. э. на северном побережье постоянных поселений греческих колонистов, вступивших в оживлённые взаимоотношения с местными племенами, интерес в Греции к Северному Причерноморью значительно возрастает и число сведений о нём, проникающих в греческую литературу, увеличивается. В середине V в. в этой стране побывал Геродот, посвятивший её описанию значительную часть своего исторического труда.



Железные изделия из Каменского городища
под Никополем: серп и ножи.
IV — III вв. до н. э.

Киммерийцы

По словам Геродота, древнейшими обитателями Северного Причерноморья были киммерийцы — первые из северочерноморских племён, которых мы знаем по имени. Под несколько изменённым именем народа «гимиррай» они упоминаются и в ассирийских клинописных текстах конца VIII в. до н. э. Ко времени Геродота киммерийский период в Северном Причерноморье ушёл уж.3 в далёкое прошлое. Историческим его следом остались некоторые сообщаемые Геродотом топонимические наименования: название пролива — Боспор Киммерийский, находящиеся в районе этого пролива Киммерийское укрепление, Киммерийская переправа, поселение Киммерик. Судя по этим названиям, можно было бы думать, что основным местом поселения киммерийцев были нынешние Керченский и Таманский полуострова. Однако Геродот говорит, что ему показывали могилу «киммерийских царей» близ Днестра. Весьма вероятно, что греки называли киммерийцами все племена, обитавшие до скифов на широком степном пространстве между Днестром и Азовским морем, т. е. пользовались этим термином как собирательным. В современной археологии термин «киммерийская культура» часто применяется ко многим северочерноморским памятникам, датируемым временем перехода от бронзы к железу. Благодаря этому он приобрёл несколько условный смысл, и пока что трудно выделить из числа этих памятников собственно киммерийские.

По рассказу Геродота, киммерийцы были вытеснены из Северного Причерноморья скифами и переселились на южный берег Чёрного моря, в район Синопы. Некоторыми учёными было высказано предположение, что если переселение киммерийцев и имело место в исторической действительности, то, по всей вероятности, не все они покинули Северное Причерноморье, а часть их осталась жить в горном Крыму. В дальнейшем население этих районов Крыма было известно античным авторам под именем тавров. Некоторые учёные считают их потомками киммерийцев.

Скифы

Основную массу современного Геродоту населения Северного Причерноморья составляли племена скифов, о которых он сообщает целый ряд обстоятельных сведении. По данным Геродота, подтверждаемым и материалами археологии, скифы населяли всю южную часть Причерноморья: от устья Дуная, Нижнего Буга и Днепра до Азовского моря и Дона. Хотя материальная культура, получившая распространение на всей этой обширной территории, в различных районах обладала известными местными особенностями, но в целом в ней, безусловно, обнаруживаются черты типологической общности. Эта общность сказывается и в типах повсеместно распространенной скифской керамики, и в типах оружия, конских наборов, и в характере погребального обряда.

Железные изделия из Каменского городища под Никополем молоток-пуансон для штамповки панцирных чешуек, панцирные чешуйки, зубило, пробойники.
IV — III вв. до н. э.

По образу своей хозяйственной жизни скифы подразделялись на племена оседло-земледельческие и кочевые, скотоводческие. Перечисляя известные ему земледельческие племена, Геродот прежде всего называет каллипидов и алазонов— ближайших соседей основанной выходцами из Милета на берегу Буго-Днепровского лимана Ольвии; из этого города он в основном вёл свои наблюдения. Обращает на себя внимание, что первое из этих двух племён — каллипидов — Геродот считает возможным назвать и другим именем — «эллино-скифы», настолько они уже, очевидно, ассимилировались с греческими колонистами. За каллипидами и алазонами в перечне Геродота следуют скифы-пахари, населявшие оба берега Буга и территорию на запад от Нижнего Днепра, и скифы-земледельцы, жившие по течению Днепра на расстоянии 11 дней плавания от его устья. Скифия времени Геродота не была этнически единой, в её состав входили и не родственные скифам племена. Так, по-видимому, не скифского происхождения были земледельческо-скотоводческие племена, жившие в лесостепи.

Уровень хозяйственной жизни у большинства племён Скифии достиг уже сравнительно большой высоты. Геродот сообщает, что алазоны сеяли и употребляли в пищу помимо хлеба также лук, чеснок, чечевицу и просо, а скифы-пахари сеяли хлеб не только для собственных нужд, но и на продажу, которая, надо думать, осуществлялась ими при посредничестве греческих купцов. Вспашка земли, как правило, производилась скифскими земледельцами при помощи запряжённого волами плуга.

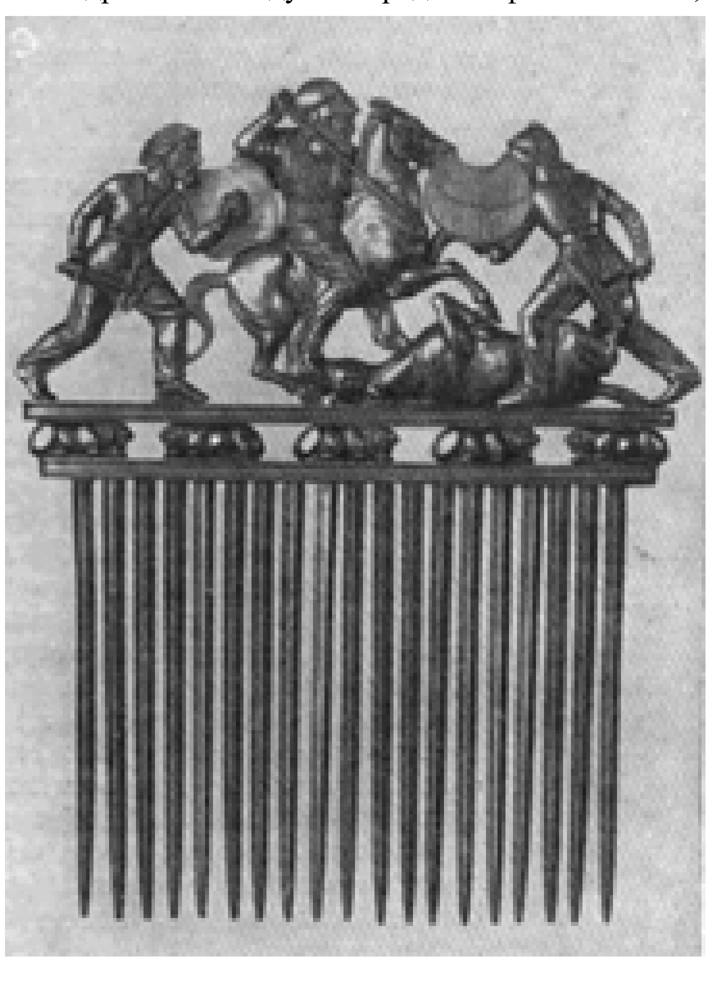
Судя по материалам раскопок многочисленных скифских городищ того времени, в частности большого Каменского городища близ Никополя, урожай снимался железными серпами, зерно измельчалось в зернотёрках. Обнаруженные во время раскопок кости животных свидетельствуют о разведении жителями городищ крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и птицы. Сохранившиеся в городищах остатки землянок и глинобитных построек, так же как и устройство погребальных камер в некоторых больших скифских курганах, позволяют составить некоторое представление о жилищах оседлого населения, но более детальное их устройство пока ещё остаётся нам неизвестным.

Электровая ваза из кургана Куль-Оба
с изображением сцен из жизни скифов.
Греческая работа IV в. до н. э.

Скифы-кочевники и так называемые царские скифы, которых Геродот считает самыми сильными и воинственными из всех скифов, населяли степное пространство на восток от Днепра и до Азовского моря, включая и степной Крым. Геродот подчёркивает, что эти племена добывали себе пропитание не земледелием, а скотоводством и жилища свои устраивали в повозках. Более подробно об особенностях их кочевого быта пишет современник Геродота, неизвестный нам по имени автор одного приписываемого Гиппократу медицинского трактата. Он также обращает внимание на то, что у скифов «...нет домов, а живут они в кибитках, наименьшие из которых четырехколёсные, а иные и шестиколёсные; со всех сторон они закрыты войлоком и разделяются, как дома,— одни на два, другие на три отделения. Они непроницаемы ни для дождя, ни для снега, ни для ветра. В возы эти запрягают по две и по три пары безрогих волов. В таких кибитках живут женщины, а мужчины едут верхом на конях». У скифов-кочевников животноводство достигло относительно высокой, ступени развития, и они в V—IV вв. владели огромными стадами и табунами скота. Распределение этого скота между соплеменниками не было равномерным.

Большие скифские курганы поражают богатством своего погребального инвентаря. Наряду с местными вещами в курганах постоянно встречаются • и художественные изделия работы греческих, нередко первоклассных, мастеров. Это наглядно свидетельствует о тесных связях племенной знати с греческими городами-колониями. С другой стороны, роскошные погребения племенных вождей — «царей», как их называют греческие писатели,—и племенной знати составляют резкий контраст с рядовыми скифскими погребениями, частолишёнными почти всякого инвентаря. Процесс социально-имущественного расслоения в скифском обществе зашёл уже довольно далеко. Свою роль в этом сыграли и торговля с греками и постоянные военные столкновения между племенами, которые сопровождались захватом военной добычи и пленных. Однако последние, по-видимому, большею частью перепродавались при посредничестве греческих купцов за пределы страны. О рабах родом из Скифии упоминают и греческие писатели и надписи в городах Балканской Греции. В самой Скифии труд несвободных находил лишь ограни-

ченное применение — преимущественно в хозяйстве кочевников — и рабство имело ещё патриархальную форму. В общественном производстве ведущая роль принадлежала свободному человеку. В Скифии времени Геродота классовое общество и государство ещё не сложились, но устои древнего родоплеменного строя в рассматриваемое время уже были значительно поколеблены. Энгельс подчёркивает, что родовая организация дальше племени не пошла и союз племён означает уже начало её подрыва [1]. Между тем среди скифских племён, несомненно, уже назревала потребность в объединениях более широкого характера. Завоевательные вторжения скифов в Малую и Переднюю Азию и их победоносная борьба с персидскими войсками Дария были бы немыслимы при отсутствии крупных племенных объединений. Следует, однако, решительно отвергнуть мнения тех буржуазных учёных, которые эти племенные объединения скифов наделяют чертами чуть ли не государств феодального времени и представляют их в виде мощной «Скифской державы», якобы возникшей в Северном Причерноморье ещё в VII в. до н. э. Объединения скифских племён, как и другие племенные союзы этой эпохи, отличались непрочностью и изменчивостью своего состава, что, естественно, отражалось и на характере власти возглавлявших их вождей: эта власть, очевидно, нередко была лишь номинальной.



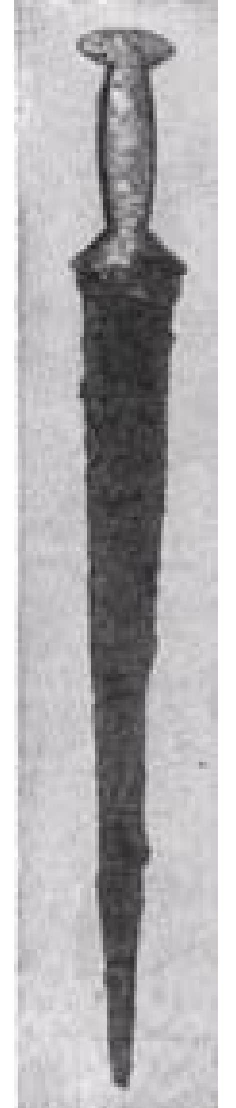
Золотой гребень из кургана Солоха с изображением сражающихся скифов.
Греческая работа конца V в. до н. э.

Объединения племён такого типа стали приобретать характер объединений государственных лишь во второй половине IV в. до н. э., когда в Северном Причерноморье возник большой племенной союз под главенством скифского царя Атея. В короткий срок Атею удалось подчинить своей власти ряд соседних фракийских племён и города западно-понтийских греков. Но объединение Атея просуществовало очень недолго: после того, как Атей был наголову разбит войсками Филиппа II Македонского, оно сразу же распалось. В конце III в. до н. э. возникает более прочное объединение скифских племён с центром в Крыму.

Вопрос об этническом происхождении и языке скифов очень сложен. Геродот с полной определённостью пишет, что все скифы говорили на одном, очевидно, общем для всех племён языке. Однако у скифов не существовало своей

[1] См. *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 100.

письменности. Поэтому единственным источником сведений об их языке являются произведения античных писателей и надписи античной эпохи. До нашего времени дошли в греческой и латинской транскрипции главным образом названия скифских племен, имена божеств, личные имена, топонимические наименования. Истолкование этих скудных фрагментарных данных вызвало существенные разногласия. В конце XIX — начале XX в. был высказан целый ряд взаимно исключающих друг друга предположений о монгольском, славянском и иранском происхождении скифов. В настоящее время разработка этого вопроса значительно двинулась вперед, и среди учёных преобладает взгляд о принадлежности скифского языка к так называемой североиранской группе языков.



Скифский железный меч с рукояткой в золотой оправе из Чертомлыцкого кургана. IV в. до н. э.

Существующие в современной науке представления о культуре скифов основаны как на свидетельствах античных писателей, так и на непосредственных памятниках этой культуры: скифских городищах и курганах, разбросанных по всему югу нашей страны, многочисленных находках скифской керамики разнообразных форм и видов, изделий из бронзы, железа и драгоценных металлов, оружия—наконечников скифских стрел и копий, скифских железных мечей — *акинаков* и т. д. Вещи скифского типа получили распространение не только на территории самой Скифии, их находят и далеко за ее пределами, например на Кавказе, в Сибири и даже в Передней Азии. Сильное влияние скифской культуры испытало на себе в V в. до н. э. население лесостепной полосы Восточной Европы, а южнее — население Фракии.

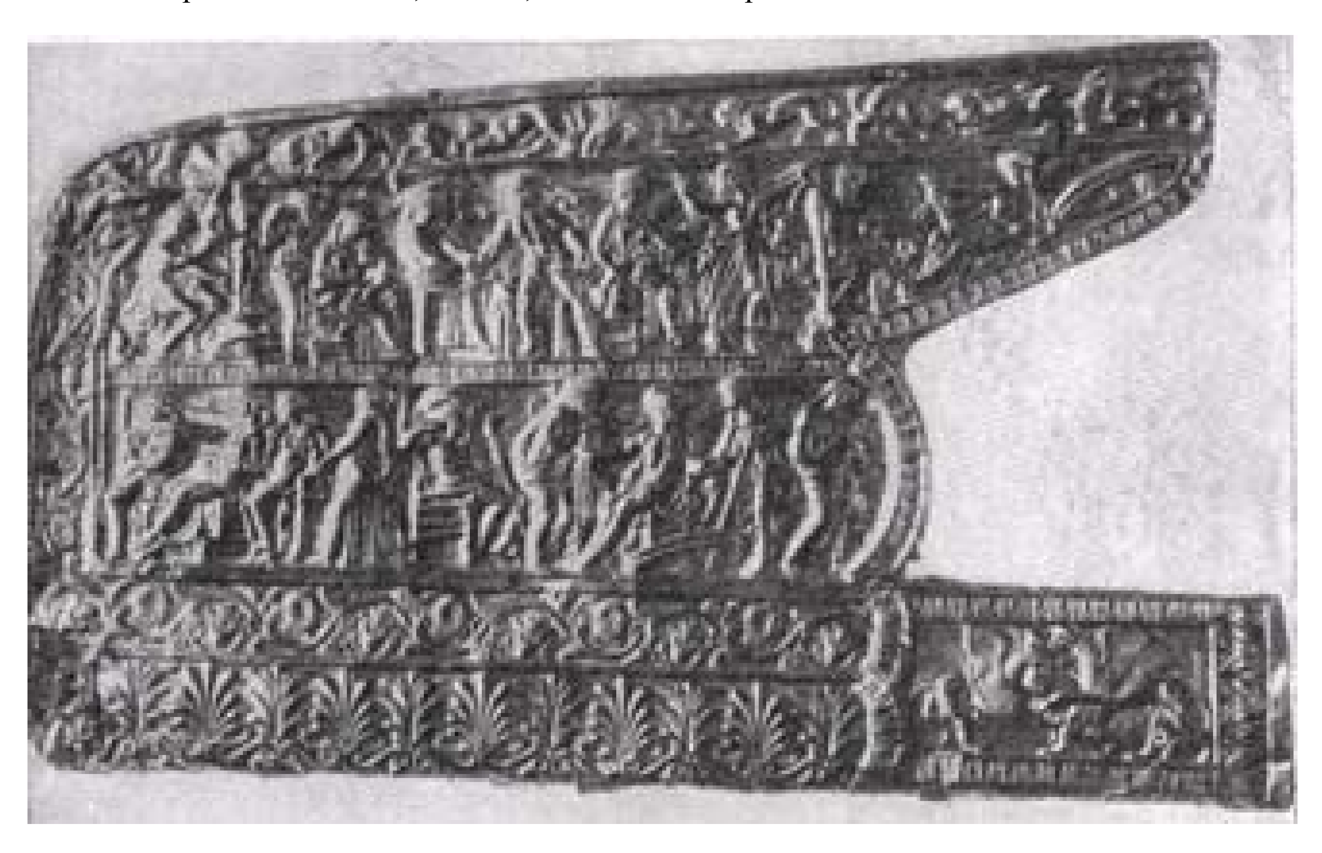
Внешний вид и одежда скифов известны главным образом по их изображениям на золотых и серебряных сосудах и других художественных изделиях, преимущественно греческой работы, найденных в таких всемирно известных курганах, как Куль-Оба (Керчь), Чертомлыцкий, Солоха (Нижний Днепр) и ряд других. В своих произведениях на скифские сюжеты греческие мастера-художники с поразительным реализмом дали образы скифов в мирном и военном быту. Сражались скифы преимущественно на конях, хотя в дальнейшем, по мере роста оседлости, появляется и скифская пехота. Геродот даёт очень подробное и живое описание военных обычаев скифов, но, может быть, несколько преувеличивает их воинственность.

От Геродота же в основном известна и религия скифов. Характерные её черты — отсутствие храмов и особой касты жрецов, отсутствие антропоморфных изображений богов. Олицетворением, например, наиболее почитаемого у скифов бога войны был воткнутый в землю железный меч, перед которым приносились жертвы. Характер погребального ритуала свидетельствует о том, что у скифов существовала вера в загробную жизнь. Попытка Геродота, перечисляющего по именам скифские божества, перевести их на язык греческого пантеона не может быть признана удачной. Видимо, религия скифов была настолько своеобразна, что не могла найти себе прямых параллелей в религиозных представлениях греков.

Ещё большее своеобразие скифской культуры раскрывается в так называемом скифском зверином стиле. Изображения зверей на вещах, выполненных в этом стилет чаще всего трактуются не в положении покоя, а в напряжённой борьбе или движении: сплетённые в борьбе тела, оскаленные зубы и т. д. Вещи, выполненные в различных вариантах звериного стиля, встречаются не только в Северном Причерноморье, их находят также в погребениях лесостепной полосы Восточной Европы,

на территории большей части Сибири, особенно Западной Сибири. Существенно отметить, что вещи в зверином стиле изготовляли не только местные, но и греческие и восточные мастера, ориентировавшиеся на вкусы скифов.

На скифской культуре, безусловно, сказалось влияние близкого соседства и постоянного общения с греками. Было бы, однако, ошибочным переоценивать это



Золотая обкладка налучья из Чертомлыцкого кургана.
Греческая работа IV в. до н. э.

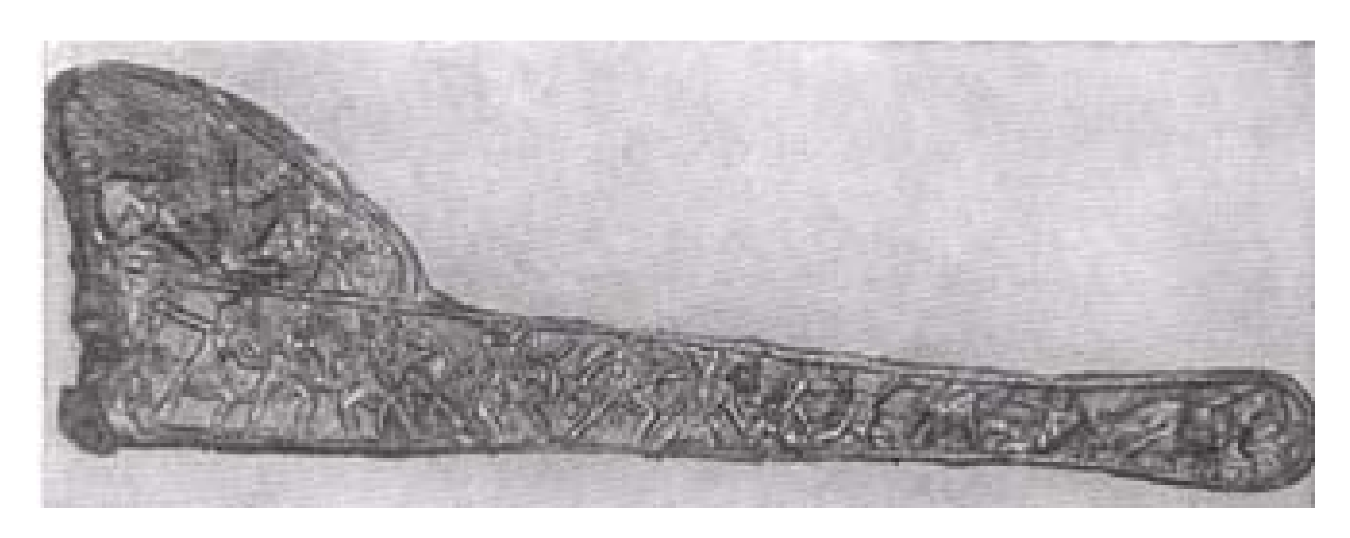
влияние. Оно коснулось главным образом скифской знати, теснее других слоев скифского общества связанной торговыми узами с прибрежными городами-колониями. Племена, жившие в непосредственной близости к этим городам, также испытали на себе более заметное воздействие греческого культурного уклада, чем племена, населявшие отдалённые от них территории. Следует также подчеркнуть, что и сами греческие поселенцы оказались под заметным воздействием местной культуры. Явления ассимиляции и синкретизма весьма характерны для исторической жизни северочерноморских городов-колоний.

Сарматы (савроматы) и меоты

Территория, населённая скифами, согласно Геродоту, простиралась на востоке только до Дона. За Доном, в нижневолжских и приуральских степях, жили уже не скифы, а родственные им, близкие по культуре и языку кочевые скотоводческие племена савроматов, или сарматов, как их стали называть позже. Соседями савроматов с юга были племена, называемые собирательным именем меотов. Они населяли территорию вдоль восточного берега Азовского моря, а также Таманский полуостров и часть Прикубанья.

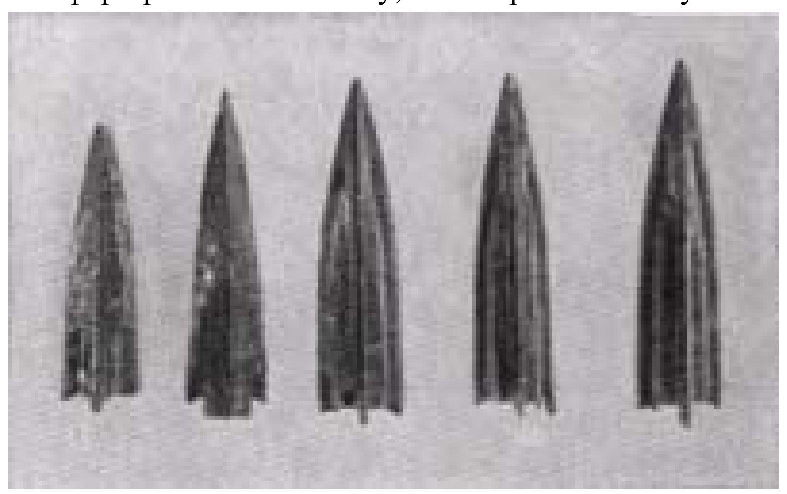
Все античные писатели в своих рассказах о савроматах единодушно отмечают необычное положение у них женщин. Геродот приводит древнее сказание о проис-

хождении савроматов от мифических амазонок, вступивших в браки со скифскими юношами. Этим он объясняет обычаи савроматских женщин ездить верхом, носить мужскую одежду, участвовать в войнах и т. п. Уже упоминавшийся автор приписываемого Гиппократу медицинского трактата пишет, что савроматки «...остаются в девушках, пока не убьют троих врагов», а греческий историк IV в. до н. э.



Золотая обкладка ножен меча из Чертомлыцкого кургана.
Греческая работа IV в. до н. э.

Эфор прибавляет к этому, что савроматские мужчины «повинуются во всём своим женам, как госпожам». Это прочно вошедшее в античную этнографическую традицию представление об особой роли женщин у савроматов, несомненно, имеет под собой реальную историческую почву.

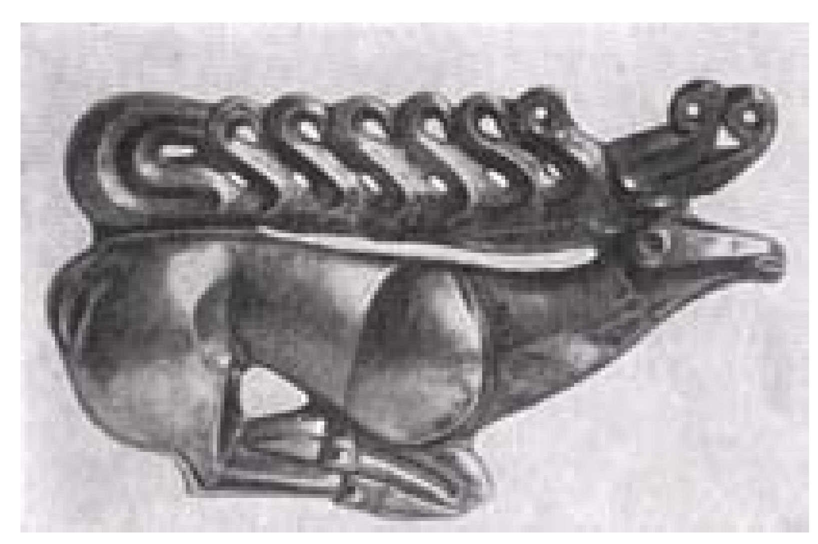


Бронзовые наконечники стрел
из Чертомлыцкого кургана.
IV в. до н. э.

На территории савроматов были обнаружены комплексы погребений, центральное место в которых занимают погребения женщин. Они выделяются подчёркнутой торжественностью погребального обряда. Наряду с обычными для погребального инвентаря вещами в них находят оружие и каменные блюда культового назначения, следы человеческих и конских жертвоприношений, свидетельствующие о том, что погребенные женщины были не только родоначальницами и воинами, но и жрицами. Только постепенно в савроматском погребальном обряде мужчины-воины становятся в один ряд с женщинами, чтобы в дальнейшем оттеснить их на второй план. У савроматов, таким образом, дольше, чем у других северочерноморских племён, сохраняли своё значение пережитки матриархата.

Материальная культура савроматов в том виде, в каком она перед нами вырисовывается на основании до сих пор известного археологического материала, весьма

близка к скифской. Так, например, мечи и кинжалы савроматов VI—IV вв. до н. э. по своему типу очень напоминают скифские. То же можно сказать о конском наборе, о вещах, выполненных в зверином стиле, и т. д. Однако на территории савроматов значительно меньше, чему скифов, найдено вещей иноземного—иранского и греческого—происхождения. Это вполне согласуется с показаниями некоторых античных писателей. Географ I в. до н. э. Страбон, например, сообщает, что и в его время сарматы не пропускали к себе греческих купцов, а сами, надо думать, вели торговлю в ограниченных размерах с рабовладельческим миром через Танаис—боспорскую колонию, находившуюся на самой окраине Боспорского царства, у устья Дона. Таким образом, торговля в меньшей степени оказывала своё воздействие на социальный строй сарматов. Кочуя со своими стадами по малодоступным для жителей тогдашнего цивилизованного мира степным пространствам, они гораздо дольше, чем другие племена, могли сохранять пережитки древнего матриархального строя.



Скачущий олень.
Золотая пластинка из кургана в станице Костромской (Кубань). VI в. до н. э.

Меотийские племена — некоторые из них благодаря античным писателям и боспорским надписям известны по именам — частью были оседлыми и занимались земледелием, частью поли жизнь кочевников-скотоводов. Меотийские племена, жившие на Таманском полуострове и в прилегающем к нижнему течению Кубани районе, издавна находились (в отличие от сарматов) под влиянием греческих городов-колоний и Боспорского царства. Многие из этих племён в IV в. до н. э. вошли в состав Боспорского царства.

Большее, чем другие племена, влияние греческих городов испытали на себе синды. Они жили на территории, простиравшейся от Таманского полуострова до современного Новороссийска, которая по их имени получила название Синдики. Синды раньше других вступили в оживленные торговые сношения с боспорскими греками, которым они продавали зерно и другие продукты сельского хозяйства. В V в. до н. э. у синдов появляется своя монета, чеканившаяся по греческим образцам. Управлявшие синдами племенные династы, как, например, Горгипп, носили греческие имена. Синдская знать, извлекавшая из торговли с греками главные выгоды, была заинтересована в ещё более тесном сближении с ними. Это объясняет, почему синды первыми из местных племён, и, может быть, добровольно, вступили в состав Боспорского государства. С тех пор в надписях, перечисляющих владения боспорских царей, имя синдов стало неизменно занимать первое место.

Племена, более удалённые от побережья и главных центров боспорского ремесла и торговли, естественно, были вовлечены в неё в меньшей мере, чем синды. Но и здесь с конца V в. и особенно в IV в. до н. э. значительная часть прежде кочевого населения Прикубанья переходит к оседлому земледелию. Благодаря исключительному плодородию почвы здесь выращивались и снимались богатые урожаи пшеницы, ячменя, проса и других злаков. Интересно отметить, что уже тогда на Кубани культивировалась так называемая «мягкая пшеница» — родоначаль-

ница современных сортов, до сих пор возделываемых на Северном Кавказе. Хлеб производился для продажи на вывоз. Об этом свидетельствуют данные о величине боспорского хлебного экспорта в IV в. и находки боспорских монет при исследовании многочисленных местных городищ.

Скотоводческое хозяйство кочевой части населения достигло здесь значительного развития уже в конце VI и начале V в. до н. э. О величине принадлежащих кочевникам стад и табунов наглядно свидетельствуют большие кубанские курганы со следами массового ритуального умерщвления лошадей. Известны случаи, когда при раскопках таких курганов находили по несколько сотен конских скелетов, расположенных в определённом порядке у коновязей. Такой обычай и изобилие драгоценных вещей в кубанских курганах дают ясное представление о величине тех богатств, какие сосредоточивались в руках местной племенной знати. В этом отношении она не уступала скифской.

3. Племена и народности Кавказа (VI—IV вв. до н. э.)

К югу от области, населённой местами, по восточному побережью Чёрного моря и во внутренних областях Северного Кавказа жили многочисленные мелкие племена. Население этих областей, кочевое на равнинах, полу оседлое и связанное с яйлажным скотоводством в предгорьях, жило по-прежнему первобытно-общинным строем и сохраняло в своей культуре значительные местные традиции, восходившие ещё к бронзовому веку, хотя и в соединении с многочисленными скифскими чертами. Первобытными во многих отношениях оставались и условия жизни племён, которые заселяли примыкавшую к этим областям часть побережья Чёрного моря и занимались в основном земледелием.

Эллинской колонизацией эта часть побережья не была затронута; греческих мореплавателей, купцов и колонистов отпугивали бурное море, гористый и покрытый дикими лесами берег, отсутствие удобных гаваней, враждебное отношение местных племён.

Более благоприятные условия для эллинской колонизации сложились южнее, в местах расселения колхов. Знакомство греков с Кавказом и Колхидой запечатлелось ещё в мифах, в частности в мифе о походе аргонавтов за золотым руном, хотя именно к Колхиде этот миф был приурочен, видимо, сравнительно поздно. В период эллинской колонизации, вероятно в VI в. до н. э., здесь возникли милетские колонии Фасис (современный Поти), Диоскуриада (к югу от Сухуми) и несколько позже Питиунт (грузинская Бичвинта). Греческие поселенцы завязали торговлю с местным населением. Отсюда они вывозили строевой лес, лён и льняные ткани, меха, кожу, золото и рабов, сюда же ввозили украшения, керамику, оливковое масло и др.

Западное Закавказье

На территории Западного Закавказья в I тысячелетии до н. э. формируются племенные союзы, на основе которых постепенно складываются народности и древнейшие государства. По своему происхождению жившие здесь картвельские племена были связаны с древнейшим населением Закавказья и, возможно, представляли собой автохтонное население.

Археологические исследования советских учёных дают возможность установить в Закавказье непрерывную преемственность культур от каменного века до периода поздней бронзы.

В VI в. на территории Западного Закавказья ведущую роль играли две этнические группы картвельских племён—колхи и саспейры. Колхи жили в долине Фасиса (Риони), а также по южному берегу Понта Эвксинского вплоть до Трапезунта. Саспейры жили в верховьях реки Чороха. Население Восточной Грузии,

жившее по среднему течению Куры, в более поздних источниках именуется иберами. Каковы исторические связи между терминами «саспейры» и «иберы» — вопрос дискуссионный. Закавказские иберы впервые определённо упоминаются у Страбона; Платон и Аристотель, говоря об иберах, разумеют, видимо, жителей Испании.

Определённую роль в этногенезе восточных грузин сыграло также картвельское племя мосхов («мушки» в древневосточных источниках), жившее в период ассирийских завоеваний в восточных частях Малой Азии, а позднее передвинувшееся в глубь Закавказья. Мосхи осели в юго-западных частях Грузии, где их знают античные источники (к югу от Фасиса) и где они продолжали жить ещё в средние века (мосхи). Они проникли, видимо, и в долину среднего течения Куры: на это указывает название Мцхеты, которое сопоставляется с племенным наименованием мосхов.

Колхидская серебряная монета V в. до н. э.
(Увеличено.)

В процессе обособления картов (самоназвание восточных грузин) и иберов от других западно-картвельских племён уже намечается то деление Грузии на Западную и Восточную, Эгриси и артли, которое существует потом на протяжении всей древней истории. В археологическом отношении это различие между Западной и Восточной Грузией заметно уже на рубеже II—I тысячелетий до н. э. На территории Восточной Грузии складывается грузинский язык, ставший позднее языком грузинской литературы, на территории Западной Грузии — языки мегрело-чанский и сванский.

В VI—IV вв. до н. э. развитие производительных сил в Западном Закавказье достигло уже сравнительно высокого уровня. Разработка железа в Раче (Западная Грузия), где целый район назывался Саркинети («Место железа»), восходит, вероятно, к глубокой древности. Жившие по соседству с колхами моссинойки и халибы славились как металлурги.

Различные по богатству погребения, обнаруженные археологическими раскопками в Колхиде, свидетельствуют о существовании имущественного неравенства. На наличие имущественного неравенства указывает также ввоз предметов роскоши из Эллады (черно-лаковая керамика, вино, масло). На территорию Западной Грузии в VI в. до н. э. проникает греческая монета. В связи с развитием ремесла и торговли возникает различие между сельскими и городскими поселениями, представление о которых дают раскопки в Дабла-Гоми и Вани.

Торговля с эллинскими колониями, в которой важнейшее значение имел вывоз рабов, также, несомненно, способствовала развитию классовых отношений. Рабы-колхи неоднократно упоминаются в греческих надписях. Развитие рабовладения породило охоту за людьми и способствовало обострению военных столкновений между отдельными племенами.

О развитии классовых отношений в Колхиде этого времени свидетельствует и факт широкого распространения здесь монеты, в том числе и мелкой. Это так называемые колхидки— серебряные монеты, появившиеся в VI в. до н. э. Эти монеты были найдены почти исключительно на территории Западной Грузии, встречаются они и вне этой территории, хотя крайне редко. Основным периодом обращения колхидок считают VI—III вв. до н. э., отчасти—два последующих столетия. По вопросу о происхождении колхидок существуют разные точки зрения. Некоторые полагают, что они принадлежат местным правителям Колхиды, другие считают, что колхидки чеканились эллинской колонией Фасис.

Многочисленность колхидок (их известно несколько тысяч) и их относительна широкое распространение не только в прибрежной полосе, но и во внутренних районах Колхиды, указывают, независимо от их происхождения, на значительнее развитие в стране товарных отношений и на далеко зашедшее разложение первобытно-общинного строя.

Вопрос о времени возникновения государства у колхов трактуется учёными различно. Одни исследователи полагают, что в VI—IV вв. государство в Колхиде уже существовало. Они считают, что термин «Колхида» у греческих авторов и ещё ранее — в урартских источниках («Кулха») обозначает определённое политическое образование и что данные археологии позволяют применительно к VI—IV вв. говорить о наличии государства у колхов. Другие исследователи полностью отрицают наличие государства в Колхиде в рассматриваемый период и допускают возникновение его лишь в III в. до н. э.

Золотые подвески головного убора
из Ахал-горийского клада.
Середина I тысячелетия до н. э.

Южные картвельские племена отставали в своём развитии от племён Колхиды. В VII в. до н. э. возникает значительное объединение племён во главе с саспейрами. Создание собственной государственности тормозилось здесь иноземным завоеванием. Если зависимость колхов от государства Ахеменидов ограничивалась дарами и службой в царском войске, то южные картвельские племена были по-настоящему включены в состав Персидской державы и испытали на себе все тяготы порабощения.

В отличие от южных картвельских племён население Восточной Грузии находилось лишь в слабой зависимости от Ахеменидов и не подвергалось систематической эксплуатации со стороны персидских царей. На территории Восточной Грузии шёл процесс разложения первобытно-общинного строя. Здесь получает значительное развитие металлургия. В Самтаврском могильнике железные вещи появляются уже в слое X—VII вв. Они в основном повторяют форму местных бронзовых изделий, что указывает на их местное происхождение. Самтаврский и Ахал-горийский (у селения Ахал-Гори в ущелье реки Ксани) могильники отчётливо выявляют различие между бедными и богатыми погребениями. О высоком развитии культуры свидетельствуют драгоценные украшения высокохудожественной работы из Ахал-горийского клада. Из предметов этого клада особенно замечательны золотые подвески головного убора.

Рост имущественного неравенства и углубление процесса классообразования привели к возникновению на рубеже IV—III вв. раннерабовладельческого Иберского государства. Грузинская летопись «Обращение Картли», составленная, видимо, в VII в. н. э. и окончательно отредактированная в VIII—IX вв., связывает образо-

вание Картлийского царства с македонским завоеванием. Известия эти во многом легендарны (в частности, Александр Македонский никогда не был в Закавказье), но они, видимо, содержат историческое ядро: можно, например, с доверием отнестись к датировке возникновения Картлийского (Иберского) царства.

О древних верованиях картвельских племён приходится судить, главным образом, по весьма поздним пережиткам. Как и другие первобытные племена, древние картвелы представляли себе вето природу одушевлённой. Весь мир — горы, ущелья, поля, деревья, дома — был населён богами и духами. Особенным почитанием пользовались небесные светила, в первую очередь Солнце, Луна и планеты. Так как религия картвелов сформировалась ещё в то время, когда у них господствовал матриархат, то большую роль играли в ней женские божества. Солнце, почитавшееся более других светил, считалось, например, не богом, а богиней. Культ этой богини был связан с земледелием. Верховным мужским божеством был бог Луны. Со времени возникновения державы Ахеменидов значительное влияние на верования картвелов начали оказывать иранские культы. До XX в. в Грузии сохранились сказания о гиганте Амиране, прикованном железными цепями в горах. Это сказание, восходящее к глубокой древности, возможно, связано с эллинским мифом о Прометее, прикованном к скале в горах Кавказа.

Восточное Закавказье

Население Восточного Закавказья находилось в стороне от важнейших центров рабовладельческой цивилизации, мало с ними было связано и поэтому по сравнению с картвельскими племенами жило более примитивной жизнью. Преобладающей формой хозяйства здесь было кочевое скотоводство. Наряду с мелким рогатым скотом разводились быки, зебу, лошади, верблюды. Степи Прикаспийской низменности привлекали всё новые и новые орды кочевников. Этим объясняется в значительной мере этническая пестрота древнего Азербайджана. Одним из наиболее значительных местных племён были албаны, жившие по левому берегу Аракса, на территории нынешних Карабаха и Мильской степи. От них Северный Азербайджан и получил своё древнее наименование «Албания».

В VI—IV вв. территория Восточного Закавказья оставалась независимой, ни одна из держав древнего Востока не оказалась в состоянии распространить свою завоевательную деятельность так далеко на север. Правда, некоторые из племён Южного Азербайджана вошли в состав Мидийской державы, но основная территория Восточного Закавказья осталась за её пределами. Что касается северо-азербайджанских племён, то они соприкасались с державой Ахеменидов лишь эпизодически: албаны как наёмники сражались в войсках Дария III при Гавгамелах.

Армения в составе державы Ахеменидов

Население Южного Закавказья — армяне—по своему происхождению связано с древним индоевропейским населением Малой Азии и Армянского нагорья. Предками армян, называвших себя хайями, были обитатели страны Хайаса, известной из хеттской клинописи. Эта страна была расположена в долине Верхнего Евфрата и к востоку от нее. Независимая от Урарту Хайаса особенно усиливается в VIII—VII вв. Этническое наименование «армяне» ведёт своё происхождение от племён арме, живших к югу от Армянского Тавра. Впервые название «Армения» («Армина») встречается в Бехистунской надписи Дария I. В период упадка государства Урарту и позже хайи-армяне проникли в глубь Армянского нагорья и ассимилировали урартские племена.

На рубеже VII и VI вв. мидяне разрушили государство Урарту и подчинили себе все земли к западу от него вплоть до реки Галиса. Несмотря на ожесточённую борьбу, воспоминания о которой сохранились у Ксенофонта и в армянском эпосе, армянам не удалось полностью освободиться от мидийского владычества. В середине VI в. мидян сменяют персы. После смерти Камбиса Армения ещё раз попыталась свергнуть чужеземное иго, но и на этот раз её сопротивление было сломлено.

Известную роль в этом сыграл, по-видимому, частичный переход армянской знати на сторону персов: характерно, что против восставших армян Дарий посылает их знатного соотечественника Дадаршиша. С этого времени Армения прочно вошла в состав державы Ахеменидов.

Некоторые сведения о быте и общественном устройстве армян даёт «Анабасис» Ксенофонта. Армяне занимались земледелием и скотоводством, пользовались железными сельскохозяйственными орудиями, разводили сады и виноградники. Особенно высоко было развито у армян скотоводство; часть дани Ахеменидам они уплачивали конями. Наряду с земледельцами, занимавшими плодородные равнины, среди армян существовали и пастушеские племена, жившие в горах. Экономика Армении долгое время зиждилась в основном на натуральном хозяйстве. Существенное значение в ее дальнейшем развитии имело то обстоятельство, что через территорию армян шла так называемая «царская дорога» — важнейшая артерия караванной торговли. Местная торговля находилась почти полностью в руках чужеземцев — вавилонян и арамеев.

Основной единицей общественной организации армян была родовая община *(тун),* делившаяся на большие патриархальные семьи *(ерд)* и управлявшаяся *танутером.* Род коллективно владел средствами производства: у земледельцев это была земля, у скотоводов — земля и скот. По мере разложения в Армении первобытно-общинных отношений из общей массы населения выделялась аристократия, «почётнейшие армяне». Родоначальники и вожди племён создавали вокруг себя дружины и совершали с ними походы, обогащавшие и их самих и дружинников. Непрестанные военные столкновения способствовали росту рабовладения, причём в качестве рабовладельцев выступали, в первую очередь, вожди и дружинники. Племенные вожди стали захватывать незанятые участки земли в индивидуальную собственность *(агарак)* и эксплуатировали в своих хозяйствах труд военнопленных. Агараки служили, главным образом, удовлетворению нужд владельцев, но кое-что начинает производиться и на продажу: из Армении, в частности, вывозилось вино.

Таким образом, Армения VI—IV вв. стояла на пороге создания собственного государства, чему препятствовало, однако, иноземное владычество. В то же время персидское господство, обременявшее народ помимо дани также и «царскими работами» и углублявшее тем самым пропасть между народом и знатью, способствовало классовому расслоению армянского общества.

В ахеменидский период оформляется древняя религия армян. Наряду с издавна существовавшим культом предков складывается обширный пантеон богов. Помимо Хайка, считавшегося прародителем народа, армяне чтили умирающего и воскресающего бога природы Ара и богиню плодородия Астлик, бога войны Торк Ангела, богиню воды и дождя Нарини, или Цовинар. Кроме того, вся природа населялась множеством добрых и злых духов. В этот, а отчасти и в предшествующий период закладываются основы армянского эпоса: если предания о борьбе Хайка с Бэлом, о походе ассирийской царицы Шамирам против Ара Прекрасного восходят своими историческими корнями ещё к войнам Урарту с Ассирией, то эпические сказания о борьбе армянских царей Ерванда и Тиграна с Астиагом и Киром сложились, разумеется, не раньше VI в. до н. э.

4. Племена Средней и Северо-Восточной Европы (VI—I вв. до н. э.)

История многочисленных племён, обитавших к северу от фракийцев, скифов и сарматов, т. е. на территории современной Средней и Северо-Восточной Европы, известна древним писателям очень мало. Из ранних греческих авторов только Геродот упоминает о населении этих стран. Перечисляемые им племена — невры, андрофаги, меланхлены, будины и другие — могут быть локализованы лишь приблизительно.

Однако многое из того, что рассказывает Геродот об этих племенах, верно отражает некоторые черты их жизни. Так, например, Геродот указывает на охоту как на важнейшее занятие обитателей лесной полосы Европы. Достоверен и его рассказ о Северном море (так называли в древности Северное и Балтийское моря), на берегах которого добывался янтарь. Вполне достоверны также некоторые сообщения Геродота, относящиеся к географии стран, расположенных далеко на северо-востоке. Наряду с этим в повествовании Геродота о населении этих стран встречаются и явные небылицы. К их числу, например, относится рассказ об аримаспах («одноглазых»), живших где-то, вероятно, в Западной Сибири и якобы отнимавших золото у грифов. Правда, сам Геродот сомневался в достоверности подобных басен.

Со времён Геродота в античной историографии долго не появлялось такого развёрнутого, как у него, описания стран Европы к северу от Истра. Некоторые, притом более точные, сведения доставляют древние писатели, начиная лишь с I в. н. э. Римский учёный Плиний Старший упоминает о венедах — населении областей к юго-востоку от Вислы. Историк Тацит называет не только венедов, но говорит об эстиях, фенах (финнах), причём указывает приблизительно, какие территории они занимали. Географ Птолемей также называет венедов в числе обитателей Сарматии. К сожалению, перечисленные авторы, за исключением Тацита, ограничиваются лишь кратким упоминанием названных племён и ничего не сообщают об их образе жизни.

При скудости письменных сведений важнейшее значение приобретают археологические источники, которые позволяют составить хотя бы общее представление о крупнейших племенных группах Средней и Северо-Восточной Европы. Сходство и различия между племенами, сказавшиеся в материальной культуре и погребальных обрядах, дают возможность наметить группы этнически родственных племён. Однако следует учесть, что одна и та же археологическая культура может принадлежать различным этническим группам и, наоборот, в пределах расселения одной и той же этнической группы можно встретить несколько локальных археологических культур. К тому же археологические источники, сравнительно полно отражающие состояние производительных сил и некоторые особенности быта и идеологии изучаемых племён, не могут служить единственной основой для восстановления общественного строя и истории этих племён.

Племена Средней и Северо-Восточной Европы находились в значительно менее благоприятных природных условиях, чем скифы, сарматы или тем более греки. Суровый климат, дремучие леса, местами непроходимые болота сильно осложняли жизнь обитавших там племён. Эти природные условия оказали некоторое, хотя, разумеется, не определяющее, влияние на историю племён Средней и Северо-Восточной Европы. Оно проявилось, например, в более медленном темпе развития производительных сил у этих племён.

Уровень развития производства у племён Европы в первой половине I тысячелетия до н. э. был различен: одни из них уже начали пользоваться железом, другие из металлов знали только бронзу, третьи пользовались каменными (неолитическими) и костяными орудиями. Решающую роль в истории этих племён, как и всего человечества, сыграло появление железа, которое значительно подняло производительность труда и тем самым создало предпосылки для перехода к более развитой системе общественных отношений.

Способ добывания средств к жизни сравнительно мало различался у племён, живших близко друг к другу. В то же время различия между крайними группами изучаемых племён довольно значительны: племена Средней Европы в основном занимались подсечным земледелием, по-видимому, приносившим большие урожаи, а также и скотоводством. В северо-восточных областях главным занятием населения были скотоводство и охота, а земледелие играло второстепенную роль. Ещё дальше на север

жили племена охотников и рыболовов, сравнительно мало развившие земледелие даже к концу I тысячелетия до н. э. Столь же существенные различия между племенами наблюдаются и в степени развития у них металлургии, ткачества, гончарного дела, обработки кости и дерева.

Весь обширный племенной мир Средней и Северо-Восточной Европы к началу I тысячелетия до н. э. жил в условиях первобытно-общинного строя. Племена обычно состояли из патриархальных родов. Судя по размерам и расположению посёлков, роды были многочисленны, а число их в каждом племени довольно значительно. Жившие в таких посёлках родовые общины состояли из отдельных семей, обитавших или в изолированных секциях больших домов, или же в отдельных жилищах. Но выделение семьи в обособленную экономическую единицу у большинства племён ещё не произошло, сродства производства оставались ещё родовой собственностью. Можно заметить выделение родовой аристократии только у некоторых из рассматриваемых племён (например, на востоке—в Прикамье, на западе—на территории Чехии).

Этническая карта Средней и Северо-восточной Европы в I тысячелетии до н. э. также может быть намечена лишь в самых общих чертах. На территории от бассейна Одера и Вислы до левобережья Среднего Днепра располагались древнеславянские племена, предки современных славянских народов. К северу от них, в бассейне Немана, жили балтийские племена, на востоке в значительной мере ассимилировавшие древнейшее финно-угорское население Юго-Восточной Прибалтики. Земли от междуречья Оки и Волги до берегов Ледовитого океана занимали финно-угорские племена.

Славянские племена

К северо-западу от скифов простирались обширные территории, заселённые ещё в глубокой древности. Однако античные авторы вплоть до середины I в. до н. э. ничего не сообщают об этих странах. Характерно, что Геродот, имевший некоторое представление о далёком Севере, а также о западных землях, населённых кельтами, пишет, что никто не может сказать ничего достоверного о стране, находящейся к северу от Фракии (т. е. севернее Дуная). Он даже склонен считать эти земли беспредельными и пустыми, хотя сам передаёт небольшой рассказ об одном из живших там племён. Ограниченность сведений Геродота об этих землях заставляет полагать, что греческий мир в то время почти не сталкивался непосредственно с обитателями Средней Европы и потому долгое время совсем их не знал.

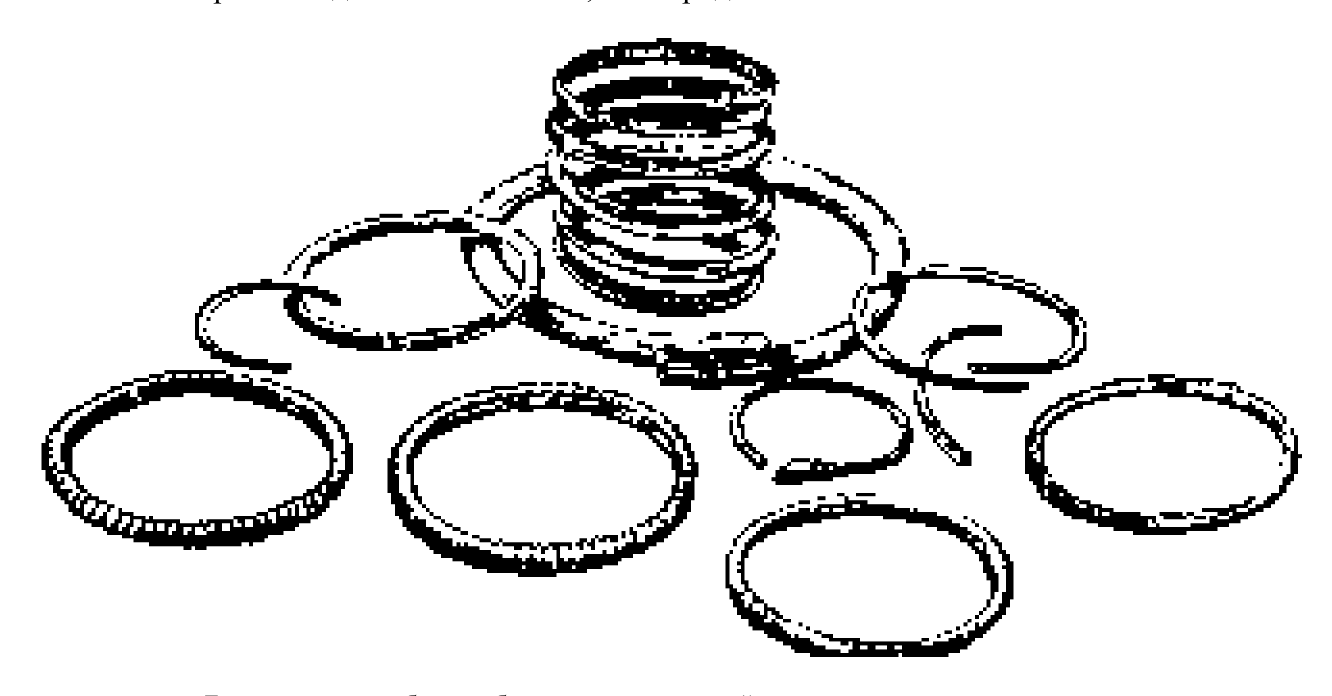
Между тем история племён, обитавших на этой территории, представляет для нас особый интерес, поскольку среди них находились и предки современных славянских народов. Археологи и лингвисты Польши, Чехословакии и Венгрии накопили обширный фактический материал, позволяющий осветить многие важные вопросы происхождения западной группы славянских народов. В советской исторической и археологической науке проблеме ранней истории славян уделяется большое внимание. Некоторые выводы нуждаются в проверке и уточнении, некоторые выводы останутся, может быть, лишь рабочей гипотезой, но в целом уже можно набросать общую картину истории славянских племён в I тысячелетии до н. э.

Славянские народности, как и ряд других, сложились из многих древних племён, не всегда родственных по происхождению. Однако ведущее место в формировании славянства занимали собственно славянские племена, творцы и носители славянского языка.

Одним из древнейших мест обитания славян (или протославян), как об этом говорят археологические источники и топонимика, а косвенно подтверждают языковые данные и позднейшие свидетельства письменных источников, является, по-видимому, бассейн верхнего и среднего течения Вислы и области к востоку от неё. Именно здесь, где в первые века нашей эры античные писатели помещают венедов, ещё в конце II тысячелетия и в I тысячелетии до н. э. жили земледельческо-скотоводче-

ские племена со своеобразной культурой, известной в археологии под названием лужицкой (или лужицких полей погребальных урн) [1].

Распространённая сначала на небольшой территории, в пределах верховьев Одера и Вислы, лужицкая культура охватывает в течение I тысячелетия широкие пространства Средней Европы от верховьев Дуная до Волыни и от берегов Балтийского моря до предгорий Карпат. Она не едина, но представлена многочисленными и многообразными вариантами, носителями которых были, по-видимому, различные славянские племена. Лужицкая культура включала и некоторые соседние со славянами, но не родственные им племена.



Бронзовые и серебряные браслеты из клада, найденного при раскопках городища
в деревне Горошков (Гомельская область).
V—IV вв. до н. э.

Исследованные археологами памятники лужицкой культуры первой половины I тысячелетия до н. э. представлены многочисленными могильниками, поселениями и находками отдельных вещей.

Могильники, расположенные, как правило, неподалёку от поселений, представляют собой обширные кладбища, лишённые курганных насыпей,— настоящие поля погребальных урн. Они насчитывают тысячи расположенных рядами погребений, что говорит о длительном их существовании. Могилы содержат трупосожжения, т. е. захоронения сожжённого праха покойников, с украшениями, большей частью бронзовыми, и с мелкими предметами домашнего обихода. Урны обычно накрыты камнями или обломками сосудов и окружены многочисленными сосудами для пищи и питья. Все они поставлены в глубокие ямы. Наряду с трупосожжениями встречаются и трупоположения, также обставленные сосудами.

Особое внимание привлекает керамика весьма разнообразных и выразительных форм. Гончарного круга древнеславянские племена в рассматриваемое время ещё не знали. Сделанная от руки керамическая посуда, предназначенная для хозяйства,— большие горшки, сосуды для хранения зерна, большие миски и т. д.— обычно была довольно грубой; значительно тоньше была глиняная лепная посуда, предназначенная для еды и питья. Вся она чёрного или тёмно-коричневого цвета, с

[1] О лужицкой культуре см. «Всемирная история», т. I, стр. 451—454 и 464—465.

блестящей лощёной поверхностью, часто украшена врезным геометрическим орнаментом, заполненным белой краской. Формы сосудов весьма разнообразны: наряду с простыми мисками и кувшинами встречаются фигурные сосуды с изображением зверей и птиц. Население бассейна Нижней Вислы, например, изготовляло очень своеобразные погребальные урны с изображением человеческой головы. Уши, глаза и рот обозначались при лепке корпуса урны, а вылепленный отдельно нос приделывался к сосуду. Крышки таких сосудов делали в форме шапки или шляпы с полями.

Большой интерес для составления общей картины развития производства и социальных отношений древнеславянских племён представляет изучение их поселений. Как показали исследования, крупные родовые посёлки создателей лужицкой культуры располагались довольно близко, иногда на расстоянии 10—15 *км* одно от другого. Некоторые из них были открытыми селищами, некоторые—укреплёнными поселениями. Часто эти поселения устраивали на берегах рок и озёр таким образом, чтобы как можно выгодное использовать естественные условия защиты. Жилища внутри поселений располагались иногда по кругу, вдоль вала, иногда разбросано по всей площадке без всякого порядка. При раскопках на поселениях находят многочисленные обломки посуды, мотыги, железные серпы, топоры, каменные зернотёрки, зерно различных злаков; особенно многочисленны кости домашних животных, мелкие орудия труда, в том числе глиняные пряслица от веретен.

Наиболее хорошо исследован родовой посёлок на Бискупинском озере близ Познани. Бискупинское поселение, расположенное на мысу, выдававшемся в озеро, существовало в период между 700 и 400 г. до н. э. Весь посёлок был огорожен оборонительной стеной, выстроенной из трёх рядов деревянных срубов, заполненных плотно утрамбованной глиной и землёй. Редкая сохранность остатков домов ут к т

ножи, серпы, кольца и т. п. Глиняная посуда жителей Бискупинского поселения покрыта чёрной графитовой краской. Орнамент здесь такой же, как и на всей керамике лужицкой культуры: геометрические узоры (например, заштрихованные треугольники), стилизованные изображения людей и животных. Гораздо живее выглядят глиняные фигурки птиц, которые были найдены среди детских игрушек в Бискупине. Некоторые из найденных предметов свидетельствуют о торговых сношениях жителей этого поселения с причерноморскими племенами.

Остатки оборонительных стен Бискупинского поселения (Польша). VII—V вв. до н. э.

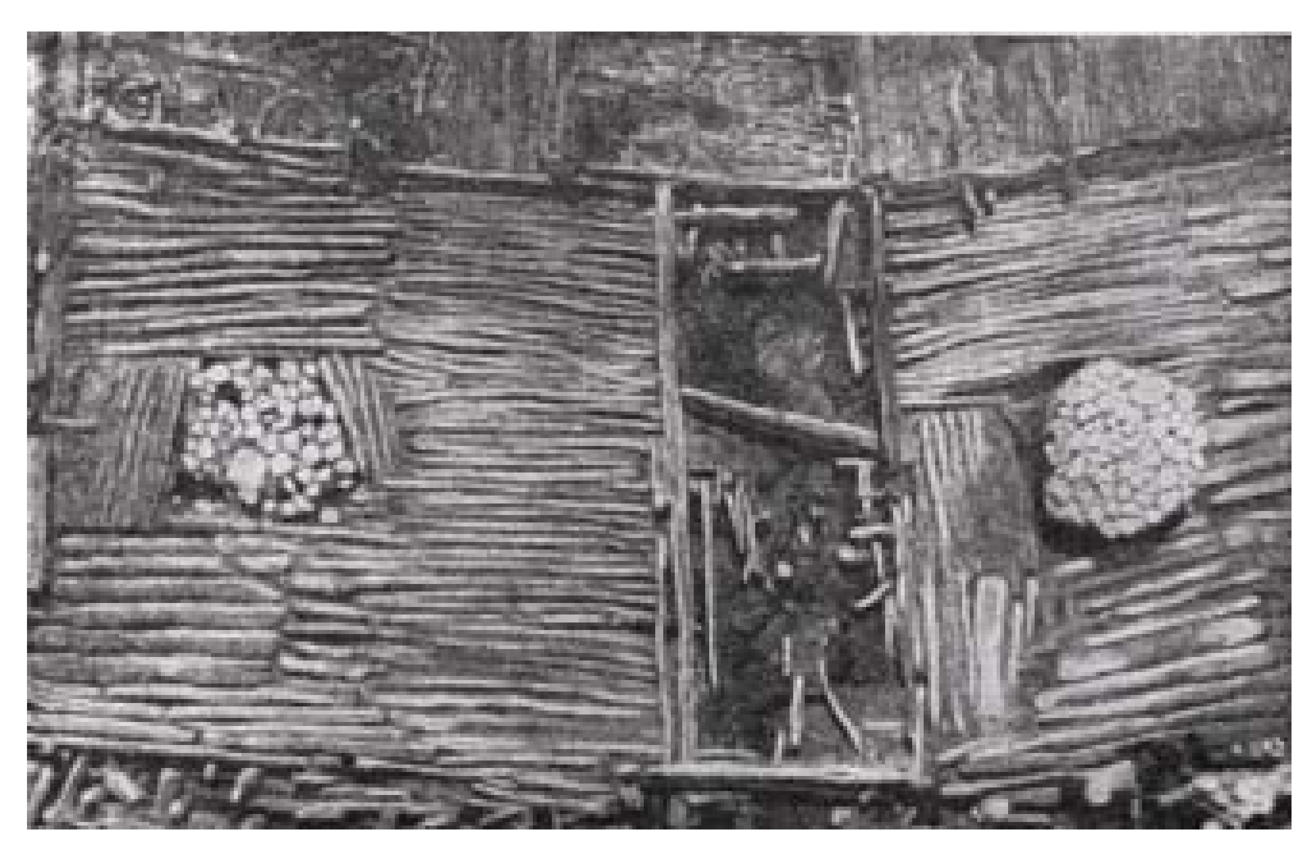
Приведённые археологические данные позволяют заключить, что основным занятием славянских племён в I тысячелетии до н. э. было земледелие, в основных лесных районах подсечное, несколько южнее, возможно, переложное. В хозяйстве имелись те же виды домашних животных, что и в более позднее время, — крупный и мелкий рогатый скот и свиньи. Охота и рыболовство играли меньшую роль. Вероятно, было развито, как и позднее, бортничество, но прямые указания на это в археологическом материале отсутствуют.

В первой половине I тысячелетия до н. э. у древнеславянских племён на смену бронзовым орудиям приходят железные. Быстрому распространению железных орудий способствовало наличие железной руды в различных местностях Средней Европы. Однако твёрдые хронологические границы между периодом бронзы и периодом железа установить довольно трудно, поскольку процесс перехода от бронзы к железу продолжался несколько столетий. Со второй половины I тысячелетия до н. э. железо уже полностью господствовало в производстве.

Жившие среди лесов древнеславянские племена достигли большого искусства в деревообделочных ремёслах. В их быту дерево играло огромную роль. Из дерева строились дома, мостовые улиц, укрепления, лодки и т. п. Другие ремёсла, напри-

мер обработка кости и рога, также были распространены среди славянских племен.

Как показывает изучение поселений и могильников, у древнеславянских племён ещё в полной мере сохранялся первобытно-общинный строй. Могильники их являются родовыми кладбищами, в которых не наблюдается следов имущественной дифференциации. Поселения представляли собой крупные родовые посёлки, в которых обитали патриархальные семьи, включавшие несколько поколений. Значительные размеры и единообразная планировка жилых помещений показывают, что каждое из них было рассчитано на отдельную большую семью. Отсутствие больших сараев или загонов для скота позволяет думать, что семья владела



Остатки жилищ Бискупинского поселения: настил пола с каменными очагами.
VII—V вв. до н. э.

только мелкими орудиями производства, основная же масса средств производства составляла общую родовую собственность. Только там, где древнеславянские племена вошли в связь с более развитыми в социальном отношении племенами кельтов, фракийцев и скифов, только в этих окраинных областях славянского мира к концу I тысячелетия до н. э. появляется имущественное неравенство среди населения.

Древнеславянские племена распространились если не в начале, то в середине I тысячелетия до н. э. и на восток, в бассейн Припяти и до Днепра.

Открытым остаётся вопрос об упоминаемых Геродотом неврах. Большинство исследователей, как лингвистов, так и археологов, видит в них древних славян, но какой археологической культурой они представлены — пока неизвестно.

На востоке жители бассейна Десны в VII—VI вв. устраивали свои поселения на труднодоступных мысах высоких берегов и укрепляли их рвами и валами,

Даже в настоящее время высота некоторых валов достигает 5 *м* от уровня дна рва. Сверху по валу строили деревянные изгороди из тонких брёвен, жердей *и* т. д. Каждое такое укреплённое поселение принадлежало обычно небольшой родовой общине. Внутри укреплений найдены остатки домов. Как показали работы археологов, в родовых посёлках Верхнего Поднепровья в IV—I вв. до н. э. уже не строили общих домов, сравнительно небольшие отдельные дома располагались на некотором расстоянии друг от друга. Форма жилищ почти прямоугольная, внутри домов обычно находится очаг, сложенный из камней. Обособление отдельной семьи у восточнославянских племён сопровождалось в рассматриваемое время и накоплением богатств некоторыми семьями.

История древнеславянских племён в I тысячелетии до н. э. известна очень плохо. Судя по распространению археологических памятников на территории Средней Европы, в IX—VII вв. до н. э. происходило передвижение некоторых племён из районов Верхнего Повисленья в Побужье, на Волынь и далее к востоку. По-видимому, это и нашло отражение в рассказе Геродота о переселении племени невров в земли будинов. Имели место также передвижения каких-то групп населения и с берегов Балтики в бассейн среднего течения Вислы. В следующие столетия древнеславянские племена вступили в тесный контакт с соседями, главным образом с кельтами, фракийцами, скифами и германцами. В Северной Чехии древнеславянские племена около V в. до н. э. испытали значительное влияние кельтов, проникших сюда из Южной Чехии. Кельтские племена, в особенности бойи, оставили в Чехии многочисленные следы. Особенно интересно древнее городище боев Страдонице, около Бероуна (юго-западнее современной Праги). При раскопках этого огромного городища, относящегося к II—I вв. до н. э., были обнаружены следы весьма развитой металлургии и обработки металлов. Жители городища ставили скоп дома на каменных фундаментах и штукатурили стены. Большое количество ремесленных изделий, найденных в Страдонице, показывает, что здесь уже возникало товарное производство, а меновая торговля вытеснялась денежным обращением. Об этом свидетельствуют находки не только привозных, но и местных монет из серебра и золота, подражавших галльским и македонским образцам. Следует особо отметить большое количество сельскохозяйственных орудий из железа и бронзы.

На востоке древнеславянские племена пришли в непосредственное соприкосновение с северочерноморскими скифами. Древнеславянские и скифские племена представляли собою различные этнические массивы. Как известно, скифы предприняли ряд походов на запад. О том, как далеко заходили скифы во время набегов, свидетельствует, например, знаменитое погребение в Феттерсфельде (на Среднем Одере), где было найдено много золотых изделий явно скифского происхождения, датируемых концом VI в. до н. э., или скифские могильники VI в. до н. э. на территории Венгрии. Однако решающего влияния на развитие древних племен, населявших бассейн Вислы, эти эпизодические походы скифов иметь не могли. Длившаяся в течение всей второй половины I тысячелетия до н. э. борьба славянских племён со скифами и сменившими их сарматами не отразилась существенным образом на развитии основной массы повисленских и верхнеднепровских племён.

Племена Восточной Прибалтики

Непосредственными соседями древних славян на севере были племена, населявшие Юго-Восточную Прибалтику. Почти все области Европы были тогда прямо или косвенно связаны с Прибалтикой, так как отсюда вывозился янтарь, служивший в древности излюбленным материалом для украшений. Тем по менее в письменных источниках раннего времени о Прибалтике не сообщается почти никаких сведений. Первые более подробные литературные свидетельства появляются только к концу I в. н. э. Так, Тацит сообщает, что племя эстиев добывает на берегах моря янтарь и продаёт его необработанным и что эстии носят изображение дикого кабана.

С точки зрения развития производства история Восточной Прибалтики в I тысячелетии до н. э. может быть разделена на два периода: X—VI вв., когда применялись каменные (и бронзовые) орудия, и V—I вв., когда их вытеснило железо. Отсутствие собственных месторождений меди в Прибалтике помешало жившим здесь племенам развить широкое производство бронзовых орудий, а доставляемая извне бронза употреблялась главным образом для выделки парадного оружия или украшений. Поэтому здесь очень долго господствовали каменные орудия, во всяком случае, в удалённых от побережья районах. Камень уступил здесь место не бронзе, а сразу железу; техника обработки камня продолжала совершенствоваться вплоть до конца I тысячелетия до н. э.

Ведущую роль в экономической жизни племён Прибалтики играло скотоводство, важное место принадлежало также охоте, рыболовству и развивающемуся земледелию. В приморских районах рыболовство оставалось основным занятием населения почти до рубежа нашей эры, хотя уже в последние века до нашей эры всё большее значение приобретает земледелие. Рост скотоводства и появление металлических орудий вызвали значительные изменения в общественных отношениях племён Прибалтики уже во второй половине I тысячелетия до н. э. Возникновение имущественного неравенства внутри общин и выделение родовой знати засвидетельствовано археологическими источниками. Можно с уверенностью утверждать, что искусно выделанными бронзовыми топорами и украшениями из бронзы, которые находят в могилах и селениях того времени, владели не все члены родовой общины.

С середины I тысячелетия до н. э. большая часть поселений Прибалтики представляла собой городища, укреплённые валами, что позволяет говорить о войнах между родовыми посёлками. Правда, внутриродовые связи были ещё очень крепки, как показывает устойчивость обычая захоронений в коллективных родовых некрополях: в насыпанных из песка или из камня курганах хоронили десятки, а иногда и сотни умерших.

В это время в Восточной Прибалтике происходили сложные процессы этногенеза. Еще в начало II тысячелетия до н. э. из бассейна Вислы и Одера сюда переселились предки летто-литовских племен, смешавшиеся впоследствии с давними обитателями страны—финно-угорскими племенами. К северу от Западной Двины балтийские этнические элементы, очевидно, ассимилировались финскими племенами. Так сложилось население современной Эстонии. Южнее Западной Двины местное финское население растворилось среди балтийских племён.

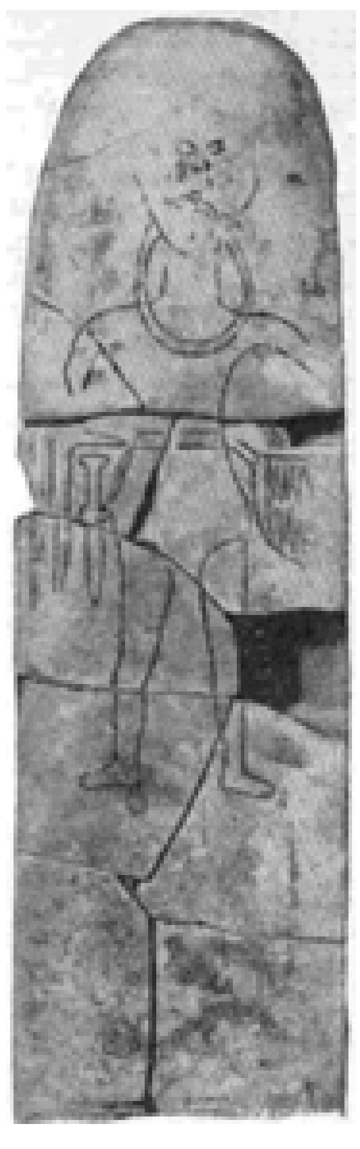
Главные направления внешних связей населения Прибалтики I тысячелетия до н. э. определяются археологическими находками. Общение со Скандинавией засвидетельствовано привезёнными оттуда бронзовыми наконечниками копий и другими изделиями. Бронзовый инвентарь некоторых районов говорит о тесных связях с Повисленьем. Наконец, отдельные предметы указывают на связи с далёкими племенами Волго-Окского и Камского бассейнов.

Финно-угорские племена

История племён, населявших Волго-Окский и Камский бассейны в I тысячелетии до н. э., отличается значительным своеобразием. По сообщению Геродота, в этой части лесной полосы жили будины, тиссагеты и иирки. Отмечая отличие этих племён от скифов и савроматов, он указывает, что их главным занятием была охота, доставлявшая не только пищу, но и меха для одежды. Особо отмечает Геродот конную охоту иирков с помощью собак. Сведения древнего историка подтверждаются археологическими источниками, указывающими, что в жизни изучаемых племён охота действительно занимала большое место. Однако население Волго-Окского и Камского бассейнов не ограничивалось только теми племенами, о которых упоминает Геродот. Приводимые им названия могут быть отнесены только к южным племенам этой группы — непосредственным соседям скифов и савроматов. Более подробные сведения об этих племенах стали проникать в античную историографию только на рубеже нашей

эры. На них, вероятно, опирался Тацит, когда описывал жизнь рассматриваемых племен, называя их фенами (финнами)

Основным занятием финно-угорских племён на обширной территории их расселения следует считать скотоводство и охоту. Подсечное земледелие играло второстепенную роль. Характерной особенностью производства у этих племен было то, что наряду с железными орудиями, вошедшими в употребление приблизительно с VII в до н. э., здесь ещё очень долго применялись орудия из кости. Эти черты типичны для так называемых дьяковской (междуречье Оки и Волги), городецкой (к юго-востоку от Оки) и ананьинской (Прикамье) археологических культур.



Каменная намогильная плита с изображением воина. Ананьинский могильник (близ Елабуги). VI—IV вв. до н. э.

Юго-западные соседи финно-угорских племен, славяне, на протяжении I тысячелетия н. э. значительно продвинулись в область расселения финских племен. Это движение вызвало перемещения части финно-угорских племен, как показывает анализ многочисленных финских названий рек в средней части Европейской России Рассматриваемые процессы происходили медленно и не нарушили культурных традиций финских племен. Это позволяет связать ряд локальных археологических культур с финно-угорскими племенами, известными уже по русским летописям и другим письменным источникам. Потомками племен дьяковской археологической культуры, вероятно, были племена меря, мурома, потомками племён городецкой культуры — мордва, а происхождение летописных черемисов и чуди восходит к племенам, создавшим ананьинскую археологическую культуру.

Многие интересные черты быта финских племен были детально исследованы археологами. Показателен древнейший способ получения железа в Волго-Окском бассейне: железную руду плавили в глиняных сосудах, стоявших посреди открытых костров. Этот процесс, отмеченный в поселениях IX—VIII вв., характерен для начальной ступени развития металлургии; в дальнейшем появились печи. Многочисленные изделия из бронзы и железа и качество их изготовления позволяют предполагать, что уже в первой половине I тысячелетия до н. э. у финно-угорских племён Восточной Европы началось превращение отраслей домашнего производства в ремёсла, например литейное и кузнечное. Из других производств следует отметить высокое развитие ткачества. Развитие скотоводства и начинающееся выделение ремесла, в первую очередь металлургии и металлообработки, вели к повышению производительности труда, что в свою очередь способствовало зарождению имущественного неравенства. Всё же накопление имущества внутри родовых общин Волго-Окского бассейна происходило довольно медленно; в силу этого вплоть до середины I тысячелетия до н. э. родовые посёлки были укреплены сравнительно слабо. Лишь в последующие века городища дьяковской культуры укрепляются мощными валами и рвами.

Более сложна картина социального строя обитателей Прикамья. Инвентарь погребений ясно указывает на наличие имущественного расслоения среди местных жителей. Некоторые захоронения, датируемые концом I тысячелетия, позволили археологам высказать предположение о появлении какой-то неполноправной категории населения, возможно рабов из числа военнопленных. О положении пле-

менной аристократии в середине I тысячелетия до н. э. свидетельствует один из ярких памятников Ананьинского могильника (близ Елабуги) — надгробие из камня с рельефным изображением воина, вооружённого кинжалом и боевым молотом и украшенного гривной. Богатый инвентарь в могиле под этой плитой содержал кинжал и молот, сделанные из железа, и серебряную гривну. Погребённый воин был, несомненно, одним из родовых вождей. Обособление родовой знати особенно усилилось ко II—I вв. до н. э. Следует, однако, отметить, что в это время родовая знать была, вероятно, сравнительно немногочисленна, так как низкая производительность труда ещё сильно ограничивала число членов общества, живших за счёт чужого труда.

Население Волго-Окского и Камского бассейнов было связано с Северной Прибалтикой, Западной Сибирью, Кавказом, Скифией. От скифов и сарматов сюда попадали многие предметы, иногда даже из очень отдалённых мост, как, например, египетская статуэтка бога Амона, найденная в поселении, раскопанном на стрелке рек Чусовой и Камы. Формы некоторых железных ножей, костяных наконечников стрел и ряда сосудов у финнов очень похожи на аналогичные скифские и сарматские изделия. Связи Верхнего и Среднего Поволжья со скифским и сарматским миром прослеживаются уже с VI—IV вв., а к концу I тысячелетия до н. э. делаются постоянными.

Племена Северо-Восточной Европы

О северных странах Геродот не сообщает почти ничего, ограничиваясь предположением, что суровый климат делает эти области необитаемыми. Однако он довольно точно описывает полярную зиму. Уже в III в. до н. э. древние греки, по-видимому, были знакомы с бытом народов Севера: в далёком Мемфисе (Египет) найдено изображение женщины в длинной одежде, занятой доением самки оленя, рядом с которой изображены ещё один северный олень и две собаки. Древний художник, таким образом, выразительно передал типичные занятия обитателей Севера — оленеводство и собаководство. Каким путём эта картинка из жизни населения Крайнего Севера была занесена в Мемфис, неизвестно.

Единственным источником сведений о племенах далёкого Севера в I тысячелетии до н. э. является археологический материал. К началу I тысячелетия до н. э. северо-восточная окраина Европы была, по-видимому, заселена в основном пришельцами из Волго-Окского и Камского бассейнов. Археологические находки показывают, что связь северных областей с этими территориями не прекращалась на протяжении всего тысячелетия. Длительное сохранение каменной техники—характерная черта истории северных племён. Правда, употребление бронзы стало известно обитателям пространств от Карелии до Урала уже около I тысячелетия до н. э.; они имели даже собственное меднолитейное производство. Всё же появление металла не оказало значительного влияния на общее развитие производительных сил. Господство каменных орудий представляет собой черту, присущую всему населению Северной Европы в течение очень долгого времени. Даже в I тысячелетии н. э. в эпосе скандинавских народов — «Эдде» — герои вооружены чудодейственными каменными топорами-молотами.

В первой половине I тысячелетия до н. э. племена Севера занимались в основном охотой и рыбной ловлей. Вместе с тем возникало и скотоводство — оленеводство, получившее развитие только в конце рассматриваемого периода. Однако эти сведения о жизни племён Севера носят предварительный характер. Дальнейшее изучение археологических памятников может значительно изменить существующие представления о хозяйстве и уровне развития местного населения.

Изучение истории многочисленных племён, населявших территорию Средней и Северо-Восточной Европы в I тысячелетии до н. э., показывает, сколь разнообразны были производство и быт этих племён даже в те далёкие промена. Вместе с северными фракийцами, скифами и сарматами эти племена составляли особый мир, развивавшийся

своими собственными путями, одновременно и независимо от античных рабовладельческих обществ. В отличие от них эти племена жили ещё первобытно-общинным строем; только во второй половине I тысячелетия до н. э. у некоторых из племен наблюдается начало разложения родовых отношений. Торговля была развита слабо, и торговые связи не затрагивали существенным образом производственных отношений тех или иных племён.

В это раннее время уже можно выявить отдельные племенные группы, явившиеся тем этническим ядром, из которого в дальнейшем выросли народности Восточной и Средней Европы.

5. Племена Казахстана и Сибири (VI—I вв. до н. э.)

К востоку от Уральского хребта и реки Урала в I тысячелетии до н. э. располагались многочисленные племена, значительно различавшиеся между собой по своей материальной культуре, хозяйственному укладу и общественному строю. Одни из этих племён жили сравнительно изолированно, другие находились в различных взаимоотношениях между собой.

В начале I тысячелетия до н. э. наиболее передовыми в социально-экономическом отношении племенами были кочевники, обитавшие на территории Западной Сибири, Казахстана и прилегающих областей Средней Азии. Это были потомки оседлых пастушеских племён, носителей андроновской и «срубной» культур бронзового века [1], которые первыми, по-видимому, перешли в степях к кочевому образу жизни. Этот переход в Казахстане и Южной Сибири произошёл на рубеже II и I тысячелетий до н. э., в так называемое карасукское время бронзового века Сибири (название идет от реки Карасук около Минусинска; соответствующие памятники имеются также на Алтае и в окрестностях Караганды). Причиной перехода к кочевому быту было развитие скотоводческого хозяйства, которое вынуждало людей к постоянному передвижению в поисках новых пастбищ. Кочевое хозяйство давало в то время больше продуктов, чем примитивное мотыжное земледелие. Оно способствовало разложению первобытнообщинного строя. С переходом к кочевой жизни появляется имущественное неравенство, развивается межплеменной обмен, учащаются военные столкновения.

Саки и массагеты

Особую группу составляли кочевники, жившие на территории Южного Казахстана и Киргизии, а также в прилегающих частях Средней Азии и говорившие, как и соседнее земледельческое население, на языках восточно-иранской группы. Это — единственная группа кочевников, о жизни которой в середине I тысячелетия до н. э. имеются более или менее значительные известия письменных источников. Кочевники жили здесь вперемежку с оседлым населением оазисов и находились с ним в постоянных взаимоотношениях, то мирных, то враждебных. Набеги кочевников приводили к разрушению производительных сил и тормозили развитие земледельческих областей Средней Азии.

Древнейшие известия о кочевниках Средней Азии содержатся в персидских клинообразных надписях. Персы называли их общим именем саков. На рельефе, сопровождающем Бехистунскую надпись, последний из мятежников, стоящих перед Дарием, имеет остроконечную шапку, причем надпись поясняет: «Это Скунха, сак».

Более подробны сведения античных авторов, в первую очередь Геродота. Греческие писатели различали в Средней Азии две группы кочевников: саков и массагетов. Так как массагеты неизвестны персидским источникам, то, очевидно, персы не отличали их от сакских племён. Разграничить саков и массагетов территориально не легко: обычно считают, что массагеты кочевали между Каспийским морем и

[1] См. «Всемирная история», т. I, глава XVIII.

Яксартом (Сыр-Дарьёй), а саки—далее на восток, однако следует отметить, что саки известны античным авторам и к западу от (Окса (Аму-Дарьи). Не различимы саки и массагеты и в археологическом отношении. Кочевья саков простирались далеко на восток, захватывая долины Таласа, Чу и Или, высокогорные пастбища Алая, Памира, Ферганы, Тянь-Шаня.

Геродот даёт любопытные сведения о быте массагетов, и его данные подтверждаются археологией. По словам Геродота, массагеты из металлов знали только золото и медь (т. е. фактически, по-видимому, бронзу); железо и серебро им были совершенно неизвестны, так как этих металлов нет в их стране, тогда как золото и медь встречаются в изобилии. Действительно, железный век наступает у кочевников Средней Азии и Казахстана на 200—300 лет позже, нежели у причерноморских скифов, в V в. (откуда видно, что сведения Геродота для его времени были уже несколько устаревшими), а кое-где и в IV в. до н. э. Это объясняется не только отсталостью азиатских кочевников, но и богатством Казахстана медью и оловом. Медь, возможно, добывалась самими массагетами в горах Кара-Тау на Мангышлаке и в Джезказгане, где имеются древние модные рудники. Медные и оловянные рудники имелись также в верховьях Иртыша, откуда массагеты могли получать металл или готовые изделия путём обмена. В IV в. до н. э. эти рудники были заброшены в связи с переходом к железу. Что касается золота, то остатки его древних разработок имеются у прииска Степняка в Северном Казахстане, а также у города Мангыта в низовьях Аму-Дарьи.

По одежде и образу жизни Геродот сближает массагетов со скифами. По его словам, они ничего не сеют, питаются мясом и молоком домашних животных, а также рыбой, которую им в изобилии доставляет река Араке (видимо, имеется в виду Оке). Они живут в повозках, и даже домашняя утварь их приспособлена к кочевой жизни.

По уровню общественного развития массагеты отставали от скифов. Как и у современных им сарматов (савроматов), в их быту продолжали существовать значительные элементы матриархата, в частности пережиточные формы группового брака. Женщина занимала видное место в общественной жизни. Во время войны с Киром во главе массагетов стояла вдова «царя» —«царица» Томирия.

Политически массагеты представляли собой, по-видимому, союз племён. Они были весьма многочисленны и сильны в военном отношении. Особую роль играла первоклассная конница. Вооружение составляли лук и колчан со стрелами, копья, мечи, секиры. О религии массагетов почти ничего неизвестно. Геродот сообщает, что они приносили в жертву солнцу лошадей.

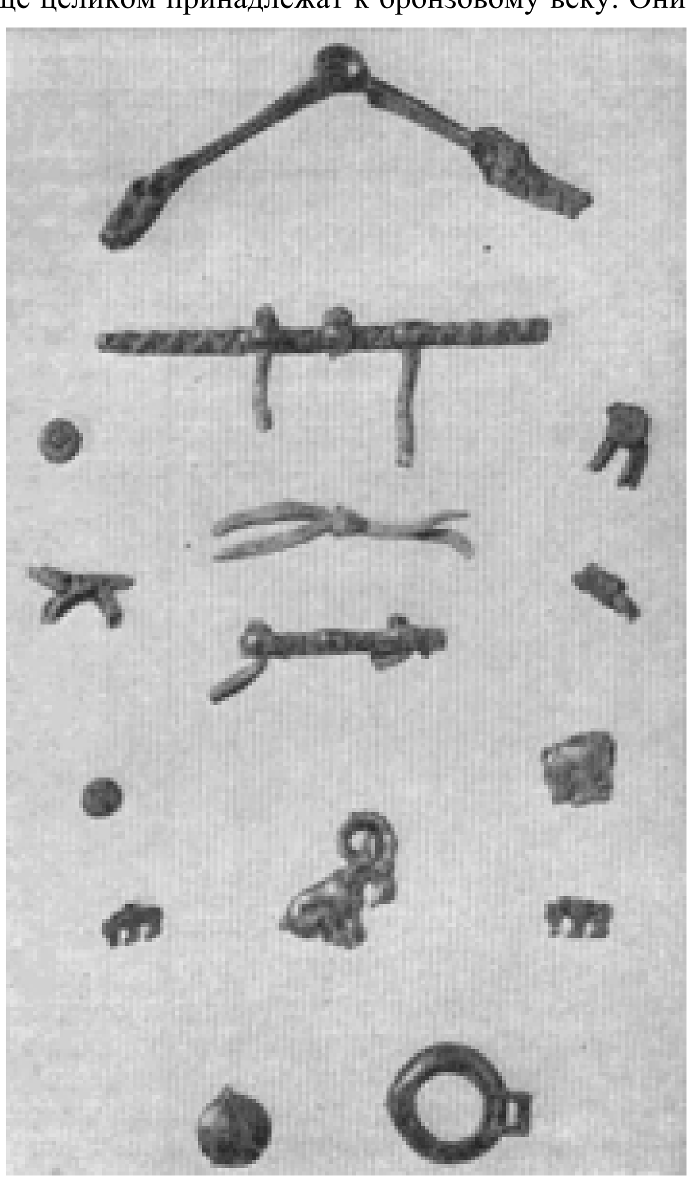
Сообщения античных авторов о собственно саках многочисленнее, но крайне отрывочны и не всегда имеют в виду именно саков. В быту саков было много общего с массагетами и скифами. Один эпический поэт, описавший победу афинян над Ксерксом, называет саков пастухами овец. Наряду с овцами они разводили также лошадей. Их одежда (штаны, войлочные шапки) также напоминала скифскую. Наряду с кочевниками среди саков были и оседлые племена, занимавшиеся земледелием и яйлажным скотоводством.

Как и у массагетов, в быту саков имелись многочисленные элементы матриархата, женщины играли видную роль в общественной жизни. Греческий историк Ктесий (около 400 г. до н. э.) говорит, что сакские женщины отважны и помогают мужьям в военных опасностях. Во время войны с мидянами над саками властвовала Зарина, принимавшая участие в битвах. В другом месте Ктесий рассказывает о том, как после пленения Киром сакского «царя» Аморга жена его Спаретра собрала большое войско, состоявшее почти наполовину из женщин, и освободила Аморга из плена. Однако элементы разложения первобытно-общинного строя появляются и у саков.

Высшей формой политической организации у саков были, по-видимому, союзы племен. Войско саков отличалось высокой боеспособностью. II у них большую роль играла конница, но наряду с нею имелась и пехота. Воины были вооружены луками,

короткими мечами — акинаками и секирами. Военное могущество саков позволяло им совершать постоянные набеги на их более богатых соседей.

О материальной культуре саков даёт представление и археология. К этой культуре можно отнести определённую группу древностей на территории Южного Казахстана и Киргизии. Древнейшие курганы (VI—V вв. до н. э.) ещё целиком принадлежат к бронзовому веку. Они невелики, содержат погребения в виде скорченных или вытянутых костяков, бронзовые ножи, стрелы и слепленную от руки посуду. Более поздние курганы (V—III вв. до н. э.) значительно богаче. Наряду с бронзой в них появляется железо. Они больше по размерам и содержат обычно короткие железные мечи — акинаки, бронзовые, железные, костяные и деревянные наконечники стрел, бронзовые зеркала, украшения, принадлежности конской сбруи, глиняные и деревянные сосуды уже более совершенной выделки. Сохранились и остатки тканей. Широкое распространение имели также бронзовое котлы скифского типа, квадратные жертвенники и светильники, часто находимые по несколько штук вместе. Все эти предметы имели культовое назначение и украшались литыми фигурками животных, которые по сюжету, композиции и стилю выполнения близки к скифским и южносибирским. Для саков, как и для других кочевников северной степной полосы от Дуная до Хуанхэ, был характерен звериный стиль, который связан с определёнными религиозно-мифологическими представлениями. К тому же кругу религиозных представлений примыкают наскальные изображения, встречающиеся в Восточном, Центральном и Южном Казахстане и в Киргизии. Это большей частью изображения горных козлов, баранов, оленей, людей, стреляющих из лука, и т. д. Изображения выбиты без всякого порядка; композиции—сцены охоты или поединка —встречаются редко. Возможно, что эти изображения имели магическое назначение: обеспечить удачную охоту.



Бронзовые удила, псалии, нашивные украшения одежды.
Из сакских курганов в Восточном Памире.
V—IV вв. до н. э.

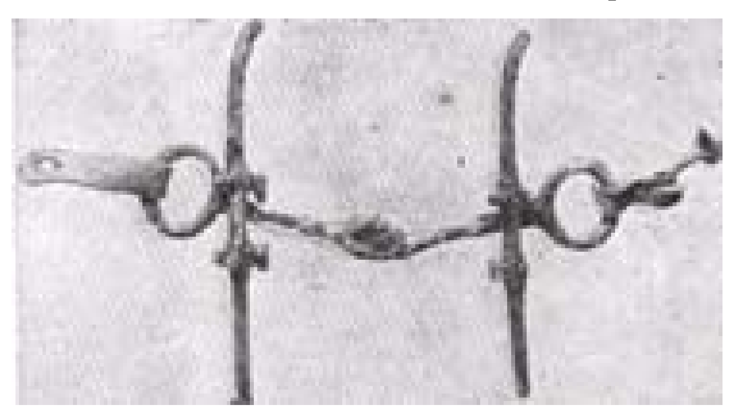
Массагеты и саки теснее других кочевников Внутренней Азии были в это-время связаны с рабовладельческим миром. Столкновения их с державами древнего Востока начались, по-видимому, ещё в период мидийского преобладания. Как далеко простиралась на восток Мидийская держава, сказать трудно. Во время завоевания Средней Азии Кир, естественно, должен был столкнуться и с местными кочевыми племенами. Последний поход Кира, в котором он потерпел поражение и погиб, был, согласно

Геродоту, направлен против массагетов. В 517 г. до н. э. Дарий совершил поход против «заморских» саков (живших к северу от Аральского моря). Часть саков в конечном итоге вошла в состав ахеменидского объединения; они принадлежали к XV сатрапии, которая платила в царскую казну 250 талантов. Так как в эту сатрапию помимо саков входили также каспии, то речь, очевидно, может идти лишь о прикаспийских саках. К концу правления Дария были покорены также частично саки, жившие за Яксартом, а при Ксерксе — дахи, кочевавшие к востоку от Каспийского моря. Под властью Ахеменидов саки помимо уплаты дани должны были участвовать в походах персидских царей, выставляя как конницу, так и пехоту. В конце V или в первой половине IV в. саки освободились из-под власти Ахеменидов. В это же время, по видимому, складывается обширная конфедерация массагетских племён.

Помимо массагетов и саков на территории Средней Азии обитали ещё более отсталые племена рыболовов, охотников и собирателей.

Племена Северного Казахстана и Южной Сибири

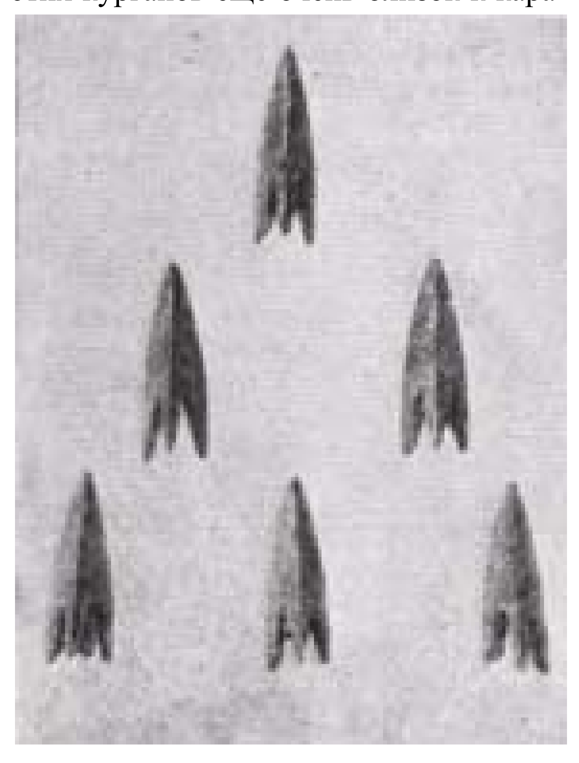
К северу и северо-востоку от массагетов и саков, в степях и лесостепях Северного Казахстана и Южной Сибири, жили другие кочевые и полукочевые скотоводческие, а также оседлые земледельческие племена, известные уже почти исключительно по данным археологии. Племена Северного Казахстана и Южной Сибири, живя вдали от важнейших центров рабовладельческой цивилизации, гораздо меньше, чем их южные соседи, испытывали её воздействие, темп их развития был более медленным. Однако на протяжении I тысячелетия до н. э. в их жизни происходят весьма значительные сдвиги. Переход ряда племён к кочевому быту отразился и на тех племенах, которые остались оседлыми. Накопление скота у кочевников, как уже указывалось, способствовало усилению межплеменного обмена, а борьба за пастбища, угон скота и набеги кочевников на земледельческие области вызывали частые военные столкновения. Всё это приводило к этническому смешению и затем к возникновению общих черт в культуре степных племён, которые нашли выражение как в формах орудий труда и оружия, так и в искусстве. Однако, несмотря на эти нивелирующие тенденции, каждая группа племён имела самобытную культуру и свою особую историю. Лучше всего изучены памятники горного Алтая и прилегающих к нему степей верхнего течения Оби и степей Минусинской котловины (Хакасская автономная область и степные районы Красноярского края). Эти памятники и кладутся обычно в основу археологических классификаций.



Бронзовые удила из кургана в Туяхте (Алтай).
V—IV вв. до н. э.

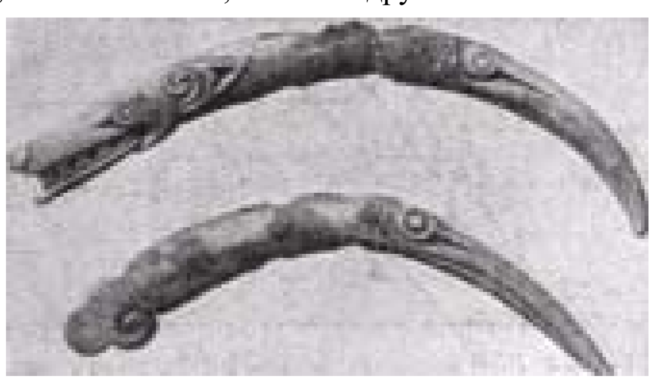
На Алтае на протяжении всего I тысячелетия до н. э. ведущую роль играет кочевое хозяйство. Правда, в условиях горной страны оно имело своеобразные черты. Перекочёвки нередко сводились к перемещению из степных долин, в которых жили зимой, на высокогорные летние пастбища, так что кочевое скотоводство до известной степени превращалось в яйлажное. Кочевники Алтая ещё не знали железа. Топоры, мечи, кинжалы, ножи, наконечники стрел, удила, пряжки — всё делается из бронзы. Техника изготовления бронзовых орудий достигает непревзойдённого впоследствии уровня. Особую группу составляют памятники так называемого майэмирского этапа (VII—V вв. до н. э.), имеющие черты, характерные для курганов, воздвигнутых кочевниками. Они расположены обычно в богатых пастбищами районах, в них находятся обширные конские захоронения, отсутствует глиняная посуда, неудобная при постоянных перекочёвках.

Среди майэмирских курганов отчётливо выделяются богатые и бедные погребения. В одном случае это небольшие курганы, в которых умершие погребены в простых грунтовых ямах, на боку, в скорченном положении. Инвентарь этих курганов ещё очень близок к карасукскому и в общем весьма беден. Но наряду с погребениями рядовых свободных встречаются и фамильные кладбища знати, представляющие собой цепочки курганов, расположенные с севера на юг. К этому типу относится и сам Майэмир. Богатые курганы достигают 25 *м* в диаметре и 3 *м* высоты и содержат обширные могильные сооружения из дерева и камня. Курганы эти разграблены, но, судя по остаткам инвентаря, они были значительно богаче карасукских. Встречаются золотые украшения. Вместе со знатными покойниками хоронили жён, рабов и верховых лошадей. Фамильные кладбища богатых семей указывают не только на накопление богатств, но и на передачу их по наследству из поколения в поколение. Размеры курганов, сложенных из земли и камней, свидетельствуют о том, что такие курганы требовали для постройки усилий целого племени.



Бронзовые наконечники стрел из кургана в Туяхте (Алтай). V—IV вв. до н. э.

Однако далеко не всё население Алтая перешло к кочевому образу жизни. Сохранились остатки оседлых поселений. Богатый культурный слой свидетельствует об их длительном существовании. Кости домашних и диких животных, а также множество костей и чешуи мелкой рыбы говорят о том, что население занималось скотоводством, охотой и рыбной ловлей. Занималось оно, вероятно, и земледелием, но прямых свидетельств этого не обнаружено. Взаимоотношения между кочевниками и оседлым населением не ясны, но несомненно, что те и другие жили в непосредственной близости. Возможно даже, что оседлые поселения располагались на территории кочевий. Курганы оседлого населения беднее, чем курганы кочевников, и лишены конских захоронений. Не исключено, что оседлое население находилось в зависимости от кочевников.



Костяные части уздечных наборов. Алтай. V—IV вв. до н. э.

Следующая группа памятников Алтая охватывает время с IV по I в. до н. э. За это время бронзовые орудия труда постепенно сменяются железными. Остатки поселений (зимников) итого периода неизвестны. Исследованы только курганы, в которых в отличие от бронзового века умерших всегда хоронили с конём, причём мужчин — ещё и с оружием. Особенно замечательны большие курганы племенных вождей. Пять таких курганов раскопаны в урочище Пазырык,

два—в Башадаре (Восточный Алтай), по одному—в Катанде, Берели и Шибе. Наиболее ранние относятся к IV в. до н. э. (первый и второй Пазырыкские, второй Башадарский), более поздние—ко II—I вв. до н. э., а может быть, и к несколько более позднему времени (Катанда, Берель, Шибе). Культура всего периода имеет определённое единство и, возможно, принадлежит одному и тому же союзу племён горного и Западного Алтая, но вместе с тем между более ранними и более поздними курганами имеются определённые различия. Так, железо окончательно сменяет бронзу лишь со II в. до н. э. В период, к которому относятся более поздние курганы, на Алтае возрастает значение восточно-азиатских племён, которые начинают проникать в Западную Сибирь, и одновременно усиливается гуннское влияние. Все эти явления тесно связаны с общими изменениями, которые происходят в Центральной Азии.

Маска оленя из Пазырыкских курганов.
IV—III вв. до н. э.

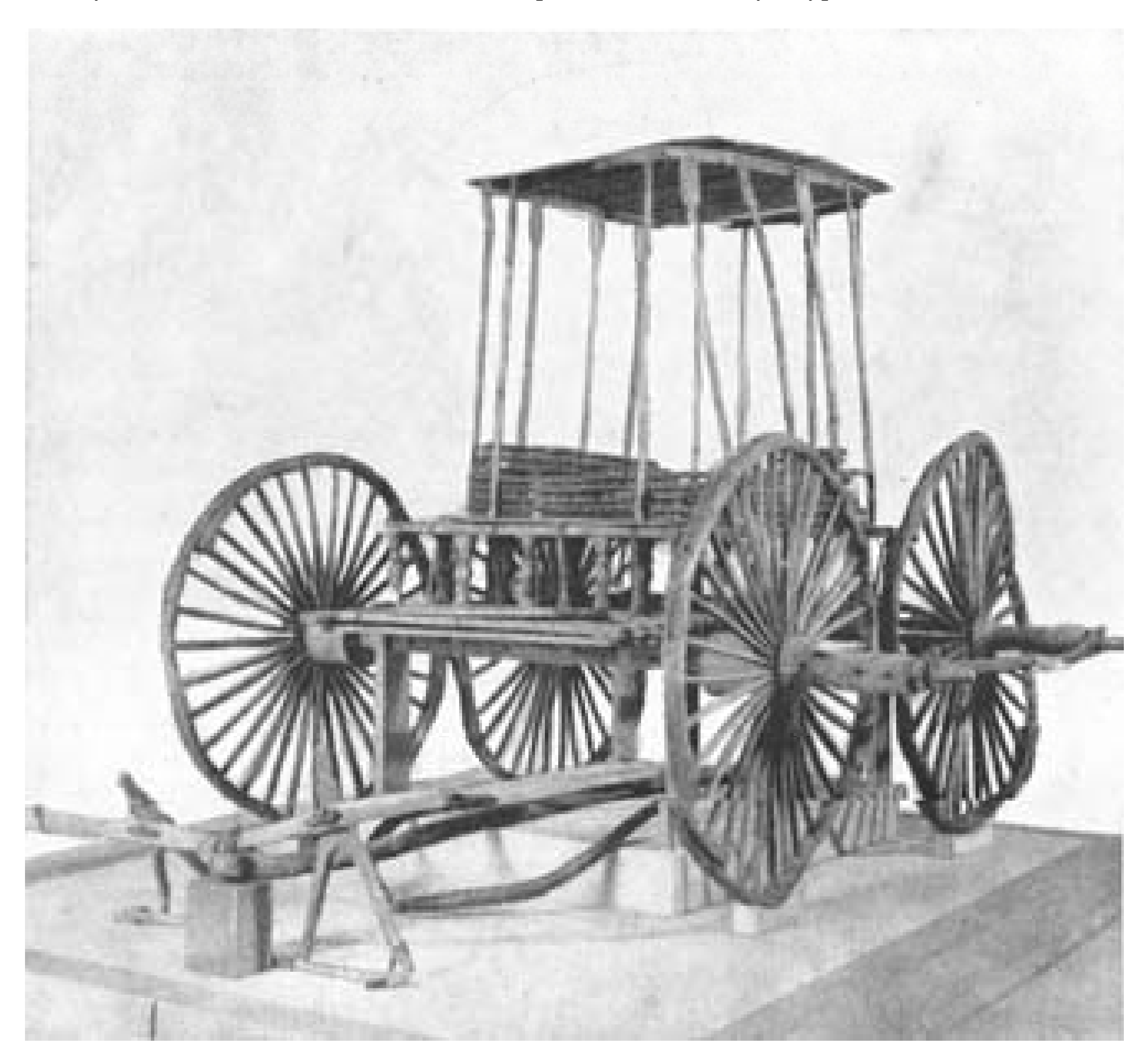
Существенно новым явлением рассматриваемого периода было появление железа. Железные предметы встречаются и в бедных курганах, однако раньше появляются и более многочисленны они в курганах богатых. Это по преимуществу боевые чеканы, ножи и кинжалы типа скифских акинаков, несколько позже— удила, пряжки и другие предметы быта. Как и повсюду, из железа стало выделываться сперва оружие и лишь позже—орудия труда, которые и во времена сооружения Пазырыкских курганов продолжали оставаться бронзовыми. Дольше всего оставались бронзовыми наконечники стрел, которые начали изготовляться из железа, по-видимому, лишь после начала нашей эры. Для наконечников стрел вообще характерен консерватизм материала: в бронзовом веке они часто каменные, в железном—бронзовые. Это объясняется тем, что наконечники стрел легко терялись, и употреблять дорогой материал на них было не целесообразно.

Наиболее ярко элементы нового проявляются в погребениях племенной знати, которые для данного периода удобнее всего охарактеризовать на примере Пазырыкских курганов. Пазырыкские курганы стоят на рубеже между майэмирскими памятниками и богатыми курганами Алтая, относящимися к началу нашей эры (Шибе и др.).

Они представляют собой громадные сооружения из камней и брёвен, внутри которых все свободное пространство заполнено льдом, а самая могила заморожена. Небольшие очаги печной мерзлоты, возникавшие под насыпями курганов, предохраняли труды людей (к тому же искусственно мумифицированные) и лошадей от гни-

ения. Благодаря этому многие предметы, даже сделанные из таких нестойких материалов, как шерсть, ткани, мех, войлок, кожа, очень хорошо сохранились, хотя эти курганы были разграблены ещё в древности.

Пазырыкские и другие современные им курганы представляют собой важный источник для изучения социально-экономического строя, идеологии и культуры



Погребальная колесница из Пазырыкских курганов.
IV—III вв. до н. э. (Реставрация).

алтайских племён в IV—I вв. до н. э. Строителями их были кочевники, разводившие главным образом лошадей, крупный рогатый скот и овец. В первом Пазырыкском кургане было найдено 10 лошадей, в других курганах их встречается ещё больше. На одной из пазырыкских лошадей была маска, увенчанная оленьими рогами, сделанными из кожи. Очевидно, оленеводство было уже давно вытеснено коневодством, но представление о том, что человека должен сопровождать в загробный мир олень, осталось. Золотисто-рыжие и гнедые жеребцы сохранились

с кожей, шерстью, мускулатурой и внутренностями. Высоким ростом и стройным сложением они сильно отличаются и от лошадей из менее богатых погребений, и от современных табунных лошадей Алтая и Казахстана. Наиболее близки к ним ахалтекинские скакуны из Туркмении, потомки древних парфянских и бактрийских лошадей. Лошади служили для верховой езды, применялись уздечки и сёдла, пока ещё без стремян. Овны разводились на мясо. Как в первом Пазырыкском, так и в других курганах этого времени сохранились хвостовые позвонки барана—остатки курдюка, который, как наиболее лакомый кусок, клали покойнику.

Пазырыкские погребения указывают на дальнейшее углубление имущественного неравенства. Развивается частная собственность на скот. Так, например, в первом Пазырыкском кургане все кони имели особые метки в виде надрезов на ушах. Любопытно, однако, что кони были отмечены разными знаками, а сёдла на них сделаны разными мастерами. Очевидно, эти кони не были собственностью умершего, а были принесены ему в дар от подчинённых лиц. Возможно, что он был вождём племени.

Пазырыкские погребения были очень богаты. Об этом говорят превосходные кони в дорогой сбруе, украшенной золотом и оловом.

Накопление богатств способствовало развитию обмена, особенно со Средней Азией и Ираном. Об этом свидетельствует среднеазиатское происхождение пазырыкских коней, а также наличие изделий из меха гепарда (из ближайших к Алтаю мест гепард водится в Западном Казахстане, между Каспийским и Аральским морями и в Иране). В более поздних курганах иноземных предметов ещё больше; таковы столики с выточенными ножками, арфы, иранские ткани и ковры.

Пазырыкское общество характеризуется далеко зашедшим разложением первобытно-общинного строя. Появилось рабство, однако поскольку кочевой образ жизни не был особенно удобен для эксплуатации рабов, то наряду с этим развивается эксплуатация сородичей, облекаемая в формы родовой взаимопомощи. Так, у кочевников Алтая складываются зародыши классов рабовладельческого общества и создаются предпосылки для возникновения государства.

Идеология пазырыкцев нашла яркое отражение в искусстве. Художественные изделия с изображениями то реалистическими, то вычурно стилизованными дают блестящие образцы звериного стиля. Разнообразная техника — графика, силуэтная и многокрасочная аппликация, барельеф, круглая скульптура и самые различные материалы—войлок, кожа, дерево, мех, рог, кость, краски, золото, серебро, олово, бронза — всё это служило одной цели: созданию образов зверей и мифических чудовищ, которые являлись главной темой искусства.

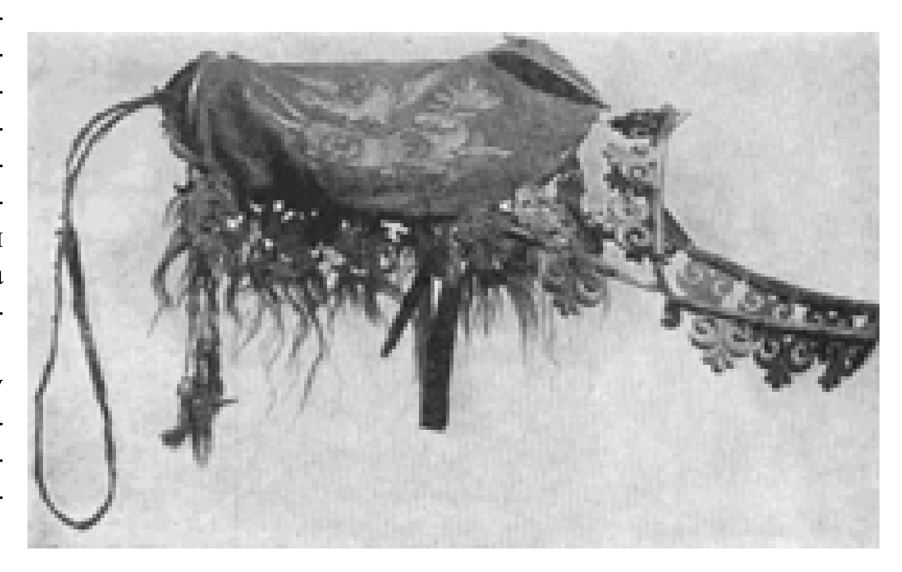
Такова была жизнь племён Алтая и Восточного Казахстана в IV—I вв. до н. э. Для других областей Северного Казахстана в рассматриваемый период нет столь богатого археологического материала, но можно предполагать, что их население своим бытом напоминало отчасти своих восточных соседей — алтайцев, отчасти южных—саков и массагетов. Кое-какие смутные известия о населении всех этих областей в середине I тысячелетия до н. э. дошли и от античных авторов, которые помещают к востоку от скифов исседонов, аримаспов и гипербореев, но сведения эти ничего существенного для характеристики данных племён не содержат.

Кочевники Алтая и по степени своего социально-экономического развития и по общему уровню культуры шли впереди населения соседних с ними лесостепных и лесных районов Сибири. Население лесистых берегов верхнего течения Оби жило по-прежнему оседло. В посёлке VII—VI вв. (т. е. современном Майэмиру), раскопанном около деревни Большая Речка, жители обитали в просторных землянках, занимались земледелием и скотоводством, рыболовством и охотой, в том числе на пушного зверя (соболь, бобр и т. д.). Им постоянно приходилось бороться с набегами кочевников.

ВСАДНИК ПЕРЕД БОЖЕСТВОМ НА ТРОНЕ
Фрагмент ковра из Пазырыкских курганов. IV—III вв. до н. э.
Войлок. (Реконструкция по сохранившимся в разных частях ковра повторениям этого сюжета)

Племена Минусинской котловины

В лучших условиях находились жители Минусинской котловины на Верхнем Енисее. Окружённая с трех сторон горными хребтами, а с севера — тайгой, она была хорошо защищена от набегов кочевников, пока утех не сложились крупные политические объединения. Здесь, как и на Алтае, складывается на рубеже II и I тысячелетий до н. э. карасукская бронзовая культура (река Карасук находится именно здесь), сопровождавшаяся переходом к кочевому быту. В минусинских степях этот переход был, однако, кратковременным. В VIII—II вв. до н. э., в период тагарской археологической культуры (от Тагарского острова на Енисее и Тагарского озера, оба близ Минусинска), население большей части енисейских степей переходит к оседлости и поливному мотыжному земледелию, сочетавшемуся с яйлажным скотоводством. Вдоль всего Енисея и его притоков были прорыты многочисленные каналы. Хлеб жали бронзовыми серпами, зерно растирали на каменных ручных зернотёрках.



Седло из Пазырыкских курганов.
IV—III вв. до н. э.

Земледелие, однако, ввиду сухости климата было возможно далеко не везде. Наряду с земледельческими были такие районы, в которых по-прежнему преобладало скотоводство. Разводили лошадей, быков, баранов, коз, кости которых в большом числе встречаются в погребениях. На скалах (и в скотоводческих и в земледельческих районах) изображаются большие стада коров, лошадей и овец, на камнях могильных оград — отдельные домашние животные. Возросло значение коневодства. Кости лошади, встречавшиеся ранее сравнительно редко, и сбруя (например, бронзовые удила) обычны в ранне-тагарских погребениях. Лошадь использовалась при пастьбе скота (конные пастухи) и как средство передвижения. На каменных плитах и скалах имеются изображения лошадей, запряжённых в четырехколёсные повозки или в сани, и верховых. Были известны узда и сёдла без стремян. Лошадь использовалась и в военном деле. Для транспорта применялись также двугорбые верблюды и быки. Быки ходили в упряжи (наскальные изображения), на верблюдах ездили верхом: сохранилась бронзовая фигурка верблюда, на котором сидит человек. Скот давал мясо и молоко. Из шерсти овец делали ткани (сохранились их обрывки в могилах, а также глиняные пряслица).

С развитием оседлости связано строительство постоянных жилищ. На скалах встречаются изображения бревенчатых, крытых корой и, вероятно, глинобитных домов с очагом внутри. Как и на Алтае, в могилах встречаются бревенчатые срубы, крытые деревянным настилом. На одной писанице (наскальном рисунке) рядом с тремя бревенчатыми и одним глинобитным домом стоит колоколовидная кочевническая юрта, видимо, из войлока. Возможно, что одни и те же люди, жившие зимой в постоянных домах, летом с юртами выезжали в степь. Скот зимой, по-видимому, держали в помещениях. На одном из наскальных рисунков изображено жилище с пристройкой (хлевом) для скота.

Жители Минусинской котловины до середины I тысячелетия до н. э. не знали железа. Это объясняется, однако, не только медленностью распространения железа на север, но и тем, что Сибирь очень богата медью и оловом. Раннетагарская культура VII—V вв., современная майэмирской на Алтае, подобно этой последней, связана с наиболее высокой техникой изготовления бронзовых изделий.

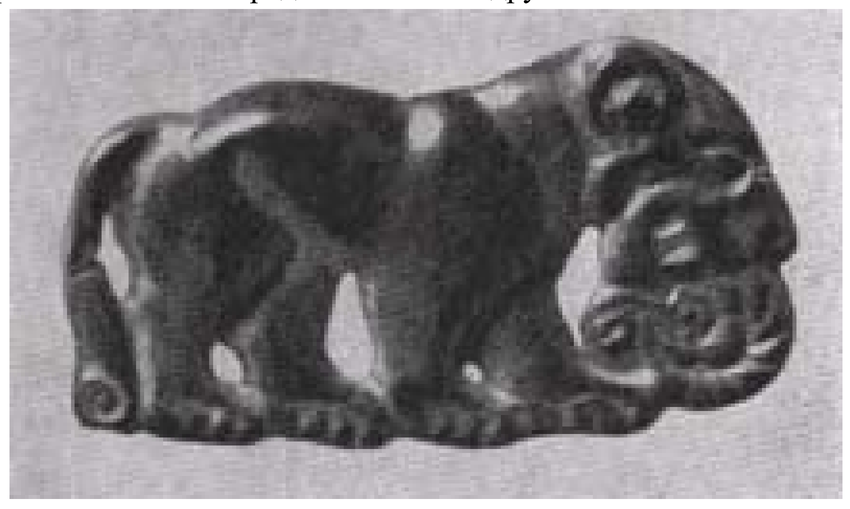
Бронзовые изделия из Минусинской котловины: клевец, кельт, серп, кинжал, нож.
Татарская культура. VII—V вв. до н. э.

Количество их указывает на обилие металла, имевшегося в распоряжении жителей Минусинской котловины в это время. Высоко стоят техника литья и качество металла. Формы изделий из бронзы чрезвычайно разнообразны. Мастера-литейщики имели у себя наборы литейных форм, рассчитанные на массовое изготовление бронзовых предметов.

Около V в. до н. э. появляется железо. Начинают разрабатываться местные месторождения железной руды. Железные изделия подражают по форме бронзовым. Окончательно железо вытесняет бронзу, как и на Алтае, примерно со II в. до н. э. Применение железа имело важное значение для дальнейшего развития земледелия и деревянного строительства, а также в военном деле. Оседлый образ жизни способствовал развитию керамики. Последняя, однако, невысокого качества, сделана от руки и почти лишена орнамента.

В материальной культуре тагарцы имели много общего со своими западными соседями, в первую очередь с кочевниками Алтая. Определённые параллели

могут быть прослежены и далее—между тагарскими древностями, с одной стороны, скифскими Северного Причерноморья и сакскими Средней Азии—с другой. Особенно велико сходство в произведениях искусства, для которых в Минусинской котловине, как и на Алтае, в основном характерен звериный стиль.



Бронзовая бляха.
Тагарская культура. V в. до н. э.

Накопление богатств и развитие обмена способствовали начавшемуся разложению первобытно-общинного строя. Происходит отделение ремесла (прежде всего металлургии) от сельского хозяйства. Медеплавильщики, позднее кузнецы ставят на изделиях, например на серпах, свои клейма. Учащаются военные столкновения. В раннетагарских погребениях все мужчины и многие женщины захоронены вооружёнными — с кинжалами и чеканами. Важнейшими видами оружия являются боевой чекан и лук со стрелами, с бронзовыми наконечниками. Сражались и в пешем и в конном строю, как это видно по изображениям на скалах. Имелись и укрепления, которые представляли собой родовые убежища, куда люди собирались в случае военной опасности. Борьба между родами велась за лучшие пастбища и сопровождалась, как правило, грабежом.

Бронзовое зеркало.
Тагарская культура. IV—III вв. до н. э.

Процесс разложения первобытнообщинного строя и выделения племенной знати можно проследить по материалу погребений. В тагарских курганах заметно отражено имущественное неравенство. Древние курганы (VII— V вв. до н. э.) располагаются в могильном поле без особого порядка и сравнительно невелики. Как эти, так и позднейшие курганы опоясаны оградой из плит. Обычны парные захоронения, указывающие на формирование патриархальной семьи. Вместе с мужскими костяками найдено оружие, с женскими — кожаные мешочки с бронзовыми предметами домашнего обихода (ножи, шилья, иглы) и сухожилиями для шитья. Курганы эти представляют собой семейные могилы и образуют в своей совокупности родовые могильники или кладбища, что свидетельствует о том, что родовые связи были ещё достаточно крепкими. Вместе с тем уже среди курганов первого периода появляются курганы, имеющие более значительные размеры и более богатый инвентарь. Таковы, например, некоторые курганы у Тагарского озера.

К IV—III вв. относятся курганы, не уступавшие современным им Пазырыкским и принадлежавшие, видимо, племенным вождям. Эти курганы (Кара-Кургэн в устье реки Уйбата, Узун-Оба) отличаются большими размерами и по

устройству во многом сходны с алтайскими (погребальные камеры с деревянными стенками и полом, крытые накатом из толстых брёвен с лежащими поверх него камнями). Особенно велик Салбыкский курган, достигающий 11,5 *м* в высоту и 100 *м* в диаметре, обставленный у основания огромными камнями. Сооружения подобного рода требовали множества рабочих рук и могли создаваться лишь силами целых племён.

Для искусства древних минусинцев, как и для алтайского, характерен звериный стиль, что указывает на сохранение известных элементов тотемизма. И по тематике и по стилю минусинское искусство аналогично алтайскому.

Как и майэмирцы, носители тагарской культуры принадлежали к древнему европеоидному населению Западной Сибири. Видимо, именно к этим западносибирским европеоидам относятся китайские известия о динлинах, которых китайцы применительно ко второй половине I тысячелетия до н. э. помещали где-то в Южной Сибири. В каком отношении эти динлины стояли к динлинам, жившим в середине II тысячелетия до н. э. к югу от Гоби, в бассейне Хуанхэ, сказать трудно.

Племена Тувинской котловины

К югу от Минусинской котловины расположена Тувинская котловина. Саяны отделяют её от минусинских степей и Алтая. В середине I тысячелетия до н. э. здесь жило население, которое китайцы называли гяньгунь и которое в культурном отношении было связано с Восточным Алтаем. Здесь существовала своя металлургия меди на основе местного сырья: на это указывают сохранившиеся остатки плавильных печей. Как и в других местах Сибири, бронза в это время преобладает над железом. Гяньгунь занимались скотоводством, разводили лошадей, быков и баранов. Курганы по своему устройству и инвентарю напоминают алтайские. Наряду с погребениями рядовых свободных с бронзовым оружием и вещами повседневного обихода имеются более богатые погребения знатных воинов и их жён и, наконец, большие курганы племенной знати, сооружённые сотнями людей. Встречаются парные захоронения. На наличие внешних связей указывают стеклянные бусы, найденные в одном погребении. Для искусства гяньгунь характерен звериный стиль, который находит своё выражение как в поделках из металла, так и в *оленных камнях* (камни с высеченными на них изображениями оленей).

Племена Забайкалья и Северной Монголии

В Забайкалье и в Северной Монголии вплоть до Гоби и Ордоса существовала в конце II и в I тысячелетии до н. э. так называемая культура плиточных могил, поразительно единообразная на всей этой обширной территории. Носители этой культуры были кочевниками-скотоводами. Природные условия Забайкалья и Монголии с их безграничными пастбищами благоприятствовали развитию скотоводческого хозяйства. Сухой климат и очень незначительный снеговой покров, а также сильные ветры, сдувавшие снег с возвышенностей, позволяли держать скот круглый год на подножном корму. В долинах, укрытых от ветра этими возвышенностями, обычно вблизи рек, располагались зимники кочевников, а также могильники бронзового века. Следы зимников всегда очень скудны и сводятся к обломкам глиняной посуды и случайно утерянным медным или бронзовым предметам. Остатки жилищ отсутствуют полностью. Это показывает, что в отличие от алтайцев и минусинцев жители Забайкалья и на зимовьях продолжали жить в юртах. Они разводили лошадей, мелкий и крупный рогатый скот. Лошадь употреблялась для верховой езды. Существовала узда с бронзовыми удилами.

Недра Забайкалья богаты медью, оловом и другими цветными металлами. На основе этого сырья значительное развитие получила металлургия бронзы. В начале I тысячелетия до н. э. высокого уровня достигла техника литья: медные и бронзовые изделия украшались своеобразным и изящным орнаментом, а также реалистически выполненными изображениями животных. В плиточных могилах III—II вв. до н. э. появляются железные предметы.

Культура плиточных могил, несмотря на присущее ей своеобразие, обнаруживает многочисленные связи её носителей с Китаем, а также с Западом вплоть до Средней

Азии и Причерноморья. Китай периода Инь и Чжоу оказал значительное прогрессивное влияние на культуру племён Забайкалья и Монголии и сам испытал влияние культуры степняков. Ножи и кинжалы, найденные при раскопках в Аньяне, на месте иньской столицы, украшены головками степных животных, напоминающими забайкальские и карасукские. Не исключено, что аньянские литейщики отливали свои изделия по образцам степных мастеров. С другой стороны, китайское происхождение имеют своеобразные глиняные сосуды с тремя полыми внутри ножками, напоминающие коровье вымя, встречающиеся в Забайкалье. Для Китая эти сосуды очень характерны, они появляются здесь уже в неолите и существуют на всём протяжении бронзового века. С западными кочевниками, вплоть до скифов, жителей Забайкалья связывают формы оружия и сбруи, бронзовых зеркал, а также звериный стиль в изделиях прикладного искусства.

Племена Забайкалья жили первобытно-общинным строем. Однако накопление богатств, связанное с развитием скотоводства, приводило к возникновению имущественного неравенства и развитию обмена. В могилах появляются золотые украшения, бусы из малахита, бирюзы, сердолика и других самоцветов, раковины каури с берегов Индийского океана. Матриархат постепенно сменяется патриархатом, происходит выделение племенной знати. Размеры плиточных могил—нередко огромные—и их относительная немногочисленность показывают, что они принадлежали, в первую очередь, представителям племенной знати. О том же свидетельствуют оленные камни, стоящие на могилах. На то, чтобы выломать из гранитной скалы подходящие глыбы камня, обтесать их бронзовыми орудиями и покрыть всю поверхность искусными рельефами, нужно было затратить большое количество труда.

В религии племён Забайкалья и Северной Монголии можно проследить наслоения разных эпох. Оленные камни на могилах и писаницы, выполненные красной охрой на скалах и сводах пещер, часто изображающие животных, особенно лошадей и оленей, говорят о пережитках тотемизма. Изображаются также какие-то коллективные магические обряды, видимо, имевшие целью обеспечить рождаемость людей и приплод скота. Постепенно древний культ животных сплетается с культом стихий и с анимистическими представлениями. Стоящее в центре культа благодетельное божество солнца изображается то в виде оленя с золотыми рогами то в виде сияющего на небе лучистого диска. Писаницы со всеми этими изображениями встречаются как в Монголии, на берегах Толы у Улан-Батора, в долинах Селенги и её притоков, так и в Забайкалье, в Агинских степях в бассейне Онона, около Читы и т. д.

Носители культуры плиточных могил были прямыми предками гуннов, северные племена которых и позднее жили на территории Забайкалья. Культура плиточных могил была самой восточной из значительных степных культур Южной Сибири. Степи Забайкалья, Монголии и Маньчжурии замыкались на востоке лесами Уссурийского края, Кореи и Северного Китая. В этих лесах, а также в расположенном к северу от южно-сибирских степей огромном массиве тайги жили племена, совершенно отличные по быту и культуре от рассмотренных до сих пор.

Племена Прибайкалья и Якутии

В начале I тысячелетия до н. э. лесные пространства между Енисеем и Байкалом заселяли многочисленные племена, занимавшиеся, как и их предки неолитического времени, охотой и рыбной ловлей. Их поселения лучше всего изучены по берегам Ангары. Каменные орудия труда и оружие целиком или почти целиком вытесняются медными и бронзовыми. Часть металлических изделий (например, медные котлы скифского типа) доставлялась из степей, часть выделывалась на мосте, на Ангаре и Лене, по степным образцам (минусинским и забайкальским). В металлических изделиях этого времени заметны, однако, и местные традиции, связывающие их с изделиями глазковской культуры [1] раннего бронзового века. С глазковской культурой связана и

[1] О- глазковской культуре см. «Всемирная история», т. I, стр. 451.

керамика этого времени (круглодонные сосуды в отличие от степных плоскодонных). Помимо степей Южной Сибири население лесного Прибайкалья было связано также с Китаем. Эти связи заметны как по характеру керамики, так и по изделиям из металла.

О религии и искусстве племён Прибайкалья говорят наскальные изображения (писаницы, выполненные красной охрой или выбитые на гладких поверхностях скал), продолжающие древние традиции лесного искусства. Часто изображались животные, особенно лоси, а также люди или фантастические духи с рогами на голове и с хвостами. Наскальные изображения располагались обычно по берегам рек. Большой фриз на Шишкинских скалах в верховьях Лены, сделанный темно-малиновой краской, изображает множество лодок, плывущих по священной реке в мир мёртвых. На тех же скалах имеется также фигура мифического чудовища, пытающегося проглотить какой-то круглый предмет, вероятно, луну или солнце, что свидетельствует о возникновении космических культов и находит параллели в мифологии Центральной Азии и Китая, где таким образом истолковывались солнечные и лунные затмения.

На территории современной Якутии знакомство с металлом и начало местной его обработки относятся ко второй половине II тысячелетия до н. э. Этим же временем датируются погребения в разных районах Якутии, в том числе за Полярным кругом. По берегам Лены и её притоков обитали тогда многочисленные лесные племена, занимавшиеся охотой (главным образом на северного оленя) и рыбной ловлей, употреблявшие наряду с чисто неолитическими орудиями из камня и кости простейшие металлические предметы (медные бляшки, шилья, иглы). На одной стоянке вместе с отходами производства каменных орудий, каменными наконечниками стрел и ножами, сделанными весьма искусно, оказались очаги для плавки меди или бронзы, миниатюрные тигли в виде ложек и даже застывшие брызги расплавленного металла. К середине I тысячелетия до н. э. бронзовая металлургия достигает значительного совершенства; изготовляются *кельты* (бронзовые топоры особого типа), кинжалы, мечи и наконечники копий, отличающиеся необычно крупными размерами и не уступающие изделиям степных мастеров. Таёжные воины и охотники бронзового века были превосходно вооружены.

Для культуры племён Якутии этого времени характерно многое, что сближает её с культурой Прибайкалья: круглодонная керамика, писаницы с изображениями оленей и лосей, духов в рогатых головных уборах, прямолинейно-геометрический орнамент, столь непохожий на пышный декоративный стиль и прихотливые узоры степняков. Культура эта охватывала огромные пространства тайги, лесотундры и тундры почти вплоть до берегов Ледовитого океана.

Племена Дальнего Востока

Совсем другой характер имела неолитическая культура раковинных куч, носителями которой были приморские племена Дальнего Востока, жившие во II и I тысячелетиях до н. э. к северу от Кореи, у современного Владивостока и далее на север. Кучи эти располагаются обычно в бухтах, на выступающих в море мысах и перешейках и состоят из раковин съедобных морских и пресноводных моллюсков, костей рыб, диких (олень, косуля, медведь, леопард) и домашних животных, а также изделий из камня и кости (каменные и костяные ножи, кинжалы, наконечники копий и стрел).

Основные промыслы населения, оставившего раковинные кучи, были связаны с морем. В раковинных кучах I тысячелетия до н. э. имеются раковины моллюсков, живущих в открытом море на глубине нескольких десятков метров, а также кости морских рыб, обитающих вдали от берегов. Это показывает, что жители побережий Японского моря не ограничивались сбором даров моря на берегу, но решались уходить далеко от берега. Именно в этот период были в основном достигнуты все те технические усовершенствования в сфере морского рыболовства, которые существовали

у племён западных побережий Тихого океана ко времени появления европейцев. Наряду с рыболовством развивается охота на крупную рыбу и морского зверя с применением гарпунов. В раковинных кучах встречаются острия гарпунов из шифера.

У носителей культуры раковинных куч возникают и другие формы хозяйства. Развивается примитивное земледелие, о наличии которого говорят зернотерки, обломки шиферных ножей, служивших серпами, и каменные мотыги, похожие на те, которыми в период неолита пользовались древние земледельцы бассейна Хуанхэ. Появляются домашние животные, в первую очередь собака и свинья.

Уже на протяжении I тысячелетия до н. э. в Приморье начинают проникать металлические изделия из соседних стран, о чём свидетельствуют их единичные находки, а также каменные кинжалы и наконечники, подражающие по форме металлическим из степей Южной Сибири конца II — начала I тысячелетия до н. э.

Во внутренних областях Дальнего Востока жили племена, известные по памятникам, найденным в долине Амура, у Хабаровска. Для неолитических культур этих племён характерны раскопанные у Хабаровска землянки, в верхних слоях которых обнаружены керамика и металлические изделия, относящиеся к концу I тысячелетия до н. э.

По китайским источникам, в период Чжоу (1122—249 гг. до н. э.) в долинах рек Амура, Уссури и Сунгари жили племена «сушэнь» (или «сишэнь»), о которых в китайских источниках сообщается, что они приносили дары китайцам.

Арктические племена

Страны, расположенные далее на север, не были известны китайцам ни в это время, ни в первые века нашей эры. Единственными источниками здесь являются археология и фольклор местного населения. По восточным берегам Азии вплоть до Чукотского полуострова и далее на запад во всей арктической полосе Сибири жили оседлые рыболовы и морские охотники, целиком ещё сохранившие культуру каменного века. Именно в арктической полосе Сибири и сходной с ней по условиям исторического развития арктической полосе Северной Америки (особенно в Аляске) в наиболее чистом виде, вследствие длительной изоляции, складывается своеобразная культура морских рыболовов и зверобоев. В этой культуре могут быть выделены две стадии: берингоморская, датируемая I тысячелетием до н. э., и пунукская, относящаяся к I тысячелетию н. э.

Древняя берингоморская культура целиком принадлежит развитому неолиту. Орудия и утварь изготовлялись из камня, кости, дерева, китового уса. Выделывалась грубая керамика. Основным источником существования населения была охота на тюленей и моржей, а также рыболовство. Единственным домашним животным была собака, которая употреблялась в пищу. Езда на собаках была, видимо, ещё неизвестна. Тяжести перетаскивали сами люди на санях с костяными полозьями. Морской промысел, связанный с определёнными, наиболее удобными для него пунктами, требовал прочной оседлости. Посёлки, состоявшие из полуподземных жилищ, в которых легче сохранялось зимой драгоценное тепло, располагались на мысах, по берегам бухт и по островам. В жилища проникали по подземному туннелю, дно которого, равно как и дно самого жилища, устилалось каменными плитами. В жилищах найдены своеобразные орудия и утварь: тяжёлые мотыги из бивней для долбления льда и мёрзлой земли, снеговые лопаты, скребки для шкур из плечевых костей собаки.

Проводя долгую полярную ночь в полуподземных жилищах при тусклом свете каменных и глиняных светильников, наполненных тюленьим жиром, жители Крайнего Севера занимались в это время изготовлением различных предметов утвари и охотничьего вооружения. Так родилось искусство народов Севера, прежде всего резьба по кости, которое и до сих пор даёт замечательные образцы. От древней берингоморской культуры сохранилось огромное количество художественных изделий.

Наконечники гарпунов покрывались магическим орнаментом, наряду с условно-декоративным орнаментом встречаются стилизованные изображения человеческих лиц и животных (белый медведь, тюлень).

Таковы были во второй половине I тысячелетия до н. э. условия жизни и своеобразный быт различных племён, населявших Казахстан и Сибирь.

Греко-персидские войны явились важным рубежом древней истории. Они положили конец экспансии державы Ахеменидов на запад и развязали освободительную борьбу подвластных Персии племён и народов.

Победа небольших греческих городов-государств в борьбе с огромной Персидской империей, наследницей предшествовавших ей военных деспотий Передней Азии, имела глубокие корни в историческом развитии Эллады, в особенностях общественного строя её передовых, наиболее развитых полисов, прежде всего Афин.

Сокрушившая власть родовой аристократии и сменившая старую родовую организацию эллинская «гражданская община», несмотря на всё углублявшееся имущественное неравенство, сохраняла ещё в период греко-персидских войн известную целостность. Угроза потери независимости укрепила сознание единства эллинов, которое на время взяло верх над противоречиями, разделявшими греческие полисы.

Это было время расцвета античного общества, когда с огромной силой раскрываются заложенные в нём возможности. Труд свободных ещё долго сохраняет значительный удельный вес в ремесле и особенно в сельском хозяйстве; вместе с тем неуклонно развивается рабство, всё полнее охватывая общественное производство. Растущее разделение труда приводит к подъёму экономической жизни Эллады, к широкому развитию обмена, денежных отношений. Торговые пути связывают греческие полисы между собой и с другими рабовладельческими государствами, а также с окружающими рабовладельческий мир племенами. Крупные успехи достигаются в области мореплавания, расширяется географический кругозор греков.

Античная рабовладельческая демократия достигает высшей точки своего развития, с чем связан и общий подъём в области культуры.

Именно к этому времени относятся те великолепные образцы архитектуры, скульптуры, драматического творчества, которыми обессмертили своё имя эллины. Расцвет переживает и философия, значительный шаг вперед делает естественно-научное знание; чётко размежёвываются материалистическая и идеалистическая тенденции, борьба которых составляет основное содержание всей дальнейшей истории человеческой мысли. На смену историческим мифам и сухому летописанию приходит связное, живое, конкретное историческое повествование.

Но уже в период расцвета греческого общества ясно обнаруживаются его внутренние противоречия, таящие в себе зародыши последующего кризиса и упадка. Труд рабов всё более вытеснял труд свободных, подрывая тем самым экономическую, а также политическую и военную основу полиса. По мере того как рабство овладевало производством, физический труд приобретал в глазах греков низменный, унижающий человека, «рабский» характер. Такое отношение к труду деморализовало разорявшихся ремесленников и крестьян, превращало их в слепое орудие рабовладельческой верхушки а привело в конечном счёте к неизбежному вырождению античной демократии. «Не демократия привела Афины к гибели, как это утверждают европейские школьные педанты, виляющие хвостом перед монархами, а рабство, которое сделало труд свободного гражданина презренным» [1].

Недолговечна была и гегемония Афин в эллинском мире, основанная на насильственном подчинении и эксплуатации других полисов. Экономическое развитие полисов

---

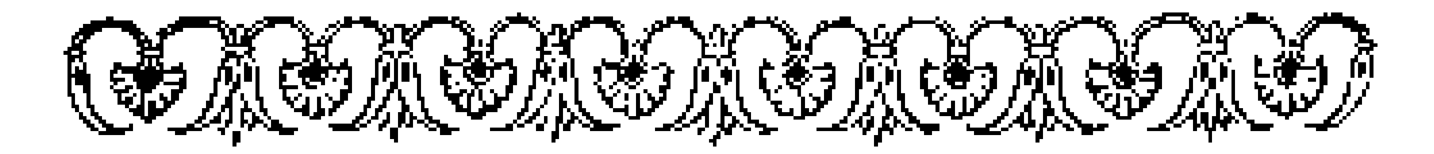
[1] *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 123.

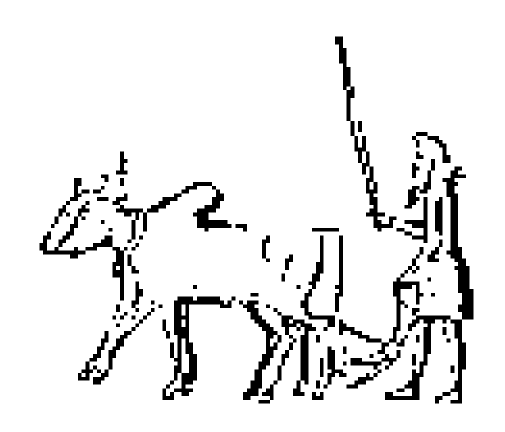
обостряло их торговое и морское соперничество, порождая вооружённые столкновения, вылившиеся в длительную Пелопоннесскую войну. Борьба между греческими городами-государствами осложнялась ожесточённой внутренней борьбой, острыми социальными конфликтами, нарастанием основного антагонизма — между рабовладельцами и рабами. Сопротивление рабов носило в это время ещё по преимуществу пассивный характер и протекало в скрытых формах, но именно оно нередко склоняло чашу весов во внутренней и внешней борьбе на ту или иную сторону, показывая, какая грозная, открыто враждебная рабовладельческому строю сила нарастает постепенно в его недрах.

Эллинское общество нуждалось в населённой негреческими народами и племенами огромной периферии, которая служила для него прежде всего источником пополнения рабов. Но историческая роль этих племён и народов отнюдь не сводилась только к тому, чтобы питать своими соками рабовладельческую цивилизацию. Росло их сопротивление греческой колонизации, их стремление к Независимости. Восприняв многие достижения эллинской культуры, негреческие народы, соприкасавшиеся с эллинским миром, вносили в неё и свои самобытные, своеобразные черты. А за сравнительно узкой полосой Средиземноморья, Передней Азии и Северного Причерноморья, связанной многими нитями с греческими государствами, жил самостоятельной жизнью многоликий мир племён, которому ещё суждено было сыграть огромную роль в истории рабовладельческого общества.

Крушение гегемонии Афин отразилось на дальнейших судьбах не только самой Эллады, но и всего Средиземноморья. Это стало очевидным тогда, когда на периферии греческого мира окрепла и возвысилась Македонская монархия, навязавшая свое господство греческим полисам и «объединившая» их для завоевательного похода в Переднюю Азию. Одновременно в Западном Средиземноморье начинает складываться новый крупный очаг рабовладения — Римское государство.

ЧАСТЬ
II
КРУШЕНИЕ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА. ОБРАЗОВАНИЕ РИМСКОЙ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ДЕРЖАВЫ





ГЛАВА VII
ЗАПАДНАЯ АЗИЯ И ЕГИПЕТ ПОД ВЛАСТЬЮ АХЕМЕНИДОВ

1. Социально-экономический строй державы Ахеменидов в V—IV вв. до н. э.

Возникшая в VI в. Персидская держава включила в свой состав огромную территорию— нагорье Ирана, значительную часть Средней Азии, часть Индии всю Переднюю и Малую Азию и Египет. Держава Ахеменидов была вовлечена в сложные взаимоотношения с рабовладельческими обществами Средиземноморья, и в первую очередь с Грецией, причём временами даже включала в свой состав высокоразвитые греческие полисы Малой Азии — Милет, Самос, Эфес и др.

Экономика державы Ахеменидов

Уровень развития стран, покорённых Ахеменидами, был весьма различен. Объединение их в рамках одной державы на протяжении двух столетий не смогло сгладить этих различий ни в экономике, ни в социальных отношениях. Однако существовали и черты общие для многих областей. Таким общим явлением следует считать распространение железа, которое прочно вошло в обиход всюду, даже у периферийных племён Персидской державы и в Египте, где железный век начался лишь в VII—VI столетиях до н. э. Геродот, путешествовавший по Египту в V в. до н. э., уже считал само собой разумеющимся, что египтяне, так же как греки и другие народы, пользуются железными орудиями. В деловых папирусах V в. железные вещи неоднократно упоминаются при перечислении предметов домашнего обихода. При этом железо называется после меди, очевидно, как более дешёвое. Впрочем, каменные орудия и в это время не исчезли окончательно, и не только из обрядового употребления, но и из сельского хозяйства: серпы с кремневыми лезвиями употреблялись в Египте до IV—III вв. до н. э.

Сельское хозяйство — основа существования общества того времени — играло в царстве Ахеменидов первостепенную роль.

Самая организация и техника сельского хозяйства почти не отличались от предыдущих периодов. Почти всюду основой земледелия являлось искусственное орошение, и господствующий класс стремился держать оросительную систему в своих руках. В старых культурных областях Передней Азии наряду с трудом общинников в широких размерах применялся в сельском хозяйстве и труд рабов. В областях собственно Ирана земледельческим трудом были заняты, вероятно, в основном свободные общинники.

В степных районах Центрального и Восточного Ирана и Средней Азии главным занятием кочевого и полукочевого населения было скотоводство. Рабовладение было здесь развито слабо.

Судя по дошедшим до нас памятникам материальной культуры, изображениям во дворцах ахеменидских царей и литературным свидетельствам, в державе Ахеменидов было широко распространено ремесленное производство, причём отдельные области славились тем или иным видом ремесла. Города и храмово-городские общины с сосредоточенным в них ремеслом имелись главным образом в Вавилонии (в первую очередь сам город Вавилон), в Сирии и в Палестине, в Финикии и в Малой Азии (греческие города). Все эти города являлись одновременно центрами торговли и в значительной мере политическими центрами рабовладельцев. Иран знал, по-видимому, лишь города-резиденции и укреплённые сельские поселения. Здесь ремесло только ещё начинало отделяться от сельского хозяйства.

Воины-саки.
Рельеф из Персеполя. V в. до н. э.

Знаменитые дворцы ахеменидских царей были созданы трудом ремесленников из различных стран. Издалека привозились и строительные материалы и готовые детали здания (даже такие, как колонны). В Сузах, во дворце Дария I, была обнаружена надпись, сообщающая о строительстве этого дворца: «...Земля была вырыта в глубину... гравий засыпан и кирпичи сформованы, и эту работу сделали вавилоняне. Дерево, называемое кедр, было привезено с гор Ливана. Ассирийцы довезли его до Вавилонии. Карийцы и ионийцы привезли его из Вавилонии в Элам. Дерево, называемое яка, привезли из Гайдары и... Кармании. Употреблённое здесь золото привезли из Лидии и Бактрии. Камни капаутака (лазурит — *Ред.*) и сикаба, употреблённые здесь, привезены из Согдианы. Камень ахшайна (гематит —*Ред.*) привезён из Хорезма. Употреблённые здесь серебро и бронза привезены из Египта. Украшения стен крепости привезены из Ионии. Слоновая кость, употреблённая здесь, привезена из Эфиопии, Индии и Арахосии. Употреблённые здесь каменные колонны привезены из города, называемого Абирадуш в Сузиане (?). Каменщики сделали их там. Ионийцы и лидийцы привезли их сюда. По золоту работали мидяне и египтяне. Ишмалу (значение неясно.—*Ред.}* делали лидийцы и египтяне, кирпичи делали вавилоняне [и ионийцы. Стены] укреплений украшали мидяне и египтяне».

Значительное развитие в ахеменидском государстве получила торговля. Она носила частью местный характер, например в виде обмена между оседлыми и кочевыми народами, но существовала и торговля между различными областями державы. С соседними странами торговля велась в основном предметами роскоши, но также тканями и некоторыми сельскохозяйственными продуктами, в частности зерном, финиками и т. д. Торговля шла по большим магистралям, пересекавшим страну в разных направлениях. Основной торговый путь начинался в Лидии (Сарды), пересекал Малую Азию, выходил к переправам на Евфрате и затем шёл на Вавилон. Оттуда несколько путей вели в глубь страны: один — на Сузы и дальше в персидские резиденции царя, Пасаргады и Персеполь, другой из Месопотамии вёл на Экбатаны—столицу Мидии и дальше в восточные сатрапии государства. В направлении с юга на север Переднюю Азию пересекал путь, шедший от торговых городов Сирии и Финикии к Черному морю и странам Закавказья. Определённую роль в торговле играл также прорытый при Дарии I канал из Нила в Красное море.

Однако товарные отношения не проникали глубоко в экономику Персидской державы, и хозяйство оставалось в основном натуральным. Каждая из областей составляла замкнутое экономическое целое. Денежное обращение приводило лишь к скоплению богатств в руках немногих торговцев, ростовщиков, высших представителей администрации. Введённая Дарием единая монетная система в ряде областей, как, например, в Египте и особенно в восточной части державы, прививалась сравнительно медленно.

Общественная структура державы Ахеменидов в V—IV вв. до н. э.

Царю, членам царской семьи и крупнейшим представителям персидской администрации принадлежали обширные хозяйства, расположенные в разных частях державы. Судя по довольно скудным данным источников, можно заключить, что в их состав входили как земельные владения, так и ремесленные мастерские. В них работали люди, обозначавшиеся иранскими терминами *мания* или *грда* (или, по-эламски, *курташ*). Грда, очевидно, являлись рабами; они состояли преимущественно из военнопленных и подвергались клеймению. В царских хозяйствах грда, помимо выполнения ими сельскохозяйственных и ремесленных работ, использовались на строительстве дворцов. Некоторые исследователи полагают, что уже с V в. до н. э. в число грда попадают беднейшие слои персидских общинников, выполнявшие повинности на царя и постепенно низводившиеся, таким образом, до положения рабов. Грда, занятых в сельском хозяйство, селили по деревням. В Иране существовали, например, целые селения военнопленных греков из того или иного полиса. В царских хозяйствах грда получали натуральное содержание (в виде овец и вина), которое они частично потребляли сами, а частично обменивали на провиант, одежду и утварь.

Часть иранской знати, в особенности в восточных областях, по всей вероятности, вела патриархальное хозяйство. Масса иранского населения состояла по-прежнему из свободных воинов-общинников.

Области, подвластные Персидской державе, можно разделить на две группы. К одной принадлежали обширные пространства Восточного Ирана, а также Средней Азии и других периферийных областей, где рабовладение было ещё слабо развито, господствовало натуральное хозяйство и продолжали существовать многие пережитки первобытно-общинного строя. Рядом с более развитыми земледельческими областями и вперемежку с ними здесь были расположены территории племён, как оседлых, так и главным образом кочевых, которые ещё не переступили порога классового общества. Наиболее важными из земледельческих областей были расположенные на юге Средней Азии и в прилегающих частях Восточного Ирана: Гиркания (к юго-востоку от Каспийского моря), Парфия (центральная часть Южного Туркменистана и примыкающие к ней части Ирана, населённые частично кочевниками),

Маргиана (долина реки Мургаба в восточной части Туркменской ССР), Арейя (Северо-Западный Афганистан), Бактрия (север Афганистана и юг Таджикской ССР), Согдиана, находившаяся к северу от Бактрии (между Аму-Дарьёй и Сыр-Дарьёй, древними Оксом и Яксартом), и выдававшийся далеко на север по нижнему течению Окса Хорезм. С севера эти области были окружены степями, заселёнными племенами кочевников: дахов, массагетов, саков. О положении этих областей известно очень немногое.

Среднеазиатский жрец.
Изображение на золотой пластине из Аму-Дарьинского клада. V—IV вв. до н. э.

Другую группу составляли наиболее развитые в хозяйственном отношении переднеазиатские сатрапии державы Ахеменидов, которые давали основную массу доходов персидским царям и были экономическим центром государства. С этих областей —Малой Азии, Заречья (области к западу от реки Тигра — Сирия, Финикия, Палестина и Северная Месопотамия), Армении, Вавилонии, Элама, Лидии — персидские цари получали в виде налогов вдвое большую сумму, чем со всей остальной державы.

В областях Передней Азии сохранялись в основных чертах те общественные отношения, которые сложились еще при ассирийцах, в VIII—VII вв. до н. э. Основная территория, составлявшая собственность царя, была заселена общинниками, вероятно, не имевшими права покидать своей общины. Они были обложены многообразными тяжёлыми налогами, пошлинами и повинностями в пользу царской казны. На этой же территории находились рабовладельческие имения самого царя и крупной персидской знати. Другая часть земель принадлежала храмам и городам. Именно здесь находились очаги наиболее развитого рабовладения.

К этой группе областей по своему социально-экономическому строю примыкал и Египет. Но в отличие от других сатрапий Египет был наименее связан с Персидской державой; в течение VI—IV вв. значительную часть времени Египет вообще не находился под властью персов.
Скудные сведения о восточных сатрапиях державы Ахеменидов позволяют охарактеризовать некоторые из них лишь в самых общих чертах. По-видимому, персидское завоевание не оказало значительного влияния на их общественный строй.

Средняя Азия в системе державы Ахеменидов

Оседлое население Средней Азии занималось скотоводством и земледелием, которое играло в его жизни большую роль. Земледелие здесь, как и в других областях, было невозможно без искусственного орошения, и потому персы, захватив в свои руки ирригационную систему, приобрели тем самым дополнительную возможность эксплуатировать местное население.

Процесс имущественной дифференциации среди населения земледельческих областей Средней Азии зашёл достаточно далеко, народ и знать резко противостояли

друг другу. По данным Авесты—«священного писания» зороастризма,—существовало три сословия: жрецы, знать («колесничие») и земледельцы. Ремесленники, редко упоминаемые в Авесте, по-видимому, составляли особое, четвёртое сословие, стоявшее ниже остальных трёх. Однако трудно сказать, относятся ли эти данные к описываемому периоду или к несколько более позднему.

В V—IV вв. в Средней Азии возникают большие города с цитаделями и рынками. Так, Мараканда имела 70 стадиев в окружности, т. е. около 10 *км.* Наличие цитаделей в городах указывает на существование отделённой от народа публичной власти. Правители областей, происходившие из племенной знати, жили в неприступных крепостях и временами собирались на съезды, обычно в Бактры. Примитивные государственные образования на территории Бактрии существовали, по-видимому, еще в доахеменидский период. Определённых сведений о развитии рабства в Сроднен Азии для этого времени (кроме немногочисленных смутных сведений Авесты, которые трудно датировать) нот, но вряд ли можно сомневаться в его существовании, вероятно, рабство носило домашний, патриархальный характер.

Персидское правительство держало эти сатрапии в подчинении при помощи своего административного аппарата, эксплуатировало их, но сохранило в неприкосновенности их внутреннюю организацию, в частности военную. Как оседлое земледельческое население Восточного Ирана и Средней Азии, так и кочевники играли значительную роль в ахеменидской армии.

Положение в Вавилонии при Ахеменидах

Общественные отношения в Вавилонии при Ахеменидах в основном не отличались от тех, которые существовали в Ново-Вавилонском царстве. Вавилон, Урук, Ниппур и другие самоуправляющиеся города этой страны продолжали и при Ахеменидах быть важными центрами ремесла и торговли. Благосостояние этих городов было основано, во-первых, на эксплуатации труда рабов-ремесленников, которые хотя и работали не под надзором хозяина, а самостоятельно, тем не менее вынуждены были отдавать большую часть произведенного ими продукта рабовладельцу. Во-вторых, эти города вели обширную посредническую торговлю, а также торговлю предметами вавилонского ремесла (тканями, ковровыми изделиями и т. п.).

Однако крупные рабовладельцы Вавилонии, торговцы и ростовщики были обмануты в своих надеждах занять привилегированное положение в державе Ахеменидов. Разветвлённый персидский административный аппарат извлекал из Вавилонии особенно большие доходы. Многие видные представители персидской администрации сделались в Вавилонии крупнейшими рабовладельцами-землевладельцами. Правда, в доходах персидской администрации участвовали и крупные вавилонские рабовладельцы; так, по-видимому, торговые роды Эгиби и Мурашу получали на откуп сбор налогов. Однако в целом рабовладельцы Вавилонии были стеснены существованием Персидской державы. Даже посредническая торговля уже не была теперь их монополией: Вавилон был в это время наводнён иноземцами, среди которых важную роль играли, в частности, финикийские и малоазийские купцы.

Земли в Вавилонии находились либо в собственности частных лиц («владение руки»), либо в собственности государства. На царской (государственной) земле выделялись наделы, держатели которых были обязаны выставлять воинов («земля лука»). В частной собственности находилась, по всей вероятности, земля граждан привилегированных городов и представителей царской администрации. Менее известно положение рядовых земледельцев за пределами города; по всей вероятности, как и в ассирийское время, они жили общинами, платили налоги, отбывали повинности и часто зависели от крупных собственников.

Налоговое обложение, введённое персами, было крайне тяжёлым. Вавилонская сатрапия, население которой вряд ли превышало 3 млн. человек, уплачивала в казну ежегодно около 1 000 талантов (приблизительно 30 *т*) серебра, т. е. примерно по 10 *г*

серебра на душу. Но граждане привилегированных городов, вероятно, общегосударственных налогов не платили, и это ещё более увеличивало налоговое бремя сельского населения. К тому же если налоги собирались откупщиками, то фактически размер обложения был ещё больше, так как часть сборов оседала у откупщиков. Принимая во внимание, что средняя численность семьи составляла 4—6 человек, можно считать, что каждая семья уплачивала ежегодно по 50, а то и по 100 *г* серебра, т. е. половину средней цены одного раба или цену довольно большого участка поля.

Население Вавилонии изнывало под бременем персидской власти. Если при первых Ахеменидах сохранялась фикция существования Вавилонского царства и персидские цари принимали наряду с прочими титулами также титул вавилонских царей, то в дальнейшем и эта видимость самостоятельности Вавилона стала казаться им опасной. Власть персов в Вавилонии была не слишком прочной, и им постоянно приходилось бороться со вспыхивавшими здесь восстаниями.

Малая Азия при Ахеменидах

Малая Азия была одной из важнейших в экономическом отношении частей государства Ахеменидов. Она выплачивала казне ежегодно 1760 талантов серебра и играла первостепенную роль в торговле: через неё проходила «царская дорога» из Эфеса в Сузы (через Сарды — Сангарий — Галис — Евфрат), а греческие города западного побережья держали в своих руках значительную часть транзитной торговли между Востоком и Западом. Территория Малой Азии при Ахеменидах подразделялась на несколько сатрапий.

Сатрапы, назначавшиеся ахеменидскими царями из числа приближённых персов, сохраняли свою власть в ряде поколений; так, например, во главе Даскилейской сатрапии стоял род Артабаза, одного из тех персов, которые участвовали в убийстве Гауматы. Ахемениды использовали также местных династов в качестве своих сатрапов. Полунезависимое положение сатрапов усиливало их центробежные стремления. Опираясь на союзников из числа малоазийской рабовладельческой знати и особенно из городов, стремившихся к освобождению от обременительных для них податей, сатрапы нередко выступали против центральной власти.

Вводя в Малой Азии свою податную систему и связанные с ней учреждения, Ахемениды сохраняли местную, давно сложившуюся административную организацию; греческие полисы, равно как и местные малоазийские города, в значительной своей части возникшие на базе храмовых объединений, использовались в государстве Ахеменидов как самоуправляющиеся единицы, разумеется, подчинённые персидскому бюрократическому аппарату. Города находились в меньшей зависимости от произвола сатрапов, чем территории, не имевшие городской организации, и имели право непосредственного обращения к персидскому царю через своих представителей. В своей политике сохранения местных самоуправляющихся организаций в Малой Азии Ахемениды иногда даровали городам полное освобождение от налогов: это распространялось главным образом на крупные храмовые общины, жрецы-правители которых становились вследствие этого приверженцами Ахеменидов. На территории Малой Азии были и многочисленные царские хозяйства, находившиеся в ведении специальных царских управляющих, а также земельные владения, выделенные царями представителям иранской знати. Малая Азия и после падения державы Ахеменидов сохраняла некоторые следы персидского владычества как в виде отдельных учреждений, так и в виде иранского этнического элемента, религиозных обрядов и культурных традиций, особенно в своих восточных областях.

Положение в Финикии и Палестине

Положение в сатрапии, которая в источниках называется Заречьем, было во многом сходно с положением в Вавилонии. Богатые торговые города Финикии — Тир, Сидон, Арвад и др.— были экономически связаны, с одной стороны, со странами Средиземноморья, с другой — с Передней Азией, являясь посредниками между этими областями. Существование Персидской державы обеспечивало им бесперебойное поступление

переднеазиатских товаров для торговли, в том числе рабов, а также политическую поддержку против греческих торговцев и мореплавателей. Финикийские города пользовались широкой автономией: они продолжали, как и в старину, управляться собственными династами и местными органами власти, чеканили свою серебряную монету и т. п. Однако те же причины, которые заставляли рабовладельцев других торгово-ремесленных центров стремиться к большей независимости, сказывались, несомненно и в Финикии.

Помимо финикийских городов в сатрапии Заречья возник ещё один самоуправляющийся город — Иерусалим, расположенный на торговом и военном пути в непокорный Египет. Ещё Кир разрешил заново отстроить этот город, разрушенный в начале VI в. до н. э. вавилонским царём Навуходоносором, освободив Иерусалим от общо-государственных податей и повинностей. Здесь возникла привилегированная рабовладельческая община избранных иудейских родов по типу вавилонских храмовых городов. Как и в вавилонских городах, особый культ, в данном случае культ единого божества (Яхве), отделял членов иерусалимской общины от окружающего населения. Эта изоляция ещё более усилилась в результате оформления в V—IV вв. догматов религии иудаизма [1].

Иерусалимская община эксплуатировала местное население — самаритян, так как часть территории Палестины была непосредственно подчинена Иерусалиму; поэтому местное население ожесточённо сопротивлялось строительству Иерусалима. Но и сама иерусалимская община была охвачена процессом имущественного расслоения, причём верхушка рабовладельцев — жрецы, отправлявшие культ и правившие Иерусалимом,— эксплуатировала своих обедневших единоверцев, фактически лишённых политических прав.

Что же касается персидской администрации, то её отношение к Иерусалиму, как и вообще к привилегированным городам, было противоречивым. С одной стороны, она стремилась на них опереться, как на мощные организации класса рабовладельцев, с другой стороны, опасалась ослабления государства и уменьшения государственных доходов в случае предоставления им слишком больших прав самоуправления и освобождения их от налогов.

Египетское общество V—IV вв. до н. э.

Несмотря на долгое иноземное владычество, развитие египетского общества с конца VI в. но конец IV в. до н. э. представляет собою прямое продолжение истории Египта времени Позднего царства.

На основании деловых папирусов V в. до н. э. (на позднеегипетском и на арамейском языках) можно заключить, что в Египте продолжало развиваться частное рабовладение. Рабы упоминаются как нечто обычное в составе имущества частного лица. Рабов наследовали, дарили, продавали, покупали, брали в заклад. Геродот не видел никакой разницы между греческим и египетским рабовладением.

Одним из основных слоев египетского населения были то, кого греки в V—IV вв. до н. э. называли «земледельцами». По Геродоту, ещё царь Сесострис (собирательное обозначение, в котором слились смутные воспоминания о разных древних фараонах) распределил между египтянами небольшие («четырёхугольные») наделы земли с условием уплаты ежегодного поземельного налога.

Свободным от налога земельным наделом в 1 200 египетских локтей (3,28 *га)* владел каждый египетский воин. Воины составляли многочисленное военно-земледельческое сословие, служившее персам за свои наделы. Землёю владели внутри своего поселения и иудейские воины, нёсшие пограничную службу персидскому царю на южной окраине Египта, хотя они получали, по-видимому, также зерновое довольствие.

[1] См. «Всемирная история», т. I, стр. 493—494.

Кроме воинов Геродот называет в качестве владельцев льготных наделов ещё жрецов, пользовавшихся также и продовольственными храмовыми доходами: говядиной, гусями, хлебом, вином. Очень многие представители египетской гражданской и военной знати старались заручиться несколькими жреческими должностями — настолько они были доходны. Имелись и крупные рабовладельческие имения представителей персидской администрации (например, обширные земли принадлежали в V в. до н. э. сатрапу Аршаму). Но наши представления о хозяйственной организации частных владений тогдашней египетской знати остаются весьма неопределёнными.

Греческие писатели высоко ценили мастерство египетских ремесленников, по сравнению с которыми ремесленники других народов казались им малообученными. Такое превосходство греки объясняли наследственностью ремёсел у египтян и закреплением каждого ремесленника за одной определённой отраслью ремесла. Важным центром ремесла, вывозившим свою продукцию, был греко-египетский город Навкратис. Через него проходил также ввоз различных товаров из Средиземноморья. Представить себе положение египетских ремесленников в VI—IV вв. до н. э. довольно затруднительно. По сообщению Геродота, известно лишь, что ремесленники стояли много ниже воинов, которым даже возбранялось заниматься ремеслом.

Несколько лучше мы осведомлены о состоянии обмена в Египте. Геродот выделяет египетских торговцев в особый разряд населения, наряду со жрецами и воинами. В стране были и иноземные торговцы, прежде всего—греческие, которые жили не в одном Навкратисе. Впрочем, дальше Нижнего Египта греческие купцы обыкновенно не заглядывали, и клады греческих монет V—IV вв. до н. э., действительно, часты только на севере страны. Существенно, что торговля между Египтом и Грецией распространялась уже в V в. на предметы широкого потребления. Так, Геродот говорит о ввозе в Грецию египетского полотна и о вывозе в Египет из Греции и Финикии вина. В IV в. до н. э. египетскими властями взималась десятина «с золота, с серебра, с дерева, с деревянных изделий, с вещи всякой, поступавших из моря греческого». Торговые пути проходили как по суше, так и по морю.

Египетское мореплавание было сильно развито. В V в. до н. э. египетские морские корабли составляли важную часть персидских вооруженных сил. Длина канала, соединившего при Дарии I Средиземное море через Нил с Красным, измерялась четырьмя днями плавания, и он был настолько широк, что по нему могли идти рядом на вёслах два больших корабля. Подорожные надписи персидских начальников, помеченные разными годами правления первых фараонов-персов, свидетельствуют об оживленном движении по дороге, шедшей из верхнеегипетского города Коптоса через пустыню к пристаням Красного моря. Согласно тому же Геродоту, в V в. до н. э. было вновь предпринято плавание вокруг Африки, на этот раз — с помощью не финикийских, как при фараоне Нехао, а египетских корабельщиков. Однако это предприятие не было доведено до конца.

В период персидского завоевания заметно выросло денежное обращение внутри страны. Сотни и сотни талантов платил Египет в персидскую казну в счёт общегосударственного налога; в качестве натурального налога Геродот называет только хлеб, поставлявшийся для персидских войск в мемфисской крепости. Наиболее распространёнными деньгами были серебряные, особенно серебряная монета персидского сатрапа Египта. Имели хождение также и греческие серебряные монеты, главным образом в Нижнем Египте. Около 360 г. до н. э., в период восстановления независимости Египта, фараон Тах, которому приходилось оплачивать многочисленных иноземных наёмников, выпускал деньги по афинскому образцу с добавлением своего имени по-гречески. И, тем не менее, Египет оставался страною с менее развитым денежным хозяйством по сравнению с рядом стран Передней Азии. В V в. до н. э. персидские деньги в Египте при расчётах перевешивали на весах,

а в позднеегипетских кладах цельные греческие монеты находятся вперемешку с разломанными монетами и даже просто со слитками серебра: очевидно египтяне не видели большой разницы между серебром—металлом и серебряной монетой.

Персидское владычество не сломило и не уничтожило господствовавшие прежде в стране общественные силы, а, наоборот, вступило с ними в своего рода соглашение. Персидские цари объявили себя фараонами, некоторые из них даже принимали особые фараоновские престольные имена. Была создана легенда, будто с Камбисом к власти вернулся законный царский род, свергнутый Амасисом. Некоторые представители египетской знати были в большом почёте у персидских властей. В городах сохранились своя знать и старейшины. Из надписей, оставленных в пустыне персидскими начальниками из верхнеегипетского города Коптоса, видно, что персы в начале и середине V в. пользовались египетским языком и письменами, чтили местных богов, принимали египетские звания и титулы или даже добавочные египетские имена, уподобляясь окружающей египетской знати.

В Египте находились персидские войска, занимавшие важнейшие пункты: они стояли в столичной мемфисской крепости и в пограничных крепостях на северо-востоке и юге страны — Дафнах и Элефантине. Численность египетского войска, по-видимому, но была сокращена, однако персидским гарнизонам принадлежало господствующее положение. Можно думать, что египетское войско было одной из движущих сил сопротивления иноземным завоевателям. Сочувствие ему в этом деле со стороны земледельцев и ремесленников, изнывавших под двойным гнетом — местным и чужеземным,— было всегда обеспечено.

2. Борьба отдельных сатрапий за независимость

Последствия поражения Ахеменидов в войне с Грецией

Неудачи персов в войне с Грецией оказали большое влияние на внутреннее положение державы Ахеменидов. С новой силой проявилось стремление крупнейших сатрапий — Вавилонии и Египта — сбросить с себя персидское владычество. Сразу же после победы греков над персами при Марафоне в Египте вспыхнуло восстание, подавленное лишь через несколько лет преемником Дария I Ксерксом. При Дарии же произошло восстание и в Вавилоне. Имеются сведения о новом восстании в Вавилоне при Ксерксе (484 г. до н. э.), которое было подавлено Багабухшей (Мегабизом), представителем одного из семи господствовавших в Персии знатных родов, тесно связанных с домом Ахеменидов. Возможно, что после поражения персов при Саламине произошло ещё одно восстание вавилонян.

Вавилон, помимо своего экономического и политического значения, играл очень большую роль как религиозный и культурный центр. Святилища Вавилона, в частности храм бога Мардука, чтились далеко за пределами Вавилона и создавали ему особое положение среди покоренных городов и областей. Ксеркс решил уничтожить раз и навсегда значение Вавилона и пошёл на решительный шаг: он вывез статую Мардука, что влекло за собой прекращение основной культовой деятельности в этом храме, вокруг которого могли собираться недовольные элементы. С 479 г. до н. э. Ксеркс перестал титуловаться царём Вавилона, низведя, таким образом, Вавилонию на положение рядовой сатрапии.

Религиозно-политический характер носили и другие меры, направленные против культов местных божеств, которым противопоставлялся культ общеиранского божества Ахурамазды. В Персеполе была найдена надпись, в которой после списка стран, принадлежавших Персидской державе, от имени Ксеркса говорится:

«Когда я стал царём, среди тех стран, что перечислены выше, была такая, которая восстала. Затем Ахурамазда помог мне. По воле Ахурамазды такую страну я победил... И среди этих стран была такая, где прежде поклонялись дэвам (злым духам.—*Ред.*), по воле Ахурамазды я разрушил основания храма дэвов и приказал: „Дэвам да не поклонятся". Там, где поклонялись дэвам, я поклонился Ахурамазде и небесной(?) Арте. И было и другое, что делалось неправедно, это я исправил».

По-видимому, в этой надписи нашла отражение борьба Ксеркса за сохранение единства державы против сепаратизма родовой и жреческой аристократии отдельных племен. Уничтожение культа родовых божеств имело поэтому не столько религиозно-реформаторский, сколько политический характер.

Ксеркс правил до 465 г. до н. э., когда он и его старший сын были убиты заговорщиками-царедворцами. Началась династическая борьба между другими его сыновьями, продолжавшаяся около трёх лет. Один из претендентов, Виштаспа, опирался, возможно, на Среднюю Азию и Восточный Иран; в 462 г. до н. э. он погиб в Бактрии, и Артаксеркс I (по-ирански Артахшашша), прозванный греками Длинноруким (Макрохейр), стал править всей державой, кроме отпавшего от неё Египта.

Восстание в Египте оказалось, благодаря деятельной поддержке со стороны Афин, затяжным и было настолько сильным, что привело к разгрому персов в битве при Папремисе. Повстанцы неудачно попытались осадить персов в мемфисской крепости, но были оттеснены в западную часть Дельты, где продолжали упорно держаться. Ими руководили сначала Инар, а затем Амиртей. В конце концов в середине V в., когда во главе повстанцев стояли уже сыновья Инара и Амиртея, персам пришлось признать их права на полусамостоятельные владения в Нижнем Египте. Нельзя забывать, что именно в Нижнем Египте была расселена основная часть египетских воинов. Верхний Египет, где их было сравнительно мало, оставался, по всем данным, покорным персам.

Обострение политический борьбы в империи Ахеменидов

К середине V в. до н. э. Ахемениды вынуждены были признать своё поражение в войне с греками. По заключённому в 449 г. до н. э. Каллиеву миру персы, как уже указывалось, фактически потеряли побережье Эгейского моря. Поражение в войне с греками усложнило внутреннее положение в державе. Почти одновременно с прекращением военных действий на Эгейском море в Египте предпринял попытку отложиться Багабухша, что было серьёзным симптомом упадка державы Ахеменидов.

Со времени Дария междоусобицы происходили обыкновенно только после смерти царя, а вооружённые столкновения между отдельными сатрапами были просто невозможны. Теперь же против царя восстал представитель одного из знатнейших персидских родов, потомок ближайшего сподвижника Дария. Восстание в конце концов было подавлено, Багабухша погиб, а сын его, имя которого дошло до нас только в греческой форме — Зопир — бежал к грекам. Принято считать, что рассказы этого Зопира были главным источником сведений Геродота о государстве Ахеменидов.

Но особенно серьёзные волнения и внутренние неурядицы начались после смерти Артаксеркса I в 424 г. до н. э. Два правивших после него царя оказались неугодны знати и были устранены ею в течение одного года; затем персидская знать посадила на престол Вахуку (по-гречески Ох), который принял имя Дария II.

Все внешние и внутренние события царствования Дария II свидетельствуют о далеко зашедшем процессе разложения державы. При дворе плетутся бесконечные интриги, в которых центральную роль играет царица Парисатида. В сатрапиях начинается целая цепь мятежей, нередко возглавляемых родственниками царя. От Ахеменидов отложился сатрап Лидии. В последние годы правления Дария II вновь отпал Египет, где на несколько десятилетий было восстановлено государство фараонов.

Восстановление независимости Египта

Дария II признавали в Египте по меньшей мере до 406-405 гг. до н. э. Как совершилось освобождение Египта от персидского владычества, неизвестно, но год-два спустя после указанного времени страною правил уже египетский фараон Амиртей. Освобождение страны не сопровождалось, по-видимому, ломкой внутренних порядков.

Первым фараоном по свержении персидского владычества, процарствовавшим сколько-нибудь длительное время, был Ахорис (392—379). Демотическая [1] хроника, содержащая прорицания с их толкованиями (относящаяся уже ко времени после завоевания Египта Александром Македонским), называет Ахориса благодетелем храмов. Предшествующих недолговечных фараонов «после мидян» она, как правило, обвиняет в дурных деяниях, за что они были наказаны лишением престола. Можно заключить, что господствующая жреческая знать, составлявшая одно целое с гражданской знатью, свергала и ставила царей по своему усмотрению.

При Ахорисе с помощью афинского полководца Хабрия были осуществлены большие работы по укреплению северо-восточной границы. Ахорис состоял в союзе с греческой колонией Киреной, с Баркой в Северной Африке, писидийцами в Малой Азии и островом Кипр, который фараон деятельно поддерживал в его борьбе с персами. Имеются вещественные памятники, свидетельствующие о влиянии Ахориса в Финикии и на палестинском побережье. Первое крупное столкновение с персами — войну 385—382 гг.— Египет выдержал успешно.

С Нектанеба I (по-египетски Нехтнебеф, 379—361) начинается не только новая династия — XXX**,** по счёту египетского историка Манефона,— но и последний подъём могущества Позднего царства. Новое персидское нашествие в 374 г. до н. э. окончилось полным провалом. Причиной тому были не только нерешительность персидского военачальника и происшедший в это время разлив Пила, но также упорная оборона пограничной крепости Пелусия.

Нектанеб I всячески угождал жречеству. На первом же году своего царствования он отдал храму Нейт в Саисе десятину с золота, серебра и всего прочего, ввозимого из стран «греческого моря» и производимого в Навкратисе. В надписи, посвящённой этому дарению, царь изображался не только заботящимся о строительстве и снабжении храмов, но и спрашивающим у жрецов совета во всяком храмовом деле и поступающим по их слову. О строительной деятельности Нектанеба свидетельствуют поныне развалины и обломки храмовых сооружений, которые мы находим от южных окраин страны до северных. Тем не менее, он, по-видимому, не поддерживал интересов жречества в той мере, в какой это было для них желательно, так как демотическая хроника намекает, что фараон пользовался своей властью над Египтом и храмами лишь с целью получения серебра.

Вопрос о получении серебра для военных целей стал особенно злободневным при сыне и преемнике Нектанеба I Тахе (361—360). Новый фараон намеревался вмешаться во внутренние распри Персидской державы на стороне малоазийских сатрапов и вторгнуться в Сирию. Он собрал огромное войско: 11 тыс. греческих наемников, 80 тыс. местных воинов и множество военных судов. Для оплаты иноземных воинов Таху нужны были деньги, а их не хватало.

Не довольствуясь разными налогами и выкупом с людей, набранных в избытке для службы на кораблях, Тах потребовал от населения сдачи серебра и золота в счёт будущих натуральных податей. Затем царь объявил, что ввиду военного времени может продолжить царские поставки храмам только при условии оплаты этих поставок серебром и золотом. Но когда жречество внесло требуемую сумму, царь заявил, что лишён возможности дать более одной десятой части поставок, поэтому девять

[1] Написанная *демотикой,* особой формой египетского письма, возникшей около 700 г. до н. э. См. «Всемирная история», т. I, стр. 586.

десятых жреческих взносов считает ссудою государству, подлежащей возмещению после победы. Фараон получил таким образом большое количество драгоценного металла и мог заняться чеканкою денег для оплаты наёмников.

Царское повеление о сдаче серебра и золота вызвало недовольство населения. Ещё более резкую реакцию оно встретило у жречества и знати, поэтому, когда фараон со своим войском покинул Египет и успешно продвигался по территории Финикии и Сирии, в тылу у него, в Египте, вспыхнул мятеж. Родственник царя, оставленный в Египте правителем, провозгласил фараоном своего сына Нехтгорхеба, начальствовавшего над египтянами в походе. Таху пришлось бежать к персидскому царю.

Воцарение Нектанеба II (359—341), как принято называть на греческий лад Нехтгорхеба, означало отказ от начинаний Таха и возврат к угодным жречеству порядкам. Сирийский поход был прерван. Новый фараон стремился задарить жречество. Только на погребение мемфисского священного быка Аписа Нектанеб II на втором году своего царствования отпустил более 40 *кг* золота и более 500 *кг* серебра, не считая других несметных даров, в том числе свыше 400 голов рогатого скота и свыше тысячи голов птицы. Остатки храмовых сооружений Нектанеба II были обнаружены в различных частях страны.

Отказавшись от активной борьбы против персов, которую вёл Тах, Нектанеб II пассивно выжидал персидского наступления. В 350 г. до н. э. персидское нашествие на Египет не удалось в значительной мере из-за природных препятствий (персы плутали по пустыне, к тому же близился разлив Нила). В 345 г. до н. э. фараон поддержал восставших финикийцев, но дело кончилось переходом его греческих наёмников на сторону персов. К 343 г. до н. э., ко времени решительной схватки с противником, Нектанеб II располагал всё же большим войском: 40 тыс. греческих и ливийских наёмников, 60 тыс. египетских воинов и огромным количеством речных судов. Поэтому победой над Египтом персидский царь Артаксеркс III был обязан не столько численному превосходству своих сил, сколько розни между египтянами и их греческими наёмниками и сдаче греками важнейших пограничных крепостей. Считая положение безнадёжным и не дав, в сущности, ни одной большой битвы персам, Нектанеб покинул Мемфис. Египет снова стал персидским владением.

Однако и после вторичного подчинения Ахеменидам Египет не прекратил борьбы против захватчиков. Между 341 и 332 г. до н. э. в Египте снова появляется свой фараон, носивший, правда, неегипетское имя Хабабаш. Но более подробных сведений о движении, которое привело его к власти, не сохранилось.

3. Культура и религия в державе Ахеменидов

Письменность и языки

Управляя обширным государством, Ахемениды нуждались в развитой системе письменности. Наследники культурного богатства старых государств древнего Востока, персы заимствовали клинопись, которая впервые была создана в Двуречье. Внешний вид знаков, употреблявшихся персами, напоминал клинописные знаки вавилонян, но принцип обозначения звуков языка стал совсем иным. От словесно-слогового письма, где каждое слово или каждый слог обозначались особым знаком, персы при Ахеменидах перешли к системе, близкой к алфавитной. Эта полуалфавитная система, заимствованная, по-видимому, у мидян, применялась при письме на древнеперсидском языке, которым пользовались при дворе Ахеменидов и который впервые получил письменное оформление, вероятно, при Кире Старшем. Но в разноплемённой и разноязычной стране нельзя было ограничиться одним официальным языком. Официальными были также язык ближайшей к Персиде страны

со старой культурой — эламский и язык главнейшей из переднеазиатских областей — вавилонский, а в Египте наряду с этими тремя ещё и египетский.

Но эти языки употреблялись главным образом в надписях: в рассказе о победах Дария, высоченном на Бехистунской скале, в надписях на стопах царских дворцов на золотых и серебряных досках, клавшихся в фундамент здания, на каменных стелах

Гробница Кира Старшего в Пасаргадах.
Конец VI в. до н. э.

воздвигавшихся по случаю открытия канала, на цилиндрических печатях. В хозяйственной жизни городов Вавилонии продолжает употребляться аккадский язык. В Эламе, а для деловых документов и в самой Персиде был распространён эламский язык, о чём свидетельствует обнаруженный в Персеполе хозяйственный архив. Кроме того, в ахеменидское время ведущее значение как язык деловой переписки и международных сношений приобрёл один из семитических языков, имевших широкое распространение по всему Переднему Востоку, а именно язык арамейский, вернее один из его диалектов («имперский арамейский», или арамейское *койнэ*). По-арамейски писали уже не клинописью, но особым (финикийским по происхождению) алфавитным письмом, которое в истории культуры Азии сыграло огромную роль. Для письма пользовались кожей, папирусом или глиняными черепками. Это письмо явилось исходной точкой развития целого ряда алфавитов, отчасти существующих в Азии до сих пор.

Архитектура

В своих резиденциях Ахемениды возводили постройки, которые должны были показать могущество и величие владык мировой державы. Наиболее ранним памятником ахеменидской архитектуры является дворец Кира в Пасаргадах. Этот дворец был, собственно говоря, целым комплексом сооружений, окружённых стеной. В нескольких местах на развалинах

сохранилась старейшая древнеперсидская надпись: «Я, царь Кир, Ахеменид». Там же в Пасаргадах сохранилась почти полностью гробница Кира. Это небольшое сооружение из камня, похожее на жилой дом с двускатной крышей, стоящее на фундаменте из шести высоких ступенек. По сведениям античных авторов, в этой гробнице на золотом

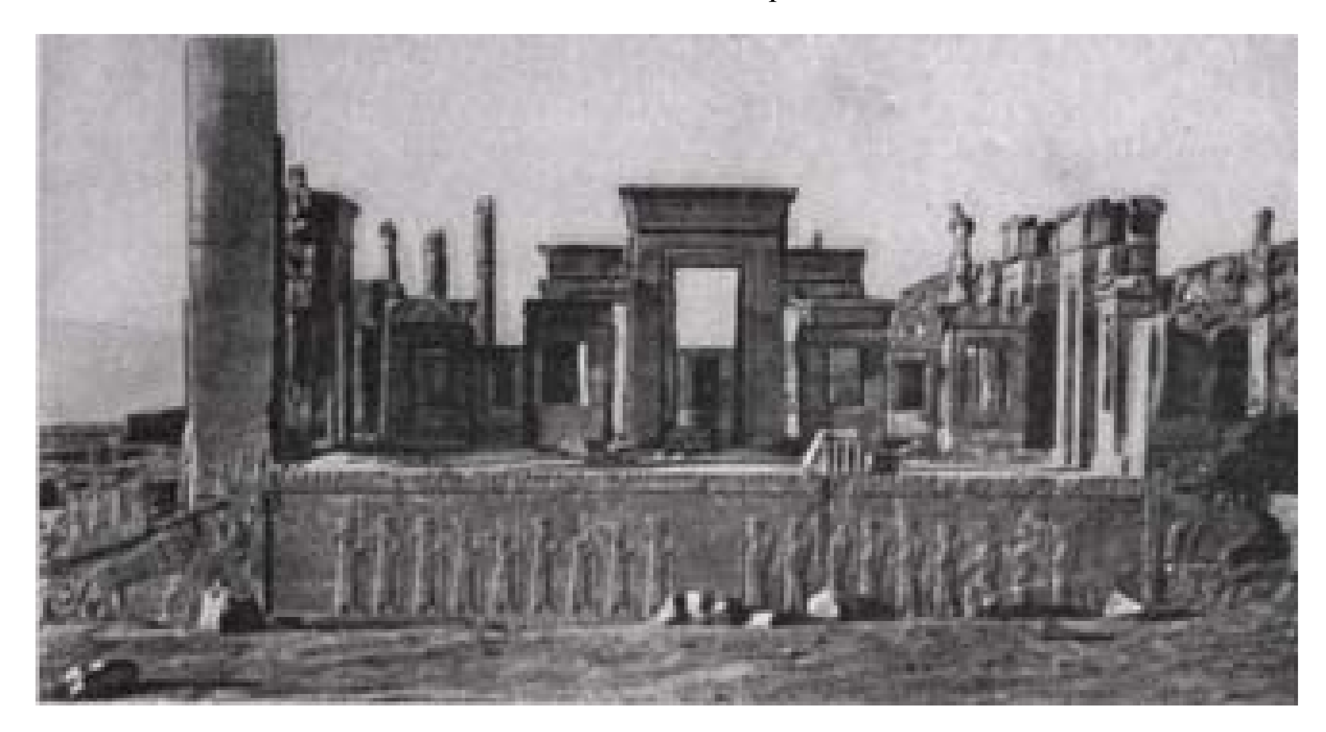
Развалины дворца Дария I в Персеполе. Главная лестница.
Начало V в. до н. э.

ложе покоилось набальзамированное тело Кира. Гробница Кира существенно отличается от других известных нам ахеменидских и мидийских царских гробниц, являвшихся не архитектурными сооружениями в прямом смысле слова, а высеченными в скале нишами, украшенными архитектурными деталями и скульптурными рельефами.

Дарий в Бехистунской надписи говорит о восстановлении им святилищ, разрушенных Гауматой. В Пасаргадах и в современном Накш-и Рустеме (недалеко от Персеполя), где находятся царские гробницы, сохранились странные постройки в виде высоких башен без окон и без всяких украшений. Предполагается, что это храмы. Из культовых памятников, помимо упомянутых загадочных башен, известны большие каменные алтари. Раскопки в Персеполе обнаружили храм времён Ахеменидов с алтарём огня в закрытом помещении.

Наибольший интерес и историко-культурное значение имеют постройки дворцового типа в Персеполе, ставшем царской резиденцией со времён Дария I. Персепольские дворцы расположены на искусственно приподнятой платформе и представляют при всём разнообразии архитектурных форм единый ансамбль, целью создания которого было прославление могущества державы Ахеменидов. Все здания, кроме одного, возведённого во второй половине IV в., построены по приказу Дария I и Ксеркса I

(начало V в.) по единому плану. Они дают нам представление о стиле архитектуры периода расцвета державы Ахеменидов. В Персеполе хорошо представлены два типа дворцовых построек: один — жилой зимний дворец (так называемая *тачара*), другой — парадный открытый зал с покоящимся на высоких тонких колоннах деревянным



Развалины дворца Дария I в Персеполе. Портал.
Начало V в. до н. э.

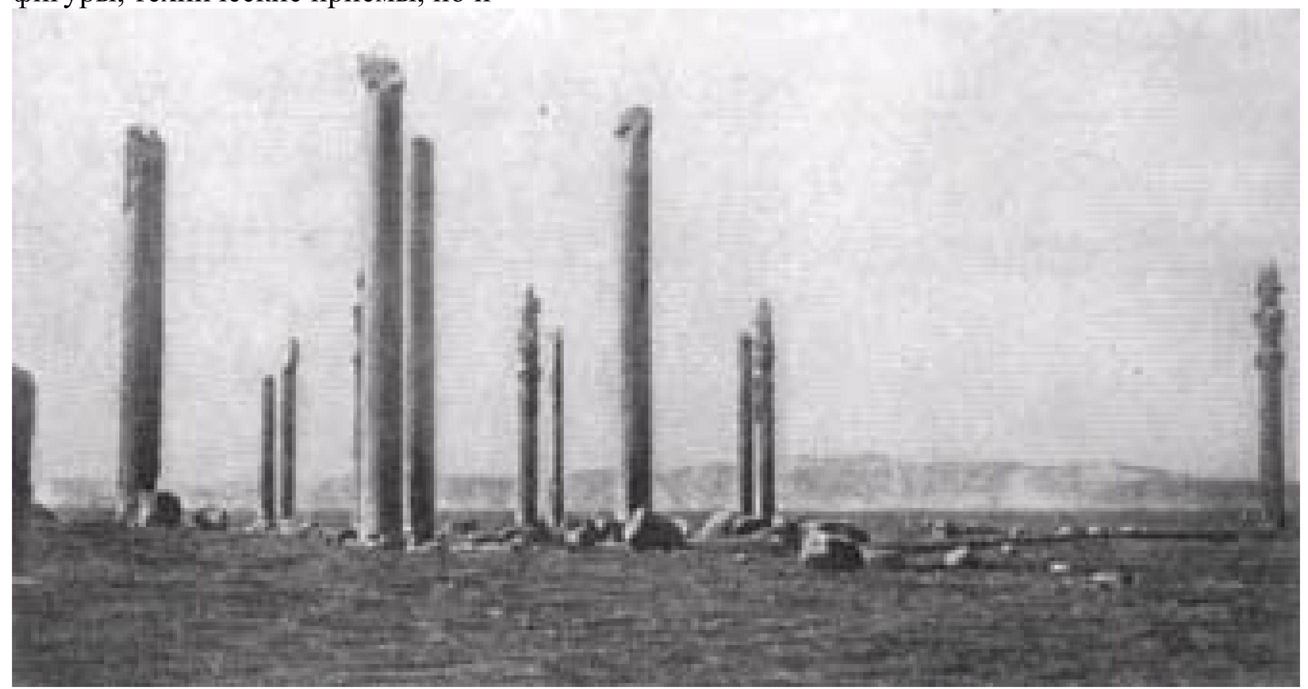
перекрытием (*ападана*). К этому же типу примыкает так называемый стоколонный зал, построенный при Ксерксе. Совсем иного типа сооружением является дворец Дария в другой царской резиденции — древней эламской столице Сузах. Там дворцовые постройки сгруппированы вокруг центрального двора по принципам древней архитектуры Двуречья.

Все эти архитектурные сооружения разных типов свидетельствуют о том, что стиль времени Ахеменидов сложился из многих элементов. Эти постройки возводились, как говорят древнеперсидские надписи, мастерами разных народов и племён. Поэтому в них, наряду с несомненно местными иранскими элементами запечатлелись элементы месопотамские, египетские, греческие.

К памятникам архитектуры примыкают и царские гробницы-ниши в Накш-и Рустеме. Вход в каждую нишу оформлен как портик с четырьмя колоннами, обозначенными рельефом на плоскости скалы. Очевидно, это старинная традиция, так как обнаружены такие же скальные гробницы, но более раннего, мидийского, времени в современном Иранском Курдистане и Иранском Азербайджане. В основу архитектуры царских скальных гробниц и дворцов Персеполя положен план обыкновенного сельского дома, сохранившийся до нашего времени в качестве основы современного крестьянского жилья в Иране, Закавказье и в Средней Азии.

Изобразительное искусство и художественное ремесло

Монументальная скульптура в виде рельефов, украшающих здания и иные сооружения (дворцы в Пасаргадах, в Персеполе и Сузах, гробницы в Накш-и Рустеме), или существующая как самостоятельный памятник (рельефы и надписи на Бехистунской скале) является вместе с архитектурой наиболее ярким выражением ахеменидского искусства. Ритм рядов фигур воинов или данников, сочетающийся с ритмом самого архитектурного сооружения, подчёркивает монументальность, величественность, церемониальность этого искусства. В скульптуре особенно ясно видно, сколь многим обязано ахеменидское искусство Двуречью. Но только трактовка человеческой фигуры, технические приёмы, но и

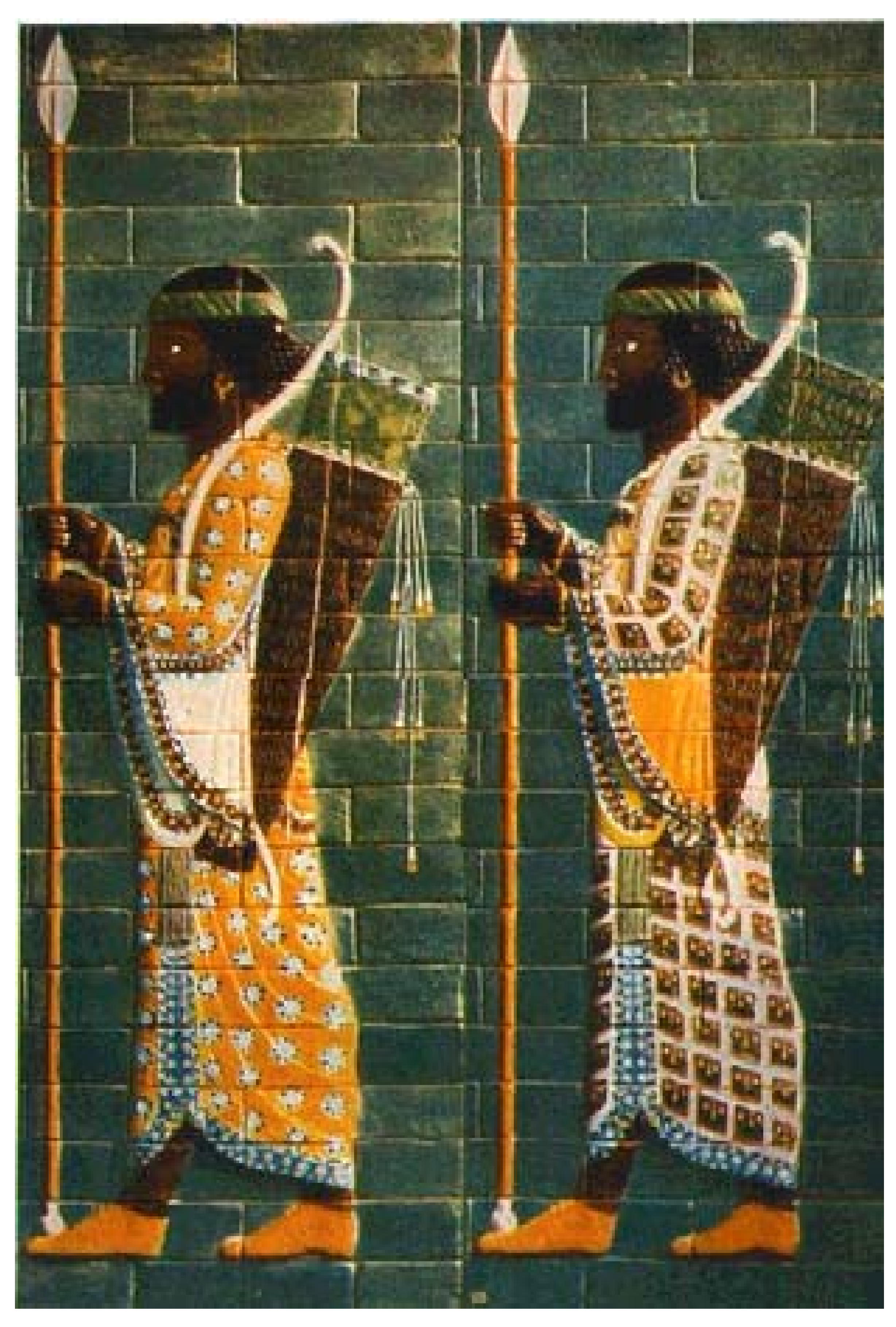


Колонны парадного зала дворца Ксеркса в Персеполе.
Первая половина V в. до н. э.

отдельные образы (крылатые быки у входа) могут быть объяснены только сильным влиянием искусства Вавилонии и Ассирии. Круглой монументальной скульптуры ахеменидское искусство, вероятно, не знало, однако греческие писатели сообщают нам о том, что в резиденциях персидских царей были статуи работы греческих мастеров.

Здания украшались не только каменными рельефами, но и цветными изразцами, дошедшими до нас, а также и росписью, золотыми орнаментальными деталями, резьбой по дереву, инкрустацией из слоновой кости.

Художественное ремесло было высоко развито в державе Ахеменидов. Дошедшие до нас памятники — сосуды, украшения, мелкая пластика, главным образом из драгоценных металлов,— красноречиво говорят об этом. В художественном ремесле ахеменидского времени мы видим переплетение уже несколько иных элементов, чем в официальной и торжественной архитектуре и монументальной скульптуре. Хотя несомненно, что ремесло, особенно имевшее материалом драгоценные металлы, обслуживало, главным образом, верхушку господствующего класса, всё же в нём проявлялись такие стороны художественного мировоззрения мастера, которые не могли найти отражения в строго каноничных памятниках придворного искусства. Так, в памятниках художественного ремесла мы часто видим элементы своеобразного



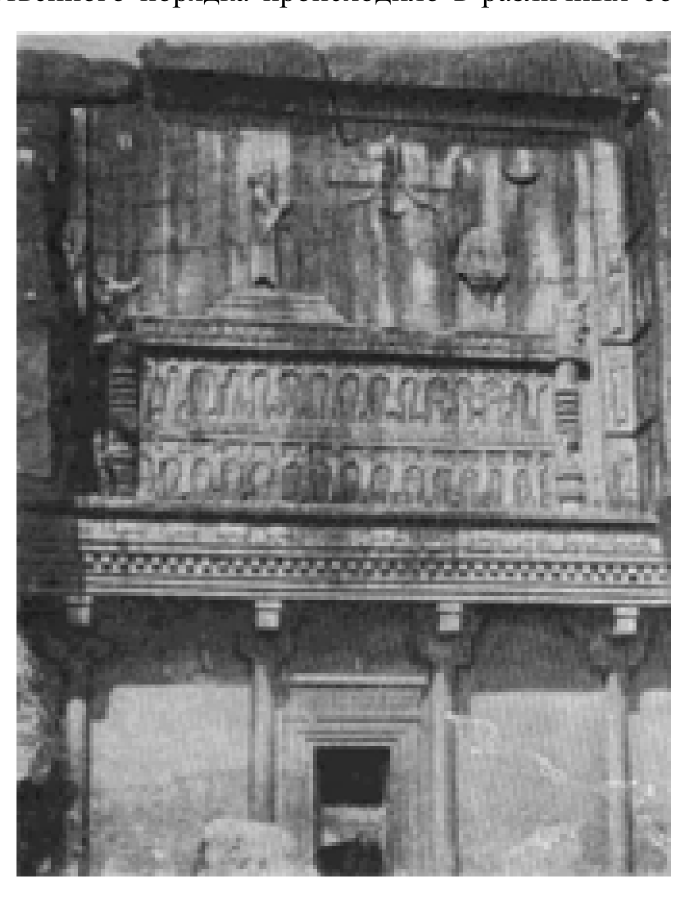
ЛУЧНИКИ ПЕРСИДСКОЙ ГВАРДИИ
Фриз из дворца Артаксеркса II в Сузах. IV в. до н. э. Глазурованные кирпичи

реализма, особенно в трактовке животных. Необходимо также отметить, что наряду с чертами собственно иранскими, вавилонскими и греческими, отчасти и египетскими, для многих памятников ахеменидского периода характерны черты, связывающие их с искусством кочевников Азии и Восточной Европы, условно называемым «скифским».

Как памятники искусства должны рассматриваться и печати, обычно цилиндрические, оттиски которых ставились вместо подписи на деловых документах и письмах. Эти печати тесным образом связаны с аналогичными вавилоно-ассирийскими как по своему назначению, так и по технике и художественным приёмам изготовления.

Религия

В широко разбросанной, разноязычной, разнообразной по своим культурным и идеологическим традициям державе, чрезвычайно слабо спаянной в экономическом отношении, не могла создаться единая государственная религиозная система. Идеологическое воздействие на массы в целях укрепления существующего общественного и государственного порядка происходило в различных областях державы в разных формах, сообразно с унаследованными каждой страной верованиями и традициями. Эти обстоятельства и предопределяли в значительной степени религиозную политику Ахеменидов. Первые Ахемениды — приверженцы старого иранского культа Ахурамазды — признавали и поддерживали в Вавилонии, Палестине, Египте, Малой Азии местные культы. Об этом говорит нам вся деятельность Кира, Камбиса (до восстания в Египте), Дария I



Скальная гробница Дария I в Накш-и Рустеме (близ Персеполя).
Начало V в. до н. э.

Положение существенно меняется при Ксерксе. Боясь освободительных движений в покорённых странах, Ксеркс, как уже указывалось, идёт в некоторых случаях на замену местных культов культом общеиранского божества Ахурамазды. Это не означало, однако, введения монотеизма и полного исчезновения других божеств того же иранского пантеона. Дарий I в своих надписях, обращаясь всё время к Ахурамазде и только его называя по имени, глухо упоминает и «всех других богов». Артаксеркс II рядом с культом Ахурамазды вводит во всём царстве культ богини плодородия Анахиты и солнечного божества — Митры. Эти божества упоминаются и в надписях последующих царей.

В Иране и Средней Азии культ Ахурамазды, с поклонением огню и дуалистическим учением о борьбе доброго и злого начала,— культ, связанный с учением магов,—стал той основой, на которой впоследствии выросла религия зороастризма. Учения, связывавшиеся с «пророком» Заратуштрой, по-видимому, уже в то время получили распространение, хотя имя Заратуштры не упоминается в надписях времени Ахеменидов.

Старые местные культы, разумеется, также продолжали жить. Таким образом, в ахеменидские времена в Персидской державе при официальном культе одного главного божества (иногда нескольких), поддерживаемом профессиональными

жрецами-магами и основанном на древних иранских верованиях, существовало большое количество других культов. Характерно, что маги при Ксерксе, как впоследствии и при Александре Македонском, обычно не отрицали чужих культов. Известны даже случаи совместного богослужения магов с жрецами других божеств. Следует отметить, что за пределами собственно Ирана следы культа Ахурамазды обнаруживаются только ещё в восточной части Малой Азии, в Закавказье и Средней Азии; нет никаких следов введения этого культа в ведущих странах Передней Азии и в Египте.

Культура и религия отдельных народов державы Ахеменидов

Самобытные культуры отдельных народов ахеменидской державы испытывали лишь сравнительно незначительное иранское влияние. Так, в Вавилонии продолжали читаться и переписываться произведения старой светской и особенно религиозной письменности на аккадском и даже на шумерском языках; вавилонские астрономы и математики, значительно двинувшие вперёд свои знания в этих областях науки, пользовались попрежнему аккадским языком и письменностью. Здесь отправлялись культы вавилонских божеств, и вавилонская религия столь же успешно освящала существующий строй в пределах страны, как и религия Ахурамазды в Иране.

Маг.
Серебряная статуэтка VI—V вв. до н. э.

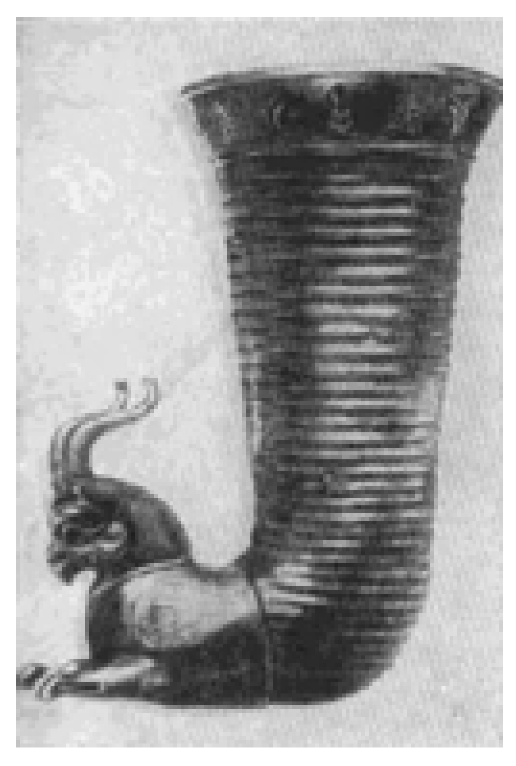
Есть основание думать, что в это время развивалась арамейская и финикийская литература, хотя памятники её до нас не дошли. В финикийском искусстве, всегда включавшем чужеземные элементы» в частности в предметах художественного ремесла, заметно значительное влияние официального ахеменидского искусства. Но религия финикийцев, как и жителей Сирии, в это время не претерпела заметного изменения.

Время персидского владычества было временем оформления догматической религии иудаизма. В целях проповеди этой религии перерабатывается старая иудейско-израильская литература, оформляется канон Библии. К этому периоду относятся речи поздних «пророков», связанные с построением Иерусалима, и исторические книги, приписываемые организаторам иерусалимской общины — Эзре и Неемии (Нехемии), в которых события излагаются с точки зрения иерусалимского жречества, приводятся подлинные арамейские документы персидской царской администрации. Эти сочинения составлены на древнееврейском языке, в то время как в качестве разговорного языка в Палестине всё более укрепляется арамейский.

В религии иудаизма мы наблюдаем новое явление, обусловленное не только внутренней историей самих иудеев, но и влиянием официальных идеологических течений в Персидской державе. Если ранее бог Яхве выдвигался как главный, а, затем как единственный бог только для своей страны, причём не отрицалось и существование богов других стран, то теперь Яхве начинает выдвигаться в качестве всеобщего бога, как небесная параллель единому царю Азии, претендовавшему на то, чтобы быть царём мира. Правда, Яхве прямо не отождествляется с Ахурамаздой, но уже Кир, которому иудейское жречество было обязано созданием

своего самоуправляющегося храмового государства, недвусмысленно отождествлялся с мессией —помазанником бога, ожидаемым паром-избавителем. Сама идея ожидания грядущего полубожественного избавителя имелась и в религии Ирана. Существует предположение, что за такого избавителя пытался выдавать себя Ксеркс I.

Наиболее самобытным было в V—IV вв. до н. э. развитие египетской культуры. При Дарии I было восстановлено высшее учёное учреждение Египта — «дом жизни». Слава Египта, как сокровищницы знаний, не померкла и в V—IV вв. Греки, в том числе философ Платон и математик-астроном Эвдокс, ездили в Египет учиться. Особенно славился учёностью город Гелиополь. Но наука была сосредоточена в тесном кругу знатных избранников.



Серебряный ритон из Эрзинджана (Армения). V в. до н. э.

Господствующую роль в области идеологии по-прежнему играли религия и жречество. Наиболее почитаемыми общеегипетскими богами становятся в это время Осирис — бог загробного мира и его жена Исида. В условиях господства жречества храмовые прорицалища (оракулы) занимали видное место в повседневном быту, а древнее почитание священных животных достигло невероятных размеров. Почитали уже не одних избранных животных, считавшихся живым воплощением божества, но всех вообще представителей того или иного вида, и Египет всё более и более покрывался кладбищами кошек, собак, соколов, ибисов, крокодилов. От V—IV вв. до н. э. из Египта дошло множество религиозных текстов и некоторое количество царских исторических надписей и жизнеописаний частных лиц. Заслуживает внимания любопытное произведение — строго говоря, не литературное сочинение, а пространнейшая деловая бумага — жалоба властям некоего Педиисе, составленная в начале персидского владычества и чрезвычайно красочно излагающая вековую распрю между жрецами из-за доходного места. Среди рассказов о египетском прошлом, записанных в середине V в. до н. э. Геродотом, выделяется занятная сказка о царе Рампсините и воре, который обокрал его сокровищницу, надругался над царской стражей, обманул царскую дочь и в конце концов получил её в жёны от фараона, побеждённого его изворотливостью.

Фараоны XXX династии не располагали и в отдалённой степени теми возможностями для строительства, которые имелись у фараонов времён расцвета Египетской державы. Тем не менее они строили довольно много. При отсутствии средств на большое храмовое строительство широкое распространение получают храмики-комнаты, высеченные из цельного камня.

Пока трудно датировать подавляющее большинство позднеегипетских памятников искусства. На некоторых памятниках как круглой, так и плоской скульптуры уже ощущается греческое влияние, хотя и творчески претворённое. На золотых позднеегипетских монетах такое влияние сказывается с несомненностью. Египетское искусство IV в. до н. э. представляет, быть может, один из ранних образцов так называемого эллинистического искусства.

4. Держава Ахеменидов накануне своего крушения

На рубеже V

чаще прибегают к помощи наёмных воинов-греков. Артаксеркс III усмиряет восстание в Малой Азии, Сирии, Финикии, Палестине, на некоторое время восстанавливает власть персов в Египте. Он пытается для обуздания мятежных сатрапов лишить их Права держать самостоятельные войска. Может быть, в результате этих стремлений упрочить центральную власть Артаксеркс и был убит своим приближённым — главой придворной клики евнухом Багоем. На трон был посажен Оарс, однако вскоре он показался придворным слишком самостоятельным. В 336 г. до н. э. он был убит вместе со всем своим семейством. На престол был посажен Кодоман, представитель одной из боковых линий ахеменидского дома, принявший тронное имя Дария III (336—330). История царствования Дария III — это история гибели державы Ахеменидов под ударами войск Александра Македонского.

Причины упадка державы Ахеменидов

Распад державы Ахеменидов был столь же закономерным и неизбежным, как и распад её предшественницы — Ассирийской империи. Пока царская власть была способна при помощи военной силы держать в подчинении массы зависимого населения разноплеменной державы, пока она могла поставлять рабовладельцам массы рабов и охранять торговые пути, относя войны на периферию государства, до тех пор во власти царей нуждалась не только непосредственно связанная с ней военно-служилая знать, но и более широкие слои рабовладельцев, купцов, ростовщиков в экономически развитых странах и областях — в Вавилонии, Заречье, Малой Азии. Правда, эти круги господствующего класса тяготились деспотизмом Ахеменидов, стремившихся выкачать как можно больше средств из богатых городов, как с помощью налогов, так и путём прямого ограбления.

Ещё менее были заинтересованы в сохранении Персидской державы крупные землевладельцы и рабовладельцы, а также племенная знать тех периферийных областей, которые не были экономически связаны между собой и имели собственные экономические интересы. Египет, например, не нуждался в Передней Азии: он имел достаточно и своего хлеба, и своего сырья, и своих ремесленных изделии. Западная часть Малой Азии была гораздо более тесно связана в экономическом отношении с Грецией, чем с Вавилонией или Ираном; Среднюю Азию с её натуральным хозяйством и подавно могла удержать в составе Персидской державы одна лишь военная сила.

Но той силы, которая обеспечила Ахеменидам успех их грандиозных завоеваний, уже не было к концу персидского владычества. Первоначально персидская армия состояла из массы свободных общинников. Однако наплыв сокровищ и рабов в Персиду привёл к быстрому имущественному и социальному расслоению, непомерному обогащению знати, разорению части общинников, попадавших в долговую кабалу; с течением времени соотношение между конницей, состоявшей из знати, и пехотой, вербовавшейся преимущественно из рядовых свободных, меняется в пользу конницы. Персидское войско уже в V в. состояло главным образом из насильственно набранных контингентов подчинённых народов. Из самих персов вербовались преимущественно царская гвардия и командный состав, развращённые богатствами, грабежом покорённых стран. Всё большую роль начинают играть наёмники, в особенности греки. Войска, составленные из персидских подданных, уменьшались численно, и в них всё труднее становилось поддерживать воинский дух и дисциплину.

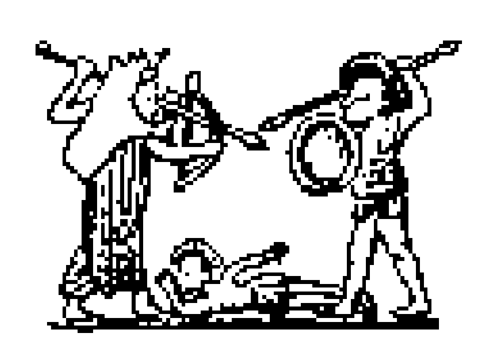
К моменту греко-македонских походов держава Ахеменидов была колоссом на глиняных ногах, неспособным оказать серьёзное и длительное сопротивление. Внешнее завоевание лишь выявило и довершило внутренний распад.

Однако те факторы, которые способствовали возникновению этой державы, продолжали действовать —и с ещё большей силой, чем раньше, ибо возросла потребность рабовладельческих хозяйств наиболее развитых в экономическом отношении частей империи, например Вавилонии и вообще Месопотамии, отчасти Сирии, в

рабах и военной добыче, а стало быть, в насильственном подчинении и ограблении соседних стран, в расширении периферии государства. Несмотря на то, что развитие товарного хозяйства и денежных отношений протекало в Западной Азии в целом медленнее, чем в античном мире, этот процесс неумолимо совершался и здесь, выражаясь прежде всего в росте городов как торгово-ремесленных рабовладельческих центров.

Сложившись в различных исторических условиях, западно-азиатские города были весьма разнородны и в смысле общественной структуры и в отношении объёма прав и размеров своей «автономии». Отдельные города и храмово-городские общины были изолированы друг от друга, отгорожены этническими и идеологическими перегородками. В Месопотамии они начали, правда, складываться в определённую систему уже в пределах Ассирийской и Ново-Вавилонской монархий. Но в значительно более обширной ахеменидской державе эти тенденции не получили заметного развития — возможно, в силу того, что господствующее положение в державе занимала знать экономически отсталой Персиды. Среди ахеменидской администрации существовало влиятельное течение, которое считало, что автономные образования внутри державы только ослабляют её. Характерен в этом отношении пример Иерусалима. Разрешения и запреты строить город сменялись непрерывно. В Персидской державе не было градостроительства. Существовавшие храмы и города более или менее сохраняли свои привилегии, но новых самоуправляющихся городов не создавалось. В силу этого деспотическая держава Ахеменидов стала сильнейшей помехой дальнейшего экономического прогресса.

Между тем развитие рабовладельческого способа производства в Западной Азии, особенно в её крупнейших экономических центрах, уже создало некоторые предпосылки политической организации, сочетающей в себе военную монархию с системой самоуправляющихся рабовладельческих городов. Появившиеся на свет в ходе греко-македонских завоеваний *эллинистические* государства имели, таким образом, свою предысторию, которая началась задолго до этих завоеваний.



ГЛАВА VIII
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСПАД ДЕРЖАВЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

1. Греция и Македония накануне войны с Персией

Кризис греческого полиса, с большой силой проявившийся уже в событиях первой половины IV в. до н. э., наложил решающий отпечаток на всё дальнейшее развитие социально-политической жизни Эллады. Прогрессирующее разорение свободных производителей и обогащение узкого слоя крупных рабовладельцев, рост частной собственности, бурное развитие денежного хозяйства и ростовщичества подрывали основы экономически самодовлеющего полиса.

Ожесточённая конкуренция в области морской торговли между отдельными греческими городами-государствами переплеталась с борьбой за политическую гегемонию. В ходе этой борьбы складывались и распадались коалиции греческих государств, неоднократно менялось соотношение сил борющихся сторон, города взаимно ослаблялись и в конечном счёте подпали под власть Македонии.

Предпосылки греко-македонских завоеваний

Решения Коринфского конгресса закрепили потерю Грецией политической независимости. Хотя в решениях конгресса говорилось о самостоятельности греческих городов-государств, но эта «самостоятельность» фактически заключалась лишь в том, что города не подверглись обложению в пользу Македонии и в них были оставлены у власти местные правящие круги — разумеется, в том случае, если они придерживались промакедонской ориентации. Такой дорогой ценой было куплено то, чего сами греки смогли добиться лишь однажды, не в полной мере и лишь на сравнительно короткий срок во время греко-персидских войн, — мир между полисами и консолидация сил вокруг общей задачи.

В установлении общеэллинского мира были непосредственно заинтересованы самые различные слои греческого общества. Бесконечные междоусобные воины

сопровождались экспроприацией земель, домов и движимого имущества крупных собственников. Положение их становилось довольно неустойчивым. Скопление наёмников, численный рост люмпен-пролетарских элементов создавали постоянную угрозу политических переворотов. Поэтому имущие классы были готовы поступиться государственной независимостью, если это вело к восстановлению их экономического и политического господства. Не случайно сами решения Коринфского конгресса соединяли условия мира между полисами с запретом наиболее ненавистных для имущих слоев лозунгов античной демократии: передела земель и уничтожения долговых обязательств.

В решениях конгресса олигархические круги видели реализацию тех основных пунктов своей политической программы, которая ещё до завоевания Филиппом Греции была сформулирована выразителем их интересов — Исократом. Но историческая действительность шагнула дальше всех этих расчётов — в форме восстановления старогреческой *симмахии* (союза) независимых городов-государств фактически наметилась новая политическая организация, которая основывалась на сочетании лишь формально свободных полисов с централизованной властью военной монархии.

В установлении общеэллинского мира были, конечно, заинтересованы и широкие массы населения, на плечи которых в первую очередь обрушивались все тяготы бесконечных войн, несущих им голод, смерть, разорение. Но именно в этих слоях греческого общества были наиболее сильны антимакедонские настроения и наиболее живы традиции независимости и полисной демократии. Поэтому мир на условиях, продиктованных Македонией её греческим «союзникам», не мог встретить сочувственного отклика среди широких масс. Он мог быть навязан им лишь силой оружия, и именно поэтому появились македонские гарнизоны в важнейших стратегических пунктах Греции.

Однако решения Коринфского конгресса представляли собою попытку дать этим слоям греческого общества, не желавшим примириться с потерей политической самостоятельности и подавлением демократии, хотя бы частичную компенсацию и направить их недовольство существующим положением в иное русло. Так, был провозглашён равно приемлемый как для рабовладельческих верхов, так и для деклассированных элементов греческого общества лозунг войны с Персией «во имя отмщения эллинов».

Этот лозунг не был навязан извне, со стороны Македонии. Знакомство с неисчислимыми богатствами Персидской державы уже давно производило на греков сильное впечатление. «Персидского царя и его слуг надо почитать счастливыми,—писал Ксенофонт,— видя, как велика и обильна его страна, богатая провиантом, рабами, скотом, золотом, одеждой». Поход 10 тыс. греков достаточно ярко продемонстрировал внутреннюю слабость военной и политической организации персов. Поэтому призыв Исократа: перенести войну в Персию, а персидское золото в Грецию, нашёл живой отклик.

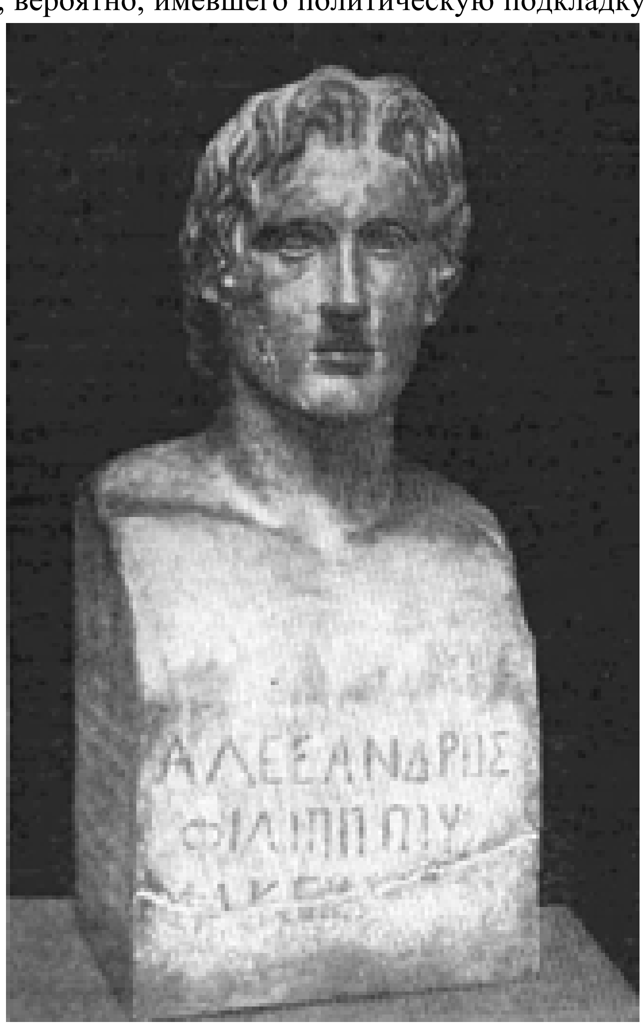
Вопрос о войне с Персией, о способах её ведения, о её предполагаемых результатах ставится в публицистических и популярно-философских трактатах. Возникают различные проекты военно-земледельческой колонизации, которая получила в это время новый стимул в росте наёмничества и массовой эмиграции — явлениях, порождённых конкуренцией между рабским трудом и трудом свободных, нарастанием социальной борьбы, политическими переворотами и междоусобными войнами. На протяжении IV в. в пределах греческого мира и на его окраинах делаются попытки колонизации, основываются новые города. Все эти попытки были началом того мощного колонизационного потока, который после греко-македонского завоевания хлынул в страны Востока.

В силу этих причин лозунг войны с Персией не только пробуждал старые воспоминания о величии и славе Греции, но и был той заманчивой и в новых условиях, видимо, посильной задачей, которая находила отклик в самых различных слоях

населения и даже придавала некоторое оправдание вынужденному союзу с Македонией. Отряды греческих полисов в сочетании с македонскими фалангами, с высокой по тем временам технической оснащённостью македонской армии представляли собой такую силу, которая могла быть с успехом, как это показал опыт прошлых столкновений, противопоставлена даже превосходящим её в несколько раз по численности персидским войскам. Успех представлялся том более возможным, что истинные масштабы войны с Персией не были, да и не могли быть ясны накануне войны, когда в первую очередь выдвигалась вполне конкретная, но ограниченная задача освобождения малоазийских городов и более общая, но вместе с тем и несравненно более смутная цель: «отмщение» персам.

Подготовка войны с Персией

Вскоре после Коринфского конгресса Филипп II начал подготовку к войне с Персией, отправив в Малую Азию своих полководцев Аттала и Пармениона с войсками. Но внезапная смерть Филиппа, убитого на свадьбе своей дочери летом 336 г. до н. э., помешала осуществлению этих планов. Обстоятельства убийства, вероятно, имевшего политическую подкладку, остались невыясненными. После смерти Филиппа II царём Македонии становится его сын Александр (356—323).



Александр Македонский
Скульптура Лисиппа. Вторая половина IV в. до н. э.

На всём облике Александра лежит печать его времени и той среды, в которой он вырос,— господствующего класса примитивного полуварварского государства, вступившего на путь широких завоеваний и оказавшегося к этому времени во главе эллинского мира. Македонские пари оказывали покровительство выдающимся греческим поэтам и художникам, многие представители македонской знати зачитывались произведениями Гомера и Эврипида, а рядом с этим уживались характерные для македонского двора грубые обычаи, беспощадные расправы и казни. Александр получил эллинское образование, его учителем был Аристотель, оказавший на своего ученика глубокое влияние. Благодаря Аристотелю Александр приобрёл широкий кругозор и живой интерес к различным отраслям знания. Вместе с тем он с увлечением занимался физическими упражнениями и военным делом. В восемнадцатилетнем возрасте Александр уже командовал конницей на левом фланге македонского войска в битве при Херонее. Ещё раньше Филипп начал привлекать сына к делам государственного управления. С ранних лет Александр усвоил взгляды и моральные навыки, господствовавшие в окружавшей его придворной среде. Очевидно, уже в это время

складывается его характер, противоречиво сочетавший в себе холодный расчёт и пылкий темперамент, великодушие и жестокость, несгибаемую волю и уменье лавировать, приспособляясь к сложным обстоятельствам.

Обстановка македонского двора была довольно сложной: шла борьба между различными группировками знати. Одну из этих группировок составляла в основном знать Нижней Македонии, так как именно Нижняя Македония была в своё время тем ядром, вокруг которого совершилось объединение остальных областей. Многие из представителей нижнемакедонской знати были приближены Филиппом и занимали важнейшие посты при дворе и в армии. Вокруг Александра, в свою очередь, начинает группироваться молодёжь из знатных родов, главным образом Верхней Македонии, нередко настроенная довольно оппозиционно к окружению Филиппа. Так складывается круг друзей и приближённых Александра. Из этого круга вышли впоследствии самые энергичные и способные деятели времён завоевания Азии: Птолемей — сын Лага, Гарпал, Гефестион, критянин Неарх и др. В 337 г. в результате борьбы в придворных кругах Александр и некоторые из его друзей даже вынуждены были покинуть Македонию. Вскоре, однако, Филипп примирился с сыном.

После убийства Филиппа придворные интриги вспыхнули с новой силой. Но Александр беспощадно расправился с возможными претендентами на престол из числа своих родственников и с некоторыми оппозиционно настроенными военачальниками македонской армии. Однако власти Александра помимо придворных интриг и возможных смут в Македонии грозили: на севере — давнишняя вражда и отпадение фракийско-иллирийских племён, на юге — антимакедонское движение в Греции. Возобновив союз эллинских государств и Македонии, Александр весной 335 г. двинулся на север, во Фракию. С крайней жестокостью он расправился с фракийцами, а затем направился дальше на Истр (Дунай) против гетов. Македоняне продавали в рабство захваченных мужчин и женщин, забирали скот и имущество, сжигали и сносили поселения. Геты не выдержали натиска македонян, но Александр вскоре должен был повернуть отсюда в Иллирию, где началось восстание против македонского господства. После подавления восстания иллирийцев цель похода была достигнута: на севере на долгое время наступило спокойствие.

Между тем убийство Филиппа и временное отсутствие Александра способствовали оживлению антимакедонских настроений в Греции. Первыми открыто выступили Фивы. Афины и государства Пелопоннеса примкнули к антимакедонскому движению, но держались, осторожно. Узнав о начавшемся движении, Александр быстро вернулся с войсками из Иллирии и уже через две недели стоял под стенами Фив. Александр, в общем осторожный в своей политике по отношению к греческим городам, в данном случае решил показать пример беспощадной расправы. После того как Фивы были взяты, оставшееся в живых население было продано в рабство, а самый город срыт до основания. Трагическая судьба Фив произвела громадное впечатление во всей Элладе. Эти события, по словам историка Арриана, были восприняты современниками, как «эллинское страдание». Антимакедонское движение было подавлено. Удача похода на север и экспедиции в Среднюю Грецию развязывала руки Александру для осуществления азиатского похода.

2. Походы Александра Македонского

Поход в Азию и Египет

Весной 334 г. до н. э. греко-македонская армия переправилась через Геллеспонт. Она была невелика, но хорошо организована: в ней насчитывалось 30 тыс. человек пехоты и 5 тыс. всадников. Главную массу пехоты составляли тяжеловооружённые: македонская фаланга, греческие союзники и наемники. Часть гетеров и несколько тысяч человек пехоты Александр оставил в Македонии под командой одного из выдающихся полководцев старшего поколения — Антипатра.

Первая встреча с противником произошла недалеко от Геллеспонта, на реке Граник, в мае 334 г. до н. э. В ней решающую роль сыграла македонская конница. Захваченных в плен греческих наёмников, находившихся на службе у персов (около 2 тыс. человек), Александр обратил в рабство и отправил в Македонию, поскольку греки, находившиеся на персидской службе, на Коринфском конгрессе были объявлены изменниками общему делу. Победа при Гранике сделала возможным дальнейшее продвижение по побережью Малой Азии.

Большая часть греческих полисов добровольно подчинилась македонянам, однако были и исключения. Особенно упорно сопротивлялись Милет и Галикарнас. Внешняя ориентация греческих городов в Малой Азии определялась борьбой партий в этих городах, наличием или отсутствием персидских военных сил и греческих наемников. Наёмники оказывали войскам Александра ожесточённое сопротивление. Лишь постепенно, в результате успеха похода македонской армии, греческие наёмники поняли, что им выгоднее служить македонскому царю, чем сражаться против него.

По отношению к подчинившимся ему греческим полисам в Малой Азии Александр, руководствуясь прежде всего тактическими соображениями, проводил «освободительную» политику, восстанавливая в них демократический строй и изгоняя персидских ставленников. Но «свобода» полисов в Малой Азии оказалась ещё более призрачной, чем в Греции; как правило, освобождённые малоазийские полисы даже не включались в Коринфский союз.

Завоевание Малой Азии свелось главным образом к захвату побережья, основных военных и торговых путей и установлению общего контроля над местным управлением и финансами. Через горные проходы войска Александра двинулись в Северную Сирию. Встреча с персами и новое крупное сражение произошли осенью 333 г. до н. э. при Иссе, в узкой долине между морем и горами. Позиция персидских войск, во главе которых стоял сам Дарий, была сильна, так как отрезала македонское войско от его тыла, а труднопроходимая местность облегчала оборону, хотя, с другой стороны, мешала персам использовать своё численное превосходство. Македоняне стремительным натиском правого фланга достигли успеха. Дарий бежал, бросив весь свой обоз; его мать, жена и дети оказались во власти Александра. Победители захватили громадную добычу. Александр отверг мирные предложения, с которыми обратился к нему персидский царь, и быстро двинул свои войска к югу — в Южную Сирию, Палестину и Нильскую долину.

Упорное сопротивление македонянам оказали крупные торговые центры Финикии я Палестины: Тир и Газа. Взять такую крепость, как Тир, с ходу было невозможно, и Александр приступил к её осаде. Были подвезены машины, проведены широкие по масштабу осадные работы, сооружена большая насыпь, соединившая расположенный на острове Тир с материком. После семимесячной осады в 332 г. до н. э. Тир был взят штурмом. Богатый город был разграблен, мужчины перебиты, женщины и дети проданы в рабство. Такая же участь постигла и Газу. В Египте, всегда тяготившемся властью персов, Александр не встретил сопротивления: персидский сатрап передал ему крепость в Мемфисе, государственную казну и сдался сам со своим войском. Египетское жречество приветствовало нового завоевателя. Александр совершил экспедицию в оазис Амона и там, в храме этого божества, жрецы объявили его сыном Ра, «любящим Амона». Подчинение Египта получило, таким образом, религиозную санкцию; власть Александра была облечена в традиционные для древнего Египта формы.

Зиму 332/31 г. до н. э. греко-македонские войска провели в Египте. В дельте Нила, между морем и обширным озером Мареотис, Александр основал новый город, названный по его имени Александрией. Место для города было выбрано необыкновенно удачно. Уже к концу IV—началу III в. до н. э. Александрия становится крупнейшим средоточием торговли и ремесла, важнейшим культурным центром греко-восточного мира. Захват Египта и основание Александрии способствовали установлению полного господства македонян над Восточным Средиземноморьем.

Битва при Гавгамелах. Завоевание Междуречья и Восточного Ирана

Весной 331 г. до н. э. македоняне вышли из Египта по древнему пути через Палестину в Финикию и далее на Евфрат. Дарий не сделал попытки задержать продвижение войск Александра и помешать их переправе через Евфрат и Тигр. Лишь по ту сторону Тигра, на территории древней Ассирии, около деревни Гавгамелы, произошло новое столкновение противников.

Битва при Гавгамелах в сентябре 331 г. до н. э. была одним из самых крупных сражений древности. Успешная атака превосходной среднеазиатской и индийской конницы на левый фланг македонских войск не смогла предотвратить поражения Дария. Центр персидской армии и на этот раз не выдержал удара гетеров и фаланги. Весь огромный лагерь персов с обозом, слонами, верблюдами, деньгами попал в руки

Битва греков с персами.
Рельеф так называемого саркофага Александра Македонского из Сидона. Конец IV в. до н. э.

победителя. Поражение было сокрушительное, решающее. Дарий бежал в Мидию, а потом в горные, малонаселённые и труднодоступные местности на юг от Каспийского моря. Путь к столицам Вавилонии и Сузианы лежал перед македонянами открытым. С захватом казны Дария при Гавгамелах и особенно сокровищ, хранившихся в Вавилоне и Сузах, денежные ресурсы Александра возросли в огромной мере.

В Персеполе в отмщение за опустошение Греции во время похода Ксеркса в 480 г. до н. э. был сожжён великолепный дворец персидских царей. Из Персеполя македоняне двинулись через горные проходы в Мидию, к её столице Экбатанам. Там в связи с окончанием войны «за отмщение эллинов» Александр отпустил на родину фессалийских всадников и других греческих союзников. Но участие в дальнейшем походе сулило огромные выгоды, и многие из греческих воинов остались на службе у Александра. Ближайшей его задачей было теперь преследование Дария.

После поражения Дарий стал лишь помехой для правителей восточных областей, издавна слабо связанных с переднеазиатскими сатрапиями державы Ахеменидов. Поэтому летом 330 г. до н. э. они убили последнего Ахеменида, а сами ушли дальше на восток. Вскоре после этого сатрап Бактрии Бесс провозгласил себя «великим царём», приняв имя Артаксеркса IV. Александр же объявил его узурпатором, считая себя отныне единственным законным преемником власти Ахеменидов. Продолжая поход на Восток, Александр с наиболее подвижными частями войска направился в Гирканию, куда отступили греческие наёмники Дария. Наступление македонян заставило наёмников прекратить сопротивление и сдаться. Политика Александра по отношению к ним меняется: тех, кто служил персам до Коринфского

БИТВА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО С ДАРИЕМ ПРИ ИССЕ
Мозаика из дома Фавна в Помпеях. Конец II-начало I вв. до н. э.

конгресса, он отпустил на родину, тех, кто поступил к ним на службу позже, он включил в состав своей армии. Прежний контингент этой армии быстро таял в непрерывных боях, и необходимы были всё новые и новые пополнения.

Из Гиркании македонское войско двинулось в Парфию и Арейю. Захватив главные центры, овладев колоссальными сокровищами, подчинив самую населённую, богатую и культурную часть Персидского государства, греки и македоняне продолжали двигаться всё дальше и дальше в пустынные или гористые места. Это завоевательное движение было обусловлено изменением общего политического положения, состава и характера армии.

Успех похода на первых его этапах и, в частности, захват сокровищ персидского царя вызвали большой приток в македонскую армию не только новых воинов, но и всякого рода торговцев и дельцов. Все они жаждали новых завоеваний, добычи, земли. На сторону Александра перешли многие персидские сатрапы и другие представители иранской знати с сопровождавшими их воинскими отрядами. Александр уже завоевал западную часть территории державы Ахеменидов и стремился к полному овладению её наследием. Однако он не представлял себе ясно обширности оставшейся территории и всей трудности её завоевания.

Возможность дальнейшего наступления на Восток зависела в значительной мере от положения на Западе, в Элладе. К 331 г. до н. э. главным центром антимакедонского движения была Спарта, царю которой Агису удалось привлечь на свою сторону некоторые другие государства Пелопоннеса. Рост этого движения мог стать серьёзной угрозой македонской гегемонии в Греции. Однако победа Антипатра над союзниками под Мегалополем и смерть Агиса обеспечили Александру прочный тыл на Западе и свободу действий на Востоке.

Борьба населения Средней Азии против македонского завоевания

Походы Александра дают ясное представление о процессе образования характерных для Востока огромных держав. Завоеватели прежде всего стремились овладеть военными и торговыми путями и главными центрами страны. Рассеянное на громадной территории эксплуатируемое население, лишь слабо связанное с этими центрами, не оказало серьёзного сопротивления. Но в Восточном Иране и в Средней Азии— странах, населённых ещё преимущественно свободными общинниками, где сохранились сильные пережитки военной демократии,— обстановка оказалась иной. Здесь македонским войскам пришлось столкнуться со значительными трудностями и затратить на покорение среднеазиатских областей почти три года. Все эти три года были заполнены упорной борьбой с местным населением. Воинственные горные племена и племена пустыни в ожесточённой борьбе отстаивали свою независимость, снова и снова поднимая восстания. Стоило главным силам македонян уйти из покорённой области, как отряды местных жителей нападали на небольшие македонские гарнизоны, истребляли их, нарушали коммуникации. Так, в Арейе сатрап Сатибарзан сложил оружие и подчинился Александру, но когда главные силы македонской армии направились в Бактрию, он вновь восстал. Александру пришлось вернуться в Арейю, чтобы подавить восстание.

Зимой 330/29 г. до н. э. Александр, преследуя Бесса, вступил в Бактрию и через Гиндукуш спустился в долину Окса (Аму-Дарьи). Бесс, опустошив страну, отступил за реку, но ни местное население, ни другие вожди его не поддержали. Птолемей, посланный вперёд с небольшим отрядом, окружил деревню, где находился Бесс, и без труда его захватил. «Великий царь» подвергся жестокой расправе: Бесса пытали, а затем он был отослан в Экбатаны и там казнён.

Македонские войска продвинулись дальше в плодородную долину Яксарта (Сыр-Дарьи). На берегу этой реки был основан город Александрия Эсхата (современный Ленинабад) — опорный пункт в Согдиане. Главными мотивами основания новых или расширения прежних поселений были соображения стратегического и социального характера: это были военные колонии, опорные пункты, в которых оседали воины

старших возрастов, инвалиды, наёмники, а также селились местные жители. Население здесь было смешанным: греки, македоняне, иранцы.

Завоевание Средней Азии, однако, далеко ещё не было закончено. Для его завершения необходимо было не только захватить «города», т. е. укреплённые пункты, но и подавить упорное сопротивление местного населения. В 329 г. до н. э. сильное сопротивление македоняне встретили в районе Курешаты. Несколько позже, в том же году, согдийцы и саки истребили двухтысячный македонский отряд. Против завоевателей выступили также кочевые племена Средней Азии — дахи, массагеты.

У местного населения оказался энергичный, неутомимый и способный вождь — согдийский правитель Спитамен. Не вступая в сражение с главными силами Александра, Спитамен нападал на отдельные его отряды и уничтожал их, вновь занимая поселения, уже захваченные македонянами. Борьба с неуловимым противником потребовала много времени и сил. Македоняне чинили жестокие расправы над местным населением. В Согдиане при взятии Газы все мужчины были перебиты, женщины и дети были обращены в рабство. В рабство было обращено и население шести других городов. Только после поражения, нанесённого Спитамену, отпали поддерживавшие его массагеты. Они разграбили обоз бактрийцев и согдийцев, отрубили голову Спитамену и отправили её Александру.

В начале 327 г. до н. э. Александр осадил крепость, где находился один из согдийских вельмож — Оксиарт с семьёй. Осаждённые чувствовали себя уверенно в казавшейся им совершенно неприступной горной твердыне. Они осыпали насмешками македонян и кричали, что лишь летающие люди могли бы захватить их укрепление. Однако в следующую же ночь 300 македонян-добровольцев при помощи канатов полезли наверх. Утром осаждённые увидели врагов на скалах над крепостью и, поражённые внезапностью их появления, сдались. Александр захватил в плен Оксиарта и отличавшуюся необыкновенной красотой его дочь Роксану, которая вскоре стала женой Александра.

В Средней Азии Александр ещё более, чем раньше, стремился привлечь на свою сторону местную знать и военные контингенты, в которых он нуждался. Весьма показательно, что целый ряд мероприятий—введение *проскинесы* (земного преклонения перед царём), пользование царской мидийской одеждой и др.,—свидетельствующих о стремлении достигнуть сближения с Востоком, падает на время пребывания Александра в Восточном Иране и Средней Азии. Бактрийская и согдийская конница была впервые включена в македонскую армию; позднее в состав её вошли также дахи и саки.

Эта политика Александра имела известный успех. Часть местной знати, действительно, стала постепенно менять свою ориентацию, хотя другая её часть продолжала относиться к Александру враждебно. Александр, стремясь приобрести себе новых союзников, возвращал владения переходившим на его сторону представителям местной знати. Он сделал Оксиарта сатрапом Бактрии.

Поход Александра затронул и те области Средней Азии, которые остались за пределами его державы. Зимой 329/28 г. до н. э., когда Александр жил в Бактрах, к нему явились послы от царя «скифов» (скифами эллины называли самые различные северные народы, в том числе и саков). В это же время в Бактры прибыл с 1500 всадников хорезмийский царь Фарасман и обещал Александру быть его проводником, если тот задумает совершить поход на запад, к берегам Эвксина.

Борьба в македонской армии. Военная реформа

Ко времени завоевания Восточного Ирана и Средней Азии относятся первые открытые проявления недовольства в среде командного состава македонского войска. Это недовольство выливалось, главным образом, в форму заговоров против Александра. Об истинных причинах недовольства судить довольно трудно, так как источники подчёркивают в основном личные мотивы участников заговоров. Можно, однако, предполо-

жить, что оппозиционные настроения имели корни в старой борьбе между отдельными группировками македонской знати. Теперь эти настроения усилились прежде всего в тех её кругах, которые опасались, что они будут оттеснены на задний план в новой огромной монархии, всё больше принимавшей черты восточной деспотии.

Когда Александр был в Египте, возник заговор Филоты, командира гетеров, сына одного из старейших и опытнейших полководцев македонской армии—Пармениона. Во время пребывания армии в Восточном Иране Филота был арестован, подвергнут пыткам и предан суду, который происходил в собрании македонского войска. Филота был присуждён к смертной казни и расстрелян из луков. Вслед за исполнением приговора Александр приказал умертвить Пармениона. Очевидно, в связи с заговором Александр изменил организацию гетеров, разделив их на две части, во главе которых были поставлены Гефестион и Клит. Осенью 328 г. до н. э., во время пребывания Александра в Мараканде (ныне — Самарканд), произошло ещё одно событие, свидетельствующее о нарастании острых противоречий внутри македонской знати. На царском пиру в порыве гнева Александр убил одного из самых преданных ему полководцев — Клита, обвинившего его в том, что он променял своего отца Филиппа на Амона и что на его пирах теперь нет места свободному человеку, но лишь рабам и варварам. Этот эпизод уже в древности послужил благодарным сюжетом для характеристики Александра как восточного деспота.

Вскоре против Александра организуется заговор пажей. Это была знатная македонская молодёжь, нёсшая личную службу по охране особы царя. Источники говорят о чисто личных мотивах, которыми руководствовался инициатор заговора паж Гермолай. Однако если проследить состав заговорщиков, то можно видеть, что все они вышли из кругов македонской аристократии, враждебно настроенной по отношению к Александру. Пажи, имея постоянный доступ к царю, предполагали умертвить его в постели. Заговор был раскрыт, суд македонян приговорил заговорщиков к смертной казни, и они были побиты камнями. К делу пажей был привлечён Каллисфен, придворный историограф, сопровождавший Александра в его походах. Ранее Каллисфен восторженно относился к Александру, но, будучи воспитан в греческих понятиях о свободе, он не мог примириться с политикой, проводимой Александром, и, когда была сделана попытка ввести проскинесу, не скрыл своего отрицательного отношения к этому церемониалу. Привлечённый по делу пажей, он был подвергнут заключению и допросу, а позже (в 327 г. до н. э.) казнён.

Борьба в рядах македонской знати, с одной стороны, и изменения в условиях ведения войны — с другой, обусловили необходимость проведения реформ в армии. Разные роды оружия соединялись теперь в одну тактическую единицу. Во главе гетеров и комбинированных частей были поставлены ближайшие сподвижники Александра. Прежние командиры — представители враждебной Александру части македонской знати — были либо смещены со своих постов, либо погибли. Александр придал большую мобильность македонской фаланге, увеличил конницу, создал специальные отряды конных копейщиков и лучников.

Поход в Индию

Уже во время пребывания в Бактрии и Согдиане у Александра возникла мысль о новом большом завоевательном походе и покорении Индии, славившейся своими несметными богатствами. Условия, в которых совершался поход, состав армии, стратегические и тактические приёмы — всё было иным по сравнению с завоеванием Малой Азии и даже Ирана. Успехи завоевания влекли за собой расширение материальной базы предприятия и прилив новых сил. Есть все основания рассматривать поход в Индию, как новый этап грандиозного движения на Восток.

Весной 327 г. до н. э. Александр выступил из Бактрии и направился в Индию. С самого начала этого похода македонские войска встретились с упорным сопротивлением племён, обитавших на территории современного Афганистана. Для дости-

жения успеха Александр пользовался любыми средствами: коварным нарушением данного слова, хитростью, угрозами, беспощадными расправами. Местное население при приближении завоевателей часто бежало в горы.

В Индии македонянам пришлось иметь дело с многочисленным, но разрозненным противником: это были свободные племена, сохранявшие ещё во многом формы первобытнообщинного строя, или же небольшие царства. Между этими племенами и государствами и внутри них кипела борьба. Правитель города Таксилы, важного торгового центра на древнем пути из Индии в Среднюю Азию, вступил в союз с Александром. Могущественный царь соседнего государства Пор в союзе с правителем другого крупного царства (в современном Кашмире) Абисарой решил оказать сопротивление македонянам.

Через город Таксилу македоняне двинулись к притоку Инда — реке Гидаспу, где их уже поджидал на противоположном берегу с большими силами — многочисленными всадниками и слонами — царь Пор. Абисара не оказал помощи своему союзнику. В происшедшем у Гидаспа кровопролитном сражении войска Пора потерпели полное поражение. Однако Александр оставил Пору его царство, рассчитывая в дальнейшем на его поддержку. В память победы на обоих берегах Гидаспа были основаны два города — Никея в Букефалия.

Монета-медаль с изображением битвы Александра Македонского с Пором.

После этого македонские войска двинулись далее к югу и приблизились к реке Гифасису. Македонское вторжение приносило разорение, рабство и смерть местному населению, стремившемуся отстоять свою независимость. При взятии города Сангалы множество жителей погибло, другие были захвачены в плен, город срыт до основания. В намерения Александра входило продвинуться за Гифасис. Однако этому помешало всё усиливавшееся недовольство войска. Воинам приходилось продвигаться в трудных условиях, по нездоровой местности, преодолевая сопротивление противника, использовавшего новый для македонян вид оружия — боевых слонов. Армия была сильно утомлена длительными маршами и беспрерывными боями. В ней появились грозные признаки неповиновения. В лагере стали устраиваться сходки, на которых раздавались жалобы на трудности похода и требования отказаться от его продолжения. Александр созвал совещание военачальников. Однако на этот раз и ближайшие его помощники стояли за возвращение. Тогда Александр объявил, что жертвы для продолжения похода не угодны богам, и отдал приказ об отступлении. Из завоёванных в Индии земель были образованы две сатрапии.

Отступление происходило по иному маршруту и фактически превратилось в новый большой поход. Вернувшись к Гидаспу, Александр решил со значительной частью армии плыть вниз по реке, остальные его войска должны были идти берегом. Сильное сопротивление оказали им племена, жившие у слияния Акесина и Гидаспа. Наконец войско прибыло в город Паталу, расположенный в дельте Инда. Отсюда флот во главе с Неархом должен был отправиться океаном в Персидский залив, к устью Евфрата. Другого своего полководца — Кратера с частью армии Александр отправил через Арахосию и Дрангиану, сам же с остальным войском направился через Гедросию и Карманию в Персиду и Сузиану.

Эта часть похода оказалась наиболее трудной. Армия очутилась в безводной пустыне. Страдая от страшного зноя, жажды и голода, утопая в горячем песке, войско медленно продвигалось, теряя людей, коней и вьючных животных. Македоняне были

вынуждены бросать больных и отставших, так как не хватало повозок и скота для их перевозки. «Немногие из отставших,— пишет греческий историк Плутарх,—у кого сохранились силы, двигаясь по следам войска, спаслись, большая часть их, как бы упав в море, погибла в песке». Когда войско, наконец, добралось до главного пункта Гедросии — Пуры, оно получило возможность отдохнуть. В Кармании Александра встретил Кратер с остальной частью армии. К берегам Кармании пристал также флот Неарха. О нём долго не было никаких известий, и македоняне думали, что их корабли погибли. После встречи Неарха с Александром флот продолжал своё плавание и прибыл к устьям Тигра и Евфрата. Александр поручил Гефестиону вести главные силы с обозами и слонами морским берегом в Персиду, а сам с легковооружённой пехотой, гетерами и частью стрелков отправился более спешно в Пасаргады, а оттуда в Персеполь и Сузы. На этом был закончен длившийся почти 10 лет восточный поход.

Основные черты политики Александра

После окончания военных действий перед Александром встала огромная и сложная задача: удержать в своих руках то, что было добыто силой оружия. Для этого ему было необходимо укрепить свою власть над необъятной империей, организовать управление ею, наладить взаимоотношения между македонянами и греками, с одной стороны, и населением восточной части новой державы — с другой.

В исторической литературе Александру часто ставят в заслугу его политику «слияния»: объединение Азии и Европы, персов и македонян на равных началах в государстве, охватывавшем население почти всей ойкумены. Действительно, в политике Александра, особенно в последние годы его жизни, наметилась тенденция сгладить резкие противоречия между завоевателями и побеждёнными. Чисто внешним выражением политики «слияния» явилось устройство пышного празднества в Сузах по случаю торжественного заключения брака Александра, а также браков его друзей и многих македонян с азиатскими женщинами. Конечно, более существенное значение имело привлечение Александром местной знати в государственный аппарат и на командные посты в армию, хотя политика Александра в этом отношении не была до конца последовательной: под конец его жизни в большинстве областей сатрапы из местного населения были заменены македонянами.

Для социального строя империи Александра характерны черты резкого неравенства и жестокой эксплуатации. Основное противоречие в новой державе вызывается уже не противоположностью между победителями и побежденными, но антагонизмом между господствующим классом, в который теперь включается как греко-македонская, так и местная знать, и широкими слоями эксплуатируемого населения.

Для организации управления империей характерно смешение черт восточной деспотии с формами политического строя греческих государств. Александр использовал теорию божественного происхождения царской власти, выработанною с незапамятных времён на Востоке. Его прерогативы как гегемона общеэллинского союза и царя Македонии отошли на задний план перед неограниченной властью обожествлённою властелина огромной державы. Впрочем, развитие политических идей в Элладе шло в том же направлении и облегчало применение восточной теории власти. Героизация и обожествление политических деятелей (например, Лисандра, Тимолеонта и др.) получали в связи с общим упадком полисов, утратой ими независимости всё большее распространение.

Центральное управление огромной державой находилось в руках царя и македонской знати — сподвижников царя в его походах и высших должностных лиц по гражданскому управлению. Особое лицо стояло во главе финансового ведомства — это был один из друзей Александра, Гарпал, впоследствии, однако, бежавший в Афины с огромной суммой денег; высшую должность *хилиарха,* который был ближайшим помощником царя, занимал в последние годы правления Александра его

друг Гефестион. Большое значение получила царская корреспонденция, которой подал главный секретарь.

Предметом особой заботы Александра было дальнейшее укрепление армии — главной опоры македонского господства. В армии произошли к этому времени крупные перемены: в неё были включены 30 тыс. персидских юношей (*эпигонов*), снабжённых македонским оружием и обученных по-македонски. В состав конницы были включены лучшие персидские, согдийские и бактрийские всадники. В Описе Александр собрал македонских воинов и отдал приказ о награждении больных и отслуживших и об отпуске их на родину. Этот приказ вызвал бурю негодования: воины требовали роспуска всей армии, щедрых наград и кричали Александру, что дальше он может воевать один «со своим отцом Амоном». Протест принял резкие формы и охватил всю массу греко-македонских воинов. Александр прибегнул к крайним мерам: зачинщики были немедленно схвачены и казнены. Однако вместе с тем Александр вынужден был пойти навстречу требованиям войска: через несколько дней каждому воину была выдана плата не только за прошлую службу, но и вперёд — за время, нужное для возвращения домой. Десять тысяч македонян были отправлены на родину.

Крайне важным вопросом для Александра было урегулирование отношений с греческими городами. Завоевания оказали глубокое влияние на Грецию. Она выслала на Восток множество воинов, мастеров, торговцев, искателей приключений; много неимущего люда нашло выход в военной службе. Немалая часть богатств, доставшихся на Востоке греко-македонским завоевателям, перекочевала в города Эллады. Но это не ослабило противоречий между ними и Македонией. Все эти годы Греция продолжала оставаться ареной ожесточённых столкновений. Антимакедонские группировки в греческих городах хотя и были подавлены, но выжидали более благоприятного стечения обстоятельств, чтобы выступить снова. В 324 г. Александром был издан указ, согласно которому все города обязаны были принять изгнанников и возместить им ущерб, связанный с конфискацией и продажей их имущества. Вмешательство во внутренние отношения полисов, возможно, преследовало в данном случае определённую тактическую цель — разжечь социальные конфликты, чтобы затруднить консолидацию антимакедонских сил.

Золотая монета Александра Македонского с изображением головы Афины и фигуры Никэ.

Завоевания Александра отразились на экономической жизни как Эллады, так и Востока. Открылись широкие возможности для торговли. Связи со Средней Азией, Индией, Аравией и областями, расположенными у Каспийского моря, сделались более тесными. Количество драгоценных металлов, находившихся в обращении, сильно увеличилось. Большое влияние на развитие обмена оказало введение единой для Греции и Передней Азии монетной системы. Золотые статеры и серебряные тетрадрахмы Александра с его изображением получили широкое распространение, их продолжали чеканить долгие годы и после его смерти.

В политике Александра уже намечается в основных своих чертах экономическая программа эллинистических государств: широкая военная колонизация, усиление старых и создание новых автономных городских центров, укрепление в них рабовладельческих порядков, эксплуатация внегородских земледельческих территорий, мероприятия, способствовавшие развитию сельского хозяйства, ремесла и обмена. И античные и новейшие историки сильно преувеличивали число и значение городов, основанных Александром. Тем не менее не приходится отрицать, что за время завоевания возникло несколько новых крупных центров, которые вскоре приобрели

большое значение. Важнейшими из них были: Александрия в Египте, Александрия Ариана (Герат), Александрия Арахосия (Кандагар), Александрия Маргиана, Александрия Ос хата и др.

Одним из результатов похода было значительное расширение географического кругозора греков, поскольку завоевания сопровождались рядом географических открытий, имевших громадное значение. Путешествие Неарха от устья Инда к устью Тигра и Евфрата привело к открытию новых морских путей. Была также послана особая экспедиция для изучения побережья Гирканского (Каспийского) моря. В 324 г. до н. э. Александр участвовал в экспедиции к устью Евфрата; у него возник план направить эту реку по новому руслу и оросить новые земли. С экономическими целями был связан и намечавшийся поход через Персидский залив; для предварительного исследования пути в Аравию были посланы три экспедиции. Весной 323 г. до н. э. в Вавилоне шли самые оживлённые приготовления к этому новому походу. Сюда стали прибывать войска из Карии и Лидии, появлялись отряды наёмников. Александр задумал новую реорганизацию армии, ещё более широкое проведение принципа «слияния». В разгаре этих приготовлений Александр внезапно заболел и 13 июня 323 г. до н. э. умер.

Историческое значение монархии Александра

Личность македонского завоевателя, его блестящие военные успехи производили огромное впечатление и на современников и на последующие поколения. В древности об Александре рассказывали многочисленные легенды, был создан целый фантастический роман, героем которого являлся македонский завоеватель. В зависимости от своего мировоззрения и политических симпатий одни историки прославляли его доблесть и великодушие, другие яркими красками изображали его как восточного деспота, представляли его в образе тирана. Античная традиция нашла своё отражение в фольклоре и художественной литературе европейских и азиатских народов. Великие поэты Низами и Навои создали поэмы, в центре которых стоит образ Александра.

Александр, несомненно, был одним из величайших полководцев и государственных деятелей античности. В своей деятельности он далеко вышел за пределы Македонии. Ему пришлось считаться со сложными социальными и международными отношениями, с борьбой интересов различных групп азиатского, македонского и греческого населения. Именно эти сложные и противоречивые отношения, глубоко уходившие своими корнями в особенности экономического и политического развития древнего мира, определяли собой и характер завоеваний Александра и их конечный исход.

В результате похода возникла новая громадная империя, в состав которой вошёл не только ряд областей на Востоке, уже не раз объединяемых в рамках одного государства, но весь бассейн Эгейского моря и значительная часть Балканского полуострова.

Держава Александра Македонского принадлежала к тем империям, которые не имели единой экономической базы и представляли собой временные и непрочные военные объединения. Экономически и культурно высоко развитые греческие полисы сильно отличались от полу варварской Македонии; Нильская долина с её тысячелетней культурой и, казалось, раз навсегда установившейся сложной системой управления — от областей Восточного Ирана с их полукочевыми племенами, жившими в условиях ещё очень примитивного быта; богатые многолюдные центры Междуречья — от малонаселённых областей Персиды и Индии. В этом отношении новая держава была сходна с царством Ахеменидов, также представлявшим собой конгломерат, образовавшийся из многих неоднородных частей. Македонское завоевание свелось, главным образом, к захвату богатых городских центров, военных опорных пунктов, важных в стратегическом отношении дорог. Александр ограничивался требованием признания его верховной власти и уплаты податей под контролем македонских правителей и не стремился к изменению и ломке вековых устоев местной жизни. В конечном итоге македонское завоевание изменило расстановку и соотношение сил в Восточном Среди-

земноморье и Передней Азии, но оно, как показало ближайшее будущее, не смогло обеспечить целостность и прочность греко-македонской монархии и лишь ещё более обострило социальные противоречия, существовавшие на Востоке.

3. Распад монархии Александра

Положение в Македонском государстве после смерти Александра. Раздел сатрапий

Период истории Македонской державы со времени смерти Александра в 323 г. до н. э. до битвы при Курупедии в 281 г. до н. э. имеет особое значение. Его основным содержанием является процесс распада огромной «мировой» империи, возникшей в результате завоеваний Александра Македонского и образования новых эллинистических государств. Этот процесс отличался большой сложностью. В пёстрой смене событий, происходивших в различных уголках греко-восточного мира, в бурных столкновениях между преемниками Александра (по-гречески — *диадохами*) трудно уловить определённую связь и закономерность. Тем не менее совершенно ясно, что распад «мировой» монархии и образование новых государств не были результатом случайных обстоятельств или стремлений отдельных личностей, но должны рассматриваться как неизбежный процесс, обусловленный социально-экономическими и политическими причинами.

После смерти Александра власть фактически оказалась в распоряжении войска, которое в вопросе о преемстве власти и в последовавшей затем борьбе выступает как решающая сила. Руководящие посты в армии Александра и высшие должности при дворе, как уже говорилось выше, занимали «друзья» и телохранители царя, по большей части представители македонской аристократии. Помимо Антипатра, командовавшего войском, оставленным в Македонии и Греции, одно из первых мест среди них занимал Пердикка, опытный полководец, прошедший школу Филиппа и Александра. Из других македонских деятелей выделялся Антигон, прозванный впоследствии Одноглазым, сатрап Великой Фригии, и Птолемей, выдвинувшийся к концу правления Александра. Командиром гетеров был Селевк, знатный македонянин из города Эвропоса. Остальные македонские вожди — Лисимах, грек Эвмен и др.— также стремились играть самостоятельную роль. Наряду с македонянами должности сатрапов в восточных областях занимали и иранские аристократы — бактриец Оксиарт, отец Роксаны, Фратаферн, Атропат и др.

«Друзья» царя принадлежали большей частью к числу гетеров. Ядро пехоты образовывала фаланга, представлявшая массу македонских воинов, которые чувствовали противоположность своих интересов интересам гетеров. Эта противоположность проявилась немедленно, дело дошло почти до вооруженного столкновения, но все же обе стороны пришли к соглашению.

В результате этого соглашения гетеров и пехоты царём был признан слабоумный Арридей — сводный брат Александра, получивший теперь ещё имя Филиппа. Согласились также, что если у Роксаны родится сын, то и он будет объявлен царём; он родился два месяца спустя и был назван Александром.

Фактически власть над Македонией, Фракией и Элладой осталась за Антипатром — верховным стратегом Европы. Военная власть в Азии была сосредоточена в руках Пердикки, верховного стратега Азии. Одновременно был решён вопрос о сатрапиях Часть областей в Азии осталась за прежними правителями. Антигон помимо Фригии получил ещё Памфилию и Ликию, Эвмен — Пафлагонию и Каппадокию (последнюю, впрочем, предстояло ещё завоевать). Во главе Египта был поставлен Птолемей Лаг, Фракия и Иония достались Лисимаху, Вавилония — Селевку.

Ламийская война

В Элладе смерть Александра явилась поводом к новому подъёму антимакедонского движения, которое привело к войне, получившей название Ламийской — по имени города, около которого сосредоточились военные действия. В ходе этой войны выявились глубокие социальные противо-

речия между различными слоями греческого общества. В Афинах имущие слои были против войны с Македонией, демос — за войну. Перевес оказался на стороне демократии, и афинское народное собрание провозгласило войну за свободу Эллады. К Афинам примкнули Этолия, Фокида и другие области Греции. Предводителем всего греческого войска был командир наёмников Леосфен. Вначале греки действовали успешно: Антипатр после неудачного для него сражения при Гераклее в Фессалии вынужден был укрыться в городе Ламии. Возвратившегося в это время на родину Демосфена афиняне встретили с почестями, он встал во главе управления наряду с другим знаменитым оратором — Гиперидом.

Однако вскоре сказалась разобщённость греков и недостаточная их организованность. На помощь Антипатру подошли войска из Азии. В 322 г. до н. э. произошло сражение в Фессалии при Кранноне, в котором македоняне имели перевес. Это сыграло решающую роль: каждое греческое государство стало теперь думать только о своём спасении. Антипатр потребовал безоговорочной сдачи Афин. Гиперид погиб от руки македонян, а Демосфен вынужден был покончить самоубийством. Для очищения города от «беспокойных», малоимущих элементов Антипатр произвел выселение наименее обеспеченных афинских граждан во Фракию, где они были наделены землёй. Политические нрава были предоставлены лишь тем из афинян, кто обладал имуществом по менее чем в 2 тыс. драхм. В Мунихии был поставлен македонский гарнизон.

Борьба диадохов в 321—311 гг. до н. э.

Между тем на Востоке развёртывались события, положившие начало ожесточённой полувековой борьбе диадохов за власть. Причины и ход её тесно связаны с проникновением, расселением и экономическим укреплением греков и македонян на Востоке и процессом образования эллинистических государств.

Очень многое в ходе этой борьбы зависело оттого, какими силами мог располагать тот или иной претендент на власть. Самыми сильными из диадохов были те, которые располагали наибольшими финансовыми ресурсами для создания надежной и преданной армии. Однако на успех в борьбе диадохов влияли также и другие факторы: характер отношений между «варварами» и греками, наличие на подвластной диадохам территории городов и их политические позиции, наконец, направление социальной политики сатрапов.

Открытая борьба диадохов начинается походом Пердикки в Египет против Птолемея (321 г. до н. э.). При попытке переправы через Нил войско Пердикки понесло потери, сам Пердикка был убит заговорщиками. Успехи Эвмена, союзника Пердикки, в Малой Азии не могли иметь решающего значения. В Трипарадейсе в Сирии был пересмотрен вопрос о распределении сатрапий в связи с изменением политического положения. Война против Эвмена была поручена Антигону. В 319 г. до н. э. умер Антипатр, назначив своим преемником не своего сына Кассандра, но одного из сподвижников Александра — Полиперхонта. В связи с этим одновременно с войной в Азии началась борьба за власть между Полиперхонтом и Кассандром в Македонии. Полиперхонт, стремясь обеспечить себе поддержку греков, выдвинул лозунг «освобождения Эллады» и обнародовал постановление, согласно которому в греческих городах восстанавливался демократический строй и в них возвращались изгнанники. Это возымело немедленное действие. Власть олигархов в Афинах пала, их вожди были казнены (318 г. до н. э.).

Вслед за тем Полиперхонт вступил в соглашение с Эвменом, признав за ним регентство и власть стратега-автократора Азии. Эвмену, боровшемуся в это время с Антигоном, было важно приобрести базу для флота в Финикии и заручиться поддержкой Македонии. Однако поражение флота Полиперхонта у Византия помешало Эвмену удержаться на побережье. Тогда он двинулся в Азию, в верхние, т. е. северо-восточные, сатрапии. Но условия борьбы и здесь сложились для него неблаго-

приятно. Эвмен был выдан Антигону своим же собственным войском в обмен на захваченный противником обоз.

После перехода войска Эвмена на сторону Антигона силы последнего значительно возросли. Тогда же Антигон умертвил опасного для него сатрапа Мидии Пифона. Селевк, правитель Вавилонии, опасаясь судьбы Пифона, бежал в Египет. Таким образом, Антигону удалось объединить под своей властью Фригию и Каппадокию, Финикию, Междуречье и верхние сатрапии.

Одновременно на Балканском полуострове успех оказался на стороне Кассандра. Даже Афины были вынуждены заключить с ним союз и восстановить олигархический строй. Правителем Афин был «избран» Деметрий Фалерский, известный как философ и законодатель. Попытка Олимпиады, матери Александра, захватить власть в Македонии привела лишь к гибели Филиппа Арридея и его жены, убитых по её приказанию, а затем к казни самой Олимпиады Кассандром.

В 316 г. до н. э. общее положение было таково: власть над Азией была в руках Антигона, распоряжавшегося огромными военными и финансовыми средствами;
остальные диадохи — Кассандр, Птолемей, Селевк и Лисимах — образовали против него коалицию. Начавшаяся ожесточённая борьба шла с переменным успехом. В ней большое значение имели греческие полисы, как центры экономической жизни **и как** стратегические пункты.

Войны диадохов сопровождались частыми и ожесточёнными столкновениями богатых и бедных, олигархов и демократов, изгнаниями, конфискациями и казнями, Декларации диадохов о «свободе» Греции сочетались с ужасающей жестокостью. Стратег Кассандра в Аргосе сжёг живыми в здании притания 500 человек. Аристодем, посланный Антигоном, опустошил земли Коринфа. Святилища захватывались силой, договоры постоянно нарушались. Военные действия шли одновременно и на Балканском полуострове и в Сирии. Сражение при Газе (312 г. до н. э.) между Птолемеем и сыном Антигона Деметрием окончилось полной победой Птолемея. Селевк получил возможность вернуться в Вавилон.

К 311 г. до н. э. силы обоих воюющих сторон были истощены, пришлось заключить мирный договор на основе существовавшего до войны положения. Фактически он закрепил политическую самостоятельность отдельных территорий, на которые распалась держава Александра Македонского. Самым могущественным из правителей того времени продолжал оставаться Антигон. Под его властью находились почти вся Малая Азия, Сирия и Северная Месопотамия. Центром державы Антигона был город Келены во Фригии, расположенный на скрещении торговых дорог. В Малой Азии и на островах Эгейского моря были организованы союзы городов. Важнейшим из них была Лига островитян. Это были организации, которые всецело зависели от Антигона, постоянно вмешивавшегося во внутренние дела полисов.

Слабой стороной царства Антигона было отсутствие в нём прочной социальной опоры. Такой опорой не являлось ни население полисов, значение которых во владениях Антигона было невелико, ни тем более фригийское крестьянство, никак не заинтересованное в поддержке македонского господства. Что касается армии, то состав войска был очень неустойчив: войско пополнялось главным образом наёмниками, на которых трудно было положиться.

Возобновление борьбы диадохов

Соглашение 311 г. до н. э. вскоре было нарушено. Род Александра прекратился: Роксана и её сын были умерщвлены по приказанию Кассандра в 309 г. до н. э. Борьба шла теперь между самостоятельными правителями. В 307 г. до н. э. сын Антигона Деметрий захватил гавани Афин — Пирей и Мунихию. Деметрий Фалерский, правитель Афин, бежал из города. В Афинах был восстановлен демократический строй. Антигону и Деметрию афинянами были оказаны великие почести: воздвигнуты золотые статуи, принесены в дар золотые венки, установлен их культ как богов-спасителей. Их именем

были названы две новые филы, организованы в их честь праздники и пышные процессии. Успехи Деметрия в Греции на этом, собственно говоря, прекратились. Вскоре Антигон отозвал сына в Азию.

Последующие годы заполнены необыкновенно энергичной, но часто беспорядочной деятельностью Антигона и Деметрия. Источники сообщают о многочисленных походах, о блестящих победах, но результаты их обычно оказывались непрочными, и за победами следовали поражении. В морском сражении при городе Саламине на Кипре Птолемей был разбит силами Деметрия и потерял почти весь флот и войско. После этой победы Антигон и его сын Деметрий приняли царские титулы (306 г. до н. э.). Птолемей, Селевк, Лисимах, Кассандр последовали их примеру. Вскоре Антигон предпринял поход на Египет, окончившийся полной неудачей. Его флот не мог подойти вовремя вследствие бури, и огромная армия, оказавшись в пустыне, стала испытывать недостаток в припасах. В войске началась «какая-то тяга», по выражению древнего автора, к переходу на сторону Птолемея. Тогда Антигон решил нанести удар Египту, захватив богатый Родос, поддерживавший тесные сношения с царством Птолемея. Армия в 40 тыс. человек под командованием Деметрия была посажена на корабли, вместе с ней были отправлены тяжелые осадные орудия и снаряжение. К войску Деметрия присоединилось множество всякого рода любителей добычи, торговцев, пиратов. Остров и одноимённый с ним город были сильно укреплены, родосцы готовы были на всё для защиты родины. В ряды защитников были включены граждане, чужеземцы, наконец, даже рабы; тем из них, которые будут храбро сражаться, была обещана свобода.

Осада и оборона Родоса (305—304 гг. до н. э.) вошли в военную историю как замечательное для своего времени событие. Деметрий, получивший прозвище Полиоркета (Градоосаждателя), был крупным организатором и изобретателем в области осадной техники Город не раз подвергался страшной опасности, но осаждённые упорно сопротивлялись. Родосцам удавалось отражав неприятеля и даже уничтожать осадные орудия Деметрия. Десятки тысяч человек были заняты на осадных работах. Была сооружена новая осадная машина, знаменитая *гелеполис* («завоёвывающая города»), превосходившая размерами все предшествующие. Однако попытка произвести общий штурм города успеха не имела. Родос отстоял свою свободу, но должен был заключить союз с Антигоном и выдать заложников. По условиям мирного договора он обязался помогать Антигону против других государств, за исключением Египта. Экономические связи и дружественные политические отношения между Родосом и Египтом, таким образом, сохранились.

Битва при Ипсе и её последствия

Возвратившись после осады Родоса в Грецию, Деметрий занял Коринф и ряд городов в Аркадии и Ахайе и возобновил Коринфский союз, когда-то организованный Филиппом. В договоре Деметрия с союзными городами были повторены статьи, направленные против изменения существующего строя: против отмены долгов, передела земли и имущества, освобождения рабов. По вскоре Деметрий снова был отозван отцом в Азию ввиду предстоявшей борьбы с коалицией других диадохов.

С юга на государство Антигона двигался Птолемей, который, однако, получив ложные вести о поражении Селевка, поспешил вернуться в Египет. Из Междуречья приближался Селевк, из Македонии — Кассандр. Еще раньше Лисимах захватил ряд городов в Малой Азии. Столкновение во Фригии, при Ипсе, летом 301 г. до н. э. оказалось решающим: Деметрий во главе конницы на одном из флангов одержал победу, но, увлёкшись преследованием противника, оторвался от Антигона, который потерпел полное поражение в столкновении с фалангой и слонами Селевка. Антигон был убит, его войско разгромлено.

Битва при Ипсе существенно изменила соотношение сил между эллинистическими государствами. Держава Антигона подверглась разделу. Большая часть ее территории попала в руки Селевка и Лисимаха. Первый получил Сирию и Северное Между-

Никэ Самофракийская — памятник победы Деметрия Полиоркета над флотом Птолемея.
Начало III в. до н. э. Мрамор.

речье, второй — значительную часть Малой Азии. Греческие полисы и прежде всего Афины поспешили отделиться от Деметрия. Последний, утратив надежду удержаться в Малой Азии и Сирии, вновь отправился в Грецию и осадил Афины. Город, в котором в это время власть была в руках тирана Лахареса, испытал все ужасы осады и вынужден был сдаться Деметрию.

В 298 г. до н. э. умер Кассандр. В междоусобную борьбу двух его сыновей вмешались Пирр, царь Эпира, и Деметрий. Пирр захватил несколько областей Македонии, Деметрий же был провозглашён её царём. Однако власть Деметрия над Македонией оказалась непрочной. В 288 г. до н. э. Лисимах и Пирр вторглись в Македонию. Македоняне начали массами переходить на сторону противников Деметрия. Деметрий должен был бежать. Пирр и Лисимах разделили его территорию и войско.

Не найдя опоры в Греции, Деметрий отплыл с оставшимися у него войсками в Малую Азию и через области Лисимаха проник во владения Селевка. Однако войска его терпели страшную нужду, а Селевк всё теснее сжимал Деметрия кольцом своих отрядов. Лишившись почти всех своих войск, Деметрий вынужден был, наконец, сдаться противнику. Беспокойный воитель, в течение четверти века державший в тревоге своих многочисленных противников, то терявший почти всё, то возносившийся на вершину могущества, Деметрий кончил жизнь в плену у Селевка (283 г. до н. э.). Это был один из диадохов, в личности которого особенно ярко отразились типичные черты предводителя наёмников, искателя приключений, жаждавшего богатства, власти и почестей.

Конец борьбы диадохов

От падения Деметрия больше всего выиграл Лисимах. Изгнав Пирра, Лисимах в 285 г. до н. э. сделался царем Македонии. В то же время он владел Фракией и значительной частью Малой Азии. Строй его обширного, но недолговечного государства мало известен. До отношению к городам он действовал энергично и властно: облагал их податями, поддерживал олигархов и тиранов, проводил политику укрупнения полисов путем синойкизмов, не считаясь в этом отношении с желаниями населения. Эфес, например, был переведён на новое место, ближе к морю. На Херсонесе Фракийском была расположена столица царства — Лисимахия. Лисимах стремился расширить и укрепить свою власть в Восточной Фракии (на западном побережье Понта), но встретил там упорное сопротивление со стороны греческих городов, которые ему в конце концов удалось подчинить. Однако его попытка продвинуться дальше в страну фракийцев и гетов не увенчалась успехом.

Внутреннее положение государства Лисимаха было непрочным и неспокойным. Поводом к усилению недовольства была казнь по приказу Лисимаха его сына Агафокла, способного полководца. Этим воспользовался Селевк и двинулся во владения Лисимаха. Весной 281 г. до н. э. произошло решающее столкновение в Лидии, при Курупедии. Лисимах потерпел полное поражение, был убит, а его войско перешло на сторону победителя. После этого Селевк переправился на Херсонес фракийский. Однако и Селевку не удалось подчинить своей власти Македонию, которая продолжала удерживать свою самостоятельность в течение всей борьбы. Вскоре Селевк был убит недалеко от Лисимахии сыном Птолемея Лага, Птолемеем Керавном, бежавшим из Египта в Македонию.

Птолемей Керавн, ориентировавшийся на македонскую знать и войско, вовсе не желавшее слияния Македонии с царством Селевка, был провозглашён царём Македонии. Однако первый же удар смёл его с исторической сцены. Племена кельтов, жившие на севере, в долине Дуная, весной 280 г. до н. э. вторглись во Фракию и Македонию, подвергая опустошению местности, через которые лежал их путь. При первой же встрече с кельтами Птолемей Керавн был разбит, попал в плен и погиб.

Македонский престол снова оказался незанятым. Между тем страна была разорена, социальные противоречия в крупных центрах ещё более обострились. В Кассандрии, на Халкидике, произошёл переворот. Подробности его, к сожалению, мало известны. Источники лишь сообщают, что вождь наёмников и бедняков Аполлодор стал тираном и произвёл передел имущества.

В 279 г. до н. э. кельты проникли ещё далее, они грозили Дельфам. С большим напряжением сил войска греческих государств отразили нашествие. Особенно выдающуюся роль в «спасении эллинов» сыграли этолийцы. Два года спустя сын Деметрия Антигон Гонат, располагавший значительной военной силой и владевший многими городами в Греции, нанёс решительное поражение кельтам при Лисимахии, а в 276 г. до н. э. он был провозглашён царём Македонии и стал основателем династии, правившей этим государством более 100 лет. Борьба диадохов была закончена. Правда, войны продолжались и в последующие годы, но эллинистический мир к этому времени принял уже в основных своих чертах тот вид, который сохранялся в течение двух последующих веков.

ГЛАВА IX
ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В IV—III ВВ. ДО Н. Э. ЭЛЛИНИЗМ

1. Основные черты развития рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в IV—III вв. до н. э.

Распад державы Александра Македонского, совершившийся в ходе борьбы диадохов, привёл к возникновению ряда новых государств, оказавшихся относительно более устойчивыми, чем «мировая монархия» Александра. Ранее всего выделился птолемеевский Египет, который сохранил свою целостность в течение всего периода борьбы диадохов. В состав обширного царства Селевкидов после долгой борьбы вошла большая часть переднеазиатской территории прежней Персидской державы, за исключением областей, ставших самостоятельными государствами (Каппадокия, Понт, Вифиния, Пергам и др.); Македония удержала свою гегемонию над истощённой бесконечными войнами Грецией.

Истоки эллинизма

В социально-экономическом строе и классовой структуре, в культуре и идеологии государств, сложившихся после распада державы Александра, ярко выступили некоторые новые, специфические черты. Это был сложный и противоречивый процесс взаимодействия грекомакедонских и местных элементов, обусловленный как конкретной обстановкой отдельных стран, так и общими условиями развития рабовладельческого мира в этот период.

Самое понятие *эллинизм,* которым принято обозначать период истории Восточного Средиземноморья, Западной Азии и Понта от завоеваний Александра Македонского до покорения Римом последнего крупного средиземноморского государства — Египта, является в значительной мере условным. Было бы неправильно сводить

содержание этого понятия к распространению греко-македонского господства и греческой культуры на Востоке, изображая греко-македонских завоевателей носителями активного, «цивилизаторского» начала и противопоставляя их «инертным» массам Востока [1].

Завоевания Александра Македонского действительно были исходным пунктом небывалой по своим масштабам колонизации. Массы населения Македонии, Греции, Фракии, Иллирии, островов Эгейского моря хлынули на Восток. Греки и македоняне несли с собой свои государственные и правовые нормы, свои производственные навыки, обычаи, религию и культуру. Освоение завоёванных территорий они осуществляли в привычных для них формах, основывая новые полисы и поселения военных колонистов. Но существовало значительное различие между ранним периодом греческой колонизации и новым, «эллинистическим» периодом: тогда колонии представляли собой отдельные, в известной мере изолированные греческие поселения, окаймлявшие прибрежную полосу Средиземноморья и Черного моря и соприкасавшиеся по большей части с племенами, жившими ещё в условиях первобытнообщинного строя; теперь греки и македоняне столкнулись с рабовладельческими обществами, насчитывавшими многие столетия самостоятельного экономического, политического и культурного развития, создавшими свою самобытную и зрелую цивилизацию.

Чтобы сохранить и укрепить господство над этими обществами, завоеватели вынуждены были частично приспосабливать свои институты к существовавшим здесь социально-экономическим отношениям, ко всему жизненному укладу восточных стран. В области экономической и политической жизни многое из того, что несли с собой греки—античные формы рабства, полисная структура и т. п.,— сравнительно быстро прививалось в эллинистических странах или в отдельных областях, поскольку близкие формы вызревали в Западной Азии, как мы видели, ещё накануне греко-македонского завоевания. С другой стороны, сами завоеватели многое восприняли из общественно-политической практики и идеологии восточных деспотий *(формы* эксплуатации широких масс сельского населения, некоторые черты государственного строя и т. д.).

Таким образом, в данных исторических условиях завоевания, как и колонизация, сыграли роль толчка, ускорителя тех процессов, которые и ранее происходили в недрах обществ, имевших при всём различии их исторических судеб однородную социальную основу. Наличие ряда сходных черт развития не исключало, разумеется, того, что и в этот период каждая из стран Восточного Средиземноморья сохраняла свои особенности, а общие процессы приобретали в условиях отдельных стран значительное своеобразие.

Монархия и полис. Союз греко-македонских завоевателей и местной знати

В новых исторических условиях нет уже прежнего резкого различия двух типов рабовладельческого государства — восточной деспотии и античного полиса. Эллинистическая монархия сохраняет многие черты деспотических империй: верховную собственность на землю, организацию податной системы и др. Но вместе с тем она вбирает, включает в себя и полис, который утрачивает при этом свой прежний характер политически независимого города-государства.

В самой Элладе при всём разнообразии правового положения отдельных полисов общим для большинства из них была потеря независимости во внешней политике, а также большей или меньшей доли самостоятельности во внутренних делах. В эллинистических же государствах Востока полис с самого начала — не свободная рес-

[1] Именно такая трактовка эллинизма наиболее распространена в буржуазной историографии со времён немецкого историка Г. Дройзена. автора трёхтомного труда «История эллинизма» (1833—1843 гг.). Дройзеном введён и самый термин «эллинизм».

публика рабовладельцев и землевладельцев, а лишь городская община, которая хоть и обладает автономией, различными политическими и экономическими привилегиями, но находится под контролем главы обширного государства, служит проводником политики центральной власти, зависит от неё.

Такое положение полисов определялось не только общей обстановкой, но и изменениями в их собственной социально-политической структуре. Полис эллинистического времени уже не мог самостоятельно выполнять свои классовые функции: осуществлять эксплуатацию рабов и зависимого земледельческого населения, удерживать в повиновении городскую «чернь». Для этого он нуждался в сильной военно-монархической власти. Торговым и ростовщическим верхам полиса эта власть нужна была и для того, чтобы завоёвывать и удерживать внешние рынки и торговые пути, обогащаться за счёт «варварской» периферии.

Политика основания новых полисов или превращения в полисы старых городских центров была в той или иной мере свойственна всем эллинистическим правителям. Однако размещение полисов показывает, что они прививались в первую очередь там, где развитие товарно-денежных отношений достигло уже сравнительно высокого уровня, как это было в Месопотамии, Сирии, Малой Азии. Основой для новых полисов служили иногда и поселения военных колонистов *(катэкии),* особенно в тех случаях, когда они располагались вблизи оживлённых торговых путей.

Местная знать — крупные рабовладельцы, купцы, ростовщики охотно воспринимали полисную организацию и связанные с ней греческие обычаи, право и культуру, так как принадлежность к гражданам полиса была условием получения определённых привилегий, главной из которых было право частной собственности на землю. Полисы были противопоставлены остальной территории страны — так называемой *хоре. В* понятие хоры включались и сельские поселения, и города, но имевшие полисного устройства. Противоположность полиса и хоры обусловливалась не только различием в их правовом положении: привилегированное положение полиса давало возможность его гражданам принимать участие в эксплуатации населения хоры и в качестве владельцев приписанной к городу царской земли, и с помощью неэквивалентного обмена, ростовщических и откупных операций и т. д.

Для всех эллинистических государств, в большой или меньшей мере, характерно развитие крупного землевладения служилой знати, в первую очередь греко-македонской, а также местной эллинизированной знати и жречества. С течением времени термин *эллин* утратил на Востоке свой этнический характер и стал применяться для обозначения представителей всех привилегированных слоев общества в противоположность широким массам разноплемённого и эксплуатируемого населения.

Социальный строй. Формы эксплуатации

Возникновение эллинистических государств ускорило развитие рабовладения во всём Восточном Средиземноморье. Непрерывные войны эллинистических царей и династов, греческих полисов и союзов сопровождались, особенно с конца III в. до н. э., массовым обращением людей в рабство. Причём в ряде случаев захват рабов был не только последствием войн, но и непосредственной целью военных экспедиций и походов.

Характерная черта этого времени — рост работорговли, соединённой с пиратством, возникновение международных рынков рабов. Рабовладельческие отношения развиваются не только в старых греческих государствах, но и в тех государствах Балканского полуострова, которые сравнительно недавно вышли из недр первобытнообщинного строя (Македония, Этолия, Эпир, Иллирия и др.), а теперь стали играть особенно активную роль в войнах за захват рабов.

В восточных эллинистических странах увеличивается как численность рабов, так и удельный пес их труда в хозяйстве. Крупнейшими рабовладельцами являются сами эллинистические цари. Труд рабов используется на самых тяжёлых, изнурительных работах — в горных и лесных промыслах, а также и в сельском хозяйстве и

ремесле (чему обязан, в частности, своим подъёмом Пергам). Рост денежных отношений и торгово-ростовщического капитала способствовал развитию рабовладельческих отношений, что выражалось в дальнейшем распространении античных форм рабства преимущественно в крупных торгово-ремесленных городах и в консервации, а в отдельных случаях, возможно, и в усилении его старых, примитивных форм, упорно сохранявшихся на Востоке (долговое рабство, рабство в результате самопродажи и продажи детей и др.).

Именно это многообразие форм рабовладения делало крайне условной грань между рабами и зависимым населением, накладывая общую печать рабства на все формы эксплуатации. Основной массой эксплуатируемого населения в восточных эллинистических странах оставались общинники, именуемые в источниках этого времени—*лаой* («люди»). Они были прикреплены к общине и были обязаны обрабатывать земли царя, знати, храмов, городов и военных колонистов; на них ложилось главное бремя денежных и натуральных налогов и всевозможных повинностей. Хотя лаой могли иметь свой дом и другое имущество и вступать в правовые сделки, фактически они были полностью беззащитны перед властью царя и знати и находились в руках царской администрации, творившей над ними суд и расправу.

Историческое место эллинизма

Установление господства над новыми территориями и массой трудящегося населения, захват рабов и громадных богатств, возникновение новых полисов и расширение торговых связей, колонизация и втягивание в денежные отношения стран с натуральным хозяйством — всё это дало новый толчок экономическому развитию Восточного Средиземноморья.

В начале эллинистического периода наблюдался некоторый экономический прогресс. Распространяется применение более усовершенствованных орудий труда и приёмов обработки земли (унаваживание, трёхпольная система и пр.), широко развиваются садоводство и виноделие, пастбищное скотоводство, происходит важный для хозяйственной жизни ряда стран обмен сельскохозяйственными культурами и ценными породами скота. Более интенсивно разрабатываются месторождения цветных металлов, железа и других ископаемых. Ряд технических усовершенствований был сделан в ремесленном производстве, в особенности в деле изготовления тканей, обработки кожи, металлов, в строительной и военной технике и пр.

В основе всех этих экономических сдвигов лежал рост разделения труда, специализация отдельных областей, развитие производства на рынок. Одним из наиболее важных проявлений этого процесса было возникновение новых центров ремесленного производства и посреднической торговли в Западной Азии и Египте. Некоторые из них, прежде всего Александрия и Селевкия на Тигре, далеко оставили позади старые, эллинские торгово-ремесленные города. Именно в сфере обмена различие по сравнению с так называемым классическим периодом выступает особенно наглядно. Связи между отдельными частями древнего мира неизмеримо расширились, причём огромное значение приобрела морская и сухопутная торговля средиземноморских стран с далёкой Индией и другими странами Юго-Восточной Азии.

Экономическое оживление, охватившее восточно-средиземноморский мир, было бурным и ярким, но своим внешним проявлениям, но лишённым вместе с тем прочной внутренней основы. Огромные для того времени массы продуктов, поступавшие на рынок, извлекались путём беспощадной эксплуатации рабов и лаой, непомерного роста всякого рода государственных поборов и широчайшего применения откупов, роста ростовщичества и долговой кабалы и в конечном счёте истощения всех жизненных соков эллинистических стран. Агрессивные войны, разорение целых областей и крупнейших очагов культуры, разгул расточительства, роскоши и паразитизма узкой правящей прослойки — всё, чем отмечена история эллинистических государств, с неизбежностью порождалось их рабовладельческой природой. Поэтому

решающей чертой их развития является обострение внутренних противоречий и классовых антагонизмов, которые со второй половины III в. до н. э. выступают псе с большей силой и приводят к широким движениям, охватывающим различные слои населения.

Во II в. до н. э. происходят восстания рабов прежде всего в тех областях, где рабский труд применялся особенно широко — в Аттике, в Пергаме, а также на Делосе, который стал крупнейшим рынком рабов. Борьба между демосом и олигархией выливается в Греции в широкие социальные движения, направленные на передел земель, ликвидацию долгового гнёта, расширение гражданства.

В восточных эллинистических странах одной из наиболее характерных форм классовой борьбы являлся *анахоресис,* т. е. оставление места жительства и работы и бегство под защиту храма, в другой округ или густо населённую столицу, где легче было укрыться от репрессий царской администрации. Но и здесь с конца III в. до н. э. угнетённые переходят к активной массовой борьбе. Борьба происходила под разными лозунгами, но её социальная направленность очевидна: лаой восстают против «эллинов», представителей богатого и привилегированного класса общества. В городах кипит классовая борьба между богачами и городской беднотой. Не затухали и противоречия между греко-македонскими завоевателями и коренным населением эллинистических стран —противоречия, которые были иной формой того же основного социального антагонизма.

Процесс эллинизации был двойственным по своему характеру и результатам. Известная нивелировка местных и племенных различий, постепенное, хотя и далеко не всеобщее, преодоление прежней религиозной, полисной, общинной замкнутости, расширение экономических и культурных связей были неотделимы от факта завоевания, от подчинения иноземному господству, распространявшемуся на громадные территории, населённые многочисленными народами и племенами. Эллинистическая культура, способствовавшая как распространению крупнейших достижений греческой философии и греческого искусства, так и культурному обмену между Востоком и Элладой, была по преимуществу культурой рабовладельческих и торговых городов, культурой господствующих классов. В массе же эксплуатируемого земледельческого населения продолжали стойко держаться местные культурные и религиозные традиции, хотя религиозный синкретизм и получил широкое развитие.

Завоевания Александра Македонского и образование эллинистических государств оказали сильное воздействие на развитие племен, как на территории эллинистических государств, так и за её пределами. Эта многообразная по уровню своего общественного развития племенная периферия, так или иначе втягивается в сферу товарного обращения. Арабы и жители Средней Азии, скифы и геты, эфиопы и ливийцы участвуют в международной торговле.

Возникновение и усиление новых государств (Греко-Бактрийского царства, Парфии, Скифского царства в Крыму, Армении, Понтийского царства и пр.) были вызваны в первую очередь, внутренними причинами — процессом классообразования и развитием рабовладельческих отношений. Эллинистические государства играли в ряде случаев лишь роль своего рода катализаторов, ускорявших эти процессы. Своей завоевательной и грабительской политикой они содействовали внутренней консолидации племён, которые наносили им, в свою очередь, ответные удары.

С течением времени приходит в движение вся периферия средиземноморского мира — от великих пустынь, граничащих с Китаем, до западной оконечности Европы. Без учёта этих громадных экономических, социальных, политических сдвигов нельзя понять ни упадка эллинистических монархий, ни той исторической обстановки в которой происходит в дальнейшем поглощение их Римом.

2. Государство Птолемеев

Социально-политическое устройство эллинистического Египта по сравнению с другими эллинистическими государствами известно значительно лучше, главным образом, благодаря многочисленным греческим и демотическим папирусам, сохранившимся до нашего времени. Греки задолго до македонского завоевания познакомились с Египтом, куда они проникали в качестве воинов-наёмников и торговцев уже во времена Саисской династии (VII—VI вв. до н. э.). Поход Александра в Египет открыл им ещё более широкий доступ в эту страну.

Египет в конце IV— начале III в. до н. э.

При первом разделе сатрапий управление Египтом, как уже упоминалось выше, досталось Птолемею Лагу. Искусный политик и талантливый организатор, он стал основателем новой династии, правившей в Египте почти три столетия. Птолемей был единственным из диадохов, умершим естественной смертью. Ему наследовал его сын Птолемей II (283—246), впоследствии прозванный Филадельфом.

Камея с изображением Птолемея II и Арсинои.
Работа эллинистического времени. Многослойный сардоникс.

В царствование первых двух Птолемеев складываются своеобразные формы отношений между завоевателями и местным населением, намечаются основные принципы экономической и социальной политики нового эллинистического государства, оформляются податная организация и административный аппарат. Все эти разнообразные стороны хозяйственной и социальной жизни Египта регулировались целым рядом постановлений и указов. Некоторые из этих документов дошли до нас, например важное постановление 261 г., касающееся рабовладения, и так называемый «Податной устав» (257 г.).

III в. до н. э. (примерно до 20-х годов) был временем наивысшей политической мощи царства Птолемеев. В это время Египет являлся могущественной империей, господствовавшей в Эгейском море и в восточной части Средиземного моря. Уже Птолемей I помимо Египта владел Киренаикой, Кипром, Палестиной, Южной Сирией. При его ближайших преемниках господство Птолемеев распространяется на южную и западную части Малой Азии, побережье Фракии и Геллеспонта, на острова Эгейского моря.

Одна из особенностей птолемеевского Египта состояла в том, что полисы играли здесь значительно меньшую роль, чем в монархии Селевкидов, которые основали множество греческих полисов.

Наиболее привилегированное положение в эллинистическом Египте занимали высшие сановники, владельцы дарственной земли, военачальники наёмных отрядов. К ним примыкали местная египетская знать и жречество. Наряду со светской знатью и жречеством большую роль играли дельцы всякого рода, торговцы, судовладельцы, богатые откупщики, а также именитые граждане Александрии.

Развитие сельского хозяйства и ремесла

Во все периоды истории древнего Египта основным условием развития и процветания хозяйства в этой стране являлось орошение. От ежегодных разливов Нила зависели благополучие или, напротив, тяжёлые бедствия египетского населения. Создание и развитие ирригационной сети было одной из важнейших функций деспотической власти фараонов и эллинистических царей. Первые Птолемеи, заинтересованные в расширении вывоза хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, а также в обеспечении греко-македонских колонистов (клерухов) землёй, с большой энергией берутся за расширение и улучшение оросительной системы и увеличение посевной площади. Мелиорационные работы приняли наиболее широкий размах в Фаюмском оазисе, где болотистые пространства были превращены в плодороднейшие земли. В Фаюме были вынуты тысячи кубометров земли, сооружены новые каналы и плотины, основаны десятки новых поселений.

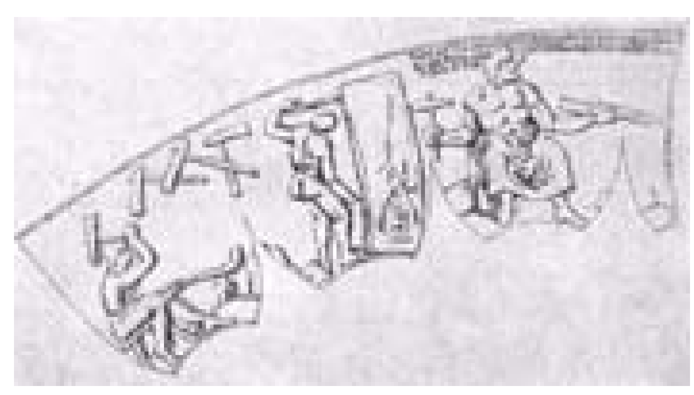
В технике сельскохозяйственного производства Египта этого времени наблюдается известный прогресс. Помимо старинных приёмов орошения, ручным способом и при помощи шадуфа, появляется более сложное приспособление—*сакие.* Оно представляло собой сооружение, состоявшее из вращающегося вертикального вала, с которым было скреплено несколько зубчатых колёс. На этих колёсах укреплялись бадьи, которые при вращении вала зачерпывали воду и выливали её на более высоко расположенную террасу. Вал приводился во вращение тягловой силой животных. Возможно, что в Египте появляются и ещё более сложные приспособления для подъёма воды.

Среди сельскохозяйственных культур всё большее и большое значение приобретала пшеница, составлявшая около 80% зерновых культур. Тщательная прополка посевов, постоянное наблюдение за ирригацией, подбор лучших сортов семян и пр. давали возможность в некоторых местностях собирать два раза в год высокие урожаи. Практиковалась также смена культур, правильный севооборот (при двух- и трёхпольной системе), в котором большую роль играли бобовые растения: арак, чечевица, горох, бобы. Энергичные мероприятия были проведены для подъёма культуры масличных растений и виноградников, расширялись посадки плодовых деревьев. Значительное развитие получило в эллинистический период скотоводство (особенно в царском хозяйстве).

Наряду с сельским хозяйством в Египте продолжало развиваться ремесло. Ремесленная техника в ряде отраслей производства улучшилась, усилилось разделение труда, изменились формы его организации. Ведущими остались те отрасли ремесла, которые имели в Египте многовековую историю развития: ткачество, обработка металлов, керамическое производство, обработка кожи, изготовление папирусов, служивших материалом для письма, выделка стеклянной посуды, начинающей частично вытеснять глиняную. Большого мастерства египетские ремесленники достигли в изготовлении льняных, а также шерстяных и шёлковых тканей. Крупными центрами ткацкого ремесла были города Александрия, Мемфис, Коптос, Гераклеополь, Крокодилополь, Панополь, Фивы. Замечательны резные камни (камеи) эллинистического времени. Александрийская стеклянная посуда, цветная и прозрачная, получила широкую известность за пределами Египта.

Рост обмена и денежного обращения

Хозяйственный подъём в странах Восточного Средиземноморья в конце IV — начало III в. привёл к оживлению обмена и развитию денежного обращения. Египет занял ведущее положение в торговле наряду с царством Селевкидов и островом Родос. В обширных земельных владениях и многочисленных мастерских, принадлежавших царю и знати, производилось огромное количество продуктов, в значительной мере направлявшихся на рынок. Александрия — крупнейший центр городской жизни — нуждалась в снабжении продовольствием и, в свою очередь, вывозила изделия своих ремесленников. Ввоз и вывоз товаров строго регламентировались правительством.



Кузнечная мастерская.
Рельефное изображение на мегарской чаше.
III в. до н. э.

Каждое из крупных эллинистических государств стремилось завоевать преимущественное положение в международной торговле. Египет нуждался в строевом лесе Финикии, в рабах Сирии, в металлах Малой Азии и в изделиях Эллады. Архив Зенона, доверенного лица Аполлония— крупного сановника времён Птолемея II, — знакомит нас с ростовщической и торговой деятельностью представителей придворной знати во внешних владениях Птолемеев (Палестине, Сирии, Малой Азии). Оттуда в Египет направлялись ческой и торговой деятельностью представителей придворной знати во внешних владениях Птолемеев (Палестине, Сирии, Малой Азии). Оттуда в Египет направлялись большие партии рабов, строевой лес, медь, пурпурная краска, мрамор, вино, мебель, скот и пр. С другой стороны, на изделия египетских ремесленников — стеклянную посуду, прекрасные льняные материи, мази, папирус и зерно—был большой спрос во всех средиземноморских странах. Издавна Египет поддерживал обмен с югом: Эфиопией (Нубией), Суданом. Птолемеи систематически посылали в Эфиопию особые экспедиции для охоты за слонами. Оттуда же везли ценные сорта дерева, золото, рабов. Торговля сопровождалась нередко набегами, захватом добычи.

Одновременно развивается морская и караванная торговля Египта с Аравией и Индией, в особенности в годы правления Птолемея II, когда канал вновь соединил Средиземное море через Горькие озёра с Красным морем. На побережье Красного моря были основаны новые гавани (Миос-Гормос, Береника). Тогда греки ещё не решались пересекать это море и выплывать в открытый океан. Поэтому посредниками в торговле Египта с Индией были южноарабские купцы, доставлявшие оттуда слоновую кость, ароматические вещества, ткани и другие товары.

Развитие обмена требовало налаженного монетного дела. Птолемеи чеканили монеты из золота, серебра и меди. В начале своего правления Птолемеи I чеканил монету по аттическому образцу, но потом перешёл к чеканке монет родосского и финикийского типа, так как торговля с Родосом и Финикией играла для Египта особенно большую роль. Главной единицей в денежной системе Египта была серебряная тетрадрахма. Внутри страны в широком обращении была и медная монета. Хозяйственному обороту способствовала целая сеть государственных *трапез* (касс) в Александрии, в административных центрах *номов* (округов), даже в *комах* (деревнях).

Рабовладение

С развитием товарно-денежных отношений был тесно связан рост рабовладения, несомненно, имевший место в птолемеевском Египте. Значение рабства в Египте определялось не численным превосход-

ством рабского населения по сравнению со свободным, но тем влиянием, которое организация рабского труда оказывала на положение земледельцев и ремесленников в различных отраслях производства. Рабский труд применялся в горном деле и в известной мере в ремесле и в сельском хозяйстве. Особенно тяжела была участь рабов, работавших в рудниках и каменоломнях. В сходном с ними положении находились государственные должники и преступники. Труд рабов применялся также в больших имениях, как, например, в известном нам хозяйстве Аполлония или представителя местной знати—Петосириса. У собственников средней руки—чиновников, военных колонистов и др.—число рабов также было довольно велико: так, например, некий воин Лептин владел не менее чем 16 рабами. Крупными рабовладельцами были храмы, которые получали значительные доходы от эксплуатации труда храмовых рабов *(гиеродулов)*. Сохранились, к сожалению, в крайне фрагментированном состоянии, специальные указы Птолемеев о регистрации рабов, запрещении вывоза их из Египта, о розыске беглых рабов, наказании рабов и др. В завещаниях и в брачных контрактах рабы упоминаются как вид имущества. Работорговля занимала видное место в торговых операциях. Крупными работорговцами были сами Птолемеи.

Для Египта, как и для других эллинистических государств, было характерным сохранение наряду с развитым рабовладением старинных форм рабства: самопродажи свободных людей, долгового рабства и пр. Представители господствующего класса Египта обращали в рабство в Сирии и Палестине множество лаой. Это явление приняло настолько крупные масштабы, что вызвало вмешательство правительства, заинтересованного в сохранении налогоплательщиков. Птолемеи II издал указ, запрещавший покупать или брать в залог лаой (261 г.).

Формы земельной собственности. Царские земледельцы

Для Египта на протяжении всей его истории определяющее значение имела верховная собственность государства на основные средства производства, главным образом на землю. Птолемеи в этом отношении являлись преемниками фараонов. В документах эллинистического времени земли делились на несколько разрядов по степени их плодородия, по доходности и с точки зрения владельческих нрав. По характеру владения основной разряд составляла «царская земля», находившаяся в непосредственном ведении царской администрации. Юридически царь являлся единственным собственником всей земли, и, в сущности, вся земля Египта была царской, но из неё выделялись категории земель, отличавшиеся от собственно царской земли. Это были земли «уступленные»—в их состав входили земли храмов, клерухов, «дарственная земля». Земля храмов считалась принадлежащей богу, по государство сохраняло верховные нрава и на эту землю так же, как и на участки воинов. Дарственными землями владели высшие представители знати. Наконец, по отношению к некоторым земельным участкам устанавливалось более прочное владение, например в тех случаях, когда частные лица на необработанной ранее земле производили посадки плодовых деревьев или виноградной лозы. Процесс развития земельных отношений шёл в направлении роста уступленной земли, её постепенного выделения и расширения за счёт царской земли.

Основными работниками в сельском хозяйстве были лаой, или «царские земледельцы», как их называли в Египте. Крупное землевладение сочеталось с мелким землепользованием. На царской земле, в крупных имениях частных владельцев и храмов практиковалась раздача мелких участков земли царским земледельцам. Их отношение к государству и к частным лицам формально представляло собой наследственную аренду, определявшуюся арендным договором. Но эта форма была лишь видимостью свободного договора: за ней скрывалось совершенно зависимое положение царских земледельцев; вместе с тем она открывала широкую возможность усиления эксплуатации лаой далеко за пределы сложившихся испокон веков норм. Все сельскохозяйственные работы контролировала и регулировала царская администрация,

которая указывала, чем и когда крестьянин должен засевать свой участок, и следила за выполнением работ. Когда урожай был собран, царские земледельцы должны были прежде всего уплатить государству так называемую арендную плату натурой и все другие причитавшиеся с них сборы.

Земледельцы сохраняли ещё общинную организацию, в существовании которой правительство было заинтересовано по фискальным соображениям: община отвечала за исправное несение её членами государственных повинностей. Члены общины не имели права оставить свою работу и переселиться в другую местность: покинувшие свои комы подлежали принудительному возвращению. Занятие земледелием обычно передавалось от отца к сыну. Царские земледельцы в принудительном порядке привлекались к ежегодным работам по ремонту каналов и плотин. За счёт местного населения происходило снабжение царя и его многочисленных чиновников во время их поездок. Царские земледельцы не подлежали обычной юрисдикции: их дела разбирала местная администрация в лице так называемых экономов. На условиях жизни и труда лаой отразились и вековая практика восточной деспотии, и развитие рабовладения в период эллинизма.

Население комы не было однородным. Рядом с земледельцами, арендовавшими участки царской земли, жили бедняки, которые не вели никакого самостоятельного хозяйства, работали подёнщиками и использовались на государственных работах, рядом с бедными египетскими воинами *(махимой)* жили сравнительно зажиточные *катэки.*

Положение ремесленников, работавших в царских мастерских, во многом напоминало положение царских земледельцев. Они также подлежали административной юрисдикции, были прикреплены к мастерским, в которых работали, их деятельность на каждом шагу тщательно контролировалась администрацией. В египетском ремесле применялся преимущественно свободный труд, но «свобода» эта, как правило, оказывалась призрачной: в тех отраслях, которые составляли царскую монополию (например, изготовление льняных тканей), средства производства принадлежали государству, и фактически ремесленники полностью зависели от царской администрации.

Наряду с крупными мастерскими, которые находились в руках царской администрации, жрецов и владельцев дарственных земель и в которых иногда использовались рабы, существовало много мелких ремесленников, работавших в небольших мастерских или бравших работу на дом. Ремесленники объединялись в союзы, члены которых сходились на общие обеды, имели своего бога-покровителя, платили взносы в общественную кассу.

Государственное хозяйство

Унаследованная от фараонов система государственного хозяйства была расширена и усовершенствована эллинистическими царями. Для Птолемеев и их окружения Египет был прежде всего источником обогащения и наживы. Извлечение и присвоение прибавочного продукта — результата труда всего трудового населения страны — такова была цель государственного хозяйства, служившего одновременно формой организации господства рабовладельческого класса. Система государственного хозяйства охватывала различные сферы экономики Египта. Наибольшее значение и в этом отношении имело сельское хозяйство.

В казну шли многообразные денежные и натуральные поступления от населения царской земли и от населения других категорий земель. Всем землям и тому, что производилось на них, велся строгий учёт с фискальными целями. Ежегодно составлялись обширные земельные описи, в которых отмечались состояние земель, размеры участков, их качество, имена владельцев, доходность, характер культур и пр. Особенно строго регламентировались зерновое хозяйство и посевы масличных культур. Назначались специальные лица - *генематофилаки* («стражи урожая»), которые следили за тем, чтобы ни один колос не ушёл от государственного обложения. Собранное зерно поступало в царские склады и затем отправлялось по Нилу в Александрию

откуда в громадных количествах вывозилось почти во все средиземноморские страны. Другой доходной статьёй была сдача в аренду земледельцам царского скота и пастбищ.

В государственном хозяйстве огромное значение имела система откупа, т. е. аренды у государства частными лицами тех или иных доходных статей. Эта система применялась в сельском хозяйстве и в ремесле, в использовании различных доходных должностей и при организации сбора податей. Предпочтение отдавалось тому, кто предложит большую сумму. Нередко образовывались целые компании откупщиков, соединявших для этой цели свои средства. Царские чиновники зорко следили, чтобы деятельность откупщиков не принесла какого-нибудь ущерба казне.

В птолемеевском Египте несравненно большее значение, чем в фараоновском, приобрели государственные монополии, позволявшие царю концентрировать в своих руках доходы многих отраслей ремесленного производства.

Наиболее точные сведения сохранились о монополии на производство растительного масла. При введении этой монополии Птолемеи отобрали оборудование у всех мелких маслоделов. Теперь масло изготовлялось в царских эргастериях, об организации и снабжении сырьём и рабочей силой которых должны были заботиться государственные чиновники — *экономы.* Продажа масла была строго монополизирована. Право продажи масла по определённым ценам отдавалось на откуп мелким торговцам, которые должны были выручку доставлять эконому. Монополизированы были также трапезы (кассы), рудники и каменоломни, производство сукна, папируса, пива, пряностей, парфюмерии, поташа, золотых вещей, приготовление красок и пр.

Эксплуатация населения посредством податной системы достигла в государстве Птолемеев громадных размеров. Податная система была очень сложной, существовали различные группы налогоплательщиков, заметно отличавшиеся друг от друга по своему хозяйственному и юридическому положению. Были налоги, общие для всех, и налоги, выплачиваемые сравнительно узкими категориями населения, налоги постоянные и временные, прямые и косвенные. Налоги взимались как в натуральной, так и в денежной форме, причём постепенно увеличивалось значение денежной формы налога. В этой системе резко проявлялась классовая структура эллинистического Египта: главными налогоплательщиками были люди, занятые физическим трудом, т. е. земледельцы, ремесленники и прочие. От поголовной подати были освобождены лишь привилегированные группы —«эллины» и жрецы.

Главный доход с земли поступал в форме арендной платы с царских земледельцев. Но были и собственно земельные налоги и ряд мелких сборов, связанных с земледельческими работами: особые сборы на поддержание в исправности ирригационных сооружений, за использование гумна, за просев муки в царском амбаре, за измерение земли и пр. Сбор с виноградников и плодовых посадок в размере $^1/_6$ части урожая поступал в денежной форме. Он носил название *апомойры.* Ткачи, кожевники, золотых дел мастера, красильщики и другие ремесленники платили за право занятия ремеслом, а также процент с выручки. Был ряд налогов местного и специального характера: например, в Фаюме собирали налог для кладбища крокодилов (крокодил считался здесь священным животным). Население содержало обширный бюрократический аппарат Птолемеев: существовали особые сборы на оплату расходов канцелярии, на содержание стражников и пр.

Все подвластные Птолемеям территории уплачивали в их казну значительные суммы налогов и податей в денежной и натуральной форме. Кроме прямого обложения обильным источником доходов служило косвенное обложение. На севере — в Пелусии и Александрии и на юге — в Элефантине были устроены таможенные станции: товары, ввозимые в Египет и вывозимые из него, облагались нередко высокими сборами. Существовали также внутренние пошлины: в некоторых пунктах, например в Гермополе, стояли отряды, следившие за провозом товаров. Податная система тяжелым бременем ложилась на население государства Птолемеев, а произвол и злоупотребления чиновников ещё более увеличивали это бремя.

Крупные хозяйства знати

На эксплуатации рабов и лаой основывались крупные хозяйства аристократии, владельцев обширных дарственных имений. Широкую и яркую картину хозяйственной и социальной жизни крупного имения в Египте 60—40-х годов III в. до н. э. дают многочисленные письма упомянутого выше Зенона, который был управляющим имением Аполлония в Фаюме. Аполлоний владел большими земельными богатствами: у него было 10 тыс. арур [1] дарственной земли около Филадельфии, столько же около Мемфиса и ещё третье имение такого же размера в Палестине. Одновременно Аполлоний вёл разнообразные торговые операции и внутри Египта и особенно за его пределами, имея в своём распоряжении крупный морской и речной флот. Архив Зенона лучше всего освещает порядки и организацию имения около Филадельфии, а также даёт возможность познакомиться с общим характером и масштабами деятельности Аполлония и его ближайших помощников.

Филадельфия была одним из новых поселений, возникших на землях Фаюмского оазиса. Руководство её застройкой было поручено тому же Зенону. В окрестностях Филадельфии были расположены наделы клерухов. Часть территории имения Аполлония обрабатывалась, по-видимому, рабами или наёмниками; большая же часть отдавалась местным земледельцам (лаой) в аренду. Эти земледельцы вносили плату за землю натурой. Главную роль в хозяйстве играли зерновые культуры. Часть зерна шла на оплату работникам и на другие расходы, часть — на продажу. Большое значение имела культура масличных растений: сезама, кротона и др. Особое внимание уделялось виноградникам и таким плодовым деревьям, как маслина, айва, смоковница и др. В имении проводилась очистка участков, поросших кустарником и тростником, приобретались лучшие сорта винограда, пшеницы, а также лучшие породы скота. Скота было много; его держали для полевых работ, для транспорта, для убоя, для получения шерсти, кож и т. п.

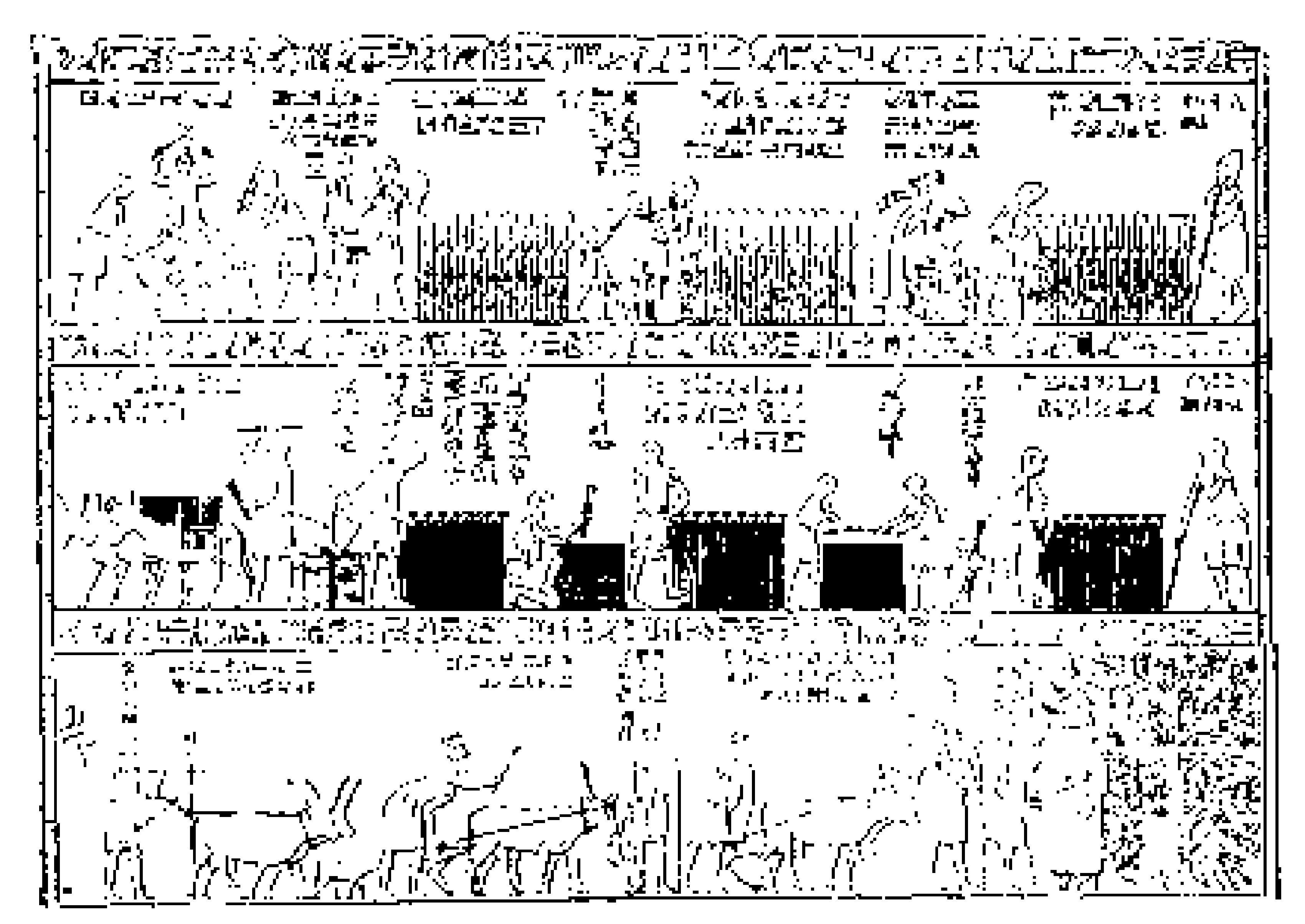
Зенон развил многообразную деятельность: он давал деньги взаймы под проценты, продавал, покупал, устраивал в имении ремесленные мастерские, возводил постройки и пр. Вся эта деятельность была основана на огромном напряжении сил трудившихся в имении людей. И свободные и рабы подвергались беспощадной эксплуатации. Работники нередко лишь с трудом добивались получения платы и пропитания. Условия заключённых договоров часто не соблюдались. Земледельцы хотя и подавали жалобы, но большею частью безуспешно; нередко они бросали работу и уходили из своих ком. Но иногда в результате массового анахоресиса, как об этом свидетельствует один из документов архива Зенона, им удавалось добиться некоторых уступок со стороны царской администрации.

Клерухи

В постоянных военных столкновениях и политических событиях конца IV — начала III в. до н. э. огромную роль играла армия. По сравнению с другими эллинистическими государствами Египет находился в довольно выгодном положении: воинов привлекали сюда надежда на хорошее вознаграждение, перспектива приобретения земельных наделов в богатой стране и пр.

Основным средством обеспечения военной службы в Египте была земля. Система наделения воинов земельными участками применялась в Египте и государствах Передней Азии ещё во II тысячелетии до н. э. Участки предоставлялись воинам не в полную собственность, а лишь как временное и условное владение. Основы этой системы сохранились и в эллинистическом Египте, хотя и с некоторыми изменениями. Прежде всего изменился этнический состав воинов: местные воины — махимой — потеряли прежнее значение и очутились в худшем, чем прежде, положении. Наделение воинов различных разрядов землёй было тесно связано с социальной и экономической политикой Птолемеев. Крупные военачальники получали в качестве дарственных земель большие имения, военачальники низших рангов и простые воины обеспечива-

[1] *Арура* = около 0,27 га.



Сельскохозяйственные работы: наверху—уборка проса; в середине—уборка льна; внизу—пахота и сев,
Роспись стены гробницы Петосириса около города Гермополя. Конец IV в. до н. э.

лись наделами от 5 до 100 арур. Если клерухи с наделами в 5—7 арур являлись теми же крестьянами, то катэки, составлявшие высший слой военных колонистов, были владельцами сравнительно крупных участков и нередко применяли в своём хозяйстве труд царских земледельцев. Одним из центров военной колонизации был Фаюм, далее шла линия военных поселений от Мемфиса к югу. Земля, предоставляемая воинам за их службу, в III в. оставалась в принципе царской и могла быть отобрана царём. Помимо земли воины обычно получали скот и семена. Размещались они в домах местных жителей. Вопрос о постое стоял очень остро и приводил к столкновениям между воинами и местным населением. Вообще военные колонисты вносили элемент насилия и произвола в жизнь египетской деревни.

Роль жречества

Главной опорой Птолемеев были крупные землевладельцы, наёмники и военные колонисты. К ним по своим социальным интересам примыкало и египетское жречество, обладавшее землями и другими видами богатства. Значение жречества в эллинистическом Египте, его социальное и политическое влияние основывались на экономической мощи храмов, на прочной организации жрецов, на их власти над умами населения. Птолемеи в некоторых отношениях урезывали самостоятельность жречества, но поддерживали его, как социальную силу, проявляя по отношению к нему исключительную щедрость. Надписи неоднократно сообщают о даровании Птолемеями земли вместе со всеми доходами местным божествам. Уже при Птолемее I был установлен культ нового бога — Сараписа, который соединял в себе черты важнейших божеств греков и египтян. Почитание Сараписа вскоре широко распространилось среди египетского и греческого населения.

Храмы были крупными хозяйственными центрами. Областью крупного храмового землевладения была Фиваида: храмы Гора в Эдфу, Исиды на острове Филы и др. располагали тысячами арур. Кроме «священной земли» храмы использовали и ту землю, которую верующие (например, клерухи) посвящали богу, и иногда ещё приарендовывали более или менее крупные участки царской земли. Храмы обладали некоторыми привилегиями и в области ремесленного производства (например, правом на выработку сезамного масла, считавшегося монополией государства, на изготовление особых тканей). Жрецы получали денежное пособие из казны и собирали с верующих обильные приношения.

Жречество в эллинистическом Египте составляло многочисленную и стройно организованную корпорацию. Во главе храма стоял *архиерей,* или *эпистат,* представлявший местное жречество в сношениях с правительством. Жрецы периодически собирались на съезды *(синоды).* Храмы сохраняли некоторые особые права, как, например, право убежища.

Обеспечивая Птолемеям свою поддержку, жрецы требовали определённых уступок от центральной власти. По отношению к выступлениям народных масс жречество занимало резко враждебную позицию.

Государственная система

Птолемеи быстро усвоили государственные традиции царства фараонов, использовали их налаженный аппарат и учение о божественном характере их власти. Уже при первом Птолемее культ Александра распространился по всему Египту. Вторым этапом в развитии царского культа было обожествление жены Птолемея Арсинои, умершей в 270 г. Культ Арсинои поглощал упомянутую выше денежную подать— апомойру. Последующие Птолемеи приобщались к богам вскоре после вступления на престол. Но царский культ не только восходил к традиционному культу фараонов, унаследованному новыми правителями Египта. Отчасти он был сознательным политическим приёмом правительства, при помощи которого легализовалась и укреплялась власть династии.

Царство Птолемеев было сильным централизованным государством. Царь обладал всей полнотой власти. В организации управления вековая египетская бюрокра-

ХРАМ ГОРА В ЭДФУ (ЕГИПЕТ)

II в. до н. э. Вид внутреннего двора храма. Современное состояние

АРТЕМИДА И ГЕКАТА В БОРЬБЕ С ГИГАНТАМИ
Часть фриза алтаря Зевса в Пергаме. Около 180 г. до н. э. Мрамор

тическая традиция сочеталась с греко-македонскими принципами управления. Птолемеи, опираясь на греческое право, развивают интенсивную законодательную деятельность. Поражает обилие и мелочность дел, подлежавших решению царя, обширность канцелярской переписки. Крупные и мелкие чиновники усердно писали, переписывали и рассылали законы, распоряжения, жалобы и пр. Делопроизводство велось на греческом языке, выработался особый канцелярский стиль и сложная терминология. При дворе Птолемеев сохранились традиции времени Александра: здесь тщательно вели «царский журнал» и обширную царскую корреспонденцию. Существовал ряд высших придворных должностей: «родственников», «равных по почёту родственникам», «первых друзей», «равных первым друзьям», «друзей», «преемников» и пр.

Все представители царской администрации старались использовать выгоды своего положения и получить как можно больше с населения. Множество людей стремилось в Александрию, поближе ко двору—источнику обильных доходов и милостей.

Вершиной административной иерархии была должность *диойкета,* управляющего хозяйством и финансами. Он ведал царской казной, учётом хозяйственных ресурсов, учётом и сбором поступлений, контролем расходов. Вся его деятельность была подчинена чисто фискальной цели: пополнению царской казны. Диойкет был первым сановником в государстве, и если это был способный и энергичный человек, то он становился почти всемогущим, как показывает пример не раз уже упоминавшегося Аполлония в правление Птолемея II.

За исключением трёх греческих городов, весь Египет представлял собой хору, т. е. это были сельские местности и поселения городского типа, не имевшие самоуправления. В управлении хорой не было отчётливой и стройной системы. Хора сохранила древнее деление на номы, которые во многом удержали прежнюю обособленность. Ном делился на несколько *топархий,* в состав топархий входили как низшая единица комы. Функции прежних номархов перешли к стратегам, которые стали во главе управления нома. Секретарь, ведавший всем делопроизводством нома, назывался царским секретарём. Соответствующие должностные лица были также в топархиях и в комах. Назначение на все эти должности зависело от диойкета.

Деятельность всех этих должностных лиц в номах была тесно связана с деятельностью финансовых чиновников, которые также подчинялись диойкету. Главным должностным лицом по финансовому управлению в номе был эконом. Дошедшая до нас «Инструкция эконому» III в. до н. э. прекрасно рисует его обширные полномочия. Они охватывали, в сущности, всю хозяйственную жизнь нома. Эконом должен был заботиться об увеличении царских доходов, об улучшении сельского хозяйства, о благоустройстве царских земледельцев, выслушивать их жалобы, следить за состоянием ирригации в номе, проводить ремонт каналов и плотин. На него же возлагался контроль за работой ткацких мастерских и маслоделен, за торговлей, за сдачей доходных статей на откуп и др. Проверять деятельность эконома должен был контролёр.

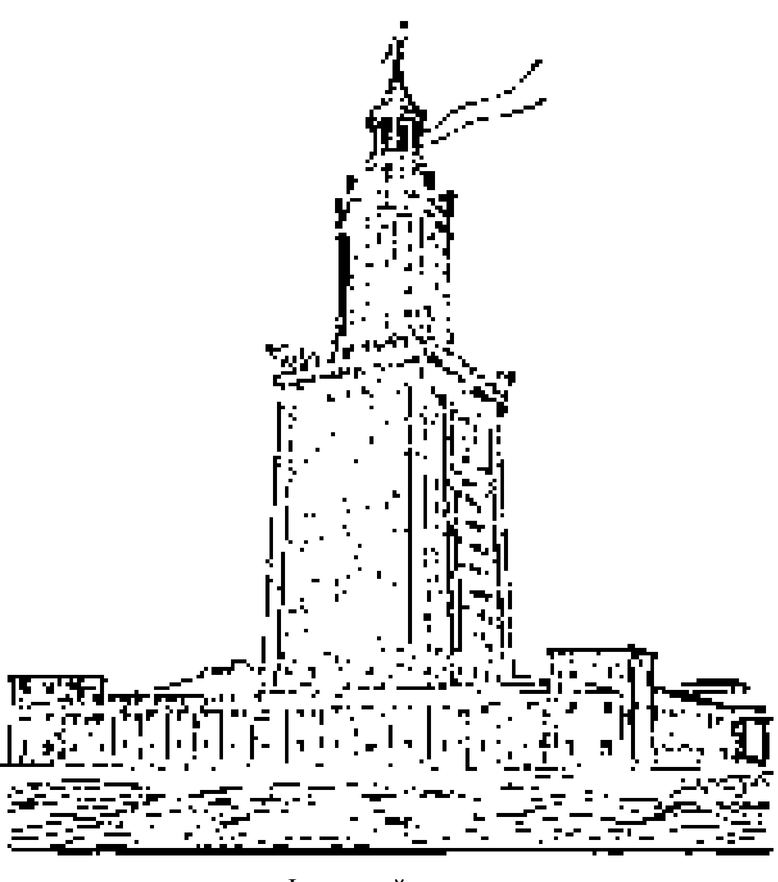
В административном центре находилась касса (трапеза) во главе с трапезитом, выполнявшая очень разнообразные денежные операции и, прежде всего принимавшая поступления от плательщиков налога, от откупщиков и пр. Там же находился и номовый склад зерна *(тесавр),* которым ведал *ситолог.* И трапеза и тесавр имели отделения в номах и в местечках. Трапезиты и ситологи, как и весь многочисленный административный персонал, представляли собой людей, целиком зависевших от царя и получавших из казны плату деньгами или натурой.

Наличие групп населения с различными правами, резко противостоявших друг другу, отразилось на судебной организации. Наряду с греческим правом сохраняло отчасти своё действие и право древнеегипетское. Существовали различные суды для египетского и греческого населения, для полисов и хоры; тяжбы, в которых участво-

вали и египтяне и греки, решались в общем судилище. Громадное значение и развитие получила в царстве Птолемеев административная юрисдикция, распространившаяся на значительную часть населения.

Полисы. Александрия

В эллинистический период продолжали существовать древние административные и религиозные центры: Мемфис, Фивы, Гермополь, Гераклеополь и др. Многие египетские города были также торгово-ремесленными центрами. Однако они не пользовались правом самоуправления. В Египте было лишь три полиса — Александрия, старая греческая колония Навкратис и основанная Птолемеем I в Верхнем Египте Птолемаида. Эти полисы не принадлежали к хоре и не входили в управление нома. Граждане их — привилегированный слой наиболее зажиточного городского населения — составляли городскую общину и объединялись в филы и демы. В Навкратисе и Птолемаиде они выбирали совет города и ряд должностных лиц. В Александрии — столице государства —городского совета не было. Здесь помимо македонян и греков жили также фракийцы, критяне, иранцы, выходцы из Малой Азии, иудеи, сирийцы и, наконец, египтяне. Это многочисленное разноплемённое население, за исключением египтян, лишённых каких-либо политических прав, объединялось по этническому признаку в своеобразные общины с некоторыми органами самоуправления — *политевмы,* независимые друг от друга и подчинённые царской администрации. Степень самоуправления политевм была неодинакова.



Фаросский маяк.
Реконструкция А. Тирша.

Александрия была крупнейшим эллинистическим городом, резиденцией царского двора, центром ремесла, торговли, культуры. Она была расположена на важных путях сообщения. «Это единственное во всём Египте место и для торговли на море, благодаря его превосходной гавани, и для торговли сухопутной, потому что всё легко свозится по реке и собирается в таком пункте, который представляет наибольший в мире рынок»,— писал географ Страбон. В гавани Александрии заходили сотни кораблей со всех концов эллинистического мира, грузились и выгружались разнообразнейшие товары. На острове Фарос, с которым Александрия была соединена длинной насыпью, был выстроен зодчим Состратом Книдским знаменитый маяк вышиною более 100 *м.* Этот маяк в древности считался одним из чудес света. По улицам Александрии двигалась разноплемённая толпа, слышался говор на разных языках. Нередко в город прибывали посольства, иногда из отдалённых стран: из Италии, с северного побережья Понта. Город был построен выдающимся архитектором Дейнократом из Родоса по стройному плану. Его длинные прямые улицы не были похожи на улицы старых греческих городов. Александрия делилась на пять кварталов. В царском квартале были расположены дворец Птолемеев, театр, Мусейон, библиотека, гробница

Александра. В городе было множество садов, храмов, парков, бань. Далеко за стенами города тянулись сады, огороды и усадьбы богатых александрийских граждан.

Александрия была величайшим культурным центром эпохи эллинизма. В ней жили и работали выдающиеся учёные, поэты, художники и архитекторы того времени.

3. Царство Селевкидов

Царство Селевкидов в начале III в. до н. э.

Самым большим из эллинистических государств было царство Селевкидов. Первоначальным ядром его была Вавилония, доставшаяся Селевку при распределении между диадохами наследства Александра Македонского. В последующие годы Селевк, принимавший самое активное участие в бурных событиях конца IV— начала III в., значительно расширил размеры своего царства.

Селевк I Никатор.
Скульптура начала III в. до н. э. Бронза.

В состав царства Селевкидов уже до 303 г. вошли все верхние сатрапии, т. е. Мидия, Персида, Сузиана (Элам), Бактрия и Парфия, а после битвы при Ипсе — Северная Месопотамия, Северная Сирия и значительная часть Малой Азии. Для Селевка было важно урегулировать отношения со своим восточным соседом — Чандрагуптой, правителем обширного царства Магадхи в Индии. Селевк уступил Чандрагупте территории в Пенджабе, завоёванные Александром, а также Гедросию, Арахосию и Парапамисады, получив от него несколько сот боевых слонов. Заключение мира с Чандрагуптой позволило Селевку сосредоточить все силы для борьбы за расширение своих владений на западе; оно имело также и большое экономическое значение — пути, связывавшие западные области с Индией, в течение полувека ещё оставались в руках Селевкидов.

В столицу царства Магадхи — город Паталипутру был отправлен послом грек Мегасфен, составивший потом подробное описание Индии, её природы, хозяйства, своеобразных социальных отношений, политического строя, обычаев и нравов.

Распад царства Антигона Одноглазого (301 г. до н. э.) ещё больше увеличил могущество Селевка, а после победы над Лисимахом при Курупедии (281 г. до н. э.) казалось, что Селевк сможет объединить почти все территории, входившие в империю Александра, за исключением Египта. Однако последовавшие после смерти Селевка события — утверждение на македонском престоле Антигона Гоната и вторжение в Малую Азию кельтов (галатов) — заставили его наследника Антиоха I отказаться от притязаний на гегемонию в эллинистическом мире.

Развитие сельского хозяйства, ремесла и торговли

Главными, наиболее развитыми в экономическом отношении областями царства Селевкидов были Северная Месопотамия, Вавилония и Северная Сирия. Для этих областей было характерно сочетание развитого сельского хозяйства в плодородных речных долинах и многолюдных торговых городов, являвшихся гаванями или узловыми пунктами караванных путей. Исключительное плодородие почв в долинах Тигра и Евфрата позволяло собирать обильные урожаи. «Страна эта производит ячмень в таком количестве, как никакая другая»,— писал про Вавилонию Страбон в конце I в. до н. э. Развитие земледелия в Месопотамии зависело от состояния ирригационной системы. Регулирование разливов Тигра и Евфрата требовало больших усилий: надо было постоянно следить за состоянием каналов, поддерживать или сооружать новые плотины и водоёмы. Почти столь же плодородны были долины Сирии. Сирийская пшеница славилась за пределами этой страны; семена этой пшеницы вывозились даже в Египет. В Вавилонии, Сирии и других сатрапиях царства Селевкидов применялся правильный севооборот, производились посевы бобовых и масличных растений: кунжута, льна и др. Большое распространение имели культура винограда и виноделие (Сирия). Земледелие было нередко связано со скотоводством. В больших хозяйствах разводили коней, быков, верблюдов, овец и другие виды скота не только для удовлетворения потребностей данного хозяйства, но и на продажу. Но особенно широкое развитие скотоводство получило в Мидии, Армении и некоторых областях Малой Азии, где были превосходные луга и можно было разводить самые лучшие породы коней.

В многочисленных старых и вновь основанных городах государства Селевкидов быстро возрастало число ремесленников и торговцев. В отдельных областях местное производство развивалось ещё с IV в. до н. э. В некоторых из них издавна существовали центры того или иного ремесла: в Вавилонии, например, изготовлялись льняные ткани. Малая и Средняя Азия славились обработкой металлов. Некоторые изделия начинают изготовляться лишь в период эллинизма, и страна освобождается от их ввоза из-за границы (керамическое производство во внутренних областях Малой Азии). Широко использовались также богатства недр и лесов (Сирия была богата строевым лесом). Основными экономическими центрами державы Селевкидов были Селевкия на реке Тигре, экономическое и политическое значение которой выступает особенно отчётливо по сравнению с положением «угасающего» Вавилона, Антиохия и Селевкия в Пиерии (на побережье Средиземного моря).

Развитие товарного производства сопровождалось установлением более тесных отношений между отдельными областями. Возрастает значение прежних, давно налаженных торговых связей. Особенно важна была дорога, соединявшая побережье Эгейского моря (Эфес) с Месопотамией (Селевкия на Тигре) и далее с Персидой, Мидией, Бактрией, Согдианой, Индией. Селевкиды в течение долгого времени удерживали контроль над этой дорогой. По ней продвигались на далёкий Запад ценные товары Востока — шёлковые ткани, благовония, а изделия искусных ремесленников Сирии, Месопотамии и Эллады попадали в Среднюю Азию и Индию. Селевкиды, как и Птолемеи, стремились захватить в свои руки торговлю с Индией, с богатой Магадхой. Но в то время как Египет мог вести эту торговлю лишь морем, прибегая к посредничеству аравийских купцов, Селевкиды до отпадения Парфии и Бактрии господствовали над всей сухопутной дорогой в Индию. Интересы Селевкидов и Птолемеев сталкивались также в Финикии и Малой Азии. Поэтому и здесь размеры, направление и значение торговли зависели в значительной мере от политической ситуации. Транзитная торговля, осуществлявшаяся по важнейшему торговому пути от побережья Малой Азии через Междуречье в глубь Ирана и Средней Азии, а также по караванному пути из Аравии, по побережью Сирии через пустыню в Вавилонию, имела большое значение в хозяйственной жизни царства Селевкидов. Однако немалое место в торговых оборотах селевкидской монархии занимали и изделия местного производства.

Города и катэкии

В основе эллинизации Востока лежит процесс греко-македонской колонизации, связанный с основанием новых городов и поселений, с переменами в хозяйственной жизни, в методах эксплуатации широкой массы местного населения. Селевкиды своей политикой оказали сильное воздействие на этот стихийный процесс. При первых двух Селевкидах колонизация, начало которой было положено при Александре, развёртывается во всю ширь. Возникает множество поселений, среди которых далеко не все были городами в греческом смысле слова. Между полисами также существовали немаловажные различия: это были или крупные торговые города, или крепости, занимавшие важные стратегические пункты, или города, образовавшиеся на месте святилищ.

Главной ареной колонизации являлись западные области: Малая Азия, Сирия, Месопотамия. В плодородной и необыкновенно выгодно расположенной в отношении торговых путей Северной Сирии, в долине реки Оронта, возникли Антиохия, вскоре превратившаяся в крупнейший центр мировой торговли, Селевкия в Пиерии — порт Антиохии, Апамея, военная столица Селевкидов, Лаодикея. На среднем течении Евфрата были расположены Эвропос (Каркемиш) и Дура-Эвропос. В Месопотамии также были основаны новые полисы: Эдесса, Селевкия Эрифрейская, Антиохия Харакс и др. Селевкия на Тигре, наряду с Антиохией на Оронте, стала главным городом всего царства, с более чем полумиллионным населением, разноплемённым и разноязычным, в значительной мере переселённым из Вавилона. Много крупных полисов появилось и в Малой Азии: Антиохия (Тарс), Сарды, Апамея Киботос (Келены) — бывшая столица царства Антигона Одноглазого. Сравнительно с этими областями, в которых преимущественно оседали колонисты с запада, в северных и северо-восточных сатрапиях городов было меньше; здесь они носили иной характер, являясь опорными пунктами Селевкидов среди местного, нередко враждебного населения, как, например, Эпифания (Экбатаны) в Мидии, Гекатомпил и Сотейра в Парфии, Антиохия Маргиана (бывшая Александрия Маргиана) в Средней Азии и многие другие.

Большая часть новых полисов представляла собой старые поселения и города, которые получили теперь устройство греческого полиса: народное собрание (не всегда), совет избираемых гражданами должностных лиц, филы и демы. Города владели землёй, имели свои денежные средства, издавали законы, сооружали гимнасии, театры и другие общественные постройки, устраивали празднества и состязания. Правами граждан (правом выбирать магистратов, участвовать в управлении и пр.) пользовалось лишь привилегированное меньшинство. Земледельческое население, жившее на территории, приписанной к городу, находилось в зависимости от города, а, следовательно, от городского привилегированного меньшинства, сосредоточившего в своих руках материальные ресурсы, влияние и власть.

Изучение структуры и роли городов в царстве Селевкидов позволяет понять различие между этими городами и греческими полисами предшествующей эпохи. Многочисленные полисы в государстве Селевкидов не были теми суверенными городами-государствами, какими были греческие полисы V—IV вв. до н. э. Они были лишь одним из элементов (правда, очень важным) в политической структуре государства.

Наряду с греческими полисами в царстве Селевкидов существовали большие восточные города, имевшие иное устройство. Это были храмовые города: Вавилон, Урук и др. Полноправное население этих городов группировалось вокруг храмов. Так же как в полисах, оно составляло имущее меньшинство. Граждане были освобождены от налогов и пошлин, обладали рядом привилегий, владели землёй. Жречество и городская знать пользовались вниманием Селевкидов, которые, подобно некоторым ассирийским царям, вели по отношению к этим городам покровительственную политику. Предоставляя как греческим, так и восточным городам известное самоуправление, Селевкиды сохраняли над ними контроль, осуществляя его при посредстве особых должностных лиц — эпистатов. Фактически не только

города, платившие форос (дань), но и так называемые «свободные» города находились в полной зависимости от центральной власти.

Наряду с полисами одним из существенных элементов в структуре государства Селевкидов были катэкии. Иногда это были поселения воинов в важных стратегических пунктах тех областей, в которых было неспокойно, или вдоль границы. Состав колонистов был смешанный: македоняне и греки, местные жители, наёмники различного происхождения. Воины получали наделы средней величины; участок служил обеспечением военной службы. Иногда же они получали пустоши на условии льготной аренды. Но военные колонии составляли только часть поселений этого типа: термин «катэкия» имел более общее значение, и в состав населения катэкии входили обычно и невоенные люди. Селевкиды посылали в области, население которых они считали ненадёжным, людей, на преданность которых правительство могло рассчитывать. В критический момент они могли оказать сопротивление враждебным по отношению к царю местным элементам и продержаться до прибытия более крупных сил.

В общем типы поселений были очень разнообразны. Среди них нередко встречались промежуточные или смешанные формы: упоминавшиеся выше политевмы (общины с некоторыми зачатками самоуправления) или соединение двух типов поселений — полиса и катэкии. Примером такого соединения может служить город Дура-Эвропос на Евфрате, раскопки на месте которого дали исключительные по своему значению результаты. Это поселение, когда-то ассирийская крепость, было организовано Селевком I в качестве опорного пункта на случай вторжения арабских племён. Дура-Эвропос представлял собой полис эллинистического времени с типичным для него планом, постройками и порядками управления. Высшая власть принадлежала здесь администраторам, поставленным царём,— эпистату и стратегу. В окрестностях города были расположены участки воинов, игравших существенную роль в городской жизни.

Основание полисов и катэкии и связанные с ними изменения в социально-экономических отношениях нередко вызывали недовольство местного населения. Особенно упорное сопротивление эллинизации оказывали племена, составлявшие значительную часть населения в царстве Селевкидов. Жизнь и быт этих племён, занимавшихся главным образом скотоводством и земледелием, представляли яркий контраст крупным торговым и культурным центрам царства Селевкидов. У племён, находившихся под управлением своих вождей и мелких династов, шёл процесс социальной дифференциации и политического развития, стимулируемый включением их в состав крупного рабовладельческого государства. Племена представляли большую опасность для огромного, но сравнительно неустойчивого царства Селевкидов.

Земельные отношения

В области земельных отношений в государстве Селевкидов можно наблюдать сложное взаимодействие местных и греческих правовых норм, учреждений и обычаев. Восточная форма земельной собственности — верховная собственность царя на землю — сохраняется и в эллинистическое время. Претерпев определённые изменения, сохраняется и община в виде комы—поселения земледельцев (лаой), неотделимых от земли, принадлежащей коме.

Огромные земельные владения находились в руках рабовладельческой аристократии. Македоняне и эллины из числа высших придворных сановников, военачальники и представители местной аристократии, племенные вожди в Иране и Средней Азии владели обширными землями и эксплуатировали труд лаой или того населения, во главе которого эти вожди находились.

Но наряду с этим быстро развивается городское землевладение, имевшее в различных частях державы различные формы и значение: то это собственность привилегированных граждан полиса, являвшихся в то же время землевладельцами, т. е. типичная античная форма собственности; то это владения воинов, полученные ими от паря или от города; то земли, дарованные с тем, однако, условием, чтобы новые владельцы «приписали» их к тому или иному полису. Наконец, продолжают существо-

вать и земельные владения храмов, наследие древних восточных порядков Храмы города Малой Азии и Сирии часто представляли собой управлявшиеся жречеством сложные хозяйственные организации, эксплуатировавшие труд рабов, крестьян и ремесленников. Но и здесь с утверждением у власти Селевкидов произошли существенные изменения: Селевкиды нередко превращали храм-город вполне, т. е. город устроенный по греческому образцу. Таким образом, налицо чрезвычайно пестрая кар тина как юридических, так и фактических отношений. Некоторое единообразие в неё было внесено лишь в ходе последующего длительного процесса исторического развития, далеко уже выходящего за рамки эллинистического периода.

Лаой и рабы

В царстве Селевкидов, как и в птолемеевском Египте, основными производителями в сельском хозяйство были лаой — зависимые крестьяне, положение которых было в некоторых отношениях аналогично положению египетских царских земледельцев. Лаой платили многочисленные подати и налоги, выполняли различные трудовые повинности. Лаой не имели права самовольно покидать место своего жительства. Сохранилась надпись Антиоха II согласно которой этот царь продал царице Лаодике землю и «местечки какие окажутся на этой земле, и принадлежащих к ним людей (лаой) со всеми их домами и со всем, принадлежащим им, и с поступлениями пятьдесят девятого (т. е. 253-го) года» Поселения лаой — комы — были основной хозяйственной единицей не только на царских землях, но и на землях знати и храмов. Однако нередко царская земля вместе с людьми передавалась полису. В таких случаях лаой обязаны были повинностями и сборами не государству, а городу.

Развитие полисов способствовало росту рабовладения. Рабский труд в царстве Селевкидов применялся в различных отраслях хозяйства: и в сельских местностях и в городах. В Сирии и соседней Палестине была широко развита работорговля. Предприимчивые дельцы охотились за людьми, причём нередко обращали в рабство местных лаой. Центрами рабовладения были не только эллинистические полисы, но и старые крупные города: Сузы, Вавилон и др. В городах-святилищах было множество храмовых рабов. Многочисленны были также царские рабы. Вообще рабовладение в царстве Селевкидов получило большое развитие, чем в Египте. Это подтверждается и сохранившимися документами об отпуске рабов на волю, преимущественно женщин. Встречаются также в клинописных документах времени Селевкидов упоминания о продаже рабов. Высшие сановники владели иногда многочисленными рабами.

Государственное хозяйство Селевкидов

Скудные и разрозненные сведения о государственном хозяйстве Селевкидов позволяют проследить лишь основные моменты его организации. Население многочисленных и разнообразных по своему характеру составных частей этого государства облагалось данью и податями. Обложение было неодинаково для различных групп населения и зависело от их положения в государстве. Племена, население подвластных Селевкидам мелких государств, так называемые «царские люди» и жители многих городов платили дань (форос) деньгами или натурой или тем и другим вместе. Форос был показателем подданства, и освобождение от него рассматривалось как дарование свободы. В надписи из города Смирны говорится, что Селевк II сделал этот город и область (хору) «свободными» и избавил их от обложения данью. Помимо дани царь собирал десятину и различные подати. Кроме того, города, племена и частные лица по разным случаям приносили царю ценные дары. С городов, вносивших дань, собирался поземельный налог. Другим обильным источником доходов было косвенное обложение: сборы при заключении меновых сделок, налог на соль, таможенные пошлины, собиравшиеся не только на государственной границе, ной внутри страны —на дорогах в пустыню, на переправах через Евфрат, в морских портах и пр. В целом все виды обложения были весьма обременительны для подданных. Конфликты на этой почве между ними и центральной властью с течением времени принимали всё более острый характер.

Основы государственного хозяйства были сравнительно примитивны, центральный и местный аппараты были мало развиты, и царская администрация не занималась обычно непосредственным сбором дани и других податей: ответственными за это были местные власти (городское управление, вожди племён и пр.). В отличие от царства Птолемеев Селевкиды, по-видимому, не применяли в своих владениях системы откупов.

В собственно царском хозяйстве главную роль играла эксплуатация входивших в его состав земель и природных богатств страны (рудников в горах Малой Азии, лесов в Сирии, каменоломен и пр.). Царские земли обрабатывались царскими людьми, которые вносили арендную плату натурой. Немало ценностей поступало в виде военной добычи, а также в качестве доходов с конфискованных имений и штрафов с провинившихся. Всё это давало в руки Селевкидов огромные средства, и даже позднее, в пору политического упадка, пари располагали громадными богатствами. Селевкиды присвоили себе монопольное право чеканки золотой и крупной серебряной монеты; чеканка производилась по аттической весовой системе.

Социальная основа власти Селевкидов

В царстве Селевкидов не было единого этнического ядра: в его состав, как в своё время в состав державы Ахеменидов, вошёл ряд племён и народностей, обладавших своеобразным социальным устройством, своими собственными культурными традициями и языком. Отдельные области стояли на различном уровне экономического развития: прибрежные города Малой Азии имели мало общего с отдалённой Мидией или Парфией. Власть Селевкидов была прочна до тех пор, пока она находила опору в «эллинах», т. е. в привилегированных и богатых, в основном—греко-македонских, слоях полисов, в армии, а также в верхах местного общества — местном жречестве, аристократии и зажиточных слоях старинных местных городских центров, группировавшихся вокруг храмов. Когда во II в. до н. э. эта социальная основа стала разлагаться, власть Селевкидов начала быстро ослабевать.

Особенно большое значение во всей системе селевкидской монархии имели полисы, которые должны были служить как бы цементом, скрепляющим разнородные, готовые оторваться от центральной власти части сложного политического конгломерата.

Организация управления

В организации управления царства Селевкидов также наблюдается своеобразное сочетание местных и греко-македонских элементов. Характерные особенности внешнего оформления царской власти: пурпурные одежды, диадема, пышный церемониал, царский культ, с которым была связана идея происхождения царского рода от божества, —свидетельствуют о заимствованиях с Востока. Всё это должно было содействовать поддержанию авторитета центральной власти и политического единства державы.

Высшие сановники царства Селевкидов, как и других эллинистических государств, носили титулы «друзей», «родственников» и т. д. Они стояли во главе отдельных отраслей центрального управления. Всё государство делилось на сатрапии, в каждую из них входило несколько *гипархий;* всего гипархий насчитывалось 72. Возглавлявшие их гипархи имели дело уже непосредственно с городами и комами. Главой всего финансового ведомства был управляющий доходами; ему были подчинены диойкеты и экономы в сатрапиях, следившие за взиманием сборов и за расходованием средств. В судебной организации резко проявлялась социальная дифференциация: существовали особые судьи для высших и низших слоев населения. В отличие от Египта в царстве Селевкидов не было, по-видимому, столь разветвлённой административной системы, и государство играло меньшую роль в хозяйственной жизни страны. Царство Селевкидов представляло собой военно-административное объединение, и вопрос об армии имел здесь первостепенное значение. Состав войска был так же разнообразен, как и состав всего государства. Во всех сатрапиях, в крепостях и городах находились царские гарнизоны. Основные силы состояли из тяжело-

вооруженной пехоты (македонская фаланга, наёмные войска), которой принадлежала решающая роль в военных столкновениях, из многочисленных отрядов всадников (тарентинцы, фракийцы, нисейцы и др.) и особых отрядов войск, располагавших колесницами, осадными орудиями. Значительную роль в сражениях играли боевые слоны. Селевкидам по мере внутреннего ослабления их державы приходилось всё больше и больше ориентироваться на наёмников, что требовало крупных денежных средств.

Обострение социальных противоречий

Социально-политическую жизнь государства Селевкидов характеризуют столь же острые социальные противоречия, как и в Египте.

В городах происходила ожесточённая борьба между богатыми и бедными. Деятельность ростовщиков приводила здесь, как и в городах Балканского полуострова, к массовому разорению, долговой вопрос являлся одним из наиболее жгучих вопросов общественной жизни.

Боевой слон.
Статуэтка из некрополя Мирины (Малая Азия).
III — II вв. до н. э. Терракота.

Население сельских местностей находилось в приниженном положении и страдало от налогов и поборов, а также от опустошений, связанных с постоянными войнами. «Эллины», представлявшие, как указывалось, главным образом зажиточные элементы, в отдельных областях возбуждали острую ненависть широких масс местного, коренного населения, которое по большей части продолжало придерживаться прежних старинных порядков, впрочем, затронутых уже процессом разложения. Социальные противоречия усугублялись соперничеством и борьбой отдельных городов, племенной и религиозной рознью, династическими распрями. Всё это делало огромную державу Селевкидов мало устойчивой, а непрерывные военно-политические бури расшатывали её ещё более.

4. Малая Азия в III в. до н. э.

Экономическое и политическое положение Малой Азии в III в.

Малая Азия была одной из самых своеобразных частей античного мира. Наряду с крупными и древними центрами экономической и культурной жизни в ней были области, сохранившие старинные формы отношений, восходившие к первобытнообщинной эпохе. Малая Азия имела необыкновенно пёстрый этнический состав, и её население нередко в пределах сравнительно небольшой территории говорило на нескольких языках.

В начале эллинистического периода здесь соприкасались и сталкивались различные силы: приморские торговые полисы (Гераклея, Византий), старинные храмовые центры — большие хозяйственные организации, располагавшие тысячами рабов и являвшиеся средоточиями обмена, крупные землевладельцы ахеменидского времени, пережившие македонское завоевание, и, наконец, правители новых государств, возникших или только возникавших на развалинах великой империи.

В политическом отношении Малая Азия распадалась в III в. на несколько частей. Иония, Фригия, позднее Кария, Киликия и часть Каппадокии вошли в состав царства Селевкидов, которые держали под своим контролем древнюю дорогу, соединявшую побережье Эгейского моря с Междуречьем и другими странами Востока. Вся северная полоса Малой Азии, граничащая с Чёрным морем, стала самостоятельной уже к концу IV в. В центре Малоазийского полуострова выделилась независимая область Галатия, на северо-западе образовались Вифиния и Пергамское царство, на востоке — Понтийское царство. Позднее независимым царством стала отпавшая от Селевкидов Каппадокия. На юге и юго-западе ряд областей находился во владении птолемеевского Египта (Ликия, Кария и др.). Продолжала сохранять свою независимость гористая, труднодоступная Писидия. Наконец, в Карии же имел свои владения остров Родос. Города побережья поддерживали и развивали тесные связи с греческим миром.

Пергам

Первоначальная территория Пергама, расположенного в северо-западной части Малой Азии, была невелика. Плодородные поля, сады и луга в долине реки Каика создавали благоприятные условия для сельского хозяйства, а близость к побережью и островам Эгейского моря открывала возможность для развития и оживлённого обмена. Небольшая крепость, какой являлся Пергам в IV в. до н. э., в новых условиях быстро превращается в главный центр государства. Население Пергамского царства с успехом выдерживает борьбу как с вторгшимися на территорию Малой Азии кельтскими племенами — галатами, так и с крупнейшим эллинистическим царством Селевкидов.

В период войн диадохов Пергам, как надёжный, хорошо укреплённый самой природой пункт, сделался местом хранения казны Лисимаха. Охрана её была поручена евнуху Филетеру. Воспользовавшись смутами при дворе Лисимаха, Филетер перешёл на сторону Селевка, но фактически стал независимым правителем. Политическая обстановка, естественно, побуждала его к филэллинской политике: связи с Грецией и греческими городами Малой Азии служили известной опорой в борьбе Пергама с галатами и могли оказаться полезными при столкновениях с Селевкидами.

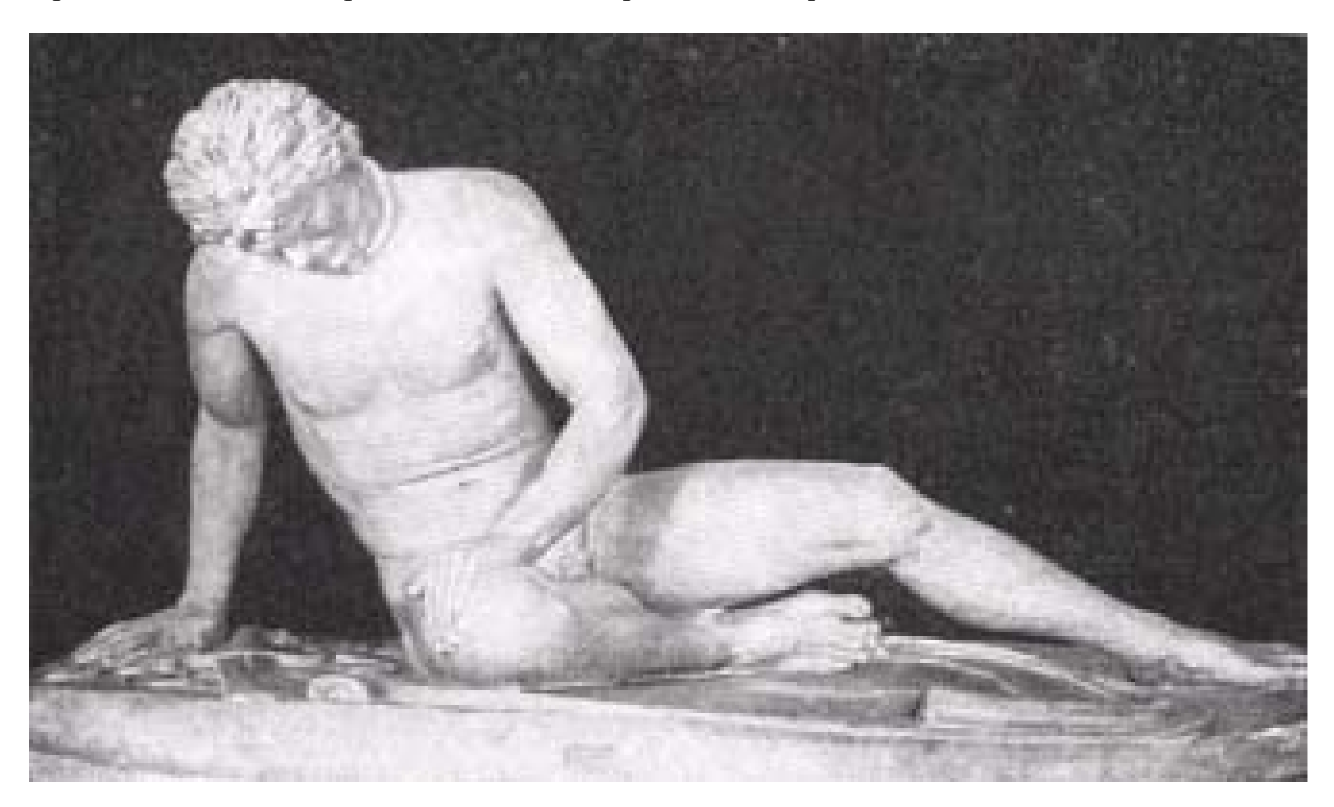
При преемнике Филетера, Эвмене, когда он в 263/62 г. одержал решительную победу около Сард над армией Антиоха I, Пергам начинает играть более значительную роль в международных отношениях. Внешняя политика Пергама этого времени характеризуется разрывом с Селевкидами и союзом с Египтом. Аттал I (241—197), к которому перешла власть над Пергамом после смерти Эвмена, устранил угрозу со стороны галатов. Он отказался от уплаты им дани и в битве у истоков Каика в 228 г. разгромил их, после чего принял царский титул и культовое имя «спасителя». Вмешавшись в борьбу в царстве Селевкидов в начале 20-х годов, Аттал и здесь достиг крупных успехов и одно время господствовал над большей частью Малой Азии, хотя это господство оказалось кратковременным.

К концу правления Аттала I наметилась определённая линия внешней политики Пергама, заключавшаяся в последовательной ориентации на Рим. Пергам до поры до времени пожинал плоды этой политики в виде крупных территориальных приобретений, торговых преимуществ и пр., но вместе с тем всё более и более подпадал под влияние Рима.

Как и в других эллинистических государствах, в Пергаме земля была главным богатством самих правителей и знати и одновременно служила надёжным средством обеспечения армии. В принципе вся земля принадлежала царю. Её обработка обычно находилась в руках крестьян, так называемых царских людей;
главная часть продукта их труда отчуждалась в пользу царя, его приближённых в воинов. Царские люди, обрабатывавшие землю, передавались вместе с ней в случае продажи или дарения и находились в ведении царской администрации. Атталиды владели обширными землями, поступления с которых составляли важнейшую часть государственных доходов; их стада паслись на лугах реки Каика и на склонах соседних гор. В особенности славились царские конские заводы. Большие доходы приносила

разработка богатств недр и лесов. Пергамские цари, подобно Птолемеям, стремились повысить доходность сельского хозяйства с целью использовать излишки продуктов во внешней торговле на оплату многочисленных чиновников на организацию эргастериев и т. п.

Применение рабского труда получило в Пергаме большое развитие в различных сферах производства, в особенности в царском хозяйстве. Огромные доходы Атталиды получали от царских эргастериев, в которых в широком масштабе использовался труд рабов. В этих мастерских изготовлялись различные ткани, окрашенные в яр-



Умирающий галл.
Скульптура пергамской школы. Вторая половина III в. до н. э.

кие цвета, роскошные ковры, женская одежда и пр. И продукты сельского хозяйства и ремесленные изделия находили широкий сбыт во всём Восточном Средиземноморье; вывоз их шёл главным образом через Элею. Цари Пергама чеканили монету, которая находилась в обращении далеко за пределами царства. Кроме царей в Пергаме чеканили монету и некоторые города.

Главной опорой Атталидов являлась армия. По своему составу она была очень разнообразна: наряду с наёмниками из разных уголков греческого мира большое значение в войске имели и местные жители — мисийцы, а также граждане Пергама. Воины обеспечивались земельными наделами. Часть военных колонистов получала необработанные участки, подобно тому, как это было позднее в Египте. Военные поселения — катэкии — составляли существенный элемент в структуре Пергамского царства. Если по численности пергамская армия уступала войскам Селевкидов или Птолемеев, то по техническому оснащению едва ли не превосходила их. Пергам представлял превосходную крепость с обширным арсеналом. Атталиды вели войны, широко используя достижения эллинистической осадной техники.

Пергам был сравнительно небольшим эллинистическим государством, во многом сходным с другими эллинистическими царствами. Противоположность сельской

местности (хоры) и полиса (которым являлся город Пергам) составляла характерную особенность царства Атталидов. Цари были правителями с неограниченной властью по отношению к местному населению и грекам — негражданам. Уже при первых правителях развивается царский культ. В честь обожествлённых царей сооружались алтари, содержался штат жрецов и жриц, устраивались пышные процессии, празднества и игры.

Хотя цари Пергама и не были, подобно Селевкидам, основателями многочисленных греческих полисов, тем не менее и они учреждали гимнасии, покровительствовали эллинским городам, посылали им подарки, поддерживали постоянные связи с Дельфами и Делосом.

Главную роль в экономической и политической жизни государства играла столица — город Пергам. В Пергаме существовали обычные греческие учреждения: народное собрание, городской совет, выборные должностные лица, филы и демы. Граждане составляли лишь меньшинство населения, наиболее обеспеченное в материальном отношении. Фактическая власть, контроль за ходом дел, за выборами и за финансами, а также законодательная инициатива находились в руках пяти стратегов, назначаемых царём.

Столица царства была расположена в нескольких километрах от моря. Раскопки Пергама, начавшиеся ещё в 1878 г. и продолжавшиеся с перерывами в течение многих десятилетий, показали во всём блеске столицу Атталидов. Город соединял типичные черты греческого полиса и пышное великолепие царской резиденции восточноэллинистического государства. Многочисленные статуи, картины, искусно сделанные мозаики служили украшением дворцов и храмов. В произведениях изобразительного искусства отразились стиль и сюжеты, присущие искусству эллинистического времени, но со своеобразными чертами, характерными для пергамской школы. В Пергамской библиотеке хранилось более 200 тыс. рукописей, велись научные исследования.

Вифиния

Территория Вифинии, расположенная в северо-западной части Малой Азии, от берегов Пропонтиды и далее вдоль побережья Понта, отличалась благоприятными природными условиями: плодородная почва, обилие лесов и пастбищ соединялись здесь с возможностью развивать обмен по суше и по морю. Обмен этот в значительной мере сосредоточивался в руках граждан греческого города Гераклеи, древней колонии Мегар на понтийском побережье. Гераклея и другие греческие полисы — Халкедон, Астак, Кизик—держали в своих руках выходы к морю. Политическая власть в Вифинии оказалась в руках местной династии. Правивший здесь Зипоит захватил Астак и Халкедон, отразил попытки Лисимаха подчинить себе Вифинию и в 297 г. до н. э. объявил себя царём. Преемник Зипоита Никомед I направил свои усилия против главной угрозы — царства Селевкидов, стремившегося поглотить все независимые области Малой Азии. Он вступил в союз с крупнейшими эллинскими городами на побережье — Гераклеей и Византием, с могущественным правителем Египта Птолемеем Филадельфом, а затем заключил договор с галатами.

Соглашение это, однако, являлось оружием обоюдоострым: новые союзники Никомеда не склонны были отличать его территорию от территории его врагов, одинаково подвергая их опустошениям, но всё же союз с галатами отвёл от Вифинии угрозу подчинения Селевкидам.

При Никомеде I, который правил до 255 г. до н. э., и его преемниках развивается эллинизация страны. В 264 г. до н. э. недалеко от разрушенного! Лисимахом Астака была основана Никомедия—город греческий по своему облику, ставший столицей Вифинии. В особенности благожелательную политику по отношению к этому городу и грекам проводил преемник Никомеда Зиаелис. Одновременно он продолжал поддерживать традиционные дружественные связи с птолемеевским Египтом.

Галатия

Совсем иной характер имела Галатия — область, когда-то являвшаяся центральной частью Фригийского царства с древним фригийским культовым центром, городом Пессинунтом, считавшимся священным городом великой матери богов - Кибелы, со старинными городами Гордием и Анкирой. В начале III в. здесь осели галаты после поражения, нанесённого им поисками Антиоха I. К этому времени галаты находились на стадии разложения первобытно-общинного строя, сохраняя племенное устройство и после поселения в Малой Азии. Во главе трех галатских племён — толистоагов, тектосагов и трокмов —стояли племенные вожди, делившие свою власть с племенной знатью Условия для дальнейшего развития этих племён оказались мало благоприятными Зажатая между владениями огромной державы Селевкидов и территориями быстро развивавшихся Пергама, Понта и Вифинии, Галатия была отрезана от выходов к морю и от магистралей, по которым шёл торговый обмен.

Каппадокия и Понт

Каппадокией первоначально называлась вся восточная часть Малой Азии к северу от Тавра; позднее узкая полоса между хребтами, расположенными на севере, и Чёрным морем стала называться Понтийской Каппадокией, или просто Понтом. Эллинских колонистов мало привлекал этот скудный и стоявший вдалеке от важнейших торговых путей край. Собственно Каппадокия, или как ее иначе стали называть, Великая Каппадокия, по мнению одних исследователей, стала независимой от Селевкидов в конце IV в. до н. э., по мнению других - лишь около 260 г. до н. э. Правителем здесь стал перс Ариарат, потомок одноимённого сатрапа, побежденного Пердиккой. Взаимоотношения Каппадокии с Селевкидами были сперва враждебными, но в 245 г. до н. э. правитель Каппадокии был признан Селевком II и получил руку его сестры. В середине III в. западные области Каппадокии были захвачены галатами. Галаты представляли постоянную угрозу для Каппадокии, но вместе с тем каппадокийские и понтийские цари пользовались ими в качестве наёмников.

Другое эллинистическое царство в Малой Азии—Понтийское—образовалось в самом конце IV в. до н. э. Оно объединило территории различного характера: понтийское побережье, гористую область к югу от него и часть Каппадокии к востоку от реки Галиса. Область между Понтом и Вифинией — Пафлагония —долгое время оставалась независимой. В состав Понтийского царства вошли как греческие торговые города на побережье — Трапезунт, Амис, Синопа и др., так и сельские местности, в которых главную социальную силу составляли богатые землевладельцы, возможно потомки ахеменидской знати. Наконец, огромное значение имели старинные храмовые центры, возникшие в незапамятные времена на скрещениях торговых путей. Храмы вели довольно крупное хозяйство, владея обширными землями и тысячами гиеродулов. Типичным для этого рода храмовых центров является город Комана в Каппадокии с культом богини Ма. В состав населения Команы входили «одержимые богом», т. е. жрецы, а также храмовые служители и храмовые рабы в числе 6 тыс. человек. Во главе этого города-святилища стоял верховный жрец. Такой же характер имели храм богини Анахиты в Зеле, храм Зевса в Венасе и др.

Основателем династии в Понте стал потомок знатного иранского рода Митридат, утвердивший свою власть уже в 302 г. до н. э. Как и цари Вифинии, понтийская династия проводила политику эллинизации страны, но эта эллинизация была крайне поверхностной и ограниченной.

5. Македония и Греция

Македония в III в. до н. э.

В конце IV — начале III в. до н. э. Македония оказалась в центре развёртывавшихся грандиозных событий. Завоевания на Востоке потребовали огромной затраты живой силы; население Македонии поредело. В дальнейшем территория её служила ареной ожесточённой борьбы между

диадохами, тяжело отразившейся на положении всего населения. Наконец, не миновали Македонию и вторжения чужеземных племён: в начале 70-х годов III в. страну опустошили галаты. В результате к тому времени, когда власть в Македонии получил Антигон Гонат (т. е. около 276 г. до н. э.), силы её были подорваны, но, как показала история последующих десятилетий, ещё далеко не исчерпаны.

Долгое правление Антигона Гоната (умер в 239 г. дон. э.) было временем внешнего и внутреннего укрепления Македонского государства. В борьбе за гегемонию над Грецией Антигон добился значительных успехов. Македонянам удалось подчинить Эвбею и Мегары, к ним примкнул ряд крупных городов Пелопоннеса: Аргос, Элида, Мегалополь. Однако в целом антимакедонское движение в Греции не было подавлено: оно то утихало, то вспыхивало с ещё большей силой.

Социальная борьба в Греции принимала с течением времени всё более острые формы. Как и при Филиппе II, опорой македонского господства в Элладе были имущие слои населения, опасавшиеся выступлений демоса, сторонники «спокойствия и порядка». В покорённые города обычно посылались македонские гарнизоны. Во многих случаях в «союзных» Македонии полисах власть захватывали тираны — ставленники Антигона, беспощадно расправлявшиеся со своими противниками. Власть этих мелких правителей нередко держалась только благодаря македонским гарнизонам.

Основные черты социально-экономического и политического строя Македонии

Экономическая жизнь Македонии нам мало известна, но несомненно, что и в III в. главным богатством этой страны являлась земля, крупнейшим же земельным собственником был царь.

Большие доходы приносила царям добыча металлов (серебра, железа, свинца) и эксплуатация лесных богатств (строевой лес, смола). И рудники и леса были царской собственностью. В Македонии эллинистического периода сохранялось крупное землевладение, а вместе с тем и политическое влияние македонской землевладельческой знати. Земельными участками владельцы их пользовались на различных правах. Некоторые участки они получали из фонда царских земель (за пределами собственно Македонии) как условное владение (клеры), другие — с правом распоряжаться ими и передавать их по наследству. Наконец, были земли, приобретённые путём покупки.

Завоевания и колонизация, подчинение ряда греческих полисов и упрочение связей с эллинистическими монархиями подорвали и в самой Македонии патриархальные устои, дали толчок развитию торговли и городов. Ещё при Филиппе II Македония закрепила за собой выходы к Эгейскому морю, и через её территорию, а затем через Эпир и Иллирию прошли пути, соединившие гавани Эгейского моря с портами на Адриатике. Наряду со старинными македонскими центрами (Пелла, Эги) приобрели значение города, основанные как поселения военных колонистов, а также возникшие в местах разработки естественных богатств (Филиппополь), или торговые города (Фессалоника, Деметриада в Фессалии). Основание Фессалоники — один из ярких примеров синойкизма: в город были переселены жители 26 посёлков. В македонских городах всё сильнее чувствовалось влияние эллинской культуры. В стране распространилось употребление общегреческого языка — койнэ, приобрели популярность культы греческих богов. Македонская знать всё больше знакомилась с греческой литературой, философией, искусством.

С развитием торговых отношений и денежного обращения связан значительный рост рабства. Как показывают известия, относящиеся главным образом к концу III в. до н. э., македоняне в широких масштабах практиковали захват рабов. Македонский царь Филипп V беспощадно расправлялся с населением греческих городов, обращая тысячи людей в рабство, сжигая и разрушая до основания дома и храмы.

Государственный строй Македонии сохранял ещё архаические черты. Царский культ и пышный церемониал, характерные для эллинистических государств на

Востоке, не проникли в Македонию. Армия по-прежнему имела значение в решении вопросов о преемственности власти, принимала участие в процессах по долам об измене и т. д. Но состав македонского войска стал сильно изменяться в связи с приливом наёмников, притом не только греческих. В частности, македонскими царями в качестве воинов и колонистов привлекались фракийцы; в составе наёмных отрядов встречаются также пэоны, траллы, иллирийцы и представители других племён.

Эллада в III в. до н. э. Этолийский и Ахейский союзы

Многие области Эллады, обессиленной постоянными столкновениями полисов, военными вторжениями и опустошениями, переживали в III в. хозяйственный и политический кризис. Греция беднела и разорялась. Но она продолжала оставаться страной, которая ещё играла большую политическую и культурную роль и из-за обладания которой шла борьба между сильнейшими государствами эллинистического времени. Наряду с прежней раздроблённостью Эллады, со стремлением полисов во что бы то пи стало сохранить свою самостоятельность растут и тенденции к политическому объединению, вызванные не только развитием экономических связей между полисами, но и тем, что небольшие города-государства всё более чувствовали свою беспомощность по отношению к крупным эллинистическим монархиям. Эти тенденции проявляются в Греции в своеобразных формах и приводят к образованию Этолийского и Ахейского союзов.

В связи с изменением общей политической и экономической обстановки в Греции меняется относительное значение отдельных областей и государств. С конца IV в. в политической жизни Эллады начинает принимать активное участие Этолия — гористая область с полупастушеским населением, сохранившая значительные пережитки племенного строя. Население Этолии жило небольшими общинами, городская жизнь здесь только начинала развиваться. Этолийцы вели упорные войны с македонянами, участвовали в Ламийской войне, но особенно выдвинулись во время вторжения галатов, защищая общегреческое святилище Дельфы. Ещё в 299 г. до н. э. этолийцы заняли руководящее положение в Дельфийской амфиктионии.

В течение III в. в общественной жизни Этолии происходят значительные изменения. Развивается имущественная дифференциация внутри этолийских племён. Племенная знать, занявшая руководящее положение в Этолийском союзе, наживается в результате пиратских набегов на Аттику и другие местности, получая выкуп за захваченных в плен жителей или продавая их в рабство. Включение Этолии в политическую жизнь эллинистического мира ускорило «вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение ее в регулярный промысел...» [1]. Этолийцы устанавливают связи с крупными торговыми центрами и с островом Крит — центром морского разбоя в Греции.

Существовавший в IV в. союз этолийских племён быстро развивался и к концу III в. представлял собой федерацию, в состав которой входили многие области Средней Греции, Элида, Мессения, некоторые острова Эгейского моря и др. Верховным органом этого союза являлось союзное собрание, в котором могли принимать участие все граждане союза. Оно собиралось в городе Ферме обычно раз в год. Несколько раз в год заседал совет союза, в который входили представители всех государств — членов союза. Военная власть, руководство дипломатией, а в значительной мере и внутренней политикой принадлежали стратегу, помощниками которого являлись в гражданских делах государственный секретарь, а в военных — *гиппарх* (буквально — начальник конницы). Власть стратега ограничивалась особой коллегией *апоклетов.*

Политический строй общин, вошедших в союз, не подвергался изменению, и самоуправление не ограничивалось. Внутри союза все его члены пользовались.

[1] *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 110—111.

одинаковыми правами и несли одинаковые обязанности; все они должны были поставлять контингенты войск и делать взносы, причём финансовая организация не являлась средством угнетения союзников. Впрочем, от полноправных союзников отличались так называемые «примкнувшие» общины, которые находились до известной степени в зависимом от Этолии положении. В III в. до н. э. Этолийский союз ведёт очень активную внешнюю политику. Хотя во многих случаях он поддерживает демократические партии в греческих городах, борьба Этолийского и Ахейского союзов в своей основе представляла столкновение двух политических объединений, стремившихся расширить сферы своего влияния в Греции.

Другая небольшая область, расположенная в северо-западной части Пелопоннеса,— Ахайя — также не играла заметной роли в истории Эллады V—IV вв. до н. э. Население её маленьких общин занималось преимущественно сельским хозяйством:
поля, пастбища, виноградники были главными источниками существования жителей. Очень рано здесь образовался племенной союз двенадцати общин, который в III в. возродился, получив совершенно новое значение.

В начале III в. в ахейских городах, так же как и в других частях Пелопоннеса, происходили острые столкновения между сторонниками и противниками Македонии» Расцвет Ахейского союза начался со времени освобождения от господства Македонии и присоединения к союзу крупных городских центров с развитой торговлей и промышленностью—Сикиона (253 г. до н. э.) и Коринфа (243 г. до н. э.). Эти события связаны с деятельностью Арата, организатора переворота в Сикионе, в результате которого этот полис присоединился к Ахейскому союзу. С 245 г. в течение тридцати с лишним лет Арат занимал должность стратега Ахейского союза, фактически сосредоточивая в своих руках руководство всей его политикой. Арат принадлежал к олигархическим кругам Сикиона, враждебно настроенным по отношению к Македонии. Он был противником широких реформ и тем более идеи социального переворота. Арат и его единомышленники рассчитывали путём объединения сил, отдельных полисов отстоять независимость Пелопоннеса.

Самым крупным успехом Арата было освобождение Коринфа. Македонский гарнизон, занимавший крепость Акрокоринф и контролировавший благодаря этому сообщение Средней Греции с Пелопоннесом, был изгнан. Коринф вошёл в Ахейский союз, его примеру последовали и другие полисы: Мегары, Эпидавр, Трезен. Союз с Птолемеем III в период наибольшего внешнего могущества Египта ещё более укрепил положение Ахейского союза. В 30-х годах наметилось сближение обоих союзов — Этолийского и Ахейского — для совместных действий против Македонии. Однако это сближение оказалось кратковременным. Греческие города не смогли сплотиться в единую прочную организацию для защиты своей независимости.

Устройство Ахейского союза несколько напоминало организацию этолийцев. Ахейский союз также представлял собой федерацию полисов, в которых сохранялись прежние порядки и учреждения, несходные в разных городах. Центром союза был город Эгион. Верховными союзными органами были *синклит* и синод (собрания членов союза), в которых могли участвовать все граждане союзных городов, достигшие тридцатилетнего возраста. Различие между синодом и синклитом заключалось в том, что синод созывался регулярно, два раза в год, на нём происходили выборы должностных лиц и рассматривались текущие дела, тогда как синклит собирался лишь в экстренных случаях, когда требовалось решать особо важные вопросы. Исполнительная власть делилась между несколькими выборными должностными лицами, среди которых особенно велика была роль стратега. Ведая дипломатией и вообще внешней политикой, он председательствовал на союзных собраниях. Синод, синклит и должностные лица руководили общими делами союза: они решали вопросы войны и мира, организации армии и флота, ведали финансами союза, приёмом в союз новых членов, разрешали конфликты между городами и пр. Города, входившие в союз, имели единую систему мер и веса, союз чеканил монету.

Основная тенденция внутренней и внешней политики Ахейского союза была направлена на защиту интересов имущих слоев. Во всех органах союза преобладание сохранялось за представителями имущего меньшинства, что сыграло существенную роль в событиях, развернувшихся в Пелопоннесе в конце III в. до н. э.

Общей чертой Ахейского и Этолийского союзов было то, что в них отсутствовала гегемония какого-либо одного полиса над всеми остальными, как то было в греческих симмахиях V—IV вв. до н. э. Основное различие между союзами состояло в том, что ядро Этолийского союза составляли мало развитые сельские общины, в Ахейский же союз входили и некоторые высокоразвитые рабовладельческие полисы.

Упадок экономики Эллады

Завоевание Востока, образование новых крупных государств, возникновение новых огромных городов (Александрия, Антиохия), перемещение торговых путей и центров производства, отлив населения из Греции и другие аналогичные явления не могли не отразиться на её экономическом положении. Но воздействие новых экономических условий было далеко не одинаково. В Пелопоннесе выиграл Коринф, расположенный на путях, шедших на запад: его торговля в эллинистическую эпоху быстро растёт. В Северной Греции преобладающая роль принадлежала городу Деметриаде. Наоборот, экономическое развитие Афин шло по нисходящей линии.

Во время столкновений диадохов Эллада была постоянным театром военных действий. Эллины жили тогда, по выражению одного официального документа, «посреди великих страхов и опасностей». Афины не раз переходили из рук в руки во время борьбы Кассандра и Деметрия Полиоркета, причём это каждый раз сопровождалось ожесточёнными столкновениями партий. В 300 г. до н. э. афиняне пережили осаду и голод. Позднее они приняли участие в войне против Антигона Гоната, снова подверглись осаде и принуждены были сдаться победителю. Только с 261 г. до н. э. город стал жить относительно спокойно. То же можно сказать и о государствах Пелопоннеса: под стенами Спарты, Аргоса, Коринфа не раз стояли неприятельские войска, не раз происходили в этих городах уличные бои, сельские местности сильно страдали от врага. Наёмничество, которое сыграло такую значительную роль в развитии кризиса города-государства в IV в. и в завоеваниях Александра, имело не меньшее значение и в III в. Наёмники принимали активное, а иногда и решающее участие в политических событиях этого времени. Но приходится учитывать не только непосредственное воздействие войны на греческие территории. Война, если даже она велась не на территории данного государства, приводила к затруднениям в торговых сношениях и в снабжении хлебом. К этому нужно добавить развитие пиратства, неизменного спутника рабовладельческих обществ.

Постоянные войны в эллинистическом мире и набеги пиратов сопровождались обращением многих жителей Греции в рабов. Так, в 240 г. этолийцы взяли в плен и обратили в рабство значительную часть населения Лаконики. Так же поступили в 223 г. ахейцы с жителями Мантинеи. Захваченная живая добыча сбывалась в торговых городах Греции или направлялась в более отдалённые восточные порты. Число рабов в самой Греции в это время, повидимому, также возросло. Но характерной чертой рассматриваемого периода является, однако, не количественный рост рабов (об этом нам трудно судить ввиду скудости данных), а распространение рабовладельческих отношений на территории тех эллинских государств, в которых ранее они были относительно мало развиты: на Крите, в областях Средней Греции, в Эпире, Иллирии и др. Однако едва ли можно и теперь говорить о господство в этих областях развитого рабства. Здесь, несомненно, во многом сохранялись прежние полупатриархальные отношения, и рабство только ещё начинало проникать в социально-экономическую жизнь этих областей.

Если учесть потери во время опустошительных войн, случаи массового порабощения населения и неблагоприятные в общем экономические условия развития Эллады в эллинистический период, то можно предполагать, что обезлюдение её началось еще

в III в. Весьма существенным для экономики Греции было не столько перемещение центров торговли, хотя и оно неблагоприятно отразилось на её положении, сколько перемещение на Восток главных центров производства и отлив в эти центры больших масс населения.

В Греции часто бывали неурожаи (например, в 328 — 324 гг.), цены на хлеб на местных рынках были подвержены большим колебаниям. Надписи нередко отмечают заслуги тех или иных лиц в деле снабжения городов хлебом. Это снабжение теперь часто зависело от милости правителей или от благотворительной деятельности местных богачей.

В III в. приобретает исключительное значение долговой вопрос. На этой почве обостряются противоречия между кредиторами и землевладельцами, многие из которых вынуждены были закладывать принадлежащие им земли своим более богатым соседям или ростовщикам и потом были не в состоянии ни уплатить долг, ни продать заложенные участки. В таких случаях земли их переходили в собственность кредиторов. Чтобы предотвратить массовое разорение своих граждан, ряд полисов (например, Эфес в начале III в.) должен был принять особые меры: производить оценку земли и делить её пропорционально степени задолженности между кредитором и землевладельцем. Всё более увеличивается пропасть между имущими классами и широкими слоями населения: на одной стороне сосредоточиваются богатство, роскошь, власть, на другой—нищета и бесправие. Растут недовольство и готовность к перевороту у разорённой и изголодавшейся массы граждан и изгнанников. Всё чаще и чаще выдвигается грозное для богатых требование передела земли и уничтожения долговых обязательств.

В связи с тяжёлым положением населения широко распространяются пессимистические настроения, ярко отразившиеся в художественной литературе того времени. Человеческий удел — «томиться горестью», «горемык немало в наше время», — жалуются действующие лица комедий Менандра. В отрывке из одной комедии золото и серебро названы богами, которым следует посвящать алтари и возносить молитвы; тогда можно получить всё, что пожелаешь: землю, дома, рабов, утварь из серебра, друзей, судей, свидетелей. Доля же бедняка — трудиться всю жизнь.

Реформы Агиса и Клеомена

В середине III в. особенно обострилось положение в Спарте. Процесс концентрации земли в руках немногих и разорение большей части спартиатов привели к катастрофическому уменьшению числа полноправных граждан — оплота военного могущества Спарты. Лишь седьмая часть спартиатов владела землёй, остальные представляли собой «неимущую чернь», стремившуюся к переделу земли и аннулированию долговых обязательств. При этих условиях острая тревога за будущее не могла не проникнуть и в правящую среду. Назревала настоятельная потребность в какой-то реформе, способной возродить силы государства, вывести из кризиса, грозившего перерасти в стихийное восстание, и добиться таким путём гегемонии Спарты в Элладе. План реформы был намечен группировкой, желавшей «уравнять и пополнить гражданство». Сторонники этой программы отнюдь не принадлежали к «черни»: они владели богатством, у них были многочисленные друзья и зависимые люди. Вождями этой влиятельной группировки явились цари-реформаторы — Агис и впоследствии Клеомен. Главным советником и помощником Клеомена был философ Сфер из Борисфена — ученик Зенона, основателя школы стоиков. Реформаторы вдохновлялись идеалом ликургова строя и выступали под лозунгом его восстановления. Легенда о Ликурге к этому времени изображала его не только великим законодателем, создателем идеального государственного строя, но и социальным реформатором, распределившим землю между спартиатами на началах равенства.

Агис (245—241) внёс в народное собрание предложение аннулировать долги и произвести для пополнения рядов граждан передел земли, нарезав новые клеры

на исконной спартанской территории от Пеллены до Тайгета, Малеи и Селласии — 4500 участков для безземельных спартиатов, а за этими пределами — 15 тыс. участков для периэков, которые таким образом должны были сделаться гражданами. Кроме того, предполагалось наделить участками иностранцев (возможно, воинов-наёмников). Как и в других государствах Греции, в Спарте встал вопрос о расширении числа полноправных граждан, о включении неполноправных в состав граждан, но, как и всюду, сторонники реформы натолкнулись на сопротивление привилегированного меньшинства.

Сам Агис, его друзья и домашние передали своё имущество и земли в распоряжение государства. Как рассказывает Плутарх, Агиса поддержала спартанская молодёжь. Среди обременённых долгами были и крупные землевладельцы, заинтересованные в их аннулировании. Одному из богатейших граждан, Агесилаю, противнику передела земли, удалось уговорить Агиса ограничиться вначале лишь отменой долгов. Реформа была начата, но вскоре Агис должен был отправиться в поход, не доводя её до конца. Это оттолкнуло от него массу бедняков, стремившихся получить землю, и явилось причиной гибели молодого царя. Реформа не была непосредственным результатом движения самих масс, но проводилась сверху. Богатые землевладельцы приложили все усилия, чтобы помешать реформе, а бедняки, не получив земли, не поддержали Агиса. В Спарту вернулся главный противник Агиса—царь Леонид, который был вынужден в начале движения покинуть родину. Леонид и его сторонники использовали теперь благоприятный момент и с помощью наёмников быстро сломили сопротивление приверженцев реформы. Агис по возвращении из похода был казнён.

Вторая попытка проведения реформы, носившая более решительный характер, была сделана в правление сына Леонида, Клеомена (235—221). Однако и теперь реформа проводилась не вождём, вышедшим из массы недовольных, но группировкой из среды господствующего класса. Честолюбивый и решительный Клеомен ясно сознавал, что власть, которой он располагает, недостаточна для осуществления широких планов, что она принадлежит царям Спарты лишь на словах, фактически же находится в руках эфоров. Исходя из этого, Клеомен стал действовать иначе, чем его предшественник: он начал с походов против Ахейского союза, с тем, чтобы укрепить своё влияние успешной войной. В его армии наряду со спартиатами служили наёмники. Разбив ахейцев, Клеомен возобновил попытку Агиса «пополнить» число граждан, но иными, более решительными методами.

Задумав совершить переворот, Клеомен оставил своих воинов-спартиатов в Аркадии, а сам с наёмниками двинулся на Спарту. Посланный вперёд небольшой отряд перебил эфоров. Вслед за этим Клеомен изгнал 80 граждан из числа самых богатых и наиболее враждебных реформе и выступил на народном собрании с рядом предложений. Эфорат, как учреждение, чуждое ликургову строю, был уничтожен. Был осуществлён передел земли и уничтожены долговые обязательства, рассмотрен вопрос об иностранцах, которых должны были принять в состав гражданства. Число полноправных граждан было увеличено на 4 тыс. человек, была реорганизована спартанская система воспитания юношества.

Проведение всех этих мер Клеомен сочетал с чрезвычайно энергичной и даже агрессивной внешней политикой. Вторгнувшись в область города Мегалополя, спартанцы захватили большую добычу и опустошили землю противника. Влияние проведённой реформы вскоре стало чувствоваться за пределами Лаконики: мантинейцы призвали на помощь Клеомена, который нанёс поражение войску Ахейского союза, захватив при этом множество пленных. В городах Пелопоннеса всё шире развивалось социальное движение: демос требовал передела земли и уничтожения долгов. Клеомен овладел рядом городов Ахейского союза: Клеонами, Флиунтом, Трезеном, Гермионой и др., в опустошительном походе он прошёл через Сикионскую землю и захватил казну Аргоса.

В этих затруднительных для Ахейского союза обстоятельствах Арат, видя, что опасность грозит не только гегемонии Ахейского союза в Пелопоннесе, но и существующему социальному строю, что войска союза терпят поражения и положение ухудшается, призвал на помощь македонского царя Антигона Досона (229—221). Антигон занял Акрокоринф, из которого когда-то был изгнан Аратом македонский гарнизон. В то же самое время Клеомен с целью ещё более укрепить военные силы Спарты провёл вторую свою реформу: он освободил тех из илотов, которые могли внести за себя выкуп в размере пяти аттических мин. В результате этой меры были освобождены 6 тыс. человек, из которых 2 тыс. были включены в спартанское войско, и, кроме того, государственная казна пополнилась за счёт выкупных взносов.

В борьбе с Македонией и Ахейским союзом Клеомен проявил много энергии и находчивости, но силы были слишком неравны. В кровопролитной битве при Селласии (221 г. до н. э.), где пали почти все воины-спартиаты, армия Клеомена потерпела полное поражение. Сам Клеомен с немногими друзьями бежал в приморский город Гифий, а оттуда в Кирену и Египет. Древние авторы в общем верно указывают причины поражения Клеомена: неравенство сил и, в частности, недостаток денег для привлечения в войско наёмников. Но важнее было действие другого, в конечном счёте решающего, фактора: Клеомен недостаточно последовательно и широко осуществлял чаяния народных масс Пелопоннеса.

Антигон Досон восстановил в Спарте старые порядки: земли были возвращены прежним владельцам, эфорат восстановлен. Но такое решение острой социальной проблемы не могло быть окончательным: через несколько лет снова встали те же вопросы и возобновилась прежняя борьба.

6. Международные отношения в Восточном Средиземноморье в III в. до н. э.

Расширение международных связей

В связи с образованием новых государств и изменением экономических условий общая международная обстановка к концу IV—началу III в. до н. э. существенно изменилась. В сношения с эллинистическими государствами теперь были вовлечены новые, отдалённые страны, о которых до того времени в Грецию и Македонию доходили лишь смутные сведения. Если завоеватели и колонисты с запада двигались на восток, то и далёкие восточные страны в свою очередь искали путей на запад. Могущественная китайская империя Цинь во второй половине III в. до н. э. стала распространять своё влияние в этом направлении. Позднее, во II в. до н. э., вслед за караванами направлялись посольства, завязывались дипломатические отношения. Царство Магадха в долине Ганга установило и поддерживало дипломатические отношения с двумя самыми могущественными эллинистическими государствами — царствами Селевкидов и Птолемеев. События на Востоке не могли не оказывать воздействия на политические отношения в Западной Азии и в Эгейском море. С течением времени это воздействие становилось всё более и более заметным.

Для эллинистического периода характерно вовлечение в сферу влияния крупных эллинистических государств целого ряда племён, которые ранее вели сравнительно обособленное существование. Державы Селевкидов и Птолемеев, могущественное Боспорское царство оказывали определённое воздействие на племена, жившие на их окраинах, способствовали развитию у этих племён классовой дифференциации и формированию государства.

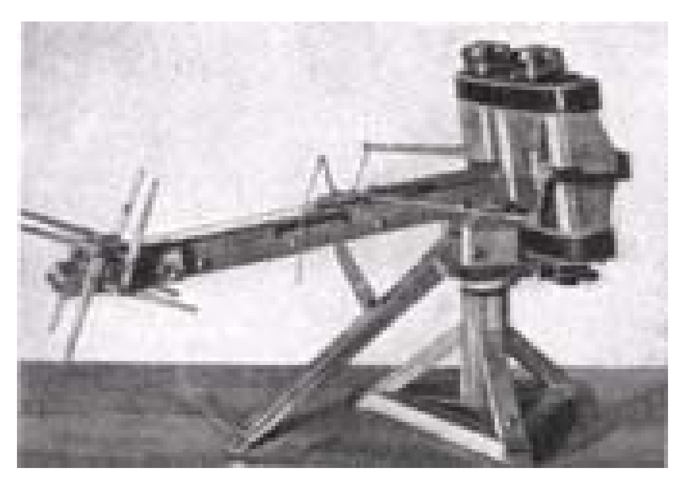
Одновременно наблюдается укрепление и расширение связей в масштабах всего Средиземноморья. В IV — начале III в. до н. э. на Балканском полуострове выдвинулись новые государства — Македония, Эпир, Иллирия; получили большое значение их связи с Сицилией, Италией, Киренаикой, Карфагеном. Сиракузский тиран

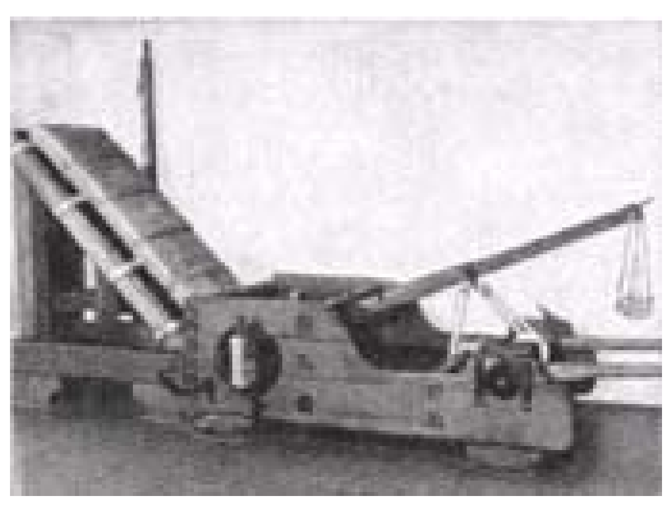
Агафокл, пытавшийся завоевать Карфаген, поддерживал тесные сношения с эллинистическими правителями. Царь Эпира Пирр вёл борьбу за власть над Македонией с Лисимахом и Деметрием (впоследствии и с Антигоном Гонатом) и в течение нескольких лет воевал в Италии и Сицилии.

Характер военных столкновений в III в. до н. э.

В начале 70-х годов III в., т. е. к концу борьбы диадохов, не только закончился в общих чертах процесс образования крупнейших государств эллинистического мира — Египта, царства Селевкидов, Македонии, но обозначились уже достаточно ясно их взаимоотношения, выявились их сильные и слабые стороны наметились конфликты, вызвавшие новые, ожесточенные военные столкновения.

Приемы ведения воины в эпоху эллинизма существенно изменились. В сражениях эллинистического времени обычно принимают участие крупные силы—десятки тысяч тяжеловооружённых воинов-пехотинцев, многочисленные отряды лёгкой пехоты, тяжеловооружённой и лёгкой конницы. Большое значение получило применение боевых слонов. Выросли размеры военных кораблей. Основным типом такого корабля теперь становятся одетые в броню *пентеры* и *гептеры,* имевшие соответственно 5 и 7 рядов гребцов. Широко развивается искусство осады и защиты крепостей. Вносятся важные усовершенствования в разнообразные виды метательных орудий (камнемёты, стреломёты), сооружаются подвижные осадные башни и сложные стенобитные машины, при помощи которых пробивали брешь в стенах города.





Метательные орудия эллинистического времени: баллиста (вверху) и онагр (внизу). Реконструкция.

Совершенно изменился характер армий: это были уже не гражданские ополчения прежнего времени, но профессиональные войска, проходившие специальное обучение. В военных предприятиях нередко участвовали пираты. Как уже не раз указывалось, огромную, иногда решающую роль играли в армиях наёмники, а для укомплектования ими войск были необходимы крупные денежные средства. От наёмников следует отличать категорию воинов, получавших за свою службу земельные наделы. Эти воины-колонисты (клерухи) образовывали постоянную армию, тесно связанную с правящей династией, от представителей которой они получали свои наделы.

Воины III в. велись не только ради расширения сфер политического господства, но и для захвата рабов и лаой, важнейших торговых путей и рынков. Как и ранее, главным театром военных действий оставались самые населённые и богатые области Передней и Малой Азии, а также Эллада. Поля и виноградники Сирии, шерсть Милета, смола Иды привлекали жадные взоры правителей крупных госу-

дарств. В Сирии и на побережье Малой Азии были расположены начальные пункты торговых путей, которые вели далеко в глубь Азии, а также на Запад, в бассейны Средиземного и Эгейского морей.

В истории III столетия очень ярко проявляется связь между внутренним состоянием государства и его внешней политикой. В городах Сирии, Палестины, Малой Азии и Эллады шла непрерывная борьба партий, представлявших интересы различных слоев населения и ориентировавшихся на различные внешние силы. Вся политика македонян в Греции основывалась на последовательной поддержке в греческих городах имущего меньшинства. Радикальные демократические группировки в греческих полисах, как правило, ориентировались на Птолемеев, поддерживавших в Греции антимакедонские движения. Не раз в обстановке всё усиливавшегося соперничества между отдельными государствами провозглашались воодушевлявшие греков лозунги свободы и независимости, но свобода оказывалась иллюзорной, а попытки добиться её приводили полисы к тому, что они снова и снова оказывались в зависимости от крупнейших государств эллинистического мира, политические и экономические интересы которых играли решающую роль в международных отношениях.

В истории III в. до н. э. известны случаи отпадения целых областей, попытки образования новых самостоятельных государств. Так, из царства Селевкидов выделились Пергам, Понт, Греко-Бактрийское и Парфянское царства, Каппадокия. Во многих городах Эллады и в Малой Азии тираны и династы захватывали власть, пользуясь поддержкой крупной державы или, наоборот, используя её временную слабость.

Войны Египта с царством Селевкидов и Македонией в середине III в. до н. э.

В начале 70-х годов III в. сильнейшим государством в эллинистическом мире был, несомненно, Египет. Его не затронуло вторжение галатов, опустошивших на своём пути Македонию, часть Греции и Малой Азии. Огромные хозяйственные ресурсы Нильской долины составляли прочную основу могущества Птолемеев. Египетский флот господствовал на море в течение почти всей первой половины III в. Опираясь на эти ресурсы, Египет вёл широкую завоевательную политику.

В 274 г. до н. э. между Египтом и его наиболее близким и опасным соперником — царством Селевкидов началась так называемая первая Сирийская война. Данные источников не позволяют восстановить точно последовательный ход событий. Военные действия происходили в Африке и в Азии и шли с переменным успехом. Война продолжалась до 273/72 г. и не дала решающих результатов, хотя всё же в выигрыше оказался Египет. К концу 70-х годов владения Египта охватывали южное побережье Малой Азии, крупнейшие греческие города в Карий и Ионии (Галикарнас, Книд, Милет, Самос), многие из Кикладских островов, всю Финикию и часть Келесирии (южная часть Сирии). Под влиянием Птолемеев находилась и Лига островитян— союз полисов на островах Эгейского моря.

В конце 70-х годов, после неудачной попытки эпирского царя Пирра утвердиться на македонском престоле, происходит усиление Македонии, и в 60-х годах Греция снова становится театром военных действий. Египет не сталкивался непосредственно на суше с Македонией, но вёл с ной длительную и упорную борьбу с переменным успехом при посредство греческих государств, поддерживая их сопротивление Антигону Гонату и его преемникам, широко используя лозунги свободы и независимости. Птолемей II организовал против Македонии крупный греческий союз во главе с Афинами и Спартой, сблизившимися на основе общей ненависти к македонскому, владычеству.

Антимакедонская политика в Афинах проводилась демократической партией, вождями которой в это время были Хремонид и его брат Главкон. До нас дошло постановление афинского народного собрания, принятое по предложению Хремонида, о союзе со Спартой, «Элидой, Ахайей и др., с призывом ко всем остальным государствам

Эллады установить «общее согласие» и примкнуть к их союзу. Однако и на этот раз македоняне одержали верх над коалицией греческих городов. Зажиточные слои населения в греческих городах были на стороне «сильной власти» и ориентировались на Македонию. Антимакедонская же коалиция не сумела вовремя объединить свои силы и не получила достаточной помощи от Египта. Победа Антигона в этой войне, прозванной «Хремонидовой» (267—261), снова закрепила гегемонию Македонии над Элладой. В эти же годы Египет, поддерживая Пергам в его борьбе с Антиохом I, укрепил свои позиции в Малой Азии.

В начале 50-х годов возобновилась борьба за Южную Сирию. Македония и царство Селевкидов выступают теперь совместно против Египетской державы, причём Антигон Гонат достигает решающего успеха на море. В сражении при Косе (258 г. до н. э.) македонский флот разбил наголову египетский, и господство на море перешло к Македонии. Антигон встал во главе Лиги островитян.

Преобладание Македонии не было, однако, длительным и прочным. В конце 50-х годов Коринф и Халкида ушли из-под власти Антигона, с Египтом был заключён мир. В 249 г. Делос снова уже оказался в руках Птолемея. Лига островитян была распущена. В эти же годы из царства Селевкидов выделились Бактрийское царство и Парфия.

В 247 г. умер Антиох II, а в 246 г.— Птолемей II Филадельф. Вопрос о преемстве власти в царстве Селевкидов послужил поводом к новой войне с Египтом из-за Сирии (третья Сирийская война). В надписи Птолемея III говорится о крупных успехах египетских войск, о завоевании не только Сирии, но и Междуречья, Бактрии и других областей царства Селевкидов. Успехи эти, несомненно, преувеличены, хотя, вероятно, Сирия и Междуречье были действительно временно заняты египетскими войсками. Но уже в 245 г. в ходе военных действий произошёл перелом не в пользу Египта. Полисы Сирии и Вавилонии были на стороне Селевкидов. Селевк II (247—226), сын Антиоха II, перешёл через Тавр и начал успешное наступление в Сирии против египетских войск. В эти же годы Антигон Гонат нанёс египетскому флоту у острова Андрос новое сокрушительное поражение. Но силы Египта всё ещё были велики, и хотя Птолемей должен был очистить занятую им обширную территорию, однако города Ионии (Эфес, Милет), остров Самос, остров Лесбос, острова на севере Эгейского моря, побережье Фракии и Херсонес Фракийский перешли в его руки.

Соотношение сил на Балканском полуострове и в Восточном Средиземноморье к концу III в. до н. э.

На Балканском полуострове наряду с Македонией к середине III в., как уже указывалось, большую роль стали играть Этолийский и Ахейский союзы. В другом греческом государстве — Эпире в результате ожесточённой внутренней борьбы царская власть была уничтожена, царство превратилось в союз нескольких областей, возглавленный тремя стратегами. Быстро развивается рабовладение и имущественное неравенство у племён, живших на севере Балканского полуострова. В III в. до н. э. на юге Иллирии возник союз иллирийских племён с центром в Скодре, который вскоре превратился в государство и включил в свой состав также северные области.

Главными результатами политического развития эллинистических государств были следующие. Египет потерял господство на море. Территория государства Селевкидов вследствие отпадения Парфии и Бактрии сократилась; внутри государства происходила острая династическая борьба, представлявшая для него большую опасность ввиду его рыхлой структуры. На Балканском полуострове наряду с Македонией, Ахейским и Этолийским союзами принимают активное участие в политической борьбе окраинные племена и государства: дарданы, иллирийцы и др. В эту борьбу впервые вмешивается Рим. Все эти политические события имеют своей основой внутреннее развитие рабовладельческих обществ. В ближайшие десятилетия окончательно определяется путь, по которому пошло это развитие.

7. Эллинистическая идеология и культура в III в. до н. э.

Общий характер культурного развития эллинистического периода

В культурном развитии эллинистического мира обнаруживаются те же главные черты, которые характеризуют эллинистическую экономику, социальные отношения и политическое устройство. С одной стороны, в этой культуре выступают некоторые общие элементы, определённый культурный комплекс, свойственный и греческим полисам Балканского полуострова, и городам Малой Азии, и большим восточным эллинистическим государствам, и греческим поселениям в Средней Азии или далёкой Индии; с другой — в религии, литературе или искусстве развиваются своеобразные черты, направления и школы, отражающие особые условия и ход исторического развития каждой данной страны.

Местные древние культуры в странах, которые подпали под власть македонян и греков, и в соседних с эллинистическими государствами областях оказались очень устойчивыми и продолжали развиваться, испытывая в той или иной мере влияние эллинской культуры и, в свою очередь, воздействуя на неё. Этот факт нашёл отражение в своеобразном праве, в котором греческие юридические институты существуют рядом со старинными нормами обычного права; при этом резко проявляется классовая структура общества с его отчётливым делением на высших и низших, на эллинов и лаой, на свободных и рабов.

Большие эллинистические государства, так же как империя Александра Македонского, не имели единого языка. Многочисленные племена и народности, входившие в их состав, пользовались своими издавна сложившимися языками. Некоторые из них, как, например, арамейский, получили широкое распространение. Выход греков на мировую арену из узких рамок обособленной жизни полисов не мог не отразиться и на их языке: изменился его словарный состав, значение многочисленных и разнообразных его диалектов отошло на задний план перед новым общегреческим языком— койнэ. Это был язык эллинистической литературы и науки, язык документов эллинистических монархий и греческих полисов, язык «эллинов» не только в этническом, но и в том социальном смысле, какой получил этот термин на Востоке; наконец, койнэ широко, хотя и неравномерно, распространился среди местного негреческого населения. Основу койнэ составлял аттический диалект, изменённый и обогащённый в результате развития эллинистического общества.

Черты общности сказывались не только в языке, но и в культуре. Известное единообразие её было обусловлено распространением элементов эллинской культуры после греко-македонских завоеваний на громадной территории. Сходная в основных чертах культура правящего класса видоизменялась в эллинистических государствах под воздействием культуры, распространённой среди местного населения. Поэтому для эллинизма и характерно сочетание эллинских и местных начал, синкретизм в области религии, искусства, науки.

Этот процесс соединения различных культур отражал изменения социально-экономической и политической обстановки. Изменились условия существования различных общественных слоев. Ключом била жизнь в крупных центрах эллинистического мира, где сосредоточивалось многочисленное население, занятое в промыслах и торговле, на работе в портах и т. д. Но новые веяния чувствовались и в сравнительно небольших островных или материковых полисах Эллады и даже в сельских местностях восточных эллинистических государств. Во многих отраслях ремесла развивалась и совершенствовалась техника. Увеличивалось производство предметов обихода, предназначавшихся для удовлетворения возросших потребностей населения. Огромные богатства, захваченные во время завоевательных походов и ещё более увеличивавшиеся в результате эксплуатации труда рабов и широкой массы свободного населения, порождали стремление к роскоши.

В городах и крупных имениях сооружались нарядные дворцы, богатые частные жилища с садами и службами, с пышным внутренним убранством. Основанные в эллинистический период многочисленные города с их прямыми улицами, правильными кварталами, красивыми площадями, великолепными общественными постройками, с их банями, водопроводами и бассейнами, цветниками и парками резко отличались от старых городов Греции, в планировке и общем облике которых запечатлелась многовековая история их развития.

Образцы эллинистической посуды: лагинос и мегарская чаша.
III — II вв. до н. э.

В эллинистическое время входит в широкое употребление роспись внутренних стен помещения, представлявшая подражание кладке стен или же (позднее) имитировавшая ландшафт, что создавало иллюзию свободного пространства. Пол покрывали коврами или делали его мозаичным из многих десятков и сотен тысяч мелких камешков различной формы, потолок украшали лепными изображениями мифологических сцен.

Прямую противоположность великолепным дворцам богачей представляли жилища бедняков, ютившихся в лачугах на окраинах города или в каморках верхних этажей больших домов. В сельских местностях примитивные дома-хижины, без окон, иногда без крыш, с голыми стенами, тесно лепились друг к другу.

Развитие техники было направлено преимущественно на изготовление предметов роскоши. Во многих греческих городах делали посуду с художественными рельефными изображениями, покрывали её чёрным блестящим лаком, имитируя рельефы на металлических сосудах. Разноцветные и мозаичные стеклянные вазы, изделия с инкрустациями из золота и драгоценных камней, превосходные резные камни, большие бронзовые сосуды, золототканые одежды или ткани с причудливыми рисунками, роскошные ковры — всё это пользовалось большим спросом знати в восточных странах и в Элладе. Техника же изготовления предметов широкого потребления оставалась на низком уровне, и масса населения жила в крайне примитивных условиях, сложившихся много веков назад.

Образование. Развитие науки и искусства

Насколько различен был быт отдельных слоев общества, настолько различны были и их интересы, уровень образования и нравы. Резкое социальное неравенство определяло и характер образования в эллинистических городах. Постановка его часто зависела от щедрот местных богачей или царей, желавших прослыть покровителями эллинской цивилизации. Некоторые города издавали особые законы о школах, которыми следовало руководствоваться при организации школьного дела. Граждане проявляли к нему живой интерес, обсуждая на народных собраниях вопросы школьной жизни и выбирая там же учителей. В зависимости от средств, которые были в распоряжении города, школьные помещения устраивались с большими или меньшими удобствами. Школы были связаны с жизнью города: учащиеся и преподаватели участвовали в играх и состязаниях, выступали с хоровыми песнопениями во время торжественных процессий в праздничные дни.

Образование *юношей-эфебов* было тесно связано с их военным обучением. Эфебы, как правило, принадлежали к зажиточным слоям населения. Выражение «те, кто был в гимнасии» обозначало привилегированную группу людей в противоположность массе, занятой физическим трудом и не имевшей возможности получить образование. В эллинистическом обществе эта противоположность сказывалась весьма резко. Не раз в сообщениях о социальных движениях эллинистического времени упоминаются так называемые «юноши», представляющие эту привилегированную группу или являющиеся военным отрядом, но всегда выступающие как защитники существующего строя против «мятежников».

За пределами эллинизированных полисов духовной жизнью широких кругов населения руководили жрецы местных религий, которые стремились к сохранению вековых идеологических и культурных традиций (например, иероглифической письменности, клинописи) в узкой среде посвящённых; народные массы, находясь под влиянием жречества, были далеки от всякой образованности.

Создание эллинистических монархий существенно изменило условия развития науки и искусства. Значительная часть учёных, философов, писателей, поэтов, художников, скульпторов жила теперь при дворах эллинистических правителей на их содержании или пользуясь их милостями. В Александрии при поддержке правительства Птолемеев, желавших придать ещё больше блеска своей столице, были основаны библиотека и Мусейон. Начало библиотеке было положено ещё Птолемеем I, но окончательно она была организована при его преемнике. Главное книгохранилище помещалось в царском квартале и состояло приблизительно из полумиллиона рукописей. Кроме того, в храме Сараписа, в юго-западной части города, находилась библиотека, куда был открыт доступ более широкому кругу читателей. Во главе библиотеки стоял назначенный царём выдающийся учёный (например, Каллимах, Эратосфен и др.), который одновременно являлся и воспитателем царских детей. Крупные библиотеки были также в Пергаме и в Антиохии на Оронте.

Широкую известность приобрёл александрийский Мусейон — «святилище муз», который представлял собой обширное строение с местом для прогулок и трапез, расположенное в пределах царского квартала. Учёные, занимавшиеся в Мусейоне, получали от государства содержание и были освобождены от податей. В Александрию съезжались учёные из разных городов греческого мира. Здесь работали Эвклид, Эратосфен и многие другие. Идеи и научные достижения, рождавшиеся в Александрии, проникали в другие страны эллинистического мира; позднее александрийская культура оказала глубокое влияние на римскую, а через её посредство — и на новую европейскую цивилизацию.

Развитие эллинистической культуры было глубоко противоречивым, как и та общественная среда, в которой это развитие происходило. Наряду с расширением научного кругозора в области идеологии наблюдаются и реакционные тенденции.

Упадок общественной жизни, связанный с кризисом городских республик и возникновением новых монархий полувосточного типа, не мог не сказаться на общественной мысли. В философии, истории, литературе и искусстве возникают идеи и теории, уводящие от злободневных политических вопросов, от противоречий окружающего мира.

Математика и естественные науки. Филология

Эллинистическое время можно рассматривать как новый период в развитии естественнонаучного знания. Если в VI —IV вв. философия не только была органически связана с отдельными отраслями научного знания, но, можно сказать, включала их, то теперь она обособляется от специальных дисциплин, а эти дисциплины начинают самостоятельно и быстро развиваться. Большие успехи были достигнуты в математике и естественных науках — анатомии, медицине, астрономии, географии. Поражает своим многообразием деятельность Эратосфена (276 — 193). В нём совмещались математик и физик, географ и астроном, историк и филолог. Особое значение получили его труды по хронологии и географии. Эратосфен исходил из представления о шарообразности земли. Наблюдая по тени отклонение солнца от зенита в Александрии, он определил длину окружности земного шара, приблизительно равную, по его вычислениям (в переводе на метрические меры), 39700 *км* (действительная величина — около 40000 *км*).

Быстрое движение вперёд наблюдается в вавилонской астрономии. Труды вавилонских математиков и астрономов— Кидинну (Киденаса), Бероса — и накопленные к этому времени наблюдения над небесными светилами были использованы астрономами позднеэллинистического и римского времени.

В начале III в. появилось произведение, содержание и метод доказательств которого легли в основу последующих изложений геометрии на протяжении многих веков. Это были «Элементы» Эвклида, гениального учёного, сумевшего собрать и представить в стройной системе научные достижения своих предшественников. Выдающимся представителем пергамской математической школы в III в. до н. э. был Аполлоний из Перги, автор классического труда о конических сечениях, живший долгое время в Александрии.

В Сицилии протекала деятельность величайшего математика и механика древности Архимеда (около 285—212). Многие его открытия навсегда вошли в сокровищницу человеческого знания. Достаточно указать основной закон гидростатики, носящий его имя. Архимед сделал ряд других великих открытий, ввёл новые методы исследования, в частности он приближался к открытию исчисления бесконечно малых и бесконечно больших величин. При этом он постоянно стремился использовать свои теоретические выводы на практике. Ему принадлежит усовершенствование так называемой «улитки»—водяного винта, служившего для поливки полей в Египте («Архимедов винт»). Во время осады Сиракуз жители применяли разнообразные военные машины, спроектированные Архимедом для защиты родного города от римлян.

Монументальные труды Феофраста по ботанике подводят итог достижениям древности в этой области. В них сосредоточен огромный, тщательно обработанный материал. Множество верных наблюдений лежит в основе морфологии растений Феофраста, и вместе с тем его объяснения явлений в жизни растений часто крайне наивны. Другое произведение Феофраста, его «Характеры», является опытом исследования социально-психологических типов современного ему общества. Это произведение также свидетельствует о его тонкой наблюдательности и способности широко обобщать свои наблюдения.

В Александрии было положено основание филологической науке, прежде всего тщательной критикой гомеровского текста. Наблюдения и выводы александрийских филологов сохранили определённое значение до настоящего времени.

В эллинистической науке поражает характерное для нее сочетание гениальных идей, тонких наблюдений с совершенно некритическим отношением к передаваемым

фактам и слепым доверием к умозрительным положениям, не имеющим никакой основы в опыте. Не раз высказывались замечательные идеи, разработка которых могла бы иметь величайшие практические последствия, но эти идеи не получали признания, их значение оставалось скрытым, эксперимент применялся редко и случайно. Так, например, ученик замечательного физика и философа Стратона — Аристарх с острова Самос высказал великую идею гелиоцентризма. Но эта идея встретила противодействие, не получила распространения, и крупнейшие греческие астрономы позднейшего времени продолжали придерживаться геоцентрической точки зрения, наследия вавилонской древности. Нечто подобное наблюдается и в развитии других наук.

Историография

Завоевания Александра Македонского произвели громадное впечатление на современников и надолго сделались предметом исследования и размышления историков, философов и моралистов последующих поколений. Различные авторы, руководствуясь своими политическими взглядами и философскими теориями, по-разному освещали ход македонского завоевания и историю эллинистических государств. Но всех их, как философов, так и поэтов, особенно интересовала проблема судьбы, её роли в истории. Оценка деятельности Александра давалась различная в зависимости от мировоззрения историка, но всегда при этом ставился вопрос о судьбе, её значении в успехах македонского завоевателя.

В историографии III в. наблюдаются два направления. Одно продолжает традиции Исократа и его школы: представители этого направления пользовались всеми средствами риторики, чтобы дать драматический, захватывающий рассказ об исторических событиях, вызвать сочувствие или даже слезы у читателя. К риторическому направлению примыкал сицилийский историк Тимей. Он использовал обширный материал, замечательны его исследования в области хронологии (он ввёл единообразную датировку по олимпиадам). В то же время Тимей был склонен объяснять исторические события влиянием судьбы, придавал большое значение предсказаниям и в этом отношении сделал шаг назад, например, но сравнению с Фукидидом. Ярким образцом исторического повествования риторического стиля были произведения Филарха, историка второй половины III в. Филарх, друг царя Клеомена, писал о реформах в Спарте и вообще о событиях в Греции своего времени.

Другие историки этого времени обнаруживают склонность к строго фактическому изложению, хотя и не лишенному тенденциозности, но чуждому стремления к внешним риторическим эффектам, к сентиментальности и мелодраматизму. Представителем этого второго направления был Гieроним из города Кардии, крупнейший историк III в. Его труд по истории борьбы диад охов известен лишь в отрывках, но и по ним можно судить о его содержательности и широком охвате материала.

Разработка исторических сюжетов была неразрывно связана с ходом политической жизни и борьбы и с развитием теории государства. В конце IV в. Дикеарх, философ и историк из школы Аристотеля, развивал учение об идеальной форме государства, представляющей, по его мнению, сочетание элементов различного государственного устройства (демократии, аристократии, монархии). Воплощение этого идеала он видел в древнейшем устройстве Спарты.

Исторические темы разрабатывались отнюдь не только греками. В Египте события прошлого служили нередко сюжетами для исторических романов, в которых воспоминания о реальных фактах переплетались со старинными мифами и пророчествами. Египтянин Манефон, жрец из города Себеннита, живший в конце IV — первой половине III в. до н. э., создал выдающийся труд — «Историю Египта», написанный на греческом языке. Произведение Манефона не имело особого успеха у современников, но сохранившиеся фрагменты свидетельствуют об огромной ценности его работы. Именно Манефон разработал ту хронологическую схему истории древнего Египта — деление на периоды и счёт по династиям,— которая сохранилась до известной степени я в современной науке.

Другим историком из местной среды бил уже упоминавшийся вавилонский жрец Берос, одновременно математик и астроном. Он написал на греческом языке обзор всей истории Междуречья на основании клинописных источников. Несмотря на фантастическую хронологию ранних исторических периодов, его труд, видимо, содержал большой исторический материал. Археологические раскопки XX в., например, подтвердили некоторые данные Бероса.

Эллинистические утопии

Описания чужих стран, быта и нравов различных племён встречались в греческой литературе со времени логографов. В эллинистический период эти описания приобретают своеобразный характер, развиваясь в особый литературный жанр: под видом исследования далёкого прошлого или описания фантастического путешествия, в котором реальные подробности тесно переплетаются с вымыслом, авторы этих произведений рисуют картину идеальных общественных отношений, излагают теории возникновения и развития тех или иных социальных установлении. Эти социальные фантазии, утопии эллинистического времени, как и всякие утопии, несут на себе печать той самой действительности, которую они критикуют и от которой они стремятся уйти в светлое царство своего общественного идеала. Гекатей из Абдер, изображая первоначальную историю Египта, хотел показать, что в основе древнейших порядков страны фараонов лежат некоторые принципы греческой политической философии его времени. Эвгемер в фантастическом рассказе об острове Панхее излагает рационалистическую теорию происхождения богов. Для Эвгемера боги — либо вечные силы природы и небесные светила, либо обожествлённые за свою деятельность люди, какими были когда-то Зевс, Гера и др. Обитатели Панхеи у Эвгемера составляют общину, которой руководят жрецы, представляющие наиболее образованный слой населения. Двумя другими классами этой общины являются воины и земледельцы. Земля находится в собственности государства; она обрабатывается отдельными хозяйствами, но всё производство и распределение подчинено общественному контролю.

Богиня Тихэ.
Статуэтка из Антиохии на Оронте Работа Эвтихида.
III в. до н. э. Мрамор

Идеал мирного существования живо представлен в утопии Ямбула. Обитатели описываемого им сказочного острова проводят свою жизнь в условиях чудесного климата, при изобилии природных богатств, не страдают от болезней и доживают до 150 лет. Нет у них на острове ни вражды, ни столкновений. Живут они дружной семьёй, жёны и дети у них общие.

Основой процветания этого «Солнечного государства» являются общий труд и коллективная собственность. Нетрудно понять увлечение Ямбула рассказом о счастливой жизни обитателей острова: в основе его лежит глубокое недовольство современным ему обществом, для которого характерны острая вражда, жадное стремление к наживе и власти. Эта критическая и для своего времени революционная сторона социальных утопий находила известное отражение в борьбе угнетённых масс (например, в восстании Аристоника в Пергаме).

Отзвук протеста и упований масс слышится и в одном из религиозных пророчеств птолемеевского времени, в котором высказывается твёрдая уверенность, что наступит день, когда великий город у моря (Александрия) превратится в пустынное место, где рыбаки будут чинить свои сети, а боги переселятся из этого города в древний Мемфис.

Философия

Классическая античная философия отражала в целом идеологию полиса — привилегированного и замкнутого коллектива, каждый член которого сознавал себя частью этого целого. Кризис самодовлеющего полиса был вместе с тем и кризисом его гражданского идеала. Для эллинистической философии (тоже по преимуществу греческой) характерны черты индивидуализма. В отдельных философских направлениях при всём их разнообразии находили своё выражение мысли и настроения людей, утративших прежние, относительно более устойчивые условия существования, сдвинутых с родных мест, оказавшихся свидетелями или участниками событий, в ходе которых рушились целые государства, а судьбы людей часто зависели от деспотического произвола и прихотей эллинистических правителей. Зависимость личности от стихийного движения общественной жизни своеобразно отражалась в мистическом понятии судьбы — *тихэ,* которое играет большую роль в эллинистической философии. Характерен для неё и другой образ— образ мудреца, т. е. свободной личности, не подвластной влиянию внешних обстоятельств и противопоставляемой слепой силе судьбы. Различные философские школы по-своему рисовали путь к этой желанной, но реально недостижимой свободе личности и отношение личности к окружающему материальному миру. В иных формах в эллинистической философии продолжается борьба двух основных линий — материалистической и идеалистической.

Эпикур

Величайшим представителем материализма этого времени был Эпикур (341— около 270). Сын афинского клеруха на острове Самос, Эпикур сначала был школьным учителем, позднее — преподавателем философии. В 307/03 г. он переселился в Афины и основал там свою школу («Сад Эпикура»), главой которой оставался до самой смерти.

Основная идея, пронизывающая всё учение Эпикура,— сделать человека независимым от судьбы. Средством для разрешения этой задачи является трезвое разумение и индивидуальное самоусовершенствование, ведущее к безмятежному душевному спокойствию *(атараксии).* Во имя этой цели Эпикур предлагал даже воздерживаться от активной политической деятельности. Известно его изречение: «Живи незаметно». Для понимания этой мысли надо вспомнить, что представляла собой политическая жизнь Эллады того времени — упадок полиса, вырождение античной демократии, междоусобные войны, грубое вмешательство Македонии в греческие дела. Аполитизм Эпикура не выражал собой поэтому принципиального безразличия к судьбам общества и социальным проблемам. Интересы людей противоречивы, учил Эпикур, но разумное понимание своих интересов диктует людям совместную жизнь в обществе, стремление избежать взаимных обид. Эпикур стремился вывести необходимость общественной связи людей из интересов самой личности.

Человек, по мысли Эпикура,—часть окружающей материальной природы. Ему присуще естественное стремление к удовольствию, но это удовольствие должно состоять не в грубых наслаждениях, а в свободе от телесных страданий и душевных тревог; важно поэтому выбирать справедливые средства для достижения наслажде-

ний. Идеал Эпикура — мудрое спокойствие философа, свободного от всех страхов и предрассудков, познающего истинную природу вещей в результате логического мышления и исследования объективно существующего мира, научного наблюдения над природой.

Эпикур разделял великие идеи Демокрита о материальной сущности мира, его единстве и бесконечности, о неделимых частицах (атомах), находящихся в постоянном движении и образующих всевозможные тела. В отличие от Демокрита Эпикур различал атомы не только по форме и размеру, по и по весу. Он признавал уже не только прямолинейное движение атомов в пустоте, по и самопроизвольное (обусловленное внутренними причинами) отклонение атомов от прямой линии. Это была гениальная идея, углублявшая и развивавшая детерминизм эллинских материалистов и открывавшая пути к научному объяснению многообразия явлений природы.

Все составные части философии Эпикура—его физика, этика и каноника (учение о познании) — были неразрывно связаны между собой, имели общую, ярко выраженную материалистическую направленность.

Основой познания Эпикур признавал ощущения, которые сами по себе всегда истинны, ошибочным может быть лишь их истолкование. Эпикур учил о материальности и смертности души и выступал против суеверий, порождающих страх перед богами и смертью. Он бесстрашно отрицал вмешательство божественных сил в жизнь природы и человека. Эпикур «был подлинным радикальным просветителем древности, он открыто нападал на античную религию, и от него ведет своё начало атеизм римлян, поскольку последний у них существовал» [1].

Стоицизм

Философским направлением, весьма распространённым в III в. и получившим огромную популярность в последующие века, был стоицизм. Это объясняется многими причинами и, в частности, том, что стоическая философия, представляя собой, казалось бы, стройную систему взглядов, в то же время отличалась эклектизмом, ибо включала элементы различных философских теорий. Стоицизм удовлетворял запросам людей с очень различными интересами и мировоззрением: он служил оправданием и для сторонников македонской монархии и для вдохновенных проповедников радикальных преобразований. Так, например, стоицизм пользовался успехом в Спарте конца III в. среди приверженцев Агиса и Клеомена.

Руководители и основатели этой философской школы излагали своё учение в узком кругу посетителей «украшенного живописью портика» *(стоа пойкиле)* в Афинах, откуда и происходит название школы. Основателем стоицизма был Зенон из города Кития на острове Кипр. Переселившись, подобно Эпикуру, в Афины, он долго жил там, пользуясь общим уважением за свои нравственные качества и строгое соответствие своего поведения тем принципам учения, которое он проповедовал. Преемники Зенона — Клеанф и особенно Хрисипп разработали и систематизировали первоначальные положения его учения. Хотя в натурфилософии и теории познания стоиков были элементы материализма, всё же для стоицизма определяющим является другое: признание принципа разумности в устройстве вселенной — логоса, который обусловливает закономерность явлений в мире, представляющем, с их точки зрения, одушевлённое целое. При таком понимании «рок» из слепой силы, действующей случайно и неразумно, превращался в высший закон всего существующего. Стоики усматривали проявление этого высшего закона во всеобщей связи явлений, в строгом соответствии между отдельными явлениями и общим мировым целым. Отсюда их основная заповедь: следует жить в согласии с природой.

Важная и плодотворная в научном отношении идея общей закономерности соединялась, таким образом, в учении стоиков с ярко выраженной телеологической точкой зрения. Их понимание мира, с человеком в центре мироздания, связывало стоицизм

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Немецкая идеология, Соч., т. 3, изд. 2, стр. 127.

с религией, открывало возможность сочетать отвлечённые философские взгляды —» достояние сравнительно узкого круга ученых — с мистическими религиозными верованиями, искусством предсказаний и астрологией. В этом отношении стоицизм, несомненно, являлся шагом назад по сравнению с материалистической системой Эпикура, основанной на исследовании природы, признававшей бесконечность вселенной и множественность миров.

В области социальных идей для стоицизма характерна мысль о том, что человек— гражданин мира. В этих космополитических воззрениях стоиков нельзя не видеть продукта разложения старого полисного мировоззрения, результата выхода греческого общества за узкие рамки полиса. Однако в реальных условиях общества, основанного на рабстве, объединение племен и народов могло быть лишь результатом насилия и порабощения. Теория стоиков и их политическая практика находились в непримиримом противоречии. Теоретическое признание равенства всех людей не приводило стоиков на деле ни к протесту против рабства, ни тем более к требованию его уничтожения, а идея мирового государства выливалась в дальнейшем в оправдание завоевательной политики и, в частности, в апологию мировой империи Рима.

Киники

Своеобразный характер носила проповедь последователей учения философов IV в. Антисфена и Диогена — так называемых *киников* (по имени гимнасия Киносарг в Афинах). В противоположность небольшим общинам стоиков и эпикурейцев они не замыкались в тесном кругу, но шли в толпу, настойчиво пропагандируя свои идеи. На берегу моря, среди брёвен, ящиков и снастей, в пёстрой толпе, сновавшей по улицам порта или на шумной рыночной площади, можно было видеть этих нищих проповедников разумной жизни. Они не хранили своей мудрости только для немногих своих почитателей, не пытались воздействовать на правителей государства, развивая, подобно стоикам, свои взгляды в придворной среде, но выступали среди народа с пылкими речами, представлявшими странную смесь балагурства, патетических обращений, грубых нападок, возвышенных идей, цитат и анекдотов, придававших своеобразный характер этим выступлениям киников — так называемым киническим *диатрибам.*

Сторонники кинизма пользовались немалым успехом у своих многочисленных слушателей. Их резкая критика государственных и общественных порядков, страстные обличения спесивых богачей и неразумных правителей, их сетования по поводу несправедливого распределения Зевсом жизненных благ, проповедь опрощения, возвращения к природе, прославление бедности — всё это находило живой отклик среди массы нуждающихся и недовольных. Киники умели убедительно показать, до какой степени неразумен существующий строй. Но они вовсе не призывали к ниспровержению этого строя. Они были убеждены в том, что счастья можно достигнуть не путем удовлетворения своих потребностей и желаний, но путём отказа от них.

В то же время киники с сожалением смотрели на «неразумную толпу», увлекаемую суетными желаниями, и выдвигали идеал философа, который в своей бедности гораздо богаче любого царя и которому должна повиноваться, хотя бы и в принудительном порядке, толпа «неразумных». Эта характерная черта воззрений киников помогает понять, почему сторонники киников встречались не только среди неимущих, но иногда и в среде правящих кругов греческих государств.

Другие философские школы

В конце IV — начале III в. развивается также скептицизм, в котором нашёл своё выражение кризис традиционного мировоззрения. Представители этого философского направления (Метродор, Пиррон и др.), сравнивая человеческие представления об окружающем мире со сном или видениями безумца, отрицали доступность мира познанию людей. И скептики видели цель жизни в достижении душевного покоя, но с их точки зрения этот покой должна дать уверенность в невозможности познания. Философия скептицизма, естественно, приводила к безразличию, квиетизму и являлась выражением настроений людей» отчаявшихся разобраться не только в мировых; явлениях,

но и в событиях современной общественно-политической жизни, стремившихся не только уйти, но и увести своих современников от решения вопросов, которые выдвигала эта жизнь, от требований, которые она к ним предъявляла.

На сходных позициях стояли и последователи Академии. Развивая идеи Платона о том, что мир, доступный человеческим чувствам, не есть подлинный мир, они приходили к тому же выводу. Аркесилай, виднейший представитель Академии в III в., считал, что «всё лежит во тьме», ничего нельзя понять и разум так же недостоверен, как и ощущения. Школа Платона постепенно теряла свои отличительные черты, приближаясь по своим идеям к господствовавшим в эллинистической философии учениям скептиков и стоиков. Уже к III в. относится начало того эклектизма, который становится характерным явлением в позднейшее время.

Сарапис.
Греческая скульптура IV в. до н. э. Римская копия.
Мрамор.

Школа перипатетиков (последователей Аристотеля) не пользовалась в философии эллинистического времени особым влиянием. Её представители усиленно разрабатывали отдельные научные дисциплины. Великие традиции основателя школы продолжали жить в блестящих работах Феофраста в области ботаники и психологии, а в теориях Стратона всё настойчивее выдвигаются материалистические моменты учения Аристотеля (наряду с отражением некоторых идей Демокрита). Так, например, Стратон отказывается от гипотезы божества для объяснения космогонии. В своих научных взглядах он исходит из представления о находящейся в постоянном движении, не имеющей сознания, но творческой природе. Он стремился дать монистическое объяснение психическим явлениям и отбросил идею бессмертия души.

Религия

Философия была, однако, достоянием сравнительно узкого круга людей. В условиях жизни рабовладельческого общества периода эллинизма широкую власть над умами получила изменившаяся, насыщенная новыми представлениями и образами религия. В эллинистической религии мы также наблюдаем развитие противоположных тенденций: с одной стороны, насаждается царский культ—плод деятельности расчётливых политиков, с другой стороны, распространяются мистические учения, сводящиеся к преклонению пород всемогущей силой высшего божества.

Масса людей, угнетенных, лишённых возможности наслаждаться благами жизни, искала утешения и находила его в фантастических образах религии, да-

вавших возможность уйти хоть на время от невыносимого бремени житейских тягот, погрузиться в иллюзорный мир, не имеющий ничего общего с тяжёлой действительностью, получить надежду на лучшее будущее если не на земле, то за гробом. Древние восточные культы с их непонятными обрядами и странными мифами, напоминавшие в то же время отдельными чертами культы греческих богов, широко распространяются в смешанной этнической среде, отражают новые верования и стремления. Образы египетских богов—Исиды, Гора, сирийских—Аттиса и Адониса, малоазиатской великой матери богов и иранских — Митры и Анахиты запечатлевались в сознании людей, сливаясь с привычными для них образами. Стремление местной знати восточных стран к эллинизации также нередко приводило к отождествлению привычных восточных божеств с божествами эллинов: Иштар-Нана отождествлялась с Афиной, Гор — с Аполлоном, Анахита—с Артемидой. В образе Сараписа слились черты греческих и египетских божеств. Македоняне и греки на Востоке легко переходили к почитанию местных божеств и усердно сооружали часовни богу-гиппопотаму или крокодилу. Нигде синкретизм не проявлялся так ярко и порою так причудливо, как в сфере религиозной идеологии.

Менандр и муза.
Рельеф I в. до н. э. Мрамор.

Нередко отвлечённые религиозно-философские идеи соединялись с возрождением старинных суеверий и одновременно с попытками внести наукообразные приёмы в область чудесного и таинственного. Оживают древние вавилонские представления о том, что между Землей и небесными светилами существует постоянное взаимодействие, что явления на небе имеют параллель в земных событиях, что, наблюдая за движением небесных тел, можно предсказать эти события, определить судьбу людей. Начинает развиваться астрологическая «наука».

Усиление религиозных настроений отражает политический упадок, замирание общественной жизни, является выражением стремления к уходу от действительности. Растёт число предсказателей, ясновидцев, боговдохновенных аскетов. Религиозное брожение, получившее начало в раннеэллинистический период, приводит к ещё большему перемешиванию верований и культов.

Художественная литература

В художественной литературе не менее ярко, чем в философии, представлены общие стремления и запросы людей различных кругов эллинистического общества. Характер художественного творчества в III в. до н. э. резко меняется по сравнению с периодом V—IV вв. Это творчество отходит от больших проблем общественно-политической жизни и замыкается в кругу мелких обыдённых или придворных интересов.

Развивается пышное официальное искусство, посвящённое восхвалению обожествлённых правителей. Поэты пишут дифирамбы своим щедрым покровителям, изо-

бретают чудесные истории, в которые, очевидно, они сами не верят, создают произведения, где в мифологических образах изображаются деяния земных владык. Их творчество большей частью принимает характер придворной поэзии, изощрённой, полной учёности и искусной выдумки, но холодной, потерявшей связь с жизнью и интересами широкой народной массы.

Греческая комедия достигает новых успехов в произведениях Менандра и илемона, но характер её теперь совершенно иной: вместо общественно-политических тем авторы разрабатывают бытовые сюжеты. Перед читателем проходят типы преимущественно средних слоев общества: скуповатый глава семьи среднего достатка; юноши, склонные к развлечениям, без серьёзных умственных интересов, но не лишённые чувства и привязанностей; хвастливый воин. Постоянными персонажами комедии были преданные или строптивые рабы. «Новая» комедия не имеет ярко выраженного локального колорита: выводимые в ней типы носят общегреческий и даже общечеловеческий характер.

Статуэтка из Танагры.
III в. до н. э. Терракота.

В комедиях Филемона и Менандра рассыпано множество мыслей, афоризмов, наблюдений, передающих распространённые настроения и взгляды конца IV—начала III в. И в них красной нитью проходит идея о всевластии судьбы. Судьба всё направляет, её-то и следует называть духом, провидением, божеством. Общий взгляд на жизнь проникнут пессимизмом: со смертью всё кончается, у богов слишком мало времени, чтобы заниматься человеческой участью. Несправедливый не получит возмездия за свои поступки. С поразительной силой выражен этот взгляд на жизнь в отрывке из комедии неизвестного автора: «Если хочешь знать, что ты такое, взгляни на памятники при дороге. Под ними—кости и лёгкий прах царей, тиранов, мудрецов, людей, гордившихся своим происхождением, богатством, славой, красотой. Ничто не устояло перед силой времени. У всех смертных — общий Аид. Видя это, познай, кто ты».

В комедии передовые идеи нередко переплетаются с самыми консервативными. Филемон высказал мысль, что от природы никто не рождается рабом, Менандр писал, что «многие из рабов гораздо лучше свободных», а в анонимном фрагменте говорится, что очень полезно, если среди рабов в доме происходят раздоры. Иногда высказываются мысли о том, что человек, будь он эфиоп или скиф, благороден, что женщина имеет право на внимание и любовь, и вместе с тем говорится, что женщина—это неизбежное зло и счастлив тот, кто наименее страдает от него.

Нельзя сказать, что «новая» комедия отличается глубиной художественного замысла, увлекает читателя высокими мыслями и чувствами, но она рисует с изумительной живостью типы современного ей общества с характерными для него взглядами, переживаниями и предрассудками.

В лирических жанрах — элегии, эпиграмме, ямбах — сказываются главные черты поэзии периода эллинизма: виртуозное владение формой, большая учёность, тонкая отделка деталей и в то же время отсутствие непосредственного чувства, темперамента, подлинного вдохновения. Самый выдающийся представитель этой поэзии, Каллимах, с творчеством которого нас познакомили только недавние публикации папирусов, писал полные ученой мифологии изящные стихотворения, содержавшие поэтические объяснения обычаев и преданий. Ему принадлежит также ряд гимнов, из которых наиболее известен гимн «Волосы Береники» — льстивое, хотя и проникнутое внутренним скепсисом произведение, созданное в честь жены Птолемея III. Таким же холодным и в то же время сентиментальным и риторическим характером отличается современный эпос, например, большая поэма Аполлония Родосского «Аргонавты».

Но в раннеэллинистическое время жил и великий лирический поэт Феокрит. В своих идиллиях — образцах пастушеской (буколической) поэзии—он сумел удовлетворить вкусы читателей, пресыщенных шумной жизнью больших городов эллинистического времени. Феокрит выразил с большой силой и искренностью свои переживания и нарисовал чудесные картины сельской жизни.

В литературе на местных языках продолжают развиваться прежние традиции, но в то же время ярко отражаются общие настроения, идеи и запросы эпохи. Например, в египетских текстах повторяются привычные формулы, имевшие вековую или даже тысячелетнюю давность. Эти тексты — далеко не всегда произведения религиозного содержания. Порой в них даже звучит сомнение в привычных верованиях. Иногда это художественные произведения—занимательные повести, сказки, в которых ясно выступают социальные мотивы, например осуждение богатства: богачу суждены мытарства в преисподней, тогда как нищий будет пребывать около Осириса.

Философское раздумье над судьбой человека, глубокое разочарование в смысле жизни сказались в иудейской литературе III в. до н. э., например, в «Экклесиасте», вошедшем в состав Библии. Автор его, размышляя над человеческой жизнью, восклицает: «Что пользы человеку от всех трудов его?». Красной нитью через всё произведение проходит мысль: «Всё — суета». Разрабатывавшаяся ещё в вавилонской литературе тома о невинном страдальце получает новое развитие в «Книге Иова», с большой силой ставящей вопрос о нравственном смысле жизни, но разрешающей его в чисто религиозном духе. При Птолемее II еврейская Библия была переведена в Египте на греческий язык, и этот перевод нашёл широкое распространение не только в иудейских общинах различных стран, но и за пределами этих общин.

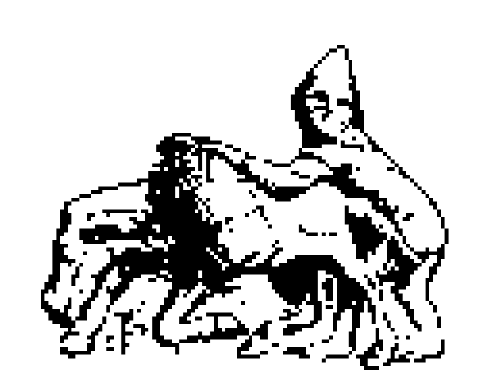
Изобразительное искусство

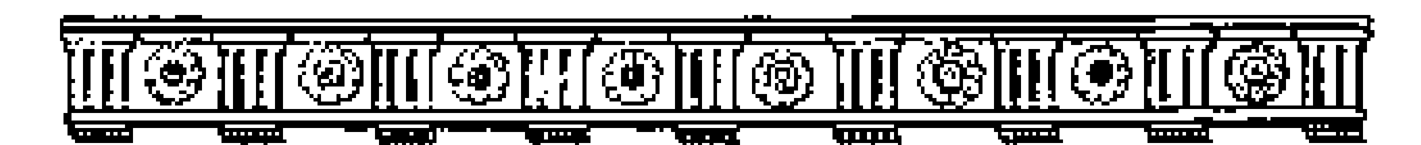
В изобразительном искусстве III в. можно заметить те же черты синкретизма и индивидуализма, что и в литературе этого времени, но видоизменённые под влиянием различных местных художественных школ. В живописи, скульптуре и художественном ремесле появляются новые жанры, совершенствуются технические приёмы. Уже в египетском искусстве IV—III вв. можно проследить своеобразное соединение восточного и эллинского искусства в сюжетах, стиле, технических приёмах. В изображениях на стенах гробницы Петосириса около города Гермополя (конец IV в.), например, сочетаются черты искусства Саисской эпохи и греческого стиля.

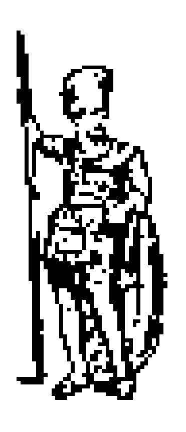
Монументальная архитектура птолемеевского периода воспроизводит архаические формы фараоновской эпохи. Выдающиеся памятники архитектуры и скульптуры в Сирии, Финикии (Гиерополь, Сидон и др.) являются образцами эллинистического стиля с его своеобразным смешением местных и греческих элементов. В Ва-

вилоне строится театр по греческим образцам: в то же время в вавилонском городе Уруке воздвигается храм в духе древней архитектуры из сырцового кирпича. В живописи получают широкое развитие отдельные жанры (ландшафтная и портретная живопись). Эллинистический период дал превосходные образцы торевтики, т. е. рельефных художественных изображений на металле, полученных путём чеканки. Образцом реалистической манеры являются танагрские статуэтки, в эволюции которых отражаются различные периоды истории эллинистического искусства.

Все культурное и идеологическое развитие III в. до н. э. оставляет впечатление сложного, лишенного внутренней цельности и однородности процесса. Прогресс в том или ином направлении—развитие научного исследования, попытка объяснить жизнь человека и вселенной с материалистической точки зрения (Эпикур), успехи в области искусства, художественного ремесла и техники—сочетается уже в III в. до н. э. с явными признаками упадка: утратой республиканских идей свободы и независимости, огромным ростом сервилизма, угасанием общественной активности, тягой к религии, распространением грубых суеверий. Все эти черты получают дальнейшее развитие в последующие два века в обстановке всё большей экономической разрухи, обострения классовой борьбы и политического упадка когда-то могущественных эллинистических государств.







ГЛАВА X
БОРЬБА РИМА ЗА ГОСПОДСТВО В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ. КРАХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

1. Западное Средиземноморье в III в. до н. э. Завоевание Италии Римом

Если в V и даже ещё в IV в. до н. э. западно-средиземноморский узел противоречий определялся, в первую очередь, незатихающей борьбой между Карфагеном и западными эллинами, то в III в. на средиземноморской арене выступает новая сила — растущее Римское государство. Ход событий и общая тенденция исторического развития привели к тому, что в III в. уже складываются основные предпосылки для превращения Рима в крупнейшую средиземноморскую державу.

Италийские города Великой Греции. Держава Агафокла

Ко времени выступления Рима на международной арене цветущая пора италийских городов Великой Греции уже давно миновала. Они были ослаблены длительной междоусобной борьбой, в результате чего началось всё усиливавшееся давление на эти города местных южно-италийских племён. Ещё в 421 г. до н. э. Кумы пали под натиском кампанцев, а в начале IV в. в руки луканов перешли Посидония, Пина и Лаус. К III в. на западном побережье только Велия (Элея) и Регий сохранили свою самостоятельность. На восточном побережье Италии независимое положение сохранил крупный торговый город Тарент, но и он со времени распадения Сиракузской державы едва сдерживал напор своих соседей — луканов и мессапов.

В Сицилии в конце IV в. Сиракузы ещё раз предприняли попытку объединить под своей властью города Великой Греции и создать державу, способную соперничать с Карфагеном в господстве над Западным Средиземноморьем. Это произошло в период тирании Агафокла.

Карьера Агафокла, который из простого горшечника стал «царём сицилийцев», свидетельствует о том, что он был далеко незаурядной личностью. Зарекомендовав себя в качестве способного военачальника, он приобрёл в дальнейшем широкую популярность среди неимущих граждан Сиракуз, обещая удовлетворить их

давнишние требования передела земли и отмены долговых обязательств. Очевидно, основной опорой Агафокла были наёмники и беднейшие, пролетаризовавшиеся слои населения. Его растущее влияние и чрезвычайная активность делали его опасным в глазах олигархического правления Сиракуз, вследствие чего он был вынужден уйти в изгнание.

Однако в скором времени Агафоклу удалось не только навербовать наёмнический отряд, но и опереться на значительное количество своих приверженцев в самой Сицилии. В 316 г. отряд Агафокла ворвался в Сиракузы. При поддержке широких слоев населения олигархическое правительство было свергнуто, многие представители олигархических кругов поплатились жизнью и имуществом. После этого было созвано народное собрание, на котором Агафокл присягнул соблюдать существующее государственное устройство и был избран стратегом-автократором.

Агафоклу удалось не только восстановить, но и территориально расширить великую державу Дионисия. Большая часть городов эллинской Сицилии признала главенство Сиракуз, остальные эллинские города, как, например, Акрагант, Гела, Мессана, сначала боролись против Агафокла в союзе с сиракузскими эмигрантами, но к 313 г. вынуждены были подчиниться его власти.

Борьба с Карфагеном, ставшая уже традиционной чертой внешней политики сиракузских тиранов, сначала развёртывалась для Агафокла неудачно: в битве при Экноме карфагеняне одержали решительную победу над войсками Агафокла. Сиракузам грозила осада. Но Агафокл смелым военным манёвром помешал противнику использовать достигнутый успех и парализовал его силы в Сицилии: в 310 г. он высадился на побережье Африки с 14 тыс. наёмников, взял Гадрумет, а в 307 г. — и один из крупнейших городов африканского побережья — Утику. Столица карфагенян, в свою очередь, оказалась под угрозой. Однако эти успешные действия Агафокла в Африке были прерваны неожиданными событиями.

В Сицилии вспыхнуло восстание ряда подвластных Агафоклу городов во главе с Акрагантом. Агафокл оказался в очень затруднительном положении, ибо вести военные действия одновременно и в Африке и против восставших в Сицилии он был не в состоянии. Оставив армию в Африке на произвол судьбы (она вскоре сдалась карфагенянам), Агафокл вернулся в Сицилию. Здесь ему удалось после довольно длительной борьбы, которая шла с переменным успехом, подавить восстание, и по мирному договору 305 г. Сиракузы снова стали гегемоном всей той части Сицилии, которая не принадлежала Карфагену. Очевидно, в это время Агафокл принял титул «царя сицилийцев». Этот политический жест, несомненно, связан с событиями в Восточном Средиземноморье, где примерно в это же время диадохи, делившие между собой империю Александра, присваивали себе царские титулы.

Не доведя до победного конца войну против Карфагена, Агафокл около 300 г. под предлогом помощи Таренту начинает борьбу с италийскими племенами, ведя военные действия на юго-западе Апеннинского полуострова против бруттиев. После смерти Агафокла (289 г.) его обширное, но внутренне непрочное государство быстро распалось, и на этот раз навсегда.

Создать империю мирового значения удалось другому западному государству, обладавшему большими возможностями, чем Сицилийская держава и чем её соперник Карфаген, а именно — Риму.

Война римлян с Пирром

После самнитских войн и покорения Средней Италии римляне пришли в непосредственное соприкосновение с греческими городами Южной Италии. Ослабленные ожесточённой борьбой между различными группировками граждан, греческие города не были в состоянии преодолеть острые противоречия во взаимоотношениях друг с другом.

В 80-х годах луканы напали на греческий город Фурии. Не желая обращаться за помощью к своему сопернику Таренту, Фурии просили поддержки у римлян.

В Риме хорошо понимали, что поддержка Фурий даст возможность распространить римское влияние и на другие города Южной Италии. Поэтому на помощь фуриям было выслано войско, которое разбило луканов и оттеснило их от города. После этого в Фуриях был оставлен римский гарнизон. Однако такой оборот дела вызвал сильную тревогу и недовольство в Таренте. Тарентинцы напали на римские военные суда, зашедшие к ним в гавань, а затем двинулись к Фуриям и, опираясь на дружественную им группировку граждан, изгнали оттуда римский гарнизон. В результате этих событий между Римом и Тарентом вспыхнула война.

Пирр.
Скульптура эллинистического времени.
Римская копия. Мрамор.

Хотя Тарент имел довольно крупные военные силы и в качестве союзников к нему присоединились луканы и мессапы, но уже первые сражения показали безусловное превосходство римлян. Тарентинцы обратились за помощью к эпирскому царю Пирру, который весьма охотно откликнулся на их призыв.

В лице Пирра римлянам предстояло столкнуться с одним из наиболее блестящих полководцев эпохи эллинизма. Ещё в юности он обнаружил такие способности к военному делу, что когда одного из сподвижников Александра Македонского спросили, кто является ныне наиболее выдающимся полководцем, он отвечал: «Пирр, когда наступит его зрелый возраст». В дальнейшем великий полководец древности Ганнибал отводил Пирру второе место после Александра Македонского, а себе — только третье.

Но если Пирр был выдающимся полководцем, то как политического деятеля его не приходится ставить слишком высоко. Его обширные планы носили на себе печать недостаточной продуманности и авантюризма, его военные таланты не были дополнены дальновидностью осторожного и зрелого политика. Так произошло и на этот раз. Пирр ухватился за предложение тарентинцев, однако его честолюбивые расчёты простирались дальше — перед ним возникла идея создания великой монархии на Западе, взамен распавшейся восточной державы Александра.

Весной 280 г. Пирр высадился в Италии. Его армия состояла из 22 тыс. хорошо обученных пехотинцев, 3 тыс. фессалийских всадников и 20 боевых слонов, применение которых было заимствовано греками с Востока. Первое столкновение Пирра; с римлянами произошло у города Гераклеи. Битва была чрезвычайно упорной. Исход сражения решили слоны и фессалийская конница Пирра; в результате поражения римляне потеряли Луканию, а на сторону их врагов перешли бруттии, луканы, самниты и почти все южные греческие города (за исключением Капуи и Неаполя).

Весной 279 г. Пирр двинулся в новое наступление на Апулию, где римляне сосредоточили армию численностью до 70 тыс. человек. Около города Аускула произошло второе за эту войну крупное сражение. Римляне снова потерпели поражение, но Пирру победа досталась дорогой ценой («пиррова победа»). Его потери были настолько велики, что, принимая поздравления, он, по преданию, ответил: «Ещё одна такая победа, и мне не с кем будет вернуться в Эпир».

И действительно, несмотря на победы, одержанные в двух крупных сражениях, положение Пирра в Италии чрезвычайно осложнилось. Римские людские ресурсы были далеки от истощения. Латинские союзники остались верны Риму. В Таренте и других южноиталийских городах против Пирра росло недовольство. В это время к Пирру прибыло посольство из Сицилии: теснимые карфагенянами Сиракузы обращались к нему с просьбой о помощи. Война же в Италии явно затягивалась и требовала новых усилий и средств.

Под влиянием всех этих обстоятельств Пирр начал с Римом переговоры о мире. Условия мира были, видимо, довольно выгодны для римлян, тем не менее сенат их отверг, так как карфагеняне, заинтересованные в том, чтобы удержать Пирра в Италии и не допустить его перехода в Сицилию, предложили Риму союз и военную помощь. Опираясь на этот союз, римское правительство могло решиться на продолжение войны.

Однако Пирр, рассчитывавший с меньшей затратой сил достигнуть успеха в Сицилии, покинул в 278 г. Италию и отправился с войсками на помощь сиракузянам, оставив лишь гарнизоны в Таренте и Локрах. В Сицилии Пирр достиг сперва больших успехов. Всюду тесня и разбивая карфагенян, он продвинулся до юго-западной оконечности Сицилии; карфагеняне удерживали только Лилибей. Пирр уже начал подготавливать флот для переправы войск в Африку, но тут начались серьёзные осложнения в его взаимоотношениях с греческими городами. Не считаясь с местными демократическими традициями, Пирр грубо вмешивался во внутреннюю жизнь греческих городов, произвольно назначал всякого рода поборы и т. п. В результате этого некоторые из городов подняли против него оружие, другие даже перешли на сторону карфагенян. Те не преминули воспользоваться этими осложнениями в тылу противника; в Сицилии вновь появилась большая карфагенская армия. Достигнутые Пирром успехи были сведены на нет: в его руках остались только Сиракузы.

Таким образом, Пирр оказался перед фактом полного крушения всех своих планов в Сицилии. Между тем из Италии к нему приходили тревожные вести о том, что римляне, не встречая прежнего сопротивления, перешли в наступление. При помощи романофильски настроенных олигархических группировок в Кротоне и Локрах им удалось овладеть этими двумя городами. Одновременно они не без успеха стали действовать против самнитов и луканов. Всё это заставило ещё стоявших на стороне Пирра греков и италиков обратиться к нему с настойчивым призывом о помощи. Тогда Пирр оставил Сицилию, где и так всё для него уже было потеряно, и возвратился в Италию. На обратном пути в проливе на него напал карфагенский флот и уничтожил более половины судов. Тем не менее весной 275 г. Пирр высадился в Италии и начал готовиться к новым наступательным действиям против римлян.

Решающее сражение произошло в том же году около города Беневента, в центре Самния. Пирр потерпел полное поражение, лагерь его был захвачен, сам он бежал в Тарент. Вскоре после этого сражения он покинул Италию, а через три года погиб в Аргосе во время уличной схватки.

Победа Рима над Пирром была победой крестьянской страны с её гражданским ополчением над армией наёмников, прекрасно вооружённой и руководимой талантливым полководцем, но вовлечённой в безнадёжную военную авантюру.

Эта победа облегчила Риму завоевание Южной Италии. В 272 г. римляне осадили и взяли Тарент. Примерно через пять лет Рим сломил сопротивление остальных племён, сохранявших ещё свою независимость. Таким образом, вся Италия, от Мессанского пролива до реки Рубикона на границе с Цизальпинской Галлией, оказалась под властью римлян. Рим превратился в одно из крупнейших государств Западного Средиземноморья.

Рим после завоевания Италии. Экономика

Имеющиеся источники, к сожалению, не дают возможности составить достаточно ясное представление о развитии производительных сил в Италии V—III вв. Эволюцию сельскохозяйственной техники также установить чрезвычайно трудно, но вряд ли она была значительной в первые века существования республики. От римского писателя и агронома Варрона нам известно, что примерно с середины V в. римляне начинают возделывать новые культуры: пшеницу и полбу. Очевидно, к этому времени они уже имели и составной плуг. Скотоводство (за исключением Южной Италии) было развито незначительно; крупный скот в основном использовался в качестве тягловой силы. Поля крупных землевладельцев обрабатывались с применением труда клиентов и рабов, хотя число последних в отдельных хозяйствах было ещё очень невелико.

Не подлежит также сомнению дальнейший рост ремесла. Восстановление Рима после галльского нашествия уже само по себе предполагало развитие строительной деятельности. Город постепенно утрачивает свой деревенский вид: в нём начинают мостить улицы, центральные площади украшаются статуями, территория рынка обносится каменными галереями. С конца IV в. идёт интенсивное строительство общественных зданий, главным образом храмов. Римская архитектура доводит до полного развития арочную систему перекрытий, заимствованную римлянами у этрусков. В постройках IV в. мы уже встречаемся с каменным сводом.

Раннеримский медный литой ас с изображением быка. IV в. до н. э.

О росте торговли и товарно-денежных отношений у римлян свидетельствует чеканка монеты. Вначале римская монета (ас), появившаяся в середине IV в. до н. э., была модной, но затем, после победы над Пирром, начинается в самом Риме чеканка серебряной (драхма, денарий), а с конца III в. и золотой монеты. Проникновение римлян в Южную Италию привело к росту обмена и укреплению торговых связей Рима с богатыми греческими городами. С III в. в Риме начинает складываться торговый и ростовщический капитал.

Однако основой римского хозяйства продолжало оставаться земледелие. Подчинение Римом Южной Италии привело к распространению римских аграрных отношений на большую часть полуострова. Этому содействовала интенсивная колонизационная политика римлян, путём которой они стремились, с одной стороны, решить аграрную проблему, т. е. удовлетворить нужду крестьян в земле, а с другой стороны, укрепить господство Рима в наиболее отдалённых от него районах страны. Поэтому некоторые колонии носили преимущественно военный характер и выводились в приморские или пограничные районы (например, Анций, Таррацина, Минтурны, Синуесса и др.), причём колонисты, как правило, получали здесь сравнительно небольшие земельные наделы. Колонии несколько иного типа (Фрегеллы, Луцерия, Аримин и др.) выводились главным образом во внутренние области полуострова. Они были значительно гуще населены и носили более ярко выраженный земледельческий характер. Колонисты получали здесь относительно крупные участки земли. Благодаря колониям этого типа в Италии распространяется устойчивое среднее и мелкое крестьянское землевладение.

В сфере римской экономики, и прежде всего земельных отношений, развиваются новые процессы. Смысл их заключается в том, что частная собственность на землю всё более и более вытесняет собственность общинную (государственную). Захват общественного поля имел место и в более ранние времена, но тогда он ещё сохранял в какой-то мере характер аренды этих земель у государства; в IV и особенно в III в. за давностью времени большинство этих некогда «арендованных» у государства земель

превратилось в неотъемлемую собственность их владельцев, причём наследственными владельцами этих земель теперь становились в равной степени как представители патрицианских, так и знатных плебейских родов. Подобная практика не только благоприятствовала концентрации земельной собственности, но и приводила к резкому обострению борьбы между крупными и мелкими землевладельцами.

Классовая структура римского общества

Рабовладение в IV—III вв. начинает всё шире внедряться в римское хозяйство. Число рабов в результате почти непрерывных войн быстро растёт. Ещё захват и разрушение Вей дали римлянам массовую партию рабов; особенно быстро начинает расти в Риме количество рабов со времени самнитских войн. Установленный в 357 г. налог на отпуск рабов на волю свидетельствует о довольно высоком уровне развития рабовладения.

Классовая структура римского общества IV—III вв. вырисовывается с достаточной чёткостью. Определяющим становится деление общества на свободных и рабов. Положение рабов было крайне тяжёлым; с точки зрения римского права, раб был не личностью, а вещью, и потому господин был волен над его жизнью и смертью. Все рабы были абсолютно бесправны, все они одинаково были исключены из гражданской и политической жизни.

Свободные не были едины ни по своему составу, ни по своему положению. Класс крупных землевладельцев и рабовладельцев был представлен в Риме IV—III вв. привилегированной группой нобилитета — новой знати, образовавшейся в результате слияния патрицианско-плебейской верхушки. Это было высшее сословие (ordo), пополнявшее своими представителями высшие магистратуры и ряды сената. Конечно, было бы неправильным считать, что класс рабовладельцев состоял только из крупных земельных собственников. Существовал значительный слой мелких и средних рабовладельцев — зажиточное крестьянство, владельцы ремесленных мастерских, торговцы. Но они не включались в состав привилегированного сословия.

Класс свободных производителей в IV—III вв. в основном состоял из массы сельского и городского плебса, т. е. римских крестьян и городских ремесленников. Формально в III в. все плебеи по своей правоспособности ничем не отличались от нобилей, но фактически они не имели реальной возможности участвовать в управлении государством и не могли играть ведущей роли в его жизни.

Структура римского общества в III в. определялась ещё и тем, что среди свободного населения существовала значительная категория неполноправных граждан. К ним должны быть отнесены либертины, т. е. вольноотпущенники, которые не могли быть избраны магистратами и имели ограниченное право голосования (лишь в трибутных комициях). К неполноправным также принадлежали так называемые латинские граждане, которые обладали имущественной правоспособностью, но были лишены политических прав. Эта в достаточной мере сложная структура римского рабовладельческого общества в дальнейшем ещё больше усложняется появлением новых сословий и новых полноправных и неполноправных групп населения.

Государственное устройство

Государственное устройство Римской республики к III в. тоже оформилось уже достаточно чётко. Официально носителем верховной власти в республике считался римский народ (populas Romanus), т. е. совокупность римских полноправных граждан. Народ осуществлял свои права в собрании —комициях. В Риме, как уже указывалось, существовало три вида комиций: а) куриатные (собрания патрициев), которые потеряли всякое политическое значение ещё в начале республики (за ними осталось формальное вручение высшей власти — империя — избранным магистратам и решение некоторых вопросов семейного права); б) центуриатные (собрания патрициев и плебеев по имущественным разрядам и центуриям), которые до конца республики решали вопросы мира и войны и в которых производились выборы высших должностных лиц, и в) трибутные (построенные по территориальному принципу), которые после

закона Гортензия осуществляли главным образом законодательную Деятельность. Эго был наиболее демократический вид народного собрания в Риме.

Однако рядовые участники комиций фактически были лишены почти всякой политической инициативы. Правом созывать комиций, председательствовать на них и ставить подлежащие решению вопросы обладали только магистраты. Обсуждения этих вопросов, как правило, на комициях не было, и граждане приступали к голосованию по центуриям или трибам сразу же после того, как были оглашены списки кандидатов или зачитан законопроект.

Статуя римского гражданина («Оратор»). Около 100 г. до н. э. Бронза

Оплот правящей римской аристократии (нобилитета) — сенат фактически превратился в высшее государственное учреждение. Число его членов колебалось от 300 до 600 человек, а в конце республики оно доходило до 900 человек Сенаторов назначали цензоры из среды бывших магистратов в порядке должностной иерархии: в первую очередь бывших консулов, потом преторов и т. д. Право созыва сената на заседания и председательства на них принадлежало высшим магистратам: консулам, диктатору, преторам, а впоследствии и народным трибунам. Компетенция сената была весьма обширна: утверждение избранных магистратов, заведование государственным имуществом и финансами, вопросы мира и войны, руководство внешней политикой, верховное наблюдение за религиозными делами, объявление чрезвычайных полномочий и т. д. В сенате происходило тщательное обсуждение разбираемых вопросов и затем голосование предложений.

Носителями исполнительной власти были магистраты. Выполнение обязанностей магистрата считалось высшей честью и осуществлялось не только безвозмездно, но в ряде случаев было связано и со значительными расходами из личных средств избранного. Магистрат —лицо неприкосновенное: пока он исполняет свою должность, он не может быть ни смещён, ни привлечён к ответственности. Римские магистраты получали свои полномочия путём избрания и осуществляли их коллегиально. Избрание также было связано для кандидатов с очень значительными расходами, так как задолго до выборов они, по обычаю, обязаны были устраивать для своих сограждан пиры и угощения, одаривать их подарками и т. п. Таким образом, хотя любой римский гражданин мог претендовать на избрание, фактически это было доступно только наиболее состоятельным, принадлежавшим к среде нобилитета. Магистратуры делились на высшие (консул, диктатор, претор, цензор, народный трибун) и низшие (все остальные). Кроме того, магистратуры делились на ординарные, т. е. обычные или постоянные (консулы, народные трибуны, преторы, цензоры, эдилы, квесторы), и экстраординарные, т. е. чрезвычайные (диктатор, его помощник—начальник конницы, триумвиры, децемвиры). Единственной неколлегиальной магистратурой была диктатура, единственными магистратами, избиравшимися на срок, больший, чем год, были цензоры.

Известным влиянием в политической жизни Рима пользовались также жреческие коллегии — понтификов, фламинов, салиев, арвальских братьев и др. Верховные жрецы—понтифики—избирались в комициях, остальные—по своим коллегиям или же назначались понтификами.

Таково было государственное устройство Римской республики в его основных чертах. Позднейшие писатели (Полибий, Цицерон) считали, что в Римской республике был воплощён идеал смешанного государственного устройства, т. е. такого устройства, в котором гармонично сочетаются элементы монархии (власть консулов), аристократии (сенат) и демократии (комиции). Но они, конечно, идеализировали этот строй: Римское государство было типичной аристократической рабовладельческой республикой, что подтверждается главенствующей ролью органа нобилитета — сената, неоплачиваемостью магистратур и второстепенным значением комиции.

Управление завоёванной Италией

Завоевание Италии Римом — длительный процесс постепенного роста собственно римской государственной территории, подчинение других италийских общин — запечатлелось в своеобразных формах. Самой характерной особенностью в организации управления завоёванной Италией явилась исторически сложившаяся неоднородность взаимоотношений Рима с зависимым от него населением.

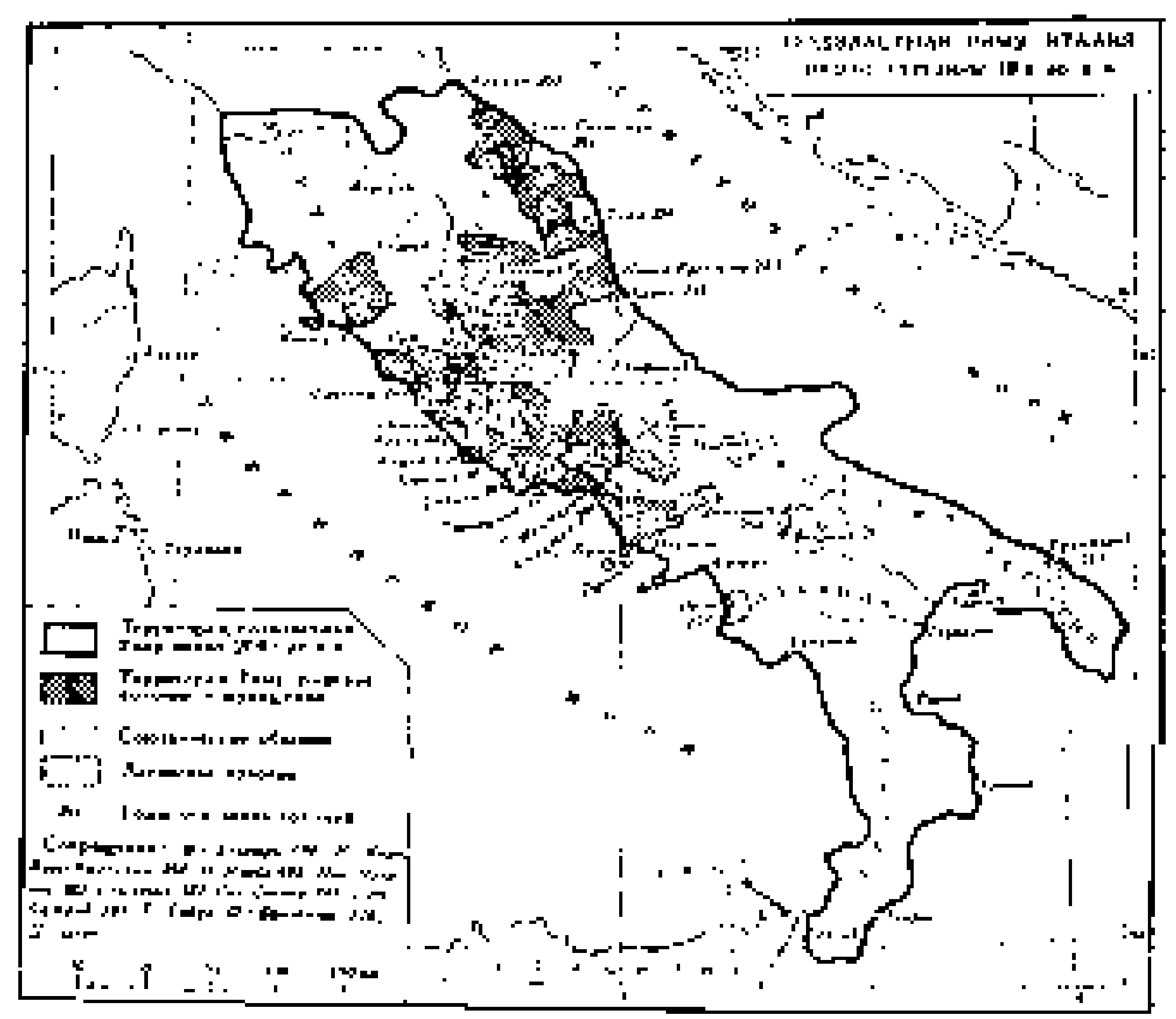
Прежде всего земли, отобранные римлянами у побеждённых противников и предоставленные в пользование или собственность своим гражданам, не образовывали сплошной территории, непосредственно прилегавшей к исконным римским владениям. Напротив, как уже было сказано выше, широко практиковалось выселение римских граждан на чужие земли, в ряде случаев отдалённые на значительное расстояние от самого Рима. На этих землях создавались так называемые «колонии римских граждан». В правовом отношении жители таких колоний рассматривались как часть полноправного гражданского населения самого Рима. Поэтому эти колонии не имели особого самоуправления, а управлялись общеримскими городскими властями, в избрании которых граждане, проживавшие в колониях, должны были принимать участие. В дальнейшем практические неудобства такого порядка, особенно ощутимые в тех случаях, когда колонии находились далеко от Рима, повлекли за собой предоставление некоторым колониям римских граждан внутреннего самоуправления.

В несколько ином положении находились так называемые муниципии. Это были общины, с давних пор принятые в состав Римского государства. Такие общины сохраняли право внутреннего самоуправления (собственные городские магистраты, автономные суды и т. п.), в дальнейшем же их граждане были полностью приравнены в правах к римским гражданам, вплоть до права занимать консульскую должность по выборам в Риме. На правах муниципиев находилось большинство общин Лация — старых римских союзников, которые числились и в составе римских триб.

Особую категорию составляли «общины без права голоса». Свободное население этих общин наравне с римскими гражданами пользовалось полной правоспособностью в области имущественных, брачных и других отношений, но не обладало политическими правами и не могло участвовать в римских народных собраниях. В области внутренней жизни такие общины имели право самоуправления, но часто оно ставилось под контроль специально направляемых из Рима уполномоченных.

Наиболее многочисленную группу представляли римские «союзники». Так назывались общины, которые формально сохраняли политическую независимость, но были связаны с Римом особыми договорными отношениями, в каждом отдельном случае определявшими их положение. В одних случаях, в соответствии с содержанием договора, союзники должны были помогать римлянам только при нападении врагов, в других — они были обязаны участвовать во всех войнах, какие вёл Рим, причём эта вторая форма отношений являлась, безусловно, преобладающей. Союзники

Подвластная Риму Италия около середины III до н. э.



были лишены права вести самостоятельную внешнюю политику. Их военные обязанности заключались в предоставлении определённого договором количества пеших и конных воинов или, если союзный город был приморским, в поставке кораблей, содержавшихся, как и сухопутные силы, за счёт союзников. В этом и заключалась, по существу, главная и единственная повинность союзных общин, которая рассматривалась как «налог кровью». Из войск каждой союзной общины составлялись особые союзнические отряды, поступавшие в распоряжение римского командования и обязанные ому полным повиновением.

В близком к союзникам положении находились «латинские колонии», т. о. колонии, основанные Римом совместно с городами латинского союза на завоеванных Римом территориях. Подобно союзникам они пользовались полной внутренней автономией. Жители этих колоний также во время войны служили не в легионах, а в особых союзнических отрядах, но в случае переселения в Рим—в этом и заключалось их отличие от союзников — они получали полные права римских граждан.

Общины, завоёванные Римом, сдавшиеся без всяких условий на милость победителя, утрачивали всякую автономию и управлялись посылаемыми из Рима уполно-

моченными. Население этих общин располагало очень незначительным кругом прав. Наконец, в более редких случаях, когда враждебная Риму община подверглась полному разгрому, вся земля местных жителей переходила в состав римского общественного поля, а сами они обращались в рабов.

При такой организации Италия не представляла собой единой государственной территории. Тем не менее исторически сложившаяся обстановка вполне обеспечивала прочность римской гегемонии над всей страной. Разнородность в положении каждой отдельной группы зависимого от Рима населения уменьшала опасность образования единого антиримского фронта. В рассматриваемое время сохранение и поддержка этой исторически сложившейся разнородности становятся сознательным принципом римской политики, выраженным в формуле «разделяй и властвуй».

2. Борьба Рима и Карфагена за господство в Западном Средиземноморье

Международные отношения в Западном Средиземноморье в середине III в. до н. э. Определялись безусловным превосходством Карфагенской державы. Длительная и напряжённая борьба за господствующее положение, которую вёл Карфаген с западными эллинами, окончилась не в пользу последних, силы их в значительной мере были подорваны участием в авантюристическом предприятии Пирра. В самой Сицилии ситуация резко изменилась в благоприятную для карфагенян сторону: они прочно утвердились в западной части острова, некоторые крупные греческие города, ранее бывшие непримиримыми врагами Карфагена, ныне вступили с ним в союз (например, Акрагант), карфагенский флот безраздельно господствовал на море. Сиракузы уже едва ли могли по-прежнему считаться серьёзным соперником Карфагена.

Карфаген в середине III в. до н. э.

Таким образом, в середине III в. до н. э. Карфаген мог претендовать на роль и положение гегемона западно-средиземноморского мира.

К III в. окончательно сложилась и колониальная держава Карфагена. Его власть распространялась теперь на западную часть побережья Северной Африки, Южную Испанию, значительную часть Сицилии, на Корсику, Сардинию, Питиусы и Балеарские острова. Карфагенское правительство поддерживало дружественные отношения с Египтом и Киреной. *Со* времени совместной борьбы с Пирром оно имело союзный договор с Римским государством.

Основой экономической мощи Карфагена было широко развитое рабовладение и посредническая торговля. В пору своего расцвета Карфаген превратился в классическую страну плантационного хозяйства, основанного на рабском труде. Количество рабов, эксплуатируемых в крупных поместьях карфагенских магнатов, измерялось тысячами. Система эксплуатации совершенствовалась на протяжении веков и нашла здесь своих теоретиков. Она была, например, изложена в не дошедшем до нас специальном трактате по сельскому хозяйству карфагенянина Магона, причём этот труд пользовался в древности такой популярностью, что римский сенат принял специальное постановление о переводе его на латинский язык. Имения, принадлежавшие богатым карфагенянам, были организованы на землях, отнятых у местного населения. Кое-где земли сохранялись за местным населением, но в таких случаях оно превращалось в зависимых крестьян, платящих государству большие налоги.

Поскольку экономика Карфагена характеризуется широким развитием посреднической торговли, уровень товарного производства в самом Карфагене был все же сравнительно ограниченным и во всяком случае далеко не соответствовал масштабам торговли. По этим же причинам основными статьями карфагенской торговли были именно такие, которые обеспечивались не самими карфагенянами, а

«варварскими» народами. «Торговля первых самостоятельных, пышно развившихся торговых городов и Торговых народов,—говорит Маркс,—как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников» [1]. Маркс и Энгельс относили Карфаген наряду с Тиром и Александрией к центрам мировой торговли древности [2]. Весьма характерно, что безусловно первенствующей отраслью карфагенской посреднической торговли была торговля рабами. Рабы добывались различными средствами: пиратскими набегами, обращением в рабство военнопленных, вымениванием одной категории рабов на другую (например, на Балеарских островах карфагенские работорговцы за каждую женщину-рабыню получали 4—5 мужчин-рабов) Огромное количество рабов, сосредоточенное в руках карфагенских рабовладельцев, способствовало развитию эксплуатации рабского труда в ремесле и сельском хозяйстве. В карфагенском ремесленном производстве, однако, преобладал тип мелкой мастерской, в которой, по-видимому, вместе с несколькими рабами работал и сам хозяин. Наиболее широкое, массовое распространение труд рабов, как уже указывалось, получил в сельском хозяйстве.

Жрица карфагенской
богини Танит.
Рельеф крышки саркофага.
II в. до н. э. Мрамор.

Задачи эксплуатации огромных масс рабов и местного зависимого населения, стремление удержать в подчинении колонии и господствовать на море, наконец обострение классовых противоречий между богачами и малоимущими — всё это требовало создания крепкого государственного аппарата.

Карфаген по своему государственному устройству был рабовладельческой республикой ярко выраженного олигархического типа. Вся политическая власть находилась в руках крупнейших землевладельцев-рабовладельцев и богатых купцов. Во главе исполнительной власти стояли два суффета, которые ежегодно переизбирались и имели функции военачальников. Совет старейшин, обладавший законодательной властью, состоял из 300 членов, но для постоянной текущей работы из их числа выделялся комитет из 30 человек. Кроме того, существовал особый совет из 104 человек, который был, видимо, высшим судебным и контрольным органом. Народное собрание хотя и существовало в Карфагене, но большой политической роли не играло.

Карфагенская армия состояла в основном из наёмников и отрядов, поставляемых в армию зависимыми от карфагенян племенами (ливийцы, племена Испании). Сами карфагенские граждане занимали в ней лишь командные должности. Армия была прекрасно по тому времени вооружена, располагала боевыми слонами и осадными машинами. Но главной силой Карфагена был мощный военный флот, состоявший из пятидесятивесельных судов и обслуживавшийся хорошо обученными гребцами, которые набирались из рабов.

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, 1955, стр. 342.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Международные обзоры. Обзор первый. Соч., т. VIII, стр. 209.

Внутренняя политическая и социальная обстановка в Карфагене была весьма сложной. Карфагенянам не раз приходилось подавлять восстания зависимых местных племён и рабов. Так, например, после поражения, нанесённого карфагенским войскам в Сицилии Дионисием I, в Африке вспыхнуло восстание ливийцев, к которым присоединились карфагенские рабы. Карфагенскому правительству удалось подавить это восстание лишь с большим напряжением сил. Значительной остроты достигали иногда противоречия и в среде самого господствующего класса.

Первая Пуническая война

Столкновение между двумя недавними союзниками — Римом и Карфагеном — было неизбежным. Оно было обусловлено агрессивной, захватнической политикой обоих государств.

Подчинив себе всю Италию и превратившись таким образом в одно из крупнейших государств Западного Средиземноморья, Рим совершенно последовательно направил свои агрессивные устремления в сторону Сицилии — богатого и плодородного острова, который, по словам одного римского историка, представлял собой завидную добычу, находившуюся под рукой и как бы случайно оторванную от материка. Карфагеняне менее всего склонны были уступить римлянам господствующее положение на этом острове, которое было ими достигнуто ценой столь больших потерь и усилий в результате длительной и напряжённой борьбы с сицилийскими греками.

Конфликт, послуживший началом так называемой первой Пунической войны (римляне называли карфагенян пунийцами, отсюда и название войн — Пунические), произошёл в 264 г. до н. э. из-за сицилийского города Мессаны, захваченного мамертинцами — бывшими наёмниками сиракузского тирана Агафокла. В 264 г. новый правитель Сиракуз — Гиерон II, желая вернуть город, начал военные действия против мамертинцев, которые обратились за помощью одновременно к Риму и Карфагену. Между прибывшими в Сицилию римскими и карфагенскими войсками произошло столкновение, что и послужило поводом к войне.

Военные действия в Сицилии в начальный период войны развивались для римлян довольно успешно. Сиракузский тиран Гиерон перешёл на их сторону. В 262 г. при его поддержке римляне после полугодовой осады овладели одним из крупнейших городов Сицилии, находившимся в руках карфагенян,— Акрагантом. Это был серьёзный успех, но уже тогда римлянам стало ясно, что дальнейшая борьба с Карфагеном не может ограничиться действиями войск на суше и что необходимо создать свой собственный флот. Без выполнения этого условия все успехи римлян в сухопутной войне в значительной мере парализовались ответными действиями карфагенского флота, блокировавшего берега Сицилии и Южной Италии.

Это был поворотный момент в ходе войны и, в известной степени, в истории Римской республики. Аграрная страна, сильная своей крестьянской армией, должна была стать морской державой или отказаться от своих притязаний на руководящее положение в Западном Средиземноморье. С большим напряжением сил и при помощи греческих инструкторов римлянам удалось в чрезвычайно короткий срок создать флот из 120 больших военных кораблей. Плохо ещё владея техникой морского боя, римляне ввели остроумное техническое приспособление, которое обеспечило им в дальнейшем перевес в морских сражениях. Это были так называемые «вороны» — абордажные мостики, снабжённые острым крюком. При сближении с вражеским кораблём мостик перекидывался на его палубу, корабль лишался возможности маневрировать, и римские легионеры, перебежав по мостику, могли вступить в бой на палубе вражеского корабля в более привычной для себя обстановке, т. е. как на суше.

Уже в 260 г. молодой римский флот одержал свою первую победу при Липарских островах. В честь этой победы в Риме была воздвигнута мраморная колонна, украшенная носами захваченных карфагенских кораблей (ростральная колонна). Сохранился отрывок надписи с этой колонны, где перечисляется количество взятых и уничтоженных неприятельских кораблей. Окрылённые этими успехами, римляне в 256 г. пред-

приняли экспедицию в Африку, чтобы овладеть самим Карфагеном. Сначала дела их шли блестяще. Консул Регул, командовавший римской армией, нанёс карфагенским войскам ряд поражений и занял несколько городов. Дело дошло до того, что карфагеняне вынуждены были просить мира. Однако Регул, твердо уверенный в своей победе, не только выдвинул неприемлемые условия мира, но и отпустил часть своего войска домой, в Италию. Карфагеняне воспользовались этим и при помощи греческих наёмников сумели нанести римской армии сокрушительное поражение. Консул Регул был взят в плен, а римский флот с остатками разбитой армии попал на обратном пути в сильный шторм и почти целиком погиб.

Неудача африканской экспедиции затянула войну. Военные действия опять сосредоточились на территории Сицилии и шли с переменным успехом. В 251 г. римляне одержали крупную победу под Панормом, после которой карфагенянам пришлось очистить почти всю Сицилию. Но вскоре командование карфагенскими войсками в Сицилии перешло в руки талантливого полководца Гамилькара Барки, который, опираясь на прибрежные города, оставшиеся под властью карфагенян, и на превосходство карфагенского флота, сумел оказать римлянам долголетнее активное противодействие. Снова судьба войны решалась на море: римлянам снова пришлось создавать сильный флот, и в 241 г. этот вновь созданный флот одержал победу над карфагенянами при Эгатских островах (у западного побережья Сицилии).

Карфаген, истощённый 23-летней войной, вынужден был просить мира. Так как силы римлян тоже были почти почерпаны, то римский сенат охотно пошёл на заключение мира. По мирному договору 241 г. карфагеняне уплачивали Риму крупную контрибуцию и уступали Сицилию, которая, таким образом, стала, за исключением территории, оставленной за Гиероном, первым внеиталийским владением Рима — первой римской провинцией. Вскоре римляне, пользуясь ослаблением своего противника и тем, что в Карфагене вспыхнуло восстание наёмников и рабов, вопреки условиям мирного договора захватили также Корсику и Сардинию.

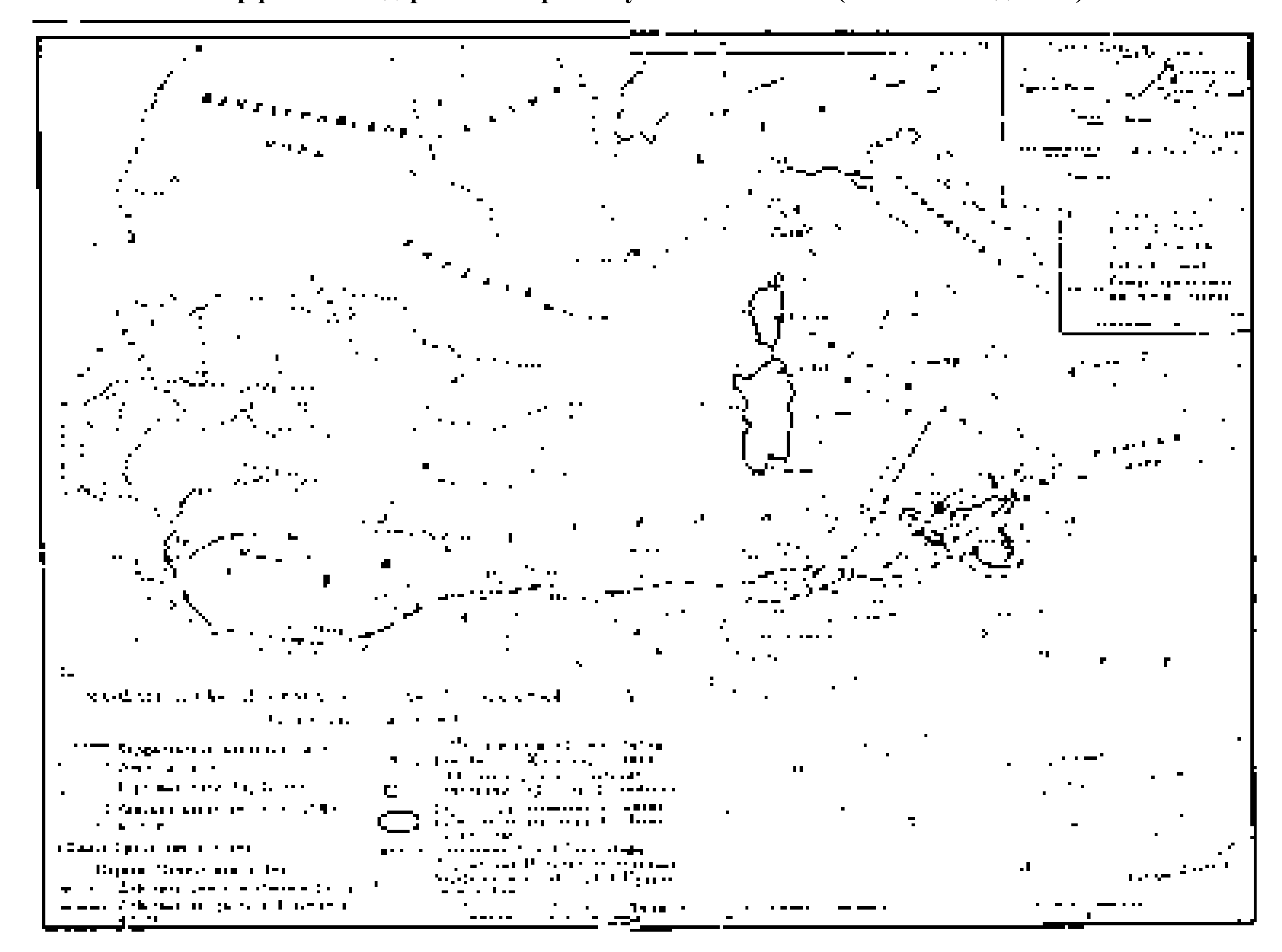
Первая Пуническая война кончилась победой Рима, но основной вопрос — вопрос о политическом и экономическом господстве в Западном Средиземноморье остался нерешённым. Военно-политическое значение, а тем более экономическая мощь Карфагена отнюдь не были сломлены, соперничество двух крупнейших государств Западного Средиземноморья не прекратилось. При таких обстоятельствах новое военное столкновение было неизбежно.

Последствия первой Пунической войны для Рима

Экономические и политические последствия первой Пунической войны были для Рима весьма существенны. В результате войны в римском обществе произошли значительные перемены. Росло рабовладельческое хозяйство Рима, чему содействовал приток рабов-военнопленных, развивалась торговля, значительно расширилось денежное обращение. Победа над Карфагеном укрепила положение римского нобилитета, но наряду с ним выдвинулись и торгово-денежные круги римского рабовладельческого общества — так называемые всадники, — вскоре выступившие с самостоятельными политическими требованиями. В тяжёлом положении после войны оказалось римское крестьянство. Людские потери, материальные расходы легли в основном на сельское население. Колонизационные мероприятия, способные несколько ослабить остроту аграрного вопроса, в годы войны проводиться не могли. После войны переселение в разорённую войной Сицилию было не под силу крестьянам, и этой вновь завоёванной территорией воспользовался преимущественно нобилитет. Развитие классовой борьбы в Риме после первой Пунической войны приводит, с одной стороны, к новым политическим выступлениям плебса, к дальнейшей демократизации государственного аппарата и к росту удельного веса всадников в политической жизни — с другой.

Очевидно, ещё в 241 г. в Риме была проведена реформа пентуриатного устройства. Теперь каждый имущественный класс выставлял 70 центурий, по две на каждую

Карфагенская держава и первая Пуническая война (264—241 гг. до н. э.)



из 35 триб. При таком распределении центурий привилегии первого класса, существовавшие со времён реформы Сервия Туллия, уничтожались, и исход голосования теперь решался суммой голосов уже не одного, а трёх имущественных разрядов.

В 232 г. до н. э. народный трибун Гай Фламиний, идя навстречу интересам сельского большинства комиций, выступил с предложением вывести колонии в плодородную, удобную для крестьянских переселенцев область, граничащую с Цизальпинской Галлией. Несмотря на противодействие сената, предложение Фламиния прошло в народном собрании. Была создана специальная аграрная комиссия из трёх человек во главе с самим Фламинием, приступившая к организации колоний. Однако эта политика привела к войне с галлами, которые вторглись в Северную Этрурию (225 г.). Римлянам удалось разгромить галльское войско и занять область галльских племён бойев и инсубров.

Фламиний выражал интересы не только римского крестьянства, но и усиливавшихся торгово-денежных кругов городского населения — всадников. Именно в их интересах (при поддержке Фламиния) был проведён в 220 г. народным трибуном Клавдием закон, запрещавший сенаторам и их сыновьям владеть крупными торговыми судами и ограничивавший тем самым торговые операции нобилитета. Нобили оказались вынужденными вкладывать свои средства только в сельское хозяйство, тогда как торговля и денежные операции становились сферой деятельности всадников. Бесспорно, что растущая экономическая мощь и политическая активность всадничества сыграли важную роль в подготовке нового военного столкновения с Карфагеном.

Карфаген после первой Пунической войны

В Карфагене сразу же после окончания первой Пунической войны вспыхнуло крупное восстание, которое продолжалось три года (241—238). Обычно его называют восстанием наёмников и связывают с поражением Карфагена в войне. На самом же деле причины восстания коренились глубже, социальная база восстания была значительно шире: наряду с деклассированными наёмниками в нём принимало участие местное угнетённое население, обложенное к концу войны непосильными налогами.

Общее число восставших достигало 40 тыс. человек. Вся территория вне города оказалась в их руках, и только мощные укрепления Карфагена дали ему возможность выдержать осаду. Успехи восставших заставили карфагенскую олигархию принять решительные меры. Руководство военными действиями против восставших было поручено Гамилькару Барке, которому жестокими мерами, а частично путём уступок и переговоров удалось подавить это крупное восстание.

После подавления восстания Гамилькар Барка приобрёл в Карфагене исключительное влияние. Он, видимо, опирался на широкие круги средних рабовладельцев и торговцев, но карфагенская олигархия — крупные рабовладельцы — относилась к нему ревниво и недоверчиво: популярность Гамилькара и усиление его влияния грозили поколебать её политическое преобладание. После поражения в войне с Римом карфагенская аристократия вообще была склонна к ведению более осторожной внешней политики. Гамилькар же отражал интересы тех слоев карфагенского общества, которые считали новое столкновение с Римом неизбежным и стояли за деятельную подготовку к нему.

Чтобы создать плацдарм для этой будущей войны, а также вознаградить Карфаген за потерю Сицилии, Гамилькар начал завоевание Испании, где ряд городов и опорных пунктов на южном побережье страны, как уже упоминалось выше, издавна принадлежал карфагенянам.

Гамилькар высадился со своим войском в Испании в 237 г. до н. э. В течение девяти лет ему удалось, несмотря на отчаянное сопротивление иберийских племён, покорить значительную часть Испании, но в 228 г. он был убит в одном из сражений.

Преемник Гамилькара, его зять Гасдрубал, продолжал завоевание Испании. При нём на юго-восточном побережье был основан город Новый Карфаген, скоро ставший главным опорным пунктом карфагенян в Испании. В окрестностях города началась разработка серебряных рудников, дававших огромные доходы. Часть их отсылалась Гасдрубалом в Карфаген, другая часть шла на создание и расширение наёмной армии.

Успехи карфагенян в Испании вызывали большую тревогу в Риме, но, занятые в эти годы борьбой с галлами, римляне не могли им противодействовать. Они добились лишь заключения договора с Гасдрубалом (226 г.), согласно которому карфагеняне не должны были продвигаться за Ибер (Эбро). Но это означало, что к юго-западу от Ибера, т. е. в большей части Испании, за карфагенянами признавалась полная свобода действий.

В 221 г. Гасдрубал был убит одним из местных уроженцев. Его преемником стал двадцатишестилетний сын Гамилькара Барки — Ганнибал.

Ганнибал, один из величайших полководцев древности, несомненно, был выдающейся личностью. Он обладал также незаурядными способностями политического деятеля и дипломата. Намеченный им план борьбы с Римом был не только военным планом, но и политической программой, рассчитанной на использование противоречий между Римским государством и покорёнными им италийскими общинами. Следует также отметить, что Ганнибал был прекрасным организатором и, по свидетельству древних историков, пользовался исключительным авторитетом и популярностью в своих войсках.

Став главнокомандующим, Ганнибал продолжал в Испании политику Гамилькара и Гасдрубала. Единственным непокорённым городом в юго-западной части Испании оставался Сагунт. Римляне направили к Ганнибалу специальное посольство, предлагая воздержаться от враждебных действий в отношении Сагунта. Прекрасно понимая, что захват Сагунта приведёт к неизбежному конфликту с Римом, Ганнибал тем не менее осадил и после восьмимесячной осады взял этот город. В результате весной 218 г. началась вторая Пуническая война, которую многие древние историки называли «Ганнибаловой войной».

Римлянами был намечен следующий план ведения военных действий. Наличные силы армии и флота делились, как обычно, между двумя консулами 218 г.: один из них должен был сосредоточить свои войска в Сицилии и, совершив оттуда переправу в Африку, начать военные действия на территории врага, в непосредственной близости от самого Карфагена. Другой консул должен был со своими войсками переправиться в Испанию и сковать там армию Ганнибала. Однако энергичные, проведённые в быстром темпе, ответные действия Ганнибала опрокинули эти расчёты и отодвинули реализацию стратегического плана римлян на несколько лет.

Весной 218 г. армия Ганнибала, насчитывавшая 80 тыс. пехотинцев, 12 тыс. всадников и 37 боевых слонов, выступила в поход. Маршрут похода пролегал по южному побережью Испании и Галлии. Когда карфагеняне, перейдя через Пиренеи, подошли к реке Родан (Рона), стало ясным намерение Ганнибала вторгнуться в Италию с севера. k

до этого покорённой римлянами, карфагенскому полководцу удалось дать отдых своей измученной армии и значительно пополнить её за счёт отрядов местных племен.

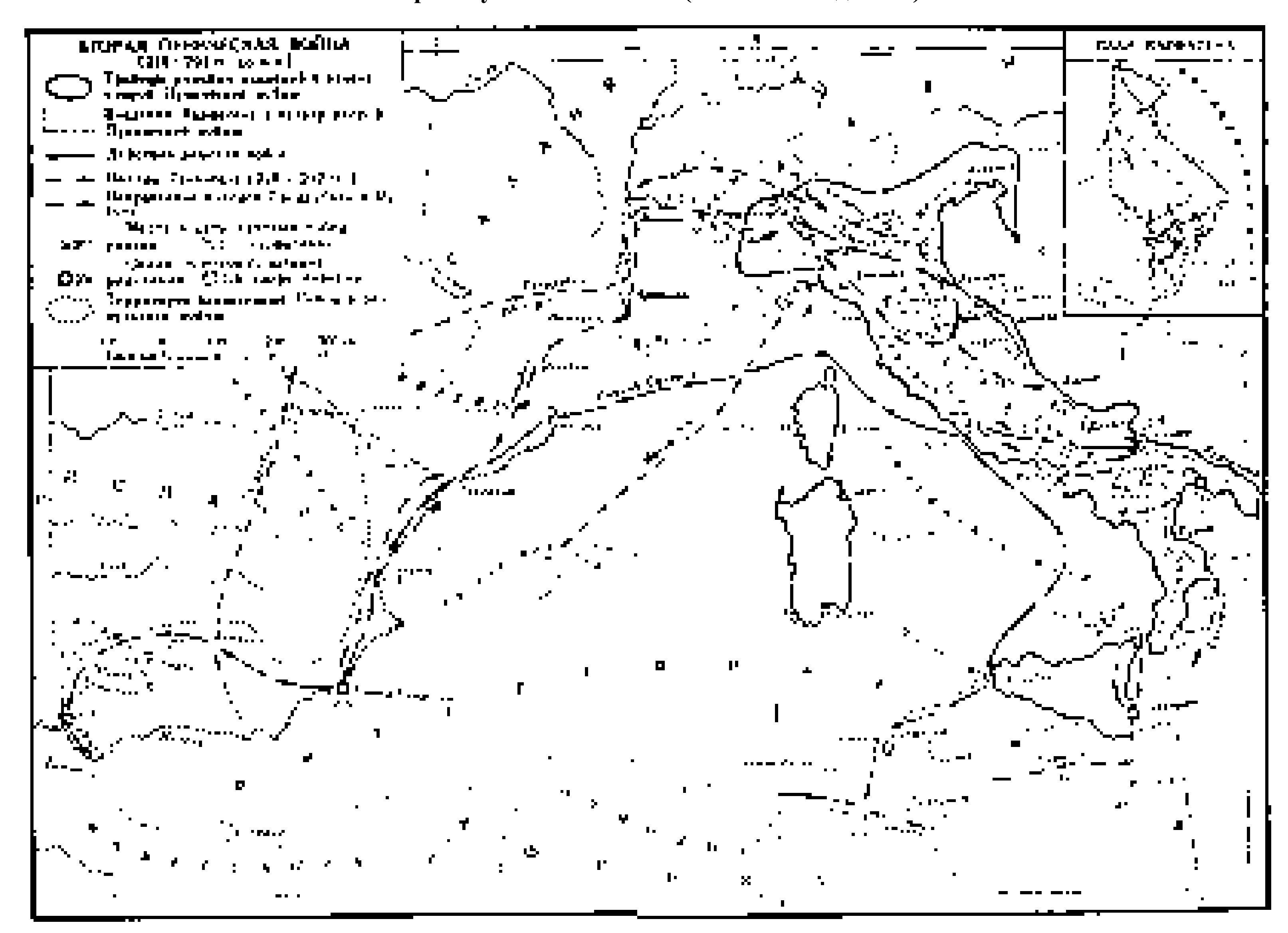
Первые столкновения с римлянами произошли в конце 218 г. у рек Тицина и Требии, притоков реки Пад. В обоих сражениях римляне потерпели поражение. Вся Цизальпинская Галлия оказалась под контролем Ганнибала. Весной следующего года Ганнибал двинул своё войско в Северную Этрурию. Избранный консулом в 217 г. Гай Фламиний, герой недавних войн с галлами, ожидал встречи с Ганнибалом на сильно

Вид Тразименского озера.

укреплённых позициях у города Арреция. Однако Ганнибал не хотел терять времени и сил на атаку укреплённых позиций и потому двинулся в обход Арреция по местности, считавшейся непроходимой в это время года вследствие разлива реки Арно. Три ночи и четыре дня шла карфагенская армия по болотам, иногда по грудь в воде. Отдыхали на трупах павших животных, сам Ганнибал ехал на единственном уцелевшем слоне. Тем не менее цель перехода была достигнута: Ганнибал обошёл позиции Фламиния и вышел на дорогу, ведущую к Риму.

Узнав о манёвре Ганнибала, Фламиний немедленно бросил все свои силы на преследование карфагенской армии. На рассвете римское войско без предварительной разведки стало втягиваться в узкое дефиле, образуемое северным берегом Тразименского озера и окрестными холмами. Здесь Ганнибалом была подготовлена засада, и, когда основные силы римлян втянулись в долину, со всех холмов по условному знаку Ганнибала начали спускаться карфагенские отряды. Развернувшийся бой скорее походил на массовое избиение римлян, чем на обычное сражение. В узкой долине

Вторая Пуническая война (218—201 гг. до н. э.)



римляне не смогли развернуть своих боевых порядков и, окруженные неприятелем, метались в растерянности, многие бросались в озеро и тонули. Почти вся армия Фламиния и он сам погибли в этой битве.

В Риме, когда туда пришла весть о разгроме у Тразименского озера, началась паника. С часу на час ждали появления вражеской армии у ворот города. Сенат объявил чрезвычайное положение. Квинт Фабий Максим был назначен диктатором. Мосты через Тибр были уничтожены, спешно чинились укрепления.

Но Ганнибал не пошёл на Рим, а направил свою армию через Умбрию и Пицен к побережью Адриатического моря. Он понимал, что взятие Рима требует длительной осады и что такую осаду рискованно вести, имея в тылу ещё не завоёванную Италию. Кроме того, после удачного опыта с привлечением на свою сторону галлов он имел основание рассчитывать на поддержку, а может быть, и на восстание населения Средней и Южной Италии против власти Рима. Поэтому Ганнибал, опустошая на своём пути поля и хозяйства римских граждан, щадил владения италиков, а пленных из их числа отпускал без выкупа.

Ставший теперь во главе римских войск, пополненных новым набором, диктатор Квинт Фабий Максим учёл опыт трёх проигранных сражений. Сознавая, что карфагеняне сильнее римлян в полевой войне, в открытом бою, он перешёл к тактике изматывания противника. Уклоняясь от решительных сражений с главными силами Ганнибала, он следовал за ним по пятам, нападал на отдельные отряды и, уничтожая продовольственные запасы, затруднял снабжение карфагенской армии. Однако эта тактика не пользовалась популярностью и поддержкой населения, в первую очередь крестьян, которым затяжная война и пребывание вражеской армии на территории Италии несли полное разорение.

Поэтому диктаторские полномочия Фабия Максима, прозванного Кунктатором (Медлителем), не были продлены, и на 216 г. консулами были избраны Луций Эмилий Павел и Гай Теренций Варрон. Варрон, будучи выразителем интересов римского крестьянства, стал ярым сторонником решительного ведения война и обещал положить ей конец в тот же день, как увидит врага.

Битва при Каннах. Перелом в ходе войны

В июне 216 г. произошло знаменитое сражение при Каннах, маленьком городке в Апулии. Римляне располагали перед этим сражением армией, состоявшей из 80 тыс. пехотинцев и 6 тыс. всадников. Пехота Ганнибала насчитывала всего 40 тыс. воинов, зато он имел количественный и качественный перевес в коннице (14 тыс. всадников).

Римские войска вышли в поле и построились в боевой порядок, в центре которого расположилась вся основная масса тяжеловооружённой пехоты. Глубина построения достигала 70 рядов. Конница была расположена на флангах. Ганнибал построил свои войска в форме полумесяца, обращённого своей выпуклой стороной к противнику. В центре построения находился 20-тысячный отряд галльской и иберийской пехоты. Это были наименее стойкие части. Лучшая часть пехоты, состоявшая из ливийцев, была расположена на флангах и несколько отодвинута назад. Оба конца полумесяца замыкались отрядами всадников.

Как и рассчитывал Ганнибал, римляне атаковали центр его расположения. Под давлением превосходящих сил противника отряд галлов и иберов начал отходить. Продолжая теснить противника, римская пехота втягивалась в глубину расположения его войск. В это время карфагенская конница устремилась в тыл наступающей римской пехоты. Римляне прекратили наступление, задние шеренги вынуждены были повернуться, чтобы защищать себя от внезапного нападения. Справа и слева в атаку на римлян ринулись отборные части ливийской пехоты.

Римская армия, несмотря на своё численное превосходство, попала в полное окружение. Ряды римлян смешались, началась паника. Разгром был неслыханным: римляне потеряли на поле боя 54 тыс. человек убитыми; 18 тыс. человек было взято карфагенянами в плен. Между тем Ганнибал потерял всего 6 тыс. человек. Битва при

Каннах уже в древности считалась непревзойдённым образцом военного искусства. Название «Канны» впоследствии стало применяться ко всякому крупному бою, приведшему к окружению и полному разгрому войск противника.

Победа Ганнибала под Каннами имела широкий отклик. На сторону Ганнибала стали переходить одна за другой общины Южной Италии. От римлян отпала большая часть Самния, Бруттия, значительная часть Лукании. В Кампании, куда Ганнибал направился после битвы при Каннах, на его сторону перешли Капуя и ряд соседние с нею городов.

Успехи Ганнибала были оценены и за пределами Италии. Македонский царь Филипп V предложил ему союз и военную помощь. В Сицилии на сторону Ганнибала перешли Сиракузы, и римляне рисковали потерять весь остров. Даже карфагенское правительство, которое до сих пор с тревогой следило за успехами Ганнибала и не оказывало ему никакой помощи, боясь, очевидно, его растущей популярности, теперь обещало прислать подкрепления.

Битва при Каннах была кульминационным пунктом успехов Ганнибала. В то же время это была последняя его крупная победа. После неё начался перелом в ходе войны в пользу римлян.

Это объясняется тем, что военные действия затянулись и все успехи Ганнибала не могли решить исход войны в целом. Стратегическая обстановка складывалась отнюдь не в его пользу. Решающее значение имела для Рима верность Центральной Италии, откуда римляне и черпали свои основные резервы. Не менее роковую для Ганнибала роль сыграла близорукая политика карфагенского правительства, в результате которой карфагенская армия, находившаяся на вражеской территории, не имела регулярных связей со своей метрополией, была лишена источников пополнения материальными и людскими резервами. Таким образом, получилось, что Ганнибал и его армия имели против себя не только неприятельскую армию, но фактически вступили в единоборство с целой системой, которую нельзя было уничтожить в результате того пли иного выигранного сражения. II, наконец, римская армия, состоявшая не из наёмников, а из свободных граждан, была в моральном отношении несравненно сильнее и надёжнее наёмной армии Ганнибала.

Наученные горьким опытом предшествующих лет, римляне после поражения при Каннах действовали неторопливо и осторожно. По существу, они вели дальнейшие военные действия на основе тактики, разработанной ещё Фабием Максимом. В самой Италии они тщательно избегали столкновений с главными силами врага, ограничиваясь обороной сохранившейся за ними территории и изматыванием сил противника. Этот метод ведения борьбы оказался настолько эффективным, что уже в скором времени дал возможность римлянам приступить к реализации их стратегического плана, составленного в самом начале войны, и перенести центр тяжести военных действий за пределы Италии.

Успехи римлян. Поражение Ганнибала

В Сицилию были направлены крупные военные силы, приступившие к осаде Сиракуз. После полуторагодовой осады Сиракузы пали (211 г.), и Сицилия снова стала римской. В Испанию был послан молодой талантливый полководец Публий Корнелий Сципион, получивший впоследствии прозвище Африканский. После упорной борьбы с оставшимися здесь карфагенскими войсками он овладел основной базой карфагенян в Испании—городом Новый Карфаген (209 г.), используя поддержку местных иберийских племён, ненавидевших своих поработителей.

Римляне перешли к более активным действиям и в самой Италии. Началась осада Капуи. Город не сдавался, надеясь на помощь Ганнибала. Стремясь отвлечь силы римлян из их осадных укреплений, Ганнибал предпринял свой единственный за всё время войны поход на Рим. Он рассчитывал, что римские войска снимут сами осаду Капуи и устремятся вслед за ним на выручку своей столицы. Но римляне на этот раз разгадали очередную военную хитрость Ганнибала: осада Капуи продолжалась, а

когда карфагеняне подошли к Риму, они увидели, что город готов к долговременной обороне. Постояв некотором время в виду Рима, Ганнибал отошёл, опустошив окружающую местность. Вскоре после этого пала осаждённая римлянами Капуя (211 г.).

Положение Ганнибала после этих неудач становится критическим. В настроении италиков происходит резкий перелом: город за городом, община за общиной возвращаются под власть Рима. Не получив от карфагенского правительства обещанных подкреплений, Ганнибал прибегает к последнему средству: просит своего брата Гасдрубала привести ему на помощь карфагенские войска, оставшиеся в Испании. Гасдрубалу удаётся, повторив переход брата через Альпы, вывести свои войска в Северную Италию, но здесь он был встречен превосходящими силами римской армии я наголову разбит. У Ганнибала была отнята последняя надежда выиграть войну.

В 205 г. по инициативе Сципиона, вернувшегося из Испании, началась реализация последнего звена стратегического плана римлян — подготовка похода в Африку. Этот поход был логическим завершением уже фактически выигранной войны. Когда римские войска под командованием Сципиона появились в Северной Африке, карфагенское правительство спешно вызвало на помощь Ганнибала. Не потерпев ни одного поражения за пятнадцатилетнее пребывание в Италии, Ганнибал вынужден был теперь оставить её и тем самым признать крах всего похода.

Весной 202 г. в сражении при местечке Зама (южнее Карфагена) Ганнибал был разбит в первый и последний раз в своей жизни. Решающую роль в победе над Ганнибалом сыграла нумидийская конница, возглавленная царём Масиниссой, перешедшим на сторону римлян.

В следующем году был подписан мирный договор. Его условия были тяжёлыми и унизительными для карфагенян. Они теряли все свои заморские владения, в том числе и Испанию, им запрещалось вести войны даже с соседними племенами без разрешения римского сената. Кроме того, Карфаген должен был выплатить огромную контрибуцию (10 тыс. талантов) и выдать римлянам весь свой военный флот и боевых слонов.

Так окончилась вторая Пуническая война, которая привела к краху колониальной державы Карфагена и окончательно сломила его военно-политическую мощь. Для Рима победа в этой войне имела огромные последствия. Из крупного италийского государства Рим превращается теперь в могущественную рабовладельческую державу, которая после вытеснения Карфагена оказывается на положении безусловного гегемона всего Западного Средиземноморья.

После окончания второй Пунической войны начинается новый период римской экспансии: проникновение римлян в страны эллинистического Востока. Это проникновение облегчалось сложным международным положением эллинистических государств и их внутренним кризисом.

3. Социальный и политический кризис эллинистических государств

Конец III в. до н. э. представляет известную грань в социально-экономической истории эллинистических государств. Процесс развития рабовладения во всём Средиземноморье принимает с этого времени ещё более интенсивный характер. Всё чаще практикуется массовое обращение людей в рабство, ограбление городов и сельских местностей, беспощадные расправы с мирным населением. Так, вторжение этолийцев (около 240 г. до н. э.) в Лаконику сопровождалось уводом в плен и порабощением 50 тыс. человек; взятие Мантинеи привело к поголовному порабощению её населения (223 г. до н. э.). Во II в. до н. э. ещё большее, чем раньше, значение получает пиратство. Пираты захватывали и продавали в рабство множество людей. На вершине Тавра находилась крепость Олимп, убежище пирата Зеникета, в Сирии город Гиндар был настоящим разбойничьим гнездом. Такой же репутацией поль-

зовалась гавань Яффы. Крупные прибрежные города (например, Арвад в Северной Финикии) вступали в сношения с пиратами и действовали совместно с ними. В Сирии арабы, жившие в горах, и итуреи совершали набеги на земледельцев долин. Пиратство на море и разбой на суше при наличии большого спроса на рабов превращались в профессию, приносившую громадные выгоды.

Всё яснее намечался путь, по которому пошло развитие рабовладельческих обществ в последующие два века. В этом отношении огромное значение имело появление на международной арене Рима. Римские завоевания и политика Рима на Востоке во II—I вв. дон. э. определялись в значительной мере условиями экономического развития Италии и интересами римской рабовладельческой олигархии. Хотя временами Рим и применял в своих политических целях меры против пиратов, но это не мешало ему способствовать дальнейшему росту пиратских захватов и торговли людьми. Цари эллинистических государств Малой Азии— Вифинии, Понта, Каппадокии и др.— сами продавали в рабство своих и чужих лаой, широко используя этот источник дохода. Число рабов, вывозимых на Запад, быстро увеличивается, цены на них снижаются, эксплуатация их становится исключительно жестокой. Главным средоточием работорговли становится во II в. остров Делос.

В то время как в Риме развитие рабовладения привело к расцвету рабовладельческого хозяйства, общее экономическое положение восточно-эллинистических стран во II в. сильно ухудшилось. Упадок сельского хозяйства и ремесла, признаки которого появились уже в конце III в., постепенно становится всё более заметным. Особенно отчётливо и детально его освещают законодательные документы и документы хозяйственной отчётности птолемеевского Египта.

Положение Египта во II—I вв.

Сложившаяся и законодательно оформленная в период наибольшего экономического подъёма Египта податная система лишала египетских крестьян и ремесленников какой-либо заинтересованности в труде. Прогрессирующий рост налогов и сборов приводил к столкновениям между земледельцами, с одной стороны, и землевладельцами и царскими чиновниками—с другой, а также к столкновениям между ремесленниками и откупщиками мастерских. По-видимому, уже во второй половине III в. до н. э. начинают сокращаться размеры производства, как в сельском хозяйстве, так и в ремесле, но результаты этого процесса отразились лишь в документах более позднего времени. Так, инструкция эконому, составленная в правление Птолемея Филопатора (вскоре после 217 г. до н. э.), предписывает эконому следить за тем, чтобы вся земля была засеяна, своевременно выявлять незасеянные и плохо засеянные площади, заботиться о том, чтобы в номе использовались все станки в ткацких мастерских и прессы в маслодельнях и вырабатывался продукт требуемого качества; неиспользованный инвентарь надлежало собирать на царские склады. Таким образом, можно говорить о появлении пустующих земель и неполной загрузке ремесленных мастерских уже в конце III в.

К концу II в. до н. э. упадок земледелия достигает значительных размеров. Дошедшие до нас подробные поземельные описи и другие документы из Фаюма говорят об упадке хозяйства на государственной земле; растёт площадь бездоходных земель, уменьшается в среднем арендная плата с обрабатываемых участков, что свидетельствует, впрочем, вовсе не об улучшении положения земледельцев, а лишь о сокращении доходов казны. Так, например, в деревне Керкеосирис площадь земли, приносившей доход в царскую казну, по данным этих описей, за полвека уменьшилась наполовину.

Земли, не приносившие дохода, были различного рода: песчаные, недостаточно орошённые и приближающиеся по характеру к пустыне или, наоборот, подвергавшиеся затоплению. Из данных описей видно, что часто впусте лежали и плодородные земли с высокой арендной платой. Состояние ирригационной системы ухудшалось, повреждения каналов и плотин не исправлялись. Попытки правительства уменьшить

площадь пустующих земель путем раздачи этих участков военным колонистам и применения принудительной аренды или бессрочной аренды на льготных условиях не имели успеха.

Помимо уменьшения площади царских земель в связи с запустением, площадь их суживалась и за счёт роста уступленных земель. В документах II и I вв. до н. э. не встречается упоминаний о дарственных имениях, аналогичных имениям диойкета Аполлония при Птолемее II, но значительно большее распространение получают другие категории частновладельческих земель, принадлежащих греко-македонской и египетской знати, жречеству, клерухам. Во II и I вв. идёт дальнейшее упрочение их владельческих прав на землю. Однако состояние земледелия на уступленных землях было немногим лучше, чем на царских землях: и на этих землях увеличивалось число запущенных участков, не приносивших дохода.

Главная причина упадка земледелия заключалась в бегстве царских земледельцев из комы, результатом чего оказался недостаток рабочей силы. Уход с места жительства и работы (анахоресис) во II в. до н. э. стал массовым явлением. Не случайно заметное снижение дохода с царской земли совпадает с началом ожесточённой гражданской войны в 131 г.

В ремесленном производстве также заметны следы упадка: бремя налогов и произвол чиновников нередко приводили к конфискации инвентаря и полному разорению ремесленника. Сокращение объёма производства, несомненно, должно было отразиться и на состоянии торговли. Суживается внутренняя торговля, падает вывоз. Торговле внутри Египта мешали частые восстания и династические распри. Иногда царская администрация запрещала вывоз продуктов из нома в какое-либо другое место, кроме Александрии. С потерей Келесирии, Финикии и Палестины и торговых караванных путей в Южную Аравию упала роль Египта и в посреднической торговле.

Экономический упадок сказался прежде всего в царском хозяйстве: понижается его удельный вес и значение в экономике Египта, уменьшается количество царских земель, нарушается нарекая монополия в ремесленном производстве. Если при первых трёх Птолемеях государство с целью извлечения больших доходов заботилось о расширении ирригационной системы, об освоении новых земель, о военной колонизации, развитии сельского хозяйства, ремесла и торговли, то теперь правительство Птолемеев было уже не в силах проводить подобные мероприятия, и его деятельность в области экономики стала сводиться преимущественно к фискальным и полицейским функциям.

Соответственно изменяется и административная структура. Значительно расширяются полномочия стратега: помимо распоряжения администрацией, клерухами и полицией в номе он ведает во II в. до н. э. финансами и податной системой. Должность эконома теперь делится на две: один эконом ведает денежными доходами, другой— натуральными поступлениями. Заметно увеличивается роль полицейского аппарата, что является дополнительным свидетельством обострения классовой борьбы в Египте.

Вместе с тем растёт значение частного хозяйства и власть местной бюрократии. О независимости местного чиновничества от центральной власти говорят такие факты, как появление института покровительства: население, страдающее от поборов и злоупотреблений местной администрации, прибегает к защите какого-либо более крупного чиновника. Злоупотребления властью приняли к концу II в. такие масштабы, что египетские цари вынуждены были издавать специальные предписания об охране личности и имущества царских земледельцев и ремесленников царских монополий от посягательств местной администрации.

Царство Селевкидов во II—I вв.

Сильнейшие изменения претерпели во II—I вв. до н. э. территория и население царства Селевкидов. Ещё в III в. отпали Парфия и Бактрия, центр тяжести экономической и политической жизни переместился на запад, в Сирию. После войны с Римом навсегда была потеряна Малая Азия, после 129 г. до н. э. — Междуречье и Иудея.

Образец папируса с греческим текстом на одной стороне и демотическим — на другой.
Податной список 48 г. н. э.

Все эти перемены не могли не отражаться на внутреннем положении государства. Пути восточной торговли продолжали сохранять огромное значение, но Селевкиды их уже не контролировали. Громадные расходы, связанные с войнами конца III — II вв. до н. э., приводили к финансовым затруднениям. Попытки Селевкидов использовать храмовые сокровища вызывали конфликты с населением (Антиох III погиб в Элимаиде в результате одной из таких попыток). Неудачной оказалась также и политика насильственной эллинизации подвластных территорий. В Иудее Антиох IV разрушил храм, поместил в Иерусалиме гарнизон, запретил местные культы. Но подобные мероприятия лишь способствовали росту недовольства народной массы. С другой стороны, усиливаются стремления полисов, на которые ориентировались в своей политике Селевкиды, к независимости от монархии. В середине II в. до н. э. совершенно ясно обозначился тот факт, что социальная опора Селевкидов становится всё менее прочной: представители этой династии вынуждены были вес чаще искать поддержки в наёмных войсках и с их помощью лавировать в острых столкновениях противоречивых интересов и в сложной игре внешних сил, всё настойчивее вмешивавшихся во внутренние дела царства.

Положение Македонии и греческих полисов

Сведения о состоянии экономики Македонии во II—I вв. чрезвычайно скудны. Известно лишь, что в конце III — начале II в. пустовало, по-видимому, значительное количество земли, так как Филипп V широко проводил переселение на пустующие земли фракийцев и наделение их землёй. Приток рабов в результате захватнических войн македонских царей не мог не содействовать дальнейшему развитию рабовладения.

Во II—I вв. ухудшается экономическое положение многих полисов Малой Азии, островов и материковой Греции. Всё резче обозначается в Элладе противоположность между незначительным обеспеченным и привилегированным меньшинством, богачами, которые держали во многих городах управление в своих руках, и жившей в нужде широкой массой городского населения. Оплата ремесленного труда, насколько можно судить по данным делосских надписей, была сравнительно низкой (в среднем от 2 до 4 оболов в день), тогда как цена на пшеницу поднялась по сравнению с IV в. вдвое. Тяжёлое положение бедноты в городах побуждало городское управление к продаже хлеба по низким ценам или даже к бесплатной раздаче его; эта мера была вызвана глубокой нуждой, несоответствием оплаты труда прожиточному минимуму.

Развитие классовой борьбы в эллинистических государствах во II—I вв. до н. э.

Экономический упадок эллинистических государств и связанное с ним ухудшение материального положения широких масс населения вызвали крайнее обострение социальных противоречий.

II—I века до н. э. были для эллинистических государств временем напряжённой классовой борьбы. Борьба шла в отдельных государствах в различных условиях, социальные группы, участвовавшие в ней, выступали с различными лозунгами, но все эти движения представляли собой проявление общего для всех эллинистических государств социального и политического кризиса.

Развитие рабовладения не могло не отразиться на формах классовой борьбы. II—I века— это время великих массовых движений рабов во всём рабовладельческом мире Европы и Передней Азии. Восстание в одном месте находило отзвуки в других местах. «Все эти различные пожары,—писал много веков спустя христианский писатель Орозий, используя более ранние источники, — возникли словно сверкающие искры от того первого трута, которым началось это бедствие». Достаточно было движению начаться, чтобы оно развивалось с необычайной силой и быстротой. Рабы в городах готовы были присоединиться к движению рабов в сельских местностях. Малоимущие свободные—демос «не только не сочувствовал богатым рабовладельцам, — сообщает историк Диодор Сицилийский, — но, напротив, радовался, так как завидовал неравномерному распределению богатств и неравенству поло-

жения». Невиданный размах рабских восстаний II—I вв., ожесточенность борьбы, своеобразные формы организации восставших ясно свидетельствуют о глубоких сдвигах в структуре рабовладельческого общества.

Однако дело не ограничилось выступлениями рабов: на Востоке одновременно происходят движения эксплуатируемой широкой массы лаой, в городах кипит борьба между богатыми и бедными. В Египте уже в 40-х годах III в. начались открытые массовые восстания, которые продолжались с перерывами до конца правления Птолемеев. В социальных движениях принимают участие различные слои населения: царские земледельцы, ремесленники царских монополий, воины низших разрядов и другие представители беднейших слоев населения. Эти движения были в основном направлены против «эллинов».

Многие буржуазные историки считали, что в Египте вождём и союзником широких масс в их восстаниях против угнетателей было могущественное египетское жречество. Однако данные источников показывают, что жрецы были безусловными противниками этого движения. Так, Розеттская надпись, составленная жрецами в честь Птолемея V Эпифана, проникнута ненавистью к «отступникам» и «безбожникам», которых победил воплощённый Гор—Птолемей. Таким образом, расстановка социальных сил в Египте рисуется в общем следующим образом: «эллины» и жрецы на одной стороне, народные массы—на другой.

Покровительство, оказываемое Селевкидами «эллинам», и политика насильственной эллинизации сравнительно отсталых и обособленных областей вызывали массовые движения местного населения против Селевкидов. Особенно упорный характер это движение приняло в Иудее. Города на территории государства Селевкидов также являются ареной ожесточённой борьбы, нередко заканчивавшейся кровавой расправой наёмников с населением.

В полисах Греции уже с конца III в. борьба богатых и бедных всё чаще приводила к политическим переворотам. 'Даже в небольших городах вроде Кинефы в Аркадии происходили «жестокие распри, в которых многие были умерщвлены или изгнаны» производились переделы земли и имущества, уничтожение долговых обязательств и пр. Наибольшего напряжения классовая борьба достигает в Спарте.

Здесь в ходе этой борьбы власть оказывается в руках тиранов, вынужденных проводить отдельные, иногда довольно смелые социальные мероприятия. Так в 210 г. власть в Спарте захватил Маханид. О его социальной программе сведении не сохранилось, но, судя по тому, какую упорную борьбу вело с ним олигархическое руководство Ахейского союза, можно предполагать, что его деятельность отражала интересы демократических слоев Спарты. После гибели Маханида в борьбе с ахейцами во главе Спартанского государства с 207 г. становится тиран Набис. Внутренняя политика Набиса была более радикальной, чем мероприятия царей-реформаторов — Агиса и Клеомена. Он не только конфисковал имущество наиболее богатых граждан и распределил его между своими сторонниками, но и освобождал илотов, наделяя их и периэков землёй. Политика Набиса встретила поддержку беднейшего населения соседних полисов, и ему удалось присоединить к Спарте приморские города Лакедемона Аргоса, некоторые города Крита. Набис удерживал власть в Спарте до 192 г. Лишь вмешательство Рима привело к падению независимости Спарты и гибели Набиса.

Острая социальная борьба шла и в Беотийском союзе. Руководители Беотийского союза вынуждены были принимать меры для облегчения положения демоса: приостанавливать взыскание долгов, устраивать общественные раздачи и обеды во избежание открытых социальных конфликтов.

В Этолии, где значительно позднее, чем в других областях Греции, началось классовое расслоение общества и сложилось государство, развитие ростовщичества и задолженность населения достигли огромных размеров к концу III в. до н. э. Под давлением масс около 205 г. была сделана попытка провести кассацию долгов, но она

потерпела неудачу, так как встретила активное противодействие крупнейших ростовщиков.

Сходная обстановка была и в других греческих государствах. Имущие слои греческого общества находились в постоянном страхе перед опасностью социального переворота. Они готовы были любой ценой отстаивать свои узкоклассовые интересы.

Напряжённая классовая борьба внутри эллинистических государств тесно переплеталась с политическим и экономическим соперничеством между отдельными государствами, с ожесточёнными столкновениями между ними, в ходе которых они ослабляли друг друга. Всё это способствовало успехам римских завоевателей, которые с момента своего появления на Востоке успешно применяли свой испытанный принцип «разделяй и властвуй».

Политическое положение в Передней Азии в конце III в. до н. э.

В соотношении сил между эллинистическими государствами в конце III в. до н. э. произошли некоторые изменения. По сравнению с предшествующим временем ухудшилось внутреннее и внешнее положение Египта. Ещё в середине III в. Египту пришлось уступить господство на море Македонии. Его политика в Греции — поддержка Ахейского союза и Спарты — не дала прочных результатов. Но Птолемеи ещё сохраняли часть владений в Малой Азии и на северном побережье Эгейского моря, владели Келесирией и по-прежнему оказывали поддержку врагам Селевкидов и Македонии.

Внешнеполитическое положение царства Селевкидов в конце III в. осложнилось династической борьбой. Летом 223 г. Селевк III был убит во Фригии, и престол перешёл к его брату Антиоху III. В первые годы правления Антиоху пришлось выдержать упорную борьбу с наместником Мидии Молоном. Молон объявил себя царём и начал энергичное наступление на запад. Вскоре под его властью оказались Вавилония и крупнейший город царства Селевкидов — Селевкия на Тигре.

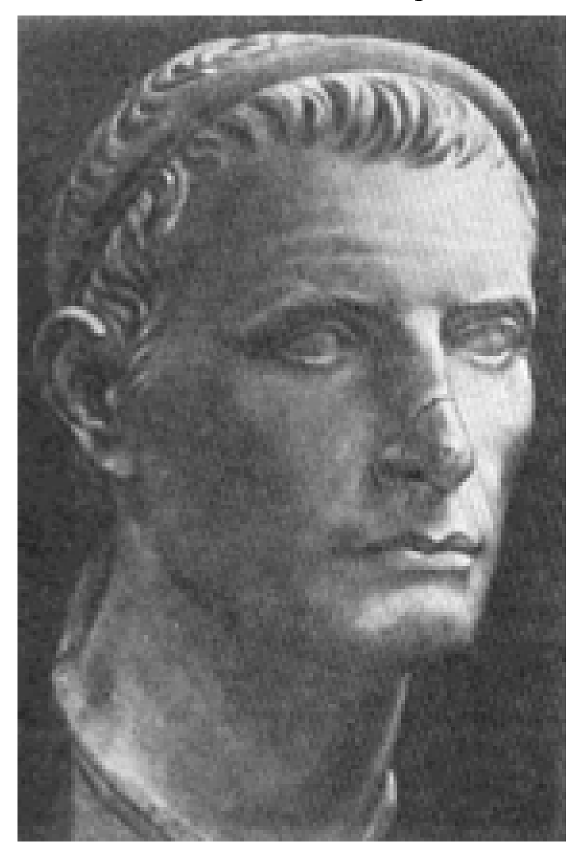
В Сирии было тоже неспокойно. Успехи Молона заставили Антиоха направить против него значительные силы и отрезать ему путь в Мидию, где выступление Молона находило поддержку местного населения. При встрече войск Антиоха III с Молоном часть армии последнего перешла на сторону Антиоха, после чего Молон покончил с собой. Вскоре на западе отпал наместник Малой Азии Ахей. Однако, несмотря на неустойчивость внутреннего положения, Антиох III готовился к новой войне с Египтом за Келесирию.

Сравнительно более прочным было положение третьего крупного эллинистического государства — Македонии. Поддержка Антигоном Досоном Ахейского союза и поражение Клеомена усилили позиции Македонии в Греции, но не принесли Греции ни единства, ни мира. В каждом полисе продолжали существовать антиолигархические группировки, искавшие поддержки у Этолийского союза. Этолийцы в конце III в. захватили побережье Мессении, а затем вторглись в глубь страны, опустошая сельские местности и захватывая добычу. Такие же набеги делали они на побережье Эпира и в другие области. Это привело их к столкновению с Македонией.

Военные действия на Балканском полуострове и в Сирии начались почти одновременно. В Сирии египетский наместник Феодот изменил Птолемею IV и передал Антиоху важный опорный пункт — Герры. Войска Антиоха в 219 г. продвинулись к самой границе Египта. Однако временщик Птолемея IV, Сосибий, предпринял ловкий дипломатический шаг: он начал с Антиохом мирные переговоры, которые велись в течение четырех месяцев. Наступление противника приостановилось. Пользуясь этой передышкой, египетское правительство приняло энергичные меры для организации и обучения армии, в состав которой наряду с македонянами были включены 20 тыс. египетских воинов. Когда весной 218 г. Антиох прервал переговоры и возобновил наступление, Египет уже успел подготовиться. Встреча обеих армий произошла около города Рафии, недалеко от входа в Дельту, Решающую

роль сыграла атака фаланги египетских воинов, обученных по македонскому образцу. Армия Антиоха III была разбита.

Но победа при Рафии не привела к возрождению военной мощи Египта. Едва освободив от войск Антиоха Келесирию, Птолемей Филопатор поспешил заключить с Антиохом мир. Вскоре по окончании войны вспыхивает массовое восстание на севере Египта, в 206 г. оно охватывает юг, но сведения, сохранившиеся об этом восстании, к сожалению, отрывочны и скудны. В Фивах появляются местные правители, по имени которых датируются демотические документы этого времени. На социальный, а не этнический, «национальный» (как обычно определяет его буржуазная историография) характер восстания указывают выступления восставших не только против Птолемеев и греко-македонской аристократии, но и против египетского жречества. На юге страны движение было организованным и упорным. Лишь в 186 г. до н. э. при Птолемее Эпифане Фиваида была вновь подчинена Птолемеями.

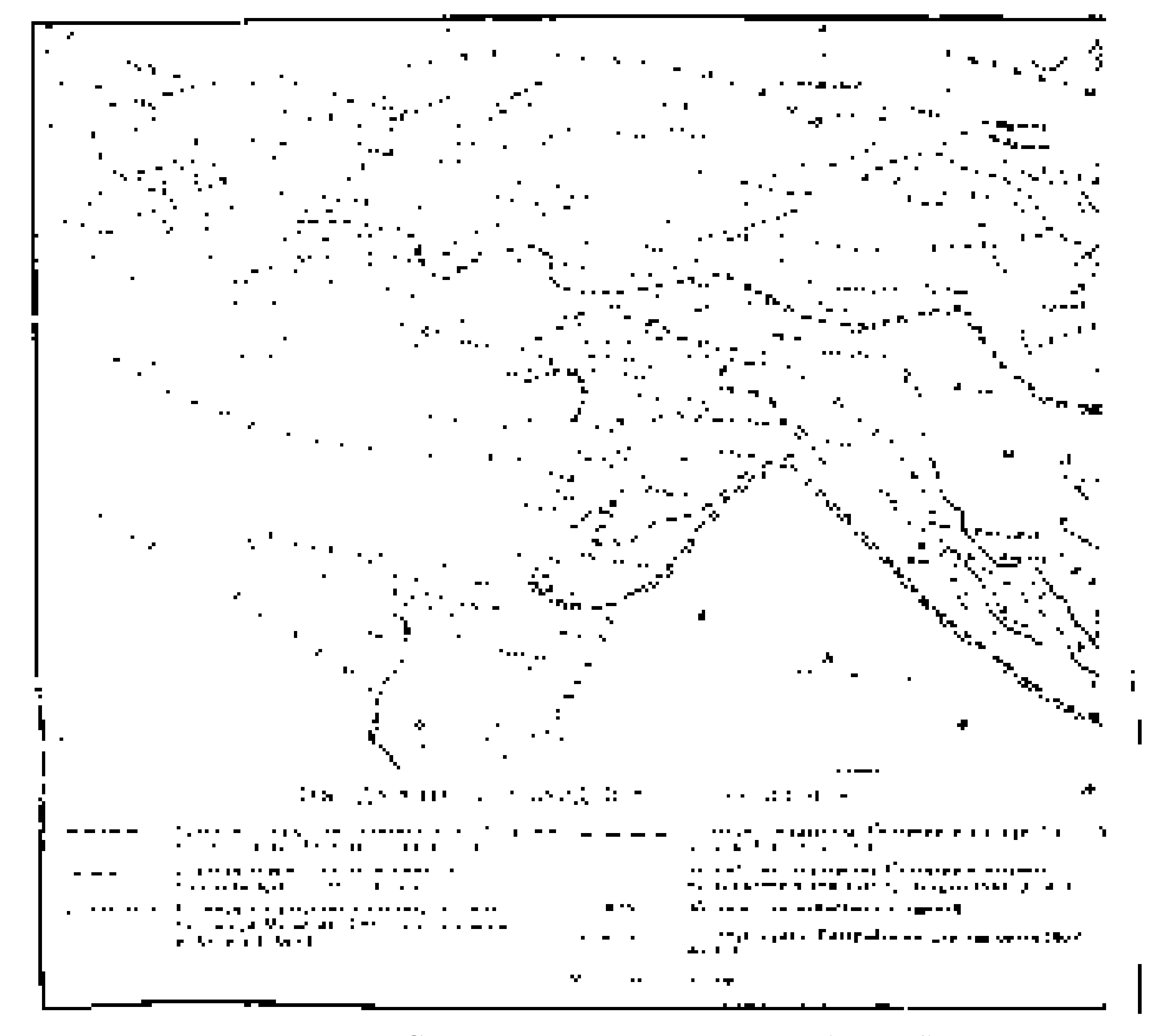


Антиох III.
Греческая скульптура III в до н. э.
Мрамор.

Потерпев поражение при Рафии, Антиох III очистил всю Келесирию, удержав за собой лишь город Селевкию в Пиерии. Но это поражение не приостановило агрессивных устремлений государства Селевкидов. В войне за Келесирию Антиох преследовал две цели: но только включить в состав государства богатую область, но и захватить торговые пути в Аравию и Индию. О его стремлении осуществить эту последнюю цель свидетельствует предпринятая в 218 г. экспедиция в Южную Аравию. Торговля с Востоком приносила огромные доходы, спрос на восточные товары при дворах эллинистических монархов непрерывно рос. Между тем отпадение Парфии и Бактрии осложнило торговые сношения Селевкидов со странами Востока. Неудача в Келесирии заставила сирийских купцов искать возможности наладить торговлю с Индией караванным путём через восточные провинции государства Селевкидов. Это, по-видимому, и явилось главной причиной, побудившей Антиоха III предпринять восточный поход.

О восточном походе Антиоха III связного рассказа в источниках не сохранилось. Датировать его также можно лишь приблизительно 210—204 гг. Через усмирённую незадолго до этого Мидию Антиох III вторгся во владения парфянского царя, взял город Гекатомпил и проник в глубь страны. Подчинив парфян, Антиох направился в Бактрию. Столкновение с войсками царя Бактрии Эвтидема произошло в Арене. Потерпев поражение, Эвтидом отступил к столице, городу Бактрам, и начал переговоры с Антиохом. Так как Антиох не имел достаточно сил и материальных средств для продолжения войны, в результате переговоров был заключён мир, по которому бактрийский царь признал свою зависимость от Селевкидов.

Получив от Эвтидема слонов и продовольствие для армии, Антиох направился в Индию, где возобновил «дружественный союз» с пограничным индийским государством и затем повернул в обратный путь. Перезимовав в Кармании, он предпринял поход к Персидскому заливу и вступил во владения арабского города Герры. Герры

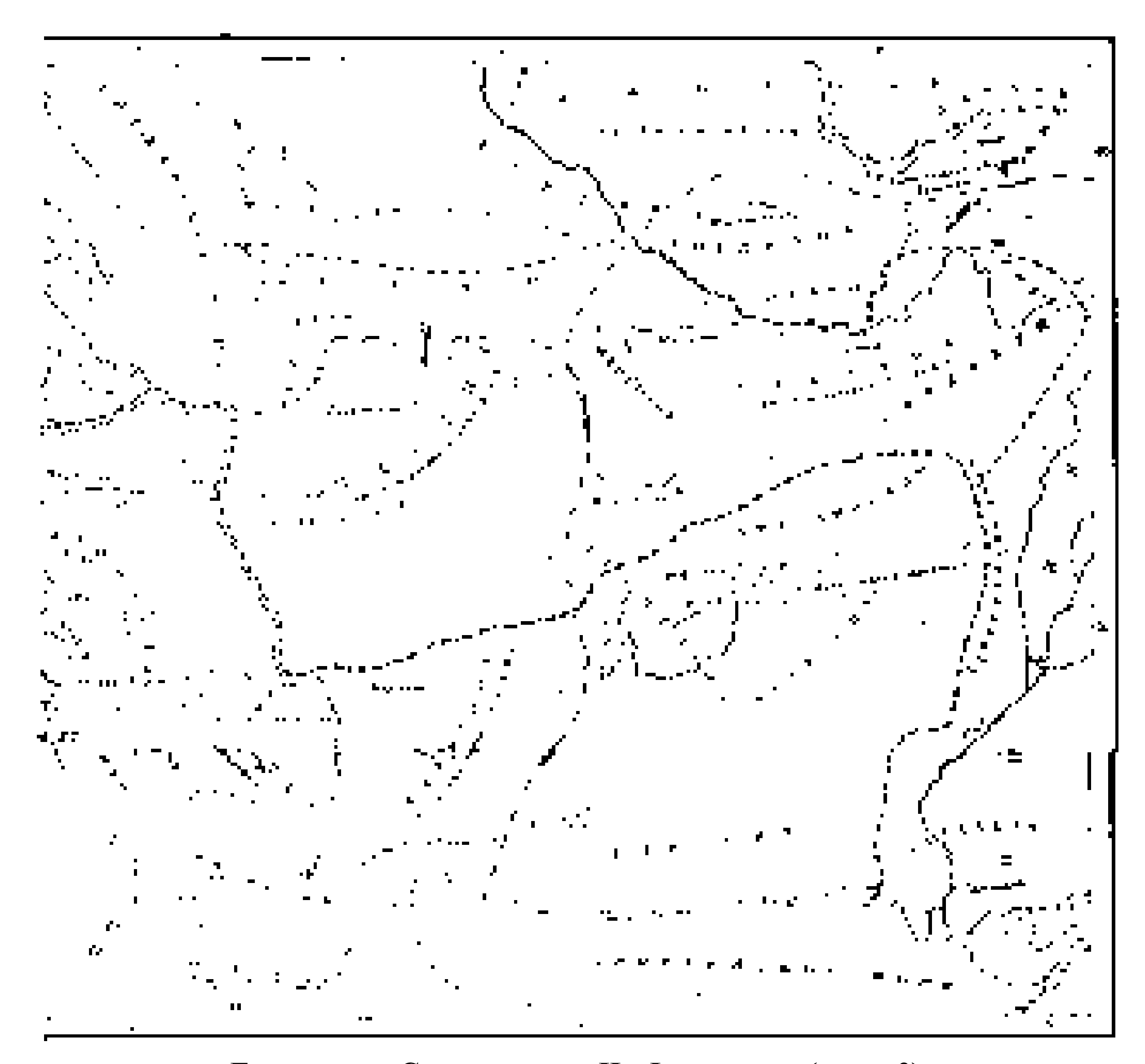


Государство Селевкидов во II—I вв. до н. э. (часть 1)

откупились от Антиоха богатыми дарами и сохранили независимость. Совершив затем экспедицию на Бахрейнские острова, Антиох возвратился в Сирию.

Восточный поход Антиоха III по своему маршруту повторял поход Александра Македонского, но Антиох III был не в состоянии подчинить своей власти те земли, которые он прошел. Он ограничивался лишь признанием со стороны местных правителей номинальной зависимости от Селевкидов. Цель похода сводилась к тому, чтобы укрепить престиж государства Селевкидов среди его восточных соседей, упрочить торговые связи с восточными странами, обезопасить торговые пути, пополнить казну за счет военной добычи и захватить рабов. В результате похода, по-видимому, были налажены караванные пути в Среднюю Азию через Парфию и Бактрию и в Индию через Герры и Персидский залив.

Успех восточного похода Антиоха III поднял значение государства Селевкидов не только в восточных странах, но и в Средиземноморье. Царство Селевкидов стало сильнейшим из эллинистических государств, и Антиох III, получивший от своих придворных титул «Великий», стал претендовать на роль гегемона в эллинистическом мире.



Государство Селевкидов во II—I вв. до н. э. (часть 2)

Положение на Балканском полуострове. Первое столкновение Македонии с Римом

Политическая обстановка на Балканском полуострове в последние десятилетия III в. до н. э. чрезвычайно усложнилась. На общем фоне дальнейшего развития рабовладельческих отношении, крайнего обострения социальных противоречий и роста пиратства военные столкновения между государствами Балканского полуострова приобретают еще более широкие масштабы и опустошительный характер. В 220 г. македонский царь Филипп V (221—178) вместе с Ахейским союзом и другими греческими полисами объявил Этолийскому союзу войну. Предлогом войны была защита Мессении от набегов этолийцев, в действительности же Филипп преследовал цель — ослабить влияние Этолийского союза, поддерживавшего антимакедонские настроения в Греции. Эта война, получившая название Союзнической, сопровождалась страшными опустошениями, захватом большого числа рабов, ограблением храмов.

К этолийцам примкнули лишь Спарта и Родос. Одновременно Родос в союзе с царем Вифинии Прусием вёл войну с городом Византием. Поводом к этой войне была

попытка Византия взыскивать пошлины с судов, проходивших через Боспор Фракийский, что наносило ущерб широким торговым связям Родоса с припонтийскими городами.

В начале Союзнической войны положение Ахейского союза было крайне затруднительным: он одновременно оказался под угрозой вражеских вторжений с севера, со стороны этолийцев, и с юга, со стороны Спарты. Филипп, действовавший в Акарнании, поспешил на помощь ахейцам. Зимой 219/18 г. он появился в Пелопоннесе и быстро достиг крупных успехов. Элида и Южная Спарта подверглись беспощадному опустошению. После этого македоняне нанесли сильный удар Этолии: главный центр союза город Ферм, «полный хлеба и богатств», был разграблен и разорён, святилища разрушены. В 217 г. Филипп захватил Фивы в Фессалии. Город был срыт до основания, всё его население продано в рабство.

В ходе военных действий воюющие стороны значительно истощили свои силы. Между тем именно в это время началась решающая борьба между Римом и Карфагеном за господство над Западным Средиземноморьем. Македония не могла остаться в стороне от этой борьбы, поскольку её непосредственные соседи — иллирийцы — оказались после вмешательства Рима в иллирийские дела (229 г.) в зависимости от него. Известие о поражении римских войск при Тразименском озере ускорило окончание войны в Греции. В 217 г. между Македонией и греческими государствами, с одной стороны, и Этолийским союзом—с другой, был заключён в Навпакте мир на условиях status quo.

После победы карфагенян при Каннах Филипп вступил в союз с Ганнибалом: обе стороны должны были помогать друг другу в борьбе с Римом. Главной целью Филиппа, которой он руководствовался при заключении этого союза, было изгнание из Иллирии римлян и установление там власти Македонии, которая благодаря этому должна была получить выход к Адриатическому морю. Для более непосредственного участия в войне Македония не располагала достаточно сильным флотом. Попытка выйти в море на лёгких судах (215 г.) оказалась неудачной.

Серебряная монета
Филиппа V Македонского.
II в. до н. э.

Между тем в Греции всё больше и больше разгоралась классовая борьба: в Ахайе, ессении и других областях предпринимались попытки политических переворотов, в одних случаях демократических, в других—олигархических. Борющиеся партии обращались за поддержкой к внешним силам. При этом Македония, проводившая обычно политику поддержки олигархии, теперь, в зависимости от меняющейся политической ситуации, поддерживала иной раз и демократические группировки.

В первой Македонской войне римляне в течение нескольких лет занимали выжидательную позицию. Только после взятия Сиракуз (212 г.) и Капуи (211 г.) они активизировали свою политику на Востоке и заключили в 211 г. союз с этолийцами. Согласно договору этолийцы должны были получить на территории, отнятой у неприятеля, земли и дома, римляне же — движимое имущество и людей. Римляне уже в это время выступают в Элладе под лозунгом защиты греческой свободы и независимости, а на деле как завоеватели, с ненасытной жадностью к деньгам, к захвату рабов и добычи. Греческие государства нередко служили для них просто объектом торговли; так, например, остров Эгина, захваченный римлянами и этолийцами, был продан ими пергамскому царю Атталу I за 30 талантов.

Круг государств, участвовавших в войне, постепенно расширился и вышел за пределы Эллады. Спарта, Элида, Мессения, Пергам примкнули к Риму; Ахайя

и Вифиния были на стороне Македонии. Как всегда в Греции, в ходе большой войны, становившейся всё более и более тягостной для населения, проявлялись застарелая вражда между отдельными городами и острые социальные противоречия. Требования передела земли и отмены долговых обязательств становились всё более настойчивыми. Во многих полисах демос поднимался против богатых, изгонял их, конфисковывал их землю и имущество.

Рим, таким образом, начал своё проникновение на Балканский полуостров в условиях, не благоприятствовавших сплочению сил греческих государств. Война продолжалась до 205/04 г. и закончилась миром, который не решил основных вопросов, не урегулировал сколько-нибудь прочно отношений между Филиппом и Римом, Македонией и Этолийским союзом и предоставлял воюющим сторонам лишь временную передышку.

Потеря Египтом внешних владений

Непрерывные войны на территории Греции, Сирии и Малой Азии, сопровождавшиеся ограблением городов и хоры, обращением в рабство местного населения, вместе с тем обогащали царей и рабовладельческую знать эллинистических государств. По мере ухудшения экономического положения и обострения социальных противоречий внутри этих государств война и военная добыча, захват рабов, новых территорий и путей транзитной торговли становятся всё более постоянным явлением.

Вынужденный после заключения мира временно отказаться от агрессивной политики в Греции, Филипп V пытался, используя внутренние осложнения в птолемеевском Египте, захватить его владения в Эгейском море и Малой Азии. Намерения Филиппа совпадали с захватническими планами Антиоха III.

События, происходившие в Египте, создали благоприятную обстановку для осуществления планов Антиоха и Филиппа. Юг страны всё ещё был охвачен восстанием. В результате длительной гражданской войны сокращались доходы царской казны. Но царь и придворная знать по-прежнему продолжали безрассудно растрачивать государственные сродства на роскошные празднества, содержание огромного придворного штата, постройку плавучего царского дворца и на другие подобные мероприятия. В 203 г. после смерти Птолемея IV Филопатора царём был провозглашён пятилетний Птолемей V Эпифан. При нём власть в государстве в течение ряда лет переходила из рук одного временщика в руки другого. Смена правителей сопровождалась придворными заговорами и мятежами наёмников. Иногда дворцовые смуты служили поводом к массовым выступлениям пёстрого по своему составу населения Александрии. Так, около 200 г., когда началась борьба за власть между опекуном царя Агафоклом и начальником пелусийского гарнизона Тлептолемом, вспыхнуло народное восстание, непосредственно связанное, по-видимому, с задержкой подвоза продовольствия в Александрию. По свидетельству Полибия, в восстании участвовали все слои населения и даже женщины и дети.

Воспользовавшись политической и социальной борьбой внутри Египта, Антиох и Филипп заключили в 203 г. союзный договор, являвшийся по существу соглашением о разделе египетских владений. После этого Филипп приступил к подчинению зависимых от Птолемеев городов на островах в Эгейском море и на побережье Малой Азии. Антиох же вновь начал войну в Келесирии. О ходе этой войны, длившейся несколько лет, сохранились лишь отрывочные сведения. В битве при Панионе в 200 г. до н. э. египетские войска были разбиты, и Антиох без затруднений овладел Келесирией, Финикией и Палестиной; сопротивление оказал лишь город Газа.

Захват Филиппом принадлежавших Птолемеям городов в Эгейском море, Фракии и Малой Азии ставил под угрозу снабжение Афин хлебом и ущемлял интересы Родоса и Пергама. Возникшая вследствие этого война между Родосом и Пергамом, с одной стороны, и Македонией — с другой, шла с явным перевесом на стороне Македонии. Усиление Македонии вызвало тревогу в Риме.

Вторая Македонская война

После победы римлян во второй Пунической войне Балканский полуостров оказался в центре их агрессивной политики. В правящих римских кругах считали, что самым уязвимым мостом Восточного Средиземноморья является Греция, но что подчинение её Риму может быть достигнуто лишь в борьбе с Филиппом. Поэтому римский сенат начал деятельную подготовку к войне с Македонией. Формальным поводом к началу военных действий послужило обращение Египта, Пергама и Родоса за помощью к Риму.

В конце 200 г. до н. э. римские войска высадились в Иллирии. Первые два года война между Римом и Македонией шла с переменным успехом. Филиппу удалось сохранить в своих руках Коринф и даже взять Аргос, важнейшую крепость в Пелопоннесе. И та и другая стороны на протяжении всего этого времени вели, кроме того, упорную дипломатическую борьбу. Широкая демагогия римлян, в которой немалую роль играл лозунг «свободы» греческих городов, уже неоднократно используемый эллинистическими династами в борьбе за господство над Грецией, сочувствие имущих слоев греческих полисов римлянам, в которых они видели силу, способную обеспечить в Греции больший «порядок», чем это до сих пор удавалось Македонии,— всё это способствовало тому, что римлянам удалось привлечь на свою сторону сначала Этолийский (в 199 г.), а затем и Ахейский (в 198 г.) союзы.

В 197 г. римские войска под командованием проконсула Тита Квинкция Фламинина при поддержке союзников нанесли решительное поражение Филиппу в сражении при Киноскефалах. По условиям заключённого вскоре мирного договора Филипп терял все захваченные им территории в Малой Азии, Эгейском море и Греции, его владения ограничивались лишь территорией собственно Македонии. Он должен был выдать весь флот, уплатить контрибуцию в 1 000 талантов и дать в заложники своего младшего сына. Таким образом, военная мощь Македонии и её влияние в Греции были подорваны, хотя, как показали последующие события, ещё не сломлены до конца.

«Освобождение» Греции

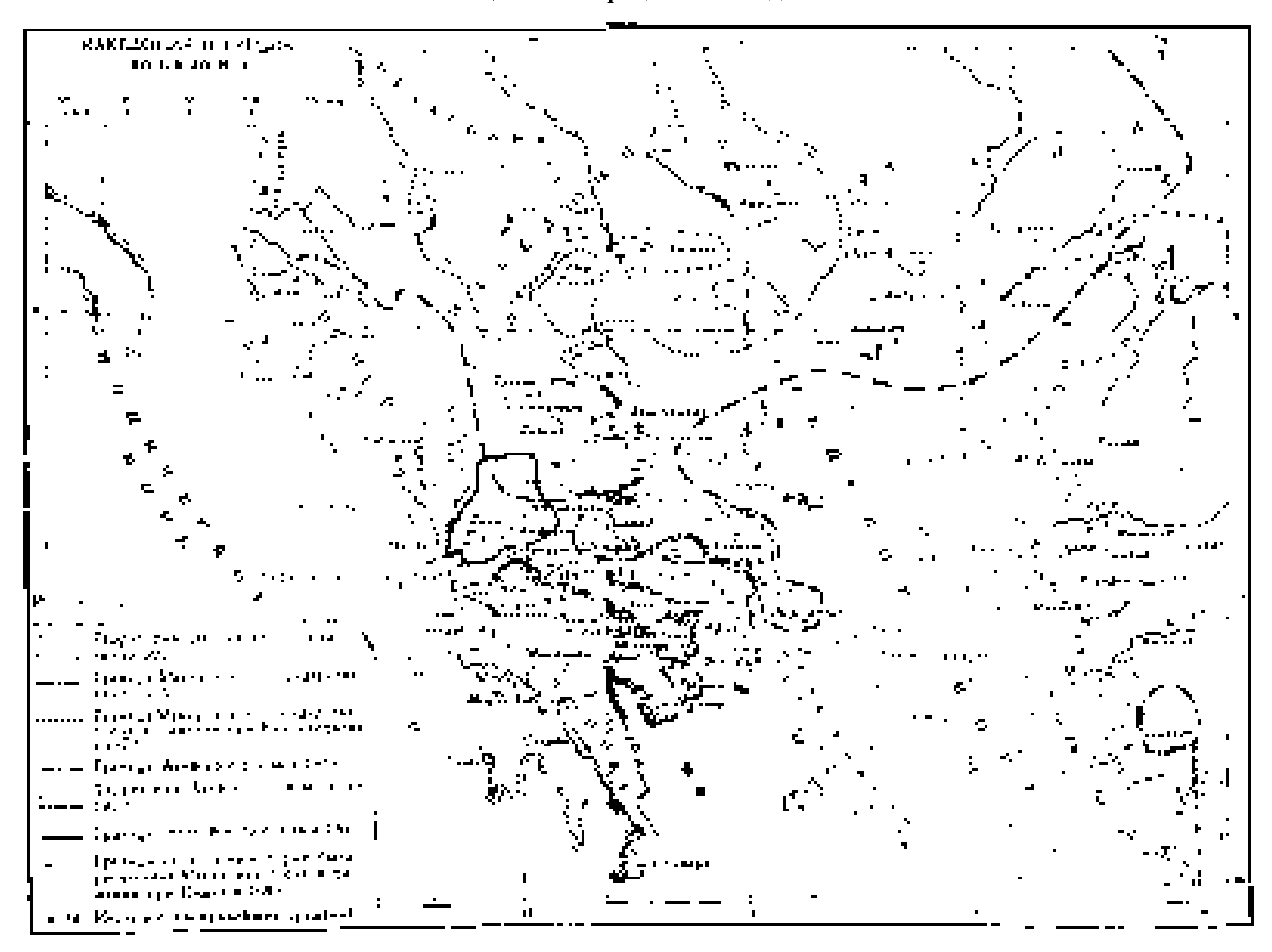
Уже в ходе мирных переговоров обнаружились острые противоречия между римлянами и их союзниками. Рим склонен был диктовать свои условия не только побеждённому Филиппу, по и своим союзникам, без поддержки которых он едва ли смог бы разбить македонян. Судьба всех отнятых у Филиппа городов решалась римским сенатом и непосредственно сенатской комиссией, направленной в Грецию под председательством Тита Фламинина. Требования союзников учитывались лишь в той мере, в какой это было выгодно римлянам.

На истмийских играх в 196 г. римляне с помпой провозгласили «свободу» всех эллинов. В действительности же римляне по собственному усмотрению устанавливали границы греческих государств, передавая одни города Ахейскому союзу, другие — Этолийскому, третьи — царькам иллирийцев и их соседей афаманов. Лицемерно объявив свободу Коринфа, римляне поставили свой гарнизон в его крепости Акрокоринфе. Они оставили также под своей властью важные в стратегическом отношении города Деметриаду в Фессалии и Халкиду на острове Эвбея.

Не создавая официально особой администрации для управления Грецией, Рим с помощью сенатской комиссии и послов вмешивался в её внутреннюю жизнь. Так, в Фессалии, где борьба между аристократией и демосом была настолько ожесточённой, что народные и судебные собрания постоянно сопровождались вооружёнными столкновениями, Фламинин провёл выборы совета и судей на основе цензового принципа и таким путём укрепил положение аристократии, иными словами, перестроил Фессалийскую лигу по образцу аристократического Ахейского союза.

Пока шла война с Филиппом, римляне заключили союз с правителем Спарты Набисом, но как только их положение в Греции несколько окрепло, они потребовали от других своих союзников объявления войны Набису, опять-таки под предлогом «освобождения» греческих городов от его «тирании». В результате военных действий в 195 г. Набис вынужден был отказаться от Аргоса и других подвластных

Македония и Греция во II в. до н. э.



ему городов на побережье Пелопоннеса и от всех своих владений на Крите, ограничившись областью собственно Спарты.

В результате второй Македонской войны римляне захватили в Греции огромные богатства. Только во время триумфа Фламинина демонстрировалось 18270 фунтов серебра и 3714 фунтов золота в слитках, 84 тыс. серебряных тетрадрахм и 14514 золотых «филиппиков», огромное количество медных и мраморных статуй, серебряных и золотых вещей, вывезенных из Греции. Несомненно, что ещё большее количество ценностей было награблено римской армией. Кроме того, греческие государства в благодарность за «свободу» вынуждены были отправить в Рим 114 золотых венков и вернуть купленных ими у карфагенян пленных римлян. Ахейскому союзу эти дары обошлись в 100 талантов. Как позволяет заключить надпись из города Хиретии, римляне захватывали у побеждённых не только движимое имущество, но иногда и земельные владения и дома, возвращая их потом лишь за выкуп.

Естественно, что такая «освободительная» деятельность Рима вызвала недовольство широких слоев греческого населения. Против Рима открыто выступали этолийцы, обделённые римлянами при разделе владений Филиппа. Весьма неуверенно чувствовали себя проримские группировки в Беотии. Недовольство это особенно ярко проявилось, когда на Балканском полуострове высадился со своим войском Антиох III.

Война Антиоха III с Римом и её последствия

Закончив операции в Келесирии, Антиох начал готовиться к войне с римлянами, но не спешил помочь своему «союзнику» Филиппу. В то время как Филипп вёл упорную борьбу с римлянами, Антиох, отправив сухопутные силы в Сарды, с помощью флота захватывал приморские города Киликии, Ликии и Карий, принадлежавшие Птолемеям. Однако даже и эти действия Антиоха заставили римлян после победы при Киноскефалах (197 г.) поспешить с заключением мирного договора с Филиппом.

Тем временем Антиох, закрепившись в Эфесе, начал подчинять города, только что «освобождённые» римлянами из-под власти Македонии в Малой Азии и Фракии. Предвидя неизбежность войны с римлянами, он упрочил свои отношения с соседями, заключил союз с галатами и разослал послов для переговоров с греческими государствами. Антиох рассчитывал создать широкую антиримскую коалицию. В этих планах его поддерживал Ганнибал, который был вынужден бежать из Карфагена в Сирию, чтобы не попасть в руки римлян.

Но ещё большую дипломатическую активность проявили римляне, стремясь перетянуть на свою сторону всех возможных союзников Антиоха. Это им в значительной степени удалось. Население греческих полисов разделилось на два враждебных лагеря. «Знатные,— пишет Тит Ливий,— и все вообще благонамеренные стоят за союз с римлянами и довольны настоящим положением, а толпа и те, дела которых не соответствуют их желаниям, хотят всеобщего переворота». Поскольку власть в большинстве греческих государств находилась в руках олигархических проримских группировок, Антиоху удалось привлечь на свою сторону лишь Этолию и Беотийский союз. Даже Македония, ещё не оправившаяся после поражения во второй войне с Римом, выступила против своего бывшего союзника, направив свои силы против этолийцев.

Война между Антиохом и римлянами началась на территории Греции. Средняя и Северная Греция подверглись грабежу и разорению со стороны двух враждующих чужеземных армий. В Фермопильском ущелье войска Антиоха были наголову разбиты. Сам Антиох с незначительным отрядом бежал в Эфес. Он попытался укрепить Лисимахию и Херсонес, чтобы не допустить переправы римлян через Геллеспонт, но после поражения сирийского флота у Мионнеса покинул Фракию и отступил в глубь Малой Азии. Решающее сражение между Антиохом и римлянами произошло в 190 г. при Магнесии. Несмотря на своё численное превосходство, армия Антиоха снова потерпела жестокое поражение.

После битвы при Магнесии Антиох был вынужден в 188 г. заключить мир на условиях, продиктованных римским командованием в лице консула Люция Корнелия Сципиона, брата Публия, победителя Карфагена. Одновременно капитулировали и союзные Антиоху этолийцы. По мирному договору с Римом Антиох был обязан отказаться от всех своих владений в Европе и в Азии к северу от Тавра, возвратить военнопленных, передать всех слонов и флот, уплатить римлянам и Пергаму контрибуцию и выдать римлянам Ганнибала. Чтобы избежать этой участи, Ганнибал бежал на Крит, затем в Вифинию и здесь принял яд. Территория, отнятая у Антиоха, была передана отчасти Пергаму, отчасти Родосу; некоторые города были объявлены свободными.

Поражение Антиоха III и победа Рима пошатнули престиж государства Селевкидов. От него отпали Армения и Софена; по-видимому, начались волнения и в восточных сатрапиях. Антиох III предпринял новый поход на Восток для того, чтобы упрочить свою власть и добыть средства для уплаты контрибуции римлянам. При попытке овладеть сокровищами храма Бэла в Элимаиде он был убит.

Поражение Антиоха в войне с Римом внесло значительные изменения и в политическую обстановку в Восточном Средиземноморье. Римляне ещё не обладали достаточными силами, чтобы закрепить за собой территории, отнятые у Антиоха, и передали их Родосу и Пергаму — государствам, которые поддерживали Рим во второй Македонской войне и в войне с Антиохом. Благодаря этому дипломатическому манёвру римляне приобрели в лице господствующих классов Родоса и Пергама прочную, политическую опору для своего дальнейшего проникновения на Восток.

После поражения царства Селевкидов в Восточном Средиземноморье вплоть до Митридатовых войн не было государства, способного собственными силами дать отпор агрессивной политике Рима. Объединению же восточно-средиземноморских государств для борьбы против Рима мешало их давнишнее экономическое и политическое соперничество.

4. Наступление Рима в Средиземноморье. Народные движения II—I вв. до н. э.

Обострение кризиса эллинистических государств

Основные тенденции социально-экономического и политического развития средиземноморского мира к середине II в. до н. э. выявились ещё более чётко: в пределах всего Средиземноморья происходит бурный рост рабовладения, притом главным образом в форме античного рабства; постепенно вырисовываются признаки экономического упадка обостряется социальная борьба внутри эллинистических государств; необычайно усиливается Рим — государство, сумевшее использовать результаты хозяйственного и социального развития эллинистических стран.

Изменения в экономической обстановке во II—I вв. до н. э. сводятся по существу, к перемещению центров хозяйственного развития и торговых путей. Расширяются торговые связи Западного Средиземноморья с восточными странами. На смену прежним центрам сельского хозяйства, ремесла и торговли выдвигаются новые — на западе, распространяющие свои продукты и изделия по всему Средиземноморью Области, через которые шла транзитная торговля (города Финикии, остров Делос) переживают подъем, начинают играть крупную роль в экономических отношениях между государствами. Но все они неизбежно попадают в зависимость от той силы, которая становится важнейшим фактором всего этого развития,—в зависимость от Рима.

На внутреннюю и внешнюю политику эллинистических государств во II—I вв. большое влияние оказывало наряду с изменениями общих условий экономической жизни расширение поля действия римского торгового и ростовщического капитала. Задолго до того, как появлялись римские вооружённые силы на территории того или иного из эллинистических государств, оно уже испытывало на себе воздействие римской или связанной с Римом торговли, спекуляций, жадной погони за рабами для

италийских имений, воздействие подкупов, интриг и злоупотреблений римских дельцов и дипломатов. В истории отдельных государств ярко сказывается вся сложность и напряжённость борьбы, как внешней, так и внутренней, отражается огромное влияние международной обстановки.

Крушение Македонского государства

После победы над Антиохом влияние Рима в Греции ещё более усилилось. Но в то же время росло недовольство масс проримскими правящими кругами. Об этом свидетельствует» например, появление даже внутри такого благонамеренного, с точки зрения самих римлян, союза, как Ахейский, оппозиционной партии, которая выступала в защиту нрав союза, обеспечивающих ему некоторую независимость во внутренних делах. Подобные настроения в Греции начинают внушать римлянам опасения, тем более что Македония уже оправилась от поражения и Филипп вновь начал расширять свои владения и укрепляться на фракийском побережье.

Памятник в Дельфах в честь победы Рима над Македонией в битве при Пидне. Реконструкция.

Поэтому Рим вновь начал дипломатическую подготовку к войне с Македонией. Римский сенат широко открыл двери для жалоб на Филиппа, разжигал интриги внутри царской семьи, предъявлял Филиппу один ультиматум за другим, рассылал посольства в города Греции и Малой Азии для укрепления проримских группировок. В свою очередь и Македония готовилась к новому столкновению с Римом, неизбежность которого Филипп, по-видимому, отчетливо сознавал. После смерти Филиппа эту подготовку продолжал вести его сын Персей. Чтобы приобрести расположение масс внутри Македонии и в греческих полисах, он объявил амнистию всем изгнанникам и кассацию государственных долгов. Одновременно Персей искал союзников среди эллинистических государств и вёл переговоры с Карфагеном.

Однако, несмотря на антиримские настроения демоса в большинстве греческих государств, к моменту войны с Римом (171 г.) Македония оказалась почти изолированной. Правящие круги греческих полисов либо примкнули к римлянам, либо остались нейтральными, испытывая страх, с одной стороны, перед римлянами, с другой — перед собственным народом. Общая политическая обстановка в Средиземноморье также была неблагоприятной для Македонии. Государство Селевкидов, значительно ослабленное предшествующим столкновением с Римом, предпочло вместо новой воины с римлянами поправить своё положение за счёт соседей, в первую очередь — Египта. Египет, раздираемый династической борьбой, сам оказался

объектом агрессии. Остальные эллинистические государства либо придерживались проримской ориентации, либо не решались выступить против Рима.

Военные действия в начале третьей Македонской войны развивались благоприятно для Македонии: к ней присоединились царьки Иллирии и Эпир. Но римлянам удалось демагогией, угрозами и репрессиями удержать в повиновении все греческие полисы. Это обстоятельство заставило Персея вступить в мирные переговоры. Римляне, чувствуя перевес сил на своей стороне, предъявили неприемлемое для Персея требование полной капитуляции Македонии. Поэтому военные действия продолжались. В 168 г. в единственном крупном сражении, которое произошло при Пидне, римские войска под командованием Луция Эмилия Павла полностью разгромили армию Персея. Македонское царство прекратило своё существование.

Даровав македонянам «свободу», римляне разделили Македонию на четыре изолированных округа, запретив покупку недвижимости и заключение браков между жителями разных округов. Македонянам запрещалось также разрабатывать серебряные рудники, вывозить лес, ввозить соль. Такие же меры римляне провели в Иллирии. Ещё более жестокому разгрому подвергся Эпир: более 150 тыс. жителей было продано в рабство, большая часть городов была разрушена. В Греции римляне снова перекроили границы полисов, расширив или уменьшив их территорию в зависимости от заслуг или вины перед римлянами в войне с Персеем. Во всех городах сторонники Македонии подверглись преследованиям, часть из них была отправлена на суд в Рим.

Римляне чувствовали себя в Греции уже достаточно прочно и открыто диктовали свою волю бывшим союзникам. Значение Этолийского союза было ими подорвано значительно раньше. Беотийский союз они фактически распустили перед началом третьей Македонской войны. От Ахейского союза завоеватели стали отторгать один город за другим.

Борьба народных масс Греции и Македонии против римского господства

Расправа с Македонией и открытое вмешательство римлян во внутренние дела греческих полисов, разорение населения в результате непрестанных войн и постоя римских войск — всё это ещё более накалило атмосферу в Греции. Социальная и политическая борьба в греческих городах теперь всё в большей мере приобретает характер борьбы против римского господства. В Ахейском союзе к власти приходят элементы, враждебные Риму, усиливается значение средних слоев населения, делаются попытки облегчить положение демоса отсрочкой уплаты долгов.

Римское господство в Македонии вызвало открытое восстание населения в 149 г. под руководством Андриска, выдававшего себя за Филиппа, сына Персея. Андриска поддержали фракийские племена. Вскоре вся Македония оказалась в руках восставших. Римские войска, посланные для подавления восстания, потерпели ряд поражений. Лишь в 148 г., используя не только превосходство военных сил, но и подкуп, римляне смогли подавить восстание. После этого они превратили Македонию в провинцию, включив в неё Эпир и Южную Иллирию.

Через два года против римлян выступил Ахейский союз. Чтобы укрепить свои военные силы, ахейцы отпустили на волю и зачислили в армию 12 тыс. рабов. Гражданам было предложено делать взносы в союзную казну для ведения войны. Центром сопротивления Ахейского союза стал город Коринф. Хотя выступление ахейцев против римлян вызывало сочувствие народа во многих греческих городах, не входивших в Ахейский союз, но ни один из них не решился к ним присоединиться. Одни же ахейцы не могли выдержать войны с Римом. Вскоре консул Луций Меммий разбил их войска. Коринф был разрушен до основания и сожжён (146 г.). Разрушены были и другие ахейские города. Множество жителей было порабощено и выведено в Рим. Все греческие союзы были распущены, всюду была восстановлена власть олигархов. Греческие

города окончательно потеряли свою независимость и были подчинены властям римской провинции Македонии.

Непрерывные войны, содержание римской армии, контрибуция и «добровольные» подарки Риму окончательно разорили широкие слои демоса в греческих городах. Все античные авторы свидетельствуют об обнищании, обезлюдении и запустении Эллады во II—I вв. до н. э. Иссякли общественные доходы городов. Задолженность городов частным лицам, недостаток продовольствия и голод стали частыми явлениями в Греции. Уровень жизни рядовых граждан резко снизился. Но зато рабовладельческая аристократия, ростовщики и землевладельцы с установлением римского господства упрочили своё положение и обезопасили своё имущество от посягательств демоса.

Установление римского господства в Македонии и Греции, по-видимому, сопровождалось усилением эксплуатации рабов. Об этом можно судить на основании сообщений древних авторов, касающихся массовых выступлений рабов. В Македонии через три года после подавления восстания Андриска появился Лжефилипп **II,** вокруг которого объединились, по сведениям Евтропия, 16 тыс. рабов (цифра, видимо, преувеличенная). Однако это восстание римлянам удалось подавить в самом его начале. Позднее началось восстание рабов на Лаврийских рудниках в Аттике. Рабы перебили стражу, захватили акрополь на мысе Суний и долгое время держались на территории Аттики, пока не были разгромлены римлянами.

Родос и его отношения с Римом. Расцвет Делоса

Подчинение Македонии и Греции римскому господству отразилось прежде всего на положении Родоса и государств Малой Азии. Родосское государство представляло собой олигархическую рабовладельческую республику, доступ в число граждан которой был крайне ограничен. Торгово-ростовщическая знать уделяла часть средств из своих прибылей для хлебных раздач демосу с целью смягчить внутреннюю социальную борьбу.

Собственное производство как на самом Родосе, так и в его владениях было сравнительно невелико. Главный доход Родосскому государству доставляла посредническая торговля. Торговый оборот Родоса в период его расцвета достигал 50 млн. драхм, сумма торговых пошлин —1 млн. драхм. Надписи свидетельствуют о большом количестве рабов на Родосе. Родос уже во второй половине III в. был важнейшим посредником в оживлённых торговых сношениях городов Сирии, Египта, Малой Азии, Северного Причерноморья, Греции. В Родосе были устроены склады для хранения товаров, в частности зерна, и их владельцы наряду с судовладельцами и купцами получали огромные доходы. Экономическое и политическое значение Родоса ярко обнаружилось во время страшного землетрясения в конце III в., когда многие эллинистические государства поспешили прийти к нему на помощь.

Воспользовавшись ослаблением морских сил Египта после второй Сирийской войны, Родос захватил ряд островов Эгейского моря. Со времени появления Рима на международной арене Родос сразу же принял проримскую ориентацию. Олигархия Родоса считала для себя выгодным и в торговом и в политическом отношении укреплять связи с Римом и ослаблять влияние эллинистических государств в Греции, Эгейском море и в Малой Азии. Наибольшего расширения Родосское государство достигает после войны римлян с Антиохом: за услуги, оказанные Риму, Родос получил Карию и Ликию, отторгнутые от государства Селевкидов. Однако после второй Македонской войны родосцы начинают опасаться усиливающегося влияния Рима. С другой стороны, и Рим по мере укрепления своих позиций в Восточном Средиземноморье меняет своё отношение к Родосу: римские купцы предпочитают теперь торговать с Востоком без посредников.

Поэтому Родос попытался во время третьей Македонской войны уладить конфликт между Персеем и Римом, чтобы сохранить в качестве противовеса Риму самостоятельное Македонское государство. В наказание за эту политику римляне отняли у Родоса Ликию и Карию и объявили свободным портом Делос, что нанесло огром-

вый ущерб торговле Родоса и положило конец территориальному расширению Родосского государства.

Объявление свободным портом Делоса резко подняло экономическое и политическое значение этого маленького островка, который жил до этого времени преимущественно за счёт доходов храма, имевшего общегреческое культовое значение. Правда, Делос считался центром Лиги островитян, но это мало отражалось на его экономическом положении. После войны с Персеем римляне передали остров Афинам, население в значительной своей части было переселено в Ахайю, а на Делос выселились афиняне. Когда римляне объявили делосский порт свободным от пошлин, его торговые обороты быстро стали расти; на Делос съезжались купцы из Финикии, Палестины, Аравии и других восточных стран. Таким образом, римские купцы получили возможность вести здесь торговлю с Востоком непосредственно.

Основная роль Делоса в экономике античного мира заключалась в том, что он стал крупнейшим в Средиземноморье рынком рабов. Поставщиками рабов на Делосе были главным образом пираты. О размерах работорговли на острове Делос даёт представление Страбон, указывающий, что в делосском порту продавались и покупались в день десятки тысяч рабов. В источниках сохранилось указание, что примерно в одно время с первым восстанием в Сицилии на Делосе также вспыхнуло восстание согнанных для продажи рабов, подавленное объединёнными силами местного населения (афинских клерухов) и живших на острове италиков.

В I в. до н. э., по мере подчинения римлянами Малой Азии и Сирии, значение Делоса стало падать. После разгрома в 88 г. Делоса флотом Митридата Эвпатора и вторично в 69 г. до н. э. пиратами Делос уже не мог вновь оправиться.

Пергам во II в. до н. э. Восстание Аристоника

После третьей Македонской войны пошатнулось также и положение Пергама. В конце III — начале II в. Пергам переживает период своего расцвета и ведёт упорную борьбу против царства Селевкидов и Македонии. Эта борьба сближала его с важнейшими греческими государствами — Этолийским союзом, Родосом, Афинами, а также с Римом. Союз с Римом особенно укрепляется при Эвмене II, когда Пергам оказал существенную помощь Риму во второй Македонской войне и в войне Рима с Антиохом. Следствием этого был быстрый территориальный рост Пергама: по миру, заключённому в Апамее, Эвмен II получил значительную часть селевкидских владений к северу от Тавра. Таким образом, Пергам благодаря Риму, а фактически ценой отказа от самостоятельной внешней политики, превратился в крупнейшую державу Малой Азии. В таком положении Пергам, однако, находился лишь несколько десятилетий.

После победы над Персеем римляне почувствовали себя на Балканском полуострове настолько прочно, что решили начать наступление на Азию. Они обвинили Эвмена в том, что, предложив выступить посредником между ними и Персеем, он стремился спасти македонского царя от окончательного поражения. Ухудшение отношений с Римом отразилось на внешнем положении Пергама: прежде всего восстали зависимые от Пергама галаты, которые вторглись на территорию Пергама и подвергли её опустошению. Эвмену удалось разбить галатов, но по настоянию Рима галаты получили автономию. Рим стремился к тому, чтобы они оставались постоянной угрозой для Пергама.

При преемниках Эвмена Пергам вёл войны с Вифинией, а затем с фракийцами. Хотя эти войны окончились успешно для Пергама, но они повлекли за собой крайнее истощение царства и подготовили тем самым обращение его в римскую провинцию. Союзные отношения с Римом постепенно превратились в политическую зависимость, так как могущественным римским армиям Пергам не мог противопоставить равноценной военной силы. К тому же рост политического влияния Рима на

Востоке сопровождался усиленной деятельностью римского торгового и ростовщического капитала, который постепенно втягивал в свои сети царей Пергама и всю страну в целом. Всё это вело к усилению эксплуатации рабов и свободных производителей и к крайнему обострению классовых противоречий.

В царствование Аттала III (139/38—133) положение в Пергаме достигло крайнего напряжения. Над господствующим классом нависла угроза народного восстания. Придворная знать надеялась лишь на военную помощь Рима. Это и явилось причиной того, что Аттал завещал в 133 г. своё царство Риму. Правящие круги Пергама после смерти царя пошли на некоторые уступки народным массам. Был издан декрет, значительно расширявший права пергамского гражданства: его получили некоторые категории неполноправного населения Пергама, в частности наёмники. Были даже приняты меры, несколько улучшившие положение рабов. Однако начавшееся движение рабов, зависимого крестьянства и неполноправного населения города Пергама против местной знати и против римского гнёта вылилось в мощное восстание, длившееся более трёх лет (132—129); во главе его стал Аристоник, побочный брат Аттала III. Жители города Пергама, разорённые римскими дельцами, поддерживали Аристоника и провозгласили его царём. Помощь Риму против восставших оказал город Эфес, флот которого нанёс поражение флоту Аристоника. Однако восстание после этого только усилилось. На борьбу поднялись рабы и крестьяне всей страны. Волнения начались и в других государствах Малой Азии (Вифиния, Каппадокия, Пафлагония).

Присланные для подавления восстания римские войска под командованием консула Красса осадили Аристоника в городе Левки. Но за целую зиму Красс не смог взять город и вынужден был, сняв осаду, отступить. Аристоник вышел из города, разбил Красса и взял его в плен. В следующем, 130 г. до н. э. против Аристоника была направлена новая римская армия, которой руководил консул Перперна. На этот раз восставшие были разбиты и остатки их армий осаждены в карийском городе Стратоникее. Одновременно римские отряды предпринимали по всей стране карательные экспедиции — разрушали города, поддерживавшие повстанцев, истребляли жителей. Наконец, была взята и Стратоникея. Захваченный в плен и привезённый в Рим Аристоник был казнён. Римляне, опираясь на местную знать, подавили восстание Аристоника и присоединили Пергамское царство к своим владениям, превратив его в римскую провинцию, получившую название Азия.

В 75 г. до н. э. была превращена в римскую провинцию и Вифиния. По мере ослабления этих государств увеличивается значение восточных областей Малой Азии — Каппадокии и Понта.

Каппадокия и Понт

В начале II в. Каппадокия ещё находилась в союзе с Селевкидами и, в частности, помогала Антиоху III в битве при Магнесии. Однако после поражения Антиоха и его союзников она резко меняет свою ориентацию. Царь Каппадокии Ариарат IV при посредстве пергамского царя Эвмена II отделался после поражения сравнительно небольшой контрибуцией в 300 талантов и стал «другом и союзником римского народа». С этих пор Каппадокия наряду с Пергамом, с которым она сохраняет тесный союз, становится важнейшей опорой римского влияния в Малой Азии.

Союз с Римом был выгоден Каппадокии в том отношении, что защищал её от становившегося всё более агрессивным Понта. Однако, как это было и с Пергамом, союзные отношения весьма скоро стали перерастать в зависимость Каппадокии от Рима. Эта зависимость стала особенно ощутимой после того, как на территории Киликии было создано римское наместничество. Каппадокию — страну сравнительно отсталую — по мере укрепления политического влияния Рима всё более и более наводняли римские торговцы и ростовщики. В середине I в. до н. э. каппадокийский царь был уже игрушкой в руках Рима.

В начале II в. Понт представлял собой уже довольно значительное государство. На западе владения понтийских царей включали в свой состав почти всю Пафлагонию. Правда, крупный греческий город Синопа оставался ещё за пределами Понта. Как далеко понтийские владения простирались в это время на восток, точно неизвестно, но можно предполагать, что Понтом была подчинена область халибов, знаменитая своими рудниками, и что Малая Армения представляла собой фактически зависимое от Понта царство.

Однако, несмотря на большое богатство природными ресурсами, Понт по своему социально-экономическому строю мало чем отличался от Каппадокии. Во внутренних областях страны городская жизнь была развита слабо, господствовала землевладельческая знать, большую роль играли обширные храмовые владения. Иное положение было на черноморском побережье, где находились греческие города (Амис, Трапезунт и др.).

Новый период в истории Понта начинается со времени крушения селевкидского могущества в Малой Азии. Первую попытку создать обширную державу, в которую входила бы значительная часть Малой Азии, сделал царь Понта Фарнак I (183 — около 170). Для этого он прежде всего захватил Синопу и перенёс сюда свою столицу. Однако дальнейшие завоевательные устремления Фарнака натолкнулись на сопротивление коалиции, в которую входили Вифиния, Пергам и Каппадокия. Война закончилась для Фарнака неудачно. Ему пришлось отказаться от Пафлагонии, хотя он и удержал за собой Синопу.

При преемниках Фарнака силы Понта продолжали возрастать, но вместе с тем понтийским царям приходилось всё более и более считаться с Римом. Уже Митридат IV стал «другом и союзником римского народа». Под этим титулом, как известно, нередко скрывалось зависимое от Рима положение; так было, по-видимому, и с Понтом. Однако отдалённость от римских владений делала эту зависимость сравнительно слабой. В качестве союзника Рима Понт участвовал в ряде войн этого времени. Ему удалось подчинить своему влиянию Фригию, Галатию, Пафлагонию и Каппадокию. Союз Понта с Римом, однако, не мог быть долговечным: слишком противоречивы были их интересы. По мере своего усиления Понт всё более тяготился своей зависимостью от Рима и постепенно становился центром всех антиримских сил Малой Азии.

Политическое положение Египта. Поход Антиоха IV в Египет

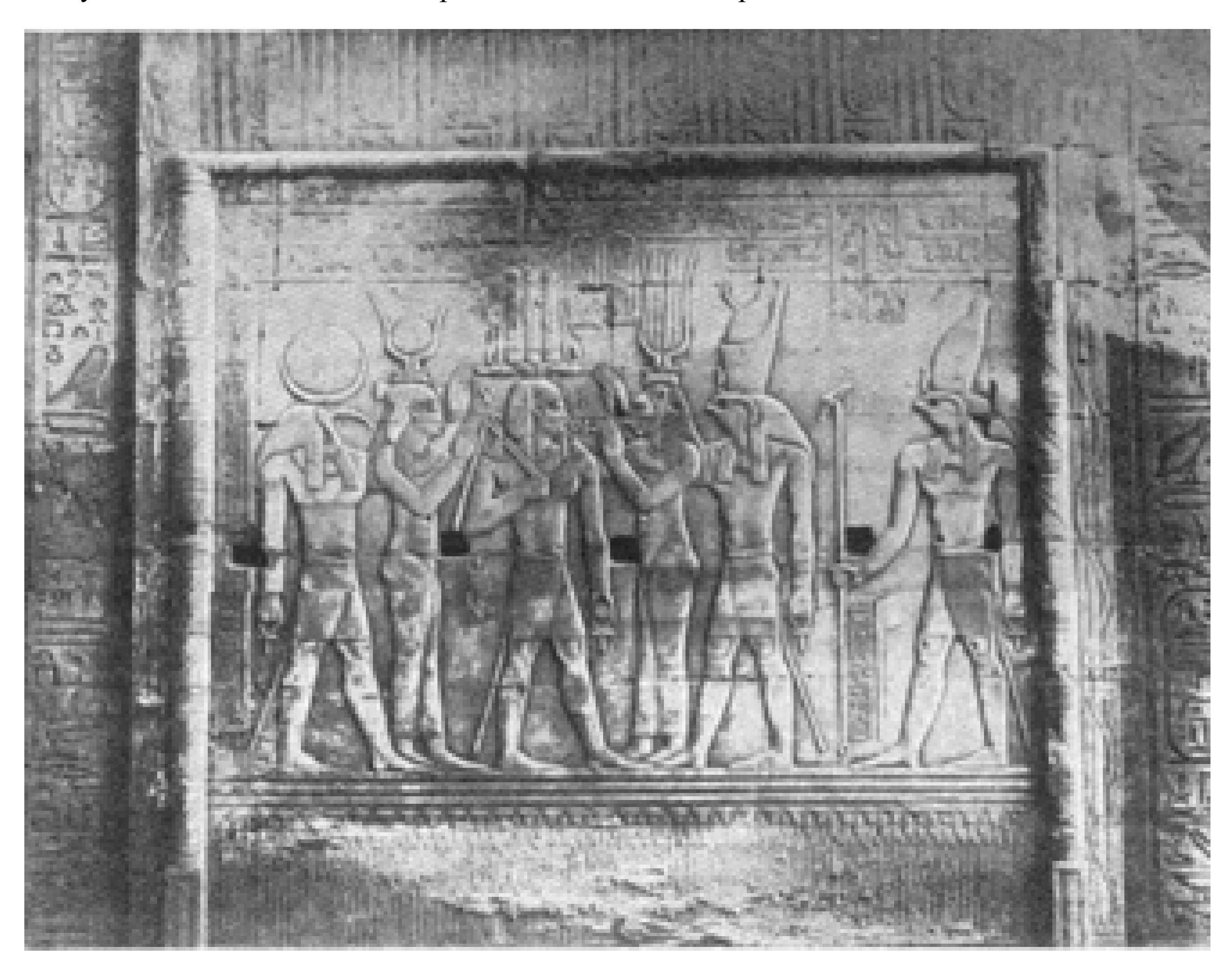
До крушения Македонского государства правители восточноэллинистических государств ещё не понимали, какую опасность представляет для них утверждение римлян на Балканском полуострове. Более того, они сочли этот момент наиболее удобным для возобновления борьбы из-за Келесирии.

Потеря внешних владений и восстания в Египте заставили греко-македонскую знать пойти на ещё более тесный, чем ранее, союз с египетским жречеством. От имени малолетнего Птолемея V Эпифана, коронованного в 197 г., египетским жрецам был предоставлен ряд льгот. В ответ на них жреческий синод в Мемфисе издал декрет в честь Эпифана с перечислением его благодеяний и определением почестей, которые ему должны были оказывать египетские храмы (это — знаменитая Розеттская надпись, послужившая основой дешифровки египетских иероглифов). Как указывается в декрете, Эпифан освободил храмы от поземельного налога, снизил на $^2/_3$ налог на льняные ткани, изготовлявшиеся в храмовых мастерских, утвердил право храмов на все поступавшие к ним доходы, простил недоимки, восстановил разрушенные храмы, предоставил некоторые льготы жрецам. Создавая для жречества привилегированное положение, правящие круги птолемеевского Египта тем самым обеспечивали себе надёжное оружие идеологического порабощения масс.

В декрете жрецов упоминаются также и «благодеяния» Эпифана по отношению ко всему египетскому населению: были снижены некоторые налоги, прощены недоимки, освобождены заключённые (вероятно, за долги), амнистированным уча-

стникам восстаний сохранены их земельные участки. Отчасти при помощи этих уступок, главным же образом благодаря консолидации сил господствующего класса и более активной военной политике правительству Эпифана удалось, наконец, справиться с длившимся с 206 г. восстанием на юге Египта.

После смерти Птолемея V Эпифана власть в Египте снова оказалась в руках временщиков. Опекуны Птолемея VI Филометора возобновили авантюристические



Птолемей IV среди египетских богов.
Рельеф в храме в Ком-Омбо. II в. до н. э.

попытки отвоевать Келесирию. В ответ на это Антиох IV предпринял поход в Египет. Разбив египетские войска, он осадил Александрию. Александрийцы вместо Филометора, попавшего в руки Антиоха, провозгласили царём Птолемея VII Фискона. Но Антиох, не вступая в переговоры с Птолемеем VII, заключил мир с Филометором, отправил его в Мемфис и вывел войска из Египта, оставив гарнизон в Пелусии. Подобное разделение Египта на два враждующих лагеря, прекращение связей между хорой и Александрией наносили серьёзный ущерб хозяйству страны и интересам господствующего класса. Гарнизон сирийцев в Пелусии был в одинаковой мере угрозой для обоих Птолемеев. Поэтому между египетскими царями начались переговоры, окончившиеся примирением.

Расчленение Египта на два царства вполне соответствовало планам Антиоха, стремившегося ослабить своего соперника в восточной торговле и подчинить Египет

своему влиянию. На присоединение территории Египта к государству Селевкидов Антиох IV, как трезвый политик, едва ли рассчитывал. Кроме того, он понимал, что, предъявив Египту чрезмерные притязания, он может вызвать новое столкновение с римлянами. Однако, когда примирение Птолемеев разрушило его планы, он предпринял в 168 г. новый поход в Египет и вновь осадил Александрию. Эти действия Антиоха совпали с решающими событиями в ходе третьей Македонской войны.

Весьма характерным было поведение римлян. Несмотря на настойчивые жалобы египетских царей и крайне тяжёлое положение осаждённой Александрии, римское посольство во главе с Гаем Попилием, направленное для примирения Антиоха с Птолемеями, не спешило в Египет, пока военные действия римлян в Македонии не завершились победой. Но как только Гай Попилий узнал о победе при Пидне, он немедленно отправился в Египет и предъявил ультиматум Антиоху IV. Антиох был вынужден вывести войска из Египта, причём Попилий лично следил за тем, чтобы был очищен и Кипр. Таким образом, все успехи Антиоха в Египте были сведены на нет.

Борьба Иудеи против господства Селевкидов

Неудачи во внешней политике отразились на внутреннем состоянии царства Селевкидов. Лишённые возможности поправить свои дела за счёт Египта, Селевкиды усиливают эксплуатацию подвластных им территорий. Вспыхнувшая в ответ на это борьба местного населения против власти Селевкидов приняла особенно острые формы в Иудее.

Власть в Иудее принадлежала сгруппировавшейся вокруг храма Яхве жреческой аристократии — богатейшим землевладельцам и рабовладельцам. Часть этой знати — эллинисты,—принимавшая участие во внешней торговле, была заинтересована в более прочных связях Иудеи с Селевкидами. При их поддержке эллинисты захватили в свои руки власть в Иудее. Воспринимая греческие обычаи и навязывая их населению, они одновременно расширяли свою торгово-ростовщическую деятельность. Внедрение товарно-денежных отношений в хозяйство Иудеи, сопровождавшееся повышением податей, ухудшило положение народных масс. Нарушение древних обычаев и традиций ещё более обостряло глухое недовольство народа.

В 171 г. в Иерусалиме в ответ на попытку местных властей конфисковать храмовую казну для уплаты подати царю вспыхнуло стихийное восстание. Антиох IV, возвращавшийся из похода в Египет, подверг город разгрому. После навязанного римлянами мира с Египтом Антиох вновь предпринял поход в Иудею отчасти с целью пополнить царскую казну, отчасти с целью окончательного подчинения Иудеи. Войска Антиоха разграбили храм Яхве и весь Иерусалим; более 10 тыс. его жителей было обращено в рабство. В Иерусалиме Антиох построил крепость Акру и поставил там гарнизон. Власть была закреплена за эллинистами, иудейская религия запрещена, и введён культ греческих богов. Для наблюдения за выполнением греческих обрядов были назначены специальные чиновники.

Эти мероприятия вызвали возмущение иудейского народа. В 167 г. в Иудее началось новое восстание, переросшее в народную войну против господства Селевкидов. Это движение возглавил сын местного жреца Иуда из рода Хасмонеев, прозванный Маккавеем — «Молотом» (имя это перешло и на его преемников). В конце правления Антиоха IV, когда основные военные силы были уведены им на восток, иудейские повстанцы разбили высланные против них отряды. В 164 г. они взяли Иерусалим и осадили сирийский гарнизон в Акре. Иуда Маккавей присвоил себе сан верховного жреца и провёл некоторые реформы: распределил жреческие должности независимо от знатности рода, конфисковал имущество эллинистов и, по-видимому, предпринял какие-то меры для улучшения положения крестьян. Но при преемниках Антиоха IV Иудея подверглась новому разгрому. Иуда Маккавей был убит в одном из сражений (160 г.), в иудейские города опять были введены сирийские гарнизоны. Однако борьба иудеев не прекратилась.

Политический кризис государства Селевкидов

Восстание в Иудее и последовавшая после смерти Антиоха IV ожесточённая династическая борьба между членами царской семьи, временщиками и узурпаторами были ярким проявлением начавшегося политического кризиса царства Селевкидов. Причиной этого кризиса было прогрессировавшее разложение экономической и социальной опоры правящей династии. Сокращение владений Селевкидов сопровождалось сокращением их материальных ресурсов, упадком государственного хозяйства. Рабовладельческая знать крупнейших торговых центров перестаёт поддерживать царскую власть, так как экономическая и политическая структура царства Селевкидов ограничивала возможности дальнейшего развития рабовладельческих отношений и хозяйственной жизни этих городов. Городская аристократия участвовала в династической борьбе лишь в той море, в какой это давало ей возможность получать новые льготы. Эллинистические города всё более расширяли права внутреннего самоуправления, добивались от царей азильного права (права убежища, защищавшего от насилия царской администрации), объявления города «священным», т. е. неприкосновенным во время военных действий, наконец, получали право элевтерии (свободы), т. е. независимости во внутренних делах и самостоятельности во внешних сношениях. Армия становилась всё более неустойчивой, изменился её состав: большую часть армии составляли теперь наёмники, вербовавшиеся из представителей азиатских народов— арабов, иудеев, киликийцев и др.

Всё это приводит к тому, что в междоусобной борьбе претенденты на царский престол опирались не столько на внутренние силы государства, сколько на наёмную армию и поддержку более могущественных соседей. Немалую роль в разложении царства Селевкидов играла политика римского соната. Искусно вызывая распри в царском доме, поддерживая в ходе борьбы слабую сторону, добиваясь расположения городской знати, оказывая косвенную поддержку внешним врагам, римляне способствовали всё большему ослаблению своего некогда могущественного соперника в Восточном Средиземноморье. При преемниках Антиоха IV отпали западные районы Ирана. Государство Селевкидов было уже не в состоянии не только вести активную внешнюю политику, но даже сдерживать напор новых рабовладельческих государств, возникших на окраинах державы,— Парфии, Армении, Иудеи.

Последнюю попытку восстановить державу Селевкидов сделал Антиох VII Сидет (139/38—129). Вновь подчинив Иудею, добившуюся самостоятельности при его предшественниках, Антиох Сидет предпринял поход в Парфию, окончившийся его гибелью и полным поражением сирийского войска. Это поражение привело к окончательному отпадению Вавилонии, Персии и Мидии, перешедших под власть Парфии или самостоятельных династов. Территория государства Селевкидов суживается до пределов собственно Сирии, Келесирии, Финикии и части Киликии. Но и на этой территории из-за ожесточённой династической борьбы деятельность центрального государственного аппарата была почти полностью парализована.

Распад государства Селевкидов и превращение его в римскую провинцию

Одновременно с упадком державы Селевкидов росла мощь её соседей — Парфии, Армении, Понтийского царства и особенно Рима, прочно закрепившегося в своей провинции Азии и претендовавшего на наследие Селевкидов. История государства Селевкидов в конце II—начале I в. до н. э. полностью определялась ходом борьбы между этими государствами за политическое преобладание в Передней Азии.

Распад государства Селевкидов особенно усилился в начале I в. до н. э., когда большая часть территории селевкидской державы была захвачена армянским царем Тиграном. Самостоятельным государством становится Коммагена, возникают независимые арабские государства Эмеса и Итурея. Независимым государством стала и Иудея, где первосвященники начали принимать царский титул.

От борьбы за независимость своей страны иудейская теократия переходит к открыто захватнической политике. Набеги первых Маккавеев сменяются планомерным истреблением иноверцев и принудительным распространением иудейской религии среди окрестных племён. Религиозная проповедь служит идеологическим оправданием для стремлений к порабощению, захвату добычи и расширению территории за счёт соседей. К Иудее были присоединены Галилея, Идумея, Келесирия, гавани: Аскалон, Газа и др. Внутри Иудеи обостряется социальная борьба, проявившаяся, в частности, в возникновении религиозных сект, оппозиционных традиционному культу и династии Хасмонеев. Недавно открытые документы дают представление об организации и идеологии религиозных общин, которые были основаны бежавшими от преследований сектантами в районе иудейской пустыни, на побережье Мёртвого моря. Члены такого рода общин жили совместно, вели трудовую жизнь, сообща владели собственностью. В их проповеди общности имущества и ожидании мессии — посланника бога, который должен покарать нечестивых и вознаградить праведных, нашёл отражение протест низших слоев населения Иудеи против угнетения и насилия светских и духовных властей. При одном из правителей — Александре Яннае (103—76) происходит массовое народное восстание, подавленное с большим трудом. Начавшаяся вскоре после этого династическая борьба послужила предлогом для вмешательства Рима. В 63 г. до н. э. Иудея была превращена в римскую провинцию.

В ряде крупных (Библ, Тир, Сидон и др.) и менее значительных финикийских городов, претендовавших на самостоятельное государственное существование, возникли тирании. Неспособность Селевкидов справиться с центробежными силами и растущими народными движениями заставляла рабовладельческую знать искать другие методы их подавления. Этим, по-видимому, и следует объяснить возникновение тираний в отдельных городах, а также успех завоевательных действий Тиграна Армянского.

Ещё более приемлемым выходом из создавшегося положения для рабовладельцев Сирии был переход страны под власть Рима. Помимо твёрдого обеспечения господства над всеми эксплуатируемыми массами включение царства Селевкидов в состав Римской державы открывало перед сирийскими ростовщиками, купцами и владельцами ремесленных мастерских новое обширное поле деятельности. Эти настроения господствующего класса и были причиной того, что в 64/3 г. до н. э. римляне присоединили всю эту территорию, не встретив сопротивления.

Обострение социальной и династической борьбы в Египте

Походы Антиоха IV в Египет, сопровождавшиеся ограблением страны, резко ухудшили положение трудящегося населения. Восстановление власти Птолемеев не принесло ему никакого облегчения. В стране началось массовое движение против правительства, возглавленное Дионисием Петосараписом. На юге центром восставших был город Панополь. Сведений о ходе восстания и его целях в источниках не сохранилось. Против восставших предпринял поход Птолемей VI Филометор. Он осадил и взял Панополь, восстание было подавлено, но волнения в стране не прекратились.

В 140—120 гг. происходят волнения в Арсиноитском и Тинитском номах и наиболее сильные — снова в Панополе. Значительную роль в этих волнениях играли лаой. Одновременно возобновилась династическая борьба: Птолемей VII Фискон выгнал своего брата Птолемея VI Филометора из Александрии. Последний обратился за помощью к Риму. Сенат, руководствуясь интересами римской политики, разделил владения Птолемеев между братьями. Филометор получил Египет и Кипр, Фискон — Киренаику. Особенно ожесточённые формы династическая борьба приобрела после смерти Филометора (в 145 г.). Она сопровождалась убийствами членов царской семьи, жесточайшим террором, восстаниями в Александрии, массовым истреблением населения. Всё это свидетельствовало о политическом кризисе государства Птолемеев и способствовало ещё большему разорению страны.

Обострение социальной борьбы заставило Птолемеев прекратить династические распри. В 118 г. был издан указ, объявляющий амнистию всем их участникам, а также новые льготы жрецам и храмам. Этот указ имел своей целью восстановить пошатнувшийся авторитет государственной власти, обеспечить регулярное поступление царских доходов, прекратить злоупотребления чиновников, урегулировать вопрос о военных постоях и реквизиции жилищ и т. д.

Но все эти меры, конечно, не могли внести улучшений в хозяйственную жизнь Египта, приостановить нарастающий экономический и политический упадок. Вскоре после смерти Фискона в 116 г. возобновляется династическая борьба. В 80-х годах до н. э. вновь началось восстание на юге Египта, центром которого стали Фивы. Источники позволяют утверждать, что это было движение эксплуатируемых масс не только против правительства Птолемеев, но и вообще против «эллинов». После трёх лет ожесточённой борьбы восстание было подавлено. Город Фивы, служивший главной опорой восстания, был разрушен. Эта расправа с одним из древнейших культурных и религиозных центров Египта произвела весьма сильное впечатление на современников.

Серебряные монеты Птолемеев:
1. Птолемея I Сотера (305—283 гг. до н. э.); 2. Птолемея II Филадельфа (283—246 гг. до н. э.); 3.Птолемея VIII Сотера(116—108/107 гг. до н. э.); 4. Птолемея X (Александра II) (80 г. до н. э.); 5. Птолемея XIII (47—44 гг. до н. э.).

Однако и эти репрессии не привели к прекращению народных движений. В папирусах есть упоминания о волнениях в Гермополе в 79/8 г., Гераклеополе —в 64/3 г. и в 58 г. до н. э., встречаются намёки на то, что и в последующие годы в разных концах Египта неоднократно вспыхивали народные движения.

Вмешательство Рима. Крушение государства Птолемеев

Рим тем временем всё более властно вмешивается в египетские дела. В 80 г. римский диктатор Корнелий Сулла передал престол Птолемею X (Александру II), но восставшие александрийцы убили римского ставленника и избрали царём Птолемея XI Авлета. Царство Птолемеев к этому времени уже настолько разложилось, что римский сенат в 65 г. до н. э. обсуждал вопрос о ликвидации его как самостоятельного государства и о присоединении его к Риму. Лишь за взятку в 6 тыс. талантов Птолемею Авлету удалось добиться в сенате признания его царём. Однако и Авлет не смог удержать власть. Александрийцы вновь подняли восстание, Авлет вынужден был бежать в Рим. Он обещал новую взятку в 10 тыс. талантов проконсулу Сирии Авлу Габинию и получил от него римские войска. В 55 г. с их помощью Авлет возвратился в Египет. Для выплаты взятки Габинию он взял ссуду у римского ростовщика Рабирия Постума. Чтобы обеспечить возврат долга с процентами, Рабирий добился от Авлета своего назначения на должность диойкета и начал, пользуясь своими полномочиями, беспощадно грабить и без того разорённую страну и население. Через год под угрозой народного восстания Авлет вынужден был устранить Рабирия. После смерти Авлета началась новая династическая борьба между его дочерью Клеопатрой VII и её малолетним братом Птолемеем XII.

Из крупных эллинистических государств Египет последним был превращён в римскую провинцию. Несмотря на то, что Египет представлял собой заманчивую добычу для римских рабовладельцев, они длительное время не решались на открытое военное вторжение, боясь, видимо, вызвать массовое народное движение, к которому могли примкнуть и зажиточные слои александрийского населения. Крупнейший эллинистический город, центр культуры того времени, главный торговый порт Средиземноморья — Александрия не была заинтересована в присоединении к Римскому государству и упорно вела борьбу с римскими ставленниками на царском троне. Придворная знать, черпавшая доходы из царской казны и от эксплуатации земельных владений, напротив, стремилась к установлению в Египте римских порядков, которые упрочили бы её положение внутри страны. Поддерживаемые этой знатью, римские войска в 30 г. до н. э. вступили в Александрию. Египет был превращён в римскую провинцию.

5. Аравия и Эфиопия

Аравия в III—I вв. до н. э.

На протяжении всего эллинистического периода немалую роль в истории Египта и царства Селевкидов играли их взаимоотношения с народами, жившими на южных границах этих государств—в Аравии и Эфиопии. В свою очередь, и эллинистические державы оказывали заметное влияние на экономическое, политическое и культурное развитие арабских и эфиопских племён и царств. Поэтому упадок эллинистических держав и подчинение их римскому господству нашли отражение в истории Аравии и Эфиопии.

Начиная с VI в. до н. э. старые рабовладельческие государства Южной Аравии и особенно Саба [1] занимают видное место в международной торговле. Из самой Аравии вывозили благовония. Помимо этого южно-арабские купцы вели обширную посредническую торговлю: благовония, пряности, драгоценные камни, которые доставлялись из Индии и с сомалийского берега Африки в Средиземноморье, проходили через их руки.

Богатства Аравии всегда привлекали к ней внимание эллинистических держав. Александр Македонский организовал несколько морских экспедиций вокруг Аравийского полуострова. Преемники Александра не оставили мысли о подчинении своему влиянию Аравии и установлении контроля над торговыми путями в Индию. Так, Птолемеи неоднократно пытались подчинить своему влиянию побережье Красного моря и северо-западные окраины Аравийской пустыни, а Селевкиды — Персидский залив. Каждая из этих держав стремилась направить основной поток аравийской торговли по тем путям, которые находились под её контролем.

К этому времени южно-арабская торговля достигает своего расцвета. Арабские купцы проникают далеко в глубь Средиземноморья. На Делосе сохранились посвящения, сделанные купцами государства Минеев. В Аравию притекает большое количество греческой монеты; южно-арабские правители частично надчеканивают, частично имитируют её: встречаются подражания афинским монетам, позже—видимо, монетам Птолемеев и Селевкидов.

Значительные изменения в условиях южно-арабской торговли наступают во II в. до н. э. В начале столетия Селевкидам удалось полностью отрезать Египет от Южной Аравии: к 195 г. вся Сирия была завоёвана Селевкидами, и все пути южно-арабской торговли попали под их контроль. Однако монополия Селевкидов длилась немногим более полустолетия. С середины II в. против Селевкидов выступают парфяне, которые скоро вытесняют их из Месопотамии. При Птолемее VII (145—116) возрождается восточная торговля Египта, причём Птолемеи, отрезанные от сухопут-

[1] О древних государствах Аравии и Эфиопии см. «Всемирная история», т. I, гл. XIX и XXIII.

ных путей, вынуждены теперь исключительно ориентироваться на море. По Красному морю и Аравийскому заливу устанавливаются регулярные торговые сношения. Открытие в конце II в. до н. э. морского пути из Египта в Индию в дальнейшем подорвало монополию сабейских купцов. Начинается упадок сабейской торговли, большое количество жителей Сабы выселяется за пределы страны.

Возможно, что именно в связи с упадком сабейской торговли в конце II в. до н. э. в Южной Аравии происходят значительные политические перемены. Около 115 г. прекращается существование Сабейского государства и власть над Южной Аравией переходит к химьяритам, обитателям крайнего юго-запада Аравии. Примерно в это же время прекращает своё существование царство Катабан. Правители химьяритов называют себя «царями Сабы и Раидана». По-видимому, именно с химьяритскими завоеваниями связана начавшаяся примерно во II—I вв. до н. э. массовая эмиграция населения Южной Аравии в Африку. Ассимиляция пришельцев из Аравии с местным населением положила начало абиссинской народности. Примерно на рубеже нашей эры здесь возникает государство Аксум (впервые оно упоминается в источниках около 70 г. н. э.), из которого позднее развилось Абиссинское государство.

С конца II в. до н. э., когда ослабевшие эллинистические державы уже не могли оказывать деятельного сопротивления, усиливается напор арабов-кочевников на земледельческие области Сирии и Междуречья. Южно-арабские государства, заинтересованные в поддержании караванной торговли, также продвигаются на север, стремясь подчинить отдельные области своему политическому влиянию. К I в. до н. э. на северо-западе Аравии у племён набатеев образовалось сильное и независимое государство. Столица набатеев Петра стала крупным торговым центром. Позднее в области Дедана, на территории современного Хиджаза, севернее Медины, возникает самостоятельное царство Лихьян. Древнейшие лихьянитские надписи относятся к началу нашей эры. Лихьянитские надписи сделаны алфавитом, который сложился под влиянием минейского, но на языке, почти идентичном классическому арабскому. Фактически это древнейшие памятники собственно арабского языка.

В I в. до н. э. торговля Южной Аравии со Средиземноморьем частично приходит в упадок. Ослабление державы Птолемеев в I в. до н. э. имело своим следствием сокращение морской торговли Египта с Аравией и Индией. Новое оживление наступает здесь лишь после превращения Египта в римскую провинцию, в 30 г. до н. э.

В Нижнем Двуречье возникает во II в. до н. э. государство Харакена со столицей в Спасину Хараксе. Харакена подчиняет себе часть Двуречья (вплоть до слияния рукава Евфрата с Тигром) и эллинские города по западному берегу Персидского залива, а также некоторые арабские племена. Одно время Харакена владела даже Вавилоном и, может быть, Селевкией на Тигре. Тем не менее Харакена довольно скоро попадает в зависимость от Парфии.

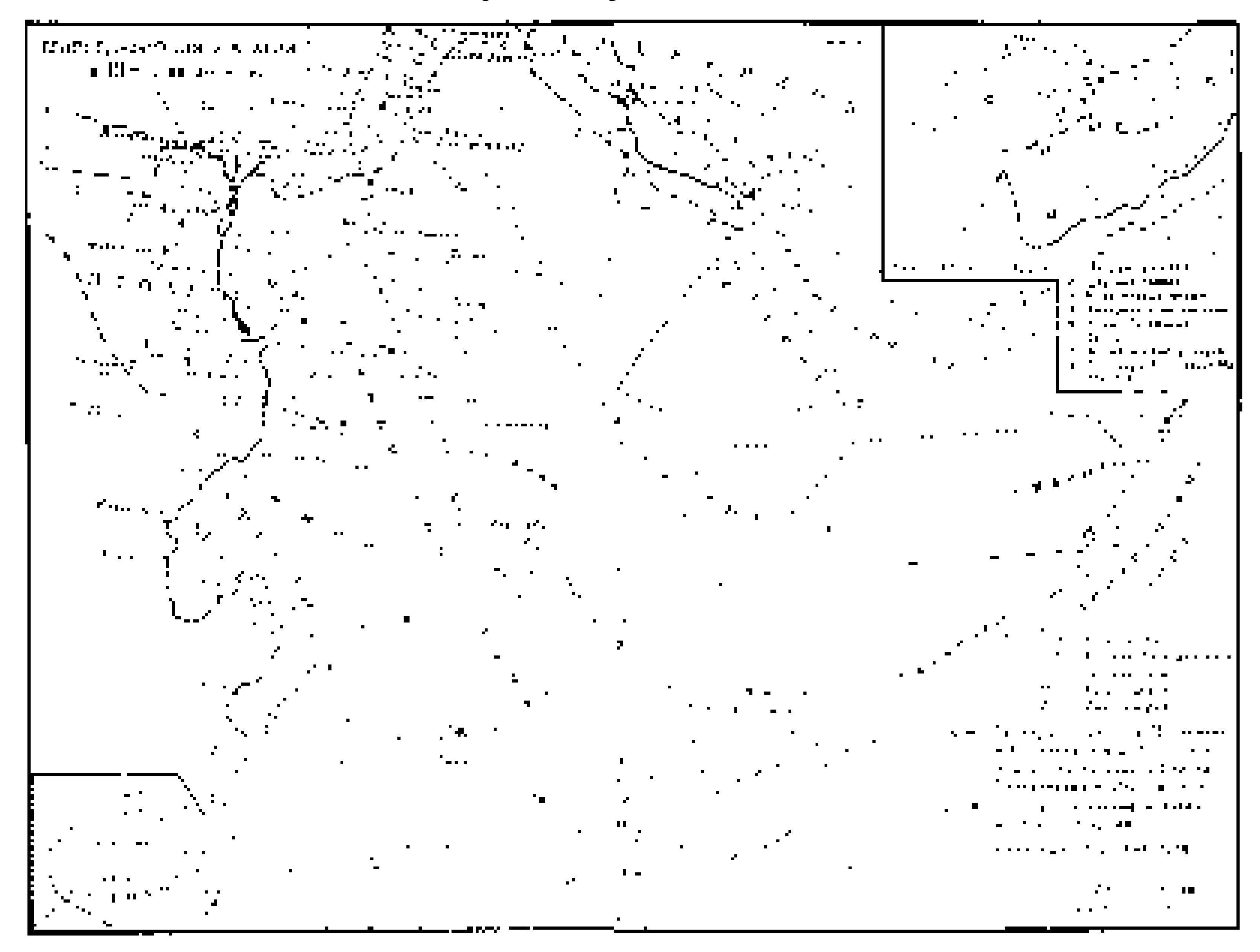
Почти с самого начала Спасину Харакс превращается в крупный центр торговли с Южной Аравией и Индией. В город собираются купцы со всех концов Передней Азии. Самые имена царей Харакены показывают смешение самых различных языков и культов—отчётливо прослеживаются вавилонские, персидские, эламские, арабские и эллинистические элементы.

Мероитское царство

История Египта в эллинистический период тесно связана с историей Эфиопии. В области, расположенной южнее первого порога Нила, существовало царство со столицей в городе Напате, находившемся около четвёртого порога. В конце IV столетия, после смерти Настасена, царя Напаты, на юге Эфиопии, в городе Мероэ, между пятым и шестым порогами Нила утвердилась новая могущественная династия. Вопрос о времени перенесения политического центра Эфиопии в Мероэ и связанные с этим события остаются недостаточно ясными из-за скудости источников.

Значение Мероитского царства возрастает в III—I вв. Это царство, однако, не было централизованной деспотией: царю подчинялись многочисленные племена,

Египет, Эфиопия и Аравия в III—II вв. до н. э.



населявшие оазисы, степи и полупустыни, примыкавшие к руслу Нила. Каждое из них возглавлялось царьком или вождём, обогащавшимся наряду с родовой знатью за счёт эксплуатации своих соплеменников и в результате грабительских набегов на соседей. После перенесения столицы в Мероэ город Напата сохранил значение религиозного центра. Здесь располагались царские гробницы — пирамиды, здесь же производилась коронация царей, избрание которых утверждалось жречеством. Около середины III в. до н. э. царь Эргамен (Ирк-Амон) положил конец политическому влиянию напатских жрецов, которые до того, опираясь на авторитет оракула, низлагали неугодных им царей и выдвигали кандидатуры их преемников. С этого времени власть царя, по-видимому, становится наследственной. Значительную роль в политической жизни страны играла мать царя, так называемая *кандака,* что, несомненно, связано с пережитками матриархата.

Основным занятием жителей Мероитского царства продолжали оставаться скотоводство и охота, так как земель, пригодных для земледелия, в Эфиопии было мало. Хотя в связи с перемещением в период эллинизма торговых путей с суши на Красное море обмен с северными странами значительно сократился, тем не менее караваны и речные суда продолжали доставлять из Эфиопии в Египет рабов, слоновую кость, редкие породы древесины, шкуры экзотических животных, золото, драгоценные камни, благовония. С другой стороны, в некрополях Мероитского царства обнаружено много привезённых с севера предметов.

Несмотря на то, что эфиопские цари перенесли основное направление политической активности на юг, стремясь овладеть прилегающими областями, они всё же продолжали внимательно следить за событиями в Египте. Сферы политического влияния Египетского и Мероитского государств тесно переплетались. Сохранились сведения о том, что Птолемей IV и царь Мероэ Эргамен поддерживали постоянные дипломатические сношения. Во II—I вв. до н. э. в связи с упадком политического могущества державы Птолемеев и обострением социальной борьбы внутри Египта могущества державы Птолемеев и обострением социальной борьбы внутри Египта Мероитское царство начинает вмешиваться в египетские дола, поддерживая народные движения на юге Египта.

Когда римляне в 30 г. до н. э. овладели Египтом и население Фиваиды пыталось организовать им отпор, поднимая восстания, отряды эфиопов под предводительством кандаки вторглись в Египет и дошли до Сиены. Однако они были отброшены, а египтяне усмирены. Позднее римляне сами перешли в наступление, и их десятитысячная армия при 800 всадниках, возглавляемая префектом Гаем Петронием, в 23 г. до н. э. продвинулась далеко на юг, овладев Напатой и разрушив её. Дальность расстояния и трудности сообщения помешали римлянам закрепиться там, и они отошли, ограничившись присоединением северной части Эфиопии — так называемого Додекасхойна. В Гиерасикамине был поставлен римский гарнизон, и здесь отныне стала проходить крайняя южная граница владений Римской империи.

Эти события способствовали дальнейшей изоляции Мероитского царства. В то же время усилилось проникновение с юга негритянских этнических элементов, что сказалось и в антропологическом облике населения и наложило заметный отпечаток на формы памятников архитектуры и искусства, которые всё более отклоняются от своих египетских прообразов.

6. Эллинистическая идеология и культура во II—I вв. до н. э.

Социальный кризис и политический упадок эллинистических государств II—I вв. до н. э. нашёл отражение в различных идейных течениях этого времени. Развитие рабства, которое повлекло за собой падение уровня жизни неимущего свободного населения, тяжкий гнёт государственной власти, противоречия

между эллинизированной знатью и эксплуатируемым местным населением и, наконец, римская экспансия и покорение эллинистических государств новым претендентом на мировое владычество — Римом — всё это создавало почву для глухого брожения в массах. Но далеко не всегда это брожение находило себе выход в открытом протесте угнетённых. Для широкой массы людей, порабощённых, но нередко разделяемых противоречивыми интересами, единственным выходом казалось блаженство за гробом, спасение посредством религии. Восстания угнетённых часто принимали религиозную окраску, но сама по себе религия освящала покорность и отказ от политической борьбы. Религиозно-мистические настроения были тесно связаны с аполитизмом, уходом отдельного человека в свой внутренний мир, объединением единомышленников в небольшие общины, кружки или секты, которые пользовались широким распространением в эллинистическом мире.

«Это было время,— говорит Энгельс,— когда даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическое смешение грубейших суеверий различных народов принималось без всяких околичностей и дополнялось благочестивым обманом и прямым шарлатанством; время, когда виднейшую роль играли чудеса, экстазы, видения, привидения, гадание о будущем, изготовление золота, каббала и прочая мистическая чепуха» [1].

Философия

Главным центром греческой философии в последние века перед началом нашей эры по-прежнему оставались Афины — «школа Эллады». Наряду с Афинами крупную роль в культурной и умственной жизни эллинистического мира играли Александрия, Родос и др.

Политический упадок Греции, а затем и эллинистических государств привёл к тому, что греческая философская мысль стала во всё большей степени ориентироваться на Рим. Образованный грек становится частым гостем в покоях влиятельных и богатых римлян. Греческому просвещению отводится важная роль в деле воспитания будущих государственных деятелей Римской республики. Именно в греческой философии вынашиваются идеи исторической роли Рима, признание его всемирного господства, как «разумной необходимости», которой нужно покориться. Школа стоиков, давшая философское обоснование подобному взгляду, имела много последователей среди римской аристократии.

Характерной чертой эллинистической философии II—I вв. до н. э. является её эклектизм. Глубокая последовательность в развитии тех или иных философских положений, присущая греческим мыслителям «классической» эпохи, сменяется поверхностным согласованием различных принципов, сближением враждующих школ и течений. Материалистическая школа Эпикура находит в позднеэллинистический период многочисленных последователей и проникает в Рим. Её замечательным представителем на римской почве был поэт Лукреций Кар. К взглядам материалистов склонялось также одно из направлений школы Аристотеля, связанное с изучением природы. То были последователи Стратона, прозванного «физиком».

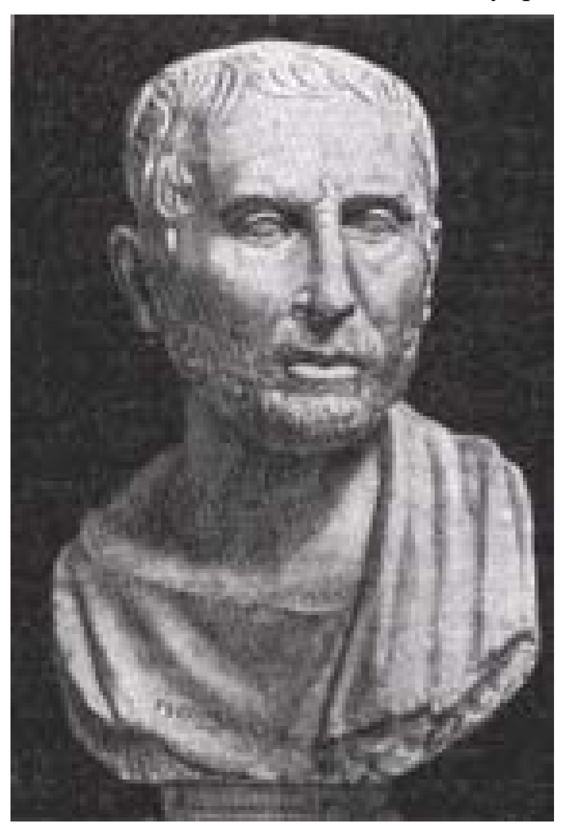
Все философские течения позднеэллинистического времени обнаруживают тенденцию к слиянию друг с другом. Характерна судьба платоновской школы, так называемой Академии, главным представителем которой во II в. до н. э. был Карнеад (около 214—128). Вся аргументация Карнеада заимствована у скептиков — другой эллинистической школы, которая в это время почти сливается с Академией. В I в. до н. э. у продолжателей Карнеада—Филона из Ларисcы и Антиоха из Аскалона — снова возрождается догматическая сторона платонизма—учение об идеях,

[1] *Ф. Энгельс,* К истории раннего христианства, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. II, стр. 416 - 417.

предшествующих миру вещей. Но платонизм так называемой Средней Академии уже мало похож на оригинальное учение Платона. Со времени Антиоха Аскалонского всё более распространяется эклектическое сочетание платоновской философии с учением наиболее влиятельной школы стоиков.

Подобный процесс происходит и в недрах стоицизма. Успех этой школы, особенно у образованных римлян, в известной мере объясняется тем, что она, не особенно заботясь о возникающих противоречиях, эклектически соединяла в одно целое различные популярные мотивы греческой философии. Во II—I вв. до н. э. (период так называемой Средней стой) это учение заимствует ряд положений из философии Платона и Аристотеля.

Основным разделом философской системы стоиков являлось учение о морали — этика. Стоическая этика создала идеал мудреца, который изображался ранними стоиками «совершенным человеком», абсолютно свободным от влияния окружающей среды. У представителей Средней стой этот образ мудреца подвергся основательной переработке. Панэтий (180—110), грек с острова Родос, переселившийся в Рим, сблизил старостоический идеал мудреца с политическими интересами римской аристократии. Он уже не требовал от мудреца отрешения от окружающей жизни и, в частности, от государственной деятельности, — наоборот, подчёркивал значение практической мудрости и добродетелей. Высшее благо—это жизнь в соответствии с природой; естественные стремления человека приводят его к добродетели. Определённой переработке подверглось у Панэтия и свойственное почти всем эллинистическим философским системам понятие судьбы — тихэ. Для Панэтия судьба — лишь полезный регулятор человеческой жизни, воспитатель чересчур необузданных и страстных натур. Насколько можно судить по сохранившимся отрывочным данным, Панэтий высказывал сомнение в бессмертии души *и* отрицательно относился к весьма распространённой в его время вере в астрологию и к возможности предсказаний будущего. Наиболее выдающимся учеником Панэтия был Посидоний из Апамеи (135—50), возглавлявший долгое время широко известную философскую школу на Родосе. Человек широко образованный, он тем не менее вернулся к некоторым наивным воззрениям старостоической школы — о грядущей гибели мира в огне, к вере в бессмертие души и существование демонов, к учению о зависимости человеческой жизни и судьбы от расположения звёзд и т. д. Возрождение этих суеверий в философской системе Посидония весьма симптоматично: в его лице греческая философия сближается с мистическими учениями Востока. Этические взгляды Посидония тесно связаны с представлением Платона о человеческой душе. Душа является ареной борьбы между двумя началами —духовным и телесным. Всё, что исходит от тела, заслуживает осуждения, ибо плоть — это темница души, её оковы. Следуя за Платоном, Посидоний верит в мистическое предсуществование души до её воплощения в теле.



Посидоний.
Скульптура I в. до н. э. Мрамор.

Интересны политические воззрения Посидония и, в частности, его представление о наилучшем государственном устройстве. Он, так же как и Панэтий, раз-

вивает идущее от Аристотеля и перипатетиков учение о смешанной форме, т. е. о государственном строе, основанном на сочетании принципов монархии, аристократии и демократии.

Стоицизм Панэтия и в особенности Посидония во многих своих чертах оказывается посредником между греческой мыслью классического времени и так называемой александрийской философией.

В Александрии, важнейшем центре эллинизма, огромном городе с кипучей экономической жизнью, насыщенной острыми противоречиями, сталкивались идеи различных религий, философских и политических направлений. Здесь предлагали свои рецепты спасения мира проповедники разных сект, мистики, маги, астрологи; здесь возникали религиозные утопии, отвечавшие настроениям всех угнетенных и униженных. В I в. до н. э. в Александрии сложились два философских направления—неопифагореизм и неоплатонизм,—которым суждено было оказать большое влияние на выработку догматической стороны первоначального христианства.

Естественные науки

Нельзя сказать, что во II в. развитие естественных наук приостановилось. В некоторых из них (как, например, в астрономии) наблюдается дальнейшее движение вперёд: совершенствуются методы исследования, делаются важные открытия.

Во II в. жил и работал один из величайших астрономов древнего мира — Гиппарх, родом из Вифинии. Гиппарх сделал несколько важнейших открытий. Он составил большой каталог звёзд (до тысячи звёзд значительной величины), открыл явление предварения (прецессии) равноденствия. Как на образец точности его вычислений, можно указать на вычисление лунного месяца, продолжительность которого, по Гиппарху, равна 29 суткам 12 часам 44 минутам $2^1/_2$ секундам, тогда как действительная величина равна 29 суткам 12 часам 44 минутам $3^1/_2$ секундам. Гиппарх первый воспользовался широтой и долготой для определения положения различных пунктов на Земле, ввёл усовершенствованные методы вычисления, разрабатывал сферическую тригонометрию. Вся последующая астрономия древнего мира использовала идеи, вычисления и методы Гиппарха. Он же определил с большой точностью расстояние от Земли до Солнца и до Луны, открыл в 134 г. новую звезду в созвездии Скорпиона. Однако в вопросе о положении Земли в мировом пространстве он, в противоположность Аристарху, примыкал к традиционным взглядам и поддерживал идею геоцентризма.

Развитие географии во II—I вв. шло в несколько ином направлении, чем в предшествующем столетии. Разрабатывается главным образом хорография — описание и исследование отдельных стран. Огромный материал — разнообразные сведения и результаты исследований географов эллинистического периода — собрал, использовал и пересмотрел в конце I в. Страбон, уроженец города Амиса на побережье Понта. В своей «Географии» он даёт описание всего известного тогда мира, всей ойкумены. Это географическое описание сочетается с многочисленными и часто очень ценными историческими экскурсами и является одним из важнейших источников по истории эллинистической и ранней римской эпохи.

Очень важным для развития сношений с Индией оказалось открытие Гиппалом в конце II в. до н. э. муссонов, что дало возможность греку из города Кизика Эвдоксу совершить экспедицию из Александрии в Индию открытым морем. На такое путешествие греки раньше не отваживались: морские сношения Египта с Индией происходили через посредство арабов вдоль берегов Аравии и далее на восток, также вдоль побережья. Слабеющий Египет не мог уже использовать надлежащим образом открытие Гиппала, и только в начале римской эпохи наладилась и оживилась непосредственная торговля Египта с Индией.

Однако наряду с новыми открытиями во II—I вв. всё ясное сказывается упадок эллинистической культуры. Большое распространение получают псевдонауки: астрология, магия, алхимия, сулившие людям знание будущего, исцеление от

болезней, обладание богатством. Представление о тайных знаниях, доступных только посвящённым, связывалось с именем Гермеса, «Трижды величайшего». В процессе отождествления египетских богов с греческими имя Гермеса присваивается египетскому богу Тоту — богу письма, который якобы научил людей наукам и искусствам. С именем Гермеса-Тота стали связывать различные культурные открытия. Уже в III в. тождество Гермеса и Тота было признано официально. В учении о Гермесе и в астрологии сливаются воедино идеи мистического учения о «симпатии», соединяющей самые различные существа и тела, старинные мифологические представления, произвольные домыслы и сложные наукообразные вычисления.

Но дело не ограничивается только астрологией. И в других областях человеческого знания всё сильнее проявляются эти псевдонаучные стремления. На основании старинных приёмов и рецептов химических реакций создаётся фантастическая теория превращения простых металлов в драгоценные, возникает алхимия. В медицине наряду с рецептами, основанными на трезвых наблюдениях, на большом накопленном опыте, практикуется применение заговоров, заклинаний, ношение амулетов и пр.

Историография. Полибий

В историографии II—I вв. идеи и приёмы исследования историков предшествующего времени отчасти получают дальнейшее развитие, отчасти вызывают резкую критику. История теперь тесно связывается с изучением географического, этнографического и мифологического материала. В то же время интересы историков выходят далеко за пределы истории отдельного государства, в историографии ясно выступает тенденция всеобщей истории, стремление охватить историю всей ойкумены. Эта тенденция не случайна. Общий ход развития восточно-эллинистических государств, островов Эгейского моря, Балканской Греции и Македонии, Италии, Сицилии и Карфагена привёл к установлению экономических, политических и культурных связей между этими странами и к их постоянному взаимодействию. На взглядах историков того времени не могли не отразиться такие явления, как борьба за господство в Центральном Средиземноморье, вмешательство Рима в восточные дела, его успехи в борьбе с Македонией и царством Селевкидов, потрясшие современников события 40-х годов II в.: гибель цветущих городов, богатейших центров экономической жизни того времени — Карфагена, Коринфа, опустошение Греции и окончательная утрата ею независимости.

Величайшим представителем эллинистической историографии во II в. был Полибий (около 201—120), грек из города Мегалополя, выдающийся деятель Ахейского союза. Полибий жил в то время, когда его родина переживала критический момент, стремясь отстоять свою независимость в неравной борьбе. Первоначально Полибий занимал весьма сдержанную позицию по отношению к Риму. После поражения Персея он в числе тысячи ахейских заложников был отправлен в Италию. В Риме Полибий прожил много лет, был принят в кругах римской аристократии, вошёл в тесные дружественные сношения с кружком Сципиона Африканского, в частности с Панэтием, философские идеи которого оказали на него несомненное влияние.

Политические взгляды Полибия вполне определённы: он был противником демократии, сторонником консервативной политики. Он враждебно относился к Этолийскому союзу и, наоборот, идеализировал Ахейский союз и его политику. В Риме Полибий постепенно стал горячим сторонником римского государственного строя и римского господства.

Во вторую половину своей жизни Полибий написал обширный и необычайно богатый по содержанию труд — «Всеобщую историю» в 40 книгах, в которой изложил своё понимание исторических событий. Для него история — повесть об испытаниях людей, «вразумительнейшая или единственная наставница, научающая

нас мужественно переносить превратности судьбы». Одна из задач, которую ставил перед собой Полибий, заключалась в том, чтобы дать почувствовать своим читателям «мощь судьбы». Такое воззрение не мешало ему, однако, придавать огромное значение и роли отдельных людей в истории, их психологическим особенностям и поступкам.

Тема труда Полибия — установление римского господства, возникновение Римской мировой державы. Это, по мнению Полибия, «прекраснейшее и вместе благоприятнейшее деяние судьбы», которая «все события мира... направила насильственно в одну сторону и подчинила их одной и той же цели». Полибий полагает, что он и его современники являются свидетелями поворотного момента в мировой истории. В последние десятилетия III в. «история становится как бы одним целым, события Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и всё сводится к одному концу», что и ставит настоятельную задачу написания всеобщей истории. Задачу эту стремится разрешить Полибий в своем труде, в котором он рассматривает не только современные события в их взаимной связи» но и сопоставляет их с предшествующими. Так Римскую державу он сравнивает с могущественными державами прежнего времени — Персидским царством, Спартой в период её гегемонии, с империей Александра Македонского. Все они, по его мнению, превзойдены Римом.

Полибий объясняет успехи римлян прежде всего их государственным устройством. В нём Полибий усматривает реализацию идеального строя, основанного на гармоническом сочетании различных форм государственного устройства. Таким образом, идеи перипатетиков и стоиков, воспринятые и переработанные в учении Средней стой, были использованы Полибием для объяснения политической истории его времени. Описание римского государственного строя, которое он даёт в начале VI книги своего труда, представляет собой своеобразное смешение исключительно ценных наблюдений над римскими государственными учреждениями с явной их идеализацией в духе теорий греческой политической философии.

Изложение событий в разных частях античного мира строится у Полибия по определённому плану. Полибий представляет себе историю, как причинно обусловленный процесс, несмотря на то значение, которое он придавал судьбе. Он пишет прагматическую историю, т. е. стремится установить причины исторических явлений, но в понимании этих причин он не выходит за пределы идей, общих всей античной историографии: причинами оказываются мотивы, чувства и действия людей.

Полибий строго критиковал некоторых своих предшественников за их приёмы исследования и изображения исторических событий, но в основе его критики нередко лежит определённая политическая тенденция, как, например, в его строгом суждении о Филархе, стороннике царя Клеомена. В целом труд Полибия отличается глубиной взглядов и обстоятельностью изложения; история перестаёт быть у него чем-то неотделимым от художественного произведения и приближается к науке.

Совсем иной характер, чем труд Полибия, имели другие исторические или полуисторические произведения периода римских завоеваний. В греческой историографии II—I вв. до н. э., несомненно, была выражена и антиримская тенденция, хотя о ней нередко приходится судить лишь по отрывочным данным, сохранившимся у позднейших авторов. Яркими чертами характеризовали противники Рима его политику, его двоедушие, коварство и жестокость. Эти мотивы сильно звучат у писателя времени Августа — Помпея Трога. Он писал, что город Рим основан на братоубийстве, что у римлян души волков, ненасытная жажда крови, власти, богатств, что против этого народа-разбойника все должны поднять оружие.

В историографии позднеэллинистического периода ярко выражен интерес к истории культуры. Ещё в IV в. до н. э. культурно-исторический и этнографический материал рассматривался в аспекте историко-философских и политических теорий. Образовалась определённая схема, совокупность приёмов и характеристик, нередко переносившихся с одного народа на другой. Разрабатывались темы, прочно вошедшие в научный обиход: происхождение народа и его имени, пища, одежда, жилище, способ правления, раннее законодательство, обычаи и пр. Из историков этого направления во II—I вв. крупнейшим был Посидоний, уже упоминавшийся как философ и естествоиспытатель. Он принёс в историю свои широкие философские взгляды, обширные сведения, блестящий риторический стиль. Типологическое изображение культурного развития, которое даёт Посидоний, оказало сильное влияние на литературные характеристики тех племён, с которыми имели дело греки и римляне,— кельтов, скифов и др.

К истории обращались и писатели, вышедшие из среды местного населения в восточно-эллинистических странах, в ней искали они ответа на свои идейные запросы и оправдания своих надежд. Во II в. население Палестины вело борьбу против Селевкидов, пытавшихся эллинизировать эту страну. Позднее появляются исторические произведения, полные отзвуков этой борьбы: I, II и III книги Маккавеев, книга «Юдифь» и др. Они отличаются одна от другой и по характеру, и по стилю, и по исторической ценности. I книга Маккавеев — важное историческое произведение, свидетельствующее о подъёме духа в неравной, казалось бы, борьбе. Обстоятельный исторический рассказ сменяется в ней поэтическим гимном в честь отважного вождя, поднявшего знамя борьбы за «веру отцов» и независимость. Но II книга Маккавеев уже проникнута духом узкого фанатизма и нетерпимости.

В других произведениях иудейской религиозной литературы причудливо перемешаны исторические воспоминания и отзвуки современных авторам событий с широкими историко-философскими построениями или с изображениями пророческих видений. Такова, например, книга Даниила, в основе которой лежит историческая схема — смена четырёх великих царств. Эта схема позднее, особенно в средние века, получила широкое распространение. Автор верит, что все эти царства преходящи, что угнетателей рано или поздно постигнет справедливое возмездие, как оно постигло когда-то грозного Навуходоносора. Читатель с самого начала повествования чувствует себя в атмосфере таинственных событий, чудес, предзнаменований. Перед ним проходят образы «мудрецов, волхвов, заклинателей, гадателей», обладающих даром «мудрого разумения». Исторические рамки книги Даниила охватывают VI в. до н. э., но нетрудно распознать близкую автору современность в этом историческом наряде, в рассказе о далёком прошлом.

Художественная литература и изобразительное искусство

Художественная литература и изобразительное искусство II—I вв. до н. э. несут на себе сильный отпечаток вкусов и настроений того времени, жадного стремления к необычному, грандиозному, любви к сильным драматическим эффектам. В области изобразительного искусства школы, сформировавшиеся в различных центрах эллинистического мира, во II—I вв. до н. э. продолжают существовать и получают дальнейшее развитие (александрийская, родосская, пергамская). Вместе с тем во всех этих школах можно найти некоторые общие черты, характерные для позднеэллинистического периода.

В искусстве этого времени сказывается любовь к театральности, к выражению сильных страстей, к изображению жестоких душевных и физических страданий (Лаокоон, Фарнезский бык, Медея, убивающая своих детей). Искусство Пергама во II в. до н. э. дало знаменитый Пергамский алтарь с изображением борьбы олимпийских богов и гигантов — воплощение в мраморе идеи превосходства эллинской культуры над «варварством». Многофигурность, сложность композиции, динамика характеризуют и другие произведения пергамского искусства.

Группа Лаокоона.
Работа родосских скульпторов Агесандра, Полидора и Афинодора. I в. до н. э. Мрамор.

Во II—I вв. наблюдается и дальнейшее развитие технических приёмов: использование мозаики, восковых красок, художественная резьба по камню, изготовление металлических сосудов с чеканными изображениями и пр.

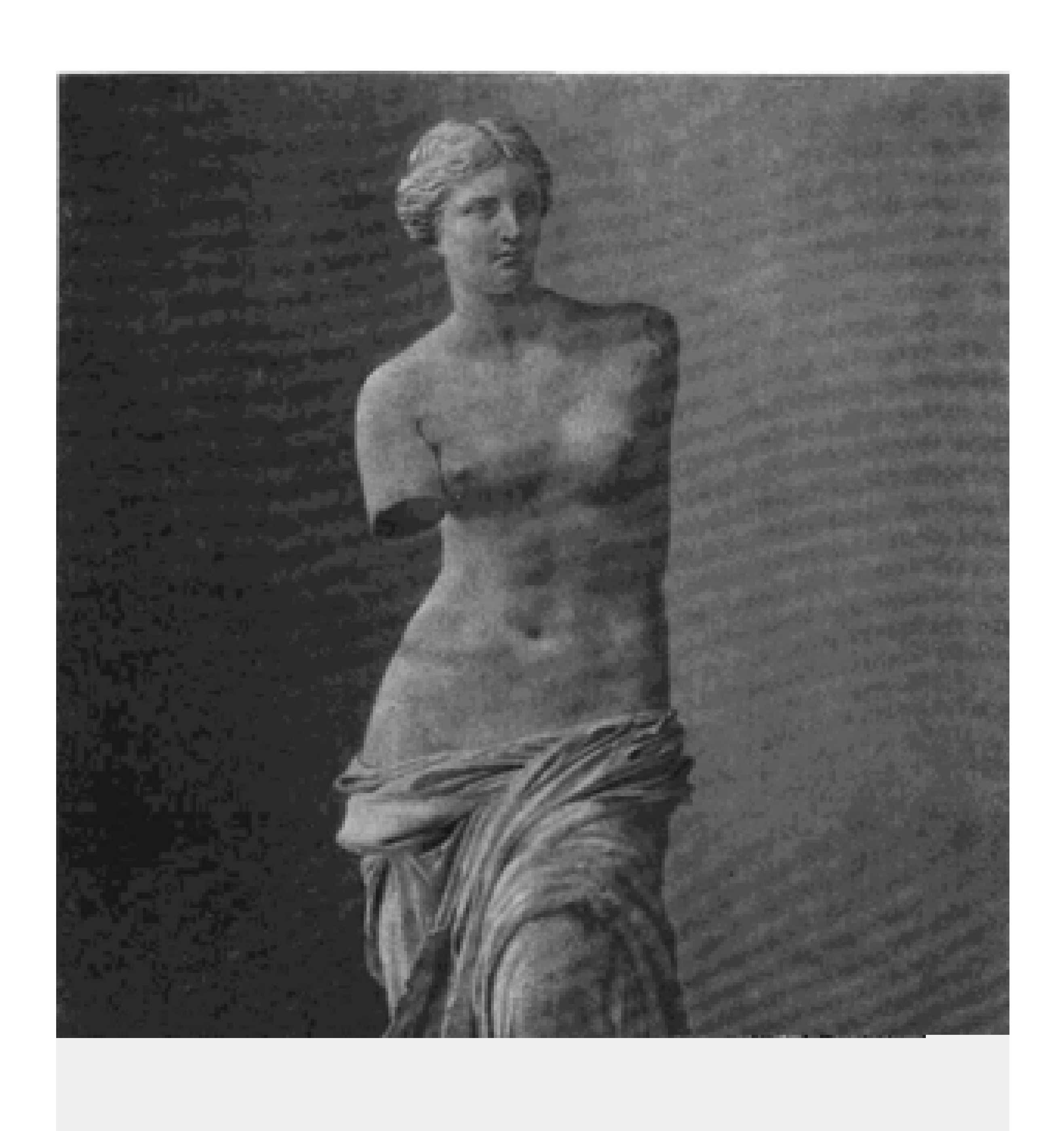
Художественные произведения отличаются продуманностью композиции, совершенством обработки, в особенности деталей. Художники обладают изумительным мастерством, но в их произведениях нередко заметен недостаток содержательности. Мастерство тратится либо на изящные безделушки, изысканные мелкие изображения из серебра или камня, на искусную игру стихом, либо на выполнение огромных по масштабам произведений, в которых, однако, размеры, внешняя занимательность и исключительная техника стоят на первом плане по сравнению с глубиной и непосредственностью содержания.

Мальчик с гусем.
Скульптура Боэфа. II в. до н. э. Мрамор.

И всё же великие традиции греческого искусства ещё существовали. Только сочетание глубокого содержания с прекрасной формой могло породить такое замечательное произведение искусства, как Афродита (Венера) Милосская.

В различных эллинистических странах процесс взаимодействия греческой и местных культур протекал по-разному. Можно отметить, однако, тот общий факт, что наряду с огромным влиянием эллинской культуры во II—I вв. все сильнее выдвигается значение старинных местных традиций. Очень, например, разнообразна по своим формам и содержанию египетская литература этого времени. В ней перерабатывались старинные легенды о богах, составлялись благочестивые поучения, пророчества, фантастические рассказы, басни и пр. Своеобразное соединение идей древнееврейской религиозной традиции, высокой лирической поэзии, старинных магических формул, требований нравственного очищения, жалоб на печали и страдания земной жизни и упований на утешение в будущем представляет сборник гимнов и молитв — псалтырь.

Искусство и поэзия позднеэллинистического периода интересны не только сами по себе: их историческое значение выходит за рамки этого периода, так как они явились для римских поэтов и художников образцом, которому те стремились подражать» Но это искусство в значительной мере служило интересам высших слоёв населения, являлось выражением их идей и настроений. Широкие массы населения жили другими стремлениями и другими надеждами. В основе этих стремлений лежал социальный протест против несправедливости существующего порядка.



АФРОДИТА (ВЕНЕРА) МИЛОССКАЯ
Скульптура Александра. Середина II в. до н. э. Мрамор

Религиозный синкретизм и мессианизм

Социальные движения и политические выступления этого времени принимают нередко форму движений религиозных. В напряжённой политической атмосфере II—I вв. до н. э. всё чаще рождается мысль о том, что нельзя долее выносить те страдания и унижения, которые выпадали на долю основной массы населения, что этими мучениями не может ограничиться жизнь, что наступит время, когда угнетатели и мучители понесут заслуженную кару и на земле настанет царство счастья и мира, Зрелище неправды и произвола, роскошной жизни богачей побуждало бедный люд мечтать о том, что эти богачи получат возмездие на том свете, а бедные окажутся вблизи Осириса или Яхве и будут вознаграждены за свои земные страдания. Эти стремления были вызваны беспощадной эксплуатацией, политическим гнётом, горьким сознанием своего бессилия, материальной необеспеченностью и смутными надеждами на лучшее будущее. Они принимали форму эсхатологических чаяний — ожидания конца мира, прихода избавителя, спасителя, мессии.

Мессианизм имел различный характер в зависимости от конкретно-исторических условий; так, например, он становится весьма существенным элементом в религиозных верованиях Иудеи, но самая идея соответствует надеждам и стремлениям широких масс и за пределами Палестины. Идея мессианизма возникла независимо в различных странах — в Египте, в Малой Азии, в Сирии — в связи с социальными движениями этого времени.

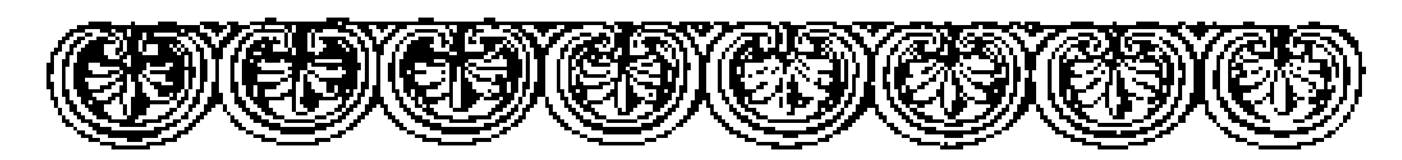
В отдельных случаях (например, в Иудее) пламенные призывы защищать «веру отцов», отстаивать свободу и независимость своего народа с течением времени приобретали агрессивный характер, приводя к борьбе с соседними племенами с целью их покорения, отражались в росте фанатизма и нетерпимости.

С другой стороны, в религиозных верованиях всего эллинистического мира происходят крупные перемены, обусловленные всё более и более развивающимся синкретизмом. Подобно тому, как в философии учения различных школ начинают сближаться друг с другом, так и в различных религиях этого времени наблюдается всё больше общих черт. В иудейскую религию, например, проникают верования Ирана, Египта, Вавилона. Различные культы приобретают сходный оттенок: культы Исиды и Осириса, Диониса и Орфея, Яхве и Митры включают общие элементы, верования, обряды. Всё сильнее выступают представления о мистическом слиянии верующих с божеством, идея бессмертия души, загробного воздаяния.

Медея.
Фреска из Геркуланума •— копия с картины Тимомаха. I в. до н. э.

Таким образом, в литературе и искусстве, в религии и науке эллинистического времени чувствуется влияние решающих политических событий и ожесточённой классовой борьбы II-I вв. Жизнь общества, его стремления и надежды отражаются в грозных, хотя порою

туманных пророчествах, в трезвых советах хозяина-практика или в полных фантазии произведениях изобразительного искусства. Век, который видел небывалое по своим масштабам и жестокости порабощение человека человеком, руины цветущих городов, опустошённые поля, массовые убийства, создал произведения, резко отличающиеся друг от друга по содержанию и по настроению. Огромное расстояние отделяет изящные безделушки Мелеагра из Гадары или изысканные по форме изображения Афродит от полных ненависти призывов к борьбе с поработителями, от стонов отчаяния, которое побуждало искать прибежища в таинственных культах или в диких суевериях. Все эти многообразные течения духовной жизни мятущегося эллинистического мира, раздираемого классовыми противоречиями, продолжали существовать и после римского завоевания, хотя последнее видоизменило эту жизнь во многих отношениях и направило её по новому руслу.



ГЛАВА XI
ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РИМСКОЙ ДЕРЖАВЕ. ВОССТАНИЯ РАБОВ

1. Расцвет рабовладельческого способа производства в Риме

Во второй половине II в. до н. э. в результате двух успешных войн с Карфагеном, глубокого проникновения в страны эллинистического Востока, подчинения Македонии и Греции Рим превратился в крупнейшую средиземноморскую державу, в гегемона не только Западного, но и Восточного Средиземноморья. Однако Рим не мог считать себя безраздельным властелином средиземноморского бассейна, пока не был окончательно уничтожен старый, побеждённый, но потенциально всё ещё грозный соперник— Карфаген.

Третья Пуническая война. Покорение Испании

В то время как силы и внимание римлян были прикованы к Востоку, побеждённому Карфагену удалось оправиться и укрепить своё экономическое положение. Вынужденные отказаться от военных захватов и активной внешней политики, карфагенские купцы и рабовладельцы вкладывают теперь свои средства в сельское хозяйство в Африке. В Карфагене начинает процветать оживлённая торговля с местными племенами, широко развивается плантационное земледелие, в городах растёт число мастерских и торговых предприятий.

Это возрождение экономической мощи Карфагена вызвало сильное недовольство в Риме, особенно среди всадничества и той части нобилитета, которая была связана с внешней торговлей. Возникла сильная и влиятельная партия, требовавшая полного уничтожения Карфагена, даже если это угрожало новой войной. Во главе этой партии стоял Марк Порций Катон (Старший), который ревностно пропагандировал эту идею и каждое своё выступление в сенате заканчивал одной и той же фразой: «А всё-таки Карфаген должен быть разрушен!».

Повод к войне найти было нетрудно. Нумидийский царь Масинисса, чувствуя поддержку римлян, держался крайне агрессивно и пытался присоединить к своим

владениям часть карфагенской территории. Произошло вооружённое столкновение, и, хотя карфагеняне были разбиты, римский сенат расценил их действия как нарушение условий договора 201 г. до н. э. и объявил войну. Так началась третья Паническая война (149—146 гг.)

Как только римская армия высадилась в Африке, карфагеняне направили к римскому командованию послов с просьбой о мире. Римляне потребовали выдачи всего оружия. Когда это было выполнено, они заявили, что жители должны оставить город, так как он будет разрушен. Это новое требование вызвало взрыв гнева и ненависти к римлянам. Карфаген начал лихорадочно готовиться к обороне; день и ночь работало всё население: ковалось оружие, укреплялись городские стены.

Осада Карфагена оказалась далеко не лёгким предприятием. Она затянулась более чем на два года. В 147 г. до н. э. командование над армией, осаждавшей Карфаген, принял Сципион Эмилиан — приёмный внук Сципиона Африканского. Он укрепил дисциплину в армии, добился полной блокады города, а весной 146 г. до н. э. приступил к общему штурму. Римляне прорвались в город, начались уличные бои, которые продолжались целую неделю, пока не было взято центральное укрепление — Бирса.

Сенатская комиссия, прибывшая в завоёванный город, вынесла решение о полном его уничтожении. Карфаген был подожжён, горел 16 дней, затем на территории разрушенного города плугом была проведена борозда в знак того, что это место предано проклятию. Карфагенские владения были включены в состав римской провинции Африки.

Но перед римлянами, после того как они уничтожили своего векового врага, стояла ещё одна сложная задача: обосноваться в бывших заморских владениях Карфагена — в Испании. Вытеснив оттуда карфагенян, они вступили в длительную и упорную борьбу с местными племенами.

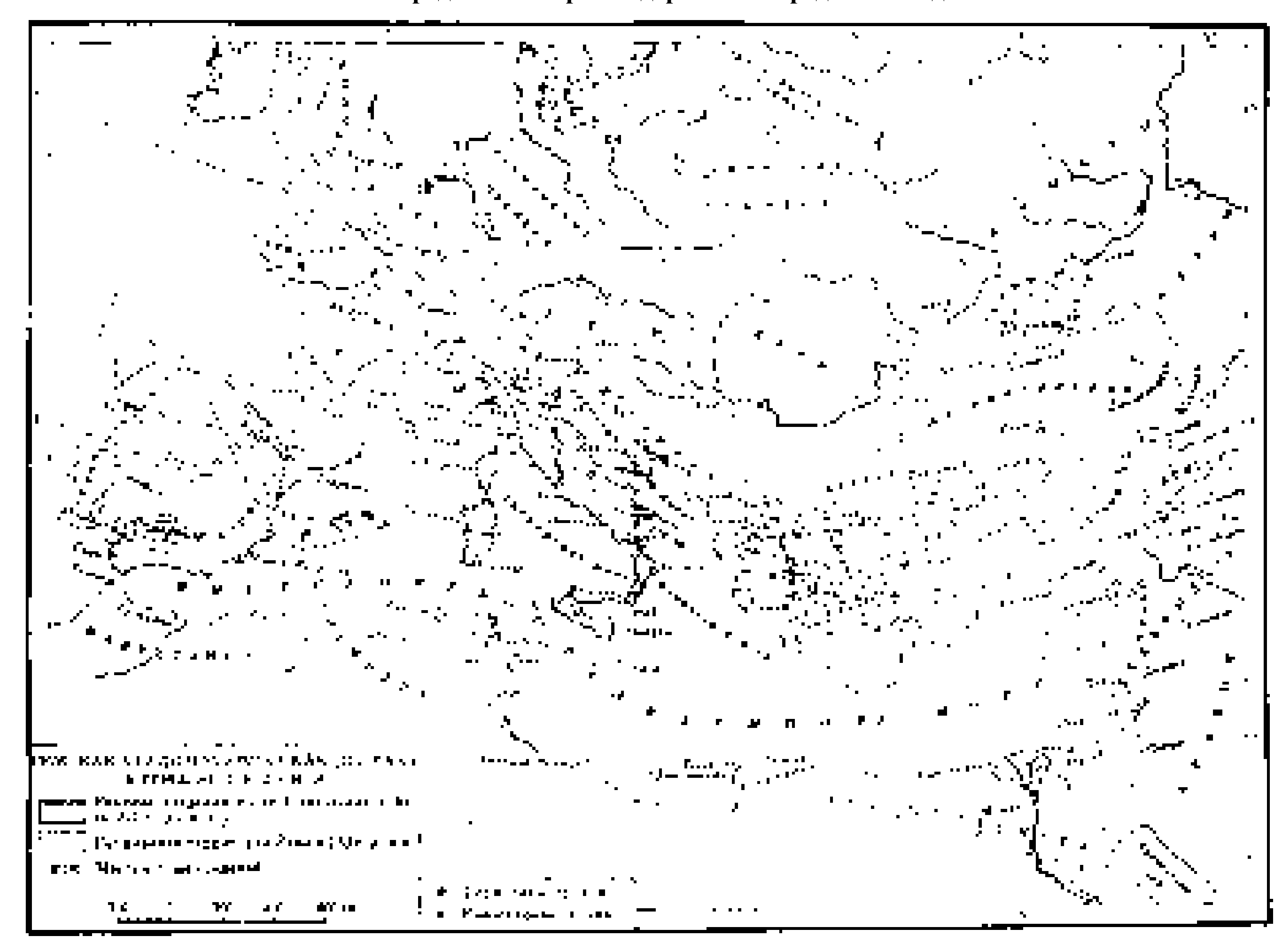
Ещё в 197 г. до н. э. в Испании вспыхнуло крупное восстание, подавленное римлянами с большим трудом. В 154 г. до н. э. произошло новое восстание, охватившее почти всю страну. В нём приняли участие различные племена: лузитаны, ареваки, кельтиберы и др. Около 147 г. до н. э. у лузитан появился талантливый вождь—бывший пастух Вириат. Римляне были вынуждены признать его царём лузитан. Движение пошло на убыль лишь после того, как Вириат пал от руки подосланных убийц. В 143 г. до н. э. на севере Испании вспыхнуло ещё одно восстание, центром которого стал город Нуманция. В 137 г. попавший в окружение римский консул Манцин подписал позорный для римлян мир с нумантинцами. Только победитель Карфагена Сципион Эмилиан сумел подавить это восстание и в 133 г. после 15-месячной осады овладел Нуманцией.

Третьей Пунической войной, окончательным покорением Испании и превращением Пергамского царства в римскую провинцию Азию был завершён процесс образования Римской державы—крупнейшего рабовладельческого государства средиземноморского мира.

Развитие рабовладения в Риме. Концентрация земель и образование латифундий

Завоевательные войны, которые велись римлянами почти 120 лет в бассейне Западного, а затем и Восточного Средиземноморья, сопровождались притоком в Италию огромных масс рабов. Ещё во время первой Пунической войны взятие Агригента (Акраганта) дало римлянам 25 тыс. пленных, которые были проданы в рабство. Шесть лет спустя консул Регул, одержав победу над карфагенянами при мысе Экноме, отправил в Рим 20 тыс. рабов. В дальнейшем эти цифры неуклонно растут. Фабий Максим при взятии Тарента в 209 г. до н. э. продал в рабство 30 тыс. жителей. В 167 г. до н. э. при разгроме городов Эпира консулом Эмилием Павлом было продано в рабство 150 тыс. человек. Окончание третьей Пунической войны ознаменовалось продажей в рабство всех жителей разрушенного Карфагена. Даже эти отрывочные, разрозненные и, видимо,

Римская Средиземноморская держава в середине II в. до н. э.



далеко не всегда точные данные римских историков дают представление о тех многотысячных массах рабов, которые хлынули в Рим.

Невольничьи рынки существовали почти во всех крупных центрах Римского государства. В самом Риме рынок рабов находился возле храма Кастора. Оптовая торговля рабами, как уже говорилось, шла на острове Делос. Цены колебались в зависимости от притока рабов на рынок. В период крупных завоеваний цены резко падали. «Дёшев, как сард», — говорили в Риме после захвата Сардинии. После завоевания Понтийского царства рабов продавали по 4 денария. Однако цены на образованных рабов или рабов, обладавших особой квалификацией (танцовщицы, повара, актеры), были значительно выше. Следует отметить, что до сих пор ни в одной стране древнего мира — ни в Греции, ни в эллинистических государствах — не было такого огромного количества рабов и такой их дешевизны.

Часть рельефа саркофага Анния Октавия Валериана.
Вверху сцена пахоты, внизу—хлебопечения.

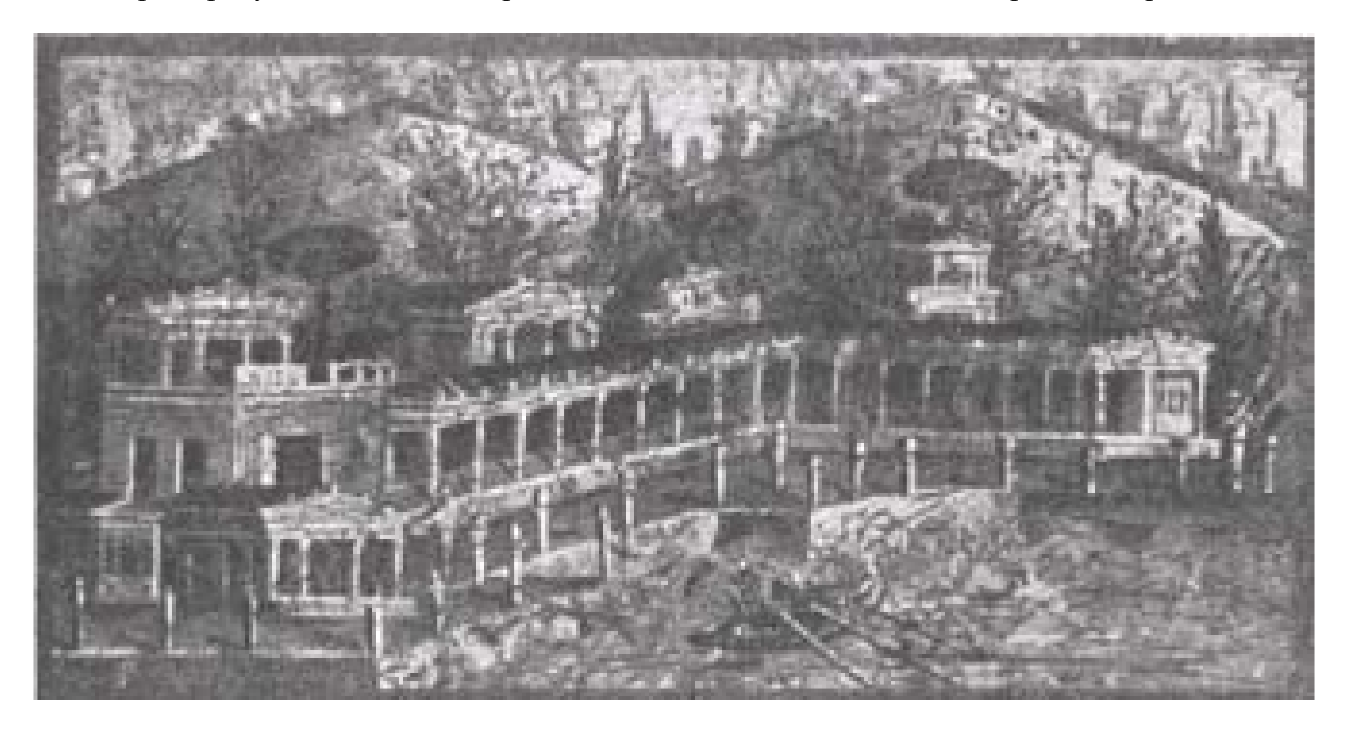
Огромный рост числа рабов привёл и к качественным изменениям в социально-экономической структуре римского общества: к преобладающему значению рабского труда в производстве, к превращению раба в основного производителя римского общества. Это и знаменовало собой полную победу рабовладельческого способа производства в Риме.

Широкое внедрение труда рабов в производство неизбежно приводило к вытеснению свободного производителя. Так как Италия продолжала оставаться аграрной страной, то здесь результаты этого процесса сказались, в первую очередь, в области сельскохозяйственного производства: прямым следствием его явилась, с одной стороны, концентрация земли, образование крупных рабовладельческих поместий (латифундий) и, с другой стороны, обезземеление и пауперизация крестьянства. До II в. до н. э. в большей части Италии преобладали мелкие и средние хозяйства, покоившиеся в основном на труде свободных производителей. По мере развития рабовладения в Риме эти хозяйства начинают вытесняться хозяйствами совершенно иного типа, основанными на массовой эксплуатации рабского труда и производящими продукцию уже не только для удовлетворения собственных нужд, но и для продажи. Римский историк Аппиан так изображает этот процесс: «Богачи, заняв большую часть этой неподелённой земли (т. е. «общественного поля». — *Ред.*) и вследствие давности захвата надеясь, что у них её не отберут, стали присоединять к своим владениям соседние участки бедных, частью скупая их за деньги, частью отнимая силой, так что в конце концов в их руках вместо небольших поместий оказались огромные латифундии. Для обработки полей и охраны стад они стали покупать рабов...».

Крупные италийские имения в несколько тысяч югеров были, как правило, слабо связаны с рынком, так как всё необходимое, включая и ремесленные изделия, производилось в них руками рабов, должников и клиентов. В таких имениях наряду с землями, обрабатывавшимися трудом рабов, часть земель использовалась под огромные пастбища для скота, часть раздавалась небольшими участками клиентам. Но встречались и хозяйства средних размеров (в несколько сот югеров), где также

работали рабы, а иногда, во время сенокоса, жатвы, сбора винограда,— свободные подёнщики. Эти имения-виллы были гораздо теснее связаны с рынком.

Таким хозяйством, рассчитанным в значительной мере на развитие в нём товарного производства, является образцовая вилла, описываемая известным римским государственным деятелем Катоном Старшим в его трактате «О земледелии». Катон рассматривает поместье, имеющее комплексное хозяйство: оливковую рощу в 240 югеров (60 *га*), виноградник в 100 югеров (25 *га*), а также зерновое хозяйство и пастбище для скота. В таком поместье применяется преимущественно труд рабов. Катон указывает, что для ухода за виноградником в 100 югеров требуется не менее 14 рабов, за оливковым садом в 240 югеров — 11 рабов.



Кампанская вилла.
Роспись в доме Марка Лукреция Фронтона в Помпеях. I в. н. э.

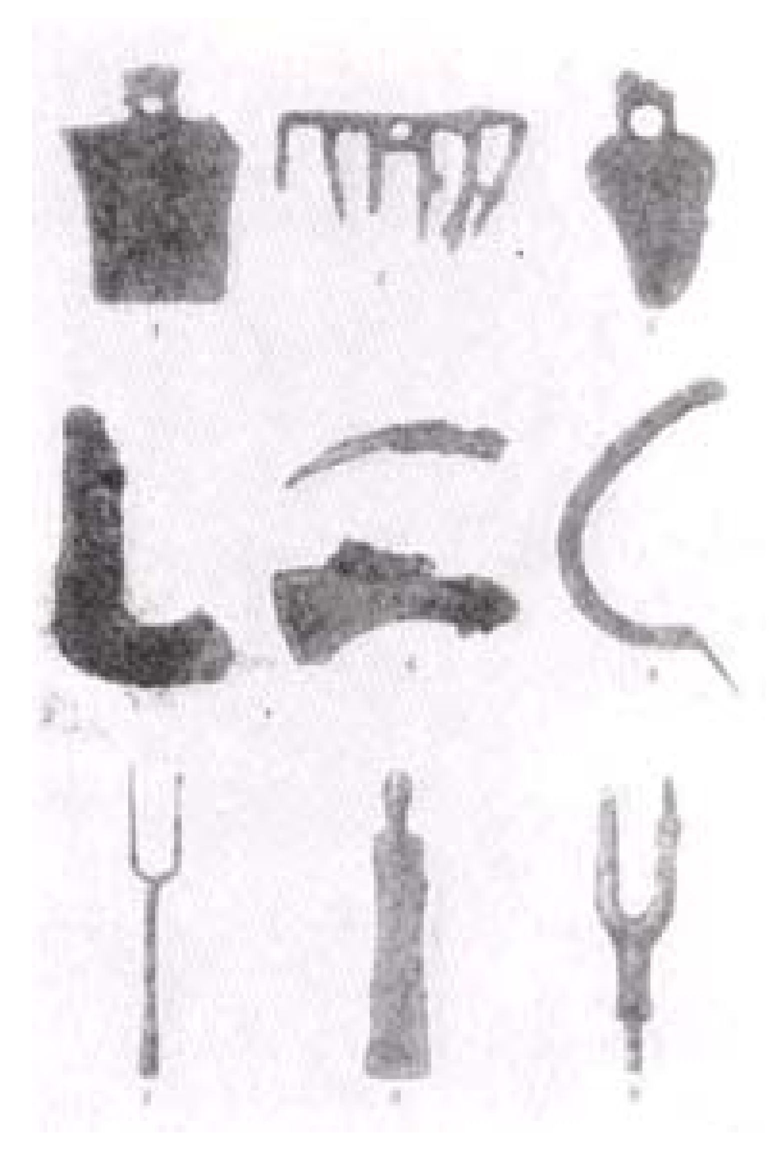
Далее он даёт детальные советы относительно того, как следует рациональнее эксплуатировать рабов, рекомендуя занимать их делом и в дождливые дни, когда работы в поле не производятся, и даже в дни религиозных праздников. Раба, по мнению Катона, следует держать до тех пор, иска он может работать, когда же он заболеет или состарится, от него следует скорее избавиться наряду с другими ненужными в хозяйстве вещами: порченым скотом, железным ломом, старыми телегами. Во главе управления имением должен стоять вилик, назначаемый из числа наиболее преданных и сведущих в сельском хозяйстве рабов, жена вилика выполняет обязанности ключницы и кухарки.

Проблема товарности хозяйства во времена Катона выдвигается на первый план. Но случайно, разбирая вопрос о покупке имения, Катон прежде всего советует обращать внимание не только на плодородие почвы, но и на то, чтобы «поблизости был значительный город, море, судоходная река или хорошая дорога», имея в виду перевозку и продажу продукции. «Хозяин должен стремиться,—говорит Катон,— побольше продавать и поменьше покупать».

Катон описывает в своём труде поместье средних размеров, типичное для Центральной Италии. На юге Италии, а также в Сицилии и Африке были распро-

странены преимущественно огромные рабовладельческие латифундии, насчитывавшие сотни и тысячи югеров. В этих имениях работало огромное количество рабов, причём положение их было крайне тяжёлым. Часто, чтобы предупредить возможность побега, рабов заставляли работать в цепях и колодках, а на ночь их запирали в особые помещения казарменного типа—эргастулы, где они находились под строгим надсмотром.

Оборотной стороной процесса развития латифундий, как уже упоминалось, было обезземеление и разорение крестьянства. Мелкие и средние крестьянские хозяйства гибли, главным образом вследствие захватов земель крупными рабовладельцами. Разрушительное действие на крестьянские хозяйства оказали и беспрерывные войны III и II вв. до н. э., на многие годы отрывавшие крестьян от их труда или, как это было во время войны с Ганнибалом, непосредственно разорявшие их хозяйства.



Римские железные сельскохозяйственные орудия:
1.Мотыга обычной формы. 2.Грабли. 3.Заострённая мотыга.
4. Садовый нож. 5 Кирка-топорик, 6. Серп. 7 и 9. Вилы.
8. Мотыга удлинённой формы.
Найдены на вилле Л. Гелия Флора близ дер. Боскореале (Помпеи).

Обезземеленные крестьяне частично превращались в арендаторов или подёнщиков. Но так как к найму последних прибегали только в страдную пору (покос, жатва, сбор винограда и т. д.), то подёнщики не могли рассчитывать на сколько-нибудь обеспеченный и постоянный заработок. Огромные массы разорённых крестьян хлынули в город. Меньшая часть из них занялась производительным трудом: превратилась в ремесленников, строительных рабочих и т. п. Они объединялись в специальные ремесленные коллегии, куда в дальнейшем наряду со свободными стали входить и рабы. Из надписей, как римских, так и найденных на юге Италии, известны коллегии бронзовщиков, ювелиров, парфомеров, портных, красильщиков, сукновалов, строителей. В это время наблюдается определённая специализация ремесла по городам. Тот же Катон даёт советы относительно того, какие изделия ремесленного производства следует закупать в Риме, Минтурнах, Капуе, Помпеях и в других италийских городах. На севере Италии наиболее крупными ремесленными центрами были ряд городов Этрурии (Популония, Тарквиний и др.), а на юге — кампанские города, главным образом Капуя и Нола.

Но подавляющее большинство разоренных людей не могло найти себе постоянной работы. Доведенные нуждой до крайности, они превращались в деклассированный слой населения, в античный люмпен-пролетариат. Они ничем не брезгали в поисках случайного заработка: продажей голосов на выборах, лжесвидетельскими пока-

заниями в судах, доносами и воровством. Они жили за счёт общества, жили на те жалкие подачки, которые перепадали им от римских богачей и политических деятелей, искавших популярности, за счёт государственных раздач,— в конечном итоге, они жили за счёт эксплуатации труда рабов.

Рост торговли и денежно-ростовщического капитала

Превращение Рима в крупнейшую морскую державу содействовало широкому развитию внешней торговли. Если нужды римского населения в предметах ремесленного производства в основном удовлетворялись местными промыслами, то сельскохозяйственные продукты ввозились из провинций или из зависимых от Рима стран, а предметы роскоши — из Греции и стран эллинистического Востока. На Делосе, где встречались купцы различных стран, возникают ассоциации италийских купцов, главным образом кампанцев или южноиталийских греков, которые считались находящимися «под покровительством» того или иного божества.

Из Италии вывозилось вино, оливковое масло, металлические изделия. Ввоз товаров в Италию всегда преобладал над вывозом. Однако в период республики, в период победоносных войн Рима это ещё не могло привести к подрыву италийской экономики: преобладание ввоза над вывозом компенсировалось и даже во много раз перекрывалось постоянным притоком денег и других ценностей в Италию в результате завоеваний.

Римские завоевания обеспечивали также непрерывный приток денежного капитала в Рим. После первой Пунической войны римская казна получила 3 200 талантов контрибуции. Контрибуция, наложенная на карфагенян после второй Пунической войны, равнялась 10 тыс. талантов, а на Антиоха III после окончания Сирийской войны —15 тыс. талантов. Военная добыча римских полководцев бывала колоссальной. Плутарх описывает триумфальный въезд в Рим победителя при Пидне Эмилия Павла. «Триумф длился три дня, в течение которых непрерывно проносили и везли на колесницах захваченные произведения искусства, драгоценное вооружение, огромные сосуды, наполненные золотой и серебряной монетой». В 189 г. до н. э. после битвы при Магнесии римляне захватили в качестве военной добычи 1230 слоновых клыков, 234 золотых венка, 137 тыс. фунтов серебра (1 римский фунт = 327 а), 224 тыс. серебряных греческих монет, 140 тыс. македонских золотых монет, большое количество изделий из золота и серебра.

Вплоть до II в. до н. э. Рим испытывал известный недостаток в серебряной монете, но после всех этих завоеваний, в особенности после захвата испанских серебряных рудников, Римское государство получило полную возможность обеспечить регулярный выпуск серебряных денег.

Все эти обстоятельства привели к широкому развитию денежно-ростовщического капитала в Римском государстве. Одной из организационных форм развития этого капитала были компании откупщиков (так называемых *публиканов*), бравшие на откуп главным образом налоги в римских провинциях, а также различные подряды на общественные работы в самой Италии. Они занимались и кредитно-ростовщическими операциями, причём особенно широко в восточных провинциях, где оставались в силе законы и обычаи, сохранявшие продажу в рабство за долги, и где ссудный процент был почти не ограничен и доходил до 48—50. Торговыми, откупными и ростовщическими операциями занимались преимущественно представители римского всаднического сословия. Они превращаются в новый слой римской рабовладельческой знати — в торгово-денежную аристократию.

Наряду с компаниями откупщиков возникли и другие формы денежно-ростовщической деятельности. В Риме были довольно широко распространены меняльные конторы, владельцы которых назывались *аргентариями.* Они занимались не только разменом, но и ссудой денег под проценты, а также хранением денег и

переводом денежных сумм одного вкладчика на счёт другого. Это были главным образом вольноотпущенники и чужестранцы (часто греки). Профессия менял не считалась почётной, и представители высших слоев римского общества подобными операциями, во всяком случае открыто и непосредственно, предпочитали не заниматься.

Рим и провинции

Государственный аппарат Римской республики возник и оформился ещё в то время, когда Рим представлял собой типичный город-государство. Этот аппарат отвечал интересам и нуждам сравнительно небольшой общины граждан, строившейся на относительно примитивных основах. Теперь же, когда Рим превратился в крупнейшую средиземноморскую державу, старые республиканские учреждения оказались непригодными, не отвечающими нуждам и интересам новых общественных слоев.

Консервативность и устарелость республиканского государственного аппарата, его несоответствие новым условиям впервые дали себя знать ещё при попытке разрешения проблемы управления завоеванной Италией. Римлянам не удалось создать единого, централизованного италийского государства, но пришлось лишь ограничиться организацией довольно пёстрой федерации общин, среди которых Рим был лишь наиболее крупной, занимавшей господствующее положение, главным образом благодаря своим военным силам.

Ещё более ярким примером устарелости и несоответствия республиканского государственного аппарата новым задачам является организация управления римскими провинциями. Когда Рим оказался обладателем огромных заморских территорий, то сразу обнаружилась полная неприспособленность государственного аппарата для рациональной, с точки зрения самого господствующего класса, эксплуатации этих территорий. Римская система управления провинциями ярко вскрывает картину бессистемности и примитивности методов эксплуатации провинций.

В середине II в. до н. э. в состав Римской державы входило девять провинций: шесть на Западе — Сицилия, Сардиния, Корсика, Цизальпинская Галлия, Испания, Африка, и три на Востоке — Иллирия, Македония, Азия. Правовое положение городов в этих провинциях было различно: большая их часть относилась к категории зависимых общин, платящих налоги. Наряду с зависимыми общинами существовали «свободные общины», пользовавшиеся полной автономией и иногда даже освобождавшиеся от уплаты налогов. Права некоторых общин устанавливались специальными договорами, и такие общины назывались договорными. Таким образом, римское правило «разделяй и властвуй» применялось и здесь.

Провинциальная система управления складывалась постепенно и в значительной мере стихийно. Не существовало никаких общих законодательных установлений, касавшихся провинций. Каждый новый правитель провинции, вступая в свою должность, обычно издавал эдикт, в котором определял, какими принципами он будет руководствоваться при управлении провинцией.

В качестве правителей или наместников провинций римляне посылали сначала преторов, а затем консулов по окончании срока их полномочий в Риме (проконсулов). Наместник назначался для управления провинцией, как правило, на год и в течение этого срока не только располагал в своей провинции всей полнотой военной, гражданской и судебной власти, но фактически не нёс никакой ответственности за свою деятельность перед римскими властями. Жаловаться на злоупотребления жители провинций могли лишь после того, как наместник сдавал свои дела преемнику, но такие жалобы редко имели успех. Таким образом, деятельность наместников в провинциях была бесконтрольной.

Почти все провинциальные общины облагались прямыми, а иногда и косвенными налогами, главным образом таможенными сборами. На местное население помимо налогов ложилось всей своей тяжестью содержание провинциальных намест-

ников, их штата, а также римских войск, расквартированных в провинциях. Но особенно разорительной для провинциалов была деятельность римских публиканов и ростовщиков. Компании публиканов, бравшие на откуп сбор налогов в провинциях, вносили в римскую казну заранее определённые суммы, а затем выколачивали их с огромными излишками из местного населения. Хищническая деятельность публиканов и ростовщиков разоряла не только мелких землевладельцев и ремесленников, но и провинциальную знать, провинциальные города, разоряла целые страны, некогда цветущие, а жителей этих стран низводила до положения рабов.

Классовая борьба в римском обществе во II в. до н. э.

Римское общество представляло собой пёструю картину враждующих классов. Среди свободного населения шла напряжённая борьба за землю между крупными и мелкими землевладельцами» представленными в Риме, в первую очередь, сельским плебсом. Внутри самого класса рабовладельцев начинала разгораться борьба между землевладельческой знатью (нобилитетом) и новой торгово-ростовщической аристократией (всадничеством). Всадничество стремилось к самостоятельной политической роли в государстве и в этой борьбе против политически всесильного нобилитета блокировалось иногда с сельским, а затем с городским плебсом. Городской плебс к этому времени превращается в такую политическую и социальную силу, которая хотя и не имела самостоятельного значения, но в качестве союзника или врага могла оказать решающее влияние на исход того или иного политического столкновения. Отражением всех этих сложных, часто переплетающихся между собой линий борьбы служат бурные политические события эпохи кризиса и падения республики.

Важным результатом социального и политического развития в рассматриваемую эпоху является факт расширения господствующего класса Римской державы, включившего теперь в себя слои муниципальной, т. е. италийской, а затем и провинциальной знати. Этот процесс во II в. до н. э. ещё только намечался, но он имел определающее значение, так как именно эти новые элементы господствующего класса менее всего были заинтересованы в сохранении традиционных республиканских форм.

В результате развития рабовладельческого способа производства до крайности обостряется в этот период основное противоречие римского общества, противоречие между антагонистическими классами — рабами и рабовладельцами, что, в свою очередь, приводит к высшей форме классовой борьбы в древности, к восстаниям рабов невиданного прежде размаха. Сначала это были отдельные и разрозненные вспышки, как, например, заговор рабов во время второй Пунической войны, глухо упоминаемый Ливием, как заговор рабов в Лации (198 г. до н. э.), в результате раскрытия которого было казнено 500 заговорщиков, или, наконец, восстание рабов в Этрурии в 196 г. до н. э., на подавление которого пришлось бросить целый легион. Но в дальнейшем эти отдельные, разрозненные вспышки разгораются в огромный пожар «рабских войн»: таковы грандиозные сицилийские восстания и великое восстание рабов под руководством Спартака.

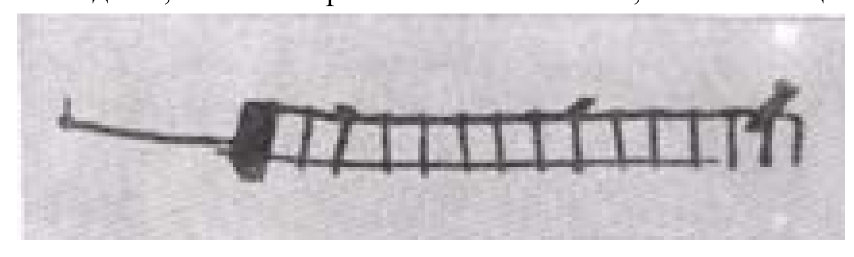
2. Восстания рабов в середине II в. до н. э. Аграрное движение римского плебса

Первое восстание рабов в Сицилии

Внешний блеск и военное могущество Римской державы прикрывали собой глубокие и непримиримые противоречия.

Рабовладение в Риме и во многих подчинённых ему областях достигло небывалого развития по сравнению с другими государствами древнего мира. Положение рабов было особенно тяжёлым в тех частях Римского государства, где складывался такой тип хозяйства, который был рассчитан на производство товаров для продажи и вместе с тем для выплаты податей Риму. Классическим образцом в этом смысле была

Сицилия. В рабовладельческих латифундиях Сицилии, которыми владели местные богачи и римские всадники, скопилась масса рабов из Сирии, Греции, Киликии. Людей, ещё недавно свободных, клеймили раскалённым железом, сковывали цепями и гнали на поля или в рудники. Хозяева, по словам римского историка Диодора Сицилийского, «очень мало заботились об их (рабов.—*Ред.*) пропитании и одежде», тем самым заставляя их заниматься грабежом на больших дорогах. Постепенно в среде рабов нарастало возмущение.



Железная ножная колодка для заключенных рабов.
Найдена в эргастуле, загородной виллы в окрестностях Помпей

В 137 г. до н. э. рабы славившегося своей жестокостью богача Дамофила, доведённые до отчаяния нуждой и пытками, подняли восстание. Во главе их стал раб Эвн, сириец по происхождению, слывший пророком. Восставшие захватили город Энну и расправились с наиболее жестокими рабовладельцами. К ним быстро начали присоединяться рабы из других городов и латифундий. Одновременно в городе Агригенте под руководством киликийца Клеона также началось восстание рабов, которые вскоре присоединились к Эвну. Через некоторое время восставшие уже насчитывали в своих рядах 200 тыс. человек. Своим царём они избрали Эвна, который при этом принял популярное в Сирии имя Антиоха. При нём состоял совет из наиболее уважаемых рабов. Среди них особенно выделялся грек Ахей, оказавшийся способным полководцем. Так угнетённые и эксплуатируемые рабы сделали попытку создать собственное государство.

В первые годы у римского правительства не хватало сил, чтобы подавить восстание. Несколько важнейших городов Сицилии — Тавромений, Агригент, Катана, Мессана, Энна — оказались в руках восставших. Посылавшиеся из Рима войска терпели одно поражение за другим. О внутренней организации царства Эвна, просуществовавшего около пяти лет (137—132 гг.), источники сообщают мало. Известно, однако, что повстанцы громили крупные латифундии, а мелкие крестьянские хозяйства оставляли неприкосновенными. Рабы, по словам Диодора, «не сжигали мелких вилл, не уничтожали в них ни имущества, ни запасов плодов и не трогали тех, которые продолжали заниматься земледелием». Поэтому восставшие рабы пользовались сочувствием и поддержкой свободной бедноты, страдавшей от роста крупного землевладения и ростовщичества. Рабы овладели оружейными мастерскими, которые начали изготовлять для них оружие. Известно также, что рабы действовали организованно и что надежды рабовладельцев на разлад между вождями восстания — Эвном и Клеоном — не оправдались, так как Клеон добровольно подчинился Эвну.

В 132 г. до н. э. против рабов был послан со значительной армией консул Рупилий. Долгое время он осаждал два главнейших укрепления восставших — Тавромений и Энну. Даже историки из среды рабовладельцев вынуждены отметить стойкость и мужество, с которыми выдерживали осаду повстанцы. Рупилию удалось овладеть обоими городами только вследствие измены в лагере рабов. Клеон пал в бою. Эвн был схвачен и замучен в тюрьме. Множество участников восстания было казнено.

Движения рабов в других районах Средиземноморья

Одновременно с Сицилийским восстанием происходило крупное восстание рабов и свободной бедноты в Малой Азии во главе с Аристоником.

Борьба рабов за свободу, крестьян за землю переплеталась здесь с борьбой народа против римского господства, опиравшегося на местных царьков, крупных землевладельцев, рабовладельцев, торговцев и ростов-

щиков, которые объединились с присланной римским правительством армией. Лить после трёх лет ожесточённой борьбы римлянам удалось сломить сопротивление восставших.

Источники сообщают, что Аристоник мечтал основать «город солнца» и называл своих последователей «гражданами солнечного города» — гелиополитами. Возможно, что эту идею он заимствовал из романа Ямбула, описавшего сказочное государство солнца, в котором все должны быть равны и свободны; там не должно быть ни денег, ни торговли, ни тяжёлого подневольного труда, ни богатства, ни бедности. В основе этой утопии лежала идеализация первобытно-общинного строя, идеализация прошлого.

Рабы и крестьяне, боровшиеся с развивавшимися рабовладельческими отношениями, были не в состоянии переустроить общество на новых, более прогрессивных началах. Тем не менее классовая борьба рабов с середины II в. до н. э. играла ведущую роль, обостряя все противоречия рабовладельческого строя. В начавшемся с этого времени кризисе Римской республики эта борьба также была важнейшим фактором.

Восстания рабов помимо Сицилии и Пергама охватили и другие территории Римского государства. В италийских городах Минтурнах и Синуессе, в рудниках Аттики и Македонии, на крупнейшем рабском рынке—острове Делос происходили волнения рабов. Хотя все эти движения были подавлены с обычной для рабовладельцев жестокостью (в одних только Минтурнах было распято 450 рабов), они явились грозным предостережением для правящего класса.

Предпосылки движения Гракхов

Другим тревожным симптомом для господствующего класса было ослабление военного могущества Рима, явившееся результатом обезземеления крестьянства. По цензу 154 г. до н. э. число взрослых мужчин, пригодных для службы в легионах, т. е. имевших земельную собственность и римское гражданство, составляло около 324 тыс., по цензу 136 г. до н. э.— уже около 318 тыс. При наличии цензового принципа в комплектовании армии граждане, лишившиеся земли, выбывали из состава военных контингентов. Численность армии и её боеспособность падали. Рим утрачивал характер античного полиса, в котором подавляющее большинство граждан состояло из земледельцев-воинов. Могущество Рима, его власть над населением завоёванных территорий и дальнейшее расширение этих территорий ставились под угрозу. Среди бедноты назревало недовольство, которое всегда могло перейти в открытое возмущение. Сицилийское восстание показало, что в случае такого возмущения свободная беднота легко могла оказаться в одних рядах с восставшими рабами.

Всё это вызывало серьёзное беспокойство в среде правящих слоев. Особенно была встревожена наиболее дальновидная часть нобилитета. В одном из аристократических кружков, группировавшемся вокруг Сципиона Эмилиана, зародилась мысль о необходимости проведения широкой аграрной реформы, направленной на восстановление крестьянского землевладения, возрождение крестьянства, а, следовательно, и армии. Наряду с землями, находившимися в частной собственности, в Риме ещё продолжали существовать обширные территории «общественного поля». В середине II в. до н. э. подавляющая часть этих земель была оккупирована богатыми нобилями, которые широко использовали труд своих многочисленных рабов. Участники кружка Сципиона предлагали подвергнуть эту землю перераспределению: частично изъять её у крупных владельцев, поскольку право распоряжаться этими земельными фондами сохранилось за государством, и затем распределить эту землю более мелкими участками среди малоземельного или вовсе безземельного крестьянства.

Однако римские нобили, владея этими землями из поколения в поколение в течение многих десятилетий, привыкли смотреть на них, как на свою собственность; поэтому всякая попытка проведения аграрной реформы не могла не натолкнуться на их ожесточённое сопротивление.

Тиберий Гракх

Борьбу за проведение реформы возглавил участник кружка Сципиона и его родственник — Тиберий Гракх. Он принадлежал к знатному плебейскому роду Семпрониев. Предки Тиберия не раз занимали ведущие магистратуры. Со стороны матери он был внуком Сципиона Африканского, победителя Ганнибала при Заме. Рано вступив на путь военной и политической деятельности, Тиберий выдвинулся во время осады и штурма Карфагена, а затем в Нумантинской войне. Рассказывали, что на Тиберия, когда он отправлялся на войну, произвёл неизгладимое впечатление вид Этрурии, где вместо свободных римских земледельцев он увидел только рабов, работавших на полях или пасших скот на пастбищах своих владельцев. Сильное влияние на него имели его близкие друзья — ритор Диофан из Митилены и стоик Блоссий из Кум. Они познакомили его с некогда вдохновлявшими народных вождей и реформаторов эллинистической Греции идеями возрождения полиса свободных, равных граждан, владеющих неотчуждаемыми земельными наделами.

Тиберий был избран народным трибуном на 133 г. до н. э. Вступив в эту должность, он, ссылаясь на древний закон Лициния и Секстия, выдвинул свой проект установления ограничительной нормы для арендаторов государственной земли, изъятия у них излишков земли и перераспределения этих излишков между малоземельными и безземельными римскими гражданами. Согласно этому законопроекту, глава семьи мог владеть не более чем 500 югерами государственной земли, на каждого взрослого сына прибавлялось ещё по 250 югеров, но в общей сложности не более тысячи югеров на одну семью. Изъятая сверх этой нормы у крупных владельцев земля должна была делиться на участки по 30 югеров и раздаваться беднейшим гражданам в вечное и неотчуждаемое арендное пользование. Для проведения этой реформы Тиберий предложил создать особую комиссию из трёх лиц, уполномоченных разрешать все вопросы, связанные с изъятием и распределением земли.

Выдвинув свой законопроект, Тиберий попробовал, как сообщает Аппиан, обратиться к сенату. «Римляне,— говорил он,— завоевали большую часть земли и владеют ею; они надеются подчинить себе и остальную её часть. В настоящее время перед ними встаёт решающий вопрос: приобретут ли они остальную землю благодаря увеличению числа боеспособных людей или же и то, чем они владеют, враги отберут у них вследствие их слабости». Однако большая часть сенаторов, оккупировавших крупные площади государственных земель, выступала ярыми противниками Тиберия.

Зато плебс горячо поддержал Тиберия. Законопроект Тиберия стал знаменем, вокруг которого объединились мелкие землевладельцы для борьбы против крупных собственников-рабовладельцев. Со всех концов Италии стекались в Рим крестьяне, чтобы принять участие в голосовании. Тиберий, помышлявший вначале лишь о сохранении военного могущества Рима, логикой событий превратился в вождя широкого народного движения. Окружённый толпами своих сторонников, он обращался к ним с горячими речами: «И дикие звери в Италии,— говорил он,— имеют логова и норы, куда они могут прятаться, а люди, которые сражаются и умирают за Италию, как кочевники, бродят повсюду с жёнами и детьми... Ведь у множества римлян нет ни отчего алтаря, ни гробниц предков, а они сражаются и умирают за чужую роскошь, чужое богатство».

Плебс толкнул умеренного и осторожного Тиберия на путь решительных действий. Когда в народном собрании проходило голосование его законопроекта и другой народный трибун, Октавий, по наущению сената, наложил на этот законопроект трибунский запрет (вето), Тиберий поставил на голосование вопрос: «Может ли быть народным трибуном тот, кто идёт против интересов народа?». Собрание единодушно дало отрицательный ответ. Октавий был отстранён от должности. Это был беспрецедентный случай: по неписаной, но неуклонно соблюдавшейся римской конституции ни один магистрат не мог быть отстранён от должности до окончания срока полномочий.

После отстранения Октавия законопроект Тиберия был принят народным собранием. Он сам, его младший брат Гай и его тесть Аппий Клавдий были избраны в аграрную комиссию. Вскоре Тиберий прямо посягнул и на прерогативы сената, проведя через его голову в народном собрании закон об использовании доходов от провинции Азии для оказания помощи получающим наделы.

Преодолевая ожесточённое сопротивление крупных землевладельцев, комиссия энергично проводила реформу. Но время шло, и приближался срок окончания годичных полномочий Тиберия в должности трибуна. Хорошо понимая, какое значение имеет для дальнейшего проведения реформы его власть трибуна, Тиберий вопреки обычаю вторично выставил свою кандидатуру на эту магистратуру на следующий, 132 г. Нобили, уже готовившиеся расправиться с ненавистным им вождем плебса когда он станет частным лицом, сосредоточили теперь все усилия на том, чтобы не допустить вторичного избрания Тиберия. На пего посыпались обвинения в нарушении стародавних государственных установлении, в стремлении захватить единоличную тираническую власть и т. д.

В день выборов враги реформы вооружили своих клиентов и сторонников, чтобы силой пометить голосованию. Положение Тиберия осложнялось тем, что многие из крестьян, занятых в это время сельскохозяйственными работами, не могли попасть на выборы в Рим. Когда граждане собрались на Форуме для голосования, произошла схватка, вооружённый отряд сената разгромил гракханцев; 400 человек из них в том числе и сам Тиберий, были убиты. Тела их были брошены в Тибр, а из уцелевших гракханцев многие были изгнаны из Рима. Блоссий бежал к Аристонику, принял активное участие в восстании и погиб после его разгрома.

Но открыто ликвидировать аграрную комиссию сенат не решился. Она продолжала свою деятельность и после гибели Тиберия (пополнившись новыми членами). В общей сложности за 15 лет её деятельности около 80 тыс. человек получили земельные наделы. Но противники реформы всячески тормозили сё работу. Давность владения и отсутствие документов зачастую делали невозможным определить, какие участки принадлежали владельцу на правах частной собственности и какие по праву оккупации. На этой почве возникали бесконечные тяжбы и конфликты, которые комиссия должна была разбирать.

Впервые в связи с аграрной реформой со всей остротой встал вопрос об италиках. По закону Гракха у италийских союзников Рима государственные земли отбирались, а 30-югерных участков, распределяемых только среди римских граждан, они получать не могли. В этом проявлялась определённая ограниченность гракханского движения. Несмотря на то, что италики участвовали наравне с римскими гражданами во всех войнах Рима, преимущества римских граждан на них не распространялись. Богатые италики стремились получить римское гражданство, чтобы на равных правах участвовать в эксплуатации провинций, бедным италикам римское гражданство дало бы право на земельные наделы и несколько защитило бы их от произвола римских властей.

По мере обострения борьбы за реформу от неё стали отходить некоторые её прежние сторонники из среды нобилитета. Между ними был и Сципион Эмилиан. Недовольство италиков дало ему предлог затормозить деятельность аграрной комиссии; по его предложению решение дел о спорных землях было передано консулам.

В 125 г. до н. э. сторонник реформы Гракха консул Флакк предложил было компенсировать италиков дарованием им римского гражданства, но это предложение встретило такую бурю негодования в сенате, что Флакк даже не решился поставить его на голосование. Провал проекта Флакка вызвал восстания в италийских городах Аскуле и Фрегеллах.

Трибунат Гая Гракха

В этой напряжённой обстановке сторонникам аграрной реформы удалось провести в народные трибуны на 123 г. брата Тиберия Гракха — Гая, обладавшего блестящим ораторским дарованием и незаурядными способностями государственного деятеля. Гай занимал должность народного трибуна два года и за это время не только восстановил действие аграрного закона Тиберия, но и провёл ряд других важных мероприятий.

Учитывая опыт Тиберия, он старался противопоставить сенату широкий блок, в котором большую роль играл уже не только сельский, но и городской плебс и всадники. Так, например, он провел хлебный закон, снизивший цены на хлеб до $6^1/_3$ аса за модий, что составляло примерно половину его обычной цены. Он же потребовал, чтобы плебс бесплатно допускался на театральные представления. Проведением этих законов Гаю Гракху удалось значительно увеличить число своих сторонников. Другой закон Гая отдавал на откуп римским всадникам сбор налогов и пошлин, установленных для провинции Азии. Чтобы обезопасить откупщиков от судебных преследований, суды по разбору дел о злоупотреблениях в провинциях передавались всадникам, из числа которых и выходили самые крупные откупщики. Закон об азиатских откупах был выгоден и многим более или менее состоятельным плебеям, участвовавшим в откупных товариществах. Чтобы увеличить доходы представителей этих кругов, Гай Гракх наметил план широкого государственного строительства дорог и общественных зданий, к которому привлекались подрядчики с их рабами; строительные работы могли также доставить заработок и свободной бедноте.

Изыскивая новые земельные фонды для предоставления наделов неимущим, Гай Гракх впервые задумал прибегнуть к колонизации провинций. Он провёл закон об основании колонии на месте разрушенного Карфагена, где 6 тыс. человек должны были получить по 200 югеров земли для организации крепких хозяйств. Это мероприятие должно было содействовать укреплению римского влияния и власти в провинциях, а вместе с тем разрядить напряжённую обстановку в Италии.

Все эти начинания встречали поддержку как плебса, так и всадников, сплотившихся против нобилитета. Время Гракхов было временем недолгого подъёма римской рабовладельческой демократии, но исторические условия в Риме сложились менее благоприятно для развития демократии, чем в Афинах. Большее, чем в Греции, развитие рабства и огромные доходы, извлекавшиеся за счёт ограбления провинций, ускоряли превращение значительной части городского плебса в элементы чисто паразитические. Те же причины позволили крупным рабовладельцам, нобилитету, подкармливая городской плебс, удерживать ведущую роль в политической жизни. Сельский плебс был слаб и раздроблён из-за деления крестьянства на римских граждан и италиков. Когда Гай Гракх внёс проект о наделении италиков гражданскими правами, среди его сторонников начался раскол. Всадники боялись конкуренции италийских дельцов, плебс — новых претендентов на землю и дешёвый хлеб.

Раскол среди приверженцев Гракха был усугублен выступлением ставленника нобилитета трибуна Ливия Друза, выдвинувшего заведомо неосуществимое, демагогическое предложение об основании 12 колоний в самой Италии, что устраивало бедноту больше, чем отъезд в далёкую африканскую провинцию. Вскоре после того, как Гай Гракх вернулся из Африки, куда он ездил для устройства новой колонии, его противники перешли в решающее наступление. Сенат объявил в Риме чрезвычайное положение. Гай Гракх и его сторонники укрепились на Авентине. Против них выступили сенаторы, часть примкнувших к сенату всадников, наёмные критские стрелки. Как и 11 лет назад, Рим стал свидетелем кровавого столкновения, и снова гракханцы потерпели поражение. Гай был убит, за его голову была выплачена обещанная сенатом крупная награда.

Результаты движения Гракхов

Борьба, возглавлявшаяся Гракхами, окончилась неудачей. Результаты этой борьбы показали, что сохранение устойчивого мелкого землевладения — одной из основ республиканского строя — в условиях развитого рабовладения, бурно растущих денежных отношений и ростовщичества стало уже невозможным. В связи с этим и роль сельского плебса в политической жизни Рима постепенно становится всё менее и менее значительной.

После подавления гракханцев движение за аграрную реформу временно заглохло отчасти потому, что многие уже получили землю, отчасти потому, что в это время была покорена и обращена в провинцию часть заальпийской Галлии, где в 118 г. до н. э. была основана колония Нарбон. Здесь открывалось новое поло деятельности для многих римлян и италиков, которые быстро наводнили эту область, вскоре вполне романизовавшуюся.

Ряд последующих аграрных законов, итог которым подвёл закон, изданный в 111 г. до н. э., свёл на нет результаты гракханской реформы. Этот закон объявил частной собственностью италийские и провинциальные земли, находившиеся в оккупации частных лиц, и разрешал продажу наделов, розданных аграрной комиссией Гракхов. Результатом его явилась ещё большая концентрация земли в руках немногих. Уже в 104 г. до н. э. народный трибун Марций Филипп заявил, что не более 2 тыс. семей в Риме имеют какую-нибудь недвижимую собственность. Огромная масса обезземеленных крестьян обратилась в клиентов нобилей, получая у них небольшие земельные участки за выплату части урожая и исполнение разных повинностей. Так как большая часть государственной земли Италии перешла в частные руки, то для разрешения аграрного вопроса предстояло изыскивать новые пути. Нерешённым оставался и вопрос об италиках.

Смысл борьбы, которая развернулась в Римской республике после подавления движения Гракхов, состоял в том, что крупные рабовладельцы стремились к наибольшему развитию частной собственности и резко выступали против всех её ограничений. Объективно это была борьба за широкое развитие рабовладельческого способа производства, которое оказалось несовместимым с преобладанием мелких крестьянских хозяйств. Но, поскольку с развитием крупного частного землевладения и обезземелением вытесняемых рабами крестьян политические права широких слоев населения всё более и более урезались, это была одновременно борьба крупных рабовладельцев против рабовладельческой демократии, возможной лишь в условиях античного полиса, состоящего из граждан, которые являются вместе с тем землевладельцами. Внешне эта борьба выражалась в сложных столкновениях *оптиматов* (т. е. лучших) и *популяров* (т. е. народных), как стали именовать себя сторонники нобилитета и сторонники плебса.

Борьба оптиматов и популяров. Югуртинская война

Оптиматы и популяры не были партиями в позднейшем понимании этого слова. Они не имели ни стройной организации, ни чёткой программы, ни даже постоянного и определённого в классовом отношении состава. Вожди популяров, выходившие в подавляющем большинстве из среды аристократии, нередко переходили на сторону оптиматов, и, наоборот, оптиматы иногда переходили на сторону своих политических противников. Всё это обусловливалось многообразием противоречий и интересов различных социальных групп римского общества. Так, всадники соединялись то с нобилитетом, то с плебсом. Городской плебс, развращаемый подачками, мог в известных случаях переходить на сторону знати и выступать против сельского плебса. Большую роль играли личные связи и особенно институт клиентелы, ставивший в зависимость от знатных фамилий массу отпущенников, городских плебеев, крестьян, италиков и провинциалов. Кроме того, враждующие «партии» в отдельных случаях использовали и рабов, вооружая их на борьбу со своими противниками.

Новое обострение борьбы между оптиматами и популярами произошло в связи с событиями в Африке. После обращения большой части карфагенских владений в про-

винцию Африку римские и италийские арендаторы, купцы, ростовщики наводнили её и. соседнюю Нумидию, возбуждая к себе ненависть местного населения беззастенчивой эксплуатацией. Когда утвердившийся на нумидийском престоле Югурта овладел городом Циртой, в числе других жителей этого города были перебиты находившиеся здесь римские граждане и италики. Это дало популярам повод к наступлению на сенат, на римское правительство, которое фактически содействовало Югурте в его борьбе за власть. По их настоянию Югурте была объявлена война, длившаяся затем с перерывами шесть лет (111—105 гг.).

Во время этой войны обнаружился начавшийся упадок государственной и военной системы Рима. Командиры, получая от Югурты крупные взятки, проигрывали битвы. Солдаты продавали войскам Югурты захваченных у него слонов, оружие, добычу. Дисциплина пришла в полный упадок: случаи дезертирства и перехода на сторону врага были очень часты. Между тем Югурта, провозгласив себя освободителем Африки, привлёк на свою сторону кочевников-гетулов и царя Мавретании Бокха.

Ход войны, однако, изменился, когда командование было поручено Гаю Марию. Он происходил из крестьянской семьи, жившей в небольшой деревушке около города Арпина. Но получивший никакого образования и всю жизнь презиравший эллинскую культуру, «которой учат рабы», Марий выдвинулся благодаря своим военным дарованиям и храбрости. В 119 г. до н. э. он был избран народным трибуном. Участвуя в Югуртинской войне в качестве одного из помощников командующего войсками, Марий сумел завоевать популярность среди солдат; они были уверены, что только Марий сможет разбить Югурту. Как человек, вышедший из народа, он стал в глазах плебса желанным кандидатом на должность консула и командующего войсками в Африке. Его поддержали и всадники, желавшие скорейшей победы. Несмотря на противодействие нобилитета, Марий был в 107 г. до н. э. избран консулом и стал во главе римских войск в Африке.

Военная реформа Мария

Югуртинская война показала, до какой степени пала боеспособность римской армии. Чтобы вести завоевательные войны, в которых особенно заинтересованы были всадники, наживавшиеся на откупах налогов в провинциях, аренде провинциальной земли и тому подобных операциях, нужна была коренная реформа армии. Эту важную военную реформу, сыгравшую огромную роль в последующих событиях, провёл Марий. Во изменение прежних принципов комплектования легионов, когда в армию принимались только граждане, обладавшие земельной собственностью, Марий стал набирать в войско всех желающих, обращая внимание лишь на пригодность их к военной службе. Завербовавшись, солдат должен был прослужить 16 лет, в течение которых получал казённое содержание и жалованье; после отставки ветераны наделялись земельным участком. Кроме того, Марий обещал, что будет делиться с солдатами военной добычей.

Сенат не противодействовал реформе Мария, считая, что «чернь» не захочет идти в солдаты и что Марий позорно провалится. Но беднота из Рима и Италии, соблазнённая жалованьем, надеждой на добычу и землю, охотно записывалась в войско. Марий поддерживал среди своих солдат железную дисциплину и приучал их к трудностям и лишениям.

Прибыв в Африку, Марий нанёс несколько тяжёлых поражений Югурте, переманил на свою сторону гетулов и завязал сношения с Бокхом. Когда Югурта бежал к Бокху, Марий сумел добиться его выдачи. Югурта был передан квестору Мария Корнелию Сулле, что сразу же доставило этому молодому отпрыску обедневшего патрицианского рода широкую известность.

Вслед за войной с Югуртой началась другая, опасная для Рима война с кельто-германскими племенами кимвров и тевтонов, которые в количестве нескольких сот тысяч человек надвигались на Северную Италию. Опустошив часть Галлии и

Испании, они в 105 г. до н. э. в Нарбонской Галлии при городе Аравсионе нанесли сокрушительное поражение двум армиям римлян, потерявшим до 80 тыс. человек. Вернувшись из Африки, Марий, который теперь из года в год избирался консулом, выступил против кимвров и тевтонов. Войско, набранное им по новому принципу комплектования, вполне себя оправдало. В двух битвах — 102 и 101 гг. до н. э., при Аквах Секстиевых (в Нарбонской Галлии) и Верцеллах (в Галлии Цизальпинской), кимвры и тевтоны были разбиты наголову, около 80 тыс. пленных было продано в рабство. Марий получил право на триумф и был на вершине славы.

Военная реформа Мария имела большое значение для всей дальнейшей истории Рима. Возникла профессиональная, хорошо обученная и закалённая армия, преданная удачливому полководцу, который, опираясь на армию, становился, в свою очередь, независимым по отношению к гражданским органам власти. Профессиональная армия превратилась в крупную политическую силу, значение которой возрастало по мере обострения классовой борьбы и социальных противоречий. Так как конечной целью солдата было получение земли, аграрный вопрос начинает теперь тесно переплетаться с вопросом об удовлетворении земельными наделами войска, которое обычно заставляло считаться со своими требованиями.

3. Подъём народного движения в Сицилии и Италии. Борьба народов Восточного Средиземноморья против римской экспансии

Второе восстание рабов в Сицилии

В 104 г. до н. э. в Сицилии началось новое восстание рабов, поводом к которому послужили события, непосредственно связанные с наступлением кимвров и тевтонов. Рабы поступали в имения римлян и италиков не только из числа военнопленных или людей, захваченных и проданных пиратами. Откупщики и ростовщики, действовавшие в провинциях и вассальных царствах, постоянно продавали в рабство задолжавших провинциалов и подданных вассальных царей. Когда Марий, собираясь воевать с кимврами и тевтонами, потребовал вспомогательных войск у союзного с Римом вифинского царя Никомеда, тот отклонил его требование на том основании, что значительная часть его подданных продана римскими ростовщиками в рабство. Нависшая над Римом внешняя опасность и постоянные волнения рабов в самой Италии побудили сонат принять особые меры, которые должны были обеспечить пополнение римского войска. С этой целью в 104 г. до н. э. в Сицилию был послан претор Лициний Нерва. Он должен был освободить тех рабов, которые окажутся свободнорождёнными. 800 человек были освобождены, но затем за крупную взятку от местных рабовладельцев претор прекратил дальнейшее освобождение рабов. Тогда 80 рабов около города Гераклеи подняли восстание. Они укрепились лагерем на горе, куда к ним стали со всех сторон стекаться рабы. Вскоре восставшие образовали армию в 20 тыс. человек пехоты и 2 тыс. конницы. Своим царём они поставили раба Сальвия, принявшего имя Трифона и избравшего себе совет из числа вожаков восстания. Одновременно ико-

Продажа раба.
Рельеф позднереспубликанского времени.

ло города Лилибея раб Афенион собрал из восставших рабов армию в 10 тыс. человек. Принимая в армию только боеспособных рабов, Афенион приказывал остальным, захватив хозяйства рабовладельцев, поддерживать в них порядок и беречь, как свою собственность. Они доставляли восставшим продовольствие, скот и коней. В городе Триокале обе армии соединились. Вопреки надеждам рабовладельцев раскола в среде восставших, как и во время первого Сицилийского восстания, не произошло, и Афенион, приняв должность военачальника, признал Трифона царём. К рабам присоединилась и свободная беднота.

Посланный на борьбу с восставшими претор Лукулл с 17 тыс. солдат осадил хорошо укреплённую рабами Триокалу, но был разбит, отозван в Рим и предан суду. Такая же судьба постигла и его преемника, претора Сервилия. Правительство пыталось объяснить поражения римских войск нерасторопностью или подкупностью преторов. В 101 г. до н. э. против рабов был послан консул Аквилий. К этому времени Трифон умер, и власть перешла к Афениону. Аквилий встретился с ним у города Мессаны. В происшедшем здесь сражении войско Афениона было разбито, остатки его, пытавшиеся защищаться в укреплениях, принуждены были сдаться. Им была обещана свобода, однако это обещание было нарушено, и они были отправлены в римские гладиаторские школы, где, не пожелав выступать в цирке на потеху римлянам, перебили друг друга. Так окончилось восстание рабов, против которых римляне с большим напряжением сил боролись пять лет. С этого времени рабам в Сицилии под страхом смерти было запрещено иметь какое бы то ни было оружие.

Движение Сатурнина

Второе Сицилийское восстание, так же как и первое, совпало с подъёмом движения римского плебса. Борьба опять разгорелась вокруг тех же основных вопросов, что и во времена Гракхов, — наделения землёй крестьян и снижения цен на хлеб. Но теперь в эту борьбу вступила новая сила — солдаты Мария, стремившиеся получить за свою службу земельные наделы.

Марий, вынужденный считаться с требованиями своих солдат и предвидя противодействие сената, вступил в соглашение с вождями плебса — Сатурнином и Главцией. На 100 г. до н. э. Марий в шестой раз прошёл в консулы, Сатурнин — в народные трибуны, а Главция — в преторы. Опираясь на достигнутые успехи, Сатурнин рассчитывал провести закон о наделении землёй бедноты и солдат Мария и хлебный закон, предусматривавший дальнейшее снижение цены на хлеб для беднейшей части городского плебса. Но так как государственный земельный фонд в Италии был уже исчерпан и ветераны Мария в лучшем случае могли получить в её пределах участки не больше 14 югеров на человека, Сатурнин предполагал использовать для наделов земли в провинциях Африке, Галлии, Ахайе и Македонии. В этих провинциях намечалось нарезать участки по 100 югеров и давать их в собственность, освобождая получателей земли от налогов. Однако при таких условиях законопроект Сатурнина задевал интересы уже не только нобилитета, не желавшего дальнейшего усиления Мария и его сторонников, но был невыгоден и всадникам, так как отнимал у них большое количество провинциальной государственной земли, которую они арендовали или с которой получали взятые на откуп налоги. Поскольку доходы с государственной земли в значительной море шли на покупку дешёвого зерна для городского плебса, а получать земли должны были в основном сельский плебс и италики, составлявшие основную массу армии Мария, то большая часть жителей Рима оказалась враждебно настроенной по отношению к законопроекту Сатурнина. Но многочисленные крестьяне, пришедшие в Рим, и солдаты Мария обеспечили ему победу. Народное собрание не только приняло законопроект, но и дополнило его ещё одним очень существенным пунктом: сенаторам было предъявлено требование принести присягу в том, что они не будут противодействовать проведению в жизнь принятого закона. Если вспомнить, какую роль сыграл сенат при проведении гракханских реформ ив трагической гибели самих Гракхов, смысл этого

требования станет понятным. Сенаторы не могли не подчиниться закону, уже принятому народным собранием, и впервые в истории Рима были вынуждены принести клятву на верность решению комиций.

После этого ветераны двух легионов Мария были расселены на плодороднейших землях провинций Африки и Нумидии, другие получили участки на территории Цизальпинской Галлии. Однако дальнейшее наделение землёй было приостановлено ввиду наступившей вскоре реакции.

Когда Сатурнин выставил свою кандидатуру в народные трибуны на 99 г. до н. э., все враждебные силы объединились против него. Снова в Риме было объявлено чрезвычайное положение, причём расправиться с Сатурнином и Главцией было поручено Марию, недавнему их союзнику. Некоторое время Марий колебался, но, по-видимому, не решился порвать с поддерживавшими его всадниками и принял поручение. Собрав наскоро военные силы, он осадил Капитолий, где укрепился Сатурнин со своими сторонниками. Когда осаждённые сдались, рассчитывая на прощение и помощь Мария, почти все они были перебиты. Законы Сатурнина были отменены, а Марий уехал в Азию, официально — чтобы поклониться богине Кибеле, а по слухам — чтобы заставить Рим забыть своё позорное предательство.

Неудача движения Сатурнина ещё ярче, чем неудача Гая Гракха, показала слабость римской демократии, раздираемой внутренними противоречиями. Всадники, городской плебс и крестьянство, прежде выступавшие единым фронтом против нобилитета, теперь явно раскололись на враждебные группы.

Союзническая война

После подавления движения Сатурнина аграрный вопрос по-прежнему оставался нерешённым. Особенно сложными были отношения с италийскими союзниками. Всякая попытка поделить между беднейшими римскими гражданами остатки государственной земли в Италии неизбежно встречала сопротивление италиков, владевших этими землями или получавших с них доходы.

Италики не представляли собой единой массы. В районах крупного землевладения на юго-востоке Италии — в Самнии, Лукании, Умбрии, Этрурии — среди них уже давно выделился слой богатых рабовладельцев и землевладельцев, вытеснявших крестьян. Однако противоречия между крестьянами и крупными землевладельцами временно отодвигались на задний план перед общим всем категориям италиков стремлением получить права римского гражданства и связанные с ними привилегии.

В 91 г. до н. э. народный трибун Ливии Друз, сын одноимённого противника Гракха, принадлежавший к оптиматам, выступил с рядом законопроектов. Первоначальной его целью было возродить республику с сильным и влиятельным нобилитетом и многочисленным крестьянством, расколоть ряды враждебных нобилитету всадников и обеспечить оптиматам поддержку римского плебса. Ливии Друз предложил: 1) пополнить число сенаторов тремястами новых членов из числа самых богатых всадников, но зато отнять у всадников суды и передать их сенаторам, т. е. отменить закон, в своё время проведённый Гаем Гракхом; 2) разделить государственные земли в Италии между беднотой так, чтобы, как он выражался, «неподелёнными оставались лишь грязь и воздух»; 3) провести хлебный закон, т. е. новое понижение цен на хлеб для городского плебса; 4) даровать италикам гражданские права и таким образом пополнить ряды римских граждан.

Все эти предложения, соединённые Друзом в один законопроект, должны были, по его мысли, совпасть с интересами различных кругов и обеспечить за ним большинство в народном собрании, необходимое для проведения закона. Однако этот расчёт Друза не оправдался. Его законопроект встретил резкую оппозицию, как среди всадников, так и среди сенаторов, сумевших привлечь на свою сторону крупных землевладельцев Этрурии и Умбрии. Зато италийское крестьянство было всецело на его стороне. Натолкнувшись на противодействие сената, Друз, так же как в своё время Тиберий Гракх, порвал с аристократией и стал на путь борьбы с нею. Но в отличие

от Тиберия Гракха Друз пытался опираться уже не только и не столько на римский сельский плебс, сколько на италиков. Он установил сношения с тайными обществами италиков, которые приносили присягу на верность Друзу, считая его своим патроном. Со всей Италии стекался в Рим народ для того, чтобы принять участие в обсуждении законопроекта. Но политические враги Друза не остановились перед крайним сродством: вскоре после того, как сенат отклонил одобренный народным собранием законопроект, Друз был убит.

Смерть Друза и утрата надежд на удовлетворение их требований переполнили, наконец, чашу терпения италийских союзников, и они подняли восстание, известное в истории под названием Союзнической войны. Это была одна из самых тяжёлых войн, какие когда-либо приходилось вести Риму, ибо италики составляли значительную часть римской армии.

Восстание началось в городе Пиценской области Аскуле, уже восстававшем после провала законопроекта Флакка в 125 г. до н. э. К городу Аскулу примкнули соседние области Средней Италии. Отказ римского правительства вести переговоры с италиками послужил сигналом к началу военных действий. У союзников было около 100 тыс. воинов. Своей столицей они избрали город Корфиний, где ими был создан свой сенат из 500 представителей италийских городов. Италики начали чеканить свою монету — с изображением италийского быка, поражающего римскую волчицу. Области Средней и Южной Италии одна за другой присоединялись к восставшим. Захватывая верные Риму города, повстанцы истребляли богатых и знатных жителей, а простых граждан и рабов принимали в свои войска. Римская армия, сражавшаяся против союзников, состояла из римских легионов, пополненных отпущенниками, и из вспомогательных частей, сформированных из нумидийцев, мавров, галлов, жителей Испании. Вспомогательные войска нередко оказывались ненадёжными. Так, нумидийцев ввиду массовых переходов на сторону противника пришлось отослать на родину. Оплотом Рима были разбросанные по Италии колонии римских граждан и остававшееся ему верными области Италии, преимущественно те, в которых было развито крупное землевладение.

Монета из Оска с изображением италийского быка, попирающего римскую волчицу. I в. до н. э.

Несмотря на то, что руководить военными силами Рима были назначены лучшие полководцы—Марий, Сулла и др.,— уже на исходе первого года войны Рим потерпел ряд крупных поражений. Даже выступавшие против Друза умбры и этруски начали колебаться. Положение в самой столице из-за вызванного войной расстройства экономики было очень тяжелым. Римскому сенату пришлось пойти на уступки. В конце 90 г. до н. э. по закону консула Юлия Цезаря все италики, сохранившие верность Риму, становились гражданами, а в начале 88 г. до н. э. трибуны Плавтий и Папирий провели закон, по которому права гражданства были обещаны тем из восставших италиков, которые сложат оружие в течение 60 дней. Эти законы внесли раскол в ряды союзников. Не говоря уже об этрусках, решительно вставших на сторону Рима, от италийской федерации стали отпадать и остальные племена. Дольше всех держались луканы и самниты, надеявшиеся заключить союз с понтийским царём Митридатом. Но союз этот заключён не был, и последние силы повстанцев были разбиты. Римляне сумели подавить движение, но им пришлось удовлетворить основные требования, выдвинутые восставшими.

Союзническая война, в результате которой италики постепенно добились получения римского гражданства, способствовала окончательному сплочению италийских и римских рабовладельцев в один правящий класс. С другой стороны, пополнилось число люмпен-пролетариата, претендовавшего на свою долю выгод, извлекаемых Римом

из мирового господства. Правда, успех союзников был пока ещё неполным: новые римские граждане не были распределены по существующим трибам, а организованы в восемь или, по другим сведениям, в десять отдельных триб. Таким образом, при голосовании в народном собрании они всегда могли остаться в меньшинстве по сравнению со старыми гражданами. Это вызывало недовольство италиков и приводило к новым конфликтам.

Борьба между сулланцами и марианцами

В 80-х годах I в. до н. э. политическая борьба в Риме чрезвычайно обостряется. Всадники, новые граждане, городской плебс, ветераны Мария объединяются в довольно пестрый и неустойчивый блок, в котором их связывала только общая ненависть к сенатской олигархии. Внешним выражением этого союза было соглашение народного трибуна Сульпиция Руфа с Марием, которого всадники выдвигали на должность главнокомандующего в готовящемся походе на Восток — против понтийского царя Митридата. Сульпиций Руф привлек на свою сторону народное собрание, предложив распределить по всем 35 трибам новых граждан из италиков и отпущенников. Несмотря на интриги оптиматов, Руф, опираясь на ветеранов Мария которые стремились принять участие в новой войне, сулившей богатую добычу провёл как свои предложения, так и закон о передаче Марию командования в войне с Митридатом, хотя сонат ранее поручил ведение этой войны Сулле.

Сулла, уже выехавший к стоявшему в городе Ноле войску, чтобы переправиться с ним в Грецию, был извещён о смещении с поста главнокомандующего. Он собрал своих солдат, не желавших лишиться азиатской добычи, повёл их на Рим и после непродолжительного боя овладел городом. Марий и виднейшие его сторонники бежали, Сульпиций Руф был убит, а его законы объявлены недействительными. Сенат, пополненный тремястами членов из числа сторонников Суллы, получил право предварительно утверждать законопроекты, которые без его санкции не могли отныне вноситься в народное собрание. Последнее теперь должно было голосовать не по трибам, а по центуриям, что давало перевес наиболее состоятельной части граждан Власть народных трибунов была сильно ограничена, их роль сводилась лишь к роли ходатаев за отдельных лиц.

Оппозиция широких слоев населения этим мероприятиям Суллы сказалась уже во время консульских выборов 88 г. до н. э. Несмотря на все старания Суллы провести своих ставленников, одним из консулов был избран его противник Цинна. Дольше оставаться в Риме Сулла не мог, и, приняв от консулов присягу на верность проведённым законам, он отправился со своим войском на Восток.

Сразу же после его отбытия враждебная Сулле группировка, возглавленная Цинной, вновь начала борьбу, пообещав италикам уравнение в правах. Цинна в Кампании стал создавать из италиков вооружённые отряды. Когда Марий, скрывавшийся в Африке, где было много преданных ему ветеранов, узнал об успехах Цинны, то переправился в Италию и примкнул к движению Цинны. Армия италиков быстро возрастала, между прочим, и за счёт сбегавшихся к Цинне и Марию обезземеленных крестьян, батраков, а также рабов, которым они пообещали свободу. Откликнулись и рабы, проживавшие в Риме, откуда они массами перебегали к марианцам. Напуганный сенат не сумел организовать оборону Рима и вынужден был капитулировать перед Цинной. Марий был в седьмой раз избран консулом.

Вступив в Рим, марианцы восстановили законы Сульпиция Руфа и начали жестокое преследование своих противников, объявив их вне закона. Часть населения Рима связанная отношениями клиентелы со знатью, была недовольна и напугана. Марианцы вскоре лишились и поддержки рабов: испугавшись той ярости, с которой рабы расправлялись с рабовладельцами, Цинна и один из видных марианцев — Серторий ночью окружили их отрядом галлов и зверски перебили. Вскоре после этих событий Марий умер, а затем погиб и Цинна, убитый взбунтовавшимися солдатами.

Изменение положения на Востоке. Усиление Понтийского царства

Пока силы и внимание римлян были обращены на подавление второго восстания рабов в Сицилии и на борьбу с союзниками, положение дел на Востоке существенно изменилось. Здесь за эти годы сложилась новая сила, которая представляла собой серьёзную угрозу римскому влиянию в Малой Азии и на Балканском полуострове. Этой силой было Понтийское царство, значительно окрепшее в годы правления Митридата VI Эвпатора (111—63).

В первое же десятилетие своего долгого правления Митридат утвердился в государствах Северного Причерноморья, заключив союз с Ольвией и Херсонесом и получив царскую власть над Боспором. Одновременно он заключил союз со многими северочерноморскими племенами, тем самым значительно усилив своё государство. Достаточно сказать, что только из Боспора Митридат получал ежегодно более 7 500 *т* хлеба. Расширив свои владения на Востоке путём присоединения Малой Армении, подчинив Колхиду и заключив союз с иберами, Митридат постарался утвердиться также и на западном берегу Чёрного моря. Западно-понтийские города частью ему подчинились (Истрия, Каллатия), частью стали его союзниками (Аполлония). По отношению к фракийцам и некоторым поселившимся во Фракии другим племенам Митридат вёл ту же политику, что и в Северном Причерноморье: не располагая возможностью подчинить их, он стремился привлечь эти племена на свою сторону, заключая союзы и набирая среди них наёмников в свои войска.

Митридат VI Эвпатор.
Греческая скульптура
II в. до н. э. Мрамор.

Таким образом, Митридат сделался правителем или союзником всех причерноморских племен и народов (исключение составляло лишь Вифинское царство). Он заручился также дружбой царей Армении и Парфии, заинтересованных в сокрушении римского владычества в Малой Азии. Кроме того, в конце 90-х годов до н. э. Митридат вступил в переговоры с Египтом и Сирией. Умело использовал Митридат и многочисленных пиратов, флот которых составлял тогда грозную силу в Эгейском море.

Митридат попытался также с помощью Вифинии подчинить себе остальные царства Малой Азии. С этой целью он в 105 г. заключил союз с вифинским царем Никомедом II, после чего оба царя захватили расположенные между их царствами Пафлагонию и Галатию. Однако союз был недолговечным: попытка Никомеда II захватить для себя Каппадокию вызвала вмешательство в каппадокийский конфликт Митридата и привела к распаду союза.

В Риме оценили всю опасность распространения понтийских владений в сторону провинции Азии, и сенат решительно потребовал от обоих царей освободить захваченные ими области Малой Азии. Митридату пришлось подчиниться, так как Рим в это время располагал реальной возможностью заставить его уйти из захваченных им областей. После этого римляне объявили Пафлагонию свободной, а в Каппадокии возвели на престол своего ставленника Ариобарзана. Начинать открытую борьбу против Рима Митридат не решился; пока он ограничился тем, что договорился с царём Армении Тиграном о нападении на Каппадокию. В 93 г. до н. э. Тигран вторгся туда и изгнал Ариобарзана. Но вмешались римляне и разбили войска Тиграна. Митридату пришлось занять выжидательную позицию.

Первая война Митридата с Римом

Лишь в 89 г. до н. э., рассчитывая, по-видимому, на то, что во время происходившей тогда Союзнической войны Рим будет не в состоянии выдержать борьбу с ним, Митридат перешёл к решительным действиям. Его военачальники весной 89 г. разбили царя Никомеда III, а затем нанесли удар римским войскам. Римские полководцы попытались закрепиться во Фригии, но вынуждены были отказаться от этого плана, так как набираемое ими в войска местное население не хотело воевать на стороне римлян. После столь удачного начала Митридат захватил всю территорию Малой Азии, а затем переправил войска на Балканский полуостров. В этот период Митридат особенно подчеркивал отличие своей политики от римской некоторыми демагогическими приёмами, например отпуском на волю пленных врагов. Многие города Эллады и Малой Азии с радостью приветствовали Митридата и переходили на его сторону.

Ненависть к римлянам была столь велика, что понтийский царь решил развязать стихию антиримского движения, использовав его для укрепления своих позиций в подвластных ему областях и городах. В определённый день по приказу Митридата были уничтожены все находившиеся в провинции Азии римляне и италики, не только мужчины, но и женщины, дети и даже рабы, италики по происхождению. Характерно, что почти всюду жители городов сами проводили расправу с ненавистными им угнетателями,— это было ответом угнетённых масс на римское владычество. Известия источников о том, что Митридат привлёк к этому делу рабов и должников, показывают, что это антиримское мероприятие Митридата в известной мере приобрело на местах характер социального движения свободной бедноты и рабов против богатых. Если верить источникам, то за один день погибло более 80 тыс. римлян. Тем самым Митридат не только удовлетворил ненависть провинциалов к римлянам, но и укрепил своё господство в Малой Азии, уничтожив в каждом городе враждебное ему римское гражданское население. Конфискация имущества римлян принесла ему большие выгоды.

Не всюду, однако, власть Митридата была встречена сочувственно. Некоторые города, как, например, Гераклея Понтийская, сохранили нейтралитет; Родос же, терпевший ущерб от конкуренции Синопы на северных рынках, не только не подчинился Митридату, но оказал ему упорное сопротивление и служил важным опорным пунктом для римлян в их борьбе с морскими силами понтийского царя. Но всё же враждебное отношение к Митридату было исключением.

К лету 88 г. до н. э. под властью Митридата находились вся Малая Азия, Эллада и берега Чёрного моря. Казалось, что ему удалось создать мощную державу, утвердившую своё господство над всем Восточным Средиземноморьем. Однако если Митридату и" удавалось добиваться отдельных, иногда крупных успехов в борьбе с Римом, то до решительной и прочной победы было ещё далеко: пёстрая по своему составу понтийская армия значительно уступала по своим боевым качествам войскам римлян. Внутреннее состояние монархии Митридата также было весьма сложным, так как устранение римлян не привело к уменьшению гнёта и бедствий населения. Первые же годы правления Митридата принесли разочарование подвластным ему народам, и, чем дальше, тем сильнее нарастало среди них недовольство.

В 87 г. до н. э. в Греции высадился со своей армией Сулла. Войска Митридата оказали упорное сопротивление римлянам, однако потерпели ряд серьёзных неудач: в 86 г. Сулла захватил Пирей и Афины, войска Митридата были разбиты сначала под Херонеей, а осенью того же года под Орхоменом в Беотии Сулла наголову разбил новое, 80-тысячное войско, присланное Митридатом.

Эти неудачи заставили Митридата начать с Суллой переговоры о мире, тем более что внутреннее состояние его царства не могло не внушать ему тревоги. Приближение римских войск воодушевило всех сторонников Рима. Несмотря на жестокие репрессии Митридата, проримские элементы усилили свою активность, и ряд городов Малой Азии открыто восстал против царя.

Стремясь смягчить положение, Митридат объявил о даровании свободы греческим городам, что должно было сопровождаться выводом понтийских войск, но гарнизоны царя долго ещё оставались в подвластных ому городах. Одновременно Митридат провел широкие социальные реформы: декретировал уничтожение долгов, произвол раздел земель, дал право гражданства метэкам и свободу большому числу рабов. Проведение этих мер оттолкнуло, однако, от Митридата имущее население городов, которое стало обнаруживать стремление вернуться под власть Рима. К тому же римские войска появились теперь и в Малой Азии, куда из Рима были посланы два легиона, одержавшие ряд побед над понтийскими войсками. Все это вынудило Митридата пойти на предложенные ему Суллой условия. По Дарданскому миру, заключённому в 85 г. до н. э., Митридат отказался от всех завоеваний в Малой Азии, обязался выплатить контрибуцию в 2 тыс. талантов и выдать Сулле свой флот. Сулла, в свою очередь, от лица Рима обещал простить всех сторонников Митридата, а сам царь получил от него титул «друга и союзника римлян».

4. Кризис республики. Великое восстание рабов под руководством Спартака

Диктатура Суллы

После заключения Дарданского мира Сулла, хотя и не одержал решительной победы над Митридатом и не лишил его силы к сопротивлению, вынужден был спешно отправиться с войсками в Италию, где предстояла борьба с марианцами. В Брундизий, в котором высадилась сорокатысячная армия Суллы, стали стекаться его сторонники. Среди них были и игравшие впоследствии видную роль Помпей и Красс. Между войсками Суллы и войсками марианцев начались военные действия. Италия стала ареной кровопролитных битв, во время которых в общей сложности, по данным источников, погибло до 100 тыс. человек. Сулла вступил в Рим победителем. В городе началась страшная резня. На улицах были вывешены списки лиц, подлежавших смерти с конфискацией имущества. В эти списки, называвшиеся проскрипционными, вносились и политические противники Суллы и личные враги его приверженцев. Имущество осуждённых продавалось за бесценок с аукциона, и многие из сулланцев составили себе на этом огромные состояния. Особенно силен был террор в городах Италии. Рабы казнённых были отпущены Суллой на волю. Эти 10 тыс. Корнелиев (получивших своё имя по родовому имени Суллы), влившись в ряды римского плебса, составили наряду с ветеранами Суллы реальную опору его власти.

Юридически власть Суллы была оформлена назначением его диктатором без указания срока полномочий, что давало ему право единолично распоряжаться всеми делами государства. Он восстановил законы, введённые им после первого похода на Рим. Кроме того, он увеличил число магистратур, передал суды и право распоряжаться государственным имуществом сенаторам, отменил хлебные раздачи плебсу и до минимума ограничил роль народного собрания. Всадники были отстранены от сбора податей. В провинции Азии налоги перестали отдаваться на откуп и взимались теперь непосредственно.

Важнейшим мероприятием Суллы было поселение 120 тыс. ветеранов на землях враждебных Сулле городов Лация, Пицена, Этрурии, Кампании и других областей Средней и Южной Италии. Сохранив в силе введённое марианцами деление италиков по 35 старым трибам, Сулла оформил так называемую муниципальную организацию италийских городов с магистратами, советами и народными собраниями, копировавшими римские.

Диктатура Суллы преследовала цель реставрировать старые, догракховские порядки и укрепить власть нобилей. Но в новых условиях такая реставрация была уже невозможна. Отсюда известная противоречивость в политике Суллы: наряду с консер-

вативными мероприятиями он должен был утвердить уравнение в правах италиков, раздать земли ветеранам, вышедшим из среды тех же италиков и плебса, несколько умерить ограбление провинций, заменив, как уже указывалось, откупную систему непосредственным взиманием налогов с населения. Наиболее же существенным отступлением от «обычаев предков» было установление бессрочной диктатуры, опиравшейся на войско.

Победа Суллы не была прочной. Она лишь дала новый толчок концентрации земли и богатств в руках немногих собственников, успевших захватить или скупить на аукционах и у ветеранов (обходя закон о неотчуждаемости их наделов) десятки тысяч югеров земли и тысячи рабов. Противоречия, раздиравшие римское общество, ещё более обострились. Очевидно, это и было причиной непонятного для современников отказа Суллы от власти, который пробыл диктатором два года (с конца 82 по 79 г.).

Восстание Лепида. Серторианская война

В 78 г. до н. э., когда Сулла умер, между противниками и сторонниками его режима вновь разгорелась борьба. Первым выступил против введённых Суллой порядков прежний его сторонник — консул 78 г. Лепид, который теперь стал собирать и вооружать всех недовольных под лозунгами восстановления хлебных законов и наделения прежней властью народных трибунов. Главную массу недовольных составили италики, лишённые земли в пользу ветеранов Суллы, и сыновья казнённых им марианцев. На стороне правительства стояли ветераны Суллы и вся аристократия. В битве между армиями, набранными обеими сторонами, Лепид был разбит, бежал в Сардинию и там умер. Дальнейшая борьба между приверженцами Суллы и его противниками развёртывается в Испании. Впервые в социальную борьбу в Риме начинают, таким образом, втягиваться и провинциалы.

Ещё при жизни Суллы марианцы образовали в Испании своё правительство и создали армию во главе с Квинтом Серторием. После поражения и смерти Лепида туда же бежали остатки его сторонников.

Почва для движения, направленного против римлян, здесь вполне созрела. Испанские племена страдали от рекрутских наборов, солдатских постоев, налогов, произвола магистратов и арендаторов серебряных и золотых рудников. В юго-восточных частях страны, богатых зерном, виноградом, рыбой, шерстью и льном утвердились италийские купцы. Здесь всё более развивались города, ремесло и торговля, в которую втягивалась и родовая аристократия, из состава которой постепенно выделялся класс местных рабовладельцев, стремившихся расширить свои права.

Серторий сумел использовать эти настроения. К нему примкнули лузитаны и жившие к северу от Эбро иберы и кельтиберы, которые вместе с бежавшими сюда марианцами составили внушительное войско. Серторий освободил местное население от налогов и постоев, упорядочил суды, открыл школу для детей знати. Он обещал, что со временем привлечёт их к управлению государством. Он создавал отряды из местных племён и назначал командирами местных уроженцев. Значительная часть городов Испании постепенно перешла на сторону Сертория. Были в его войске и африканские всадники и киликийские пираты, предоставлявшие ему флот. Из числа сенаторов-марианцев он образовал свой сенат и заключил союз с Митридатом. Понтийский царь в это время (83—81 гг.) вёл вторую войну с Римом, в ходе которой ему удалось временно захватить значительную часть территории Каппадокии.

Серторий был превосходным полководцем, отлично владевшим тактикой и партизанской борьбы и открытого боя. Римские армии, посланные против него, терпели поражение за поражением. Однако после восьмилетней (80—72 гг.) деятельности Сертория в Испании между отдельными группами его сторонников наметились и обострились противоречия. Часть римлян была оскорблена благожелательным отноше-

нием Сертория к «варварам», недовольные составили заговор, и Серторий был убит. После этого многие города и племена стали переходить на сторону Помпея, посланного из Рима для борьбы с Серторием. В результате Помпей сравнительно легко разбил серторианцев.

Воины с Серторием и Митридатом показали, что широкие массы провинциалов отнюдь не примирились с римским владычеством, а провинциальная знать более романизованных западных провинций готова была требовать если не уравнения в правах с победителями, то всё же сравнительно привилегированного положения. Но главная опасность угрожала правящему классу Рима в самой Италии.

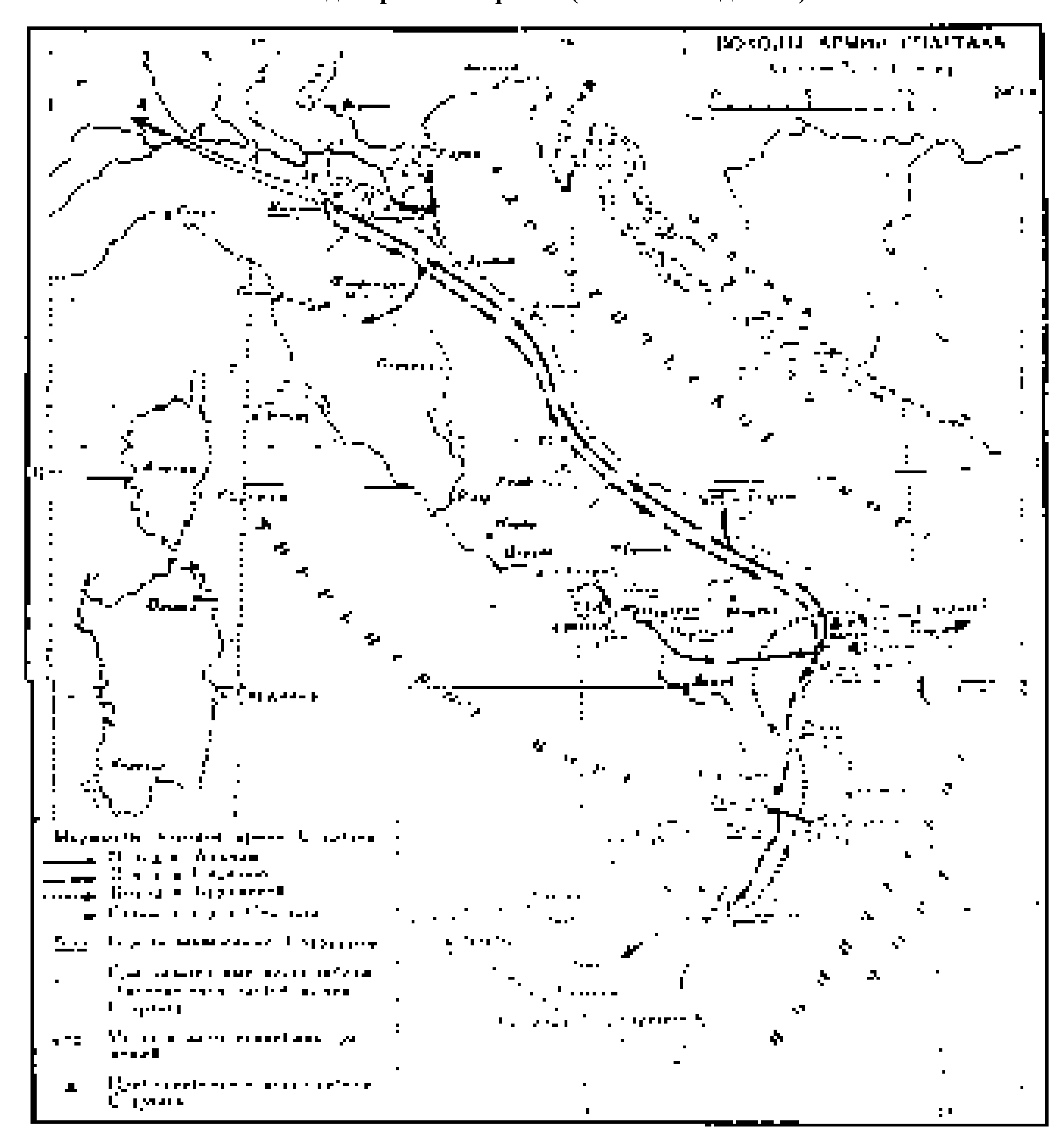
Восстание Спартака

Как бы ни обострялись противоречия между сенаторами и всадниками, гражданами и негражданами, римлянами и провинциалами, основным и ведущим противоречием римского общества оставалось противоречие между всё растущей массой разноплеменных рабов и рабовладельцами. То и дело рабы соединялись в отряды, квалифицировавшиеся римлянами как «разбойничьи», многие уходили к пиратам. Готовность, с которой рабы откликнулись на призыв Мария и Цинны, показала, как велика была их ненависть к господам, а расправа Цинны и Сертория с перешедшими на их сторону рабами свидетельствовала, в свою очередь, о том, чего рабы могут ждать от любой из «партии» господствующего класса, как только она достигнет власти. В таких условиях и началось в 73 г. величайшее в древности восстание рабов под руководством Спартака.

Гладиаторы, сражающиеся с дикими зверями на арене цирка. Рельеф I в. н. э. Терракота.

Спартак, родом фракиец, был продан за отказ от службы в римской армии в гладиаторскую школу Батиата в Капуе. Жестокое обращение, мучитель пью наказания, постоянная угроза смерти на арене делали положение рабов-гладиаторов особенно тяжёлым. 200 гладиаторов школы Батиата задумали бежать, но побег удался только 78 из них. Укрывшись на Везувии, они выбрали своими вождями Крикса, Эномая и Спартака. Последний вскоре показал себя прекрасным организатором и блестящим полководцем. В Риме, главные силы которого были поглощены войнами с Серторием и Митридатом, не придали первоначально особого значения бегству нескольких десятков гладиаторов. Тем временем Спартаку удалось собрать и вооружить десятитысячную армию. К нему бежали гладиаторы, рабы из имений Кампании, разорённые крестьяне, батрачившие в тех же имениях. Против Спартака был послан претор Клодий. Когда он пытался окружить восставших на Везувии, рабы по канатам, сплетённым из виноградных лоз, спустились со склона горы, считавшегося неприступным, и, зайдя в тыл Клодию, разбили его отряд. «Тогда к ним (рабам.—*Ред.*) присоединилось много местных пастухов,—писал Плутарх,— народ всё крепкий и проворный. Некоторых гладиаторы обратили в тяжеловооружённых, из других составили отряды разведчиков и легковооружённых». Потерпел поражение и другой претор — Вариний, посланный на борьбу с повстан-

Походы армии Спартака (в 73—71 гг. до н. э.)



цами. Армия Спартака всё росла. Не только крестьяне, но и некоторые солдаты переходили на его сторону. Присоединение свободной бедноты придало движению ещё больший размах. Вскоре вся Южная Италия была охвачена восстанием.

О внутренней организации повстанцев источники сообщают мало. Известно только что добыча долилась между ними поровну и что Спартак запретил в своей армии употребление золота и серебра.

В 72 г. армия Спартака составляла уже мощную силу в 120 тыс. человек. Правительство выслало против него обоих консулов. В это время в среде восставших начались разногласия. Причины их неясны. Античные историки объясняли их

этнической пестротой рабов; среди них были германцы, галлы, греки, фракийцы. В советской историографии был высказан взгляд, что разногласия эти обусловливались не столько этнической рознью, сколько различиями в социальном положении отдельных категорий участников восстания. Значительная часть рабов, и среди них Спартак, хотела прорваться к Альпам и освободиться, возвратившись на родину. Примкнувшая к движению рабов беднота не была заинтересована в том, чтобы покидать Италию, и, очевидно, мечтала о походе на Рим. В результате этих разногласий от основной армии отделился десятитысячный отряд Крикса, который был разбит армией консула Геллия. По-видимому, при сходных обстоятельствах погиб и Эномай. Несмотря на то, что войско Спартака было ослаблено, он разбил консульские армии и, вступив в Галлию, одержал победу над управлявшим ею Кассием (72 г.).

Хотя Спартаку оставалось только перейти Альпы, чтобы сделать рабов свободными, он повернул назад в Италию. О причинах отказа Спартака от первоначального плана источники ничего не сообщают. Возможно, что он не решился на трудный переход через горы. Возможно также, что возобладало мнение тех, кто считал нужным продолжать войну в Италии, и восставшие решили идти походом на Рим. От этого упоминаемого Аппианом плана Спартак, впрочем, отказался и двинулся в Южную Италию.

Война, с презрением называвшаяся римлянами «гладиаторской», принимала все более грозный характер. В новом походе против Спартака командования добился богатейший из римлян — Марк Лициний Красс, соперничавший с прославившимся победой над серторианцами Гнеем Помпеем. Он рассчитывал, что победа над Спартаком укрепит его политическое влияние в глазах рабовладельцев Италии. Один из римских историков писал: «Так как государство испытывало не меньший страх, чем когда Ганнибал стоял у ворот Рима, то сенат отправил Красса с консульскими легионами и с новым пополнением солдат». Однако в нескольких боях Красс был разбит. Положение его стало настолько опасным, что сенат вынужден был вызвать ему на помощь наместника Македонии Марка Лициния Лукулла и находившегося ещё в Испании Помпея.

Спартак, дойдя на юге Италии до оконечности Бруттия, намеревался переправиться в Сицилию, где рабы вновь начинали волноваться. Флот для переправы должны были доставить пираты. Когда выяснилось, что они не выполнили своего обещания, рабы принялись сами за изготовление плотов. В это время подошёл со своим войском Красс и, чтобы преградить восставшим обратный путь, приказал вырыть поперёк перешейка глубокий ров и построить укрепления. На помощь ему уже шёл возвратившийся в Италию Лукулл. Спартак решил прорваться во что бы то ни стало через римский заслон. Заполнив ров трупами павших в боях товарищей и лошадей, рабы ночью перешли через него и оказались вне укреплений и отрядов Красса.

После этого армия Спартака направилась к порту Брундизий, по-видимому, для того, чтобы осуществить свой первоначальный план и добраться до свободных от римского ига стран, на этот раз через Иллирию и Фракию. Часть восставших снова отделилась от главных сил Спартака, избрав своими вождями Каста и Ганника. Это значительно повысило шансы Красса на успех. Желая быть единственным победителем Спартака, он, не дожидаясь Лукулла, напал на него в Апулии. На этот раз ослабленные вследствие раскола армии повстанцы были разбиты (71 г.). В бою пал и Спартак, сражавшийся в первых рядах с мужеством, восхитившим даже врагов. Расправа рабовладельцев с восставшими была беспощадной. Шесть тысяч пленных Красс распял на дороге из Капуи в Рим.

Но и после этого отдельные отряды восставших продолжали бороться. Против них действовал подоспевший из Испании Помпей. Но он тоже не смог полностью подавить движение рабов. В 70 г., т. е. через год после гибели Спартака, пятитысячный

отряд всё ещё действовал в Этрурии, а в 62 г. претор Октавий был направлен против остатков войск Спартака, захвативших на юге Италии область города Фурий.

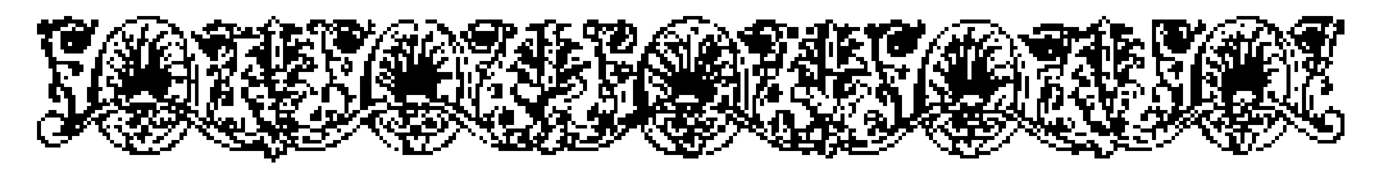
Восстание Спартака высоко оценивалось основоположниками марксизма. Маркс, читая Аппиана, отмечал, что в его изображении Спартак является великим полководцем, благородным характером, истинным представителем античного пролетариата [1]. Ленин писал, что «Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов...» [2].

Восстание Спартака сыграло исключительно важную роль для всего дальнейшего хода римской истории. С одной стороны, это восстание показало, что рабы не были ещё в состоянии освободиться даже путём наивысшего напряжения сил. Не будучи классом, способным принести более прогрессивный способ производства, стремясь только к своему личному освобождению, а не к отмене рабства вообще, не к перестройке общества на новых основах, они не могли выработать революционной программы, которая объединила бы широкие массы эксплуатируемых. Но, с другой стороны, это восстание наглядно обнаружило, что противоречия между основными антагонистическими классами римского общества обострились до крайней степени. Борьба, дошедшая до высшей формы — вооружённого восстания против рабовладельцев, была для господствующего класса грозным предзнаменованием, так как расшатывала устои рабовладельческого строя.

Рабовладельцы пытались извлечь уроки из пережитой ими смертельной опасности. Они начали вносить некоторые изменения в свои хозяйства: старались брать рабов, происходивших из разных племён, чтобы им было труднее объединиться; отдавали предпочтение доморощенным рабам перед покупными; в ряде случаев, вместо того чтобы использовать труд рабов, начали сдавать земли в аренду небольшими участками свободным арендаторам.

Спартаковское восстание ещё более ярко, чем все предыдущие события, подтвердило тот факт, что республиканское правительство уже не в состоянии было обеспечивать интересы рабовладельцев. На очередь со всей остротой встал вопрос о военной диктатуре. Дальнейшая борьба идёт уже главным образом вокруг формы этой диктатуры.

[1] См. Письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 27 февраля 1861 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 15.
[2] *В. И. Ленин,* О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. Соч., т. 29, стр. 444.



ГЛАВА XII
ПАДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ В РИМЕ

1. Римское государство в I в. до н. э.

К середине I в. до н. э. Рим представлял собою крупнейшую колониальную державу. Территория внешних владений Рима к этому времени более чем в шесть раз превышала площадь самой Италии. Римские провинции и зависимые от Рима государства почти сплошной цепью опоясывали весь бассейн Средиземноморья.

Римская колониальная держава имела одну весьма своеобразную черту. В отличие от восточной монархии Александра и эллинистических государств, в формировании которых огромную роль играла активная колонизационная деятельность греков и македонян (основание полисов, клерухии, катэкии и т. п.), в Римской державе момент колонизации был выражен довольно слабо, во всяком случае он отступал на задний план по сравнению с широко развернувшейся финансовой и торговой эксплуатацией провинций Она производилась в самых разнообразных формах. В римских владениях и в зависимых от Рима царствах действовали крупные арендаторы земельных угодий, откупщики-публиканы, крупные и мелкие ростовщики, агенты римских торговых и финансовых «компаний», поставщики товаров для армии. В одной из своих речей видный политический деятель этого времени Марк Туллий Цицерон весьма чётко определяет состав римских дельцов, наводнивших провинцию Азию: «Откупщики, степенные и почтенные люди, перенесли свои денежные средства и операции в эту провинцию... кроме того, и представители других сословий, люди предприимчивые и деятельные, отчасти сами занимаются денежными оборотами в Азии... отчасти поместили в этой провинции большие средства». Львиная доля наживы от эксплуатации провинции попадала, конечно, в руки привилегированных сословий — нобилитета и всадничества, но в некоторой степени ею пользовалась и их обширная клиентела — некоторые слои городского и сельского плебса. В упомянутой выше речи Цицерон прямо

указывает на то, что разорение откупщиков в Азии сейчас же болезненно отзовётся на материальном благосостоянии значительной массы граждан. «Весь кредит, все денежные операции, производимые здесь, на форуме, стоят в тесной связи с денежными оборотами в Азии; крушение последних силою того же удара расшатает и здешние состояния».

Огромные средства, выкачиваемые из провинций, привели к тому, что в Риме складываются огромные состояния, появляются крупнейшие богачи среди представителей как нобилитета, так и всадничества. Так, например, известный впоследствии полководец Гней Помпей был крупнейшим земельным магнатом, который «без конца скупал все смежные с его владениями земельные участки». Из одних только своих пиценских арендаторов и клиентов он навербовал целое войско. Сторонник Помпея видный аристократ Домиций собрал под своим начальством 33 когорты (т. е. 15 тыс. человек) и обещал каждому выдать по 4 югера земли из собственных владений. Крупнейшим богачом Рима был Марк Красс, который в десятки раз увеличил свое состояние, нажившись на скупке конфискованных земель во время сулланских проскрипций, а также на самых различных спекуляциях, вплоть до спекуляции на жилищной нужде в Риме. Красс скупал сгоревшие или развалившиеся дома и на их месте воздвигал многоэтажные здания, которые затем сдавал в аренду мелким съемщикам. Такими путями он нажил многомиллионное состояние.

Богатый всадник, друг Цицерона — Тит Помпоний Аттик занимался самыми разнообразными коммерческими делами: он имел обширные пастбища и плантации в провинциях, давал деньги в рост и т. п. Глава одной из откупных компаний Гай Рабирий Постум, как уже упоминалось выше, ссужал огромными суммами претендента на египетский престол — Птолемея Авлета. Когда последнему при помощи подкупов различных влиятельных лиц в Риме удалось утвердиться на престоле Египта, ею долг Рабирию намного превышал годовой бюджет страны.

Наряду с ростом торгового и ростовщического капитала происходит массовое разорение населения. В провинциях и зависимых от Рима царствах (как, например, в Вифинии) деятельность римских публиканов и ростовщиков приводила к тому, что население целых областей попадало в долговую кабалу. В самом Риме росли люмпен-пролетарские слои населения, во второй половине I в. до н. э. число их достигает полумиллиона. Одних только бесплатных хлебных пайков раздаётся свыше 300 тыс. Такая же картина, в несколько меньших масштабах, наблюдалась и в других городских центрах Римской державы.

Значительная часть городского плебса, как указывают источники, входила в состав клиентелы крупных магнатов и богачей. Развращённая подачками и паразитическим существованием, эта часть городского плебса беззастенчиво торговала своими голосами на выборах. Цицерон, например, ставя вопрос о том, чем клиенты могут отблагодарить своего патрона, прямо говорил: «У них ничего нет, кроме их голосов». Подобная практика в самом недалёком будущем приводит к полному вырождению рабовладельческой демократии в Риме и к окончательной утере римским плебсом значения самостоятельной политической силы.

2. Первый триумвират

Положение в Италии и провинциях в 70-х годах I в. до н. э. оставалось напряжённым. Большая часть населения Малой Азии, разорённая налогами всякого рода поборами и деятельностью римских ростовщиков, снова стала на сторону Митридата, подготовлявшего войну" с римлянами. Переобременённые рекрутскими наборами и податями, галлы и племена Испании также глухо волновались. К узаконенным насилиям прибавлялся чудовищный произвол наместников. По свидетельству Цицерона, выступавшего обвинителем сицилийского наместника

Верреса, который беззастенчивым грабежом Сицилии нажил громадные богатства, все провинции ненавидели самое имя римлян и готовы были на любую отчаянную попытку, лишь бы свергнуть их тиранию.

Быстро росло число пиратов, вербовавшихся главным образом из жителей Киликии, Памфилии, Исаврии. К пиратам бежали рабы и обедневшие жители Италии.

Римский военный корабль с легионариями.
Рельеф из Палестрино. Около 30 г. до н. э. Мрамор.

Деятельность пиратов совершенно расстроила морскую торговлю и подвоз зерна в Рим. Цены росли. Городской плебс и дельцы-всадники, сильно пострадавшие от войны с Митридатом, считали нужным начать с пиратами решительную борьбу. Всё большое недовольство вызывали установленные Суллой порядки. Большинство сулланских ветеранов разорялось и продавало спои наделы крупным собственникам. Спустя 15 лет после смерти Суллы розданная ветеранам территория Пренесте оказалась в руках нескольких владельцев, а земля племени гирпинов — в руках одного человека. Организованные Суллой сенатские суды приобрели скандальную славу подкупностью судей. Все это создало базу нового объединения всадников и плебса для борьбы с сенатом, поддерживавшим сулланские порядки. В народе всё чаще вспоминали Мария, как врага Суллы и вождя популяров. Молодой аристократ Гай Юлий Цезарь, племянник жены Мария и зять Цинны, приобрёл широкую известность своими речами, в которых упоминал о заслугах вождей популяров. Несколько позднее Цезарь рискнул даже восстановить снятую Суллой статую Мария и памятники в честь его побед.

Консульство Красса и Помпея. Закон Габиния

Оппозиция режиму Суллы была настолько сильна, что даже такие видные сулланцы, как Красс и Помпей, должны были, чтобы не утратить популярности, объявить себя его противниками. Избранные в 70 г. консулами, они провели законы, восстанавливавшие досулланские порядки: народным трибунам была возвращена их прежняя власть; возобновлялась раздача дешёвого хлеба; суды передавались смешанной комиссии из сенаторов, всадников и наиболее зажиточных плебеев. Таким образом, Помпей и Красс тесно сблизились с популярами.

По предложению трибуна Габиния Помпей был наделён чрезвычайными полномочиями сроком на три года для борьбы с пиратами. Он получил в своё распоряжение 500 судов, 120 тыс. солдат, ему была предоставлена неограниченная власть на всём побережье Средиземного моря. При такой концентрации сил исход борьбы был предрешён. Через три месяца после того, как Помпей начал кампанию, море было очищено от пиратов. Часть пиратов была разбита, после чего многие пиратские вожди явились к Помпею с повинной и обязались прекратить морской разбой. Большое число пиратов Помпей расселил вдали от моря, главным образом в опустошённой римлянами Киликии и частично в Ахайе. Через 10—15 лет пираты возобновили свою деятельность, но на первых порах казалось, что Помпей покончил с ними навсегда и что предоставление ему чрезвычайных полномочий себя оправдало.

Основываясь на этом, плебс и всадники стали требовать предоставления Помпею столь же широких полномочий в новой войне с Митридатом.

Третья война Митридата с Римом

Весной 73 г. Митридат начал новую, уже третью по счёту войну с Римом. Вступив в Вифинию, в которой началось антиримское движение, он разбил правившего провинцией римского наместника. Часть понтийских войск была им отправлена для завоевания Фригии и других внутренних областей Малой Азии. Сам же Митридат приступил к осаде Кизика, весьма важного пункта, обладание которым обеспечивало господство над проливами, соединявшими Чёрное море с Эгейским. Но попытки царя завладеть Кизиком потерпели полную неудачу, и зимой 73/2 г. до н. э. ему пришлось снять осаду и отступить с большими потерями. После этого римские войска под командованием Луция Лукулла вторглись в пределы Понтийского царства и захватили ряд плодородных областей страны. Митридат, потерявший почти всю армию, бежал весной 71 г. до н. э. к своему зятю и союзнику — царю Армении Тиграну. Он рассчитывал найти в Армении достаточные силы для организации отпора римлянам.

В течение 71 и 70 гг. римляне заняли территорию Понтийского царства. Одновременно они заключили союз с правившим на Боспоре сыном Митридата Махаром и таким образом подготовились к военным действиям против Армении, которые развернулись в 69 и 68 гг. до н. э. Тем временем Митридат, помогавший Тиграну в борьбе против римлян, выбрал удобный момент и вернулся с 8-тысячным войском в пределы своего царства. За сравнительно короткое время он разбил римские войска, оставленные здесь Лукуллом.

Однако эти успехи Митридата были весьма эфемерны. Многолетние войны истощили силы Понта, к тому же владения царя значительно сократились после отпадения Боспора. Пребывание римских войск в Понтийском царстве в 71—68 гг. до н. э. привело к разорению и оскудению некогда богатых земель. Со времени захвата римлянами Амиса, Синопы и Гераклеи на Чёрном море господствовала римская эскадра. Это создавало непреодолимые трудности в, доставке продовольствия и наёмников от союзных Митридату племён и народностей Причерноморья. Успешная борьба римлян со средиземноморскими пиратами также лишила Митридата очень важной для него поддержки.

Помпей на Востоке

В 66 г. до н. э. народный трибун Манилий предложил передать командование в войне против Митридата Помпею, предоставив ому неограниченную власть над восточными провинциями. В сенате опасались такого невиданного усиления одного лица, но соединёнными силами плебса и всадников закон Манилия был проведен. Ставленник сената Лукулл был непопулярен: в освобождённых от Митридата городах Азии он запретил ростовщикам взимать более 12% и отбирать у должника более $^{1}/_{4}$ его имущества. Это сразу же настроило против Лукулла римских дельцов. Недовольны были им и солдаты, считавшие, что они недостаточно вознаграждены.

Весной 66 г. до н. э. новый римский главнокомандующий Гней Помпей вступил в Понтийское царство с 60-тысячным войском. Митридат смог выставить только около 33 тыс. солдат из местного населения, причём с самого начала в войсках царя был недостаток в продовольствии. В столкновении с Помпеем, которое произошло в Малой Армении, возле поселения Дастира, понтийское войско было полностью разгромлено, а сам Митридат с трудом спасся. На этот раз он вынужден был бежать на север, в Колхиду, так как его союзник Тигран сложил оружие. Перезимовав в Диоскуриаде, Митридат начал новые приготовления к войне с Римом. Он заключил союз с меотскими племенами и, обойдя с севера, вновь захватил Боспорское царство, изгнав оттуда Махара.

В Северном Причерноморье Митридат стал собирать войска, заготавливать продовольствие и восстанавливать флот. Для этого он обложил тяжёлыми налогами всё население, что вызвало ропот боспорцев. Особое недовольство среди имущих слоев вызвало то обстоятельство, что Митридат формировал своё войско не только из свободных, но и из рабов, получавших при этом свободу. Недовольство Митридатом привело к восстанию таких крупных городов, как Фанагория, Херсонес и др. Восстание перекинулось и в Пантикапей, где сын Митридата Фарнак составил против него заговор, рассчитывая на то, что, подчинившись римлянам, он удержит в своих руках власть над Боспором. Войско, не верившее в грандиозные замыслы Митридата, который собирался вторгнуться в Италию с севера через придунайские области, за несколько дней до выступления в поход перешло на сторону Фарнака. На глазах у старого царя, укрепившегося на акрополе Пантикапея (современная гора Митридат в Керчи), Фарнак принял знаки царской власти. Покинутый всеми, Митридат покончил жизнь самоубийством (63 г. до н. э.).

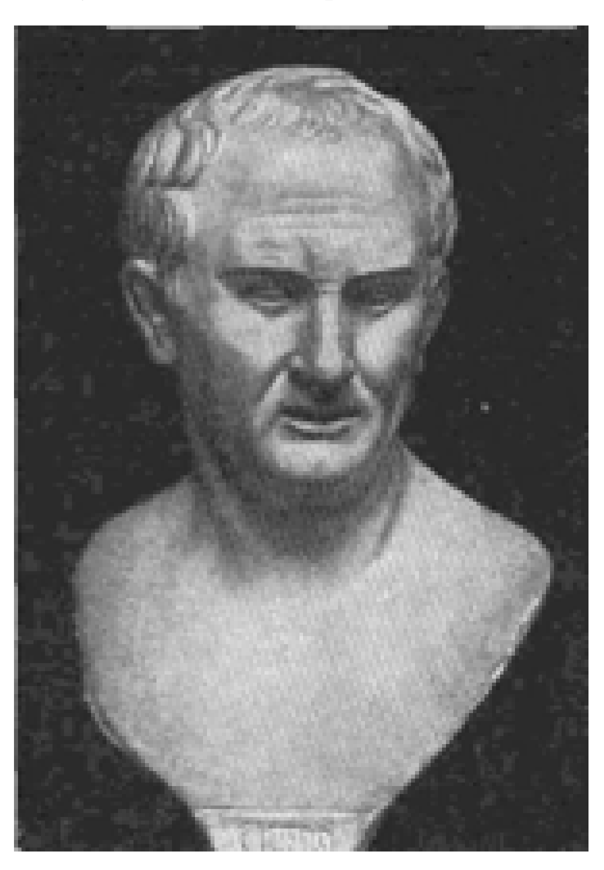
После поражения, нанесённого Митридату и Тиграну, Помпей направился в Сирию, а в 63 г. взял Иерусалим. Через два года после назначения Помпея война была окончена. На территории Малой Азии была образована новая провинция — Понт и Вифиния и присоединена в качестве провинции богатейшая Сирия.

Помпей вёл себя на Востоке, как неограниченный владыка. Он перераспределял по своему усмотрению территории, разбирал распри местных царьков, утверждал претендентов на престол в Пафлагонии, Галатии, Каппадокии, Иудее, получал от них заверения в преданности и богатые дары, давал им взаймы деньги под большие проценты. Поставленные Помпеем цари становились проводниками политики Рима в тех областях, в которых было мало греческих городов и были сильны пережитки первобытно-общинного строя. Более эллинизированные области были обращены в провинции. Следуя практике эллинистических царей, Помпей основал и восстановил в этих провинциях около 40 городов, которые должны были стать опорными пунктами римского господства.

В Азии Помпей, идя навстречу всадникам, отменил ограничения деятельности откупщиков, введённые ещё Суллой, но в новых провинциях он сделал ответственными за сбор налогов городских магистратов, предоставив им право самим сдавать налоги на откуп, что было выгодно прежде всего местным богачам. Военная добыча римлян была огромной. За время войны в Азии было захвачено

так много рабов, что цена на них упала до 4 денариев за каждого, тогда как обычно средняя цена раба равнялась 500 денариям. Доходы римской казны после успехов Помпея возросли с 15 млн. до 85 млн. денариев. Неудивительно, что он стал самым могущественным человеком в государстве. Многие думали, что, вернувшись в Италию, Помпей с помощью армии станет диктатором.

Такая перспектива встревожила всадников. Они не без оснований опасались, что, став у власти, Помпей пойдёт на соглашение с оптиматами. Поэтому среди политических противников Помпея, главным образом из среды всадничества, становится популярным проект похода в Египет. В случае организации этого похода противники Помпея могли бы создать свою армию и противопоставить её армии Помпея — главной опоре его растущего политического влияния. Предполагалось, что поход в Египет будет возглавлен представлявшим интересы всадников Крассом. В связи с этим Красс сблизился с Цезарем — признанным вождём популяров, который также видел в Помпее главного своего политического соперника. Известность Цезаря особенно возросла после избрания его в 65 г. на должность эдила, когда он затратил огромные средства и залез в долги, устраивая для населения Рима невиданные по роскоши зрелища и развлечения. В 63 г. Цезарь подавляющим большинством был избран великим понтификом.



Цицерон.
Скульптура I в. до н. э. Мрамор.

В сенате, однако, хорошо понимали, что в сложившихся условиях поход в Египет таит в себе опасность гражданской воины, и воспрепятствовали организации этого похода. По мере приближения момента возвращения Помпея с Востока обстановка в Риме всё более и более накалялась.

Сенаторы, не уверенные в позиции, которую займёт Помпей, надеялись, что обиженный отставкой Лукулл станет активным вождём оптиматов, но он отказался от политики и жил как частный человек, поражая современников ещё невиданной роскошью своих вилл, картинных галерей, парков и особенно своих пиров («Лукулловы пиры»). К оптиматам зато перешёл прежде выступавший на стороне популяров и прославившийся как оратор Цицерон, земляк Мария, человек незнатного происхождения, или, как тогда говорили, «новый человек».

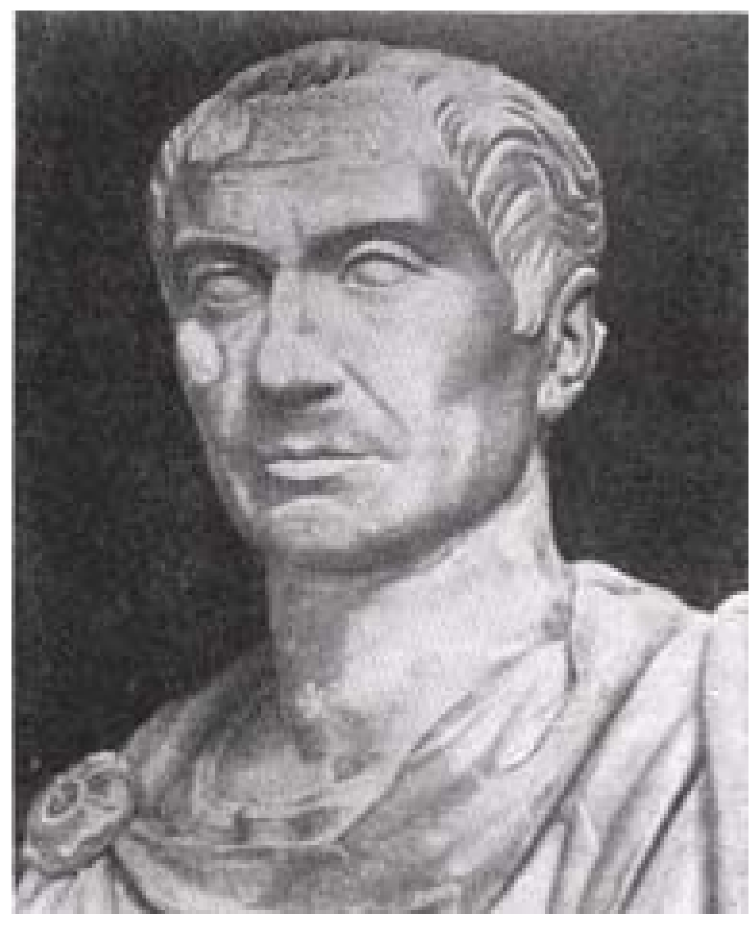
Многие качества Цицерона позволили ему выдвинуться в первые ряды тогдашних политических деятелей. Своё блестящее ораторское дарование, развитое им благодаря превосходному знакомству с философией, литературой, теорией ораторского искусства и правом, он всецело ставил на службу своим политическим целям, совпадавшим тогда с целями аристократии. Будучи человеком по существу, совершенно беспринципным, он не стеснялся менять свои убеждения, аргументы, дружеские связи в зависимости от требований момента и обстановки. Выступая перед народом, он готов был превозносить великие заслуги и доблесть Гракхов и Мария; говоря в сенате, он называл их злейшими демагогами, нарушителями социального мира, а в своих интимных письмах высмеивал и сенат и народ. В одном из писем он говорит, что, пока в государстве идёт борьба,

надо быть на стороне тех; дело которых считаешь справедливым, но, если начинается гражданская война, следует примкнуть к тем, кто сильнее.

На выборах 64 г. Цицерон выставил свою кандидатуру в консулы. Главным соперником Цицерона выступил Катилина — разорившийся аристократ, некогда активный сулланец. Уже тогда Цицерон начал развивать программу, которая впоследствии легла в основу ряда его политических сочинений. Основная идея этой программы сводилась к лозунгу «согласие сословий», под которым он, по существу, подразумевал консолидацию сил господствующего класса.

Законопроект Сервилия Рулла. Заговор Катилины

Катилина был забаллотирован, а Цицерон избран в консулы. Однако реальное положение делало невозможным осуществление лозунга «согласие сословий». К неразрешённому аграрному вопросу прибавился всё обострявшийся долговой вопрос, так как задолженность приняла катастрофические размеры среди разных кругов населения.



Голова статуи Юлия Цезаря.
I в. н. э. Мрамор.

В 64 г. с проектом нового аграрного закона выступил народный трибун Сервилий Рулл. Он предложил продать в провинциях государственные земли, прибавить к вырученным деньгам суммы, получаемые в виде налогов с провинций, и военную добычу всех полководцев и на эти средства закупить землю для беднейших граждан, а также разделить между ними оставшиеся неразделёнными государственные земли Кампании. Наконец, все земли, поступившие в чьё-либо владение с 84 г., т. е. со времени проскрипций Суллы, должны были, по проекту Рулла, стать частной собственностью владельцев. Проведение реформы предполагалось поручить комиссии из 10 лиц, наделённой широкими полномочиями. В число членов этой комиссии могли быть избраны только лица, находившиеся в то время в Риме. Помпей, остававшийся ещё на Востоке, попасть в неё, следовательно, не мог. Возможно, что за спиной Рулла стояли Красс и Цезарь.

Законопроект Рулла был выгоден сельскому плебсу и ещё сохранившим свои земли сулланским ветеранам, и крупным собственникам, нажившимся на проскрипциях. Однако этот закон наносил значительный ущерб откупным компаниям и городскому плебсу, на подачки которому шли в основном доходы со сданных в аренду государственных земель. На этом и сыграл Цицерон, произнёсший три речи против законопроекта Рулла и добившийся его провала.

Совсем иначе встретил плебс призыв к борьбе против сенатской олигархии и за сложение долгов. Лозунги эти были выдвинуты Катилиной, который снова выставил свою кандидатуру на консульских выборах 63 г. и вместе с тем втайне подготовлял государственный переворот. Состав сторонников Катилины был очень пест-

рым. Были среди них и сенаторы из захудалых и обедневших родов, и аристократическая молодёжь, прокутившая своё состояние и обременённая долгами, и городской люмпен-пролетариат, и обедневшие сулланские ветераны. Сторонники Катилины вели агитацию во всей Италии. Наибольшего успеха они добились в разорённой Суллой Этрурии и в ещё волновавшейся после Спартаковского восстания Южной Италии. Они попытались также войти в сношения с готовым возмутиться галльским племенем аллоброгов, послы которого как раз в это время прибыли в Рим просить о сложении недоимок. Объединял всю эту разнообразную массу людей лозунг уничтожения долговых обязательств.

В результате активного противодействия Цицерона Катилина снова не прошёл на выборах в консулы, избиравшихся на 62 г. В ответ на это заговорщики решили поднять восстание и захватить власть. Цицерон, осведомлённый своими агентами о заговоре, но не располагавший достаточными уликами, выступил с речами против Катилины, в которые вложил всё своё ораторское мастерство. Эти речи повлияли на настроение более обеспеченных слоев плебса — торговцев, владельцев мастерских и домов, опасавшихся за своё имущество. Сенат наделил Цицерона чрезвычайными полномочиями. Тогда Цицерон разослал по Италии солдат и назначил крупное вознаграждение рабам и свободным за доносы на заговорщиков. Было закрыто большинство коллегий—организаций плебса. Катилина был вынужден покинуть Рим и направился в Этрурию, где один из участников заговора, Манлий, вербовал армию.

Оставшиеся в Риме катилинарии во главе с Лентулом и Цетегом продолжали подготовку к восстанию. Однако все их планы были сорваны. Перехваченное письмо Лентула к аллоброгам с призывом к восстанию дало Цицерону основание потребовать немедленной расправы с заговорщиками. По решению сената (против которого выступил только Цезарь, сам, возможно, связанный с Катилиной) Лентул, Цетег и другие виднейшие заговорщики были умерщвлены без суда. Против отрядов повстанцев, набранных Манлием и Катилиной, была послана консульская армия. В ожесточённом бою у города Пистории (в Этрурии) сторонники Катилины были разгромлены, он сам погиб. Затем было подавлено и движение аллоброгов. Цицерон получил титул «отца отечества».

Свидетельства современников, откровенно враждебные по отношению к Катилине, не дают возможности с полной определённостью судить о движении, связанном с его именем. Очевидно одно: разнообразную массу сторонников Катилины объединяла лишь ненависть к сенатской олигархии. Движение не имело прочной социальной основы. Катилина обходил аграрный вопрос и, в отличие, например, от Цинны, отказывался принимать в свой лагерь беглых рабов. Разложившийся городской плебс уже не представлял собой демократической силы. И хотя Цицерону удалось расправиться с катилинариями во имя спасения республики, весь ход дальнейших событий свидетельствовал о том, что социальная база республики нобилей крайне сузилась и что реальная власть из рук сената переходила в руки опиравшихся на профессиональное войско удачливых полководцев и политических честолюбцев из среды господствующего класса. На смену сенатской аристократической республике шла империя.

Первый триумвират

Вернувшись в декабре 62 г. с Востока, Помпей после блестящего триумфа щедро наградил солдат и распустил своё войско. Но, чтобы сохранить популярность в армии, Помпей должен был наделить солдат землёй, а чтобы сохранить престиж на Востоке, должен был добиться утверждения сенатом проведённых им там мероприятий. Сенат, стремясь ослабить влияние Помпея, ставшего в глазах оптиматов опасным, отказал ему и в том и в другом. В это время в Рим из Испании возвратился Цезарь. Он намеревался получить консульство на 59 г., рассчитывая на свою популярность среди плебса. В сложившейся ситуации стало возможным совместное выступление армии, всадничества и плебса, так как все они после недавних событий имели причины быть

недовольными политикой оптиматов. Объединение этих трёх сил приняло форму соглашения Помпея, Красса и Цезаря. Каждый из них в отдельности ещё не мог в тот момент овладеть единоличной властью. Их союз получил впоследствии название первого *триумвирата.*

В 59 г. Цезарь был избран консулом. Пользуясь поддержкой народного собрания, он провёл в пользу всадников закон о снижении на $^1/_3$ откупных платежей, а в пользу Помпея и его армии — утверждение мероприятий Помпея на Востоке и закон о разделе земли в Кампании между 20 тыс. ветеранов и беднейшими многосемейными гражданами. В народные трибуны на следующий год при поддержке Цезаря был избран зарекомендовавший себя как ярый враг оптиматов Клодий, очень популярный среди плебса, несмотря на своё аристократическое происхождение. Другие магистратуры триумвиры также обеспечили за своими приверженцами. По окончании срока своего консульства Цезарь получил на пять лет управление Цизальпинской в Нарбонской Галлией, что давало ему право набора войск.

Кельтские племена в I в. до н. э. Начало военных действий Цезаря в Галлии

В марте 58 г. Цезарь, закончив набор войска, прибыл в назначенную ему провинцию. В Галлии он застал довольно сложное положение. Здесь в это время шла почти непрекращающаяся борьба между различными племенными союзами. Крупное объединение было создано одним из галльских племён — арвернами. Эдуи и секваны, объединив под своей гегемонией ряд других галльских племён, боролись за господство над всей Галлией. Однако галлам во II—I вв. до н. э. так и не удалось создать крепкого союза всех племён. Этому препятствовали низкий уровень экономического развития большинства племён, постоянные военные столкновения между ними, а, кроме того, вмешательство Рима, использовавшего в своих интересах межплеменную и социальную борьбу внутри племён.

Большое значение имело начавшееся ещё в конце 70-х годов I в. до н. э. передвижение кельтского племени гельветов, которые покинули области между Манном и верхним течением Рейна и поселились в западной части современной Швейцарии. В это же время область Верхнего Рейна заняло германское племя свевов.

Последствием передвижений свевов и гельветов было значительное осложнение межплеменных отношений в Галлии. Секваны и арверны, воевавшие с эдуями, обратились за помощью к свевскому вождю Ариовисту. Общими силами они разбили эдуев (около 60 г. до н. э.). За эту помощь секваны уступили свевам часть своей территории. Таким образом, свевы стали соседями гельветов и потеснили последних. Гельветы решили переселиться к устью Гаронны. Для этого им надо было пройти через территорию римской провинции — Нарбонской Галлии. Римляне были весьма обеспокоены передвижением 300 тыс. гельветов.

По прибытии в провинцию Цезарь немедленно вмешался в эти дела. Он запретил гельветам идти через римские владения. Тогда гельветам пришлось избрать другой путь. Но когда они двинулись через области секванов и эдуев, последние обратились за помощью к Цезарю. Он откликнулся на этот призыв и в 58 г. до н. э. нанёс гельветам тяжёлое поражение, заставив их вернуться на старое место поселения.

Борьба сторонников Цезаря и Помпея в Риме

В то время как Цезарь со своими войсками находился в Галлии, положение в Риме становилось всё более напряжённым. При поддержке плебса Клодию удалось провести ряд законов, способствовавших росту популярности Цезаря: о даровой раздаче хлеба 320 тыс. граждан, о восстановлении распущенных Цицероном коллегий, об изгнании Цицерона за незаконную казнь катилинариев и др. Влияние Клодия не уменьшилось с окончанием его трибуната. Из низших слоев городского населения и специально закупленных для этой цели рабов он организовал вооружённые отряды, наводившие страх на оптиматов. Оптиматы прибегали к тем же ме-

тодам. Их сторонники Милон, Сестий и другие тоже покупали гладиаторов и вооружали ремесленников для борьбы с отрядами Клодия.

Как и Цезарь, агентом которого он являлся, Клодий старался использовать недовольство, быстро нараставшее среди обнищавшего плебса, чтобы дезорганизовать и ослабить оптиматов. По существу, плебс уже не имел никакой положительной программы. Участвуя в вооружённых столкновениях отрядов Клодия и Милона, свободные бедняки и рабы давали лишь выход своей стихийной ненависти к власти аристократии и богачей. В Риме царила всё усиливавшаяся анархия, были годы, когда из-за уличных столкновений и совершенно открытого подкупа голосов нельзя было провести выборы должностных лиц.

Завоевание Галлии

В такой обстановке произошла встреча триумвиров в городе Луке (56 г. до н. э.). Она была обставлена чрезвычайно пышно. В Луку прибыло много сенаторов и магистратов. Фактически триумвират превратился в негласное римское правительство. Триумвиры заключили новое соглашение, согласно которому Красс и Помпей становились консулами на следующий год, после чего Помпей получал в управление Испанию и Африку (которыми он управлял через легатов, оставаясь в Риме), а Красс—командование на Востоке против парфян. Полномочия Цезаря в Галлии были продлены ещё на 5 лет.

Успехи Цезаря в этой стране, которые он умел ещё более приукрасить в своих донесениях, поражали современников. Они объяснялись не только незаурядными военными и дипломатическими дарованиями Цезаря, но главным образом позицией галльской аристократии, которая из страха перед народными движениями предавала родину римлянам. После победы над гельветами Цезарь, действуя будто бы по просьбе галльских племён, а на деле опираясь лишь на племенную знать, потребовал, чтобы Ариовист оставил страну. Получив отказ, он объявил германцам войну и оттеснил их за Рейн. В последующие годы, несмотря на стойкое сопротивление, одно за другим были покорены северо-западные кельтские и германские племена белгов, нервиев, узипетов, тенктеров и многие другие. Галлия была объявлена римской провинцией и обложена ежегодной податью в 40 млн. денариев. Кроме того, в ходе самой кампании Цезарь захватил огромную добычу. Одних рабов было, по некоторым, впрочем, преувеличенным, сведениям, взято около миллиона.

Галл.
Бронзовая статуэтка I в. до н. э.

Награбленные в Галлии средства Цезарь тратил на массовый подкуп нужных ему людей. Аристократическая молодёжь в поисках обогащения стекалась в лагерь Цезаря. Своим солдатам он почти удвоил жалованье. Слава Цезаря быстро росла. Особенно сильное впечатление произвели его экспедиции в неведомые прежде

римлянам Британию и Зарейнскую область, хотя существенных результатов эти походы не дали. В первые пять лет войны Галлия фактически далеко ещё не была покорена. Уже во время похода Цезаря в Британию в Галлии вспыхнуло восстание, стоившее римлянам больших потерь, но сравнительно легко подавленное из-за неорганизованности галлов. Но и после этого силы сопротивления галльского народа всё ещё не были сломлены.

Распад триумвирата. Великое Галльское восстание

В конце 50-х годов триумвират распался. В 53 г. в битве с парфянами при Каррах погиб Красс. В следующем, 52 г. в стычке с отрядом Милона был убит Клодий. Это событие вызвало восстание плебса, который вместе с рабами нападал на оптиматов, разрушал их дома, уничтожал имущество. Аристократия, среди которой снова видную роль играл вернувшийся из ссылки Цицерон, оказалась вынужденной заключить союз с Помпеем, недовольным усилением Цезаря. Помпей впервые в истории республики был избран единственным «консулом без коллеги» (т. е. фактически получил диктаторские полномочия), ввёл в Рим войска и начал принимать меры против сторонников Цезаря.

В этот напряжённый момент галльские патриоты подняли восстание, которым руководил вождь народной партии племени арвернов — Верцингеториг. Недовольство римской политикой и стремление изгнать из страны чужеземцев и захватчиков объединили почти все слои галльского общества. Цезарь потерпел серьёзное поражение при городе Герговии, после чего вся Галлия примкнула к Верцингеторигу. Казалось, господству римлян настал конец, но внутренние раздоры ослабляли повстанцев. Борьба галлов против римлян была длительной и упорной. В конце концов, Цезарю удалось осадить Верцингеторига в городе Алезии, разбить армию галлов, шедшую к нему на помощь, и принудить его к сдаче. Верцингеториг в качестве пленника, в цепях, был отправлен в Рим, а затем казнён. Расправа с повстанцами была крайне жестокой. Галлия была настолько обескровлена, что стала неспособной к дальнейшему организованному сопротивлению. Вместе с тем Цезарь всё более привлекал к себе галльскую знать, награждая её римским гражданством за службу в его войсках, наделяя обширными земельными владениями и продвигая своих сторонников на должности городских магистратов.

Галльская монета с изображением Верцингеторига. I в. до н. э.

Победа над Галлией дала в распоряжение Цезаря сильную армию, деньги и людские ресурсы, поскольку он набирал галлов не только во вспомогательные части, но и в легионы. Как и присоединение Помпеем новых восточных областей, покорение Галлии сильно расширило Римское государство. В новых областях, попавших в сферу влияния развитых рабовладельческих отношений, начал быстро утверждаться рабовладельческий способ производства. Это вместе с поступлением многих сотен тысяч рабов с Востока, из Галлии и Британии дало новый толчок развитию рабовладельческой системы в целом.

Покончив с галльским восстанием, Цезарь всё своё внимание сосредоточил на укреплении своих политических позиций в Риме. Он намеревался баллотироваться в консулы на 49 г. и выступить против Помпея и оптиматов.

3. Диктатура Цезаря

Борьба за власть между Помпеем и Цезарем

Став фактически диктатором, Помпей провёл закон, запрещавший Цезарю добиваться консульства до роспуска им солдат, что привело к окончательному разрыву между ними.

Помпей по настоянию оптиматов начал собирать войска. Выступавшие за Цезаря и изгнанные из сената народные трибуны Курион и Антоний бежали к Цезарю, дав ему благовидный предлог начать войну якобы в защиту народных избранников. 10 января 49 г. Цезарь перешёл отделявшую Галлию от Италии реку Рубикон и занял город Аримин. Гражданская война началась.

Соотношение сил ярко охарактеризовал в своих письмах к родным и друзьям Цицерон. В Италии, по наблюдениям Цицерона, на стороне Цезаря были всадники, часть аристократии, плебс Рима и италийских городов, а главное — несравненно более сильная, чем у Помпея, армия, солдаты которой имели многочисленные связи в городах Италии. Крестьянство и средние слои горожан готовы были стать на сторону всякого, кто даст им мир и обеспечит неприкосновенность их имущества. Однако они скорее склонялись на сторону Цезаря, так как хотели уничтожения власти олигархии и богачей. Плебс и все те, кто шёл в своё время за Катилиной и Клодием, рассчитывали, что Цезарь уничтожит долговые обязательства. Солдаты ожидали богатой добычи и земельных наделов. Помпея же поддерживали только правящая сенатская знать и крупные землевладельцы Италии.

Набор в армию Помпея шёл туго; завербованные рекруты разбегались. Помпой не был в состоянии оказать сопротивление быстро продвигавшемуся по Италии Цезарю. Тогда он направился в Эпир и Македонию, чтобы собрать силы для продолжения борьбы. Овладев Италией, Цезарь расположил к себе землевладельцев и зажиточных горожан тем, что не только не объявил проскрипций, чего опасались некоторые, но открыто осуждал террористический режим Суллы и избрал своим лозунгом «милосердие». О Помпее, напротив, говорили, что он собирается блокировать Италию набранным на Востоке флотом, а затем отдать её на разграбление войскам «варварских» царей.

Закрепившись в Италии, Цезарь начал с Помпеем войну за провинции, население которых стало более или менее активным участником в этой борьбе. Главные свои надежды Помпей возлагал на зависимых от Рима царей и племенную знать. Восточные правители и фракийский царь прислали ему вспомогательные войска и флот. В самом начале войны Помпей заключил также союз с нумидийским царём Юбой, даровав ему титул «друга и союзника» римского народа. Племенная знать Далмации и Иллирика, жестоко эксплуатировавшая крестьян и находившаяся в постоянной вражде с приморскими торговыми городами, активно поддержала Помпея и помпеянцев. Многочисленных сторонников Помпой имел и среди аристократии кельтиберов, которую он сумел привлечь на свою сторону ещё во время войны с Серторием. Помпеянцев поддерживали также богатые землевладельцы крупных привилегированных городов провинций.

В провинциях на стороне Цезаря выступала активно помогавшая ему людьми и продовольствием галльская знать. Поддерживали его также торговые города Иллирика и Далмации и многочисленные, только ещё начинавшие развиваться города Испании и Африки, а также все те, кто в издавна существовавших городах были враждебны местной олигархии и принадлежали к демократическим «партиям». У Цезаря были сторонники и в восточных провинциях, которые Помпей считал своим главным оплотом. Борьба между помпеянцами и цезарианцами в провинциальных городах, по-видимому, была очень острой. Помпеянцы применяли против сторонников Цезаря жестокие репрессии — от конфискации имущества вплоть до смертной казни. Борьба эта ослабляла в военном

отношении сторонников Помпея, так как нередко набранные на месте солдаты легионов и вспомогательных частей, недовольные действиями помпеянцев в их родных городах, массами переходили на сторону Цезаря.

Прежде чем последовать за Помпеем на Восток, Цезарь обеспечил свой тыл на Западе и очистил от помпеянцев Испанию, где у них было сосредоточено 7 легионов. Цезарю удалось привлечь на свою сторону те племена и города, в которых была сильна партия, враждебная местной аристократии. После победы при Илерде, которая обеспечила ему власть в Испании, Цезарь отменил наложенные помпеянцами контрибуции и возвратил земли, конфискованные ими у противников аристократической партии; жителям города Гадеса он даровал римское гражданство, а городу Тарракону, по-видимому, права колонии.

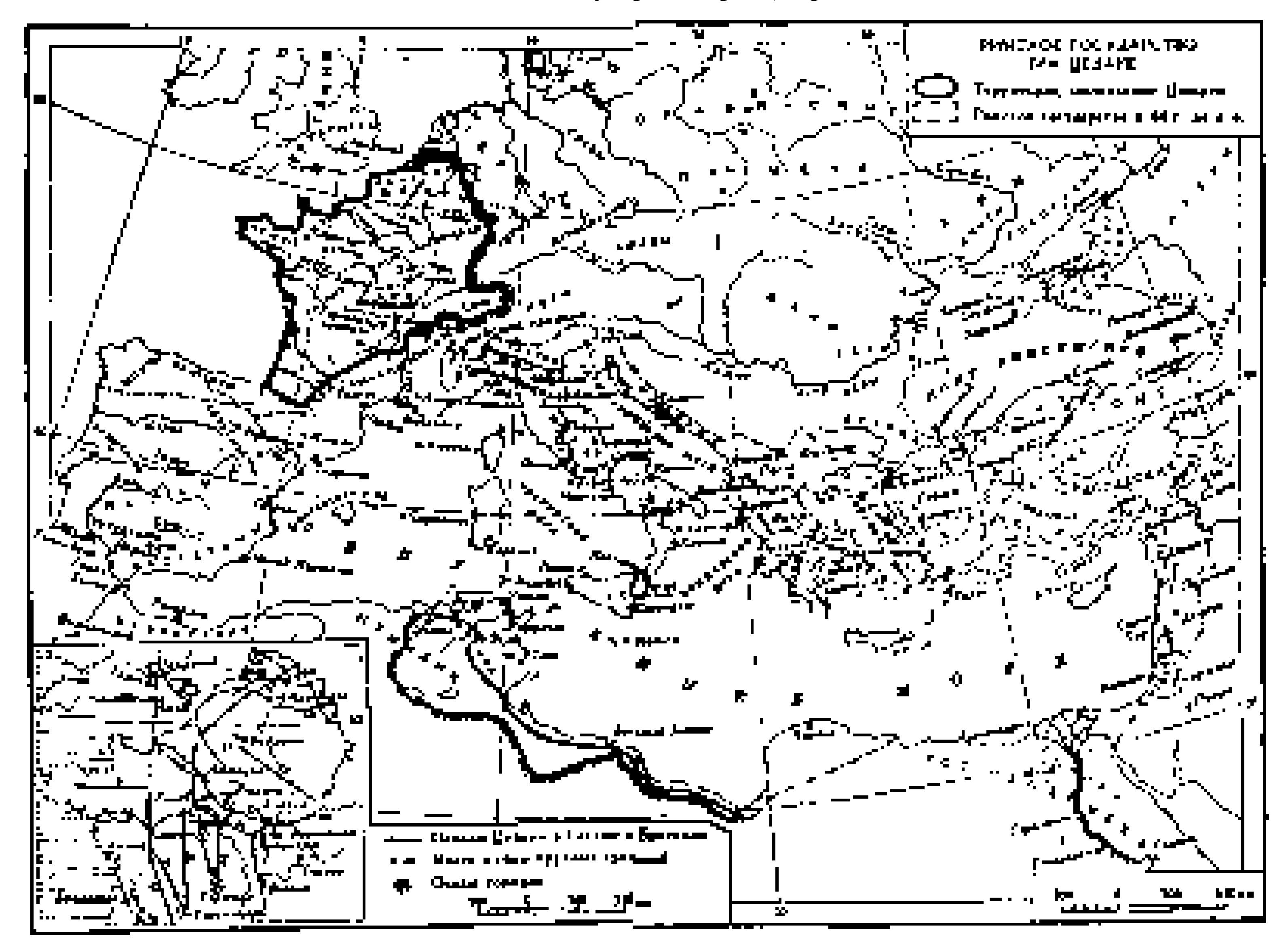
Тем временем Помпей собрал значительный флот и сильную армию из 9 легионов и вспомогательных войск, присланных ему из восточных провинций и вассальных царств. Но тыл его был непрочен. Население страдало от непосильных контрибуций. Окружавшие Помпея оптиматы воспользовались случаем, чтобы поднять ростовщические проценты. Богатые города, в том числе Пергам, отдавались на разграбление солдатам. Всё это усиливало цезарианскую партию. Когда Цезарь высадился в Эпире, греки и римские граждане многих городов Эпира, Македонии, Этолии, Фессалии послали к нему послов и впустили его гарнизоны. В первой битве при городе Диррахии Цезарь потерпел поражение, однако Помпей не сумел им воспользоваться. Дезертирство греческих и восточных солдат из его армии быстро усиливалось. В решительной битве при фессалийском городе Фарсале (48 г.) вспомогательная конница, на которую Помпей больше всего надеялся, бежала первой, и это бегство предопределило его поражение. После битвы при Фарсале не только большая часть войск Помпея, но и многие оптиматы, в том числе и Цицерон, перешли на сторону Цезаря, отчаявшись в дальнейшей борьбе и успокоенные тем, что Цезарь не объявлял проскрипций.

Помпей отплыл в Египет, но был убит придворными малолетнего египетского царя Птолемея XII, которые опасались приближавшегося Цезаря. В Египте Цезарь после опасной и трудной войны со сторонниками Птолемея утвердил на престоле его сестру Клеопатру. Оттуда он отправился в Малую Азию, где без труда одержал победу над сыном Митридата Фарнаком, который, воспользовавшись гражданской войной, сделал попытку вернуть себе владения отца. Об этой победе Цезарь послал известное донесение в сенат, состоявшее из трёх слов: «Пришёл, увидел, победил». В азиатских провинциях Цезарь снизил на одну треть налоги и оставил в вассальных царствах своих ставленников.

Последним оплотом помпеянцев оставалась Африка, где они вступили в союз с нумидийским царём Юбой и пользовались поддержкой крупных землевладельцев и наиболее богатых горожан. Однако и здесь их положение было непрочно. Согнанные в их армию крестьяне разбегались. Когда Цезарь, покончив дела в Малой Азии, прибыл в Африку, многие города стали переходить на его сторону, а вошедшие с ним в сношения гетулы восстали против Юбы, зависимостью от которого они тяготились. Помпеянские солдаты дезертировали, и военачальникам приходилось мобилизовать рабов. В битве при городе Тапсе (46 г.) помпеянцы были окончательно разбиты: Юба покончил с собой, Нумидия была превращена в римскую провинцию. На представителей городских верхов, поддерживавших помпеянцев, Цезарь наложил крупную контрибуцию.

Длившаяся четыре года гражданская война была завершена подавлением восстания, поднятого в Испании сыновьями Помпея — Гнеем и Секстом и поддержанного частью местного населения, страдавшего от управления Кассия Лонгина, легата Цезаря, не менее чем от прежних наместников. Помпеянцы были разбиты Цезарем при Мунде (45 г.). Гней Помпей погиб, а Секст временно прекратил борьбу, исподволь собирая недовольных и принимая в свои отряды беглых рабов.

Римское государство при Цезаре



Политика Цезаря

После битвы при Мунде Цезарь стал единоличным правителем государства. Он получил бессрочную диктатуру, пожизненную трибунскую власть и «префектуру нравов», т. е. цензорскую власть. Цезарь в большей мере, чем кто-либо из его предшественников, нарушил римские республиканские традиции, сосредоточив в своих руках важнейшие магистратуры, делавшие его власть неограниченной. Кроме того, он получил ещё ряд почётных привилегий и титулов, между прочим,— право прибавить звание «император» к имени собственному, что подчёркивало его пожизненную связь с войском, звание «отца отечества», что должно было сделать его личность священной в глазах граждан, право носить постоянно одежду триумфатора, уподоблявшую его Юпитеру, что так же, как и его звание великого понтифика, придавало его власти религиозную окраску.

В политике Цезаря трудно проследить чёткую, последовательно проводимую политическую линию. «Цезарь не знает, куда он нас ведёт,— писал Цицерон,— мы рабы Цезаря, а Цезарь—раб обстоятельств». Но эти «обстоятельства» благоприятствовали осуществлению Цезарем главной его цели — превращению Рима в монархию. По свидетельству Светония, Цезарь утверждал: «Республика — не что иное, как пустое слово без содержания и блеска. Сулла был младенцем в политике, коль скоро он добровольно сложил с себя диктатуру».

Весь предшествующий опыт борьбы за установление военной диктатуры подсказывал Цезарю определённый путь действий: концентрация власти, опирающейся на военную силу, более рациональное использование богатств провинций, создание противовеса сенатской олигархии в виде широкого блока рабовладельцев различных частей Римской державы.

Действуя в этом направлении, Цезарь установил сбор прямых налогов непосредственно государством, сохранив откупа только на косвенные налоги. Он издал новый жесткий закон против злоупотреблений наместников и их помощников. Впервые была осуществлена проектировавшаяся ещё Гаем Гракхом широкая колонизация провинций: 80 тыс. ветеранов, отпущенников и беднейших граждан были расселены в провинциальных колониях, ставших надёжным оплотом римской власти. Верхи провинциалов Цезарь привлекал щедрой раздачей римского и латинского гражданства, которым он наделял как отдельных своих сторонников, так и жителей Сицилии, Испании, Нарбонской Галлии. В провинциальных и италийских колониях и муниципиях он старался обеспечить господствующее положение местным рабовладельцам и своим солдатам, получавшим различные привилегии. Эти лица входили в городские советы, пользовавшиеся некоторой независимостью от наместников в управлении хозяйственной жизнью города. Некоторые города Азии и Греции получили автономию.

Укрепляя свою власть, Цезарь пополнил сенат своими сторонниками из военных командиров и уроженцев италийских городов и даже провинций, доведя число сенаторов до 900. Увеличил он и количество магистратур, которые отдавал своим ставленникам. Так как реальной силой, на которую опирался Цезарь, оставалось войско, то он не только щедро награждал солдат деньгами по случаю пышно справлявшихся триумфов, но и систематически проводил наделение их землёй. Это было для него тем более необходимо, что ещё во время гражданской войны начиналось переходившее и открытые бунты брожение среди солдат, требовавших увольнения из армии в земли.

Однако политика Цезаря по созданию сильной военной монархии не была последовательна. Он лишил сенат реальной политической власти, но, отказавшись от проскрипций, не подорвал экономической мощи сената, состоявшего главным образом из крупнейших землевладельцев. Почти все видные помпеянцы были им прощены, и многие из них получили высокие назначения. Формально признав его власть и раболепствуя перед всесильным диктатором, они не примирились, однако,

с ограничением своей роли в политике и с монархическими устремлениями Цезаря. Подготовлявшийся Цезарем поход против парфян, который в случае удачи должен был ещё более усилить его власть, заставлял эти круги опасаться, что рано или поздно Цезарь добьётся провозглашения себя царём.

Вместе с тем начался раскол и среди цезарианцев. Цезарь, много лет выступавший в качестве вождя популяров и с их помощью проложивший себе путь к власти, начал ущемлять интересы плебса. Надежды плебеев на сложение всех долгов не оправдались. Цезарь провёл лишь ряд частичных мер, в результате которых долги уменьшились на $^1/_4$. В Риме дважды (в 48 и 47 гг.) вспыхивали восстания плебса, жестоко подавлявшиеся Антонием, которому Цезарь поручил управление Италией. По возвращении в Италию Цезарь распустил восстановленные при Клодии коллегии плебса. Он снизил до 120 тыс. человек число граждан, получавших даровой хлеб. Наделение солдат землёй шло медленнее, чем они того желали. Наконец, милости, которыми Цезарь осыпал прощённых оптиматов, не нравились всем тем, кто думал, что он раз и навсегда покончит с сенатской олигархией. Так, стараясь объединить различные сословия, группировки и партии, но не удовлетворив те слои, которые обеспечили ему победу, Цезарь оказался лишённым социальной опоры. Против него составился заговор, в котором приняли участие как представители старой знати, так и некоторые цезарианцы. Заговор возглавляли перешедшие во время войны на сторону Цезаря оптиматы Кассий и Брут. 15 марта 44 г. Цезарь на заседании сената был убит заговорщиками.

4. Гражданские войны 40—30-х годов I в. до н. э.

Оптиматы и цезарианцы

Смерть Цезаря вызвала растерянность не только среди его приверженцев, но и среди врагов. Попытка части сенаторов провозгласить Брута и Кассия «тираноубийцами» и «освободителями» встретила противодействие плебса, среди которого сохранились ещё остатки былой популярности Цезаря, и ветеранов, скопившихся в Риме в ожидании земельных раздач. Похороны Цезаря сопровождались стихийным движением плебса и рабов, которые воздавали Цезарю божеские почести и собирались отомстить за него, перерезав оптиматов. Брут и Кассий вынуждены были скрываться. Начальник конницы Лепид ввёл в Рим войска. В этих условиях ни одна сторона не могла добиться перевеса над другой, и более умеренные цезарианцы сочли необходимым пойти на соглашение со сторонниками сенатской партии.

Бывший тогда консулом Антоний созвал сенат. В своём выступлении он говорил о том, что, если Цезарь будет объявлен тираном, все его распоряжения придётся аннулировать. Но это не только вызовет возмущение всех городов, зависимых царей, колонистов и ветеранов, получивших от Цезаря те или иные привилегии, но и повредит большей части сенаторов, среди которых Цезарь, собираясь в поход против парфян, на пять лет вперёд распределил различные магистратуры. Аргументы Антония произвели впечатление на сенаторов. В результате по предложению Цицерона было принято компромиссное решение: Цезаря тираном не объявлять, но и убийц его не наказывать. Примирившись с сенатом, Антоний жестоко подавил волнение плебса и казнил участвовавших в нём рабов.

Однако это объединение цезарианцев и их политических противников не было прочным. Захватив бумаги Цезаря и ссылаясь на будто бы найденные в них распоряжения, Антоний вводил в сенат своих сторонников и раздавал привилегии зависимым царям. Кроме того, он набрал личную стражу из 6 тыс. отборных легионариев. Республиканцы подозревали, что он намерен стать диктатором, и считали, что рано или поздно им придётся с ним воевать. С другой стороны, многие цезарианцы,

плебс и ветераны отвернулись от Антония за примирение с убийцами Цезаря и за фактическую приостановку наделения ветеранов землёй. Они искали нового вождя, который мог бы обеспечить их интересы.

Такого вождя они нашли в 19-летнем внучатном племяннике покойного диктатора — Октавии, которого Цезарь по завещанию усыновил и назначил своим наследником. Октавий заканчивал образование в Иллирии, когда до него дошла весть об убийстве Цезаря. Под влиянием окружавших его цезарианских командиров он решил ехать в Рим и предъявить свои права. Когда молодой Октавий, который теперь стал именоваться Гаем Юлием Цезарем Октавианом, прибыл в Италию, к нему отовсюду начали стекаться солдаты и ветераны. Римский плебс надеялся» что Октавиан исполнит волю Цезаря, завещавшего каждому плебею по 300 сестерциев. Антоний, завладевший казной диктатора, с раздачей денег медлил. Октавиана он встретил холодно и в выдаче имущества его приёмного отца отказал. Появление Октавиана, сильного именем Цезаря, усугубило раскол среди цезарианцев. Часть из них, вышедшая из рядов землевладельцев италийских городов, опасаясь за свои земли, желала соглашения с республиканцами. Ветераны, ещё не получившие наделов или боявшиеся их лишиться в случае победы оптиматов, наоборот, требовали, чтобы Антоний и Октавиан примирились и отомстили за смерть Цезаря.

Марк Антоний.
Скульптура I в. до н. э. Мрамор.

Положение осложнилось личным соперничеством Антония и Октавиана. Антоний был вдвое старше Октавиана, он был опытным и способным военачальником, но плохим политиком. Октавиан не обладал такими разносторонними дарованиями, как Цезарь; в военном деле он не имел ни опыта, ни привлекавшего солдат личного мужества, но был расчётлив, умел подбирать и использовать талантливых помощников, извлекать все выгоды из своего положения сына Цезаря и вскоре, несмотря на молодость, оказался способным поспорить в мастерство политической интриги даже с Цицероном.

Цицерон, снова ставший во главе оптиматов, решил, несмотря на противодействие более дальновидного Брута, привлечь на сторону сената Октавиана и использовать его против Антония, которого он считал главным врагом республики. Такой союз казался ему тем более необходимым, что сенат не имел армии, а Антоний намеревался получить управление Галлией, которая, как показал пример Цезаря, была лучшей базой для наступления на Италию.

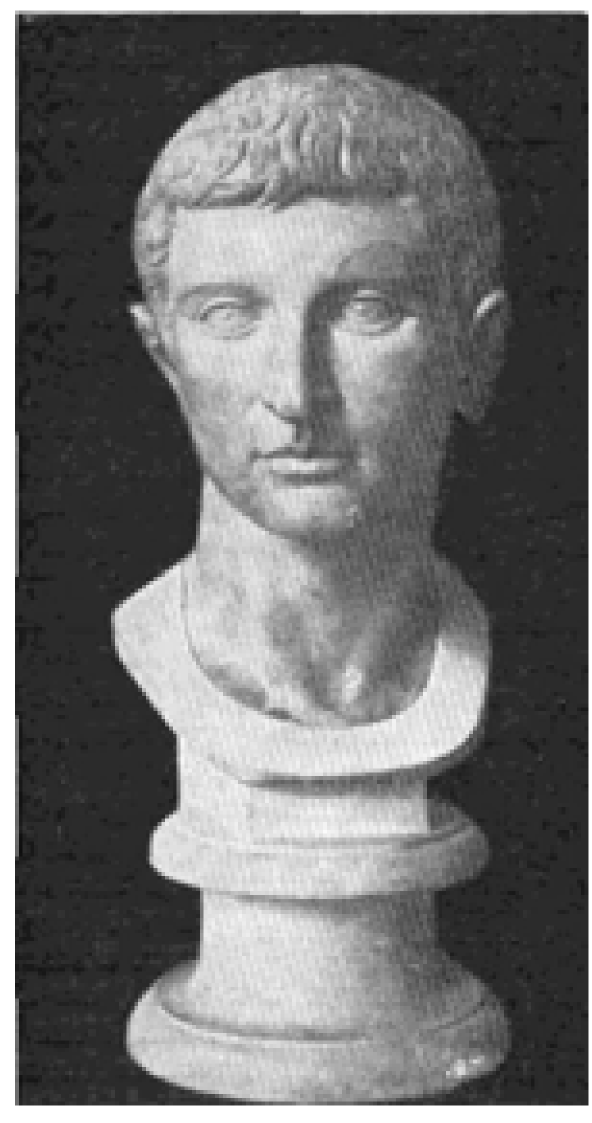
Октавиан легко пошёл на союз с оптиматами. Перед ветеранами он оправдывал его враждебностью Антония и клялся, что, как только Антоний будет устранён, он сбросит маску и жестоко отомстит за отца. Разъезжая по колониям Цезаря и щедро раздавая полученные от сената деньги, он успешно собирал войска, тогда как Антоний оттолкнул многих солдат задержкой жалованья и жестокими репрессиями против недовольных легионариев. Цицерон разжигал страсти речами против Антония, в которых порочил его и его близких и утверждал, что, захватив власть, Антоний ограбит «лучших людей» в пользу солдат. Октавиана Цицерон, напротив, объявил

«божественным юношей», посланным Юпитером специально для спасения республики.

Ободрённые союзом с Октавианом, оптиматы передали восточные провинции Бруту и Кассию, которые начали успешную борьбу против управлявших этими провинциями цезарианцев. Наделённый сенатом чрезвычайными полномочиями, Октавиан, в свою очередь, начал войну против захватившего Цизальпинскую Галлию Антония. У города Мутины Антоний был разбит и отступил к Нарбонской Галлии, где соединился со стоявшими там войсками Лепида, игравшего видную роль как начальник конницы и великий понтифик. К ним примкнули и другие видные цезарианцы, командовавшие войсками западных провинций.

Второй триумвират

Солдаты Октавиана настойчиво требовали его примирения с Антонием. Пренебрежительное отношение сената, переоценившего свои силы после Мутинской победы, дало Октавиану предлог порвать с прежними союзниками. В октябре 43 г. Антоний, Октавиан и Лепид, сопровождаемые своими войсками, встретились около города Бононии в Северной Италии и заключили соглашение, известное под названием второго триумвирата. Его участники присваивали себе на ближайшие пять лет верховную власть в государстве и получали звание «триумвиров для приведения в порядок государства». Они поделили между собой западные провинции и должны были немедленно начать войну против Брута и Кассия. После того как триумвиры с частью своих войск прибыли в Рим, их чрезвычайные полномочия были оформлены законом, внесённым в народное собрание трибуном Тицием. Вопреки обычаю закон этот не был обнародован до голосования и вступил в силу немедленно после него.



Октавиан.
Скульптура конца I в. до н. э. Мрамор.

Следующим актом триумвиров было объявление проскрипций, которых уже более десяти лет так опасались одни и так желали другие. В проскрипционные списки были внесены убийцы Цезаря, личные враги триумвиров, из которых первое место занял Цицерон, и отдельные богачи, имущество которых должно было пойти на военные нужды. За сокрытие осужденных назначалась казнь, за выдачу—награда. Донёсший на проскрибированного господина раб получал 40 тыс. сестерциев и свободу. Кроме того, земли 18 италийских городов назначались для раздела между солдатами. Участки, сохранялись только за теми владельцами, имения которых не превосходили ветеранского надела.

Проскрипция нанесли сильный удар крупному землевладению Италии и в значительной мере обессилили старую знать. Многие видные представители её погибли. Огромные земельные владения, где помимо рабов трудились клиенты, арендаторы, должники, были раздроблены, и ведущая роль в италийском землевладении стала переходить к средним рабовладельческим виллам. В годы проскрипций боль

шинство населения Италии, обложенное тяжёлыми военными налогами, терпевшей от произвола солдат и жившее под угрозой потерять своё имущество, было подавлено страхом. Проскрипции были страшны собственникам ещё и потому, что призыв к рабам доносить на господ подрывал основу римского рабовладения — фамилию с абсолютной властью её главы. Рабы не только выдавали господ, но, пользуясь общими смутами, массами бежали от них. Вооружённые отряды беглых рабов бродили по Италии, но основная масса их стремилась перебраться в Сицилию. Там после смерти Цезаря утвердился сын Помпея Секст, охотно принимавший беглых рабов в свою армию и флот, которым командовали его вольноотпущенники. К Сексту бежали и многие успевшие спастись осуждённые, другие переправились к Бруту и Кассию.

Брут и Кассий на Востоке. Битва при Филиппах

Разбив на Востоке цезарианцев и готовясь к войне с триумвирами, Брут и Кассий продолжали политику Помпея, разоряя население многократно увеличенными податями и конфискациями, требовали войск у зависимых царей и искали помощи у Парфии. Не решаясь на открытое сопротивление римлянам, жители уходили в разбойничьи отряды. Один из их главарей, Клеон, собрал такие силы, что впоследствии успешно сражался с парфянами и был назначен Антонием правителем Киликии. Римские солдаты Брута и Кассия, из числа отправленных на Восток Цезарем, не сочувствовали его убийцам и соглашались служить им лишь за высокую плату.

Армия триумвиров, которой фактически командовал Антоний, встретилась с войском республиканцев при македонском городе Филиппах. Триумвиры попали здесь в тяжёлое положение, так как флот Секста Помпея и оптимата Домиция Агенобарба не допускал к ним подкреплений и продовольствия с Запада, тогда как Брут и Кассий получали обильное снабжение из восточных провинций. Тем не менее в двух битвах Брут и Кассий были разбиты и покончили с собой. Почти все их солдаты и рядовые командиры перешли на сторону триумвиров.

После битвы при Филиппах триумвиры вновь перераспределили между собой провинции. Лепид получил Африку и вскоре был совершенно отстранён от государственных дел. Октавиан вернулся в Италию, Антоний отправился на Восток. Здесь он произвёл новое перераспределение царств и областей, обложив их огромными штрафами, якобы в наказание за помощь Бруту и Кассию. В киликийском городе Тарсе он сблизился с Клеопатрой, приехавшей оправдать своё поведение во время войны республиканцев с триумвирами, которым она не оказала поддержки. Антоний рассчитывал воспользоваться богатой египетской казной в замышлявшемся им походе против парфян, Клеопатра надеялась с помощью Антония расширить своё царство.

Перузинская война и борьба с Секстом Помпеем

Между тем Октавиан проводил в Италии наделение ветеранов землёй. Изгоняемые собственники этих земель, у которых кроме участков отбирались в пользу ветеранов рабы, скот и инвентарь, пытались сопротивляться. К общей разрухе прибавился голод, так как флот Секста Помпея и вновь появившихся пиратов мешал подвозу зерна в Рим. Жена Антония Фульвия и его брат Луций, опасаясь, как бы Октавиан не оттеснил Антония на задний план, вели против него агитацию. Наконец, собрав лишённых своих имений землевладельцев Этрурии, Умбрии и Сабинской области и навербовав войско, они начали военные действия, центром которых стал этрусский город Перузия. Движение это было довольно легко подавлено, но едва не привело к разрыву между Октавианом и Антонием, вызванным своими родственниками в Италию. Под давлением армии мир, однако, был восстановлен, и в Брундизии было заключено соглашение между Антонием и Октавианом, которое скреплялось браком Антония с сестрой Октавиана Октавией (Фульвия к этому времени умерла). Италийские землевладельцы прекратили сопротивление. Некоторые перешли и а положение арендаторов, многие выселились в провинции, что способствовало

ускорению романизации последних. Те, кто сохранил свои земли в Италии, стремились к умиротворению страны, к возможности беспрепятственно вести своё хозяйство, владеть имуществом и рабами. Того же желали и получившие земельные наделы ветераны. Плебс требовал дешёвого хлеба.

Всё это заставило Октавиана и Антония заключить с Секстом Помпеем соглашение, по которому ему предоставлялись в управление Сицилия, Сардиния, Корсика и Пелопоннес, служившие у него рабы признавались свободными, бежавшая к нему знать получала право вернуться в Рим, а он обязывался не принимать более беглых рабов и доставлять в Италию зерно. Однако это соглашение оказалось непрочным, и Секст снова стал давать убежище беглым рабам. Тогда Октавиан начал с ним войну, которая была объявлена войной против беглых рабов, что сделало её популярной среди италийских рабовладельцев. На деле Секст Помпей, конечно, ни в какой мере не был вождём рабов. Как и многие его современники, он был политическим авантюристом, стремившимся к власти. Чтобы добиться её, он использовал имя своего отца, привлекавшее к нему остатки республиканцев, и готов был за отсутствием другого войска вооружать рабов, как делали это Клодий, Милон и сам Помпей Старший.

Укрепления Перузии (ворота и часть городской стены). Современный вид.

Война с Секстом была нелёгкой. Окончилась она победой военачальника Октавиана Агриппы, который с тех пор стал его ближайшим помощником. Победе Агриппы способствовали измена начальника флота Секста, вольноотпущенника Менодора, а также переход на сторону Октавиана части солдат Помпея из числа бывших рабов, которым было обещано, что они останутся свободными и будут приняты в армию Октавиана. Однако Октавиан нарушил своё обещание: он разослал тайный приказ, по которому 30 тыс. рабов, зачисленные в разные военные части, были в один день схвачены и возвращены господам; тысяча рабов, владельцы которых не нашлись, была казнена. Это вероломство привлекло к Октавиану сердца италийских собственников. После победы над Секстом Помпеем популярность Октавиана в их среде растёт. В городах стали воздвигать ему статуи, сенат присудил ему новые почести.

С этого времени политика Октавиана начинает изменяться. Он стремится сблизиться со знатью, вернувшейся из Сицилии. Внешним выражением этого сближения был его брак с Ливией, дочерью виднейшего аристократа Ливия Друза и разведённой женой не менее знатного Клавдия Нерона. Проскрипции были объ-

явлены оконченными, недоимки по налогам, которые богатые люди должны были вносить на военные нужды, аннулированы. В торжественной речи Октавиан обещал, что по истечении вновь продлённого на пять лет срока полномочий триумвиров и после возвращения Антония с Востока республика будет восстановлена.

Борьба между Антонием и Октавианом. Окончание гражданской войны

Антоний после соглашения в Брундизии направился на Восток для войны с парфянами, которые при поддержке враждебного Риму населения заняли тем временем почти всю Сирию. Сопротивление им сказали лишь такие крупные эллинизованные торговые города, как Антиохия, Апамея, Тир Военные действия Антония были в общем неудачны. Правда, его войскам удалось вытеснить парфян из Сирии, но продвинуться на территорию зависимой от Парфии Атропатены Антоний не смог.

Нил — символ плодородия Египта.
Александрийская скульптура I в. до н. э. Мрамор.

В 37 г. Антоний вновь встретился с Клеопатрой и, вступив с нею в брак (недействительный с точки зрения римского права), объявил, что дарит ей и её детям Ливию, Сирию, Финикию, Киликию, Армению и ещё не завоёванную Парфию. На Востоке Клеопатру поддерживали жречество и высшая аристократия. Теперь и Антоний стал фактически сближаться с этими кругами.

Усиление египетской царицы вызвало недовольство среди сторонников Рима из числа восточных рабовладельцев, италийских дельцов и римской знати. В Италии ходили усердно раздувавшиеся Октавианом слухи, что Клеопатра мечтает о господстве над всем миром и клянётся «издавать законы на Капитолии», что Антоний окончательно подпал под её влияние и перестал быть «истинным римлянином». Развод с Октавией и официальный брак с Клеопатрой, а также оглашение по инициативе Октавиана завещания, в котором Антоний просил похоронить его в Александрии, окончательно подорвали его былую популярность.

Готовясь к войне с Антонием, Октавиан усиленно обрабатывал общественное мнение, представляя эту войну, как борьбу Рима с восточным «варварством», или, как писали близкие ему поэты, борьбу светлого Аполлона с чудовищными божествами Египта. Среди рабовладельцев Италии, стремившихся к прекращению гражданских войн и восстановлению «исконно римских» начал, эта агитация пользовалась большим успехом. Перед началом войны жители западных провинций, очевидно, под нажимом Октавиана, принесли ему присягу в верности, что делало их как бы его клиентами. В самом лагере Антония начался раскол: римляне, жившие вместе с ним в Александрии, потребовали, чтобы Антоний порвал с Клеопатрой, на что он не мог решиться.

Исход начавшейся войны был решён 2 сентября 31 г. до н. э. морской битвой у мыса Акция в Эпире: флот Антония и Клеопатры потерпел поражение. Сопровождавшие Антония римляне и римские войска, недовольные его союзом с Клеопатрой, перешли к Октавиану. Почти целый год Октавиан не проследовал Антония и Клеопатру, использовав это время для укрепления своего тыла. В Италии он окончил наделение землёй и деньгами солдат, на этот раз не прибегая к конфискациям, а покупая земли за счёт казны. В Азии он сложил с населения долги, сместил поддерживавших Антония царьков и наделил римским гражданством и различными привилегиями своих сторонников и жителей азиатских провинций, служивших в его армии и флоте. Только летом 30 г. Октавиан прибыл в Египет. Антоний и Клеопатра не могли ничего противопоставить его военной силе. Отчаявшись в дальнейшей борьбе, они покончили жизнь самоубийством. Египет был присоединён к Риму и поставлен под личное управление императора, который выступал здесь как преемник Птолемеев.

Длившиеся десятки лет гражданские войны были окончены, но победа Октавиана в этих войнах одновременно означала окончательное падение республики.

Причины падения республики

Римская республика пала потому, что была государственной формой, которая сложилась на базе города-государства и которая не могла обеспечить интересы широких кругов рабовладельцев в рамках обширной империи и в условиях обострения противоречий между рабами и свободными, бедными и богатыми, полноправными и бесправными. Господствующие классы в этих условиях видели единственное средство подавления эксплуатируемых в диктатуре, опиравшейся на армию.

Римская империя отличалась от республики не только монархическим, по существу, образом правления, но и самой организацией правящего класса. В связи с территориальным ростом Римской республики и распространением рабовладельческих отношений в провинциях государство превращалось из органа, представлявшего интересы кучки крупнейших римских землевладельцев и рабовладельцев, каким была республика, в орган, представляющий интересы господствующих классов всей Римской державы. Это предполагало привлечение к руководству государством рабовладельческих кругов не только Италии, но и провинций, а в перспективе — уравнение Италии и провинций.

Таковы были значение и перспективы развития Римской империи. При Цезаре и Августе были заложены лишь основы этого развития. Различие между частями империи было ещё огромно. В её состав входили территории с тысячелетней историей, в которых существовали и полисы и внегородские районы, где сохранялись общинные и примитивно-рабовладельческие отношения (например, Сирия, Малая Азия); страны, в которых рабовладельческие отношения задолго до римского господства достигли высшего развития и изживала себя (например, Греция), или, наконец, области, стоявшие на последней стадии первобытно-общинного строя (например, недавно завоёванная Галлия, частично Испания и др.). Все эти разнородные области объединялись политической властью Рима и удерживались его военной мощью.

5. Римская культура республиканского периода

Глубокие социально-экономические сдвиги, сопутствовавшие превращению Рима в великую средиземноморскую державу, не только вызвали кризис старой политической системы, но и оказали огромное влияние на идеологическую жизнь римского общества. В конце III — начале I в. до н. э.— налицо кризис староримской «полисной» идеологии.

Этот кризис, явившийся результатом прежде всего внутреннего развития Рима, несомненно, также был связан с выходом Рима на широкую международную арену и со все усиливающимся проникновением в Рим эллинистических влияний (особенно со времени войн на Балканском полуострове и в Малой Азии).

Греческий язык широко распространяется в высших кругах римского общества. Вместе с языком в Рим проникает греческая образованность, грек-учитель делается непременной принадлежностью богатых римских семей, знание греческой литературы становится признаком хорошего тона, возникают риторические школы, организуемые греками, группы греческих актёров дают представления в Риме на родном языке. Всё большее влияние оказывают эллинистические обычаи на быт и образ жизни римской знати и богачей. Многие крупные политические деятели Рима открыто начинают называть себя филэллинами, как, например, Фламинин, Сципион и др.

Греческие обычаи распространились и в быту. Упоминавшийся уже обычай составлять стихотворные надписи на гробницах был заимствован из Греции. Бритьё бороды, обычай возлежать за столом во время еды и ряд других также были занесены греками. Подражание всему греческому было «модой», распространявшейся преимущественно среди аристократических кругов римского рабовладельческого общества.

По проникновение в Рим этих чужеземных влияний шло не без борьбы и противодействия. Широкие круги римского общества относились, по-видимому, враждебно к этим чужеземным новшествам и обычаям и оказывали им стойкое сопротивление. В этом смысле чрезвычайно характерна деятельность уже не раз упоминавшегося знаменитого цензора 184 г. Катона Старшего, который в качестве основных пунктов своей программы выдвинул лозунг борьбы с «новыми пороками» и требовал восстановления древних обычаев и «нравов отцов».

Однако эллинистические влияния, несомненно, содействовали распространению образованности в верхних слоях общества и росту культуры. Вокруг одного из крупнейших политических деятелей этого времени — Сципиона Эмилиана создаётся кружок, в который входят философы и писатели. Среди них наиболее видное место принадлежит знаменитому греческому историку Полибию и греческому философу Панэтию. Оба они, как указывалось выше, проповедовали учение стоиков (так называемая Средняя, или Римская, стоя), приспосабливая его к нуждам и запросам римского общества.

Дальнейший рост территории Римского государства, развитие рабовладельческих отношений, острая политическая борьба — всё это наложило свой отпечаток на идеологию и культуру римского общества в период поздней республики. В I в. до н. э. наблюдается ещё более широкое распространение эллинистических влияний, причём в некоторых областях, например в философии и искусстве, они становятся определяющими. Наряду с этим в римском обществе идёт процесс их творческой переработки. Именно в этот период возникает латинская лирическая поэзия, достигает наивысшего расцвета ораторское искусство, появляются прозаические произведения, написанные классическим латинским языком.

Философия и наука

Во II—I вв. до н. э. различные течения эллинистической философии становятся известны уже не только в высших, но в более широких кругах римского общества. Особенно много для популяризации философии сделал Цицерон, изложивший в ряде сочинений не слишком глубоко

я точно, но зато вполне доступно основы различных философских систем и разработавший латинскую философскую терминологию.

В это же время в Риме жил один из крупнейших философов древности — Лукреций (98—55). В своей блестящей по форме поэме «О природе вещей» он развивал и пропагандировал материалистическое учение Эпикура, стремясь избавить людей от порождённых невежеством религиозных суеверий и страха перед богами и загробной жизнью. Отрицая всякое вмешательство богов в жизнь людей, Лукреций давал естественное объяснение происхождению и развитию вселенной и человечества. Исходя из разнообразия и постоянства форм в природе, он утверждал, что всё состоит из неделимых «начал», т. е. атомов, которые не создаются и не уничтожаются. Им присущи определённая форма, вес и неотделимое от материи движение. Двигаясь в окружающей их пустоте, подобно пылинкам в солнечном луче, и самопроизвольно отклоняясь от прямого направления (этим отклонением Лукреций в борьбе с фатализмом объяснял, между прочим, происхождение случайностей и свободной соли человека), атомы по определённому закону соединяются и образуют всё сущее — от звёзд до человеческих душ, которые Лукреций считал также материальными и, следовательно, умирающими одновременно с телом. Распавшись в одном месте, атомы соединяются в другом, образуя новые миры и новые живые существа. Поэтому вселенная вечна и бесконечна.

Лукреций пытался дать естественнонаучное объяснение происхождению человека и общества, развивавшегося, по его мнению, без вмешательства богов. После образования земли, как считал Лукреций, из сырости и теплоты возникли растения, затем животные, многие из которых были несовершенны и вымерли, и, наконец, человек. Вначале люди были дики, как звери, но постепенно благодаря опыту и наблюдению они научились добывать огонь, строить жилища, возделывать землю. Люди стали соединяться в семьи, а семьи стали объединяться для взаимной поддержки в общества. Это дало возможность развиться языку, наукам, искусствам, ремёслам, идеям права и справедливости. Но появились цари, наиболее сильные стали захватывать и делить землю возникли собственность и жажда богатства, ведущая к войнам и преступлениям.

Несмотря на несовершенство тогдашней науки, приводившее Лукреция к ряду ошибок, его материалистическое учение о природе и обществе было огромным достижением и способствовало успешной борьбе материализма с идеализмом. Материализм Лукреция имел многих сторонников в древности. Лукреций оказал также большое влияние на механических материалистов эпохи Возрождения и нового времени которых поражало его глубокое понимание законов природы. Поэма Лукреция служила им оружием в борьбе с церковью. Отрывки из этой поэмы впервые были переведены на русский язык Ломоносовым. Лукреция высоко ценили К. Маркс и в. И. Ленин.

В науке, как и в философии, римляне многое заимствовали у греков. Так, Цельс в сочинении о медицине обобщил достижения эллинистического врачебного искусства которым прежде римляне пренебрегали. Астроном Сосиген из Египта произвёл вычисления для проведённой Цезарем реформы римского календаря (так называемый Юлианский календарь). Но одновременно развивалась и чисто римская наука. Виднейшим её представителем был Марк Теренций Варрон (116-28) составивший энциклопедию наук и написавший обширные исследования о римских бытовых и религиозных древностях, римском театре, латинском языке, агрономии и многом другом. Кроме того, Варрон был известен своими сатирами, в которых он высмеивал современные нравы. Ему принадлежит ставшее ходким наименование первого триумвирата «трёхглавым чудовищем».

Развитие права и риторики

Старое римское право с его окостенелым формализмом уже не соответствовало новым условиям. Однако коренной реформе оно не подвергалось, но, как уже говорилось выше лишь уточнялось и расширялось преторами, которые перед вступлением в должность в специальных эдиктах публиковали, как они намерены решать те или иные

юридические казусы. Значительное влияние на римское право оказывало право провинций, с которыми постоянно соприкасались римляне.

В результате были упрощены ведение процессов, порядок сделок по купле-продаже, займу, аренде и т. п. Были расширены права владельцев на имущество, не *являвшееся* их собственностью в старом римском смысле, например, права римских граждан на находившиеся в их владении провинциальные земли. Выработалось понятие юридического лица, ранее отсутствовавшее. Такими юридическими лицами были признаны сперва муниципии, а затем и коллегии. Все эти нововведения были направлены на защиту окрепшей частной собственности.

Чтобы разобраться в законах и преторских эдиктах, а также воздействовать на судей, требовалось солидное изучение права и риторики. Юристы, обходя запрещение получать вознаграждение за свои услуги, наживали большие состояния и приобретали громкую славу и многочисленную клиентуру. Ораторское искусство» риторика, прошло в Риме долгий путь развития и насчитывало многих блестящих представителей, из которых наиболее знаменитым был Цицерон. Речи известных адвокатов размножались, их читала широкая публика. Так как гражданские процессы, в которых были замешаны видные лица, приобретали политическое значение, выступления в суде стали школой и пробным камнем для ораторов, выступавших затем в сенате или народном собрании. Кипевшая там борьба была важнейшим стимулом для дальнейшего развития красноречия.

Риторику изучали в Риме в школах, содержавшихся отпущенниками-греками, в городах Греции и Малой Азии. Там заимствовали римские ораторы простой и строгий аттический стиль (аттицизм) или вычурный, театральный, бьющий на эффект, так называемый азианизм. Азианизм, дань которому отдал и Цицерон, особенно процветал до 50-х годов I в., после чего в моду стал входить аттицизм, которого придерживался Цезарь. Большое внимание ораторы обращали на позы, жесты, интонации голоса, на оригинальные обороты речи, на меткие остроты, которые могли очернить свидетеля или добить противника. Особенное значение имели, конечно, речи политические, наиболее ярким образцом которых служат речи Цицерона против Катилины.

Публицистика и историография

Острота политической борьбы отразилась во всех тогдашних произведениях. Особенно интересны в этом смысле письма Цицерона к друзьям и родным. В них вскрывается закулисная история политических интриг, отношений и лиц, прикрашенная и замаскированная в его официальных выступлениях. Из этих писем мы узнаём, например, что герой республиканцев, стоик Брут уморил голодом одного из магистратов города Саламина, который не мог выплатить сумму, данную ему в долг из 48%; узнаём о корыстных мотивах действий самого Цицерона, о его подлинном, часто презрительном и неискреннем отношении к идеям, которые он провозглашал, и к людям, которых он называл своими друзьями.

К политическим сочинениям того времени относятся и записки Цезаря о галльской и гражданской войнах. Повествование ведётся в третьем лице, очевидно для того, чтобы создать иллюзию наибольшей объективности. На самом деле «Записки» написаны Цезарем с целью оправдать свои действия, приукрасить успехи и сгладить, по возможности, неудачи. Современников и потомков восхищала строгая простота, сжатость и вместе с тем выразительность стиля Цезаря, писавшего свои сочинения в лагерях и в походах. О своей политической программе и подлинных намерениях Цезарь в этих сочинениях умалчивает, придерживаясь официальных версий. Например, войну с Ариовистом он объясняет просьбой жителей Галлии» начало гражданской войны — своим стремлением защитить народных трибунов и т. д.

Взгляды и чаяния цезарианцев гораздо ярче отразились в сочинениях историка Саллюстия: о войне с Югуртой, о заговоре Катилины, о событиях от смерти Суллы до 74 г., и в двух его письмах к Цезарю. Яркими красками рисует он позорную продажность знати во время Югуртинской войны; её развращённость, породившую

РИМСКИЙ ФОРУМ
На переднем плане в центре — колонны храма Веспасиана. слева — арка Септимия Севера, справа — колоннада храма Сатурна, за ней — развалины базилики Юлия, в глубине — три колонны храма Кастора и Поллукса.
По фотографии начала XX в.

такое чудовище, как Катилина. Но и римские низы, «чернь», по мнению Саллюстия» разложились вследствие нищеты и безделья не меньше, чем нобилитет. Этой «черни» он противопоставляет народ, который, по его мнению, должен состоять из свободных, равных землевладельцев. Особо его симпатией пользовались популяры типа Мария. Саллюстий пропагандировал идеал ушедшей в прошлое рабовладельческой демократии полиса. Насколько этот идеал был неосуществим, показывает пример карьеры самого Саллюстия, который, яростно нападая на порчу нравов, роскошь и деньги, нажил огромное богатство за время своего далеко не бескорыстного управления провинцией Нумидией.

Эпическая поэзия. Комедия. Лирика

Ранние римские поэты подражали классическим образцам греческой литературы, хотя часто избирали римские сюжеты. Первым римским поэтом считается Ливии Андроник, по происхождению грек из Тарента, привезённый в 272 г. в качестве пленника в Рим. Он перевёл сатурническим стихом на латинский язык «Одиссею». Его младшим современником был Гней Невий (около 274—204), автор эпического произведения о первой Пунической войне и ряда трагедий. После второй Пунической войны появились произведения Энния (239—169), пользовавшегося долгое время славой одного из самых выдающихся поэтов. Его наиболее известным произведением были «Анналы», написанные впервые введённым им в римскую литературу гекзаметром.

Римская комедия уже во второй половине III в. имела выдающихся представителей. Уроженец Умбрии Тит Макций Плавт (около 254—184) был автором ряда комедий, написанных хотя и на сюжеты, заимствованные из так называемой «новоаттической бытовой комедии», но чрезвычайно живым, образным и чисто народным языком. До нас дошла 21 комедия Плавта; наиболее известны из них «Амфитрион», «Кубышка», «Хвастливый воин». В произведениях Плавта звучат социальные мотивы, с позиций широких слоев плебейства он выступает против ростовщичества, роскоши, разложения патриархальных устоев семьи, легкомысленных «греческих нравов». Комедии Плавта пользовались огромным успехом у римских зрителей.

К кружку Сципиона Эмилиана принадлежал другой автор комедий — вольноотпущенник карфагенянин Публий Теренций Африканец (около 190—159). Его произведения были рассчитаны на образованную публику. Он написал всего шесть комедий, из них наиболее известны «Девушка с Андроса», «Евнух», «Самоистязатель». Другой представитель сципионова кружка — Гай Луцилий (180—102) был родоначальником совершенно нового литературного жанра, которому суждено было стать специфическим римским жанром,— обличительной сатиры.

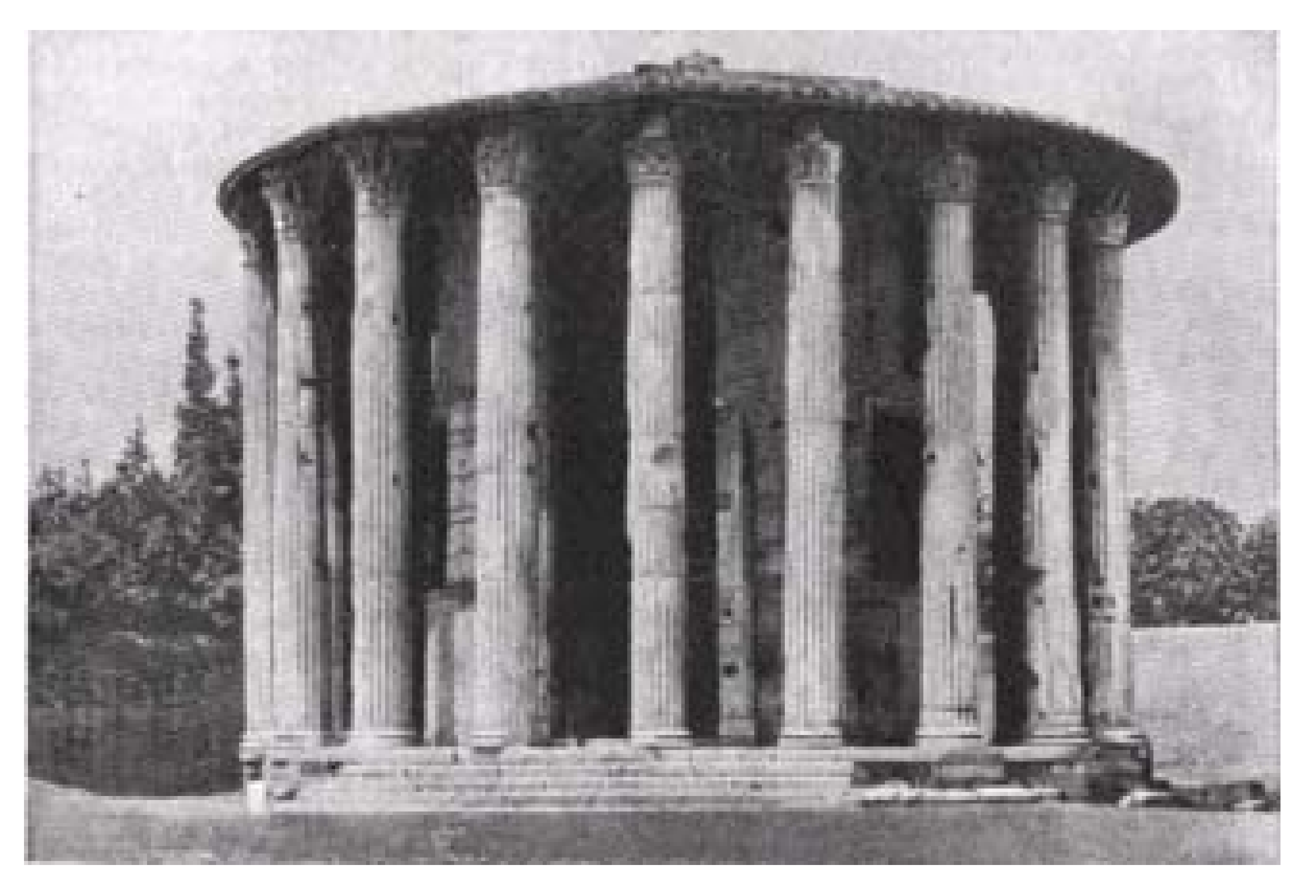
Особенно плодотворным оказалось сочетание эллинистических и римских элементов в латинской лирической поэзии. Лирическая поэзия зародилась в I в. до н. э. в кружке молодых поэтов, среди которых самым талантливым был Катулл (около 87—54). Он первый ввёл в латинскую поэзию употребление различных размеров, известных в греческой поэзии. В подражание александрийским поэтам он писал маленькие эпические поэмы на мифологические темы, несколько вычурные и преисполненные учёности. Но наиболее известны его лирические стихи, посвящённые Лесбии,— так он называл Клодию, сестру народного трибуна Клодия. Клодия была типичной представительницей своего времени, когда в высших классах «нравы предков» пришли в полный упадок и старая нерушимая римская семья сменилась легко и часто расторгавшимися браками и столь же лёгкими связями. Любовные похождения Клодии были известны всему Риму. В посвящённых ей стихах Катулл с удивительной искренностью и силой запечатлел свою страстную, хотя и смешанную с презрением любовь, мучительную ревность, горечь разрывов и счастье примирений. Эти стихи стали не только основой дальнейшего развития римской лирики, но и лучшими её образцами.

Цирк. Театр

С древнейших времён в Риме большой популярностью пользовались цирковые зрелища. В 254 г. до н. э. впервые были устроены гладиаторские игры, которые с середины II в. становятся излюбленным

развлечением римлян. На устройство игр и цирковых представлений тратятся весьма крупные суммы. Средств, которые выделялись государством эдилам и преторам для организации игр, обычно не хватало, и занимавшие эти должности римские политические деятели, если только они стремились к популярности, не останавливались перед тем, чтобы тратить на них собственные средства, иногда даже залезая в крупные долги (например, Юлий Цезарь в должности эдила).

Среди широких слоев населения пользовались также успехом короткие сценки и фарсы, так называемые *аттеланы* и *мимы,* выросшие из чисто римских народных игр.



Храм Весты в Риме.
Вторая половина I в. до н. э. Современное состояние.

Они были не чужды политическим и социальным мотивам. В них участвовали забавные персонажи: обжоры, плуты, простофили, нахалы, выводились на сцену простые ремесленники и крестьяне. В конце республики особенной популярностью пользовались мимы отпущенника Сира, из которых потом были извлечены и собраны ходячие поговорки и остроты. Некоторые из них отражали отношение народа к злободневным событиям. К гражданским войнам и деятельности Цезаря можно отнести такие изречения: «Спасение от гражданских войн в их забвении», «Оскорблённая покорность обращается в ярость», «Народ силен там, где силен закон», «Грустно жить так, как велит другой», «Лучше погибнуть, чем жить в позорном рабстве» и т. п. Для народных взглядов интересны общераспространённые поговорки, например: «Долг — тяжёлое рабство», «Получая благодеяние, продаёшь свободу», «Нельзя получить барыш, не повредив другому», «Деньги правят всем», «И из хижины может выйти великий человек», «Спокойно живут те, кто уничтожает понятие "моё" и "твоё"».

Архитектура и изобразительное искусство

III—I века знаменуются дальнейшим развитием римской архитектуры и изобразительного искусства. Старый римский дом был одноэтажным, в центре его находился *атриум* — большое помещение, где горел очаг и находились семейные святыни. К атриуму примыкали спальни; других помещений в доме, как правило, не было. Теперь начинают строить дома в два-три этажа. В богатых домах атриум, украшенный колоннами, превращается в приёмную, к которой примыкает целый комплекс помещений: гостиная, столовая, спальня, ванная комната, закрытые дворики и сады, украшенные колоннадами и статуями. Стены облицовываются мрамором, полы делаются мозаичными. В городах строятся общественные здания совершенно нового архитектурного стиля—базилики; с начала II в. появляются монументальные декоративные сооружения — триумфальные арки.

Из завоёванных греческих городов в Рим в качестве военной добычи было привезено огромное количество статуй, которыми теперь украшаются римские площади, общественные и частные здания. Сами римляне создают новый жанр скульптуры, в развитии которого они достигают большого совершенства,—реалистический скульптурный портрет. Следует отметить также развитие фресковых росписей, которые со II в. начинают применяться главным образом для декоративных целей.

Меняется и облик самого города Рима. Он становится огромным по площади и числу населения городом. Полагают, что во II в. до н. э. в нём уже было около полумиллиона жителей. Население Италии стекается в него целыми толпами, кроме того, в Риме живёт теперь множество провинциалов — это главным образом греки, сирийцы, евреи.

В I в. до н. э. Рим становится крупнейшим международным центром, столицей великой средиземноморской державы. В городе строятся великолепные здания. Форум превращается в площадь, украшенную храмами, базиликами, портиками, арками, скульптурными изваяниями. Так, Помпей построил первый каменный театр, Цезарь — прекрасный новый Форум, ставший впоследствии образцом для такого типа сооружений.

Наряду с роскошными кварталами, где находились общественные здания и богатые частные дома, в Риме существовал и целый ряд нищенских кварталов, в которых ютился городской плебс и где жалкие лачуги перемежались с многоэтажными доходными домами-трущобами, построенными на скорую руку предприимчивыми дельцами.

ГЛАВА XIII
РАЗВИТИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ У НАРОДОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ. ПЛЕМЕНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Завоевания Александра Македонского и возникновение эллинистических государств, а затем образование Римской средиземноморской державы — не могли не оказать влияния на развитие племён и народов, живших как на территории рабовладельческих государств, так и за их пределами. Упрочились торговые, политические и культурные связи свободных и зависимых племён с соседними государствами. Ускорился процесс классообразования и формирования государства у этих народов. Усилилось угнетение местного населения родовой знатью, нередко игравшей роль посредника в эксплуатации и ограблении своих соплеменников развитыми рабовладельческими городами и государствами. Вместе с тем участились и усилились военные столкновения. Они были обусловлены агрессивной политикой рабовладельческих государств, стремлением родовой знати племён обогатиться за счёт военной добычи и борьбой местного населения против насильственной эллинизации, романизации и других форм порабощения местных жителей и подавления их самобытной культуры.

1. Скифское царство в Крыму

Скифы и сарматы

Основную часть населения Северного Причерноморья в III в. до н. э. составляли по-прежнему скифы. Скифы и геты упорно отражали все попытки македонян проникнуть к северу от Дуная. В 331— 330 гг. наместник Александра Македонского во Фракии Зопирион, направившийся с 30 тыс. войска в скифские степи, дойдя до Ольвии, погиб в сражении со скифами. Попытку Зопириона повторил Лисимах, мечтавший о подчинении своей власти всего понтийского побережья. В 292 г. до н. э. он перешёл Дунай и двинулся против гетов,

но попал в окружение и вынужден был отказаться от своих завоевательных замыслов. Северное Причерноморье осталось за пределами держав наследников Александра, население его сохранило свою независимость.

Гораздо более серьёзная опасность угрожала скифам с востока. На юго-восточных границах скифских степей, по южному берегу Меотиды (Азовского моря) и на Северном Кавказе, как уже говорилось выше, жили племена синдов, меотов и савроматов, или сарматов.

Со второй половины IV в. до н. э. сарматы начинают оказывать давление на скифов с востока. Греческие источники этого времени уже помещают сарматов на правом берегу Танаиса (Дона), т. е. на территории, некогда заселённой скифами. По своему общественному строю сарматы были гораздо примитивнее скифов. Даже самые богатые из сарматских погребений проще и скромнее скифских. Сарматы значительно меньше, чем скифы, были затронуты торговыми связями с эллинским миром.

Положение стало изменяться в III—II вв. до н. э. Во II в. значительные массы сарматов появляются в степях к западу от Танаиса. В мирном договоре, который был заключён в 179 г. до н. э. Фарнаком I Понтийским с царями Пергама, Вифинии и Каппадокии, в числе европейских правителей упоминается сарматский «царь» Гатал.

Движение сарматов на запад было связано с разложением у них первобытно-общинных отношений. Развитие скотоводства и накопление богатств, прежде всего скота, приводит к выделению племенной знати. По мере увеличения стад возникает потребность в новых пастбищах; формирующаяся племенная знать жаждет добычи, стремится к дальнейшему накоплению богатств — рабов, драгоценных металлов, дорогих сосудов, тканей, украшений. Всё это толкало сарматов на земли более богатых скифов и к древним центрам рабовладельческой цивилизации. Укрепляются связи сарматов с эллинскими колониями, главным центром работорговли становится Танаис.

Отдельные сарматские племена просачивались далеко вглубь скифских степей. Это продвижение совершалось тем более легко, что население этих степей продолжало оставаться в значительной своей части кочевым. Хотя продвижение на запад и сопровождалось ожесточённой борьбой со скифами, однако оно вовсе не означало полного вытеснения скифского населения. Лишь часть его отступала под напором сарматов на запад и в Крым; многие же скифские племена оставались на месте и даже, по всей вероятности, смешивались с сарматами, к которым они были близки по языку. Преобладание в степях Восточной Европы начинает переходить от скифов к сарматам. Этот процесс окончательно завершается во II—I вв. до н. э.

Железный меч сарматского типа. IV в. до н. э.

Скифское царство в Крыму

В IV—II вв. до н. э. многие кочевые скифские племена переходят к оседлому образу жизни и начинают заниматься земледелием. Исчезают большие укреплённые поселения. Вместо них на Нижнем Днепре и Южном Буге возникает ряд мелких городков, существовавших наряду с поселениями открытого типа. Наиболее развитой областью Скифии становится степной Крым. Здесь рядом с постройками, напоминающими кочевую юрту, появляются прочные каменные дома с черепичными крышами, не уступающие домам эллинских колонистов. Разные типы домов и хозяйственной утвари, а также наличие богатых и бедных погребений в могильниках свидетельствуют о далеко уже зашедшем имущественном расслоении, скифского общества.

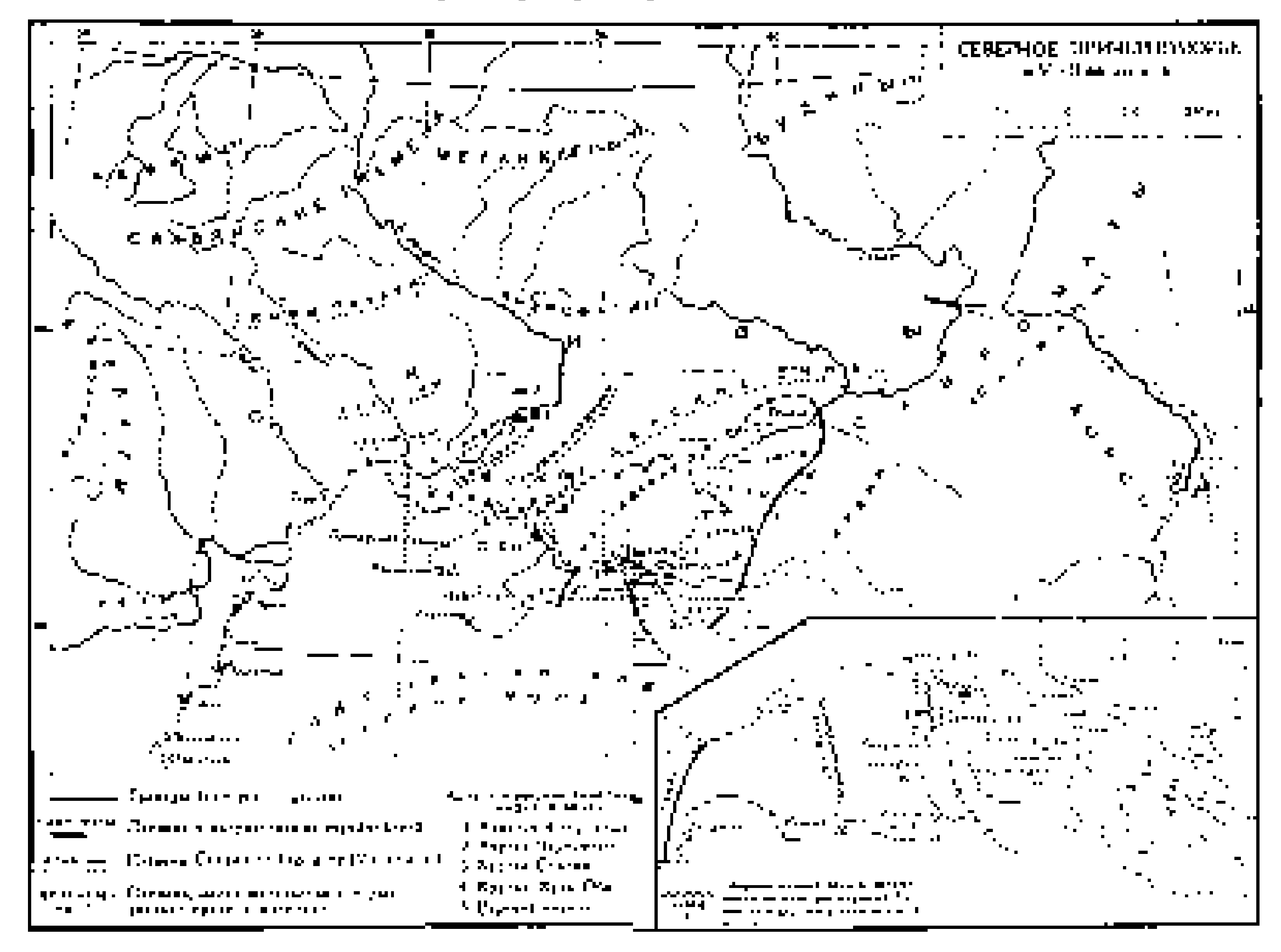
В результате социального расслоения, развития рабовладения и формирования классов во второй половине III в. до н. э. складывается Скифское государство. Наибольшего расцвета оно достигает во II в. до н. э. при царе Скилуре. Столицей царства был город Неаполь, основанный, вероятно, Скилуром, на берегу Салгира (около современного Симферополя). До сих пор раскопана лишь небольшая часть Неаполя, но и то, что вскрыто, показывает, что это был значи-

Барельеф с изображением скифских царей Скилура и его сына Палака.
II в. до н. э. С прорисовки Бларамберга.

тельный по размерам город с густо застроенными кварталами, с мощными оборонительными сооружениями. Стены Неаполя были построены из каменных глыб связанных глиняным раствором. Население города занималось земледелием и скотоводством; в жилых кварталах найдено много жерновов и зерновых ям с остатками пшеницы, ячменя, проса, а также большое количество костей домашних животных. В городе существовало местное гончарное производство. Многочисленные предметы из Афин, Родоса, Египта, Пергама, Синены, причерноморских городов указывают на развитие торговли. Наряду со скифами в городе жили и эллины. Царь Скилур начал чеканить монету со своим именем; надписи на монетах были сделаны по-гречески и изображения имели чисто греческий характер — это должно было обеспечить монете Скилура хождение в эллинском мире.

Важное значение для изучения скифской культуры II в. до н. э. имеет расположенный в Неаполе рядом с городской стеной склеп-мавзолей, в котором сохранилось до 70 погребений скифской знати. Эти погребения очень богаты: в них найдено свыше 1 300 золотых украшений. В архитектуре, строительной технике, живописи, орнаменте украшений много самобытных скифских черт.

Северное Причерноморье в V—II вв. до н. э.



Потребность в новых землях для полей и пастбищ, которая чувствовалась особенно настоятельно ввиду постоянного притока новых скифских племён из степей Северного Причерноморья, откуда их вытесняли сарматы, стремление скифских царей подчинить своей власти ближайшие центры торговли с внешним миром — всё это толкало Скифское царство к завоевательной политике, ближайшим объектом которой становятся Ольвия и Херсонес.

Ольвия в IV—II вв. до н. э.

В IV—III вв. Ольвия и Херсонес продолжали оставаться самостоятельными полисами. На периферии Ольвии и раньше имело место взаимодействие эллинов и скифов и даже сложилось смешанное (миксэллинское) население. Теперь это взаимодействие можно проследить в самом городе. Оно нашло отражение в материале ольвийских некрополей. Весьма симптоматично, что примитивная лепная керамика воспроизводит античные формы, а керамика, сделанная на гончарном круге, воспроизводит формы скифские. Переплетение эллинских и местных элементов заметно и в области прикладного искусства. О росте значения местных элементов говорят и негреческие имена, которые встречаются в ольвийских надписях.

Курильница из Ольвии.
III в до н. э. Глина

Во второй половине IV в. в Ольвии обостряются внутренние противоречия и социальная борьба. Во время осады города Зопирионом в 331 г. до н. э. правящая олигархия Ольвии вынуждена была пойти на уступки требованиям народных масс: была произведена кассация долгов, для пополнения войска были освобождены рабы и наделены гражданскими правами чужеземцы. Только благодаря этому удалось отстоять Ольвию от врага.

Данные археологии показывают, что в III—II вв. ольвийское ремесло достигает высокого технического совершенства. Быстро развивается керамическое производство: процент местной керамики по сравнению с привозной заметно повышается. Все металлические предметы, употреблявшиеся в быту и в производстве, вырабатывались на месте. Высокого уровня развития достигли также строительное дело и архитектура, об этом свидетельствуют зрелые приёмы в планировке города и его благоустройство. Город имел крепостные стены с башнями, общественные житницы, два рынка, склады для товаров в гавани, мастерские для ремонта судов, причалы. Улицы были замощены каменными плитами и снабжены водосточными канавами.

Во внешней торговле Ольвии Афины отходят на задний план, зато укрепляются связи с эллинистическим Востоком — Пергамом, Египтом, с островами Эгейского моря — Родосом, Фасосом, с городами Южного Причерноморья — Синопой, Гераклеей и т. д.

Развитие рабовладельческого производства и товарно-денежных отношений в Ольвии сопровождалось теми же явлениями, что и в других греческих полисах: происходят усиленная концентрация земли и массовое разорение крестьянства, рост ростовщичества и задолженности значительной части гражданского населения. Чтобы предотвратить возможность демократических переворотов, богатые граждане уделяли часть своих средств на нужды города и подачки беднейшим слоям граждан.

Внутренние противоречия в Ольвии усугублялись внешними затруднениями. Натиск сарматов с востока привёл в движение скифские племена. Предводители кочевых племён требовали с Ольвии «даров», и городу приходилось не только откупаться от них дарами, но временами даже платить им дань. Бессильная бороться с возрастающим напором кочевников, Ольвия в середине II в. до н. э. подчиняется власти Скилура и начинает чеканить его имя на своих монетах.

Статуэтка Кибелы из Ольвии.
III в. до н. э. Терракота.

Скифы были заинтересованы в существовании Ольвии как ремесленного и торгового центра в составе их царства. Прежний металлургический центр скифов на Днепре (Каменское городище) находился теперь вне владений крымских скифов, а их военное дело требовало большого количества металлических изделий. Вероятно, подобно тому как монетный двор Ольвии использовался для чеканки монеты Скилура, ремесленные мастерские Ольвии должны были удовлетворять нужды скифского войска.

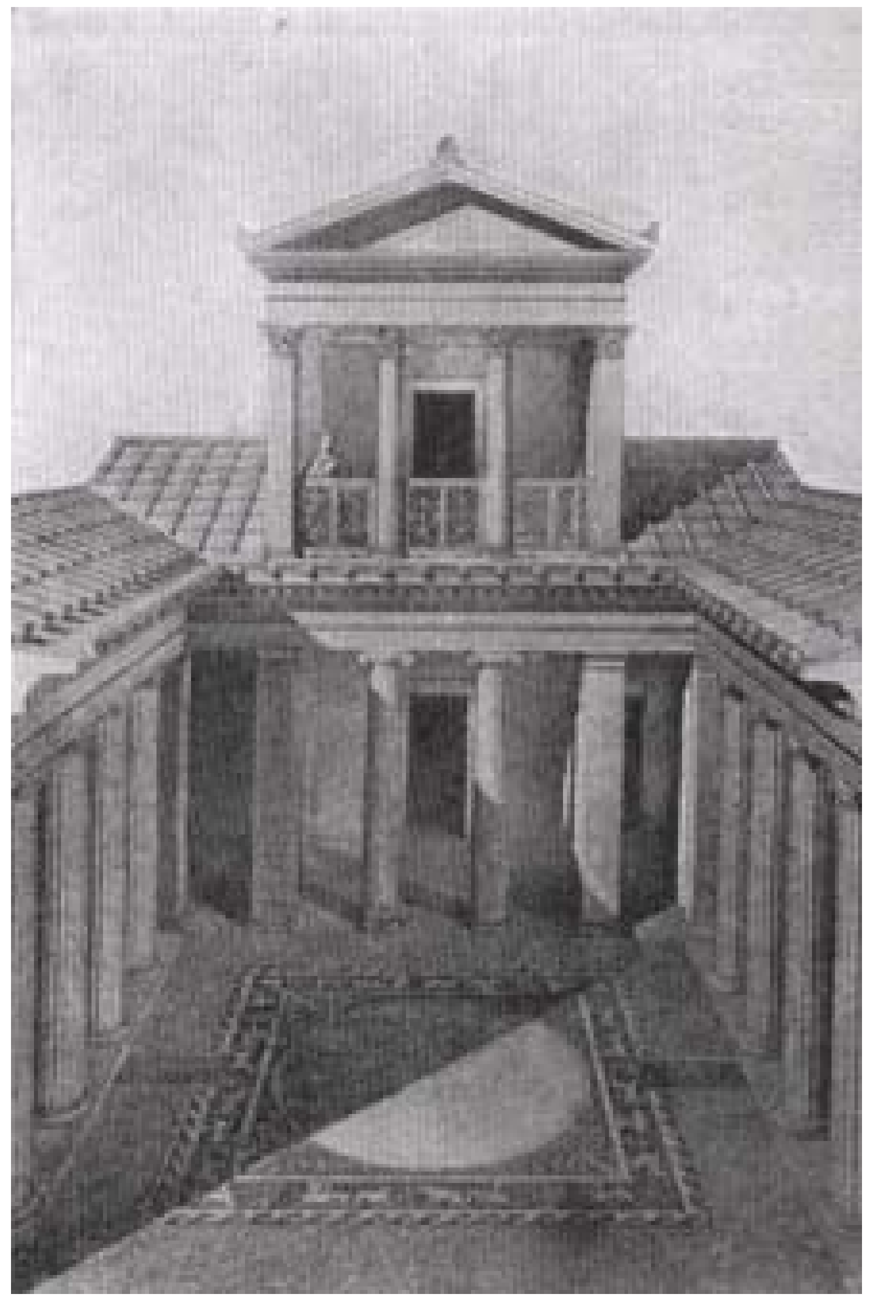
Подчинение Ольвии было выгодно не только Скифскому царству, но в некоторых отношениях и самим гражданам Ольвии. Оно избавляло Ольвию от набегов кочевников и уплаты им дани. Жители Ольвии — ольвиополиты, как подданные скифского царя, могли пользоваться преимуществами в торговле с Неаполем, что отвечало торговым интересам ольвийской знати. Царство Скилура было первым местным государственным образованием Северного Причерноморья, которое подчинило своей власти эллинскую колонию.

Херсонес и его борьба со скифами

В отличие от Ольвии Херсонес упорно сопротивлялся скифам. Если в жизни Ольвии большую роль играли торговля и ремесло, то Херсонес был, в первую очередь, земледельческим поселением. Он обладал значительной территорией, расположенной в основном на Гераклейском полуострове (к югу от Севастопольской бухты). Эта территория распадалась на участки (клеры), принадлежавшие отдельным гражданам. В настоящее время один из клеров удалось обследовать археологически. Общая площадь этого клера — около 30 *га.* В центре его находилась усадьба. Клер делился, в свою очередь, на большое количество мелких участков (до 39), имевших различное хозяйственное назначение: виноградники, поля, сады и подсобные участки. Виноградники и сады занимали больше половины площади клера. Это показывает, что сельское хозяйство Херсонеса имело в основном интенсивный характер.

Во второй половине III в. до н. э. скифы начинают теснить Херсонес. Для обороны от внешних нашествий в юго-восточной части города строится стена, которая должна была защищать портовую часть города, расположенную у со-

временной Карантинной бухты. Кроме того, Херсонес обратился за помощью к Боспорскому царству. Боспор, однако, находился сам в состоянии упадка и не мог оказать достаточно действенной помощи. В 80-х годах II в., возможно через свою метрополию Гераклею, Херсонес сблизился с понтийским царём Фарнаком, стремившимся выставить себя защитником эллинских городов против окрестного варварского населения. В 179 г. до н. э. между Херсонесом и Фарнаком был заключён специальный договор, фрагмент которого сохранился в херсонесской надписи. Этот договор был направлен против скифов:



Ольвийский дом II в. до н. э.
Реконструкция С. В. Фармаковского.

Фарнак обязался помогать Херсонесу, если соседние варвары нападут на город или подвластную ему территорию. Херсонесу договор был полезен; насколько можно судить при скудости источников, город на протяжении нескольких десятилетий пользовался относительным спокойствием. Наступление скифов возобновилось в конце II в. до н. э. К 110—109 гг. владения Херсонеса на северо-западном берегу Крымского полуострова — Керкинитида, Прекрасная гавань — оказались под властью скифов. Продолжая своё наступление, скифы подошли почти к самому городу. Одновременно усилились нападения на Херсонес других его соседей — тавров.

В этот критический момент херсонесцы прибегли к крайним мерам: они снова обратились за помощью к Понту, однако теперь уже не на основе союзнических отношений, как предусматривалось договором 179 г., а на условиях признания зависимости от понтийского царя Митридата VI, которого они провозгласили своим *простатом* (защитником). Между тем напор скифов на херсонесские владения не прекратился, а, может быть, ещё более усилился после смерти их царя Скилура (вероятно, в 110—109 гг. до н. э.), которому наследовал его сын Палак. Это побудило Митридата послать в Херсонес более крупные силы под командованием своего полководца Диофанта. Борьба скифов с Диофантом длилась несколько лет. В ходе этой

борьбы царь Палак заключил союз с сарматским племенем роксоланов. Но, несмотря на численное превосходство скифов и роксоланов, победа в конечном счёте осталась за Диофантом благодаря применению им более совершенной эллинистической военной техники против армии Палака и его союзников.

Херсонес.
Городские ворота III в. до н. э. и калитка первых веков н. э.

В результате поражения скифо-роксоланская коалиция распалась. Скифы, по-видимому, должны были отказаться от всяких притязаний на Херсонес и его территорию и даже заключить союз с Митридатом. В последующее время они участвовали в понтийской армии в качестве союзников.

Глубокие потрясения, испытанные Скифским царством во время войны с Митридатом (109—107 гг.), и некоторое усиление Херсонеса, опиравшегося на помощь Понта, препятствовали восстановлению могущества Скифского царства. С этого времени до середины I в. н. э. оно играло второстепенную роль в истории Северного Причерноморья. Отсутствие ольвийских монет с именем Палака показывает, что Ольвия, по-видимому, воспользовалась борьбой скифов с понтийским царём, чтобы освободиться от власти скифов.

С расширением власти понтийского царя в Северном Причерноморье Ольвия была включена в состав его державы. В середине I в. до н. э. она пережила опустошительное нашествие гетов. Город был совершенно разрушен и только спустя несколько лет восстановлен, но в значительно меньших размерах.

2. Боспорское царство в III—I вв. до н. э.

Боспор в конце IV в. до н. э.

Боспорское государство, возникшее задолго до греко-македонских завоеваний и непосредственно ими не затронутое тем не менее во многом обнаруживает сходство с эллинистическими государствами Малой Азии — Пергамом, Вифинией, Каппадокией, Понтом.

В состав Боспорского царства в рассматриваемое время входили как эллинские полисы со сложившимися в них развитыми рабовладельческими отношениями, так и территории, населенные местными племенами, у которых рабство ещё только начинало развиваться. Количество полисов в центральной части Боспора было

довольно велико: не только такие крупные города, как Пантикапей, Фанагория и Феодосия, но и менее значительные—Нимфей, Тиритака, Мирмекий, Гермонасса — имели, по-видимому, полисное устройство. Часть эллинского населения полисов составляли землевладельцы, однако население боспорских городов занималось преимущественно ремеслом и торговлей. Ведущую роль в среде господствующего класса играли купцы и владельцы ремесленных мастерских. Население, жившее за пределами полисных территорий,—скифы, синды и меоты,—занимавшееся земледелием, подвергалось эксплуатации не только со стороны знати эллинских полисов и царей, но и со стороны местной аристократии, развившейся из родо-племенной знати. Можно предполагать, что за пределами территорий полисов боспорский правитель, подобно эллинистическим царям, считался верховным собственником всей земли, хотя часть её принадлежала на правах владения эллинской и местной знати.

Во второй половине IV в. до н. э. при Перисаде I (344/43—310/09) Боспорское царство достигло наибольшего политического могущества. Владения Боспора охватывали в это время Керченский полуостров до Феодосии включительно, Таманский полуостров с прилегающей к нему береговой полосой вплоть до современного Новороссийска, нижнее течение Кубани и её ближайших к устью притоков. В устьях Дона Боспору принадлежал Танаис. Племена, жившие по северному и восточному беретам Азовского моря, признавали гегемонию Боспора. С этого же времени на долгие годы прекращаются войны между Боспором и скифами.

Развитие ремесленного производства и торговли

Вещественные памятники частично из самого Боспора, частично из курганов примыкающей к нему степной полосы указывают на то, что Боспор этого времени становится центром местного ремесла. В скифских курганах конца IV в. до н. э. найдены художественно выполненные сосуды, пластинки, нашивавшиеся на одежду, части сбруи. Всё это из золота и серебра с орнаментом, свидетельствующим о местном происхождении этих предметов.

Золотая монета из Пантикапея.
325—300 гг. до н. э.

Боспорское происхождение металлических изделий из скифских царских курганов IV—III вв. до н. э. подтверждается сходством их стиля со стилем боспорских монет этого времени. С IV в. до н. э. в обращении появляются золотые статеры, совершенно не похожие ни на старые монеты Пантикапея, ни на монеты, которые были в это время приняты в других эллинских городах. Они представляют собой оригинальное создание боспорских мастеров и отличаются высокими художественными достоинствами.

Значительное развитие на Боспоре получило также керамическое производство. Помимо кровельной черепицы и массовой бытовой посуды, а также глиняной тары для хранения продуктов производилась на Боспоре и художественная керамика.

Боспорское царство было тесно связано с окружавшими его племенами. Торговля со скифами служила стимулом для развития ремесленного производства. В обмен на изделия боспорского ремесла скифы, синды, меоты и сарматы везли на Боспор хлеб, пригоняли скот, приводили рабов. Продукты скотоводства потреблялись главным образом на месте, хлеб вывозился в Средиземноморье. Рабы частично эксплуатировались боспорской знатью, частично отправлялись на продажу. Значительная часть собиравшегося на территории Боспорского царства хлеба поступала непосредственно правителям Боспора, отправлявшим его в больших количествах на рынки Средиземноморья. Вместе с тем часть хлеба покупалась

у скифских оседлых племён и перепродавалась затем приезжим эллинским или местным боспорским купцам. Растущая хлебная торговля Боспора была одной из причин, заставлявших боспорских Спартокидов расширять свои владения и вместе с тем по возможности поддерживать хорошие отношения со скифами. Упадок Ольвии обусловил направление основного потока скифского хлеба через Пантикапей, что ещё более способствовало процветанию боспорской торговли.

Международное значение Боспора в IV—I вв. до н. э. было неразрывно связано с его ролью в торговле. Поэтому боспорские династы старались всячески покровительствовать торговле и увеличивать вывоз хлеба. Их мощный флот охранял торговые пути на Черном море против тавров и народов западного берега Кавказа, занимавшихся пиратством.

Чрезвычайно важной статьёй боспорского вывоза в Средиземноморье были рабы. Надписи показывают, что на Родосе, который деятельно торговал с Боспором, имелись сарматские, скифские и меотские рабы. Вывоз рабов значительно увеличился по сравнению с предшествующим периодом. Разложение первобытно-общинного строя у кочевников Северного Причерноморья и постоянные войны между ними способствовали притоку рабов на Боспор, главным образом из числа военнопленных, которых кочевники охотно продавали эллинским купцам. Известную роль в увеличении численности рабов на Боспоре и соответственном росте боспорской работорговли могли играть и победоносные войны самих Спартокидов, которые велись на протяжении IV и первой половины III в. до н. э.

Клеймо царских керамических мастерских на фрагменте боспорской черепицы из раскопок в Пантикапее. III в. до н. э.

Сосредоточение в руках Спартокидов обширных земель с сидящими на них земледельцами-*пелатами*, а также стад, рыбных промыслов и ремесленных мастерских (хорошо известны, в частности, царские керамические мастерские, изготовлявшие кровельную черепицу), наконец, рабов, прибывавших постоянно в результате войн, позволило боспорским правителям захватывать в свои руки значительную долю боспорского экспорта. Собственного торгового флота Спартокиды не держали, а пользовались обычно кораблями купцов, как приезжих (особенно афинских), так и боспорских. Крупные землевладельцы иногда сами снаряжали корабли для вывоза продуктов своего хозяйства.

Внутреннее и внешнее положение Боспора в первой половине III в. до н. э.

После смерти Перисада I обостряется борьба в среде господствующего класса Боспора, вылившаяся в форму междоусобной войны между его сыновьями.

Один из них, Эвмел, вышедший победителем из этой борьбы, вынужден был пойти на соглашение с пантикапейской аристократией. Он созвал народное собрание и провозгласил восстановление «отеческой политии», т. е. древнего полисного устройства. Вместе с тем жители Пантикапея получили *ателию* (свободу от пошлин), которой они некогда пользовались, и освобождение от налогов. Очевидно, предшественники Эвмела, и в первую очередь Перисад I, не считались с полисными традициями Пантикапея, облагали его граждан тяжёлыми пошлинами и контрибуциями на военные нужды.

Укрепив свою власть, Эвмел стал помышлять о расширении владений Боспора. Он помогал Византию, Синопе и Каллатии в борьбе против Лисимаха; тысяча каллатийцев, бежавших из-за голода во время осады их родного города Лисимахом, получили земли на территории Боспора на правах военных колонистов (клерухов).

Преемник Эвмела Спарток III (304/03—284/83) — а может быть, и сам Эвмел — стал уже именоваться царём *(басилеем)* не только по отношению к покорённым племенам. Это, вероятно, произошло под влиянием соответствующих актов со стороны диадохов, которые в 306—305 гг. объявили себя царями. Внешнее положение Боспора при Спартоке III продолжает укрепляться. Важнейшим доказательством этого является договор с Афинами. Афиняне только что освободились из-под власти Деметрия Полиоркета и поспешили уведомить об этом Спартока, чтобы восстановить отношения с Боспором. Декрет, который был результатом этих переговоров, значительно отличается от предыдущих афинских декретов, касающихся правителей Боспора. Если раньше представители династии Спартокидов рассматривались как частные лица, то теперь Спарток именуется царём; если раньше речь шла исключительно о торговле, то теперь заключается формальный союз: Афины обязуются помогать Спартоку и на суше и на море, если кто-либо нападёт на его державу. Договор, однако, был, по-видимому, нужнее Афинам, чем Боспору: если до сих пор афинянам гарантировались торговые привилегии, то теперь Спарток отделался неопределённым обещанием «делать им всё наилучшее». Несмотря на то, что количество хлеба, которое он подарил при этом Афинам, было сравнительно невелико (15 тыс. медимнов=9 тыс. гектолитров), афиняне оказали Спартоку исключительные почести.

При Перисаде II (284/83 — после 252) укрепляются связи Боспора с Египтом, Родосом и Делосом. В одном египетском папирусе сохранилось известие о прибытии послов Перисада в Египет (254/53 г.). Укреплению политических связей способствовала высокоразвитая торговля между эллинистическими государствами и побережьем Понта.

Упадок Боспорского царства. Восстание Савмака

Со второй половины III в. начинается, по-видимому, упадок Боспора. Данные литературных и эпиграфических источников становятся очень скудными. По монетам, клеймам на черепицах, изготовленных в царских мастерских, отрывочным литературным упоминаниям и случайным надписям известны имена отдельных правителей, но установить их хронологическую последовательность не представляется возможным. Судя по именам, династия Спартокидов правила на Боспоре до конца II в. до н. э., возможно, с некоторыми перерывами, но царский дом раздирался междоусобицами. Внутренние смуты усугублялись натиском сарматов с Востока и скифов с Запада, который заметно усилился к концу III в. до н. э.

Упадок боспорской торговли в конце II в., связанный с изменениями политической обстановки в Греции и Малой Азии и с непрерывными столкновениями с соседями, привёл к уменьшению доходов боспорских правителей и не позволял им держать большую наёмную армию, а это затрудняло борьбу со скифами. К тому же нужны были средства, чтобы откупаться от скифов и сарматов и даже» по-видимому, временами платить им дань. Всё это сказывалось и на внутреннем положении царства, вело к усилению эксплуатации зависимых земледельцев. К концу II в. положение настолько обострилось, что можно было ожидать совместного выступления рабов и зависимого крестьянства против правящей знати боспорских городов.

В этой обстановке правящие круги Боспора в поисках опоры, которая помогла бы им сохранить их привилегированное положение, обратились к понтийскому царю Митридату VI Эвпатору. В результате переговоров между обеими сторонами было заключено соглашение, по которому боспорский царь Перисад V «добровольно» передал свою власть Митридату.

Однако широкие слои угнетённого населения Боспора и, в первую очередь скифские рабы ответили восстанием на это соглашение между боспорской знатью и Митридатом. Скопление больших масс рабов в Пантикапее облегчило подготовку восстания, во главе которого стала группа рабов-скифов, принадлежавших царю Перисаду. Руководителем восстания был скиф Савмак. Подробности этого события неизвестны. Очевидно, одним из первых действий восставших было провозглашение царём Савмака. Таким образом, ими было организовано собственное царство, подобно тому как это произошло в Сицилии во время восстания в 137—132 гг. до н. э.

Решительные действия восставших грозили Митридату потерей его владений и влияния в Северном Причерноморье. В течение нескольких месяцев Митридат подготовил флот и сухопутное войско и весной 107 или 106 г. до н. э. отправил его под командованием Диофанта в Крым. Используя Херсонес в качестве опорного пункта, Диофант атаковал с моря Феодосию. И Феодосия и Пантикапей оказали упорное сопротивление войскам Митридата. По-видимому, в этих городах были особенно сильны позиции Савмака, так как здесь сосредоточивались большие массы свободной бедноты. Однако восставшие не обладали достаточной военной силой, чтобы отравить нападение Диофанта. Об их ожесточённой борьбе с понтийскими войсками свидетельствуют следы больших разрушений в конце II в. до н. э.: может быть, борьба происходила на улицах города даже и после того, как городские укрепления были захвачены Диофантом. Многих участников восстания Диофант казнил. Савмак был захвачен живым и отослан к Митридату в Синопу, где, вероятно, тоже был казнен.

Фигурный полихромный сосуд в виде сфинкса. Из погребения в Фанагории Аттическая работа конца V в — начала IV в. до н. э.

Северное Причерноморье под властью Митридата Эвпатора

После подавления восстания Савмака под властью Митридата оказалась значительная часть побережья Черного моря. Подчинение Боспора и других государств Причерноморья Митридату вовлекло их в орбиту крупнейших событий, происходивших на Понте в первой трети I в. до н. э.

В экономике северопонтийских городов в это время появились новые черты: усиление экономических связей с Понтийским царством привело к тому, что прежние связи с торговыми центрами Эгейского бассейна значительно сократились известную роль в усилении вывоза из Северного Причерноморья в Южное играли поставки

хлеба и других предметов питания в разоряемое войнами Понтийское царство. Однако этот интенсивный вывоз не столько способствовал развитию производительных сил Северного Причерноморья, сколько вёл к истощению его экономики. К тому же результату приводили многочисленные налоги, которые население Причерноморья должно было платить царю.

Ухудшение экономического положения, вероятно, было причиной роста антипонтийских настроений среди боспорского населения. Уже в конце первой войны Митридата с Римом, в 83 г. или даже несколько раньше, Боспор восстановил свою независимость. Подробности этого движения неизвестны. Митридату удалось вновь подчинить себе Боспор только в 80 г. до н. э.

Гибель Митридата и переход власти к Фарнаку в 63 г. до н. э. не облегчили положения населения Северного Причерноморья, поставлявшего Фарнаку войска и корабли для его войн с Римом за отцовское царство. Недовольство широких кругов боспорских рабовладельцев властью понтийской династии привело к тому, что местная знать выдвинула в противовес Фарнаку знатного боспорца Асандра, провозгласив его царём. Однако правление Асандра не ослабило политического напряжения и не приостановило хозяйственного упадка, который переживал Боспор. Вместе с тем с середины I в. до н. э. во внутреннюю политическую жизнь Боспора начинают всё более активно вмешиваться римляне, оценившие в ходе борьбы с Митридатом стратегическое значение Северного Причерноморья.

Культура Боспорского царства

Для материальной и духовной культуры Боспора было характерно переплетение эллинских, прежде всего ионийских, и местных элементов. Особенно ярко это сказалось в художественном ремесле.

На металлических предметах наряду с общими сюжетами чисто орнаментального характера начинают воспроизводиться в условном позднеионийском или позднеаттическом стиле сюжеты, связанные с жизнью и религией скифов. Наиболее знаменитые и богатые курганы скифских степей полны памятников этого рода. Таковы Куль-Оба и курган Патиониоти около Пантикапея, Чертомлык и Солоха на Нижнем Днепре, курганы на Среднем Дону. Относительно датировки этих курганов существуют различные мнения, но несомненно, что они в основном совпадают во времени с расцветом Боспорского царства.

Очевидно, в Пантикапее и в других городах Боспора существовала в IV—III вв. до н. э. специальная школа художников, которая изготовляла для скифской, синдской и меотской знати художественные предметы, отвечавшие её вкусам и воспроизводившие привычный для неё быт. Достижения этой школы весьма значительны. Сцены скифской жизни трактовались здесь с большим реализмом.

Боспорская керамика также свидетельствует о художественном своеобразии местного производства. Особенно интересны терракотовые статуэтки и сосуды с яркой полихромной росписью (так называемые акварельные вазы), производство которых относится главным образом к IV—III вв. до н. э.

Переплетение различных этнических элементов влияло и на религиозные представления. Ионийские поселенцы принесли с собой в Пантикапей и Фанагорию свои древние культы, среди которых особенно выделялся культ Аполлона. Однако наряду с этим они восприняли культы местного населения, которые подверглись лишь поверхностной эллинизации и которые по мере усиления роли местных элементов на Боспоре становятся преобладающими. Среди местных культов особо важную роль играл культ верховного женского божества, которое соответствовало малоазийской великой матери богов, «владычице животных». По всей Синдике были разбросаны богатые и почитаемые святилища этой богини. Она именовалась то Афродитой Апатурой (в Фанагории), то Артемидой Агротерой (на Цукурском лимане).

Об интеллектуальной жизни боспорского общества известно мало. Выходцем из Боспора был философ Сфер (некоторые, впрочем, считают его родом из Борисфена, т. е. Ольвии), стоик, живший в Египте при Птолемее Филадельфе и его преемниках. Сфер известен как идейный вдохновитель спартанского реформатора Клеомена.

Стихи, попадающиеся в боспорских надгробных надписях, указывают на то, что поэзия также получила известное развитие на Боспоре. Боспорское, в основном, происхождение имели многочисленные скифские новеллы, живо рисовавшие местные условия жизни. Они распространялись по всему эллинистическому миру (некоторые из них были найдены даже в Египте как на папирусах, так и на черепках) и оказали влияние на греческую литературу. На Боспоре существовала, по-видимому, собственная историография, имевшая придворный характер: возможно, что именно к этой историографии восходит в конечном итоге повествование Диодора Сицилийского о Спартокидах, а также некоторые отдельные известия, сохранившиеся у других авторов.

Боспорский сосуд (пелика) с изображением борьбы аримаспа с грифоном.
Аттическая работа IV в. до н. э.

IV—III века были временем расцвета Пантикапея. Город деятельно обстраивался по склонам горы Митридат, на вершине которой был расположен акрополь. В городе имелись водопровод и канализация — сохранились свинцовые и глиняные трубы.

Расцвет Боспорского государства в IV— III вв. отразился и на территории подвластных племён Значительное число поселений, остатки которых обнаружены на Таманском полуострове и по нижнему течению Кубани, возникает именно в это время.

Боспор играл немалую роль в жизни эллинистического мира. Этим он обязан не только эллинским колонистам, основавшим свои поселения на берегах пролива, соединявшего Понт и Меотиду, но в такой же мере и коренным жителям окрестных областей.

3. Колхида, Иберия и Албания в III—I вв. до н. э.

История народов Закавказья со времени завоеваний Александра Македонского начинает всё тесное и теснее сплетаться с историей Передней Азии и Восточного Средиземноморья. Закавказье стало сильнее втягиваться в международную торговлю. Связь с внешним миром осуществлялась через порты Колхиды, в частности через Фасис. К этому же времени относится и расцвет Диоскуриады. Тимосфен, наварх Птолемея Филадельфа, говорит о Диоскуриаде как о цветущем торговом городе, куда для торговли сходилось до 300 племён. Цифра эта явно преувеличена, но даже если уменьшить её до 70, как это делает Страбон, она всё же остаётся достаточно значительной и показывает, что Диоскуриада была крупным торговым центром. В этих городах сильно возрастает роль местных элементов, в результате чего греческие колонии на протяжении III—II вв. постепенно меняют свой характер, превращаясь в значительной мере в местные городские центры. На протяжении III—II вв.

продолжается деятельная чеканка колхидок, которые получают широкое распространение по всей Западной Грузии.

Колхида в III—I вв. до н. э.

В Колхиде в III в. происходят значительные политические изменения, о которых можно косвенно судить по изменениям в характере денежного обращения. Наряду с прежними колхидками появляются золотые монеты, представляющие собой подражания монетам эллинистических царей. Эти изменения в чеканке толкуются по-разному. Сторонники теории раннего образования государства в Колхиде полагают, что в это время начинается распад относительно единого до того Колхидского царства и правители отдельных областей переходят к новым формам чеканки. Противники этой точки зрения, считающие, что колхидки ранее чеканились Фасисом, думают, что появление новых форм чеканки указывает на возникновение в этот период в Колхиде ряда примитивных государств. К III в., вероятно, относятся золотые статеры, представляющие собой подражания статерам Лисимаха и чеканившиеся царём Акой, который был, видимо, правителем одного из государств, существовавших на территории Колхиды. Царство Аки находилось скорее всего в районе Диоскуриады и включало области, расположенные к северу от неё, где жили племена, говорившие уже не на картвельских диалектах, а на языках другой ветви кавказской семьи.

В источниках сохранилось прямое указание, что во II в. Колхида была разделена на ряд *скептухий* (т. е. владений скептухов, «скиптроносцев»). Исследователи, отрицающие существование какого-либо политического объединения Колхиды в предшествующие периоды, полагают, что скептухи представляли собой вождей отдельных племён Колхиды и что самый термин «скептух» указывает на сохранение в Колхиде значительных элементов первобытнообщинного строя. Однако значение термина «скептух» не вполне ясно, так как он прилагается у греческих авторов и к племенным вождям, царям, военачальникам, и к придворным сановникам (в частности, при ахеменидском дворе). Это даёт основание другим исследователям считать, что скептухи первоначально представляли собой местных династов — правителей отдельных областей Колхиды или наместников колхидского царя, добившихся со временем почти полной самостоятельности.

На рубеже II и I вв. до н. э. Колхиду присоединяет к своим владениям царь Понта Митридат VI Эвпатор. Для Понтийского царства Колхида была важна своим корабельным лесом; кроме того, Колхида славилась льном, здесь же добывали воск, смолу, сами колхи были искусными моряками. В 83 г. до н. э. колхи вместе с боспорцами попытались сбросить понтийское владычество, но эта попытка успеха не имела.

Иберия в III—I вв. до н. э.

В Иберии, как уже указывалось выше, в начале III в. окончательно складывается самостоятельное царство. Основание Иберийского царства приписывается Фарнабазу, о котором говорят грузинская хроника «Обращение Грузии» (окончательно отредактированная в VIII—IX вв. н. э.) и известный свод древнегрузинских летописей «История Грузии».

Раскопки на территории древней Картли дают возможность составить представление об Армази, центре страны в IV—II вв., и о Мцхете, столице Иберии в последние века до нашей эры. Относящиеся к этому времени погребения в глиняных кувшинах в расположенном к северу от Мцхеты Самтаврском некрополе свидетельствуют о том, что население постепенно переходило от скотоводства к земледелию. Одновременно развивались ремёсла и торговля.

Иберия, видимо, представляла собой раннерабовладельческое государство с сильными пережитками первобытно-общинного строя. У Страбона сохранились сведения о социальном строе Иберии применительно к I в. до н. э., однако сведения эти недостаточно ясны и толкуются в современной литературе по-разному. Согласно Страбону, всё население Иберии делилось на четыре «рода людей», т. е. четыре социальные группы. Первый «род людей» — тот, из которого избирают царей.

В его состав наряду с членами царского дома входили, вероятно, и царские приближенные, называвшиеся, как и в ахеменидской Персии и во многих эллинистических государствах, «сородичами» царя, т. е. светская знать — *эриставы.* Второй «род людей» составляли жрецы, сосредоточившие в своих руках, согласно Страбону внешние сношения. Третий «род людей» состоял из воинов и земледельцев - это были свободные иберы, занимавшиеся земледелием и скотоводством и по призыву царя выходившие на войну. В грузинском языке сохранился термин *эри,* озна-

Развалины «дворцового сооружения» в Багинети.
Шестиколонный зал. I в. до н. э.

чающий «народ-войско»; этот термин отражает то нерасчленённое единство народа и войска, которое характерно для первобытно-общинного строя и сохраняется на ранних ступенях развития классового общества. В условиях формирования классового общества и государства «народ-войско» уже утратил, однако, своё руководящее положение в распоряжении общественными делами. Четвёртый «род людей», который Страбон определяет термином «лаой», составляли зависимые земледельцы, сидевшие на царской земле. Страбон называет их «царскими рабами», но в данном случае термин «рабы» не следует понимать в буквальном значении этого слова; эти лаой, по-видимому, жили большими семьями, а может быть, и родами, причём родственники сообща владели землёй. Возглавлял такую семью старейший, который и распоряжался общим имуществом. Положение лаой в Иберии, возможно, напоминало положение лаой в соседней Малой Азии, а также соответствующих катего-

рий крестьянства в других эллинистических странах. Вероятно, в Иберии были и настоящие рабы, о которых Страбон, однако, не упоминает.

Развивавшаяся постепенно торговля разрушала старые условия жизни. На наиболее значительных реках возникает судоходство, страна покрывается сетью дорог и мостов, появляются города с мощными крепостными стенами, домами с черепичными кровлями, рынками, общественными зданиями и водопроводами; эти города становятся центрами ремесла и торговли. Такими городами в Иберии были её столица Армази и Мцхета (будучи расположены на противоположных берегах Куры, они постепенно сливаются в один город, так что Армази превращается по существу в акрополь Мцхеты, а позднее, в I в. н. э., они были даже обведены одной стеной), Севсамора и др.

В горах Кавказа жили зависевшие от иберийских царей, а также независимые племена, занимавшиеся охотой и скотоводством. Высокогорные племена, типичными представителями которых были сваны (сохранившие своё имя и до настоящего времени), продолжали жить первобытно-общинным строем. Во главе сванов стоял военный предводитель и совет из 300 человек. Постоянное войско отсутствовало, в случае необходимости все сваны выходили на войну.

Атропатена и Албания в III—I вв. до н. э.

В Южном Азербайджане, как и в Иберии, возникает в III в. до н. э. местное независимое царство. Основателем его считается персидский сатрап Атропат, один из немногих наместников азиатского происхождения, сохранивших власть ко времени смерти Александра. От имени Атропата, ставшего родоначальником местной династии, эта область и получила название Мидии Атропатены. Название «Атропатена», искажённое арабами, легло в основу современного названия «Азербайджан».

Территорию Северного Азербайджана населяли албанские племена, которые по своему происхождению, видимо, принадлежали, так же как и иберы, к кавказской группе народов и позднее имели немало сходных черт с иберами в культуре в общественном строе.

Территория Албании к середине I в. до н. э. по сравнению с предшествующим периодом уменьшилась: границей между Арменией и Албанией стала река Кир (Кура). На западе Албания захватывала часть современной Кахетии; на востоке она простиралась не далее того места, где Аракс теперь впадает в Куру, так что прикаспийское побережье оставалось за её пределами.

Почва Албании, особенно на территории современной Кахетии, была плодородна. Часть населения занималась земледелием — хлебопашеством, садоводством и особенно виноградарством. Но земледелие, по рассказу Страбона, стояло на низком уровне, земля возделывалась грубым деревянным плугом. Большая часть албанов занималась скотоводством и вела кочевой образ жизни в обширных степях по нижнему течению Куры. Страбон сообщает, что албаны вели только меновую торговлю, почти не пользовались монетой, не знали ни точных мер, ни весов, ни чисел более ста. 26 албанских племён были слабо связаны между собой и имели каждое особый диалект.

Однако в сообщения Страбона о примитивности земледелия и всего образа жизни албанов следует внести значительные поправки на основании результатов археологических исследований. Так, в местности Ялойлу-Тапа (к юго-востоку от Нухи) обнаружены древние погребения, датируемые IV—I вв. до н. э., инвентарь которых говорит уже об оседлом образе жизни населения, занимавшегося земледелием и овцеводством.

В Муганской степи, в районе селения Джафархон (к югу от Сабирабада), были найдены многочисленные городища и каналы, указывающие на то, что в последние века до нашей эры в безводной Муганской степи были проведены значительные ирригационные работы. Керамика, встречающаяся в так называемых кувшинных погребениях Мингечаура и Мильской степи (II в. до н. э.— II в. н. э.), сделана на гончарном круге и имеет хороший обжиг. Обнаружены остатки нескольким керамических печей до-

вольно сложной конструкции. Встречаются стеклянные сосуды. Жители этих районов занимались земледелием и скотоводством. Они культивировали лён и изготовляли из него тонкое полотно. Из домашних животных помимо коз, овец и коров разводились также свиньи — животное, для кочевого скотоводства непригодное. Высокое качество ремесленных изделий указывает не только на то, что ремесло уже в значительной мере отделилось от сельского хозяйства, но и на известную дифференциацию ремесленного производства.

Относительно раннее применение железа в Албании, наличие гончарного круга, находимые на территории Албании монеты Лисимаха — всё это также позволяет заключить, что хотя в целом Албания ещё значительно отставала от Иберии, но и здесь уже во II—I вв. до н. э. идёт процесс разложения первобытно-общинного строя и формирования классовых отношений.

Государство в Албании возникло, по-видимому, в середине I в. до н. э. на основе албанского племенного союза. В это время у албанов уже появляется отделённое от народа войско. Наличие тяжёлой конницы указывает на значительное социальное расслоение. В источниках I в. н. э. албанские цари упоминаются наряду с царями мидян («Деяния» Августа) и иберов (Тацит). Албанский царь жил в укреплении Кабалаке (на территории позднейшего Ширвана). На рубеже нашей эры в стране появляются города, развитие которых падает в основном уже на следующий период.

В экономически наиболее развитой земледельческой части Албании образовалось храмовое княжество, глава которого — верховный жрец — считался вторым лицом в Албании после царя. Священная земля, находившаяся под управлением верховного жреца, была густо заселена. Здесь жили храмовые служители (гиеродулы), работавшие на храм. Религия албанов представляла собой сочетание местных культов (главным образом культа природы и небесных светил, из которых особенно почиталась Луна) с проникшим из Атропатены зороастризмом.

Борьба народов Кавказа против римской агрессии

Упадок эллинистических государств, передвижение сарматских и скифских племён, усиление Парфии— всё это не могло не отразиться на положении Восточного Причерноморья и Кавказа. На Северном Кавказе происходит усиление сарматского элемента. Эллинистические города по восточному берегу Понта с I в. до н. э. начинают приходить в упадок, что было связано отчасти с внешнеполитическими обстоятельствами, отчасти со сложившимися в Колхиде внутренними социально-политическими условиями, которые отражались и на положении этих городов.

Во внешнем положении государств Закавказья значительную роль сыграло соприкосновение их с Римом. Народы Закавказья впервые непосредственно столкнулись с римлянами в период третьей Митридатовой войны. После победы над царём Армении Тиграном II Помпей в 65 г. до н. э. двинулся против албанов. Албаны и иберы отличались высокой боеспособностью. Они сражались и в пешем строю, и на конях, в панцирях и легковооружёнными. Оружием им служили копья и луки, кроме панцирей они имели щиты и шлемы из звериной кожи. Римлянам, вторгшимся на их территорию, они оказали упорное сопротивление. Но превосходство в военной технике обеспечило победу войскам Помпея. Албаны, потерпев поражение, заключили мир. Из Албании Помпей двинулся в Иберию, где в это время правил царь Артаг. Римляне захватили Армази и, сломив сопротивление иберов, принудили Артага заключить мир. После этого римляне подчинили Колхиду.

Поход не привёл к подчинению Закавказья римской власти, однако установление римского владычества в западных частях Передней Азии стало оказывать значительное влияние — прямое или косвенное — на положение народов Закавказья.

4. Армения в III—I вв. до н. э.

Армения в системе держав Александра Македонского и Селевкидов

После падения Персидской державы армянские земли оказались фактически независимыми. Правители Южной Армении признали власть Александра, но это признание оставалось, по-видимому, чисто формальным: Александр сам не проходил через Армению, его военачальникам также не удалось проникнуть на её территорию.

С конца IV в. на территории Армении начинают складываться самостоятельные или полусамостоятельные государства. На крайнем западе, к северу от долины Верх» него Евфрата, на территории древней Хайасы находилась Малая Армения. Население её занималось преимущественно скотоводством, особенно славились местные кони. Из ремёсел получила развитие обработка металлов. При Александре и некоторое время после его смерти Малая Армения формально находилась под властью македонян, но уже в 322—321 гг. здесь возникло самостоятельное Армянское царство. История Малой Армении в этот период известна плохо; область стояла в стороне от остальных армянских земель и тяготела не столько к ним, сколько к соседнему Понту. В 115 г. до н. э. Малая Армения была присоединена Митридатом VI к Понтийскому царству.

Вторая армянская область, Софена (по-армянски Цопк), занимавшая юго-западную часть Армянского нагорья, отличалась значительным плодородием — её центральную часть Полибий называет «Прекрасной равниной». Софена была расположена вблизи важных торговых путей; к югу от неё через Северную Месопотамию проходила торговая магистраль из Восточного Ирана через Селевкию на Тигре в Антиохию на Оронте, боковая ветвь дороги шла через Софену в Малую Азию. В Софене раньше, чем в других армянских землях, появляется денежное обращение и начинает чеканиться местная монета. Софена входила в состав державы Селевкидов как особая сатрапия, обязанная платить дань и выставлять войска, но управлялась она местными наследственными династами, пользовалась внутренней самостоятельностью и временами совсем освобождалась от власти Селевкидов.

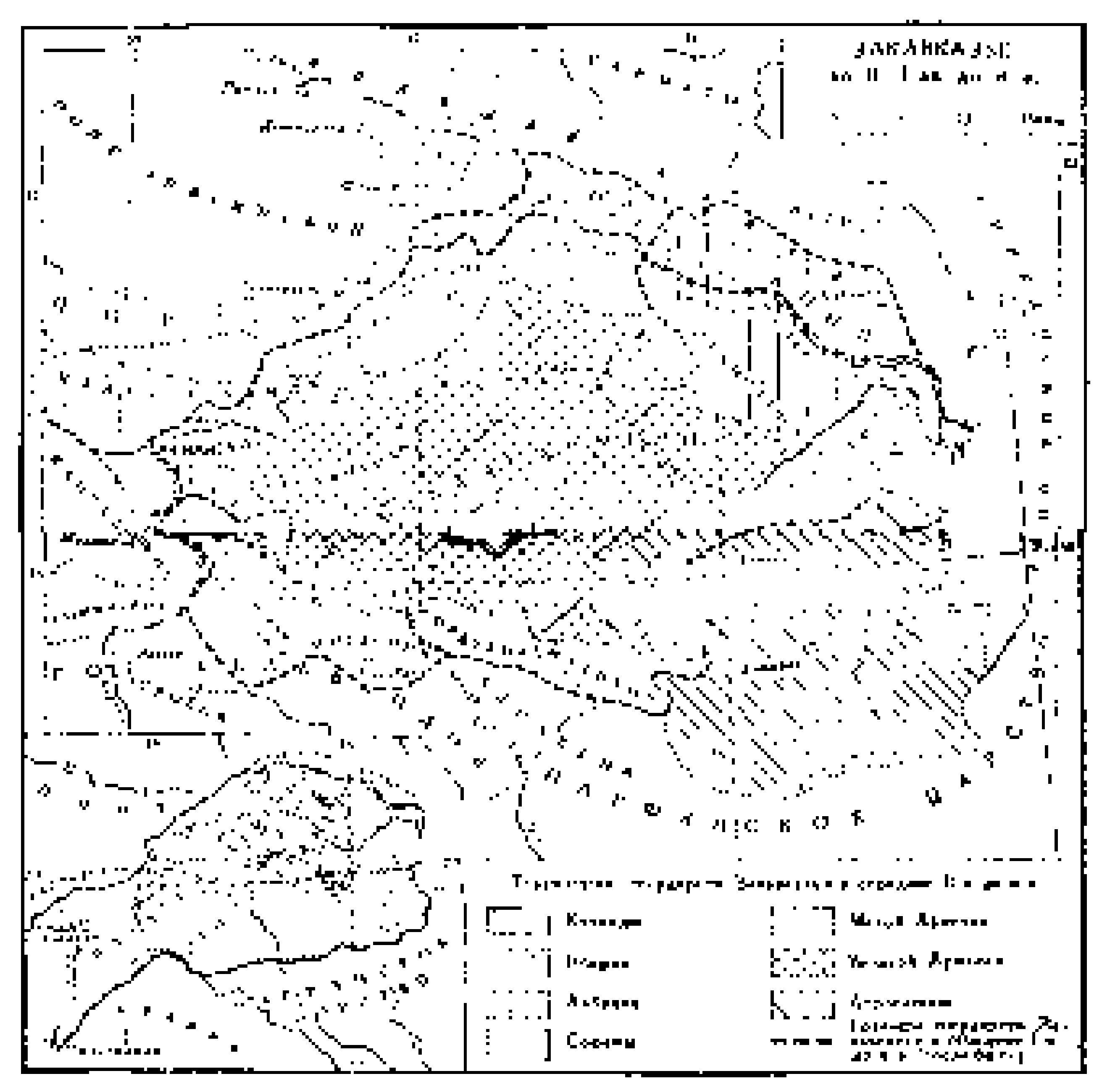
Третья армянская область, собственно Армения, была расположена по верхнему течению Тигра и в окрестностях озера Ван, т.е. занимала основную территорию древнего Урарту. Её положение было сходно с положением Софены. Здесь также правили местные наследственные владетели, но по своему общественному развитию она сильно отставала от Софены, и власть Селевкидов была здесь несколько прочнее, чем в Софене.

На северо-восток от Армении, в долине реки Аракса, находилось Айраратское царство, возникшее в конце IV в. Его коренное население — алародии — постепенно ассимилируется с армянами. В Айраратском царстве утвердилась династия Оронтидов, или Ервандидов, которая вела своё происхождение от правителей XVIII сатрапии ахеменидского времени. Представитель этой династии Оронт (по-армянски Ерванд) признал власть Александра, но во время борьбы диадохов в 316 г. до н. э. Айраратское царство стало самостоятельным. Столицей царства был город Армавир, расположенный на месте урартского Аргиштихинили. В 220 г. Айраратская область была захвачена Антиохом III и некоторое время спустя присоединена к собственно Армении, которая отныне начала называться Великой. Таким образом, к концу III в. почти все армянские земли оказались под властью Селевкидов.

В III—начале II в. армяне заселяют почти всю ту территорию, которая впоследствии составила историческую Армению. В это время начинает складываться армянская народность. Страна вступает в более тесные сношения с другими народами Передней Азии и подвергается влиянию соседних эллинистических государств. Однако формирование самостоятельных армянских государств тормозилось в этот период селевкидским владычеством.

Образование самостоятельных армянских государств

Битва при Магнесии, в результате которой Антиох был вынужден отказаться от всех малоазийских владений к северу от Тавра, дала толчок распаду державы Селевкидов. Этим прежде всего воспользовались селевкидские сатрапы Великой Армении и Софены — Артаксий и Зариадр (по-армянски Арташес и Зарех), объявив себя независимыми царями. Так возникли первые вполне самостоятельные армянский



Закавказье во II—I вв до н. э.

государства, образование которых в известной мере было связано с антиэллинистической реакцией местного населения.

Армянские государства, в которых существовал значительный слой свободного крестьянства, дававшего превосходные кадры для армии, ведут активную завоевательную политику. Софена и Великая Армения выходят за пределы Армянского нагорья, захватывают ряд областей у соседних иберов и мидян. Особенно усиливается Великая Армения.

В Армении растёт рабовладение, В результате многочисленных победоносных походов Арташеса I (189—161) пригонялись толпы рабов, о чём рассказывает армянский историк Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский). Армянская знать владела, по-видимому, большим числом рабов. Так, например, Арташес подарил одному из своих полководцев 500 *царай* (так назывались рабы, работавшие в поместьях знати).

При Арташесе и его преемниках укрепляются торговые связи Армении с соседними странами. На одном из торговых путей, проходивших через Армению, была воздвигнута новая столица — Арташат, находившаяся на берегу Аракса, неподалёку от Армавира. Арташат скоро стал крупным центром ремесла и торговли. При преемниках Арташеса I внешнее положение Армении временно ухудшается. Вместо Селевкидов у Армении появляется новый могущественный враг—выделившееся ещё в середине III в. из державы Селевкидов самостоятельное Парфянское царство.

Держава Тиграна II

В 95 г. до н. э. парфяне возвели на армянский престол Тиграна II, который был у них заложником, и добились от него значительных территориальных уступок. Поддерживая сначала мирные отношения с Парфией, Тигран II в первый же год своего правления начал завоевания на западе. В 95 г. он присоединил к своим владениям Софену. Вслед за тем Тигран захватил на северо-востоке ряд пограничных албанских областей.

Внешнеполитическая обстановка в начале I в. до н. э. складывалась благоприятно для Армении. Римская республика переживала на рубеже II и I вв. острый кризис. Государство Селевкидов находилось в состоянии полного упадка. Наиболее сильным государством, способным оказать сопротивление Армении, был Понт, но с его царём Митридатом VI Тигран II заключил в 94 г. дружественный договор.

Интересы Армении и Понта скрещивались в Каппадокии. Митридат ещё раньше пытался захватить Каппадокию, но натолкнулся на противодействие Рима. Теперь оба царя — понтийский и армянский — заранее разделили между собой добычу. Было условлено, что в случае завоевания Каппадокии Митридат получит землю, а Тигран — движимое имущество и людей. Помимо этого Митридат и Тигран распределили между собой сферы будущих завоеваний. Митридат претендовал на Малую Азию, черноморское побережье и Грецию у Тигран II — на Парфию, Сирию и прилегающие к ним страны. Для закрепления союза Тигран женился на дочери Митридата.

В 93 г. Тигран вторгся в Каппадокию, но вмешательство римлян привело к восстановлению прежнего положения. В 88 г. до н. э., после нескольких лет борьбы с переменным успехом, Митридат и Тигран снова приступили к решительным действиям. В то время как Митридат вёл войну с Римом, Тигран выступил против Парфии. Армянские войска вторглись в Ассирию и Мидию и достигли Ниневии и Арбел. Парфия была вынуждена заключить мир. Помимо земель, уступленных Тиграном при, воцарении и теперь ему возвращённых, под власть Тиграна попали все северо-западные области Парфии. Одновременно в зависимость от Армении попала и Атропатена. Парфянский царь отказался от титула «царя царей», который перешёл к Тиграну.

В 85 г. одновременно с миром между Арменией и Парфией был заключён договор между Суллой и Митридатом. Воспользовавшись тем, что римляне были поглощены гражданской войной между сторонниками Суллы и Мария, а Понтийское царство ещё не успело оправиться после войны с Римом, Тигран начал захват владений распадавшейся державы Селевкидов. Он двинулся к. берегам Средиземного моря, завладел Коммагеной с её переправами через Евфрат, а затем без особого труда подчинил своей власти Сирию, Финикию и равнинную Киликию. Его владения на юге доходили до Птолемаиды на берегу Средиземного моря. Государство Селевкидов перестало существовать. Тигран объявил себя наследником свергнутой династии» Антиохия наряду с Арташатом стала второй столицей его державы.

В 78 г. Митридат и Тигран снова двинулись на Каппадокию и захватили её столицу Мазаку. Согласно договору, территория Каппадокии отошла к Митридату, тогда как всю добычу — и в том числе 300 тыс. жителей, угнанных из Каппадокии, — получил Тигран.

В 70-х годах I в. до н. э. государство Тиграна II представляло собой обширную державу, простиравшуюся от Куры до Иордана и от Средиземного моря до Каспийского. В 77 г. до н. э. в южной части Армянского нагорья, в 50 *км* к северу от Тигра, на берегу его притока Нимфия, Тигран основал новый город, заселив его жителями 12 эллинистических городов Малой Азии, насильственно переселёнными в Армению. Этот город был назван Тигранакертом и должен был стать новой столицей обширной державы.

Общественный и политический строй Армении в I в. до н. э.

Быстро возвысившаяся держава Тиграна просуществовала лишь до начала 60-х годов. Временное подчинение богатых торговых городов Сирии и Финикии не оказало существенного влияния на развитие социально-экономических отношении центральных областей Армении. Для этих областей было характерно земледельческое хозяйство. Альпийские луга в горных областях были прекрасными пастбищами для скота. По-прежнему было высоко развито коневодство. В горах Армении и прилегающих областях имелись залежи меди, железа, свинца, серебра, золота. На берегах озера Урмии добывалась соль.

Серебряная монета Тиграна II.

Основную часть населения страны составляло крестьянство, жившее сельскими общинами. Положение его напоминало положение лаой в государство Селевкидов. Оно считалось живущим на царской земле и было обязано разнообразными повинностями. Рядом с сельскими общинами развивались и крупные частновладельческие хозяйства, принадлежавшие царю и знати. В этих хозяйствах применялись разные формы эксплуатации: тут работали и рабы, и закабалённые общинники, и издольщики. Крестьяне-общинники упорно отстаивали свою свободу, но всё чаще и чаще попадали в зависимость от знати.

Рабский труд применялся также при строительстве, в рудниках и в домашнем быту. Источники рабства были различные. Больше всего рабов давала война: обращаемые в рабов военнопленные *(струки)* распределялись между царём, знатью и храмами. Наряду с этим имелись «рабы, рождённые в доме» и «рабы, купленные за серебро», а также обращённые в рабство за преступления. Существовало, наконец, как и в других странах Передней Азии, долговое рабство. Армянское общество времени Тиграна было обществом рабовладельческим, но ещё сравнительно мало развитым. На это указывают долговое рабство, практика поселения рабов на землю и другие аналогичные явления. Античные формы рабовладения получили развитие в Армении лишь в эллинистических городах.

Завоевания Тиграна дали новый толчок развитию торговли Армении. Эта торговля носила, в первую очередь, транзитный характер. Армению пересекали две крупные торговые магистрали: одна из них соединяла черноморское побережье с Ираном и далёкой Индией и шла через Айраратскую область и Атропатену, другая проходила из Сирии через Софену и Южную Армению в Восточный Иран. Из самой Армении вывозились продукты сельского хозяйства, лошади и мулы, металлы, «армянская краска» (кошениль); ввозились в Армению преимущественно продукты ремесла и предметы роскоши из Малой Азии, Сирии и Египта. Развитие торговли влекло за собою развитие денежного обращения: Тигран II и его преемники чеканили золотую, серебряную и бронзовую монету с греческими надписями. Наряду с местной обращалась селевкидская, парфянская и римская монета.

Центрами ремесла и торговли были города, расположенные на важнейших торговых путях. Население городов Армении было смешанным: здесь жили эллины, сирийцы, иудеи, персы. Армяне составляли далеко не преобладающую часть городского населения. Жители городов наряду с ремёслами и торговлей занимались и земледелием Тигран по примеру ассирийских и урартских царей применял массовый угон жителей покорённых эллинистических городов, заселяя ими старые и новые города.

Господствующим классом в государстве Тиграна II была рабовладельческая знать, образовавшаяся в основном из знати племенной. Поскольку племенные различия далеко еще не были изжиты в Армении, вожди племён играли большую роль при дворе и в администрации Тиграна. Разумеется, эта знать в значительной мере уже утратила свой прежний племенной характер: её представители получали землю от царя. Армянская знать ко времени Тиграна подверглась сильной иранизации, начавшейся ещё в ахеменидский период; на это указывают, в частности, имена царей из династии Арташесидов: Арташес, Артавазд, Тигран.

Значительную роль в стране играло также жречество. Как и в соседних областях Малой Азии, а также в Иберии и Албании, наиболее крупные храмы располагали большими земельными владениями и множеством гиеродулов, которые работали на них. Особенно знаменит был храм Анахиты в Акилисене: ему принадлежала целая область. Могущество жречества укреплялось тем, что жреческие должности были наследственными Верховный жрец считался вторым после царя лицом в государстве. Поэтому эту должность часто занимал брат царя. Полномочия верховного жреца распространялись также и на сферу законодательства.

Власть царя в Армении была неограниченной, царю воздавались божеские почести. Материальной опорой царской власти были обширные царские земли, которые царь раздавал представителям знати в условное владение. В Армении начал также формироваться бюрократический аппарат. Однако армянская деспотия находилась при Тигране ещё в процессе становления. Наличие значительных пережитков первобытно-общинного строя, существование царской собственности на землю лишь во внутренних частях Армении, слабость бюрократического аппарата— всё это отличало Армению от современных ей эллинистических государств. Большинство завоёванных Тиграном стран — Великая Мидия, Атропатена и др.,—хотя и представляли собой зависимые от Тиграна царства, обязанные платить дань и доставлять войска, всё же пользовались значительной внутренней самостоятельностью Пестрая по своим социально-экономическим отношениям, управляемая слаборазвитым государственным аппаратом, держава Тиграна была весьма непрочным объединением.

В армии Тиграна, в отличие от армий эллинистических государств, греческие наёмники играли третьестепенную роль. Ядро армии составляла конница, в случае войны выступало крестьянское пехотное ополчение. Привлекалось в армию в население зависимых областей.

Борьба Армении с Римом. Поход Лукулла

На время царствования Тиграна II приходится расцвет рабовладельческого Армянского государства. Однако внутренняя непрочность державы Тиграна немедленно обнаружилась, как только Армения столкнулась с Римом.

Разбив в 70 г. до н. э. войска Митридата VI в ходе третьей Митридатовой войны, римляне направили свой удар против его союзника Тиграна и весной 69 г. осадили Тигранакерт. Попытка Тиграна освободить осаждённый город окончилась полным разгромом армянских войск. Осада Тигранакерта длилась, однако, несколько месяцев. Лишь в результате восстания внутри города наёмников Тиграна в насильственно переселённых в Тигранакерт жителей эллинистических городов, открывших ворота римлянам, столица Армении была взята и разграблена. Немедленно после её взятия и все южные завоевания Тиграна — от Месопотамии до Киликии — отпали от него, за исключением Мигдонии, которой правил брат Тиграна. Командовавший римскими войсками Лукулл выступал в бывших армянских владениях в духе

обычной римской политики на Востоке— как защитник принципа «законности» (в той мере, в какой это римлянам было выгодно) и покровитель эллинизма, т. е. рабовладельческой знати эллинистических городов. Чужеземцам, насильственно переселённым в Армению, он разрешил вернуться на родину; везде, где это было нужно римлянам, он восстанавливал свергнутые Тиграном династии.

Намереваясь довершить покорение Армении, Лукулл в 68 г. двинулся на Арташат. Однако, как только он вступил на территорию внутренних областей Армении, положение в корне изменилось. В стране началась народная война против римлян. Попытка Лукулла покорить Армению окончилась неудачей. Вскоре в связи с борьбой политических группировок в Риме Лукулл был отозван. В начале 66 г. его преемником был назначен Помпей.

Обострение противоречий внутри Армении и подчинение её Риму

В Армении знать к этому времени начала тяготиться деспотической властью Тиграна. Против Тиграна неоднократно составлялись заговоры, во главе которых становились обычно его сыновья, как ближайшие претенденты на престол.

В начале 66 г. его младший сын Тигран с несколькими представителями знати бежал в Парфию. Парфянский царь Фраат III, воспользовавшись внутренними смутами в Армении, сделал попытку вернуть земли, некогда захваченные Тиграном II, вторгся в Армению и осадил Арташат.

После того, как наступившая зима заставила Фраата удалиться, Тигран II нанёс поражение войскам Тиграна Младшего. Тогда Тигран Младший обратился за помощью к Помпею, который, преследуя Митридата, вступил в это время в Колхиду. Римское войско перешло из долины Фасиса в долину Аракса и появилось в Армении.

Положение Тиграна II стало безвыходным. Бороться без союзников с двумя сильнейшими державами — с Римом и Парфией — он не мог, тем более что и внутри Армении его власть заколебалась. Если во время похода Лукулла против Тиграна открыто выступали только иноземцы, насильственно переселённые в Армению, то теперь восстала и часть армянской знати, выразителем интересов которой являлся Тигран Младший. Тиграну II пришлось идти на соглашение с Помпеем. В Арташате в 66 г. был заключён договора по которому в руках Тиграна оставались Армянское нагорье и часть земель, захваченных у Парфии. Кроме того, он получил восточную часть Малой Армении, принадлежавшей до того Митридату VI. Сирия, Коммагена и Киликия попали под власть Рима. Тигран уплатил 6 тыс. талантов контрибуции и был провозглашён «другом и союзником римского народа», т. е. фактически лишился возможности вести самостоятельную внешнюю политику. Чтобы ещё более ослабить Армению, Помпей выделил из неё Софену, которая вначале была отдана Тиграну Младшему, а потом, когда Тигран Младший оказался недостаточно послушным Помпею, была передана царю Каппадокии.

Так под влиянием внутренних противоречий и ударов римской агрессии рухнула переднеазиатская держава Тиграна II. Сохранилось лишь зависимое от Рима Армянское царство, границы которого были сильно урезаны.

Культура и религия Армении

Специфические черты социально-экономического и политического развития Армении в III—I вв. до н. э. нашли своё отражение в армянской культуре. Со времени господства Ахеменидов в Армении шёл процесс иранизации армянской официальной религии. В качестве главного божества почитался Арамазд — иранский Ахурамазда. Среди богинь на первое место выдвинулась иранская (бактрийская) Анахита, покровительница вод, образ которой слился на территории Армении и Малой Азии с образами малоазийских богинь плодородия. Из богинь древнего армянского пантеона наибольшее значение сохранила Астлик. Отправление культа находилось в руках жрецов, которые пытались монополизировать в своих руках и литературу. Они изобрели особого рода тайнопись и писали с её помощью храмовые книги и летописи.

При Тигране в связи с его общей политикой армянская знать стала испытывать культурное влияние эллинизма. Бежавшие от римлян представители эллинистической культуры находили убежище при дворе Тиграна. Таковы были изгнанный из Афин ритор и писатель Амфикрат, историк и философ Метродор Скепсийский, которого Плиний называет «ненавистником римлян». Эллинистическая культура всё больше и больше входит в быт армянской знати. По сообщению Плутарха, Артавазд II, сын Тиграна, писал на греческом языке трагедии, речи и исторические труды. Боги армянского пантеона начинают отождествляться с греческими: так, Арамазда отождествляют с Зевсом, Астлик — с Афродитой и т. д. Города Армении обстраиваются зданиями в греческом стиле. В храмах воздвигаются статуи богов и обожествлённых царей.

Однако ни придворная эллинистическая культура царей и знати, ни жреческая культура с её тайными письменами, находившаяся под сильным влиянием Ирана, не проникали в толщу народных масс. Народ прочно сохранял свои древние культы и обряды, прежде всего культ умирающего и воскресающего бога природы Ара Прекрасного. Рядом с придворным эллинистическим театром существовал народный театр. В народе слагались эпические сказания, отражавшие борьбу армянского народа за независимость.

5. Бактрия и Парфия в III—I вв. до н. э.

Средняя Азия в системе держав Александра Македонского и Селевкидов

По сравнению с западной половиной бывшей державы Ахеменидов влияние эллинизма в Восточном Иране и Средней Азии оказалось значительно менее прочным, и реакция местного населения против македонских завоевателей проявилась здесь ранее, чем на Западе. При Александре македонское господство в среднеазиатских сатрапиях держалось на союзе завоевателей с местной знатью и на военной оккупации важнейших стратегических пунктов. Эту последнюю функцию выполняли военные колонии — многочисленные Александрии, основанные в Восточном Иране и Средней Азии. Когда известие о смерти Александра пришло в Среднюю Азию, немедленно восстали эллины-колонисты, не желавшие нести опасную гарнизонную службу в отдалённом краю, В количестве 23 тыс. они бросили колонии и двинулись на запад. Македонскому полководцу Пердикке удалось их обезоружить и уничтожить, однако после этого численность гарнизонов в восточных сатрапиях значительно сократилась. Борьба наследников Александра между собой подорвала союз завоевателей с местной знатью; народ с трудом сносил македонское господство. С севера восточным сатрапиям угрожали кочевники, под их ударами пала Александрия Маргиана.

После окончательного распада империи Александра первым царям династии Селевкидов удалось на некоторое время установить господство над среднеазиатскими областями.

Включение Средней Азии в состав державы Селевкидов сопровождалось эллинской колонизацией, укреплением торговых связей со Средиземноморьем, развитием, хотя и в очень ограниченной степени, денежного хозяйства. Средняя Азия всё сильнее вовлекалась в систему отношений, господствовавших в эллинистическом мире. Эллинизация страны была связана с усилением эксплуатации народных масс; тонкая греко-македонская прослойка жила фактически за счёт широких слоев местного крестьянства, что возбуждало острое его недовольство. Местная знать, отстранённая завоевателями от власти, также была недовольна. Распространение эллинистической культуры в Средней Азии было сравнительно поверхностным. Как только события на западных границах и династические распри отвлекли внимание Селевкидов от восточных сатрапий, среднеазиатские области, слабо связанные с центром и упорно сопротивлявшиеся греко-македонскому завоеванию отпали.

Образование Греко-Бактрийского и Парфянского царств

Около 250 г. до н. э. от Селевкидов отложился бактрийский наместник Диодот. Правда, он не сразу порвал *с* государством Селевкидов и некоторое время признавал себя формально от него зависимым. Однако, по существу, Бактрия, а также другие среднеазиатские области, входившие в обширное наместничество Диодота, были окончательно потеряны для Селевкидов. Его сын Диодот II уже открыто провозгласил себя царём. Примеру Диодота последовал Эвтидем, наместник Согдианы или, как полагают другие, Маргианы и Арейи. Эвтидем, по-видимому, стал в подчинённое положение к Диодоту. И Диодот и Эвтидем были эллинами и опирались в первую очередь на эллинских воинов, но возможно, что они находили поддержку и у иранской знати, которая предпочитала их Селевкидам.

Иной характер имело восстание в Парфии. Оно вылилось в широкое народное движение против иноземных завоевателей.

Парфией называлась область, расположенная к юго-востоку от Каспийского моря и отделённая от него Гирканией. Территория Парфии тянулась от северо-восточных окраин Великой Соляной пустыни до южных склонов Копет-Дага и пустыни Кара-Кум. На востоке границей Парфии, вероятно, являлось нижнее течение реки Герируда (Теджена). Таким образом, северная часть Парфии совпадает с территорией южных областей Туркменской ССР. Позднее название «Парфия» распространилось на всю территорию державы Аршакидов.

Восстание в Парфии, начавшееся около 250 г. до н. э., было поднято против греко-македонского господства местными племенами под руководством местной знати.

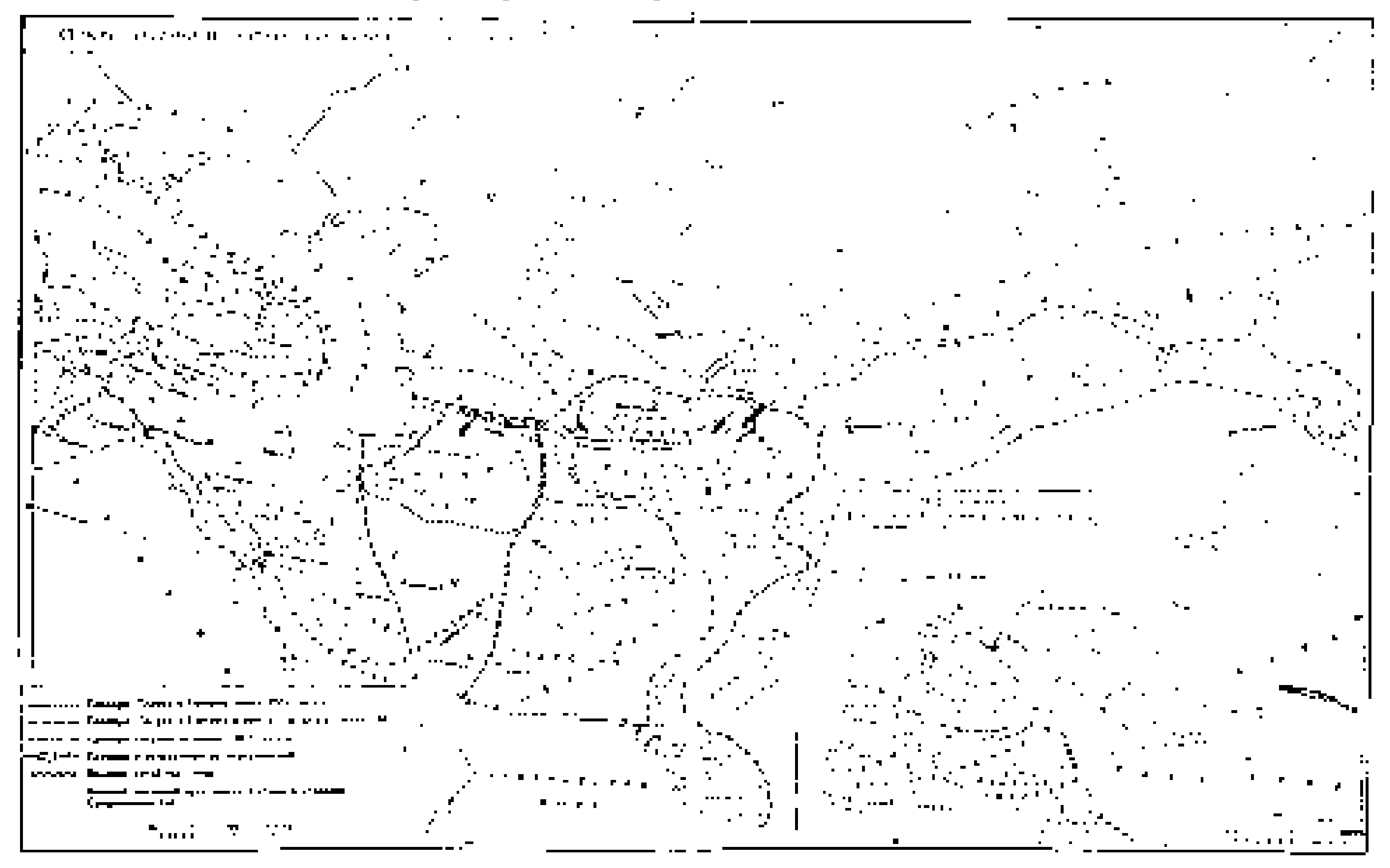
Сохранились три версии рассказа о создании в Парфии самостоятельного государства. Несмотря на легендарность и противоречивость этих рассказов, в них есть рациональное зерно. Все они говорят о движении местных племён против иноземного ига. Историчность называемого источниками вождя восстания Аршака не раз подвергалась сомнению. Первым царём Парфии должен, по-видимому, считаться не он, а Тиридат, принявший при воцарении имя Аршака. Тиридат провозгласил себя царём, очевидно, в 247 г. до н. э.; с этого года ведёт свое начало принятое в парфянском Иране летоисчисление — аршакидская эра. Весьма значительную роль в этом движении, по-видимому, сыграли племена парнов—даев, или дахов, кочевавшие в закаспийских степях и у дельты Аму-Дарьи и входившие в состав большого союза кочевых и полукочевых племён, называемых массагетами. Связь утвердившейся у власти новой парфянской династии с этими племенами не подлежит сомнению. Их, вероятно, поддерживало и оседлое население земледельческих оазисов.

Селевкидские цари не могли сразу заняться восстановлением своей власти в восточных сатрапиях. Их отвлекали борьба с Египтом и династические распри, и только в 238 г. до н. э. Селевк II оказался в состоянии выступить в восточный поход. Тиридат не смог оказать сопротивления Селевку и бежал к кочевому племени апасиаков, жившему у берегов Аральского моря. Решительный перелом в ходе войны произошёл после выступления в союзе с Тиридатом Диодота II. Не вступая в сражение, Селевк вынужден был спешно возвратиться в Сирию в связи с династическими раздорами.

Бактрия во второй половине III в. и во II в. до н. э.

После отступления Селевка II положение новых царств сильно укрепилось. В Бактрии вскоре власть захватил Эвтидем, свергнувший Диодота II. Его поддерживала господствовавшая в Бактрии греко-македонская знать, недовольная сближением Диодота с парфянами. При Эвтидеме была предпринята новая попытка Селевкидов вернуть отпавшие сатрапии. Антиох III, разбив парфян и принудив парфянского царя Артабана I, сына Тиридата, признать себя зависимым от Селевкидов, в 208 г. нанёс поражение коннице Эвтидема и осадил столицу Бактрии. Осада длилась около двух лет. Только в 206 г. между Антиохом и Эвтидемом было заключено соглашение: Эвтидем сохранил царский титул, но, подобно парфянскому царю» признал себя зависимым от Антиоха.

Страны Передней и Центральной Азии в III—II вв. до н. э.



При преемниках Эвтидема происходит постепенное перемещение центра Греко-Бактрийского царства с севера на юг. Сын и преемник Эвтидема Деметрий (187— 184) завоевал Арейю, Арахосию, Драгиану, Парапамисады и Северо-Западную Индию. Это было время наибольшего территориального расширения Греко-Бактрийского царства.

Относительно хозяйственного и общественного строя Бактрии мы располагаем лишь скудными, отрывочными сведениями.

Монеты греко-бактрийских царей: 1 и 5—Эвтидема, 2 и 4—Эвкратида, 3—Антимаха, 6— Деметрия.

На территории Бактрии существовали различные типы хозяйства: наряду с ирригационным земледелием в наиболее плодородных частях страны значительное развитие получило и скотоводство, особенно коневодство. В Бактрии и Согдиане в небольшом количестве добывалось золото.

Основную массу эксплуатируемого населения составляли, по-видимому, свободные крестьяне и рабы. Над ними стояла бактрийская и согдийская знать, сохранившая свои привилегии и под греко-македонским владычеством, но устранённая от управления государством. Ещё выше стоял узкий слой завоевателей — греков и македонян,—состоявший из придворной знати, воинов, жителей эллинистических городов. Именно они, несмотря на свою малочисленность, распоряжались судьбами Греко-Бактрийского царства. Попытки царей сблизиться с местной знатью неоднократно парализовались греко-македонской военной «кастой», не желавшей делиться властью с «варварами-азиатами».

Армия греко-бактрийских царей помимо греко-македонского ядра состояла из конницы, вербовавшейся из представителей местной знати, и вооружённой луками пехоты, в которой служили рядовые свободные люди. Кроме того, применялись колесницы и боевые слоны.

Несмотря на малочисленность слоя греко-македонских завоевателей, эллинизация восточных областей Ирана и Средней Азии продолжалась и после низвержения владычества Селевкидов. Греко-бактрийские цари по примеру других эллинистических монархов основывают новые города или преобразовывают в полисы местные поселения. Известны города, названные в честь царей Эвтидема, Деметрия, Эвкратида. Города способствовали развитию рабовладения и разложению примитивных общественных отношений. Они были важны для царей и как стратегическая и как социальная опора их власти. Они были вместе с тем и торговыми центрами. Бактрия лежала на скрещении торговых путей, которые шли отсюда в Иран, Индию и Китай. Из Индии везли благовония, пряности и ткани, из Китая — шёлк, железо, никель и меха. Греко-бактрийские монеты находились в обращении далеко за пределами самого царства; они встречаются, в частности, на территории Восточной Европы.

Серебряная бляха (фалар) с изображением боевого слона.
Греко-бактрийская работа середины III в. до н. э.

Население северных областей Греко-Бактрийского царства говорило на различных иранских наречиях, в то время очень близких друг к другу. Китайский путешественник II в. до н. э. Чжан Цянь сообщает, что на всём протяжении от Давани (Ферганы) до Аньси (Парфии) язык повсюду один. То же говорит и Страбон применительно к Ирану. Наряду с греческим употреблялось и арамейское письмо, а позднее — различные виды индийского.

В религиозном отношении для Бактрии в большей степени, чем для других областей Ирана, характерно переплетение верований различных народов и племён. К элементам зороастризма, сочетавшимся с древними народными культами иранских богов Анахиты и Митры, добавлялись греческие культы, элементы индийской ведической религии, сохранившейся у племён Пенджаба, и, наконец, буддизм.

То же самое характерно и для греко-бактрийского искусства. Основа его была местная— среднеазиатская и иранская, но на этой основе эллинистические элементы переплетались с элементами индийского и даже китайского искусства. Замечательными памятниками греко-бактрийского искусства являются изделия из золота и серебра чеканной работы, украшенные рельефными изображениями культовых и бытовых сцен.

Распад Греко-Бактрийского царства и завоевание Бактрии тохарами

Социальная база царской власти в Бактрии была крайне узка. Греко-македонская знать рассматривала среднеазиатские области в основном как объект эксплуатации. Это в значительной мере и определило внутреннюю слабость Греко-Бактрийского царства. Огромная держава, составленная из органически не связанных между собой частей, уже при Деметрии начинает распадаться. Сыновья Деметрия, назначенные им правителями отдельных областей, чеканили монеты как независимые цари. Около 175 г. до н. э. в Бактрии произошло восстание Эвкратида, провозгласившего себя царём. За Деметрием остались в

основном индийские владения. Вскоре от Бактрии отделилась Согдиана, вошедшая позднее в состав Хорезма. Примерно в это же время парфянский царь Митридат I захватил Маргиану. Около 162 г. Эвкратид двинулся на завоевание Индии, где власть к этому времени перешла уже к наследникам Деметрия, и захватил значительную часть их владений. При преемнике Эвкратида раздроблённое и ослабевшее Греко-Бактрийское царство пало под ударами кочевников.

У кочевавших к северу от Греко-Бактрийского царства массагетских племён формировались в это время племенные союзы, и они становились всё более опасными противниками греко-бактрийских царей. Уже Эвтидем в переговорах с Антиохом говорил об огромных полчищах номадов, готовых двинуться на завоевание эллинистических областей Ирана. Завоевателями Бактрии были, по китайским источникам, юэчжи, представлявшие собой, видимо, союз массагетских кочевых племён. Часть племён, входивших в массагетский племенной союз, во главе с племенем асиев, или асианов (некоторые исследователи отождествляют их с усунями —племенем, возможно, тюркского происхождения), совместно с оседлыми восточной райскими племенами Средней Азии вторглась между 140 и 130 гг. до н. э. в Бактрию, разгромила эллинистическое Греко-Бактрийское государство и осела на его территории.

Важнейшим из осевших на территории Бактрии племён было племя тохаров, в связи с чем эта страна несколько позже получила наименование Тохаристана. Основная часть тохаров обосновалась к северу от Аму-Дарьи. Здесь находилась и резиденция верховного владетеля.

Серебряная чаша с изображением свадебных обрядов.
Греко-бактрийская работа III в. до н. э.

Завоеватели частью осели на землю и смешались с местным земледельческим населением, частью продолжали оставаться кочевниками. Китайские источники рисуют Тохаристан как страну с довольно многочисленным земледельческим населением, с высокоразвитой торговлей.

Если у тохаров и существовало единое государство, то только в первое время после завоевания Бактрии. В дальнейшем Тохаристан распадается на несколько небольших царств. По китайским известиям, каждый город имел своего князя, причём всего насчитывалось пять княжеских домов. Важнейшим из тохарских княжеств было княжество племени кушанов.

К востоку от Бактрии, на территории Северо-Западной Индии, сохранились мелкие греко-индийские царства, управлявшиеся потомками Эвтидема и Эвкратида.

Укрепление Парфии во II в. до н. э.

В то время как Греко-Бактрийское царство всё более слабело и, наконец, рухнуло под ударами кочевых племён, Парфия постепенно усиливалась и к концу II в. до н. э. превратилась в могущественную переднеазиатскую державу.

В середине II в. до н. э. от ослабевшей Селевкидской державы отпали западные районы Ирана, и на этой территории образовалось несколько самостоятельных

государств, возглавлявшихся представителями местной знати. Так, самостоятельными стали Элимаида, Харакена в низовьях Тигра и Евфрата, Мидия Атропатена, а затем и Персида.

Парфяне в царствование Митридата I (171—138/37) перешли в наступление на своих соседей. Митридат в упорной борьбе завладел Мидией (около 155 г. до н. э.). Завоевание Мидии открыло парфянам путь в Месопотамию. Понимая всю гибельность для Селевкидов потери Месопотамии, Деметрий II оказал Митридату упорное сопротивление. Однако царство Селевкидов уже не могло противостоять натиску Парфии, тем более что местные жители приветствовали в ряде случаев приход парфян, считая их избавителями от греко-македонского ига.

Согласно данным клинописных документов, Митридат I в 141 г. до н. э. занял Селевкию на Тигре, важнейший эллинистический полис в Месопотамии и главный оплот Селевкидов, и вслед за тем был признан царём Вавилонии.

Зимою того же года Митридат, однако, был вынужден поручить дальнейшее ведение кампании наместнику, а сам отправился в Гирканию. Быстрый и неожиданный отъезд царя на восток свидетельствовал о серьёзных осложнениях, возникших в связи с передвижениями кочевников Средней Азии. Борьба с новой волной кочевников приобрела столь острые формы, что Митридат все последние годы своего царствования провёл на восточных границах своих владений.

Деметрий, узнав о затруднениях парфян, предпринял попытку вернуть Вавилонию, надеясь, по-видимому, найти опору в эллинских и эллинизированных элементах городского населения. Но после кратковременных успехов он был разбит парфянами и попал в плен. В то же время парфяне, по-видимому, окончательно подчинили себе Элимаиду, и сокровища сузианских храмов значительно пополнили парфянскую казну. Таким образом, к концу царствования Митридата I Парфянская держава уже охватывала значительные районы юго-запада Средней Азии, почти весь Иран и всю Месопотамию.

Селевкиды сделали последнюю попытку восстановить своё господство в Азии. Антиох VII Сидет около 130 г. до н. э. предпринял поход против парфян. Он сумел собрать сильное войско и нанести ряд поражений парфянским полководцам. Ободрённое успехами Антиоха, эллинистическое население Селевкии на Тигре убило парфянского наместника и перешло на сторону Селевкидов. Войска Антиоха победоносно продвинулись в Мидию. Парфянский царь Фраат II начал переговоры о мире, но условия Антиоха оказались для парфян неприемлемыми. Восстание против Антиоха, вспыхнувшее одновременно по всей Мидии и поддержанное парфянами, привело к гибели селевкидских гарнизонов и самого Антиоха Сидета (129 г. до н. э.).

Захват парфянами во второй половине II в. до н. э. экономически наиболее развитых районов Передней Азии и основных торговых путей, связывавших Западную и Восточную Азию, способствовал усилению и обогащению Парфянской державы. К концу II в. до н. э. устанавливается так называемый «великий шёлковый путь» между Китаем и Средиземноморьем. Парфяне держали в своих руках большую часть этого пути и извлекали огромные доходы из посредничества между Западом и Востоком.

Борьба Парфии с кочевниками Средней Азии и расширение её владений на Западе

В это время на Востоке развернулись события, начавшиеся, вероятно, ещё при Митридате I и грозившие гибелью Парфянскому царству. Около середины II в. до н. э. произошли большие передвижения среднеазиатских кочевников. Старые соседи оседлых народностей Средней Азии и Восточного Ирана — кочевые племена, входившие в племенные союзы массагетов и саков, стали двигаться в двух направлениях: юго-западном и юго-восточном. Причина такого энергичного устремления на юг сако-массагетских племён ещё недостаточно ясна. Существенную роль тут, очевидно, сыграли передвижения больших масс кочевников в глубине азиатского материка, которые привели к борьбе между гуннским и массагетским племенными союзами. Часть массагетских племён, потерпев

поражение, вынуждена была отступить на юго-запад. Восточная ветвь массагетов сыграла решающую роль в разгроме Греко-Бактрийского царства. Западная ветвь кочевников, состоявшая в основном из сакараваков и апасиаков, устремилась на восточные владения парфян.

Бронзовая сакская курильница с фигурками львов и верблюдов.
V—III вв. до н. э.

Хотя сакам в их набегах удавалось достигать Месопотамии, всё же северные кочевники были остановлены и оттеснены на юг. Справиться с саками удалось лишь Митридату II (123—88/7). При нём парфяне путём немалых усилий отклонили основную ось движения саков на юг, в результате чего они стали оседать в древней Дрангиане, вокруг озера Хамун и дальше на восток — в Арахосии. Эта территория с тех пор стала называться Сакастаном, ныне Сеистан, Систан. Вскоре там образовались самостоятельные царства, распространившие свою власть на юго-восточные районы Ирана и северо-западные районы Индии.

Таким образом, в конце II в. до н. э. парфяне добились укрепления своих границ на востоке, сумели оттеснить саков и даже в какой-то мере поставили их в зависимость от себя. Как далеко на восток простирались владения Митридата II, сказать трудно. Существует мнение, что около 115 г. до н. э. парфяне захватили Мервский оазис и с тех пор прочно его удерживали в течение многих лет. В этом случае границей парфянских владений следует считать Аму-Дарью.

Упрочив своё положение на востоке, Митридат II решил продолжить продвижение на запад, начатое ещё его предшественниками. Следующий удар парфян был направлен на Армению, занимавшую исключительно важное стратегическое положение в Передней Азии. Около 94 г. до н. э. Митридату II удалось посадить на престол в Великой Армении Тиграна II и тем самым на некоторое время усилить своё влияние в части Малой Азии и Закавказье. Затем Митридат повёл наступление на царство Селевкидов, сократившееся к тому времени до пределов одной только Северной Сирии. Парфяне стали вмешиваться в дела Селевкидов, поддерживая то того, то другого претендента на престол. Западной границей парфянских владений стал Евфрат. Кое-где парфяне вышли даже в Парапотамию, т. е. в область к западу от Евфрата.

Общественный строй Парфянского царства

Как и другие государства древности, Парфянское царство отнюдь не было монолитным целым. Наряду со старыми культурными областями с высокоразвитым сельским хозяйством, ремеслом и торговлей, уже много веков знавшими развитый рабовладельческий способ производства, подобно Вавилонии, которая со II в. до н. э. стала экономическим и политическим центром Парфянского царства, в состав его входили

горные области Западного Ирана, населённые отсталыми охотничьими племенами, и полупустынные области Прикаспия, где обитали кочевые племена дахов, находившихся на весьма низкой ступени общественного развития.

Особое место в Парфянском государстве занимали его коренные среднеазиатские территории. Здесь находились области с развитым земледелием (важнейшей из них была Маргиана), рядом с которыми продолжали жить кочевые племена с весьма примитивным общественным строем. Положение среднеазиатских областей в державе Аршакидов было двойственным: с одной стороны, они продолжали пользоваться вниманием царей, как колыбель династии (в Нисе находились царские усыпальницы) и как области, дававшие отличных воинов, с другой—центр Парфянского государства переместился в период расцвета державы Аршакидов далеко на запад, в Месопотамию, и среднеазиатские области превратились в далёкую окраину.

Судя по скудным данным, относящимся ко II—I вв. до н. э., основной хозяйственной ячейкой в земледельческих районах была сельская община формально свободных земледельцев. Согласно документам I в. до н. э. из иранского Курдистана (Западной Мидии) о продаже виноградников, надел или часть надела общинника могли быть проданы, на что, однако, требовалось согласие соседей. Покупатель этого надела становился полноправным членом общины и давал обязательство исправно обрабатывать землю. Невыполнение этого обязательства грозило общиннику большим штрафом. Государство в целях получения налогов обязывало общину в целом и её отдельных членов обрабатывать землю, создавая нечто вроде круговой поруки и препятствуя уходу члена общины со своего участка земли.

Значительную долю земли в государстве составляли царские земли, имевшие специальное управление; доход с этих земель поступал в царскую казну. Имелись ещё крупные земельные угодья, принадлежавшие парфянской и местной знати. Так, род Карен владел обширными землями в Мидии, род Сурен, давший Парфии несколько видных государственных деятелей и полководцев, владел землями в восточной части державы. Как обрабатывались эти земли, точно неизвестно, однако есть основания предполагать, что в таких имениях эксплуатировался труд рабов.

В более позднем иранском судебнике употребляются два термина для обозначения двух категорий рабов: *бандак,* означающий рабов вообще, и *аншахрик,* означавший вначале рабов-военнопленных, а позднее — рабов, посаженных на землю и пользовавшихся некоторой хозяйственной самостоятельностью. Источниками пополнения рабов служили войны, а также долговая кабала. До нас дошёл один такой кабальный договор.

Помимо знати крупными владельцами земли были храмы различных культов, обладавшие немалым числом рабов.

Роль городов

Городская жизнь в Парфянском царстве была развита слабее, чем, например, в Восточном Средиземноморье, однако и в западных областях царства и на восточных его окраинах существовали крупные городские центры. На территории северо-восточных областей Парфии наиболее крупными городами были Ниса (недалеко от современного Ашхабада), Антиохия Маргиана, Гекатомпил.

Антиохия Маргиана — крупный эллинистический город в середине богатого оазиса (ядро античного города находилось на месте современного городища Гяур-кала) — была значительным центром ремесла и торговли. Вооружение парфянских всадников в битве при Каррах (53 г. до н. э.) было сделано, по свидетельству Плутарха, из «маргианского железа»; так как на территории Маргианы нет железной руды, то речь может идти лишь об изделиях маргианских ремесленников. В городе имелись специальные ремесленные кварталы. Это показывает, что процесс выделения ремесла из сельского хозяйства зашёл в Маргиане дальше, чем в

некоторых соседних областях Средней Азии, где выделение ремесленников происходило лишь внутри родовых общин.

Политическая структура городов Парфянского царства некоторыми своими чертами напоминает структуру эллинистического полиса. В буржуазной науке распространено мнение, что полис в Азии существовал лишь со времени и в результате греко-македонской колонизации, что самоуправляющиеся городские общины с институтами, характерными для полиса, имелись на Востоке лишь там, где было компактное греко-македонское или сильно эллинизированное население. Однако восточный полис парфянского времени, вероятно, генетически связан не только с эллинскими полисами Малой Азии и материковой Греции, но и с древними самоуправляющимися городскими общинами Месопотамии, Сирии и Палестины. Поэтому возможно, что такие городские общины существовали независимо от греко-македонского влияния и в Иране и в Средней Азии. С другой стороны, конечно, нельзя отрицать существования в Парфии и эллинизированных городов, таких, как, например, Селевкия на Тигре, население которой было оппозиционно настроено к парфянским царям. К тому же типу городов относится и семитическая по большинству своего населения, но сильно эллинизированная Дура-Эвропос на Евфрате. Институты, характерные для полиса, наблюдаются и в городах, существовавших задолго до прихода греков на Восток и имевших совсем иные традиции (Сузы, Вавилон).

Письмо парфянского царя Артабана III городу Сузам, датированное 21 г. н. э., проливает некоторый свет на взаимоотношения городов с царской властью. В этом письме царь утверждает состав городского совета, члены которого, вопреки городской конституции, были избраны вторично. Парфянские цари, когда им это было нужно, вмешивались, по-видимому, во внутреннюю жизнь городов и ставили туда в качестве городских магистратов угодных им лиц.

Не только Антиохия Маргиана, но и ряд других городов Парфии являлись важными центрами ремесленной промышленности, изделия которой, как показывают археологические раскопки, отличались высоким качеством. Социальное положение непосредственных производителей, занятых в ремесле, недостаточно известно. Есть основание предполагать, что в ремесленном производстве был распространён труд рабов.

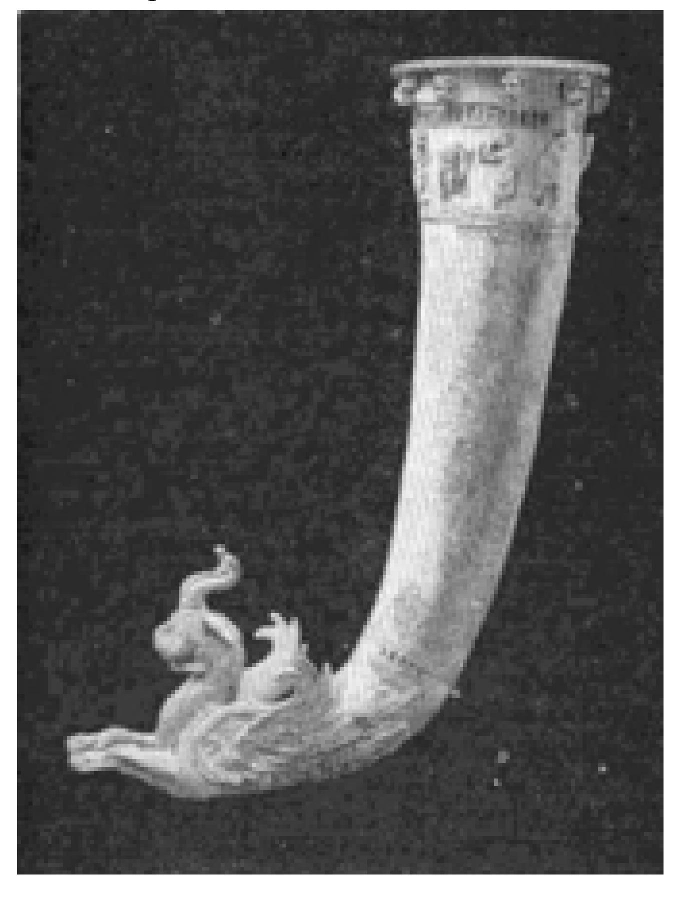
В Парфянском царстве существовали также городские поселения другого типа — это были укреплённые резиденции царей и правителей областей. К таким поселениям относятся: Ктесифон — столица Парфянского царства, возникшая на Тигре, напротив эллинистической Селевкии; Ниса—святилище и усыпальница парфянских царей.

Государственное устройство

Государственное устройство Парфянского царства известно пока ещё очень мало. Царская власть принадлежала дому Аршакидов, хотя иногда появлялись претенденты на престол, не имевшие с ним связи. Узаконенного порядка престолонаследия, по-видимому, не существовало, что часто вело к ожесточённой борьбе за власть. Наиболее привилегированное положение в государстве занимали семь знатных родов (Сурен, Карен и др.), сохранившие своё значение и после гибели Парфянского царства. Большое значение в управлении государством имели находившиеся при царе совет из родовой знати и совет из жрецов. В войске главную роль играла, по-видимому, конница, тяжёлая и лёгкая. Тяжёлую конницу в основном поставляла, вероятно, знать, а лёгкую — союзные кочевые племена. Пехота играла лишь вспомогательную роль.

Система провинциального управления также плохо известна. Многие княжества сохраняли своих правителей, если те выражали покорность парфянам. В отвоёванных у Селевкидов областях, вероятно, осталась старая система деления на области — сатрапии, которые в свою очередь делились на гипархии и *эпархии.* Однако парфянские сатрапии территориально не совпадали с селевкидскими, будучи значительно меньше и компактнее этих последних. Эпархия, а иногда, как

показывает некоторые документы, и гипархия делились на *статмы,* объединявшие по несколько селений. Первоначально статмами назывались станции государственной почты на важнейших путях. Они являлись местопребыванием гарнизонов, а затем, возможно, стали низовыми единицами административного деления. Из среды высшей знати назначались, особенно когда политическая обстановка осложнялась, соправители царя. Известен ряд случаев, когда такие соправители назначались в западные области, если царь был занят чем-нибудь на востоке. Во главе сатрапий стояли назначаемые царём сатрапы или *нахвадары.* Стратегически важные области возглавляли специальные наместники — *питиахши,* превосходившие своей властью сатрапов. Крупными чиновниками - администраторами были и «начальники крепостей». Города, имевшие полисное устройство, сохраняли своё самоуправление, но в них сидели царские эпистаты.



Ритон из слоновой кости. Городище Старой Нисы. III—II вв. до н. э.

Недавно найденные части архива царского заповедника в Нисе дают некоторое представление об административном и налоговом аппарате державы Аршакидов в I в. до н. э. В ряде документов из этого архива упоминается о сборах с царских, храмовых и, возможно, общинных виноградников. Сбор этот взимался натурой — вином, причём поступление вина строго учитывалось. В документах упоминаются различные чиновники царской администрации.

Культура и религия Парфии

Единого языка в Парфянском царстве не было. Каждая народность, каждое племя говорили на своём языке. Иранское население говорило на двух группах диалектов: северо-западной и юго-западной. В государстве Аршакидов парфянский язык, относящийся к северо-западной группе и близкий мидийскому, стал государственным языком.

Для нужд государственного аппарата использовались языки и письменность, чуждые большинству населения, но получившие широкое распространение в Передней Азии в I тысячелетии до н. э. Единства здесь, впрочем, тоже не было. В некоторых городах Месопотамии, где ещё жила старая традиция, применялась вавилонская клинопись. Широко были распространены, особенно в городах, а также вообще в западных областях царства, греческие язык и письменность. На греческом языке составлены юридические документы из сельской местности в Мидии (в современном Курдистане), на греческом же языке царь переписывался с городами. Для периода расцвета Парфии (во II—I вв. до н. э.) характерно усиление эллинистического элемента в империи и усвоение административной практики эллинистических монархий.

Наряду с греческой письменностью применялась и арамейская. Арамейское письмо и арамейский язык получили повсеместное распространение в Азии и Египте в ахеменидское время в качестве канцелярского языка. По-видимому, около IV—III вв. до н. э. буквы арамейской письменности стали применяться и в других языках. В этом виде письменности целые слова и выражения иногда писали по-арамейски, но при чтении подставляли их эквивалент на местном языке. До нас дошло, в частности, свыше двух тысяч документов из Нисы, написанных на парфянском языке арамейским письмом (I в. до н. э.). По-видимому, парфянская письменность и литература имели широкое распространение, о чём можно судить по сохранившимся от более позднего времени скудным остаткам.

Искусство народностей и племён, входивших в состав Парфянского царства, известно нам также недостаточно. Только за последние годы советские археологи начинают раскрывать подлинный характер культуры и искусства народов, населявших коренные парфянские области. Каждая крупная народность, каждая группа племён, каждая область Парфии имела свои специфические черты в культуре и искусстве. Наряду с этим можно наблюдать и общие черты, появившиеся в результате сходного развития народностей и племён, входивших в состав Парфянского царства. Сильно эллинизированное искусство городов Передней Азии, обслуживавшее в основном господствующий класс, резко отличается от различных местных видов искусства. Эллинистические мотивы и технические приёмы проникают в это время далеко на восток: даже художественные изделия, находимые на территории северо-восточных областей Парфии, отражают эллинистическое влияние.

В архитектуре в разных областях были распространены различные приёмы строительства: на западе — обожжённый кирпич и камень, на востоке — сырцовый кирпич. Архитектурные формы в основном преобладали местные, однако в парадном строительстве имеются элементы, заимствованные из греческого искусства и затем по-своему переработанные.

Скульптура также была весьма разнообразна. На востоке, наряду с каменной эллинистической скульптурой, была распространена глиняная раскрашенная скульптура на деревянном каркасе, на западе каменная скульптура обыкновенно носила отпечаток переднеазиатских традиций. Наряду с монументальной скульптурой, отражавшей главным образом вкусы знати, бытовала и народная терракотовая пластика.

Существовала и монументальная живопись. До нас дошли фрагменты росписей из пограничного парфянского города Дура-Эвропос на Евфрате. Эти росписи из храмов разных культов лишний раз доказывают, что единого парфянского искусства не существовало и не могло существовать.

В области религиозной идеологии мы также не видим в Парфии единства. В Иране были распространены различные дуалистические религиозные учения, рассматривавшие мир как борьбу доброго начала во главе с богом Ормаздом и его «святыми бессмертными» духами и злого начала во главе с богом Ариманом и его демонами (дэвами). Эти учения, связанные с именем легендарного древнего пророка Заратуштры, не получили еще окончательного оформления. Позже они получили догматическую форму в признанных священными книгах «Авесты» и в таком виде известны под названием зороастризма. В Средней Азии в эти века были распространены местные религиозные культы, среди которых выделялись культы солнечного божества, носившего различные имена. Наряду с этим солнечным божеством почиталась великая богиня, девственница-мать, богиня плодородия, связанная с водою, что особенно понятно на Востоке, где плодородие почвы всецело зависит от орошения. Местные культы в Средней Азии сливались с культом зороастрийских божеств.

Для верхушки парфянского общества был также характерен синкретизм, выражавшийся в слиянии местных и эллинских божеств. Вообще аршакидские цари отли-

чались широкой веротерпимостью, в отличие от более поздней династии Сасанидов, которые были ревностными поборниками чистого зороастризма. В политических целях был обожествлён легендарный Аршак, родоначальник правящей династии. Существовало особое жреческое сословие — маги,— игравшее заметную роль в политической жизни.

Международное положение Парфии в I в. до н. э. Первые столкновения с Римом

Появление парфян в Месопотамии серьёзно обеспокоило римлян, которые к тому времени начали своё продвижение на Восток и вели упорную борьбу с Митридатом Понтийским. В 92 г. до н. э. Сулла, который должен был восстановить на престоле Каппадокии римского ставленника Ариобарзана, изгнанного армянским царём Тиграном, начал переговоры с парфянами. Неясно, пришли ли стороны к какому-нибудь соглашению, известно только, что парфянский посол Оробаз был впоследствии казнён за то, что не сумел дать отпор вызывающему поведению Суллы во время переговоров. Это было первое знакомство парфян с римлянами и их политическими методами на Востоке. Этот первый опыт, несомненно, содействовал временному сближению Митридата II со своими западными соседями — Митридатом Понтийским и Тиграном Армянским, однако парфяне ещё не понимали всей опасности, грозившей им со стороны Рима.

В последние годы царствования Митридата II (он умер, по-видимому, в 88/7 г. до н. э.) в Парфии происходили внутренние осложнения. В 91 г. власть в западных провинциях Парфянского царства захватил Готарз — по-видимому, бывший наместник Митридата. Вероятно, он воспользовался тем, что Митридат эти годы провёл на востоке, где также было неспокойно. В 88—85 гг. Тигран II отнял у парфян то «семьдесят долин», которые он вынужден был в своё время уступить Митридату II.

В 69 г. после разгрома армянских войск при Тигранакерте римские легионы придвинулись вплотную к границам Парфянского царства. Митридат Понтийский, находившийся в это время в отчаянном положении, обратился за помощью к парфянскому царю Фраату III (70/69—58/57). Римляне, понимая значение Парфии в предстоявшей борьбе, также стремились во что бы то ни стало добиться хотя бы нейтралитета Фраата III. Парфянский царь, по-видимому, готов был сохранить нейтралитет, чтобы выждать окончательных результатов борьбы в Малой Азии. Первоочередной задачей парфяне считали возвращение областей, захваченных Тиграном Армянским, римская же агрессия казалась им тогда делом не столь близкого будущего. Помпею, получившему командование римскими войсками на Востоке, удалось заключить с Парфией соглашение о нейтралитете. Но ход событий неумолимо втягивал Парфию в конфликт с Римом.

Парфянский царь попытался использовать распри, возникшие между Тиграном Армянским и его сыном Тиграном Младшим, однако не смог добиться успеха. После того как Тигран Младший не захотел выдать из находившейся в Софоне царской сокровищницы ценности, которые должны были идти в уплату наложенной на Армению контрибуции, Помпей захватил его в плен, а переданные ему ранее области присоединил к Каппадокии. Тогда Фраат III заявил протест римлянам по поводу пленения Тиграна Младшего, который приходился зятем парфянскому царю, и напомнил о соглашении между парфянами и Помпеем, согласно которому граница Парфянского царства устанавливалась по Евфрату. Свои требования парфянский царь подкрепил захватом Кордуены. Помпей ответил парфянам грубым отказом и приказал своему легату Афранию очистить Кордуену от парфянских войск. Это было, по-видимому, первое вооружённое столкновение между римлянами и парфянами (65 г. до н. э.), закончившееся изгнанием парфян из Кордуены.

К концу 60-х годов I в. до н. э. под властью Рима оказались все прибрежные районы Малой Азии и Восточного Средиземноморья (за исключением Египта), а более отдалённые от моря области этих стран были распределены между подчинёнными Риму царствами. В результате этого Парфия была отрезана от Чёрного и Средиземного

морей. На Евфрате непосредственными соседями Парфии оказались не только союзные Риму Армения, Каппадокия и Коммагена, но и римская провинция Сирия.

Тем временем в Парфии снова начались династические распри. Около 58/7 г. Фраат III был убит своими сыновьями, между которыми началась междоусобная борьба. Этими обстоятельствами и попытались воспользоваться римляне.

Поход Красса и его результаты

Весной 54 г. римские войска под командованием Красса вторглись в Месопотамию и заняли несколько городов. Оставив в занятых городах гарнизоны, Красс вернулся зимовать в Сирию. В распоряжении Красса было семь легионов, т. е. примерно 35 тыс. человек пехоты и 5 тыс. конницы, и несколько тысяч вспомогательных войск. Красс рассчитывал также на союзников: Артавазда II — царя Армении, Абгара — царька Осроены и арабского вождя Алхавдония.

В Парфии междоусобная борьба закончилась победой Орода (57 г. до н. э.). Под угрозой римского вторжения парфяне начали готовиться к отпору. Они были уверены, что римляне изберут путь через Армению, более длинный, но выводивший непосредственно в тыл Месопотамии, к жизненным центрам Парфянского царства и, кроме того, дававший возможность избежать нападений парфянской конницы, неспособной к действиям в горах. Поэтому царь Ород с основным парфянским войском вторгся в Армению, чтобы воспрепятствовать соединению Артавазда с римлянами, а оборона Месопотамии была поручена парфянскому полководцу Сурену, располагавшему только 11 тыс. конницы.

Но Красс, перейдя Евфрат у Зевгмы, вместо того чтобы двинуться вдоль Евфрата, как ожидали парфяне, решил пересечь пустынные степи Месопотамии, следуя за отходящей армией Сурена с целью нанести ей решительное поражение. 6 мая 53 г. возле города Карры римские легионы встретились с конницей Сурена.

Римляне построились в каре и были тотчас же окружены парфянской конницей, которая скакала на быстром аллюре вокруг каре, засыпая римлян стрелами. Первые попытки контратаки оказались безуспешными. Тогда Красс отдал приказ своему сыну Публию атаковать парфян значительным отрядом пехоты и конницы. Парфяне стали быстро отступать, желая завлечь Публия в степь и оторвать его от основных сил. Это им удалось. Римский военачальник, совершенно незнакомый с тактикой кочевников-степняков, поддался на обман и бросился вслед за отходящим противником. Как только отряд Публия отдалился от основных сил, парфяне бросились на него и истребили всех его воинов. Атаки парфян продолжались до темноты, а затем конница Сурена исчезла. Основное ядро римского войска отошло к Каррам под защиту крепостных стен.

Попытка Красса прорваться затем на север, во владения Артавазда, кончилась неудачей. Почти всё войско римлян во главе с Крассом погибло. Много римлян попало в плен и было поселено в далёкой Маргиане. Только квестору Кассию с небольшим отрядом удалось прорваться в Сирию. Гибкая, манёвренная тактика парфян принесла им полную победу. Отрубленную голову Красса парфянский полководец Сурен отослал в Арташат, где в это время находился в гостях у Артавазда парфянский царь Ород. Здесь, на сцене придворного театра, в ознаменование победы над Римом были поставлены сцены из «Вакханок» Эврипида: когда по ходу действия на сцену должны были внести голову Пентея, растерзанного вакханками, трагик Ясон вынес голову Красса ко всеобщему ликованию зрителей.

Победа парфян над Крассом имела для народов Востока большое значение. Она приостановила дальнейшее продвижение римлян на Евфрате, поколебала их положение в Малой Азии, Сирии и Палестине и установила ту систему политического равновесия между Римом и Парфией, которая с небольшими перерывами существовала вплоть до падения державы Аршакидов.

6. Племена и народы Центральной Азии

Кочевники Центральной Азии

Со второй половины I тысячелетия до н. э. в жизни Европы и Азии начинают играть всё большую роль кочевники Центральной Азии. Географические условия сильно тормозили развитие населявших эти области племён. От Дуная до Хуанхэ тянется пояс степей, переходящих в бедные водой пространства Внутренней Азии и бесплодные пустыни. В таких природных условиях и при том уровне развития производительных сил, какой характеризует эту эпоху, за пределами относительно небольшой территории оазисов кочевой образ жизни был единственно возможным. Перегоняя по обширным пространствам свои многочисленные стада, кочевники-скотоводы приспособились к окружавшим их природным условиям.

Особенно ценной для кочевников была лошадь, которая служила им для передвижения по огромным степным пространствам, а также давала молоко и мясо. Скот находился исключительно на подножном корму. Именно поэтому кочевники были вынуждены совершать постоянные передвижения — ежегодные переходы с зимних пастбищ на летние и обратно. Падёж скота, образование более глубокого снегового покрова или наста зимой были для кочевников стихийными бедствиями, они грозили им потерей стад, голодом и часто приводили к вооружённым столкновениям с соседями.

По языковой принадлежности древние кочевники Центральной Азии не были однородны. Они говорили на индоевропейских, финно-угорских, тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и тибето-тангутских языках. Большинство этих кочевых племён Азии во второй половине I тысячелетия до н. э., когда о них впервые появляются сведения в письменных источниках, находилось на стадии разложения первобытно-общинного строя. С одной стороны, у них сохранилась ещё родовая организация, с другой — появляется рабство, начинается имущественное расслоение среди свободных, выделяется племенная знать. В условиях кочевого быта формируется племенная собственность на землю, прежде всего на зимние и летние пастбища.

Кочевые племена Центральной Азии находились в постоянной борьбе между собой. Более слабые племена вытеснялись с лучших пастбищ более сильными и воинственными. Часто кочевники вторгались на территории с оседлым населением и подчиняли его своей власти. В ходе вторжений возникали крупные племенные объединения, превращавшиеся иногда в огромные «державы» кочевников.

Гунны

Первое крупное племенное объединение на территории Центральной Азии складывается ещё в конце III в. до н. э. у гуннов. Вскоре после своего возникновения оно начинает оказывать влияние на соседние страны — на Китай и Среднюю Азию.

Основные сведения о жизни и общественно-политическом строе гуннов дают китайские источники. Из археологических памятников особенное значение для характеристики быта гуннов имеют родовые могильники, содержащие погребения как знати, так и простых воинов. Такие могильники известны по раскопкам на территории Монголии (Ноин-Ула) и Забайкалья (Ильмовая падь и др.). В последние годы начались раскопки поселений гуннского времени в Забайкалье (Иволгинское городище и др.).

Территория, занятая гуннами, отличалась резко континентальным климатом. Жаркое лето, во время которого выгорала почти вся растительность, сопровождалось песчаными бурями, морозная зима — снежными буранами. На этих обширных пространствах гунны занимались кочевым скотоводством. Они разводили в первую очередь лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, а также верблюдов, ослов и лошаков. Скот был основным объектом меновой торговли с китайцами. Некоторую роль в хозяйстве гуннов играла и охота. На севере, в тайге, жили зависимые от

гуннов охотничьи племена; меха — один из основных продуктов их охоты — посылались в дар китайским императорам.

Наряду с этим в стране гуннов, хотя и в сильно ограниченной степени, существовало земледелие, связанное с оседлостью части населения в Северной Монголии и Южной Сибири. Согласно китайским источникам, подтверждаемым и данными археологии, единственной культурой, которая была известна гуннам, было просо. Оно, возможно, сеялось гуннами близ зимних стоянок, причём работали на полях, ве-

Макет погребального сооружения в кургане Ноин-Улы (Северная Монголия). Начало I в. н. э.

роятно, в основном военнопленные. Помимо этого в стране гуннов существовало земледельческое население — переселенцы из Китая; это население подчинялось гуннским вождям и, вероятно, доставляло им продукты земледелия. Тем не менее, в целом земледелие было развито крайне слабо, постоянно случались голодовки; китайские летописцы неоднократно сообщают о том, что Китай снабжал гуннов продуктами земледелия.

Известное развитие в стране гуннов получило ремесло. Из продуктов скотоводства — шерсти, кожи, кости, рога — делались различные предметы домашнего обихода. Существовали также гончарное производство и металлургия; в Забайкалье в гуннских поселениях встречаются железные шлаки. Гунны вели довольно оживлённую меновую торговлю с соседними земледельческими народами, но нередко добывали то, чего у них не хватало, при помощи грабежа или сбора дани с побеждённых.

Общественный строй гуннов можно определить как первобытно-общинный на стадии его разложения. В жизни гуннов большое значение имели родовые связи, на что указывает наличие экзогамии. По своей структуре «держава гуннов» представляла собой союз 24 племён, подразделявшийся на две части — восточную и западную. Каждое племя имело свою территорию, по которой оно и кочевало, совершая в течение года определённые передвижения. Во главе племён стояли вожди, съезжавшиеся три раза в год для совета и жертвоприношений; они осуществляли

ДРОМОС ЦАРСКОГО КУРГАНА БЛИЗ КЕРЧИ
IV в. до н. э. Современное состояние

ФРАГМЕНТ ХАНЬСКОГО ШЁЛКА С ВЫТКАННЫМ ПОЛИХРОМНЫМ РИСУНКОМ
Конец I в. до н. э.— начало I в. н. э. Ноин-Ула (Северная Монголия)

верховный суд, решали дела войны и мира, утверждали нового общего вождя поело смерти старого. Глава всего союза, судя по китайскому воспроизведению этого слова, именовался *«дзен'у»;* лишь впоследствии соответствующие китайские иероглифы стали произноситься *«шаньюй»,* как обычно называют гуннских вождей в исторической литературе.

В условиях постоянных войн и набегов в обществе гуннов деятельно шёл процесс имущественного расслоения. Среди гуннских погребений отчётливо выделяются более богатые и более бедные родовые кладбища. Особенно богаты погребения в Ноин-Уле; они были расположены близ ставки гуннских вождей и, возможно, принадлежали тому самому роду, из которого выходили дзэн'у (шаньюи) гуннского союза. В этих гробницах были найдены в большом количестве золото и серебро, китайские шёлковые материи и лаковые изделия. Наблюдаются следы имущественного неравенства и внутри родовых кладбищ (Ильмовая падь).

Китайская лаковая чашечка из курганов Ноин-Улы (Северная Монголия). Начало I в. н. э.

Важнейшим фактором разложения первобытно-общинного строя было рабство. Во время войн и набегов происходило массовое порабощение пленных. При набегах гуннов на Китай каждый раз уводились пленные, иной раз до 40 тыс. человек. Племенная знать, захватывая себе львиную долю пленных, получала возможность присваивать их прибавочный труд и таким образом непрерывно богатела, выделяясь тем самым из среды соплеменников. Наряду с внешними источниками рабства существовали и внутренние: в рабство обращались семьи преступников. В сложившихся условиях гунны не могли использовать большого количества рабов в своём кочевом хозяйстве. Часть рабов поэтому сажалась ими на землю: из них постепенно образовывалось зависимое земледельческое население.

Возникновение «державы гуннов»

Война играла в жизни гуннов огромную роль. Искусство конного боя достигло у них большой высоты. Конные отряды гуннов с воем налетали на неприятеля, обычно со всех четырёх сторон, осыпали его тучами стрел, а при непосредственном сближении с врагом пускались в ход копья и мечи. В военных успехах гуннов немалую роль сыграло перевооружение в конце III — начале II вв. до н. э. Гуннское войско превратилось в тяжёлую кавалерию, всадники которой носили латы. Военная организация гуннов также способствовала их победам. С одной стороны, наличие родовых и племенных связей придавало ей необыкновенную крепость, с другой — у гуннов уже сложилось деление войска на десятки, сотни и тысячи.

История «возвышения дома гуннов», по данным китайских источников, рисуется в следующих чертах. В 206 г. до н. э. Модэ, сын вождя гуннов Туманя, бывший до того заложником у племени юэчжи, убил своего отца и захватил власть над гуннами. В течение нескольких лет он подчинил своей власти соседние кочевые племена и затем двинулся против Китая. Высланное против гуннов китайское войско потерпело поражение. Модэ принудил китайского императора платить ежегодную дань.

Но и после этого набеги гуннов на Китай не прекращались. Пограничные с Китаем племена переходили на сторону гуннов. Китаю приходились систематически

откупаться от гуннов, но это не всегда помогало. Набеги гуннов на Китай сопровождались страшными опустошениями.

В результате завоеваний под властью гуннских дзэн'у оказалась огромная территория, простиравшаяся от Забайкалья до Тибета и от Восточного Туркестана (Синьцзяна) до среднего течения Хуанхэ. Границы её были неопределённы, так как отдельные области и племена то отпадали от гуннов, то вновь покорялись ими. Ядро гуннского племенного союза состояло из монгольских племён, но наряду с этим в него входили кочевые племена и другого происхождения: на западе — тюркские и даже, вероятно, иранские, на севере — тунгусо-маньчжурские. На юге современной Сибири в таёжной зоне гуннам, как уже указывалось, был подчинён ряд примитивно-земледельческих и охотничьих племён. На западе под властью гуннов находились одно время кочевые племена юэчжи и усуни. Оседлое население Синьцзяна платило гуннам дань.

Гуннский племенной союз сложился с невероятной быстротой и охватил огромные пространства, но внутренне он был весьма непрочным. В 20-х годах II в. в правление У-ди китайцы переходят в наступление на гуннов, наносят им ряд поражений и захватывают Ордос (область в излучине Хуанхэ). Китайцы создают большие конные армии и проникают далеко в глубь территории гуннов.

Китайское правительство использовало в борьбе с гуннами не только оружие. Оно организовывало восстания отдельных гуннских вождей, устраивало в ставке шаньюев придворные перевороты и даже создало в среде гуннской знати прокитайскую группировку. Продвижение Китая на северо-запад и на запад сопровождалось закреплением отвоёванной у кочевников территории цепью военных поселений. Сильному разгрому гунны подверглись в 119 г. В результате наступления Китая оседлое население Синьцзяна вышло из подчинения гуннам и частично признало власть Китая. В начале I в. китайцам удалось, наконец, склонить к разрыву с гуннами и усуней.

Усуни

Первоначальным местом расселения усуней была часть нынешней провинции Ганьсу, где они жили вперемежку с юэчжи. При одном из столкновений с юэчжи усуни были разгромлены, и основная масса племени отошла на северо-запад.

В I в. до н. э. кочевья усуней располагались между озёрами Балхаш и Иссык-Куль, захватывая и травянистые равнины Семиречья и горные пастбища Тянь-Шаня. В стране усуней было и довольно значительное оседлое земледельческое население, состоявшее из посаженных на землю рабов. Ремёсла – ткацкое, кожевенное, кузнечное, ювелирное — стояли у усуней довольно высоко. Наряду с местными ремесленниками встречались и выходцы из Китая Ремесло, однако не было отделено от сельского хозяйства. На границах своей территории усуни вели обмен с соседними странами, в связи с чем в усуньских курганах нередко встречаются предметы из Китая и Ирана.

Переселившись в Семиречье, усуни смешались с местным населением. Поэтому в культуре усуней наряду с элементами, принесёнными ими с родины, имелись и такие, которые восходили к древним насельникам Семиречья и долины реки Таласа (к западу от Семиречья) — сакам. Эта преемственность особенно заметна в области материальной культуры.

В процессе переселения усуньских племён в Семиречье образовался союз племён, глава которого назывался *гуньмо.* Большое значение продолжали иметь родовые связи. Несмотря на известные пережитки матриархата и относительно свободное положение женщины, у усуней господствовала патриархальная семья.

Разложение первобытно-общинного строя зашло у усуней достаточно далеко. Подобно гуннам усуни во время войн прибегали к массовому захвату рабов. Рабы попадали преимущественно в руки племенной знати, которая, эксплуатируя их труд, асе более выделялась из общей массы свободных.

Среди рядового свободного населения у усуней были и кочевники и земледельцы, знать же вела исключительно кочевой образ жизни. Важнейшим видом богатства был скот. Богатые люди имели от 4 тыс. до 5 тыс. лошадей. Особенно яркий материал об имущественной дифференциации среди усуней даёт содержимое усуньских курганов. Одни из них, наиболее многочисленные, представляют собой погребения рядовых свободных, другие—погребения знати. Последние расположены почти исключительно около зимовок. В составе погребального инвентаря курганов этого типа встречаются изделия из золота, бляшки греко-бактрийской работы, китайские лаковые изделия.

Одновременно с развитием элементов классового общества происходило укрепление власти вождя союза племён. Известно, что правивший в I в. до н. э. гуньмо Цилими приказал, чтобы никто не смел пасти скот на его пастбищах. Так у усуней начала складываться царская собственность на землю.

Усуньский племенной союз представлял собой крупную политическую силу. На рубеже II и I вв. китайцы определяли численность усуней в 630 тыс человек, а численность их войска — в 188 800 человек.

В 115 г. китайский посол Чжан Цянь, уже ранее побывавший на Западе, проник в страну усуней около Иссык-Куля и разослал оттуда разведчиков, которые добрались до Парфии и доставили ему многочисленные сведения о западных странах. Усуни к этому времени освободились из-под власти гуннов в связи с ослаблением последних после потери Восточного Туркестана. В конце II в. произошёл обмен посольствами между Китаем и усунями: китайцы пытались склонить усуней к совместной борьбе против гуннов, но те не решились на это и продолжали сохранять союз с гуннами. Усуньский правитель женился на китайской царевне, но объявил её младшей женой, тогда как старшей продолжала оставаться дочь гуннского дзэн'у. Лишь в 80-х гг. I в. усуни вышли из гуннского союза.

Разрыв с гуннами привёл сперва к тяжелым последствиям для усуней: в 75 г. гунны нанесли им серьёзное поражение, захватили часть их земли и угнали множество пленных. Однако при гуньмо Унгуйми (умер в конце 60-х годов I в. до н. э.) усуньский племенной союз, в свою очередь, предпринял наступление против гуннов. В результате усуни распространили свою власть на часть территории Восточного Туркестана; в зависимости от них, в частности, оказался оазис Яркенд. В середине I в. до н. э. усуньский племенной союз, однако, распался.

Распад «державы гуннов»

«Держава гуннов» после потери Восточного Туркестана (Синьцзяна) в конце II в. начала клониться к упадку. Своими завоевательными успехами китайцы подорвали её экономическую основу, поскольку благосостояние гуннов в значительной мере покоилось на эксплуатации богатых земледельческих оазисов, которые они теперь утратили.

Сложившаяся среди гуннской аристократии прокитайская группировка выступает за союз с Китаем и за усиленную эксплуатацию местного земледельческого населения. В связи с этим была сделана попытка построить город в земле гуннов. Подобная политика вызвала, однако, недовольство со стороны рядовых свободных, так как для них возникала угроза попасть наряду с земледельческим населением в зависимость от своей племенной аристократии. Поэтому та из аристократических группировок, которая настаивала на продолжении набегов на Китай, пользовалась поддержкой в широких кругах гуннского свободного населения. Напротив, прокитайская партия отражала интересы рабовладельческой знати и не была популярна.

Следствием этой борьбы были непрерывные придворные перевороты в гуннской ставке, поскольку каждая партия стремилась провести в дзэн'у своего кандидата. В обстановке внутренней борьбы и китайского наступления начались восстания зависимых от гуннов племён. В 68 г. до н. э. отложились северные племена. Разразившийся одновременно падёж скота, вызвавший голод, сократил, по китайским известиям (возможно, преувеличенным), за два года (68—67), численность гуннов в десять раз.

Начавшийся распад «гуннской державы» привёл в середине I в. до н. э. к расколу гуннов, в результате чего возникли два гуннских племенных союза. Гунны, жившие в непосредственном соседстве с Китаем, признали себя зависимыми от него. Основная масса гуннов передвинулась в Центральный Казахстан к северу от Сыр-Дарьи, придя таким образом в соприкосновение с кангюйскими племенами. Позднее гунны появляются также в районе Аральского и Каспийского морей и оттесняют на запад живших здесь аланов. Это было первым толчком, приведшим впоследствии в движение огромные человеческие массы, началом того великого процесса, который в значительной море изменил этническое и политическое лицо как Средней и Передней Азии, так и Европы, — началом так называемого великого переселения народов.

Восточный Туркестан

К западу от Китая, преимущественно в бассейне реки Тарима, были расположены города-государства Восточного Туркестана Время их возникновения определить трудно. В III в. до н. э. они находились под властью гуннов, во II в. до н. э. началось проникновение китайцев, и с этих пор города-государства Восточного Туркестана то попадали под власть Китая, то вновь становились самостоятельными или временно оказывались в зависимости от кочевников. Но завоевания, по-видимому, не оказали заметного влияния на внутреннюю жизнь населения восточно-туркестанских оазисов; зависимость его выражалась обычно в уплате дани.

Население Восточного Туркестана занималось земледелием на небольших участках аллювиальной почвы, расположенных вдоль Тарима и далее к северу вплоть до предгорий Тянь-Шаня в Джунгарии. По своей этнической принадлежности оно было связано с древним населением Средней Азии, в первую очередь Семиречья, т. е. с саками. В области культуры многочисленные нити связывали также жителей Восточного Туркестана с саками. Так называемые сакские документы из Хотана, написанные индийским письмом *карошти,* позволяют заключить, что население западной части Восточного Туркестана говорило на индоевропейском языке восточно-иранской группы. Далее на северо-восток, в районе Кучи, Кашгара и Турфана, был в употреблении другой язык, принадлежащий к западной группе индоевропейских языков.

Города-государства Восточного Туркестана имели важное значение благодаря своей посреднической роли между Востоком и Западом: именно здесь, вдоль южного края Тянь-Шаня и северного края Куньлуня и Алтынтага, по предгорьям, где легче было найти воду, шли древние торговые пути, соединявшие Средиземноморье, Парфию и Среднюю Азию с Китаем.

Фергана

С конца II в. до н. э. начинаются военные походы китайцев на территорию Средней Азии, прежде всего в Фергану. О положении Ферганы в период существования Греко-Бактрийского царства нет никаких определённых сведений. По данным китайских источников, во второй половине II в. Фергана была независима, её население говорило почти на том же языке, что и население Тохаристана, и принадлежало, следовательно, к иранской языковой группе.

Большая часть населения Ферганы жила оседло и занималась земледелием, но наряду с этим здесь были и кочевники. В Фергане разводили ячмень, рис, люцерну, виноград; китайцев поражало высокое развитие виноделия. Наряду с земледелием было развито и скотоводство. Особенно славилась местная порода лошадей, находивших применение в тяжеловооружённой коннице.

Общественный строй Ферганы напоминал строй соседних областей и характеризовался, насколько можно судить, господством раннерабовладельческих отношений. На некоторую отсталость страны указывает отсутствие собственной чеканной монеты. Китайцы насчитывали в Фергане около 70 городов, но в это число, по-видимому, входили не только города, но и укреплённые поселения сельских жителей. Археологическими исследованиями на территории Ферганы выявлены два типа посе-

лений: общинные городища и одиночные усадьбы. Существовали и комплексы усадеб, обнесённых общей стеной.

Во второй половине II в. начинаются как мирные сношения, так и военные столкновения Ферганы с Китаем. Около 128 г. до н. э. Давань (так китайцы называли Фергану) посетил китайский посол и путешественник Чжан Цянь. В 104 г. китайцы вторглись в Фергану, но поход оказался для них неудачным. Китайцы безуспешно осаждали укреплённые поселения и вернулись, потеряв почти всю армию. В 102 г.

Городище Джанбас-кала (Хорезм).
Общий вид. IV—II вв. до н. э.

был организован второй поход. Китайцы осадили город Эрши, но и на этот раз не смогли его взять. Правда, им удалось заключить выгодный для себя договор и посадить правителем своего сторонника, причём жители Эрши в качестве выкупа за снятие осады выдали им несколько десятков «небесных» коней и 3 тыс. других лошадей.

Хотя китайцам не удалось закрепиться в Фергане, но в результате этих походов они установили прочные торговые связи со странами Восточного Средиземноморья («великий шёлковый путь») и Средней Азии. В китайских источниках появляются сведения и о государстве Кангюй, «расположенном к северо-западу от усуней».

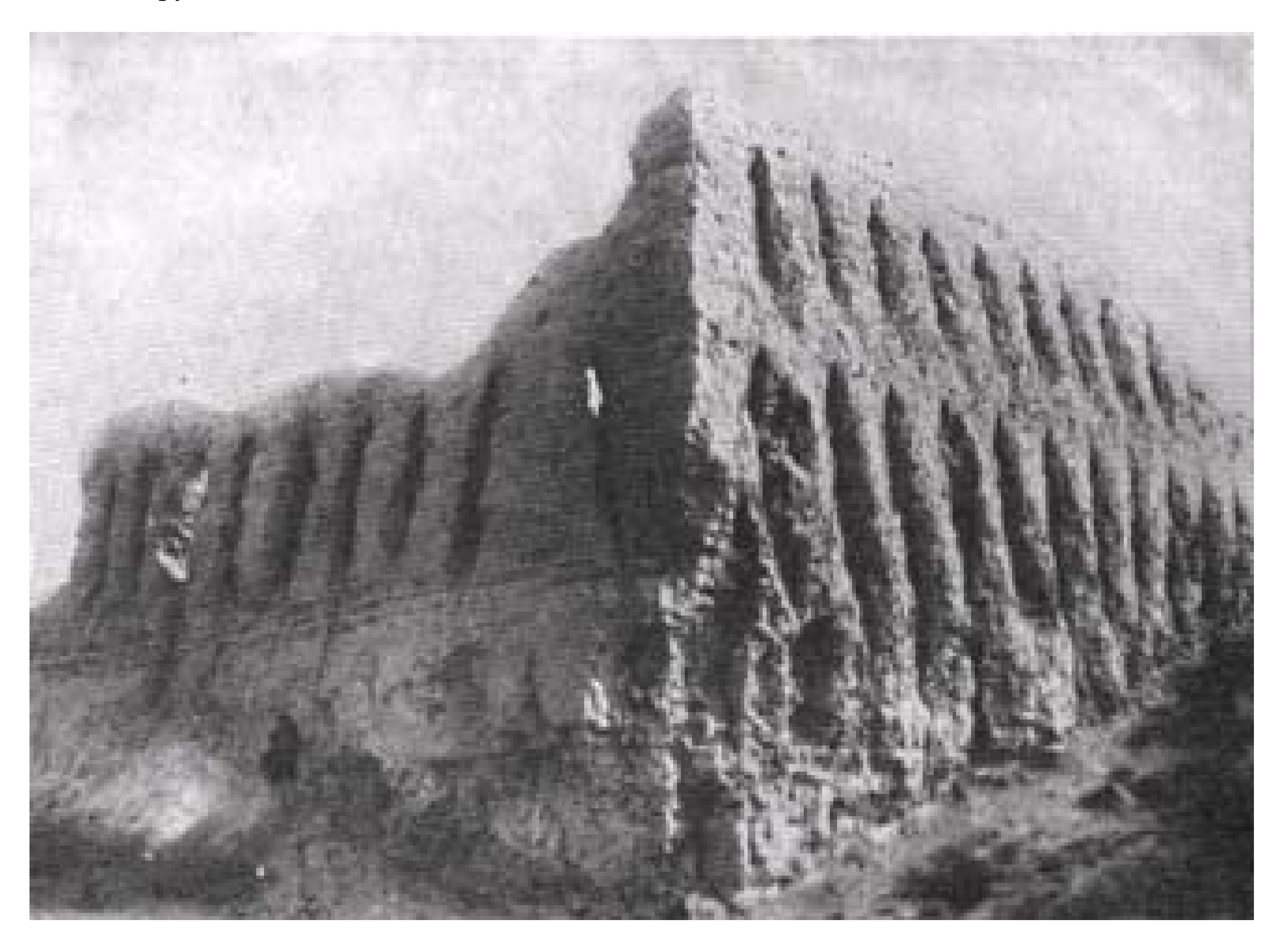
Хорезм

Государство Кангюй некоторые исследователи отождествляют с Хорезмом. Эта точка зрения возникла потому, что китайские источники вплоть до раннего средневековья не знают Хорезма, известного из древнеперсидских и античных источников. Возможно, что «Кангюй» китайских хроник—это название племён, кочевавших к северо-востоку от Хорезма.

С конца IV по II в. до н. э. в Хорезме на смену старым сельским поселениям появляются укрепленные дома-массивы. Это связано с началом преобладания земледелия над скотоводством и с расширением ирригационной системы. Наряду с такими поселениями появляются и «города», представляющие собой скопления домов-массивов, защищённых общей стеной. Таковы, например, городища Джанбас-кала и Базар-кала. Получает значительное развитие ремесло, растёт торговля, и усиливаются экономические связи Хорезма с другими странами.

В этот период происходят значительные изменения в военной организации и тактике хорезмийцев. Преобладающим родом войска в Хорезме была конница. До конца IV в. до н. э. она состояла из тяжеловооружённых всадников, частично копейщиков,

частично лучников. Эта армия, успешно отражавшая набеги иррегулярной конницы кочевников, оказалась недостаточно эффективной, когда на границах Хорезма появилась македонская армия, сомкнутый строй которой — македонскую фалангу — не могла преодолеть даже тяжеловооружённая конница массагетов. В связи с этим



Городище Джанбас-кала.
Часть крепостной стены. IV—II вв. до н. э.

существовавшие в Хорезме до того раздельно два типа *катафрактариев* (тяжеловооружённых всадников) сливаются: они становятся конницей, вооружённой одновременно и для дальнего и для ближнего боя. Тактика этой конницы состояла в том, чтобы сперва расстроить сомкнутый строй пехоты противника градом стрел, а затем довершить её поражение рукопашным боем.

После македонского завоевания Средней Азии Хорезм остался здесь единственным независимым государством. В нём искали опоры освободительные движения, происходившие в среднеазиатских сатрапиях царства Селевкидов. Так, в период отпадения Парфии на Хорезм ориентировались Аршакиды. Ещё в первой половине II в. до н. э. начинается наступление Хорезма на эллинистическую Бактрию. Около 170 г. до н. э. Хорезм завоёвывает Согдиану, а несколько позже—не входивший в состав Бактрии Чач, иначе Шаш (Ташкентский оазис).

Во второй половине II в. Хорезмийское государство граничило на юге с Парфией и Тохаристаном, на юго-востоке — с Ферганой, на востоке — с кочевьями усуней.

На севере и на западе жили различные кочевые племена, частично зависимые от Хорезма.

После падения Греко-Бактрийского царства хорезмийские цари склонны были считать себя наследниками эллинистических царей Бактрии. Так, они начинают чеканить монету по образцу монет Эвкратида и с его именем. Наиболее ранними хорезмийскими монетами считаются две серебряные монеты безымённого хорезмийского паря конца I в. до н. э. Монеты снабжены титулатурой Эвкратида и характерной тамгой, подтверждающей их хорезмийское происхождение.

Камень с китайскими иероглифами.
Найден на городище Мунчак-тепе (Узбекская ССР) при раскопках 1943—1944 гг.

О социальном строе Хорезма в этот период (II в. до н. э.— I в. н. э.) известно пока немного. Кочевые племена зависимые от Хорезма, находились на стадии разложения первобытно-общинного строя. В их быту имелись некоторые пережитки матриархата. Содержимое курганов свидетельствует о наличии в их среде имущественного неравенства. Значительное развитие керамического производства говорит о том, что некоторые из этих племён вели полуоседлый образ жизни. Для оседлого населения Хорезма были, по-видимому, характерны раннерабовладельческие отношения.

Наиболее распространённым в Хорезме видом религии в этот период были ранние формы зороастризма. В городах имелся так называемый «дом огня», являвшийся центром зороастрийского культа. С зороастризмом переплетались и более близкие крестьянству архаические культы богини плодородия и вод Ардвисуры-Анахиты и её спутника—умирающего и воскресающего бога растительности Сиявуша. Среди кочевого населения были распространены характерные почти для всех центрально-азиатских кочевников культы неба и небесных светил, а также культ предков.

Взаимоотношения государств Средней Азии с Китаем

Взаимоотношения Китая с народами и государствами Средней Азии во многом напоминают взаимоотношения Римской империи с её соседями на территории Средней и Восточной Европы и Передней Азии 100—200 лет спустя. По степени развития рабовладельческих отношений Китай превосходил большинство земледельческих областей Средней Азии, не говоря уже о кочевниках. Правящие круги Китая стремились оградить пределы империи от набегов кочевников. Кроме того, они были заинтересованы в захвате рабов, в торговле с западными странами и для достижения всего этого — в поддержании своего влияния в Средней Азии. Китай завоевал Восточный Туркестан и более или менее прочно подчинил своему влиянию южных гуннов, но на большее у него не хватило сил. Поэтому Китай ориентировался в основном на поддержание своего влияния дипломатическим путём.

При помощи подарков, подкупа и иными способами китайские правящие круги стремились склонить на свою сторону знать кочевых племён, устраивали дворцовые перевороты, пытались влиять на ход дел через своих послов, с помощью заложников и т. п.

Но слабым местом Китая в борьбе с кочевниками была чрезвычайная острота социальных противоречий внутри империи. Кочевые союзы, уступая китайцам в техническом оснащении армии, противопоставляли им сплочённую военную организацию, опиравшуюся в значительной мере на ещё прочные родоплеменные союзы. Всё же китайское наступление на первых порах было относительно успешным, ближайшие к Китаю земли были включены в состав империи, и даже более отдалённые государства Средней Азии временами признавали себя, хотя по большей части лишь номинально, зависимыми от Китая. Китайское влияние, несомненно, способствовало развитию рабовладельческих отношений и росту цивилизации в областях, с которыми Китай приходил в соприкосновение.

Завоевания Александра Македонского, в ходе которых рухнула лишённая прочной основы Персидская держава, явились началом широкого колонизационного потока македонян и греков на Восток.

«Мировая монархия», в поразительно короткий срок вобравшая в свои границы многие страны и народы, столь же быстро распалась, уступив место новым, эллинистическим государствам. Границы последних, в свою очередь, были весьма неустойчивы, меняясь в зависимости от военных удач и поражений эллинистических царей и династов. Бесконечные войны и грабительские походы, дворцовые перевороты и военные мятежи заполняют собой всю трёхвековую историю эллинистических государств.

За внешней стороной этих событий скрывались сложные, противоречивые процессы социально-экономического развития и классовой борьбы. Эллинистические государства Западной Азии и Египта возникли на почве, подготовленной многовековой историей живших здесь народов. Здесь скрестились два пути развития рабовладельческого общества, связанные с различием экономических и политических форм: эксплуатации зависимого населения (лаой) и античного рабства, верховной собственности на землю и развивающейся частной собственности, восточной монархии и эллинского полиса. На этой основе происходит постепенное слияние греко-македонских и местных рабовладельцев и землевладельцев, образующих единый, при всей неоднородности своего состава и происхождения, «эллинизированный» правящий класс.

Одним из важнейших исторических результатов создания эллинистических государств было расширение сферы рабовладельческих отношений развитого типа, а тем самым и рабовладельческого хозяйства, рассчитанного на рынок. Укрепляются и становятся все более разветвлёнными торговые связи. Морские и караванные пути протягиваются от бассейна Средиземного моря вплоть до Индии и Китая. Происходит перемещение торговых и ремесленных центров на Восток. На периферии эллинистического мира (в Закавказье, Средней Азии, Аравии) возникает ряд новых рабовладельческих государств, которые с течением времени начинают играть всё большую роль в экономической и политической жизни Западной Азии и Средиземноморья.

Новыми чертами отмечено развитие идеологии и культуры. Для эллинистической культуры характерны дальнейшее накопление знаний, подъём ряда отраслей науки и техники, новые достижения материалистической мысли, связанные прежде всего с именем Эпикура, с одной стороны, и нарастающие черты общего упадка античного мировоззрения, рост религиозно-мистических настроений, идеализма в философии и индивидуализма в искусстве — с другой

Вслед за кратковременным расцветом начинается полоса глубокого упадка эллинистических государств. Обостряются все социальные противоречия, антагонизм между рабовладельцами и рабами, между эллинизированной знатью и широкими массами эксплуатируемого населения, между завоевателями и народами покорённых стран. Ослабленные взаимной борьбой и ростом внутренних противоречий, эллинистические государства уже не могут удерживать в подчинении народы, не в состоянии осуществлять широкую экспансию, обеспечивать господствующим классам торговую монополию и устойчивое преобладание над другими странами.

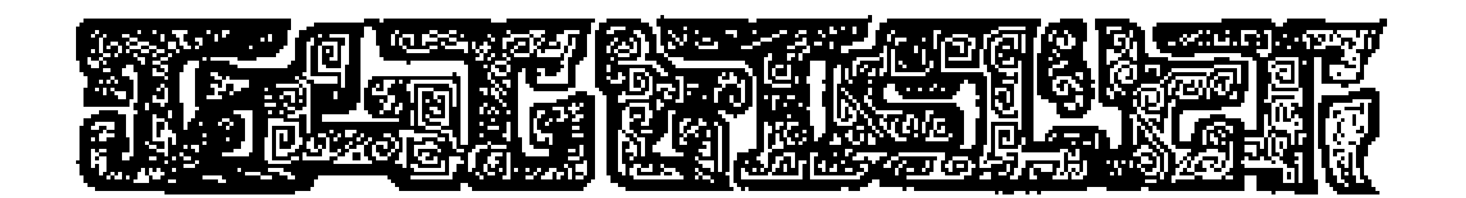
Всё это сделало в конечном счёте эллинистические государства сравнительно лёгкой добычей Рима, который после победы над своим главным противником — Карфагеном — становится гегемоном Западного Средиземноморья, а затем устремляется на Восток.

В пределах Римской державы, особенно в результате непрерывных завоевательных войн, рабовладение достигает максимального развития. Латифундии с сотнями и тысячами рабов — широко распространённое явление и в самой Италии и во многих римских провинциях. Эксплуатация раба достигает предельной интенсивности, а жестокость обращения с ним не знает границ.

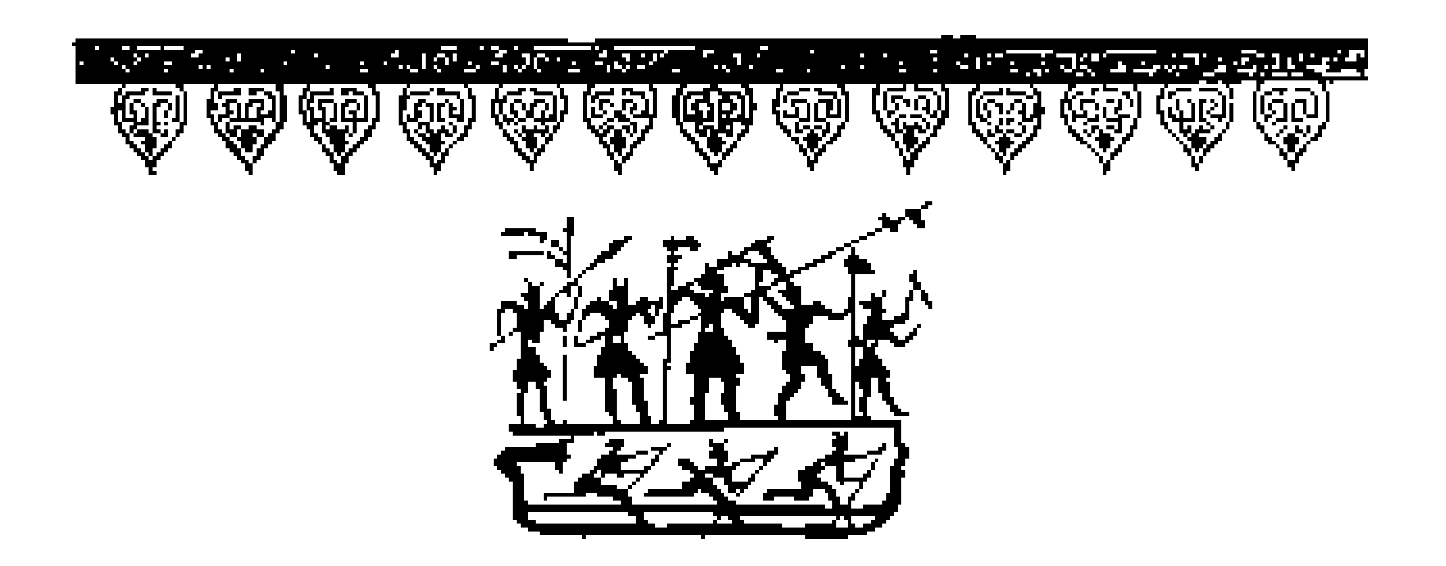
Громадный рост рабства вёл в Риме ещё в больших масштабах, чем в Греции, к разорению и пауперизации широких масс свободных производителей, пополнявших собой ряды люмпен-пролетариата. Римская республика, опиравшаяся на крестьянство и всеми своими институтами приспособленная к нуждам сравнительно небольшой аграрной общины, которой и был Рим в начале своего исторического развития, вступила в период неизбежного и затяжного политического кризиса.

Классовая борьба приобретает в это время невиданные до того размах и силу. От пассивных форм борьбы рабы переходят к открытым массовым восстаниям, в которых участвует и свободная беднота. Восстания рабов в Сицилии и Италии на протяжении полувека потрясали Римское государство. Они находила отклик и на окраинах державы (в Пергаме) и за её пределами. Движения рабов переплетались с борьбой между аристократией и плебсом, между Римом и подчинёнными ему народами. Восстания племён Испании и Галлии не раз грозили Риму потерей завоёванных им территорий.

Чтобы сохранить своё господство, римские рабовладельцы вынуждены были искать новые формы подавления эксплуатируемых масс и управления огромной державой, разросшейся в результате завоеваний. Такой новой формой была пришедшая на смену республике империя Августа.



ЧАСТЬ III НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИИ (V в. до н. э. – IV в. н. э.)



ГЛАВА XIV
КИТАЙ В V— III ВВ. ДО Н. Э.

С середины I тысячелетия до н. э. в обществе древнего Китая наметились очень существенные изменения как в области экономики и общественных отношений, так и в области политической жизни и идеологии. К этому времени в результате междоусобных войн из множества царств, существовавших ранее на территории Китая, осталось не более десяти. Наиболее могущественными среди них были царства Чу, Цинь, Вэй, Чжао, Хань, Ци и Янь — «семь сильнейших», как их называют источники. В этот период, который известен в истории Китая под традиционным названием *Чжаньго,* или Воюющих царств, и датируется 481 (иногда 403)—221 гг. до н. э., создались предпосылки для образования огромной древнекитайской империи, простиравшейся в периоды её наибольшего территориального распространения от пустыни Гоби на севере до Южно-Китайского моря на юге и от Ляодунского полуострова на востоке до гор Памира на западе. Сложившаяся в конце III в. до н. э. империя просуществовала вплоть до конца II в. н. э., когда новые, ещё более значительные изменения в области общественно-экономических отношений привели к её кризису и крушению.

1. Развитие социально-экономических отношений

Период Чжаньго был временем значительных сдвигов в развитии производительных сил, что имело предпосылкой освоение техники обработки железа. До VI в. до н. э. в древнем Китае, по существу, господствовал ещё бронзовый век. Орудия, применявшиеся в ремесле и сельском хозяйстве, отличались крайней примитивностью. Пока не представляется возможным установить, когда именно началась в Китае обработка железа. Судя по данным древнекитайских письменных источников, это произошло не позднее VI в. до н. э. Археологические раскопки последних лет свидетельствуют о том, что в период Чжаньго орудия из железа получили значительное распространение.

Прогресс в земледелии

Употребление железных орудий способствовало быстрому развитию земледелия. Согласно данным, имеющимся в произведениях философа конца V — начала IV в. до н. э. Мо Ди и в других древних источниках, в этот период в древнем Китае использовались плуг с железным лемехом, железные серп, коса, лопата, мотыга для прополки и разрыхления земли и другие орудия. Эти сведения подтвердились раскопками, произведёнными в 1950 г. в Хэнани, к северу от реки Хуанхэ, где были обнаружены датируемые III в. до н. э. железные орудия и среди них железные мотыги и лемехи для плугов. С употреблением в земледелии плуга с железным лемехом получила распространение пахота на волах и стала возможной более глубокая вспашка земли. Важное значение приобрело удобрение полей. В трактатах философов и учёных того времени Мэн-цзы (IV—III вв. до н. э.) и Сюнь-цзы (III в. до н. э.) неоднократно упоминается о глубокой вспашке земли и применении удобрений. Однако плужное земледелие распространялось медленно и неравномерно. Сравнительно широкое применение оно получило в это время только на севере Китая.

Бронзовая лопата.
Из раскопок в районе города Чанша (провинция
Хунань). V—III вв. до н. э.

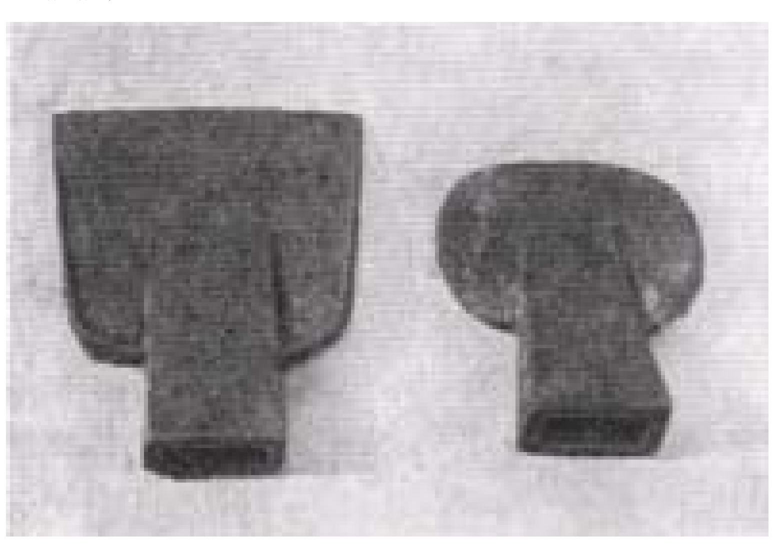
Использование плодороднейших лёссовых почв в бассейне среднего течения реки Хуанхэ было затруднено вследствие засух и наводнений. Река часто меняла русло, затопляла поля, уничтожала посевы. Свойства лёссовых почв таковы, что даже небольшой недостаток во влаге влечёт за собой губительные засухи; если же поля обеспечены необходимым количеством воды, они дают богатейшие урожаи. Для развития земледелия в этих областях было особенно необходимо проведение ирригационных работ. Железная лопата сделала возможным создание больших каналов, плотин и дамб. Во многих случаях проведение каналов было обусловлено транспортными и в первую очередь военными целями, но, как отмечает знаменитый древнекитайский историк Сыма Цянь (145—86 гг. до н. э.), при наличии достаточного количества воды они использовались и для орошения: от каждого канала местные жители отводили огромное множество небольших арыков, несущих воду на поля. Однако в этот период начинают строить и сравнительно большие каналы, специально предназначенные для ирригации.

Первые достоверные свидетельства о создании крупных ирригационных сооружений относятся к середине I тысячелетия до н. э. Так, к концу V — началу IV в. до н. э. источники относят сооружение канала, оросившего земли на севере современной провинции Хэнань. В 486 г. до н. э. в царстве Чу был проведён так называемый Ханьгу, или Ханьский канал, соединивший реку Янцзыцзян с рекой Хуайхэ, русло которого стало впоследствии частью знаменитого Великого канала [1]. В 316 г. до н. э. был прорыт канал, оросивший земли в районе Чэнду. Этот канал используется жителями провинции Сычуань по настоящее время. Здесь же в конце III в. до н. э. была создана разветвлённая ирригационная система, питавшаяся водами реки

[1] Сооружение грандиозного Великого канала, тянущегося от Пекина до Ханчжоу, было начато при Суйской династии (589—617 гг. н. э.) и завершено в конце XIII в. н. э.

Миньцзян. В 247 г. до н. э. в царстве Цинь был проведён грандиозный по тому времени канал «Чжэн Го» длиной в 300 *ли* (около 120 *км).* Он соединил реки Цзинхэ и Лохэ и оросил 40 тыс. *цин* полей (около 200 тыс. *га).* Проведение канала «Чжэн Го», как отмечается в источниках, было одной из причин усиления царства Цинь. Этот канал стал основным звеном большой ирригационной системы, созданной во второй половине II в. до н. э. В период Чжаньго появились специалисты по проведению ирригационных работ. Так, постройкой канала в царстве Цинь руководил известный специалист по проведению земляных работ Чжэн Го, именем которого и был назван этот канал.

Однако разрозненные и постоянно враждующие между собой царства не могли координировать свои усилия в области ирригационного строительства. Несогласованные и направленные только к собственной выгоде действия отдельных царств в ряде случаев приводили к нарушению водного режима и влекли за собой большие бедствия. Так, например, ограждающие береговые дамбы, сооружённые царством Ци для предохранения от периодических затоплений равнинных земель вдоль правого берега Хуанхэ, стали причиной губительных разливов Хуанхэ на территориях соседних царств Чжао и Вэй.



Железные лопаты.
Из раскопок в районе города Чанша (провинция Хунань).
V—III вв. до н. э.

Земледелие было основой хозяйственной жизни древнекитайских царств. В Северном Китае наибольшее значение имели культуры пшеницы, проса и сорго, на юге — рисовая культура. В этот период значительное развитие получили огородничество и садоводство, особенно разведение тутовых деревьев.

Из века в век обработка земли производилась общинами. Рабский труд не вытеснил свободного земледельца из сферы полеводства. На всём протяжении древней истории Китая сельскохозяйственное производство поддерживалось в основном силами свободных земледельцев. Это было одной из причин того большого уважения к земледелию, о котором свидетельствуют многие древнекитайские источники. Земледелие считалось самым достойным и почётным занятием.

Развитие ремесла и промыслов

Использование железа повлекло за собой быстрое развитие ремесла. Из железа изготовлялись как орудия труда, так и оружие. Царства Чу и Хань славились железными мечами, Чжао — лопатами, Цинь — пиками и острогами. К IV—III вв. до н. э. орудия и оружие из железа получают повсеместное распространение и начинают вытеснять бронзовые и медные.

Как передаёт политико-экономический трактат «Гуань-цзы», в основной своей части составленный, по-видимому, в IV—III вв. до н. э., в Китае в то время было известно 467 гор, где добывали медную руду, и 3609 гор, где добывали железо. Конечно, нельзя вполне доверять столь точному подсчёту, однако общее представление об уровне развития горнорудного дела эти сведения, несомненно, дают.

Из «Исторических записок» Сыма Цяня известно о существовании в это время крупных железорудных промыслов, принадлежавших частным лицам.

Бронзовый сосуд
для жертвоприношений.
Около 480 г. до н. э.

Высоким мастерством изготовления отличаются обнаруженные при раскопках могил периода Чжаньго разнообразные изделия из меди и бронзы: зеркала, сосуды, орнаментальные детали колесниц, предметы вооружения.

Достигли высокого уровня развития ткацкое, особенно шелкоткацкое, а также керамическое, деревообделочное и лаковое ремёсла, о чём свидетельствуют наряду с письменными источниками и памятники материальной культуры. Так, относящиеся к этой эпохе образцы тканей и, в частности, фрагмент живописи на шёлке были обнаружены при недавних раскопках в окрестностях города Чанша — на территории царства Чу. Здесь же были найдены разнообразные керамические изделия и множество предметов из лака, среди которых имеются столики, тарелки, чашки, рюмки, а также рукоятки секир и копии, ножны мечей, щиты и луки.

Быстро развивалось строительное дело. Создавались великолепные дворцы царей и знати, строились города, воздвигались мощные оборонительные сооружения. В это время на северных границах царств Цинь, Чжао и Янь были построены стены для обороны от набегов кочевых племён, ставшие впоследствии звеньями Великой китайской стены. Сооружались линии укреплении и внутри Китая.

Время Чжаньго ознаменовалось успехами в кораблестроении. Особенно славились изготовлением судов прибрежные царства. О древнекитайских судах дает

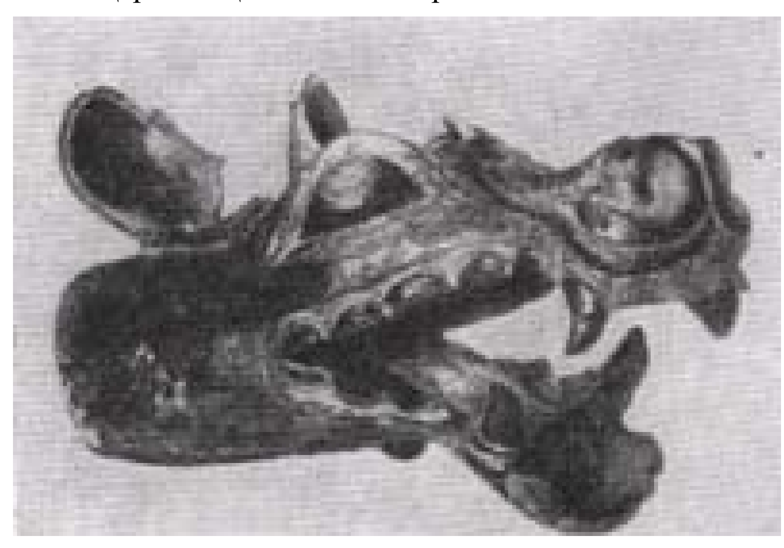
Деревянная модель лодки.
Из погребений времени Старшей династии Хань в районе города Чанша (провинция Хунань).

представление хорошо сохранившаяся деревянная модель большой шестнадцативёсельной лодки, обнаруженная недавно археологами при раскопках древних могил в Хунани. Уже в эту отдалённую эпоху китайцы изобрели примитивный

Фрагмент живописи на шёлке.
Из раскопок чуских могил в районе города Чанша (провинция Хунань). V—III вв. до н. э.

компас, который первоначально употреблялся при сухопутных путешествиях, а затем стал применяться и китайскими мореплавателями.

Получило дальнейшее развитие общественное разделение труда. Философ Мо Ди сообщает о ремесленниках самых различных специальностей: искусных литейщиках, плотниках, о мастерах ювелирного дела, специалистах по изготовлению повозок, керамических изделий и т.д. Наметилась некоторая специализация ремесленного производства по отдельным районам. Царство Ци славилось производством шёлковых и льняных тканей, его столица — город Линьцзы — была крупнейшим в то время центром ткацкого ремесла. Здесь же благодаря удобному местоположению получили особенное развитие соляной и рыболовный промыслы. В области Шу (в Сычуани), богатой рудными месторождениями, город Линьцюн стал одним из самых значительных центров добычи и обработки железа. Крупнейшими по тому времени центрами железоделательного производства были города Наньян в царстве Хань и Ханьдань—столица царства Чжао. В царстве Чу город Хофэй был известен производством кожевенных изделий, город Чанша—ювелирными изделиями.



Голова дракона.
Бронзовое украшение дышла колесницы. V—III вв. до н. э.

Все эти данные свидетельствуют о сравнительно высоком уровне общественного разделения труда, о появлении ремесленного производства, рассчитанного не только на заказ, но и на рынок, а это в свою очередь является показателем дальнейшего развития товарного производства. Тем не менее в целом хозяйство продолжало сохранять натуральный характер.

Развитие торговли. Рост городов

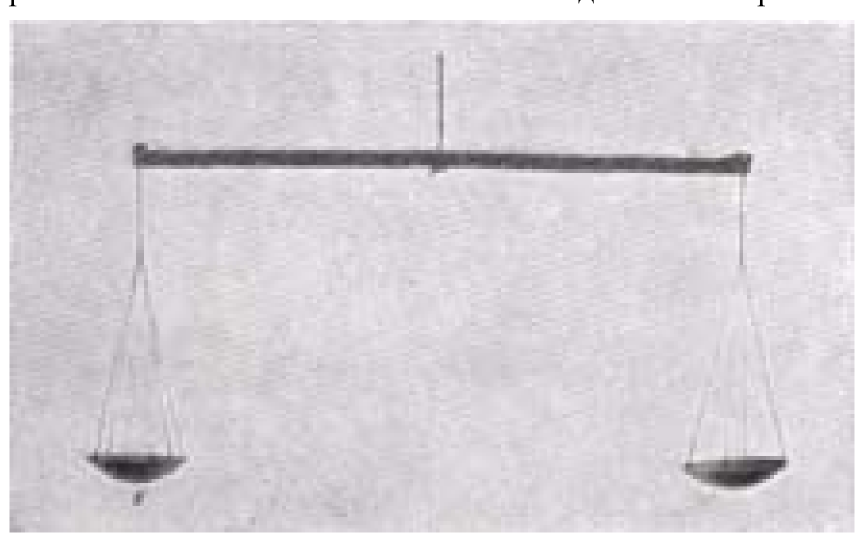
В V—III вв. до н. э. значительно вырос торговый обмен внутри, царств. Усилились торговые связи между различными царствами Китая и с соседними племенами. У северных и западных племён китайские купцы покупали рабов, лошадей, крупный рогатый скот, баранов, кожу и шерсть; у племён, обитавших на юге Китая,—слоновую кость, красители, драгоценные металлы, жемчуг.

Торговцы стали играть значительную роль в экономической, а затем и политической жизни царств. Так, в царстве Вэй крупным сановником стал торговец Бай Гуй (IV в. до н. э.), в Цинь известный торговец лошадьми Люй Бу-вэй (III в. до н. э.) занимал должность первого советника. В царстве Ци, о котором в экономическом трактате «Гуань-цзы» сообщается: «богатые купцы... суть сильные нашего государства», захватила власть богатая семья Тянь. Характерно, что в этот период более сильным и богатым стало считаться то царство, где было большее количество крупных торговцев.

Источники свидетельствуют об увеличении в это время числа городов и их значительном расширении. Появились такие большие города, как, например, столица царства Ци город Линьцзы, где, по сведениям историка Сыма Цяня, насчитывалось 70 тыс. дворов. В составленном в III в. до н. э. трактате «Чжаньго цэ» («Политика воюющих царств»), от названия которого ведёт происхождение традиционное наименование описываемого периода, отмечается, что если в древности

большие города насчитывали не более 3 тыс. семей, то теперь город с населением в 10 тыс. семей можно увидеть повсюду. Многие из прежних городов-крепостей (например, города Линьцзы, Цзи, Ин и др.) превратились в этот период в крупные торгово-ремесленные центры. Вместе с тем на важных транзитных путях возникли новые города, такие, как город Хофэй в царстве Чу.

В VI в. до н. э.— одновременно с рабовладельческими государствами Западной Азии и Греции — в царстве Цзинь впервые в Китае появились металлические деньги. Вскоре они стали отливаться и в остальных царствах древнего Китая. Однако в разных царствах деньги имели различную форму: в Чу они имели форму квадрата, в Ци и Янь — форму ножей или мечей, в Чжао, Хань и Вэй—форму лопат, в Цинь отливали круглые деньги с квадратным отверстием посредине.



Бронзовые чашечные весы.
Из раскопок в районе города Чанша (провинция Хунань).
V—III вв. до н. э. Коромысло весов реставрировано.

Различными были в разных царствах и системы мер и весов. Между царствами были установлены таможенные заставы, где с торговцев, переходивших из одного царства в другое, взимались большие торговые пошлины. С расширением экономических и торговых связей и развитием денежного обращения это различие монет, мер и весов, а также наличие множества таможенных границ становились препятствием для дальнейшего развития торговли.

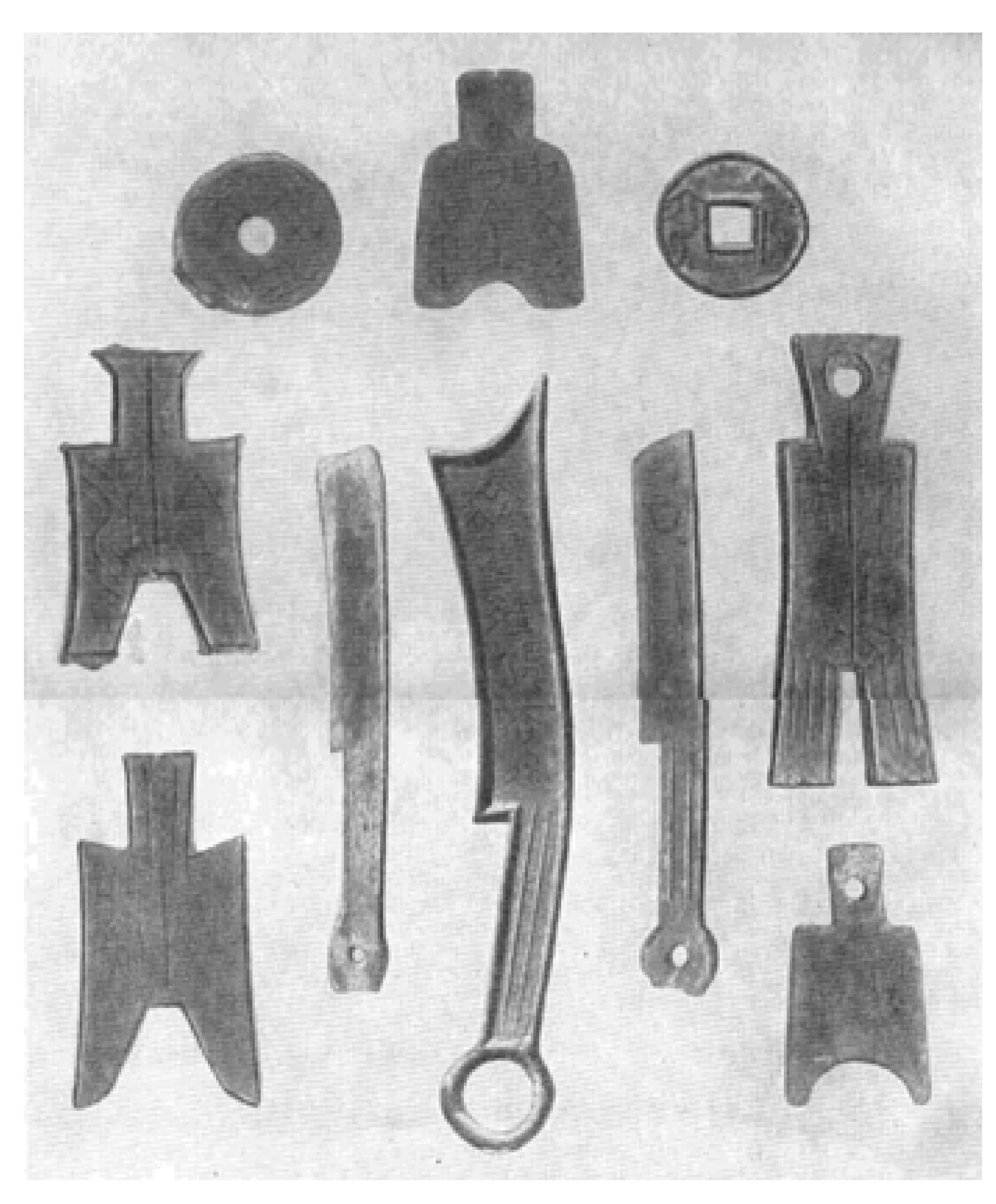
Усиление эксплуатации земледельческого населения. Расслоение общины

Развитие производительных сил, роет торговли и денежного обращения привели к усилению имущественного неравенства и ускорили процесс расслоения общины. Этому способствовало и усиление эксплуатации общинников. К середине I тысячелетия до н. э. общинные связи значительно ослабли. В ряде царств произошло изменение системы налогового обложения. Был введён поземельный налог, уплачиваемый зерном из доли урожая, причём если раньше налогом облагалась «община в целом, то теперь единицей налогового обложения становилась отдельная семья. Реформа налогового обложения ускорила процесс разложения общины, ухудшив положение рядовых общинников. О тягости налогового гнёта и бедственном положении свободного земледельческого населения может свидетельствовать доклад Ли Куя — сановника царства Вэй, жившего в V—IV вв. до н. э.

«Сейчас, — сообщал Ли Куй, — семья из 5 едоков обрабатывает участок пахотной земли в 100 му [1]. Ежегодно собирает с 1 му полтора даня [2] (зерна), (весь урожай) составляет 150 даней зерна. После уплаты земельного налога в размере одной десятой доли урожая остаётся 135 даней (зерна). Один человек ежемесячно съедает полтора даня, на пропитание 5 человек за год уйдёт

[1] *Му* — мера площади. В настоящее время 1 му=0,06144 *га;* в древности, в описываемое время, 1 му соответствовало около 0,019 *га.*

[2] *Дань* — мера веса. В настоящее время 1 дань весит 59,68 *кг,* в древности соответствовал 29,3 *кг.*



Монеты периода Чжаньго.
Из различных древнекитайских царств.

90 даней. Остаётся 45 даней. Один дань стоит 30 цяней [1] следовательно, всего можно выручить 1 350 цяней. За вычетом трат на жертвоприношения и религиозные празднества, на которые уходит 300 цяней, останется 1050 цяней. Каждый человек на одежду должен тратить 300 цяней, на одежду для 5 человек требуется 1 500 цяней. Следовательно, на содержание семьи не хватает 450 цяней. А ещё не учтены неожиданные траты в связи с несчастными случаями, болезнью, смертью, похоронами…»

Приведённый отрывок свидетельствует, что даже в обычной земледельческой семье одежда могла покупаться. Показательно, что весь расчёт ведётся автором в переводе на деньги.

Земельный налог в царстве Вэй, составлявший одну десятую часть урожая, был минимальной нормой налога. В других царствах он был значительно выше. Так, в царстве Лу он составлял одну треть урожая земледельца, в Ци — две трети. Помимо поземельного налога существовало ещё обложение холстом и шёлком, а в ряде царств были введены и другие обременительные поборы.

Кроме того, община обязана была выполнять ряд повинностей. В обстановке непрекращавшихся междоусобных войн между царствами особенно тяжёлой была военная повинность. Из каждых восьми семей, составлявших соседскую общину, одна должна была давать рекрута, а остальные семь поставляли и перевозили провиант и фураж для армии. Гужевая повинность была наиболее обременительной. Знаменитый древнекитайский полководец и военный теоретик Сунь-цзы, живший в конце VI — начале V в. до н. э., даже считал её одной из основных причин разорения земледельцев. Насколько губительно отражались на хозяйстве земледельцев повинность по снабжению армии и гужевая повинность, можно судить по следующему замечанию Сунь-цзы: «Когда поднимают стотысячную армию, выступают в поход за 1000 ли [2],...изнемогают от дороги и не могут приняться за работу 700 тыс. семейств». По подсчётам Сунь-цзы, во время войн в связи с необходимостью снабжать и содержать армию «...имущество народа уменьшается на семь десятых...».

С появлением металлических денег и распространением денежного обращения получило развитие ростовщичество. Причём особенно широко практиковалось ростовщичество при помощи ссуд обедневшим общинникам. Попав в кабалу к ростовщикам, общинники окончательно разорялись. Земли разорившихся членов общины постепенно переходили в руки их заимодавцев, становившихся фактически собственниками приобретённых ими полей.

К середине I тысячелетия до н. э. в ряде царств стали совершаться торговые сделки с землёй. Сначала продавались только приусадебные земли, сады и огороды, но постепенно объектом купли-продажи сделались и поля. С этого времени крупные земельные владения стали создаваться и на основе покупки земли.

С распространением в период Чжаньго практики купли-продажи земли ещё более усилилось имущественное расслоение внутри общин. Характерно, что к концу описываемого периода в источниках (например, в произведении философа III в. до н. э. Хань Фэя) появляются сведения о применении в земледелии труда наёмных работников.

Развитие рабовладения

Если в сельском хозяйстве в V—III вв. по-прежнему ведущую роль играл труд свободных земледельцев-общинников, то в целом в хозяйственной жизни древнекитайских царств в этот период увеличивается роль рабского труда. Источники дают сведения о существовании в это время различных форм рабства и значительном распространении рабовладельческих отношений.

---

[1] *Цянь*— общее наименование медных монет. Каковы были размер, вес и достоинство данной денежной единицы в царстве Вэй—не установлено. Известно, что циньская медная монета *цянь* весила около 7,6 г.

[2] *Ли*—мера длины. Сейчас *ли* равняется 576 *м,* В период Чжаньго *ли* составляло около 400 *м.*

Для обозначения рабов употреблялось множество терминов: *ну, бэй, тун, ши, фу, цзе, пу, ли* и др. В зависимости от источника рабства, пола и возраста, принадлежности частным лицам или государству изменялось и наименование рабов.

Наиболее употребительными терминами рабства были ну, бэй и тун. Термин ну означал раба-мужчину, бэй—рабыню, ну-бэй—рабов вообще. Термин тун по большей части применялся по отношению к молодым рабам, принадлежавшим частным лицам и обычно занятым в хозяйстве, ремесле и т. п. Нередко рабовладельцы владели сотнями тун. Уже самое их число показывает, что они не могли быть только домашней прислугой. Такие термины, как ши, фу, цзе, обычно обозначали домашних слуг. Часто термины рабства употреблялись в сочетании друг с другом: например, *ну-бэй, фу-бэй, тун-ну, пу-ну* и т. п. Во многих случаях им предшествовали такие определения, как *гуань* — государственный, *сы* — частный, *гун* — дворцовый, *цзя* — принадлежащий частному хозяйству, семье.

Существовали две основные категории рабов: рабы частные и рабы государственные, причём для данного периода характерно развитие частного рабовладения.

Основным источником рабства по-прежнему было порабощение военнопленных. Войны с кочевыми и полукочевыми племенами и непрерывные войны между царствами давали большой приток рабов. «Когда связывают захваченных пленных, их делят как награду и пожалования»,—сообщает «Гуань-цзы» На соседние племена древнекитайские царства смотрели как на потенциальных рабов. На это, в частности, может указывать тот факт, что появившихся в это время на северной периферии Китая гуннов китайцы называли «злыми рабами»—*сюн-ну*.

Важным источником государственного рабства было осуждение за преступления. В целях классового угнетения потомственная, родовая по своему происхождению аристократия, заинтересованная в сохранении в классовом обществе пережитков первобытно-общинного строя, стремилась закрепить старые обычаи и нормы. Нарушение древних традиций и законов каралось обращением в государственных рабов и преступника и членов его семьи. Теперь в связи с усилившимся разложением общины и укреплением права частной собственности появились новые, более суровые законы, направленные против бедных, воров и «разбойников». В рабство стали обращать неимущих бедняков, бездомных и бродяг. По свидетельству Сыма Цяня, в середине IV в. до н. э. в царстве Цинь «все неудачники и те, кто беден изза лени, были отданы в рабство вместе с жёнами и детьми». В зависимости от серьёзности проступка порабощение осуждённых могло быть временным, пожизненным и наследственным.

Порабощение преступников получило очень широкое распространение. Древний словарь «Шо вэнь», составленный в 121 г. до н. э., сообщает, что все мужчины, подвергшиеся уголовному наказанию, назывались ну, а женщины—бэй. Осуждение в рабство за нарушение законов на всём протяжении древней истории Китая являлось одним из основных источников государственного рабства. Поэтому чрезвычайно распространённый в источниках термин *ту* («осуждённый» или «преступник») часто употреблялся для обозначения рабов. Именно так его толкует один из ранних комментаторов «Исторических записок» Сыма Цяня, отмечающий, что «общим наименованием для мужчин и женщин ту являлся (термин) ну». Характерно, что термин ту часто употребляется в неразрывной связи с другими терминами рабства, например: *ту-ну, ту-ну-бэй, ту-ли.* Разумеется, не всегда осуждение вело к порабощению преступника, так как существовали и другие виды наказаний, и соответственно не во всех случаях и термин ту можно отождествлять с терминами рабства. Так называли всех, кто подвергся уголовному наказанию. Однако, поскольку порабощение, причём не только преступников, но и членов их семей в трёх поколениях, было очень распространённым видом наказания, термин ту, как

утверждает ряд исследователей, в большинстве случаев означал государственных рабов. Большие партии ту использовались государством на строительных, транспортных и ирригационных работах, а также в рудниках и государственных мастерских. Подобно другим рабам заклеймённые, с бритыми головами, закованные в железные ошейники, они были одеты в красные рубища — символ позорного наказания. Поэтому иногда источники называют их «одетыми в красное».

С разложением общины и разорением общинников развивалось долговое рабство, которое с этого времени становится одним из основных источников частного рабовладения. Акт продажи свободного в рабство, как и вообще акт покупки раба, оформлялся составлением покупного контракта, так называемого *даньшу,* который хранился у рабовладельца. Освобождение раба могло быть осуществлено только путём уничтожения даньшу.

Значительные размеры приобрела в этот период работорговля и, в частности, торговля рабами-некитайцами. Известно, например, что работорговцы областей Шу и Ба добывали рабов на территории современной провинции Юньнань и продавали их местным рабовладельцам. Рабов свободно продавали и покупали, дарили и отдавали за долги.

Рост частного рабовладения. Использование рабского труда

Труд рабов использовался на промыслах, в ремесле, на строительных работах, в скотоводстве. Появились крупные частные рабовладельческие хозяйства. Отдельные рабовладельцы имели по несколько сотен и даже тысяч рабов.

Например, 10 тыс. рабов (тун) имел известный торговец и землевладелец Люй Бу-вэй. Несколько тысяч рабов (тун) было у крупного землевладельца Мяо Ду. Источники сообщают о собственниках железорудных и соляных промыслов, использующих в своих предприятиях труд сотен рабов. По свидетельству Сыма Цяня, в царстве Ци, где рабовладение было менее развито, чем в других царствах древнего Китая, некий Дяо Цзянь приобрёл огромное состояние, используя труд рабов, в том числе и рабов-военнопленных *(ну-лу),* на рыбной ловле, в соляном промысле и при перевозке грузов. Труд рабов находил известное применение и в сельскохозяйственном производстве. Однако в связи со спецификой имеющихся в нашем распоряжении источников и сложностью анализа терминов, обозначающих непосредственных производителей материальных благ, вопрос о том, в какой мере труд рабов как в этот, так и в предшествующий период древней истории Китая использовался в земледелии, остаётся пока не решённым.

Показательно, что в источниках, относящихся к рассматриваемому периоду, рабы в целом ряде случаев выступают как главный вид собственности и основной критерий богатства. Так, приводя биографию Чжо-ши — крупнейшего собственника железоделательных мастерских из Линьцюна, жившего в III в. до н. э., Сыма Цянь отмечает, что его богатство «достигло 1000 рабов (тун)». В другом месте Сыма Цянь приводит следующие данные о богатых людях, проживавших в том же Линьцюне спустя несколько десятилетий: «В Линьцюне было много богачей, Чжо Ван-сунь имел 800 рабов (тун), Чэн Чжэн — несколько сотен».

Обострение классовых противоречий

Социальные и экономические сдвиги в обществе вызвали резкое обострение классовых противоречий. Несмотря на тенденциозность имеющихся в нашем распоряжении источников, старающихся обходить молчанием восстания угнетённых масс, мы встречаем неоднократно краткие и глухие упоминания об этих движениях. Вместе с рядом косвенных данных они красноречиво свидетельствуют об усилении классовой борьбы в VI—III вв. до н. э.

В книге «Цзо чжуань», являющейся комментарием к летописи царства Лу «Чунь цю» («Весна и осень») которая содержит хронику событий с 722 по 481 г. до н. э., приводятся сведения как об отдельных случаях убийства рабами своих господ, так и о рабских бунтах. Одно из таких движений, проходивших под лозунгом

борьбы за сожжение даньшу, отмечается в царстве Чжэн в VI в. до н. э. К этому же времени относятся сведения о восстании рабов и свободных бедняков, возглавлявшемся неким Дао Чжэ. Оно охватило, по-видимому, значительную территорию. Как передаёт философ Чжуан-цзы (369—286), вооружённые повстанцы «свободно продвигались по стране, нападали на государства, громили дома, уводили скот и людей». В источниках, относящихся к периоду Чжаньго, часто встречаются краткие, но выразительные упоминания о «смутах». Характерно, что в исключительно жестоком уложении, введённом Ли Куем в царстве Вэй, законы «о ворах» и «о разбойниках» стояли на первом месте. Данные источников о введении в это время в ряде древнекитайских царств (например, в царствах Хань, Вэй и Цинь) новых, чрезвычайно строгих законов также свидетельствуют об обострении классовых противоречий.

Принимала всё более острые формы и борьба внутри господствующего класса. Представители новой имущественной знати — богатые рабовладельцы, не имевшие ни родовитого происхождения, ни титулов, приобретали всё больший вес в обществе, в то время как прежняя потомственная аристократия беднела и постепенно лишалась своего политического влияния.

С усилением власти денег и богатства разрушалась прежняя система наследования должностей. В ряде царств должности чиновников стали продаваться и покупаться, что открыло имущественной знати доступ в государственный аппарат. Оказавшись у кормила правления, представители этой знати стали добиваться проведения реформ для укрепления своего положения. Они выступали против привилегий, связанных с аристократическим происхождением, а также против патриархально-родовых пережитков, требовали объединения страны и узаконения свободной купли-продажи земли. Усиление новой, имущественной, знати и попытки проведения в её интересах реформ наталкивались на сильнейшее противодействие со стороны потомственной аристократии. Столкновение интересов различных социальных слоев вылилось в ожесточённую борьбу политических группировок и идеологических течений.

Возникновение идеологических течений даосизма, конфуцианства и фацзя

Самыми значительными из этих течений были *даосизм, конфуцианство* и *фацзя,* которое принято условно называть школой «легистов» («законников»). Политические платформы, выдвигавшиеся представителями этих направлений, были выражением интересов, с одной стороны, знати: старой, потомственной, и новой, имущественной, а с другой — эксплуатируемого земледельческого населения — общинников. Характерно, что создателями и проповедниками этих учений часто выступали люди незнатные и небогатые. Некоторые из них были выходцами из самых низких слоев общества, даже из среды рабов.

Основоположником даосизма считают полулегендарного мудреца Лао-цзы, жившего, по преданию, в VI—V вв. до н. э. и создавшего философский трактат, известный под названием «Дао дэ цзин» («Книга о дао и дэ»). Учение, изложенное в «Дао дэ цзине», явилось в известной мере выражением пассивного протеста земледельческой общины против усиления налогового гнёта, разорения и порабощения свободных общинников. Сочувствие к народу и его страданиям красной нитью проходит через всё содержание «Дао дэ цзина». Осуждая богатство, роскошь и знатность, Лао-цзы выступал против произвола и жестокости правителей, против насилия и войн. Социальным идеалом древнего даосизма был возврат к первобытной общине. Лао-цзы противопоставлял современной ему действительности, когда богатые и знатные утопают в роскоши, а «народ голодает оттого, что слишком велики поборы и налоги», времена далёкой древности, когда не было неравенства и угнетении и «люди не стремились приобретать богатства». Однако наряду со страстным обличением несправедливости и насилия Лао-цзы проповедо-

БЛЮДО С РОСПИСЬЮ ПО ЛАКУ
Из раскопок в районе города Чанша (Китай). V—III вв. до н. э.

вал отказ от борьбы, выдвигая теорию «недеяния». Теория «недеяния», согласно которой человек должен был покорно следовать *дао* — естественному течению жизни, являлась основным принципом социально-этической концепции даосизма.

Конфуцианство возникло как этико-политическое учение на рубеже VI—V вв. до н. э. и в дальнейшем получило исключительно широкое распространение. Его основателем считается проповедник родом из царства Лу — Кун-цзы (Конфуций, традиционные даты жизни 551—479 гг.). Конфуцианцы являлись идеологами тех слоев аристократии, которые были заинтересованы в сохранении патриархально-родовых пережитков и общинного землевладения. Они оправдывали классовое неравенство, но отрицательно относились к обогащению и возвышению людей незнатных. Согласно учению Конфуция, каждый человек в обществе должен был занимать строго определённое место. «Государь должен быть государем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном»,— говорил Конфуций. Конфуцианцы настаивали на незыблемости патриархальных отношений и придавали огромное значение культу предков.

Представители направления фацзя («легистов») выражали в основном интересы новой, имущественной знати. Они требовали установления частной собственности на землю, прекращения междоусобных войн между царствами и настаивали на проведении реформ, соответствующих требованиям времени. Это направление общественной мысли достигло расцвета в IV—III вв. до н. э. Наиболее выдающимися представителями фацзя были Шан Ян (умер в 338 г.) и Хань Фэй (III в. до н. э.). «Легисты» создали свою теорию политического и государственного устройства. В их произведениях впервые в истории Китая была выдвинута идея «юридического закона» как орудия государственного управления. В противоположность конфуцианцам, руководствовавшимся древними традициями и обычаями, «легисты» считали, что в основе управления государством должны лежать строгие и обязательные для всех законы *(фа)*, отвечающие запросам современности. Они были сторонниками создания сильного бюрократического государства.

Даосизм и учение фацзя находились в крайней оппозиции к конфуцианству. Наиболее острые формы приняла борьба между конфуцианцами и идеологами фацзя.

2. Борьба за политическое преобладание. Усиление царства Цинь

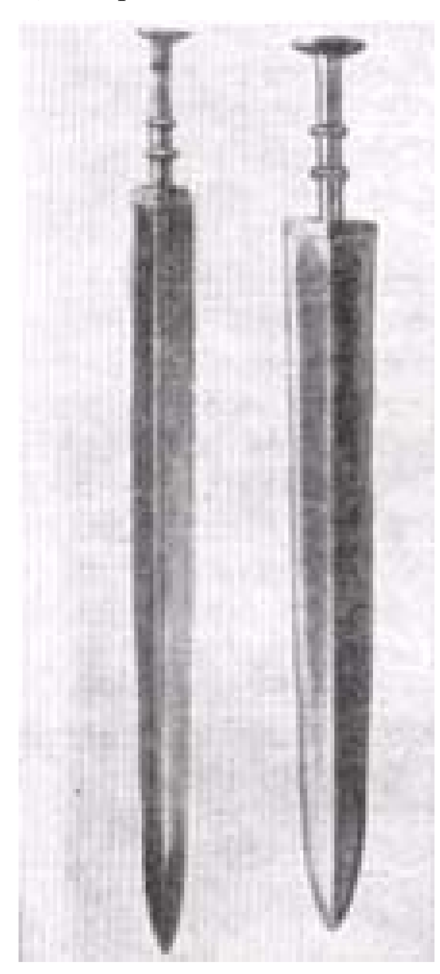
Политическая обстановка в Китае в V—IV вв. до н. э.

Социально-экономические сдвиги, происходившие в обществе древнего Китая в период Чжаньго, и обострение в это время внутренних противоречий привели к учащению междоусобных войн между отдельными царствами. Как уже упоминалось, наиболее сильными из них в V—IV вв. до н. э. оказались царства Ци, Вэй, Чжао, Хань, Чу, Цинь и Янь.

Наиболее древним из числа «семи сильнейших» было царство Ци. Расположенное на побережье Бохайского залива и Жёлтого моря, оно занимало в основном территорию современного Шаньдуна. Чрезвычайно плодородные земли царства Ци явились основой для развития здесь различных отраслей сельскохозяйственного производства и, в частности, шелководства, а прибрежное местоположение этого царства обусловило развитие в нём соляного и рыболовного промыслов. Вместе с тем в Ци не было недостатка и в рудных богатствах. Вырабатываемое здесь железо было известно своим высоким качеством. Ци было крупнейшим культурным центром древнего Китая. На рубеже IV—III вв. до н. э. в циской столице впервые в истории Китая была создана своего рода «Академия», где собирались известные ученые, и философы того времени.

К началу рассматриваемого периода в царстве Ци были проведены важные военно-административная и финансовая реформы. Введение этими реформами территориально-административного деления, изменение системы налогового обложения земледельческого населения и установление государственной монополии на соль и железо имели результатом чрезвычайное усиление Циского царства.

Царства Вэй, Чжао и Хань занимали территорию некогда могущественного царства Цзинь, распавшегося в 403 г. до н. э. в результате борьбы между крупнейшими аристократическими родами. Их территория» являвшаяся районом древнейшего распространения китайских племён, была наиболее заселённой. Особенно многолюдным было расположенное в плодородной равнине царство Вэй, с которым по плотности населения не могло сравниться никакое другое современное ему царство древнего Китая. Земли этих царств были богаты залежами металлических руд, в особенности железа, которое, по данным, содержащимся в «Цзо чжуани», впервые стало добываться и обрабатываться именно в царстве Цзинь. В период Чжаньго здесь находились крупнейшие по тому времени центры обработки железа. Железное оружие из царства Хань славилось по всему Китаю. Наиболее крупным из этих трёх царств было Чжао, считавшееся одним из самых сильных в военном отношении царств древнего Китая.

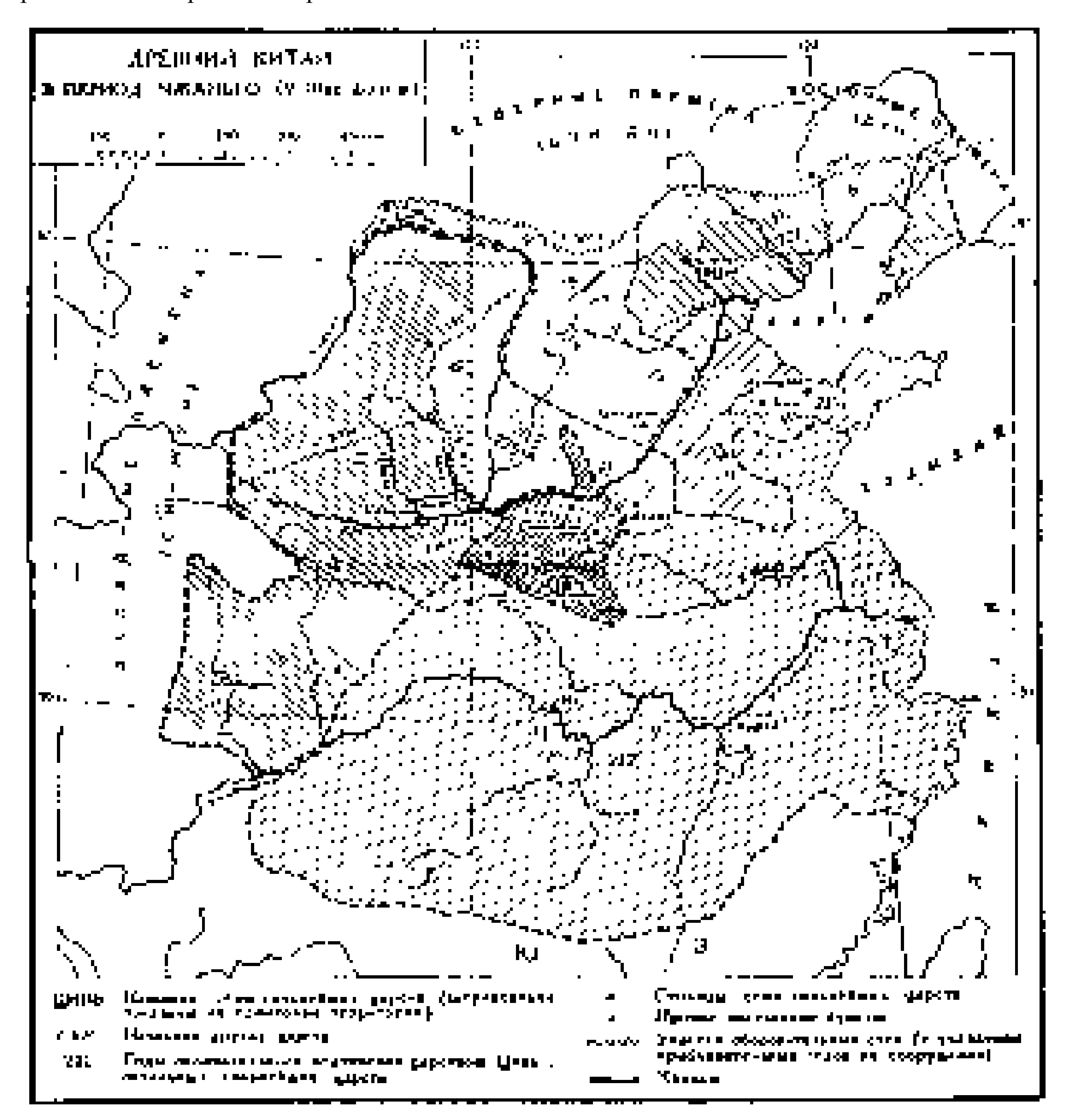

Бронзовые мечи.
Из раскопок в районе города Чанша (провинция Хунань).
V—III вв. до н. э.

Царство Чу стало играть заметную роль с начала VI в. до н. э. Укреплению царства Чу способствовало проведение в нём реформ, направленных против господства родовой аристократии. В IV в. до н. э. Чу было самым могущественным царством среди «семи сильнейших». Его территория, расположенная в бассейнах рек Хуайхэ и Янцзыцзян, охватывала более трети той площади, которую занимали все древнекитайские царства в целом. Земли Чуского царства были богаты лесом, месторождениями железа, олова, меди и золота. Как показали раскопки последних лет, в царстве Чу высокого развития достигли железоделательное, бронзолитейное, деревообделочное, лаковое и другие ремёсла. Археологические материалы и литературные памятники свидетельствуют о том, что период Чжаньго был для Чуского царства временем расцвета его древней и самобытной культуры, которая оказала большое влияние на дальнейшее культурное развитие всего Южного Китая.

Царство Цинь было расположено на северо-западе Китая. По территории оно почти не уступало Чу, но было менее населённым. Будучи в соседстве с такими сильными царствами, как Чу и Цзинь, оно постоянно находилось под угрозой их вторжений. В течение длительного времени Цинь занимало по отношению к ним оборонительную позицию, направляя основное внимание на захват территорий северо-западных племён жунов. К V в. до н. э. в результате успешных войн с этими племенами Цинь значительно расширило свою территорию. Раздробление в конце V в. до н. э. царства Цзинь и обострение борьбы между центральными царствами в известной мере отвлекли от Цинь внимание опасных соседей. Более решительное, чем в других царствах, проведение в нём в середине IV в. до н. э. реформ, способствовавших социально-экономическому развитию, обусловили его быстрое усиление. В конце IV в. до н. э. Цинь

уже могло соперничать по силе и мощи даже с таким могущественным царством, как Чу.

Царство Янь находилось на крайнем северо-востоке. Его столица — город Цзи — была расположена в районе современного Пекина. Янь было меньше и сла



Древний Китай в период Чжаньго (V—III вв. до н. э.)

бее других из числа «семи сильнейших», однако оно имело большое стратегическое и политическое значение. Отсюда шли важные пути в Южную Маньчжурию и Северную Корею. Связи как торговые, так и политические между населением северо-восточной части древнего Китая и племенами, населявшими территорию Маньчжурии и Северной Кореи, существовали со времён глубокой древности. Туда

направлялись из Янь волны переселенцев, которые оседали там и создавали постоянные поселения.

Янь не принимало особенно большого участия в междоусобной борьбе царств. Напряжённые войны оно вело только с царством Ци, которое с конца IV в. до н. э. непрерывно нападало на Янь, воспользовавшись разгоревшимися там к этому времени внутренними смутами.

Кроме «семи сильнейших» на территории Китая к началу периода Чжаньго находилось ещё несколько царств, среди которых следует назвать такие царства, как Чжэн, Сун, Лу, Западное и Восточное Чжоу. В обстановке напряжённых войн между «семью сильнейшими» эти небольшие царства не могли сохранить своей самостоятельности и за время с середины IV в. по середину III в. до н. э. были постепенно подчинены более сильными, Чжэн было завоёвано царством Хань, Сун — царством Ци, Чжоу были присоединены к царству Цинь, а Лу захвачено царством Чу.

Усиление междоусобных войн и борьба за создание древнекитайской империи

Развитие ремесла, торговли и обмена, необходимость установления контроля над системой ирригации создали известные предпосылки для объединения древнекитайских царств в единое государство. Существование на территории Китая множества самостоятельных царств, которые вели непрерывные войны друг с другом, становилось препятствием для дальнейшего экономического развития страны.

Объединение разрозненных и постоянно враждующих царств в сильное государство диктовалось и классовыми интересами рабовладельческой знати, так как обострение в период Чжаньго социальной борьбы внутри отдельных царств создавало угрозу для всего господствующего класса в целом. Этого требовала и возросшая опасность постоянных грабительских набегов кочевых племён, особенно северных, у которых в III в. до н. э. сложился мощный племенной союз, возглавляемый вождями из племени гуннов, К III в. до н. э. междоусобные войны между отдельными царствами достигли особенного напряжения. В ходе этих войн на первое место выдвинулось царство Цинь.

Усиление царства Цинь. Реформы Шан Яна

Как уже отмечалось, до IV в. до н. э. Цинь не принимало активного участия в междоусобной борьбе царств за гегемонию и было сравнительно слабым среди других крупных царств древнего Китая. Однако со времени правления Сяо гуна (361—338) началось его быстрое усиление.

Ограждённое естественными рубежами — рекой Хуанхэ и горными хребтами, царство Цинь было более или менее защищено от вражеских вторжений. В то же время оно занимало удобные стратегические позиции для наступления на соседние царства и племена. Земли Циньского царства, расположенные в бассейнах рек Вэйхэ, Цзинхэ и Лохэ, были очень плодородны. В середине III в. до н. э. одновременно с созданием канала«Чжэн Го» здесь были проведены работы по осушению болот, что значительно повысило урожайность полей. С проведением ирригационных работ эти области стали самыми плодородными областями древнего Китая. По территории царства Цинь проходили важные торговые пути, и торговля с соседними племенами явилась одним из источников его обогащения. Особое значение для государства Цинь представляла торговля с северными племенами — посредниками в торговле древнекитайских царств со странами Средней Азии. Основными предметами вывоза из Цинь были железо и железные изделия, соль и шёлк. От скотоводческих племён севера и северо-запада циньцы получали шерсть, шкуры и рабов. На юго-западе царство Цинь торговало с жителями областей Шу и Ба. Плодородные земли и горные богатства Шу и Ба, лежавших к тому же на стыке торговых путей, которые вели далеко на юго-запад вплоть до Индии, стали одним из первых объектов экспансии Циньского царства.

В середине IV в. до н. э. в царстве Цинь были осуществлены важные реформы, способствовавшие его экономическому, военному и политическому укреплению. Эти

реформы проводил сановник Циньского царства Шан Ян — один из наиболее видных представителей и ревностных сторонников учения фацзя. Отражая интересы новой, имущественной знати, реформы Шан Яна были направлены на разрушение общинных связей и прокладывали путь дальнейшему развитию частнособственнических отношений в Циньском царстве.

Особую важность представляла земельная реформа, нанёсшая решительный удар общинному землевладению. Согласно установлениям Шан Яна земля стала свободно покупаться и продаваться. «На полях,—как отмечают источники,— отменили старые межи», было разрешено «обрабатывать землю в неограниченных размерах». Узаконение продажи и заклада земли неизбежно влекли за собой, с одной стороны, быстрое разорение общинников, терявших землю, которой они владели раньше по праву принадлежности к общине, а с другой— концентрацию земли в руках новой, торгово-ростовщической знати. Распад общины ускорялся также и законом о принудительном дроблении больших семей, который гласил: «Если в семье имеется двое и более мужчин, и они не разделили между собой хозяйство, то с каждого брать двойной налог».

В целях централизации государства Шан Яном было проведено новое административное деление по территориальному принципу, нарушавшее прежние границы по-видимому, связанные по своему происхождению ещё со старым родоплеменным делением. Всё царство Цинь было разделено на 41 (а по некоторым данным, на 31) уезд *(сян).* Уезды дробились на более мелкие подразделения, во главе каждого были поставлены государственные чиновники. Самыми мелкими административными единицами стали связанные круговой порукой объединения из 10 и 5 семей. Круговая порука обязывала всех членов этих взаимоответственных семей отвечать за преступления каждого из них. В качестве наказания им грозило обращение в государственных рабов. Наказанию подвергались также и семьи, скрывшие у себя преступника.

Узаконение реформами Шан Яна частной собственности на землю и поощрение им земельных захватов стояли в непосредственной связи с изменением в это время системы взимания налогов.

Вместо прежнего земельного налога, составлявшего $^{1}/_{10}$ часть урожая, Шан Ян ввёл новый налог в соответствии с количеством обрабатываемой земли. Это обеспечило правящему классу Циньского царства ежегодный постоянный доход, не зависящий от сбора урожая. Засухи, наводнения, неурожаи теперь всей тяжестью ложились на земледельцев. Новая система взимания налогов обеспечивала огромные средства, необходимые правителям царства Цинь для ведения войн.

В процессе длительных войн с северо-западными племенами Циньское царство приобрело большой военный опыт и разработало свою военную систему, окончательно оформившуюся в результате военной реформы Шан Яна. Циньское войско было перевооружено и реорганизовано. В его состав была включена конница. Боевые колесницы, составлявшие основу военной мощи прежней потомственной аристократии, исключались из состава армии. Бронзовое оружие постепенно заменялось новым — из железа. Длинную верхнюю одежду воинов сменила короткая, как у кочевников, куртка, удобная для передвижения и боя. Армия была разделена на пятёрки и десятки, связанные системой круговой поруки. Солдаты, не проявившие должного мужества, подвергались тяжёлому наказанию. После проведения военной реформы Шан Яна циньская армия стала одной из самых боеспособных армий древнекитайских царств.

Шан Яном было создано 18 степеней знатности за военные заслуги. За каждого взятого в плен и убитого врага полагалась одна степень. «Родовитые дома, не имеющие военных заслуг, не могут больше состоять в списках знати»,— говорилось в указе. Однако степени знатности, которые сначала давались только за военные заслуги, впоследствии стали продаваться.

Шан Ян считал, что нужно установить ясное различие между «благородными» и простым народом по количеству полей, домов, рабов и по богатству одежды, кладя, таким образом, в основу социального деления имущественный принцип.

Прежней потомственной аристократии, связанной с общиной и заинтересованной в сохранении патриархально-родовых пережитков, реформами Шан Яна был нанесён сильный удар. На смену этой знати, сила и влияние которой основывались, как правило, на наследственных привилегиях, к власти в царстве Цинь пришла новая знать — военная и торгово-ростовщическая.

Реформаторская деятельность Шан Яна вызвала сильнейшее недовольство родовой земельной аристократии. После смерти покровительствовавшего ему Сяо гуна Шан Ян вынужден был бежать, но был схвачен и казнён. Однако все мероприятия, проведённые Шан Яном, остались в силе.

Оценка реформ Шан Яна в современной историографии и общая характеристика периода

Реформы Шан Яна и их социально-экономическое значение по-разному оцениваются в современной марксистской историографии. Большинство исследователей согласно с тем, что реформы Шан Яна были направлены на разрушение общинных связей и утверждение частной собственности на землю. Однако эту форму собственности учёные характеризуют по-разному, рассматривая её в свете своих общих представлений о закономерностях развития древнекитайского общества.

Ряд исследователей расценивает эту форму собственности как феодальную. Среди историков, придерживающихся этого мнения, можно наметить два основных направления: сторонников развития в Китае феодализма с очень раннего времени—по крайней мере с начала I тысячелетия до н. э. — и тех ученых, которые период Чжаньго считают начальным периодом феодального способа производства.

Сторонники существования феодализма в Китае с конца II—начала I тысячелетия до н. э. считают, что земельная реформа Шан Яна знаменовала собой переход от ленной системы землевладения к феодально-помещичьей системе. С этим переходом они связывают развитие в период Чжаньго торговли, товарно-денежных отношений, рост городов и т. п. Введение в VI—V вв. до н. э. в ряде царств нового земельного налога эти учёные рассматривают как переход от отработочной ренты к ренте продуктами. Такие явления, как наёмный труд и мелкая аренда, они считают характерными для перехода к феодально-помещичьей системе. Сторонники утверждения феодализма в Китае в период Чжаньго видят в них один из симптомов перехода от рабовладения к феодализму.

Многие исследователи склонны считать появление в этот период долговых рабов и развитие частного рабства пережитками рабовладения в недрах феодальной формации. Они отмечают, что рабство продолжало играть очень значительную роль в общественной жизни как в данный, так и в последующий период древней истории Китая, что рабов было множество, что в ремесле и на промыслах их труд находил большое применение. Однако, поскольку в главной отрасли хозяйства — земледелии — основными производителями были не рабы, а крестьяне-арендаторы, распространённые в это время рабовладельческие отношения они расценивают только как рабовладельческий уклад в феодальном обществе.

Вместе с тем целый ряд учёных, сопоставляя данные из истории Китая с общеисторическими закономерностями развития рабовладельческой формации в странах Средиземноморья и Передней Азии, приходит к заключению, что те серьёзные изменения в области экономики и общественных отношений, политической жизни и идеологии, которые происходили в древнекитайских царствах в период Чжаньго и получили отражение в реформах Шан Яна, знаменовали собой переход не от рабовладельческого строя к феодальному, а от раннерабовладельческих отношений к

развитому рабовладению. Они считают, что развитие в период Чжаньго товарно-денежного обращения, появление металлических денег, рост и оживление городов, усовершенствование методов земледелия, а также разрушение общинных и внедрение частнособственнических отношений с вытеснением потомственной, родовой по своему происхождению, аристократии имущественной знатью были несомненными признаками этого перехода. Предпосылкой к тому было распространение в Китае с середины I тысячелетия до н. э. железной техники, повлёкшее за собой быстрое повышение уровня производительных сил. Обжатом переходе свидетельствует развитие в период Чжаньго частной собственности на рабов и частного рабовладения. Однако наряду с общими явлениями этот этап развития древнекитайского общества имел и свои специфические особенности.

Специфической особенностью развития рабовладельческой формации в древнем Китае, как и в большинстве стран древнего Востока, было длительное сохранение общины и значительное преобладание в сельскохозяйственном производстве на всём протяжении древней истории Китая труда земледельцев-общинников над трудом рабов. С конца периода Чжаньго в связи с постепенным разложением общины и разорением части общинников в земледелии начинает использоваться труд наёмных работников и получает развитие мелкая аренда— явление, весьма характерное и для других рабовладельческих стран древнего Востока.

Другой особенностью древнекитайского общества являлось сосуществование наряду с развитыми формами рабства таких примитивных форм рабовладения, как патриархальное домашнее рабство, самопродажа свободных людей и долговое рабство, причём долговое рабство развилось в Китае сравнительно поздно и получило очень широкое распространение, являясь едва ли не основным источником частного рабовладения. Это не могло не отразиться на общем характере рабовладения в древнем Китае и, в частности, на положении рабов.

Развитие в V—III вв. до н. э. частнособственнических и рабовладельческих отношений привело к обострению классовых противоречий, а также противоречий между старой, наследственной землевладельческой аристократией и новой, торгово-ростовщической знатью. Эта борьба выражалась в восстаниях и политических переворотах, о которых мы находим краткие упоминания в источниках, в напряжённой борьбе идеологических течений. Получившие распространение в этот период даосизм, древнее конфуцианство, фацзя и другие направления в конечном итоге отражали борьбу идеологий свободных общинников, родовой аристократической верхушки и представителей новой, имущественной знати.

Завоевания царства Цинь

В результате проведения реформ Шан Яна царство Цинь превратилось в сильное централизованное государство. Со времени правления Сяо гуна началась ожесточённая борьба Циньского царства за объединение под своей гегемонией всей территории древнего Китая. Первым объектом захватнической политики Сяо гуна стало находившееся к востоку от Цинь соседнее царство Вэй. Циньские войска под руководством Шан Яна, прославившегося в качестве не только реформатора, но и стратега, нанесли Вэй крупное поражение.

При следующих за Сяо гуном правителях циньские войска захватили земли царства Вэй вплоть до большой излучины реки Хуанхэ. Успешное форсирование Хуанхэ облегчило циньским войскам путь к дальнейшим завоеваниям. С этого времени Цинь постоянно совершало нападения на расположенные к востоку от большой излучины Хуанхэ земли царств Вэй и Чжао, а также на земли Ханьского царства, присоединяя к себе по частям их территории.

В ответ на агрессивные действия Цинь царства Хань, Чжао, Вэй, Янь и Ци заключили между собой военный союз и выступили совместно против Циньского царства, но потерпели поражение. Затем были разбиты циньскими войсками и объединённые армии Чжаоского, Ханьского и Вэйского царств.

Ослабив Вэй и Хань и присоединив к себе значительную часть территории современной провинции Сычуань, Циньское царство столкнулось с самым крупным по размерам и наиболее сильным царством Чу, также претендовавшим на роль гегемона. Чу заключило договор о взаимной помощи с царством Ци. Циньские правители не жалели средств, чтобы оторвать Чуское царство от союзников. Засылая в Чу лазутчиков, действуя подкупом, хитростью и прямым обманом, Цинь, наконец, удалось расколоть этот союз и сорвать заключение соглашений между Чу и другими царствами. Изолировав таким образом Чу от остальных царств, Цинь открыло против него военные действия и нанесло ему ряд серьёзных поражений. В 278 г. до н. э. циньские войска вторглись в царство Чу и захватили его столицу — город Ин. В результате этой победы Цинь присоединило к себе значительную часть территории Чуского царства.

Кожаный щит воина, расписанный цветным лаком.
Из раскопок в районе города Чанша (провинция Хунань).
V—III вв. до н. э.

Подорвав таким образом силы самого опасного из своих соперников, Цинь направило свой новый удар на сохранившее ещё значительную силу царство Чжао. Война с Чжао была наиболее жестокой и напряжённой из всех войн, которые вело Циньское царство. По свидетельству источников, в ней чжаосцы потеряли убитыми 450 тыс. человек, а войска Цинь — более половины этого количества.

Потерпев сильнейшее поражение, Чжао едва смогло с помощью подкреплений, присланных царствами Вэй и Чу, удержать в своих руках столицу — город Ханьдань.

К середине III в. до н. э. Циньское царство не имело себе равных по силе и мощи. Обессиленные непрерывными войнами и внутренними смутами, потерявшие значительную часть своих территорий, древнекитайские царства были не в состоянии оказывать дальнейшее сопротивление Цинь, и их окончательное поражение было лишь вопросом времени.

3. Идеология и культура Китая в V—III вв. до н. э.

Развитие естественнонаучных знаний и философии

Важные сдвиги в социально-экономической и политической жизни Китая сопровождались крупными успехами в развитии культуры.

Потребности земледелия вызвали очень раннее возникновение в древнем Китае астрономических знаний. Уже в глубокой древности китайские астрономы умели вычислять время зимнего и летнего солнцестояния, солнечных и лунных затмений. В период Чжаньго в Китае получил распространение лунно-солнечный календарь, исчислявший длительность года приблизительно в 365,25 суток, а продолжительность месяца—в 29,53 суток. В связи с разницей между лунным и солнечным годом в календарь были внесены дополнительные месяцы: на каждые 19 лет — семь дополнительных месяцев.

В древнекитайских летописях сохранились записи об астрономических наблюдениях, причём правильность многих из них подтверждена современной астрономией. Так, начиная с 240 г. до н. э. китайские учёные совершенно точно отмечали каждое появление кометы Галлея, упоминание о которой впервые было сделано в летописи царства Лу под осенью 613 г. до н. э. Ко времени Чжаньго китайские астрономы разделили небесный свод на созвездия. Они имели представление о Млечном пути, определили положение и внешний вид ряда планет, дали названия ярчайшим звёздам. В IV в. до н. э. учёным Ши Шэнем был составлен первый в мировой истории звёздный каталог на 800 светил. Изучая движение светил, древнекитайские астрономы пытались по изменению их местоположения предсказывать изменения погоды.

Необходимость создания ирригационных сооружений привела к развитию в это время практических математических знаний и, в частности, геометрии. Древним китайцам были известны свойства прямоугольного треугольника, ими было установлено равенство квадрата гипотенузы сумме квадратов катетов.

Источники дают сведения о развитии в период Чжаньго элементарных знаний по анатомии и медицине.

Развитие элементарных естественнонаучных знаний послужило основой для возникновения наивных материалистических идей. Пытаясь проникнуть в тайны природы, древнекитайские учёные искали первоэлементы вещей. По их представлениям, основу материального мира составляли пять первоэлементов: вода, огонь, дерево, металл и земля. В древнейших китайских натурфилософских трактатах большое внимание уделялось изучению и описанию физических свойств этих основных элементов.

Примитивная натурфилософия древних китайцев нашла своё отражение в главе «Хун фань» («Великий план») «Шу цзина» («Книги истории») и в «И цзине» («Книге перемен»). Традиционная дата составления этих сочинений — XI—VII вв. до н. э., однако, как показали недавние исследования проф. Го Мо-жо и других китайских учёных, их написание следует относить к более позднему времени. В период Чжаньго неизвестными авторами был создан натурфилософский трактат «Си цы чжуань», излагающий учение о материальном мире, в котором стихийные материалистические представления сочетаются с некоторыми элементами диалектического мышления. Одна из основных идей этого трактата — изменчивость всего существующего, обусловленная борьбой двух противоположных начал: *ян*—света и *инь*—тьмы. В борьбе этих сил рождаются пять первоэлементов—вода, огонь, дерево, металл и земля — и всё многообразие вещей и явлений мира. В «Си цы чжуани» мы находим изложение учения о «триаде» («небо — земля — человек»), в котором человек не противопоставляется небу и земле, а занимает одинаковое с ними место в системе бытия.

V—III века до н. э. были периодом интенсивного развития философского мышления. В это время зародились основные школы китайской философии. В трактатах

того времени нашло отражение развитие двух основных направлений философии: материализма и идеализма.

Наивные материалистические идеи получили развитие в учении Лао-цзы, считающегося, как уже упоминалось, основоположником древнего философского даосизма. Учение Лао-цзы было впоследствии изложено в «Дао дэ цзине», текст которого в том виде, в каком он дошел до нас, по-видимому, был составлен не ранее IV—III вв. до н. э. Выше были рассмотрены социальные идеи даосизма. Остановимся теперь на философском содержании этого учения. По «Дао дэ цзину», все вещи состоят из мельчайших материальных частиц *ци.* Основной философской категорией «Дао дэ цзина» является понятие дао, означающее в прямом переводе «путь», «закон». Согласно учению Лао-цзы, мир подчинён единому закону — дао. Дао является основой и источником всего существующего, «матерью всех вещей». В учении Лао-цзы оно противопоставлено религиозным представлениям о «небесной воле» и выступает как закон необходимости самой природы. Определяющим признаком дао является его естественность. «Человек следует земле, земля следует небу, небо следует дао, а дао следует естественности». В этом положении раскрывается материалистическое содержание категории дао. В качестве образного примера наивно-материалистического толкования дао можно привести следующую притчу философа IV—III вв. до н. э. Чжуан-цзы о мяснике и вэйском правителе. Правитель царства Вэй, узнав об умении одного мясника разрубать быка тремя ударами, даже не затупив при этом топора, спросил, как это ему удаётся. Мясник ответил: «...Я всю свою жизнь постигал дао быка. Изучив дао животного, я могу делать это тремя ударами, а мой топор остаётся таким же острым, как и прежде. Другие делают это пятью ударами, после чего топоры их становятся тупыми».

Наивно-материалистическое учение Лао-цзы было проникнуто стихийным диалектическим мышлением. Согласно «Дао дэ цзину», мир находится в постоянном движении и изменении, все вещи и явления в процессе своего развития переходят в свою противоположность. «Неполное становится полным, кривое—прямым, пустое — наполненным, ветхое — новым». Однако основой развития мира, по «Дао дэ цзину», является всеобщее единство, а не борьба противоположностей. Для даосизма характерно пассивное, созерцательное отношение к действительности. Лао-цзы считал, что человек не должен вмешиваться в естественное течение жизни, не должен нарушать своими действиями естественный закон дао.

Второй важнейшей категорией изложенного в «Дао дэ цзине» учения является понятие *дэ,* которое выступает как обнаружение дао. Благодаря ему дао, само по себе непознаваемое, проявляется в мире вещей и явлений и, в частности, в человеке. Оба они составляют основу мира, оба следуют «естественности».

Древнее учение о дао, как о естественном законе развития и изменения мира, оказало плодотворное влияние на развитие естественнонаучных знаний и явилось в известном смысле отправным пунктом для дальнейшего развития материалистических идей в древнем Китае.

Материалистическая философия Ян Чжу

Одним из крупнейших представителей материалистического направления в древнекитайской философии был живший в V—IV вв. до н. э. в царстве Вэй мыслитель-атеист Ян Чжу, философия которого была тесно связана с древним даосизмом.

К сожалению, о Ян Чжу и его учении мы располагаем чрезвычайно скудными данными. После Ян Чжу не осталось никаких сочинений. Лишь очень краткие сведения о нём и его последователях имеются в произведениях древних философов IV— III вв. до н. э. Чжуан-цзы и Мэн-цзы. Основным же источником, излагающим философию Ян Чжу, является одна из глав книги «Ле-цзы» — произведения очень сложного, включающего в себя тексты, относящиеся к различным эпохам. «Ле-цзы» в дошедшем до нас виде было составлено только в III—IV вв. н. э. Тем не менее, сопоставление и критический анализ данных источников позволяют

восстановить в общих чертах философию этого выдающегося мыслителя-материалиста.

Ян Чжу отрицал существование какой бы то ни было сверхъестественной силы и настаивал на том, что всё в мире подчинено закону естественной необходимости. Согласно его мировоззрению, мир находится в непрерывном изменении. Формой связи человека с реальной действительностью Ян Чжу считал непосредственное чувственное восприятие.

Основным содержанием учения Ян Чжу было наивно-материалистическое учение о человеке. Ян Чжу утверждал, что человек является частью материального мира. Подобно всем другим существам он состоит из пяти первоэлементов материального ци и отличается от остальных живых существ только тем, что обладает разумом. Ян Чжу учил: «Человек подобен небу и земле и соединяет в себе природу пяти постоянств. Человек наиболее разумен из живых существ...».

Ян Чжу категорически отрицал бессмертие души и существование потустороннего мира. По его учению, смерть является естественно-необходимым явлением. «Все существа одинаково рождаются и одинаково умирают»,— учил Ян Чжу. «В жизни все вещи отличаются друг от друга, в смерти же все они равны. В жизни ость мудрые и глупцы, знатные и незнатные—и это то, что различает их (людей). В смерти же есть тление и уничтожение, тление и разрушение—вот что делает их равными». Со смертью человека прекращается его существование, исчезает его дух. «(Согласно) закону (природы) не существует бессмертия, —утверждал Ян Чжу, — ...(согласно) закону (природы) нет вечной жизни...». Ян Чжу решительно выступал против проповедуемого конфуцианцами культа предков: «...не кладите в рот (мёртвым) жемчужин и драгоценных каменьев,—говорил он,—не надевайте (на них) вышитых шёлковых одеяний, не приносите в жертву быка и не выставляйте роскошной утвари». Ян Чжу считал, что человек не должен интересоваться тем, что будет после его смерти. Он призывал относиться к смерти с философским безразличием, как к естественному, закономерному явлению, и стремиться к максимальному использованию радостей жизни.

Ян Чжу требовал полного и всестороннего развития физической и духовной сущности человека и разумного удовлетворения его потребностей и желаний. Выступая против конфуцианской морали, против навязанных человеку норм поведения, ограничивающих его естественное развитие, Ян Чжу развивал учение о свободной личности, подчинённой только собственной природе и следующей своим естественным влечениям. Он считал высшим этическим идеалом наслаждение жизнью и счастье индивидуума, защищая принцип: «всё для себя». «Нужно осуществлять то, чего желают наши органы чувств,— говорил Ян Чжу,— нужно действовать так, как хочет наша душа».

Борьба материалистического и идеалистического направлений в философии

У Ян Чжу было много учеников и последователей. Его учение получило значительное распространение. Философы-идеалисты резко выступали против учения Ян Чжу. Особенно яростным нападкам подвергалось это учение со стороны конфуцианцев. Один из крупнейших представителей идеалистического направления в древнекитайской философии — конфуцианец Мэн-цзы (IV—III вв. до н. э.) обвинял Ян Чжу в крайнем эгоизме и утверждал, что «(принцип) Ян Чжу — „для себя" —означал отрицание государя». Отмечая широкое распространение взглядов Ян Чжу, Мэн-цзы призывал к уничтожению его учения, как оказывающего пагубное влияние на умы и подрывающего основы конфуцианства.

Борьба между идеализмом и материализмом нашла отражение в возникновении в период Чжаньго множества философских учений, между которыми шла напряжённая идеологическая борьба.

Из среды конфуцианцев в это время также выделился ряд материалистически настроенных мыслителей. Исследования современных китайских учёных свидетельствуют о наличии материалистических идей в космогоническом учении Конфуция. Так, в этико-политическом сочинении «Лунь юй» («Беседы и суждения», V—IV вв. до н. э.), где изложены беседы Конфуция с его учениками, говорится: «...все явления природы... происходят независимо от Неба, от Божества, сами по себе, естественным путём...». Философом-материалистом был крупный мыслитель, последователь Конфуция Сюнь-цзы (III в. до н. э.). Сюнь-цзы отрицал существование «небесной воли» и считал, что небо, обожествляемое другими конфуцианцами, представляет собой лишь часть природы и не обладает сознанием, что все явления природы естественны и не зависят от чьей-либо воли. Сюнь-цзы проводил мысль об активной роли познания, основанного на чувственном восприятии действительности.

Бамбуковые дощечки с надписями.
Из раскопок в районе, города Чанша (провинция Хунань).
V—III вв. до н. э.

Однако в целом конфуцианство, заимствовавшее из религиозных учений понятие неба как верховного божества, развивалось на идеалистической основе. Если сам Конфуций не проявлял особого философского интереса к проблемам бытия, то его последователи, в частности Мэн-цзы, ожесточённо выступали против представителей материалистических учений, разрабатывая положение о «небесной воле», повелевающей людьми и осуществляемой через мудрое управление государя.

С течением времени эволюцию в сторону идеализма претерпел даосизм. Последователи Лао-цзы извратили первоначальную наивно-материалистическую сущность древнего философского даосизма, придав идеалистическое толкование основной философской категории даосизма—дао. Эта эволюция обнаруживается уже в «Дао дэ цзине», содержащем в себе известные элементы идеалистического мировоззрения. Окончательно даосизм выступает как мистико-идеалистическая философия у Ле-цзы (V—IV вв. до н. э.), которому традиция приписывает составление трактата, известного под тем же названием, и особенно у Чжуан-цзы. Однако даже в сочинениях Чжуан-цзы, как мы видели выше, встречаются иногда отголоски того наивно-материалистического толкования дао, которое было сначала присуще древнему философскому даосизму.

Чжуан-цзы был подобно Мэн-цзы непримиримым противником материалистического учения Ян Чжу. Отрицая чувственное восприятие внешнего мира и возможность объективного отношения к действительности, Чжуан-цзы придал даосизму идеалистическое и мистическое толкование. Он определял дао как абсолютное единство, примиряющее все противоречия окружающего мира, и развивал идею о тождестве жизни и смерти в едином, абсолютном дао. Жизнь представлялась Чжуан-цзы иллюзией, а смерть трактовалась им как возвращение к дао — истинному бытию бессмертной души. Путь познания мыслился Чжуан-цзы как отвлечение от окружающей действительности, что давало, по его мнению, возможность восприятия дао.

С критикой субъективного идеализма Чжуан-цзы и его последователей выступали сторонники идеалистического течения моистов — последователей философа Мо Ди, учение которых получило в IV—III вв. до н. э. значительное распространение. Монеты уделяли большое внимание проблеме познания. Они считали, что источником наших знаний об окружающем мире являются органы чувств. Несмотря на наличие в учении моистов элементов материалистического мышления, в целом их мировоззрение носило религиозно-идеалистический характер. Монеты требовали соблюдения религиозных предписаний и культа предков. В основе их философии лежало религиозное представление о «Небе», как о верховном божестве, и признание его воли высшим и определяющим началом. В то же время монеты выступали также против проповедовавшейся конфуцианцами предопределённости судьбы, утверждая, что судьба каждого человека зависит от него самого.

В борьбе с идеалистическими течениями в философии укреплялись материалистические учения, возникновение и развитие которых было тесно связано с прогрессом естественнонаучных знаний. В свою очередь, разработка материалистических взглядов на природу двигала вперёд развитие науки.

Развитие материалистических идей в древнем Китае в V—III вв. до н. э., в период обострения социальной борьбы, стояло в непосредственной связи с борьбой прогрессивных, передовых общественных групп против старой, родовой по своему происхождению, аристократии, среди которой, как правило, господствовало идеалистическое мировоззрение. Философами-материалистами были представители направления фацзя, учение которых получило в III в. до н. э. исключительно широкое распространение. Крупнейшим идеологом этого учения был Хань Фэй, разоблачавший религиозную мистику и утверждавший, что дао — это естественный путь развития природы.

Литература. Творчество Цюй Юаня

Период Чжаньго знаменовался крупными сдвигами в области литературного творчества. Особенных успехов достигла поэзия. В это время на юге Китая, в царстве Чу, получил развитие литературный поэтический жанр, тесно связанный с народным творчеством,— «Чу цы» («Чуские строфы»). Крупнейшим представителем этого жанра был замечательный поэт Цюй Юань (340—278), творчество которого оказало большое влияние на дальнейшее развитие китайской поэзии. Если все дошедшие до нас более ранние поэтические произведения, и в первую очередь «Ши цзин» («Книга песен»), являлись памятниками народной песенной и ритуальной поэзии, то произведения Цюй Юаня свидетельствуют о совершившемся к этому времени переходе от устного песенно-поэтического творчества к литературной поэзии, имеющей индивидуального автора.

Цюй Юань родился в царстве Чу и происходил из знатного аристократического рода. Он жил в напряжённое время, когда царство Цинь развернуло ожесточённую борьбу за объединение древнего Китая под своей гегемонией и его захватническая политика непосредственно угрожала независимости Чуского царства. Занимая высокие посты при дворе чуского правителя, Цюй Юань настаивал на решительном сопротивлении военным планам царства Цинь и требовал заключения союза против Цинь между Чу и пятью остальными крупными древнекитайскими царствами. Однако в обстановке подкупов и политических интриг смелые действия Цюй Юаня вызвали резкое недовольство придворных сановников. Цюй Юань подвергся опале, был отрешён от должности и изгнан из столицы. Он тяжело переживал изгнание. Предсмертное произведение Цюй Юаня «Поэма скорби и гнева» передаёт трагедию великого поэта. Предание гласит, что, когда старый поэт узнал о полном поражении, которое потерпели чуские войска, и сдаче чуской столицы, он, будучи не в силах пережить позора своей страны, бросился в глубокий омут.

Конфликт поэта с окружающей средой нашёл яркое отражение в его произведениях, таких, как «Девять напевов», «Призыв души», «Вопрошаю небо», «Жаль мне минувших дней» и др. Характерной чертой поэтического творчества Цюй Юаня

является связь его поэм с современной ему действительностью. Многие произведения Цюй Юаня носят обличительный и сатирический характер, в них поэт со свойственной ему страстностью обличает клевету, лицемерие и интриги придворных сановников. Красной нитью проходят через произведения Цюй Юаня горячие симпатии к простому народу:

Скорблю, что народ так страдает,
Тяжко мне дышать, скрываю слезы.
(«Поэма скорби и гнева»)

Поэзия Цюй Юаня отличается лаконичностью и вместе с тем богатством и красочностью языка. В своих произведениях поэт постоянно обращается к живущим в народе мифам и легендам. Его поэтическое творчество поражает исключительным богатством образов, необыкновенным взлётом поэтической фантазии.

Цюй Юань считается основоположником литературной поэзии древности и по праву называется первым великим поэтом Китая. Поэмы Цюй Юаня являются непревзойдёнными шедеврами, и имя его пользуется в Китае всенародной любовью.

Время Чжаньго отмечено и известным развитием художественной прозы.

Прозаическая литература этого периода в основном представлена мифами, легендами и сказками, связанными с народными мотивами. Они являются не самостоятельными произведениями, а включены в произведения Чжуан-цзы, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, Хань Фэя и других авторов философских и политических трактатов того времени.

ГЛАВА XV
КИТАЙ В КОНЦЕ III—НАЧАЛЕ I ВВ. ДО Н. Э.

1. Образование Циньской империи

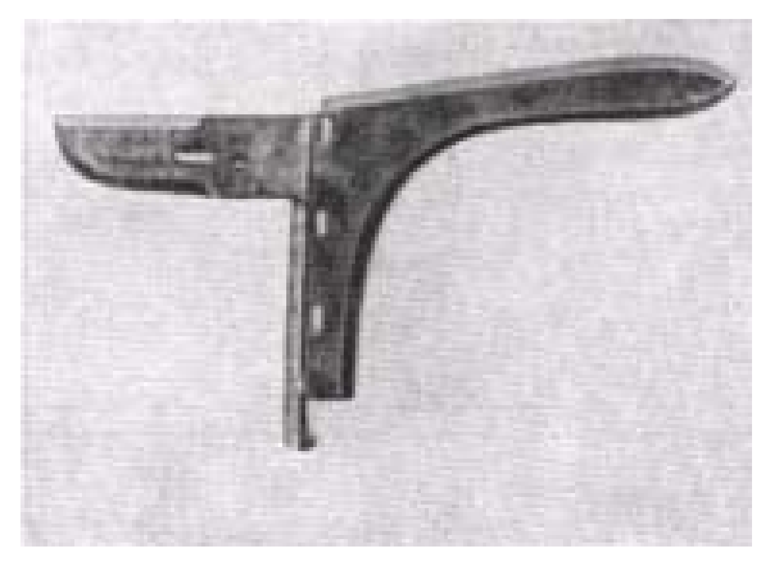
Входе непрерывной междоусобной борьбы древнекитайских царств на протяжении V—III вв. до н. э. выявилась определённая историческая тенденция — необходимость политического объединения разрозненных царств в единое сильное государство, способное обеспечить господство эксплуататоров над массами эксплуатируемого населения, безопасность границ и возможность захвата у соседних народов новых земель и рабов. Объединение страны в тех условиях было возможно лишь в результате насильственного подчинения одному, более сильному царству, территории всех остальных государств.

Основание империи. Завоевания Цинь Ши хуанди

В силу изложенных выше причин сильнейшим из древнекитайских царств к середине III в. до н. э. оказалось царство Цинь. Дальнейшие завоевания Циньского царства, завершившиеся образованием империи, связаны с именем Ин Чжэна (246—210). Ко времени вступления его на циньский престол граница царства Цинь на востоке достигла современного города Кайфына (в провинции Хэнань). В первые годы правления Ин Чжэна, которому в момент вступления на престол было всего 12 лет, государством фактически управлял упоминавшийся выше видный сановник Люй Бу-вэй — крупный торговец и ростовщик и одновременно крупный земельный собственник и рабовладелец. Сначала под руководством Люй Бу-вэя, но вскоре уже и самостоятельно Ин Чжэн, оказавшийся человеком железной воли, стал проводить ещё более активную, чем его предшественники, завоевательную политику.

В 241 г. до н. э. царства Вэй, Хань, Чжао и Чу заключили между собой военный союз против Цинь. Однако эта мера была безуспешной. Они не могли противостоять экономически более сильному, централизованному Циньскому царству. В результате

многолетней борьбы Ин Чжэн подчинил одно за другим все царства древнего Китая: в 230 г. до н. э.— царство Хань, в 228 г.— царство Чжао, в 225 г.— царство Вэй. В 222 г. было окончательно покорено царство Чу. В этом же году сдалось и царство Янь. Последним — в 221 г. до н. э. — было завоёвано царство Ци.



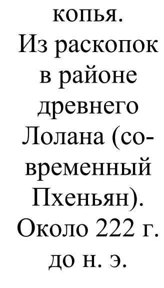
Бронзовая секира.
Из раскопок в районе древнего Лолана (современный Пхеньян). Около 222 г. до н. э.

Сделавшись главой огромного государства, Ин Чжэн избрал для себя и для своих потомков новый титул— *хуанди* (император).

Позднейшие источники обычно именуют его Цинь Ши хуанди (Первый император империи Цинь).

Почти сразу после завершения завоеваний древнекитайских царств Цинь Ши хуанди предпринял успешные походы против гуннов на севере и государств Юэ на юге.

Страна, называемая китайцами Юэ, занимала огромную территорию на юге Китая. Здесь были расположены государства Юэ Дун-хай (в современной провинции Чжэцзян), Миньюэ (в Фуцзяни) и Наньюэ, занимавшее обширную территорию, включавшую в себя южную часть современной провинции Юньнань, провинции Гуанси, Гуандун и часть Индо-Китая. Эти государства издавна находились в сношениях с древнекитайскими царствами Чу и У. В V—IV вв. до н. э. часть владений Юэ была завоёвана царством У, но вскоре это царство само было завоёвано государствами Юэ. Затем государства Юэ подверглись нападению царства Чу, и часть их территории, включая и царство У, была присоединена к Чускому царству. При Цинь Ши хуанди циньские войска форсировали Янцзыцзян, вторглись во владения Юэ и заставили признать верховную власть Циньской империи на всей этой огромной территории вплоть до Вьетнама.



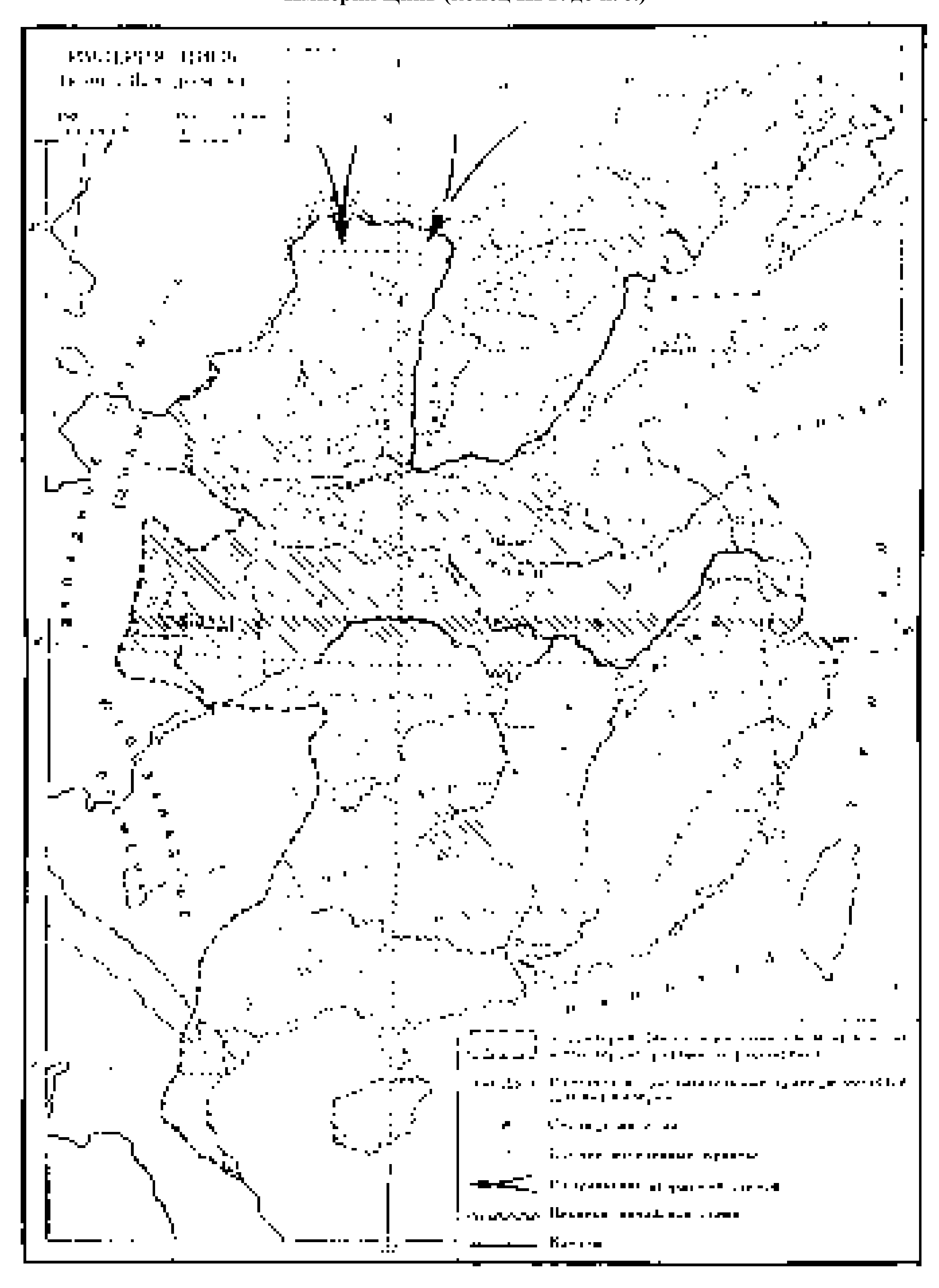
Бронзовый наконечник копья.
Из раскопок в районе древнего Лолана (современный Пхеньян). Около 222 г. до н. э.

К этому времени в связи с усилившейся опасностью гуннских вторжений, кочевья которых распространялись на северо-западе империи вплоть до большой излучины Хуанхэ, включая территорию современного Ордоса, Цинь Ши хуанди поставил целью оттеснить гуннов от северных границ империи. Для этого он провёл реорганизацию армии, включив в неё значительные отряды всадников. После ряда упорных сражений китайские войска под командованием военачальника Мын Тяня нанесли гуннам серьёзное поражение и вытеснили их из Ордоса, установив на этом участке границу империи по реке Хуанхэ. Это в значительной мере уменьшило угрозу набегов гуннов на северные и центральные области Китая.

Сооружение Великой китайской стены

Немедленно по окончании войн с гуннами для защиты от набегов кочевых племён по всей северной границе, от Ляодуна до Ганьсу, началось строительство знаменитой Великой китайской стены. Ещё в IV в. до н. э. на границах царств Янь, Чжао и Цинь в целях обороны от северных кочевников были сооружены крепостные стены. Однако, поскольку они были разобщены, то должного эффекта не давали. Теперь было решено соединить эти отдельные звенья в непрерывную цепь мощных укреплений. Работы

Империя Цинь (конец III в. до н. э.)



велись в течение десяти лет, не прерываясь ни днем, ни ночью. На постройку стены было послано 300 тыс. человек из армии Мын Тяня, но этого количества оказалось недостаточно, и туда была отправлена масса военнопленных и «преступников». Всего на постройке стены работало около 2 млн. человек. Источники передают, что многие погибали от невыносимых условий труда и трупы умерших хоронили здесь же в земляной насыпи стены.

Великая китайская стена (к северу от Пекина).
Современное состояние.

После завершения строительства Великая китайская стена стала представлять собой колоссальное оборонительное сооружение из земли, больших кирпичей я гранитных глыб. Общая длина её равнялась почти 4 тыс. *км.* На всем её протяжении через каждые 60—100 *м* были сооружены башни. Высота стены достигала десяти метров, ширина была такова, что по ней свободно могли проехать рядом пять-шесть всадников. В нескольких местах в стене были оставлены проходы в виде ворот, которые тщательно охранялись. Великая китайская стена имела не только оборонительное значение. Она способствовала также налаживанию регулярных торговых связей между Китаем и северными народами и племенами.

Политика укрепления и централизации империи

Сразу же после завершения завоеваний древнекитайских царств Цинь Ши хуанди провёл ряд мероприятий, направленных на внутреннее укрепление и централизацию империи. В масштабе всей империи были проведены административная, аграрная, финансовая и военная реформы по образцу реформ Шан Яна в царстве Цинь.

Границы прежних царств были уничтожены. Если раньше жители каждого царства называли себя именем своего царства, восходящим, по-видимому, еще к племенным названиям, например циньцы, чжаосцы и т. д., то теперь по приказу Цинь Ши хуанди все жители Циньской империи стали называться «черноголовыми»—*хэшоу.* Огромная территория Циньской империи была разделена на 36 областей — *цзюнь* (после завоеваний на юге Китая здесь было создано ещё 4 области), подразделявшихся на уезды — *сянь.* Во главе каждой области стояли два управителя— представители гражданской и военной власти, назначаемые из столицы. В основу организации системы государственного управления были положены принципы учения фацзя. Все чиновники должны были руководствоваться твердо установленными едиными законами. Для наблюдения за действиями государственного аппарата назначались особые чиновники — инспектора — *цзяньюйши,* которые рассылались по всей империи, но подчинялись только самому Цинь Ши хуанди.

Введённые при Цинь Ши хуанди, по примеру Шан Яна, чрезвычайно жестокие законы сурово карали за малейшие проступки. Многие преступления наказывались мучительными казнями: отрезанием носа, разрубанием колен, вырыванием рёбер. Обезглавливание было наиболее лёгким видом смертной казни. Существовали такие наказания, как разрубание пополам, разрывание колесницами, захоронение заживо, разрубание по частям и др. Особенно серьёзные преступления карались казнью не только самого виновного, но и всех его родственников в трёх поколениях.

Прежняя аристократия завоёванных Цинь Ши хуанди царств была поставлена под строжайший надзор имперских чиновников. Согласно данным источников, в 220 г. до н. э. 120 тыс. аристократических семей из числа наиболее богатых и знатных были насильно переселены в столицу империи — город Сяньян, где они находились под постоянным контролем соглядатаев императорского двора. Все те, кто противился мероприятиям императора, подвергались мучительной смертной казни, а члены их семей обращались в государственных рабов.

Прежние аристократические титулы были уничтожены. Критерием знатности стали отныне богатство и государственные заслуги.

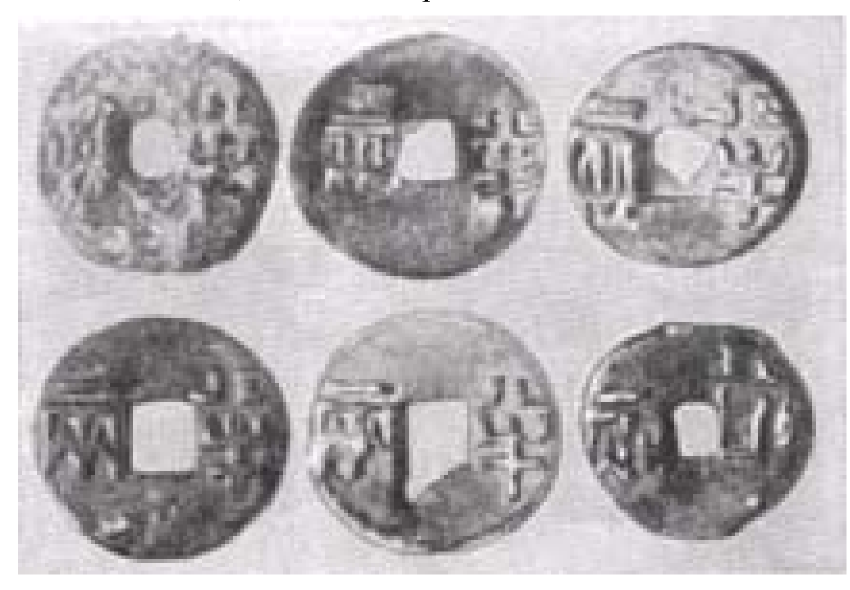
С целью ослабления своих внутренних врагов Цинь Ши хуанди приказал отобрать всё оружие у частных лиц и перелить его в бронзовые колокола. Эта мера должна была обезоружить представителей прежних царских и аристократических родов и пресечь возможность их мятежей. С этой же целью были разрушены все крупные укрепления внутри Китая, которые могли представлять для Циньской империи серьёзную опасность в случае восстаний.

По приказу императора в империи сооружались дороги и транспортные каналы, связывающие столицу со всеми областями огромного государства. Для сохранения дорог были унифицированы оси телег, так как повозки с длинными осями выходили из колеи и портили дороги, проведённые в мягкой лёссовой почве. Были введены единые для всей империи меры веса, длины и ёмкости и проведена денежная реформа, установившая единую монету. Все эти мероприятия способствовали развитию торговли в Циньской империи. Как отмечает историк Бань Гу, с этого времени жемчуг, яшма, черепаховые щитки, каури, серебро и олово перестали использоваться как средство обмена, в качестве денег теперь стали употребляться только золотые слитки и единообразная медная монета.

По приказу Цинь Ши хуанди была проведена реформа письменности. До образования Циньской империи не существовало единой формы письменных знаков, в различных частях древнего Китая иероглифы писались по-разному. Теперь было установлено единообразное для всей страны письмо, называемое *сяо-чжуань* (малое упрощённое письмо). Это циньское письмо легло в основу современной китайской письменности.

Строительная деятельность Цинь Ши хуанди

Желая увековечить своё правление грандиозными сооружениями, Цинь Ши хуанди заново отстроил столицу империи — город Сяньян (в провинции Шэньси). Для её украшения Цинь Ши хуанди не жалел никаких средств. Всё самое ценное и редкое, что можно было найти на огромной территории империи: драгоценные камни и металлы, деревья с благоухающей древесиной, деревья с древесиной редкой окраски — розовой и зелёной, — всё это привозилось из отдалённых мост для украшения императорских дворцов. Столица раскинулась по обоим берегам реки Вэйхэ, через которую был перекинут крытый мост—чудо техники того времени. К северу от реки был расположен собственно город с многочисленными улицами, аллеями, парками и великолепными дворцами императора и высшей знати. К югу от реки Вэйхэ находился знаменитый императорский парк — огромный заповедник, где отдыхали и охотились сам император и его приближённые. В этом парке был построен дворец, превосходивший роскошью всё, что было создано ранее. О размерах его можно судить по тому, что центральный зал дворца вмещал 10 тыс. человек. Этот дворец сооружали более 700 тыс. рабов. Императорские дворцы воздвигались по всей империи. Всего при Цинь Ши хуанди было выстроено более 700 императорских дворцов.



Циньские монеты.

Борьба группировок в господствующем классе

Наибольшим влиянием при дворе императора стали пользоваться представители новой знати — крупные ростовщики и торговцы и одновременно собственники земель, ремесленных мастерских и промыслов, наживавшиеся на работорговле и применении в своих хозяйствах рабского труда. Так как теперь была официально разрешена продажа должностей, имущественная знать получила возможность проникать в государственный аппарат. Эта аристократия богатства занимала решающие позиции в империи Цинь. Она больше всех была заинтересована в проведении Мероприятий Цинь Ши хуанди и всячески их поддерживала, так как создание сильного государства, объединившего разрозненную в экономическом и политическом отношении страну, как нельзя более соответствовало её интересам.

Но со стороны старых аристократических семей и отпрысков бывших царских родов мероприятия Цинь Ши хуанди вызвали резкое недовольство. Выразителями их настроений стали конфуцианцы. Они открыто осуждали политику правительства, распускали слухи о зловещих приметах, суливших якобы гибель империи. Когда нападки конфуцианцев стали особенно резкими и частыми, против них в 213 г. выступил известный государственный деятель, один из самых преданных помощников Цинь Ши хуанди, ревностный сторонник взглядов фацзя — Ли Сы. Он обвинил конфуцианцев в том, что они «рассуждали о древности, чтобы порочить современность». Его выступление положило начало жесточайшим репрессиям против конфуцианцев. По приказу императора все конфуцианские книги подлежали немедленному сожжению. 460 наиболее видных конфуцианцев были казнены, многие были

порабощены и приговорены к каторжным работам на постройке Великой китайской стены. После этой кровавой расправы, несмотря на сильнейшее недовольство, при жизни Цинь Ши хуанди никто больше не осмеливался открыто выступить с критикой его действий.

Разорение свободных производителей. Рост рабства

Узаконение в масштабе всей империи свободной купли-продажи земли, с одной стороны, положило начало невиданному до сего времени обогащению имущественной знати, концентрировавшей в своих руках крупные земельные владения, а с другой—повлекло за собой массовое разорение свободных общинников.

Земельная реформа Цинь Ши хуанди рассматривалась позднее древнекитайскими государственными деятелями как зло, повлекшее за собой губительные последствия. Так, сановник Дун Чжун-шу, живший во II —начале I в. до н. э., писал: «При (династии) Цинь... применили законы Шан Яна,... отменили (систему) *цзин тянь* [1]. Народ смог продавать и покупать (землю). (Тогда) поля богатых протянулись и вдоль и поперёк, а у бедных не стало места, где бы воткнуть шило». Так же оценивал результаты земельной реформы Цинь Ши хуанди в начале I в. н. э. государственный деятель Ван Ман.

Резкому ухудшению положения свободных производителей способствовало крайнее усиление в империи Цинь гнёта налогов и повинностей. Создание и поддержка ирригационных и транспортных каналов, грандиозные строительные работы, проводившиеся по приказу императора и его чиновников, требовали огромного количества рабочих рук. В. этих работах участвовали, помимо рабов, обязанные государственными повинностями земледельцы-общинники. Источники сообщают, что при циньской династии налоги возросли в двадцать раз по сравнению с древностью, а рабочая и военная повинности — в тридцать раз.

Увеличение податного бремени усилило зависимость земледельцев от ростовщиков. Попав в кабалу к кредиторам, земледельцы вынуждены были закладывать свои участки земли, продавать в рабство членов своих семей, но и это не спасало их. Окончательно разорившиеся, они продавали свои земли и, оставшись, таким образом, без всяких средств к существованию, вынуждены были продавать в рабство и самих себя. Угроза порабощения увеличилась в связи с введением новых чрезвычайно жестоких законов. Система взаимной ответственности семей, введённая в своё время Шан Яном в царстве Цинь, теперь была распространена на всю империю.

Количество государственных рабов из осуждённых было столь велико, что историк Бань Гу сообщал: «Осуждённые (одетые в красное) заполнили дороги, и тюрьмы превратились в рынки». Работорговля получила в это время исключительно широкое распространение: торговали рабами как частные лица, так и государство. По сведениям источников, «(династия Цинь) установила рынки рабов и рабынь (ну-бэй) вместе с коровами и лошадьми в одних загонах... Дошло до того, что похищали и продавали людей, жён и детей».

Историческое место Циньской империи

Создание на территории древнего Китая единой централизованной империи Цинь имело большое значение для дальнейшего исторического развития Китая.

Политическое объединение страны, узаконение в масштабах всей империи частной собственности на землю, последовательное проведение территориально-административного деления, разделение населения по имущественному принципу, решительное проведение мероприятий, способствующих росту торговли и денежного обращения, — всё это расчищало путь дальнейшему развитию производительных сил и общественных отношений.

[1] Так называемая система «колодезных полей», под которой, по мнению большинства учёных, следует понимать земледельческую общину.

Не случайно, что ещё в период борьбы Циньского царства за гегемонию имущественная знать других древнекитайских царств сочувственно относилась к его завоевательной политике и в ряде случаев оказывала ему поддержку.

Мероприятия, осуществлённые в Циньской империи, были подготовлены предшествующим развитием древнекитайского общества и особенно теми социально-экономическими сдвигами, которые произошли в период V—III вв. до н. э. Многие из них были осуществлены Шан Яном в наиболее передовом в социально-экономическом отношений царстве Цинь. Некоторые, но гораздо менее последовательно и решительно, проводились и в ряде других древнекитайских царств.

Однако разложение общинных и развитие частнособственнических и рабовладельческих отношений проходило в различных областях древнего Китая неодинаковыми темпами. Если в царстве Цинь эти процессы протекали быстрее и с середины IV в. до н. э. политическая власть в этом царстве фактически оказалась в руках представителей новой, имущественной знати, то в ряде других царств, где пережитки первобытно-общинных отношений продолжали играть очень значительную роль, развитие шло гораздо медленнее. Здесь позиции старой аристократии были ещё очень сильны. Проведение мероприятий Цинь Ши хуанди в этих областях древнего Китая было сопряжено с большими трудностями и наталкивалось на сильнейшее противодействие старых аристократических родов и семей.

Вместе с тем крайнее усиление в империи Цинь гнёта налогов и повинностей приводило к массовому разорению мелких и средних производителей, к. нарастанию недовольства этих самых многочисленных слоев населения империи политикой Цинь Ши хуанди.

Не без основания опасаясь взрыва народного возмущения и открытых выступлений старой аристократии, Цинь Ши хуанди установил в стране жесточайший террор. Достаточно было малейшего слуха о высказанном где-нибудь недовольстве правлением императора, чтобы всё окрестное население подверглось поголовному уничтожению. Осуществляя прогрессивные для того времени мероприятия, Цинь Ши хуанди проводил их в жизнь со страшной жестокостью, действуя самыми крутыми и решительными мерами. Как отмечают источники, «управляя подданными (династия Цинь) всецело распоряжалась их жизнью и смертью».

Результатом всего этого явилось сильнейшее обострение внутренних противоречий, которое привело к мощному взрыву целого ряда восстаний, положивших конец правлению циньской династии.

2. Свержение династии Цинь. Борьба господствующего класса за восстановление империи

Восстание Чэнь Шэна и У Гуана. Свержение династии Цинь

Недовольство и глухой протест широких слоев населения вылились в открытые выступления почти сразу после смерти Цинь Ши хуанди. Разоряющиеся, доведённые до крайности земледельцы явились основной движущей силой этих восстаний. В них принимали участие и рабы. Источники неоднократно свидетельствуют об участии в этих восстаниях ту, среди которых многие были государственными каторжными рабами.

Первое и наиболее мощное восстание началось осенью 209 г. до н. э. в Северном Аньхое. Его возглавили разорившиеся земледельцы Чэнь Шэн и У Гуан. Как сообщают источники, Чэнь Шэн и У Гуан были отправлены вместе с большой группой людей из числа беднейшего населения на северные границы для отбывания воинской повинности. Дорога была очень трудна, и партия не смогла прибыть к месту назначения в указанный срок, что по циньским законам каралось смерт-

ной казнью. Чэнь Шэн уговорил своих товарищей бежать. Они убили начальника партии и подняли восстание. Оно быстро распространилось на широкую территорию. Повстанцы захватывали города и целые области, убивали чиновников. Зимой 208 г. до н. э. наиболее сильный отряд армии Чэнь Шэна подступил к Сяньяну. В столице началась паника. Хотя правительственным войскам удалось отстоять столицу, положение становилось угрожающим. Несмотря на то, что Чэнь Шэн вскоре был убит, а ещё до его смерти по клеветническому доносу повстанцы казнили У Гуана, движение разгоралось с всё большей силой. Почти одновременно с восстанием Чэнь Шэна и У Гуана в различных частях страны вспыхнули другие восстания. Основным требованием повстанцев было свержение циньской династии. Многие отряды возглавлялись противниками империи Цинь из рядов господствующего класса. Однако, выступая против Циньской империи, они ставили своей целью подавление широкого народного движения.

Императорские войска терпели одно поражение за другим. В конце 207 г. до н. э. циньская столица сдалась подступившим к ней повстанческим отрядам; циньская династия была уничтожена. К этому времени армиям, возглавляемым старой аристократией, удалось переманить на свою сторону часть повстанцев, расколоть и в конечном счёте подавить народное движение. Началась кровопролитная борьба за власть между отдельными отрядами представителей господствующего класса.

Борьба за императорский престол

К 206 г. до н. э. из многочисленных действующих в стране армий выделились две наиболее сильные. Одну из них возглавлял представитель аристократии Сян Юй, во главе другой оказался бывший староста небольшой деревеньки Лю Бан, поднявший восстание в Цзянсу через два месяца после начала восстания Чэнь Шэна и У Гуана. Источники передают, что Лю Бан в 208 г. был послан сопровождать партию ту на работы по постройке императорской могилы. По дороге многие разбежались. Опасаясь наказания, Лю Бан скрылся с оставшимися в близлежащих горах и поднял восстание. Сразу же к нему стало присоединяться окрестное население, и движение приняло значительные размеры. По-видимому, сначала оно носило характер народного восстания, однако вскоре Лю Бан, не рассчитывая на свои силы, соединился с наиболее сильными из армий, возглавляемых аристократией. Очень гибкий и осторожный, Лю Бан сумел завоевать и расположение народных масс и симпатии военачальников из аристократии. Везде, где Лю Бан проходил со своей армией, он объявлял об освобождении от налогов и повинностей, об отмене циньских законов а освобождении осуждённых в рабство за «преступления», что привлекало к нему широкие народные массы. Вместе с тем Лю Бан всячески старался подчеркнуть и своё уважение к представителям аристократии. Эта политика лавирования обеспечила ему успех.

В 206 г. Лю Бан укрепился на территории современных провинций Шэньси и Сычуани и выступил наряду с Сян Юем в качестве претендента на императорский престол. Четыре года длилась напряжённая борьба между ними. Умело используя противоречия в лагере Сян Юя, Лю Бан привлёк на свою сторону наиболее способных его военачальников. В 202 г. до н. э. Лю Бан одержал над Сян Юем решительную победу и провозгласил себя императором. Столицей империи был объявлен город Чанань.

Основанная Лю Баном династия стала называться династией Хань - по названию реки, в районе которой укрепился Лю Бан до своей победы над Сян Юем. В историю эта династия вошла под именем Старшей, или Западной Хань (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.). Хотя фактически Лю Бан был объявлен императором в 202 г. до н. э., традиционная китайская историография ведёт начало Старшей династии Хань от 206 г. до н. э., исходя из того факта, что последний император династии Цинь сдался Лю Бану в самом конце 207 г. до н. э.

Внутренняя политика Лю Бана

Многолетние междоусобные войны претендентов на императорский престол истощили страну. Хозяйство пришло в упадок, ирригационная система разрушалась. Большинство населения было оторвано от своих занятий. Положение усугублялось рядом неурожайных лет. Цены на зерно очень поднялись, начался сильный голод. Как повествует «История Старшей династии Хань», «...люди ели человеческое мясо, больше половины населения вымерло». Циньский государственный аппарат был уничтожен, новый не налажен. Ханьский историк Сыма Цянь так описывает положение в стране в начале правления династии: «Когда (династия) Хань пришла к власти, ей (в наследство) от (династии) Цинь досталось сплошное разрушение... Взрослые мужчины находились в войсках. Старики и дети перевозили провиант (для армии). Заниматься какой-либо деятельностью было чрезвычайно трудно. Богатства истощились. (Даже) для выезда Сына Неба (т. е. императора.—*Ред.*) нельзя было найти четверки лошадей одной масти. Военачальники и высокие сановники ездили в повозках, запряжённых быками (подобно простолюдинам). Простой народ не имел ничего...».

Перед императорской властью встала сложная задача восстановления и организации управления империей.

Сразу по приходе к власти Лю Бан издал указ о роспуске всех частных армий. Население призывалось вернуться к своим прежним занятиям, чиновники — к исполнению своих обязанностей. Всем оставшимся в живых собственникам земли предлагалось вернуться на свои земли. Стали чинить и восстанавливать разрушенные ирригационные сооружения.

В сложной и напряжённой обстановке Лю Бан должен был действовать с большой осторожностью. Придя к власти в результате народного восстания, Лю Бан прежде всего не мог не считаться с требованиями широких народных масс. Ненавистные народу циньские законы, обращавшие людей целыми семьями в государственных рабов, были уничтожены. Многие рабы были освобождены уже в ходе восстания, и сам Лю Бан в период борьбы на власть неоднократно издавал эдикты об освобождении государственных рабов из осуждённых; такой же широковещательный эдикт был провозглашён и при его воцарении. Ещё до прихода к власти Лю Бан издал временный судебный кодекс, согласно которому законом карались только три преступления: убийство, телесное повреждение и грабёж. Однако, когда власть прочно оказалась в руках нового императора, характер его политики заметно изменился. Временный кодекс был заменён более суровым, в состав которого вошли некоторые статьи из кодекса Цинь, хотя циньский закон о распространении наказаний на родственников преступника не был возобновлён. Если сначала, в период борьбы за власть, Лю Бан повсюду, куда он приходил со своей армией, освобождал население от налогов и повинностей, то затем им был установлен твёрдый земельный налог в размере $^{1}/_{15}$ доли урожая. Был сохранён циньский порядок взимания налогов, причём был введён ещё новый налог—подушный, которым облагалось всё население империи в возрасте от 15 до 56 лет.

Циньский закон о свободной купле-продаже земли остался в силе. И уже в правление Лю Бана вновь стала распространяться практика скопления у отдельных лиц крупных земельных владений. Так, источники сообщают, что Сяо Хэ**,** видный государственный деятель и советник Лю Бана, «скупил у народа земли и дома в количестве нескольких десятков миллионов».

По образцу империи Цинь, Ханьская империя была разделена на области (цзюнь) и уезды (сянь), которые подразделялись на более мелкие административные единицы *(сян).* В состав сян входило иногда до сотни селений *(ли).* Однако это административное деление не было распространено на всю территорию империи.

Постепенно восстанавливалась циньская система государственного управления, однако в неё вносились известные изменения и дополнения. Так, используя формы самоуправления древней сельской общины, Лю Бан ввёл порядок, внешне являвшийся

восстановлением старинного института *сань лао* (трёх старейшин). В каждом селении было приказано выбрать надежного человека старше 50 лет, который назывался сань лао. Из этих сань лао в каждом сяне выделялся один, считавшийся представителем от народа. Затем из их числа выделялся один человек в каждом уезде, который наряду с чиновниками участвовал в управлении уездом. На этих сань лао были возложены полицейские и фискальные функции. Создавая иллюзию участия представителей народа в управлении, институт сань лао в действительности имел целью создать надежные низовые органы государственной власти, с помощью которых правительство осуществляло свою политику в отношении общинников.

В своих указах Лю Бан стремился подчеркнуть противоположность своего правления деспотическому правлению Цинь Ши хуанди и показать себя не единовластным царём-деспотом, а правителем, следующим советам своих приближённых.

Лю Бан и его преемники опирались главным образом на земельную аристократию. Для торговцев и ростовщиков, занимавших при Цинь Ши хуанди привилегированное положение в обществе, Лю Бан ввёл унизительные ограничения. Им было запрещено одеваться в парчовые и шёлковые одежды, носить оружие, ездить в колесницах и верхом на лошадях. Как им самим, так и их потомкам не разрешалось занимать государственные должности. Купцы были обложены повышенными налогами. Многие представители доциньской родовой аристократии присоединились к Лю Бану ещё в ходе борьбы против циньской династии. В угоду этой аристократии Лю Бан восстановил два высших древних аристократических титула, уничтоженных Цинь Ши хуанди,— титулы *ван* и *хоу,* которые были пожалованы соратникам Лю Бана, а также родственникам императорской семьи — выходцам из того селения и уезда, откуда происходил основатель новой династии. Вместе с титулами ваны и хоу получили от императора наследственные земельные владения.

Однако положение этой титулованной знати коренным образом отличалось от того положения, в котором раньше находилась доциньская родовая аристократия. Высшие чиновники и заслуженные военные, получившие титулы, жили за счёт налоговых поступлений с пожалованных им территорий, которые являлись частью областей и уездов и управлялись государственными чиновниками. В отличие от них члены императорской семьи имели владения, не входившие в состав областей империи, сами назначали чиновников на подвластных им территориях и даже имели свои дворы. Но и они не были полновластными правителями в своих владениях, так как находились под постоянным контролем императорского двора. Они могли быть перемещены из одного владения в другое и даже вовсе лишены пожалованных земель. Тем не менее, введённая Лю Баном практика пожалования земель титулованной знати создавала серьёзную угрозу единству империи. Наибольшую опасность в этом отношении представляли ваны, владевшие в ряде случаев очень значительными территориями и неоднократно пытавшиеся поднимать мятежи против императора. Не доверяя титулованной знати и крайне опасаясь её усиления, Лю Бан постепенно уничтожил почти всех своих бывших соратников, не принадлежавших к императорской семье, и этой мерой добился укрепления своей власти.

Подавление мятежа ванов и укрепление единства империи

Однако уже при первых преемниках Лю Бана некоторые из ванов приобрели в своих владениях значительную самостоятельность. Их усиление и сепаратистские тенденции были тем более опасными, что на севере империи начались постоянные набеги гуннов. В 177 г. до н. э. гунны перешли Хуанхэ, вновь вторглись в Ордос и захватили его. С этого времени грабительские набеги гуннов в глубь территории Ханьской империи не прекращались. Внешняя опасность сделала ещё более настоятельной необходимость внутреннего укрепления империи.

Центральное правительство различными мерами старалось уменьшить власть я силу ванов и сократить их территориальные владения. По обвинению в нарушении законов земли многих из них целиком или частью были конфискованы правительством и превращены в административные единицы империи. Владения умерших ванов, не имевших прямых наследников, дробились на более мелкие. Центральное правительство стало в ряде случаев назначать государственных чиновников на высшие должности при дворах ванов. Политика ослабления ванов стала проводиться особенно решительно при императоре Лю Ци (Цзин-ди [1], 156—141) его ближайшим советником Чао Цо.

Чао Цо начал с борьбы против самого могущественного из ванов — племянника Лю Бана — Лю Пи, владения которого были расположены на территории современных провинций Цзянсу и Чжэцзян. В своё время (205 г. до н. э.) Лю Бан отменил циньские деньги и разрешил свободную отливку монет. Лю Пи, во владениях которого находились богатые залежи медной руды, начал отливать деньги в таком количестве, что, по свидетельству Сыма Цяня, его монеты «распространились по всей Поднебесной», а сам он «богатством сравнялся с Сыном Неба». Другим источником его обогащения была выварка морской соли. Лю Пи стал держать себя столь независимо, что даже отказался от обязательных для всех ванов ежегодных посещений императора с изъявлением покорности и подношением даров. Чао Цо обвинил Лю Пи в нарушении верности императору и потребовал отторжения значительной части его владений. Подобные обвинения были предъявлены и нескольким другим сильнейшим ванам. В ответ на эти действия крупнейшие представители титулованной знати во главе с Лю Пи подняли в 154 г. мятеж против императора, известный под названием «мятежа семи ванов».

Мятежные ваны вступили в тайный союз с гуннами, призывая их вторгнуться на территорию империи в момент восстания. Мятежники требовали казни Чао Цо. Надеясь этой дорогой ценой восстановить мир в стране, император выдал им голову своего сановника. Однако эта мера не только не успокоила мятежников, но, наоборот, они стали действовать ещё решительнее. Лю Пи даже объявил себя претендентом на императорский престол. Только через несколько месяцев мятеж с большим трудом удалось подавить. Часть мятежных ванов была казнена, часть покончила с собой, их семьи и родственники были порабощены.

После подавления «мятежа семи ванов» правительство продолжало проводить политику ослабления власти ванов и отторжения их территорий. Если раньше после смерти вана его владение и титул наследовал только старший сын, то теперь пожалованные ванам земли в ряде случаев стали делиться между всеми их прямыми наследниками. Ваны были лишены административной власти: назначавшиеся центральным правительством чиновники стали теперь фактически управлять их землями. Сила и мощь ванов были окончательно сломлены при следующем императоре— Лю Чэ, более известном под его посмертным именем У-ди (140—87).

3. Социально-экономические отношения в Ханьской империи во II —I вв. до н. э.

Восстановление и консолидация древнекитайской империи при Старшей династии Хань создали условия для быстрого развития земледелия, ремесла и торговли.

[1] Здесь и в дальнейшем в скобках указываются посмертные имена императоров, обычно употребляющиеся в историографии.

В глазах современников годы правления первых императоров Старшей династии Хань были временем процветания империи. Сыма Цянь писал: «Со времени воцарения (династии) Хань на протяжении более чем 70 лет государство не знало забот, не было бедствий от засух и наводнений. Среди народа каждый имел достаточно для (прокормления) семьи. Как в столице, так и в отдаленных пограничных городах амбары были полны зерном. Богатства казны были очень велики». Хотя эта картина всеобщего благоденствия и является, безусловно, сильно приукрашенной, приведённой автором для контрастного сравнения с осуждаемыми им событиями последующего времени, она в известной мере отражает тот хозяйственный подъём, который имел место во II в.—первой половине I в. до н. э.

Пахота.
Каменный рельеф из ханьских погребений в провинции Шэньси. Около 100 г. н. э.

Развитие земледелия

В области сельского хозяйства этот подъём был обусловлен прежде всего значительным расширением в этот период ирригационной сети — самым большим за всю древнюю историю Китая.

Одна из песен тех времён образно воспевает значение орошения для хозяйства земледельца:

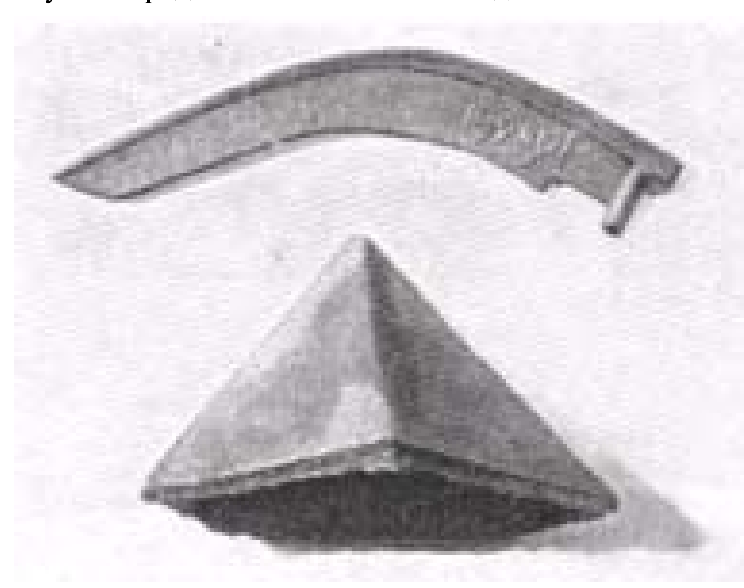
...Возьму я заступ вместо облака,
Пророю канал вместо дождя,
Один дань воды из реки Цзин
Содержит несколько доу ила,
Здесь и поливка и удобрение,
Долог будет мой колос...

Особенно грандиозные ирригационные работы были проведены в конце II — начале I в. до н. э. в пристоличных областях (на территории современной провинции Шэньси), которые являлись в то время одним из наиболее развитых в экономическом отношении районов Ханьской империи и считались житницей государства. Здесь, к северу от р. Вэйхэ, была создана сложная ирригационная система Вэйбей на базе магистрального канала «Чжэн Го», и впервые был использован метод создания подземных каналов-туннелей, собирающих грунтовые воды, которые выводились на поверхность земли при помощи колодцев. Крупные каналы были созданы в это время и на территории современных провинций Суйюань, Нинся, Ганьсу, Шаньси, Хэнань и Шаньдун. Эти каналы, длиной иногда более сотни километров, оросили десятки тысяч гектаров полей. Кроме того, во многих мостах были сооружены плотины, дамбы и водохранилища.

Все эти сооружения способствовали расширению площади обрабатываемых земель и повышению общей урожайности полей.

В источниках имеются свидетельства об усовершенствовании в этот период некоторых земледельческих орудий. В начале I в. до н. э. был изобретён плуг с сеялкой: к плугу было прикреплено нечто вроде воронки с зерном, от которой спускалась одна, две или три трубки с отверстиями. Вол тащил этот усовершенствованный плуг, а сзади шёл человек и встряхивал его. От сотрясения семена из воронкообразного

приспособления ссыпались в трубки и падали на землю, только что распаханную плугом. Одновременно был изобретён тяжёлый плуг с двумя лемехами, в который должны были впрягать двух волов. Тяжёлые плуги впервые были применены на государственных землях *(гун-тянь)* в трёх пристоличных областях, где таким образом были подняты необрабатываемые ранее земли. Однако, как сообщают источники, в качестве тягловой силы для тяжёлых плугов нередко использовались люди.



Ханьские железные сельскохозяйственные орудия:
серп и сошник для плуга.
Из раскопок в провинции Шэньси.

В начало I в. до н. э. в Северном Китае была введена грядковая культура в сочетании с системой «переменных полей» *(дай-тянь).* При этой системе участки земли распахивались таким образом, что между параллельно идущими бороздами оставались не предназначенные для посева полосы земли, ширина которых равнялась ширине борозд (около 25 *см).* Земля, извлечённая из борозд, насыпалась холмиком на эти полосы. В борозды сажались семена, всходы тщательно пропалывались и окучивались ссыпанием земли с незасеянных полос. В результате к концу лета поверхность поля выравнивалась. Растения, корни которых оказывались таким образом углублёнными, становились более устойчивыми против засухи и непогоды. На следующий год «поля» взаимно менялись местами, и борозды приходились там, где в предыдущем году находились свободные от посева полосы. При такой системе не было необходимости оставлять под паром большие участки земли.

Однако, несмотря на свои преимущества, ни система дай-тянь, требующая особенно тщательного ухода за посевами, ни усовершенствованные плуги с сеялкой не получили в это время сколько-нибудь широкого распространения. Общий уровень техники сельского хозяйства оставался низким. Железные земледельческие орудия использовались далеко не во всех хозяйствах, многие земледельцы продолжали обрабатывать свои поля при помощи примитивных деревянных орудий.

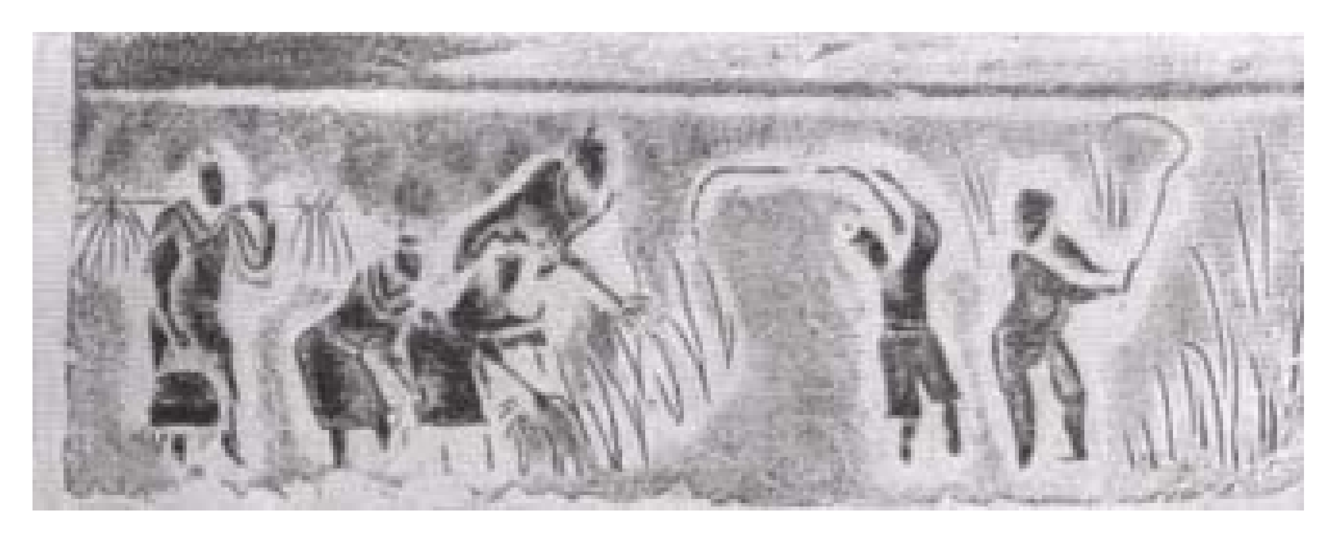
Подъём сельского хозяйства шёл в основном не за счёт повышения уровня сельскохозяйственной техники, а за счёт количественного роста средних и крупных частновладельческих хозяйств, всё более втягивавшихся в производство продуктов земледелия на продажу.

Различия в уровне развития отдельных областей Ханьской империи

Экономическое развитие различных районов Ханьской империи не было одинаковым. Самыми развитыми в сельскохозяйственном отношении были пристоличные области, расположенные на территории Шэньси и Сычуани. Следующими за ними по своему хозяйственному значению были области, расположенные в Хэнани, особенно Северной, Шаньдуне, Южном Хэбэе. Эти территории также были очень плодородными, однако здесь неоднократные прорывы реки Хуанхэ и неустойчивость речных русел были причинами частых стихийных бедствий. Так как эти районы находились далеко от столицы империи и транспортировка продуктов сельского хозяйства из них в столицу империи

Чанань была связана с очень большими трудностями, то налаживанию и поддержке ирригационной системы на территории Великой Китайский равнины государство, как правило, уделяло меньше внимания. Так, восстановление прорванной в 132 г. до н. э. плотины на реке Хуанхэ было начато лишь тогда, когда обнаружилось, что пристоличные области не могут обеспечить государство необходимыми продовольственными ресурсами.

Перечисленные выше территории были передовыми как в области сельского хозяйства, так и в области ремесла и торговли. Хотя их общая площадь к I в. до н. э.



Сцена жатвы.
Рельеф на кирпичах из ханьского могильного склепа в районе города Чэнду (провинции Сычуань). Около I в. н. э.

составляла лишь $^1/_8$ территории Ханьской империи, здесь концентрировалось более 60%, всего населения страны. Именно в этих областях получили наибольшее распространение плужное земледелие и пахота на волах. Пахота на волах начинает распространяться в это время и на крайнем северо-западе империи, в частности на территории современной провинции Ганьсу, где после завоеваний конца II в. до н. э. были организованы многочисленные военные и гражданские поселения и проведены оросительные работы.

Области, расположенные к югу от реки Янцзыцзян, в целом были несравненно менее развитыми. На большей части этой обширнейшей территории с очень редким населением земледелие сохраняло ещё самые примитивные формы. Так, источники приводят данные о распространении здесь подсечного земледелия. Даже на территории Южного Аньхоя местное население вплоть до I в. н. э. было незнакомо с плугом. Ирригационные работы в этих областях вовсе не проводились. Однако эти районы имели важное значение для Ханьской империи, так как здесь находились богатые залежи руд, в частности драгоценных металлов, и получили большое распространение жемчужный, рыболовный и другие промыслы. Кроме того, здесь пролегали торговые пути в Индо-Китай и Индию, с которыми Ханьская империя пыталась установить в этот период непосредственные торговые связи.

Рост и специализация ремесленного производства

Характерной особенностью экономики Ханьской империи во II в. и первой половине I в. до н. э. был интенсивный рост ремесла и торговли, которые приобретают исключительно большое значение в хозяйственной жизни страны.

В это время даже сложилась поговорка: «Для того, кто хочет стать богатым, земледелие хуже ремесла, ремесло хуже торговли».

В области ремесла получило дальнейшее развитие разделение труда, в частности внутри отдельных отраслей ремесленного производства. Источники упоминают о строгальном и точильном ремёслах, о ремесленниках, специализировавшихся на изготовлении стрел, ножниц и других изделий.

Ханьские источники свидетельствуют о значительном развитии в этот период горнорудного дела и соляных промыслов. Широкое распространение получили как частные, так и государственные ремесленные мастерские, особенно железоде-

Добыча каменной соли.
Рельеф на кирпичах из ханьского могильного склепа в районе города Чэнду (провинция Сычуань).
Около I в. н. э.

лательные. Трактат I в. до н. э. «Янь те лунь» («Спор об управлении соли и железа») сообщает: «...сильные (т. е. богатые) семьи... добывали руду, отливали (изделия из металла), выпаривали соль. Иногда одна (такая) семья собирала у себя более 1000 человек...». Наряду с крупными мастерскими в стране имелось множество мелких свободных ремесленников. С конца II в. до н. э., когда была установлена монополия на соль и железо, по всей империи были созданы государственные солеварни, рудные промыслы и множество крупных железоделательных мастерских. Из железа изготовлялись орудия труда, предметы широкого обихода, а также оружие, производство которого в связи с длительными завоевательными войнами во второй половине II в. до н. э. значительно увеличилось. Железные изделия ханьских ремесленников

отличались высоким качеством. Китайское железо, по свидетельству Плиния Старшего, в то время считалось лучшим в мире. В сравнительно небольших ремесленных мастерских и промысловых предприятиях государства было занято по несколько десятков человек, в крупных — сотни, в самых крупных—до тысячи. По данным «Истории Старшей династии Хань», в государственных железных и модных рудниках работало более ста тысяч ту.

Археологические находки и письменные памятники свидетельствуют о быстром развитии в это время бронзолитейного, керамическою, деревообделочного, лакового, ювелирного и других отраслей ремесленного производства. Изображения на ханьских барельефах, глиняные модели из погребений и описания в источниках позволяют говорить о крупных успехах в области строительного дела.

Глиняная модель солеварной печи.
Из расценок ханьских погребений в районе города
Сяньяна (провинция Шэньси).

Высокого развития достигло ткацкое и шелкоткацкое ремесло, особенно в областях, расположенных на территории современных провинций Сычуани и Шаньдуна. Разведение тутовых деревьев было чрезвычайно распространённым подсобным промыслом земледельческого населения. Ткачеством занималась каждая женщина в семье. Вместе с тем частные липа и государство владели очень крупными ткацкими мастерскими. Так, в «Истории Старшей династии Хань» имеются данные о ткацкой мастерской, принадлежавшей семье Чжан Ань-ши, где работало 700 рабов (тун). Несколько тысяч человек, в основном женщин, работало в государственных пошивочных мастерских Шаньдуна, обслуживавших императорский двор. Государству принадлежало несколько крупных шелкоделен в Чанани.

Китайские шелка славились далеко за пределами Ханьской империи и были одним из основных предметов китайского экспорта. Они вывозились в таких больших количествах, что возникший в конце II в. до н. э. северный торговый путь, связывавший Китай с далёкими странами Запада, получил, как уже говорилось, название «великого шёлкового пути». На Западе, в том числе и в Риме, китайцев называли *серами* (людьми, производящими шёлк) — от греческой транскрипции китайского слова *сы* — шёлк.

Развитие торговли и товарно-денежных отношений

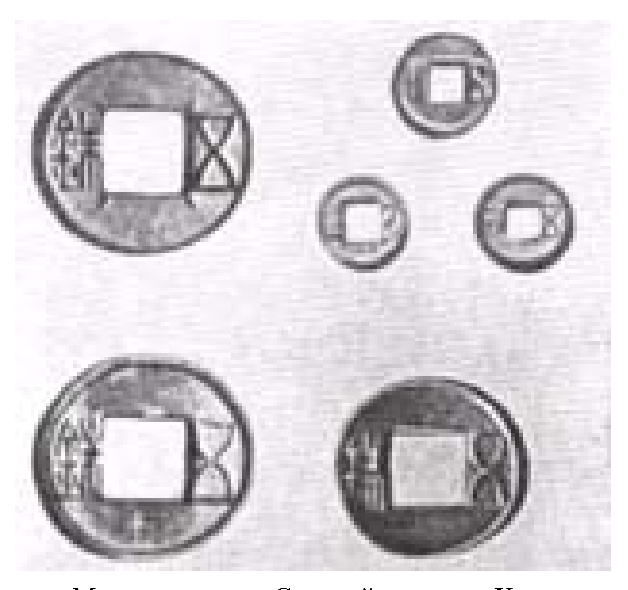
Прочное политическое объединение Китая в рамках Ханьской империи способствовало быстрому развитию товарно-денежных отношений и росту внутренней и внешней торговли. «С приходом к власти (династии) Хань,— сообщает историк Бань Гу,— страна внутри морей (т. е. Китай) стала единой, были открыты (таможенные) заставы и мосты, не стало препятствий к использованию гор и озёр. Поэтому богатые торговцы и крупные купцы растеклись повсюду (на территории) Поднебесной. Не было таких товаров, которые не проникали бы повсеместно. Каждый мог получить всё, что хотел».

Возникшая в V—III вв. специализация ремесленных центров на определённых товарах стала теперь частым явлением. Установились более тесные торговые связи между областями. Самым крупным центром ремесла и торговли была столица империи — Чанань, где находилось два больших рыночных района: восточный и западный, каждый из которых включал в себя по несколько базаров. Крупнейшими торгово-ремесленными центрами были города Гуанхань, Чэнду и Линьцюн в Сычуани, Инъян, Наньян и Инчуань в Хэнани, Юань в Хубэе, Пинъян и Ханьдань в

Шаньси, Линьцзы в Шаньдуне. Важное торговое значение имел древний культурный центр — город Лоян. В Хунани, на стыке торговых путей, идущих на юг и юго запад, находился очень крупный торговый центр—город Вань, значение которого особенно возросло после завоевания китайцами богатых областей на юге империи. На северо-востоке большую роль играла бывшая столица царства Янь — город Янь (Цзи), через который проходили торговые пути, ведущие в Монголию, Южную Маньчжурию и Северную Корею.

Внешняя торговля Ханьской империи получила исключительно большое развитие с конца II в. до н. э., когда в результате успешных завоевательных походов на северо-западе и юге к Ханьской империи были присоединены обширные территории, открывшие широчайшие возможности для торговли Китая с далёкими странами Запада.

Расцвет торговли стоял в тесной связи с быстрым развитием в это время денежного обращения. Со времени Лю Бана в употреблении находилась мелкая разменная монета, более удобная, чем циньские деньги. В стране появилось множество ремесленников, занимающихся отливкой денег. Законом были точно установлены вес и качество монет (сплав меди и олова). Нарушители этого закона сурово карались. Однако, как повествуют источники, очень многие отливали облегчённую монету с примесями свинца и железа Государственный деятель начала II в. до н. э. Цзя И отмечал, что отливка неполноценной монеты стала чрезвычайно выгодным делом и нарушителей закона о деньгах было такое множество, что, по его словам, «осуждённых (за незаконную отливку монеты)—по крайней мере в одном уезде исчисляют сотнями, заподозренных мелкими чиновниками и наказанных палками и бежавших—массы». Подобные злоупотребления создавали неблагоприятные условия для торговли, в связи с чем Цзя И и другие государственные деятели предлагали запретить частную отливку монеты. В 115 г. до н. э. это запрещение было проведено, и была установлена государственная монополия на отливку монеты. Наряду с медными деньгами в обращении находились золотые слитки определённого веса—*цзинь*. Один цзинь содержал 244 *г* «жёлтого золота» и обычно равнялся 10 тыс. медных монет.



Монеты времени Старшей династии Хань

Характерно, что, приводя данные о богатстве тех или иных лиц, ханьские источники нередко дают его в денежном исчислении. Богатство, исчисляемое десятью цзинями, считалось средним Крупные богачи обладали сотней тысяч и даже несколькими сотнями тысяч цзиней.

С расширением денежного обращения получил развитие денежно-ростовщический капитал. Обычно деньги давались в рост из расчёта 20%, но иногда ростовщики брали и много больше Источники сообщают о так называемых *цзыцяньцзя* — крупных дельцах, занимающихся исключительно ссудными операциями. Владея огромными капиталами, они ссужали деньгами под большой процент даже ванов, которые нередко оказывались в зависимости от этих денежных магнатов. Нуждалось в них и государство. Во время «мятежа семи ванов» один из крупнейших чананьских ростовщиков — Уянь Ши дал для подавления мятежников денежную ссуду в размере 1000 цзиней под очень высокий процент. Через год он вернул деньги в десятикратном размере и стал одним из богатейших людей в столице.

Постепенно крупные ростовщики и торговцы стали богатейшими людьми в государстве. Их называли «нетитулованной знатью». Нередко торговцы были одновременно владельцами ремесленных мастерских и промыслов. Многие из них были крупными собственниками земли. По сведениям источников, они скапливали у себя продукты земледелия и выбрасывали их на рынок в момент повышения цен. В ряде случаев крупные торговцы специализировались на производстве и продаже какого-либо одного вида товаров. Вместе с тем источники постоянно упоминают и о мелких бродячих торговцах. Во всех торговых центрах Ханьской империи, как крупных, так и более мелких, специальные чиновники регистрировали городских купцов и собирали со всех торгующих на рынках налоговые сборы.

Развитие рабовладения. Источники рабства

Постеленное проникновение в экономику Ханьской империи товарно-денежных отношений, обусловленное специализацией ремесла, ростом торговли и ростовщичества, способствовало развитию рабовладения. Как и в предшествующий период, рабовладение в Ханьской империи развивалось в двух формах—государственного и частного рабства. Причём определяющим для развития рабовладения в это время был дальнейший рост частного рабовладения Основными источниками государственного рабства по-прежнему являлись порабощение осуждённых и рабство военнопленных. Несмотря на запрещение Лю Баном наказаний для родственников осуждённых, при последующих императорах на практике продолжалось привлечение к ответственности и обращение в каторжных рабов семей лиц, казнённых за преступления. Потомки порабощённых государством семей также оставались рабами, всем им татуировали лица зелёной чертой вокруг глаз в знак того, что они являются государственными рабами. Этот источник государственного рабства особенно усилился со времени правления У-ди, когда в 130 г. до н. э. был введён новый, исключительно жестокий кодекс законов. Источники сообщают, что с этого времени ежегодно суды разбирали более 1000 дел, касавшихся только проступков провинциальных чиновников, причём многие дела включали по несколько сот обвиняемых. «Виновных (в нарушении законов) было так много,— пишет Сыма Цянь,— что чиновники не успевали схватывать и наказывать их».

Огромный размах завоеваний китайцев в конце II в. до н. э. привёл к захвату сотен тысяч военнопленных. По мнению ряда исследователей, захват рабов-военнопленных был основной целью этих войн.

Важным источником частного рабовладения продолжало оставаться долговое рабство, получившее в этот период исключительно большое развитие.

Большое количество рабов доставляла работорговля. Рабов ввозили из южных государств Юэ, Северной Кореи, с территории племенного союза гуннов, а после завоеваний китайцев в Западном крае (как ханьские источники называют бассейн реки Тарима) в Китай стали прибывать рабы из далёких западных государств. Крупные размеры приобрело похищение людей и насильственная продажа в рабство. Работорговцы, входя в соглашение с местными чиновниками, силой захватывали людей и продавали их. Вместе с тем источники сообщают о разбойничьих набегах китайцев на северных, северо-западных и юго-западных границах Ханьской империи с целью захвата в рабство жителей соседних племён. Часть этих рабов приобреталась местными рабовладельцами, а часть переправлялась работорговцами в другие торговые центры, в том числе в крупнейший центр работорговли — столицу империи Чанань.

В городах существовали рынки рабов, где устраивались специальные, огороженные деревянными решётками загоны, куда загоняли рабов подобно скоту. Рабов и рабынь, предназначенных для домашних услуг и развлечений, располагали отдельно,

наряжали в красивые шелка я выставляли напоказ. На рынках существовали места для продажи рабов простым народом и для продажи рабов знатью. Работорговлей занимались как частные лица, так и государство. Согласно свидетельству «Истории Старшей династии Хань», партии рабов в кандалах и железных ошейниках переправлялись для продажи на расстояния в сотни километров. Имеются данные о том, что рабы, до того как быть купленными рабовладельцами, перепродавались различными работорговцами до десяти раз.

Раб (рудокоп?).
Глиняная статуэтка из ханьского погребения
в провинции Сычуань.

Рабов можно было купить почти в любом месте так же просто, как любой другой товар. В одной из глав «Исторических записок» Сыма Цянь приводит перечень наиболее ходовых товаров, которые ежегодно проходили через обычный торговый центр в конце II — начале I в. до н. э. В этом перечне наряду с такими товарами, как зерно, вино, туши животных, топливо, лодки, повозки, изделия из бронзы и лака, утварь из дерева и железа, ткацкие изделия, шкуры, меха, фрукты, рыба и т. п., упоминаются лошади, рогатый скот, бараны, свиньи и рабы (тун).

Счёт рабов вёлся по той же системе, что и счёт скота.

Крупные рабовладельцы имели сотни и даже тысячи рабов. Так, известно, что у дома Ван и семьи Ван Шан рабы исчислялись тысячами. Императоры часто жаловали своим приближённым и фаворитам большое количество рабов. Так, например, тысячу рабов (тун) получил в дар от У-ди его фаворит Луань Да.

Использование труда рабов

Как государство, так и частные рабовладельцы использовали рабов в очень большом количестве для различных домашних услуг и развлечений. По сведениям источников, в императорских дворцах было более 100 тыс. рабов и рабынь, которые «слонялись без дела». Работорговцы похищали или покупали девочек и мальчиков, обучали их танцам, пению и другим искусствам и затем продавали богатым рабовладельцам. На ханьских погребальных барельефах мы видим таких рабов и рабынь — музыкантов, танцовщиц, акробатов, певиц и певцов, одетых в изысканные одежды, а также слуг, приготовляющих пищу и исполняющих другие домашние работы.

Труд рабов находил широкое применение в производстве. Рабы использовались государством в ремесле и на промыслах, а также на строительных и других тяжёлых работах. Толпы государственных рабов (ту-ну-бэй) тащили по берегам рек лямки от барж с зерном, которое переправлялось в столицу или, наоборот, отсылалось из Чанани далеко на север и на юг для снабжения действующих армий.

Когда военные нужды государства потребовали создания тяжеловооруженной конницы, было значительно увеличено количество государственных пастбищ и множество рабов отправлено для ухода за табунами. По сведениям «Истории Старшей династии Хань», на пастбищах, расположенных на северных и западных границах империи, было занято 30 тыс. государственных рабов (ну-бэй).

Применение труда государственных рабов в ремесло и на промыслах получило особенное распространение с конца II в. до н. э., после введения государственных монополий на соль, железо и отливку монеты. Так, в 85 г. до н. э., когда были организованы специальные государственные мастерские по изготовлению земледельческих орудий, туда было отправлено множество рабов (ну).

Сцена пира.
Рельеф на кирпичах из ханьских могильных склепов в районе города Чэнду (провинция Сычуань).

Особенно большое развитие получило в этот период частное рабовладение. По мнению некоторых исследователей, институт частного рабства в Китае приобрёл действительно важное значение именно со времени Старшей династии Хань. Показательно, что с середины II в. до н. э. за рабов, отданных государству, можно было откупиться от наказания, получить освобождение от трудовой и военной повинностей, приобрести почетный титул и получить назначение на должность.

Наиболее широко труд рабов использовался рабовладельцами в ремесле, рудниках, на промыслах. Крупные собственники имели по 700—800 рабов, основывая свои предприятия на применении рабского труда.

Труд рабов применялся в скотоводстве и земледелии. Об этом, в частности, свидетельствует относящийся к 100 г. до н. э. доклад императорского сановника Дун Чжун-шу, в котором говорится, что многие люди, «...пользуясь своим богатством и властью, ...увеличивают количество своих рабов и рабынь (ну-бэй), умножают свои (стада) крупного скота и овец, расширяют свои поля... увеличивают свои доходы и накапливают богатства». О размерах частных землевладельческих хозяйств, применявших рабский труд, можно судить по тому факту, что в 119 г. до н. э. государство конфисковало у крупных купцов-землевладельцев, обвинённых в нарушении императорского указа о налогообложении, «... рабов (ну-бэй) тысячами и десятками тысяч и поля десятками и сотнями цин [1]...» (Сыма Цянь). Труд рабов находил применение и в сравнительно небольших хозяйствах. Вместе с тем землевладельцы часто в значительных размерах использовали труд наёмных работников и обедневших земледельцев, которым сдавались небольшие участки земли на условиях уплаты определённой доли урожая. Эта особенность развития земельных отношений по-разному расценивается специалистами по древней истории Китая. Сторонники существования во времена империй Цинь и Хань феодальных отношений рассматривают распространение в этот период в хозяйствах землевладельцев наёмного труда и мелкой аренды как показатель развития феодально-помещичьего землевладения; рабский труд в земле-

[1] Мера площади 1 цин=100 му. В 156—155 гг. до н. э. размер му был увеличен в 2,5 раза, и с этого времени 1 му стало равняться около 0,046 *га*, а 1 цин—около 4,6 *га*.

делии, по их мнению, в данное время уже не играл сколько-нибудь существенной роли. В противоположность им другие исследователи считают, что значительное развитие в Китае во II—I вв. до н. э. рабовладения не могло бы происходить в условиях феодального общества. Указывая на то, что труд рабов являлся основой ремесленного производства во времена империй Цинь и Хань, эти историки обращают внимание на повышение в этот период удельного веса рабского труда и в области земледелия, хотя в целом количество рабов, занятых в сельском хозяйстве, и в данное время уступало количеству земледельцев-общинников.

Положение земледельцев-общинников

Основными производителями в сельскохозяйственном производстве Ханьской империи, как и прежде, были свободные земледельцы-общинники, обязанные государственными повинностями и составлявшие основную массу налогоплательщиков государства.

Процесс разорения земледельцев-общинников, который принял столь угрожающие размеры при династии Цинь, в начале правления Ханьской династии временно замедлился. Мероприятия Лю Бана в известной мере облегчили положение свободных земледельцев, однако они, разумеется, не могли задержать процесс разложения общины, ускоряемый развитием товарно-денежных и рабовладельческих отношений.

Жнец с серпом
Глиняная статуэтка из ханьских погребений (провинция Хэбэй).

По мере того как укреплялось положение империи, увеличивались нормы налогов, утяжелялись повинности. Хотя земельный налог —*тяньцзу* — был даже снижен при следующих за Лю Баном правителях до $^{1}/_{30}$ доли урожая, однако остальные налоги были очень тяжелы. С развитием денежного обращения целый ряд налогов стал исчисляться в деньгах. Даже земельный налог мог заменяться денежными платежами Наряду с земельным налогом все земледельцы-общинники были обложены подворным и подушным налогами, исчисляемыми в деньгах. Особенно тяжёлым был подушный налог. Помимо введённого Лю Баном основного подушного налога, собираемого со всего взрослого населения в возрасте от 15 до 56 лет, взимался еще подушный налог с несовершеннолетних, которым в начале правления Ханьской династии облагались все дети в возрасте от 7 до 14 лет.

Всё взрослое мужское население было обязано рабочей и военной повинностями до 155 г. до н. э. — в возрасте от 23 до 56 лет, а с 155 г. — в возрасте от 20 до 56 лет. В течение первых трех лет мужчины отбывали один месяц в году государственную рабочую повинность в своем округе, участвуя в ирригационных и транспортных работах, в строительстве городских стен, дворцов и в других работах. Отработав положенные три года, всё мужское население было обязано двумя видами военной повинности, двухлетним отбыванием солдатской службы и затем ежегодной трёхдневной службой в пограничных гарнизонах. Все мужчины в возрасте от 25 до 56 лет могли быть призваны в армию в любое время и на любой срок. Военная повинность могла быть заменена денежным взносом. Имеются сведения о том, что освобождение от военной повинности можно было подучить также

и за предоставление правительственным властям определённого количества зерна или рабов. Разрешалось откупаться и от рабочей повинности. Однако это было доступно только зажиточным земледельцам, подавляющее же большинство общинников было не в состоянии откупиться от государственных повинностей.

Помимо более или менее точно установленных налогов государство прибегало к различным экстренным, внеурочным поборам, особенно тяжело ложившимся на общинников. В 178 г. до н. э. сановник Чао Цо, обеспокоенный сокращением количества земледельцев-общинников, в своём докладе императору обращал его внимание на непосильность налогового гнёта и тяжёлое положение земледельческого населения. «Весной (земледельцы) пашут,— писал Чао Цо,—летом выпалывают сорняки, осенью собирают урожай, зимой сохраняют (запасы), (кроме того), они рубят кустарники и деревья на топливо, ремонтируют правительственные строения, исполняют (другие) рабочие повинности... В течение четырёх времён года у них нот ни дня отдыха... Требования властей чрезвычайно жестоки, налоги собираются во внеурочное время... Во время (сбора налогов) те, кто имеет (зерно), продают его за полцены, те же, кто не имеет ничего, берут в долг, обязуясь возвратить вдвойне».

Сучильщица шерсти.
Глиняная статуэтка из ханьских погребений (провинция Хэбэй).

С этого времени источники постоянно сообщают о задолженности и разорении земледельцев, приводивших к потере ими своих «полей и домов». Правительство, заинтересованное в сохранении массы налогоплательщиков и общины как фискальной единицы, неоднократно предпринимало попытки задержать процесс разложения общины и различными мерами старалось вновь привлечь к земледелию разорившихся и потерявших свои участки общинников. Но эти мероприятия не имели успеха. Многие из разорённых общинников окончательно порывали связь с землёй и направлялись в города, пополняя собой ряды мелких ремесленников и подмастерьев. Об этом свидетельствуют постоянно встречающиеся с первых же десятилетий II в, до н. э. настойчивые и тревожные сообщения чиновников о том, что народ «отрывается от основного занятия (т. е. земледелия) и занимается второстепенными делами (т. е. ремеслом и торговлей)». В целом ряде случаев обедневшие общинники после потери ими своих участков становились арендаторами на землях кредиторов. В 100 г. до н. э. сановник Дун Чжун-шу отмечал в докладе императору, что под тяжестью налогов и повинностей земледельцы разоряются и «некоторые обрабатывают поля богачей за половину урожая». Значительная часть разорившихся земледельцев попадала в долговое рабство. Ещё в 205 г. до н. э. Лю Баном был издан указ, разрешавший продажу свободных в рабство частным лицам. Эта практика получила очень широкое распространение. По сведениям «Истории Старшей династии Хань», «во многих случаях (земледельцы) вынуждены были продавать свои поля и дома, продавать своих детей и внуков, чтоб расплатиться с долгами».

4. Укрепление и расширение империи Старших Хань

Период внутреннего укрепления и значительного внешнего расширения империи Старших Хань падает на время правления У-ди (140—87).

Централизация Ханьской империи при У-ди

В результате подавления мятежа ванов в 154 г. и проведения ряда других мер Ханьское государство к началу правления У-ди значительно окрепло. Однако титулованная земельная аристократия всё ещё представляла значительную силу, вызывая серьёзную тревогу императорского двора. Сразу по вступлении на престол У-ди, опираясь на заинтересованные в сильной государственной власти средние слои землевладельцев и торгово-ростовщическую знать, стал проводить политику централизации и установления единодержавной деспотической власти императора. Представители титулованной земельной аристократии были удалены от императорского двора, и У-ди установил строжайший надзор за ними в их владениях. В 127 г. до н. э. был издан декрет об обязательном разделе пожалованных владений между всеми наследниками аристократических домов, что сразу резко уменьшило экономическую силу этой знати. Действуя самыми решительными мерами, У-ди добился окончательного уничтожения политической и экономической мощи наследственной аристократии.

Ещё при предшественниках У-ди в области и уезды время от времени посылались специальные инспектирующие чиновники *юйши* или *цзяньюйши,* которые должны были следить за действиями администрации и докладывать двору о положении дел на местах. При У-ди огромная империя, расширившаяся за счёт присоединения завоёванных территорий, была разделена на 13 обширных округов *(чжоу),* которые включали в себя как области (цзюнь), так и пожалованные владения титулованной знати. В каждый из округов были отправлены облечённые особыми полномочиями доверенные чиновники — *циши,* державшие под постоянным контролем весь административный аппарат округов. Циши подчинялись только самому императору.

К началу I в. до н. э. Ханьская держава превратилась в сильное централизованное государство. Территория империи, разделённая на множество областей, количество которых к концу правления У-ди увеличилось до 83, управлялась огромным бюрократическим аппаратом, основанным на сложной иерархической системе. Начальники областей и уездов назначались непосредственно центральным правительством. Общее количество чиновников к концу I в. до н. э. превысило 130 тысяч.

Ханьское государство стремилось сосредоточить в своих руках все основные источники доходов и подчинить себе важнейшие отрасли экономики. С этой целью при У-ди были введены государственные монополии на отливку монеты, железо, соль и вино и осуществлены мероприятия по регулированию государством торговых операций. Эти меры значительно увеличили государственные доходы и обеспечили У-ди средства для проведения активной завоевательной политики.

Официальное признание конфуцианства господствующей идеологией

Для укрепления своей власти У-ди нуждался в сильном идеологическом оружии. Знаменателен в этом отношении трактат об искусстве управления государством крупнейшего конфуцианского учёного того времени Дун Чжун-шу, в котором он обращал особое внимание на то, что одним из основных принципов управления является введение по всей стране единой идеологии. Дун Чжун шу настаивал на признании господствующей идеологией конфуцианства и официальном запрещении всех неконфуцианских учений. Конфуцианская идеология с её освящением идей господства и подчинения, проповедью беспрекословной покорности, сыновней почтительности к правителям и освящением власти, государя вполне отвечала интересам господствующих классов Ханьской империи. Конфуцианство значительно перестроилось после своего столкновения с Цинь Ши хуанди и приспособилось к новым задачам. Характерно в этом отношении, что, развивая конфуцианское учение, Дун Чжун-шу и его последователи на первое место выдвигали идею о божественной природе императорской власти.

Ещё Лю Бан, вначале крайне враждебно относившийся к конфуцианцам, впоследствии изменил своё отношение к ним, особенно после того, как они оказали ему идейную поддержку в борьбе с другими претендентами на императорский престол. Стремясь создать

придворный церемониал, возвеличивающий власть императора, Лю Бан ввёл при своём дворе некоторые конфуцианские церемонии. Однако он не отдавал предпочтения конфуцианству перед другими идеологическими школами; при нём даже не был отменён циньский указ о запрещении конфуцианских книг. При следующих за Лю Баном правителях это запрещение было отменено, и конфуцианцы развернули оживлённую деятельность по восстановлению древних конфуцианских трактатов и пропаганде своего учения.

У-ди сделал следующий шаг, признав конфуцианство официальной господствующей идеологией. При нём была введена новая система назначения на государственные должности, по которой желающий стать чиновником должен был пройти курс изучения конфуцианских канонов и сдать по ним государственные экзамены. Однако представителям других идеологических течений не было запрещено проповедовать свои взгляды. Экзаменационная система отнюдь не исключала для них возможности проникать в государственный аппарат. Более того, при У-ди наиболее крупные посты в государстве занимали не конфуцианцы, а представители учения фацзя, поддерживавшие У-ди при проведении многих практических мероприятий.

Рост влияния торгово-ростовщической знати

В противовес наследственной титулованной аристократии при У-ди усиливаются позиции непривилегированной имущественной знати, связанной с рынком. Унизительные для торговцев запрещения были отменены уже при преемниках Лю Бана, но купцам и их потомству в это время всё ещё запрещалось становиться чиновниками. При У-ди в 123 г. до н. э. был издан указ согласно которому «народ мог покупать почётные титулы и откупаться от запрещения занимать (государственные) должности». С этого времени те, кто вносил правительству определённое количество зерна, скота или рабов, получали соответствующие титулы и назначались на должности чиновников. Одновременно были учреждены новые титулы, так называемые «титулы за военные заслуги», состоящие из 11 степеней знатности, которые свободно продавались. Тот, кто был в состоянии купить 5-ю степень, получал предпочтение при заполнении вакантных чиновничьих должностей.

Торговцы и другие представители имущественной знати получили, таким образом, возможность беспрепятственно проникать в аппарат управления. Показательно в этом отношении,/что важнейшие государственные посты при У-ди занимали Кун Цзинь — крупный собственник железоделательных мастерских в городе Наньяне, и Дунго Сянь-ян — известный владелец шаньдунских солеваренных промыслов. Именно этим двум чиновникам была поручена в 119 г. до н. э. организация государственных монополий на соль и железо. После введения этих монополий в различных частях империи было учреждено 27 управлений, ведавших вываркой соли, и 40 управлений, ведавших рудниками по добыче железа и железоделательными мастерскими. Во главе этих управлений в подавляющем большинстве случаев были поставлены богатые торговцы и бывшие крупные собственники солеварен и железоделательных мастерских.

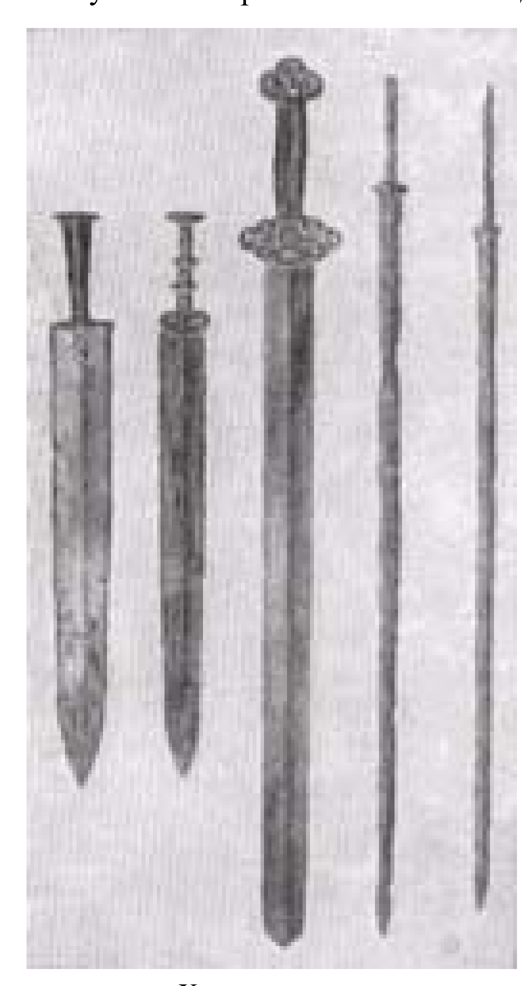
Вместе с тем новая система назначения на государственные должности привела к заполнению чиновничьих мест также и липами, сравнительно небогатыми и незнатными, но преданными исполнителями политики императора.

После того как от императорского двора были удалены представители титулованных аристократических семей, высшие государственные должности заняли представители тех слоев господствующего класса, которые были наиболее заинтересованы во внутренней централизации империи и в политике широких завоеваний.

Начало войн с гуннами

Одной из основных внешнеполитических задач ханьского правительства была задача ограждения империи от постоянных набегов кочевых гуннских племён.

Гуннский племенной союз представлял серьёзнейшую опасность для ханьского Китая. Ещё при Лю Бане гунны вторглись на территорию Ханьской империи — вплоть до Тайюани. Выступивший против них Лю Бан едва не попал в плен и вынужден был согласиться на тяжёлые условия мира, заключив с гуннами в 198 г. до н. э. договор, «основанный на мире и родстве», в котором фактически признавал себя данником гуннских вождей — шаньюев. Однако набеги гуннов не прекратились. Совершая грабительские вторжения и уводя в плен китайское население, гунны проникали далеко вглубь Китая и оседали целыми поселениями в пределах Ханьской империи, на территории современной провинции Шаньси. Их набеги угрожали даже Чанани. Ханьские императоры были не в состоянии оказать серьёзное сопротивление гуннам, в соответствии с договором 198 г. регулярно платили им «дань» и посылали в жёны шаньюю китайских принцесс.



Ханьские мечи.
Слева три бронзовых, справа
два железных.

Уже при первых императорах Ханьской династии встал вопрос о необходимости активной борьбы с гуннами и в связи с этим — о перевооружении и серьёзном обучении китайского войска. Было значительно увеличено количество императорских табунов и пастбищ, что являлось необходимым условием для создания тяжеловооружённой конницы. Однако вплоть до правления У-ди ханьские императоры занимали оборонительную позицию и не предпринимали серьёзных попыток борьбы с гуннами. Внешняя же политика У-ди с самого начала приобрела активный наступательный характер.

Залогом успешной борьбы с гуннами было изменение типа вооружения ханьских армий. При У-ди было окончательно завершено перевооружение китайского войска по образцу войска гуннов. Основную силу китайского войска стала составлять тяжеловооружённая конница, закованная в пластинчатую броню, вооружённая длинными копьями, луками и мечами. В состав ханьской армии входила также лёгкая кавалерия и исключительно боеспособная пехота, вооружённая таким грозным оружием, как китайский самострел. Чтобы его натянуть, воину иногда приходилось ложиться на спину и, упёршись в самострел ногами, руками изо всех сил натягивать тугую тетиву. Самострелы имели искусно сделанный спусковой механизм, легко приводимый в действие, который в нужный момент можно было быстро разобрать. Устройство этого механизма китайцы держали в строжайшем секрете. Дальнобойная и пробивная сила ханьских самострелов была исключительно велика. Они свободно пробивали любые доспехи и щиты и эффективно использовались при осаде городов. Кроме самострелов в ханьской армии имелись специальные метательные орудия, стрелявшие каменными ядрами на расстояние около 450 *м.* Как показала блестящая военная экспедиция Ли Лина 99 г. до н. э., вооружённая самострелами ханьская пехота была способна наносить страшные поражения гуннской коннице.

Таким образом, к началу военной кампании против гуннов китайская армия была вполне подготовлена к успешному выполнению возложенных на нее трудных задач.

Первые доходы У-ди против гуннов преследовали цель оттеснения их за пределы Китайской стены и не носили ещё того явно захватнического характера, какой они приобрели впоследствии. В 127 г. до н. э. гунны снова были вытеснены из Ордоса, после чего по берегам излучины Хуанхэ были построены крепости и возведены укрепления. В результате походов знаменитых китайских военачальников Вэй Цина и Хо Цюй-бина в 124 и 123 гг. до н. э. гунны были оттеснены от северных границ империи. Эти походы были переломным этапом во внешней политике У-ди. Дальнейшие войны У-ди на севере и северо-западе приобретают уже ясно выраженный захватнический характер.

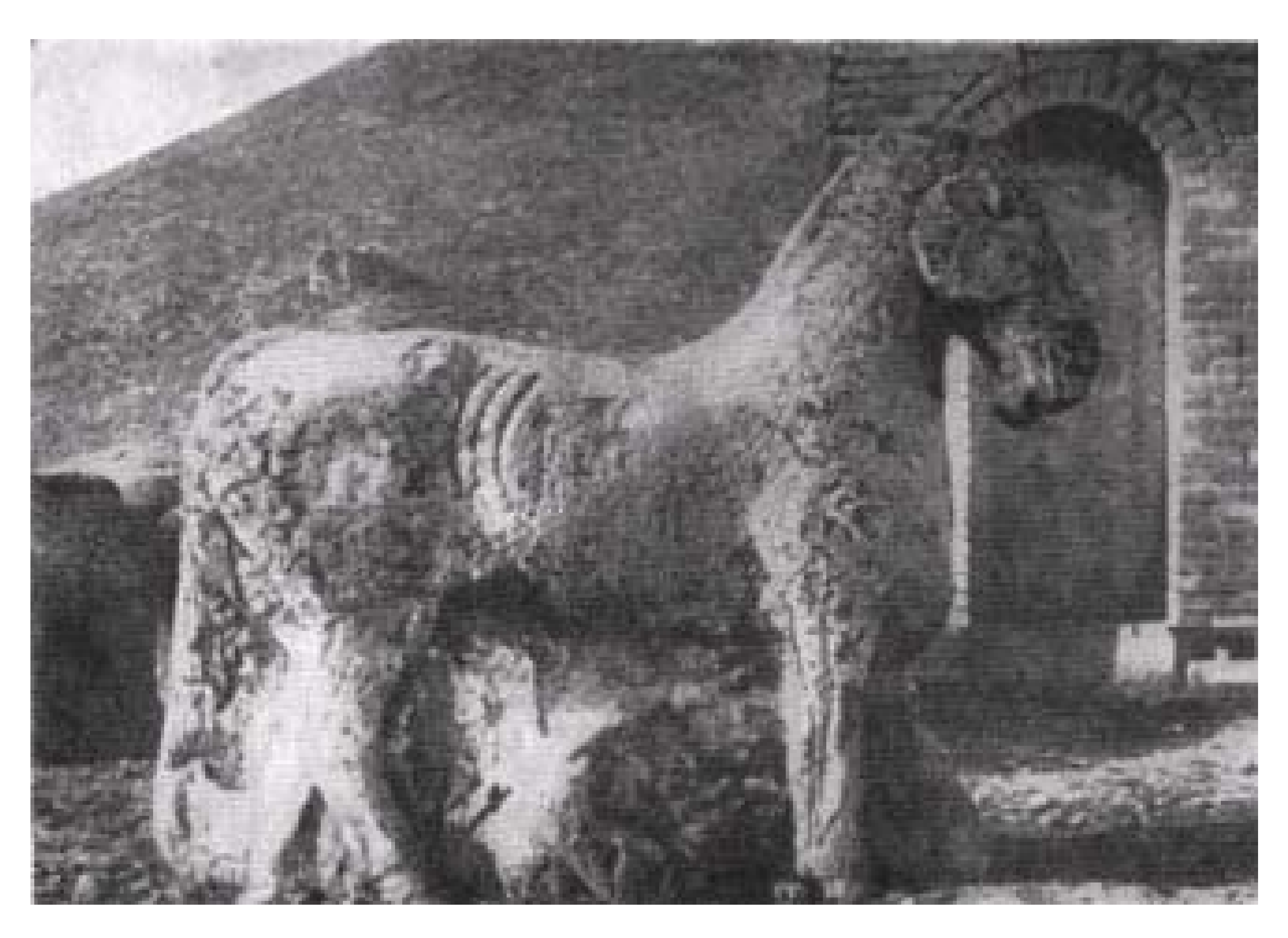
Посольство Чжан Цяня. Борьба за «великий шёлковый путь»

Изменение курса внешней политики было непосредственно связано с открывшимися перед ханьским Китаем широкими перспективами прибыльной торговли с неизвестными здесь до тех пор богатыми странами Запада. В 126—125 гг. в Чанань возвратился знаменитый путешественник Чжан Цянь, посланный ещё в 138 г. к племенам юэчжи для заключения с ними военного союза против гуннов. К тому времени, когда Чжан Цянь смог добраться до них,— после 10-летнего пребывания в плену у гуннов — юэчжи переместились в район Согдианы. Разыскивая их, Чжан Цянь побывал в государствах Давань (Фергане) и Кангюй. На обратном пути он посетил Дася (Бактрию), где прожил около года. С искусством опытного разведчика Чжан Цянь собрал подробные сведения о внутренних ресурсах, населении, торговле и военных силах этих стран. Попутно он узнал о существовании Шэньду (Индии) и более далёких западных государств, в том числе об Аньси (Аршакидской Парфии). Из рассказов Чжан Цяня стало известно о богатствах стран Запада и их заинтересованности в торговле с Китаем. С этого времени задача захвата торговых путей, связывающих Китай с западными государствами, и установления с ними регулярной торговли получила для Ханьской империи первостепенное значение.

В целях осуществления этой задачи была изменена тактика и в отношении гуннов. Если раньше походы против гуннов обычно начинались в Северной Шаньси, то с 121 г. основной центр нападения на них был перенесён на запад—в Ганьсу. С этого времени внешняя политика У-ди на северо-западе преследовала цель захвата у гуннов всей территории Ганьсу, через которую проходил торговый путь на Запад, известный под названием «великого шёлкового пути». В результате походов Хо Цюй-бина в 121 г. гунны были вытеснены из Ганьсу и отрезаны от союзных с ними племён Тибетского нагорья. Сильнейшее поражение, нанесённое гуннам в войне 119 г., заставило их отступить ещё дальше на север. Эти завоевания, сопровождавшиеся захватом огромного количества военнопленных, нанесли гуннам сокрушительный удар. На отвоёванной у гуннов территории Ганьсу от Цзиньчэна до Дуньхуана была построена мощная линия укреплений и созданы военные и гражданские земледельческие поселения; Разделённая на несколько областей территория Ганьсу стала плацдармом для дальнейших войн китайцев за обладание «великим шёлковым путём».

Этот путь начинался в Чанани и шёл на запад по территории Ганьсу до Дуньхуана. Здесь он разветвлялся на две основные, ведущие в Кашгар дороги: южную и северную. Первая шла по южному краю Таримского бассейна, через Хотан и Яркенд, вторая проходила через Турфан, Кучу и Аксу. Из Кашгара торговые пути расходились в Фергану и Бактрию, а отсюда— в Парфию и Индию. Сразу же после закрепления китайцев в Ганьсу по этому пути потянулись многочисленные караваны из Китая.

Чтобы утвердить господство Китая на «великом шёлковом пути», У-ди в 108 г. до н. э. предпринял поход против наиболее враждебно настроенных к Ханьской империи государств бассейна реки Тарима. Этот успешный поход, обеспечивший



Памятник полководцу Хо Цюй-бину (конь, попирающий поверженного гунна).
119 г. до н. э. Долина Вэйхэ (провинция Шэньси).

безопасность южного ответвления «великого шёлкового пути», имел также целью облегчить задуманный У-ди грандиозный поход на Фергану.

Походы в Фергану. Торговые и культурные связи Китая с народами Средней Азии

Поход в Фергану был предпринят с целью захвата сильных и рослых ферганских коней, которых китайцы называли «небесными конями». К этому времени в войнах с гуннами китайцы потеряли огромное количество лошадей, и ханьское войско испытывало в них такую острую нужду, что вставал даже вопрос о прекращении дальнейших войн.

В 104 г. до н. э. прославленный ханьский полководец Ли Гуан-ли выступил в этот далёкий поход, который длился два года и окончился неудачей. Ханьские войска легко достигли озера Лобнор, но дальнейший их путь был сопряжён с огромными трудностями. Жители городов Таримского бассейна, через которые проходили армии Ли Гуан-ли, отказывались снабжать ханьские войска провиантом и приходилось осаждать города, чтобы получать продовольствие. Как сообщал Ли Гуан-ли в докладе императору, «солдаты погибали не в боях, а от недостатка пищи». Потеряв значительную часть своего войска, Ли Гуан-ли вынужден был повернуть обратно, даже не дойдя до столицы Ферганы города Эрши. В Дуньхуан прибыла лишь третья часть его солдат, остальные погибли в пути.

Взбешённый неудачей император приказал немедленно готовиться к новому походу. В 102 г. до н. э. 60-тысячная хорошо снаряжённая армия во главе с Ли Гуан-ли

выступила вновь. С чрезвычайными трудностями ей удалось достигнуть столицы Ферганы. Китайцы осадили город и отвели от Эрши воду. В городе начались волнения. Правитель Ферганы был убит. Городская знать согласилась предоставить китайцам несколько тысяч ферганских коней при условии, чтобы ханьские войска не входили в город. Опасаясь выступления на помощь ферганцам сильной кангюйской армии, Ли Гуан-ли согласился на предложенные условия и снял осаду. Получив ферганских коней, ханьские войска выступили в обратный путь. В результате похода 102 г. Фергана признала свою зависимость от Китая. Этот поход закрепил завоевания китайцев в Восточном Туркестане. Сразу же после успешного окончания войны с Ферганой на всём протяжении «великого шёлкового пути» к западу от Дуньхуана началось строительство военных крепостей и торговых факторий. В наиболее важных пунктах были размещены ханьские гарнизоны и организованы военные поселения.

Немало способствовало налаживанию торговых и дипломатических сношений Китая с Западом и заключение союза с племенем усуней, к которым в 115 г. до н. э. было отправлено посольство во главе с Чжан Цянем. В докладе императору Чжан Цянь специально подчёркивал тот факт, что союз с усунями не только «отсечёт правую руку у гуннов», но и окажет большое влияние на взаимоотношения Китая с западными странами. «Если мы соединимся с усунями,—писал Чжан Цянь,—то сумеем привлечь как внешних данников на западе такие государства, как Дася».

Со 115—114 гг. были завязаны непосредственные торговые сношения с Бактрией, а после ферганского похода и с другими государствами. Как сообщает Сыма Цянь, ежегодно отправлялось более 10 торговых посольств на запад от Ферганы. С этого времени ханьские караваны беспрепятственно отправлялись в Бактрию, Индию, Согдиану, достигали Парфии и проникали ещё дальше на запад.

Захват «великого шёлкового пути», обеспечивший регулярные и непосредственные связи ханьского Китая с государствами Передней и Средней Азии, послужил началом культурного и торгового обмена между этими странами. Из Средней Азии в Китай проникли такие культуры, как виноград, люцерна, фасоль, гранатовое дерево, шафран, ореховое дерево. Шёлк, железо, никель, драгоценные металлы, лаковые изделия в большом количестве вывозились из Китая и проникали далеко на запад, достигая Рима. В Китай привозили с Запада рабов, а также стекло, драгоценные и полудрагоценные камни, пряности и косметику. Исключительную важность имела для Китая возможность приобретения в Фергане боевых коней, которые наиболее соответствовали новому типу китайской конницы. Караваны, отправлявшиеся в Давань за лошадьми, были столь многочисленны, что, по образному выражению Сыма Цяня, «один не выпускал из вида другого».

Войны У-ди на юге и северо-востоке

Ещё до того, как началась борьба за «великий шёлковый путь», У-ди неоднократно делал попытки захватить торговые путина крайнем юго-западе и окончательно подчинить Ханьской империи обширные территории на юге Китая.

Богатства южных государств давно привлекали внимание китайских купцов. Ещё при Цинь Ши хуанди были завоёваны земли Юэ, однако сразу же после падения династии Цинь все эти области отпали от Китая. Но торговые связи с ними сохранились. Особенное внимание китайских купцов привлекало государство Наньюэ. В «Истории Старшей династии Хань» красочно описываются богатства этой страны. «Там,—говорит этот источник,— около моря расположены места, где имеется изобилие носорогов, слонов, черепах, жемчуга, серебра, меди, фруктов, тканей. Купцы из Срединного государства (т. е. Китая.— *Ред.*) занимаются там торговлей и приобретают большие богатства. Центром этой торговли является Фаньюй (Кантон)». Из Фаньюя шёл морской торговый путь в Индо-Китай и Индию, о котором, по-видимому, знали и китайцы.

Постоянная борьба между государствами Юэ облегчала задачу их завоевания. Уже в 138 г. до н. э. империя Хань вмешалась в борьбу между южными госу-

дарствами и подчинила Юэ Дунхай. Сразу же после этого У-ди занялся серьёзной подготовкой к войне с Наньюэ. С этой целью в 135 г. до н. э. в Наньюэ был отправлен опытный разведчик Тан Мын. Ему удалось открыть неизвестный до этого времени китайцам водный путь из Сычуани в Фаньюй по реке Сицзян, по которому через несколько лет в государство Наньюэ и были отправлены ханьские войска.

Возвращение из Средней Азии Чжан Цяня, узнавшего о существовании где-то на юго-западе Китая торгового пути, по которому товары из Сычуани проникали в Индию и Бактрию, привело к активизации завоевательной политики У-ди на юге и юго-западе. В 122 г. до н. э. несколько экспедиций было послано для отыскания южного торгового пути. Однако все они были задержаны юго-западными племенами. Натолкнувшись на непредвиденные трудности, китайцы вынуждены были временно отказаться от попытки найти южный торговый путь, обратив всё своё внимание на борьбу за захват «великого шёлкового пути». Только после окончания войн с гуннами и нанесения им в 119 г. до н. э. решительного поражения появилась возможность вплотную приступить к покорению южных государств. В результате военной кампании 112—109 гг. до н. э. были покорены одно за другим государства Наньюэ и Миньюэ и ряд племён на юго-западе. Подчинив области на юго-западе, У-ди намеревался, как сообщает ханьский историк Бань Гу, создать цепь подвластных Китаю территорий, которые связывали бы Ханьскую империю с Бактрией. Однако из-за продолжавшегося упорного сопротивления юго-западных племён южный путь в Индию и Бактрию китайцам открыть так и не удалось.

Как только были завершены войны на юге, У-ди тотчас же предпринял решительные военные действия на крайнем северо-востоке против расположенного в Северной Корее государства Чаосянь (корейское Чосон). Как отмечалось выше, продвижение китайцев в эти районы началось задолго до образования Ханьской империи. На территории Северной Кореи находились многочисленные поселения переселенцев из Северо-Восточного Китая. В самом начале II в. до н. э. здесь возникло государство, называемое китайскими источниками Чаосянь. Его правители поддерживали добрососедские отношения с Ханьской империей, но держали себя очень независимо и даже посягали на территорию Ляодуна.

По-видимому, поход в Корею был задуман У-ди давно, но грандиозные военные кампании на северо-западе и юге не давали ему возможности осуществить свой замысел раньше. В 109 г. до н. э., спровоцировав убийство правителем Чаосяни ханьского посла, У-ди отправил в Северную Корею «карательную экспедицию», атаковавшую с моря и суши столицу Чаосяни. В течение нескольких месяцев ханьские войска осаждали город, но не могли сломить его сопротивления. Только летом 108 г., когда в результате внутренних распрей правитель Чаосяни был убит, город сдался. Территория Чаосяни была присоединена к Ханьской империи и разделена на четыре области, которые управлялись китайскими чиновниками. С этого времени торговля Китая с Северной Кореей получила исключительно большое развитие. Как показывают археологические раскопки на территории древнего Лолана (современный Пхеньян), сюда проникали товары из самых отдалённых частей Ханьской империи. В частности, постоянной была связь областей Северной Кореи с Сычуанью. После завоевания Чаосяни открылись возможности для развития торговых и политических отношений Ханьской империи с государствами в Южной Корее и началось продвижение китайцев на эту территорию.

Огромный размах завоеваний китайцев во времена правления У-ди требовал колоссальных расходов и больших человеческих жертв. Военные повинности, ещё [illegible]

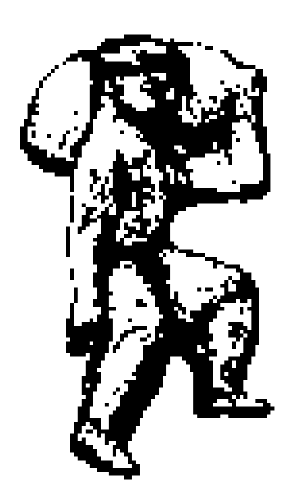
Источники неоднократно отмечают, что при У-ди «налоги были очень многообразны и тяжелы». Была в полтора раза увеличена норма подушного налога на взрослое население, причём он собирался с населения в возрасте от 15 и до 80 лет, а не до 56, как было раньше. Подушный налог с несовершеннолетних стал взиматься не с семилетнего, а с трёхлетнего возраста и в увеличенном размере. Это повлекло за собой многочисленные случаи отцеубийства и детоубийства.

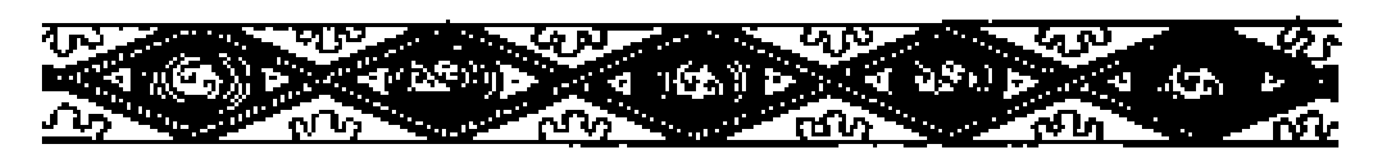
Хотя норма земельного налога официально не была увеличена при У-ди, однако чиновники, как правило, «брали сверх установленного законом». Было введено обложение повозок, верховых лошадей и лодок, а также домашнего скота и птицы. Кроме того, появились разнообразные косвенные налоги, связанные с введением монополий на соль, железо, вино и отливку монеты. Монополии ложились очень тяжёлым бременем на земледельческое население. Что же касается мелких и средних ремесленников, то им введение правительственных монополий угрожало полным разорением.

Доведённые до крайней нужды, люди покидали родные места, укрываясь от сборщиков налогов. «Повсюду,—отмечают источники,—возникали разбои, дороги сделались непроходимыми». Неоднократно вспыхивали стихийные бунты, и население отказывалось выполнять требования властей. Так, в 122 г. до н. э. в Сычуани начались волнения из-за тяжёлых повинностей по постройке военных дорог. В 121 г. до н. э., когда местные чиновники потребовали поставки повозок и лошадей для перевозки сдавшихся гуннов, население попрятало лошадей, отказавшись выдать их чиновникам.

В 99 г. до н. э. в Хэнани, Аньхое, Шаньдуне и Хэбэе вспыхнули восстания против местных властей. Они охватили значительную территорию и угрожали перекинуться в столичную область. Наиболее крупные повстанческие отряды насчитывали по несколько тысяч человек. Повстанцы захватывали оружие из арсеналов, убивали чиновников. Их отряды осаждали города и блокировали крупные дороги. Восстания были подавлены в следующем году с исключительной жестокостью. По сведениям источников, в каждой из областей, на которые распространились восстания, было уничтожено до 10 тыс. повстанцев.

Это были первые крупные народные восстания в Ханьской империи. Они свидетельствовали о нарастании классовых противоречий, дальнейшее обострение которых вылилось в начале I в. н. э. в мощное движение угнетённых масс, приведшее к свержению Старшей династии Хань.





ГЛАВА XVI
КИТАЙ В СЕРЕДИНЕ I В. ДО Н. Э. — II В. Н. Э.

1. Обострение классовых противоречий в Китае во второй половине I в. до н. э. при последних императорах Старшей династии Хань

Вторая половина I в. до н. э. была для Ханьской державы временем напряженной классовой борьбы и постепенного ослабления политической мощи древнекитайской империи.

Внешнеполитическое положение Ханьской империи в I в. до н. э.

Со смертью У-ди крупные завоевательные походы почти прекратились. Длительные войны опустошили императорскую казну и истощили внутренние ресурсы государства. Придворные сановники настаивали на проведении пассивной внешней политики, сторонники военных захватов не встречали ни сочувствия, ни поддержки в правительстве. Главной же причиной, заставлявшей правящие круги господствующего класса отказаться от дальнейших завоеваний, была угроза народных движений.

До конца I в. до н. э. китайцы предприняли лишь один действительно крупный и далёкий поход — в Согдиану, против гуннов (36 г. до н. э.), усиление которых угрожало нарушить торговлю по «великому шёлковому пути». Поход был возглавлен талантливым военачальником Чэнь Таном—одним из помощников наместника Западного края, как китайцы называли бассейн реки Тарима.

Зная настроение придворных кругов, Чэнь Тан начал поход самовольно, подделав императорский эдикт о мобилизации войск. Император был извещён о походе, когда армии Чэнь Тана находились уже в пути. Прибыв в Согдиану, Чэнь Тан осадил ставку гуннского шаньюя Чжичжи, находившуюся на берегу реки Таласса. Произошло решительное сражение, в котором гунны были наголову разбиты. Блестящая победа спасла Чэнь Тана от гнева императора, но от дальнейших военных действий ему пришлось отказаться по настоянию двора. Этот поход лишь

на некоторое время укрепил власть Ханьской империи в Западном крае. Спустя несколько лет гунны активизировали свои действия на северо-западных границах Ханьской империи, и к началу I в. н. э. им удалось подчинить своему влиянию весь Западный край и отрезать торговые пути в западные страны. Вплоть до конца Старшей династии Хань внешняя политика Ханьской империи носила оборонительный характер. По данным источников, в это время были даже уменьшены пограничные гарнизоны.

Рост крупного землевладения и рабовладения. Обострение социальных противоречий

Ослабление внешнеполитической и военной мощи Ханьской империи в I в. до н. э. являлось результатом обострения внутренних социально-экономических противоречий. Это обострение было вызвано быстрым ростом крупного землевладения и рабовладения. Наиболее дальновидные сановники с тревогой сообщали императору о том, что высшая знать, крупные чиновники, а также «сильные и богатые люди из народам имеют «множество рабов и без предела поля...». Борьба против концентрации частной земельной собственности проходит через всю внутреннюю историю Китая во времена империи Старшей династии Хань, но к концу I в до н. э. она достигает исключительной остроты. «Жестокость сильных и богатых людей,— отмечает один из ханьских источников,—ещё больше, чем при проклятой Цинь. Сейчас богатые захватывают земли. (Эти захваты) иной раз достигают нескольких сотен и тысяч цин...». Рост крупной земельной собственности сопровождался вытеснением среднего и мелкого землевладения, разорением и обезземеливанием общинников.

Источники, относящиеся к этому времени, постоянно отмечают, с одной стороны, крайний рост богатства и роскоши, а с другой — все возрастающую бедность мелких производителей, особенно земледельцев, которые «постоянно находятся в долгах». Яркое описание этого контраста мы находим в уже упоминавшемся трактате ханьского времени «Янь те лунь», где сообщается, что, в то время как богатые люди имеют особняки, подобные дворцам, и живут в роскоши, одевая даже слуг в изысканные шелка, а их лошади и собаки едят хлеб и мясо, бедняки ютятся в хижинах, одеваются в лохмотья и питаются самой грубой и скудной пищей. По свидетельству «Янь те лунь», многие земледельцы не могли приобрести даже самые необходимые железные орудия, особенно после того, как государство ввело монополию на производство железных изделий и цены на железо крайне выросли. Не имея возможности приобрести волов для пахоты, земледельцы вынуждены были сами впрягаться в плуг, чтобы обрабатывать свои поля.

Массовое разорение земледельцев, расширение долговой кабалы и распространение кабальной аренды привели к резкому обострению классовых противоречий. Это вызвало серьёзную тревогу среди правящих кругов, тем более что разорение земледельцев и концентрация земли в руках крупных собственников приводили к катастрофическому уменьшению количества мелких производителей — основных налогоплательщиков государства.

Ещё до того, как вспыхнули волнения в конце правления У-ди, государственные сановники обращали внимание на сильное недовольство народа. Этот страх перед доведённым до крайности озлобленным народом, который «убегает в леса и горы, чтобы стать разбойниками», ясно звучит в докладе Дун Чжун-шу. Показательно, что, советуя облегчить положение простого народа, Дун Чжун-шу предлагал также «отменить право на убийство рабов».

Если в конце III в. до н. э. существовало ограничение права на убийство рабов и рабовладельцы должны были получить для этого специальное разрешение властей, то источники, относящиеся к Старшей династии Хань, свидетельствуют об очень жестоком обращении с рабами. Как частных, так и государственных рабов заковывали в кандалы, клеймили, и, как показывает доклад

Дун Чжун-шу, ханьские законы ничем не ограничивали произвола хозяина, который целиком распоряжался жизнью своих рабов. Однако к концу I в. до н. э. положение несколько изменилось: государство пыталось вмешиваться во взаимоотношения между рабами и рабовладельцами, по крайней мере в тех случаях, когда дело шло о вопиющих фактах умерщвления рабов.

С середины I в. до н. э. с резким протестом против чрезмерного увеличения числа государственных рабов и безудержной роскоши императорского двора выступил сановник Гун Юй. Он писал, что государство содержит железоделательные и медеплавильные мастерские, в которых работает множество рабов из осуждённых, что, кроме того, оно владеет крупными ткацкими мастерскими в Шаньдуне, мастерскими по обработке золота и серебра в Сычуани, что, наконец, оно содержит более сотни тысяч рабов, исполняющих домашние службы в императорских дворцах. Отмечая, что двор и аристократические семьи утопают в роскоши, Гун Юй противопоставлял расточительности придворной аристократии тяжёлую жизнь народа, голодающего от недостатка земли и из-за непосильных налогов.

Гун Юй требовал уничтожить все государственные монополии, уменьшить налоги. Показательно, что Гун Юй настаивал на отмене денег, считая денежные платежи наиболее обременительными для земледельцев. Утверждая, что из-за развития торговли и денежного обращения менее половины населения в состоянии обрабатывать землю, он предлагал запретить торговлю и взимать налоги только натуральными платежами. Подобно многим конфуцианцам того времени, идеализировавшим далёкое прошлое, Гун Юй призывал вернуться к «золотому веку» древности.

С начала I в. до н. э. представители господствующего класса находились в постоянном страхе перед восстаниями. Об этом, в частности, свидетельствует трактат «Янь те лунь», где приводится высказывание одного из видных государственных сановников, который, настаивая на необходимости сохранения государственной монополии на железо, обращал внимание на то, что «оружие... нельзя оставлять в руках народа».

В условиях обострения классовых противоречий и угрозы восстаний правящие круги вынуждены были пойти на частичные уступки народным массам. При императоре Лю Ши (Юань-ди, 48—33) был отменён закон о взимании подушного налога с детей с трёхлетнего возраста, и подушным налогом стали облагаться дети с семи лет. Были облегчены и другие налоги. В неурожайные годы правительство освобождало земледельцев от земельного налога. Были уничтожены государственные ткацкие мастерские в Шаньдуне. Правительство сделало попытку сократить рост государственного рабовладения: императорским указом было запрещено обращать в рабство родственников осуждённого. Однако, несмотря на эти меры, обстановка в стране становилась всё более напряжённой.

Восстания свободной бедноты и рабов в конце I в. до н. э.

В конце I в. до н. э. в ряде областей империи вспыхнули разрозненные восстания свободной бедноты и рабов. Восставшие открывали тюрьмы, освобождали государственных рабов из осуждённых, расправлялись с чиновниками. В 22 г. до н. э. в Инчуани (Хэнань) восстали ту на государственных железных рудниках. Восстание в том же году было жестоко подавлено, но по всему чувствовалось, что положение становится чрезвычайно серьёзным. «Толпы разорившихся земледельцев,— сообщал императорский указ 17 г. до н. э., — угрожают (всеобщему) спокойствию». Правительство предпринимало срочные меры, пытаясь предотвратить надвигавшиеся восстания. Императорские указы предписывали чиновникам «соблюдать осторожность» в своих действиях, оказывать народу всяческое снисхождение и «воздерживаться от жестокостей и насилий». Однако эти предписания не могли приостановить нараставших волнений.

В начале 17 г. до н. э. поднялось большое восстание в Гуанхани (Сычуань). «История Старшей династии Хань» так описывает начало этого восстания: «...в Гуанхани (люди), закованные в железные ошейники, устроили заговор, напали на тюрьму и освободили заключённых. (Они) захватили оружие из арсеналов и стали грабить и захватывать чиновников и народ». Движение быстро разрасталось, и уже вскоре число повстанцев увеличилось до 10 тыс. человек. Оно было подавлено только через десять месяцев.

Особенно большую тревогу у правительства вызывали области, расположенные к востоку от столицы, и, в частности, область Цин (в Шаньдуне), где, как отмечалось в императорском указе 17 г. до н. э., собралось «огромное множество бродяг и бездомных» и положение было «наиболее серьёзным». В 13 г. до н. э. здесь начались очень большие волнения. Самым значительным было восстание ту на государственных железных рудниках в Шанъяне. Восставшие перебили надсмотрщиков и захватили оружие. К ним присоединились мелкие ремесленники и разорившиеся земледельцы. Движение распространилось на значительную территорию. Некоторые источники даже утверждают, что оно охватило более 40 областей империи. Повстанцы убивали начальников областей и уездов, расправлялись с богачами. Власти сумели сравнительно быстро расправиться с повстанцами, но эти движения показали, что над государством нависла реальная угроза массовых восстаний.

Указ об ограничении количества рабов и земли у крупных собственников

В этих условиях правительство предприняло попытку ограничить частное землевладение и рабовладение. Необходимость проведения реформ с целью смягчения классовых противоречий признавалась в это время целым рядом наиболее дальновидных представителей господствующего класса. Политику реформ, по-видимому, поддерживали значительные слои средних землевладельцев и рабовладельцев, которым было трудно конкурировать с крупными землевладельцами. В конце I в. до н. э. императору Лю Ину (Ай-ди, 6—1) был представлен на рассмотрение проект указа об ограничении количества земли и рабов у крупных собственников. Согласно этому указу никто не мог иметь более 30 цин (около 138 *га)* земли, норма количества рабов колебалась в зависимости от социального положения собственников от 30 до 200, однако рабы моложе 10 и старше 60 лет не принимались во внимание. Как предписывалось в указе, «срок (вступления в действие) закона должен наступить через 3 года, у тех, кто его нарушит, конфискуется имущество». Указ гласил, что «государственные рабы 50 лет и старше освобождаются и становятся свободными». Источники сообщают, что, как только об указе стало известно, «цены на землю... и рабов (ну-бэй) сразу понизились».

Указ Ай-ди свидетельствовал о том, что вопрос о земле и рабах был в это время очень острым. Если при Вэнь-ди (179—157), как говорилось в указе, «не было зла от скопления у частных лиц (крупных источников дохода) и поэтому не было необходимости в ограничении полей и рабов (ну-бэй)..., то теперь... собственность сильных и богатых людей из числа чиновников и простого народа исчисляется сотнями миллионов, в то время как нужда бедных и слабых всё более и более возрастает». В конце I в. до н. э. концентрация земель и рабов была, по мнению современников, основным вопросом общественной жизни и причиной того «критического положения», в котором, по словам составителей проекта указа, оказалось государство.

Согласно указу Ай-ди люди высокого положения могли владеть двумя сотнями рабов, мелкие чиновники и простой народ—несколькими десятками рабов, однако в действительности многие собственники имели, рабов в гораздо большем количестве. Предписание указа о размерах земельных владений грозило им лишением значительной части их земель. Поэтому попытка проведения указа Ай-ди в жизнь натолкнулась на решительное сопротивление крупных землевладельцев и

рабовладельцев. Как лаконично сообщается в «Истории Старшей династии Ханы», «все находили (указ) неподходящим, (поэтому) императорским декретом (он) был отложен на будущее время, а затем совсем оставлен и в жизнь не проводился». Более решительная попытка смягчить классовые противоречия реформами сверху была предпринята при Ван Мане (9—23).

2. Реформы Ван Мана и восстание «Красных бровей»

Государственный переворот Ван Мана и политика реформ

В обстановке всё нарастающей угрозы массовых народных движений правящие круги судорожно искали выхода из создавшегося положения. Провал указа Ай-ди показал, что для проведения в жизнь политики реформ необходимо сломить сопротивление крупных собственников. В этих условиях выдвинулся родственник императора, бывший регентом при малолетнем наследнике престола, Ван Ман. Будучи человеком непреклонной воли и исключительного честолюбия, Ван Ман сумел в короткий срок приобрести популярность в стране и вместе с тем поддержку части придворных кругов. В 8 г. н. э. он совершил дворцовый переворот и захватил власть. В 9 г. н. э. Ван Ман провозгласил себя первым императором «Новой» династии («Синь») и сразу объявил о своём намерении проводить самыми решительными мерами политику реформ.

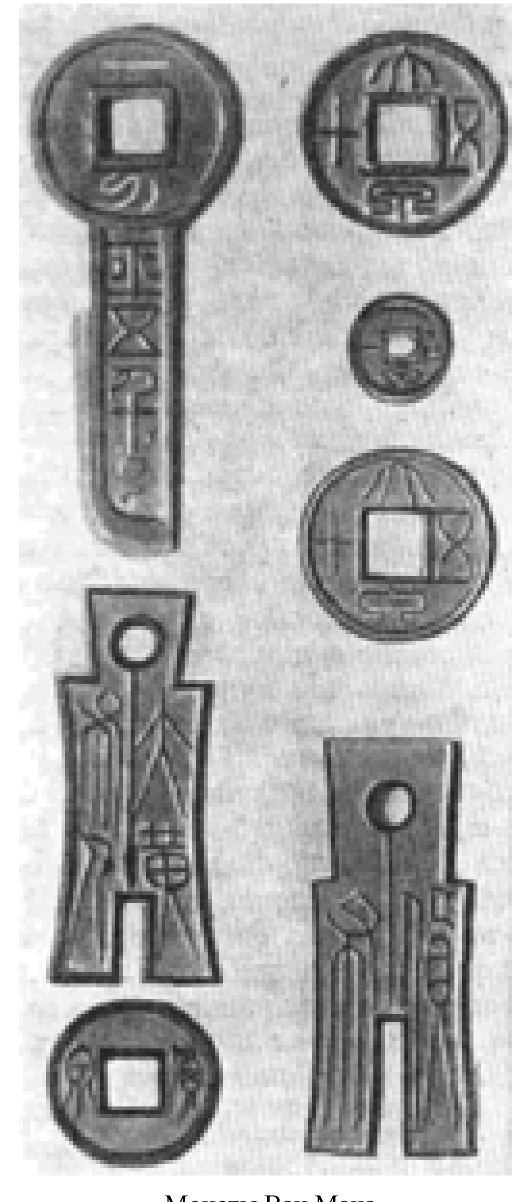
Идейными вдохновителями реформ Ван Мана были конфуцианцы. Конфуцианские утопии, призывавшие вернуться к «золотому веку» прошлого, когда якобы не было богатства и бедности и государство процветало, получили в I в. до н. э. — I в. н. э. широкое распространение. Ван Ман провозгласил, что целью его реформ является возвращение к порядкам, существовавшим в «Поднебесной» в глубокой древности и записанным в древних конфуцианских книгах. В частности, он неоднократно ссылался на текст трактата «Чжоу ли» («Чжоуские установления»), который будто бы уцелел при сожжении конфуцианских книг при Цинь Ши хуанди и теперь был «обнаружен» одним из конфуцианцев. В действительности трактат «Чжоу ли», хотя и включал в себя тексты, относящиеся к IV в. до н. э., в целом был составлен при Ван Мане с целью идеологического обоснования его реформ.

В 9 г. н. э. Ван Ман издал указ, запрещавший куплю-продажу земли и рабов. Все земли были объявлены «царскими землями» *(ван-тянь),* а все рабы — «частнозависимыми» *(сы-шу).* Термин «сы-шу» не вполне ясен. По-видимому, так называлась особая категория людей, зависимых от частных лиц, которые их эксплуатировали, но не могли продавать; возможно, что частных рабов по указу Ван Мана должны были теперь относить к этой категории. Одновременно Ван Ман объявил о восстановлении идеализированной конфуцианцами древней системы общинного землевладения — так называемой системы цзинтянь, по которой ни одна семья не могла иметь больше 100 му (около 2 *га)* земли. «Все безземельные,— говорилось в указе,—должны получить землю по закону». Но это положение носило чисто декларативный характер, и у Ван Мана не было намерения проводить его в жизнь. Реформы Ван Мана отнюдь не означали какого-либо перераспределения собственности. Это была лишь попытка приостановить процесс обезземеливания и закабаления земледельцев-общинников.

Частичными мероприятиями Ван Ман пытался ограничить работорговлю. Под страхом смертной казни он запретил частным лицам заниматься работорговлей в северных пограничных областях, где из-за голода добровольная продажа в рабство приняла особенно крупные размеры; было запрещено переправлять рабов с северных границ на рабские рынки в центральные области империи.

Борьба Ван Мана против частного рабовладения не была борьбой против рабства как такового. Ван Ман не только не делал попыток ограничить государ-

ственное рабовладение, но даже, ссылаясь на древние конфуцианские трактаты, пытался обосновать законное право государства владеть рабами. При нём количество государственных рабов очень увеличилось. Законы Ван Мана карали обращением в государственных рабов как самих преступников, так и членов пяти соседних семей, связанных круговой порукой. Огромные партии государственных рабов переправлялись на далёкие расстояния для работы в государственных мастерских. Так, по сообщению «Истории Старшей династии Хань», в 21 г. «...люди, нарушившие запрет об отливке монеты, в числе пятёрок семей (обязанных круговой порукой) подверглись аресту, конфискации имущества и стали государственными рабами (ну-бэй). Мужчины на телегах в клетках для преступников, женщины и дети пешком с бряцавшими на шее железными цепями в количестве сотен тысяч (человек) были переправлены (в Чанань) и переданы чиновникам, ведающим отливкой монеты». Большое количество государственных рабов было занято на строительстве сооружаемых по приказу Ван Мана огромных дворцов-храмов. Как сообщают источники, на этих работах погибло несколько десятков тысяч государственных рабов. Вместе с тем при Ван Мане стало практиковаться создание армий из рабов. Так, войско, набранное из рабов и названное Ван Маном «броском кабана», было отправлено на северные границы для борьбы с гуннами, набеги которых на Китай в это время возобновились.


Монеты Ван Мана
(8—14 гг. н. э.).

Якобы для ограничения хищнической деятельности торговцев и ростовщиков, а в действительности в целях увеличения государственных доходов Ван Ман учредил в 10 г. н. э. особые управления, которые должны были регулировать рыночные цены и регламентировать ссудный процент. Эта мера должна была сосредоточить значительную часть ссудных операций в руках государства. Ван Ман поставил под особый надзор государственные монополии, причём помимо сохранения монополий на соль, железо и отливку монеты была возобновлена винная монополия и введены монополии на использование горных и водных богатств. Крайне нуждаясь в средствах для осуществления своих мероприятий, Ван Ман неоднократно проводил денежные реформы, вводя в оборот новые монеты и изменяя достоинство старых.

Ван Ман стремился к тому, чтобы сосредоточить в руках государства все источники доходов и создать сильную бюрократическую империю. При нём был очень увеличен аппарат государственных чиновников и чрезвычайно усилились фискальные и полицейские функции государства. Бюрократия была заинтересована в осуществлении экономических мероприятий Ван Мана, получая от этого выгоды. Чиновники наживались на спекуляции товарами при регулировании рыночных цен и на всякого рода злоупотреблениях при проведении многочисленных законов Ван Мана. Как сообщает «История Старшей династии Хань», «чиновники основывали свою власть

на жестокости и насилии и извлекали выгоды из запрещений (Ван) Мана, осуществляли захваты и жестоко притесняли мелкий люд; (даже) богатые не могли защитить себя, а бедные (вообще) не имели возможности сохранить жизнь».

Проведение в жизнь указов Ван Мана вызвало упорное сопротивление землевладельцев и рабовладельцев Мероприятия Ван Мана саботировались на местах. Нарушители законов наказывались с чрезвычайной жестокостью, однако, как повествует «История Старшей династии Хань», «было очень много таких, кто пытался покупать и продавать поля... и рабов». Недовольство было столь сильным, что уже через три года в 12 г. н. э., Ван Май вынужден был издать новый указ, разрешавший свободно покупать и продавать рабов и землю. Через несколько лет Ван Ман вновь предпринял некоторые меры по ограничению частного рабовладения. Так, в 17 г. н. э. все частные рабы были обложены особым налогом. Каждый рабовладелец, независимо от положения в обществе, должен был платить по 36 тыс. медных монет за раба. По свидетельству «Истории Старшей династии Хань», это вызвало столь большое возмущение, что повсюду начались волнения

Реформы Ван Мана не принесли облегчения угнетённым массам. Они не могли приостановить ни разорения земледельцев, ни роста долговой кабалы. Саботаж и злоупотребления местных чиновников только ухудшали положение земледельцев, ремесленников и мелких торговцев.

В связи с острой необходимостью увеличения государственных доходов для проведения реформ, содержания многочисленного бюрократического аппарата в ведения войн против гуннов при Ван Мане крайне увеличился налоговый гнёт. Был введён ряд новых обременительных поборов. Особенно тяжелы были косвенные налоги, связанные с расширением государственных монополий. После возобновления войн с гуннами стала ещё более тяжёлой военная повинность, которой теперь подлежали все мужчины, начиная с 15 лет. Земельный налог был увеличен. Был введён тяжёлый денежный налог на ремесленников и всех, кто имел какую-либо профессию. В частности, большими налогами были обложены люди, занимавшиеся шелководством, охотой и рыбной ловлей.

Денежные реформы Ван Мана имели результатом обесценение монеты и рост цен на товары. В некоторых областях цены на рис возросли в 50 раз Многочисленные запрещения и законы Ван Мана привели к усилению порабощения свободного населения государством. «Все говорят,— доносили Ван Ману его приближённые, — что страдают от множества запрещений, что от них нельзя пошевелить рукой. Полученного от работы не хватает на уплату налогов и поборов. Люди закрывают двери, ни с кем не общаются и всё-таки попадают в тюрьму как сообщники (преступников)... Чиновники замучили народ».

Народные движения. «Красные брови»

Ухудшив положение народных масс и вызвав резкое недовольство землевладельцев и рабовладельцев, реформы Ван Мана не ослабили, а углубили и обострили классовые противоречия. Результаты не замедлили сказаться. По всей стране начали вспыхивать восстания. В 15 г. началось восстание среди северо-западных пограничных гарнизонов. Затем поднялись восстания в Аньхое, Цзянсу, Шаньдуне, Хэнани, Хубэе. Отряды повстанцев носили различные наименования: «Красные брови», «Зелёный лес» или «Нижнее течение реки», «Лес на равнине», «Медные кони», «Верхнее течение реки», «Железные голени», «Большие пики» и т. д. Некоторые из них насчитывали десятки тысяч людей. Их возглавляли беглые солдаты, пастухи, рыбаки, бедные земледельцы, мелкие торговцы. В восстаниях принимали участие и рабы. Повстанцы осаждали и захватывали города, убивали чиновников, захватывали амбары с зерном, освобождали рабов.

В ряде областей к повстанцам присоединялись отряды представителей господствующего класса, недовольных политикой Ван Мана, и отпрыски свергнутого Ван Маном царского рода Лю (фамильное имя императоров, династии Хань), которых

Ван Ман лишил высокого положения и имущества. Как сообщает историк Бань Гу, «потомки прежней династии Хань в безумии подстрекали народ к бунту».

На подавление восстаний было брошено отборное стотысячное войско Ван Мана. Огнём и мечом оно расправлялось с повстанцами. С особенной жестокостью действовал полководец Ван Куан. Источники рассказывают, что, захватив один из охваченных восстанием городов, он казнил более 10 тыс. человек. Однако войска Ван Мана терпели одно поражение за другим «История Старшей династии Хань» лаконично сообщает: «Повсюду десятки тысяч разбойников нападали на города. Они убили около 2000 чиновников. Ван Куан и другие терпели неудачи в боях».

Восстания разрастались, охватывая всё большую территорию. Они полыхали в Шаньдуне, Хэбэе, Шаньси, Хэнани, Хубэе, Сычуани, Шэньси, Ганьсу.

Самым мощным оказалось движение в Шаньдуне, где действовали отряды «Красных бровей», которые были наиболее организованными и многочисленными. Шаньдун, как один из возможных очагов восстания, ещё задолго до этого вызывал серьёзные опасения правительства Подавление восстаний 13 г. до н. э. не разрядило напряжённой обстановки в Шаньдуне Население Шаньдуна особенно пострадало от налогов Ван Мана и, в частности, от косвенных налогов, связанных с монополией на богатства гор, рек и озёр. Чиновники Ван Мана сообщали, что в этих областях, где рыбный промысел был важным подсобным занятием населения, спасавшим его от голодной смерти в неурожайные годы, введение этой монополии лишало людей последних средств к существованию Они доносили, что смертность в области очень увеличилась и появилось много людей, «занимающихся разбоем»

Восстание «Красных бровей» началось в 18 г. н. э. Непосредственными причинами восстания были произвол и вымогательства чиновников и страшный голод, разразившийся в Северном Китае в связи с неоднократными прорывами плотин и дамб на Хуанхэ в первые годы I в. н. э. Разрушенные ирригационные сооружения не были восстановлены, и в II г. н. э. новый мощный прорыв Хуанхэ повлёк за собой изменение русла нижнего течения реки. Вместо прежнего направления на современный город Тяньцзинь (недалеко от Пекина) Хуанхэ разделилась в районе современного города Чжэнчжоу (на северо-востоке Хэнани) на два широких рукава, которые впадали в Жёлтое море к северу и к югу от Шаньдунского полуострова, отрезая его, таким образом, от остальной территории Китая

Изменение русла Хуанхэ вызвало огромное наводнение, от которого, естественно, больше всего пострадало население Шаньдуна. На протяжении целого ряда лет здесь свирепствовал сильнейший голод. Спасаясь от периодических страшных наводнений и голодной смерти многие бросали на произвол судьбы свои жилища и уходили из родных мест. Не имея ни пристанища, ни средств к существованию, изголодавшиеся люди толпами бродили по области в поисках пропитания. В этих условиях восстание вспыхнуло стихийно и сразу охватило значительную территорию. Во главе повстанцев встал бедный земледелец Фань Чун. Для того чтобы отличать своих приверженцев, Фань Чун приказал повстанцам красить брови в красный цвет. Поэтому это движение и получило название восстания «Красных бровей».

Против повстанческих отрядов в Шаньдуне Ван Ман послал огромную армию. За жестокость народ прозвал её «Зубами тигра» Однако армия Ван Мана не могла справиться с отрядами «Красных бровей». Солдаты разбегались и не хотели сражаться часть их присоединилась к восставшим

Повстанческие отряды отовсюду двигались к столице. В 23 г. первыми подошли к Чанани отряды, возглавляемые потомками ханьских императоров, поддержанные повстанцами «Нижнего течения реки». «Леса на равнине» и другими отрядами. Войска, защищавшие Чанань, разбежались. Повстанцы ворвались в город и окружили дворец, где скрывался Ван Ман. После трёхдневной осады дворец был захвачен, Ван Ман убит. Ему отрубили голову, а тело разорвали на части. Один из отпрысков царского рода Лю, ставший известным под именем Гэн-ши, был объявлен

императором. Однако другие повстанческие отряды не хотели его признавать. «Красные брови» провозгласили императором своего ставленника — обедневшего отпрыска царского рода Лю. Восстания в стране продолжались.

В 25 г. отряды «Красных бровей», насчитывавшие несколько сот тысяч человек, подступили к Чанани и заняли её. Гэн-ши был убит. «Красные брови» укрепились в столице.

Подавление народных восстаний. Причины их поражения

Расправившись с помощью отрядов восставших с «узурпатором» Ван Маном, представители господствующего класса направили все силы на подавление грозного народного движения. Ещё до того, как Гэн-ши был убит, наиболее сильные из их армий выдвинули нового претендента на престол — царевича Лю Сю, прославившегося своими победами над повстанцами.

В 25 г. Лю Сю был провозглашён императором. Он укрепился в Лояне и объявил его своей столицей. В том же году, собрав большое войско, Лю Сю осадил Чанань. В столице начался голод. Продержавшись в осаждённом городе более года, «Красные брови» вынуждены были оставить его и, отрезанные армиями Лю Сю от Шаньдуна, отступили на северо-запад. Здесь они сделали попытку связаться с периферийными восстаниями, но она окончилась неудачей. Преследуемые по пятам военачальниками Лю Сю, «Красные брови» снова вернулись в Чанань, но продержались здесь очень недолго и отступили дальше на восток в направлении Шаньдуна. В конце 27 г. н. э. Лю Сю нанёс им ряд поражений в Хэнани. Генеральное сражение произошло в городе Ияне (между Чананью и Лояном), где повстанцы потерпели решительное поражение. К этому времени восстания в других местах были уже подавлены. Декларации Лю Сю об освобождении некоторых категорий рабов, уничтожении указов Ван Мана и снижении налогов способствовали усилению разложения в рядах повстанцев. В 29 г. восстание «Красных бровей» было окончательно подавлено.

Победа Лю Сю над повстанцами облегчалась тем, что они не обладали достаточной организованностью и дисциплиной. Восстания охватили огромную территорию, но они были разрозненными и носили стихийный характер. Одни отряды ограничивались захватом провианта, другие убивали чиновников и богачей, освобождали рабов, но ни у кого из них не было ясного представления о цели, к которой они идут. Повстанцы не выдвигали собственных политических требований и боролись под лозунгом, выдвинутым господствующим классом,—лозунгом возвращения свергнутой Ван Маном ханьской династии.

3. Общественные отношения в Китае при Младшей династии Хань

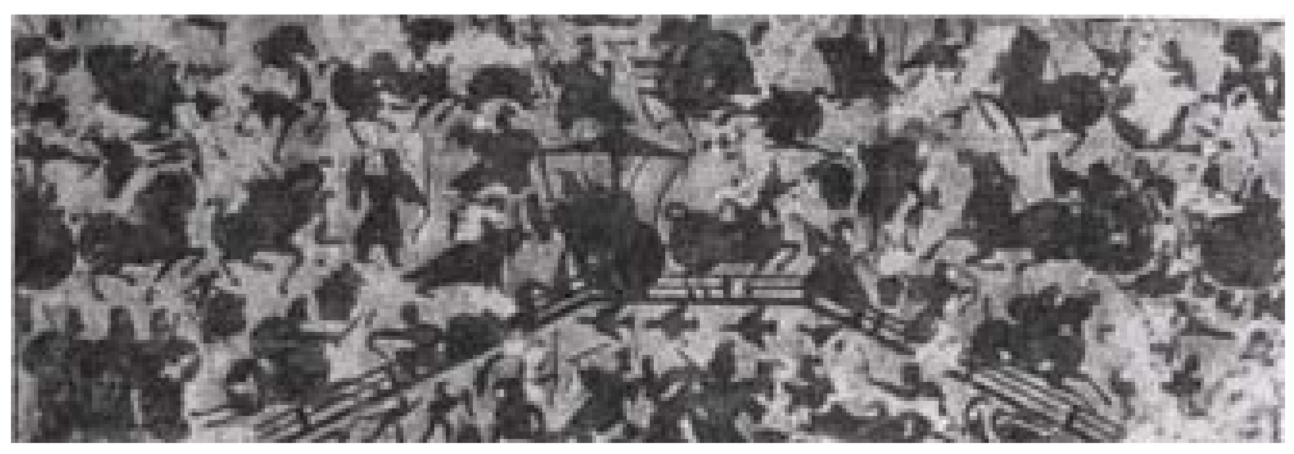
Восстания конца I в. до н. э.— начала I в. н. э. явились показателем крайнего обострения классовых противоречий в Ханьской империи и назревания глубокого внутреннего кризиса.

Мероприятия Лю Сю и политика следующих за ним императоров новой династии, получившей название Младшей династии Хань, в конечном итоге определялись теми глубокими изменениями, которые происходили в социально-экономической основе империи.

Внутренняя политика Гуан У-ди

Сразу после своего утверждения на императорском престоле, Лю Сю, известный в истории под именем Гуан У-ди (25—57), провозгласил эру мира и объявил, что будет действовать по примеру своего предка Лю Бана. Он понимал, что в обстановке полыхающих по всей стране восстаний и хозяйственной разрухи нельзя действовать только силой. Решительно и жестоко расправляясь с народными движениями, Лю Сю вместе с тем издавал указы, несколько облегчающие положение угнетённых масс.

В ходе восстаний 18—28 гг. многие рабы были освобождены отрядами повстанцев или сами бежали от господ. После подавления народного движения Гуан У-ди не только не предпринимал попыток возвратить рабов прежним владельцам, но и неоднократно издавал указы об ограничении рабства и облегчении положения рабов. Рядом указов 26—37 гг. были объявлены свободными люди, продавшиеся в рабство из-за голода за время гражданских войн, а также люди, насильно обращённые в это время в рабство. Изданный Гуан У-ди «закон о продаже людей» был попыткой ограничить практику насильственного захвата и продажи в рабство свободных. В 31 г. был издан указ об освобождении некоторых категорий государственных рабов. Он гласил: «Те чиновники и люди из народа, которые во времена Ван



Битва на мосту.
Ханьский каменный рельеф из погребального храма семьи У в провинции Шаньдун. Середина II в. н. э.

Мана были схвачены и обращены в рабов за несогласие с прежними законами, должны быть освобождены и стать свободными». В 36—39 гг. Гуан У-ди издал несколько указов, освобождающих некоторые категории частных рабов в ряде областей империи. В 36 г. н. э. был издан указ об ограничении права рабовладельцев на убийство рабов. Годом раньше императорским указом было запрещено клеймить частных рабов.

Ко времени правления Гуан У-ди хозяйственное значение областей в бассейне р. Вэйхэ, являвшихся основной житницей государства во II в.— середине I в. до н. э., значительно падает в связи с запущенностью и разрушением ирригационной системы Вэйбэй и уступает место районам, расположенным к востоку от Чанани — на территории современных провинций Хэнани, Шаньдуна и Южного Хэбэя. В этих областях ещё во второй половине I в. до н. э. местными властями были созданы ирригационные сооружения, способствовавшие их экономическому подъёму. В начале I в. н. э. области, расположенные на территории Великой Китайской равнины, стали наиболее развитыми в экономическом отношении. В связи с возросшим хозяйственным значением этих областей и упадком областей в долине Вэйхэ Гуан У-ди перенёс столицу империи на восток, в г. Лоян. Как Гуан У-ди, так и его преемники обращали большое внимание на поддержку ирригационных сооружений в бассейне нижнего и среднего течения Хуанхэ.

При Гуан У-ди правительство предпринимало энергичные меры, чтобы наладить хозяйство страны. Чиновникам были отданы распоряжения о поощрении земледелия и шелководства. Беднякам, не имевшим земли, раздавались на льготных условиях государственные земли (гун-тянь). Переселенцев на несколько лет освобождали от налогов и повинностей. Крупные владения опальных землевладельцев частично

были распределены между людьми, лишившимися крова. Восстанавливалась и налаживалась государственная администрация. В многолетней напряжённой борьбе с децентрализаторскими тенденциями крупных аристократических семей, усилив-

Битва с гуннами и захват пленных.
Каменный рельеф из ханьской гробницы в провинции Шаньдун. Середина II в. н. э.

шихся во время восстаний и междоусобий, Гуан У-ди удалось добиться укрепления и централизации империи.

Восстановление внешнеполитического могущества Ханьской империи

В I в. н. э. империя Хань снова превратилась в сильную державу. С середины I в. н. э. ханьские императоры вновь стали проводить активную завоевательную политику. В конце 30-х — начале 40-х годов на юго-западе Ханьской империи — в северной части Вьетнама—начались восстания против китайских властей. Повстанцы перебили ханьских чиновников, и в течение нескольких лет эта область сохраняла независимость от Ханьской империи. В 43 г. сюда были посланы китайские войска, возглавляемые военачальником Ма Юанем, которые нанесли решительное поражение восставшим, после чего северная часть Вьетнама (Бакбо) признала свою зависимость от Ханьской империи.

Вскоре китайцы предприняли активные военные действия и на северо-западе. Как уже указывалось, гунны в конце I в. до н. э.—начале I в. н. э. подчинили своему влиянию Западный край и прервали торговлю по «великому шёлковому пути». В 73 г. в далёкий поход против гуннов выступила сильная армия, возглавляемая полководцем Доу Гу. Войны с гуннами преследовали в первую очередь цель восстановления китайского влияния в Западном крае и налаживания внешней торговли Китая со странами Запада по «великому шёлковому пути». В результате победоносных походов ханьских полководцев, среди которых особенно отличился Бань Чао (32—102), гунны были вытеснены из Восточного Туркестана, и государства Западного края вновь признали власть ханьского императора. Закрытый для Китая в течение 65 лот «великий шёлковый путь» был вновь завоёван Ханьской империей. В результате войн на юго-западе и особенно с гуннами в Китай притекло большое количество рабов-военнопленных. Согласно «Истории Младшей династии Хань» [1], только за один поход 89г. было захвачено в плен 200 тыс. гуннов.

Успешная борьба китайцев за Восточный Туркестан и продвижение их на запад привели к столкновению интересов империи Хань с её ближайшим соседом на западе — Кушанской империей. В 90 г. н. э. в сражении с войсками Бань Чао

[1] «История Младшей династии Хань» («Хоу Хань шу») была составлена в первой половине V в. н. э. историком Фань Е. Она охватывает время с 25 по 220 г. н. э. и является основным источником по истории Китая этого периода.

посланная в Восточный Туркестан кушанская армия потерпела полное поражение, после чего Бань Чао заставил царя кушанов Канишку признать номинальную зависимость от Ханьской империи. «С этого времени,—сообщает «История Младшей династии Хань»,— юэчжи (кушаны.— *Ред.*) пребывали в великом страхе и ежегодно посылали дань и дары».

В вознаграждение за блистательные победы император пожаловал Бань Чао титул наместника всех завоёванных им территорий Западного края. Деятельность Бань Чао не ограничилась успешными завоевательными походами. Безотлучно находясь в Западном крае более 25 лет, он прославился не только как блестящий полководец, но и как талантливый дипломат. Бань Чао отправлял своих эмиссаров далеко на запад для установления торговых и дипломатических сношений с различными странами. Один из них со своими спутниками дошел до берегов Персидского залива.

Международная торговля

В конце I — начале II в. Ханьская империя установила обширные связи с внешним миром. Подчинение Северного Вьетнама, через который проходил торговый путь в Индию, открывало для Китая возможность установления более регулярных связей с западными странами по южному пути. Здесь же проходил морской путь, ведущий в Индию и дальше на запад, вплоть до Римской империи. Торговые связи Китая с Римской империей по южному пути завязались ещё в последние десятилетия до н. э. Под 166 г. китайские источники сообщают о прибытии в Лоян первого посольства из Рима. Оживлённая торговля велась и по «великому шёлковому пути» Как и в I в. до н. э., особенное развитие получили торговые и культурные связи Китая со Средней Азией. Китайские торговцы везли на запад шёлк, керамику, изделия из железа и лака. Через Бактрию и Парфию китайские товары проникали в Римскую империю. Иностранные купцы доставляли в Китай мулов, лошадей, верблюдов, шерстяные вещи, ковры, кожу, стекло, драгоценные камни и художественные изделия, виноград, гранаты, шафран, люцерну.

Во внешней торговле империи Младших Хань значительное место занимала работорговля. В биографии одного из помощников наместника Западного края, помещённой в «Истории Младшей династии Хань», имеются указания, что в это время в Китай привозили рабов с запада. Рабов приобретали и у пограничных северо-восточных племён. Так, по данным того же источника, в Лоян неоднократно прибывали торговцы с рабами и другими товарами из племён ухуань. Имеются сведения о привозе в это время рабов и из Японии.

Изменения в экономическом строе Китая в I—II вв.

Первые десятилетия правления Младшей династии Хань были отмечены не только восстановлением внешнеполитического могущества империи, но и некоторым подъёмом хозяйства страны. Были восстановлены важнейшие ирригационные сооружения на Хуанхэ. Оживились ремесленное производство и торговля. Однако, поскольку основные социально-экономические противоречия не были разрешены, Ханьская империя после кратковременного подъёма вступила в полосу затяжного внутреннего кризиса. Назрели глубокие изменения во всём общественном строе древнего Китая.

После тех сдвигов в развитии производительных сил, которые произошли в период Чжаньго (V—III вв.) и явились основой дальнейшего развития рабовладельческих отношений, на протяжении последующих веков не наблюдалось заметного прогресса в развитии орудий производства и техники земледелия и ремесла. Те усовершенствования, которые появились в Китае с I в. до н. э., не получили сколько-нибудь значительного распространения. Судя по археологическим материалам и данным письменных источников, в широком употреблении находились весьма примитивные орудия труда. Для помола зерна, например, широко использовались ручные мельницы типа зернотёрок. Ни плуг, ни пахота на волах, даже в Северном

Китае, не имели действительно широкого и повсеместного распространения. Об общем уровне развития производительных сил в этот период может свидетельствовать и тот факт, что до начала нашей эры наряду с железным оружием всё ещё продолжало находиться в употреблении оружие из бронзы. Так, например, при У-ди, как сообщают источники, существовали крупные государственные оружейные мастерские, где изготовлялось оружие из бронзы. О довольно широком использовании при

Сцена на рынке.
Рельеф на кирпичах из ханьских могильных склепов в районе города Чэнду (провинция Сычуань).
Около I в. н. э.

Старшей династии Хань бронзового оружия свидетельствуют и археологические находки.

С I—II вв. в Китае вновь намечаются существенные сдвиги в развитии производительных сил. Получают более широкое распространение плужное земледелие и пахота на волах, особенно на юго-востоке — в бассейне реки Янцзыцзян. Если в источниках I в. до н. э. мы находим лишь краткое упоминание о введении грядковой культуры и системы переменных полей, то с середины I в. н. э. появляются свидетельства об их распространении и развитии. Ряд усовершенствований был сделан в области производства железа. В частности, в это время был изобретён способ приведения в действие воздуходувных кузнечных мехов при помощи водяного колеса с вертикальным валом. Вслед за тем сила воды стала использоваться для размалывания зерна — появилась примитивная водяная мельница. В конце Младшей династии Хань была изобретена водоподъёмная машина— насос, поднимающий воду на поверхность земли, что сыграло большую роль в деле орошения полей. В III в. н. э. был усовершенствован ткацкий станок.

Хотя отмеченные выше усовершенствованные орудия производства начали входить в употребление в этот период, заметное распространение они получили лишь

начиная с III—IV вв. н. э. Однако сам факт их появления и постепенного внедрения в ремесло и земледелие свидетельствовал о глубоких изменениях в экономике и общественных отношениях и имел далеко идущие последствия.

В империи Младших Хань рабский труд продолжал ещё находить довольно широкое применение, однако рабство в целом уже изживало себя.

Спрос на рабов был ещё достаточно велик. Источники, относящиеся к I—II вв., приводят данные о рабовладельцах, имевших по тысяче и даже более рабов, и о существовании в это время крупных рабовладельческих хозяйств. В «Истории Младшей династии Хань» в биографии Фань Чжуна описывается рабовладельческое хозяйство одной из аристократических семей. Эта семья приобрела более 300 цин (1383,9 *га)* необработанной земли, на которой она произвела ирригационные работы. Обширное земледельческое хозяйство было основным источником обогащения семьи Фань Чжуна, но помимо этого она владела рыбными промыслами, пастбищами и плантациями, где выращивались камфорные и лаковые деревья. Имея большое количество рабов (тун-ли), эта семья использовала их всех в своём хозяйстве, в результате чего её богатства, но свидетельству «Истории Младшей династии Хань», ежегодно удваивались.

Зернотёрка.
Глиняная модель из ханьских погребений.

Однако усовершенствование орудий производства и прогресс в технике земледелия и ремесла делали всё менее выгодным использование труда рабов в основных отраслях хозяйства. Показательно, что ещё в трактате 81 г. до н. э. «Янь те лунь» появляются жалобы на непроизводительность рабского труда; в нём отмечается, что рабы в государственных мастерских изготовляют крайне плохие земледельческие орудия, так как «находятся в угнетённом состоянии и применяют свою силу далеко не полностью».

Развитие в древнем Китае культуры полеводства, основанной в это время, как правило, на искусственном орошении, требовало очень напряжённого и тщательного труда. Это само по себе должно было в известной мере ограничивать возможность применения труда рабов в этой отрасли сельского хозяйства. Чем выше поднималась техника земледелия, тем очевидней становились преимущества свободного труда перед рабским.

Наряду с рабовладельческими хозяйствами типа хозяйства Фань Чжуна в это время получили развитие сложные хозяйства крупнейших собственников земли, где во всё более возрастающих размерах использовался труд арендаторов и зависимых земледельцев.

Процесс концентрации частной земельной собственности, вызывавший серьёзную тревогу у современников ещё в конце I в. до н. э., теперь принял огромные размеры. Количество земли у отдельных землевладельцев исчислялось многими сотнями цин. По сведению источников, их земли тянулись «от области до области». Хотя они не имели чиновничьих должностей, их влияние и власть были сильнее, чем у многих крупных чиновников.

Эти крупнейшие хозяйства земельных магнатов, появившиеся ещё в конце Старшей династии Хань, при Младшей династии Хань получили исключительно большое распространение. Их называли «сильными домами». «Сильные дома» владели тысячами рабов. Многие из них имели основанные на рабском труде ремесленные мастерские. Они вели обширную торговлю и в том числе работорговлю, занимались ростов-

щичеством. «Их плодородные поля,— сообщается в «Истории Младшей династии Хань»,— занимают всю землю, рабов и рабынь (ну-бэй) у них считают тысячами толп .. Их лодки, телеги и торгаши разъезжают по всей стране... Гор и долин не хватает для табунов их коней, для стад коров, баранов и свиней». Вести земледельческое хозяйство на огромных землях этих магнатов силами рабов не было возможности хотя бы уже потому, что в столь обширных имениях трудно было осуществить необходимый надзор за трудом рабов, без которого он не был мало-мальски производительным.

Хозяйства «сильных домов» представляли собой хозяйства нового типа. Рабский труд хотя и продолжал находить в них применение, однако он использовался преимущественно в ремесле, в то время как в области сельского хозяйства основную массу производителей этих поместий составляли различные категории зависимых земледельцев.

В это время всё более вызревают различные формы зависимости земледельцев-общинников. В конце I в. до н. э. получила широкое распространение кабальная аренда. Источники сообщают, например, что чиновник Нин Чэн, получив отставку, возвратился в Наньян, где сдавал в аренду более 1000 цин (около 4613 *га*) земли, заставляя работать на своих полях тысячи семей бедняков — по-видимому, своих должников. К 9 г. н. э. относится указ Ван Мана, сообщающий, что сильные и богатые люди захватывают поля бедняков, вынужденных обрабатывать земли богачей за половину урожая. Уплата половины продукта была самым лёгким условием. Имеются свидетельства об уплате шести, семи и восьми десятых долей урожая.

Вместе с тем в I—II вв. получили развитие и новые формы зависимости. Крупные собственники стали в значительных размерах использовать в своих хозяйствах труд так называемых *кэ,* или *бинь-кэ, бу-цюй* и других работников. Кэ, или бинь-кэ, буквально значило «гость», «приживальщик». У крупных собственников жили сотни кэ. Среди них были и образованные люди, к советам которых хозяева прислушивались, и многочисленная челядь, прислуживавшая в доме, развлекавшая хозяев и выполнявшая различные поручения. Сведения об этих «гостях» имеются в источниках начиная с III в. до н. э. Во II—I вв. в ряде случаев в источниках встречаются выражения *ну-кэ, тун-кэ,* где кэ приравниваются к рабам. Однако со II в. н. э. в понятия кэ и бинь-кэ уже явно вкладывается новое содержание. Кэ и бинь-кэ теперь означают зависимых земледельцев, посаженных на землю. Подобным же образом крупные землевладельцы начинают сажать на землю и бу-цюй —личную стражу, среди которой были и рабы. Эти категории производителей не являлись свободными, но в то же время их положение отличалось от положения рабов. Известно, что кэ и бу-цюй можно было передавать по наследству и дарить, однако в отличие от рабов их нельзя было продавать. Вместе с тем в источниках даже более позднего времени встречаются сведения об указах, освобождающих кэ и рабов, как если бы они находились в одинаковом положении.

Позднее на положение зависимых земледельцев — кэ, *и-ши-кэ* (кэ, получающие одежду и еду) и *дянь-кэ* (кэ, возделывающие или арендующие землю)—стали переходить стоящие перед угрозой полного разорения мелкие и средние свободные производители.

По мере развития новых форм эксплуатации постепенно изменялось и положение рабов. Во II в. предпринимаются некоторые меры, смягчающие условия жизни раба. К ним в первую очередь надо отнести законодательные акты Гуан У-ди, запрещающие убийство и клеймение частных рабов.

Историки — сторонники существования в этот период рабовладельческого строя — полагают, что эти акты Гуан У-ди, наряду с такими явлениями, как распространение испольщины, кабальной аренды и других форм зависимости, появлением жалоб на непроизводительность труда рабов и симптомов дальнейшей натурализа-

ции хозяйства, являлись одним из признаков разложения рабовладельческих отношений и назревающего кризиса рабовладельческого строя. В качестве аналогии они обращают внимание на законы о рабах римских императоров Адриана и Антонина Пия во II в. н. э., имевших место в период начинающегося разложения римского рабовладельческого общества. Однако ряд исследователей, считающих, что во времена правления обеих династий Хань в Китае существовало феодальное общество, рассматривает законы Гуан У-ди о рабах как свидетельство окончательного уничтожения рабовладения, которое, по их мнению, с этого времени даже как уклад перестало играть сколько-нибудь значительную роль.

4. Идеология и культура Китая в период династий Хань

Существование на протяжении нескольких веков единой Ханьской империи способствовало расцвету культуры древнего Китая. За этот период были достигнуты значительные успехи в области естественных и точных наук и философии, дальнейшее развитие получили письменность, литература и изобразительные искусства.

Развитие естественных и точных наук

Проведение крупных гидротехнических работ, строительство дворцов, храмов и огромных подземных гробниц свидетельствуют о значительном развитии в ханьском Китае математических знаний. Наибольшее внимание древнекитайские математики уделяли вычислительным задачам, связанным с потребностями хозяйственной жизни. В I в. н. э. был создан трактат «Математика в девяти главах», подытоживший достижения математических знаний за несколько веков и свидетельствующий о больших успехах китайцев в этой области. В этом трактате впервые в истории математической науки встречаются отрицательные числа и даются правила операций над ними. «Математика в девяти главах» включала в себя множество задач и примеров из области арифметики, геометрии и алгебры, предназначенных для практического применения.

В это время был создан ряд точных приборов и механизмов. Накопили богатый опыт география, агрономия, медицина. Наибольших же успехов достигла астрономия.

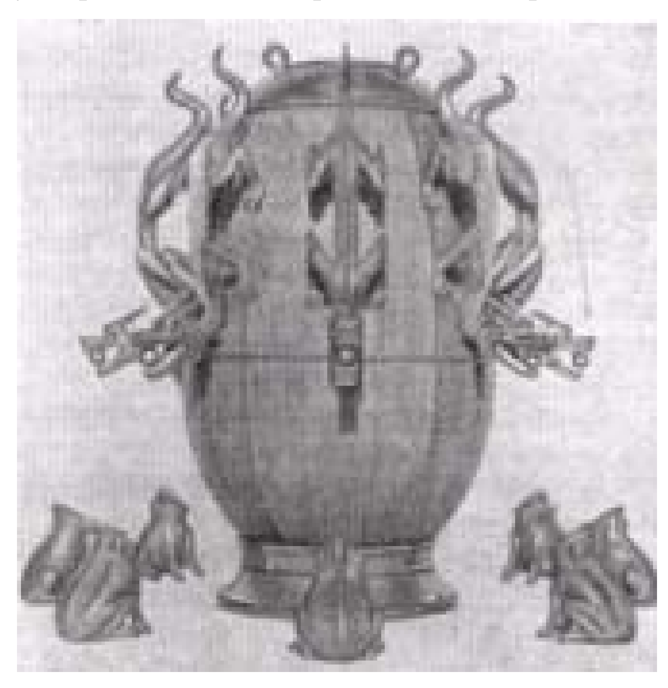
В период династий Хань китайцы определили положение многих небесных светил и созвездий и составили карту звёздного неба. Ханьские астрономы делили небо на 28 созвездий, располагая их вокруг Полярной звезды. По их представлениям, в каждой из четырёх стран света находилось по семи созвездий. В 28 г. до н. э. ханьскими астрономами была сделана первая запись о наблюдении солнечных пятен.

В I в. н. э. в Китае жил крупнейший астроном древности, талантливый мыслитель Чжан Хэн (78—139), сделавший множество открытий и изобретений. Чжан Хэном был создан первый в мире небесный глобус, воспроизводивший движение небесных тел. Систематически занимаясь астрономическими наблюдениями, он произвёл подсчёт неподвижных звёзд, определив их количество в 2500 светил.

Чжан Хэну принадлежит также изобретение первого в мире сейсмографа. Частые землетрясения в Китае вызывали стремление найти способ как можно скорее узнавать об этих страшных стихийных бедствиях. После многолетних исканий Чжан Хэн создал прибор, который, как свидетельствуют источники, точно указал большое землетрясение в Ганьсу. Прибор Чжан Хэна состоял из полого шарообразного медного сосуда, внутри которого был вертикально помещён маятник. К маятнику прикасались восемь пружин-рычагов, выведенных наружу. К наружному концу каждого рычага была прикреплена металлическая голова дракона, в пасти которого находился медный шарик. Отклонение маятника в сторону под действием землетрясения вызывало нажим на один из рычагов, который вследствие этого изменял своё положение. Голова приделанного к этому рычагу. дракона

механически открывала пасть, и из неё выпадал шарик, попадавший в рот одной из восьми жаб, расставленных у основания сосуда. По тому, какой из драконов выплёвывал шарик, узнавали, в каком из восьми направлений произошло землетрясение.

Успехи в технике земледелия ознаменовались появлением в это время ряда трактатов, посвящённых вопросам полеводства, где были разработаны различные способы возделывания сельскохозяйственных культур. В агрономических сочинениях этого времени нашли отражение внедрение в земледелие грядковой культуры, чередование посевов, различные приёмы удобрения полей и предпосевного пропитывания семян удобрительным составом, а также другие достижения. Были установлены точные сроки распахивания земли, посева и сбора урожая для многих зерновых и огородных культур.



Сейсмограф Чжан Хэна.
Деревянная модель, сделанная на основании записей в биографии Чжан Хэна.

К I в. н. э. китайцы установили зависимость урожаев от качества почвы и классифицировали почвы, разделив их на девять разрядов в соответствии с тем, какие из них наиболее благоприятны для каждой культуры. Известный ханьский агроном Фань Шэнь-чжи составил подробное исследование о способах ведения земледельческого хозяйства, обобщив накопленные к его времени агрономические знания. Он дал подробные сведения о способах чередования посевов, об орошении и детально описал грядковую систему обработки полей.

О сравнительно высоком уровне знаний по медицине свидетельствует составленный в I в. н. э. каталог медицинских книг, где перечислено 36 трактатов, дающих сведения по различным болезням. В этот период был создан первый китайский трактат по фармакологии — «Бэнь цао».

Изобразительное искусство и архитектура

От ханьского времени дошло значительное количество памятников материальной культуры, которые дают представление о высоком уровне строительной техники, архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства того периода. Раскопки поселений ханьского времени в Китае, Маньчжурии и Южной Сибири, глиняные модели домов и башен из погребений, сохранившиеся кое-где до нашего времени каменные пилоны, а также изображения зданий на каменных барельефах свидетельствуют о зрелости ханьского архитектурного стиля. Это подтверждают и сведения письменных источников, дающих описание ханьских построек.

Ханьские зодчие умели строить здания в два-три и более этажей с многоярусной крышей, крытой цветной полуцилиндрической черепицей, заканчивавшейся по краям крыши круглыми глиняными навершиями, на которых обычно делались надписи с добрыми пожеланиями. Подобный тип здания вошёл в архитектурную традицию и сохранился в Китае на очень долгое время. Ханьское зодчество оказало большое влияние на дальнейшее развитие китайской архитектуры, многие из его форм удержались до самого последнего времени.

Ханьское изобразительное искусство резко отличается от символического в основном искусства предшествующих периодов со свойственными ему строгими

условными формами. Для ханьского искусства характерна более реалистическая трактовка образов и сюжетов, взятых из жизненных наблюдений.

Исключительный интерес представляют ханьские скульптурные рельефы из Шаньдуна, относящиеся к середине II в. н. э. и обнаруженные в могильном склепе знатного рода У. Наряду с сюжетами религиозного, назидательного и мифологического характера многие ханьские рельефы посвящены бытовой тематике. С подчёркнутой пышностью на них изображены сцены охоты, сражений, торжественные выезды, пиры и приёмы гостей, приготовление пищи. Некоторые ханьские рельефы изображают сцепы из народного быта. Наиболее интересны в этом отношении раскопанные сравнительно недавно каменные рельефы из могил в Сычуани, относящиеся к концу I в. до н. э.— началу I в. н. э. Мы находим на них изображение таких сюжетов, как жатва, охота и т. п. На одном из сычуаньских рельефов с исключительной силой и выразительностью изображён тяжкий труд в соляных рудниках.

Модель большого дома из ханьского погребения в провинции Хэнань. Многоцветная керамика.

В этот период существовал обычаи захоронения вместе с покойником глиняных изображений всего, что окружало умершего в жизни. Терракотовая погребальная скульптура обнаружена в огромном количестве как в могилах богатых и знатных людей, так и в могилах простого народа. В ней нашло своё отражение народное творчество. Глиняные фигурки людей и животных из погребений отличаются, как правило, живостью и реалистичностью изображения.

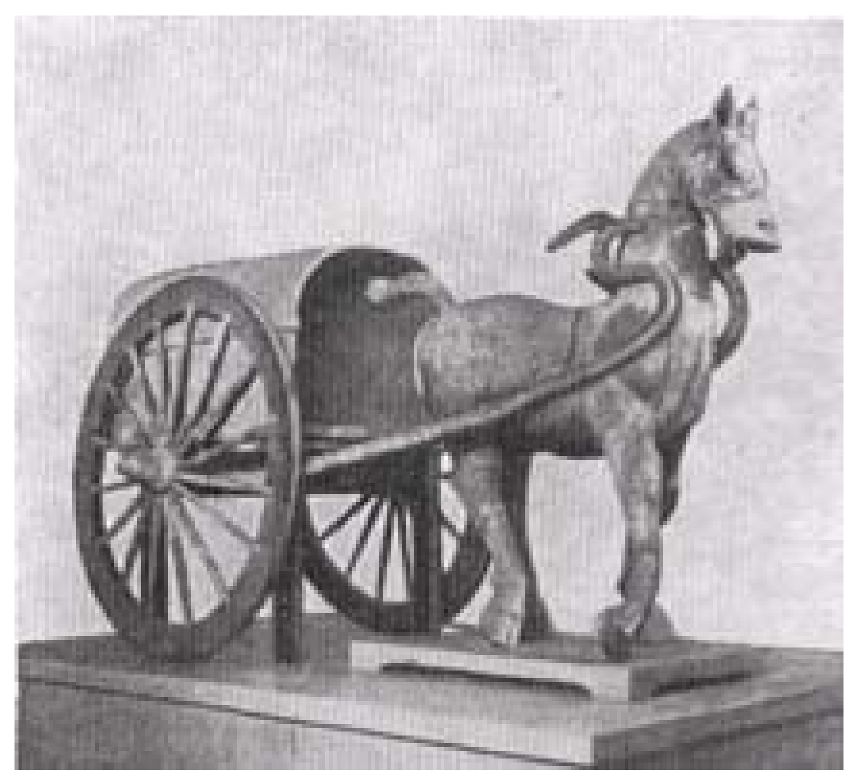
Чертами реализма отмечена и монументальная скульптура, достигшая в период династий Хань значительного подъёма. Из образцов этой скульптуры следует отметить каменный памятник, воздвигнутый над могилой полководца Хо Цюй-бина, изображающий высеченного из гранитной глыбы мощного боевого коня, под ногами которого лежит поверженный гунн. До сравнительно недавнего времени о характере ханьской живописи можно было судить лишь по росписям на кирпичных плитах гробниц и по рисункам на керамике и бронзе. Однако раскопки последних десятилетий в Хэнани, Ляодуне, а так-

Глиняная модель дома из ханьских погребений.

же в Маньчжурии и Северной Корее, где находились в то время китайские поселения, обнаружили великолепные фрагменты ханьской настенной живописи, которые дают представление о высоком мастерстве ханьских живописцев. Наиболее яркие из многокрасочных фресок были найдены при раскопках ханьского некрополя в Северной Корее (в районе современного Пхеньяна) и в Ляодуне. Эти фрески, нарисованные на внутренних стенах больших погребальных помещений, изображают различные сцены как мифологического и религиозного, так и бытового характера. В них с большой реалистичностью и выразительностью изображены люди, повозки, строения, прекрасно передано движение, особенно бег лошадей, несущихся в стремительном галопе. Литературные источники свидетельствуют о существовании в ханьское время богатых стенных росписей дворцов и живописи тушью на шёлке и бумаге.

Прикладное искусство

Значительные успехи были достигнуты в области прикладного искусства. Бронзовые рельефы свидетельствуют о художественных связях ханьского Китая со странами северо-запада. Обращает на себя внимание сходство художественных мотивов и техники выполнения ханьских бронзовых рельефов с памятниками звериного стиля скифо-сибирского круга. На широкие культурные связи ханьского Китая со странами северо-запада и, в частности, со Средней Азией указывает и ряд орнаментальных мотивов, встречающихся на ханьских бронзовых зеркалах, обратная сторона которых украшалась очень тонкой резьбой.



Лошадь с повозкой.
Из ханьских погребений в Сычуани. Обожжённая глина.

Высоким мастерством исполнения отмечены ханьские бронзовые сосуды. Многие из них позолочены, инкрустированы золотом, серебром, эмалью и полудрагоценными камнями. Получила развитие художественная керамика. Ханьская керамическая масса приближается по характеру к фарфору. Появляются глазурованные сосуды. Неглазурованные сосуды украшаются росписью. Ханьским керамическим изделиям свойственны простота и изящество форм. Достигнутый в это время технический прогресс в изготовлении керамики подготовил почву для дальнейшего развития китайского керамического искусства и изобретения фарфора.

Большим совершенством отличаются ханьские лаковые изделия. Особенно славилась производством этих изделий Сычуань, где находились крупнейшие центры лакировочного ремесла—города Чэнду и Гуанхань. Изделия сычуаньских мастеров получили широкую известность. Они распространялись по всему Китаю и проникали далеко за его пределы. Прекрасные образцы лаковых изделий из

ВЫЕЗД НА КОЛЕСНИЦАХ
Настенная живопись из ханьской могилы в провинции Ляодун (Китай). I – II вв. н. э.

Сычуани с многокрасочной росписью, точно датируемые по сохранившимся на них надписям I в. до н. э.— I в. н. э., были найдены, в частности, при раскопках некрополя в Северной Корее.

Развитие письменности и литературы

Период Хань отмечен прогрессом письменности. Еще с III в. до н. э. в качестве материала для письма стал употребляться шёлк. Вместо заострённой палочки, служившей для письма лаком на бамбуковых и деревянных планках, была введена в обиход волосяная кисть, изобретение которой приписывается Мын Тяню. На рубеже нашей эры в Китае была изобретена тушь. С конца Старшей династии Хань для письма стали пользоваться графитом. Наконец, в I в. н. э. китайцы впервые в истории изобрели бумагу. Способ изготовления бумаги из древесной коры и старых рыболовных сетей традиция приписывает ханьскому чиновнику Цай Луню. Со II в. н. э. бумага получила широкое распространение. Древнейший материал для письма — бамбуковые планки — быстро стал выходить из употребления. Наряду с бумагой продолжали писать и на шелку, но и он постепенно уступал место бумаге, как более дешёвому и удобному материалу. Бумажная книга точно копировала форму шёлковой. Листы бумаги исписывались с помощью кисти или графита вертикальными строками справа налево и склеивались в одну полосу длиной до 10 *м.* Эта полоса подобно шёлковой навёртывалась на деревянный или нефритовый стержень. Такая книга имела форму свитка и помещалась в специальном чехле.

Сторожевая собака.
Из ханьских погребений. Глина с поливной глазурью.

Глиняная модель колодца из ханьских погребений.

К началу нашей эры было значительно пополнено количество письменных знаков. Если в перечне Ли Сы (III в. до н. э.) было 3300 знаков, то в словаре I—II вв. н. э. «Шо вэнь» их насчитывалось около 10500, в словаре же начала III в. н. э. «Гуан я» — более 18 тыс. Вследствие иероглифического характера китайской письменности и отсутствия в ней алфавита перед составителями словарей встала проблема расположения иероглифов в каком-то определённом порядке,

дающем возможность быстрого отыскания нужного иероглифа. Это привело к разработке различных систем словарей.

Самый древний из имеющихся словарей — словарь «Эр я» — был составлен на рубеже нашей эры. Все знаки в нём были расположены по тематическому принципу. В конце I — начале II в. н. э. Сюй Шэнь составил словарь «Шо вэнь» по изобретённой им так называемой ключевой системе [1]. Все иероглифы были разделены Сюй Шэнем на группы, в каждую из которых входили иероглифы, имеющие одинаковый ключ. Всего Сюй Шэнь установил 540 ключей и распределил по ним все иероглифы. Впоследствии эта система постепенно упрощалась. К началу XVII в. количество ключевых знаков было сокращено до 214, и вплоть до

Ханьский бронзовый сосуд для вина, инкрустированный золотом и серебром.

Ханьская ваза с изображением сцены охоты. Многоцветная керамика.

настоящего времени все словари, составленные по ключевой системе, насчитывают 214 ключей.

Широкое использование волосяной кисти и туши, изобретение бумаги и применение графита повлекли за собой дальнейшее усовершенствование письменных знаков. К концу Младшей династии Хань китайские иероглифы приобрели законченную форму, которая сохранилась почти в неизменном виде до настоящего времени.

Ханьский период был временем расцвета литературы. В это время выдвинулась плеяда блестящих прозаиков и поэтов. Многие ханьские императоры покровитель-

[1] Иероглифы в китайском языке подразделяются на простые (элементы) и сложные, состоящие из нескольких простых. В каждом сложном иероглифе одна из составных частей является ключом, т. е. дополнительным смысловым определителем.

ствовали литературе и искусству. В правление У-ди при императорском дворе была создана обширная библиотека. При дворе ханьских императоров жили выдающиеся поэты, писатели, учёные. Среди крупнейших ханьских поэтов следует отметить Лу Цзя, Цзя И, Мэй Шэна и особенно самого блестящего из них — Сыма Сян-жу, в творчестве которых получила дальнейшее развитие чуская ода. Большим мастерством отмечены произведения поэта Ян Сюна, придворных поэтесс Банцзо Юй и Бань Чжао.

На развитие ханьской поэзии оказала сильное влияние созданная при У-ди музыкальная палата Юэ фу. Здесь собирались и обрабатывались народные песни,

Сцена охоты.
Рельеф на кирпичах из ханьских могильных склепов в районе города Чэнду
(провинция Сычуань). Около I в. н. э.

создавались музыкальные произведения. Хотя многие песни Юэ фу отражали мотивы наслаждения жизнью и сказочной фантастики, значительная их часть носила обличительный характер и, бичуя чиновников и аристократию, рассказывала о тяжёлой жизни народа. Творчество ряда талантливых ханьских поэтов было проникнуто настроениями народных песен. Произведения этих авторов отличаются реализмом содержания, они написаны высокохудожественным, но простым языком, доступным для народа.

В период династий Хань получает значительное распространение литература фантастического характера, создаются сказки, легенды, книги чудес.

Особенно высокого уровня достигла в этот период проза. Среди наиболее замечательных прозаиков выделяются мастерством историки Сыма Цянь и Бань Гу, Дун Фан-шо — один из крупнейших представителей ханьской фантастической литературы, Лю Сян и многие другие.

Сыма Цянь

Самым выдающимся представителем ханьской исторической и художественной прозы был Сыма Цянь. Он стал основоположником китайской историографии и по праву может называться отцом китайской истории. Сыма Цянь считается классиком китайской прозы. Главы его огром-

ного труда «Исторические записки» являются законченными литературными произведениями, в которых Сыма Цянь создал блестящую серию художественных исторических образов и характеристик.

Год рождения Сыма Цяня точно не установлен. Предположительной датой его рождения считают 145 г. до н. э. Умер он в 86 г. до н. э. Сыма Цянь происходил из семьи потомственных историографов. Он был сыном придворного астронома Сыма Таня, посвятившего жизнь собиранию исторических материалов. Умирая, Сыма Тань завещал сыну довести до конца его труд. Сдав государственные экзамены, Сыма Цянь сделался придворным чиновником. По долгу службы он сопровождал У-ди в его многочисленных поездках по стране, накопив за время этих путешествий множество наблюдений, которые впоследствии использовал при создании своего труда. В 104 г. до н. э. Сыма Цянь приступил к написанию многотомного сочинения по истории Китая, над которым трудился более 10 лет.

Сыма Цянь был современником многих описываемых им событий. Многое из того, о чём он писал, он видел сам, со многим специально знакомился, когда приступал к написанию соответствующей главы.

Труд Сыма Цяня, названный им «Ши цзи» («Исторические записки»), состоит из 130 глав, расположенных по пяти отделам. «Исторические записки» последовательно излагают историю Китая с древнейших времён до правления У-ди (140—87) включительно. Кроме летописи событий, расположенных по царствованиям, и биографий выдающихся людей «Исторические записки» включают отдельные трактаты по вопросам культуры и быта, астрономии, географии, хронологии, генеалогии. Исключительный интерес представляют специальные экономические разделы, дающие обстоятельные сведения по сельскому хозяйству, налоговому обложению, торговле и другим вопросам. Ценные материалы по социально-экономическому строю имеются и в отделе биографий. Ряд глав «Исторических записок» посвящён описанию народов, живших за пределами Китая, в том числе народов Средней Азии.

Хотя труд Сыма Цяня и отражал в целом идеологию господствующего класса, однако личные взгляды Сыма Цяня далеко не всегда соответствовали требованиям конфуцианцев. Иногда Сыма Цянь в своём труде даёт собственную оценку событий, расходящуюся с конфуцианской трактовкой. Во многих местах «Исторических записок» чувствуются симпатии автора к народным массам, в биографиях ряда представителей господствующего класса проскальзывает ироническое отношение к описываемым событиям. Сыма Цянь реалистически изображает придворную жизнь, не затушёвывая её тёмных сторон, описывая придворные интриги, жестокие расправы, продажность чиновников.

«Исторические записки» Сыма Цяня оказали огромное влияние на развитие исторической мысли в Китае. Их стиль и метод изложения стали предметом ревностного подражания. В дальнейшем многие китайские исторические труды строились по образцу «Исторических записок», в том числе труд второго крупного ханьского историка — Бань Гу (32—92).

Бань Гу

Историческое сочинение Бань Гу «Цянь Хань шу» («История Старшей династии Хань») охватывает 230 лет, начиная от первого ханьского императора Лю Бана и кончая Ван Маном. Собирать исторические материалы по этому периоду начал ещё отец Бань Гу — Бань Бяо. В этой работе принимала участие после смерти Бань Гу его сестра, известная поэтесса Бань Чжао. Бань Гу создал в своей «Истории» яркие литературные портреты и биографии. «История Старшей династии Хань» разбита на четыре отдела, включающих в себя 100 глав. «Цянь Хань шу» содержит отдел летописей, где помещена хроника событий времён Старшей династии Хань, изложенных по годам правления императоров, биографии императоров, хронологические таблицы. Специальные разделы посвящены экономике, праву, науке, литературе, искусству, географическим описаниям, административному делению и т. д. В разделе, содержащем биографии

различных лиц, имеются ценные сведения экономического характера. Ряд глав посвящён описанию племён и стран, расположенных за пределами Китая, в том числе Кореи, гуннов, юго-западных племён, а также народов, живших к северо-западу от Китая.

«История Старшей династии Хань» является первой из серии так называемых династийных историй. Она стала стандартом, по которому составлялись все позднейшие династийные истории.

Отмеченный творчеством таких крупных историков, как Сыма Цянь и Бань Гу, период Хань был золотым веком китайской историографии. «Ши цзи» и «Цянь Хань шу» являются основными источниками по политической и социально-экономической истории Китая III в. до н. э.— начала I в. н. э. Специальные главы сочинений Сыма Цяня и Бань Гу, посвящённые описанию некитайских народов, делают их труды ценными источниками для изучения прошлого стран Дальнего Востока и народов, обитавших на территории Центральной и Средней Азии.

Развитие материалистической философии. Ван Чун

Обострение социальных противоречий внутри империи нашло отражение в борьбе идеологических течений в ханьском обществе и в первую очередь в борьбе материалистического и идеалистического направлений в философии. В конце I в. до н. э.—начале I в. н. э. выступил с трактатом «Синь лунь» («Новые рассуждения») крупный учёный того времени Хуань Тань (40 г. до н. э. — 30 г. н. э.). В трактате «Синь лунь» он изложил свои взгляды на окружающую действительность с позиций материализма. Хуань Тань резко выступал против конфуцианцев и даоской мистики и был непримиримым врагом суеверий и невежества.

Самым выдающимся ханьским мыслителем, идеи которого оказали огромное влияние на дальнейшее развитие материализма в Китае, был Ван Чун (27—97) — один из крупнейших материалистов древности. Свои философские взгляды он изложил в большом полемическом трактате «Лунь Хэн» («Критические рассуждения»).

Ван Чун признавал вечность и материальность мира. В объяснении мира он исходил из материальной субстанции ци, которую считал единственным источником бытия. Все в природе возникает естественно, как результат сгущения этой субстанции. Все вещи рождаются из ци, независимо от какой бы то ни было сверхъестественной силы.

Ван Чун разоблачал концепцию конфуцианства о сознательной деятельности неба и идее воздаяния, противопоставляя ей принцип естественного развития материального мира. Выступая против конфуцианской трактовки неба как божественного существа, Ван Чун давал небу материалистическое и атеистическое толкование и утверждал, что «небо есть тело, подобное земле». Однако, выдвигая положение о вечном существовании неба и земли, Ван Чун рассматривал их как нечто неизменное в чём проявился метафизический характер его философии.

Уделяя в своём трактате большое внимание теории познания, Ван Чун считал источником знания чувственное восприятие реального мира. Он писал: «Если (человек) не слышит и не видит (окружающего), то (у него) не может быть и представления о нём». Ван Чун отрицал врождённое знание, мистическую интуицию, которыми, по конфуцианскому учению, якобы обладали мудрецы древности. Отрицая принципиальное различие между человеком и животным, Ван Чун указывал, что «человек есть (животное) существо; несмотря на то, что он может быть знатен... его природа не отличается от природы других существ». Вместе с тем он писал: «Среди существ, рождаемых небом и землёй, человек является наиболее ценным, и эта ценность определяется его способностью к знанию».

Одной из самых ярких глав «Критических рассуждений» является глава «О смерти», в которой Ван Чун выступил против конфуцианского культа предков и даоских идей о средствах, дающих якобы возможность достичь физического бессмертия, Ван Чун утверждал, что всё живущее рождается, развивается и неминуемо

умирает. Человек, как и все живые существа, подвергается полному уничтожению. «Среди существ, несущих в венах кровь, нет таких, которые не умирали бы»,— писал философ. Он отвергал идею бессмертия души и утверждал, что «мёртвые не превращаются в духов, не обладают способностью к познанию и не могут приносить людям вред».

Направляя основной удар против конфуцианской идеологии, Ван Чун вместе с тем преследовал широкие просветительные цели, разоблачая всевозможные предрассудки и суеверия.

Материалистическая философия Ван Чуна сыграла большую прогрессивную роль в борьбе против религиозных и мистических учений его времени и оказала огромное влияние на дальнейшее развитие философских и научных знаний в Китае.

Конфуцианство

Материалистическое учение Ван Чуна и других философов этого направления вызывало яростные нападки со стороны представителей конфуцианства, целиком перешедших на идеалистические позиции.

Роспись по лаку.
Работа сычуаньских мастеров I в. до н. э.— I в. н. э.
Из раскопок некрополя в Северной Корее.

После того как при Лю Хэне (Вэнь-ди, 179—157) был отменён циньский указ о запрещении конфуцианских трактатов, началась оживлённая деятельность по восстановлению классических книг, составлению многочисленных комментариев и филологическому исследованию древних текстов. Образовалось несколько школ по изучению и трактовке классических текстов, выдвигавших свои версии по поводу подлинности различных списков древних конфуцианских трактатов. Со времени У-ди обновлённое конфуцианство, сделавшееся официальной идеологией господствующего класса, постепенно начинает превращаться в своеобразную государственную религию.

Одним из основателей и наиболее ярких представителей ханьского конфуцианства был Дун Чжун-шу (II в. до н. э.). Он создал космологическое учение, основанное на установлении зависимости общественной жизни от явлений природы. В учении Дун Чжун-шу утверждался принцип целесообразности в деятельности неба, которое наделялось качествами божества. Необыкновенные явления природы, стихийные бедствия рассматривались им как проявление карающей или вознаграждающей воли неба,

которое властвует над людьми и наблюдает за их поведением, посылая им наказания или поощрения.

Идеи сознательной деятельности неба и воздаяния за хорошие и дурные дела получили исключительно широкое распространение в среде господствующего класса Ханьской империи. Идеалистическая сущность ханьского конфуцианства нашла яркое отражение в сочинениях Лю Сяна, который утверждал, что «дух есть корень неба и земли и начало всех вещей». Конфуцианство внедрялось во все сферы духовной жизни и наложило сильный отпечаток на развитие ханьской философии, культуры и общественно-политической мысли.

В конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. в условиях резкого обострения классовых противоречий получило развитие утопическое течение в конфуцианстве. Стали распространяться учения о «золотом веке» в прошлом. В это время было создано сочинение «Чжоу ли» («Чжоуские установления»), в котором исторические факты были представлены в искажённом и идеализированном виде. Как уже указывалось, идея возвращения к «золотому веку» нашла отражение в деятельности Ван Мана.

Философия даосизма и даоская религия

В противовес упорному стремлению господствующего класса закрепить в области идеологии монопольное господство конфуцианства в этот период получают развитие оппозиционные ему философское и религиозное течения даосизма.

Древнее наивно-материалистическое учение о дао, отражённое в «Дао дэ цзине», было впоследствии извращено философами-идеалистами и подверглось коренной переработке. Из философского даосизма было выхолощено его материалистическое содержание, и он продолжал развиваться как идеалистическое философское учение. В период Хань философский даосизм эволюционировал в направлении мистики и фантастики. Его адепты развивали в своих учениях элементы магии и алхимии. Во II в. до н. э. получила распространение школа даоса-мистика Хуай Нань-цзы, проповедовавшего, что «постижение дао ведёт к бессмертию».

Проникнутый страстным протестом против конфуцианской идеологии, даосизм получил широкое распространение среди самых различных слоев населения, оппозиционно настроенных к правящим кругам. Даже конфуцианцы, крайне враждебно относившиеся к даосизму, учитывая его влияние, вынуждены были заимствовать отдельные стороны этого учения, делая попытки по-своему истолковать понятие дао.

В I—II вв. н. э. на основе принципов философского даосизма, впитавшего в себя элементы народных верований и мифологии, возникла даоская религия, имевшая мистическую окраску. Основателем религиозного даосизма считается Чжан Лин, проповедовавший при Шунь-ди (126—144) в Сычуани учение даоского толка «У доу ми дао» («Путь пяти доу риса») и создавший множество религиозных организаций. О нём ходило много легенд. Рассказывали, будто Чжан Лин получил через духов от древнего мудреца Лао-цзы повеление сделать людей счастливыми. Отовсюду к нему стекались толпы людей. «История Младшей династии Хань» сообщает, что своими предсказаниями и изречениями он «сеял смуту среди народа».

Даоские секты получили повсеместное распространение, собирая вокруг себя всех недовольных существующим режимом. Идеи религиозного даосизма встречали горячий отклик у угнетённых масс, среди которых тайные даоские секты находили множество последователей. Религиозный даосизм играл важную роль в народных движениях II в. н. э. Многие восстания конца Младшей династии Хань проходили под знаком даоских идей и были возглавлены тайными даоскими сектами. С даоскими сектами был в первое время связан и постепенно проникавший в Китай буддизм.

Распространение буддизма

Китайская традиция относит появление в Китае первых буддийских проповедников ещё ко II в. до н. э. Распространение же буддизма в Китае началось значительно позднее, во всяком случае не ранее I—II вв. н. э. Буддизм внёс новую струю в развитие китайской философии и оказал сильное влияние на китайскую культуру.

С III в. н. э. в Китае появились буддийские монастыри, обогащавшиеся за счёт дарений верующих и отдачи под их покровительство разоряющихся земледельцев и мелких собственников, которые, таким образом, попадали в личную зависимость от монастырей. IV век был отмечен быстрым ростом монастырского землевладения; с этого времени буддизм приобрёл огромное влияние в Китае и буддийская феодальная церковь превратилась в крупную политическую и экономическую силу.

5. Восстание «Жёлтых повязок» и падение империи Хань

Ослабление военного могущества Ханьской империи

Со II в. н. э. начало ослабевать военное могущество ханьского Китая. Ещё во время войн Бань Чао придворные сановники неоднократно настаивали на прекращении походов в Восточный Туркестан. В 75 г. н. э., в момент наиболее напряжённой борьбы Бань Чао за овладение Западным краем, он получил приказ о возвращении в Лоян. Бань Чао не подчинился императорскому приказу и в течение 14 лет действовал совершенно самостоятельно. Лишь в 89 г., после крупных побед Бань Чао, ему было выслано военное подкрепление и император санкционировал его действия.

После смерти Бань Чао в 102 г. н. э. гунны возобновили нападения на Западный край, активизировались и племена цянов. Сын Бань Чао — Бань Юн ещё некоторое время продолжал борьбу в Западном крае, но его действия не встречали никакой поддержки при дворе. Обострение классовых противоречий и внутреннее ослабление Китая заставили правительство отказаться от дальнейших завоеваний. Ханьская империя уже не могла активно бороться за укрепление своей власти в Восточном Туркестане. Успешно действовавший в Западном крае Бань Юн был обвинён в превышении полномочий, отозван в Лоян и брошен в тюрьму.

В середине II в. все территории Западного края отпали от Китая. «Великий шёлковый путь» был снова прерван, торговля по нему прекратилась. Северные и северо-восточные границы Китая стали подвергаться нападениям сяньбийских племён, занявших прежние кочевья гуннов. У Ханьской империи едва хватало сил для обороны своих границ.

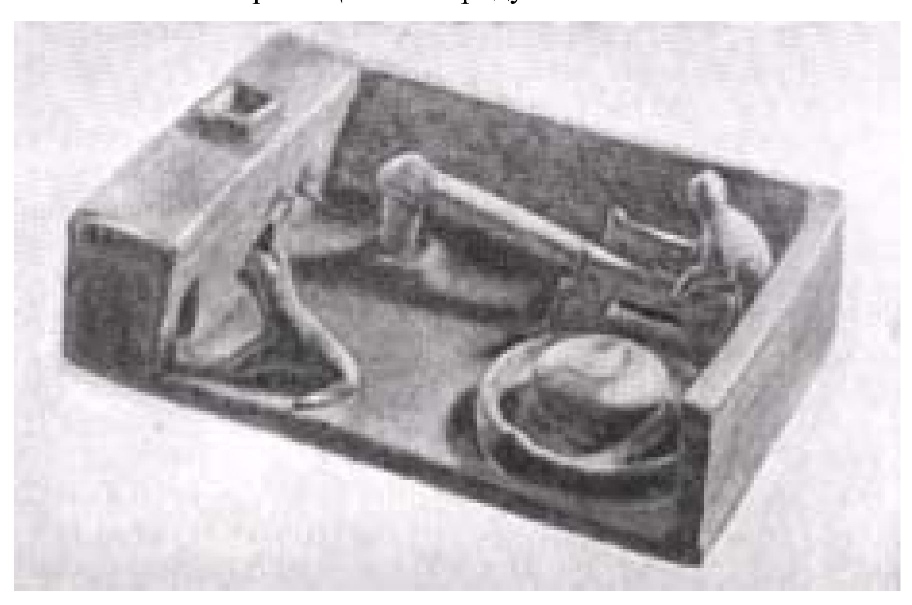
Экономический упадок. Усиление натурализации хозяйства

На протяжении всего II в. н. э. империя Хань находилась в состоянии глубокого экономического и политического упадка.

Огромный рост во II в. н. э. концентрации земли имел результатом резкое ухудшение положения свободных производителей. Доведённые до разорения земледельцы вынуждены были отдаваться под покровительство «сильных домов», попадая таким образом в личную зависимость от своего патрона, но получая этой ценой право на пользование участком земли. Источники приводят сведения, относящиеся к концу II в. н. э., об отдельных представителях «сильных домов», под покровительством которых находилось по несколько тысяч семей кэ. Эта практика приводила ко всё возрастающему сокращению количества податного населения государства. Если в середине II в. н. э. по переписи в империи насчитывалось около 50 млн. человек, то к середине III в. н. э. количество учтённого населения сократилось до 7,5 млн. Ни крайнее увеличение смертности в связи с постоянными голодовками, восстаниями и войнами конца II—начала III в. н. э., а также в связи со страшной эпидемией чумы, охватившей Китай в это время, ни большие трудности учёта населения в обстановке внутренних междоусобиц не могли привести к такой колоссальной убыли населения. По-видимому, основная причина этого заключалась в том, что огромное количество прежде свободного населения, подлежащего учёту со стороны государства, перешло на положение людей полусвободных, лично зависимых от крупных собственников, и не могло быть учтено государственными переписями населения.

В связи с увеличившейся нуждой государства в пополнении доходов казны, вызванной значительным сокращением количества налогоплательщиков, возрастал налоговый гнет.

С начала II в. источники непрестанно повествуют о стихийных бедствиях, эпидемиях, неурожаях и хроническом голоде во всех областях страны. В различные области империи посылались специальные чиновники для установления количества людей, находящихся в крайней бедности, занимающихся бродяжничеством и умерших от голода. Чиновники доносили, что у народа «поля тесны» и многие не в состоянии себя прокормить, что в некоторых охваченных голодом местностях не осталось почти ни одной семьи. К середине II в. сильнейший голод охватил все центральные области империи. Цены на продукты сельского хозяйства непомерно поднялись. «Люди превратились в людоедов, и кости от мертвецов были разбросаны по всей стране», — сообщает «История Младшей династии Хань». Площадь пахотных земель катастрофически сокращалась. Торговля замерла. Начался упадок товарно-денежных отношений. Огромные поместья феодализирующейся знати «сильных домов», где производились все необходимые продукты земледелия и ремесла, постепенно превращались в замкнутые экономические единицы, мало связанные с рынком и не заинтересованные в развитии торговли. С конца I — начала II в. н. э. различные государственные деятели настойчиво предлагали исчислять все налоги в зерне и шёлке, которые они предлагали сделать единственным сродством обмена. В начале III в. н. э. подобные мероприятия временно были проведены в жизнь. Так, в 204 г. был издан указ о сборе всех налогов натурой, а несколько позднее, в начале 20-х годов III в., императорским указом были отменены деньги и в качестве средства обмена стали употребляться зерно и шёлк.



Сельский двор.
Глиняная модель из ханьских погребений I—II вв. н. э. В глубине вдоль задней стены находится приспособление для рушения зерна, в правом переднем углу стоит ручная мельница типа зернотёрки.

Обострение классовой борьбы. Противоречия в среде господствующего класса

Страдая от возросших поборов и повинностей и жестоких притеснений чиновников, доведённые до отчаяния люди бросали свои занятия, оставляли родные места и бежали в леса и горы, превращаясь в бездомных бродяг. По всей стране вспыхивали волнения и голодные бунты. Они были разрозненны и носили местный характер. Повстанцы организовывались в отряды, нападали на города и сжигали их, убивали богачей и чиновников. Против них высылались областные и уездные войска. Отряды повстанцев избегали вступать с ними в бой и рассеивались при известии о приближении правительственных войск. Как только войска уходили, повстанческие отряды собирались вновь. От начала правления Ань-ди (107—125) до первого года правления Лин-ди (168—189) источники отмечают более 70 местных восстаний.

Усилились противоречия и в среде господствующего класса. При дворе боролись две политические группировки: «евнухов» и «учёных». «Учёные», большинство которых являлось государственными чиновниками, конфуцианцами по образованию, выражали интересы мелких и средних землевладельцев. Они были заинтересованы в укреплении центральной власти и усилении бюрократического аппарата. Сравнительно небольшие хозяйства «учёных» не выдерживали конкуренции «сильных домов», усиление которых угрожало их благополучию. За спиной евнухов, по-видимому стояли представители «сильных домов». С усилением их экономического могущества, возросла и их политическая сила. Обособляющиеся «сильные дома», имевшие к тому же и свои частные армии, противопоставляли себя центральной власти и стремились к ослаблению государственного аппарата и власти императора.

Во II в. н. э. гаремные евнухи стали играть исключительно большую роль при дворе. Группировка евнухов выдвигала на трон малолетних императоров, которые целиком подпадали под их влияние. Пользуясь поддержкой императоров, евнухи назначали на высшие государственные должности своих ставленников. Их родственники становились крупными чиновниками в областях и уездах. Занимаясь вымогательствами и взяточничеством, они наживали огромные богатства. Безудержное самоуправство клики евнухов имело результатом сильнейшую коррупцию и разложение государственного аппарата. Группировка «учёных» представляла императору многочисленные доклады о злоупотреблениях евнухов и требовала расследования их дел. К середине II в. н. э. обстановка при дворе особенно накалилась. В 169 г. н. э. «учёные» попытались совершить государственный переворот и возвести на престол своего ставленника. Заговор был раскрыт. Многие из «учёных» были казнены, тысяча человек брошена в тюрьму вместе с поддерживавшей их императрицей. Группировка евнухов ещё более усилилась и захватила все крупные государственные посты. Император стал игрушкой в их руках.

Восстание «Жёлтых повязок» и другие восстания конца II в. н. э.

В обстановке экономического и политического упадка в стране вспыхнуло грандиозное восстание разоряющихся свободных производителей и зависимых земледельцев, а также рабов, известное как восстание «Жёлтых повязок». Восстание разразилось в 184 г. н. э. Его возглавил даоский проповедник Чжан Цзио — основатель одной из тайных даоских сект.

Чжан Цзио стал проповедовать своё учение задолго до начала восстания. У него было много последователей. Особенно популярен стал Чжан Цзио во время эпидемии чумы в Шаньдуне, когда он получил широкую известность как лекарь. Больные стекались к нему из всех областей Северного Китая. В это время он стал усиленно проповедовать своё учение «Тай пин дао» («Путь к великому равенству»), которое обещало наступление новой, счастливой жизни. Чжан Цзио предсказывал, что существующим на земле несправедливым порядкам скоро придёт конец, что зло и насилие, которые он именовал «Синим небом», погибнут и на земле наступит время великого счастья, новая жизнь, называемая им «Жёлтым небом». В своих проповедях Чжан Цзио призывал к свержению «Синего неба», и все понимали, что речь идёт об уничтожении ненавистной ханьской династии. Последователи Чжан Цзио проповедовали его учение всюду, где скапливалось много народа, — в городах и селениях, на рудниках и в мастерских, на ирригационных работах. Сподвижники Чжан Цзио проникли в столицу и даже в императорский дворец, вербуя себе сторонников.

Десять лет велась тайная деятельность членов секты Чжан Цзио. Количество сторонников её исчислялось многими десятками тысяч. Все они были распределены по военно-территориальным округам и тайно обучались военному делу. Таким образом Чжан Цзио создал 36 отрядов. Во главе каждого из них стоял военный руководитель. Наиболее крупные отряды насчитывали по 10 тыс. человек, мелкие — по 6—7 тыс.

По намеченному Чжан Цзио плану восстание должно было начаться в первый год нового шестидесятилетнего цикла [1]— год «цзя-цзы», который падал на 184 г. н. э. Чжан Цзио указывал в своих проповедях, что именно в год «цзя-цзы» «Жёлтое небо» должно прийти на смену «Синему небу». По мере того как приближался этот срок, обстановка в стране становилась всё более напряжённой. Как сообщает «История Младшей династии Хань», повсюду распространялись «злостные слухи»: «Синему небу пришёл конец, должно воцариться Жёлтое небо; в год цзя-цзы в Поднебесной наступит великое счастье». В столице, областных и уездных городах — повсюду люди писали белой глиной на воротах и стенах иероглифы «цзя-цзы» как символ, призывающий к восстанию.

Было решено начать восстание 5 числа 3-го месяца 184 г Ма Юань-и, один из ближайших помощников Чжан Цзио, был направлен в Лоян, чтобы окончательно договориться с соратниками Чжан Цзио в столице о сроке выступления. Все мероприятия сподвижников Чжан Цзио содержались в глубочайшей тайне, однако по мере расширения сферы действий секты, увеличения числа её последователей и приближения срока восстания стали ползти слухи о готовящемся выступлении. Как раз в то время, когда Ма Юань-и действовал в столице, император получил донос, в котором перечислялись имена основных руководителей движения и сообщалось о дне восстания. Ма Юань-и был схвачен и казнён. В столице начались казни сторонников Чжан Цзио.

Узнав об этом, Чжан Цзио дал сигнал к немедленному выступлению, не дожидаясь условленного срока. Он приказал всем повстанцам повязать головы жёлтыми платками (как отличительный знак), откуда и пошло название «Жёлтые повязки». Во главе восставших в качестве высших военных руководителей встали Чжан Цзио и его братья Чжан Лян и Чжан Бао.

Восстание «Жёлтых повязок» началось во 2-м месяце 184 г. н. э. В момент выступления армия Чжан Цзио насчитывала 360 тыс. человек, но не прошло и десяти дней, как пламя восстания полыхало на огромной территории от Шаньдуна до Сычуани. Количество повстанцев увеличивалось с каждым днём. Основными районами восстания были провинции Хэбэй, Хэнань, Шаньдун и Хубэй. Отряды повстанцев нападали на города, убивали чиновников, сжигали правительственные здания, опустошали склады, захватывали имущество богатых, затопляли поля. Повсюду повстанцы открывали тюрьмы, выпускали заключённых, освобождали рабов. Чиновники и знать в ужасе бежали.

В условиях разразившегося восстания при императорском дворе вновь обострилась борьба политических группировок. «Учёные» обвиняли во всём евнухов и утверждали, что их злоупотребления и жестокость являются основными причинами восстания. Евнухи и их приверженцы отвечали на это обвинением «учёных» в государственной измене. Император созвал государственный совет, на котором было решено немедленно отправить против повстанцев армию в 400 тыс. человек. Однако высланные против повстанцев правительственные войска терпели одно поражение за другим. Видя беспомощность императорского двора и сознавая опасность своего положения, крупнейшие представители господствующего класса, «сильные дома» и видные полководцы стали собирать силы и самостоятельно бороться с повстанцами. Их войска действовали с крайней жестокостью, не щадя ни детей, ни женщин, ни сдавшихся в плен. Надолго сохранила народная молва страшные воспоминания об одном из самых кровавых усмирителей восстания — крупнейшем представителе «сильных домов» Хуанфу Суне, истребившем будто бы более 2 млн. повстанцев.

Обладая знанием военного искусства, ханьские военачальники действовали расчётливо и осторожно. Они прекрасно сознавали, что имеют дело с людьми, дове-

[1] В древнем Китае существовала система летосчисления по циклам. Каждый цикл охватывал 60 лет. Каждый первый год нового цикла назывался «цзя-цзы».

дёнными до отчаяния и готовыми биться до последней капли крови. «Если 10000 человек, решивших дорого продать свою жизнь, непобедимы, то тем более непобедимы 100000»,— говорил один из усмирителей восстания. Поэтому они всеми силами старались не допускать объединения повстанческих отрядов в большие армии, понимая, что сила повстанцев заключается в их числе, а не в умении воевать. Сражаясь не на жизнь, а на смерть в открытых боях, повстанцы с трудом выдерживали длительную осаду и оборону и, несмотря на героическую борьбу, не могли устоять перед несравненно более опытным в военном отношении противником.

В 6 месяце 184 г. отборные силы карателей были брошены против действовавшей в Хэбэе армии Чжан Цзио. Чжан Цзио укрепился в одном из городов и успешно отражал атаки. Против него выступила сильная армия Хуанфу Суна. Когда она подходила к городу, Чжан Цзио внезапно умер от болезни, и вместо него командование принял его старший брат Чжан Лян. Несмотря на отчаянное сопротивление, армия Чжан Ляна потерпела полное поражение, город был взят, сам Чжан Лян погиб в бою. По преданию, в этом сражении погибло более 30 тыс. повстанцев, более 50 тыс. утонуло в реке и болотах во время беспорядочного бегства. Хуанфу Сун бросил все силы против отрядов, возглавлявшихся Чжан Бао, младшим братом Чжан Цзио. В ожесточённом бою повстанцы были снова разбиты, Чжан Бао захвачен в плен и казнён.

Гибель трёх основных руководителей восстания ослабила силы повстанцев, но не сломила их сопротивления. Повстанцы выдвигали новых вождей и продолжали упорно бороться. Однако к началу 185 г. отряды представителей господствующего класса сумели уничтожить основные очаги восстания «Жёлтых повязок» в центральных областях Китая. Самые крупные повстанческие армии были разбиты, отдельные отряды продолжали действовать во многих районах страны.

Как только разразилось восстание «Жёлтых повязок», по всей стране поднялась волна восстаний, не связанных с сектой Чжан Цзио. Так, в 184 г. н. э. вспыхнули большие восстания в Гуандуне и Сычуани. Одновременно поднялись восстания и среди подчинённых Китаю племён. Наиболее крупное из них разразилось на северо-западе империи. Оно началось в 184 г. н. э. в районе Кукунора и было возглавлено Бэй-гуном, Бо-юем и другими вождями из племени «малых юэчжи». Восстание сразу же было поддержано племенами Южного Ордоса и бассейна верхнего течения Хуанхэ. Повстанческие войска успешно отражали атаки отрядов усмирителей и угрожали даже Чанани. Армия Хуанфу Суна потерпела от них сильное поражение. Повстанцы укрепились в Цзиньчэне и в течение четырёх лет контролировали весь северо-западный округ Лян и бассейн реки Вэйхэ. Только в 189 г. это восстание было подавлено.

В течение 20 лет в различных областях империи наряду с отрядами «Жёлтых повязок» действовали под разными наименованиями разрозненные повстанческие отряды. Так, источники сообщают об отрядах повстанцев «Чёрной горы», «Белой волны», «Жёлтого дракона», «Великого разлива» и др. Вожди этих отрядов по большей части известны нам лишь по их прозвищам, таким, как «Чжан на белом коне», «Лю-камень», «Цзо-усатый», «Начальник над рабами», «Чжан-ласточка», «Ли-большие глаза», «Бедный червяк», «Писец» и т. п. В больших отрядах было по 20—30 тыс. повстанцев, в мелких — по 6—7 тыс. Наиболее сильными были отряды «Чёрной горы», насчитывавшие до миллиона человек.

Только к 205 г. армиям господствующего класса удалось расправиться с отрядами «Жёлтых повязок» и других повстанцев. Кровавое дело подавления восстания завершил известный своей беспримерной жестокостью крупнейший представитель «сильных домов» Цао Цао, разгромивший в Шаньдуне одного из последних вождей «Жёлтых повязок»—Юань Таня. Отдельные небольшие отряды «Желтых повязок» продолжали разрозненные действия в ряде областей вплоть до 208 г.

Падение империи Младших Хань. Распадение Китая на три царства

Движение «Жёлтых повязок» и другие восстания конца II в. н. э. выявили полную несостоятельность Ханьской империи в деле защиты интересов господствующего класса. Собрав большие армии, усмирители восстания, главы «сильных домов» и ханьские полководцы совершенно перестали считаться с императором, который потерял всякое значение и авторитет. Потопив в крови народное движение, они начали ожесточённую междоусобную борьбу за власть. В этой борьбе самыми сильными оказались Цао Цао, Сунь Цзянь и Лю Бэй, принимавшие активное участие в подавлении восстаний.

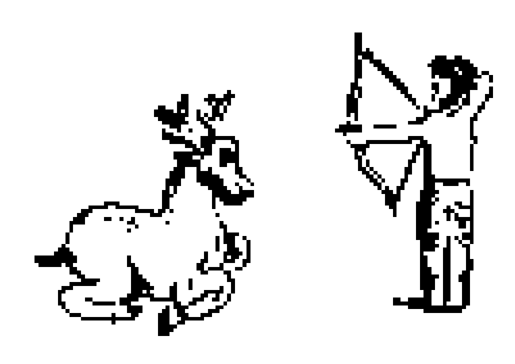
После многолетних кровопролитных войн со своими соперниками Цао Цао овладел территорией Северного Китая, убил ханьского императора и основал государство Вэй. Сунь Цзянь укрепился на юго-востоке, создав государство У. В Сычуани образовалось государство Шу во главе с Лю Бэем.

Восстания нанесли сокрушительный удар Ханьской империи, междоусобные войны претендентов на престол довершили её разгром. Ханьская империя была уничтожена. Китай распался на три самостоятельных царства.

Общий характер восстаний конца II в. н. э. и их историческое значение

Основными движущими силами восстаний конца II — начала III в. н. э. были зависимые земледельцы, мелкие свободные производители и рабы. К повстанцам присоединялись также мелкие чиновники и небогатые землевладельцы. Несмотря на огромный размах восстания «Жёлтых повязок» и его длительную подготовку, движение в целом носило стихийный и малоорганизованный характер. Ещё менее организованными были другие восстания. Отряды повстанцев, как правило, действовали разобщённо и не были спаяны крепкой военной дисциплиной. Восставшие не имели перед собой ясной цели, они убивали чиновников и представителей знати, сжигали дворцы, разрушали плотины, захватывали имущество богачей и на этом останавливались; в отдельных случаях вожди повстанцев, захватив власть, объявляли себя императорами. Не имея достаточного военного опыта и знаний, повстанцы не могли надолго закрепить свои победы. Всё это определило слабость и конечное поражение движения. Но значение этих восстаний и их влияние на дальнейший ход истории были огромны.

Великое народное движение конца II в. н. э., вошедшее в историю под названием восстания «Жёлтых повязок», сыграло решающую роль в сломе государственной машины древнекитайской Ханьской империи и предопределило её крушение. Оно послужило поворотным пунктом в истории древнего Китая, расчистив почву для развития новых, более прогрессивных производственных отношений.



ГЛАВА XVII
ИНДИЯ В VI—II ВВ. ДО Н. Э.

1. Образование империи Маурьев

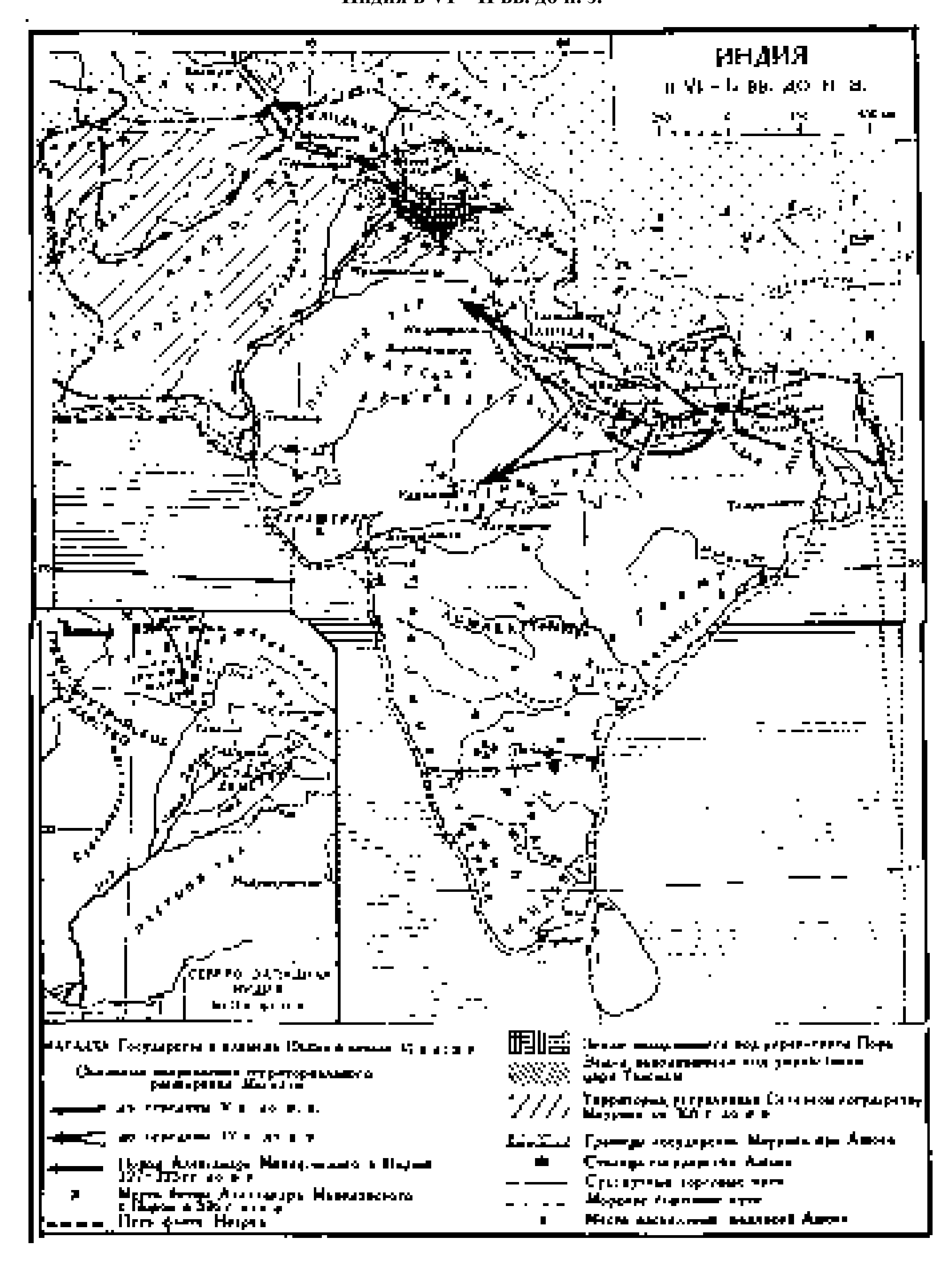
К первой половине I тысячелетия до н. э. у большинства племён и народностей, населявших Северную Индию, уже сложилось классовое общество, и на большей части этой территории существовали многочисленные мелкие рабовладельческие государства. Первая половина I тысячелетия до н. э. — время постоянных войн между древнеиндийскими государствами, возникновения и крушения отдельных государств, усиления и исчезновения с политической арены царствующих династий.

Северная Индия в VI—IV вв. до н. э.

В начало VI в. до н. э. в Северной Индии, по преданиям, насчитывалось 16 значительных государств. Важнейшие из них были: Анга — в низовьях Ганга; государство Видеха, к VII в. ставшее, видимо, называться Вриджи; Магадха—на территории современного штата Бихар; выше по течению Ганга — Каши, Кошала и Ватса; по верхнему течению Ганга — государство Панчалов и по верхнему течению Джамны — Куру; в Центральной Индии на плоскогорье Мальва было расположено государство Аванти. В большинстве этих государств был монархический образ правления, только Вриджи представляло собой олигархическую племенную конфедерацию во главе со знатью племени Личчхави.

Развитие экономики, связанное с процессом укрепления рабовладельческих отношений, и обострение социальных противоречий вызывали потребность в образовании более крупных политических объединений. Поэтому в VI—IV вв. между северо-индийскими государствами усиливается борьба за политическое преобладание. В результате постоянных междоусобных войн выдвинулись государства

Индия в VI—II вв. до н. э.



Кошала и Магадха. Цари Кошалы подчинили себе Каши, Ватсу и распространили свою власть на предгорные области Гималаев. Подъём государства Магадхи начался с середины VI в. до н. э., со времени царствования Бимбисары (543—491) из династии Шайшунага, утвердившейся в Магадхе ещё в середине VII в. до н. э. Бимбисара упрочил свою власть внутри государства и завоевал Ангу. Его преемник Аджаташатру, царствовавший примерно с 491 по 459 г. до н. э., после упорной и многолетней борьбы, которая шла с переменным успехом, одержал победу над Кошалой, расширил территорию Магадхи за её счёт и подчинил союзника Кошалы — Вриджи. В результате этого Магадха становится сильнейшим государством Северной Индии, а её столица Паталипутра (ныне Патна, в штате Бихар) — крупнейшим и богатейшим городом Индии.

Потомки Аджаташатру удерживали власть в Магадхе около ста лет. Сведения об этом периоде крайне сбивчивы и неопределённы. Есть основания предполагать, что территориальное расширение Магадхи продолжалось; данные буддийской литературы связывают его с царствованием Калашоки (первая половина IV в. до н. э.). К середине IV в. до н. э. власть царей Магадхи распространилась на всю Северо-Восточную и Центральную Индию. Вскоре после Калашоки (около 364 г.) власть в Магадхе была захвачена придворным цирюльником Махападмой Нандой, происходившим из варны шудр и основавшим новую династию — Нанда. Он был энергичным правителем и воином и, вероятно, завершил подчинение всей долины Ганга, а также государств Центральной Индии к югу от Ганга.

Вторжение Александра Македонского

С VI в. до н. э. начинается более тесное соприкосновение Индии с народами Средней Азии и Ирана. Известно, например, что Дарий I в 519—518 гг. до н. э. подчинил часть территории по течению Инда и что индийская сатрапия входила в состав Персидской державы Ахеменидов до её окончательного крушения (правда, в IV в. до н. э., вероятно, уже только номинально). Известно также, что в армиях персидских царей, воевавших с греками, были и индийские воины. В Европу с этого времени всё чаще начинают проникать сведения об Индии, в своём большинстве мало достоверные. Именно с этого времени у народов Средиземноморья начинает складываться традиционное представление об Индии как «стране чудес».

Преувеличенные слухи о богатствах Индии, возбуждавшие ненасытную алчность завоевателей, побудили македонян и греков, подчинивших Персидскую державу, предпринять в 327 г. до н. э. поход в Индию. Поход был подготовлен очень тщательно.

Пенджаб, который весной 326 г. до н. э. первым из основных индийских территорий подвергся нашествию, был в это время раздроблён на множество мелких государств. Наиболее важными были государства, царями которых были Таксил и Пор, как их называли греки. Таксил подчинился Александру добровольно, так как враждовал с Пором и надеялся найти у Александра поддержку в борьбе со своим соперником. Пор, как уже упоминалось, был разбит в ожесточённой битве на берегу реки Джелама (Гидасп у греков), ранен и взят в плен.

Александр, получив сведения от пленного Пора и от некоего Чандрагупты, бежавшего из Магадхи, о наличии у царя Магадхи сильной армии в 200 тыс. пехоты, 20 тыс. кавалерии, 2 тыс. колесниц и 3 тыс. слонов, тем не менее был уверен в конечном успехе своего похода в долину Ганга, так как ему было известно, что царь Дхана Нанда не очень прочно сидит на престоле. Но войско Александра не разделяло его уверенности в успехе и решительно отказалось продолжать поход за реку Беас (Гифасис у греков). Упорное сопротивление индийцев, видимо, произвело на воинов Александра большое впечатление, сказалась также усталость от многолетнего похода. Вероятно, немалую роль сыграло и то обстоятельство, что Индия, по крайней мере её северо-западная часть, оказалась далеко не столь богатым объектом грабежа а

наживы, как предполагали в начале похода (в записках участников похода не упоминается о захвате в Индии золота и драгоценностей). Александр вынужден был отступить.

Из подчинённых территорий Синда и Пенджаба (к западу от Джелама) Александром были созданы две сатрапии; на остальной территории были оставлены местные правители, оказавшиеся теперь в зависимости от сатрапов. Сразу же после ухода армии Александра в Индии начались смуты среди самих македонян и антимакедонские восстания индийцев; результатом этого было быстрое изгнание завоевателей из страны.

Поход Александра не был столь значительным событием для Индии, как для стран Ближнего Востока и Средней Азии. Завоеватели пробыли в стране только несколько лет и подчинили себе сравнительно небольшую её часть, к тому же малозначительную с политической и экономической точки зрения. Тем не менее для Индии этот поход не остался бесследным. С этого времени Индия начинает играть всё большую роль в системе международных отношений; выросла сухопутная торговля между Индией и странами Средиземноморья; обмен посольствами между индийскими царями и царями эллинистических государств, а позже и Римом, становится всё более частым явлением. Страны Средиземноморья ближе познакомились с Индией благодаря рассказам, запискам и воспоминаниям участников похода Александра.

Образование империи Маурьев

Антимакедонское восстание, приведшее к изгнанию македонских гарнизонов из Индии, возглавил упомянутый выше Чандрагупта. Воспоминания о Чандрагупте — одном из самых замечательных государственных деятелей в истории Индии — прочно сохранялись в народной памяти; Но вполне достоверных данных о нём и его деятельности очень немного. Сохранилось предание, что он не отличался благородством происхождения, принадлежал к варне шудр и всем был обязан самому себе и своим выдающимся способностям. В молодости он служил у царя Магадхи Дхана Нанды, но в результате какого-то столкновения с царём бежал в Пенджаб. Здесь он и встретился с Александром Македонским. Возможно, ещё до окончательного изгнания македонян (около 324 г. до н. э.) или вскоре после изгнания (мнения исследователей на этот счёт расходятся) он организовал поход в Магадху, сверг Дхана Нанду и сам занял престол, положив этим начало династии, с правлением которой связано образование самого мощного в истории древней Индии государства. По родовому имени Чандрагупты основанная им династия носила название Маурья. Сохранились сведения о том, что большую роль в свержении династии Нанда и воцарении Чандрагупты сыграл брахман Каутилья (Чанакья), занимавший впоследствии должность главного советника Чандрагупты, выдающийся государственный деятель, сторонник сильной царской власти.

Вероятно, Чандрагупте удалось подчинить себе всю Северную Индию, но конкретные данные о его завоевательной деятельности до нас почти не дошли. Ко времени его царствования относится ещё одно столкновение с греко-македонянами. Около 305 г. до н. э. Селевк I попытался повторить поход Александра Македонского, но при вторжении в Индию он встретился с совершенно другой политической обстановкой, так как Северная Индия уже была объединена. Подробности войны Селевка с Чандрагуптой нам неизвестны. Условия заключённого между ними мирного договора показывают, что поход Селевка был неудачным. Селевк уступил Чандрагупте значительные территории, соответствующие современному Афганистану и Белуджистану, и дал в жёны индийскому царю свою дочь, а Чандрагупта передал Селевку 500 боевых слонов, которые сыграли важную роль в дальнейших войнах

Умер Чандрагупта, вероятно, около 298 г. до н. э. О его преемнике и сыне Биндусаре кроме имени, неизвестно почти ничего. Можно предположить, что он не только сохранил все свои владения, но даже значительно расширил их за счёт госу-

дарств Южной Индии. Вероятно, отражением активной завоевательной деятельности Биндусары является его прозвище Амитрагхата, что значит «истребитель врагов».

Сын его Ашока (около 273—236) до воцарения был наместником в северо-западной, а потом в западной части государства. Ашока получил в наследство от отца огромное государство. За время своего царствования он присоединил ещё одно государство Южной Индии — Калингу (современная Орисса). «Сто пятьдесят тысяч человек было угнано оттуда, сто тысяч убито и во много раз больше умерло»,— рассказывает об этом сам Ашока в одной из сохранившихся от его времени надписей. С подчинением Калинги власть Ашоки распространилась на всю Индию, за исключением крайней южной части полуострова.

2. Общественно-экономический строй империи Маурьев

Об экономической жизни, общественных отношениях, идеологии и культуре древней Индии второй половины I тысячелетия мы знаем значительно больше, чем о предыдущем периоде, так как письменные источники гораздо обильнее и более определённо датируются; к сожалению, археологические данные всё ещё скудны. К этому периоду относятся первые попытки кодификации норм обычного права, дающие ценнейший материал, освещающий жизнь индийского народа с различных сторон. Одним из таких сборников является «Манавадхармашастра», обычно переводимый как «Законы Ману», так как составление этого сборника приписывается прародителю людей — Ману. Окончательно он сложился около начала нашей эры, но основной материал относится к периоду, значительно более древнему. В это же время появляются трактаты по различным вопросам. Самым важным из них является «Артхашастра» — «Наука о политике»—руководство царю в управлении государством; составление «Артхашастры» приписывается главному советнику Чандрагупты Каутилье, и весьма возможно, что какое-нибудь его сочинение этого рода легло в основу того трактата, который дошёл до нас. Много данных об Индии этого времени имеется в буддийской и джайнской религиозной литературе, а также в работах греческих и римских авторов. От этого периода осталось значительное количество надписей, которые расшифрованы и содержат важнейшие сведения.

Развитие земледелия, ремесла и торговли

Уже ко времени образования империи Маурьев произошли серьезные сдвиги в развитии производительных сил. Применение железа для изготовления орудий труда становилось в Индии явлением совершенно обычным, и железо окончательно вытеснило другие металлы.

Сельское хозяйство достигло высокого уровня, причём земледелие уже явно преобладало, а скотоводство имело подсобное значение. Наряду с возделыванием полевых культур — риса, пшеницы, ячменя, а также проса, бобовых, сахарного тростника, хлопка, кунжута — большое значение приобретают садоводство и огородничество. Поскольку земледелие распространялось и на территории, не орошаемые разливами рек, а также на территории, бедные атмосферными осадками» всё шире применялось искусственное орошение посредством каналов, колодцев, прудов, хотя очень крупные сооружения возводились ещё, по-видимому, редко. Сбор с одного поля двух урожаев в год становился всё более обычным явлением.

Продолжало развиваться и совершенствоваться ремесло. Начиная с этого времени и в последующие периоды древности и средневековья, Индия для других стран была поставщиком именно ремесленной продукции и в первую очередь высококачественных хлопчатобумажных тканей. Индийские ремесленники достигли

больших успехов в металлургии; холодной обработке металлов, в обработке камня, дерева, кости и т. д. Индийцы умели сооружать плотины, водоподъёмные колёса, здания сложной архитектуры. Существовали царские судоверфи, строившие речные и морские корабли, а также мастерские по изготовлению парусов, канатов, снастей и т. п., оружейные мастерские, монетные дворы и т. д.

Ремесленники населяли главным образом города и занимались обслуживанием нужд государства и потребностей рабовладельческой знати в предметах роскоши и в предметах, которые не производились рабами и челядью в домашнем хозяйстве этой знати. Город и деревня были слабо связаны товарообменом. Сельские жители в своём большинстве в свободное от полевых работ время обычно занимались каким-нибудь ремеслом, чаще всего прядением и ткачеством. Кроме того, имелись сельские ремесленники — кузнецы, гончары, плотники и другие специалисты, полностью удовлетворявшие несложные нужды деревни. Правда, встречаются упоминания о деревнях, все жители которых славились как искусные мастера в каком-нибудь ремесле, но это объясняется, вероятно, близостью к месту нахождения исходного сырья и особыми удобствами его добывания — залежами соответствующих глин или руд, наличием лесов с хорошей строевой и поделочной древесиной и т. д. Но основным занятием жителей в этих деревнях оставалось земледелие.

Несмотря на преобладание натуральных отношений, торговля была относительно развитой. Торговые сделки, купцы и купеческие караваны упоминаются в литературных источниках очень часто. В основном торговля велась предметами роскоши — дорогими тканями, драгоценными камнями, украшениями, благовониями, пряностями; из предметов массового потребления наиболее обычным объектом торговли являлась соль. Для транспортировки грузов использовался вьючный скот и колёсный транспорт. Большое значение имели водные пути сообщения, в особенности река Ганг.

Пахарь за плугом.
Рельеф из древнеиндийского храма
в Буддхагайя.

Постепенно развивается торговля с другими странами. Главным портом по торговле с Месопотамией и Египтом был Бхригукачха (современный Броч, у устья Нарбады); торговля с Цейлоном и Юго-Восточной Азией велась в основном через порт Тамралипти (современный Тамлук, в Западном Бенгале). Через всю Северную Индию, от Магадхи до горных проходов на северо-западе, проходила благоустроенная дорога, построенная при Чандрагупте. Она имела не только военно-стратегическое, но и большое торговое значение, так как была основной магистралью, связывавшей долину Ганга и Пенджаб с Ираном и Средней Азией.

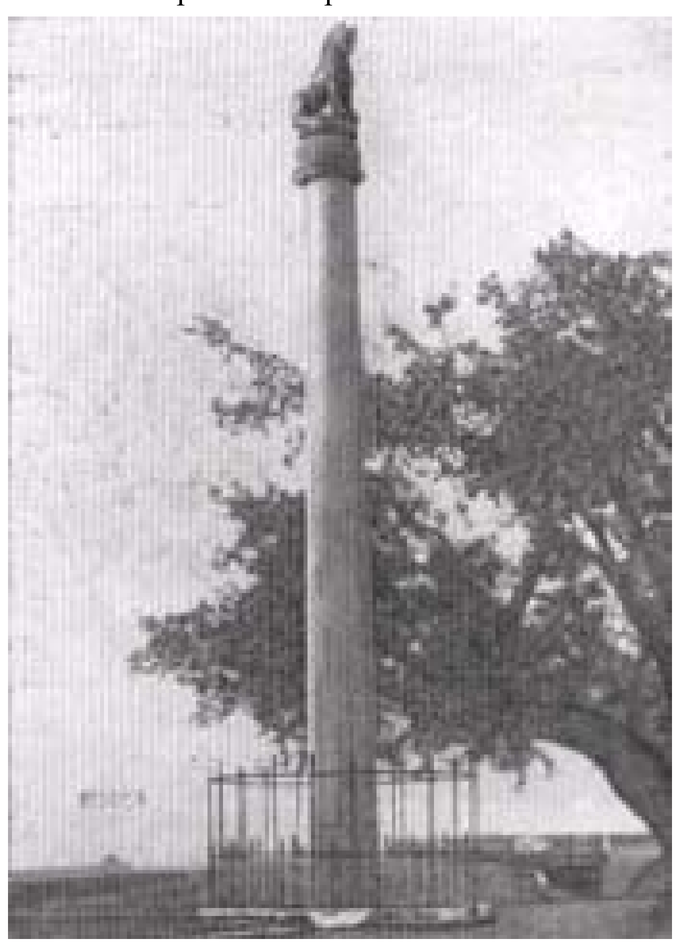
Рост торговли привёл к появлению металлических денег. Ещё в первые века I тысячелетия до н. э. в качестве денег использовались куски или связки кусков меди, серебра или золота определённого веса (нишка). В V—IV вв. до н. э. появляются серебряные монеты, называвшиеся каршапана, или дхарана. Возможно, что ещё раньше появилась медная монета. Однако простой обмен товаров, видимо, продолжал оставаться важной формой торговли.

В империи Маурьев торговля подвергалась строгой регламентации со стороны государства. Специальные чиновники следили за правильностью мер и весов, за порядком на рынке. За мошенничество, за продажу недоброкачественных продуктов и т. п. виновные подвергались наказаниям, чаще всего — крупным денежным

штрафам. Торговлей занимался и сам царь; его товарами и от его имени торговали специальные царские служащие, в ведении которых находился целый штат торговцев Торговля некоторыми товарами—продуктами горных разработок, солью, спиртными напитками — являлась царской монополией.

Древнеиндийский город

В древней Индии этого периода насчитывалось большое количество многолюдных, богатых и сравнительно благоустроенных городов. Из наиболее важных городов следует отметить столицу Магадхи Паталипутру (современная Патна), Раджагриху (современный Раджгир), Варанаси (современный Бенарес), Такшашилу (Таксила у древних греков, в настоящее время от города остались только развалины) и уже упоминавшиеся портовые города Бхригукачха и Тамралипти Прославленные в «Махабхарате» Хастинапур — столица Кауравов, и Индрапрастха — столица Пандавов (современный город Дели), а также воспетая в «Рамаяне» Айодхья в этот период уже потеряли своё значение. Древнеиндийские города в своем большинстве возникали как столицы государств, и их значение росло или уменьшалось в прямой зависимости от общего ослабления или усиления этих государств, от успехов или неудач их государей в войнах. Таким образом, возникновение и развитие городов не было непосредственным результатом отделения ремесла от сельского хозяйства, и они оставались прежде всего административными центрами, опорными пунктами рабовладельческой знати, хотя неизбежно должны были притягивать некоторое количество ремесленников и торговцев для обслуживания нужд рабовладельцев и их государства. Впрочем, многие из городских ремесленников продолжали оставаться также и земледельцами.



Колонна Ашоки (провинция Бихар).
243 г. до н. э. Современный вид

Вряд ли города в долине Ганга отличались величественной внешностью. Даже дворцы богачей строились из дерева и только изредка из кирпича, а жилища бедняков были и вовсе жалкими хижинами, поэтому материальных остатков городов сохранилось очень мало.

Укрепления городов также, видимо, были не очень совершенными. Так, даже столица Магадхи Паталипутра, имевшая, как утверждает посол Селевка в Индии Мегасфен, в длину около 15 *км,* а в ширину около 3 *км,* была окружена стенами с 570 башнями, но и стены и башни были деревянными.

Вопросами управления городом, взимания пошлин с торговцев и налогов с ремесленников и т. п. ведал штат городских служащих. Ремесленники и купцы в городах были организованы по специальностям в корпорации *(шрени).* Во главе каждой шрени стоял выборный старшина — *шрештхин,* который отвечал перед государством за своевременное исполнение членами его шрени государственных повинностей.

Рабство

Мегасфен отметил следующую особенность общественного строя древней Индии: «Достопримечательностью земли индийцев является то, что все индийцы свободны и ни один индиец не является рабом. В этом сходство лакедемонян и индийцев. Но у лакедемонян рабами являются илоты, и они же выполняют подобающее рабам, у индийцев же никто не является рабом, ни тем более кто-либо из индийцев». Долгое время это категорическое утверждение считалось в исторической науке достаточным доказательством того, что древняя Индия не знала рабства. Но дальнейшее изучение древнеиндийских источников с несомненностью показало, что рабство в Индии было распространено достаточно широко, но вместе с тем рабовладению в Индии был присущ ряд особенностей, которые, вероятно, и ввели в заблуждение Мегасфена.

На древнеиндийском языке—санскрите—понятие «раб» передавалось словом *даса,* что означало не только «раб», но и «слуга». Особого наименования для понятия «раб» у древних индийцев не выработалось, и термин «даса» обозначал людей с разной степенью личной зависимости до рабской включительно. В древнеиндийских сборниках законов упоминаются многочисленные категории даса (до 15), причём людей, принадлежавших к некоторым из них, никак нельзя считать рабами в точном смысле слова.

Основными источниками рабовладения в IV—III вв. были обращение в рабство военнопленных, продажа или заклад свободных, распространенная шире, чем раньше, долговая кабала, обращение в рабство в наказание за преступление; дети рабыни также были собственностью её хозяина. Рабом мог стать каждый человек, даже члены высших варн, а также представители народностей и племён, рассматриваемых древними индийцами как «варвары» *(млеччха).* Однако большинство рабов было из членов низших варн и млеччхов, а большинство рабовладельцев — из высших варн. Рабовладельческое государство стремилось ограничить возможности обращения в рабство членов высших варн и облегчить возможности их освобождения от рабства.

Рабы принадлежали государству, частным лицам или были коллективной собственностью (например, собственностью общины). Труд рабов использовался в хозяйстве царя и рабовладельческой знати, на строительстве общественных сооружений, в рудниках. Есть известия о существовании крупных царских хозяйств, в значительной мере основанных на рабском труде. Можно предполагать, что некоторые представители рабовладельческой знати также имели такие хозяйства, но для древнеиндийской экономики рабовладельческие латифундии с большим количеством рабов, занятых на полевых работах, не характерны. Существовали крупные царские мастерские (оружейные, ткацкие и др.), но частные мастерские крупных размеров не известны, да и в царских мастерских рабский труд, насколько позволяют судить крайне скудные данные источников, отнюдь не преобладал. Наиболее обычной сферой применения рабского труда было домашнее хозяйство. Естественно, что численность женщин-рабынь, которые имелись в каждой состоятельной семье, была значительна большей, чем численность рабов-мужчин.

Но если труд рабов в древнеиндийской экономике имел меньший удельный вес, чем в экономике развитых рабовладельческих государств Средиземноморья, то это не значит, что он был незначителен. Рабовладельческая знать, не исключая и царя, стремилась к тому, чтобы лично ей принадлежавшее хозяйство было в наибольшей степени самообеспеченным. В этих условиях к числу работ в домашнем хозяйстве относились и такие работы, как снабжение водой, помол и обрушивание зерна, приготовление молочных продуктов, выжимка масла, уход за домашним скотом, плетение циновок, прядение, ткачество, ремонтно-строительные работы и т. д. Все эти трудоёмкие работы выполнялись рабами наряду с личным услужением.

Рабы были такой же собственностью своих хозяев, как и всякое другое имущество. Раб — двуногое *(двипада)* — также мог продаваться, закладываться, обмениваться и т. д., как и домашний скот — четвероногое *(чатушпада),* но в

своей производственной деятельности раб был тесно связан с младшими членами большой патриархальной семьи и прочей домашней челядью. Вследствие этого и в повседневной жизни его отношения с хозяином отличались патриархальной простотой; недаром древнеиндийскими законодателями положение раба определялось как соответствующее положению замужней женщины. Наличие патриархальных отношений между рабом и хозяином вовсе не умаляло власти последнего в отношении раба, так как власть главы семьи была и по отношению к членам семьи почти безграничной, вплоть до права продажи жены и детей и применения по отношению к ним любой меры наказания, включая предание смерти. Во всяком случае, рабы обязаны были беспрекословно повиноваться, и жестокие наказания рабой, особенно потомственных, — избиения, заковывание в цепи, клеймение — были явлением обычным.

Немаловажной особенностью рабства в Индии следует считать то, что рабы в значительной части были соотечественниками своих хозяев. При существовании ещё значительных пережитков первобытно-общинных отношений и родовых связей обращение свободного в рабство не могло сразу оборвать семейные и родовые связи. Поэтому раб сохранял, по крайней мере иногда и в некоторых частях страны, право на владение имуществом (приобретённым, полученным в дар, унаследованным), на передачу его по наследству; он часто имел семью, хозяин при обращении с рабом должен был учитывать его принадлежность к той или иной варне.

Наличие различных категорий рабов с неодинаковым положением, распылённость их по мелким рабовладельческим хозяйствам, патриархальная простота отношений хозяина к рабу, преобладание среди рабов женщин — неизбежно должны были затруднять активную классовую борьбу рабов против рабовладельцев, в частности развитие таких высоких её форм, как открытое восстание. Борьба рабов против рабовладельцев характеризуется примитивными формами — уклонением от работы, побегами, разбоем и т. п. Не исключено, что рабы сопротивлялись и более активно, но источники не дают на этот счёт прямых указаний.

Несмотря на свою относительную примитивность и неразвитость, рабовладельческие отношения определяли классовую структуру древнеиндийского общества. Владение рабами позволило родоплеменной аристократии выделиться из массы рядовых свободных общинников, добиться экономического и политического преобладания, захватить и поставить себе на службу племенные органы управления, превратившиеся постепенно в государственный аппарат — аппарат господства над рабами и основной массой свободного населения.

Индийская сельская община

Характерной чертой исторического развития Индии является то обстоятельство, что рабство, возникшее в недрах первобытно-общинного строя, не смогло развиться до античных форм. Основным фактором, тормозившим развитие рабовладельческих отношений, была сравнительно большая устойчивость индийской сельской общины, как формы экономической и социальной организации свободного населения.

Важной особенностью производственного процесса в древней Индии, особенностью, бывшей следствием специфических природных условий и низкого уровня развития техники, являлась настоятельная необходимость коллективных усилий организованных масс людей. Такие работы, как вырубка джунглей, осушение или орошение значительных земельных площадей, предохранение их от наводнения при помощи дамб, охрана от диких зверей,—всё это не могло успешно проводиться отдельной семьёй, даже если эта семья была большой, неразделённой.

Сельская община не была одинаковой по своей форме в различных частях страны. В наиболее отсталых районах, ещё мало затронутых развитием рабовладельческих отношений, община была родовой, с коллективной собственностью на средства производства, коллективным трудом и равным распределением продуктов»

В относительно более развитых рабовладельческих государствах земля и источники орошения и водоснабжения находились ещё во владении общины — коллективное владение этими необходимыми условиями производства являлось одним из важнейших устоев общины, — но коллективной обработки земли уже не было; во многих случаях пахотная земля периодически делилась между семьями полноправных общинников, а в нераздельном пользовании оставались пастбища, выгоны, пустоши и т. д.

Другой основой общины помимо коллективного владения землёй было непосредственное соединение земледелия с ремеслом, превращавшее общину в самодовлеющее экономическое целое. Почти весь продукт производился для непосредственного потребления самой общины, а не на продажу. К тому же члены общины, как правило, ничего не покупали на стороне, поскольку каждое отдельное хозяйство удовлетворяло большинство своих нужд собственной продукцией, а для получения ремесленных изделий община содержала на свой счёт нескольких ремесленников — кузнеца, плотника, горшечника, серебряных дел мастера и некоторых других. Таким образом, каждая община была очень мало связана экономически с другими общинами и с городами, что значительно замедляло развитие товарно-денежных отношений в стране.

Община была не только самодовлеющей экономической единицей, но и общественным организмом, в значительной мере автономным в политическом отношении. Государственная администрация во внутренние дела общины почти не вмешивалась. У общины была своя сельская администрация, иногда выборная, но иногда и наследственная. Государственные повинности, которые община выполняла, накладывались не на каждого общинника в отдельности, а на всю общину в целом. Это в свою очередь тормозило разложение общины.

Существование общины в условиях рабовладельческих отношений не могло не сказаться и на ней самой. Община иногда имела в коллективной собственности рабов, занятых на различных грязных работах, на ремонте и очистке оросительных сооружений и т. д. Некоторые ремесленники, содержавшиеся за счёт всей общины, по-видимому, также были рабами.

Прочность индийской сельской общины была главной причиной, мешавшей широкому развитию рабовладельческих отношений в Индии. Кроме того, существование общины тормозило развитие частной собственности на основное средство производства — на землю. Поэтому для Индии на протяжении всей рабовладельческой эпохи была характерна государственная верховная собственность на землю. Эта форма собственности позволяла рабовладельческой знати с помощью государственного аппарата не только беспощадно эксплуатировать рабов, но и посредством налогов грабить свободное население Индии.

Государственный строй

Как уже указывалось выше, в большинстве индийских государств ещё до объединения их под властью Маурьев государственная власть носила характер восточной деспотии. В империи Маурьев эта форма государства получила дальнейшее развитие.

Идеологами господствующего класса усиленно поддерживался культ царя и распространялось учение о божественном происхождении царской власти. Однако обожествление личности царя не мешало тому, что дворцовые интриги, перевороты, междоусобицы были в древней Индии самыми обычными явлениями. По свидетельству древних писателей, царь Магадхи вынужден был каждую ночь менять свою спальню, чтобы сбить с толку возможных заговорщиков.

При царе был совет — *паришад,* состоявший из представителей знатнейших семей рабовладельческой аристократии. Паришад имел лишь совещательные функции. Для управления большим государством существовал многочисленный и сложный аппарат, обслуживавший царскую канцелярию, налоговое ведомство, военное ведомство, монетный двор, царское хозяйство. Высшими должностными лицами были:

главный *мантрин,* возглавлявший царскую администрацию, *сенапати* — командующий войсками, *пурохита* — главный жрец, *дхармадьякша* — главный авторитет по вопросам судопроизводства и толкования законов, астролог и др. Большую роль в управлении страной играли тайные осведомители, руководство которыми находилось непосредственно в руках царя. Царские чиновники получали жалованье либо деньгами, либо, что бывало чаще, натурой.

Основой государственного административного деления было село — *грама.* Следующую по величине территориальную единицу составляли десять сёл, два десятка объединялись в двадцатку, пять двадцаток — в сотню, десять сотен — в тысячу. Во главе всех этих административных округов, за исключением грамы, стояли чиновники, получающие жалованье. Высшие из них, в ведении которых находилась тысяча сёл, подчинялись непосредственно царю. Вся территория государства Маурьев делилась на наместничества, за исключением Магадхи, находившейся в ведении самого царя. Наместниками были родственники или близкие доверенные лица царя, но они были не правителями, а скорее наблюдателями, так как государство Маурьев представляло собой сложный комплекс государств и племён, правители которых находились в различных отношениях зависимости; внутренняя администрация этих зависимых и подчинённых государств и племён оставалась автономной.

Капитель колонны Ашоки в Сарнатхе.
243 г. до н. э.

Армия индийского царя во время войны состояла из его собственного войска, войска союзников и ополчений племён, подчинённых царю. Источники утверждают, что Чандрагупта в случае войны мог собрать армию до 600 тыс. пехоты, 30 тыс. кавалерии и 9 тыс. слонов. Но постоянная армия царя Магадхи была значительно меньшей по численности и состояла в мирное время из наёмников, получавших жалованье натурой или деньгами. Сухопутная армия комплектовалась из четырёх основных родов войск — пехоты, кавалерии, колесниц и слонов, причём боевые слоны были главной ударной силой в сражении. Каждый из этих родов войск имел свою систему управления и своё командование. Кроме того, были ещё управления флотом, а также военным хозяйством и снабжением. Вооружение индийской армии было разнообразным, но основным оружием для всех родов войск был лук.

Для содержания государственного аппарата требовались большие средства. С земледельцев-общинников налоги собирались в виде доли урожая — *бхага;* согласно источникам, традиционной долей была $^1/_6$ но возможно, что выражение *шадбхага* (шестая доля) было только условным термином. Брался налог натурой также со скота, с садов и т. д. Кроме того, свободные земледельцы обязаны были отработать некоторое число дней в году на строительстве общественных сооружений *(вишти* — налог трудом). Ремесленники обязаны были в виде налога сдавать царю часть своей продукции, а также в некоторых случаях работать на царя; в источниках упоминается об обязанности ремесленников отрабатывать на царя один день в месяц.

Ремесленники отдельных специальностей (например, оружейники) обязаны были сдавать государству всю продукцию. Немаловажным источником дохода для царской казны были косвенные налоги. Торговые сделки облагались многочисленными пошлинами *(шулка),* взимавшимися тщательно организованным налоговым аппаратом; уклонение от уплаты торговых пошлин наказывалось очень строго, вплоть до смертной казни.

Судебная система была ещё примитивна. Уголовные дела разбирал глава исполнительной власти в данном округе. Некоторые наиболее важные дела разбирал лично царь. Приговор исполнялся немедленно. При решении гражданских дел применялось третейское разбирательство. Самым обычным наказанием было членовредительство, особенно за нарушение права частной собственности и за нанесение телесных повреждений; но уже наметилась тенденция заменять наказание этого рода денежными штрафами. К этому периоду относятся первые попытки кодификации обычного права. «Сборники законов» — *дхармасутры* и *дхармашастры* не были кодексами законов в современном смысле; это были только наставления, основанные на священных текстах и составленные той или иной брахманской богословской школой. Обычно эти сборники были весьма разнообразны по содержанию и наряду с нормами обычного права содержали сведения о космогонии, об управлении государством, о военном деле и т. д.

Религия: буддизм и джайнизм

В период, когда рабовладельческие отношения окончательно оформились, брахманизм — религия раннерабовладельческого общества, освящавшая племенную раздроблённость и исключительность,— не мог уже служить удовлетворительной идеологической основой для складывавшихся крупных рабовладельческих деспотий. Появляется буддизм — идеология относительно развитого рабовладельческого общества в Индии.

В буддийской религиозной литературе, относящейся ко времени, близкому к началу нашей эры, основание этой религии приписывается странствующему проповеднику Сиддхартхе, известному под прозвищем Шакьямуни («отшельнику из племени шакьев»). Годы его жизни определяются чаще всего между 560 и 480 гг. до н. э. Буддийские предания рассказывают, что Сиддхартха, происходивший, по преданию, ив царского рода Гаутамы, 29 лет от роду ушёл из отцовского дома, чтобы найти путь избавления от страданий для себя и для всего человечества. Отшельником и странствующим проповедником он пробыл около 7 лет; наконец, он нашёл истинный путь к спасению и с этих пор стал называться Будда (Буддха), что значит — «осенённый истиной», «просветлённый знанием», «уразумевший». Более 40 лет после этого он бродил по городам и сёлам средней части долины Ганга, проповедуя своё религиозное учение, за которым в науке утвердилось название «буддизм».

Личность Будды, как о ней рассказывают буддийские предания, выглядит совершенно легендарной, но миф о Будде по-своему отражает напряжённую обстановку середины I тысячелетия до н. э., обострение социальных противоречий в связи с развитием рабовладения, усилением сословных различий и т. д. Буддизм был одним из учений, которые призывали ограничиться заботами только о личном спасении, отказавшись от попыток переустройства общественных отношений.

В своих основах буддизм, в том виде, в каком он излагался в III—II вв. до н. э., обнаруживает тесную связь с древнеиндийскими племенными религиями и брахманизмом. Буддизм унаследовал анимистические представления об одушевлённости всего живого в природе, о карме, как законе переселения душ, по которому место человека в жизни определяется его грехами или добродетелями в предыдущих существованиях. Но всё это в буддизме сведено в более тщательно разработанную систему. Жизнь, по учению буддизма,— зло, а жить — значит страдать. Следовательно, каждый должен стремиться к тому, чтобы он после смерти не возрождался бы в другом живом существе, так как это означало бы новую жизнь, а следовательно,

новые страдания. *Нирвана*—состояние, при котором человек навсегда выключался из процесса перерождений,—вот идеал, к которому следует стремиться. Причиной возрождения человека, по учению о карме, является поступок, деяние. Поступок является следствием желания. Следовательно, путь к нирване — уничтожение всякого желания, отказ от мира и всех привязанностей в жизни.

Из этих основных положений буддизма следует несколько весьма важных выводов. Каждый может спастись от перерождений сам, для этого достаточно отказаться от привязанностей к жизни, от желаний. Следовательно, для богов, игравших в брахманизме роль хранителей людей, не находилось места. Оказывались ненужными жертвоприношения, ибо человеку некого задаривать и незачем. Оказывались излишними и жрецы — исполнители жертвоприношений, знатоки культа, посредники между людьми и богами. Происхождение, этническая или племенная принадлежность, принадлежность к той или иной варне — всё это с точки зрения буддизма само по себе не может ни обеспечить достижения нирваны, ни поставить на пути к этому неодолимые препятствия. Хотя буддийские проповедники никогда не призывали к ликвидации системы варн, но распространение буддизма не могло не способствовать ослаблению этой системы вследствие отрицания им значения этого института. Для буддизма действительно только деление общества на свободных и рабов. Первые равны в своём праве на спасение, вторые оказывались лишёнными этого права, так как они в силу своей личной зависимости не могли быть свободными от совершения поступков.

Для значительной части буржуазной литературы о раннем буддизме характерно одностороннее выделение положений о любви к ближнему, сострадании ко всему живому, всепрощении, содержащихся в буддийской литературе. Но в действительности последовательному буддисту должны быть равно чужды и чувство злобы и чувство любви, иначе неизбежны деяния, а следовательно, и действие закона кармы. Равнодушие к явлениям жизни, проповедуемое буддизмом, использовалось как сродство морального разоружения угнетённых в их борьбе против угнетателей, служило препятствием к объединению их усилий в этой борьбе.

В связи с распространением буддизма возникает монашеская община — *сангха,* — довольно хорошо организованная, с твёрдой дисциплиной, с монашеской иерархией. В сангху не принимались только рабы; все свободные принимались без различия их общественного положения, но руководящее положение в сангхе занимали выходцы из знатных и богатых семей.

С самого возникновения буддизма, которое может быть отнесено к VI в. до н. э., число его сторонников стало быстро увеличиваться. У угнетённой бедноты буддизм пользовался успехом благодаря проповеди духовного равенства всех свободных, а также вследствие демократичности буддийской сангхи. Зажиточных горожан буддизм привлекал тем, что не требовал ни жертвоприношений, ни обязательного вступления в сангху, ни существенных изменений в образе жизни. Буддийский культ был проще, понятнее; проповедь (совершенно несвойственная брахманизму) произносилась на обычных разговорных языках.

Буддизм проповедовал пассивность и примирение с действительностью, поэтому он рассматривался государством как неопасное учение и не подвергался преследованиям. Он встретил упорного врага только в жречестве. Но антижреческая направленность буддизма вполне устраивала класс рабовладельцев в целом, для которого в этот период главным было богатство, обладание рабами, а не родовитость происхождения; показательно в этом отношении появление царских династий (даже таких могущественных, как Нанды и, возможно, Маурьи) из шудр. Господствующий класс не мог примириться с тем, что одна из частей этого класса — жречество—претендует на привилегированное положение на основании уже обветшалых традиций. Кроме того, буддизм как религия, не связанная с племенными местными культами, мог послужить подходящей идеологической основой для склады-

вающихся крупных государств. Буддийское духовенство и монашество, в отличие от брахманистского жречества, могло быть организовано в масштабе всей Индии, а потому могло более действенно служить господствующему классу и его государству.

Уже в V в. до н. э. буддизм стал поддерживаться и приниматься рабовладельческой знатью. Согласно буддийским преданиям, при содействии царя Аджаташатру в Магадхе был созван первый буддийский собор, на котором был составлен первый устав буддийских общин, а также были записаны изречения Будды, сохранившиеся к тому времени в памяти его учеников. К первой половине IV в. до н. э. буддийские предания относят созыв второго буддийского собора. Ко времени образования государства Маурьев буддийская монашеская община была серьёзной экономической и идеологической силой. Неудивительно, что цари этой династии использовали буддизм в своих интересах.

В тот же период, что и буддизм, и, вероятно, по тем же причинам сложилось другое религиозное учение —джайнизм. Основателем этой религии или, может быть, её реформатором, как полагают многие исследователи, считается Вардхамана Махавира. Традиционная биография основателя джайнизма сходна с биографией Будды. Ему также приписывается знатное происхождение, он также в зрелом возрасте покинул родительский дом, чтобы жить отшельником. Двенадцать лет вёл он жизнь аскета, а на тринадцатом стал Джиной-победителем. Отсюда и происходит название религии.

Джайнизм, как и буддизм, признаёт за каждым право на спасение души путём самоусовершенствования, а также отрицает брахманистский пантеон богов, жертвоприношение, жречество, религиозное освящение системы варн. Отличием вероучения джайнов является признание вечности души, поэтому и нирвана у джайнов — это не угасание души, а достижение ею вечного блаженства. Джайны отрицают также, что всякая жизнь — зло; по их учению, только дурная жизнь — зло. От буддистов джайнов отличает, кроме того, признание аскетизма как религиозного подвига.

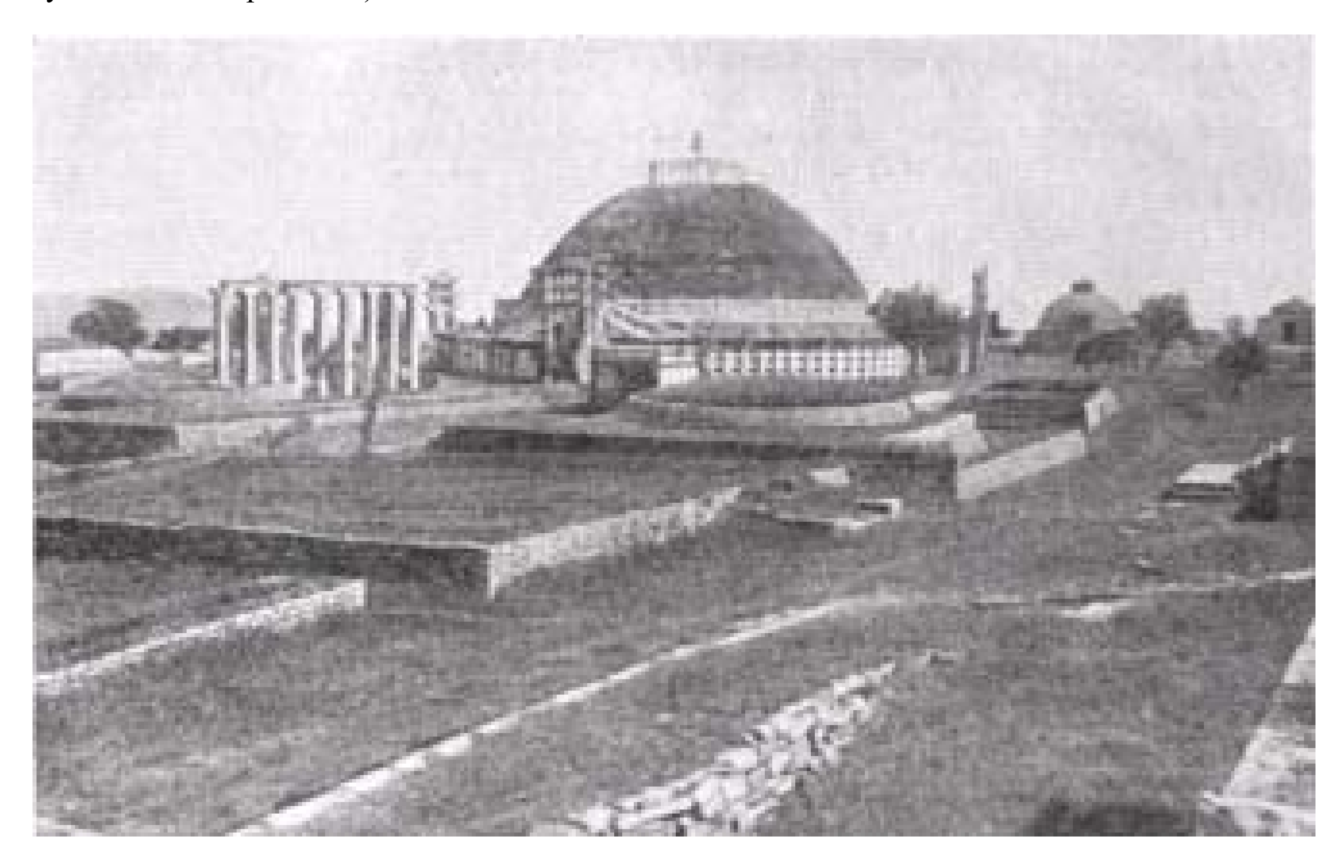
3. Империя Маурьев в III—II вв. до н. э.

Империя Маурьев при Ашоке

Внутренняя жизнь империи Маурьев известна очень мало. Судя по косвенным данным, при Ашоке в основном сложилась охарактеризованная выше административная система. Идеологической основой разноплемённого государства Ашоки стал буддизм, который к этому времени уже доказал свою пригодность в качестве общегосударственной религии. Ашока сам принял буддизм и всячески способствовал его распространению. В 253 г. до н. э. им был созван в Паталипутре буддийский собор, вероятно первый, потому что предания о двух буддийских соборах в V и IV вв. до н. э. являются малодостоверными. Задачей этого собора было — оформить буддизм в единое целое, как в основах вероучения, так и в организационном отношении, сделать буддийскую церковь мощным оружием в руках государства. На соборе были утверждены канонические основы буддизма (религиозная литература, ритуал, единые организационные принципы буддийской общины и т. д.) в том виде, в каком он к этому времени сложился в Индии, а также были осуждены возникшие к этому времени ереси. Многочисленные предания сохранили воспоминания об Ашоке, как о строителе буддийских монастырей и *ступ* — сооружений, хранящих какую-либо реликвию, связанную с Буддой. Эти предания утверждают, что Ашокой было построено 84 тыс. ступ. Вследствие обилия буддийских монастырей *(вихара,* или *бихара)* за Магадхой в средние века утвердилось название Бихар.

Важным историческим источником этого периода являются надписи Ашоки, высеченные на скалах и колоннах. Их сохранилось более тридцати в различных частях

Индии. Надписи в форме предписаний царя содержат наставления, выдержанные в основном в духе буддийской морали. Кроме того, в надписях подчёркивается необходимость повиноваться властям, слугам царя, родителям и старшим. За выполнением этих наставлений должен был следить специальный штат чиновников во главе с *дхармамантрином*—советником царя по делам *дхармы* («Закона», в смысле «Закона благочестия»—так обычно называли буддисты свою религию).



Ступа в Санчи.
III в. до н. э. Общий вид.

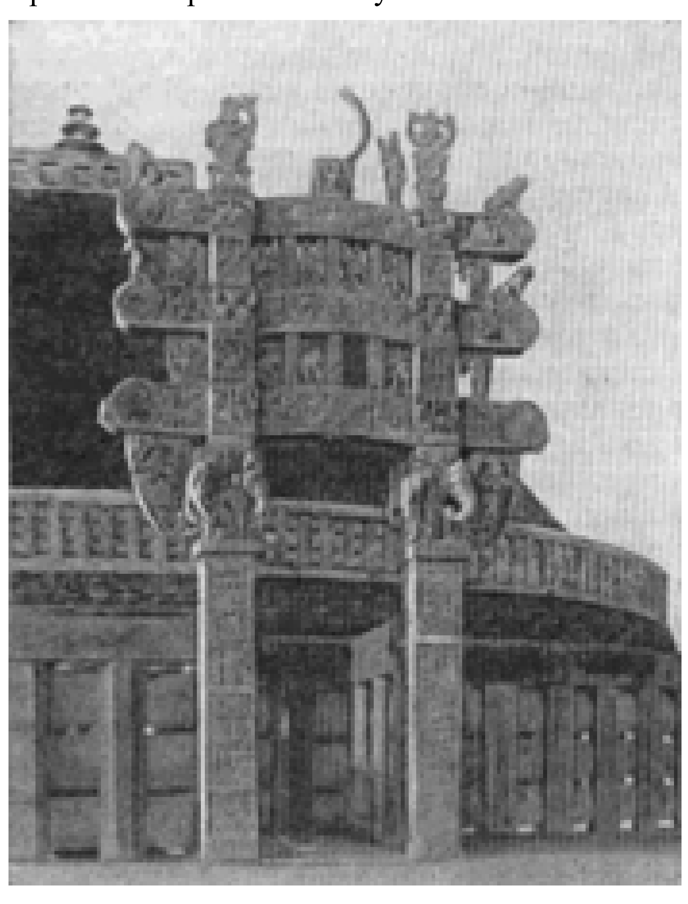
Для времени Ашоки характерна активизация внешней политики Маурьев. Завязываются более тесные связи с эллинистическими государствами (в надписях Ашоки упоминается о связях с Сирией, Египтом, Киреной, Эпиром), а также с некоторыми государствами Юго-Восточной Азии. Для усиления политического влияния державы Маурьев использовались буддийские миссионеры, рассылавшиеся по инициативе и при поддержке государственной власти далеко за пределы Индии. Именно с III в. до н. э. буддизм начинает распространяться на острове Цейлон, а затем в Бирме, Сиаме и Индонезии.

Распад империи Маурьев

Несмотря на все усилия Ашоки укрепить своё государство, многого ему добиться не удалось. Слишком сильны были различия в уровне экономического и общественного развития отдельных частей Индии, слишком она была разноплемённа. Вскоре после смерти Ашоки — в 236 г. — начался распад империи Маурьев; вероятно, уже сыновья Ашоки начинают делить её между собой. Последний представитель династии Маурьев, ещё удерживавшийся в Магадхе, — Брихадратха был около 187 г. до н. э. свергнут и убит своим военачальником Пушьямитрой, основавшим династию Шунга.

Наряду с внутренними причинами, обусловливающими недолговечность государств подобного рода, немалую роль в ослаблении и распаде империи Маурьев сыграли завоевательные походы в Индию греко-бактрийцев и парфян.

В начале II в. до н. э. во время правления Деметрия греко-бактрийцами была подчинена долина реки Кабула и часть Пенджаба. Деметрий и его преемники титуловались на монетах как «цари индийцев». Они совершали грабительские набеги в соседние области Индии. В источниках имеются упоминания о том, что царь Менандр в своих походах в долину Ганга доходил до самой Паталипутры, но подчинить Магадху ему всё же не удалось.



Северные ворота ступы в Санчи.
I в. до н. э.

После распада греко-бактрийского царства на территории Северо-Западной Индии образовалось весьма своеобразное государство со столицей в городе Шакала (современный Сиалкот, в Пенджабе), в котором царями были греки, знать состояла из греков и в значительной мере — из уроженцев Средней Азии, а основная масса населения была индийской. Однако вскоре завоеватели растворились в местном населении, не оставив и следов своего пребывания в стране. Как утверждают буддийские источники, уже Менандр стал буддистом. Его преемники носили чисто индийские имена; монеты, которые они выпускали, имели и греческие и индийские надписи.

Около 140—130 гг. до н. э. эллинистические государства в Бактрии были разгромлены племенами, входившими в состав мощной конфедерации массагетов в Средней Азии, которых в исторической литературе обычно называют китайским наименованием — юэчжи.
В конце II в.—начале I в. до н. э. эти племена, вторгшиеся в Индию и называвшиеся здесь шаками, или саками, подчинили себе большую часть Северо-Западной Индии, а возможно — даже часть Центральной Индии.

В начале I в. н. э. часть Северо-Западной Индии оказалась подчинённой парфянам. Здесь возникло крупное государство со столицей в Таксиле, независимое от Парфии или зависимое только номинально. Известно, что парфянский титул сатрапа ещё в I—II вв. н. э. носили некоторые правители мелких государств в Западной и Центральной Индии. Находились ли они в какой-либо зависимости от парфянских царей — утверждать с уверенностью невозможно. В Центральной Индии мелкие государства, управляемые царями, считавшими себя прямыми потомками шаков, существовали ещё в IV в. н. э.

Государства Южной Индии

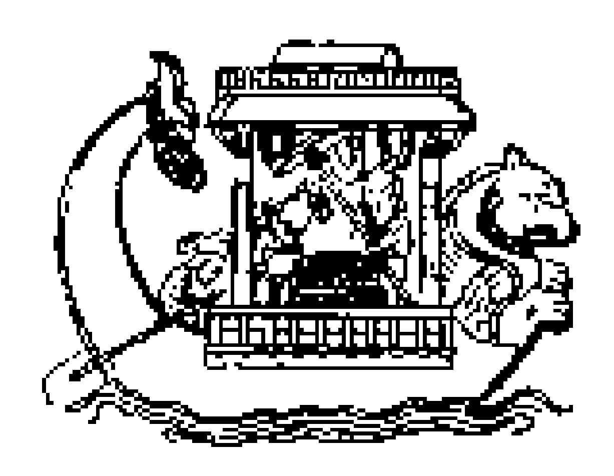
Со II—I вв. до н. э. всё более заметную роль в общей истории Индии начинают играть южно-индийские народы. Сообщение между Северной и Южной Индией в древности было делом очень трудным, поэтому историческое разлитие их происходило в значительной мере независимо друг от друга. Можно с достаточным основанием

утверждать, что в целом Южная Индия отставала в своём развитии от Северной Индии. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение рабовладельческих отношений в этой части Индии происходило сравнительно поздно и, вероятно, было тесно связано с подчинением её царями Магадхи.

Есть указания на то, что уже за несколько веков до нашей эры существовали торговые связи между странами Ближнего Востока и Южной Индией. Но определённые, точно установленные данные о народах, населявших Южную Индию, о государствах, которые там существовали, имеются только с III в. до н. э.(в первую очередь — в надписях Ашоки). В это время известны народы Южной Индии — калинги, андхры, чолы, пандьи и кералы. Государство калингов (соответствующее примерно территории нынешней Ориссы) было довольно сильным, покорение его далось Ашоке с большим трудом. Андхры населяли территорию, примерно соответствующую территории современного штата Андхра и восточной части штата Хайдерабад (Телингана). Территория андхров при Ашоке входила в империю Маурьев, но когда произошло подчинение андхров Маурьям, установить трудно.

Область к югу от страны андхров называлась в древности Тамилнадом; она была населена различными тамильскими племенами; процесс развития рабовладения происходил здесь независимо от Северной Индии. Народ чола населял восточную часть теперешнего штата Мадрас. К западу от него проживали пандьи. Кералы, родственные тамилам, населяли в основном территорию теперешнего штата Траванкур-Кочин. Об общественном и политическом строе этих народов нам почти ничего не известно, но из того факта, что только эти три индийских народа смогли отстоять свою независимость и не подчинились могущественным царям Магадхи из династии Маурьев, можно заключить, что у них уже были достаточно прочные государственные образования.

Андхры, добившиеся независимости сразу после смерти Ашоки, быстро распространили свою власть на большую часть полуострова; столицей их государства стал город Насик. Их дальнейшее усиление было временно остановлено калингами. Калинги, также ставшие независимыми вскоре после смерти Ашоки, под руководством царя Кхаравелы (конец III в. до н. э.) нанесли ряд поражений андхрам. Всё же к середине I в. до н. э. андхры добились превосходства над калингами, и государство андхров стало в это время сильнейшим в Южной Индии.



ГЛАВА XVIII
ИНДИЯ С I В. ДО Н. Э. ПО V В. Н. Э.

Для периода в истории Индии, начинающегося с I в. до н. э., характерным является постепенный упадок рабовладельческих отношений. Одновременно развивается и усиливается феодальный уклад, ставший с VI в. н. э. определяющим в общественно-экономической структуре страны. Развитие производительных сил с неизбежностью привело к смене рабовладельческой общественной формации феодальной. Вместе с тем Индии был присущ и ряд особенностей, важнейшими из которых являются: замедленный темп исторического развития, сложность и многоукладность общественной структуры, своеобразие процесса формирования в недрах рабовладельческого строя основных классов будущего феодального общества.

1. Индия в период кушанов и династии Гупт

Как уже упоминалось ранее, политическая гегемония Магадхи в Индии прекратилась с распадом империи Маурьев. При Шунгах (187—73 гг. до н. э.) власть царей Магадхи распространялась только на среднюю и нижнюю часть долины Ганга. В 73 г. до н. э. последний Шунга — Девабхути — был свергнут своим главным советником Васудевой, основавшим новую династию — Канва. Во время правления этой династии политическое значение Магадхи ещё более упало. В 28 г. до н. э. Магадха была завоёвана андхрами. При царе Гаутамипутре (первая половина II в. н. э.) из династии Шатавахана власть андхров распространилась и на часть Центральной Индии к северу от гор Виндхья, где правили государи, называвшие себя сатрапами. В первой половине III в. н. э. государство андхров по неясным для нас причинам распалось.

Кушаны в Индии

С начала I в. н. э., как уже указывалось, происходит возвышение одного из племён юэчжи, которое вошло в историю под именем кушанов (в Индии их называли также шаками, хотя этнически они принадлежали, по-видимому, не к шакам (сакам), а к тохарам). Основным местом расселения кушанов была территория теперешней Таджикской ССР.

При царе Кадфисе II (47—78) кушаны предприняли завоевательные походы в Индию и подчинили себе многие разрозненные северо-индийские государства, возглавлявшиеся царями парфянского или шакского происхождения. Расширение владений кушанов в Индии в последние годы царствования Кадфиса II и в начале правления его преемника Канишки (78 — 123) временно приостановилось, так как в их среднеазиатские владения вторглись китайские войска под командованием Бань Чао.

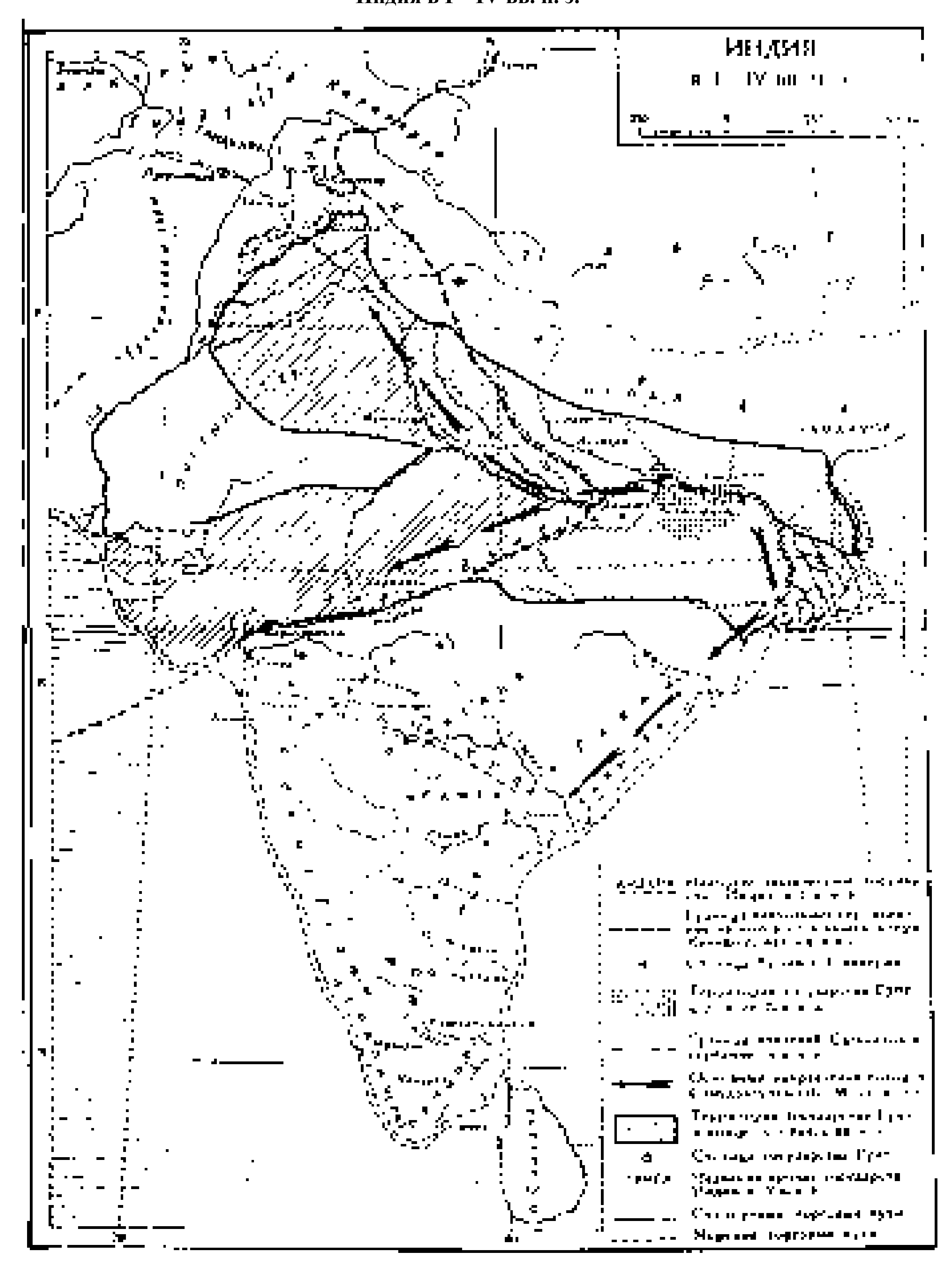
В последующие годы Канишка успешно вторгался в глубь Индии и даже угрожал Паталипутре. На вторую половину царствования Канишки приходится период наибольшего могущества Кушанской империи. В связи с этим год воцарения Канишки стал началом летосчисления, сохранявшегося в Индии в течение всего средневековья и известного под названием «эры шака».

При Канишке кушанами была подчинена вся Северо-Западная Индия до реки Нарбады на юге и города Бенареса на востоке. Столицей Кушанской державы был город Пурушапура (современный Пешавар), расположенный на основном пути, связывавшем индийскую и среднеазиатскую части Кушанской империи.

Ещё при Кадфисе II началась постепенная индианизация кушанов. Индийская культура, восприняв многое из культуры среднеазиатских народов (в том числе и элементы эллинистической культуры — в чеканке монеты, архитектуре, изобразительном искусстве), сама оказала на последнюю огромное влияние. Взаимодействие этих культур особенно ярко видно на примере возникновения в пределах Кушанской империи особого стиля в изобразительном искусстве, называемого кушанским, или «гандхарским» по имени области Гандхара (Гандара) в долинах рек Кабула и Инда. Индианизация пришельцев особенно усилилась при Канишке. В буддийских преданиях он занимает не менее важное место, чем Ашока, Канишка принял буддизм и был ревностным его покровителем. При нём был созван второй (по буддийским преданиям четвёртый) буддийский собор, определивший основы вероучения реформированного буддизма. Канишка основал много монастырей, возвёл много ступ и буддийских храмов, поощрял миссионерскую деятельность буддийских монахов. Именно при нем буддизм начал широко распространяться в Средней Азии и Китае.

Статуя Будды из Гандхары.
II—III вв. н. э. Серый шифер.

Индия в I—IV вв. н. э.



Распад Кушанской империи

Свидетельством внутренней борьбы в государстве кушанов, имевшей место даже в период его наибольшего могущества, является сохранившееся в источниках предание, что Канишка был задушен во время восстания, вспыхнувшего в результате недовольства народа широкой завоевательной политикой кушанского царя.

Разноплемённая, не имевшая более или менее прочных внутренних связей Кушанская империя не могла быть устойчивым государством. Уже при втором преемнике Канишки, носившем чисто индийское имя Васудева (140—178), начинается ослабление государства, приведшее к его явному упадку в 30-х годах III в. Возможно, что это находится в связи с усилением государства Сасанидов в Иране. Кушанские цари удержались в Гандхаре и части Пенджаба до V в., но их царство было только одним из многих, возникших в первой половине III в. в Северо-Западной Индии на развалинах Кушанской империи.

Период с начала III в. до начала IV в.—один из наименее изученных в древней истории Индии. В этот период на её территории существовало множество мелких и мельчайших государств, постоянно враждовавших между собой. Ни одно из них не претендовало и не могло претендовать на большое значение в масштабе всей страны.

Государство Гупт

В первой половине IV в. Магадха опять становится центром крупнейшего государственного образования, последнего крупного рабовладельческого государства в Индии — государства Гупт, распространившего к V в. свою власть на большую часть Северной Индии. Основателем этого государства был Чандрагупта I — правитель одного из малозначительных царств на территории Магадхи, не являвшейся в то время единым государственным целым. Женитьбой на царевне из могущественного и древнего рода Личчхави Чандрагупта обеспечил себе поддержку этого рода и значительно увеличил территорию своего царства, присоединив в числе других городов и город Паталипутру. Впоследствии Чандрагупта I распространил свою власть на всю Магадху и на центральную часть долины Ганга. Дата вступления на престол Чандрагупты I — 320 г. (начало «эры Гупта») — условно считается годом основания государства Гупт, получившего наименование от царствующей династии. Сын Чандрагупты I Самудрагупта (330—380) совершил ряд успешных завоевательных походов, подчинив государства в верхней части долины Ганга и в Центральной Индии. Многие мелкие царьки в Бенгалии и предгорьях Гималаев также платили дань удачливому завоевателю. Огромной добычей овладел Самудрагупта в Южной Индии, вглубь которой он совершил большой грабительский поход. Наивысшего могущества государство Гупт достигло при Чандрагупте II Викрамадитье (380—414). Он подчинил шакских царьков в Западной Индии, распространив таким образом свою власть от Бенгальского залива до Аравийского моря, а также овладел большей частью Пенджаба.

Монета Чандрагупты II.
(380—414 гг. н. э)

В середине V в. начались вторжения в Индию так называемых гуннов-эфталитов. Период 450—455 гг. был очень тяжёлым для государства Гупт. Всё же первое наступление эфталитов с большим напряжением сил было отражено, и при Скандагупте (455—467) государство ещё сохраняло территориальное единство и отражало отдельные набеги эфталитов; однако после смерти Скандагупты начинается распад государства Гупт, оказавшегося неспособным к длительному военному напряжению.

К концу V в. власть царей из династии Гупт распространялась уже только на Магадху и на небольшие территории к востоку и югу от неё. Имеются данные о существовании в Магадхе ещё в VIII в. царька, второй частью имени которого было слово «гупта» (Дживитагупта II, 725—731), но нельзя с уверенностью утверждать, что он был потомком царей «Золотого века Гупт» (IV—V вв.).

Государства Южной Индии

Политическая история государств Южной Индии в рассматриваемый период была мало связана с историей Северной Индии. Государства крайнего юга Индии — Чола, Пандья и Керала — к началу нашей эры были богатыми и процветающими. Здесь находились известные жемчужные ловли, добывался берилл; леса и сады давали пряности и благовония. Имеются упоминания о тысячах рабов, использовавшихся на общественных работах и ловле жемчуга. Через порты (особенно Коркаи) велась торговля с остальной Индией и соседними странами. Крупнейшие города Южной Индии — Каверипаддинам (столица Чола), Мадура (столица Пандья), Тирукарур (столица Keралы) — были экономическими и культурными центрами складывавшихся народностей — тамильской (Чола, Пандья) и малаяли (Керала).

Политическая история этих государств в древности почти неизвестна. Только ко II в. н. э. относятся первые отрывочные данные, да и то лишь династической истории. Из сохранившихся в фольклоре исторических преданий известно о частых войнах южно-индийских государств между собой и с Цейлоном.

В первой половине IV в. сильнейшим государством Южной Индии было государства Паллавов, образовавшееся в начале этого века на севере Чола. Территориальное ядро этого государства находилось к северу от реки Кришны, столицей был город Канчи. Другие южноиндийские государства в той или иной степени зависели от него. Но государство Паллавов сильно пострадало от похода Самудрагупты. В результате на северо-западе Декана выделилось как самостоятельное государство Кадамба, а в центральной части Декана — государства Вакатака (севернее) и Ганга (южнее).

Можно предположить, что в первые века нашей эры народы юга страны (особенно крайнего юга) уже мало отличались от народов Северной Индии по уровню своего общественно-экономического и культурного развития.

2. Общественно-экономический строй Индии

Уровень экономического развития

В первые века нашей эры в Индии продолжается развитие земледелия, ремесла и торговли. Индийцы научились определять и классифицировать почвы, применять севообороты, использовать удобрения; были освоены новые сельскохозяйственные культуры, например индиго, распространилось шелководство. Осваивались новые территории, ранее занятые джунглями. Всё шире применялось искусственное орошение, причём появились уже очень крупные оросительные сооружения.

Значительной степени совершенства достигли городские ремесленники в изготовлении украшений, оружия, тончайших хлопчатобумажных и шёлковых тканей и т. д. Наглядным показателем высокого развития металлургии является находящаяся ныне в Дели железная колонна весом около $6^1/_2$ *т* и высотой более $7^1/_4$ *м,* отлитая в начале V в.; примечательно, что за прошедшие с тех пор полторы тысячи лет эта колонна почти не подверглась коррозии. Другим свидетельством этого рода является двухметровая медная статуя Будды, отлитая в том же веке. В это время индийцы уже умели строить суда, способные перевозить сотни пассажиров. Высокого совершенства достигло строительное искусство, причём всё больше распространяется строительство зданий из камня, тогда как ранее здания строились в основном из дерева и кирпича. Входит в практику сооружение пещерных храмов, требовавшее сложных расчётов, затрат огромного количества труда, большого искусства в монументальной и художественной обработке камня.

По дорогам, на строительство и поддержание которых в хорошем состоянии правители обращали большое внимание, следовали многочисленные купеческие

караваны и обозы. Индия вела обширную сухопутную и морскую торговлю. Из Индии вывозились ткани, украшения, слоновая кость, жемчуг, перец, благовония. Ввозились драгоценные и цветные металлы и изделия из них, вина, рабы (музыканты и танцоры). Индийские моряки плавали в Китай, а также через Аравийское море в Красное, используя благоприятствовавшие плаванию муссоны. Оживлённые отношения поддерживались со странами Средиземноморья; имеются данные о существовании в Южной Индии поселений купцов из Средиземноморья, при дворе римских императоров неоднократно бывали послы индийских царей. Античные писатели отмечали, что огромное количество драгоценных металлов уходит в Индию, чтобы никогда больше не вернуться в Средиземноморье. Хотя в самой Индии золота и драгоценных камней добывалось не столь много, как это обычно думают (многие из драгоценных камней, которыми славилась в то время Индия, добывались на Цейлоне и в Бирме), рабовладельческая знать со временем накопила в своих сокровищницах огромное количество драгоценностей. Золотая монета, которая появилась, вероятно, ещё при Маурьях, отличалась при кушанах и Гуптах полноценностью и высоким качеством исполнения.

Период Гупт был последним периодом расцвета рабовладельческого города в Индии, который начал приходить в упадок лишь в VI в. н. э. Города были административными центрами, здесь находились дворцы царей и рабовладельческой знати. В то же время города были средоточиями ремесленного производства, центрами внутренней и внешней торговли, портами; здесь сложилась богатая городская культура. Наряду с религиозным образованием получила распространение и светская школа.

Общественные отношения

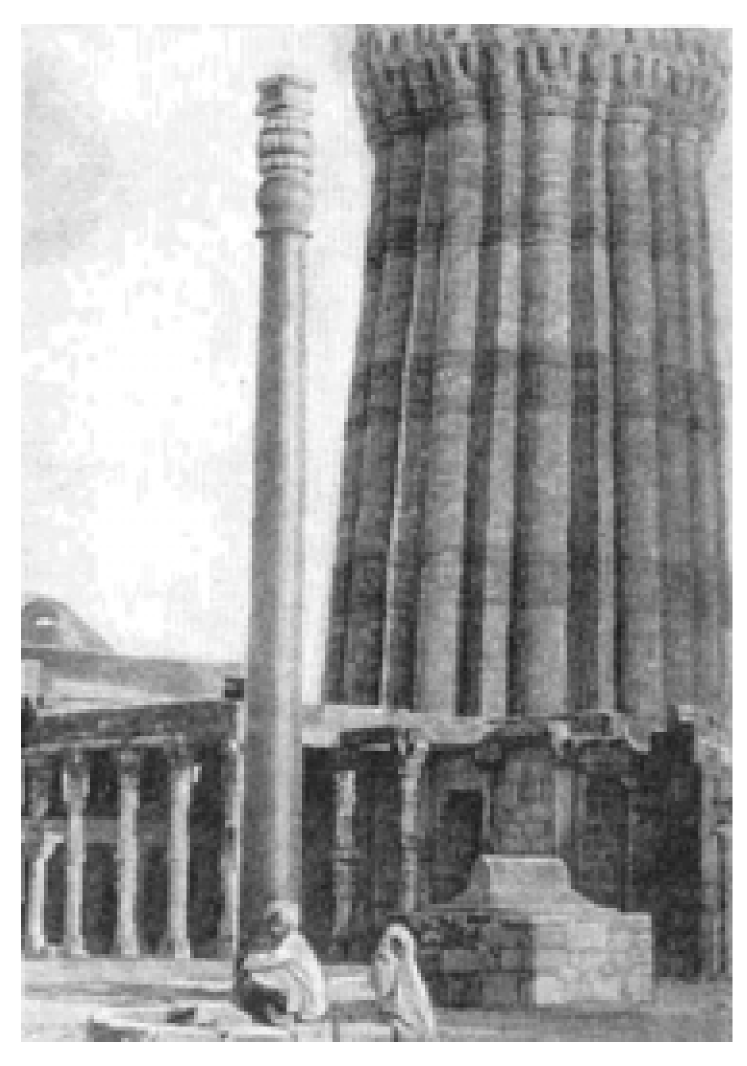
В условиях ещё сравнительно устойчивого экономического положения в Индии всё более заметно начали проявляться признаки кризиса рабовладения и формирования новых общественных отношений. Рабовладельческая знать постепенно отказывается от применения труда рабов в своём хозяйстве; это видно, в частности, на примере царского хозяйства, где всё в большей море начинает использоваться труд свободных, сажаемых на землю на условиях кабальной аренды. В различных политических и экономических трактатах и сборниках норм обычного права того времени постепенное уменьшение роли рабства отражается в признании необходимости ограничить произвол хозяина по отношению к рабу, облегчить для раба возможность получения свободы, в попытках ограничения ростовщичества и кабальных сделок, имевших своим следствием порабощение свободных. Подобного рода попытки были особенно настойчивы в тех случаях, когда порабощение угрожало членам высших варн. Число рабов в сфере производительной деятельности всё более уменьшается. Много рабов продолжает сохраняться лишь в качестве домашней челяди в царских дворцах, в домах знати и богачей (евнухи при гаремах, танцоры и музыканты и т. д.).

Существование общеиндийского государственного объединения — империи Маурьев (IV—II вв. до н. э.)—только в незначительной степени способствовало нивелировке уровня развития общественно-экономических отношений у многочисленных племён и народностей, входивших в её состав. Мало связанные друг с другом экономически, они жили своей особой жизнью. Поэтому и после распада империи характерные различия в уровне развития отдельных народов продолжали существовать.

Складывание феодальных отношений в Индии происходило медленными темпами и растянулось на несколько веков (условно с I в. до н. э. по VI в. н. э.). Рабство как уклад продолжало существовать в Индии и в средние века и даже в новое время.

В первые века нашей эры всё более частыми становятся (изредка имевшие место и раньше) земельные пожалования рабовладельческой знати, жрецам и высшим

чиновникам, рассматривавшиеся как форма «кормления» от государства. Земли раздавались в качестве жалованья за службу. В этом случае общинники, работавшие на земле, должны были вносить полагающиеся с них налоги не в казну, а на содержание того лица, которое получило в «кормление» данные земли. Правда, эти земли продолжали оставаться государственными, налоги с общинников взимались государственным налоговым аппаратом. Периоды ослабления центральной государственной власти (а эти периоды наступают со временем всё чаще и чаще) использовались держателями земель для упрочения своего положения, для расширения своих привилегий и для того, чтобы поставить ранее свободных общинников в личную от себя зависимость. Этому способствовало и то обстоятельство, что рабовладельческой знати постепенно удалось добиться права передачи по наследству высших должностей в государстве. Появляются и безусловные пожалования. Разумеется, этот процесс протекал далеко не мирным путём. Вследствие войн между индийскими государствами, а также иноземных нашествий происходило перераспределение земельной собственности. Та часть старой рабовладельческой знати, которая оказалась не в состоянии приспособиться к новым условиям, гибла или разорялась и вытеснялась феодализирующимися элементами.



Железная колонна в Дели (во дворе мечети Кувват уль Ислам).
415 г. н. э.

Немалую роль в процессе феодализации сыграли буддийские монастыри, которые получали огромные земельные пожалования вместе с проживавшими на этих землях свободными общинниками. Алчное духовенство буддийских монастырей превращалось в феодалов, а зависимые от них общинники — в эксплуатируемое крестьянство. Там, где буддизм не приобрёл большого распространения, важными очагами феодализации были брахманистские храмы, хотя, в отличие от буддийских монастырей, их роль не была столь значительной. Некоторые племена Индии (в частности, в центральных и южных частях страны) могли в период упадка рабовладельческих государств переходить от первобытно-общинного строя уже непосредственно к феодализму.

Соответственно постепенному изменению экономического положения свободных общинников меняется и их общественный статус. Рассматриваемые ранее как вайшьи, они всё чаще начинают причисляться к шудрам. Вайшьями остались только те, которые смогли в новых условиях сохранить независимое общественное и

экономическое положение — купцы, ростовщики, зажиточные городские ремесленники и т. д.

Процесс феодализации индийского общества должен был вызвать обострение классовой борьбы. Закабаление свободных общинников не могло не встретить с их стороны ожесточённого сопротивления. Должны были обостриться противоречия и внутри господствующего класса. Косвенным свидетельством всего этого является внутренняя непрочность индийских государств (начиная с I в. до н. э.), их быстрое возникновение и ещё более быстрое падение, их неспособность успешно противостоять иноземным нашествиям. Но источники, относящиеся к этому периоду, настолько скудны, что не позволяют дать полную картину общественных движений и классовой борьбы; даже данные о царях и династиях, как уже отмечалось, совершенно недостаточны, чтобы осветить более полно явления, происходившие на самой поверхности политической истории.

Медная статуя Будды из Султанганджа (Бенгалия). Начало V в. н. э.

Начало упадка буддизма

Если попытки создания прочных общеиндийских государственных объединений оказались несостоятельными, то попытки насадить буддизм в качестве господствующей религии были столь же мало успешными. Наибольшего распространения буддизм достиг там, где рабовладельческие отношения были более развитыми (главным образом долина Ганга), или там, где он пользовался поддержкой государственной власти (например, в Северо-Западной Индии при кушанах). На остальной территории продолжали преобладать местные племенные религии, объединяемые обычно под общим наименованием—брахманизм. Но даже в районах своего наибольшего распространения буддизм был связан главным образом с городом; в сельских же местностях старые общинные религиозные верования и культы продолжали существовать наряду с буддизмом. Это обстоятельство, а также то, что буддизм должен был приспосабливаться к обстановке политической раздроблённости (кушанское объединение охватывало далеко не всю Индию и было относительно кратковременным), наложило на него свой отпечаток. Буддийское духовенство начинало приспосабливать культ и вероучение к племенным и общинным верованиям.

Во времена Канишки (I—II вв. н. э.) в отличие от более раннего буддизма, именовавшегося *хинаяна* («малая колесница», т. е. «узкий путь спасения»), оформляется новая форма буддизма *махаяна* («большая колесница», т. е. «широкий путь спасения»). Будда в махаяне из учителя, указавшего путь к спасению и первым вошедшего в нирвану, окончательно превращается в божество. Для культа Будды, которого теперь, стали считать могущественнейшим из богов, строятся огромные

храмы. Создаётся учение об аде и рае, вводится культ бодисатв, т. е. святых, уже достигших ступени Будды, но на время добровольно отказавшихся войти в нирвану для того, чтобы наставлять прочих людей на путь истинный. Приобретает огромное значение обрядовая сторона культа с элементами магии, для чего используются более широко, чем прежде, произведения изобразительного искусства, пышные процессии и церемонии. В завуалированной форме в буддийский культ вводятся даже жертвоприношения — в виде приношения цветов, воскуривания благовоний и т. д.

Фасад храма в Насике, высеченного в скале.
II в. н. э.

Максимальное распространение буддизма в Индии заканчивается кушанским периодом. Уже при Гуптах он не играл прежней роли: даже цари этой династии не были буддистами. Местные религии, включившие в себя многочисленные элементы брахманизма, а в значительной мере и буддизма, оказались гораздо более живучими в условиях феодальной раздроблённости Индии в период средневековья и начали постепенно вытеснять буддизм. Они и составили тот комплекс религиозных верований, который обычно называется индуизмом.

Складывание кастового строя

Важной особенностью формирования феодальных отношений в Индии является постепенное оформление кастового строя. Касты — замкнутые общественные группы, занимающие установленное обычаем и законом место в производственной и общественной жизни, принадлежность к которым членов общества определяется их происхождением и наследуется,— существовали в той или иной форме и у некоторых других пародов древности (например, в Египте с конца Нового царства). Но в Индии кастовый строй сложился в наиболее законченном виде.

В условиях медленных темпов общественного и экономического развития многие племена древней Индии иногда в течение веков сохраняли свою экономическую самостоятельность, свой образ жизни. У одних племён ведущим типом хозяйства было земледелие, у других — животноводство, у третьих — охота, у четвёртых — рыболовство и т. д. Кроме того, у некоторых из них развивались ремёсла: гончарное, плотничье, кожевенное, примитивная металлургия и т. д. Общественное разделение труда, даже в неразвитом виде, привело к выделению групп людей, занятых в определённой сфере производственной деятельности. Внутренняя консолидация этих групп происходила с развитием рабовладельческого государства уже не на родо-племенной основе, а на основе общности занимаемого места в производственной жизни. Тем не менее в условиях сохранения сельской общины и существования значительных пережитков родо-племенной идеологии складывание этих новых общественных групп неизбежно сопровождалось заимствованием у родовой общины многих черт как в организации, так и в

идеологических представлениях. Это видно даже из наименования этих общественных групп — *джати,* что означает — род, племя, происхождение; португальское слово «каста» является довольно точным переводом этого слова.

Для каст характерна отчуждённость их друг от друга; члены различных каст не могут вступать в браки; у каждой касты в принципе своя исключительная и неизменная профессия. Помимо того, что кастам были присущи эндогамность и общность занятия, касты в отличие от варн имели внутреннюю администрацию;
члены касты были связаны обязательством взаимопомощи, совместным исполнением религиозного культа, регламентацией производственного процесса, определёнными правилами общения с членами других каст и т. д.

Ремесленники, селившиеся в городах и объединявшиеся по специальности (для взаимопомощи, для представительства перед органами государственной власти и т. д.), также образовывали корпорации, постепенно перераставшие в касты. То же происходило с купцами, прислугой и т. д.

Хотя кастовый строй окончательно сложился только в период раннего средневековья, тем не менее касты становятся важным элементом общественной структуры уже около начала нашей эры. Постепенное складывание кастового строя в условиях медленных темпов роста общественного разделения труда, а также внешнее сходство каст и варн привели составителей древнеиндийских сборников законов к заключению, что касты возникли из варн, как результат смешанных браков представителей различных варн. Эта точка зрения одно время господствовала и в буржуазной историографии. Но это не соответствует действительности.

Варны были результатом развития общественного неравенства; основным в системе варн является их различие в правах и обязанностях по отношению к рабовладельческому государству. Возникновение же каст было результатом развития разделения труда, и основным для каст является их место в экономической жизни общества. Однако общественное положение каст также было различным, так как они складывались в условиях уже существовавшего общественного неравенства, в условиях существования варн. Естественно, что касты впервые оформляются внутри варн, к которым относилась производительная часть населения — вайшьи и шудры; касты среди брахманов и кшатриев так и не развились в полной мере: брахманы до сих пор по традиции считаются единой кастой.

Только к периоду упадка рабовладельческих отношений в Индии относятся попытки фиксации в сборниках законов правил и предписаний, касающихся каст и кастового строя. К варне вайшьев вначале были отнесены те касты, члены которых были заняты с точки зрения оседлого земледельца благородными занятиями — земледелием и обслуживанием государства и рабовладельческой знати экономически независимым или квалифицированным трудом: земледельцы, скотоводы (занятые разведением крупного рогатого скота), купцы, зажиточные ремесленники (занятые производством предметов роскоши) и т. д. Касты, основным занятием членов которых оставались менее привилегированные ремёсла (кузнецы, гончары, ткачи и т. д.) или обслуживание земледельческих каст (деревенские ремесленники, пастухи, сторожа и т. д.), оказались отнесёнными к варне шудр.

Отсталые племена, лишаемые земли, оттесняемые в наиболее неудобные для земледелия районы, теряли возможность перейти к более передовым формам хозяйства. Они продолжали заниматься рыболовством, охотой, лесным промыслом и т. д., а их отсталость консервировалась. По мере того, как они подвергались ассимиляции, для них не оказывалось места в системе варн, и они рассматривались как отверженные. Если они селились в городах, их уделом оставались самые неквалифицированные, плохо оплачиваемые, презиравшиеся общественным мнением профессии (подёнщиков, метельщиков улиц, уборщиков нечистот, работников на кладбищах, палачей и т. д.). Вне каст оказывались также бывшие рабы, посаженные на землю рабовладельческой аристократией.

Эти общественные группы со временем составили многочисленные касты «неприкасаемых», с которыми членам «чистых» каст запрещалось всякое общение в обыденной жизни. Эксплуататорские классы, заинтересованные в максимальной разобщённости трудящихся, насаждали и поддерживали кастовые различия и в особенности насильственную изоляцию от других трудящихся наиболее обездоленных и эксплуатируемых из них, причислявшихся к «неприкасаемым».

В различных районах Индии процесс складывания каст происходил различными темпами и в неодинаковых формах. Сходные касты, относимые в одном районе к шудрам, в другом причислялись к вайшьям. Касты, причислявшиеся в одном районе к «неприкасаемым», могли не считаться таковыми в других и т. д. Кроме того, кастовая система отнюдь не была абсолютно неподвижной и застывшей. Возникали новые касты, вследствие изменения общественных условий происходили изменения в статусе отдельных каст, например, как уже указывалось, члены земледельческих каст, считавшиеся в древности вайшьями, с развитием феодальных отношений превращались в шудр.

При медленном темпе развития производительных сил и общественного разделения труда, в условиях господствующей общинной организации и сильнейших пережитков родоплеменной идеологии, при низком уровне техники кастовый строй способствовал (особенно в ремесле) накоплению совершенных производственных навыков и преемственности в их передаче из поколения в поколение.

3. Идеология и культура древней Индии

Борьба между идеализмом и материализмом в древнеиндийской философии

Высокий уровень культуры, достигнутый народами Индии ещё в древности, сложность форм производства и общественной жизни очень рано вызвали попытки осмысления всего окружающего. Развитие древнеиндийской философии носило сложный и противоречивый характер. Философия продолжала тесно переплетаться с мифами и религиозными верованиями, которым правящие классы стремились придать законченный систематический характер. Поэтому господствующим направлением в философии было идеалистическое, тесно связанное с брахманистским и буддийским богословием.

Брахманистская философия представляет собой сложную смесь различных, иногда противоречивых учений и взглядов. Для неё характерно учение о первичной сущности, мировой душе — *брахме,* которая в процессе саморазвития создаёт богов и весь видимый мир. Для буддийской философии характерен крайний субъективный идеализм: реально существует только субъект, весь окружающий его мир — иллюзия *(майя).*

Против господствующей идеалистической философии выступали древнейшие индийские философы-материалисты, отражавшие оппозиционные к официальной идеологии взгляды свободных общинников и городских низов Древнейшим материалистическим учением, существовавшим, вероятно, ещё в VI—V вв. до н. э., было учение *чарвака* Последователи этого учения отрицали авторитет Вед, утверждали, что мир извечно материален, что чувственное восприятии — единственный источник познания и единственное средство доказательства. Они отрицали возможность раздельного существования души и тела, бессмертия души и переселения душ. К учению чарвака примыкали другие материалистические учения *(настика, локаята),* также отрицавшие реальность всего, что не может быть воспринято чувствами, отрицавшие, следовательно, возможность существования потустороннего мира, формулировавшие атомистические взгляды. Сторонники материалистических учений высмеивали брахманистские обряды, жертвоприношения, суеверия.

В период начинавшегося упадка рабовладения и складывания феодальных отношений усиливаются гонения на оппозиционные учения, формируется ряд

философских систем — откровенно идеалистических *(веданта, йога, миманса),* идеалистических рационалистического толка *(вайшешика, ньяя)* и дуалистических *(санкхья).* Самой воинствующей из идеалистических школ, целиком поставившей себя на службу богословию, была веданта, основанная на Ведах, считавшихся представителями этой школы безусловным авторитетом. По учению веданты, единственный источник познания — божественное откровение *(шрути),* т. е. Веды; истина — это единство познающего с Брахмой, мир — эманация Брахмы, законы природы и человеческого общества — творение Брахмы. Человек избавляется от зла и страдания не делами или созерцанием, а познанием божественной сущности Вед. Веданта в феодальной Индии стала философской основой индуизма. Эти шесть философских идеалистических систем *(даршан)* считались ортодоксальными, так как они исходили из основных положений, содержащихся в Ведах. Неортодоксальными считались буддийская философия и философия джайнизма.

Для древней индийской философии характерна широта кругозора и глубина мысли. Даже философы-идеалисты, как правило, признавали вечность мира, непрерывность его развития (правда, происходящего по циклам и зависящего от божественной воли), понимали, насколько грандиозна вселенная во времени и пространстве. Поэтому неудивительно, что древняя индийская философия оказала глубокое влияние на развитие философских взглядов у многих народов древности.

Математика. Естественные науки

Естественные и точные науки в Индии достигли весьма высокого уровня. Нужды ирригационного земледелия вызвали развитие астрономии, которая создавалась независимо от других народов; только со II в. до н. э. начинает сказываться влияние греческой астрономии. Древнеиндийские астрономы делили солнечный год на 12 месяцев по 30 дней в каждом, причём через каждые пять лет добавлялся тринадцатый месяц. Древнеиндийские астрономы знали о шаровидности Земли и предполагали её вращение вокруг своей оси.

Огромный вклад в сокровищницу мировой культуры внесли древнеиндийские математики. Древние индийцы независимо от других народов создали десятичную систему счисления, впервые ставшую известной населению Северо-Западной Индии ещё в период культуры Хараппы, то есть в III тысячелетии до н. э., общепринятую в настоящее время систему начертания чисел (позиционная система) и цифры (в том числе ноль), заимствованные народами Ближнего Востока и ставшие известными в Европе в несколько изменённом виде под названием «арабских цифр» (арабы их называли «индийскими цифрами»). Из трактатов древнеиндийских математиков и астрономов Арьябхаты (V в.) и Варахамихиры (VI в.) видно, что к V в. н. э. индийцы знали извлечение квадратных и кубических корней, умели довольно точно исчислить π (оно ими определялось в 3,1416), были знакомы с основами тригонометрии Независимо от других народов древние индийцы заложили основы алгебры и явились в этом отношении учителями арабов и народов Средней Азии, а, как известно, средневековые европейские математики заимствовали основы алгебры от арабов.

Несмотря на то, что развитие медицины задерживалось религиозными предрассудками, рассматривавшими болезни как результат греховной жизни, причём анатомирование считалось делом предосудительным, тем не менее и здесь было достигнуто многое. Судя по сохранившимся медицинским трактатам, древнеиндийские врачи умели распознавать и лечить самые различные болезни, применять сотни различных лекарственных растений, многие минеральные вещества (ртуть, квасцы, нашатырь и т. д.). Хирурги делали сложные операции и славились своим искусством далеко за пределами страны.

Древнеиндийские химики-практики умели получать серную, соляную и азотную кислоты, различные соли, изготовляли краски, лекарства, парфюмерию.

Значительно уступали другим отраслям науки по уровню своего развития географические познания древних индийцев. Не сохранилось ни одного географического

труда, ни одной географической карты; неизвестно даже, существовали ли они в древней Индии. Данные античных авторов также позволяют думать, что многие, даже образованные, индийцы имели довольно смутное представление о своей стране и о соседних с нею странах.

Языки и письменность древних индийцев

Как показывают надписи Ашоки, в Индии в III в. до н. э. уже существовала очень развитая и совершенная письменность. Один из шрифтов этих надписей — брахми — лёг в основу шрифта деванагари, который вследствие своей простоты и удобства получил широкое распространение в древности и сохранился у многих народов Индии до настоящего времени.

Практические нужды жречества, которое стремилось сохранить в неизменном состоянии священные книги брахманизма в многоязычной стране, дали толчок развитию языкознания. Священные книги древних индийцев — Веды — были записаны на одном из племенных языков Восточного Пенджаба, родственном многим языкам Северной Индии. Воды впоследствии были канонизированы. Разговорные языки между тем развивались, и хотя язык Вед не менялся, потому что тексты выучивались наизусть в их первоначальном виде, но язык более поздних комментариев и эпоса под влиянием разговорных диалектов стал отдаляться от него. Чтобы избежать разрыва между ними, учёный брахман Панини, живший, возможно, в V—IV вв. до н. э., провёл обработку языка поздневедической литературы. Этот язык, в основу которого лёг, по-видимому, диалект района нынешнего Дели, преобладавший в поздней ведической литературе, получил название *санскрита,* т. е. «очищенного» (подразумевается очищение от проникших в него более поздних элементов различных разговорных языков). Работа, проделанная Панини, оказалась столь совершенной по своему научному уровню, что в дальнейшем отклонение от норм грамматики, составленной Панини, рассматривалось как признак вопиющего невежества.

В добуддийский период брахманизм распространялся во вновь возникавших рабовладельческих государствах, принимавших уже сложившуюся в более ранних государствах идеологическую систему. Это приводило к распространению санскрита по всей Индии. Поскольку обучение и образование в древней Индии было в основном богословским, непременным признаком образованности стало знание санскрита.

Между тем разговорные диалекты, ранее близкие санскриту, далеко ушли от него в своём развитии, и он становился всё менее и менее понятен народу. Это тем более относится к племенам, языки которых значительно отличались от языка ведических индийцев. Складывание языков народностей происходило в период формирования племенных конфедераций и государств, ломавших племенные перегородки. Во времена Панини был известен ряд таких языков *(пракритов)* — шаурасени (вероятно, развившийся непосредственно из того диалекта, который был положен в основу санскрита), матсья, махараштри, магадхи и др.

В условиях значительной политической, экономической, этнической и культурной раздроблённости древней Индии санскрит играл важную роль средства общения между самыми различными племенами и народностями. Всякий учёный и писатель вынужден был писать на санскрите, более или менее известном образованным людям во всей Индии, иначе его произведения остались бы достоянием узкого круга его земляков. Таким образом, то, что обычно называется санскритской литературой, является фактически суммой литератур различных народностей древней Индии. Неизученность санскритской литературы с этой точки зрения, при огромной сложности объекта изучения (обычное отсутствие данных об авторе, времени и месте написания того или иного произведения), не даёт пока ещё возможности определить вклад, который внесли в культурную сокровищницу древней Индии отдельные древнеиндийские народности.

Существование санскрита, как важнейшего литературного языка древней (и отчасти средневековой) Индии, способствовало проникновению элементов этого языка, особенно словарного запаса, во все пракриты. Процесс обогащения словарного запаса складывающихся национальных языков за счёт санскрита имеет место до самого последнего времени. Вместе с тем следует отметить, что господство санскрита, как литературного языка, обучение на этом мёртвом языке ставило преграду распространению образования среди широких народных масс, облегчало жречеству удержание за собой привилегированного положения в области культуры.

Буддийские проповедники и вероучители стремились сломить монополию санскрита в умственной жизни. В отличие от жрецов-брахманов они писали свои книги на *пали,* близком к разговорным языкам Восточной Индии (в основу его лёг, вероятно, пракрит магадхи). Но поскольку и буддийская литература была со временем канонизирована, пали постигла участь санскрита: он стал мёртвым языком, языком буддийской литературы, буддийского монашества. Такую роль он играет и в настоящее время в странах Юго-Восточной Азии, где распространён буддизм (Цейлон, Бирма, Таиланд).

В связи с той ролью, которую санскрит и пракриты играли в идеологической жизни страны, языкознание в древней Индии достигло высокой ступени развития. Труды древнеиндийских грамматиков — Панини (V—IV вв. до н. э.), Патанджали (II в. до н. э.), Вараручи (II—III вв. н. э.)—поражают современных учёных глубиной мысли и совершенством методов исследования. Изучение трудов древнеиндийских языковедов в большой мере способствовало развитию сравнительного языкознания в Европе в XIX в.

Литература и изобразительные искусства

В своё время уже говорилось о древнейших литературных памятниках Индии—Ведах, эпосе и т. д. [1] Но письменная литература начинает появляться, вероятно, только во второй половине I тысячелетия до н. э. Своего расцвета санскритская литература достигла в период Гупт. В это время (а может быть, и несколько ранее) были записаны на санскрите в окончательном виде «Махабхарата» и «Рамаяна», записываются древнейшие из трактатов (шастр) по различным отраслям знания, в том числе уже упоминавшиеся ранее «Манавадхармашастра» и «Артхашастра».

Появляются сборники народных рассказов, басен и сказок, в которых нашла свое отражение накопленная веками народная мудрость. Наиболее известными из них являются «Панчатантра» («Пять книг») и «Хитопадеша» («Полезное наставление»). Во многих из этих басен и сказок действующими лицами являются животные, в которых легко узнать людей различного общественного положения. Написаны эти рассказы, басни и сказки прозой, содержащиеся же в них поучения — обычно стихами. В некоторых из них сохранилась сатира на царей, вельмож и брахманов, изображаемых несправедливыми, жадными и лицемерными. Эти сборники уже в период раннего средневековья были известны далеко за пределами Индии и переводились на другие языки.

В древней Индии независимо от других стран возникла высокоразвитая драматургия. Индийская драма развилась из древнейшего вида театрального представления — пантомимы, которая сопровождалась рассказом специального сказителя, объяснявшего то, что показывалось зрителям. Позже текст стали произносить сами актеры. Древнейшие из дошедших до нас драм Бхасы и Ашвагхоши (последний был также и крупнейшим поэтом) относятся к первым векам нашей эры, но несомненно, что у этих авторов были предшественники.

Самым выдающимся из индийских писателей древности был Калидаса (V в. н. э.), прославившийся и как лирический поэт, и как создатель эпических поэм, но особенно как драматург. До нас дошли три его драмы, наиболее совершенной из которых

[1] См. «Всемирная история», т. I, гл. XXV.

Юность Будды.
Фреска из пещеры в Аджанте (штат Хайдерабад), Около 500 г. н. э.

является «Шакунтала». Драмы Калидасы, написанные для придворного театра и рассчитанные на знатоков и ценителей искусства, тем не менее, сохраняли тесную связь с народным творчеством и отличаются относительной простотой и естественностью, стремлением к раскрытию внутреннего мира героев. Драмы не скованы ни обязательным количеством актов, ни требованием единства времени, места и действия; в них имеются элементы трагического и комического, герои говорят прозой и стихами, вводятся танцы и пение; имеются персонажи самые различные— от небожителей до низших слоев общества. Характерной особенностью является то, что боги, цари и знать говорили в драмах на санскрите, другие мужские персонажи и женщины—на различных пракритах. Большого совершенства достигла поэзия; в древней Индии даже многие шастры полностью или частично писались стихами. Образцом лирической поэзии является поэма Калидасы «Мегхадута» («Облаковестник»).

Женская фигура. Деталь фрески из пещеры в Аджанте (штат Хайдерабад). Около 500 г. н. э.

Наряду с санскритской литературой существовала литература и на других языках. Буддийская литература на языке пали огромна по объёму и по значению и включает в себя различные религиозно-философские трактаты, жизнеописания Будды, канонические сочинения. Особенно интересны *джатаки* —многочисленные рассказы о событиях, случившихся с Буддой во времена его земных воплощений, предшествующих возрождению его в виде царевича Сиддхартхи. Во многих случаях эти рассказы являются фольклорным материалом. Сборники джатак древнее «Панчатантры» и «Хитопадеши», с которыми имеют много общего. Они оказали, в частности, немалое влияние на арабский фольклор, что видно на примере сказок «Тысяча и одна ночь».

Наряду с санскритской и палийской литературой в первые века нашей эры появляется литература на: дравидских языках. Древнейшим сё памятником является «Курал» — сборник нравоучительных изречений на тамильском языке; составление его приписывается Тируваллувару — ткачу, принадлежавшему к одной из низших каст.

Количество дошедших до нас литературных памятников (только незначительная часть того, что существовало в действительности), разнообразие жанров, высокий уровень художественного мастерства — всё это позволяет утверждать, что индийская литература этого периода не уступала самым развитым литературам других народов.

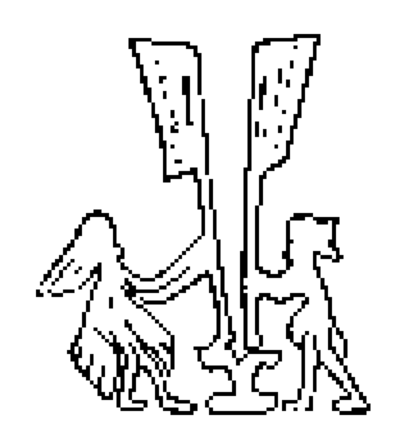
Во многих областях изобразительного искусства древние индийцы достигли значительного совершенства. Были высоко развиты ваяние, художественные ремёсла (производство ювелирных изделий, резьба по камню, кости, дереву и т. д.). Высокохудожественные образцы древнеиндийской фресковой живописи сохранились в пещерных храмах —например в храме Аджанты (штат Хайдерабад), состоящем из пещер; которые высекались в скале между II в. до н. э. и VII в. н. э.

Влияние индийской культуры на соседние страны

Ранее уже упоминалось о значительном влиянии; которое оказала индийская культура на народы Средней Азии и Восточного Ирана. Со времени Кушанской империи значительной индианизации подверглось также тохарское население Восточного Туркестана. Многие города

носили индийские названия. Здесь распространяется индийская письменность; в качестве языка надписей использовался санскрит. Немалую роль сыграло также распространение буддизма.

Ещё более значительным было влияние индийской культуры в Юго-Восточной Азии, где выходцами из Индии основывались колонии. Число переселенцев не было особенно значительным, колонизация нигде не привела к индианизации больших масс местного населения; скорее наоборот, индийцы постепенно растворялись в местном населении. Тем не менее, народы Юго-Восточной Азии получили возможность ознакомиться с достижениями передовой материальной и духовной культуры народов Индии. Во многих государствах Индо-Китая в официальных надписях употреблялся санскрит, заимствованиями из санскрита и пали обогащался словарный запас местных языков. Уже древнейшие храмовые строения (например, храм в Анкоре, в государстве Кхмер, ступа в Барабудуре на острове Ява и др.) обнаруживают очевидное влияние индийской архитектуры. В первые века нашей эры в странах Юго-Восточной Азии распространяется буддизм, что также способствовало упрочению индийского культурного влияния.



ГЛАВА XIX
ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА У НАРОДОВ КОРЕИ, ЯПОНИИ, ИНДОКИТАЯ, ИНДОНЕЗИИ И ЦЕЙЛОНА

В последние века до нашей эры и в первые века нашей эры начинает складываться классовое общество у восточных и южных соседей Китая и Индии — народов Кореи, Японии, Индо-Китая, Индонезии и Цейлона. Этот процесс был результатом внутреннего развития этих народов — появления у них металлических орудий, развития сельского хозяйства, ремесла, появления частной собственности и имущественного неравенства, постепенного разложения родо-племенной организации. Большую роль в ускорении этого процесса сыграло взаимодействие с могущественными империями Китая и Индии.

1. Корея

Древнейшая история Кореи

Древнейшая история Кореи изучена недостаточно. В Корее палеолит до сих пор не представлен более или менее достоверными находками. Неолит Кореи изучен лучше. Памятники его—раковинные кучи — распространены по всему побережью Кореи, но, главным образом, в его западной и южной частях, в климатическом отношении наиболее благоприятных для жизни первобытного человека. Особенно замечательна находка неолитических костяков, близких к северокитайским, в Унги (Юки), в провинции Северный Хамгэн. Древнее население Кореи занималось рыболовством, сбором съедобных ракушек и орехов, охотилось на оленей и диких свиней. Каменные орудия (шлифованные ножи, кинжалы, наконечники стрел) и керамика обнаруживают близость к неолитической культуре Приморья и Японии.

Можно выделить пять основных районов первоначального заселения полуострова: район Пхеньяна, южная часть полуострова Хванхэ, районы Сеула и Пусана

и крайний северо-восток (долина реки Туманган). С III в. до н. э. по III в. н. э. происходит переход к энеолиту, бронзе и раннему железу. К этому времени относятся многочисленные дольмены, тесно связанные с дольменами Ляодуна и отчасти Японии, и курганы. Они распространены главным образом в Центральной Корее и на юге. Население, освоившее уже и внутренние районы страны, знало земледелие (в раковинной куче Кымхэ у Пусана, относящейся к I—II вв. н. э., найдены зёрна риса).

Племенные союзы и образование первых государств

Древняя китайская историография — единственный источник по древнейшему периоду истории Кореи — утверждает, что первое племенное объединение в Корее, возникшее в северной части полуострова и прилегающих частях Южной Маньчжурии, было образовано в конце II тысячелетия до н. э. выходцами из Китая, в большом числе перешедшими в этот район во время междоусобных смут, сопровождавших падение древнего царства Инь и возникновение царства Чжоу. Во главе этого объединения, получившего китайское наименование Чаосянь, в корейском произношении — Чосон, стал один из племенных вождей Инь — Кидза, (Ци Цзы), перешедший в Корею вместе со своей племенной группой.

Дольмен.
I тысячелетие до н. э.

Вскоре китайские переселенцы слились с основным населением этой части полуострова, так что это объединение — если даже и допустить важную роль китайцев в его образовании — было по характеру корейским.

Местное население научилось у китайских переселенцев шелководству и некоторым ремёслам. Из Китая проникли в Корею и некоторые земледельческие культуры (чёрный горох, гаолян, гречиха), а также изделия из бронзы и железа.

В III—II вв. до н. э.— в годы падения в Китае империи Цинь и образования империи Хань — в эти места проникла новая большая волна переселенцев из Китая, среди которых был Ви Ман (Вэй Мань) — один из ванов северного китайского царства Янь. Ви Ман захватил власть в царстве Чосон (начало II в. до н. э.). В 108 г. до н. э. царство Чосон подпало под власть Ханьской империи и из его территории были образованы четыре области. Одна из них — Накран (Лолан) с центром в районе современного Пхеньяна — достигла в первых веках нашей эры высокого культурного уровня. Отсюда китайское влияние проникает на юг Кореи и в Японию.

В Южной Корее уже к IV в. до н. э. складывается несколько племенных объединений: Махан, Чинхан, Пёнхан. Племена Махан уже употребляли металлические орудия, жили оседло в землянках, занимались земледелием и скотоводством (разводили быков, лошадей). Племена Чинхан, среди которых было много китайских переселенцев, знали шелководство, строили небольшие города, добывали железо. Племена Пёнхан по своей культуре были близки к Чинхан. По данным китайских хроник, население этих трёх племенных объединений по языку и обычаям было схоже между собой и более резко отличалось от северокорейских племён.

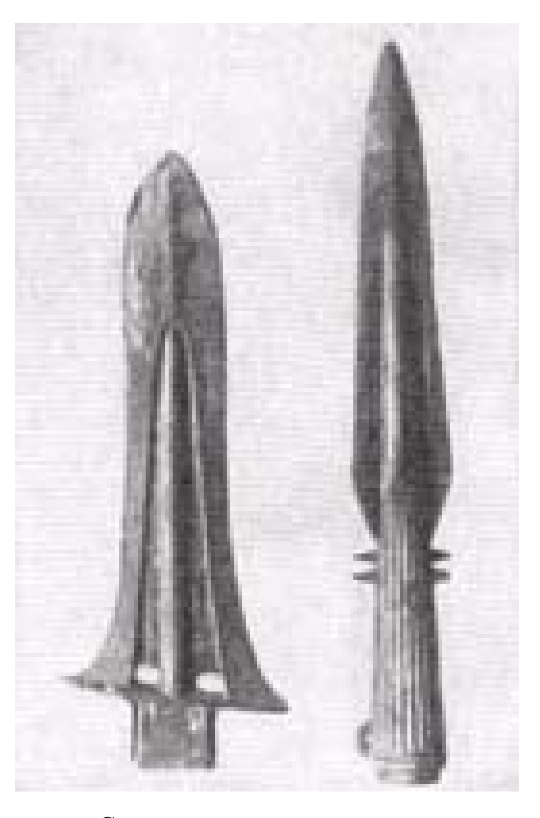
Постоянный приток новых переселенцев из Китая, бежавших, по выражению китайских хроник, от «горькой службы», а также тесные связи с Китаем способствовали быстрому разложению родового строя у племён Кореи и появлению самостоятельных государств. Уже в I в. до н. э. на территории Кореи образовались

три крупных племенных союза. В восточной части полуострова на месте прежних Чинхан и Пёнхан появился племенной союз Силла, в западной части полуострова на мосте Махан — Пэкче, в Северной Корее и Юго-Восточной Маньчжурии — Когурё. Из этих племенных союзов в III—IV вв. выросли государства, сохранившие те же названия. Наиболее сильным из них было Когурё; оно уничтожило китайское владычество не только в самой Корее, но и в Восточной Маньчжурии.

Корейские государства в первые века нашей эры

О социально-экономическом строе этих государств сведений сохранилось мало. Самый факт образования государств говорит о классовом расслоении общества. В источниках есть указания относительно существования частного и государственного рабовладения. Наиболее распространено было обращение в рабство за преступления. Существовало также долговое рабство с правом выкупа. Однако крупной роли в производство рабы не играли; они либо использовались в качестве дворовой челяди, либо служили предметом вывоза в Китай (впрочем, в ограниченных размерах). Корейские хроники сообщают, что когда в 386 г. в Пэкче было предпринято строительство оборонительного вала на северной границе государства, то для этого строительства были привлечены не рабы, а свободные. Очевидно, развитие производства было недостаточным для массового применения труда рабов. Основой экономики оставался труд свободных общинников.

Керамические изделия из Кореи.
III—IV вв. н. э.



Секира и наконечник копья
из Южной Кореи.
I тысячелетие до н. э.

Наиболее развитыми отраслями производства в государстве Силла были скотоводство и горное дело, в Пэкче — поливное и сухое рисосеяние и ремесло. Преимущество Когурё заключалось в его близости к более культурному Китаю, но эта же близость служила источником постоянных столкновений. Между всеми тремя государствами происходили частые междоусобные войны, в которых активное участие принимали правители Китая, использовавшие эти раздоры в своих интересах. Южное побережье Кореи неоднократно подвергалось набегам японских племён, которые большею частью успешно отражались корейскими государствами. Особенно усилились набеги японцев в IV в. н. э., когда им даже удалось захватить небольшой

кусочек на крайнем юге полуострова — часть царства Карак (или Мимана, как называют его японские источники).

Корея в это время достигла сравнительно высокого уровня развития культуры. Материальная культура государства Когурё не уступала культуре соседних китайских областей. Через корейские государства китайская культура проникала в Японию.

2. Япония

Неолит и появление металлов

История Японии начинается с неолита. Мнения отдельных учёных о палеолитическом характере некоторых памятников недостаточно обоснованы (находки в провинции Харима и др.). Видимо, уже в V—IV тысячелетиях до н. э. в Японии существовал неолит. Древнейшими неолитическими памятниками Японии являются раковинные кучи, распространённые, главным образом, по тихоокеанскому побережью. По содержимому этих куч можно заключить, что население занималось по преимуществу собирательством и рыбной ловлей. В них встречаются остатки съедобных раковин и рыб, гарпуны, грузила и рыболовные крючки. В более поздних кучах часто встречаются кости пресноводных рыб, оленей, диких свиней, птиц. Вместе с орудиями охоты (обсидиановые наконечники стрел, шлифованные топоры и кинжалы) и рыбной ловли в этих кучах встречается керамика, изготовленная от руки, богато украшенная типичным для ранней Японии верёвочным орнаментом (дзёмон). Глиняные женские статуэтки указывают на существование матриархата. Население жило посёлками в больших землянках и хоронило трупы тут же в раковинных кучах. Костяки лежат на спине в скорченном положении, они часто обсыпаны красной охрой. Японский неолит характеризуется сравнительно высоким уровнем развития культуры при общих замедленных темпах этого развития на последнем этапе.

Костяные рыболовные крючки, гарпуны и каменные грузила. Неолит.

В более передовых, южных районах в I тысячелетии до н. э. в изобилии появляются характерные для позднего неолита шлифованные орудия, а в погребениях—металлические изделия. Керамика хорошо обожжена, иногда изготовлена на гончарном круге, чаще всего гладкая или с простым орнаментом (тип яёй). Население уже заселило внутренние части островов и было знакомо с земледелием и зачатками скотоводства.

С наступлением эпохи металла намечается имущественная дифференциация, на которую указывают погребения в двойных урнах и богатый погребальный инвен-

тарь (бронзовые зеркала, мечи и кинжалы). Эта дифференциация усиливается в так называемую курганную эпоху (ранний железный век).

Этническая принадлежность древнейшего населения архипелага ещё не окончательно выяснена. В образовании японской народности приняли участие как айны и другие южные племена, так и—позднее—племена монголо-малайского происхождения.

История Японии с I в. до н. э. известна уже по письменным источникам. Самые ранние сведения содержатся в китайских исторических памятниках: в «Истории Старшей династии Хань» и «Истории Младшей династии Хань» сообщаются сведения о Японии I в. до н. э. — II в. н. э., в «Истории Вэй» (Вэйчжи) и «Истории Сун» (Суншу) — сведения о Японии II—V вв. н. э.

Японские хроники «Кодзики» (VIII в. н. э.) и «Нихонги» (VIII в. н. э.) более подробны, нежели китайские, в том, что касается самой Японии, но менее точны. Хронология их весьма запутана и до VI в. н. э. мало достоверна. Кроме того, в них много более поздних наслоений.

Родовой строй и его разложение

В начале нашей эры японские племена заселяли не всю территорию архипелага, а лишь центральную (Ямато) и юго-западную (Идзумо) части острова Хонсю и северную часть острова Кюсю (Цукуси). На севере Хонсю жили айны (эбису), на юге —кумасо (хаято). Японские племена находились на стадии патриархального рода. Род *(удзи)* был хозяйственной единицей. Старейшины родов избирались, и их функции ограничивались руководством сельскохозяйственными работами и некоторыми жреческими обязанностями. Пленные и переселенцы с материка принимались в род и 'становились его полноправными членами. Особенно охотно принимались корейские и китайские переселенцы-ремесленники. Основная масса свободных членов рода занималась сельским хозяйством. Сеяли рис, просо, бобы. Сельскохозяйственные орудия были каменные или деревянные.

Керамика типа «дзёмон» и «яёй» Из раскопок неолитических поселений Японии.

На протяжении II—III вв. увеличение родов, разделение их на большие и малые и расселение отдельных групп в разных местах страны, а также развитие обмена способствовали укреплению межродовых и межплеменных связей. Это вместе с борьбой против окружающих неяпонских племён вызывало тенденцию к более крупным межплеменным объединениям. Процесс объединения осуществлялся не мирным путём, а в ходе ожесточённой межродовой борьбы. Более слабые роды поглощались более сильными. Японские хроники сообщают о подчинении большого количества родов, населявших центральную часть полуострова Хонсю, наиболее сильной группе родов — Ямато. Такие же племенные объединения возникают в Цукуси.

Значительные изменения произошли и внутри рода. В хозяйственной жизни основной единицей становится община — *мура,* представляющая собой объедине-

ние нескольких кровнородственных групп в 15— 30 человек каждая. Постепенно эти кровнородственные группы выделяются из состава «мура» в особые семейные общины.

Иной характер приобрели войны между племенами: побеждённые стали облагаться данью, пленные обращаться в рабов. Рабы или использовались внутри семейной общины, или вывозились в соседние страны. «История Младшей династии Хань» сообщает, например, об отправке в 107 г н. э. из Японии в Китай 160 рабов. В обстановке постоянных войн росло значение военачальников, общеплеменного вождя («царя») и старейшин наиболее крупных родов Большая часть военной добычи и пленных попадала в их руки. В то же время непрерывные войны тяжело отражались на положении рядовых членов рода и наносили значительный ущерб хозяйству Разложение родо-племенной организации сопровождалось дальнейшими изменениями в социально-экономическом строе Наряду с рабами, преимущественно использовавшимися в качестве домашних слуг, появляется новая категория несвободных — *бэ.* Они были первоначально простыми данниками рода-победителя, позднее в бэ превращают китайских и корейских переселенцев, покоренных родами. Несмотря на своё островное положение, Япония постоянно испытывала влияние более высокой китайской и корейской культуры. Прослеживаемое по историческим памятникам начало сношений Японии с Китаем относится к I в. до н. э., а в III в. н. э. Япония и Китай время от времени обмениваются посольствами. Эти связи Японии с Китаем, а особенно с Кореей, имели большое положительное значение для исторического развития Японии в данный период.

Женская глиняная статуэтка.
Из раскопок неолитических поселений Японии.

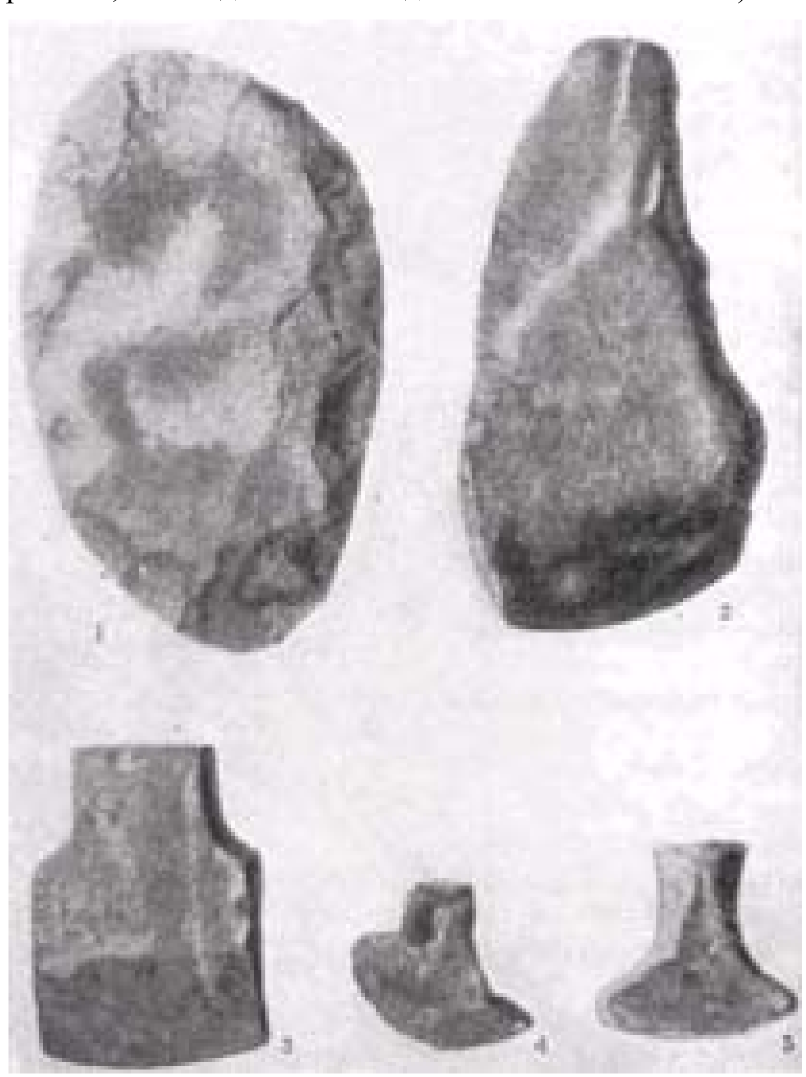
3. Индо-Китай

На Индокитайском полуострове, начиная с палеолита, непрерывно шёл интенсивный процесс развития человеческого общества.

До II тысячелетия до н. э. полуостров был заселён почти исключительно племенами бродячих охотников и собирателей, не знавших земледелия и домашних животных.

В период развитого неолита (II тысячелетие до н. э.) Индо-Китай был одним из основных районов расселения племён, говорящих на аустроазиатических языках. Эти неолитические племена (материальная культура которых распространена от Чхота-Нагпура в Индии до Юго-Восточного Китая и дальше по островам до Японии и Чукотки) заселяли на территории Индо-Китая речные долины и низменные районы вдоль морских берегов и внутри страны. Они жили уже полуоседло, занимались охотой, рыболовством и мотыжным земледелием при подсечно-переложной системе, возделывали рис и просо. Для материальной культуры этих племён характерны керамика со штампованным орнаментом и плечиковый полированный топор.

В первой половине I тысячелетия до н. э.(X—V вв.) в наиболее плодородных районах (долинах и дельтах рек Иравади, Менама, Меконга, Красной реки, в районе озера Тонле-Сап) эти племена переходят к поливному земледелию (вначале используя затопление полей при разливе, впоследствии — создавая каналы и плотины).



Каменные и бронзовые орудия (Индо-Китай):
1) мезолитическое ручное рубило; 2) ранненеолитический топор со шлифованным лезвием; 3) плечиковый плоский топор; 4) «башмаковидный» бронзовый втульчатый топор; 5) широколезвийный втульчатый топор.

Во II — начале I тысячелетия до н. э. на территории Восточного Индо-Китая появляются племена протоиндонезийской группы. Часть из них осела в долине Красной реки (Сонг-Коя) и смешалась с местными аустроазиатическими племенами, а часть распространилась вдоль берега моря до дельты Меконга, не заняв её.

С начала I тысячелетия до н. э. население Индокитайского полуострова начинает применять металлические (бронзовые) орудия и оружие.

По археологическим и отчасти этнографическим данным можно выяснить некоторые элементы материальной и духовной культуры племён, населявших в этот период территорию Индо-Китая. Важнейшей отраслью хозяйства этих племён было поливное и подсечно-переложное мотыжное земледелие, некоторую роль всё ещё играли охота, рыболовство. Наряду с бронзовыми продолжали применять каменные орудия и оружие. Грубая глиняная посуда уже изготовлялась на примитивном гончарном круге. Население жило родовыми поселениями в бамбуковых домах с террасой и двускатной крышей, с поднятым полом. Основной хозяйственной и политической единицей была патриархальная родовая община. Из среды общинников уже заметно выделяются военные вожди *(лак тыонги).*

Эпоха развитой бронзы (V—I вв. до н. э.) приблизительно совпадает по времени с последним крупным (VII—I вв. до н. э.) движением этнических групп на территории Индо-Китая. Это было движение племён тибето-бирманской группы с Северо-Запада и племён группы таи и протовьетнамцев с Севера и Северо-Востока. Есть основание предполагать, что племена обеих групп находились к моменту своего переселения на стадии разложения первобытнообщинного строя и зарождения классовых отношений. На той же стадии находилось и коренное население наиболее разви-

тых районов полуострова, смешавшееся с пришельцами в Северо-Западном и Северо-Восточном Индо-Китае.

Слияние переселенцев с местными племенами привело к развитию в Северо-Восточном Индо-Китае (на территории современного Бакбо) самостоятельной культуры эпохи бронзы, известной под названием культуры Доунг Шон, для которой

Изображение на бронзовом барабане эпохи Доунг Шон (VI—I вв. до н. э.) в Северо-Восточном Индо-Китае.

характерны бронзовые барабаны, особой формы топоры и кинжалы, особая одежда и головные уборы, свой тип лодок. Носительницей этой культуры была сложившаяся в результате смешения племён жзяо-ти (из Юго-Восточного Китая) с местным аустроазиатическим населением этническая группа лаквьет, которую вьетнамские исследователи считают непосредственными предками вьетнамцев.

Начиная с VI в. до н. э. помимо археологических данных мы располагаем письменными сообщениями как местных (в средневековой записи), так и китайских и индийских летописей. Но необходимо отметить, что для VI—I вв. до н. э., особенно для VI—III вв. до н. э., письменные данные отрывочны и часто легендарны.

Возникновение рабовладельческих государств в Северо-Восточном Индо-Китае

Наиболее раннее упоминание о племенах, населявших территорию Бакбо, встречается в китайских летописях и относится к VII—VI вв. до н. э. Там сообщается, что в Чжоуский Китай прибыли послы из этого района, с почётом были приняты при дворе и отправились на родину с богатыми подарками.

В IV—III вв. до н. э., по данным письменных источников, на территории Бакбо сложился племенной союз лаквьетов, известный под названием Ван Ланг. Лаквьеты в это время занимались мотыжным земледелием, знали искусственное орошение, у них на довольно высоком уровне находились ремёсла, особенно обработка металла. Этот вид ремесла уже отделился от сельского хозяйства. У власти в Ван Ланге стояли *выонги* из «династии» Хаунг-выонг. Термин «выонг» (соответствует китайскому ван) означал вначале главу племенного союза, но по мере развития рабовладельческих отношений выонги превращались в правителей с неограниченной властью. Выонги лаквьетов вели войны с южнокитайскими государствами.

В 258 г. до н. э. в процессе объединения лаквьетских племён племенной союз Ван Ланг входит в состав раннерабовладельческого государства Ау Лак, занимавшего дельту и среднее течение Красной реки и районы, прилегающие к этой реке с юга. Власть в государстве захватывает местная династия Тхук.

У лаквьетов в этот период делает успехи земледелие, появляется плуг. Дальнейшее развитие получают ремёсла, складываются городские центры. Столица Ау Лак —

город Ко Лоа — имела правильную планировку и массивные укрепления. Городские здания, выстроенные в местном стиле, сооружались из сырцового кирпича. В лаквьетском обществе появляются рабы, но рабство в Ау Лак, как и во всей Юго-Восточной Азии, не стало господствующей формой хозяйства, и основную массу прибавочного продукта давала эксплуатация свободных общинников. К этому времени (III в. до н. э.) относятся наиболее древние вещи китайского происхождения, найденные во Вьетнаме, что свидетельствует о культурных связях Ау Лак с циньским Китаем.

В конце III в. до н. э. Цинь Ши хуанди организует два похода на юг. В упорной борьбе, только после второго похода, китайцам удалось разбить армию Ау Лак и постепенно подчинить районы нижнего и среднего течения Красной реки (к 207 г. до н. э.). С падением Циньской династии на юге Китая образуется самостоятельное государство Наньюэ (Намвьет), включившее в себя и северо-восточную часть Индокитайского полуострова. Ау Лак вошло в его состав и на протяжении почти столетия (с 207 по 111 г.) признавало верховную власть южно-китайской династии, известной здесь как династия Чиеу. В управлении страной была введена китайская система, но в остальном китайское влияние было незначительным. Армия сохраняет старую организацию, состоит из отрядов пехотинцев, вооружённых копьями и боевыми топорами, и отрядов лучников. Флот состоял из боевых галер.

Ханьская керамика, найденная во Вьетнаме.
I в. до н. э. — I в. н. э.

Во II в. до н. э. лаквьеты осваивают новые земельные площади, заселяют южные районы Бакбо. Расцветает искусство (художественное литьё, резьба по камню и металлу, изготовление музыкальных инструментов и предметов ритуала), появляются новые городские центры (Винь и др.), укрепляются связи с Китаем, прежде всего с Южным, намечаются первые связи с Индией.

Китайское завоевание Намвьета

В 20-х годах II в. до н. э. Намвьет подвергается нападению со стороны китайских императоров. Три следующие одна за другой кровопролитные кампании приводят к присоединению Намвьета к ханьскому Китаю, южная часть которого, населённая лаквьетами, известна с тех пор под названием «провинция Жзяо» (в китайских источниках—Цзяо-чжи).

В течение I в. до н. э. китайское господство в стране сказывается слабо, местная культура достигает в это время наивысшего расцвета. Осваивается производство стекла, появляются первые железные орудия и оружие, происходит дальнейшее развитие ремесла и сельского хозяйства.

Но в начале I в. н. э. намечается усиление китайского влияния как в культуре так и в экономике и политической жизни провинции Жзяо. Были введены новые налоги, китайская администрация стала вмешиваться во внутреннюю политику мест-

ных крупных рабовладельческих родов, пытаясь сосредоточить всю власть в руках китайских чиновников. Начинается поселение в дельте Сонг-Коя (на лучших землях) китайских переселенцев. Назначенный Ван Маном новый наместник провинции Жзяо ограничивал местное лаквьетское самоуправление, казнил наиболее активных противников китайской политики.

Всё это вызвало народное восстание против китайского господства, возглавленное недовольной иноземным господством лаквьетской верхушкой господствующего класса. Это восстание вошло в историю под названием «Восстание двух сестёр Чынг» (40—43 гг. н. э.), так как, по преданию, его начали жена одного из казнённых наместником крупных рабовладельцев и её сестра. Восстание распространилось на всю провинцию Жзяо, китайские гарнизоны и администрация были перебиты. Две карательные экспедиции были разбиты, и только знаменитый полководец Ма Юань после длительной подготовки смог в двухлетней борьбе подавить восстание (42—43 гг. н. э.). В ходе подавления восстания многие районы дельты были опустошены, население покидало города и деревни и уходило в предгорья. После подавления восстания китайское влияние прочно укрепляется на территории современной провинции Бакбо. В дельте и к югу от неё появляются китайские переселенцы, китайские вещи становятся обычной деталью обихода лаквьетов, господствующие классы начинают употреблять китайские иероглифы. К этому же времени относится и проникновение сюда буддизма.

Эпоха Младшей династии Хань и последующие два века для провинции Жзяо — время дальнейшего усиления эксплуатации общинников, введения китайской налоговой системы, укрепления китайской администрации, создания на юге укреплённой полосы. Усиление эксплуатации сталкивалось с упорным сопротивлением народных масс, крупнейшими проявлениями которого были восстания II—III вв. и конца IV в., подавленные только с помощью войск из центральных областей Китая.

С середины I в. и до V в. политическая и экономическая жизнь провинции Жзяо тесно связана с процессами, происходящими в Китае. Эта тесная связь, а также ряд явлений в экономической и политической жизни страны позволяют предполагать, что во II—IV вв. н. э. в провинции Жзяо происходит переход к новым, феодальным формам эксплуатации.

Шаны. Таи. Лао

К юго-западу от государства Ау Лак, на территории современного Лаоса, в III—I вв. до н. э. распространяется мегалитическая культура раннего железного века, может быть, связанная с проникновением в этот район племён группы таи. К началу нашей эры там складывается государственное образование или, скорее, союз племён лао, относящихся к той же группе таи и подвергшихся впоследствии индийскому культурному влиянию.

В Центральном Индо-Китае в первые века нашей эры продолжается переселение к югу племён таи и шанов. Сложение государства у этих народов относится к более позднему периоду.

Бирманцы в Западном Индо-Китае

Начав своё движение из Южного Тибета в Северо-Западный Индо-Китай приблизительно на грани II—I тысячелетий до н. э., племена тибето-бирманской группы к первым векам уже занимали Северную и Центральную Бирму, частично ассимилировав, а частично оттеснив местные мон-кхмерские племена.

Наиболее развитой группой были равнинные племена, создавшие на базе бронзовой, а затем железной техники довольно высокую самостоятельную культуру на Верхней и Средней Иравади. К началу нашей эры на Средней Иравади возникает государство или, скорее, племенной союз Проме, со столицей того же названия, где до этого существовала небольшая индийская колония. Основной формой социальной организации бирманцев была община; рабовладение, развитое в ничтожных размерах, носило патриархальный характер.

В конце I — начале II в. происходит окончательное оформление государства Проме. Под индийским влиянием формируются религия, письменность, архитектура.

Правители Проме вели активную борьбу с монским государством Пегу на Нижней Иравади, но на протяжении II—IV вв. эта борьба не изменила соотношения сил в Западном Индо-Китае.

Мон-кхмерские государства Южного Индо-Китая

На южном побережье Индо-Китая, в нижнем течении крупных рек к началу нашей эры у аустроазиатических народов мон-кхмерской группы складывается ряд раннерабовладельческих государств. Наиболее западным было сложившееся в дельте Иравади государство Пегу, возникновение которого относится к первым векам до нашей эры. Индийские летописи называют его Раманья-Деша. Население Пегу составляли племена монов, издавна занимавшихся земледелием в долинах нижнего течения Иравади. Сложению государства способствовали приток индийских переселенцев из Юго-Восточной Индии и тесные торговые и культурные связи с Индией. В первые века нашей эры — период наибольшего развития рабовладельческих отношений — на Нижней Иравади и Тенассеримском побережье возникает ряд индийских поселений. Индийское влияние стало преобладающим. Исследование одного из портов монского государства обнаружило предметы китайского, иранского и римского производства, что свидетельствует о широких торговых связях государства Пегу.

Со второй четверти I тысячелетия н. э. в Западном Индо-Китае разгорается борьба между северными и южными районами, осложнённая вмешательством восточно-индийских государств. Результатом этой борьбы было перемещение некоторых групп монов в Северную Малакку и в дельту Менама и возникновение здесь государства Дваравати.

В этот бурный период и произошла, по всей вероятности, смена рабовладельческих форм эксплуатации феодальными.

Первые упоминания о мон-кхмерском государстве Дваравати в дельте Менама относятся к IV в. н. э. По сведениям индийских и кхмерских хроник, основным занятием населения этой страны было поливное земледелие. Дваравати поддерживало тесные связи с Индией, что отразилось на культуре и религии его населения. Политически Дваравати находилось под сильным влиянием кхмерских государств Юго-Восточного Индо-Китая и впоследствии вошло в состав Срок-Кхмер.

Фунань

Одним из самых ранних государств народов мон-кхмерской группы было государство, известное китайским летописцам под именем Фунань, занимавшее болотистые равнины дельты Меконга и побережье реки вверх по её течению, приблизительно до современного Кратие. На протяжении веков эта территория то расширялась, то сужалась, но всегда находилась в пределах современного Южного Кхмера (Камбоджа) и Западного Намбо (прежнее название— Кохинхина).

Фунань населяли племена кхмеров. По описанию китайских хроник, это были невысокие, темнокожие, курчавоволосые люди, носившие повязки типа саронга. Основное занятие фунаньцев — поливное мотыжное земледелие и рыболовство на многочисленных протоках Меконга. Важнейшая культура — рис. Жили фунаньцы в небольших деревнях, однако известны и городские центры Фунани. Дома, зачастую очень крупные, строились из камня, латерита и сырцового кирпича. По своей структуре Фунань представляла собой раннерабовладельческое государство, где основными производителями были крестьяне-общинники.

Наиболее раннее письменное упоминание о Фунани относится ко II в. н. э., но ряд данных позволяет отнести возникновение этого государства к I в. н. э. В истории Фунани можно наметить два периода. В I — начале III в. н. э. основную роль в Фунани играли местные кхмерские элементы, а индийское влияние было незначительным. Государством правила местная династия, имя которой не сохранилось.

Внешнеполитической активности Фунань в это время не проявляла. Археологический материал позволяет проследить торговые связи Фунани с Индией, Китаем, Ираном и Римом.

III—IV вв. н. э.— период расцвета экономики и культуры Фунани. Строится новая столица Вьядхапура (близ современного Анкор Бореи). Заметно усиливается влияние Индии, вводится индийская система летосчисления, индийская титулатура, на базе южно-индийских алфавитов создаётся местная письменность. Вместе с том устанавливаются политические и торговые связи с Китаем. Возникшая в это время новая династия, основанная, по преданию, индийским брахманом Каундиньей, ведёт активную внешнюю политику, приведшую к расширению Фунани к северу.

К V в. н. э. Фунань слабеет. Причины этого ослабления источники не раскрывают. При неясных обстоятельствах с V в. н. э. для обозначения территорий, ранее называвшихся Фунань, начинает применяться название Ченла Воды, а с VI в. н. э. оно сливается с Ченла Земли (район озера Тонле-Сап и к востоку от него) и образует единое государство Срок-Кхмер (самоназвание кхмеров).

Тьямпа

К началу нашей эры относится возникновение ещё одного крупного рабовладельческого государства — Тьямпы (Чампа).

Наиболее раннее упоминание об этом государстве относится ко II в. н. э., когда там существовало индианизированное государство Кантхара, но археологические данные позволяют отнести создание здесь государственных объединений к I в. н. э.

К этому времени у племён протоиндонезийской группы тьямов, обитавших в Южном Чунгбо (Южный Аннам) и Северном Намбо (Северная Кохинхина), складывается классовое общество. В то же время на побережье происходят высадки небольших групп индийцев и индонезийцев, и это, как и значительное влияние кхмеров, наложило на культурную и политическую жизнь тьямов своеобразный отпечаток.

К I в. н. э. тьямы переходят к широкому применению железа. В плодородных густонаселённых речных долинах, на искусственно орошаемых полях возделывались рис и другие культуры.

Основную массу производителей в Тьямпе составляли общинники. Господствующие классы были разделены на брахманов и кшатриев, но резкого, как в Индии, различия между кастами не было. Брахманизм был господствующей религией, и его влияние всё более усиливалось. Уже в самом начале истории Тьямпы появляется храмовое землевладение.

Будучи приморским государством и имея сильный флот, Тьямпа находилась в теснейших связях с Индией и Индонезией, откуда были заимствованы многие элементы тьямской цивилизации: письменность (санскрит — официальный язык), индийские титулы, индианизированные названия городов, индийский стиль в архитектуре, брахманизм (культ Шивы) и др. В то же время Тьямпа имела тесные торговые связи с Китаем и, в частности, с китайскими владениями в Северо-Восточном Индо-Китае.

Во время правления местной династии Шри Мара (II—III вв. н. э.) Тьямпа ведёт активные завоевательные войны в Северном Чунгбо, где в то время не было твёрдой китайской или лаквьетской власти. Населённый в основном племенами, стоявшими на относительно низком уровне развития, этот район надолго становится ареной тьямо-китайских военных столкновений.

Длительные войны с китайцами (знавшими Тьямпу под именем Линьи) истощили Тьямпу и привели к тому, что китайские армии в середине III в. прошли с огнём и мечом по всей стране, разрушили столицу и забрали огромную добычу. После ухода китайцев к власти пришла новая династия — Гангараджа, центром страны стал район Пандуранга. С конца III в. начинается процесс феодализации тьямского общества.

4. Индонезия

Древнейшее население Индонезии

Древнейшая история Индонезии во многом ещё неясна. Изучение её осложняется тем, что самые ранние из местных письменных памятников восходят лишь к V в. н. э., а от предыдущего периода имеются либо народные предания, либо сообщения иноземных авторов, либо антропологические и археологические данные.

Индонезия была одним из районов, в которых протекал антропогенез. Об этом свидетельствуют находки на острове Ява тринильского, моджокертского и сангиранского питекантропов и нгандонгского неандертальца. Довольно богато представлен в Индонезии палеолит и нижний неолит.

В IV—III тысячелетиях до н. э. происходит переселение в Индонезию племён Юго-Восточной Азии, получивших в науке название протоиндонезийских. Через Суматру, Малакку и Яву индонезийцы двигались далее на восток, занимая территории вдоль побережий и оттесняя коренное население в центральные горные районы. Поставленные в неблагоприятные естественные условия, первоначальные обитатели Индонезии развивались медленно и в течение всего периода древней истории пребывали на стадии первобытно-общинного строя. Они были охотниками-собирателями; земледелие существовало у них, по-видимому, лишь в самой примитивной форме.

Хозяйство и общественный строй индонезийцев

Гораздо более высокого уровня развития достигли к началу нашей эры индонезийцы. Во II—I вв. до н. э. они начинают применять бронзовые орудия, что ускорило развитие земледелия и ремесла. Основой их хозяйства было мотыжное земледелие, сначала подсечно-огневое, а затем поливное. Культивировались рис и просо, трубчатые корнеплоды (ямс, батат). Широко использовались естественные богатства тропических лесов, особенно кокосовая пальма, арековая, из семян которой делают бетель, и аренговая, шедшая на изготовление хлебного саго. Разводили индонезийцы кур и свиней, из других домашних животных им с древнейших времён была известна собака.

Каменная зернотерка с острова Ява.
Неолит.

Наряду с земледелием важное значение имело рыболовство. В процессе расселения по островам огромных водных пространств Индийского и западной части Тихого океанов индонезийцы усовершенствовали свою знаменитую лодку — каноэ с противовесами, нередко снабжённую парусами. На таких лодках, не боящихся штормов, индонезийские моряки, рыбаки и торговцы избороздили все окрестные моря и рано стали торговать с соседними странами. Предметом вывоза служили поделки из дерева и полудрагоценных камней, покрытые, судя по археологическим находкам, необыкновенно искусной резьбой, а также местное сырьё (ценные породы деревьев, пряности, позднее — металлы). На старинных настенных рисунках изображались небольшие свайные посёлки, стилизованные очертания сумпитана (духового стрело-

мета). Наконец, встречаются датируемые первыми веками до н. э. бронзовые изделия, что говорит о значительном росте производительных сил.

Для тогдашнего индонезийского общества были характерны пережитки матриархата. Легенды сохраняют следы матрилинейной системы родства. Идеология также была ещё довольно примитивной, господствовал анимизм и культ предков. К рассматриваемому периоду относятся мегалитические памятники Южной Суматры. На плато Пасемах находят многочисленные менгиры и каменные изображения людей и животных.

Бронзовый век Индонезии.
1—2. Бронзовые мотыги с островов Бали и Целебес.
3—6. Бронзовые топоры и секиры из Новой Гвинеи, с островов Целебес, Ява, Роти. 7. Часть секиры с орнаментом с острова Роти

Основной областью расселения индонезийцев была территория, охватывавшая Суматру, Яву и Малакку, носившая в древности название Явака. Отсюда индонезийцы распространились по всему архипелагу, образовав Великую Нусантару, как именовали они сами индонезийский островной мир.

Широкую известность получают рудные богатства Яваки: золото, серебро, олово. Драгоценные металлы Индонезии имеют хождение по всему Востоку, вплоть до Средиземноморья. Одна из редакций индийской поэмы «Рамаяна» говорит о Яваке, как о стране золота с семью царствами, которые граничат с горами Холодными, переходящими на краю света в небо. Слухи о далёкой Явадвипе и её богатствах дошли даже до Рима. О ней упоминает Птолемей в своей «Географии». Античные авторы начала нашей эры называют Малакку «Золотым полуостровом» (Херсонесос Хрисэ) и указывают, что южнее лежит местность с «серебряным городом» (Аргирэ).

Наиболее передовой и экономически развитой из всех областей Индонезии была Западная Суматра, где жило племя пинангкабу («начальные люди», позднейшие минангкабау). Пинангкабу начали использовать буйвола, умели приручать и заставлять работать диких слонов, рано освоили выплавку бронзы, а в первые века нашей эры— производство железа.

На рубеже нашей эры в индонезийском обществе уже существовало рабство. Главным источником развития рабства было порабощение военнопленных, рабов поставляли также пираты. Начиная со II в. н. э. индокитайские и китайские источники сообщают о беспрестанных набегах индонезийцев на южное побережье Азии, об уводе ими в плен большого количества населения. На этой основе расцветает работорговля. Появление рабства и усиление классового расслоения общества

ускоряет процесс образования государства. Отдельные племенные вожди Яваки постепенно превращаются в царей. Племена во внутренних частях островов попадают в зависимость от индонезийцев и платят их правителям дань. Немалую роль в процессе формирования государств Индонезии сыграла иммиграция индийцев.

Индийская иммиграция и возникновение индонезийских государств

Уже за несколько веков до нашей эры в Яваку проникают первые индийские моряки и торговцы, прибывшие с Коромандельского берега (Юго-Восточная Индия). Затем колонизационный поток расширяется. Индийцы оседают в Северной Яваке, названной ими Самудра («Морская страна»), отсюда они продвигаются далее на юго-восток. В местное общество проникают индийские обычаи, религия и культура, к которой особенно быстро приобщаются высшие слои индонезийской знати. В наиболее тесных связях с Индией находилась Восточная Суматра.

Индийская иммиграция, последовательно захватывавшая идущие к востоку острова, длилась почти беспрерывно по VI в. н. э. В I—III вв. н. э. складываются индианизированные государства на Суварнадвипе («Золотом острове»), т. е. в Малакке, Явадвипе («Просяном острове»), т. е. на Суматре. В IV в. в северо-западных областях Явы сложилось государство Тарума. Одна из надписей сообщает, что в 415 г. местный царь Пурнаварман строил ирригационные сооружения. Тогда же возникает государство на Южном Борнео. В Индонезии в это время под индийским влиянием появляется деление общества на варны, но здесь оно не получает значительного развития. К концу периода древней истории граница индийского влияния достигла острова Целебес. Следы этого влияния хорошо заметны в пределах Больших и Малых Зондских островов: язык надписей V—VI вв. — смешанный, санскрито-малайский, алфавит — древнепаллавский, местные святилища построены в стиле индийских храмов с уступчатым перекрытием.

Не все области Индонезии развивались одинаково быстро. В Восточной Индонезии, лежавшей вдали от главных центров древней цивилизации, сохранились значительно более примитивные общественные отношения. Западная Индонезия, тесно связанная с другими южно-азиатскими странами, шла впереди.

Её экономическим центром был город в проливе Банка, стоявший на месте современного Палембанга. Здесь сходились главные торговые пути. Один из них шёл через моря Бали и Флорес к Молуккам, другой по Малаккскому проливу и Андаманскому морю — в Индию, третий огибал острова Анамбас и шёл вдоль восточного побережья Индо-Китая в Китай. Из Китая сюда текли два потока грузов: для Индонезии и для западных стран. В Яваке, судя по археологическим находкам, сбывались китайские керамические изделия, а также шёлковые ткани. Буддийские миссионеры сообщают, что рядовые индонезийцы одеваются в платье из пёстрой бумажной ткани местного производства, знать же носит шёлковые одежды. Основная масса вывозившегося из Китая шёлка, сначала в виде тканей, а затем в виде сырца, шла через Суварнадвипу на Средний и Ближний Восток. Путь от Индии до Яваки был хорошо известен западным купцам, ежегодно приплывавшим сюда с попутными муссонами. Птолемей указывает точную длину этого пути в греческих стадиях.

Индонезийцы были не только торговыми посредниками. Из Индонезии вывозились в большом количестве пряности, особенно перец и гвоздика. Постоянный характер носили связи между Явакой и восточным побережьем Южной Индии. Местные товары достигали и более отдалённых районов, например Средней Азии.

В эти же века происходит переселение части индонезийцев на Мадагаскар и формирование там близкой к малайцам по происхождению, языку и культуре мальгашской народности.

5. Цейлон

Сведения о древнейшей истории Цейлона

На протяжении всей своей истории Цейлон был тесно связан с Индией.

Древнейшие упоминания о Цейлоне имеются в древнеиндийском эпосе, где Цейлон именуется Ланкой («Островом»). Основным сюжетом «Рамаяны» является поход Рамы, царевича Айодхьи, на Ланку, царь которой Равана похитил у него его жену Ситу. Рама с помощью войска, состоящего из обезьян и медведей, вторгается на Ланку, в личном единоборстве убивает Равану и освобождает Ситу. Этот эпизод из «Рамаяны», видимо, не имеет исторической основы, а является лишь литературной обработкой сказочного сюжета. В Северной Индии в этот период о Цейлоне имели самое смутное представление. Считалось, что он находится где-то на краю земли, населён демонами — ракшасами. При этом, естественно, материальные и общественные условия жизни на Цейлоне в «Рамаяне» изображались сходными с теми, которые существовали в самой Северной Индии (наличие государства, развитой городской жизни, сходных религиозных верований и т. д.). Данные археологии и цейлонских исторических преданий не подтверждают известий «Рамаяны», которые поэтому не могут считаться достоверными.

По-видимому, ещё около середины I тысячелетия до н. э. население Цейлона значительно отставало от населения Индии. По уровню развития материальной культуры оно находилось на стадии каменного века, по уровню развития общественно-экономических отношений — на стадии первобытно-общинного строя.

Индийская иммиграция. Древнейшие государства

Исторические предания рассказывают, что в V в. до н. э. на Цейлон прибыло морем значительное количество переселенцев из Северной Индии. Переселенцы утвердились на острове, и их вождь Виджая стал первым царём (483—445 гг. до н. э.). Род (или племя), к которому он принадлежал, назывался синхала. Этим именем затем стал называться остров, а также основное его население (современные сингалы). Тот факт, что язык древних синхала был родствен индоевропейским языкам, а не дравидийским, подтверждает, что в основе этого предания, возможно, лежат какие-то исторические события подобного рода. Синхалам, стоявшим на более высокой ступени развития, чем местное население, удалось захватить самые удобные земли на севере и юге острова, отчасти ассимилировать местное население, отчасти истребить его или оттеснить в самые глухие лесные и горные районы. Остатком древнейших обитателей Цейлона являются современные племена ведда.

Политическая история Цейлона во второй половине I тысячелетия до н. э. почти неизвестна. Данные цейлонских хроник («Дипаванша», составленная около IV в. н. э., и «Махаванша» —около V в. н. э.) весьма сбивчивы и малодостоверны. К III в. до н. э. на Цейлоне существовали два наиболее значительных государства — Пихити (со столицей Анурадхапура) на севере и Рухуна (со столицей Магама) на юге. Западная, равнинная часть острова, ныне экономически наиболее развитая и густо населённая, в то время была покрыта джунглями.

Распространение на Цейлоне буддизма

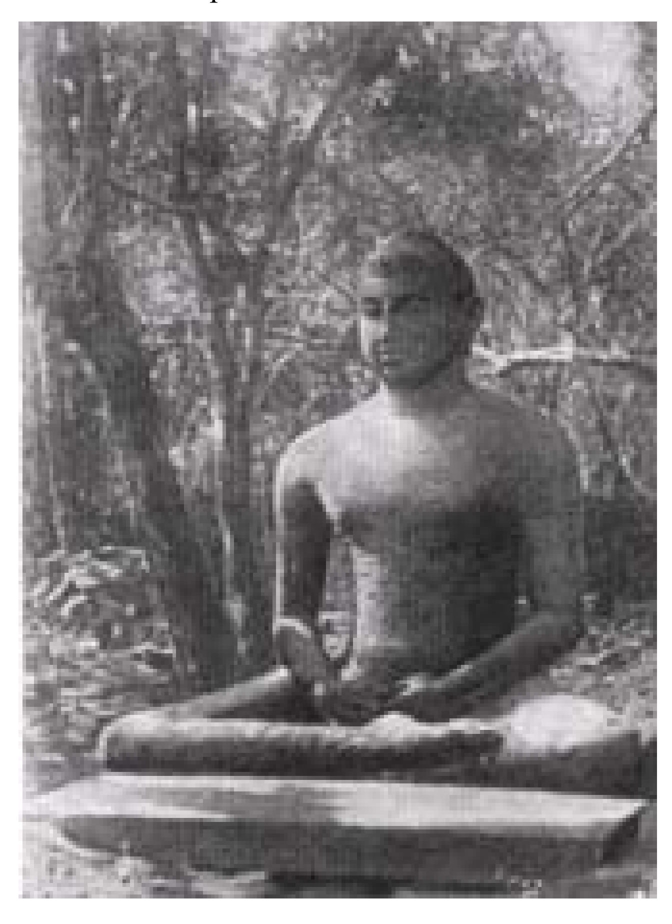
К III в. до н. э. экономические и культурные связи Цейлона с Индией укрепляются, уровень развития населения Цейлона приближается к индийскому. Это подтверждается, в частности, быстрым распространением в этот период буддизма. Появление на Цейлоне буддизма связывается с деятельностью миссии буддийских монахов во главе с Махендрой, братом Ашоки. Рабовладельческая знать Цейлона сама приняла буддизм и охотно способствовала его распространению.

Буддийские монахи принесли с собой письменность брахми, из которой развилась современная сингальская письменность. Они же записали в I в. н. э. на языке пали буддийские канонические трактаты («Типитака»), передававшиеся до того

изустно. Множество слов из этого языка, которым до сих пор пользуется буддийское монашество на Цейлоне, проникло в сингальский язык, а буддийская литература (особенно джатаки) оказала большое влияние на литературу народов Цейлона. Развитие архитектуры, изобразительных искусств и т. д. также происходило под сильным влиянием буддизма.

Цейлон во II в. до н. э.— IV в. н. э.

Северная часть Цейлона неоднократно подвергалась вторжениям из Южной Индии. Крупнейшее из них произошло в середине II в. до н. э., когда тамилы из Чола захватили Анурадхапуру, а на престоле Пихити воцарился тамил Елара. Но царь Рухуны Дутугамуну (101 —77) изгнал тамилов и на время распространил свою власть на весь Цейлон. Около 29 г. до н. э. произошло нашествие тамилов из государства Пандья. Они были изгнаны только 14 лет спустя. Вследствие укрепления в дальнейшем государственной власти и упрочения внутреннего положения Цейлон более четырёх с половиной веков не подвергался крупным нашествиям из Индии. Отдельные нападения носили характер грабительских набегов. Цейлонцы сами также предпринимали набеги на Южную Индию, грабя побережье и приводя оттуда рабов.



Каменная статуя Будды из Анурадхапуры (Цейлон).
III — IV вв. н. э.

Основным занятием населения было земледелие. В первые века нашей эры на севере и юге Цейлона была сооружена весьма развитая система искусственного орошения. О высоком уровне инженерного искусства древних цейлонцев свидетельствует то, что многие водохранилища и каналы (например, водохранилище Миннерия с водным зеркалом в 18 *кв. км*) используются и в настоящее время.

Значительного развития на Цейлоне достигли горное дело, добыча жемчуга и ремесло. Ещё в первые века нашей эры в Индию, а через Индию в Европу вывозились с Цейлона жемчуг, бериллы, сапфиры, хлопчатобумажные ткани и изделия из черепаховой кости. В значительных количествах добывалось золото. Внутренняя торговля едва ли была развитой, так как собственной монеты, по-видимому, не существовало.

Основой экономической и общественной структуры, как и в древней Индии, была община с очень широкими автономными правами. Власть царя ещё не стала вполне деспотической и была ограничена собраниями знати. В царском роде престол переходил не к сыну, а к старшему в роде, что способствовало возникновению кровавых междоусобиц, бывших в государствах древнего Цейлона довольно частым явлением. Большим влиянием пользовались буддийские монастыри, богатевшие от щедрых дарений со стороны царей и от эксплуатации закрепощаемых свободных общинников.

Усиление эксплуатации свободных общинников вызывало неоднократно народные восстания (например, около 40 г. до н. э. в Анурадхапуре), часто совпадавшие с междоусобицами правящего класса. Тем не менее в первые века нашей эры государства Цейлона были уже прочными и сильными, а местные правители решительно сопротивлялись всяким попыткам южно-индийских царей подчинить их. Отражением стремления к полной независимости было, в частности, сохранение на Цейлоне буддизма в его ранней форме (хинаяна) и решительное противодействие распространению буддизма в форме махаяны.

Последние века до нашей эры и первые века нашей эры — период наиболее значительного развития рабовладения на территории многих стран Южной и Восточной Азии. К этому времени рабовладельческие отношения распространились почти по всей территории Индостана, на большей части Индо-Китая, Индонезии, Цейлона. Крупнейшими центрами древней цивилизации Южной и Восточной Азии была Ханьская империя в Китае и государства древней Индии.

С появлением железа здесь, как и в других странах Азии и Европы, происходит резкий скачок в технике земледелия и ремесла, развивается торговля, растут города. Развитие хозяйства сопровождается крупными сдвигами в социально-экономических отношениях. Ускоряется разложение общины, усиливается эксплуатация и закабаление свободных производителей крупными землевладельцами и рабовладельцами. Наличие огромного числа разорявшихся и закабалённых, но ещё не оторвавшихся от сельской общины земледельцев ограничивало распространение рабского труда в сельском хозяйстве. Формы зависимости трудящегося населения отличались большим многообразием.

Процесс развития рабовладельческого общества в Индии имел свои ярко выраженные особенности. Характерной чертой истории древней Индии была еще большая, чем в других странах древности, устойчивость сельской общины. Замкнутые, обеспечивающие себя всем необходимым общины тормозили рост торговли и городов как ремесленных и торговых центров, задерживали развитие экономических связей внутри Индии. Глубокая разобщённость различных по уровню своего социального развития областей препятствовала созданию прочного политического объединения на территории Индии. Держава Маурьев просуществовала недолго, и лишь спустя почти пять веков Гуптам удалось на 100—150 лет объединить под своей властью северную часть Индии.

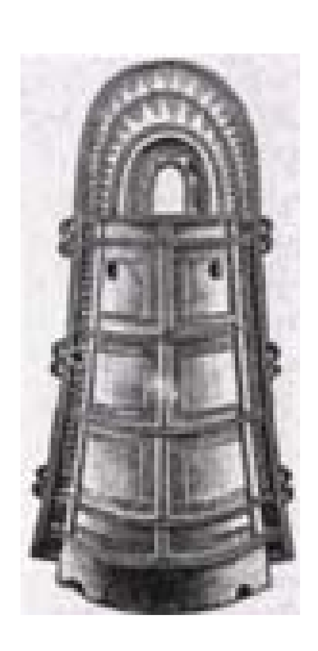
Возникновение и развитие новых, феодальных отношений в Восточной Азии можно с достаточной определённостью проследить в Китае. Этот процесс нашёл своё выражение в попытках ограничения частного рабовладения, в росте арендных отношений, появлении так называемых «сильных домов», хозяйство которых основывалось на переходных к феодализму формах эксплуатации зависимого населения. Последние века истории империи Хань—время крайнего обострения социальных противоречий, напряжённой классовой борьбы. Крушение империи происходит в результате одного из самых грандиозных в истории древнего мира восстаний угнетённых народных масс.

С историей народов Индии и Китая тесно связана с древнейших времён история соседних племён и народностей.

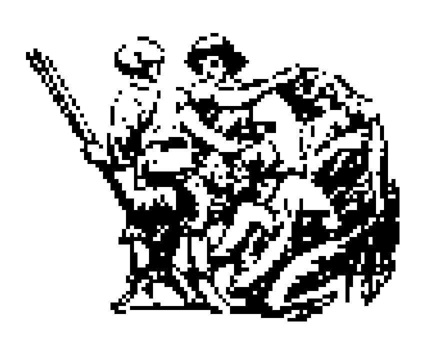
Торговые сношения, китайская и индийская колонизация ускоряли возникновение классового общества и государства у племён Кореи, Японии, Индо-Китая, Индонезии, Цейлона. Культура этих народов формировалась под сильным воздействием китайской или индийской культуры, а иногда и той и другой вместе.

Конец I тысячелетия до н. э. и начало I тысячелетия н. э. — период расцвета древней культуры Индии и Китая. В это время сложились определённые культурные традиции в области литературы и искусства, возникли основные философские системы (даосизм, конфуцианство и материалистические учения Ян Чжу и Ван Чуна в Китае, чарвака, локаята и другие философские школы в Индии), оказавшие большое влияние на дальнейшее развитие философской мысли в Восточной и Южной Азии. Вместе с экономическими связями получили развитие и культурные связи Китая и Индии с народами Средней и отчасти даже Передней Азии.

В этот период складывается одна из крупнейших мировых религий—буддизм, сыгравшая затем значительную роль в оформлении феодальной идеологии в странах Южной и Юго-Восточной Азии.



ЧАСТЬ IV РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ИМПЕРИИ, НАРОДЫ И ПЛЕМЕНА ЕВРОПЫ, ПЕРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ (I-III вв. н. э.)



ГЛАВА XX
РАННЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

1. Классовый характер и государственный строй ранней империи

Гражданские войны в Риме, длившиеся целое столетие, знаменовали собой кризис и гибель рабовладельческой Римской республики. Хотя события и процессы этого бурного периода римской истории чрезвычайно многообразны (Сицилийские восстания рабов и движение Гракхов, диктатура Суллы и великое восстание рабов под руководством Спартака, образование империи Цезаря и гражданская война 40—30-х годов), тем не менее общая тенденция и классовый смысл напряженной борьбы, развернувшейся в римском обществе, совершении ясны Развитие рабовладельческого способа производства, его утверждение и распространение в пределах огромной средиземноморской державы Рима, а также обострение всех свойственных данному способу производства противоречий (и, прежде всего угроза новых восстаний рабов и народных движений) привели в конечном счёте к небывалой ещё консолидации класса рабовладельцев Средиземноморья

Римская республика, бывшая органом господства рабовладельческой верхушки полиса, уже никоим образом не могла соответствовать классовым интересам более широкого блока рабовладельцев всей Римской державы и оказалась исторически обреченной Ей на смену пришла империя, как орган господства рабовладельцев Италии, а затем и провинций.

Сразу же по окончании гражданских войн перед правительством встал ряд важных задач. Главной из них было укрепление устоев рабовладельческого общества, расшатанных во время этих войн, и упорядочение управления провинциями. Отсюда вытекала необходимость организации государственной власти, достаточно сильной, чтобы управлять мировой державой, и достаточно гибкой, чтобы удовлетворить самые различные категории населения, составлявшего социальные верхи Рима, Италии и провинций. Весьма важен был и вопрос об армии, которая являлась

материальной опорой империи, и в связи с этим вопросе внешней политике. Наконец, важно было укрепить моральную опору империи, которая заключалась во всеобщем убеждении, «...что если не тот или другой император, то все же основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью» [1].

Своеобразный государственный строй, установившийся в первые века существования Римской империи, в историографии носит обычно название *принципата* (от слова princeps — первый, так как императоры заносились в список сенаторов первыми).

Социальная основа принципата. Сенаторское сословие

Главную роль в социально-экономической жизни Рима и Италии всё ещё играло сословие сенаторов. Правда, многие его члены погибли во время войн и проскрипций, многие потеряли состояние, немало вошло в сенат «новых людей», сторонников триумвиров из разбогатевших италиков, выслужившихся военных и т. п., но всё-таки сенаторы оставались высшим сословием. Принадлежность к нему определялась знатным происхождением и имущественным цензом в миллион сестерциев. Из сенаторов назначался высший командный состав легионов — легаты и старшие трибуны, наместники большинства провинций и префекты Рима — новая должность, введённая Октавианом «для обуздания рабов и мятежников». Их сыновья входили теперь в сословие всадников, пока прохождение магистратур не открывало им доступа в сенат. Хотя крупное землевладение было сильно подорвано проскрипциями и конфискациями, среди старых и новых сенаторов было всё же немало владельцев крупнейших латифундий, главным образом на юге Италии. Большие земельные владения были у сенаторов также в Нарбонской Галлии, Сицилии, Африке. Крупное сенаторское землевладение продолжало основываться прежде всего на эксплуатации рабов. О разнообразии профессий рабов, которыми владели сенаторы, дают представление сохранившиеся до настоящего времени эпитафии рабов и вольноотпущенников двух знатных семей того времени — Волусиев и Статилиев. Помимо рабов, занятых на работах в имениях, были управители, казначеи, садовники, повара, пекари, кондитеры, заведующие парадной и обычной утварью, одеждой, спальники, цирюльники, носильщики, банщики, массажисты, сукновалы, красильщики, прядильщицы, ткачихи, швеи, сапожники, плотники, кузнецы, музыканты, чтецы, певцы, писари, врачи, повивальные бабки, строители, художники и многочисленные слуги без особых профессий.

Римский учёный и писатель Плиний Старший, перечисляя крупнейших богачей конца I в. до н. э. — начала I в. н. э., упоминает человека, владевшего 4116 рабами. У каждого из этих аристократов была широкая клиентела из живших близ их имений крестьян, отпущенников, плебеев, искавших сильных покровителей и материальной помощи. В их клиентелу входили, как во времена республики, целые города в провинциях.

Гордые богатством, влиянием и своими предками, сенаторы всё ещё считали себя солью земли и властителями мира. Они были готовы признать необходимость единоличной власти Октавиана и даже частично поступиться своими политическими, но не социальными преимуществами. Опыт Цезаря показал, что с сенатом надо считаться. И Октавиан, получивший через несколько лет после победы над Антонием имя Августа, учёл это при оформлении своего положения в государстве.

Всадники

Положение второго привилегированного сословия римского рабовладельческого общества — всадников — тоже заметно изменилось. Как и сенаторское сословие, оно сохранило много черт, оставшихся от республиканского времени, но уже наметились пути, по которым должно было пойти его развитие в период империи.

[1] *Ф. Энгельс,* Бруно Бауэр и раннее христианство, *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* Соч., т XV, стр. 606

Как и прежде, из всадников выходили дельцы, наживавшиеся на откупах провинциальных косвенных налогов, но теперь их аппетиты были несколько ограничены контролем государства. Зато перед всадниками открылись широкие возможности обогащения на военной и государственной службе. Из них выходили трибуны и центурионы легионов, командиры вспомогательных частей, секретари и чиновники в провинциальном управлении Египет управлялся префектами из всадников. Это была одна из самых высоких всаднических должностей. Другой, еще более высокой должностью, венчавшей карьеру всадника, была должность префекта преторианской гвардии. Эту гвардию в количестве девяти когорт, по 1 000 человек каждая, Октавиан Август организовал для своей личной охраны и разместил в Риме и Италии. Преторианцы занимали привилегированное положение при Августе они получали по 750 денариев в год и служили 16 лет, тогда как легионарий получал всего 225 денариев и служил 20 лет. Префект гвардии был одним из первых лиц в государстве, и впоследствии, при преемниках Августа, префекты преторианцев нередко решали судьбу престола Римской империи.

Всадники должны были иметь ценз в 400 тыс. сестерциев. Из числа всадников пополнялся сенат, в ряды всаднического сословия вступали наиболее богатые и знатные члены муниципальной аристократии Италии и наиболее выдвинувшиеся по службе военные. Чтобы компенсировать всадникам потерю части доходов от непосредственной эксплуатации провинций, Август создал для них ряд новых должностей — надзирателей за дорогами, общественными зданиями, водопроводами и т. п.,— занимая которые они могли получать жалованье от государства. Император устраивал торжественные смотры всадникам, обычно кто-нибудь из его близких родственников считался главой всадничества.

Плебс

Наиболее резко изменилось положение римского городского плебса. Некоторая его часть, состоявшая, главным образом, из вольноотпущенников, владела мастерскими и лавочками разных размеров, кое-кто обрабатывал маленькие садики и огороды, продавая здесь же в Риме цветы, плоды и овощи. Значительную и все возраставшую часть городского плебса составлял полностью разоренный, лишенный постоянной производительной деятельности люмпен-пролетариат, живший за счёт случайных заработков и подачек государства. При Августе 200 тыс. человек получали даровой хлеб и пользовались производившимися время от времени денежными раздачами. Свое былое значение в политике римский плебс утратил, и хотя комиции еще существовали, но никакого значения они уже не имели.

Только однажды, в 19 г. до н. э., когда Август был в отъезде, плебс попробовал выставить своего кандидата на должность консула. Это был некто Эгнатий Руф, который, будучи эдилом, привлек симпатии плебса, организовав на свой счет отряды рабов для тушения частых в Риме пожаров. Сенат не одобрил его кандидатуры, и в городе вспыхнули волнения, узнав о которых Август поспешно возвратился в Рим. Волнения были быстро прекращены, а Эгнатий Руф кончил жизнь в тюрьме. Август распорядился, чтобы пожарные команды, так называемые «когорты стражи», были организованы на государственный счёт. Позднее они получили и полицейские функции.

Попытки возмущения среди плебса иногда возникали в связи с задержкой поступления продовольствия. Поэтому для надзора за порядком были образованы еще в особые городские когорты, несшие полицейскую службу. Солдаты этих когорт занимали среднее место между простыми легионариями и преторианцами, получая по 375 денариев в год. Служба в них считалась выгодной, и император мог всецело на них положиться

Не ограничиваясь мерами подавления, Август стремился отвлечь плебс от политической жизни и привлечь его к себе. Для этого использовался, в частности, традиционный культ ларов — душ предков, становившихся хранителями фамилии,

дома, имения своих потомков, и культ гения, который, по верованиям римлян, сопровождал каждого человека на протяжении всей его жизни. Люди, зависевшие от какого-либо лица, — его рабы, клиенты и т. п. обычно почитали его ларов и гения.

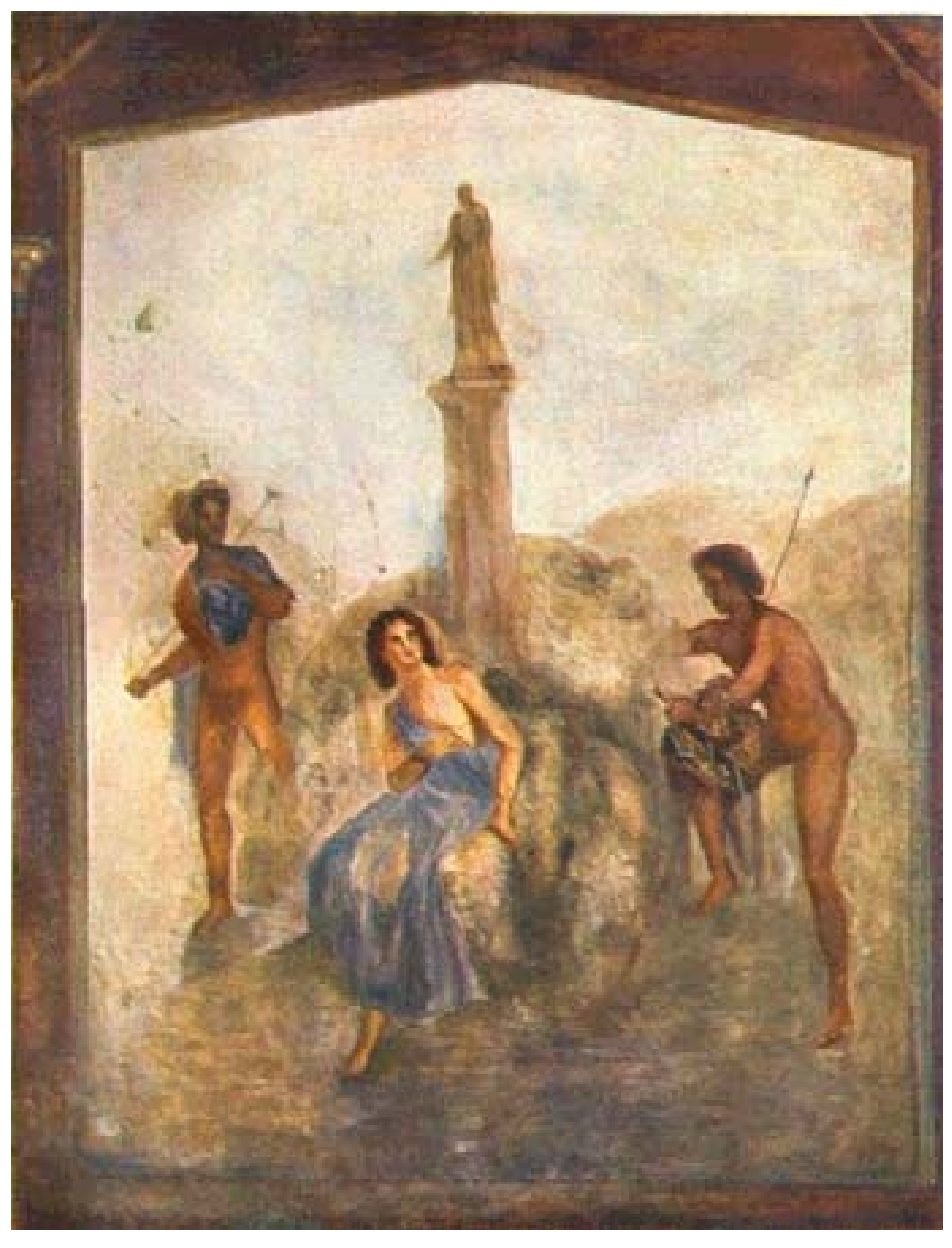
Такой же культ стал теперь официально воздаваться ларам и гению Августа. Для отправления нового культа в Риме и Италии основывались многочисленные коллегии, частные и государственные. Той же цели, т. е. отвлечению плебса от политики, служили частые и роскошные зрелища, на которых неизменно появлялся сам император. На зрелища он не жалел средств, выписывая отовсюду редких зверей и гладиаторов, покровительствуя популярным актёрам. Большие средства он и члены его семьи тратили на роскошные постройки в Риме: водопроводы, храмы, форумы, портики и т. п. Август говорил, что, получив Рим кирпичным, оставляет его мраморным. Постройки давали занятие части плебеев, обогащали подрядчиков, при посредстве которых она велись, и способствовали росту популярности Августа и престижа державного города.

Храм Марса Ультора в Риме.
Фасад храма на рельефе «Алтаря мира» Августа.
Конец I в. до н. э.

Об этом престиже, как и об уважении к званию римского гражданина, Август особенно заботился. Он сравнительно скупо раздавал теперь римское гражданство, внушал римлянам, что они — прирождённые властители мира. Политика римского великодержавия имела целью сделать более резкими грани, разделявшие римлян и не римлян, чтобы тем легче было держать в повиновении как римский плебс, так и покорённые народы,

Рабы и вольноотпущенники

На первом месте во всей политике принципата стояла задача обеспечить покорность рабов; этого ждали от Августа различные категории рабовладельцев, поддерживавших его на пути к власти. На протяжении всего существования римского рабовладельческого общества его основной ячейкой была фамилия, включавшая всех свободных и рабов, находившихся под властью её главы. В первый период истории Рима это были преимущественно свободные члены семьи (жена, дети, внуки) и клиенты. По мере развития рабства фамилия всё более расширялась за счёт рабов. В юридических памятниках конца республики и времён империи именно они и подразумевались обычно под словом «фамилия». Жизнь раба была ограничена узкой, замкнутой сферой фамилии. Господин распоряжался его судьбою и самой жизнью, раб участвовал только в фамильных празднествах и в фамильном культе, отправляемом господином или по его поручению управлявшим имением и фамилией рабом-виликом. Предполагалось, что членов фамилии кроме реальной власти главы семейства связывало освящённое религией и обычаем чувство *pietas* — термин, обычно переводимый словом «благочестие»; однако это было более широкое понятие, так как оно включало не только и даже не столько отношение человека к божеству, сколько взаимный долг родителей и детей, патрона и клиента, господина и раба, а впоследствии, при империи, правителя и подданного.



ИО, АРГУС И ГЕРМЕС
Часть росписи стены дома Ливии на Палатинском холме в Риме. Конец I в. до н. э.

Гражданские войны расшатали римскую фамилию. Сражающиеся стороны привлекали рабов; рабы и отпущенники, доносившие на господ и патронов во время проскрипций, получали награды. Рабы вступали в коллегии свободных, принимали участие в культах восточных богов, слушали и повторяли опасные для хозяев прорицания — словом, к ужасу рабовладельцев, вышли из тесной сферы фамилии на более широкую социальную арену. Пошатнулась власть отца и господина, повсюду раздавались голоса, оплакивавшие исчезновение древней pietas. По Италии бродили вооружённые отряды рабов и свободных, нередки были случаи, когда рабы убивали господ. Рабы из вновь завоёванных провинций, ещё не смирившиеся с рабством, готовы были восстать. Так, обращённые в рабство астуры и кантабры перебили господ и бежали на родину, в Испанию. Между тем крепкая власть особенно нужна была рабовладельцам Рима и Италии, чтобы привести в порядок вновь полученные или сохранившиеся владения и начать извлекать из них доход.

Чтобы удовлетворить эти требования, Август избрал два пути. С одной стороны, им были приняты драконовские меры обуздания рабов. Их вооруженные отряды были ликвидированы. Был возобновлён старый закон, по которому в случае насильственной смерти господина все его рабы, находившиеся с ним под одним кровом или на расстоянии окрика, но не пришедшие на помощь, предавались пытке и казни. Только при таких мерах, говорилось в законе, может избавиться господин от вечного страха, живя среди враждебных ему рабов. Двумя другими законами был ограничен отпуск рабов на волю по завещанию, а также рабов моложе 30 лет. Никто не мог отпустить более 100 рабов. Таким образом, ограничивался приток бывших рабов в среду плебса и уменьшалась возможность их союза. Рабы, заклеймённые господином и, следовательно, особенно ненадежные, даже получив свободу, не становились римскими гражданами.

Август откровенно и нарочито показывал, как низко он ставит вольноотпущенников; даже самых богатых из них он не допускал к своему столу, за исключением Менодора, отпущенника Секста Помпея, предавшего в своё время Октавиану флот своего патрона. Вольноотпущенникам была запрещена военная служба, кроме службы в пожарной охране и во флоте, персонал которого всегда занимал самое низкое положение в римской армии.

Не менее демонстративно подчёркивал принцепс безраздельность власти господина и патрона. Передают, что он награждал рабов и вольноотпущенников, укрывших и спасших своих господ, осуждённых во время проскрипций. Получил известность следующий рассказ: Август обедал у своего друга, богача Ведия Поллиона, который имел обыкновение бросать своих провинившихся рабов на съедение муренам — хищным рыбам, которых он держал в специальных садках. Один из рабов, прислуживавших за столом, разбил драгоценный бокал и, ожидая страшной казни, бросился на колени перед высоким гостем, умоляя о заступничестве. Августа мало смущала судьба раба, но положение главы государства обязывало его к какому-то акту, который вместе с тем не выглядел бы, как вмешательство в отношения господина и раба. Он потребовал, чтобы ему подали все остальные бокалы, и разбил их один за другим, избавив таким образом провинившегося раба от наказания.

Законы о семье

Другим путём, который Август избрал для укрепления фамилии, были известные законы о семье, к которым он трижды возвращался во время своего принципата, принимая даже специальные полномочия «куратора нравов». Законы эти предписывали всем гражданам вступать в брак и иметь детей. Не соблюдавшие их ограничивались в праве наследования и занятия различных должностей. Напротив, лица, имевшие трёх и более детей, получали различные привилегии и государственные пособия. Отцу давалось право убить любовника дочери и дочь, пойманных на месте преступления. Муж был обязан подать в суд на неверную жену и её «сообщника», которые лишались части имущества и высылались на пустынные острова Средиземного моря. Если муж в суд не подавал,

каждый гражданин имел право обвинить его в сводничестве. Ограничивалось число разводов, значительно участившихся за последнее столетие.

Всё это призвано было воссоздать древнюю семью, возродить угасшую pietas и тем упрочить исконную власть отца и господина. Законы встретили ожесточённое сопротивление среди определённой части высших слоев Рима. Кроме того, это мероприятие содержало в себе внутреннее противоречие: направленное к укреплению власти мужа и отца, оно вместе с тем санкционировало вмешательство государства в замкнутый некогда мир фамилии. Уже не муж, а суд карал виновную жену. Это противоречие, почти незаметное вначале, впоследствии всё более разрасталось и привело через три века к почти полной замене власти главы фамилии государственной властью.

Армия

Положение армии было одной из первых забот Августа после битвы при Акции. Обеспечив ему победу и единовластие, армия в то же время могла стать опасной силой, направленной против власти императора. Поэтому Август предпринял ряд мер, которые ограничивали роль армии. Огромная египетская добыча помогла ему щедро расплатиться с солдатами и обеспечить ветеранов землёй, не прибегая более к конфискациям. Из 70 с лишним легионов, стоявших под оружием в 33 г., он сохранил только 25. В Италии никакого войска, кроме городских и преторианских когорт, не осталось. Все легионы были размещены в провинциях. Легионарии набирались из римских граждан, главным образом италиков и римлян. Все командные посты занимали сенаторы и всадники, простой солдат мог дослужиться только до центуриона, т. е. командира центурии—подразделения легиона, составлявшего $^1/_{60}$ его часть и включавшего 100 солдат.

От солдат требовалось беспрекословное подчинение. За малейшую провинность они несли различные наказания — от розог до казни в случае массового неповиновения или бегства с поля боя. Бывший «солдатский вождь» Октавиан теперь никогда не позволял ни себе, ни своим близким обращаться к легионариям с привычным ранее словом «соратники». Его заменило обращение «солдаты». Свою тяжёлую службу солдаты несли в надежде получить землю, деньги и привилегии при отставке. Но когда египетская добыча истощилась, а войны участились, отставку и награды стали оттягивать на неопределённый срок. Чтобы пополнить военную казну, были введены налоги на наследства и на отпуск рабов, но всё-таки денег часто не хватало. В армию шли неохотно, приходилось прибегать к принудительным наборам.

Ещё хуже было положение солдат вспомогательных частей, набиравшихся из покорённых провинциалов или из так называемых союзных, фактически зависимых народов. Это были конные и пешие отряды (алы и когорты) в 500 или 1000 человек, взятых из одного племени, по имени которого они назывались. Набор в эти части нередко служил непосредственным поводом к восстаниям, и поэтому боевые качества такого войска, как правило, были очень невысоки.

Принципат как государственная форма

Существенные изменения в положения различных классов и социальных групп, наметившиеся в период становления Римской империи, определили и её государственное устройство.

Ещё в 27 г. до н. э., вскоре после окончания гражданской войны, Октавиан созвал заседание сената, на котором объявил, что, поскольку его полномочия как триумвира истекли и государство умиротворено, он решил вернуться к частной жизни и предложил восстановить республику. Это была умело разыгранная комедия. Октавиан заранее подготовил почву для своего выступления. Ещё в 29 г. до н. э. им была проведена под предлогом удаления недостойных чистка сената, из которого было исключено 200 человек, очевидно враждебных ему. Поэтому неудивительно, что теперь сенаторы горячо благодарили Октавиана за заслуги перед государством и просили остаться у руководства государственными делами. Октавиан милостиво согласился. Республика была объявлена восстановленной. Однако Октавиан получил ряд полномочий, которые создавали ему совершенно особое положение в этой «восстановлен-

ной» республике. Соответственные постановления были приняты постепенно, в разное время, но в основном — между 27 и 23 гг. до н. э.

В результате этих постановлений новый строй определился следующим образом: верховным государственным органом признавался сенат. Его решения сохраняли силу закона, он был одной из высших судебных инстанций, к нему переходило управление провинциями, кроме Египта, Сирии, Испании и Галлии, остававшихся в ведении Октавиана, который управлял ими через своих легатов или префектов. Впоследствии распределение провинций неоднократно менялось в связи с присоединением новых, а также в связи с внутренним положением в провинциях, военными действиями и размещением войск; императоры брали себе те провинции, которые нуждались в каких-либо преобразованиях и в которых стояли легионы. Сенат распоряжался старой государственной казной (эрарием). К сенаторам и всадникам, по существу, переходил и выбор магистратов — квесторов, эдилов, преторов, консулов, число которых было увеличено, чтобы дать возможность большему количеству лиц занять эти почётные должности. Так, например, консулы отправляли свою должность только часть года, а затем сменялись другими, так называемыми консулами-суффектами. Особые декурии, состоявшие из сенаторов и всадников, избирали кандидатов на магистратские должности, которых народному собранию оставалось только утвердить.

Серебряная монета Августа.
27—20 гг. до н. э. Чеканена в Эфесе.

С другой стороны, Октавиан оставался верховным главнокомандующим и сохранял титул императора, вошедший как составная часть в его имя. Он, как уже указывалось, был внесён первым в списки сенаторов, что давало ему право первому подавать голос. В течение ряда лет Октавиан избирался консулом (всего он был консулом 13 раз), но помимо этого он по постановлению сената ещё с 36 г; до н. э. имел трибунскую власть, дававшую ему право распоряжаться всеми гражданскими делами в Риме, а позднее получил власть проконсульскую и так называемый «большой империй», который позволял ему осуществлять контроль не только над своими, но и над сенатскими провинциями. Он же был верховным судьёй римских граждан. Как и сенат, он имел право выдвигать кандидатов в магистраты, причём его кандидаты баллотировались вне очереди и, конечно, имели все шансы быть избранными. Для покрытия расходов по вверенным принцепсу отраслям управления была создана особая казна (фиск), сложившаяся на основе отдельных провинциальных фисков, существовавших ещё в период республики, и окончательно оформившаяся лишь при последующих императорах. Постепенно она совершенно вытеснила эрарий.

Октавиан подчёркивал, что, восстановив республику, он не принял никаких титулов и званий, не согласных с республиканским строем, и превосходил «товарищей» по магистратурам только авторитетом *(auctoritas),* которого он достиг лишь благодаря своим исключительным заслугам. Поэтому, чтобы выделить его из всех остальных магистратов, было сделано предложение присвоить ему имя Ромула и этим подчеркнуть, что он как бы наново основал Рим. Но это имя слишком напоминало одиозный титул царя. Выход был найден Мунацием Планком, участником почти всех враждебных Октавиану коалиций и только перед битвой при Акции перешедшим на его сторону. По его предложению принцепсу было присвоено имя Августа, которое затем, как и имя Цезаря, носили все правители империи. Оно может быть приблизительно передано как «возвеличенный божеством», что придавало власти прин-

цепса некую религиозную санкцию. Октавиан стал именоваться «Император Цезарь Август, сын божественного (подразумевается — Юлия Цезаря)». Впоследствии Август получил также наименование «отца отечества» Ещё до этого, когда в 12 г. до н. э. умер бывший триумвир Лепид, до смерти остававшийся великим понтификом, на его место был избран Август, и с тех пор все его преемники были великими понтификами, соединяя всю полноту военной, гражданской и религиозной власти.

Таким образом, несмотря на республиканское оформление и юридическое «двоевластие» императора и сената, принципат, бесспорно, являлся монархией. Но не следует думать, что это оформление не имело никакого значения Республиканская фикция продолжала играть известную роль ещё около трёх столетий, на протяжении которых монархическая сущность режима выступает всё более и более неприкрытой Процесс этот получает завершение в конце III в., во время так называемой поздней Римской империи.

Взаимоотношения Августа с сенатом до последних лет его правления носили сравнительно мирный характер. Несколько быстро раскрытых и в общем случайных заговоров, несколько анонимных памфлетов, злословие на дружеских пирушках, более пугавшее протрезвившихся сотрапезников, чем того, кто был его объектом, несколько «смелых ответов» на заседаниях сената, казавшихся современникам верхом гражданского мужества,— вот всё, чем ответили сенаторы на фактическое крушение «республики предков». Со своей стороны Август старался не обострять отношений, старался поддерживать значение сената, внешне сам оказывая уважение сенаторам и требуя его от других. Обедневшим, но «достойным» сенаторам он давал деньги, недостающие им до суммы сенаторского ценза.

Однако Август неуклонно оттеснял сенат на задний план. Боясь влияния сенаторов в провинциях, он запретил им покидать Италию без особого разрешения. Не желая допустить сближения сенаторов с плебсом. Август ограничил расходы частных лиц на зрелища, чтобы никто не превзошёл его в роскоши и популярности. Он вмешивался в управление сенатскими провинциями, пресекая чрезмерные злоупотребления, Август создал совет из 20 человек, именовавшихся его «друзьями», где подготовлялись все важнейшие мероприятия, которые затем поступали на формальное утверждение сената. Дважды проводил он чистки сената, изгоняя неугодных ему лиц и пополняя сенат преданными людьми.

Своим друзьям, приближённым, иногда даже отпущенникам он поручал ряд дел, что повело к зарождению императорской бюрократии, впоследствии вытеснившей старые республиканские учреждения. Тогда же было заложено основание огромному императорскому хозяйству, которое, все разрастаясь, сделало впоследствии императоров крупнейшими землевладельцами империи, в результате чего они стали не только политически, но и экономически сильнее сенаторов.

Таковы были социальные основы и государственное устройство Римской империи в период принципата. Говоря об этой империи, теперь следует иметь в виду не только Рим или Италию, но и провинции.

2. Италия и провинции в годы установления принципата

Сельское хозяйство и муниципальная жизнь Италии

К моменту возникновения империи уже резко обозначились перемены в аграрном строе Италии. Самым важным, решающим фактом было разорение мелкого землевладельца.

Хотя сельский плебс еще сохранялся в Италии, особенно на севере, однако экономическая и особенно политическая роль его сошла на нет. Ведущей фигурой в экономике всё более становится собственник средней рабовладельческой виллы. Не случайно политика Августа и особенно его меры по укреплению рабовладения и фамилии встретили наибольшее сочувствие как раз в среде италийских средних

землевладельцев, обладателей имений в несколько сот югеров и нескольких десятков рабов. Из них состояла городская верхушка муниципиев — сословие декурионов, городские советы, из них выбирались городские магистраты. Проскрипции, наделение землёй 300 тыс. ветеранов, основание 28 колоний усилили позиции среднего землевладения в Италии. В Северной и Средней Италии стал господствовать именно этот тип хозяйства, хотя и здесь имелись крупные латифундии.

С этими социально-экономическими сдвигами связан в значительной мере и заметный подъём сельского хозяйства Италии в I в. н. э. Правда, зерно уже и тогда приходилось ввозить, главным образом из Египта. Но культура винограда, оливы, скотоводство стояли высоко. Вино, масло, шерсть вывозились далеко за пределы Италии; италийские собственники восхваляли Августа и принесённый им мир, который обеспечил им спокойную эксплуатацию их владений.

Краснолаковая ваза с рельефным изображением цапли. Малоазийская работа времени Августа. Найдена в Керчи.

На земле большей частью работали рабы; иногда применялся сезонный наёмный труд. Продолжалась и практика сдачи земли в аренду. Нередко имение сдавалось целиком крупному арендатору и обрабатывалось его рабами. Известны также случаи, когда рабы сами выступали в качестве арендаторов. Довольно часто ветеран, получивший землю, но не расположенный вести хозяйство, сдавал её в аренду прежнему хозяину. Иногда землевладелец, ведя собственное хозяйство, сдавал часть имения нескольким крестьянам. Аренда была обычно денежной, договор заключался на пять лет с тем, чтобы по желанию сторон его можно было продлить. Однако процесс концентрации земли не приостановился. Поэт Гораций выразительно описывает, как богачи сгоняют своих клиентов, испокон веку живших на их землях, с их наследственных маленьких участков.

Укрепление среднего землевладения и рабовладения способствовало развитию тесно связанной с ними городской жизни. Муниципальная знать, входившая в так называемое сословие декурионов, из которого пополнялся состав городских советов и избирались магистраты, заботилась о благоустройстве городов. Желая возвысить сословие декурионов и найти в нём прочную опору, Август всячески ему покровительствовал. Во многих городах Август и члены его семьи избирались патронами, что устанавливало дополнительную связь между ним и италийскими городами. Значительную роль в муниципальной жизни Италии играли ветераны, смешавшиеся с местной знатью и составлявшие основное ядро приверженцев императора. Как видно из целого ряда надписей, ветераны занимали муниципальные должности во многих италийских городах. Например, в одной надписи из Капуи говорится о ветеране, служившем в войске «бога Цезаря», проделавшем все походы с Августом и, наконец, поселённом в Капуе. Здесь он занимал почётные муниципальные должности и щедро делился с городом своим состоянием.

В экономике Италии большую роль играло ремесло. Текстильные, металлические и керамические изделия вывозились в самые отдалённые области. Особенно процветало начавшее развиваться ещё во времена республики керамическое производство Арреция (современного Ареццо). Благодаря находкам многочисленных черепков с клеймами арретинских мастеров известно, что арретинская художественная керамика изготовлялась в мастерских, где работало иногда до сотни рабов. Вла-

дельцы крупных мастерских открывали свои филиалы и в других местах, например в Малой Азии. Значительную роль в ремесле и торговле играли отпущенники, иногда наживавшие большие состояния. О жизни беднейших слоев населения италийских городов почти ничего неизвестно. Во всяком случае за отсутствием регулярных раздач, поддерживавших римский плебс, они, Видимо, занимались ремеслом, работой на строительстве, мелкой торговлей.

Италия в I в. до н. э. делила с Римом привилегированное положение в империи. Подавляющее большинство жителей было римскими гражданами. Правда, на её территории, главным образом на севере, ещё сохранились поселения кельтских и лигурийских племён, не имевших гражданства, но Август постепенно приписывал их к городам, давая им права латинского гражданства. Как и Рим, Италия была поделена на районы, имевшие административный характер, что также способствовало её унификации. Ко времени Августа была завершена «романизация» Италии, включая и её северную часть — Цизальпинскую Галлию.

Провинции. Колонии и муниципии

Принципат Августа был не только временем завершения романизации Италии, но и началом романизации западных и продолжением эллинизации восточных провинций, хотя и в разной степени. Следует заметить, что самые понятия «романизация» и «эллинизация» весьма условны. Внешними проявлениями и показателями романизации были рост городов и развитие муниципальной жизни в той или иной провинции, поскольку оплотом этой муниципальной жизни были владельцы рабовладельческих вилл. В связи с развитием городов земли провинции делились между городами, превращались в городские территории, а жившее на них сельское население становилось гражданами городов. В тех провинциях, население которых ещё стояло на стадии разложения первобытно-общинных отношений, это вело к ослаблению зависимости рядовых общинников от племенной знати, дроблению сосредоточенных в её руках земельных владений, развитию классических форм рабства, прогрессу ремесла, торговли и товарно-денежных отношений и уже в результате всего этого к распространению римской культуры.

Города, как целое, имели сложное хозяйство и обладали значительным имуществом, состоявшим из денег, общественных зданий, городской земли и городских рабов, Этим имуществом ведали советы декурионов и городские магистраты. Они пускали в оборот городские капиталы, ссужая их под проценты, сдавали различные подряды по городскому благоустройству, отдавали в аренду часть городской земли, ведали снабжением города продовольствием и регулировали его продажу населению. Они же производили раскладку налогов и повинностей, наложенных на город, стараясь перенести их тяжесть на менее зажиточных и менее влиятельных лиц. Пока города процветали, всё это открывало большие возможности для наживы и делало эти должности выгодными и желанными; богатые и знатные горожане не скупились на украшение родного города и на раздачи, чтобы привлечь симпатии сограждан и получить большинство голосов при выборах на магистратские должности. При вступлении в них они должны были внести известную сумму в городскую кассу. Эти расходы делали магистратуры доступными лишь для богатых людей. Вольноотпущенникам доступ к ним был закрыт, и только сыновья самых богатых из них могли рассчитывать вступить в этот «избранный круг». Таково было положение в Италии, таким оно со временем стало и во многих провинциях.

Большую роль, как и при Цезаре, сыграло основание многочисленных провинциальных колоний ветеранов. Колонии получали землю, из которой нарезались участки ветеранам; если колонии получали так называемое италийское право, то колонисты владели землёй на основе полного римского права собственности, в отличие от других владельцев провинциальных земель, верховная собственность на которые принадлежала государству. Ветераны легионов, их дети и родители, согласно специальному эдикту Августа, освобождались от всяких податей, на какой

бы земле они ни поселились. Они приводили на новые земли своих рабов и налаживали хозяйство по римскому образцу. Эти колонии стали основными ячейками последующей романизации. Кое-какие города получали права муниципиев, однако большая часть городов оставалась ещё на разных ступенях зависимости.

Немаловажную роль в провинциальной политике играла раздача персонального римского гражданства. По данным переписей (ценза), трижды проводившихся при Августе, число римских граждан за первые 20 лет его принципата (28—8 гг. до н. э.) выросло на 4%, а за последующие 21 год (8 г. до н. э.—14 г. н. э.) — на 11 %.

Запись ценза.
Часть рельефа алтаря Г. Домиция Агенобарба. Вторая половина I в. до н. э.

Гражданство получали главным образом сторонники Августа, поддерживавшие его ещё во время гражданских войн. Известен, например, гражданин сирийского города Розоса Селевк, который служил командиром (навархом) во флоте Октавиана и не только стал римским гражданином, но был освобождён от податей и получил ряд привилегий в отношении торговли и суда. Римские граждане были привилегированной частью провинциалов и объединялись в организации со своими выборными магистратами.

В восточных провинциях сохранялись прежние категории населения и прежние формы самоуправления. Как прежде, высшее место занимали «эллины», в число которых входили наиболее богатые и привилегированные слои горожан. Сохранились эдикты Августа из города Кирены, которые показывают, что он покровительствовал «эллинам», ограждал их от притеснения римских граждан, имевших до того исключительное право заседать в судах (теперь судебные комиссии составлялись наполовину из «эллинов», наполовину из римских граждан), разрешил посылать непосредственно к нему посольства, ограничивал произвол чиновников и т. п. Конечно, всё это касалось лишь богатых людей, крупных торговцев, владельцев

больших мастерских, издавна занимавших первое место в торговых городах Востока и ещё во время гражданских войн поддерживавших Октавиана. Установление мира и власти Рима давало им возможность вести большие дела.

Из местной знати состояли провинциальные собрания, имевшие главной целью отправление культа богини Рима и Августа, который на Востоке по примеру эллинистических царей почитался в качестве бога, тогда как на Западе существовал культ его гения или его «божественной силы». В знак расположения к городам он дозволял именовать себя их «патроном», «восстановителем», «основателем». Так укреплял он положение городских богачей, стараясь создать из них прочную опору своей власти.

На особом положении был только Египет, считавшийся личной собственностью императора. Здесь города, кроме Птолемаиды, Навкратиса и Александрии, не имели самоуправления, вся страна была как бы сельской территорией, подчинённой императорскому префекту. По-видимому, почти полное отсутствие привилегированных территорий в Египте и консервация строя, существовавшего при Птолемеях, облегчали эксплуатацию страны, в частности выкачивание из неё необходимого для Рима хлеба.

Если восточные землевладельцы, торговцы и ростовщики охотно признали власть Августа, дававшего им разные преимущества и привилегии, то в массах жила ненависть к Риму. Именно из стран Востока продолжали поступать рабы на земли римских магнатов, именно египетские крестьяне поставляли хлеб для римского плебса. На Востоке продолжали распространяться пророчества, что придёт день, когда падёт гордый Рим и римляне-поработители станут рабами, явится справедливый царь и спаситель, который освободит угнетённые народы, и настанет царство счастья, золотой век.

В Египте вскоре после его покорения вспыхнуло охватившее Фиваиду восстание, в котором приняло участие пять крупных городов этой области, оно было жестоко подавлено. Глухие известия сохранились о мятежах в городах Сирии и Малой Азии и о постигшей их за это расправе.

Недовольство, протест, отчаяние в настоящем, воспоминания о некоем идеализированном прошлом и мечты о лучшем будущем всё чаще оформлялись в религиозных течениях, туманных прорицаниях и тайных учениях. На этой почве несколько позже зародилось и окрепло христианство.

Положение в провинциях; народные восстания

Иным было положение в западных провинциях. Во многих из них ещё не было городов и городской рабовладельческой верхушки. Главную роль здесь играла родовая и племенная аристократия. Завоёвывая западные провинции, Рим опирался на поддержку этой знати, и теперь Август искал среди неё своих сторонников. Многие знатные галлы служили в римском войске командирами вспомогательных частей, набиравшихся из их соплеменников. Они получали римское гражданство и имя Юлиев — родовое имя Августа. Когда в Лугдуне, первой, основанной в 43 г. до н. э. колонии Великой Галлии, был воздвигнут великолепный алтарь богини Рима, жрецами стали избираться представители романизованной галльской аристократии. Они же входили в общегалльское провинциальное собрание, имевшее главной задачей устройство празднеств и жертвоприношений при лугдунском храме.

Но всё же романизация большей части западных провинций только ещё начиналась. Народ страдал под двойным гнётом — своей знати и Рима, да и часть аристократии ещё не примирилась с римским владычеством, с унизительным положением побеждённых «варваров». Представители этой части знати нередко возглавляли народные восстания. Борьба восставших велась с упорством и героизмом. Победители-римляне жестоко расправлялись с ними. В первые годы принципата ближайшему сподвижнику Августа — Агриппе пришлось вести ожесточённую борьбу с испанскими племенами астуров и кантабров. Эта борьба то затухала, то вспыхивала

с новой силой. Агриппа опустошал земли, сжигал жилища, безжалостно истреблял непокорных, но, несмотря на всё это, подавил восстание лишь с большим трудом. Несколько раз начинались движения галльских и африканских племён, однако самым опасным для римского могущества было восстание придунайских народов, происходившее в конце правления Августа и длившееся три года (6—9 гг. н. э.).

Уже издавна шаг за шагом проникали римляне в придунайские области и в северные части Балканского полуострова, покоряя племена далматов, паннонцев, мёзов, фракийцев. Ранее возникшие здесь поселения римских граждан, главным образом италийских купцов, получали устройство городов римского права, а местные племена, остававшиеся на положении перегринов (т. е. чужеземцев), ставились под управление римских командиров в должности префектов. Вначале иллирийские области находились под верховным надзором Агриппы, после его смерти они начали постепенно превращаться в провинции — Рецию, Норик, Далмацию, Паннонию, Мёзию. Фракийские племена частично расселялись на территории римских провинций, частично подчинялись местным царям из племени одрисов, бывших послушным орудием Рима. С покорённых взимались тяжёлые подати; рекрутские наборы следовали один за другим.

В 6 г. н. э. пасынок Августа — Тиберий готовился к войне с царём германского племени маркоманнов Марободом, основавшим своё царство на территории современной Чехии. Маробод, как и многие «варварские» цари, жил некоторое время в Риме и многому там научился. Он создал сильный союз племён, организовал армию по римскому образцу и оказывал широкое гостеприимство всем недовольным Римом «варварам», а также римским перебежчикам. Готовясь к войне, Тиберий собрал войско из 12 легионов. Придунайские племена должны были пополнить его вспомогательными частями. Этот новый набор и оказался каплей, переполнившей чашу,— Далмация и Паннония восстали. Восстание возглавили три племенных вождя: два до имени Батон и один — Пинна. Все римские граждане, попавшие в руки восставших, были перебиты. Собралась грозная армия. В Риме распространился слух, что через десять дней враг может быть у ворот столицы. С Марободом был спешно заключён мир, тем более что военные действия против него ещё не развернулись. Август потребовал, чтобы богатые люди пожертвовали часть состояния на военные нужды, с Востока были вызваны легионы на помощь Тиберию. Август включил в армию даже рабов, которых должны были доставить крупные собственники, даровав им предварительно свободу.

И всё-таки, несмотря на эти чрезвычайные меры, восставшие боролись три года. Они выдерживали длительную осаду в укреплённых городах. Подчас им удавалось даже вторгаться в границы соседних провинций, иногда они переходили к партизанской войне. Одновременно и, может быть, не без связи с паннонцами и далматами восстало фракийское племя бессов. Наконец, Тиберий прибег к испытанному римлянами средству и сумел переманить на свою сторону одного из Батонов. Соблазнённый мыслью получить власть из рук Рима, тот предал войско своих соплеменников и своего сотоварища Пинну. Правда, вслед за этим он был захвачен и казнён вторым Батоном, но движение уже было ослаблено. Вскоре восставшие были разбиты. Понесли поражение и бессы; многие из них были расселены в Мёзии, в районах преданных Риму греческих городов. Расправа была жестокой: у побеждённых отнималась земля, некоторым отрезали руки, других продавали в рабство.

Восстание херусков и битва в Тевтобургском лесу

Сразу же после Панноно-Далматского восстания аналогичные события произошли в Германии. После покорения Галлии и образования на левом берегу Рейна двух провинции — Верхней и Нижней Германии, римляне пытались подчинить себе и зарейнские области. В результате неоднократных походов, в которых принимали участие пасынки Августа Тиберий и Друз, казалось, что страна до Эльбы

Бюст германца («Арминий»).
I в. н. э. Мрамор.

может считаться присоединённой к империи. Здесь велась обычная для Рима политика: отдельные племена были поставлены на разные ступени зависимости. Местная знать служила командирами германских частей и получала римское гражданство. Однако племенная знать германцев была более враждебна Риму, чем галльская аристократия, прежде всего потому, что социальное расслоение среди германцев не зашло ещё особенно далеко. Если племенная знать Галлии нуждалась в римской силе для эксплуатации своих соплеменников, то знать германцев всё ещё с трудом переносила римский гнёт и значительно менее нуждалась в римской поддержке.

В 9 г. н. э., когда посланный к германцам Квинкцилий Вар, известный бесстыдными вымогательствами в Сирии, которой он ранее управлял, вздумал вводить среди германцев римское судопроизводство, совершенно им чуждое и обременительное, они восстали. Движение возглавил знатный херуск и римский гражданин Арминий. Вар оказался захваченным врасплох. Во время кровопролитной битвы в Тевтобургском лесу почти все его солдаты были перебиты, а сам он покончил жизнь самоубийством. Хотя восстание херусков и не грозило Риму такой опасностью, как Панноно-Далматское, впечатление в Риме от известия о битве в Тевтобургском лесу было очень сильным. Сам Август, по рассказам современников, в отчаянии восклицал: «Вар, Вар, верни мои легионы!».

Внешняя политика. Зависимые племена и царства

Внешняя политика при Августе определялась необходимостью установить мир в стране, потрясённой долголетними гражданскими войнами, и закрепить положение в провинциях. Поэтому она характеризуется осторожностью и сдержанностью. Правда, на Западе Август всё же стремился расширить границы империи до Рейна и Дуная и подчинить соседние племена, чтобы воспрепятствовать их союзу с недовольными элементами в провинциях. Он старался также заключать с некоторыми соседними племенами договоры, по которым они брали на себя защиту границ империи, становясь её клиентами.

Ещё более была распространена система зависимых царств. Такими царствами были Мавретания в Африке, Коммагена, Каппадокия, Галатия, Иудея и др. в Азии. При формальной независимости они не только обязаны были охранять римские границы, но и фактически были подчинены Риму. Август утверждал их царей и являлся верховным арбитром в их внутренних и внешних делах. Наиболее подробно известно тогдашнее положение Иудеи, по которому можно судить о положении и других зависимых царств.

Царём Иудеи был Ирод, вначале сторонник Антония, после битвы при Акции перешедший на сторону Октавиана. Он отстроил великолепный город, названный в честь Октавиана Кесарией, и всячески старался выказывать свою преданность римскому императору. Тяжёлые налоги, взимавшиеся Иродом, и его пристрастие к

греческой культуре вызывали острое недовольство в народе. Возникла народная партия зелотов («ревнителей»), требовавшая борьбы с римским владычеством и, по-видимому, возвращения к теократии. Когда Ирод умер и его сыновья отправились в Рим просить у Августа утверждения завещания отца, разделившего между ними царство, в стране вспыхнуло восстание, жестоко подавленное римскими войсками. Новые волнения вспыхнули из-за ценза — переписи, имевшей целью установление суммы подушного и поземельного налога, который отныне должен был выплачиваться в римскую казну.

Наибольшее значение из зависимых и полузависимых царств имела Армения, где римское влияние и интересы сталкивались с парфянскими. Не имея возможности вести войну с Парфией, Август действовал дипломатическим путём, стремясь усилить своё влияние в Армении и в самой Парфии. В 20 г. до н. э. Август добился тот о, что послы парфянского царя торжественно возвратили Тиберию римские знамена и пленных, которые были захвачены в предыдущих войнах. Событие это всячески раздувалось и обыгрывалось, как символ покорности Парфии и признания ею римского превосходства. Во всяком случае столкновений на Востоке удавалось избегать, и сторонники Августа могли поддерживать версию, будто он принёс на землю долгожданный мир и по всей земле утвердил славу римского могущества.

Итоги правления Августа

Август как политический деятель сумел понять нужды и удовлетворить запросы господствующего класса Римской империи. Этим и объясняется его возвышение. Расчётливый, двуличный, умеющий приспособляться к обстоятельствам и использовать их, он был мастером социальной демагогии. Как сообщают современники, он настолько боялся выдать свои истинные мысли, что даже со своей женой Ливией говорил о важных делах только по предварительно составленному конспекту. За минуту до смерти он сам назвал свою жизнь комедией и по обычаю актёров, уходящих со сцены, просил присутствующих проводить его аплодисментами. Такой человек, конечно, был как нельзя более пригоден для выпавшей на его долю исторической роли — сплотить угнетателей против угнетённых, а затем силой и хитростью, кнутом и пряником держать угнетённых в повиновении.

Сорок четыре года Август был единоличным правителем империи. Незадолго до смерти (14 г. н. э.) он составил политическое завещание, впоследствии озаглавленное «Деяния божественного Августа», в котором попытался подвести некоторые итоги своего правления. В сухих и кратких фразах излагает он свою деятельность с момента вступления на политическое поприще, стараясь показать, как благотворна она была для государства. Но как раз к концу его правления стало ясно, что итоги далеко не так уж блестящи.

Правда, установление империи стало совершившимся фактом. Никому уже не казалось странным, что Август готовит себе преемника. После ранней смерти своих внуков и Агриппы, которого он также намечал преемником, единственной возможной кандидатурой была кандидатура его пасынка — Тиберия. Август усыновил его и назначил наследником.

Но, конечно, не эта династическая политика важна при подведении итогов более чем сорокалетней государственной деятельности Августа. Необходимо отметить, что вопрос о рабах оставался достаточно острым, хотя открытых восстаний уже не было. Военная мощь империи и дисциплина войск далеко не отвечали официальной версии о незыблемой власти Рима над миром. Неудачи в Паннонии и Германии потребовали некоторых материальных жертв у богатых людей, что вызвало недовольство сената. Не достигли цели и брачные законы. Знать обходила и нарушала их. Даже дочь Августа и его младшая внучка Юлия были осуждены и изгнаны из Италии за вопиющий разврат. Не вернулись ни «нравы предков», ни «золотой век», так как контрасты безумной роскоши и жалкой нищеты не только не уменьшились, но ещё более возросли. Экономика Италии, правда, достигла известного подъёма» но

собственного хлеба не хватало, и приходилось ввозить его из провинций. В провинциях хоть и создался общественный слой, поддерживавший императорское правительство, но он был сравнительно тонок. Провинции, особенно западные, всё ещё готовы были восстать.

3. Идеология римского общества в годы установления принципата. Римская литература

Идеология принципата

Как государственная форма, сплотившая вокруг себя господствующий класс Рима, Италии, провинций и зависимых царств, принципат нуждался в идеологическом оформлении. Август отлично понимал, как важна поддержка общественного мнения. В целях пропаганды

«Благоденствие Италии»: богиня земли и аллегорические изображения воды и воздуха.
Рельеф «Алтаря мира» Августа.
13—9 гг. до н. э.

политики Августа использовались литература, изобразительное искусство и другие средства; среди них важную роль играли монеты, на которых чеканились короткие лозунги на злобу дня. Такими официальными лозунгами принципата были мир, pietas и «свобода».

Ещё во время гражданских войн в широких массах снова стала очень популярна распространённая на Востоке идея о божественном спасителе, который осчастливит людей и вернёт на землю «золотой век», мир и изобилие. Поэт Вергилий (70— 19 гг. до н. э.) написал в 40 г. до н. э. эклогу, в которой в туманных выражениях пророчествовал о рождении младенца, предназначенного вернуть на землю «золотой век». Сходные мотивы встречаются и у поэта Горация (65—8 гг. до н. э.). Эти идеи были широко использованы окружением Августа. Выше уже было отмечено, что для

своих восточных подданных он был богом и к нему они нередко прилагали эпитет «спаситель». В Риме и Италии он, не выступая как живое божество, пропагандировал идею нового, счастливого века, дарованного им людям.

С древних времён в Риме каждые 100 или 110 лет справлялись так называемые секулярные (столетние) игры. С наступлением мира Август решил отпраздновать их с небывалой торжественностью (в 17 г. до н. э.). Все жители Италии были приглашены на это трёхдневное празднество. Увеселения и угощения сменялись молитвами и жертвоприношениями за мир, благополучие и плодородие земли и всех на ней живущих. Горацию был заказан секулярный гимн, который исполняли юноши и девушки из знатных семей. Сам император с семьёй принимал деятельное участие в торжествах, которые должны были поразить воображение народа.

Но, использовав популярные в массах надежды на «божественного спасителя» и «золотой век», Август старался уничтожить мятежные идеи, которые могли быть с ними связаны. По приказу императора специальная жреческая коллегия тщательно собрала и пересмотрела пророчества и предсказания, которые ходили в народе и приписывались древним пророчицам-сивиллам. Все записи прорицаний, проникнутых опасным для правительства духом, были сожжены. Август запретил поклоняться в Риме восточным богам, которые нашли там уже многих почитателей, особенно среди плебса, вольноотпущенников, рабов.

Всё это делалось под видом возрождения римской старины и «нравов предков». Эти лозунги имели тот же смысл, что и призыв к возрождению pietas. Рабов стремились вернуть к фамильным культам, оградить их от «опасных» учений и разъединить; свободным же римлянам внушалось, что они самой судьбой поставлены неизмеримо выше остального человечества, чтобы сплотить их вокруг римской религии, римских добродетелей и воскресившего их Августа. При принципате проявлялась забота о том, чтобы исполнялись старые, давно забытые обряды, восстанавливались давно захиревшие жреческие коллегии, поощрялись исследования в области римских древностей. Даже поэт Овидий, более всего прославившийся своей любовной лирикой, принялся в угоду Августу за кропотливое исследование о древнейшей римской религии, результатом которого была поэма «Фасты» («Календарь»), содержавшая перечень римских праздников, связанных с ними обрядов и версий об их происхождении.

Римские поэты. Вергилий

Политика Августа встречала сочувствие в широких кругах италийских собственников, к которым принадлежали и замечательные поэты того времени. Восхвалением римской старины и Августа проникнуто творчество великих поэтов — Вергилия, Горация, Тибулла, Пропорция, Овидия, входивших в литературные кружки, находившиеся под покровительством ближайшего после Агриппы друга Августа — Мецената и бывшего «республиканца» Валерия Мессалы. Все эти поэты были уроженцами италийских городов, некоторые из них происходили из всаднических родов. Только Гораций был сыном вольноотпущенника. Многие из них потеряли свои земли во время гражданских войн. Во время второго триумвирата неизвестный поэт написал дошедшие до нас стихи, полные страстной ненависти к ветеранам, захватившим его землю; он заклинает её, чтобы она не давала плодов незаконным «нечестивым» владельцам. В это же время и Вергилий в одной из своих эклог жалуется на новых пришельцев — солдат, захвативших его имение; с окончанием гражданских войн поэт стал на сторону нового режима. Хотя он был знаменит уже в 30-х годах, но по-настоящему его творчество расцвело с наступлением мира. Он восхищался идиллически-простой сельской жизнью и римской стариной, которую постоянно и глубоко изучал, и верил, что Август принёс людям мир и восстановил или восстановит древнюю простоту нравов.

Первым из крупных произведений Вергилия (оно написано в 42—39 гг.) были «Буколики» — сборник из десяти так называемых эклог, написанных частично в

подражание идиллиям Феокрита. В этот сборник вошли и эклоги, упоминавшиеся выше. В остальных эклогах изображается, как пастухи на лоне природы состязались в пении любовных песен, прославляли сельскую тишину и мир. Сельской жизни и сельскому хозяйству посвящено и другое произведение Вергилия — «Георгики» написанное спустя два-три года после «Буколик». Оба произведения, вполне отвечавшие

Вергилий и музы (Клио и Мельпомена).
Мозаика из виллы в Сусе (Тунис). I в. н. э.

господствовавшим настроениям, создали автору большую популярность. Но пережившую века славу величайшего римского поэта принесла ему эпическая поэма «Энеида» над которой он работал десять лет вплоть до своей смерти в 19 г. до н. э. Сам Август живо интересовался его трудом и слушал отдельные части поэмы.

Поэма повествует о странствованиях, приключениях и битвах троянского героя Энея, сына Венеры, которому боги предназначили основать новый город в Италии и стать родоначальником царей Альба-Лонги, Ромула и рода Юлиев. В 12 книгах «Энеиды» рассказывается, как Эней бежал со своей дружиной из горящей Трои, неся на плечах своего старого отца Анхиза и родных пенатов, а рядом с ним шёл его сын Асканий, впоследствии названный Юлом. После долгих странствий и неудач Эней попадает в Карфаген, где правила царица Дидона. Выслушав рассказ Энея о его

подвигах и скитаниях, она полюбила его, но их союз расторг Юпитер, напомнив Энею, что его ждёт великое будущее в Италии. Покинутая царица кончает жизнь самоубийством. Прибыв в Сицилию и похоронив здесь Анхиза, Эней с помощью Сивиллы спускается в подземное царство, где его умерший отец показывает ему будущих великих мужей Рима и величайшего из них, прямого потомка Энея — Августа, который вернёт на землю «золотой век», прекратит войны и раздоры и расширит власть Рима до Индии и Каспийского моря. В Италии Эней после длительной войны с латинами и этрусками женится на Лавинии, дочери царя Латина, и кладёт начало новому царству латинов и троянцев.

Вся поэма проникнута господствовавшими тогда среди правящего класса Италии идеями и настроениями. Будущее величие Рима и Августа возвещают и Анхиз и сам Юпитер, который определяет миссию римлян на земле: пусть другие народы сильнее в науках и искусствах; назначение римлян — быть владыками мира, щадить побеждённых и покорять надменных. Знаменитые деятели, создавшие величие Рима, по мнению Вергилия, были сильны мужеством, суровой простотой и благочестием (pietas). Сам Эней — образец благочестия, которое и обеспечивает ему победу. Благочестивых он видит, спустившись в царство мёртвых, в стране блаженных; зато нечестивые терпят там страшные муки. С любовью описывает Вергилий древние обычаи и обряды римской религии, простую сельскую жизнь. «Энеида» так ярко воплотила идеологию господствующих слоев Рима и Италии, что на долгие века осталась любимым произведением римлян. Её комментировали ещё в V в. н. э., её цитировали поэты, историки и авторы эпитафий, высеченных на надгробиях в Италии и провинциях, по ней изучали прошлое Рима, по ней гадали.

Гораций

Не менее популярен был поэт Гораций; сходные мотивы звучали и в его творчестве, хотя и не так последовательно, как у Вергилия. Он писал сравнительно небольшие произведения — сатиры, лирические стихотворения, называвшиеся одами, послания. Его стихи разнообразны и изящны. Как до него Катулл, он пользовался новыми, заимствованными у греческих поэтов размерами, которые мастерски применял к латинскому языку. И он восхвалял принесённый Августом мир и радости сельской жизни, и он воспел акцийскую победу, но нередко в его произведениях проскальзывали другие черты. Он упоминает, что земледельцу опостылела земля, которую он возделывает, что рабыни, несмотря на то, что им обещана свобода за рождение троих детей, не хотят давать жизни будущим рабам; он пишет о богатых, скупых, невежественных выскочках, о жажде наживы и погоне за наследствами. Пользуясь много лет покровительством Мецената, подарившего ему небольшое имение, он иногда намекает на тяжёлое положение поэта, ставшего клиентом вельможи и утратившего свободу.

Большое место в его творчестве занимали любовные мотивы, дружба, призывы наслаждаться радостями жизни. С особым мастерством рисует он отдельные сцены и картинки римской и деревенской жизни. Сточки зрения историко-литературной очень важно его большое стихотворение о поэзии — одна из древнейших поэтик. Гораций исключительно высоко оценивал миссию поэта, который обязан, по его мнению, воспитывать своих современников и стремиться к наивысшему мастерству в своём искусстве. В одном из стихотворений Гораций пишет, что своими стихами он воздвиг себе памятник «долговечнее меди» и «выше пирамид» и память о нём не исчезнет, пока стоит Капитолий.

Популярность поэзии в Риме; элегические поэмы. Овидий

Любовные стихи-элегии в духе александрийских поэтов были тогда в Риме в большой моде. Ораторское искусство, столь высоко развитое при республике, стало быстро приходить в упадок с прекращением живой политической борьбы.

Талантливые люди теперь обращались к литературе, тем более что Август и его приближённые старались привлечь к ней внимание публики, устраивая общественные библиотеки и организуя публичные выступления поэтов и писателей. Стихи писали и знатные люди. Даже Август пытался написать трагедию, однако безуспешно.

Знамениты были любовные элегии Тибулла и Проперция. Первая встреча с возлюбленной, перипетии романа, страсть, ревность, измены, разрыв — все это находило отражение в их стихах. Наряду с лирикой они отдавали дань и темам, обязательным для всякого желавшего заслужить милость Августа, — лести принцепсу, «золотому веку» и прошлому Рима. Особенно характерен в этом смысле Овидий. Он довел до совершенства разработку любовных мотивов. Он писал и о своей возлюбленной Коринне и о любви мифологических героинь, которых он заставлял изливать свои чувства в посланиях к возлюбленным. В большом сборнике «Метаморфозы» он излагает мифы о превращениях людей в животных, растения, камни и заканчивает свое произведение превращением обожествлённого Цезаря в звезду. И здесь любовные эпизоды были обработаны особенно искусно. Стихи эти были очень популярны среди знатной молодёжи Рима, которую никакие законы не могли вернуть к патриархальной строгости нравов. В нимфах и героинях Овидия римские кутилы узнавали своих современниц — гетер или легкомысленных замужних матрон. Август давно с неудовольствием следил за творчеством Овидия. Когда же поэт написал своё «Любовное искусство», где давались советы, как соблазнить женщину или обмануть мужа, и прозрачно высмеивалось брачное законодательство Августа, он был выслан в городок Томы на Чёрное море. Тщетно писал он в Рим скорбные послания, умоляя о прощении. Прощения он не получил и умер в ссылке. Его послания с Понта, проникнутые глубокой тоской о родине и близких, принадлежат к лучшим творениям мировой поэзии.

Проза. Общий характер литературы «золотого века»

Проза времён Августа не так широко представлена, как поэзия. Самым блестящим прозаиком этого времени был историк Тит Ливии. Свою обширную — в 142 книгах — историю Рима он писал в том же духе, как Вергилий «Энеиду», с благоговением вспоминая тех, кто благодаря своим «истинно римским добродетелям» сделал из маленького городка повелителя мира. За это Август простил Ливию его симпатии к Помпею. Правда, он не всегда был так либерален — сочинения Лабиена и Кассия Севера, прославлявшие Брута, он приказал сжечь.

Литература достигла расцвета при Августе, его принципат был назван «золотым веком» римской литературы. Она соединила разнообразие и мастерство форм эллинистических поэтов с содержанием, близким идеологии правящих кругов Рима. Она оказала большое влияние на развитие мировой литературы. Но в ней уже сказывались черты, приведшие впоследствии римскую литературу к упадку,— зависимость писателей от официальной идеологии и ещё более тягостная зависимость от знатных покровителей, увлечение личными, любовными мотивами, как следствие отсутствия свободы в трактовке общественных вопросов, чрезмерное увлечение искусной формой, изысканными оборотами в ущерб внутреннему содержанию.

4. Римская империя в I в. н. э. (до 70-х годов)

Императоры и сенат

Начавшийся ещё во времена Августа процесс изменения состава правящего класса продолжался и при его преемниках. К середине I в. потомки старой знати составляли ничтожное меньшинство (около $^{1}/_{10}$ общего числа сенаторов). Остальные сенаторы разбогатели и достигли высокого положения уже при империи. Это были выходцы из италийской знати, выслужившиеся императорские чиновники, иногда даже сыновья богатых вольноотпущенников. Попадали в сенат, хотя ещё в небольшом числе, уроженцы Нарбонской Галлии и Испании, а затем и наиболее знатные и богатые представители общин Великой Галлии.

Крупнейшие рабовладельцы и землевладельцы Италии всё ещё не могли примириться с потерей политической власти и поступиться своими исключительными правами и привилегиями. Среди них процветал культ республики и «последних республиканцев» — Брута и Кассия. Но по существу о республике всерьёз они уже не мечтали, а хотели лишь видеть у власти принцепса, избранного сенатом и от него зависящего.

Представители этой группы сенаторов стремились к подавлению всех подданных, будь то рабы, плебс или провинциалы, путём прямого насилия. Они были недовольны тем, что знать провинций получила право высказывать одобрение или порицание уходившему в отставку провинциальному наместнику, которого в соответствии с этим император награждал или предавал суду. Когда в сенат были допущены галлы, это вызвало среди оппозиции негодование и насмешки. Ещё больше эта группа негодовала на богатых и влиятельных вольноотпущенников, требуя, чтобы был издан закон, разрешающий патрону вернуть в рабство вольноотпущенника, показавшегося ему «неблагодарным».

Особенно беспощадной суровости требовала эта сенаторская группировка по отношению к рабам. В 61 г. префект Рима Педаний Секунд был убит своим рабом. По восстановленному Августом закону все 400 человек его городской фамилии подлежали смертной казни. В народе, возмущённом этой жестокостью, началось волнение. Вопрос был поставлен на обсуждение в сенате. С речью выступил потомок «тираноубийцы» Кассия — Гай Кассий. Он считал, что закон должен быть исполнен, так как только непрерывным страхом можно держать в узде разноплемённых рабов. Речь Кассия убедила сенаторов, и рабы Секунда были казнены.

Те сенаторы, которые лишь недавно вошли в состав высшего сословия, готовы были безоговорочно поддерживать сильную императорскую власть и приветствовали борьбу со старосенатской знатью. К этой группе примыкали и представители других сословий, которые делали карьеру на императорской службе: всадники, императорские вольноотпущенники. Самую значительную роль среди них играл префект преторианцев. Должность эта впервые получила решающее значение уже при первом преемнике Августа. Тогдашний начальник преторианцев Сеян собрал разрозненные преторианские части в один лагерь. В этом лагере и происходило фактическое провозглашение императоров, хотя формально их утверждал сенат.

Из числа всадников выходило большинство военных командиров. Всё большее влияние приобретали прокураторы, ведавшие в провинциях императорскими землями, возраставшими в результате конфискаций имущества осуждённых. Возросла роль императорских вольноотпущенников. Формально они занимали различные должности в личной канцелярии императора. Наиболее важными были должности в ведомствах, занимавшихся финансовой отчётностью, прошениями, поступавшими на имя императора, и ответами на эти прошения. Но постепенно грань между императорским хозяйством и государственной администрацией всё более стиралась, и главы ведомств фактически стали управлять большинством государственных дел. Император Нерон уже посылал своих вольноотпущенников ревизовать дела даже сенатских провинций, а, отправившись в Грецию, поручил управление Римом своему отпущеннику Гелию.

Между всеми этими группировками шла непрерывная борьба. Оппозиция сената проявлялась в самой различной форме — от анонимных памфлетов и сатирических песенок против императоров до заговоров на их жизнь. Наиболее ярким представителем сенатской оппозиции императорскому режиму был крупнейший римский историк Корнелий Тацит (ок. 55—120), писавший спустя несколько десятилетий после смерти последнего представителя первой императорской династии Рима, известной в исторической традиции под именем Юлиев-Клавдиев (поскольку сменивший Августа Тиберий и последующие принцепсы принадлежали по рождению или усыновление к этим родам). Знакомство Тацита с официальными

источниками и закулисными интригами того времени и его огромный писательский талант позволили ему мастерски обрисовать образы тиранов на престоле Римской империи. Их посмертному бесславию немало способствовал и современник Тацита — Светоний Транквилл (около 70—160), написавший биографию двенадцати цезарей, начиная с Юлия Цезаря. Он тщательно собрал все слухи и сплетни, ходившие в сенатской среде, и включил их в свою книгу. В результате императоры династии Юлиев-Клавдиев остались в веках образцами безудержного самовластия, кровожадной, бессмысленной жестокости, чудовищного разврата.

Тиберия (14—37) обвиняли в надменности, двуличии и жестокости. Говорили, что по его тайному приказу был отравлен его племянник Германик, пользовавшийся большой популярностью в сенатских кругах Особенную ненависть вызывал всесильный, но затем обвиненный в заговоре и казнённый префект преторианцев Сеян Его влиянию приписывали жестокие репрессии, которыми Тиберий отвечал на рост сенатской оппозиции, начавшей проявляться еще в конце правления Августа. В борьбе с этой оппозицией император охотно принимал всевозможные доносы, между прочим и от рабов, что особенно возмущало знать. Грозным орудием стал и так называемый «закон об оскорблении величества римского народа», некогда направленный против врагов республики, а со времён Тиберия применявшийся для осуждения действительных и мнимых врагов императора. На семьдесят восьмом году жизни Тиберий был задушен в своем дворце на острове Капреях (Капри) префектом преторианцев Макроном

Новый император, Гай Цезарь (37—41), прозванный Калигулой (уменьшительное от «калига» — солдатский сапог, так называли его солдаты, среди которых он провел детство), не только не прекратил борьбы с аристократией, но даже усилил её. Сенатские историки описывали его как безумца, требовавшего божеских почестей, казнившего невинных людей исключительно из кровожадности, жалевшего, что у всего народа не одна шея, которую можно было бы перерубить одним ударом. Он так увлекался скачками, писали они, что собирался сделать консулом своего любимого коня. Когда Калигула был убит трибуном преторианцев Кассием Хереей, сенат собирался провозгласить восстановление республики, но эта беспомощная попытка была быстро пресечена преторианцами, провозгласившими императором дядю Калигулы, брата Германика — Клавдия.

Вскоре после убийства Калигулы по наущению группы сенаторов наместник Далмации Скрибониан призвал солдат восстать за республику. Однако среди солдат лозунг республики не был популярен. После недолгих колебаний легионарии перебили командиров, подстрекавших их к мятежу, и заявили о своей преданности Клавдию.

Хотя, по сообщениям всё тех же просенатских источников, Клавдия даже в собственной семье считали чудаком, он достаточно ясно понимал некоторые из стоявших перед ним задач, в частности вопрос об урегулировании взаимоотношений с аристократией провинций. Но это отнюдь не способствовало его популярности в сенате, куда он долгое время являлся только в сопровождении вооружённой стражи. Его обвиняли в том, что он всецело подчиняется своим вольноотпущенникам и жёнам. Последняя из них, властная и честолюбивая дочь Германика—Агриппина уговорила императора усыновить и объявить наследником её сына от первого брака—Нерона, а затем отравила Клавдия. Семнадцатилетний Нерон был доставлен матерью в лагерь преторианцев и провозглашён императором.

Образ Нерона (54—68), которого сенат ненавидел, а христиане считали своим первым гонителем и чуть ли не антихристом, рисовался особенно чёрными красками. Правда, первые пять лет его правления, когда он находился под влиянием своего воспитателя—знаменитого философа Сенеки, сенат был им доволен. Он отстранил вольноотпущенников Клавдия, не принимал доносов от рабов, не вмешивался в управление сенатскими провинциями. Но затем согласие было снова нарушено. Сенека был от-

странен. Снова под руководством префекта преторианцев Тигеллина начались преследования и казни сенаторов Они ответили на это новым заговором. Теперь заговорщики даже на словах не выступали за республику, стремясь заменить Нерона своим ставленником Пизоном. Это был человек знатнейшего рода, но совершенно ничтожный, что было на руку выдвинувшей его клике. К заговору примкнули многие, между прочим и молодой поэт Лукан, который прославился республиканской по духу поэмой «Фарсалии», возможно, что участником заговора был и Сенека Заговор был раскрыт по доносу раба одного из участников. Это дало правительству повод расправиться и с остальными недовольными.

Нерон покровительствовал грекам и выходцам из восточных провинций, что возмущало римскую знать. Ее негодование вызывало его пристрастие к поэзии и музыке, которое дошло до того, что он публично выступал на сцене и участвовал в Греции в состязаниях актеров и музыкантов. Когда в Риме произошёл длившийся целую неделю пожар, знать распустила слух, что Нерон приказал поджечь город, чтобы, глядя на пожар, воспеть гибель Трои. С этим пожаром связывают и первое преследование христиан, которых Нерон обвинил в поджоге, чтобы отвести от себя подозрение. Колоссальные средства расходовались Нероном на постройку нового дворца, так называемого «Золотого дома», на роскошные празднества и раздачи народу. Каша была пуста, провинции, особенно западные, переобременены налогами Правление Нерона закончилось тем, что против него восстали наместники Галлии и Испании. Когда даже преторианцы покинули его и сенат объявил его низложенным, он бежал из Рима и покончил с собой со словами: «Какой великий артист погибает!»

5. Социальные отношения и политическая жизнь империи

Рабство и движения рабов

В I в. число рабов в Италии было по-прежнему очень велико; возрастало и количество рабов в провинциях по мере их «романизации». Использовались рабы самым различным образом, и положение их было неодинаково. В привилегированном положении находились рабы, становившиеся доверенными агентами, казначеями, секретарями, управляющими имуществом господ; они нередко жестоко угнетали своих собратьев по классу. Были и такие рабы, которым господин давал возможность вести самостоятельное хозяйство — арендовать у него землю, мастерскую, лавку за выплату части получаемого ими дохода. Эти рабы нередко располагали значительными средствами и даже владели собственными рабами. Впоследствии они выкупались на волю, причём в отличие от рабов, отпущенных «по милости господина», как выражались юристы, они не обременялись никакими обязательствами относительно бывшего хозяина. Положение образованных рабов — врачей, чтецов, декламаторов, писцов, актеров, музыкантов, педагогов, которых принято было держать в более или менее богатых домах, было, разумеется, лучше положения остальной массы рабов, но крайне унизительно. В большинстве случаев это были греки или уроженцы Малой Азии; они стоили дорого, и владельцы их щадили. Таких рабов было, конечно, ничтожное меньшинство.

Большая часть рабов была занята в ремесле и сельском хозяйстве. В имениях они работали в разных отраслях хозяйства. Пастухи иногда жили отдельно, в маленьких хижинах близ пастбища, если пастбище, часто общее для нескольких хозяйств, было далеко от имения. Остальные жили в самом имении, в специальных зданиях. Для вспашки полей, жатвы, обработки виноградников и маслиновых рощ рабы посылались отрядами из пяти человек под надзором особого надсмотрщика и нередко закованными в кандалы.

Вся жизнь рабов проходила в тяжёлом, непрестанном труде и была строго регламентирована владельцем или управителем имения. Хотя в это время уже редкими

становились владельцы, нерасчётливо губившие здоровье и жизнь рабов, которые представляли значительную ценность (в среднем раб стоил 500 денариев, квалифицированные же рабы стоили значительно дороже), эксплуатация их стала более интенсивной, чем во времена республики, когда рационально поставленных рабовладельческих хозяйств было сравнительно мало. Непокорных ждала жестокая расправа — плети, наложение клейма, которое лишало раба, даже получившего свободу, возможности стать римским или латинским гражданином, заключение в подземные тюрьмы, эргастулы, бывшие необходимой принадлежностью каждого имения, ссылка в рудники, где условия были настолько невыносимы, что и самые здоровые вскоре становились калеками или умирали, и, наконец, смерть на арене цирка или на кресте, на которую магистрат или наместник провинции обрекал раба по требованию его господина. Сходным было и положение рабов, занятых в ремесленных мастерских.

Сохранявшиеся ещё во времена республики некоторые пережитки патриархальных отношений между господином и рабами совершенно исчезли. На рабов уже смотрели не как на членов фамилии, тесно связанных с её главой, а как на врагов, которых нужно подавлять. «Сколько рабов — столько врагов» — такова была широко распространённая среди рабовладельцев поговорка. Стараясь помешать рабам объединиться, крупные собственники набирали их из разных стран и племён. Большое число рабов было уроженцами Сирии и Малой Азии. Их считали сообразительными, способными к работам, требовавшим известной сноровки и квалификации, но зато строптивыми и склонными к мятежу. Рабов из иллирийских, фракийских, германских племён ценили за физическую силу и выносливость. Часть рабов была и из италиков.

Источники рабства были весьма разнообразны. Рабами становились преимущественно военнопленные, а также и лица, осуждённые за некоторые преступления (например, за отказ от военной службы), захваченные и проданные пиратами, на деятельность которых власти часто смотрели сквозь пальцы. Несмотря на противозаконность таких сделок, была распространена самопродажа в рабство бедняков и продажа детей, особенно на Востоке. Поступали в империю и рабы из соседних областей, где работорговцы закупали у местной знати её соплеменников, по той или иной причине попавших в рабство. Наряду с купленными рабами имелись рабы, родившиеся в доме своего владельца. Хотя закон не признавал браков и родственных отношений между рабами, они сами смотрели на свои связи, как на брак, и господа не препятствовали этому, желая крепче привязать их к дому и увеличить число своих рабов за счёт их детей.

Обычно раб не имел никакой надежды на улучшение своей жизни и будущности своих детей. Поэтому в своей работе он не только не был заинтересован, но прямо ненавидел её. Иногда рабовладельцы отпускали некоторых рабов на волю, отчасти в целях воздействия таким путём на остальных рабов, а отчасти потому, что эксплуатация отпущенников в ряде случаев давала значительные выгоды. Рядовые рабы, получив свободу, были обязаны часть времени работать на своего патрона в качестве ремесленников или на его землях, если они не имели ремесленной специальности. Часть нажитого ими имущества они обязаны были завещать патрону.

В I в. н. э. несколько раз начинались восстания рабов. Вскоре после смерти Августа раб его последнего внука Агриппы Постума, жившего в изгнании, пытался поднять восстание с целью доставить власть своему хозяину. А когда Постум был убит по тайному приказу Тиберия, этот раб стал выдавать себя за своего господина и привлёк к себе много сторонников. Только когда он был предан, движение было подавлено. В 24 г. н. э. всадник Тит Куртизий начал собирать рабов-пастухов с огромных пастбищ Южной Италии, намереваясь поднять восстание. Оно было подавлено в самом начале, но рабовладельцы были напуганы числом рабов, готовых при-

нять в нём участие. Немалый переполох вызвала среди них и быстро подавленная попытка восстания среди гладиаторов города Пренесте при Нероне.

Нередко рабы использовали и другие формы сопротивления Они убивали жестоких владельцев, охотно доносили на господ, портили скот и инвентарь. Только плетьми угрозой заключения в эргастулы, оковами и неусыпным надзором можно было заставить их работать. Хотя в сельскохозяйственной технике были сделаны некоторые изобретения — водяная мельница, жатка, тяжёлый плуг, приспособленный для вспахивания твёрдых земель, усовершенствованные прессы для винограда и оливок, но из-за сопротивления рабов применение их было ограничено.

Многие рабовладельцы всё чаще задумывались над создавшимся положением. Некоторые считали, что надо ограничить число рабов, возобновив старые законы против роскоши, Правительство на это не пошло, но при Нероне, например, его тётке Лепиде было предъявлено обвинение, что она плохо наблюдает за своими многочисленными рабами на юге Италии, ставя тем самым под угрозу спокойствие страны. Были и такие рабовладельцы, которые пытались превратить свою фамилию в подобие маленького государства и действовать относительно рабов так же, как действовало правительство относительно плебса, стараясь отвлечь его от опасных помыслов. В императорском хозяйстве и в крупнейших частных домах стали появляться рабские коллегии, организованные так же, как коллегии свободных. В них были свои выборные магистраты, собрания, празднества, свой культ домашних ларов и гения главы фамилии. Первой робкой попыткой со стороны правительства вмешаться во взаимоотношения господ и рабов был эдикт Клавдия. По старому обычаю больных рабов вывозили на остров, посвящённый богу врачевания Эскулапу (на Тибре) и оставляли там на произвол судьбы. Согласно эдикту Клавдия, те из рабов, которые всё-таки выживали, получали свободу.

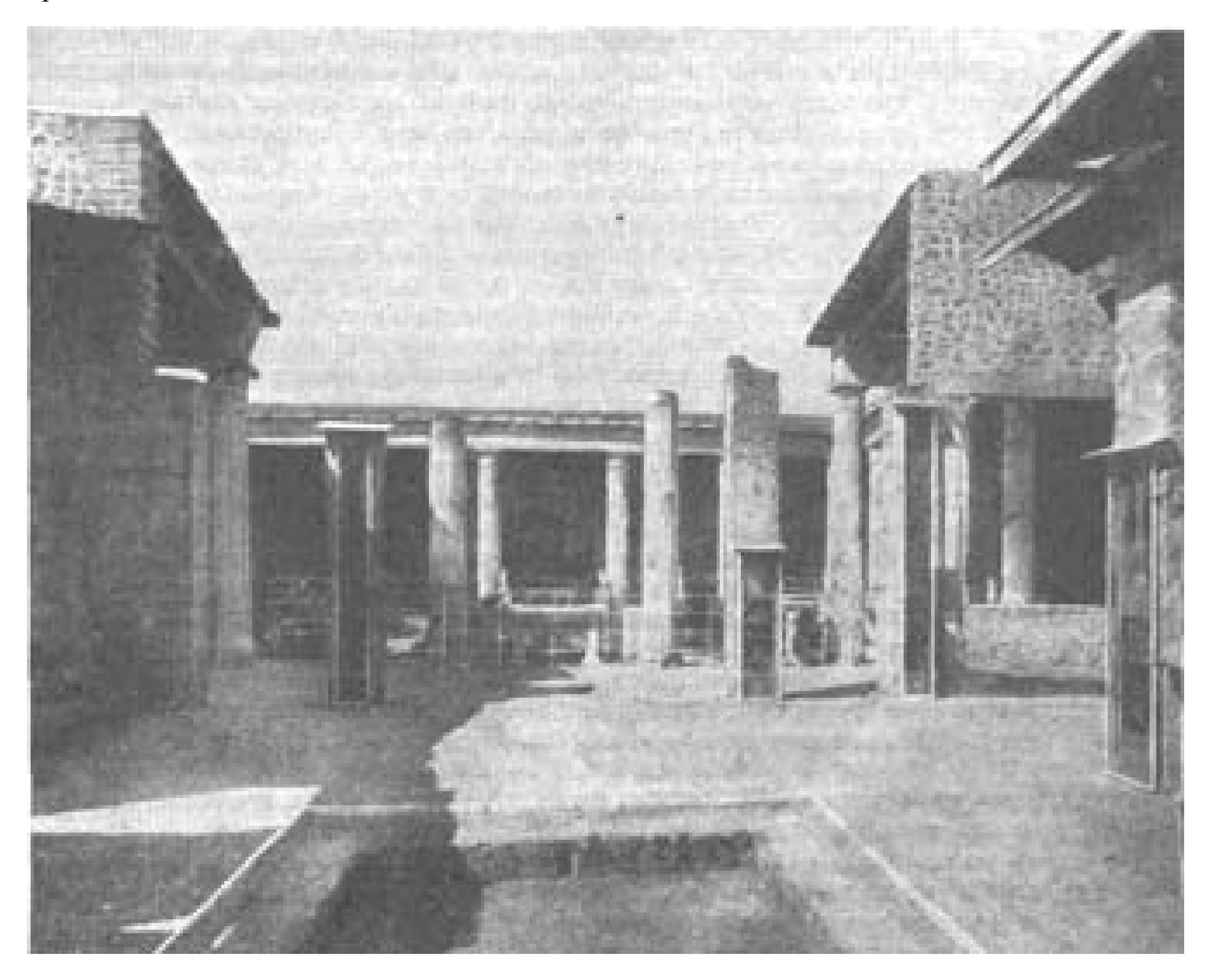
Упадок латифундий

На юге и в центре Италии ещё сохранялось и даже отчасти снова стало расти крупное землевладение. Однако латифундии, находившиеся под управлением виликов, обрабатывались плохо, многие из них обращались в увеселительные парки и декоративные рощи. Скотоводство, виноделие, оливковые плантации, огороды и цветники если и не вытеснили зерновые культуры, то всё-таки значительно уменьшили отведённую для них площадь. Италия попадала во всё большую зависимость от привозного хлеба.

Характерны те противоречия, с которыми мы встречаемся в сочинениях известного агронома того времени Колумеллы. Как и его предшественники, он советовал заводить не слишком большие, но хорошо обработанные имения, в которых использовался бы накопленный веками и обобщённый тогдашними агрономами опыт. Но он вместе с тем неоднократно жалуется на трудности организации труда рабов. Он советует снисходительно относиться к рабам, чтобы побудить их лучше работать, награждать прилежных и карать ленивых. Чрезвычайно существенно, что мелкая аренда, носившая при Августе ещё случайный характер, становится к середине I в. обычным явлением. Колумелла уже знает арендаторов (так называемых колонов), сидевших на своих участках из поколения в поколение, и советует сдавать им в аренду те земли, которые невыгодно обрабатывать с помощью рабов. Учёный-натуралист Плиний Старший писал, что латифундии погубили Италию, и советовал отказаться от массового применения труда рабов, особенно закованных в кандалы, так как нельзя ждать хорошей работы от отчаявшихся людей. По его мнению, следовало перейти к обработке небольших участков, для возделывания которых достаточно сил одной семьи и нескольких зависимых людей (клиентов, колонов и т. д.) Плиний и многие другие считали, что вести рациональное хозяйство, на котором настаивал Колумелла, при рабском труде невозможно, убыточно и что в таком случае выгоднее отказаться от тщательной обработки земли.

Городская жизнь в Риме и городах Италии

Несмотря на первые признаки упадка рабовладельческих хозяйств в Италии, сословие декурионов, пополнявшееся ветеранами, разбогатевшими торговцами и ремесленниками, было ещё сильно, магистратские должности выгодны и желанны, и города Италии всё ещё жили интенсивной жизнью. Раскопки города Помпей, засыпанного лавой при извержении Везувия в 79 г. н. э., а также многочисленные надписи из других городов дают известное представление об этой жизни.



Дом Веттиев в Помпеях.
I в. н. э.

Главную роль в этих городах по-прежнему играли владельцы окрестных вилл с несколькими десятками рабов. Владельцами вилл были старые италийские собственники, ветераны и их потомки, а также разбогатевшие ремесленники, торговцы и ростовщики, свободные и вольноотпущенники, вкладывавшие свои средства в землю. Эти элементы составляли муниципальную верхушку; сыновья богатых отпущенников также, как отмечалось, вливались в сословие декурионов.

Как бессовестно иногда эксплуатировали население городские магистраты, показывают вызванный насилиями магистратов мятеж в Путеолах, а также народное волнение, вспыхнувшее в связи с чрезмерным нажимом при сборе «добровольных пожертвований» на сооружение статуи жене одного магистрата, о котором повествует надпись из города Авсуга. Магистратам и декурионам приходилось делать в своих

городах то же, что императоры делали в отношении римского плебса. Здесь, правда, не было регулярных раздач, но декурионы часто устраивали даровые угощения для народа и раздавали подарки; устройство зрелищ и строительство общественных зданий считались обязательными для магистратов. Так развитие городского строя, связанное с развитием рабства и разорением крестьянства, увеличивало расходы на содержание свободной бедноты, что, в свою очередь, вело к усилению эксплуатации рабов и к росту классовых противоречий.

В политике привлечения масс большую роль в Риме и в других городах Италии играли коллегии. В коллегии объединялись лица одной профессии. Были также коллегии культовые, погребальные, где бедные люди и принимавшиеся в эти коллегии рабы за небольшой взнос получали право на почётные похороны, а при жизни собирались на скромные празднества, чаще всего в честь юбилеев императоров. Особое место занимали коллегии августалов, большей частью состоявшие из вольноотпущенников и посвящённые культу Августа и других императоров, причисленных после смерти по постановлению сената к богам. Богатые вольноотпущенники, не принимавшиеся в сословие декурионов, охотно тратили деньги на нужды этого культа, чтобы играть известную роль в социальной жизни. Особые коллегии составляли ветераны, а также молодые люди из знатных семей, главой которых считался наследник императора; коллегии выбирали патронов из местной знати. Патроны делали им подарки (деньги, здания, иногда земли), за это коллегии поддерживали патронов или их кандидатов на муниципальных выборах.

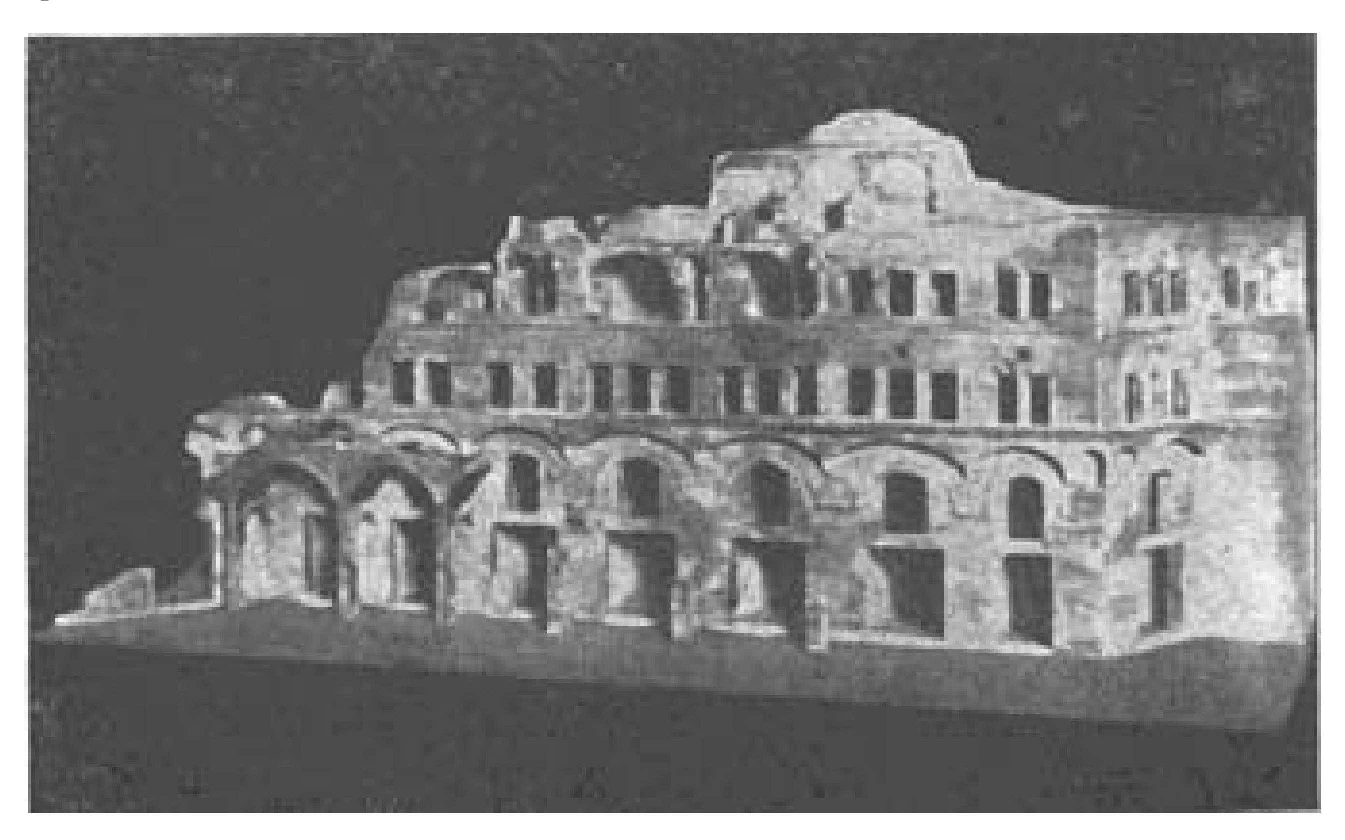
Восхваляя «суровые в своей простоте нравы предков», сама римская аристократия жила в большой роскоши. В условиях рабского труда значительные улучшения производства были невозможны, и масса прибавочного продукта, выколоченного из рабов, расходовалась не на обеспечение расширенного воспроизводства, а на удовлетворение прихотей богачей. Миллионы тратились на дорогую утварь, драгоценности, наряды, изысканный стол. Дворцы в Риме, загородные виллы, дачи на модном, аристократическом курорте Байях близ Неаполя поражали роскошью постройки, отделки и обстановки. Муниципальная знать Италии, пытаясь тянуться за Римом, также тратила немалые средства на постройку городских домов и сельских вилл, на статуи, картины, художественную посуду. Не отставали и богатые вольноотпущенники. Более ловкие и сведущие в делах, они нередко затмевали богатством разорявшихся потомков аристократических домов, которые платили им презрением и ненавистью. Тип богатого, но невежественного вольноотпущенника стал обычным в сатирической литературе того времени.

Вместе с тем среди народа царила крайняя нищета. В Риме бедняки ютились в тесных каморках многоэтажных домов, постоянно разрушавшихся вследствие пожаров и обвалов. В италийских городах они жили в маленьких домишках, занимаясь мелочной торговлей или нанимаясь на работы в мастерские, причём в связи с конкуренцией рабского труда оплата их труда держалась на очень низком уровне. Поэтому неудивительно, что и императорам и муниципальным декурионам приходилось прибегать к разнообразным подачкам, чтобы предотвращать возможные возмущения.

Огромную роль в жизни всех слоев населения и особенно народа играли различные общественные учреждения. В каждом городе и даже в крупных сёлах были свои цирки и театры. По свидетельству современников, гладиаторскими боями, звериными травлями, бегами увлекались все — от рабов до императоров. Происходившие из рабов гладиаторы, возницы, актёры, сумевшие прославиться своим мужеством или искусством, наживали иногда колоссальные состояния, становились любимцами императоров и баловнями знатной молодёжи. Другим излюбленным местом, где встречались римляне, были бани (термы), которые служили также гимнастическими залами, библиотеками и местом встречи друзей. Нередко в термах выступали с чтением своих произведений писатели и поэты. Сооружение водопроводов и роскош-

ных терм нередко производилось за счёт богатых граждан, желавших таким образом заслужить благодарность города.

Большое внимание уделялось также оборудованию центральных площадей городов — форумов. Обычно на форумах помещались храмы главных римских богов и обожествлённых императоров, здание, где заседал совет декурионов, базилика, где совершались торговые и финансовые сделки и происходил суд, кафедра ораторов, выступавших перед народом, статуи городских патронов и «благодетелей». К форуму примыкали рынки и крытые колоннады, ведшие к нему улицы тщательно замащивались каменными плитами. Здесь всегда кипела оживлённая жизнь, сюда приходили и по делам и на прогулку, узнать городские новости, прочесть постановления

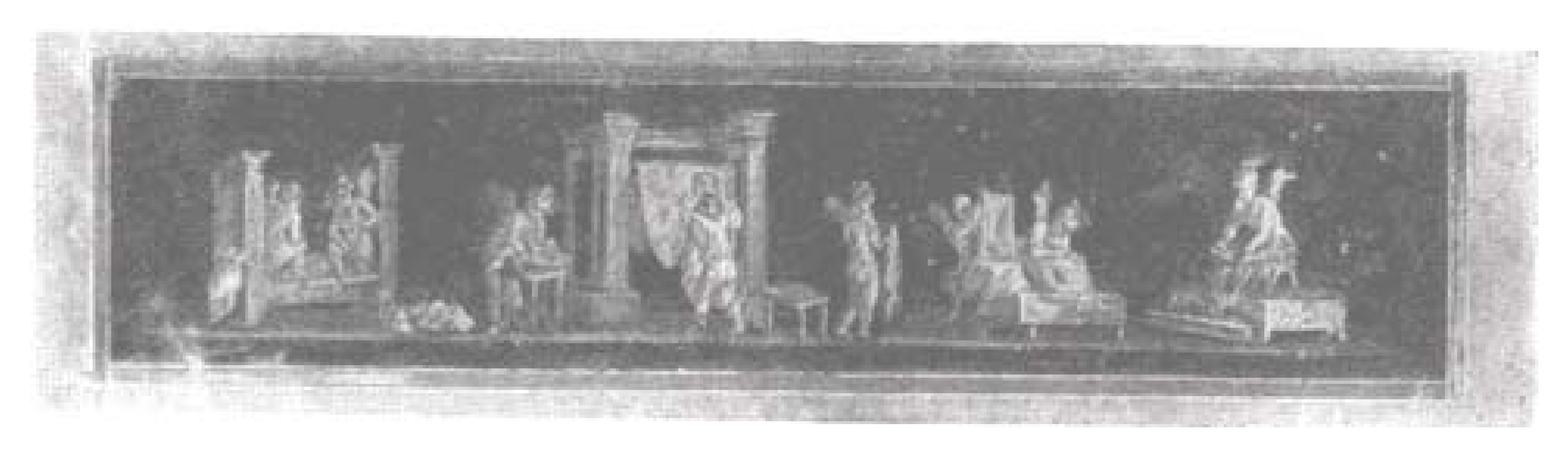


Инсула (римский многоэтажный жилой дом). II в. н. э.
Модель по раскопкам на улице Джулио Романо в Риме.

и приказы правительства и местных органов самоуправления, выставлявшиеся на форуме, послушать ораторов, философов, местных или заезжих.

Дети богатых горожан, получив начальное образование дома, поступали в грамматические школы для изучения греческой и латинской литературы, а затем — в риторические, где юноша должен был научиться писать и говорить на заданные темы по-латыни и по-гречески, ознакомиться с теорией судебного красноречия и приобрести познания, необходимые для выступления в судах. Богатая молодёжь, желавшая усовершенствоваться в философии, заканчивала своё образование в Афинах, где было несколько философских школ разных направлений. Такое «высшее образование» было, конечно, доступно немногим.

Дети бедных людей и городских рабов приобретали профессию, поступая в обучение к какому-нибудь владельцу ремесленной мастерской. Лишь часть из них могла обучаться грамоте в школах, содержавшихся частными учителями. Духовная жизнь народных масс слабо отражена в источниках, но некоторые штрихи



Амуры-сукновалы.
Часть фриза стенной росписи дома Веттиев в Помпеях. I в н. э. Фреска.

Амуры-парфюмеры.
Часть фриза стенной росписи дома Веттиев в Помпеях. I в. н. э. Фреска.

её дошли до нас. На гробницах ремесленников и отпущенников встречаются многочисленные эпитафии в стихах, составленные ими самими ещё при жизни или их близкими, на стенах раскопанных домов находят нацарапанные жителями отрывки из Вергилия. Известно, что из бедноты состояла значительная часть аудитории, перед которой выступали актёры и ораторы.

6. Положение в провинциях. Народные движения

Развитие в провинциях рабовладельческих отношений и городского строя

Одним из важнейших вопросов, который стоял перед императорским правительством в первой половине I в. н. э., был вопрос об управлении провинциями. Преемники Августа, как и он сам, стремясь предотвратить народные восстания, а также из фискальных соображений, старались несколько урегулировать их эксплуатацию. Программу правительства в этом смысле сформулировал Тиберий, сказав, что «овец надо стричь, а не резать». Императоры контролировали не только свои, но и сенатские провинции. Относительный мир, интенсивная постройка дорог, которую правительство предпринимало в стратегических целях, но которая служила и интересам торговли, способствовали оживлению экономики провинций. К этому же времени относятся и некоторые изменения в их аграрном строе. Владения племенной знати в западных провинциях, царские и храмовые земли в восточных провинциях частично были конфискованы и, перейдя в руки императоров, сдавались в аренду мелкими участками. Крестьяне-общинники, прежде зависевшие от собственников земли, на которой они сидели, превращались в арендаторов по договору.

Особенно большое значение имела приписка земель к городским территориям и дарование многим городам Испании и Великой Галлии права латинского гражданства, согласно которому городские магистраты автоматически становились римскими гражданами, и превращение части городов в колонии. При выведении колоний крупные имения у части их владельцев отбирались и шли в надел колонистам. Таким образом, формы эксплуатации, сложившиеся ещё в условиях разложения первобытно-общинного строя на землях племенной знати, сменялись развитым рабовладением, с которым было тесно связано распространение городов. В восточных провинциях римские императоры, продолжая и расширяя политику эллинистических царей, приписывали земли к городам, основывали новые города, наделяли правами полисов сельские, храмовые и племенные территории. Эти мероприятия также увеличивали количество собственников или арендаторов земельных участков и способствовали ускоренному разложению пережитков первобытнообщинного строя. В этом же направлении действовали денежные налоги, способствовавшие вовлечению большего числа населения в товарно-денежные отношения. В западных провинциях начала развиваться городская жизнь по образцу италийской, росло число рабов, которые стали заменять сидевших на землях племенной знати клиентов и должников. Эта «романизация» социальных отношений отразилась и на «романизации» образа жизни, языка, культуры господствующего класса. Нарбонская Галлия и Испания, особенно её юго-восточные области, были уже достаточно романизованы ко времени возникновения империи. При Юлиях-Клавдиях тот же процесс идёт и в Великой Галлии. Магистраты времён независимости (вергобреты) уже при Тиберии заменяются дуумвирами, крупнейшие города приобретают римский облик, развиваются ремесло и торговля.

Однако эта видимость процветания имела оборотную сторону. Многие крестьяне, лишившись земли, переданной колонистам-ветеранам, нуждаясь в деньгах и прибегая к содействию ростовщиков, нищали. Задолженность, вызванная налогами, обременяла и племенную знать. Каждый ценз, за которым следовали раскладка податей и набор рекрутов, встречался ропотом населения.

Отдельные провинции и части провинций развивались неодинаково. В северо-западных областях Испании существовало ещё немало территорий, не имевших городского устройства и населённых племенами, сохранившими прежнюю организацию. В Галлии быстрее романизовались южные и центральные области, где социальная дифференциация к моменту римского завоевания была сильнее и племенная знать чувствовала большую потребность в поддержке Рима. В западных и северных областях Галлии, где жили менее развитые племена, романизация продвигалась медленнее, хотя и здесь возникли две крупные колонии — Августа Треверов (Трир) и Колония Агриппина (Кёльн). Здесь первобытно-общинные отношения были устойчивее и оппозиция Риму сильнее. Ещё медленнее развивались Африка (за исключением немногих старых городов) и придунайские области. В Африке большинство городов сохраняло прежнее устройство, управляясь, как и при карфагенском владычестве, суфетами. Многочисленные берберийские племена управлялись римскими префектами и племенными вождями. Большую роль здесь ещё играли огромные поместья, население которых — клиенты, наследственные арендаторы, должники — зависело только от их владельца. В придунайских провинциях города возникали главным образом в важных стратегических пунктах, где стояли римские войска. Местные племена здесь также управлялись римскими префектами.

При Юлиях-Клавдиях к империи были присоединены еще три провинции: Фракия, Мавретания и Британия. Фракия уже давно находилась под римским протекторатом, и фактически в ней распоряжался наместник Македонии, помогавший местным царям подавлять восстания подданных. В 44 г. н. э. она была обращена в провинцию. Зависели от Рима и цари Мавретании, где издавна селились римские купцы и куда выводились колонии ветеранов. При Калигуле последний царь Мавретании был вызван в Рим, где и умер (или был убит), а Мавретания стала провинцией.

Уже со времени Цезаря начали укрепляться торговые связи Италии и Британии. Среди знати юго-восточной части острова, где уже сильно развилось имущественное неравенство, складывалась проримская партия, готовая опереться на римлян в междоусобных распрях и борьбе с народом. Так, например, к Калигуле обращался за помощью изгнанный сын правителя одного из пяти британских «царств». Римляне поддержали правительницу племени бригантов Картимандую, когда подданные хотели её изгнать. Постепенно борьба проримской и антиримской, т. е. аристократической и народной, партий очень обострилась. Британия, которая в это время стала значительным центром друидизма, могла сделаться убежищем и союзницей врагов римского господства в Галлии. Наконец, богатства острова — зерно, скот, металлы, жемчуг — казались соблазнительной добычей. Всё это и побудило Клавдия предпринять в 43 г. н. э. завоевание Британии. Часть острова была обращена в провинцию с главным городом Веруламием, получившим права муниципия. Соседние области были подчинены зависимым царям, получившим титул «царей и легатов Августа». Северные и западные части острова, населённые племенами, ещё только начавшими осваивать употребление железа и не имевшими проримской знати, сохранили независимость.

Восстания в западных провинциях

В западных провинциях не прекращалась то затухавшая, то вспыхивавшая вновь борьба против римского владычества. Во всех происходивших там восстаниях были черты сходства. Восстания обычно возглавлялись отдельными представителями местной племенной знати, но основной их движущей силой были широкие народные массы.

В 21 г. н. э. вспыхнуло восстание в Галлии, возглавлявшееся знатными галлами — римскими гражданами Флором и Сакровиром. К ним примкнули массы клиентов, должников, крестьян. В Риме это движение вызвало сильную тревогу. Однако оно было довольно быстро разгромлено, причём в его подавлении принимали участие и некоторые представители галльской аристократии. Движения в Галлии были и при

Калигуле. Недовольные подверглись репрессиям, их имущество было конфисковано. Клавдий в борьбе с оппозицией галльской знати пошёл двумя путями: с одной стороны, он постарался лишить её возможной поддержки из Британии, а с другой— теснее привязать её к империи, открыв ей путь в сенат.

В Африке в 17 г. н. э. началось большое восстание, длившееся восемь лет. Главную роль здесь играло большое племя мусуламиев и его вождь Такфаринат, служивший в римской армии, но затем дезертировавший и поднявший на борьбу с Римом всех недовольных. К нему примкнули другие племенные вожди, а также многочисленная местная беднота, стремившаяся сбросить гнёт римских и пунических землевладельцев. Восставшие прекрасно владели тактикой партизанской войны, и римляне подавили движение лишь с большим трудом.

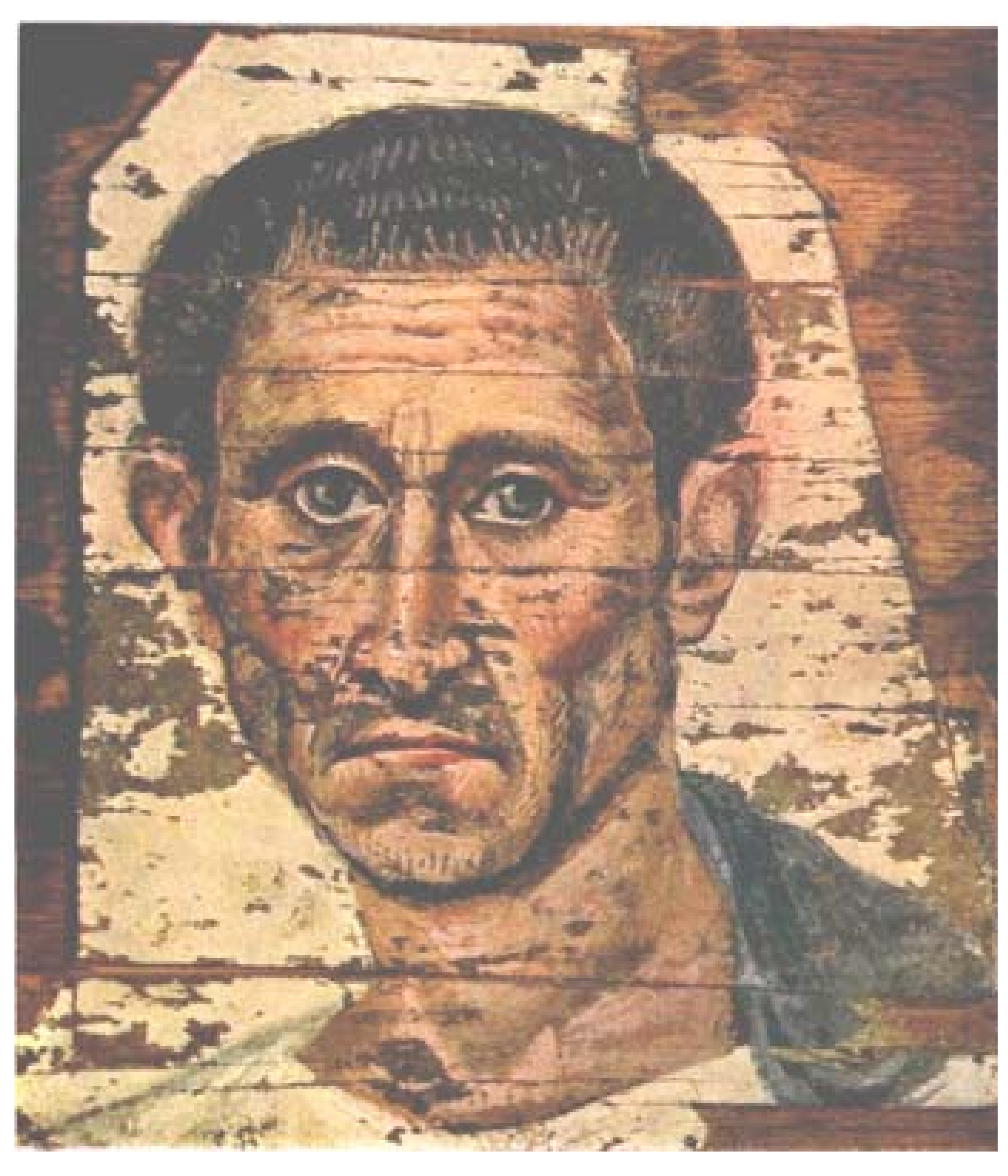
Новое движение, на сей раз в Мавретании, разгорелось после присоединения её к империи. Его поднял вольноотпущенник последнего царя Мавретании Эдемон. Здесь, как и в Галлии, подавлять восстание помогала часть местной знати. За эту помощь Клавдий даровал права муниципия и ряд привилегий городу Волюбилису.

Особенно ожесточённую борьбу пришлось выдержать римлянам с повстанцами Британии при Нероне. Борьба с римским владычеством шла там всё время. Вначале её возглавил Каратак, бежавший в непокорённый Уэльс и поднявший на борьбу племена этой области. Сопротивление несколько затихло, когда он был выдан римлянам их старой союзницей Картимандуей. Но налоги и рекрутские наборы истощали страну. Римские дельцы и ростовщики ссужали британцам деньги под колоссальные проценты и за долги отнимали последнее имущество.

Чтобы основать новую колонию — Камулодун, была отнята земля у племени тринovантов. Колонисты — ветераны и римские дельцы, жившие главным образом в городе Лондинии, безнаказанно издевались над местным населением. В 61 г. н. э. умер правитель племени иценов Прасутаг, и всё его царство, а также владения знати были объявлены конфискованными. Многие жители были проданы в рабство по требованию римских заимодавцев. Тогда вдова Прасутага — Боудикка призвала народ к восстанию. Повстанцы разрушили города Веруламий, Камулодун и Лондиний и перебили множество римских граждан. Растерявшиеся войска не смогли организовать сопротивление. Присланный в Британию легат Светоний Паулин потопил восстание в крови, однако крайняя жестокость Паулина заставила уцелевших британцев снова взяться за оружие. Хотя методы Паулина вызвали полное одобрение староримской знати, правительство сочло нужным отозвать его и заменить другим легатом, Турпилианом, которому было предписано найти какой-нибудь компромисс и действовать более мягко.

Восточные провинции и зависимые царства

Если в некоторых отношениях налоговые и аграрные мероприятия правительства в западных и восточных провинциях были сходны и вели к одним и тем же результатам, то всё же восточные провинции в значительной мере отличались от западных. Если последние вступали на путь развития рабовладельческих отношений лишь после римского завоевания, то в восточных провинциях рабовладельческий строй существовал уже много веков. Римские завоеватели продолжали, в сущности, политику эллинистических царей. Наряду со старыми полисами основывались новые, к которым приписывалась, как и раньше, хора с зависимым сельским населением. В римский период получает более значительное развитие (по сравнению с эллинистическим временем) частная собственность. Вместе с тем продолжает развиваться и рабовладение — как в имениях, так и особенно в городах. Рабский труд, широко применявшийся в ремесле, сочетался здесь с трудом свободных. Такие специфические для Востока формы рабства, как самопродажа в рабство и долговое рабство, существуют и во времена римского господства, не затронувшего глубоко социально-экономических отношений, которые сложились в течение многих веков развития классового общества и государства в восточных странах.



ПОРТРЕТ ПОЖИЛОГО МУЖЧИНЫ ИЗ ФАЮМА.
Вторая половина I в.— начало II в. н. э. Энкаустика

Крупнейшие города сохраняли прежнее устройство, хотя их видимая независимость была быстро ликвидирована и они были также подчинены контролю наместников. Между прочим, при Тиберии ряд городов был лишён так называемого «права убежища», присвоенного значительнейшим храмам, которые могли укрывать от властей преступников, должников, беглых рабов, поступавших в распоряжение жрецов. Народные собрания утратили всякое значение, да и магистратуры стали преимущественно только почётными должностями. Как и в италийских городах, здесь широко практиковалась система подачек народу со стороны членов городских советов и магистратов.

В I в. н. э. в восточных провинциях оживляются сельское хозяйство, ремесло и торговля. Особенно расцвела морская и караванная торговля. От этой последней выгадывали главным образом сирийские купцы, привозившие из Аравии и Индии благовония и драгоценности и перепродававшие их по колоссальным ценам в Рим и Италию. На этой торговле наживались огромные состояния, и такие восточные города, как Эфес, Пергам, Антиохия, Александрия, славились своим богатством и роскошью.

Полисное устройство в этих провинциях не играло такой исключительной роли, как это было в Италии или Греции. В Малой Азии оставались обширные области, заселённые местным населением, жившим сельскими общинами. Ещё больше таких районов было в Сирии, где остатки древневосточных форм пережили эллинизм, сохраняясь и при империи. На границах Сирии продолжали существовать зависимые царства, которые то подчинялись провинциальному управлению, то снова получали своих правителей, обычно воспитанных при римском дворе и всецело преданных Риму. Слабость в этих областях полисной организации, на которую могло бы опереться римское господство, сильное влияние жречества, владевшего громадными храмовыми землями, прочность общины, слабость эллинизации — всё это, вместе взятое, заставляло римское правительство предпочитать здесь такие опосредствованные формы господства.

В областях, становившихся провинциями, народ сильно страдал от налогового гнёта и всевозможных повинностей—транспортной, дорожной и т. п. Сборщиков податей единодушно ненавидели; «мытари» в евангелии приравниваются к самым отверженным грешникам. Антиримские настроения в народе, как и прежде, облекались в форму пророчеств о гибели Рима, о божественном освободителе и «торжестве праведных». Ярким образцом таких настроений является раннее христианское произведение «Апокалипсис Иоанна», написанное в провинции Азии. Иногда делались попытки активного выражения протеста; так, при Тиберии в городе Кизике были истреблены римские граждане. Но крупных восстаний на Востоке до конца правления Юлиев-Клавдиев не происходило. Если и на Западе значительная часть знати стояла уже на проримских позициях, то тем сильнее были проримские настроения среди эллинистической знати восточных провинций, где народным массам было особенно трудно бороться против союза римских и местных угнетателей.

В Египте политика Рима непосредственно проводилась бюрократическим аппаратом, в значительной мере созданным ещё Птолемеями. Рассматривая Египет как главную житницу Рима, правительство переобременяло крестьян налогами и повинностями. Из документов известны 50 натуральных и более 450 денежных налогов. Кроме обычных для провинциалов повинностей по ремонту дорог, перевозкам, содержанию чиновников, путешествующих по провинции, в Египте уже с I в. развивается повинность по принудительной аренде плохих участков земли. За обработку этих участков, как и за взнос податей, отвечала вся сельская община, которая вследствие этого особенно долго сохранялась в Египте. Если налоги не были уплачены, виновные, их родственники и односельчане подвергались всевозможным пыткам. На этот сходный с птолемеевским режим крестьяне отвечали привычным образом — бежали, покидая свои поля. Таким образом, от присоединения к Риму выгадали

только крупные землевладельцы, получившие больше свободы в распоряжении своими имениями, и александрийские купцы, наладившие крупную торговлю с Индией. В этот период Александрия становится крупнейшим портом империи.

7. Армия и внешняя политика

Для удержания в повиновении разнообразных племён и народов Римскому государству требовалось хорошо организованное и дисциплинированное войско. Между тем становилось всё труднее набрать 150 тыс. человек, составлявших 25 легионов римской армии. Большая часть легионариев состояла из италиков, но рост латифундий в Италии сужал кадры сельского населения, считавшегося наиболее пригодным для военной службы. Только Северная Италия, где ещё сохранялось мелкое землевладение, давала хороших солдат. Постепенно в легионы стали принимать римских граждан-провинциалов, но их было тоже недостаточно. Набор во вспомогательные части проходил с трудом. Только со времён Клавдия, который стал давать права римского гражданства провинциалам, прослужившим в когортах или алах 25 лет, а также их потомкам, служба в армии приобрела известную привлекательность, однако результаты этого мероприятия сказались лишь впоследствии.

Восстание германских и паннонских легионов

Условия службы были особенно тяжелы для солдат, стоявших на Рейне и на Дунае. Солдаты знали только свой лагерь, тесные, неудобные казармы, тяжёлые упражнения и труд по постройке дорог и укреплений под неусыпным надзором суровых и часто своекорыстных начальников. Отставка и выдача жалованья и земли нередко задерживались. Некоторые солдаты служили 30 лет и более.

После смерти Августа три паннонских и четыре германских легиона подняли восстание. Они требовали снижения срока службы до 16 лет и увеличения жалованья до 1 денария в день. Восставшие перебили особо ненавистных им центурионов, а паннонские легионарии отперли тюрьмы в соседнем городе, чтобы к ним могли присоединиться заключённые там преступники и беглые рабы. Тиберий послал в Паннонию своего сына Друза в сопровождении Сеяна и двух преторианских когорт. Друзу удалось разъединить восставших, поссорив их между собой. Зачинщики были казнены, волнение утихло.

Более серьёзно обстояло дело на Рейне, куда срочно прибыл проводивший ценз в Галлии Германик. Солдаты, отказавшись присягать Тиберию, предложили верховную власть Германику, но он это предложение отверг. Восставшие грозили разграбить Галлию. Чтобы успокоить солдат, Германик выплатил им деньги из своих средств и отпустил отслуживших срок ветеранов, обещая, что впредь никто не будет служить более 20 лет. Центурионы должны были предстать перед судом легионариев, и те из них, которых обвинили в чрезмерной жестокости и корыстолюбии, были немедленно изгнаны из армии. За эти уступки солдаты выдали зачинщиков и сами их казнили. Затем всё снова пошло по-старому. Тиберий объявил, что состояние людских ресурсов и финансов не позволяет сократить срок службы и увеличить жалованье.

Вместе с тем отдельные легаты, желая расположить к себе солдат, допускали иногда сильное ослабление дисциплины. Так поступали наместник Сирии Пизон, интригуя против Германика, и Гетулик в Германии, вступив в заговор против Калигулы. Всё это уменьшало боеспособность легионов; ещё меньше можно было положиться на вспомогательные части.

Внешняя политика Юлиев-Клавдиев

Состояние армии и восстания в провинциях заставляли императоров династии Юлиев-Клавдиев в общем придерживаться внешней политики Августа, завещавшего не расширять границ империи. К тому же для дальнейших завоеваний требовались не только военная мощь Рима, но и соответственные условия в странах, которые могли бы стать объектами экспансии. Вся история римских завоеваний показывает, что они были

успешны главным образом в тех случаях, когда римляне могли опираться на местную знать, желавшую помощи Рима для борьбы с собственным народом. Другим условием, благоприятствовавшим завоеваниям, была известная степень развития рабовладения и городской жизни в покоряемых областях, что облегчало введение римской системы управления. Между тем ни зарейнские, ни задунайские племена не достигли такой стадии социальной дифференциации, когда могло стать успешным римское вмешательство. Поэтому попытки Рима расширить свои владения за эти границы были пока обречены на неудачу.

Такая попытка предпринималась в начале правления Тиберия Германиком, который намеревался снова отодвинуть границу империи до Эльбы. Но Тиберий понимал всю неосуществимость этих замыслов. Римская агрессия только сплотила бы германские племена, тогда как гораздо выгоднее было поддерживать среди них рознь. Поэтому после нескольких побед Германика над херусками Арминия, которые можно было объявить достойной местью за поражение в Тевтобургском лесу, Тиберий отозвал его из Германии. Не давшие особенно значительных результатов походы в Германию были предприняты Калигулой и военачальником Клавдия Корбулоном. В общем римское правительство предпочитало придерживаться там практиковавшейся ещё при Августе системы зависимых царств.

Более сложными были взаимоотношения с Парфией. По-прежнему яблоком раздора оставалась Армения. Тиберий, как и Август, предпочитал действовать дипломатическим путём. По его поручению Германик поставил царём Армении понтийского царевича Зенона. Легат Сирии Пизон, действуя по инструкции Тиберия, не дал ввести в Армению римские войска, чтобы не раздражать Парфию. Хотя сенатская оппозиция всячески поносила Пизона и добилась его осуждения по обвинению в отравлении Германика, осторожная внешняя политика в общем отвечала её желаниям. Напротив, военные командиры, вольноотпущенники, дельцы — все, кто рассчитывал выдвинуться и нажиться во время войн, толкали правительство к завоеваниям на Востоке. Всякое усиление императорской власти в противовес сенату активизировало внешнюю политику.

Особенно ярко это проявилось во второй половине правления Нерона. Накануне смерти Клавдия парфяне заняли Армению. На армянский престол был посажен Аршакид Тиридат. В начале правления Нерона под влиянием сенатских кругов на Восток был послан любимый знатью Домиций Корбулон. Он ограничился тем, что изгнал из Армении Тиридата и заменил его римским ставленником Тиграном. Одновременно Рим заключил союз с зависимой от Парфии Гирканией, чтобы ослабить тыл врага. После разрыва с сенатом новое окружение Нерона стало настаивать на более активной внешней политике, с тем чтобы подчинить Армению.

Тигран — по-видимому, по инициативе Нерона — вторгся в зависимую от Парфии Адиабену, что вызвало войну с Парфией. Командующим был назначен представитель придворных кругов Пет. Корбулон, как легат Сирии, должен был оказывать ему поддержку, но, не одобряя завоевательной политики, делал это не очень энергично. Столкнувшись с основными силами парфян. Пет потерпел серьёзное поражение, и Риму пришлось согласиться на возвращение в Армению Тиридата.

Единственной уступкой, которой римлянам удалось добиться, была, как уже упоминалось выше, поездка Тиридата в Рим для получения диадемы из рук Нерона. Эту церемонию обставили с большой торжественностью. Формально престиж Рима не пострадал, но фактически Армения была потеряна.

Активизировалась в этот период римская политика и в Причерноморье. Понт был обращён в провинцию. Наместник Мёзии—Плавтий Сильван пришёл на выручку осаждённому скифами Херсонесу, что повело к римской оккупации Херсонеса и появлению римских гарнизонов в Южном Крыму. Однако дальнейшее продвижение римлян вглубь Крыма было остановлено сопротивлением местных племён. Тот же Плавтий Сильван совершил поход за Дунай против живших там местных, сарматских племён, которые

продвинулись сюда из района Волги. Сто тысяч задунайских жителей было поселено в Мёзии. Греческий город Тира на Днестровском лимане (современный Белгород Днестровский) был подчинён римской власти, а позднее присоединён к Мёзии. Нерон подготовлял поход на Кавказ против кочевников-аланов, рассчитывая дойти до Каспийского моря. По-видимому, он стремился сплотить и поддержать греческие колонии, являвшиеся форпостами античного рабовладельческого общества на периферии, против местных племён, боровшихся с рабовладельцами, обосновавшимися на их земле.

Взаимоотношения Рима с государствами и племенами Аравии

К югу от государств Причерноморья и державы Аршакидов— в Аравии и Северо-Восточной Африке существовало несколько самостоятельных государств, игравших довольно заметную роль в первые столетия нашей эры. Их значение особенно усилилось после перехода Египта и Сирии под власть Рима.

В I в. н. э. на севере Аравии продолжало существовать Набатейское царство, но после укрепления римлян в Сирии оно становится зависимым от Рима. Его значение по-прежнему основывалось на посреднической торговле, главными центрами которой были столица царства — Петра и гавань Левкэ-Комэ, расположенная против египетского порта Береники. В соответствии с общей тенденцией Рима обращать постепенно зависимые царства в провинции Набатейское царство было в 106 г. н. э. присоединено к империи и превращено в провинцию Аравию. Попытка римлян проникнуть на юг полуострова успехом не увенчалась.

Скальная гробница Эль-Хазиэ около Петры. I в. н. э.

В Южной Аравии к началу нашей эры наибольшего расцвета и богатства достигло царство химьяритов. Главной основой процветания химьяритов была торговля. С одной стороны, это была транзитная торговля товарами, поступавшими из Индии в Римскую империю через города Сирии и египетские порты, с другой — торговля местными продуктами: ароматическими веществами, вывозившимися в Римскую империю, вином, которое охотно покупали в Индии, изделиями местного ремесла, которые продавались племенам Восточной Африки. Крупнейшими центрами были порт Адана (современный Аден) и город Муза, где жило многочисленное торгово-ремесленное население. Товары шли морскими и караванными путями. Караванная торговля, центром которой был город Мариаба (или Мариб), обогащала не только купцов, но и племенных вождей, взимавших пошлины с караванов, проходивших по территории племени. Сами же химьяриты почти ничего не ввозили, и потому в их стране скапливалось большое количество драгоценных металлов. Остатки великолепных сооружений свидетельствуют о роскоши, в которой жили цари и знать.

О социальном строе химьяритов известно очень мало. По-видимому, знать владела значительными землями, которые обрабатывались земледельцами, находившимися от неё в зависимости. Вероятно, это были младшие члены рода, обедневшие общинники и т. п. Химьяриты поставили в зависимость от себя соседние кочевые племена.

При Августе префект Египта Элий Галл предпринял экспедицию в Южную Аравию, целью которой была отчасти борьба с пиратами, действовавшими на Крас-

ном море, отчасти захват добычи. Известную роль играло, возможно, и желание египетских купцов наладить непосредственную торговлю с Индией. Экспедиция была крайне трудной и, несмотря на то, что римляне дошли до Мариабы, не дала никаких результатов.

В первой половине I в., как полагают, римлянами была разрушена Адана, но это не уменьшило значения царства химьяритов. По сообщению неизвестного автора, составившего описание плавания по Эритрейскому (Красному) морю, царь химьяритов и сабеев Харибавел (вторая половина I в. н. э.) был могущественным правителем, поддерживавшим постоянные отношения с Римом, куда он посылал посольства и дары.

На Эритрейском море развивается оживлённая торговля, в которой участвовали купцы из Александрии, Пальмиры, Индии, Аравии. Устанавливаются регулярные морские сношения с Индией. В это же время у химьяритов появляется соперник — вновь возникшее на территории теперешней Абиссинии царство Аксум. Цари Аксума, располагавшие довольно сильным войском и флотом, искали союзников против химьяритов среди племён Южной Аравии. Они поддерживали племя райденитов, добившихся независимости и захвативших город Сабу. Аксум, по-видимому, рассчитывал и на поддержку Рима.

Возвышение Аксума и развитие морской торговли с Индией пагубно повлияли на экономику царства химьяритов, которое начинает быстро клониться к упадку. Главный центр караванной торговли Мариб превращается в небольшой захудалый город. Зато порт Аксума Адулис стал одним из важнейших пунктов на морском пути в Индию. В нём жило множество купцов из Римской империи, греческий язык стал господствующим. Однако помимо Адулиса царство аксумитов не подверглось влиянию иноземных, в частности греческих, элементов. Строй жизни был довольно примитивным. В I—II вв. там ещё не было своей монеты, туземцы вместо неё употребляли кусочки меди. Крупных городов, кроме Адулиса и столицы царства— города Аксума, не было, но столица была большим и красивым городом. Архитектура отличалась своеобразным местным стилем. Самый большой из дворцов занимал площадь в 80 x 120 *м* и подобно ассирийским дворцам состоял из башен, террас, оград и центрального многоэтажного замка. Такие же замки имелись и в других частях страны. Для Аксума особенно характерны стоявшие на царских могилах огромные стелы, увенчанные серпом луны и диском богини утренней звезды — Астарты. Верховному богу Аксума, богу неба и покровителю государства, цари посвящали золотые статуи и каменные троны с благодарственными надписями. Все эти памятники были исполнены в арабском стиле без всяких следов эллинистического влияния.

Усиление Аксума шло параллельно с упадком Мероэ. Ослабление Мероитского царства началось с I в. н. э. Сокращается строительная деятельность царей, города пустеют, приходят в упадок даже Напата и Мероэ. Причины этого упадка за отсутствием источников пока не установлены. Несомненно, однако, что значительную роль здесь сыграли вторжения племён, обитавших в окрестных степях и пустынях по обеим сторонам Нила. В дальнейшем Мероитское царство было завоёвано Аксумом. По-видимому, при Нероне возникли планы римской экспансии и в этом направлении. В целях предварительной разведки была послана экспедиция в Мероэ, проникшая на юг Африки далее, чем кто-либо из римлян до сих пор.

8. События 66—69 гг. и конец династии Юлиев-Клавдиев

Восстание в Иудее

Широкие завоевательные планы, разрабатываемые Нероном, были нарушены событиями в Иудее. Там всё больше сторонников находила антиримская народная партия зелотов, уходивших в горы и создававших боевые отряды. Беднейшие крестьяне и рабы составляли наиболее решитель-

ную и непримиримую организацию сикариев (кинжальщиков), члены которой нападали на римлян и местных богачей. Римские прокураторы жестоко расправлялись с захваченными зелотами и сикариями. Ненависть к Риму усиливала религиозный фанатизм, ожидание божественного освободителя.

В 66 г. вспыхнуло восстание. Народ отказался платить подати, перебил римский гарнизон Иерусалима и часть романофильской знати. Восстание распространилось по всей стране. Карательная экспедиция сирийского наместника Цестия Галла была разгромлена восставшими. Однако силы восставших ослаблялись внутренними раздорами. Более зажиточная часть населения была напугана проектами радикальных реформ, которых требовали сикарии и крайние зелоты. Крупные землевладельцы и жречество готовы были идти на соглашение с Римом. Народу приходилось бороться не только против римлян, но и против местных эксплуататоров. Для ведения войны с восставшими Нерон назначил Флавия Веспасиана, считавшегося опытным полководцем.

Гражданская война

Восстание в Иудее хотя и сорвало завоевательные планы Нерона, но непосредственно не угрожало его власти. Настоящая опасность возникла для него тогда, когда в 68 г. возмутилась обременённая дополнительными поборами Галлия, вскоре поддержанная Испанией.

Наместник Тарраконской Испании, старик Гальба, был провозглашён своими войсками императором. После низложения Нерона сенат охотно утвердил Гальбу. Гальба старался восстановить права сената и вместе с тем оправдать надежды поддерживавшей его провинциальной знати. Он широко раздавал римское гражданство испанцам и галлам и снизил на $^1/_4$ подати всем выступившим за него городам. Это были по преимуществу города, где местная аристократия играла главную роль. Колонии же ветеранов до конца оставались верны Нерону. Гальба карал их штрафами, конфискациями, урезкой территории. Возмущённые жители этих городов вступили в союз со стоявшими на Рейне легионами и провозгласили императором наместника Нижней Германии Вителлия, которого сенат ненавидел, считая льстецом и приспешником Нерона.

Одновременно среди племени бойев, живших на территории эдуев, началось восстание крестьян и городской бедноты, возглавлявшееся некиим Марикком. Восставшие, число которых быстро возрастало, нападали на имения местной знати. Движение было подавлено главным образом силами эдуев, но галльская аристократия наглядно убедилась в том, что грозит ей в случае ослабления римской власти.

Между тем просенатская политика Гальбы вызвала недовольство римского плебса и преторианцев. Подняв мятеж и убив Гальбу, они сделали императором одного из ближайших друзей Нерона — Отона. Однако и его правление было кратковременным: войска Отона были разбиты вступившими в Италию войсками Вителлия. Отон покончил с собой. Вителлий стал называть себя Германиком в честь своего войска, в котором большую роль играли вспомогательные части германцев. Солдаты Вителлия, к которым присоединились италийская и римская беднота и частично рабы, расправлялись с богатыми землевладельцами и рабовладельцами. Вителлий отослал часть своих войск обратно в Галлию, что ослабило его, но не примирило с ним сенат.

Тогда-то на сцену выступил новый претендент — Веспасиан. Война в Иудее была почти закончена, оставалось взять Иерусалим. Только беднота ещё сохраняла верность знамени борьбы с Римом и продолжала сопротивление. Землевладельцы, священники, купцы переходили на сторону Веспасиана. Среди них был прославившийся впоследствии своим сочинением об Иудейской войне писатель Иосиф, получивший позднее римское имя Флавий. Веспасиана охотно поддержало и его войско, опасавшееся, что Вителлий отдаст лучшие земли своим солдатам. Сенат также предпочитал его Вителлию. Агенты Веспасиана вели активную агитацию и в западных провинциях. Успех Веспасиана был решён переходом на его сторону сильной и свежей

придунайской армии. В битве под городом Кремоной в 69 г. н. э. Вителлий потерпел поражение и вскоре был убит. Веспасиан остался единственным правителем империи.

Триумфальная арка Тита в Риме.
Вторая половина I в. н. э.

Восстания Аникета и Цивилиса. Подавление восстания в Иудее

Однако мир ещё далеко не наступил. В Понте поднял восстание вольноотпущенник бывшего понтийского царя Аникет. К нему примкнули местные племена, недовольные обращением Понта в провинцию, что усилило позиции рабовладельцев греческих городов. Через два-три месяца восстание было подавлено.

Зато угрожающие размеры приняло движение в Галлии под руководством знатного батава Цивилиса, начавшееся с восстания вспомогательных частей

набранных из племени батавов, но вскоре распространившееся по всем прирейнским областям. Организуя союз германских племён, Цивилис готовился вступить в борьбу с Римом. К нему примкнули галльские племена лингонов и треверов во главе с Сабином, Классиком и Тутором — представителями местной знати, имевшими римское гражданство, но покинувшими службу во вспомогательных римских частях, чтобы бороться за независимость Галлии, которую они провозгласили самостоятельной империей. Вспомогательные части и даже рейнские легионы, которые Вителлий пополнил большим числом провинциалов, примкнули к восставшим. Вскоре почти вся прирейнская область была в их руках. Многие ветераны, поселённые в колониях, были перебиты местными крестьянами, чьи земли отошли ранее к ветеранам. Классик и Тутор призывали остальные общины Галлии присоединиться к борьбе.

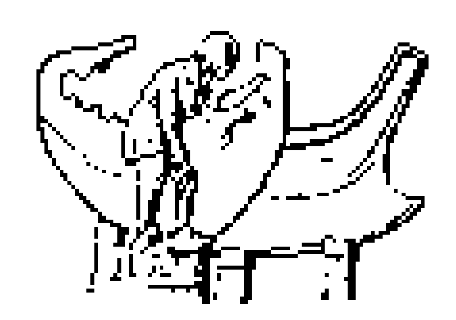
В главном городе племени ремов Дурокорторе (современный Реймс) было созвано собрание представителей галльских городов. Треверы высказались за войну. Но галльская аристократия других областей не желала порывать с Римом, она надеялась, что сможет играть видную роль в империи, и была напугана восстанием Марикка. Большинство участников собрания высказалось за мир с Римом. Это предопределило поражение повстанцев. Посланный в Галлию Петилий Цереалис разбил Цивилиса, Классика и Тутора. Галльские повстанцы и мятежные легионы были прощены. Цереалис обратился к ним с речью, в которой доказывал, что римляне явились некогда в Галлию не для завоеваний, а лишь с намерением даровать стране мир; он убеждал восставших, что теперь нет больше деления на побеждённых и победителей и что империя принадлежит галлам так же, как и римлянам.

К этому же времени сын Веспасиана Тит после длительной осады и ожесточённого сопротивления восставших взял Иерусалим. Город был разрушен, 70 тыс. человек были проданы в рабство. Веспасиан и Тит отпраздновали блестящий триумф.

Значение событий 68—69 гг. н. э.

Тацит писал, что события 68—69 гг. раскрыли тайну императорской власти: оказалось, что императоров можно провозглашать не только в Риме, но и в провинциях. Но события эти имели ещё более глубокий смысл. Они показали, что правящие круги провинций уже достаточно прочно срослись с империей и претендуют на то, чтобы занять подобающее место в управлении ею. Они показали также силу сопротивления порабощённых масс провинций. Наконец, они показали, что военные силы собственно Италии уже недостаточны, а войска, набранные в провинциях, не будут бороться за интересы империи, пока сами провинции не почувствуют себя достаточно тесно связанными с этими интересами, не станут органической частью империи.

Римское правительство учло эти уроки, и со времени Веспасиана, первого императора династии Флавиев, начинается новый этап во взаимоотношениях Рима и провинций.



ГЛАВА XXI
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРИОД СВОЕГО ВЫСШЕГО МОГУЩЕСТВА

1. Римская империя во второй половине I в. и во II в. н. э.

Столетие, протекшее со времени победы Веспасиана, обычно характеризуется как период наивысшего развития римского рабовладельческого общества, как период укрепления империи и её наибольшего территориального расширения. Однако если рабовладельческий строй достиг теперь предельного развития, то к концу периода он уже явно начинает клониться к своему упадку.

Римская империя — орган господства рабовладельцев Средиземноморья

Одним из наиболее характерных явлений этого периода была дальнейшая «романизация» провинций, развитие их экономики, возрастание роли провинциалов в жизни империи, числа провинциальных сенаторов, всадников, военных. К концу II в. более 40% сенаторов были уроженцами провинций, и уже в начале этого столетия представители знати восточных провинций заняли в сенате такое же место, как и знать провинций западных. Постепенно число уроженцев Малой Азии, Сирии, а затем и Африки начинает превышать число сенаторов из Испании и Нарбонской Галлии, а к началу III в. они составляют подавляющее большинство провинциальных сенаторов. Сменявшие друг друга императоры при всех своих индивидуальных особенностях в общем продолжали одну политическую линию, продиктованную общим ходом исторического развития Римской империи: они поддерживали провинциальные города и провинциальную знать, пытаясь в то же время предотвратить прогрессирующий упадок Италии; они стремились также укрепить боеспособность армии, сберечь те слои населения, которые могли поставлять солдат в легионы и вспомогательные части, они принимали всевозможные меры к тому, чтобы не допустить новых восстаний в провинциях и восстаний рабов.

Многие из этих императоров были людьми, весьма типичными для своего времени. Первый из них — Флавий Веспасиан (69—79), основатель новой династии Флавиев, был сыном небогатого гражданина сабинского города Реате. Пройдя обязательную лестницу военных и гражданских должностей, он стал сенатором. Продвигаясь по этому пути, ему случалось наталкиваться на недоброжелательство старой аристократии, искать протекции у вольноотпущенников Клавдия. Подобный путь проделали и многие другие уроженцы италийских городов, которые заменили в сенате старую римскую аристократию.

Для новой знати Веспасиан был своим человеком. Став императором, он пополнил ряды всадников и сенаторов самыми богатыми и знатными гражданами городов Италии и западных провинций. При нём все города Испании и многие города других западных провинций получили права латинского гражданства. Отсюда же теперь стали набирать большое число легионариев. Напротив, восточные провинции не пользовались при Веспасиане такими преимуществами. Более того, некоторые города этих провинций были лишены прежних привилегий. Некоторые зависимые царства (Коммагена, часть Киликии) были присоединены к империи. На Востоке не стихало глухое недовольство; несколько самозванцев, выдававших себя за Нерона, нашли там многочисленных сторонников. Отчасти это вызывалось податями, которыми Веспасиан, заставший казну пустой, переобременял провинции. Ему пришлось столкнуться с оппозицией и в сенате. По-видимому, главной причиной недовольства было желание Веспасиана передать власть своему сыну Титу, а в случае его бездетности — второму сыну, Домициану. Последний был особенно непопулярен в сенате, но главное, часть сенаторов была против наследственной монархии, считая, что принцепс должен избираться сенатом. Однако Веспасиан одержал верх, и после смерти первого Флавия императором стал Тит, вскоре умерший (79—81), а затем к власти пришёл Домициан (81—96).

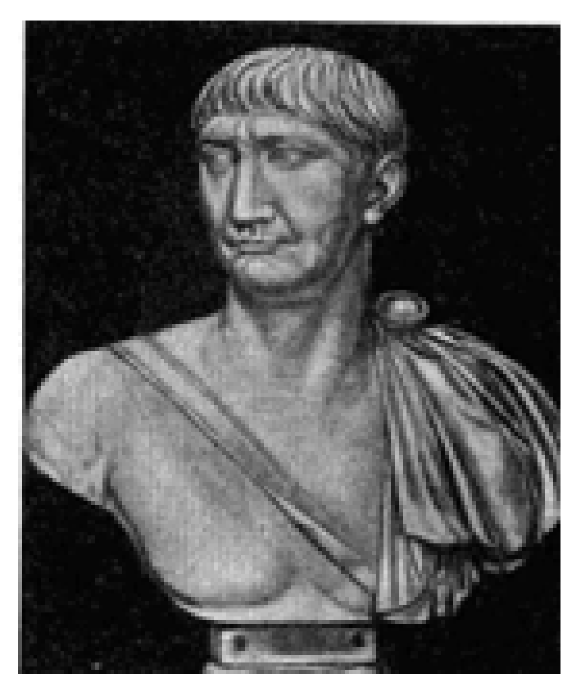
Флавий Веспасиан.
Вторая половина I в. н. э. Мрамор.

В правление Домициана, особенно к концу его, сенатская оппозиция вновь крайне усилилась. Была даже попытка поднять мятеж, во главе которого стал наместник Верхней Германии Антоний Сатурнин, постаравшийся привлечь на свою сторону солдат. Однако Домициан, повысивший солдатам жалованье на $^1/_3$ даровавший значительные привилегии ветеранам, был популярен в армии, и мятеж был легко подавлен. Результатом явились новые преследования сенаторов, казни и конфискации. Домициан, именовавший себя «богом» и «господином», изгонял из сената неугодных ему лиц.

В войнах с возникшим на территории Дакии племенным союзом, во главе которого стал Децебал, римляне потерпели несколько поражений. Домициану пришлось заключить с даками мир на условиях выплаты субсидии зерном и деньгами и присылки римских ремесленников. Всё это усиливало недовольство знати. Особенно враждебно относились к Домициану провинциальные наместники, поставленные им под строжайший контроль. Было раскрыто несколько заговоров, что повело к новым репрессиям и новому росту недовольства. Наконец, Домициан был убит своими

отпущенниками. Сенат объявил ненавистного ему Домициана врагом римского народа, его статуи были низвергнуты, память проклята.

Императором сенат провозгласил Нерву, представителя старой сенатской знати. С него начинается так называемая династия Антонинов (по имени одного из её представителей— Антонина Пия). При этой династии осуществилась наиболее приемлемая для сената форма монархии. Власть передавалась не сыну или ближайшему родственнику императора, а лицу, которое он усыновлял с одобрения сената. Начиная с Нервы, каждый принцепс его династии, принимая власть, давал клятву не казнить и не лишать имущества сенатора без приговора сената и не принимать доносов об оскорблении его особы. Только при соблюдении императором этого условия сенат был обязан ему верностью. Знать Италии и провинций была этим вполне удовлетворена.

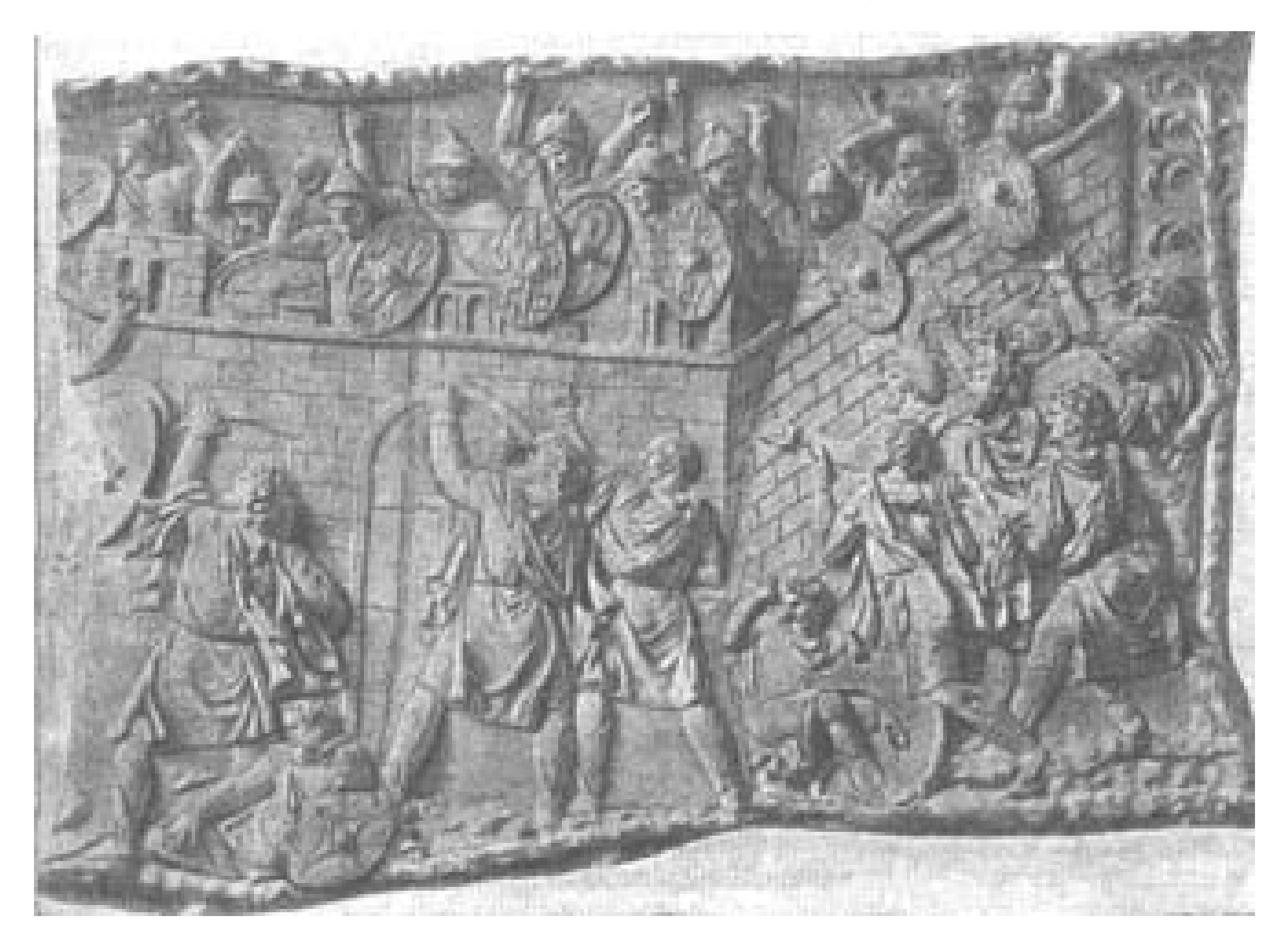


Марк Ульпий Траян.
Начало II в. н. э. Мрамор.

Траян (98—117), уроженец Испании, усыновлённый Нервой, был первым провинциалом среди императоров. Этот факт весьма показателен для того положения, которое заняли западные провинции в Римской империи. Траян считался энергичным администратором и хорошим полководцем. В двух войнах он разбил Децебала и обратил Дакию в провинцию. В 106 г. из Набатейского царства была образована провинция Аравия. Успешна была сначала и война Траяна с Парфией, в ходе которой он подчинил Армению, взял Селевкию и Ктесифон. Однако тяжёлые условия похода, безуспешная длительная осада города Атры, а главное — общее восстание, начавшееся в тылу, в покорённых местностях, а также восстание иудеев в Киренаике вынудили его прекратить войну. Он умер в Киликии на обратном пути в Италию. Его преемник Адриан (117—138), тоже уроженец Испании, бывший в момент смерти Траяна наместником Сирии, немедленно отказался от всех восточных завоеваний Траяна (кроме Аравии), которые империя не могла удержать. Всё своё внимание он обратил на оборону границ. В этот период отмечается интенсивное строительство укреплений — валов, рвов и башен, опоясавших почти все границы империи. Большую часть времени Адриан проводил в объездах провинций и инспектировании войск. Он стремился как можно больше развивать городскую жизнь, украшая старые и основывая новые города. Во многих колониях и муниципиях он избирался на должность эдила или дуумвира и как таковой жертвовал значительные суммы в городские кассы, а также зерно для раздачи горожанам. К тому времени городская жизнь провинций достигает наивысшего подъёма. Город, античный полис, хотя и пользовавшийся лишь номинальной автономией, был наиболее выгодной формой организации для рабовладельцев. Рознь между знатью Рима и провинций сгладилась. Для новых условий показательна карьера одного из известнейших полководцев Траяна— Лузия Квиета. Он был вождём одного из мавретанских племён и поступил на римскую службу командиром конного отряда мавров. В дакийских войнах он выдвинулся, попал в сенат и стал консулом. Достаточно сравнить его карьеру с судьбой его соплеменника Такфарината, бежавшего из римской армии и поднявшего восстание при Тиберии, чтобы понять, как изменилось положение провинций в системе империи и какие возможности открылись перед провинциальной знатью.

Преемник Адриана—Антонин Пий (138—161) сенатской историографией изображался как идеальный, кроткий правитель, уважавший сенат, как защитник провинций и миролюбец. Однако его правление отнюдь не было так прекрасно и спокойно, как его рисовали. Уже при нём появились предвестники Кризиса, который вскоре охватил всю империю.

Симптомы кризиса становятся ещё более явными при следующем императоре — Марке Аврелии (161—180). Сам он был также весьма характерной фигурой. Он был



Осада даками римской крепости (эпизод из первой войны с даками).
Рельеф колонны Траяна в Риме. Начало II в. н. э.

не только превосходно образован, но являлся последним крупным представителем стоической школы. Сохранилось сочинение Марка Аврелия «К самому себе». Оно поражает беспросветным пессимизмом и безнадёжностью, которыми проникнута каждая глава.

Последним императором династии Антониной был сын Марка Аврелия — Коммод (180—192). События, ознаменовавшие его правление, показали, что «век Антонинов», который имперская знать называла «золотым», пришёл к концу.

Новая знать и усиление императорской власти

Новая италийская и провинциальная знать окончательно отказалась от республиканских идеалов, так как поняла, что её интересы может защитить лишь сильная императорская власть. Идеал республики заменяется идеалом «хорошего императора». Одним из известнейших проповедников этого идеала был ритор и философ-киник Дион из Прусы в Вифинии, прозванный Хрисостомом (Златоустом). Изгнанный

Домицианом, он снова вошёл в милость при Нерве и Траяне и развивал взгляды на монархию, популярные среди сенаторского сословия, а также муниципальной знати Италии и провинций. Хороший монарх, согласно этим взглядам, находится под особым покровительством Зевса, врага и гонителя тиранов. Он должен быть милостивым и справедливым, отцом граждан, другом «лучших людей», слугой общества. «Хорошим» считался тот принцепс, который держал в повиновении рабов и народ, не переобременял провинции налогами в пользу армии, поддерживал дисциплину среди солдат, а главное, давал возможность состоятельным людям спокойно пользоваться их имуществом. Плиний Младший в панегирике Траяну, который он, согласно обычаю, произнёс в благодарность за назначение его консулом, особенно подчёркивал, что Траян не стремился завладеть всей землёй империи и что он вернул частным лицам многое из того, что захватили его предшественники. На таких условиях знать была согласна отказаться от активного участия в политической жизни.

Монархическая власть императоров всё более крепла. Когда Веспасиан захватил власть, сенат декретировал ему все права, которыми пользовались его предшественники. Он получил право единолично ведать внешней политикой, предлагать кандидатов на любые должности, издавать любые распоряжения, имевшие силу закона. Всё большее значение в ущерб сенату приобретал «совет друзей» принцепса. Уже Домициан стал назначать римских всадников в ведомства по императорской переписке, прошениям на имя императора и т. д. Со времени Адриана это стало правилом, что подняло значение императорской бюрократии. Ещё более укрепил её переход сбора налогов от откупщиков к императорским чиновникам. Особенно большое значение приобрёл префект анноны, ведавший сбором натуральных поставок, предназначавшихся для нужд армии и раздач плебсу. Многочисленные уполномоченные фиска и префекта анноны вместе с администрацией императорских земель составляли основное ядро всё растущей императорской бюрократии, вербовавшейся из всадников, императорских отпущенников и даже рабов. Постепенно среди неё образуется известная иерархия должностей с соответствовавшими им окладами.

Большое значение имело начало кодификации права при Адриане. По поручению Адриана юристы собрали выдержки из преторских эдиктов в один, так называемый «вечный», эдикт, утверждённый затем сенатом. После этого преторы утратили законодательную власть, дальнейшее развитие права стало делом только императора и состоявших при нём юрисконсультов. Усилился контроль императорских чиновников и наместников над городами, провинциями, отдельными гражданами. Во второй половине II в. был издан специальный закон против тех, кто своими словами или действиями «смутит душу простого и суеверного народа». К официальному надзору прибавлялся неофициальный. Уже Адриан широко использовал тайных соглядатаев, так называемых фрументариев.

Восхваление императоров было обязательным. Города, коллегии, воинские части посвящали им статуи и пышные надписи. Умершие «хорошие» императоры объявлялись богами, в честь которых строились храмы. Статуй и хвалебных надписей удостаивались не только императоры, но и члены их семьи, наместники, командиры, чиновники, наконец просто богатые люди, избиравшиеся патронами городов и коллегий. Всякий занимавший более или менее видное положение требовал лести и угодливости от тех, кто стоял ниже его. Такова была «свобода», царившая, по мнению приверженцев Антонинов, в «золотой век» их правления.

Армия во второй половине I в. и во II в. н. э.

Начиная со времени правления Веспасиана, благодаря распространению римского гражданства, ещё более значительная, чем раньше, часть солдат стала вербоваться из провинций. Италики служили главным образом в преторианских когортах и, пройдя здесь римскую военную школу, назначались центурионами в провинциаль-

вые войска. Введённая Клавдием практика дарования римского гражданства ветеранам вспомогательных частей способствовала дальнейшей романизации провинций и усиливала преданность солдат Риму. Учтя опыт восстания Цивилиса, правительство не оставляло вспомогательных частей в тех провинциях, в которых они были набраны, а формировало их из солдат различных племён. Различие между легионами и вспомогательными частями постепенно стиралось.

Преторианцы в полном вооружении.
Мраморный рельеф. Начало II в. н. э.

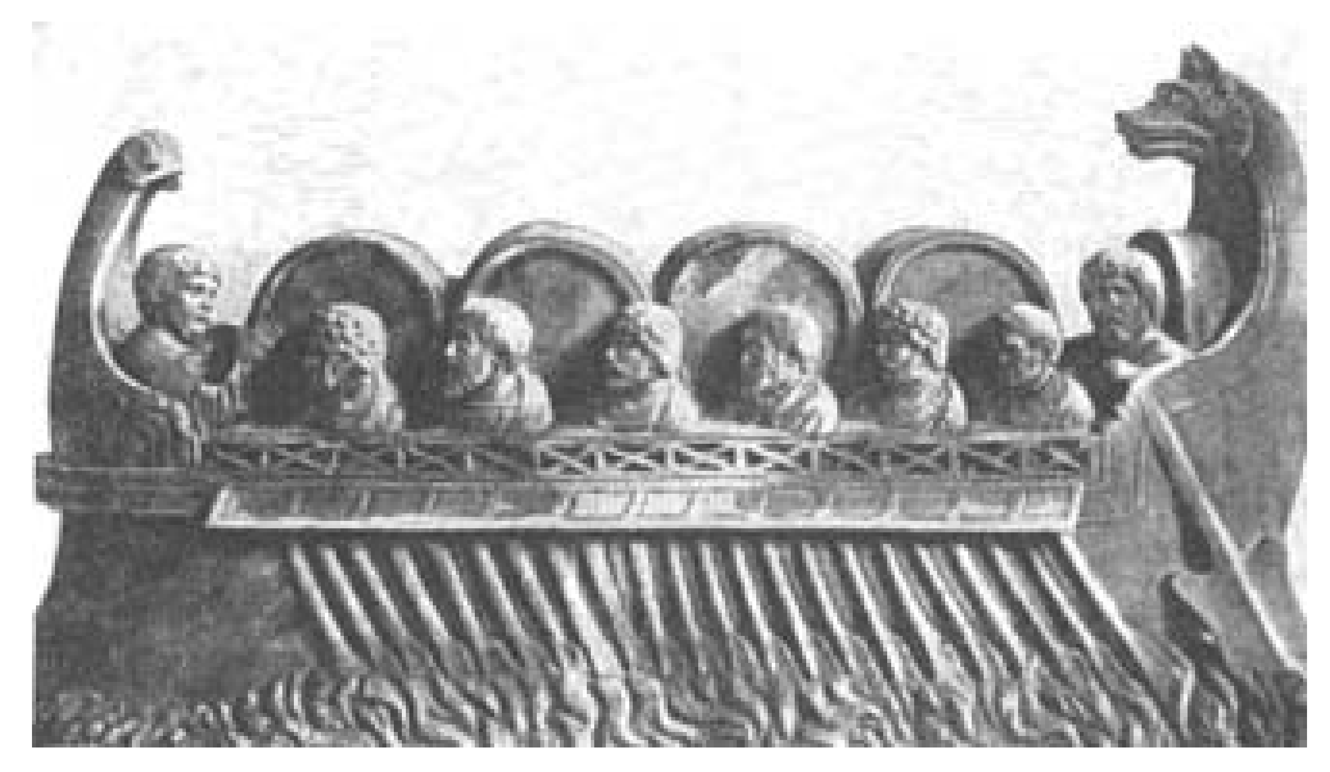
Набор провинциалов в армию привёл к изменению её социального состава. Если армия I в. н. э., состоявшая из италиков, включала преимущественно бедняков, рассчитывавших обогатиться на службе, то теперь в солдаты шли провинциалы, пользовавшиеся известным благосостоянием, привлечённые надеждой сделать карьеру и получить римское гражданство и различные привилегии, став ветеранами. Ветераны, приобретая землю и рабов, играли видную роль в городах или сёлах, где они селились после отставки. Здесь они организовывали коллегии, которым нередко принадлежала инициатива в демонстрациях преданности Риму и императору. Часто ветераны получали земли около лагеря своего легиона, где образовывались поселения торговцев и ремесленников, а также семей солдат, которые узаконивали эти семьи после своей отставки. Лагерные поселения постепенно превращались в города. Армия была важным фактором в жизни провинций. Солдаты строили дороги, каналы, водопроводы, общественные здания. Но вместе с тем содержание огромной, примерно четырёхсоттысячной, армии ложилось тяжёлым бременем на население провинций. Основная масса налогов и поставок шла в её пользу, население вынуждено было исполнять ряд работ для армии, брать солдат на постой. Солдаты нередко притесняли жителей, отбирали у них имущество. Выделение земель ветеранам ускоряло распад общины, разоряло крестьянство. В самой армии противоречия между солдатами и командирами продолжали существовать. Высшие должности были по-прежнему доступны лишь всадникам и сенаторам. Несмотря на правительственный контроль, командиры брали взятки с солдат и притесняли их. В результате случаи дезертирства и перехода на сторону противника были нередки. Состоянием армии отчасти объясняется стремление Флавиев и Антонинов избегать войн. Другой важнейшей причиной, определявшей их внешнюю политику, было положение в провинциях.

2. Социально-экономический строй империи во второй половине I в. и во II в. н. э.

Экономические сдвиги

Свидетельства современников, многочисленные надписи из провинций и данные археологии дают возможность отметить новые черты в развитии сельского хозяйства, ремесла и торговли, характерные для второй половины I в. и II в. н. э.

Широкие размеры приняла торговля и внутри империи, и между провинциями, и со странами Востока — Аравией, Индией, Китаем, куда, по подсчётам современников, ежегодно уходило до 100 млн. сестерциев в обмен на предметы роскоши — благовония, пряности, шёлк, драгоценности. Купцы восточных провинций нажи-



Перевозка вина на барке по Мозелю.
Рельеф надгробного памятника из Querying Неймагена, около Трира. III в. н. э. Песчаник. Реставрация.

вали большие состояния на этой торговле. Но и в западных провинциях появляются крупные компании, торговавшие испанским вином, маслом, галльским полотном и керамикой, которая постепенно вытеснила италийскую.

Население империи всё шире втягивается в производство на продажу, развивается известная специализация как между провинциями, так и внутри отдельных, отраслей. Так, в кожевенном производстве были специалисты по изготовлению различных видов обуви, по производству кожаных мехов для вина, выделке сбруи, первичной обработке кожи. Дифференцированы были также производства различных сортов шерстяных тканей и их окраска. Особенно специализировано было производство предметов роскоши. Отдельные ремесленники занимались изготовлением, гемм, ожерелий, колец, разных видов золотой и серебряной посуды, золотошвейным, ремеслом, производством галунов и даже изготовлением отдельно глаз для статуй. Ремесло значительно усовершенствовалось. Мастера Италии и провинций изготовляли не только высокохудожественные изделия, но и такие сложные предметы, как, например, хирургические инструменты.

В сельском хозяйстве отдельные области и хозяйства специализировались на разведении особых сортов зерна, винограда, масла, льна, овощей, лекарственных растений и т. д. Специализация отражала рост рыночных отношений. Рабовладельческие виллы были в наибольшей мере затронуты этим процессом развития товарно-денежных отношений. Владельцы вилл нередко сами были выходцами из среды торговцев и ремесленников, которые, разбогатев, приобретали земли. Были среди них и представители старой знати, применившиеся к новым условиям, и ветераны, получившие землю, которые вместе с тем нередко заводили торговые и ремесленные предприятия.

Все эти категории, составлявшие в каждом городе сословие декурионов, муниципальную знать, были основной опорой власти Антонинов. Империя давала им возмож-

Кузница.
Часть рельефа надгробной стелы. II — III вв. н. э. Мрамор.

ность эксплуатировать рабов, уделяя кое-что городской бедноте, чтобы удерживать её от восстаний, а также оказывала им покровительство против крупных землевладельцев. За годы правления Юлиев-Клавдиев, а затем Домициана могущество крупных землевладельцев было сильно подорвано; Антонины, не прибегая к террору, старались достичь той же цели иными средствами. Незаконный захват чужой земли строго карался, земли, принадлежавшие ранее городам и захваченные частными владельцами, возвращались в общественное пользование; самое увеличение числа городов способствовало дальнейшему дроблению земли и переходу её в разряд городских территорий.

Однако далеко не вся земля империи принадлежала городам и городским землевладельцам. Во многих провинциях изъятые из городских земель императорские и крупные частные имения — сальтусы — занимали значительную территорию. Наконец, часть земель, причём в некоторых областях (в прирейнских и придунайских провинциях, в Британии, Нумидии, Мавретании и др.) весьма значительная, оставалась во владении местных крестьян. Они нередко жили ещё сельскими или племенными общинами, стоявшими под управлением римских префектов или местной племенной знати, составлявшей совет старейшин. Со временем поселения некоторых племён получали городское устройство. Так было, например, с бывшими соратниками Такфарината мусуламиями. При Антонинах городское землевладение играло

ведущую роль. В дальнейшем, по мере упадка рабовладельческого хозяйства и тесно связанного с ним города, возрастает роль как крупного, так и крестьянского общинного землевладения.

Видимое процветание империи было непрочным и таило в себе глубокие противоречия. Уровень производства оставался низким. Необходимость создания многочисленного и сложного аппарата принуждения и надзора делала неэффективным применение больших масс рабов в крупных плантационных хозяйствах. Поэтому и при значительной концентрации земли производство оставалось относительно мелким; основной производственной единицей и внутри больших имений — латифундий — было небольшое хозяйство со своим инвентарём, не сливавшееся с другими хозяйствами, принадлежавшими тому же владельцу.

Менялы или сборщики налогов.
Рельеф надгробного памятника из Неймагена, около Трира. III в. н. э. Песчаник.

Такое же положение наблюдалось и в других Отраслях хозяйства. Так, рудники и каменоломни были почти повсеместно собственностью императора; на рудниках в Испании было занято до 40 тыс. человек, но добыча металла не приняла характера крупного производства: отдельные участки сдавались в аренду съёмщикам, частью составлявшим товарищества, по тому же принципу, по которому императорские земли сдавались крупным съёмщикам — кондукторам и колонам. Под надзором императорских прокураторов они разрабатывали арендованную часть прииска, на которой обычно трудились их рабы, отпущенники, наёмные работники. Иногда мелкие съёмщики, также называвшиеся колонами, работали в своих шахтах сами.

Нечто подобное имело место и в керамическом производстве. К середине II в. н. э. значительная часть керамических мастерских Рима, производивших кирпич и черепицу для многочисленных построек столицы, концентрировалась в руках императора. Но это не повело к образованию крупных мануфактур. Отдельные мастерские также сдавались императорским отпущенникам, которые вели производство с несколькими рабами или наёмниками.

Богатые люди покупали предметы роскоши, копили деньги, но не употребляли их на расширение производства. При уровне производства того времени подобные затраты сводились бы лишь к увеличению числа рабов, а организация больших масс

рабов и надзор за ними были настолько трудны, что подчас вместо прибыли приносили убыток. О таких неудачных попытках рассказывает Плиний Старший.

При рабовладельческом хозяйстве, остававшемся в общем натуральным, развитие товарно-денежных отношений порождало неразрешимые экономические трудности, увеличивавшиеся по мере возрастания числа денежных налогов, развития денежной аренды и т. п. Развитие городов приводило к росту античного люмпен-пролетариата и росту непроизводительных расходов на его содержание. Муниципальная знать, связанная с рынком, начинала разоряться. Всё труднее становилось доставать деньги для выплаты налогов, для покупки одежды и пищи рабам, орудий производства, для приобретения известного количества предметов роскоши, ставших необходимыми в быту муниципальной знати, которая старалась подражать римской. Эту потребность в деньгах она не всегда могла удовлетворить за счёт продажи продукции своих имений. Значительная часть этой продукции непосредственно изымалась государством в качестве натуральных поставок. Боясь волнений в городах, вспыхивавших из-за дороговизны, правительство запрещало продавать продовольствие по ценам выше установленных. Откупы даже косвенных налогов, на которых раньше наживались всадники и провинциальные дельцы, постепенно заменялись сбором налогов чиновниками государства. Городские земли всё чаще захватывались частными лицами, что лишало города доходов, извлекавшихся из эксплуатации и сдачи в аренду этих земель.

С другой стороны, всё больше сужался круг лиц, обязанных нести муниципальные повинности (Домициан освободил от них ветеранов, Адриан — часть врачей, риторов, учителей, в III в. освобождение получили императорские арендаторы), и тем тяжелее давило бремя повинностей на оставшихся налогоплательщиков. Частные лица и целые города впадают в долги. Со времени правления Домициана — в Италии, а со времени Траяна — в провинциях появляются городские кураторы — лица, назначаемые контролировать городские финансы. Императоры вынуждены были прощать должникам фиска и городам недоимки за ряд лет.

Изменения в положении рабов

В хозяйствах средних землевладельцев делались попытки найти более выгодные способы эксплуатации рабов. Отпуская некоторых из них на волю, господа рассчитывали получить двойную выгоду: они не должны были содержать рабов — напротив, вольноотпущенники были обязаны в случае необходимости содержать своих господ и завещать им, их детям или внукам половину имущества. Идя навстречу обедневшим патронам, императоры II в. издают ряд законов, закреплявших права патрона и его детей на труд и имущество вольноотпущенника.

В крупных имениях отпущенникам иногда давались земельные наделы, которые они были обязаны возделывать; часть своего времени они должны были работать на бывшего владельца.

Усилилась также практика сдачи рабов в наём, причём рабам предоставлялась часть заработанной ими платы. Всё чаще практиковался и так называемый вывод на пекулий. Пекулием называлась часть имущества господина, которую он передавал в пользование рабу с тем, чтобы раб часть дохода, полученного от эксплуатации этого имущества, оставлял себе, а часть отдавал господину. В пекулий могли входить земля, мастерская, лавка, рабы. Всё это должно было повысить заинтересованность раба в труде. Вначале пекулий всецело определялся доброй волей господина, который мог его увеличить, уменьшить или вовсе отобрать. Но так как контрагенты раба, выведенного на пекулий, нуждались в обеспечении своих интересов, пекулий постепенно стал неотъемлемой принадлежностью раба. Всё это были симптомы кризиса рабовладения.

К экономическим факторам прибавлялись и политические. С середины I в. не было крупных восстаний рабов, но побеги рабов и убийства рабовладельцев не прекращались, Правительство, с одной стороны, шло по линии усиления репрессий. При Тра-

не было предписано предавать пытке не только рабов, но и отпущенников убитых владельцев. Всякий уговоривший раба бежать или научивший его «презирать господина» привлекался к ответственности. Все должностные лица обязаны были способствовать розыску беглых рабов и производить обыски с целью их поимки даже в имениях сенаторов и императорских.

С другой стороны, страх перед восстаниями рабов заставлял правительство идти на частичные уступки. Адриан уничтожил рабские эргастулы и запретил господину убивать раба. В случае провинности раба, предполагавшей казнь или ссылку в рудники, господин должен был обратиться в суд. Магистратам предписывалось разбирать дела рабов, которых жестокость господина вынуждала искать защиты у считавшихся священными императорских статуй. Если было доказано, что господин морил рабов голодом и холодом, заставлял непосильно трудиться, избивал, магистрат должен был продать их другому владельцу, «дабы они не учинили чего-нибудь мятежного», как формулировал Антонин Пий, издавший этот закон, причину своей «гуманности».

Часть рабовладельцев понимала необходимость этих мер. Писатели и юристы-теоретики говорили о естественном равенстве людей, советовали видеть в рабах не врагов, а скромных друзей, рассказывали о самоотверженности, добродетели, талантах рабов. Практики жаловались на трудности содержания рабов и надзора за ними, указывали, что труд рабов невыгоден, что земля, дававшая обильные плоды, когда на ней работали свободные, захирела в руках рабов. Но для среднего рабовладельца законы, ограничивавшие эксплуатацию рабов, были только помехой. Покупая раба, он требовал свидетельства, что раб никогда «не прибегал к статуям», он неохотно покупал образованного и инициативного раба, боясь его «строптивости». Покупным рабам он предпочитал доморощенных.

Колонат

Наряду с трудом рабов в сельском хозяйстве начинает всё больше распространяться труд колонов, т. е. свободных арендаторов. Положение этих арендаторов с самого начала было неодинаковым. Колоны делились на две категории: арендаторов по договору, среди которых были и крупные съёмщики, сами эксплуатировавшие труд рабов и арендаторов, из поколения в поколение сидевших на землях крупных собственников. Повинности последних определялись не столько зачастую уже потерянными первоначальными договорами, сколько местными обычаями. Колонов этой категории с течением времени становится всё больше. В I в. ещё преобладала денежная аренда, но она подрывала хозяйство мелких съёмщиков. Задолженность их росла, нередко землевладельцы продавали за долги инвентарь колонов, что окончательно лишало их возможности выбиться из нужды. Многие предпочитали поэтому переходить на натуральную и особенно на издольную аренду, обычно из $^{1}/_{3}$ урожая. Однако и в таких условиях долги колонов продолжали возрастать, и вместе с тем возрастала их зависимость от землевладельца. Бывали случаи, когда землевладельцы, используя своё влияние и положение, силой принуждали оставаться на своей земле колонов, даже уплативших недоимки. Государство, регулировавшее взаимоотношения владельца земли с арендаторами по договору, почти не вмешивалось в его взаимоотношения с колонами, владевшими своими участками по обычаю.

В I в. колоны ещё были, по крайней мере формально, вполне равноправны с владельцами земли. Некоторые из них играли известную роль в соседних небольших городах, занимали там жреческие должности, участвовали в коллегиях. Но постепенно они переходят как бы на положение членов проживавшей в имении фамилии, которая включала рабов, вольноотпущенников и клиентов владельца. Они участвуют в фамильных культах и становятся неотъемлемой частью имения, вместе с которым переходят к новому владельцу при продаже и передаче по наследству. Сложившиеся в рабовладельческом обществе представления, по которым человек, работавший на

другого, презирался, отразились и на положении колонов. Так, юристы конца II — начала III в. считали уже, что колону не принадлежит даже его собственный инвентарь, если большую часть инвентаря он получил от землевладельца. Не суд, а землевладелец разбирал различные взаимные претензии и ссоры колонов. Так всё более крепла экономическая и социальная зависимость колонов от собственников земли. Число колонов возрастало за счёт разорившихся крестьян и посаженных на землю отпущенных рабов и их потомков. Особенно развивался колонат в императорских и крупных частных имениях.

Императорские имения неуклонно возрастали за счёт конфискаций и завещаний, так как обычай требовал, чтобы богатые люди часть имущества завещали императору. Эти имения управлялись прокураторами с целым штатом помощников из рабов и отпущенников. Прокуратор назначался для целой провинции или, если земли были очень обширны,— для отдельных её округов. Часть императорских земель сдавалась кондукторам, которые передавали их мелким, большей частью наследственным арендаторам—колонам. Часть земель оставалась под надзором императорских виликов, которые также сдавали её колонам или обрабатывали с помощью труда рабов. Колоны должны были вносить в качестве арендной платы $^1/_3$ урожая и отрабатывать известное число дней в году (от 6 до 12) на земле, эксплуатировавшейся виликами императора или кондукторами. По закону Адриана, стремившегося привлечь колонов на императорские земли, те из них, которые брали заброшенный или необработанный участок, приобретали его в наследственное владение и несколько лет не вносили никакой платы. Число императорских колонов было велико. Они жили сёлами с выборными магистратами, подчиняясь прокураторам и кондукторам. Последние нередко самовольно повышали платежи и отработки колонов, но императоры, не желая, чтобы из кондукторов выходили новые крупные землевладельцы, и, будучи заинтересованы в известном благосостоянии колонов, как земледельцев и возможных солдат, ограничивали произвол кондукторов.

В сходном с императорскими доменами положении были и крупные частные владения, так называемые экзимированные (т. е. изъятые из городских территорий) сальтусы. Здесь земля также сдавалась колонам, которые больше зависели от своего землевладельца, чем от властей города. Эти имения были гораздо менее связаны с рынком, чем виллы. Обширный штат рабов или свободных ремесленников производил на месте всё необходимое. Обмен происходил внутри имения, на специальных ярмарках, которые особыми сенатскими постановлениями разрешалось устраивать владельцу.

Положение в Италии

Разорение средних землевладельцев в Италии сопровождалось новым ростом латифундий. Правительство старалось помочь делу. Домициан пытался запретить насаждение виноградников в провинциях, чтобы избавить италийских виноделов от конкуренции. Нерва, как сообщает историк Дион Кассий, выделил 15 млн. драхм на покупку земли беднейшим жителям Италии. Траян создал так называемый «алиментарный» фонд для ссуд землевладельцам за небольшие проценты под залог их земель. Проценты с этих ссуд шли на субсидии детям бедноты. Некоторые богачи жертвовали в алиментарные фонды своих городов деньги и земли. Однако всё это мало помогало. Крупные собственники покупали или захватывали земли более слабых соседей и городов. К середине II в. весьма заметными фигурами италийского земледелия становятся крупный землевладелец и колон. Города впадали в долги, желавших занять должности городских магистратов становилось всё меньше. Вместе с городами приходило в упадок и италийское ремесло. Многочисленные ремесленники сохранялись только в Риме, отчасти благодаря потребности знати в предметах роскоши, отчасти благодаря строительству, которое предпринимали императоры с целью украсить столицу и дать заработок населению.

3. Западные провинции во второй половине I в. и во II в. н. э.

Общие черты в развитии провинций. Британия. Галлия. Испания

Выше уже говорилось, что провинции в I—II вв. н. э. переживали известный подъём. Однако экономический подъём провинций, особенно западных, был недолог. Вскоре начинается упадок среднего землевладения и городов, упадок ремесла и торговли, рост латифундий. Тот путь, который прошла Италия, повто-

Вал Адриана в Северной Британии.
Первая половина II в. н. э.

рялся и в провинциях; однако каждая из них имела свои особенности, определившие её развитие и роль в общей истории империи.

Британия была одной из наименее романизованных западных провинций. Правда, и здесь появились рабовладельческие виллы римского образца, но они сосредоточивались главным образом на юго-востоке провинции. На остальной территории преобладали сёла местных племён, которые жили ещё первобытно-общинным строем. Местное производство было развито слабо, преобладали мелкие мастерские, изготовлявшие предметы кельтского образца. Товары ввозились главным образом из Галлии и Испании. После восстания Боудикки Британия долгое время

не покорялась. Шаг за шагом римские легионы оттесняли на север и запад местные племена, оказывавшие упорное сопротивление.

Тацит сохранил речь одного из племенных вождей Британии — Калгака к его войску накануне сражения с римлянами. Страстной ненавистью к поработителям дышит эта речь. «Похищать, убивать, грабить,—говорит он о римлянах,—это на их лживом языке называется управлением, а когда всё превратят в пустыню, то называют это миром». Калгак был разбит полководцем Домициана Агриколой, но британские племена лишь с трудом подчинились Риму. В Британии вспыхивали всё новые и новые волнения. Адриан и Антонин Пий были вынуждены сооружать валы на границе современной Шотландии, чтобы предотвратить вторжения племён, сохранивших независимость. Британия давала большое количество солдат во вспомогательные части, разбросанные по всей империи.

Надгробный памятник семьи Секунриев в Игеле, около Трира. III в. н. э.

Галльские провинции включали Нарбонскую Галлию, Великую Галлию, состоявшую из Аквитании, Лугдунской Галлии и Белгики. К ним тесно примыкали прирейнские области Германии, которые были превращены в две провинции. При Флавиях и Антонинах они переживали значительный подъём. Наиболее романизованы были южные и восточные области. Многочисленные крупные и мелкие города, окружённые виллами, приняли римский облик. Ремесленные и торговые коллегии возникали и в самых мелких городах, а в таких городах, как Нарбон, Арелата, Лугдун, Немаус, они были очень многочисленными. Крупные торговые компании объединяли купцов, вывозивших италийские и испанские вина и масло, а также судовладельцев, корабли которых обслуживали внутреннюю и внешнюю торговлю. Торговцы из Италии, Сирии, Малой Азии создавали землячества под покровительством отечественных богов. Галльские полотна, сукна, металлические изделия были повсюду широко известны. Особенно славились галльские керамика и стекло, затмившие италийские изделия. Галльские товары расходились по западным провинциям, шли за Рейн и за Дунай. Разбогатевшие ремесленники и торговцы покупали земли и входили в сословие декурионов. Сохранился великолепный надгробный памятник из окрестностей Трира, на котором изображены сцены из жизни такой семьи. Здесь изображены и суконная мастерская принадлежавшая ее главе, и караван, нагруженный отправляемым на продажу сукном и вилла, где хозяин в кругу семьи принимает колонов, приносящих ему сельские дары

В центральных районах местные боги слились с римскими, местная знать и горожане усвоили латинский язык, принимали римские имена. Во многих городах возникли школы, славившиеся преподаванием латинского и греческого красноречия. Однако романизация захватила здесь лишь высшие слои населения. Сельское населе-

ние было затронуто ею гораздо меньше. Рабовладение в Галлии значительно развивалось, хотя и не в такой степени, как в Риме. Северные и западные области Галлии были менее романизованы. На западе преобладали крупные владения местной знати, на севере, в районе Рейна,— сёла местных племён, живших общинами. Здесь более живучи были местные обычаи, религия, язык, имена. В больших имениях всё ещё работали клиенты землевладельцев. Многочисленно было и крестьянское население.

Экономический подъём Галлии продолжался до второй половины II в. Затем замечается известный упадок ремесла в центральных районах и передвижение его центров к Рейну. Сокращается сфера галльской торговли. Растёт крупное землевладение за счёт разорения мелких и средних землевладельцев. Среди разоряемых латифундиями крестьян обостряется недовольство. Во второй половине II в. волновалось племя секванов, живших между Роной и Рейном,

Колоны, несущие оброк землевладельцу.
Рельеф надгробного памятника семьи Секунриев в Игеле, около Трира. III в. н. э.

а затем разгорелось большое движение, во главе которого стал бежавший из римской армии Матерн. К нему примкнуло большое количество рабов и крестьян. Они убивали богатых землевладельцев и захватывали их имущество. Волнения начались и в Северной Италии. Матерн даже задумал убить императора во время праздничной процессии в Риме, но был предан и казнён.

Во второй половине I в. Испания, делившаяся на Тарраконскую Испанию, Бетику и Лузитанию, была одной из наиболее богатых городами романизованных провинций с высоким развитием рабовладения. Испанские вина, масло, рыба, металлические изделия находили широкий сбыт в империи. Городская жизнь, особенно после реформы Веспасиана, была очень оживлённой, хотя в некоторых частях полуострова, особенно в Лузитании, ещё сохранялись племенные территории. Многие сенаторы, всадники, писатели, поэты происходили из Испании. Но уже с середины II в. испанская торговля сокращается, всё меньше выходцев из Испании играет роль в политической и культурной жизни империи, всё меньше испанцев попадает в армию. Приходят в упадок разорённые города, несмотря на то, что богатые собственники тратили большие суммы на городские нужды. При Адриане в испанских городах возникают волнения. При Марке Аврелии произошло крупное восстание в Лузитании.

Африканские провинции

С начала II в. н. э. начинают развиваться африканские провинции — Африка, Нумидия, Мавретания. Условия в них были весьма различны. Области, примыкавшие к морю, были по преимуществу областями зерновых культур с преобладанием среднего и мелкого землевладения, сильно развитым рабовладением, значительным количеством городов и развитой городской жизнью. В Нумидии, где в городе Ламбезе стоял III Августов легион, большую роль в городской жизни играли ветераны. Особенно интен-

сивно муниципальная жизнь развивается здесь с середины II в. н. э. В это время Африка становится главной житницей империи. Император Коммод строит специальный флот для доставки африканского зерна. Африканское масло, считавшееся в I в. самым низкосортным, теперь успешно конкурирует с лучшим испанским маслом. Южные области Африки оставались по-прежнему районами крупного землевладения,

Развалины города Тамугади в Алжире. Главная улица.
II в. н. э.

больших оливковых плантаций. Здесь городов было немного, ведущая роль принадлежала богатым владельцам, на землях которых жило множество колонов. В африканских провинциях, особенно в Нумидии и Мавретании, большую роль играли императорские сальтусы и территории, заселённые местными берберийскими племенами. Последние постепенно оттеснялись с лучших земель и обращались в императорских колонов. Во II в. среди них неоднократно вспыхивали волнения, сопровождавшиеся вторжениями мавретанских племён из-за границ провинции. При Коммоде происходили движения среди африканских колонов, подвергавшихся тяжёлой эксплуатации со стороны крупных съёмщиков императорских земель — кондукторов.

В Африке ремесло было развито сравнительно слабо, здесь почти неизвестны ремесленные коллегии, столь многочисленные в Галлии. Торговля была главным образом транзитная: через африканские провинции в империю провозили из Центральной Африки рабов, диких зверей для амфитеатров, слоновую кость. Беднейшее население, не находя себе применения в ремесле и торговле, искало заработка в

сельском хозяйстве в качестве наёмных работников. Целые отряды косарей, жнецов переходили с места на место в поисках работы. Большое число мавров, считавшихся прекрасными наездниками, служило во вспомогательных частях. Постепенно с развитием городской жизни распространялись латинский язык, римская культура. Со второй половины II в. в Риме появляются сенаторы, всадники, ораторы и писатели

Жизнь африканского поместья.
Мозаика из виллы Лабериев, близ Утики в Тунисе. Конец I — начало II вв. н. э.

из Африки. Особое развитие получили юридические школы. Однако пунический и берберские языки не были вытеснены латинским; на них говорила большая часть населения, особенно сельского.

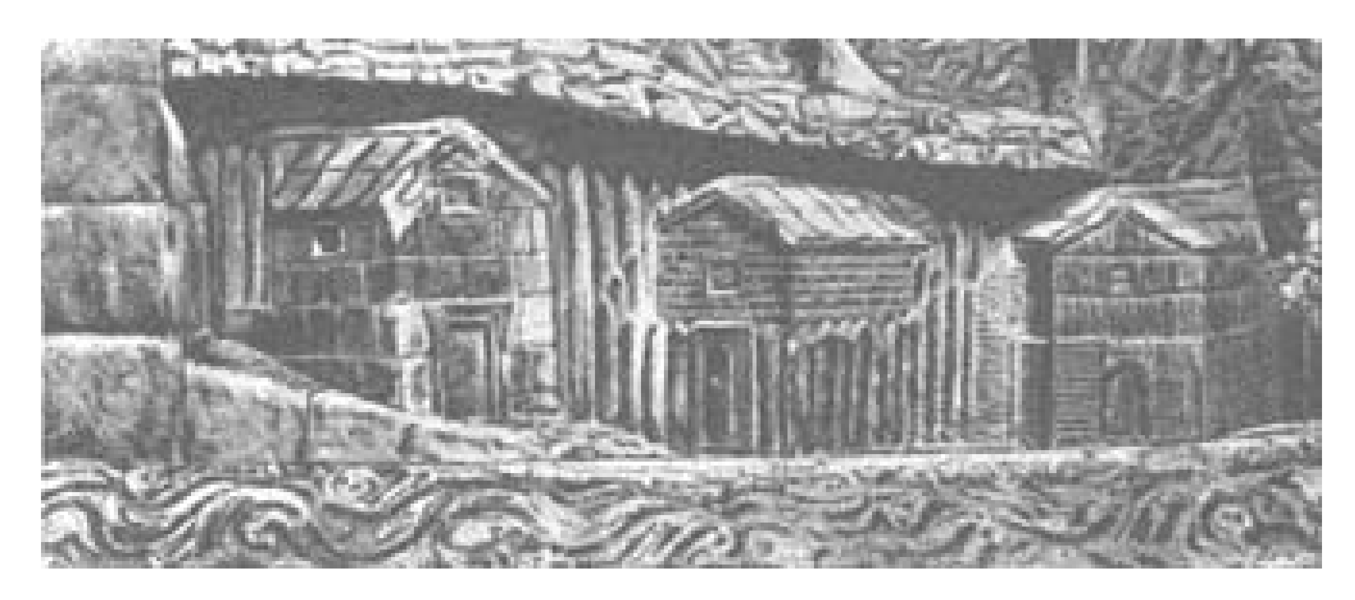
Балкано-дунайские провинции

Несколько иным был характер балкано-дунайских провинций — Далмации, Реции, Норика, Паннонии, Мёзии и Дакии. Крупное землевладение и рабовладение на Дунае не развились. Преобладали небольшие виллы и главным образом сёла-общины с мало романизованным местным населением. С этим связано и слабое развитие рабства. Ремесленники также были главным образом из числа свободных; даже вольноотпущенников среди ремесленников дунайских провинций было мало.

Для всех дунайских провинций во многом определяющим было соседство наиболее воинственных и опасных для Рима племён. Во II в. рейнская граница считалась почти умиротворённой и количество расположенных на ней войск постепенно уменьшалось. На дунайской границе оно, напротив, возрастало. Так, при Нероне около 63 г. на Рейне стояло 7 легионов, на Дунае — 5, при преемнике Адриана Антонине Пии — на Рейне — лишь 4, на Дунае — уже 12. В связи с этим военные элементы играли особо большую роль в дунайских провинциях. Ветераны составляли

здесь большую часть городских магистратов и землевладельцев. Из них же состояла верхушка в сёлах. Значительная часть городов возникла из военных колоний или лагерных поселений. Здесь более чем где-либо, военные были оплотом и проводниками римской политики. Из них часто выходили владельцы торговых и ремесленных предприятий. В Дакии военные играли большую роль и в эксплуатации местных золотых приисков.

Наряду с военными видное место занимали пришлые дельцы. Так, члены семьи откупщиков пошлин Юлиев были магистратами во многих городах дунайских



Римские укрепления на Дунае.
Рельеф колонны Марка Аврелия в Риме. II в. н. э. Мрамор.

провинций и владели значительным имуществом и сравнительно большим количеством рабов. В Дакию, значительная часть населения которой погибла во время войн Децебала с Римом, Траян переселил множество колонистов, главным образом из восточных провинций. Это с самого начала определило смешанный характер культуры дакийских городов. Дакийская знать, охотно признавшая власть Траяна, не пыталась сопротивляться Риму, как это делала в своё время племенная аристократия Галлии или Британии. Она быстро восприняла римские имена и обычаи. Но народ был поставлен в чрезвычайно тяжёлые условия и лишён, по-видимому, значительной части земли. Масса дакийского населения никогда не примирилась с римским владычеством и часто примыкала к своим соплеменникам, неоднократно вторгавшимся на территорию провинции. Роль придунайских областей в жизни империи становится особенно важной в III в.

4. Восточные провинции во второй половине I в. и во II в. н. э.

Общие черты в развитии восточных провинций. Малая Азия. Ахайя

Во II в. на Востоке наблюдается неуклонный упадок городской автономии и возрастающий контроль императорской администрации над городами. Со времени Траяна здесь появляются кураторы, надзиравшие за финансами городов. Наместники входили во все мелочи местной жизни. Интересны в этом смысле письма Плиния Младшего, бывшего наместником Вифинии, к Траяну. Плиний спрашивает, можно ли разрешить городу достроить гимнасий или бани, можно ли допустить, чтобы местные богачи собирали народ на семейные тор-

жества, можно ли дозволить организовать коллегию для тушения пожаров и т. п. Любопытно, что на последний вопрос Траян ответил отрицательно, так как опасался, что новые коллегии дадут возможность народу организоваться в мятежных целях.

В городах малоазийских провинций — Азии, Ликии и Памфилии, Понта и Вифинии, Галатии, Каппадокии — во главе органов самоуправления стояла обычно небольшая группа самых богатых граждан. Народные собрания почти не созывались. Но и у магистратов оставались только почётные титулы и очень мало реальной власти. Всё ещё живучее соперничество городов и боязнь народных волнении заставляли их жертвовать огромные суммы на городское благоустройство и раздачи. Известны пожертвования в 2 млн. денариев. Императоры поощряли такую практику и охотно утверждали почести, которые сограждане присуждали «благодетелю». Это были статуи, почётные декреты, особые места в театре, золотые венки и т. п. Однако уже с середины II в. всё труднее становится найти желающих занять должность магистрата, с которой были связаны большие расходы. Из почести магистратуры становятся постепенно принудительной повинностью. Такие крупные центры, как Смирна, Эфес, Никея, всё ещё славились богатством и великолепием, но общий упадок городов Малой Азии с середины II в. несомненен. В ряде районов Малой Азии городская жизнь вообще развивалась значительно слабее. Во многих местах сохранялась племенная организация; большую роль играла старая аристократия, в частности потомки местных царей, владевшие огромными землями и стадами.

Но и в областях с большим количеством городов существовало многочисленное крестьянское население, в значительной части превратившееся в арендаторов городских, императорских и частных земель. Многочисленные налоги и повинности разоряли крестьян. Их обнищанию и разложению общины способствовал рост частного землевладения. Иногда местные земледельцы пытались оказывать сопротивление новым земельным собственникам. Нередки были волнения и в городах, направленные против богачей, пытавшихся поднять цены на хлеб. Возникали тайные общества, ставившие себе целью бороться против местной олигархии. Этим и объяснялось нежелание правительства допускать образование новых коллегий, хотя вообще ремесленные коллегии в Малой Азии были довольно многочисленны. Разорённые крестьяне, беглые рабы, городские бедняки создавали отряды, нападавшие на купцов и землевладельцев. Это была типичная для тогдашнего времени форма классовой борьбы, квалифицировавшаяся в римском праве как «разбой». Специальные должностные лица — иренархи — и отряды солдат, созданные для борьбы с «разбойниками», не могли подавить этого движения.

Особое место в империи занимала провинция Ахайя, т. е. Греция. Она находилась в состоянии глубокого упадка. Здесь почти не оставалось крестьянства, за счёт которого в значительной мере осуществлялось развитие других провинций, а рабовладение изжило возможности своего дальнейшего развития в Греции ещё до возникновения империи. Во всём чувствовался полный застой. Города приходили всё в больший упадок. В них господствовали обычно несколько богатейших семей, эксплуатировавших обнищавшую массу. Ярким примером является семья известного софиста, друга императоров, сенатора и богача Герода Аттика, самовластно распоряжавшегося в Афинах, большинство граждан которых были его должниками. По временам в городах происходили волнения в связи с дороговизной или недостатком хлеба.

Значение Ахайи определялось её культурными традициями. Афинские школы всё ещё считались первыми и пользовались покровительством и щедротами императоров. При императоре Адриане среди эллинской аристократии возникает движение «панэллинизма», имевшее целью объединить всех эллинов. Адриан рассчитывал, что это движение сблизит с империей эллинизованные элементы восточных провинций.

Сирия. Египет

В Сирии эллинизация была гораздо слабее, чем в Малой Азии. Ни латинский, ни греческий языки не вытеснили здесь арамейского. Сильнее были здесь и элементы местного, доримского права, местной религии и искусства. Большая часть сирийских земель не была приписана к городам и была занята сёлами-общинами. Налоги и повинности были очень велики. Тяжёлым бременем для населения Сирии была армия, состоявшая в конце II в. из шести легионов и соответственного числа вспомогательных частей. Солдатские постои, поставки и повинности по обслуживанию армии разоряли жителей Сирии. Жиз-

Пальмира (Сирия). Колоннада главной улицы.

ненный уровень сирийских крестьян был крайне низок. Множество сирийцев попадало в качестве рабов в имения и богатые дома Италии и провинций, довольно большое число рабов было и в самой Сирии, особенно в городах. Города развивались главным образом на побережье и на узловых пунктах караванных путей. Хотя в сирийских городах ремесло попрежнему стояло на высоком уровне — сирийские стекло и шерсть всё ещё широко славились, — однако главную роль в экономике сирийских городов во II в. начинает играть транзитная торговля с Востоком. На ней наживались сирийские купцы, объединения которых существовали не только в городах Сирии, но и в Остии, в Риме, в городах Галлии, Дакии, Паннонии и других провинций. Благодаря караванной торговле во II в. приобрёл большое значение один из её центров в Сирии — Пальмира.

В крупных городах Сирии социальные противоречия между славившимися своей роскошью богатыми купцами и нищими массами были особенно остры. К концу правления Адриана вспыхнуло большое восстание иудеев, которое возглавлял

Бар-Кохба, выдававший себя за «божественного спасителя». Восставшие, ведя партизанскую воину, продержались три года против римских войск, не решавшихся вести регулярные сражения. В результате длительной борьбы, во время которой погибло много тысяч человек, восстание было подавлено. Часть сирийцев, по-видимому, примкнула к восстанию Бар-Кохбы. Когда в конце II в. наместник Сирии Авидий Кассий поднял восстание против императора, сирийцы перешли на его сторону. Среди беднейшей части населения провинции были сильны пропарфянские настроения, тогда как знать поддерживала выгодное для неё римское владычество.

В Египте римляне, старавшиеся выжать из страны всё, что возможно, особенно последовательно консервировали старые отношения. Сохранялось деление населения на более или менее привилегированные группы. Египтяне оставались по-прежнему бесправными. На военную службу они принимались почти исключительно во флот. На них же всей своей тяжестью ложилась обработка земли, уплата налогов, отправление повинностей. Крестьяне разорялись, бросали землю, что вело к расширению принудительной аренды. Даже лица, имевшие освобождение от повинностей, например ветераны, с середины II в. принуждены были брать в аренду землю и исполнять литургии.

В результате бегство жителей принимает массовый характер. Целые сёла оказываются покинутыми. Неоднократные приказы префектов Египта, призывавших беглецов вернуться, оставались безрезультатными. Крестьяне уходили в Александрию или в трудно доступную болотистую местность в дельте Нила, так называемую Буколию. Здесь-то и началось в 172 г. восстание буколов, едва не овладевших Александрией. Восстания в Египте были особенно часты Постоянно готова была восстать Фиваида. Многократно вспыхивали волнения в Александрии, которую римляне считали городом мятежников.

Ослабление империи. Маркоманские войны

Таким образом, к концу периода Антонинов значительная часть провинций уже пережила свой экономический расцвет и стала клониться к упадку. Обострялись социальные противоречия, учащались восстания Благополучие «золотого века» Антонинов было обманчивой видимостью, благополучием лишь для узкого круга знатных и богатых. Эта непрочность экономической и социальной базы, а также фактическая слабость армии заставляли императоров держаться оборонительной политики и избегать войн.

Слабость империи уже ярко сказалась во время войн одного из последних Антонинов, императора-философа Марка Аврелия, с германскими, фракийскими, сарматскими племенами — квадами, маркоманнами, язигами, котинами, бастарнами, певкинами, а также (возможно) со славянским племенем костобоков и др. По словам биографа Марка Аврелия, восстали все народы от границ Иллирика до Галлии. Раздражённые долголетним вмешательством Рима в их внутренние дела, требованиями рекрутов во вспомогательные части, уводом в рабство их соплеменников, они поднимались на борьбу. Навязанных им Римом царьков они изгоняли и заменяли их вождями, готовыми бороться с империей.

Эта война, то разгораясь, то затухая, тянулась 11 лет и стоила империи огромных жертв. Тысячи перебежчиков и дезертиров переходили на сторону «варваров». Дунайские провинции Фракия, Македония, Ахайя, Галлия подвергались опустошению. Опасность угрожала Италии. Многим казалось, что вернулись времена Пунических войн. Чума, голод, пророчества, слухи о «чудесах» и «знамениях» усиливали смятение Марк Аврелий старался разъединить своих противников, и в известной мере это ему удавалось. Но, несмотря на то, что в глазах современников он остался победителем, ему пришлось пойти на ряд уступок — одним племенам он даровал римское гражданство, других освободил от податей, третьим обязался выплачивать субсидию деньгами и зерном.

Захваченные во время войн пленные расселялись в качестве колонов на государственных землях в пограничных провинциях и в Северной Италии. То, что пленные на этот раз не обращались в рабов, а использовались в качестве колонов, было одним из симптомов надвигавшегося кризиса рабовладельческого строя. Некоторая часть пленных была включена в римскую армию и отослана в отдалённые провинции. Через некоторое время поселённые в Италии «варвары» подняли восстание, так что в дальнейшем иноплеменников избегали селить в опасной близости к Риму. Но в провинциях эта практика продолжала применяться во всё возрастающих масштабах.

С правления Марка Аврелия начинается новый этап как во внутренней жизни империи, где всё явственней сказывается кризис рабовладельческой системы, так и в истории её взаимоотношений с соседними народами. Эти народы и племена усиливают свой нажим на границы империи. С другой стороны, всё больше германцев, сарматов и других «варваров» становится в империи солдатами и земледельцами. Они вступают в союз с широкими массами рабов, крестьян, колонов, поднимающихся против имперской знати и рабовладельческого государства.

5. Идеология и культура римского общества в I—II вв. н. э.

Общие черты античной культуры в период ранней империи

В культуре I—II вв. н. э. сказались те же черты, которые были определяющими для экономического и политического развития этого периода. По мере объединения высшего класса империи вокруг римского правительства создаётся единая эллинистическо-римская культура, распространявшаяся в провинциях и, в свою очередь, испытавшая на себе влияние провинциальных культур. Писатели, ораторы, философы, учёные выходили теперь из всех областей империи; с середины II в. подавляющее большинство их было уроженцами восточных провинций. Греческий и латинский языки стали равноправными. Уроженцы восточных провинций пишут труды по римской истории, а император Марк Аврелий написал своё философское сочинение по-гречески. Римское право, римская архитектура, римский официальный культ господствуют в провинциях. С другой стороны, восточные культы имели множество поклонников в Риме, в Италии и в западных областях. В разработке права участвуют юристы-провинциалы.

Наиболее замечательные памятники римской архитектуры — мост, построенный при Траяне через Дунай, форум Траяна с его победной колонной, рельефы которой увековечивали эпизоды дакийских войн,— были воздвигнуты Аполлодором из Дамаска. Развитие городской жизни и укрепление императорской власти способствовали развитию архитектуры и скульптуры. Многочисленные статуи императоров, их приближённых и представителей городской знати украшали города. Стремясь поднять значение Рима, императоры воздвигали роскошные монументальные сооружения. Особенно известны выстроенный при Флавиях Колизей — амфитеатр на 50 тыс. зрителей, триумфальная арка Тита, мавзолей Адриана. Многочисленные новые здания воздвигались и в провинциальных городах. Их архитектура представляла смешение римских и эллинистических элементов. В восточных провинциях чем дальше, тем больше чувствовалось влияние парфянского искусства.

Политические тенденции в литературе I—II вв.

Во II в. Италия и западные провинции утрачивают ведущую роль в культурной жизни империи. Но в I в. среди деятелей культуры было ещё немало италиков. В их сочинениях звучали отголоски политической борьбы. При Тиберии был казнён историк Кремуций Корд, не скрывавший своего преклонения перед Брутом и Кассием. Его сочинения были сожжены по приговору сената. Участник заговора Пизона Лукан написал поэму «Фарсалии», прославлявшую республиканцев. В романе «Сатирикон», написан-

ном другой жертвой Нерона — Петронием, описывались скандальные похождения разных тёмных личностей, в которых читатели узнавали видных современников. Так, например, в портрете выскочки, богача-вольноотпущенника Тримальхиона,

Форум Траяна.
Современное состояние.

окружённого льстивыми прихлебателями, одни видели карикатуру на Клавдия. другие на Нерона и их двор.

Духом сенатской оппозиции были проникнуты и сочинения Тацита, хотя свои главные произведения — «Истории» и «Анналы» — он писал уже в начале II в. Близкий по духу к республиканцам, он, однако, не избежал влияний, преобладавших при

Нерве и Траяне. Давая убийственные характеристики ближайшим преемникам Августа и Домициану, тоскуя о «нравах предков», он все же говорит о компромиссе между «свободой» и монархией, будто бы найденном Нервой и Траяном. Восхищение ушедшей в вечность «простотой нравов» отразилось и в его сочинении о германцах, которых он противопоставляет своим испорченным современникам. Нападки на современные нравы вообще были широко распространённой темой, хотя представители разных социальных слоев подходили к ней по-разному. Тациту развращённость и корыстолюбие римской аристократии ненавистны потому, что он видит в них причину гибели республики и унижения сената, поставившего материальные блага выше чести и свободы. В глазах небогатого италика, пришедшего искать счастья в столицу мира, скупой, развратный богач олицетворял ту гнетущую власть денег, которая разорила его, превратила из независимого хозяина в клиента, терпящего тысячи унижений за подачки патрона

Ярким выразителем настроений этих кругов был современник Домициана и первых Антонинов — сатирик Ювенал (I — II вв. н. э.). Его гневные сатиры не щадят ни императора, ни его друзей, ни невежественных, тщеславных богачей, ни развратных, избалованных женщин, ни обленившегося римского плебса, требующего «хлеба и зрелищ». Ювенал ополчается против разбогатевших вольноотпущенников, восточных шарлатанов-жрецов, изнеженных, дерзких с бедняком рабов, толпящихся в богатых домах, пронырливых философов-греков, успевающих захватить лучшие куски на обеде у патрона. Жизни современного ему Рима он противопоставляет древние времена и идеализированные нравы маленьких городков Италии, где и теперь ещё всё просто и скромно. К Ювеналу близок в известной мере и происходивший из Испании Марциал (около 40—104), автор многочисленных эпиграмм, который, однако, не столь резок, как Ювенал. Пользуясь милостями Домициана, он беззастенчиво ему льстил. Пороки современников, которые яростно обличал Ювенал, у него высмеиваются лишь острой шуткой.

При Антонинах оппозиционные ноты в литературе замирают. Обличительная литература вытесняется панегириками, прославляющими «хорошего» монарха и благодетельную власть Рима. Выше уже упоминался панегирик Плиния Младшего Траяну. Другой образец этого рода литературы—панегирик Риму, произнесённый при Антонине Пии известным оратором Элием Аристидом Главная его идея — процветание и единство империи под властью Рима, превратившего в единый полис всю вселенную. Те же идеи отразились и в трудах провинциальных историков. Еще в конце I в. до н. э. Дионисий Галикарнасский написал римскую историю с целью доказать родственность римских и греческих учреждений и обычаев. В первые десятилетия II в. знаменитый Плутарх из Херонеи (около 46—126) составил свои сравнительные жизнеописания известнейших эллинов и римлян. Несколько позже александриец Аппиан дал обширную историю всех народов, вошедших в состав империи. Среди историков следует упомянуть и Арриана из Никомедии (Вифиния), написавшего «Анабазис Александра» — лучшую из сохранившихся до нашего времени историй походов Александра Македонского. Это сочинение по форме было написано в подражание «Анабазису» Ксенофонта.

Упадок политической жизни при Антонинах повысил интерес к частной жизни, к отдельным личностям. Развивается биографический жанр, возникший ещё в период эллинизма и перенесённый в латинскую литературу в период кризиса республики (Варрон, Корнелий Непот). Его представителем в период империи, помимо Плутарха, был секретарь Адриана, упоминавшийся уже Светоний (около 70— 160), написавший биографии первых 12 цезарей, а также знаменитых ораторов и поэтов. У обоих названных авторов главное внимание уделяется моральному облику героев, характерным анекдотам из их жизни, их остроумным изречениям и т. п.

Упадок общественной жизни предопределил и окончательное вырождение ораторского искусства Ораторы разрабатывают искусственные, далёкие от жизни темы.

разбирают запутанные, невозможные казусы. Это направление на греческом Востоке получило название «второй софистики». Софисты щеголяли многочисленными примерами из мифологии и древней истории, архаическими, малопонятными выражениями, некоторые пытались искусственно возродить аттическую речь V—IV вв. до н. э. Переезжая из города в город, они собирали обширную аудиторию, многие из них достигали богатства и почетного положения, выступая перед императорами как послы родных городов с просьбами и панегириками.

То же архаизирующее направление сказывалось не только в риторике, но и в литературе и науке. Делались попытки воскресить эпос, историки подражали Фукидиду или Ксенофонту. Составлялись компиляции из древних авторов по различным вопросам религии, обычаев, грамматики и т. п. Такова, в первую очередь, «Естественная история» Плиния Старшего, которая даёт итог современной ему науки по всем вопросам, начиная от природы богов и кончая сельским хозяйством, медициной и минералогией. Наряду с этим были созданы и более серьёзные научные сочинения, в которых авторы критически перерабатывали данные древних авторитетов. Таковы обширные сочинения по географии понтийца Страбона и александрийца Птолемея. Последний, бывший замечательным математиком, завершил разработку астрономической системы Гиппарха, просуществовавшей под названием системы Птолемея вплоть до Коперника. В географии он впервые ввёл современную географическую сетку, вычислил местоположение нескольких тысяч пунктов и составил карту известных ему стран от Скандинавии до порогов Нила и от Испании до Китая. Достижения строительной техники обобщил современник Августа — Витрувий, медицины — пергамский врач Гален.

Лукиан

Наиболее яркой фигурой культурной жизни II в. был уроженец сирийского города Самосаты Лукиан. Начав как софист, он перешёл затем к сочинению сатирических диалогов и небольших повествований на различные темы, в которых он затрагивал почти все явления современной умственной жизни. За беспощадное обличение всяческих суеверий Энгельс назвал Лукиана «Вольтером классической древности». Лукиан выводит в своих произведениях и олимпийцев, препирающихся как простые обыватели, и ловких шарлатанов, спекулирующих на всеобщем суеверии, и софистов, говорящих «на языке Агамемнона», и невежественных историков, заменяющих правдивое повествование лестью, и философов, проповедующих презрение к материальным благам, но дерущихся за жирную курицу на богатой свадьбе. Даёт он и бытовые сценки и пародии на современные ему романы, изобиловавшие чудесами, фантастическими похождениями в сказочных землях и даже на луне. Под конец жизни Лукиан поступил на государственную службу. Такой путь многие представители интеллигенции стали предпочитать унизительной зависимости от частных патронов.

Философия

Ведущим философским направлением был стоицизм, представленный Сенекой, Эпиктетом — вольноотпущенником из Фригии, беседы которого записал Арриан,—и императором Марком Аврелием. К стоицизму примыкал умеренный кинизм, к которому склонялся Эпиктет и которого одно время придерживался уже упоминавшийся Дион Хрисостом. Поздний стоицизм занимался главным образом вопросами этики, причём эта этика как нельзя более подходила к условиям мировой империи, с существованием которой стоики, бывшие в оппозиции при Флавиях, окончательно примирились при Антонинах.

Стоики неустанно проповедовали, что каждый человек есть лишь часть огромного организма, благо которого значительно важнее блага его сочленов. Поэтому каждый должен без борьбы и протеста встречать всё, посылаемое ему судьбой. Так как внешние обстоятельства — богатство, положение, здоровье, свобода и самая жизнь — от человека не зависят, он должен считать их для себя безразличными и принимать с полным равнодушием. Единственная обязанность человека — совершенствование

в мудрости и добродетели, исполнение долга перед обществом и сохранение спокойствия духа в любых положениях. Никаких иных перспектив стоицизм своим последователям не открывал. Всё движется по замкнутым циклам, ничего нового в мире нет и быть не может. Отрицалось по существу и бессмертие души — душа после смерти разлагается, как и тело, и элементы её втягиваются снова в бесконечный круговорот природы. Стоическая этика могла быть привлекательной для правящего класса, пока империя казалась цветущим организмом, ради которого стоило приносить жертвы. Но с наступлением кризиса эта идеология перестала его удовлетворять. Уже у последнего крупного представителя стоической школы — Марка

Серебряный кубок с рельефными изображениями скелетов.
Найден на вилле в Боскореале, близ Помпей. I в. н. э.

Аврелия, автора известного философского сочинения «К самому себе», преобладают беспросветный пессимизм и безнадёжность, проповедь долга ради долга.

Пессимистичен стал, по существу, и эпикуреизм, также имевший многих сторонников. «Меня не было, я был, меня снова нет», «пока я жил, я наслаждался, теперь я прах» — так звучали распространённые формулы эпикурейских эпитафий, утверждавших тщетность бытия. Даже на пиршественных кубках гравировали скелеты якобы Александра или Сократа, чтобы, и наслаждаясь, человек не забывал о быстротечности славы и мудрости, о равном для всех уничтожении. Всё большее распространение получают новые течения, в основном связанные с религиозными движениями, которые развивались на основе пифагорейства и платонизма.

Ещё в I в. до н. э., в период кризиса республики, складывается школа неопифагорейцев, которые, соединяя элементы философии Пифагора, Платона и Аристотеля, разрабатывали мистическое и дуалистическое учение о боге, как благе, и материи, как зле. Большую роль у неопифагорейцев играла демонология и магия. К платоникам принадлежал Плутарх, много писавший по вопросам этики и религии. Самым значительным из философов, опиравшихся на учение Платона, был умерший в середине I в. Филон Александрийский. Он принадлежал к видной иудейской семье, сильно элли-

низованной, как и многие семьи богатых иудеев, поселившиеся вне Палестины.

Филон пытался осуществить синтез библейского богословия и греческой философии. В его сочинениях большую роль играет понятие «слова божьего» — Логоса— первой эманации божества, его творческой силы, как идеи идей Платона. Признаёт он и другие божественные силы, которые отождествляет с ангелами и архангелами — посредниками между богом и людьми. Зло, по его мнению, происходит от несовершенства материи, в которую заключена божественная душа; задача человека — преодоление материальной греховности, раскаяние и обращение к божеству. Филон пытался доказать, что эти идеи были уже заключены в библейских историях, которым он давал аллегорическое толкование.

Идеология народных масс

Все эти учения мало проникали в народные массы, которые частично ещё оставались верны старым богам. Но со времени установления империи родовые, племенные и полисные боги постепенно теряют власть над умами. В народе складывалась своя идеология, являвшаяся протестом против идеологии господствующих классов. Частично она нашла отражение в проповеди, крайних киников, в эпитафиях маленьких людей и более всего—в раннем христианстве. Этому направлению свойственно презрение к богатству, роскоши, праздности, науке и философии богачей. В противоположность рабовладельцам, считавшим труд бесчестьем, в народе растёт уважение к труду, к простой деятельной жизни, которая одна лишь даёт право на уважение при жизни и блаженство после смерти.

Высшие классы воздавали загробные почести только царям и героям. Народные массы проникаются уверенностью, что и простой человек и раб могут после смерти стать равными богам, если они вели достойную жизнь. Народным героем был Геракл, который рисовался как неутомимый работник, защитник простых людей от тиранов и угнетателей. За это он и достиг, по их мнению, бессмертия. Крестьяне и ремесленники хвалили в эпитафиях своих близких за трудолюбие, за искусство, достигнутое ими в их профессии, изображали на их надгробиях орудия труда, а самого покойника — в львиной шкуре и с палицей Геракла, пирующим в кругу богов: он следовал примеру Геракла при жизни и стал подобен ему после смерти.

Очень характерны басни фракийца Федра, раба, а затем отпущенника императора Тиберия. Темы некоторых своих басен он заимствовал у греческого баснописца, также раба, Эсопа, другие сочинял сам или обрабатывал в форме басен рассказы и притчи, ходившие в народе. Басни, писал он, возникли потому, что униженные рабы хотят, но не смеют открыто сказать истину. В своих баснях он обличал знатных и могущественных, за что подвергался многочисленным гонениям и преследованиям. Особенно интересна его басня о пчёлах и трутнях, которые хотели присвоить сделанные пчёлами соты. Судья-оса постановила отдать соты тому, кто их сделал. Но, заключает Федр, этот справедливый приговор теперь нарушен. Так провозглашал он чуждую и необычную для рабовладельческого общества мысль, что только труженик имеет право на продукт произведённого им труда.

6. Религиозные течения и раннее христианство

Возникновение христианства

С ухудшением положения как народных масс, так и задетых кризисом более зажиточных слоев и с утратой надежд на лучшее будущее во II в. всё более распространяются религиозно-мистические настроения, растут мессианистические чаяния, т. е. ожидание прихода божественного спасителя — мессии, усиливается интерес к загробной жизни. Всё больший успех и популярность приобретают восточные культы — египетские, сирийские,

фригийские. Общим для всех этих культов было учение об умирающем и воскресающем боге, смерть и воскресение которого воспроизводились в тайных мистериях. Особенно популярны были мистерии персидского солнечного бога Митры, по представлениям верующих пролившего свою кровь за людей, чтобы спасти их от злого бога Аримана и привести к бессмертию и свету. Не отвергая других богов, приверженцы каждого из этих культов считали своего бога верховным, рассматривая прочие

Бог Митра, закалывающий быка.
III в. н. э. Мрамор.

божества как персонификации его отдельных сил и свойств. Так крепли монотеистические представления, причём верховное божество нередко отождествлялось с солнцем. Росла вера в астрологию и магию, несмотря на запрещения правительства прибегать к гаданиям и волшебству.

Особенно интенсивно было религиозное движение в восточных провинциях, где социальные противоречия и ненависть к Риму в массах были особенно остры. То и дело появлялись пророки, возвещавшие скорый конец римского владычества и наступление «царства праведных». Среди иудеев Палестины и Малой Азии в I в. н. э. и особенно в связи с Иудейской войной вновь появились надежды на приход «божественного спасителя» — мессии. Как видно из недавно найденных в пустыне у Мёртвого моря рукописей, в I в. до н. э.— I в. н. э. в Иудее существовали религиозные общины, отвергавшие частную собственность, верившие, что некий «праведный учитель» приходил, был казнён, воскрес и снова вернётся, чтобы судить живущих. Такие же общины имелись и вне Палестины. Их сочлены соответственно толковали библейские

тексты и пророчества и сами писали аналогичные сочинения. В них упоминается, между прочим, и жестокий народ-завоеватель, очевидно, римляне. В этой-то обстановке возникает, развивается и крепнет христианство, вначале одна из сект иудаизма, впоследствии мировая религия, впитавшая в себя популярные идеи греко-римской и особенно филоновской философии, стоической и кинической этики, восточного богословия с его монотеистическими представлениями и идеей искупительной жертвы. Энгельс указывает, что христианство — продукт разложения античного мира, продукт установления мировой империи, сравнявшей народы в общем бесправии, лишившей бедных и бесправных всякой возможности бороться за улучшение своей доли на земле.

Мессианизм был одной из главных основ христианской религии. Надежда на скорый приход «спасителя» объединяла сторонников Христа—порабощённых, угнетённых, обездоленных, несмотря на всё разнообразие, а иногда и противоречивость их интересов, в единую оппозиционную силу по отношению к господствующему строю, к «властям предержащим».

Членов раннехристианских общин сплачивала ненависть к Риму. Они были убеждены, что «великая блудница» — Рим скоро будет разрушен, все приверженцы Рима будут низвергнуты и заключены на тысячу лет в темницы, а на земле восторжествует «царство божие» во главе с Христом. Это царство, идущее на смену ненавистному Риму, изображалось самыми яркими красками, а его утверждение понималось как социальное переустройство.

Успех христианства был подготовлен кризисом античной идеологии. Положение широких народных масс было крайне тяжёлым. Философия была пессимистична и к тому же оставалась достоянием немногих. Выход и утешение в этих условиях народ искал в религии, сулившей награду хотя бы после смерти. Но языческие культы были слишком тесно связаны с отдельными народами или полисами, уже утратившими самостоятельное значение, слишком обременены сложными обрядами и запретами, разделявшими людей. Христианство было свободно от всего этого. Оно устраняло обрядность и обращалось ко всем людям без различия этнического происхождения и положения, оно провозглашало всеобщее равенство в грехе и искуплении. Христианство возникло как движение угнетённых масс, «оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенных, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов» [1].

Евангельский миф о Христе. Происхождение христианской литературы

Основание новой религии так называемые евангельские легенды приписывают Иисусу Христу. Согласно этим легендам, Иисус родился чудесным образом от девы Марии в иудейском городе Вифлееме. Выросши, он принял крещение от проповедника Иоанна и затем объявил себя сыном божиим и спасителем (мессией). Он учил народ и творил различные чудеса. За ним следовали его ученики (апостолы). Но проповеди Иисуса вызвали к нему ненависть иудейских священников и книжников. Они начали его преследовать, и Иисус, выданный одним из своих учеников, был осуждён советом иерусалимских первосвященников — синедрионом за присвоение себе царского звания и объявление себя мессией. По приговору римского наместника Понтия Пилата он был казнён позорной смертью — распят на кресте. На третий день после своей смерти Иисус Христос воскрес, явился своим ученикам и затем вознёсся на небо.

Такова легендарная биография Христа, рассказанная в так называемых Евангелиях, составление которых приписывается ученикам Христа. Однако Евангелия на самом деле являются сравнительно поздними литературными произведениями (середина II в. н. э.) и, как показала научная критика их текста, сложились из различных элементов и полны самых вопиющих противоречий.

[1] *Ф. Энгельс,* К истории раннего христианства. *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. II, стр. 409.

К Евангелиям примыкают «Деяния апостолов» и «Послания», причем центральное место в этих сочинениях принадлежит апостолу Павлу, который изображался наиболее ревностным сторонником и проповедником новой религии. Одним из самых ранних произведений христианской литературы считается «Апокалипсис» («Откровение»), предположительно датируемый 68 г. н. э., в котором образ Христа ещё лишён всяких земных черт.

В то время такие «Откровения» появлялись в большом количестве наряду с так называемыми оракулами сивилл и другими пророчествами. Именно в этих произведениях ярко сказывается ненависть к Риму, надежда на скорое освобождение и приход божественного спасителя. Первые христиане верили в немедленный приход мессии, наказание грешников и награждение праведных и покаявшихся; лишь впоследствии этот приход был отодвинут на неопределённое время.

Хронология ранних христианских произведений до сих пор с достоверностью не установлена. Многие из них впоследствии были отвергнуты церковью как «еретические», не вошли в окончательно отредактированный христианский «канон», т. е. список книг, почитаемых священными, и известны поэтому лишь по отдельным и отрывочным данным. Но во всяком случае имеющиеся в распоряжении исторической науки материалы позволяют сделать вывод о мифичности Христа и его ближайших учеников — апостолов.

Первоначальное христианство и его эволюция

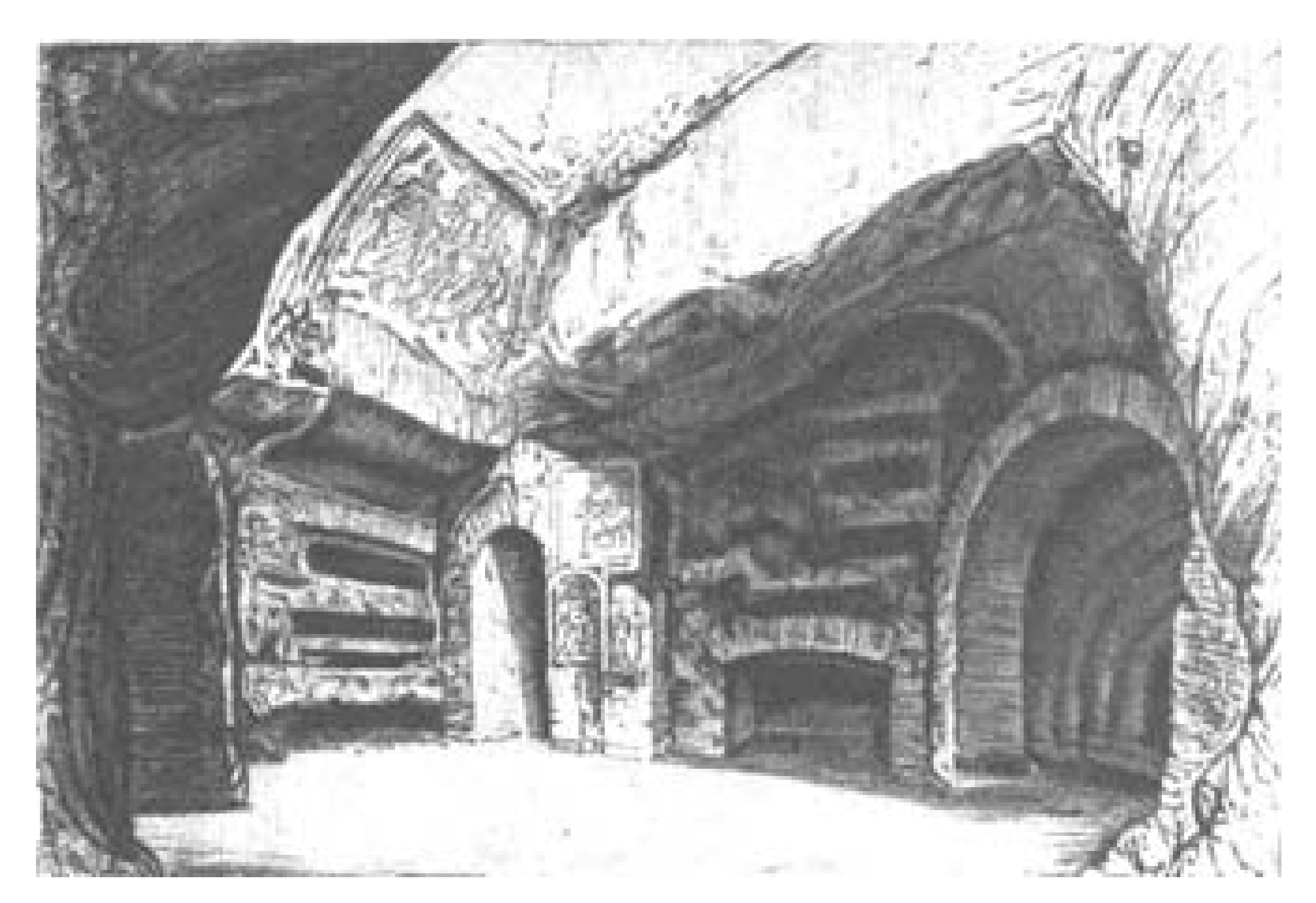
Христианство сложилось не сразу в том виде, в каком оно известно в последующей истории. Таким оно стало в результате длительной эволюции, борьбы различных сект и течений, изменения социального состава и структуры христианских общин. Вследствие недостоверного характера источников раннее христианство известно мало.

Состав ранних христианских общин был, видимо, самый демократичный. В них входили мелкие ремесленники, отпущенники, рабы. Как и другие близкие народу течения, христиане уважали бедность и труд. Все члены общины обязаны были работать. Они отвергали всякий компромисс с империей, с богатыми и знатными. Христиане не участвовали в официальных культах, в том числе и в культе императора, считали, что богач не может войти в царство небесное, если не раздаст своего имущества, отвергали философию и науку господствующего класса. Постепенно порвали христиане и с иудеями, одни из которых держались исключительно замкнуто, другие эллинизовались, ища примирения с империей. В общинах господствовало «равенство во Христе». Наибольшим уважением пользовались пророки, которые поучали и вербовали верующих. Молитвы и совместные трапезы были просты, как и трапезы в коллегиях маленьких людей, которые, так же как христиане, называли друг друга «сестрами» и «братьями».

Однако простота и демократический характер были свойственны лишь ранним христианским общинам. Постепенно к христианам стали примыкать представители более зажиточных и образованных кругов. С ними пришли идеи, популярные в их среде. Под влиянием филоновской философии вырабатывается взгляд на Христа как на воплощение творящего слова божьего — Логос; восточные культы умирающих и воскресающих богов укрепили учение о бессмертии верующих во Христе. Стоическая мораль непротивления и покорности в такой мере повлияла на христианскую, что среди христиан возникла легенда о заимствовании знаменитым стоическим философом середины I в. Сенекой идей у апостола Павла. Резкий протест против угнетателей сменяется призывом к свободным повиноваться власти, данной богом, а к рабам — почитать господина. Богатые не должны уже были теперь отказываться от имущества; считалось, что для их спасения достаточно, если они будут щедры на милостыню. Правда, христиане по-прежнему отказывались участвовать в императорском культе и служить «идолам», но сами за императора молились.

Образование христианской церкви

Во II в. стремление соединить христианство с философией привело к возникновению многочисленных, так называемых гностических сект. Учения их крайне разнообразны, запутаны и туманны. Большое влияние на них оказали платонизм, неопифагорейство, персидский дуализм, восточная мистика и астрология. Для всех этих сект общим является представление о верховном светлом и совершенном боге, о Логосе и других многочисленных творческих силах божества, о материи как источнике зла и



Катакомбы св. Калликста на Виа Аппиа в Риме.
II в. н. э.

греха, о сотворении материального мира в результате грехопадения одной из божественных сил. Спасение человека они видели в «истинном знании» — гносисе, в преодолении власти материи над душой. Гностицизм был аристократическим и индивидуалистическим течением, которое не пользовалось популярностью в широких массах христиан и считалось еретическим, однако в борьбе с ним христианство кое-что у него позаимствовало. Эта борьба повлияла на выработку христианских догматов и на развитие христианской литературы.

Изменение социального состава и рост общин привели к изменению их организации. Потребности усложнявшегося культа и богатые пожертвования в пользу христианских общин усилили влияние лиц, распоряжавшихся общинным имуществом и руководивших богослужением,— диаконов, пресвитеров, епископов. Так началось отделение клира от рядовых христиан, т. е. зарождение христианской церкви. Постепенно клирики во главе с епископами приобретали всё большую власть, оттесняли пророков, изгоняли инакомыслящих, объявляя их еретиками, В среде простых христиан подымался протест против нарождавшейся христианской

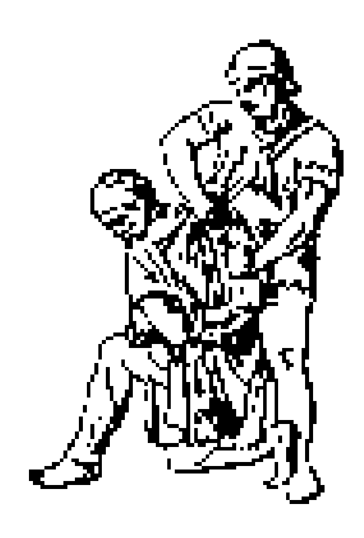
аристократии. Появлялись демократические секты, нападавшие на епископов, почитавшие пророков. Так, например, против епископальной церкви во II в. выступили монтанисты (сторонники малоазийского проповедника Монтана), но потерпели неудачу.

Во II в христианство было распространено главным образом в Малой Азии. Сильная христианская община была в самом Риме и в некоторых городах Африки. В западных же провинциях христианство имело мало сторонников, да и то лишь в крупных городах среди восточных уроженцев, например в Лугдуне. Сельское население, державшееся старых богов, олицетворявших для него более счастливые времена первобытно-общинного строя, было мало восприимчиво к христианской проповеди.

Постепенно христианство становилось силой Языческие авторы, прежде не удостаивавшие его внимания, теперь пытаются его опровергнуть и вернуть христиан к исполнению общепринятых обрядов. Жрецы, видя в христианах опасных конкурентов, натравливают на них народ. О христианах рассказывали, что они отравляют колодцы, употребляют в своих обрядах кровь детей, развратничают, поклоняются ослиной голове. Правительство не издавало прямых законов против христиан, но отказ от участия в императорском культе делал их подозрительными. Сначала репрессии против христиан применялись лишь вследствие сделанных на них доносов, но в дальнейшем возникали и более широкие преследования. Так, по рассказу Тацита, большое число христиан было казнено Нероном по обвинению в поджоге Рима. При Марке Аврелии, когда общее тяжёлое положение делало правительство особенно насторожённым по отношению ко всяким непризнанным учениям, довольно много христиан было осуждено на смерть в Лугдуне и других городах.

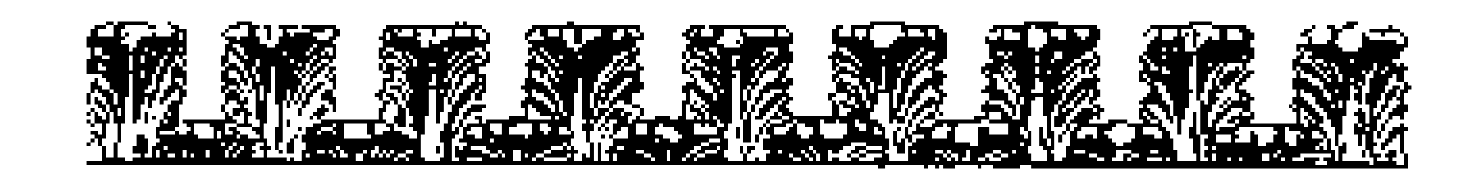
Среди рядовых христиан эти погибшие или потерпевшие за веру мученики пользовались огромным уважением. Но руководители христианских общин уже предпринимали попытки найти пути примирения с империей. Появляются написанные ими так называемые «апологии», обращённые к императорам и содержавшие оправдание христианского учения, христианских нравов и доказывавшие, что христиане являются самыми надёжными подданными.

Так в течение II в. христианство из религии рабов и угнетённых постепенно превращается в сильную церковную организацию, с которой империя через полтора столетия будет вынуждена заключить союз. Христианство становится мировой религией, дополняющей мировую империю.



КОЛИЗЕЙ
Амфитеатр Флавиев в Риме. 75—80 гг. н. э. Современное состояние

РАЗВАЛИНЫ ХРАМА В ГАРНИ.
Вторая половина I в.—первая половина II в. н. э. Современное состояние



ГЛАВА XXII
РАЗВИТИЕ И НАЧАЛО РАЗЛОЖЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ В СРЕДНЕЙ И ЗАПАДНОЙ АЗИИ, В ЗАКАВКАЗЬЕ И СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

1. Кушанское царство

Держава кушанов сложилась в Средней Азии на рубеже нашей эры. Время расцвета было периодом наибольшего для Средней Азии развития рабовладельческих отношений.

Как уже говорилось выше, в I в. до н. э. в Средней Азии существовал ряд независимых государств: Хорезм, юэчжийские княжества на территории Бактрии, города-государства Ферганы и др. В начале I в. н. э. значительная часть Среднеазиатских территорий объединяется в системе обширного Кушанского царства, распространяющего в дальнейшем свою власть на Северную Индию и Восточный Туркестан (Синьцзян).

Возникновение Кушанского царства

История кушанов весьма скудно освещена в источниках. Кушанское царство возникло в результате объединения (видимо, путём завоевания) сложившихся на территории Бактрии и Согдианы тохарских и сакских княжеств под властью одного из князей, принадлежавшего к племени (или роду) кушанов. Первоначальное местоположение княжества кушанов точно не известно. Что касается образования Кушанского царства, то связный рассказ об этом событии даёт «История Младшей династии Хань». Китайские известия подтверждаются и разъясняются данными монет. Надписи на монетах первых кушанских царей сделаны греческими письменами, поскольку кушаны считали себя преемниками греко-бактрийских царей и отчасти подражали им в чеканке монет. По монетам и китайским источникам известно имя основателя Кушанского государства — Кудзулы Кадфиса, иначе Кадфиса I (Киоцзюкю — в китайских источниках). Он подчинил своей власти долину Кабула, Пуду (китайское название Парапамисад) к югу от Гиндукуша и, возможно, также Хорезм. Последний, однако, и в составе кушанского

объединения сохранил известную самостоятельность: в нём продолжали править особые цари, судя по их монетам, династически связанные с кушанами. Вообще Кушанское царство не было централизованным: в ряде покорённых областей тоже сохранялись местные цари, зависимые от верховного владыки.

Кушанское царство при Кадфисе II и Канишке

Преемником Кадфиса I был Кадфис II, правивший в середине I в. н. э. Кадфис II завоёвывает Индию до Бенареса. Последние греко-индийские цари, потомки Эвтидема и Эвкратида, либо теряют свои царства, либо признают себя подданными Кадфиса. Индо-парфянские князья сохраняют до конца I в. лишь остатки своих владений на Нижнем Инде. К концу правления Кадфиса II Кушанское царство охватывало огромную территорию — от Аральского моря до Ганга.

Монеты кушанских царей: 1. серебряная монета Герая;
2—5. медные монеты Кадфиса I, Кадфиса II, Канишки, Хувишки

В период складывания Кушанского царства центр его продолжал оставаться на территории Средней Азии, в Согдиане (в Кушании на Зарафшане). Однако при третьем кушанском царе — Канишке [1] — политический центр государства переместился в Индию.

Канишка расширил владения кушанов в Индии и успешно воевал с Парфией; наиболее важным из внешних событий его царствования была многолетняя борьба с Китаем. В ходе этой борьбы кушанское войско вторглось в Восточный Туркестан. Однако оно потерпело поражение от китайского наместника Западного края Бань Чао, который подчинил Китаю Фергану и Хорезм и даже заставил Канишку признать (вероятно, только номинально) верховную власть китайского императора.

Однако вскоре после смерти Бань Чао Китай стал терять одно за другим свои владения на западе. Хорезм снова подчиняется Канишке (во II в. здесь безраздельно господствуют монеты кушанской чеканки). Переходит под власть кушанов и Фер-

[1] Хронология кушанского периода в значительной степени условна. Так, по вопросу о времени царствования Канишки существуют значительные разногласия: одни считают, что царствование Канишки начинается в 78 г. н. э., другие относят начало правления этого. царя к 128 и даже к 144 г. н. э.

гана. Эмиссары Канишки возбуждают против Китая правителей городов-государств Восточного Туркестана, и в 105 г. здесь начинается вооружённая борьба против Китая. Китайский наместник Западного края был осаждён восставшими в своей резиденции. К концу правления Канишки важнейшие города-государства Восточного Туркестана — Кашгар, Яркенд и Хотан — вошли в состав Кушанской державы. Только на крайнем востоке Восточного Туркестана, который был ближе к Китаю, чем к государству кушанов, остался небольшой китайский гарнизон в 300 человек. Держава кушанов достигла наибольшего территориального расширения.

Социально-экономический строй Кушанского царства

О социально-экономическом строе Кушанского царства известно мало. Держава кушанов была одной из великих империй этого периода. Она охватывала большое количество стран с различным общественным устройством: в неё входили и богатые торговые города с развитыми рабовладельческими отношениями, и плодородные земледельческие области, свободные общинники которых сохраняли в своём быту многочисленные пережитки первобытно-общинного строя, и степи, населённые кочевниками. Образование Кушанской державы способствовало развитию рабовладельческого строя на всей её территории. Сами кушаны, бывшие за столетие с небольшим до Кадфиса I сравнительно немногочисленным кочевым племенем и долго сохранявшие многие особенности своего быта и после поселения в Бактрии, став теперь во главе огромной державы, претерпели, по видимому, значительные изменения в своём общественном строе.

Результатом кушанского завоевания было объединение почти всей Средней Азии в системе единой империи, основанной одним из среднеазиатских народов. Кушанская держава далеко ушла от тех примитивных княжеств, которые возникли в Бактрии после завоевания её юэчжи. При кушанах расширяется ирригационная сеть: и в Хорезме, и в Согдиане, и в Бактрии, и в Фергане следы наиболее крупных каналов относятся именно к кушанскому времени. Постоянные войны давали, вероятно, большое количество рабов. Строятся новые города, особенно на территории Индии. Один из этих городов, Каниспор, до сих пор носит имя Канишки. Растёт торговля, развивается денежное хозяйство. Если для периода существования Греко-Бактрийского царства была особенно характерна серебряная тетрадрахма, связанная с крупными оборотами внешней торговли, то теперь её заменяют более мелкие бронзовые номиналы, указывающие на значительное проникновение денежных отношений в сферу розничного оборота. Всё это должно было способствовать развитию рабовладельческих отношений, которое, однако, на территории Кушанского царства не сопровождалось систематической пауперизацией мелких производителей; здесь продолжали существовать огромные массы не согнанного с земли крестьянства, общинная организация и т. д. По-видимому, это в дальнейшем облегчило формирование элементов феодализма на территории Средней Азии.

Расцвет международной торговли Средней Азии

Кушанский период был временем расцвета международной торговли Средней Азии. Важнейшие трансазиатские торговые пути проходили через владения кушанов. Ещё в конце II в. до н. э. возник уже не раз упоминавшийся «великий шёлковый путь», по которому шёлк из Китая через степи и пустыни Центральной Азии, через оазисы Восточного Туркестана доставлялся на Запад. Теперь торговля Китая с Западом укрепляется ещё больше. И купцы Передней Азии и китайцы стремились упрочить торговые связи между Средиземноморьем и империей Хань. Из Сирии через Евфрат торговый путь шёл в Месопотамию, оттуда на Экбатаны в Мидии, затем на Гекатомпил — древнюю столицу Парфии, на юго-восток от Каспийского моря, из Гекатомпила на Антиохию в Маргиане, из Антиохии на Бактры, из Бактр через Комедские горы к «Каменной башне». Конец пути от «Каменной башни» в страну серов — так называли античные авторы китайцев — был известен этим авторам лишь в общих чертах. Помимо этого, через владения кушанов шёл и другой

торговый путь из Китая: через Кашгар на Фергану и Хорезм, а оттуда в страну аланов и Южное Приуралье. Наконец, существовал ещё торговый путь из Китая — через Кашгар в район Иссык-Куля, где кочевали усуни. В Индию, входившую частично в состав Кушанской державы, ездили через Бактры и район Кабула. На западе Кушанское царство было связано многочисленными торговыми путями с Парфией, а через неё — с Римской империей. Наконец, через Хорезм и страну аланов Кушанское царство имело связи с Восточной Европой, о чём свидетельствуют находки кушанских монет в Прикамье.

Из Китая везли шёлк и нефрит, изделия из лака и кожи, железо и никель, из Индии — пряности, благовония, тонкие шерстяные ткани, из Римской империи — стекло, из далёкого Прикамья — меха. Среднеазиатские купцы вывозили в Китай стекло, драгоценные камни, украшения. Разумеется, как это было обычно в древности, главную роль в торговле играли предметы роскоши, и торговля мало затрагивала основную массу населения. Несколько глубже было влияние местной торговли, которая велась между кочевниками и жителями земледельческих оазисов: кочевники привозили на городские базары мясо, шерсть, кожи и покупали продукты земледелия.

Развитие международной торговли способствовало росту внешних сношений. В 99 г. н. э. кушанское посольство посетило Рим. Изображения кушанов имеются на колонне Траяна. Кушанские (бактрийские, как их называют античные авторы) посольства бывали в Риме и позже — при Адриане, при Антонине Пии.

Парфянские купцы стремились не допустить прямых торговых сношений между Римской империей и Китаем, купцы Кушанского царства, в свою очередь, конкурировали с парфянскими и стремились быть монопольными посредниками в торговле между Парфией и Китаем. Особенно активно участвовали в торговле с Китаем согдийцы. После подчинения Восточного Туркестана кушанскому влиянию согдийцы создают на его территории, а также в Китае многочисленные торговые колонии.

Культурный и религиозный синкретизм; роль буддизма

Объединение огромных территорий в рамках одного государства способствовало культурному смешению. Это культурное смешение облегчалось тем, что народы Средней Азии говорили на весьма сходных между собой иранских наречиях. Тем не менее, отдельные племена и народности, входившие в состав Кушанской империи, имели своеобразную культуру, а потому задачи управления требовали наличия официального общеимперского языка с развитой письменностью. Международное значение на территории Средней Азии имели в это время арамейский язык, письменность которого легла в основу различных систем иранского письма, в том числе согдийской и хорезмийской (с конца II — начала III в. н. э.), а также греческий, который употреблялся на монетах первых кушанов. Позднее на основе греческого алфавита сложилось особое кушанское письмо. Наконец, в связи с нарастающим индийским влиянием появляются и индийские системы письма (письмо деванагари встречается рядом с кушанским письмом на монетах).

Нигде синкретизм не проявился столь ярко, как в области религии. Об этом можно судить главным образом по монетам. На территории Средней Азии почитались самые различные божества: местные (Митра, Анахита, Сиявуш), зороастрийские (Ахурамазда), греческие (Зевс, Гелиос, Селена), индийские (Шива). Происходит синкретическое слияние образов божеств различных народностей, в результате чего видоизменяются и образы местных божеств: так, иранская и среднеазиатская Анахита сливается с греческой Афродитой.

Со времени Канишки особенно сильным стало влияние буддизма. Канишка переносит свою столицу из Согдианы в Пешавар (Пурушапура). В Индии кушаны, как до них эллины и македоняне, должны были неминуемо стать на сторону буддизма. Для них, «варваров» и завоевателей, не было места в варнах брахманской Индии Напротив, учение, обращавшееся ко всем людям независимо от их происхождения, должно было найти в кушанах своих приверженцев. Буддизм во времена

кушанов был уже далеко не тем, чем он был вначале,— учением, выросшим на основе протеста широких масс индийского населения против сословного неравноправия и религии брахманов; слившись с древними культами, он стал одной из мировых религий того времени и в качестве таковой отвечал характеру разноплемённой и огромной империи кушанов. На кушанских монетах появляются буддийские символы (как уже ранее — на монетах некоторых греко-бактрийских царей), в частности изображения Будды, сопровождаемые греческими надписями. Именно этот синкретический, перемешанный с местными верованиями буддизм позднее получил распространение в Тибете, Монголии, Китае и Японии. Торговые связи с

Музыканты.
Фриз храма. I в. н. э. Найден в Айртаме, близ Термеза (Туркмения). Известняк.

Индией и покровительство кушанов буддизму способствовали распространению его в Средней Азии. Наиболее сильное влияние буддизм оказал на Бактрию: по приказанию Канишки в начале II в. был построен большой буддийский храм в Бактрах. В целом буддизм распространился в Средней Азии довольно широко, но нигде глубоко не укоренился, затронув, в отличие от Индии, в основном только господствующие слои населения. Этим и объясняется сравнительно незначительное влияние буддизма на местные религии и исчезновение его в дальнейшем с территории Средней Азии.

Синкретизм нашёл отражение и в искусстве кушанского периода. Памятники его дошли как из Средней Азии и Восточного Ирана, так и из Северной Индии. Искусство это обычно называют гандхарским, поскольку большое количество его памятников дошло из области Гандхары в Северо-Западной Индии (здесь находилась столица Канишки), или греко-буддийским, поскольку оно сочетает эллинистические формы с буддийской тематикой; правильнее, однако, было бы назвать его кушанским, поскольку это было искусство Кушанской державы, выросшее на основе слияния среднеазиатских, иранских, индийских и эллинистических форм.

Реализм в изображении человеческих фигур, характерный для эллинистического искусства, пышные коринфские капители, листья аканфа, как основной элемент орнамента, служат здесь для оформления буддийской тематики. О том же синкретизме говорят статуэтки Анахиты из Хорезма, изображающие её в виде греческой Афродиты, изображения Будды и бодисатв, выполненные в реалистической манере эллинизма, и т. д. К началу кушанского времени относится фриз из Айртама,

украшавший наружные стены здания (возможно, буддийского храма), с изображениями юношей и девушек — музыкантов и гирляндоносцев; напоминая во многом гандхарские памятники, он свидетельствует вместе с тем о наличии в окрестностях Термеза местных художественных традиций.

Упадок Кушанской империи

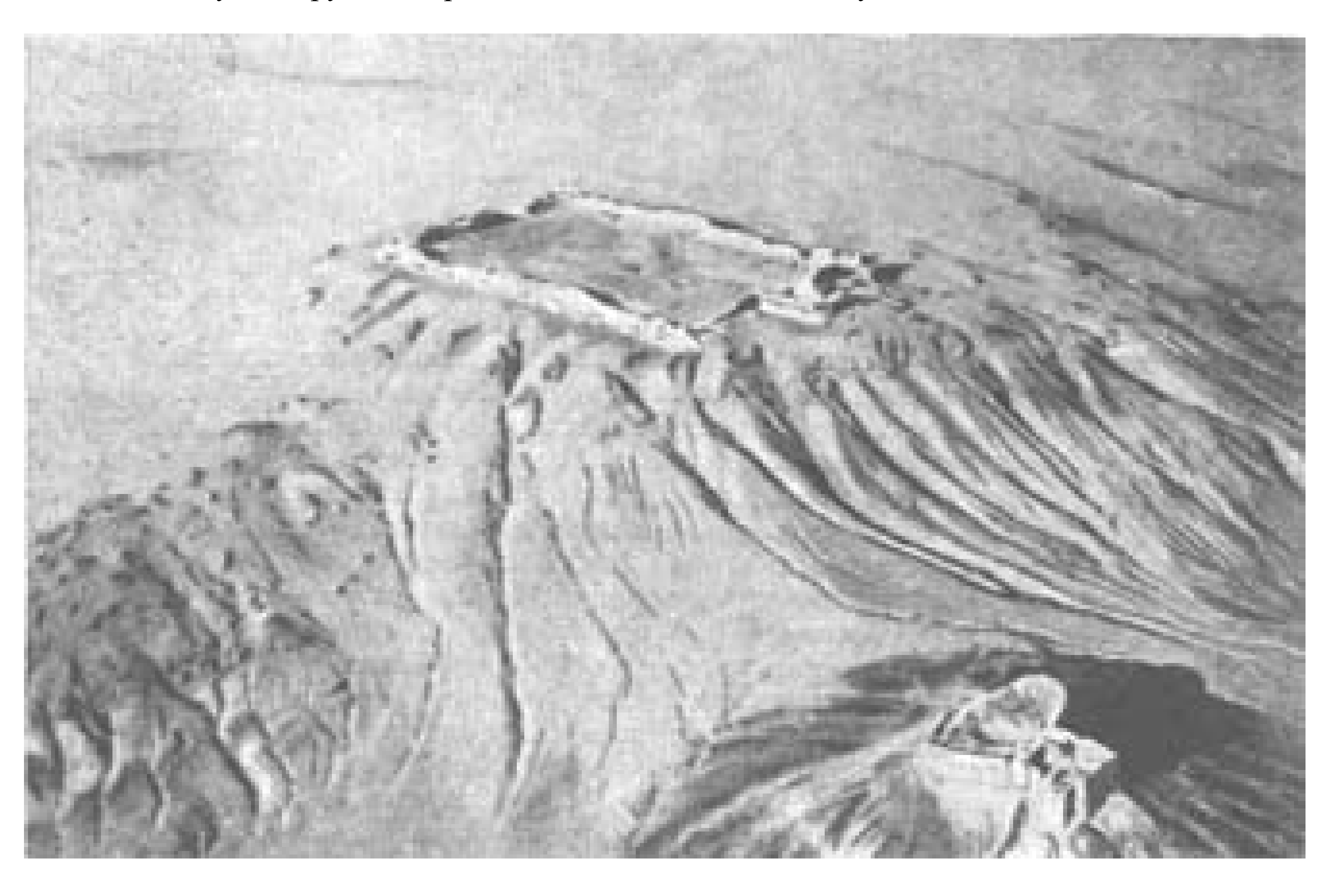
Такова была многообразная жизнь Кушанской империи в период её расцвета, который совпадает со временем правления Канишки. Уже при его преемнике империя сокращается в размерах и за кушанами сохраняются лишь Средняя Азия и часть Северной Индии. Время следующего царя, Васудевы, как показывает само его имя, характеризуется ростом индийского влияния на кушанов. Кушанские правители всё более и более становились индийскими царями, культура кушанов в Индии постепенно теряет свои среднеазиатские элементы. Всё это способствовало дальнейшему ослаблению связей между кушанскими царями и Средней Азией. В следующем, III столетии начинается распад огромной Кушанской державы.

2. Средняя Азия в период расцвета Кушанского царства

Хорезм

О положении отдельных областей Средней Азии в I—II вв. н. э. можно судить главным образом по данным археологии.

Северо-западный угол Кушанской империи занимал Хорезм. Эта область археологически обследована лучше других. Хорезм попал в зависимость от кушанов, видимо,



Городище Аяз-кала. Общий вид. Хорезм. II в. н. э.

уже при Кадфисе I и ещё более прочно был включён в состав Кушанского государства при Канишке. Важнейшие памятники Хорезма кушанского времени (Аяз-кала, Гяур-

кала и др.) относятся ко II в. В этот период города продолжают сохранять прежний облик, зато значительные изменения происходят в деревне.

Именно с этой точки зрения интересен комплекс Аяз-кала. Здесь открыты неукреплённые сельские поселения, представляющие собой комплекс крестьянских усадеб, каждая из которых состоит из большого обнесённого невысокой кирпичной стеной двора, занятого, видимо, садами и огородами. Это, возможно, свидетельствует о распаде патриархальной родовой общины на отдельные патриархальные семьи и образовании сельской общины. Наличие неукреплённых крестьянских поселений характерно именно для сельской общины, в которой не род, а семья является основной хозяйственной ячейкой. Результатом распада родовой общины было появление знати. Среди множества неукреплённых крестьянских усадеб комплекса Аяз-кала выделяются три, обладающие значительно большими размерами и представляющие собой мощные крепости, владельцы которых могли легко господствовать над окрестным населением. Одновременно с этим усиливается роль государства. Если ранее каждый город и даже каждое сельское поселение сами по себе оборонялись от кочевников, то теперь в сторону степей выдвигается цепь построенных государством укреплений с постоянными гарнизонами.

В культурном отношении Хорезм менее других областей был затронут новыми веяниями, распространявшимися в кушанский период по территории Средней Азии. Правда, следы распространения буддизма имеются и в Хорезме, где попадаются миниатюрные изображения буддийских ступ. Однако в целом зороастризм или какая-то из его разновидностей продолжает оставаться господствующей религией. Несколько сильнее было иноземное влияние в области искусства. Кушанское (греко-буддийское) искусство нашло отражение в ряде предметов хорезмийского художественного ремесла.

Чач, Фергана, Согдиана

Северо-восточные земледельческие области Средней Азии — Чач и Фергана — не претерпели в кушанский период существенных изменений.

В Согдиане много предметов кушанского времени найдено на Афрасиабе — городище древнего Самарканда. Находки захоронений в кувшинах показывают, что преобладающей религией становится зороастризм. О сохранении местных традиций свидетельствуют многочисленные культовые глиняные фигурки, связанные с праздником Науруза (Нового года). Они ежегодно разбивались и заменялись новыми. Всё это говорит о том, что и Согдиана, подобно Хорезму, была сравнительно мало затронута индийским влиянием.

Бактрия

В Бактрии, судя по данным археологии, сохранялось значительное различие между деревней и городом. Уровень сельскохозяйственной техники продолжал оставаться весьма низким, зерно перемалывалось на зернотёрках или при помощи ручных жерновов и т. д. Вместе с тем раскопки в старом Термезе говорят о сравнительно высоком уровне городской жизни Бактрии кушанского времени. Захоронения в Гиссарском могильнике также дают любопытный материал: прекрасные сосуды, сделанные на гончарном круге, свидетельствуют о высоком развитии ремесла.

По сравнению с Хорезмом и Согдианой Бактрия была сильнее затронута индийскими влияниями. Выше уже приводились данные о значительном распространении здесь буддизма, почвой для которого было, по-видимому, большее, чем в других областях Средней Азии, развитие рабовладельческих отношений.

Гунны в I—II вв. н. э.

В начале нашей эры, примерно в то время, когда в Средней Азии начало создаваться Кушанское царство, гунны, воспользовавшись ослаблением могущества империи Хань, захватили Восточный Туркестан. Однако налоги и повинности, которыми гунны облагали население оазисов Восточного Туркестана, были настолько тяжелы, что в 34 г. н. э. правители отдельных городов-государств сами попытались перейти под протекторат Китая.

Вся вторая половина I в. наполнена борьбой между Китаем и гуннами, причём в союзе с Китаем выступали племена сянь-би, кочевники тунгусского происхождения. В 90 г. гуннам было нанесено поражение в Хами, в результате которого земли гуннов в районе Хами были заняты сянь-би, а сами гунны, кочевавшие здесь, частично приняли наименование сянь-би, т. е. вошли в состав сяньбийского племенного союза (как ранее противники гуннов включались в их племенной союз), частично откочевали на запад, к озеру Балхаш. С этих пор начинается ассимиляция гуннов другими центрально-азиатскими племенами, а, с другой стороны, сами гунны всё прочнее подчиняют своей власти кочевавших в районе Балхаша усуней.

Таким образом, гунны продвигались всё далее и далее на запад. Центр гуннских владений перемещается на территорию Казахстана. Во II в., в период наибольших успехов Кушанского царства, гунны продолжают вести борьбу с Китаем за те части Восточного Туркестана, которые не вошли в империю Канишки. В зависимости от гуннов находилось большинство кочевых племён Средней Азии, и гуннские набеги в период упадка Кушанской империи затрагивали даже оседлую Согдиану.

3. Борьба Парфии с Римом во второй половине I в. до н. э.

Парфия и Рим в середине I в. до н. э.

Царствование Орода II, принадлежавшего к династии Аршакидов (вторая половина I в. до н. э.), было временем наибольшего могущества Парфянского царства. В это время происходит перемещение жизненных центров этого царства на запад. Столицей Парфии становятся Экбатаны, а затем, с середины I в. н. э.,—также Ктесифон, город, возникший вблизи важнейшего эллинистического торгово-ремесленного центра — Селевкии на Тигре. Парфия стала вмешиваться во все события, происходившие в Восточном Средиземноморье, стала принимать активное участие в мировой политике и превратилась в опаснейшего соперника Рима.

Начавшаяся в Риме гражданская война укрепила положение парфян. Помпеи после поражения при Фарсале (48 г.) вёл с Ородом переговоры о военной помощи и даже собирался искать у него убежища. Всё же Ороду не удалось в полной мере использовать выгоды своего положения. Возможно, причиной этого было осложнение политического положения на востоке Парфянской державы. Цезарь лелеял среди прочих агрессивных планов и план парфянской кампании.

После смерти Цезаря парфянские отряды участвовали на стороне республиканцев в битве при Филиппах. Это свидетельствует о том, что парфяне вмешивались в римские дела, стремясь использовать в своих интересах возникшую в Риме борьбу.

Поход Пакора и Лабиена

Римско-парфянские отношения резко обострились с появлением на Востоке Марка Антония, считавшего себя наследником Цезаря и исполнителем его неосуществлённых планов. Парфянский царевич Пакор, желая вырвать инициативу из рук Антония, вторгся в Сирию в союзе с перешедшим на сторону парфян республиканцем Квинтом Лабиеном. Наместник Сирии Децидий Сакса был разбит и погиб. Лабиен, на сторону которого переходили мелкие римские гарнизоны, служившие некогда Бруту и Кассию, двинулся в Малую Азию, которую ему удалось подчинить почти полностью. Он принял титул «парфянского императора» и счёл себя самостоятельным владетелем. Тем временем Пакор захватил Сирию и все финикийские города, кроме Тира. При приближении парфянских войск поднялось антиримское движение и в Палестине. Таким образом, Сирия, Палестина и почти вся Малая Азия оказались в руках парфян или под их влиянием (40 г. до н. э.).

В результате этих крупных побед парфяне стали прямой угрозой владычеству римлян в Восточном Средиземноморье. Однако их успехи были непрочны. Пар-

фянская держава, представлявшая собой неустойчивое объединение полусамостоятельных областей с разным уровнем общественного развития, не могла создать в завоёванных областях надёжной администрации, не могла связать их прочными экономическими и политическими узами с остальными областями империи. Несмотря на серьёзные внутренние потрясения, связанные с гражданскими войнами, Рим в конечном счёте оказался сильнее Парфии.

Уже в 39—38 гг. полководец Антония Вентидий Басс нанёс парфянам несколько чувствительных ударов. В частности, в 38 г. до н. э. в битве при Гиндаре погиб царевич Пакор — руководитель парфян в их походе на римские владения. Граница между Парфией и Римом на Евфрате была восстановлена.

Вскоре парфянским царём стал Фраат IV (37—2), сын Орода II.

Походы Антония

В 36 г. до н. э. Антоний начал решительную кампанию против парфян, подготовленную успехами Вентидия Басса. Стремясь нанести парфянам решительный удар, Антоний пытался привлечь на свою сторону мятежные элементы парфянской знати. Римский полководец располагал большим войском. По свидетельству античных авторов, у него было от 13 до 18 легионов, не считая кавалерии и вспомогательных войск.

На этот раз римляне избрали обходный северный путь и вторглись из Армении в Мидию Атропатену. Однако отдельные неудачи и плохо организованная осада столицы Атропатены — Фрааспы заставили римлян снять осаду и отступить. Антоний избрал путь через горные районы Армении; он не решился идти открытыми степями, страшась судьбы Красса. Несмотря на эти предосторожности, римское войско сильно пострадало от тяжёлых климатических условий, голода, болезней и постоянных нападений противника. Мужественное сопротивление атропатенцев в значительной мере содействовало провалу кампании Антония.

Парфянский всадник.
Статуэтка эллинистического времени из Сирии. Терракота.

Но и после своего отступления из Атропатены Антоний не оставил плана вторжения в Парфию. Ему удалось коварством захватить армянского царя Артавазда и отправить его в Египет. Однако Фраат и сын Артавазда Арташес (Артаксий) оказали римлянам ожесточённое сопротивление, и вторая кампания также окончилась неудачей для римлян. Разгоревшаяся тем временем борьба между Антонием и Октавианом положила конец завоевательным планам Антония.

Пришедший к власти в Риме Октавиан повёл относительно Парфии осторожную политику. Ему была необходима передышка в борьбе за Ближний Восток, так как сначала он стремился восстановить положение в Средиземноморье, поколебленное многолетними гражданскими войнами в Риме. Поэтому он, как уже упоминалось, удовлетворился возвращением знамён и пленных,

захваченных у Красса (20 г. до н. э.). Этому символическому акту примирения в Риме придавали большое значение, как это видно по многочисленным монетам, выбитым в честь этого события, по упоминаниям о нём в надписях и литературных произведениях того времени.

В конце I в. до н. э. начинается временное ослабление Парфии, сопровождавшееся неудачами в борьбе с Римом и вмешательством Рима во внутренние дела Парфянской державы. Ухудшается и положение на Востоке, в связи с образованием в начале нашей эры Кушанского царства.

4. Парфия в I в. н. э.

Последние греко-македонские династы в Восточном Иране и Средней Азии

Несмотря на то, что имеющиеся в распоряжении науки сведения о внутренней жизни племён и народностей, входивших в состав Парфянского царства, чрезвычайно скудны, можно всё же наблюдать существенные перемены в ней, начиная примерно с рубежа нашей эры.

В Восточном Иране, Средней Азии и Северо-Западной Индии греко-македонские династы были окончательно уничтожены к середине I в. до н. э. под нажимом местного земледельческого населения и его соседей — кочевников. Саки, проникшие, как было показано выше, во II в. до н. э. в восточно-иранские области—Дрангиану и Арахосию, продвинулись дальше на восток и захватили Гандхару. Хронология этих событий ещё очень слабо разработана. Вероятно, сакский царь Мога (по-гречески Мауэс), завоевавший Гандхару, правил на рубеже II—I вв. до н. э.

К этому времени в руках греческих династов оставались лишь небольшие куска территории к востоку от реки Гидаспа (современный Джелам), где правил Гиппострат, и к западу от Гандхары (современный Северный Афганистан), где царствовал Гермей. Между этими двумя областями, разъединяя их, вклинились владения саков. Известно, что Гермей обратился за помощью к китайцам, которые были заинтересованы в усилении своего влияния в Средней Азии. Ему, действительно, удалось получить помощь от китайцев, а чтобы противостоять сакам, он заключил, кроме того, союз с вождями племени кушанов.

Новые государства в Восточном Иране, Начало распада Парфии

Около этого же времени в восточных областях Ирана складывается полусамостоятельное княжество, правители которого носят парфянские имена. Не лишено вероятия, что правящая династия этого княжества была связана со знатным парфянским домом Суренов, может быть, даже была ветвью этого дома. В начале I в. н. э. в Арахосии и дальше на восток правили цари, также носившие парфянские имена и связанные с восточно-иранскими династиями.

К I в. н. э. относится, как уже говорилось, и окончательное сложение Кушанского царства. Образование сакских княжеств и Кушанского царства, гибель последних самостоятельных эллинистических государств в Азии — все эти события следует рассматривать как определённые этапы борьбы народов Ирана и Средней Азии против чужеземцев.

Аналогичные явления происходили и в Парфии в I—II вв. н. э. Первым признаком своеобразной антиэллинистической реакции, усиления местных элементов во всех областях культуры и, по-видимому, зарождения каких-то новых форм общественной жизни является постепенная «варваризация» греческих легенд на монетах. Существенное значение имели также первые попытки кодификации священных книг, сопровождавшие оформление религии зороастризма.

В то же время становится всё более заметным процесс распада Парфянского царства, которое отнюдь не было монолитным даже в годы своего наибольшего могущества.

Отношения с Римом Отношения Парфии с Римом во время принципата Августа формально были мирными. Однако Рим не переставал плести интриги на Востоке, чтобы укрепить там своё влияние. Как результат успеха римской политики нужно рассматривать посылку Фраатом IV четырёх сыновей с семьями в Рим и бракосочетание того же парфянского царя с римской рабыней Мусой, подаренной ему Августом.

Несмотря на то, что некоторые римские авторы сообщают о стремлении Августа начать большую кампанию против парфян, войны не было много лет. Римский ставленник Вонон был свергнут знатью, и власть захватил Артабан III, связанный с антиэллинистической и антиримской оппозицией.

Артабан III (около 12—38) пытался, по-видимому, усилить центральную власть. Однако он встретился со значительными трудностями. Распад Парфянского царства становился всё более заметным. Новое столкновение с Римом, возникшее опять из-за Армении, втянуло Артабана в сложную борьбу в Закавказье. В самой Парфии римляне выставили против Артабана сначала одного, а потом и второго претендента из числа парфянских царевичей, живших в Риме. Положение ещё более осложнилось большим восстанием, вспыхнувшим в важнейшем эллинистическом центре Месопотамии — Селевкии на Тигре, поддерживавшей, подобно другим эллинистическим полисам Месопотамии, римского ставленника Тиридата III.

Артабан III, опираясь на восточные области, на саков и дахов, сумел после ряда неудач вытеснить Тиридата из Месопотамии. Однако Селевкия продолжала сопротивляться. Семь лет (35—42 гг.) держался город, сохраняя независимость и не чеканя царской монеты.

Рим продолжал вести по отношению к Парфии свою традиционную политику, стремясь обеспечить за собой на первое время Армению, а затем и Месопотамию. Не имея возможности предпринять большую кампанию, римляне стремились найти в самой Парфянской державе такие элементы, которые явились бы проводниками римской политики. Они рассчитывали, во-первых, на жителей эллинистических городов Ближнего Востока, а во-вторых, на представителей знати, стремившихся к самостоятельности. Кроме того, они использовали в своих интересах недовольство народов Закавказья, в частности иберов, опасавшихся могущества парфян.

Продолжительность царствования Артабана III показывает, что ему всё же удалось достичь некоторой стабилизации. Однако после его смерти власть в государстве оспаривалась представителями знати, не принадлежавшими к аршакидскому дому.

Только около 51 г. Аршакиды снова приходят к власти. При Вологесе I (римская форма парфянского имени Валарш; 51 — около 80) произошёл ряд важных событий в истории Передней Азии. Снова разгорелась борьба между Парфией и Римом. Началась она и на этот раз с интриг и политической борьбы в Армении, но в 54 г., как уже упоминалось, император Нерон послал на Восток полководца Домиция Корбулона, который должен был начать военные действия.

Корбулону удалось к 60 г., поставив Армению под свой контроль, изгнать парфянского ставленника Тиридата, представителя дома Аршакидов. Однако парфяне после первых неудач предприняли ряд энергичных действий, армяне же проявили к римлянам столь явную ненависть, что Корбулон счёл за лучшее начать переговоры о перемирии.

Два посольства Вологеса в Рим не достигли желанных результатов. Наконец, в 63 г., как об этом говорилось выше, было принято компромиссное решение: Тиридат сохранял за собой армянский престол, но должен был получить корону в Риме из рук императора. Такой исход, несомненно, следует признать успехом Парфии, которая сохраняла своё влияние в Армении, посадив на армянский престол представителя династии Аршакидов.

После этого настал сравнительно мирный период. Вологес I поддержал Веспасиана в его борьбе за императорскую власть и даже предлагал ему отряд конницы. После разгрома Иудеи он поздравил Тита с победой. Между 72 и 74 гг. в Закавказье и Мидию Атропатену вторглись аланы, занимавшие в это время обширные степи между Азовским и Каспийским морями. Вологес обратился к Веспасиану с просьбой о помощи, но тот ответил отказом, хотя и принял ряд мер по укреплению обороны находившейся под римским влиянием Иберии.

Мирные отношения между Римом и Парфией продолжались ещё некоторое время, однако это вовсе не означало подлинного умиротворения на Ближнем Востоке. Противники внимательно следили друг за другом и стремились использовать все возможности, чтобы повредить один другому. Так, в начале 80 г. боровшиеся в это время за власть в Парфии Артабан IV и Пакор II поддерживали самозванцев, выдававших себя за Нерона.

5. Распад и гибель Парфянского царства

Упадок Парфии

Конец I и начало II вв. отмечены в Парфии внутренними смутами, принявшими уже хронический характер. Дальнейшие события показали, что распад Парфянского царства зашёл к этому времени далеко.

Римляне воспользовались ослаблением Парфии. Император Траян в 114—116 гг. одержал большие победы над парфянами. Армения была покорена и превращена в провинцию. В 116 г. были созданы провинции Месопотамия и Ассирия. Траян захватил Вавилонию, взял Ктесифон и вышел с флотом в Персидский залив. Но победы Траяна были призрачны. Когда он с флотом отправился на юг, во всех завоёванных областях вспыхнули восстания. После сложной и малоуспешной борьбы в Месопотамии Траян вынужден был вернуться в Рим, но по дороге умер (август 117 г.).

Кампания Траяна на Востоке чрезвычайно показательна. Парфяне, упорно удерживавшие в течение двух веков границу по Евфрату, успешно боровшиеся за Армению, не раз угрожавшие владычеству римлян в Сирии, не смогли защитить важнейших для себя областей Закавказья и Междуречья. Но и римляне, достигнув, казалось бы, значительных успехов, не смогли удержать завоёванного и уже при следующем императоре, Адриане, вынуждены были отказаться от новых провинций. После этого в Парфии, судя по продолжительности царствований Вологеса II (105— 147) и Вологеса III (148—192), в правление которых не появлялось ни одного претендента на престол, наступает период некоторого, хотя и весьма непрочного успокоения.

В 60-х годах II в. вспыхивает новая война между Римом и Парфией. В 161 г. Вологес III перешёл Евфрат и вторгся в Сирию. Уже много десятков лет парфянские войска не проникали в глубь этой римской провинции. Несмотря на то, что римляне владели этими землями со времён Помпея, народные массы Сирии не могли примириться с римским господством, и с приходом парфянских войск появилась угроза всеобщего восстания против римлян. Положение было настолько грозным, что в Сирию были посланы соправитель императора Марка Аврелия Луций Вер и римский полководец, позднее наместник в Сирии, Авидий Кассий. Снова, как и при Траяне, римляне добились больших успехов. Они вернули Армению, незадолго до того захваченную парфянами, одержали ряд побед в Месопотамии, в частности взяли важный опорный пункт парфян — Дура-Эвропос. После этого они проникли в Вавилонию и снова захватили Селевкию и Ктесифон (164—165 гг.).

Но римляне не могли добиться решающей победы: у них не хватило сил, чтобы удержать обширные захваченные ими территории. Кроме того, в войсках вспыхнула

жестокая эпидемия. Все эти области были крайне разорены. Парфяне понесли большой урон, но решительного перевеса не смог получить ни один из противников. Столь же разрушительными, но бесполезными были ещё три кампании римлян: при императорах Септимии Севере, при Каракалле и Макрине.

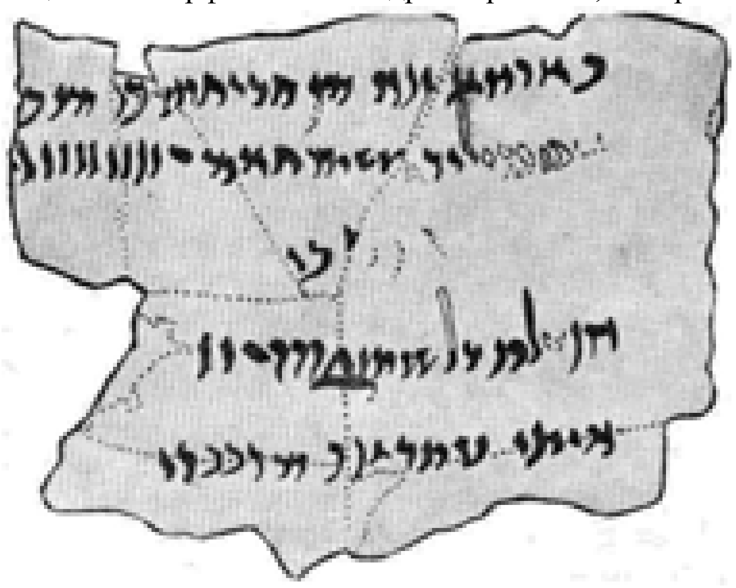
Парфия была крайне обессилена изнурительными войнами, а главное, внутренними процессами, которые и привели её к гибели. Процесс разложения рабовладельческого способа производства в Парфии выражался главным образом в постепенном переводе рабов на землю, а также в закабалении свободных крестьян-общинников. Результатом этих экономических процессов были: упадок Парфянского царства, бессилие центральной власти и возникновение на территории державы Аршакидов почти совершенно самостоятельных «варварских» княжеств. Бесконечные династические распри ещё больше ослабляли центральную власть. В начале III в. идёт ожесточённая борьба между двумя представителями дома Аршакидов: Вологесом V и Артабаном V. Последний, вероятно, опирался на Мидию, тогда как в Месопотамии укрепился Вологес V. Это уже была агония некогда могущественного государства. В 20-х годах III в. оно падает под ударами новых сил, объединившихся вокруг династии Сасанидов, происходивших из Персиды — первоначального ядра государства Ахеменидов.

Приход к власти новой династии — Сасанидов — не был, таким образом, просто династическим переворотом, а представлял собой следствие тех социальных сдвигов, которые наблюдаются на всём протяжении II—III вв. н. э.

Идеология и культура

Антиэллинистическая реакция в области культуры, начавшаяся ещё при Артабане III, затем значительно усиливается. При Вологесе I греческие надписи на монетах всё чаще заменяются арамейскими. Возрождаются или возникают вновь местные наименования городов: это видно из китайских транскрипций географических названий, относящихся к Парфии. Александрия Арахосия, которая была расположена на территории Индо-Парфянского царства, именуется в китайских источниках «Пайчите» (от «Панджвей» — местное наименование, дожившее до арабского завоевания), Антиохия Маргиана — «Мулу» («Моуру», «Мерв» — ныне Мары).

При Вологесе I начинается реформа зороастризма. Проводятся мероприятия по сбору зоро-астрийских текстов, в результате чего создаётся одна из древнейших редакций «Авесты». Парфия становится твердыней зороастризма, хотя превращение зороастризма в государственную религию произошло лишь при Сасанидах.



Парфянский документ I—II вв. н. э.
из архивов Старой Нисы.
(Прорисовка).

Буддизм получил в Парфии весьма слабое распространение. В парфянский период в Иране широко распространяется так называемая пехлевийская письменность, в которой арамейские письмена, а также отдельные слова—гетерограммы использовались для передачи ираноязычного текста. До нас дошло немало парфянских деловых документов, составленных с помощью этой письменности.

Развивается парфянская литература. Ряд литературных произведений сасанидского периода восходит к парфянским прототипам. Парфянский эпос оказал влия-

ние на поэму Фердоуси «Шах-намэ», написанную в конце X в. Существовали парфянские хроники, которые послужили источниками для более поздней историографии. Парфяне оставили значительное наследие и в области искусства, особенно скульптуры, торевтики и архитектуры.

Так как Сасаниды проводили последовательную политику по искоренению всего парфянского, многие памятники парфянской культуры исчезли, вследствие чего в науке недооценивалась роль Парфии в истории культуры. Лишь раскопки последних лет, произведённые как советскими, так и зарубежными учёными, показывают, насколько важен был парфянский период в истории Ирана, Месопотамии и юго-западных областей Средней Азии. Первая половина парфянского периода знаменуется широким развитием рабовладельческих отношений в Иране и Средней Азии, вторая — разложением рабовладельческого строя. Парфянская культура оказала влияние на культуру сасанидского Ирана, Армении, Средней Азии. Наконец, парфяне, вероятно, были одной из этнических групп, участвовавших в этногенезе туркменского народа.

6. Армения во второй половине I в. до н. э. и первой половине I в. н. э.

Борьба с Римом. Конец Арташесидов

Победа парфян над римским войском при Каррах вернула Армении независимость. Однако положение Армянского государства во второй половине I в. до н. э. оказалось весьма неустойчивым. В 30-х годах оно снова попадает в кратковременную зависимость от Рима. Марк Антоний после своих неудачных действий против парфян предпринял карательную экспедицию в Армению, опустошив и разграбив страну. Однако в период борьбы между триумвирами Армения на короткий срок снова становится независимой. Октавиан, победив Антония, не решился немедленно начать войну с Парфией и Арменией и до поры до времени признавал существующее положение.

Монета с изображением Артавазда II.
(Увеличено).

К концу 20-х годов I в. до н. э. положение Октавиана Августа настолько укрепилось, что он смог перейти к активной политике на Востоке. В это время римское войско вступило в Армению. Существовавшая среди армянской знати проримская группировка подняла голову. Но, заняв Армению, римляне, однако, не решились превратить её в свою провинцию. На армянский престол был возведён Тигран III (20—6), один из сыновей Артавазда II. Он был воспитан в Риме, и римское правительство могло надеяться, что он будет проводником римского влияния в стране.

Армения превратилась в зависимое от Рима царство. Армянская государственность сохранилась, римляне не вмешивались во внутреннее управление страной, но внешняя политика Армении должна была всецело подчиняться интересам Рима. В конце I в. до н. э. Армения уже мало чем напоминала могущественную державу Тиграна II. Армянские цари либо назначались Римом, либо выдвигались теми или иными группировками знати. На рубеже нашей эры династия Арташесидов перестала править в Армении.

Общественные сдвиги: начало разложения рабовладельческого строя

Вторая половина I в. до н. э. и первая половина I в. н. э. были временем значительных общественных сдвигов в Армении, о которых, однако, можно судить лишь на основании косвенных данных. В обстановке внешних поражений, иноземных нашествий, внутренних междоусобий пало значение царской власти и возросло могущество знати. Царская земля, которая была одной из важнейших опор деспотической власти Тиграна, начала, по-видимому, сокращаться в своих размерах и дробиться между размножившимися представителями царского дома. Могущество знати, эксплуатировавшей посаженных на землю рабов и закабаляемых общинников, всё более возрастает. Наиболее крупные из представителей знати (в греко-римской литературе они именуются *мегистанами)* возводят на скалах неприступные замки, которые приходилось осаждать римским войскам, воевавшим в этот период на территории Армении.

В положении производителей материальных благ, примерно с начала нашей эры, тоже происходят значительные изменения. Действительно, в соседнем Иране, общественный строй которого в это время напоминал общественный строй Армении, складывается практика частичного освобождения (на одну десятую или одну четверть) рабов, сидевших на земле, выражавшаяся в том, что рабам оставлялась соответствующая доля урожая с обрабатываемого ими участка (такие рабы назывались *аншахриками).* Можно предполагать, что сходные процессы происходят и в Армении, тем более что соответствующий термин существовал и здесь *(анашхархик).*

С другой стороны, положение свободного производителя, вынуждаемого за долги исполнять «рабскую службу», заметно ухудшается. Существовавшая раньше резкая разница между свободным общинником и рабом начинает стираться по мере закабаления одного и возрастания самостоятельности другого; в Армении и других странах Передней Азии этот процесс происходит быстрее, чем, например, в Италии, поскольку, во-первых, рабы в Армении уже сидели на земле и, во-вторых, здесь существовало не согнанное с земли крестьянство. Вместе с тем в Армении в это время не были ещё полностью изжиты первобытно-общинные отношения: в стране продолжали жить полукочевые племена (например, марды).

Внешнее положение Армении и усиление знати

Внешнее положение Армении благоприятствовало усилению знати. Формально армянский царь считался «другом и союзником римского народа», фактически Армения находилась в зависимости от Рима. В частности, на территории Армении на протяжении первой половины I в. н. э. неоднократно стояли римские гарнизоны. Армения имела для Рима, в первую очередь, стратегическое значение. Потеря Армении поставила бы под угрозу римскую восточную границу.

Однако Рим не был единственной державой, претендовавшей на влияние в Армении. С конца I в. до н. э. с ним, как уже отмечалось, начинает соперничать Парфия. Если при Тигране II парфянский царь вынужден был отказаться в пользу царя Армении от титула «царя царей», то теперь положение стало иным. Властители Парфии начинают вмешиваться во внутренние дела Армении, поддерживают тех или иных царей и стремятся превратить Армению в одну из зависимых областей в системе Парфянского государства.

Знать Южной Армении, экономически более развитой и сильнее затронутой влиянием эллинизма, тяготела к Риму. Однако проримская группировка представляла собой меньшинство. Большая часть армянской знати, особенно знать центральных, северных и восточных областей Армении, ориентировалась на Парфию. Сходство общественного строя Армении и Парфии, относительная слабость государственной власти и централизации в Парфии по сравнению с Римом, смешанные браки в среде знати, культурная общность (выше уже говорилось об иранском культурном влиянии в Армении) — всё это делало пропарфянские настроения особенно сильными. Средоточием

проримской группировки был Тигранакерт, пропарфянская знать опиралась на Арташат; это различие оказывало влияние на выбор столицы тем или иным царём.

Со времени прекращения династии Арташесидов все без исключения цари были иноземцами, зависящими от той или иной группировки знати. История Армении в первой половине I в. н. э.— история непрерывных смут, частой смены царей, узурпации, внутренних междоусобий и иноземных нашествий.

В 52—53 гг. в Армении с помощью Парфии утвердился Тиридат, представитель парфянского царского дома Аршакидов. Ему пришлось выдержать тяжёлую борьбу с Римом. На 50—60-е годы I в. падает наиболее крупное столкновение Рима и Парфии в борьбе за Армению. В 54 г. умер Клавдий, и императором стал Нерон. В Софену, находившуюся ещё в сфере римского господства, был назначен особый царь. На армянский престол также был посажен римский ставленник. Однако этот последний удержался в Армении недолго, против Рима выступила Парфия, и последовавшая борьба закончилась, как уже говорилось, компромиссом: Рим признал Тиридата царём Армении, но тот должен был признать себя номинально зависимым от Рима.

В 66 г. Тиридат, как уже упоминалось выше, прибыл в Рим и был торжественно коронован Нероном.

7. Армения при Аршакидах

Армения во второй половине I в. и первой половине II в. н. э.

С 66 г. Армения находилась в двойной зависимости — от Рима и от Парфии. Зависимость от Рима была номинальной, а от Парфии — фактической. Если по отношению к Риму армянский царь считался «другом и союзником римского народа», то в системе державы Аршакидов Армения была одним из полусамостоятельных государств, которые управлялись представителями аршакидского дома, причём стояла в иерархии этих государств на втором или третьем месте. Практически парфянский царь назначал того или иного Аршакида царём Армении, а Рим утверждал его кандидатуру.

О царствовании Тиридата I после 66 г. известно очень мало. Он перенёс столицу из проримского Тигранакерта в пропарфянский Арташат, который был восстановлен с помощью данных Нероном ремесленников и переименован, впрочем весьма ненадолго, в Неронию. При Тиридате, в начале 70-х годов I в., аланы совершают грандиозный набег на Армению. Борьба Тиридата с аланами нашла отражение в армянском эпосе, отрывки которого сохранились у Мовсеса Хоренаци, где, однако, образ Тиридата слит с образом Арташеса I. Во времена Тиридата I Армения делилась на 120 префектур, или стратегий, под которыми следует разуметь армянские *гавары* (округа). Правители этих округов составляли армянскую знать (мегистаны, нобили и т. д. в античных источниках, по-армянски *нахарары*— от парфянского *нахвадар).*

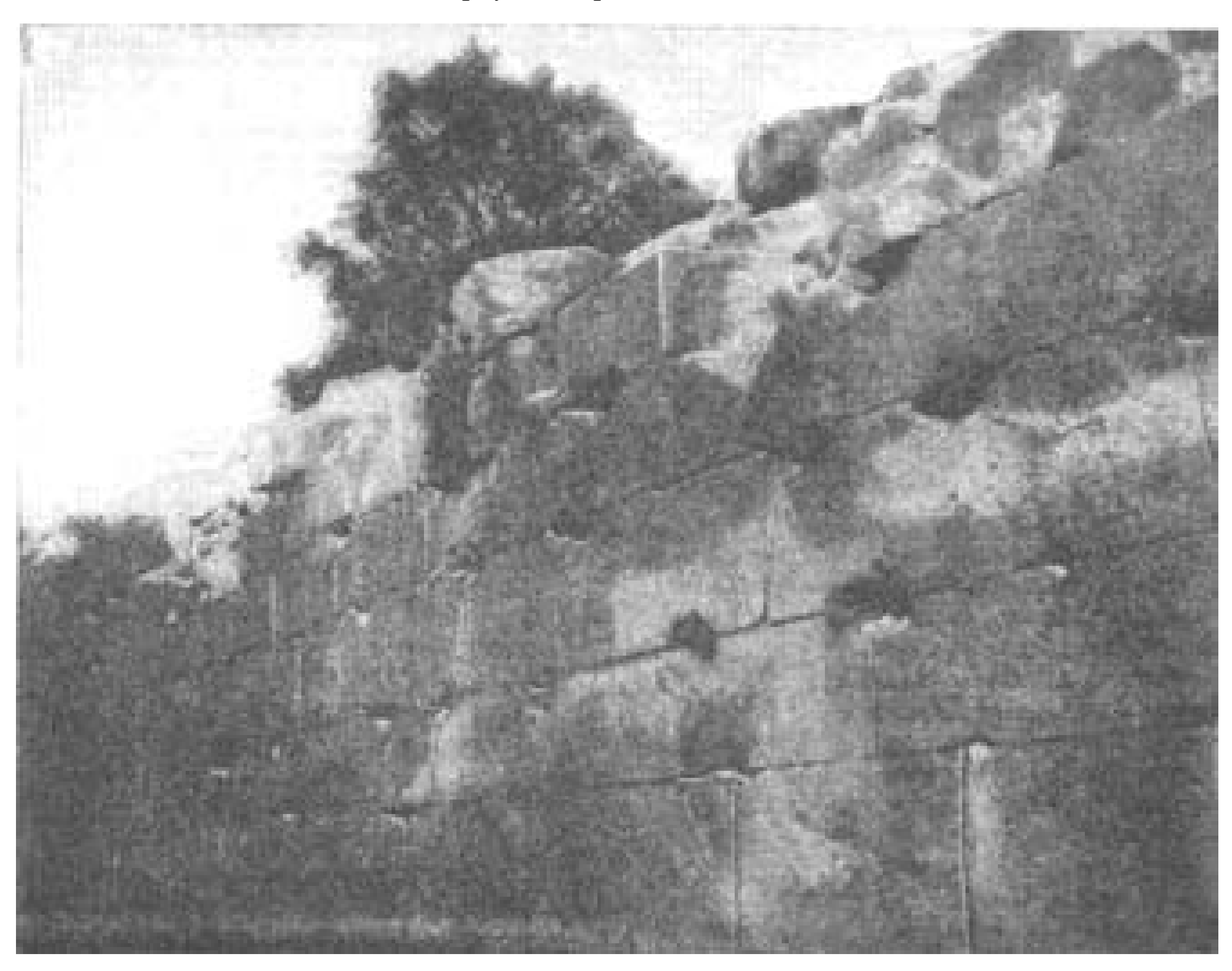
История Армении при преемниках Тиридата также известна плохо: непосредственным преемником его был, видимо, Санатрук, правивший в конце I в. — начале II в.

Вскоре после смерти Санатрука произошло новое столкновение между Римом и Парфией. В 114 г. начался парфянский поход Траяна. Римское войско вступило в Армению, и в том же 114 г. она была обращена в римскую провинцию. В ней по образцу многих других восточных провинций Римской империи было даже создано местное объединение городов *(койнон).*

Однако Армения была римской провинцией очень недолго. Хотя войска Траяна в течение 115—116 гг. продвинулись далеко в глубь Парфии, успехи эти оказались

весьма непрочными. В тылу римских войск начались восстания, и притом не только во вновь завоёванных областях, но и в старых римских провинциях, вплоть до Кипра и Киренаики. Восстала также и Армения.

Война была по существу проиграна Траяном. Его преемник Адриан вывел римские гарнизоны из завоёванных областей и вернулся к традиционной политике на



Часть крепостной стены Гарни.
Вторая половина I в. — первая половина II в. н. э.

Востоке, покоившейся на договоре 63 г. В 60-х годах II в. н. э. начался новый конфликт между Римом и Парфией, который в конечном счёте привёл к победе Рима (так называемая парфянская война Луция Вера). В результате этих событий на армянском престоле утвердился римский ставленник Сохем.

Армения и упадок державы парфянских Аршакидов

В обстановке всё возрастающей самостоятельности царств, входивших в состав парфянского объединения, Армения во второй половине II в. становится почти независимой. Расширение римских владений в Месопотамии и завоевание римлянами Адиабены, которая в результате побед римского императора Септимия Севера была превращена в провинцию Ассирию, вбили клин между аршакидской Арменией и аршакидской Парфией. С другой стороны, и армянские цари, которым Рим не угрожал в такой степени, как раньше, стремились избавиться от контроля парфянских Аршакидов. Армянскому царю Валаршу II удалось добиться важного успеха во

взаимоотношениях с Римом: из страны были выведены стоявшие здесь римские войска, взамен чего армянская конница, состоявшая из представителей знати, должна была участвовать в римских походах, получая субсидию от императора.

Морские божества.
Часть мозаичного пола предбанника из дворцового комплекса в Гарни. II в. н. э.

Положение несколько изменилось при римском императоре Каракалле, который обратил в провинцию зависимое царство Осроену и задумал то же самое относительно Армении. Обманом захватив Валарша II со всей его семьёй, он заключил его в оковы и отправил в Рим. В стране, однако, началось восстание, возглавленное сыном Валарша Тиридатом II. В это время Каракалла выступил в поход против Парфии, но был убит одним из своих воинов; его преемник Макрин немедленно заключил мир, признав Тиридата царём Армении. Мир, навязанный Макрину, был последним успе-

хом Парфии. Держава парфянских Аршакидов просуществовала только до 226 г.; с этого времени господство в Иране переходит к персидской династии Сасанидов. Большое влияние оказала эта перемена и на Армению.

В результате возросших связей с Парфией в Армении несколько усиливается иранское влияние, в частности в области религии и языка. Вместе с тем аршакидская Армения испытывает большое влияние эллинистической культуры. Все местные надписи этого времени написаны на греческом языке. При дворе римского ставленника Сохема жил греческий писатель Ямблих (сириец по происхождению), один из видных представителей жанра позднеэллинистического романа. Культурные связи Армении с соседними арамейскими областями, Сирией и Месопотамией, продолжали укрепляться и в последующее время. Эллинистические влияния заметны и в армянском искусстве этого времени. Замечательным памятником античной архитектуры является храм, значительные остатки которого сохранились до наших от

к востоку и затем к северу древние авторы упоминают множество других племён и среди них лазов (впервые у Плиния Старшего), имя которых позднее распространилось на всю Колхиду и стало таким же собирательным, как ранее имя колхов, а также абасгов (впервые у Арриана: абаски), предков современных абхазцев. Абасги, жившие неподалёку от Диоскуриады, уже не принадлежали к числу картвельских племён.

Расцвет Иберии; отношения с Римом

По сравнению с Колхидой зависимость Иберии от Рима была гораздо менее прочной. В I—II вв. Иберия расширяется территориально и переживает период расцвета. Иберский царь считался «другом и союзником римского народа» и «другом кесаря»; фактически это был равноправный союз. Рим имел на Кавказе в основном военно-стратегические интересы: Иберское и Албанское царства (албанский царь также считался «другом и союзником» римлян) были важны для Рима потому, что, с одной стороны, они помогали держать под ударом Армению и западные области Парфии, а с другой—контролировали важнейшие горные проходы, которые вели с Северного Кавказа в Закавказье.

Серебряное блюдо с изображением коня перед алтарём.
Найдено в Бори (Грузия). II в. н. э.

Действительно, иберы и албаны в ряде случаев помогали Риму в борьбе против парфян. Участие в войнах было выгодно иберской знати. Войны на стороне Рима способствовали укреплению внешнего положения Иберии, расширению её влияния в прилегающих областях, сулили войскам богатую добычу и рабов. Что касается защиты горных проходов Кавказа, то здесь интересы Иберии и Рима совпадали ещё больше. Кочевые скотоводческие племена Северного Кавказа время от времени совершали набеги на Закавказье и прилегающие области Передней Азии.

Эти набеги угрожали и восточным провинциям Римской империи и Иберии. Поэтому для Рима было выгодно, что иберы защищают горные проходы, и он старался им в этом помогать.

В первое время зависимость от Рима была тягостна для Иберии, и, воспользовавшись гражданскими войнами после смерти Цезаря, иберы совместно с албанами подняли восстание против Рима. Римляне, однако, победили иберского царя Фарнабаза (36 г. до н. э.) и заставили его вместе с ними принудить к покорности и Албанию. В дальнейшем, однако, после стабилизации римской границы на Востоке и некоторого ослабления военной мощи Рима, союз между Римом и Иберией стал покоиться на добровольных началах, на взаимных интересах римского правительства, с одной стороны, иберских царей и иберской знати — с другой. Опираясь на союз с Римом, иберские цари на протяжении первых двух столетий нашей эры сумели сильно укрепить своё царство. В I в. н. э. в ходе войны с парфянами были подчинены влиянию Иберии Албания и некоторые пограничные области Армении.

Иберия во II в. н. э. Изменения в общественном строе

Во II в. внешнее положение Иберии ещё более укрепляется. После того, как римский император Адриан отказался от завоевательной политики на Востоке, Иберия стала ещё более самостоятельной. Иберский царь Фарасман II организовал в конце правления Адриана грандиозный набег аланов, опустошивших Албанию, Мидию и угрожавших Армении и Каппадокии. Адриан, возможно, именно в это время предложил Фарасману явиться в Рим, но тот отказался. Римское правительство задаривало иберского царя и иберскую знать подарками, чтобы сохранить союз Иберии с Римом: Фарасману Адриан послал слона и пятисотенный отряд. В семейных усыпальницах иберской знати сохранились предметы, которыми римские императоры одаривали её представителей; таковы серебряные блюда с рельефными портретами императоров Адриана, Антонина Пия и других. При Антонине Пии римское влияние в Иберии укрепилось; Фарасман II с женой и сыном побывал в Риме. Владения Фарасмана были увеличены, ему было разрешено принести жертву на Капитолии — честь, редко оказываемая иностранцу,— и на Марсовом поле в Риме была поставлена его конная статуя.

Серебряное блюдо из погребения в Армазисхеви, близ Мцхеты. II в. н. э.

Внешнее укрепление Иберии сопровождалось значительными изменениями в общественном строе. В середине I в. до н. э. в Иберии, как уже указывалось, существовали раннерабовладельческое общество и государство. Здесь имелись рабы, выделился класс рабовладельцев, состоявший из представителей царского дома и жречества, часть крестьянства была поставлена в зависимость от царского дома и обеспечивала своим трудом существование знати. В стране получает распространение парфянская серебряная монета. В целом, однако, классовые противоречия оставались ещё относительно неразвитыми. Большую часть населения Иберии составляло свободное крестьянство, «народ-войско» (эри). На протяжении первых веков нашей эры классовые противоречия углубляются. Раскопками в Самтавро обнаружены богатейшие погребения знати, более скромные—средних слоев и беднейшие погребения в каменных ящиках. Высшие должностные лица носили титулы питиахшей, младших питиахшей, двороуправителей; упоминается в надписи и «полководец великого царя иберов». Аристократия складывалась, с одной стороны, из представителей древней племенной знати (племенные различия не были здесь преодолены на всём протяжении рабовладельческой эпохи), с другой — в результате имущественного расслоения эри, из которых выделяются отдельные семьи, богатеющие в результате грабительских войн, захвата добычи и рабов.

Постоянное участие в войнах и набегах позволяло части вчерашних крестьян перекладывать бремя сельских работ на плечи рабов, которых, возможно, как и в Армении, сажали на землю. Эксплуатация рабского труда, по-видимому имевшая место в сельском хозяйстве, особенно в интенсивном (виноградарство), на наделах, которые постепенно всё прочнее закреплялись за отдельными семьями, в свою очередь, способствовала обогащению этих семей и выделению их из остального народа. На углубление имущественного неравенства в Иберии влияло и то, что через страну проходили транзитные торговые пути; торговое значение имели, в частности, упоминавшиеся выше горные проходы. В стране обращалась монета преимущественно римская и парфянская. Особенно популярны были денарии Августа и ещё более тетрадрахмы парфянского царя Готарза II, ставшие объектом многочисленных местных подражаний. Последнее обстоятельство указывает на развитие в стране товарно-денежных отношений.

Золотой медальон с подвеской-флаконом
из погребения в Армазисхеви. близ Мцхеты.
II в. н. э.

Различие между знатью и народом отражалось и на характере вооружения: знать сражалась на конях, в тяжёлых панцирях, крестьянство составляло пехоту. Тяжёлое вооружение было доступно только богатым. В результате обогащения одних и обеднения других свободное население Иберии постепенно распадается на два слоя, на «знать» *(царчинебулни)* и «мелкий люд» *(цврили эри),* которые всё более обособляются друг от друга. Рядом с обогащением знати идёт постепенное разорение и закабаление крестьянства. Разоряющиеся крестьяне не превращались, однако, в люмпен-пролетариев, как это было в античных государствах. Они оставались в деревне и попадали в кабалу к знатным соседям. В условиях относительно низкого развития товарно-денежных отношений закабаляемые земледельцы не отрывались от средств производства, а продолжали сидеть на своих участках, отдавая определённое количество продуктов или долю урожая. Они превращались, таким образом, не в кабальных рабов, а в зависимых крестьян. Попадающее в зависимость от знати крестьянство, царские лаой и сажаемые на землю рабы постепенно в результате сходных условий существования стали сливаться в один слой — слой зависимых земледельцев.

Культура

Художественные изделия, найденные в погребениях I — III вв. н. э., свидетельствуют о высоком уровне местного ремесла и культуры. В гробницах знати находят украшения из золота и серебра,

оружие в художественной оправе, перстни с сердоликом, альмандином, бирюзой, из которых наиболее интересны так называемые геммы с портретами питиахшей. Наряду с предметами местного производства встречаются в большом количестве и привозные: художественные изделия из областей Римской империи, римские в парфянские монеты и т. д.

На основе арамейского алфавита в первые века нашей эры было создано особое армазское письмо, приспособленное к местному языку. Помимо надписей на сосудах и т. д. сохранились две армазские надписи на стенах: одна имеет греческий перевод, другая написана только армазским письмом и полностью ещё не разобрана. В первой из них упоминается царь Фарасман (II в. н. э.).

Иберская аристократия находилась под сильным влиянием Ирана. Имена большинства иберских царей — Фарнабаз, Митридат, Фарасман и т. д.— иранского происхождения. Получает распространение и культ иранского солнечного божества—Митры.

Албания в I—II вв. н. э. О внутренней жизни Албании в первые века нашей эры известно очень мало. Можно предполагать, что в это время происходит укрепление рабовладельческого государства. В связи с развитием ремесла и торговли появляются укреплённые города: свыше двух десятков албанских городов и поселений перечислены у Птолемея. Главным городом была Кабалака (Хабала—у Птолемея), расположенная в Ширванской степи. В городах, как и в Армении, жили значительные группы пришельцев — греков, армян, сирийцев, иудеев. В целом по уровню развития Албания ещё значительно отставала от своих западных соседей — Иберии и Армении.

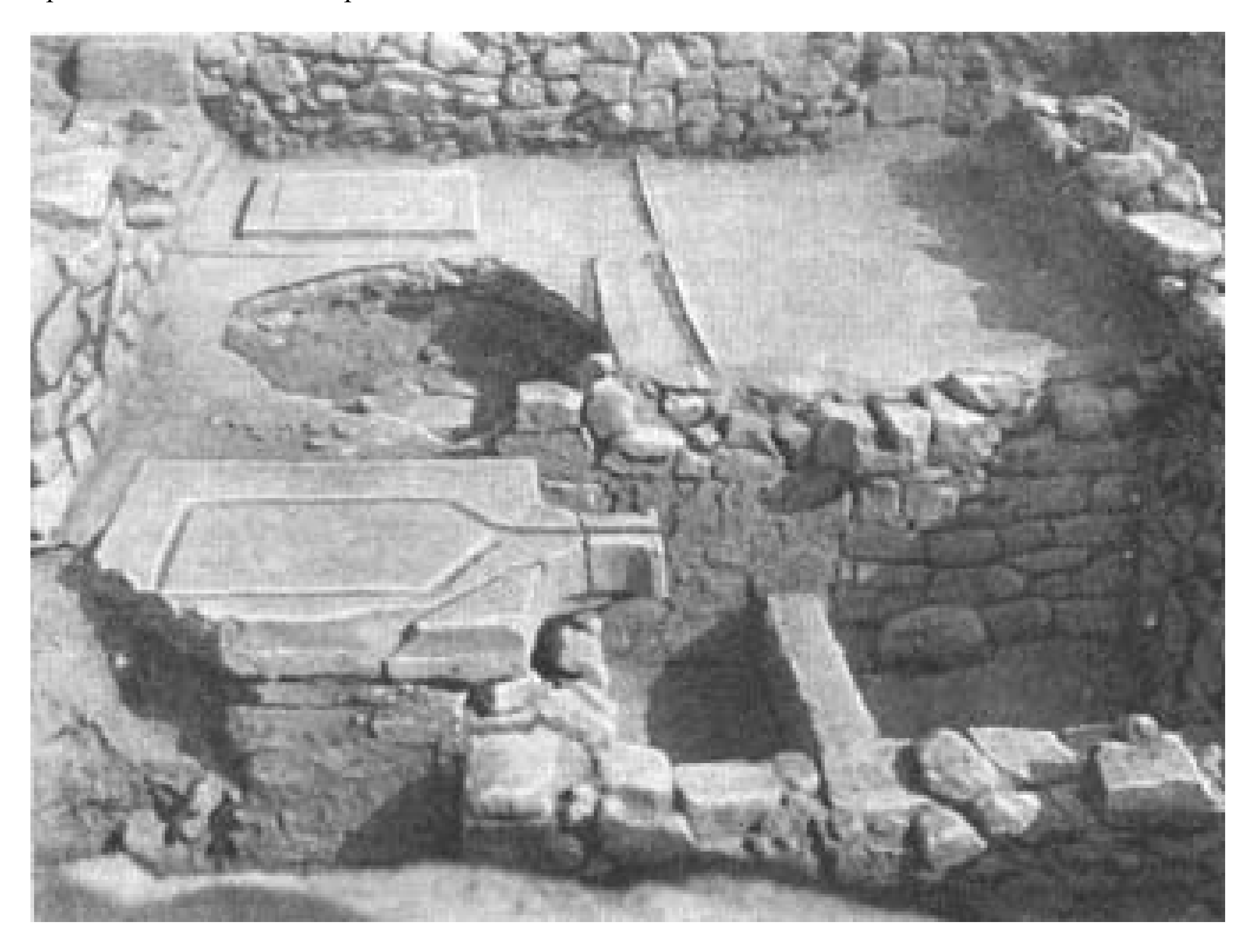
Внешняя история Албании известна несколько лучше. После похода Помпея албанский царь Ороз (имя его у древних авторов передаётся по-разному) был вынужден покориться Риму. Вскоре, однако, Албания освободилась из-под власти Рима и полководец Марка Антония Публий Канидий Красс покорил её заново. Август в своих «Деяниях» упоминает албанов в числе других народов, искавших дружбы Рима, а Тацит применительно ко времени Тиберия говорит о царях Иберии и Албании как находящихся «под защитой римского величия». В 35 г. албаны вместе с иберами сражаются на стороне Рима против парфян в Армении. По-видимому, Албания находилась в это время в зависимости от Иберии. Вслед за тем, однако, происходит перемена: албаны начинают ориентироваться не на Рим, а на Парфию и зависимую от неё Мидию.

К концу I в. н. э. относится латинская надпись, недавно найденная на территории Азербайджана у горы Беюк-Даш, в 70 *км* от Баку. Она принадлежит центуриону легиона XII Фульминаты, стоявшего в это время в Каппадокии. На основании этой надписи делали предположение о пребывании в Албании римских войск. Но гораздо более вероятно, что поставивший надпись центурион побывал в Албании с какой-то дипломатической миссией; для переговоров с царями и народами Востока римские полководцы обычно посылали именно центурионов. Если результатом этой миссии и могло быть временное укрепление римского влияния в Албании» то во второй половине II в. н. э. Албания освободилась от него.

9. Северное Причерноморье в I—II вв. н. э.

Социально-экономический и политический строй В рассматриваемый период на территории Северного Причерноморья наблюдается дальнейшая эволюция рабовладельческого способа производства. Здесь этот процесс осложняется тем, что Северное Причерноморье было одним из узловых пунктов борьбы племён Восточной Европы против рабовладельческой цивилизации Средиземноморья. В первые века нашей эры наиболее важным и определяющим явлением в жизни Северного Причерноморья была всё возраставшая роль сарматских племён. Рас-

пространение сарматов имело ряд серьёзных последствий. Во-первых, Рим, заинтересованный в бесперебойном поступлении сельскохозяйственных продуктов из Северного Причерноморья, стал более активно вмешиваться в его дела. Во-вторых, верхушка населения греческих городов под влиянием усиливавшегося натиска местных племен сама начинает искать поддержки у империи, охотно признавая в обмен за это римский протекторат. Однако блок правящего класса с империей наталкивался на

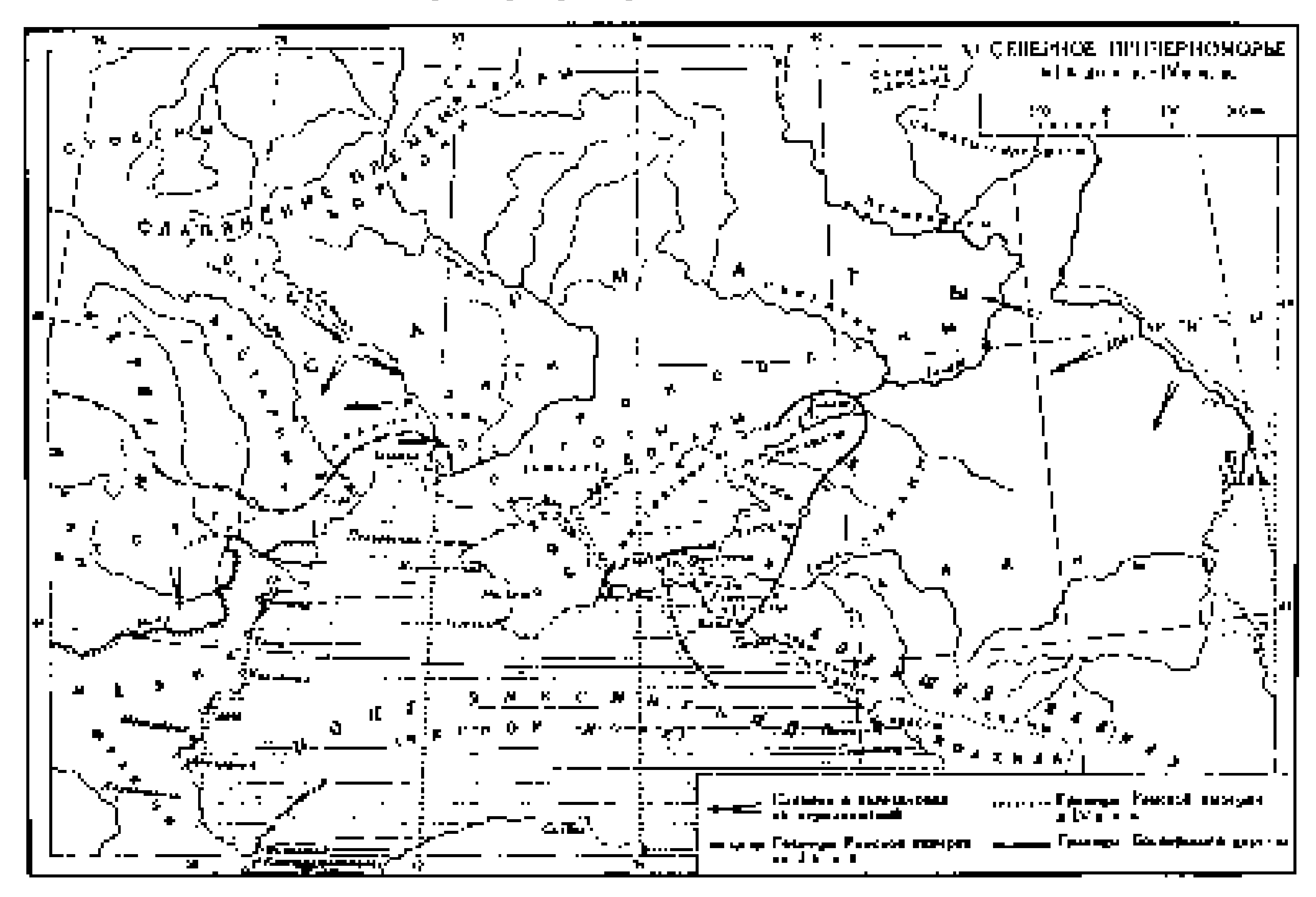


Винодельня в Мирмекии (близ Керчи).
III в. до н. э., переделана в I—II вв. н. э.

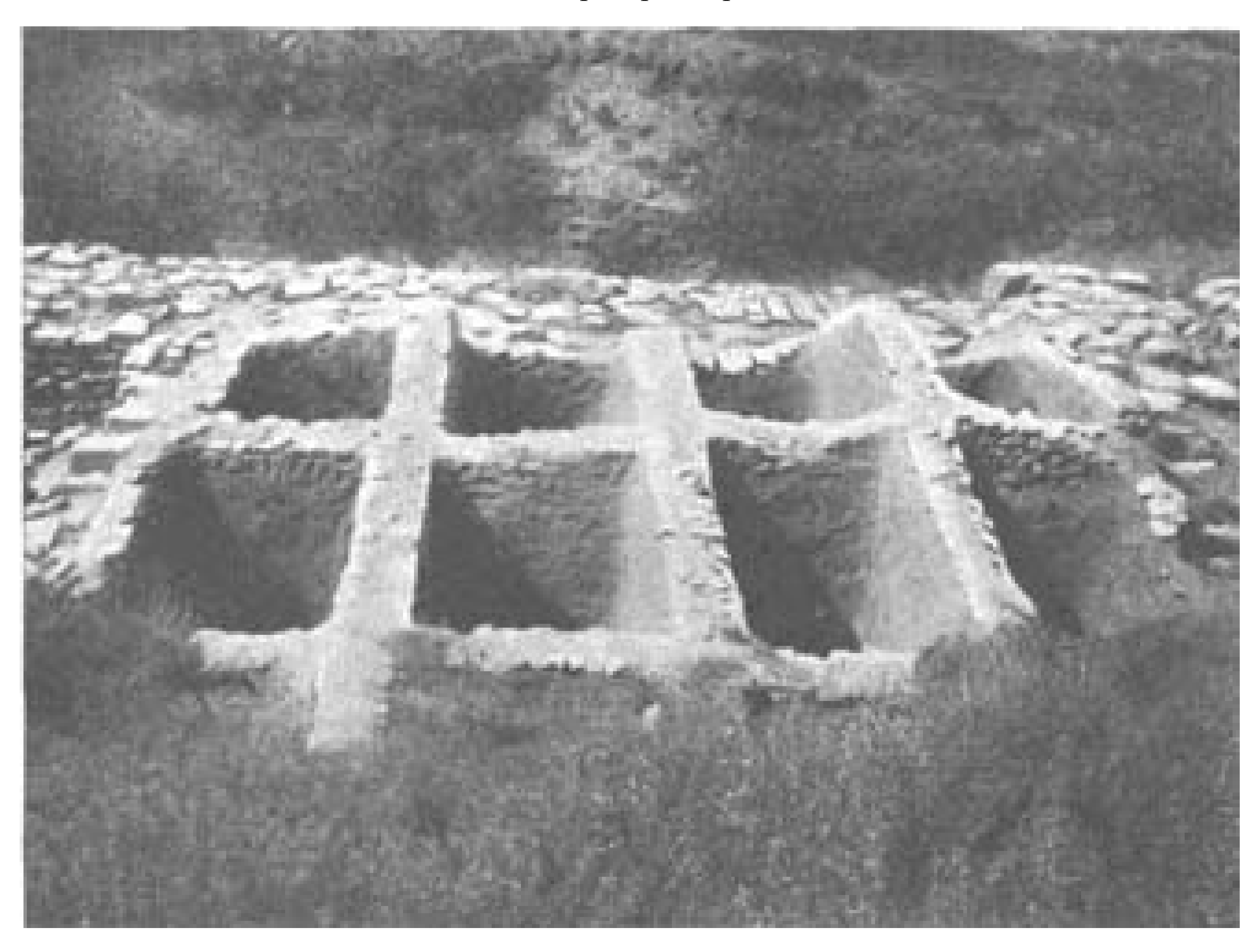
стойкое сопротивление местного населения. Эта борьба способствовала, с одной стороны, консолидации знати и усилению монархических элементов, с другой — исчезновению последних признаков демократии в греческих городах. Херсонес превратился в аристократическую республику, в которой большую роль играл первый архонт. Города, утратив самоуправление, подчинились боспорским царям, которые, по примеру восточных монархов, начали именовать себя «великими царями царей», окружили себя пышным двором и обширным придворным штатом.

Основная масса земли и других богатств концентрируется в руках немногих семей, из поколения в поколение занимавших все высшие должности. На их землях, как в Херсонесе, так и в Боспорском царстве снова развивается в больших масштабах нарушенное во время митридатовых войн производство зерна и вина на экспорт. Большие размеры принимает рыбный промысел. Археологи находят на территории Боспора множество соответствующих орудий производства — мельничные жернова, виноградные прессы, огромные рыбозасолочные ванны, вмещавшие по 1600 *ц* рыбы, и т.п.

Северное Причерноморье в I в. до н. э. — IV в. н. э.



Продукты сельского хозяйства и рыбного промысла вывозились в города Южного Причерноморья и в значительной мере шли на снабжение римских гарнизонов. Ввозились в Северное Причерноморье главным образом предметы роскоши — художественная керамика, стекло, вино, ткани. Развивается также обмен причерноморских



Рыбозасолочные ванны в Тиритаке.
I в н. э.

городов с соседними племенами. Новый подъём переживает ремесло — керамическое, ювелирное, металлургическое, оружейное.

В ремесле по-прежнему большую роль играли рабы, но первые признаки разложения рабовладельческой системы начали сказываться и в Причерноморье. Как и в империи, здесь начинают отпускать рабов на волю; в земледелии труд рабов вытесняется трудом зависимого земледельческого населения — пелатов. Пелаты должны были обрабатывать земельные участки владельцев, сдавая последним часть урожая. Эксплуатация рабов и пелатов и доходы от торговли позволяли причерноморской знати жить с большой роскошью. В городах воздвигались монументальные здания, богатые склепы представителей правящего класса украшались прекрасной росписью, наполнялись роскошной утварью и драгоценностями. Меняется и состав правящего класса причерноморских городов. Племенная знать сарматов чем дальше, тем больше проникает в греческие города, смешивается с их верхушкой и оказывает на неё огромное влияние. Но если часть местной племенной знати и слилась с аристократией греческих городов, местное население в целом было ей враждебно, и столкновения между ними учащались.

Взаимоотношения Северного Причерноморья с Римом в I в. н. э.

Политическая история Северного Причерноморья в этот период в значительной мере определялась его взаимоотношениями с Римской империей. Так, Херсонес тяготился зависимостью от Боспорского царства и обращался в Рим за помощью. «Свобода» была дарована Херсонесу Августом в 25 г. до н. э. Вначале Август пытался подчинить своему контролю и Боспорское царство. С 47 г. до н. э. царём там стал Асандр, восставший против сына Митридата Эвпатора—Фарнака, поручившего ему управление царством на время своего похода против Цезаря. Асандр женился на дочери Фарнака Динамии, и Август признал его царём. После его смерти (18 г. до н. э.) правила три года одна Динамия.

В 15 г. до н. э. Скрибоний, называвший себя внуком Митридата, женился на Динамии и провозгласил себя царём. Имя Митридата VI было очень популярно среди местного населения, и Август боялся, что новый царь, воспользовавшись этим, поведёт активную антиримскую политику. На борьбу с ним был направлен царь Понта Полемон, который одержал победу над Скрибонием и, женившись на той же Динамии, был возведён на боспорский престол. Полемон мог править только в зависимости от Рима. Знать готова была с этим мириться, но местные племена Полемона царём не признали. После длившейся несколько лет войны с племенами, населявшими берега Меотиды, он был убит в 8 г. до н. э. аспургианами, которых некоторые исследователи считают одним из этих племён, а другие — приверженцами царя Аспурга, занявшего боспорский престол после смерти Полемона.

Кто был Аспург, точно неизвестно. Одни видят в нём представителя династии Митридата, другие — вождя какого-либо местного племени. Во всяком случае, он пользовался поддержкой местного населения, не желавшего подчиняться римскому ставленнику Полемону. Август признал Аспурга царём, добившись только выделения из его царства Херсонеса. Новая попытка дать Боспору угодного Риму царя была сделана при Калигуле, который желал видеть на боспорском престоле воспитанного при римском дворе внука Полемона. Но и эта попытка встретила сопротивление местных племён. Их возглавил сын Аспурга Митридат VII. Клавдий, признавший было его царём, вскоре по доносу брата Митридата Котиса заподозрил его во враждебных Риму замыслах и послал на Боспор войска, посадившие на престол Котиса.

При Котисе связь Боспорского царства с Римом стала более тесной. Эта связь, между прочим, выразилась в учреждении на Боспоре культа римских императоров, верховным жрецом которого считался сам царь. На монетах чеканились изображения римских императоров. Римское влияние в Причерноморье особенно укрепилось при Нероне, когда наместник Нижней Мёзии Плавтий Сильван был призван херсонесцами на помощь против осадивших город скифов, после чего в Херсонесе и на южном берегу Крыма появляются римские гарнизоны. Возможно, тогда же римские солдаты были введены и на территорию Боспорского царства. Намереваясь предпринять широкое наступление на народы Причерноморья и прикаспийских областей, римляне считали нужным укрепить причерноморские города, как свои опорные пункты на далёкой периферии.

Характерно, что именно со времени водворения в Херсонесе римских солдат там окончательно побеждает аристократия и исчезают последние следы демократического устройства. С этого же времени знатнейшие семьи, бывшие опорой римского господства, начинают получать права римского гражданства. Одно время Нерон предполагал подчинить всё Северное Причерноморье провинциальному управлению.

После смерти Нерона и крушения его завоевательных планов был оставлен и этот проект, осуществить который, несомненно, можно было бы лишь после тяжёлой и длительной войны с местным населением. В дальнейшем взаимоотношения Северного Причерноморья и Рима колебались в зависимости от различных внешних и внутренних факторов. Так, когда возникновение племенного союза Децебала в Дакии потребовало значительного напряжения сил империи для борьбы с ним, римские войска были выведены из Херсонеса, и Херсонес снова попал в зависимость от Боспора.

Усиление Боспора во II в. н. э.

Во II в. боспорские цари почувствовали себя самостоятельнее и свободнее. Нуждаясь в войске, императоры начали выплачивать им денежную субсидию, за которую получали в своё распоряжение боспорских солдат. Римские войска с территории Боспора были выведены. Постепенно боспорское войско, перенимая сарматское вооружение и тактику, становилось всё более значительной силой. Со II в. Боспор самостоятельно ведёт войны с сарматскими и тавроскифскими племенами; последние в конце столетия вынуждены были признать власть боспорских царей. Ряд побед над сарматскими племенами боспорские цари одержали в начале III в., расширив свои владения. Надписи царей конца II — начала III в.— Котиса II и Савромата II — говорят об их победах над скифами и сираками, о присоединении к их царству Таврики Рескупорид III (210—227) называл себя «царём всего Боспора и тавроскифов». Но Херсонес, по-прежнему тяготившийся зависимостью от Боспора, добился от Рима в середине II в. нового «освобождения». Снова были введены сюда римские войска. Одновременно римский гарнизон введён был и в Ольвию. Её значение сильно упало по сравнению с предыдущими веками. Город так и не смог окончательно оправиться после разгрома его гетами в I в. до н. э. Лишившись части своих земель, Ольвия подчинилась царям Скифского царства в Крыму. «Свобода», полученная Херсонесом, была также весьма относительной. Фактически его дела вершил наместник Нижней Мёзии, и даже начальники римского гарнизона в городе имели больше власти, чем городские магистраты.

Идеология; сарматское и фракийское влияние на боспорское общество

Характерным для Северного Причерноморья явлением было распространение религиозных союзов, так называемых *фиасов.* Некоторые из них были посвящены издавна почитавшимся на Боспоре богам, но большая часть их состояла из поклонников нового бога, обозначавшегося как «высочайший», «всемогущий», «милостивый» и т. п. По-видимому, это было божество, впитавшее черты Зевса греков и Яхве иудеев, а может быть, и других богов. Распространение его культа свидетельствует о развитии монотеистических представлений в Северном Причерноморье. В фиасы входили главным образом представители аристократии, всё больше отделявшие себя от остального населения.

Хотя официальным языком продолжал оставаться греческий и на нём написаны многочисленные сохранившиеся до сих пор надписи, однако всё чаще появляются негреческие, местные имена. Сами боспорские цари нередко носили теперь имя Савромат, происходящее от прежнего названия сарматов — савроматы. Городская знать перенимает сарматское вооружение — шлемы, панцири, длинные мечи, луки и одежду. На монетах и памятниках из камня появляются тамгообразные сарматские знаки; некоторые из них становятся как бы гербами боспорских царей. В этих знаках, которые иногда группируются в целые строчки, некоторые учёные видят зачатки местной письменности, ещё не расшифрованной.

Как и сарматских вождей, царей и знатных горожан Боспора начинают погребать с оружием и конями. На надгробиях они изображались в виде конных воинов; сцены конных сражений стали одной из любимых тем в росписях, которыми украшались склепы знати. Надгробия с рельефами, расписанные саркофаги и стенная роспись в склепах являются важнейшими памятниками боспорского искусства того времени. Местные художники (мастерская одного из них изображена на найденном в Керчи саркофаге), сохраняя отчасти традиции эллинистического искусства, приспособлялись к господствовавшим на Боспоре вкусам. Это сказалось в яркости, многокрасочности живописи, в сочетании схематичности и условности изображений с реалистическим исполнением подробностей. Военная тематика сочеталась с картинами, изображавшими умершего пирующим в кругу семьи и друзей в загробном мире, с мифологическими сюжетами. Из последних особенно широко известно найденное в одном склепе изображение Деметры и похищения её дочери Персефоны богом подземного мира Плутоном.

ГОЛОВА ДЕМЕТРЫ
Центральный медальон росписи плафона склепа Деметры в Керчи. Первая половина I в. н. э. Современное состояние

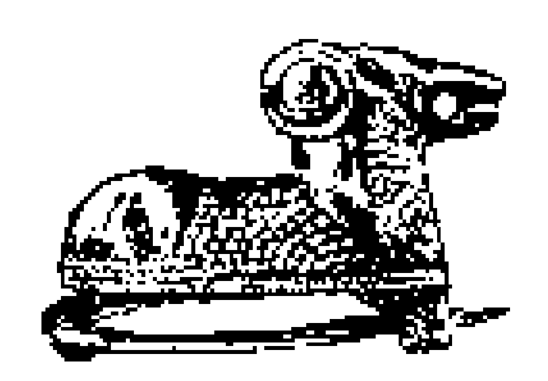
Определённое влияние на быт и искусство Боспора оказывали Парфия и Малая Азия. Так, из Парфии пришёл обычай покрывать лица умерших царей золотыми масками. В живописи заметно сходство с живописью Малой Азии и Сирии.

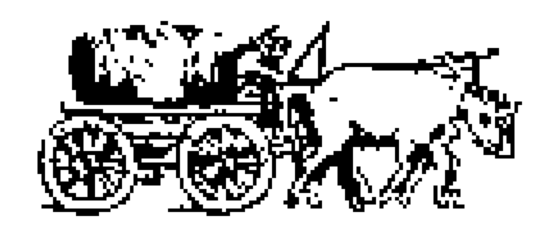
Появляется в причерноморских городах и много фракийцев. Боспорские цари были в родстве со старой фракийской династией, часто носили имена фракийских правителей — Котисов, Реметалков, Рескупоридов и, по-видимому, покровительствовали фракийцам.

Скифское царство в I—II вв. н. э.

Так же как и Боспор, некоторый подъём снова переживает с середины I в. и во II в. Скифское царство. Раскопки ею столицы Неаполя (в Крыму, близ Симферополя) показывают, как оживились там в это время строительная деятельность, ремёсла и искусство, представленное росписью на стенах склепов и каменных домов, принадлежавших местной знати. Значительное развитие получила торговля, которая велась через зависимую от скифов Ольвию и укреплённые пункты на Чёрном море. Население Неаполя состояло из землевладельцев, осевших в городе кочевников — владельцев табунов коней, из царских дружинников, купцов. Об имущественном неравенстве свидетельствует различие между богатыми домами и склепами знати и жалкими землянками, юртами и могилами бедноты. По-видимому, у скифов рабство широкого развития не получило. Цари взимали дань натурой, и для хранения поступавшего в их собственность зерна — проса, ячменя, полбы — вдоль городских стен Неаполя были устроены ямы-зернохранилища, самые крупные из которых вмещали до 4 *т* зерна. Найденные в городе давильни свидетельствуют о наличии виноделия, а гончарные печи — о развитии ремесла на продажу. Однако торговля не повела ещё к широкому денежному обращению. Монета ходила в основном римская. Только в Ольвии чеканилась местная монета с именами царей середины I в. Фарзоя и Инисмея.

В это время Скифское царство было наиболее сильным. Скифы подходили к Херсонесу и угрожали боспорским городам. Во II в. их могущество начинает падать под влиянием натиска сарматов, боспорских царей и их союзника — Рима. Как уже упоминалось, во второй половине II в. и начале III в. боспорские цари одержали ряд побед над скифами. В III в. Скифское царство приходит в упадок. Его культура приобретает всё больше сарматских черт. В конце концов сарматы завладели Неаполем.





ГЛАВА XXIII
РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ У ПЛЕМЁН ЕВРОПЫ И СИБИРИ (I—III вв. Н. Э.)

Большинство европейских племён в I—II вв. быстро развивалось. В этот период намечаются экономические и социальные предпосылки для образования больших племенных союзов, для возникновения народов, игравших в дальнейшем главную роль в истории средневековой Европы. Начинается упорная и длительная борьба этих племён с рабовладельческим Римом. Но империя ещё оставалась победительницей. Племена и народы, вступавшие с Римом в борьбу, были слабо подготовлены к этой борьбе: это были пока лишь ближайшие соседи империи, их экономическое и социальное развитие шло под слишком сильным её влиянием, и образовавшаяся в их среде аристократия в большинстве случаев искала и находила союзника в римском правительстве, предавая свободу своих соплеменников.

Положение меняется с III в., когда престиж и реальные силы империи начали падать, а на борьбу с ней выступили германские, сарматские и славянские племена, развивавшиеся самостоятельно, без непосредственного влияния римской экономики. Об этом новом историческом этапе речь будет идти ниже, но необходимо иметь в виду, что борьба мира племён, стоявших на стадии разложения первобытно-общинного строя, и клонящегося к упадку рабовладельческого общества, не началась неожиданно в III в. под влиянием более или менее случайных причин. Эта борьба шла непрерывно, так как была неизбежным следствием существования агрессивного рабовладельческого государства и народов, которым эта агрессия постоянно угрожала.

1. Кельты и германцы

Кельты

Кельтские племена, как уже говорилось, населяли обширные территории главным образом Центральной и Западной Европы. К середине I в. н. э. из кельтских племён полную независимость сохранили только племена, населявшие Ирландию, которая была известна античным авторам

под именем Гибернии. Сношений с империей вплоть до III в. она почти не имела. В первые века нашей эры кельтские племена Ирландии делились на небольшие общины — *туаты.* Всё свободное население общины, состоявшее из земледельцев, друидов и некоторых категорий ремесленников, собиралось на народные собрания, а в случае войны выставляло ополчение. Председательствовали на собрании родовые старейшины, бывшие вместе с тем верховными судьями и военачальниками. При них существовал совет из представителей родовой знати. Туаты объединялись в союзы во главе с племенными вождями. Таких союзов в I—II вв. н. э. было пять.

Часть обедневшего населения находилась на положении клиентов знати. Клиенты ещё владели своими земельными участками, но получали от патронов скот и были обязаны возвращать его впоследствии с приплодом, сопровождать патрона на войну и в народное собрание. Часть клиентов по положению приближалась к рабам. Получив от патронов известное вознаграждение, они переставали считаться гражданами и обязаны были выплачивать господину часть урожая и приплода скота. В число клиентов входили и некоторые ремесленники низшей квалификации.

В конце II в. и в III в. племенные вожди Западной Ирландии, из которых наиболее известной и исторически достоверной личностью был Кормак, захватили соседние земли и создали сильное объединение племён. В это же время появляются построенные по образцу римских валов укрепления и постоянные вооружённые дружины, начавшие вторжения в пределы римской Британии. Античные авторы знают эти племена под именем скоттов и атекоттов. По мере ослабления римской власти в Британии многие из них стали расселяться на территории провинции.

Германцы. Социально-экономический строй

Наибольшее количество сведений имеется для этого времени о племенах германцев, которым в конце I в. посвятил специальное сочинение Тацит. Классический анализ этих сведений дал Энгельс в своих работах «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «К истории древних германцев».

К концу I в. в экономике и социальном строе германцев произошли значительные изменения по сравнению со временами Цезаря. Они окончательно перешли к оседлому земледелию, хотя скотоводство ещё играло главную роль. Грубо построенные из камня и крытые черепицей дома заменили прежние временные хижины. Меньшую роль стала играть в хозяйстве охота. На смену родовой общине, обрабатывавшей сообща землю во времена Цезаря, приходят большесемейные общины, жившие отдельными поселениями. Такая община ежегодно вспахивала новый участок, оставляя старый под паром. Пастбища, выгоны и другие угодья составляли общее владение нескольких поселений.

Однако строй жизни германцев был ещё достаточно примитивен. Римские деньги распространялись только в пограничных с империей областях, более отдалённые племена их не знали, и там господствовал простой обмен. Ремёсла, в частности металлургия, были развиты слабо, вооружение было крайне несовершенным. Письменность находилась в зачаточном состоянии и употреблялась только жрецами для магических обрядов и гадания. Материнское право уже сменилось отцовским, но пережитки его были ещё очень сильны. Они отразились в том, что женщины занимали особо почётное место, как в семье, так и в культе. Во время восстания Цивилиса жрица и пророчица из племени бруктеров Веледа играла огромную роль в организации восставших, вдохновляя их на борьбу с Римом.

Рабство уже существовало, но носило патриархальный характер. Рабы получали скот и участки земли, за которые должны были вносить владельцам часть урожая. Дети рабов воспитывались вместе с детьми свободных, и, хотя рабы не принимали участия в общественных делах, разница между ними и свободными была далеко не так разительна, как в Риме. Племенная знать и племенные вожди, собиравшие вокруг себя преданную им дружину воинственной молодёжи, уже играли значительную роль, но верховное решение в важных вопросах по-прежнему принадлежало народному собранию.

Во II в. и в начале III в. римские купцы начинают проникать во всё более удалённые от империи области. Германская племенная знать покупает привозную утварь» вина, ювелирные изделия. Нуждаясь в деньгах для удовлетворения новых потребностей, она продаёт римским купцам скот, меха, рабов. Постепенно германские племена развёртывают оживлённую транзитную торговлю, переправляя римские товары в Скандинавию, где, по сведениям Тацита, существовал сильный союз германских племён, и в Прибалтику. В связи с ростом торговли развивалось мореплавание и совершенствовалось судостроение. Развивались и другие ремёсла — керамическое, ткачество, ювелирное дело, металлургия. Германские мастера сами изготовляли вооружение, между прочим и такую сложную его принадлежность, как кольчуги. Германские купцы начинают вывозить на север и на восток уже не только римские товары, но и предметы местного производства. Вместе с тем развивается сельское хозяйство, выращиваются лучшие породы скота и особенно лошадей, что очень подняло значение германской конницы. Всё это постепенно привело к изменению характера взаимоотношений между германцами и империей.

Взаимоотношения германцев с империей. Рейнская и дунайская границы

В I в., как уже говорилось, многие германские племена, жившие между Ре ином и Эльбой, а также на Дунае, находились на положении клиентов Рима. Формы зависимости и ее конечные результаты были весьма различны. Так, например, батавы, каннинефаты, маттиаки, жившие на правом берегу Рейна, не должны были платить податей, но обязаны были поставлять солдат во вспомогательные войска. Восстание Цивилиса не только не вернуло им независимости, но, напротив, в конце I в. они были присоединены к империи, и возведённые на их земле укрепления должны были обеспечивать их покорность.

Племя фризов, живших по соседству с батавами в устье Рейна, не давало рекрутов, но было обложено податями — оно должно было поставлять кожи для армии — и находилось под надзором римских префектов. В 28 г. фризы восстали и на короткое время вернули себе свободу. В 47 г. они вновь были покорены Корбулоном. В 57 г. два их вождя получили римское гражданство, как клиенты Рима.

Долго сражались за независимость херуски во главе с победителем Вара Арминием. Их борьба осложнялась наличием среди них сильной проримской партии Тиберий, отозвав Германика из-за Рейна, всячески старался поддерживать среди них внутренние раздоры. В конце концов херуски снова попали в зависимость от Рима.

В особом положении было племя гермундуров. Вытесненные херусками со своего старого местожительства на Эльбе, они были поселены римлянами на левом берегу Дуная с обязательством защищать границы провинции Реции, не имевшей до Клавдия римских гарнизонов. За верность Риму гермундурам — единственному из всех «варварских» племён — было разрешено появляться внутри провинции и вести торговлю в главном городе Реции.

Наиболее значительный племенной союз германцев удалось создать в I в. вождю маркоманнов Марободу. Маркоманны жили на Майне, но, спасаясь от римлян, ушли в первые годы нашей эры в Богемию (Чехию), покинутую частью населявшего её кельтского племени — бойев. Маробод провёл молодость в Риме и использовал полученные там знания при организации своего войска. К нему примкнула часть свевов, населявших Восточную Германию, лангобарды, лугии и многие другие. В результате он создал войско из 70 тыс. человек пехоты и 4 тыс. конницы. Его послы вели себя в Риме как представители равной державы. Хотя он не вступал в войну с империей, тем не менее был, по словам Тиберия, опаснее для Рима, чем в своё время Пирр и Ганнибал.

Существование этого крупного племенного союза само по себе активизировало все антиримские силы. Маробод становился союзником отпавших от Рима племён и давал убежище беглецам из империи. Вероятно, среди этих перебежчиков были и дезертиры, и беглые рабы, и провинциалы, не примирившиеся с римским гнётом.

В более позднее время страх перед возможным союзом галльских мятежников с племенами Британии явился одним из стимулов для завоевания Британии императором Клавдием. Надо думать, что сходные причины побудили Августа послать Тиберия против Маробода.

Война не состоялась из-за начавшегося тем временем панноно-далматского восстания. Маробод не вмешался в борьбу Тиберия с восставшими. Это лишило его возможных союзников и ослабило его позиции. Ещё большую ошибку допустил несколько

Изображение пленных германцев на римском саркофаге.
III в. н. э. Мрамор.

лет спустя вождь херусков Арминий, начавший войну с Марободом вместо того, чтобы, объединившись с ним, сплотить все антиримские силы. Но тогда ещё не создались предпосылки для образования длительных и крепких племенных союзов, а опытный в политике Рим делал всё возможное, чтобы обострять племенную рознь. В 17 г. Маробод был разбит Арминием и обратился за помощью к Тиберию. Однако император не только не оказал ему помощи, но воспользовался его слабостью, чтобы лишить его власти. Маробод был поселён в Равенне, а маркоманны получили в цари римского ставленникаВанния из племени квадов, признавшего себя клиентом Рима. Ванний, объединивший племена квадов и маркоманнов, правил 30 лет и значительно расширил свои владения за счёт набегов на соседние племена. Впоследствии он был изгнан своими соплеменниками и поселён римлянами в Паннонии.

В середине I в. на Дунае появились сарматские племена язигов и роксоланов. После нескольких столкновений с империей они заключили с нею союз; но в конце I в. маркоманны, квады, часть свевов и сарматы объединились, чтобы сбросить с себя клиентскую зависимость, и отказались давать Риму солдат. Они нанесли тяжёлое поражение императору Домициану, вторглись в Паннонию, и империи лишь с большим напряжением сил удалось восстановить прежнее положение. Квады и маркоманны снова стали клиентами Рима, дававшего им царей по собственному выбору. Но в 60-х годах II в. народ восстал против римской опеки и навязанных ему царей. Это послужило началом труднейших для империи маркоманских войн, с которых начинается поворот в истории её взаимоотношений с соседними народами Европы.

2. Придунайские племена и царство Децебала

Придунайские племена, даки

В придунайских областях германцы составляли незначительное меньшинство, основная масса населения состояла здесь главным образом из фракийских и частично из кельтских племён. Среди фракийских племён особенно известны были геты. Это были земледельцы и скотоводы, которые вели торговлю с греческими городами Западного Причерноморья. Земля у них находилась в общинной собственности и ежегодно переделялась. Во главе племён стояли племенные вожди, но имущественное неравенство и социальная дифференциация были ещё незначительны. Большую роль в жизни гетов играли военные набеги. Воинственность гетов вошла в поговорку у античных авторов.

Пленный дак.
Начало II в. н. э. Мрамор.

Самым значительным из придунайских племён было племя даков. После смерти Биребисты их союз распался, и римляне прилагали все усилия, чтобы, ссоря между собой племенных вождей, воспрепятствовать новому объединению даков. Маробод, Ванний, язиги и роксоланы должны были, между прочим, блокировать даков, мешая их продвижению. Но с падением Маробода, а потом Ванния перед даками открылись новые возможности. Социальная дифференциация среди них была уже довольно сильна. Давнишние торговые сношения с греками, а затем и с италиками усиливали рост имущественного неравенства. Естественные богатства страны, особенно золотые и серебряные рудники, способствовали развитию ремесла и накоплению значительных сокровищ в руках знати. Племенные вожди жили в величественных замках, построенных на высоких горах из колоссальных каменных блоков и высушенного на солнце кирпича и укреплённых валами и мощными стенами с башнями. В этих замках хранились привозные и местные изделия из драгоценных металлов, оружие, дорогая греческая и италийская утварь, богатые клады монет.

Эти сооружения, материал для которых доставлялся из отдалённых каменоломен, показывают, что обитатели их располагали массой рабочих рук. Скорее всего они эксплуатировали труд соплеменников, попавших в зависимость от них. Довольно интенсивный вывоз рабов из Дакии также свидетельствует о власти, которую приобрела знать над рядовыми соплеменниками. Условия жизни последних представляли разительный контраст с роскошью знати. Масса даков, занимавшихся земледелием и скотоводством, жила маленькими общинами в деревушках, которые состояли из нескольких десятков убогих, крытых соломой хижин.

Царство Децебала

Всё это показывает, что разложение первобытно-общинного строя у даков зашло уже достаточно далеко. Как и в Галлии накануне её завоевания, здесь складываются проримская аристократическая и антиримская народная партии. Как и в Галлии, народная партия поддерживала царскую власть, которая должна была сплотить даков, положив конец междоусобицам знати и ограничив её господство. В конце I в. в Дакии появился такой объединитель в лице талантливого и энергичного «царя» Децебала. У даков впервые создаётся государственное образование, которое, как и союз Маробода, закономерно приобретает антиримский характер.

Снова появилась сила, под защиту которой могли бежать недовольные римским гнётом. Децебал охотно давал им убежище. Особенно старался он привлекать ремесленников, которых использовал для сооружения укреплений и военных машин римского образца. Во взаимоотношениях с империей вопрос о перебежчиках был одним из самых острых. Планы Децебала шли далеко: он не только старался объединить соседние племена, но и мечтал о союзе с Парфией. Постоянным препятствием в его деятельности была упорная оппозиция знати, которая опасалась укрепления царской власти и враждебно относилась к объединительным тенденциям Децебала. Во время всех его войн с империей, шедших с переменным успехом и перемежавшихся союзными отношениями, в римском лагере появлялись многочисленные даки в войлочных шапках (этим головным убором знать отличалась от народа), которые спешили изъявить покорность императору и готовность служить ему. Во время последней войны с Римом (106 г.), окончившейся гибелью Децебала и присоединением Дакии к империи, измена знати приняла особенно широкий характер. Зато народ сражался с поразительным мужеством, стойко защищая каждую пядь земли, и нёс тяжелые потери. Когда последние бойцы были вытеснены из своего последнего убежища и преданный знатью Децебал покончил с собой, значительное число даков покинуло свои деревни и ушло в Карпаты, в области, недоступные для римских войск. Эта так называемая «свободная Дакия» оставалась в дальнейшем постоянной угрозой для империи.

3. Древнеславянские племена

В настоящее время ещё нельзя составить полную и подробную историю славянских племён в I—IV вв. н. э. Греческие и латинские авторы сообщали очень беглые сведения о древних славянах, отделённых от римских пределов широкой полосой земель германских, кельтских, фракийских, сарматских и других племён. Не соприкасаясь непосредственно со славянами, античный мир знал о них сравнительно мало.

Письменные источники по истории древних славян

Тем не менее античные авторы указывают на территории, занятые славянами в эти отдалённые времена. Это позволяет связать со славянами ряд археологических культур первой половины I тысячелетия н. э. и изучить развитие производства, быт и культуру этих племён.

Самые ранние упоминания о древних славянах содержатся в труде римского учёного Плиния Старшего, жившего в I в. н. э. Плиний, пользовавшийся данными карты полководца Агриппы и сам служивший в Германии, знал о том, что за него тянулись территории, населённые не германскими племенами. Называя эти земли Скифией, Плиний, по-видимому, следовал установившемуся в античной историографии обычаю давать наименование скифов самым отдалённым и почти неизвестным племенам. Говоря о Скифском (Балтийском) море, Плиний помещал на его юго-восточном побережье сарматов, германцев, венедов, скифов и гирров. Одно из перечисленных племён, а именно венеды — славянское, о чём свидетельствует тот факт, что племенное название венедов, вентов, виндов и т. д. сохранялось за западными славянами до сравнительно позднего времени. Так, готский историк VI в. н. э. Иордан писал, что племена венедов весьма многочисленны и имеют различные названия,

«однако, главным образом, они именуются склавинами и антами». Свидетельство Плиния отвечает археологической карте расположения племён к северо-востоку от Эльбы, где жили самые северные из германских племён, затем за ними славяне, а далее на север и северо-восток — финские племена.

Очень важны свидетельства Тацита, хотя он специально описал Германию и поэтому уделил сравнительно мало внимания соседям германских племён. Отмечая этническое различие венедов и германцев, Тацит сообщает, что по образу жизни венеды ближе к германцам, чем к кочевникам-сарматам. Это свидетельство Тацита вполне подтверждается характером культуры славянских племён того времени. Тацит отводит венедам довольно большую территорию, указывая, что они живут между певкинами (бастарнами), которых он помещает в Прикарпатье, и фенами (финнами), находившимися к востоку и северо-востоку от современного Рижского залива.

Однако даже такие неполные сведения о древних славянах были известны в Риме сравнительно немногим писателям. Большинство римских авторов по-прежнему включало славянские территории в понятие Сарматии. Эта тенденция сказывается в большом труде древнего географа Птолемея (составленном около 160—180 гг.), который территорию к востоку от Вислы и Карпатских гор называл Европейской Сарматией, а Балтийское море — Сарматским океаном.

Венедов Птолемей упоминает среди племён Европейской Сарматии, помещая их по всему Венедскому заливу (так он называет юго-восточную часть Балтийского моря) и далее в глубь Европы. Определить точно восточную границу венедов по данным Птолемея довольно трудно, однако то обстоятельство, что древний географ помещает Венедские горы далеко от балтийского побережья, позволяет думать, что, по его мнению, территория венедов была значительной. Данные Птолемея также показывают, что в его время название венедов уже приобрело значение обобщающего имени многих племён и порождало географические наименования — Венедский залив, Венедские горы. Среди географических названий карты Птолемея встречаются славянские термины, как, например, название города Калисия (сохранившееся до сих пор в названии Калиш), наименование горы Бодин и некоторые другие. Наряду с общим наименованием — венеды — Птолемей знает и славян в качестве одного из венедских племен под именем стлаваны или суовены.

Несколько иначе область обитания венедов показана на римской дорожной карте IV в. н. э. (так называемая Певтингерова карта), где венеды помещены у западных склонов Карпат и на Нижнем Днестре. Видимо, эта римская дорожная карта отразила начало движения славянских племён к Дунаю.

Рассмотренные выше сведения древних писателей о распространении славян в I—IV вв. н. э. позволяют предположить, что эти племена занимали территорию от берегов Балтийского моря до северных отрогов Карпатских гор, гранича на западе с германцами и кельтами, на юге и юго-востоке — с сарматами; восточная граница славянских племён для этого времени не может быть определена.

Древнеславянский язык

Важные исторические данные доставляет анализ славянских языков. Все они — русский, польский, полабский, лужицкий, чешский, словацкий, болгарский, сербохорватский и словенский — происходят от древнеславянского языка. Этот язык, как общий язык для всех славянских племён, существовал, по-видимому, ещё в первой половине I тысячелетия н. э. Даже в IX в., когда в русских летописях уже упоминались отдельные славянские народы — болгары, чехи, ляхи и др., летописцы отмечали, что все они говорят на одном славянском языке. Учёные, исследовавшие древнеславянский язык, определили, что сложившиеся на его основе обособленные славянские языки появились лишь в тот период, когда славяне давно уже пользовались железом и имели значительно развитые ремёсла.

Действительно, у славянских народов едины не только названия всех общеупотребительных металлов — железа, золота, серебра, меди и олова, но и многочис-

ленных изделий из железа. Таковы, например, названия: коса, долото, клещи, секира, серп, мотыга, пила, стремя, острога и многие другие. Весьма важно, что и названия земледельческих орудий — плуг, рало, лемех — едины у всех славян. Характерно, что ремесленная терминология также восходит к общеславянскому языку, как и самое название «ремесло» и многочисленные названия профессий — кузнец, гончар, суконщик, ткач и т. д. Эти данные показывают, что общеславянский язык-основа сохранялся довольно долго. Учёные-лингвисты считают возможным отнести процесс его разделения только к середине I тысячелетия н. э.

Археологические источники

Следует отметить, что до сих пор вопрос об археологических данных по истории славянских племён в первой половине I тысячелетия н. э. представляет весьма сложную проблему Дело в том, что археологические памятники на древних славянских землях ещё в конце XIX в. были известны очень плохо, да и в настоящее время остаётся много неизученных территорий. Сравнительно небогатый инвентарь могил с трудом поддавался определению и датировке, а это, в свою очередь, затрудняло определение археологического материала городищ. Наиболее характерны для конца I тысячелетия до н. э.— первой половины I тысячелетия н. э. археологические памятники в виде больших бескурганных могильников с различными обрядами погребений: трупоположениями и трупосожжениями. Остатки после трупосожжений заключены в урну, трупы положены в землю без урны. Так образовались кладбища, получившие, как уже указывалось выше, у археологов название «полей погребальных урн», или «полей погребений». В XIX в. учёные спорили о том, кому принадлежали обнаруженные в Средней Европе поля погребений—славянам, германцам, фракийцам или кельтам. Такая постановка вопроса была сама по себе неверна, так как обряд захоронения на полях погребальных урн принадлежал не одному только племени, а всем вышеперечисленным племенным массивам. Известный чешский археолог и историк Любор Нидерле, поддерживая мнение П. Шафарика и других чешских, а также польских археологов, указал, что можно говорить о славянской принадлежности только тех памятников полей погребений, которые находятся в пределах предполагаемого по письменным источникам расселения древнеславянских племён.

Эта точка зрения Л. Нидерле относительно этнической принадлежности носителей культуры полей погребений Средней Европы нашла подтверждение в последующих работах археологов. Польские учёные, исследовавшие культуру полей погребений на территории Польши, пришли к выводу, что носителями этой археологической культуры были венеды, так как её территория в основном совпадает с территорией» отводимой западной группе этих племён Плинием, Тацитом и Птолемеем.

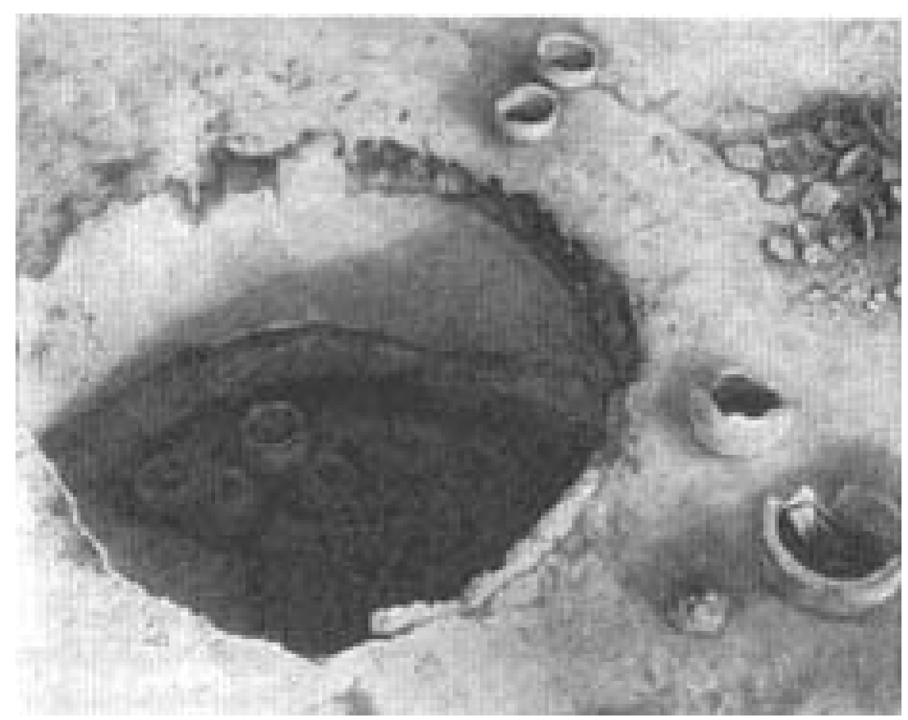
Поля погребений к востоку от верховьев Днестра были открыты только в конце XIX в. известным русским археологом В. В. Хвойкой, исследовавшим их на территории Среднего Поднепровья. Изучение уже первых памятников этой культуры позволило В. В. Хвойке утверждать, что они принадлежат древним славянам. Работы В. В. Хвойки были продолжены советскими археологами, раскопавшими и изучившими много новых поселений и могильников культуры полей погребений, которых теперь известно более 400. Эти раскопки показали, что не только Среднее, но и Верхнее Поднепровье в первой половине I тысячелетия было заселено славянскими племенами, хоронившими своих покойников на полях погребений и значительно отличавшимися образом жизни от соседних племён — кельтов, фракийцев и других, имевших подобный же обычай захоронения. Вместе с тем стало известно, что славянские племена Поднепровья очень близки славянским племенам Повисленья. Внутри этого единого массива славянских племён наблюдаются некоторые местные отличия, давшие основание археологам говорить о нескольких археологических культурах. Это оксывская культура в Нижнем Повисленье, пшеворская культура в бассейне Средней и Верхней Вислы. Последняя близка к зарубинецкой культуре славянских племён Среднего и Верхнего Поднепровья.

Образ жизни и уровень развития производства всех славянских племён этого времени столь близки, что можно отметить только некоторое отличие исторического развития западных славянских племён от истории их восточной группы.

Западные славяне в I—IV вв.

Племена, жившие к западу от верховьев Днестра, в междуречье Одера и Вислы и в бассейне Вислы, помимо давнего имени венедов, стали обозначаться в IV—VI вв. общим названием склавинов, т. е. славян.

Некоторые сведения об их жизни сохранились в описании Тацита, который, противопоставляя венедов кочевникам-сарматам, сообщает, что венеды строят прочные дома. Другой характерной особенностью венедов Тацит считает их умение быстро передвигаться пешком, в отличие от сарматов, проводящих жизнь на лошадях. Краткий рассказ Тацита ясно передаёт черты, свойственные быту земледельцев, жителей лесной полосы, использующих коня главным образом для земледельческих работ. Венеды были земледельцами и имели сравнительно слабо развитое ремесленное производство, долгое время сохранявшее характер домашнего ремесла. Например, гончарный круг распространился у венедов только к середине I тысячелетия. Правда, сделанная от руки чёрная лощёная посуда обитателей Повисленья имела высокое качество, отличаясь тщательной выработкой, разнообразием форм и обильной орнаментацией. Примечательно, что венеды с ранних времён были знакомы с металлургическим производством. На их территории обнаружено несколько металлообрабатывающих центров I—V вв. с домницами (печами для выплавки железа); в быту населения металлические изделия имели широкое распространение.



Гончарная печь. IV в. н. э.
Раскопки 1946 г. под Краковом.

В южных областях, где венеды тесно соприкасались и даже смешивались с кельтами и фракийцами, наблюдается более высокое развитие ремесленного производства. Указанное явление ярко иллюстрируется возникновением на землях смешанного венедо-кельтского населения таких крупных ремесленных пунктов, как Иголомня (под Краковом), где открыто несколько десятков гончарных печей IV в. н. э. Более развитое ремесло отмечено и у тех венедских племён, которые жили по соседству с фракийцами. Однако общий уровень производства у венедов ещё не достиг той ступени, когда ремесло выделяется в самостоятельную отрасль, что и определяло сохранение ими первобытно-общинного строя.

Всё же в рассматриваемый период можно наблюдать признаки начавшегося разложения родоплеменных отношений среди западных славян. Уже в III—V вв. н. э.

среди населения заметно значительное экономическое неравенство. Социальное расслоение проявляется не только в отличии инвентаря бедных и богатых могил, но даже и в размещении богатых погребений отдельно от захоронений рядовых общинников (например, Вымысловский могильник на Познанщине).

Племенная знать венедов накапливала большие богатства, что позволяло ей приобретать дорогие товары, привозившиеся из соседних римских провинций. Зажиточная часть населения пользовалась в большом количестве привозными украшениями, дорогой бронзовой, серебряной и стеклянной посудой, оружием и т. д. Значительное

Керамические сосуды из могильника на Нижнем Днепре.

число привозимых к венедам товаров происходило из Галлии, Паннонии и других западных римских провинций, однако целый ряд товаров доставлялся через посредство причерноморских центров. Следует отметить, что торговля венедов с римским миром велась через Балтийское море и устье впадающих в него рек, а также по многочисленным сухопутным дорогам. Сопоставление римского импорта в земли восточных славян и в земли венедов показывает, что последние вели более интенсивную торговлю. При этом даже возможно, что среди южных пограничных племён интенсивность обмена привела к использованию римской чеканной монеты, тогда как в центральных венедских областях торговля сохраняла меновой характер.

История западных славян в рассматриваемое время ещё весьма неясна. Тацит сообщает, что венеды, «разбойничая, бродили в пределах между певкинами и фенами». По-видимому, в I—IV вв. венеды уже составляли союз родственных племён, оберегавших свои территории и часто нападавших на соседей. Это подтверждается той большой ролью военного дела в жизни венедов, которая ясно прослеживается по инвентарю их погребений, а также знакомством римлян с вооружением венедов, что нашло отражение в рассказе Тацита о носящих щиты венедах.

В конце II в н. э. через земли венедов на юго-восток прошли племена готов. Обстоятельства этого передвижения пока неизвестны. По-видимому, некоторая часть венедов примкнула к готам и вместе с ними принимала участие в войнах середины III в. на Дунае. На это указывает титул «венедский», который носил один из римских императоров тех лет. По-видимому, какая-то часть венедов в это же время признала свою зависимость от готского вождя Германариха, как сообщает историк Иордан.

В III в. начинается распространение западных славян на соседние земли. Из северо-восточных областей Чехии они постепенно продвинулись на всю территорию страны, как показывает распространение славянской керамики так называемого «пражского типа» в последующие столетия. Этот процесс сопровождался славянизацией прежнего кельтского населения чешских земель. Возможно, что к III—V вв. относятся также движения славян на юго-запад от Эльбы и Одера.

По-видимому, в IV в. южная часть славянских племён подверглась нападению гуннов. Однако основной массив венедских племён не был ими затронут, и на этих землях, как и в Северном Приднепровье, продолжался процесс дальнейшего социально-экономического и политического развития славян.

Восточные славяне

Жизнь племен, обитавших в лесистых областях Среднего и Верхнего Поднепровья, отличается более медленным развитием производства и общественных отношений. Эти славянские племена известны по памятникам зарубинецкой археологической культуры (II в. до н. э. — II в. н. э.), местные варианты которой очень мало отличались друг от друга. Возможно, что часть памятников черняховской археологической культуры (II—IV вв. н. э.) тоже принадлежала славянам.

Медленное развитие земледелия определяло сохранение указанными славянскими племенами первобытно-общинного строя и в начале I тысячелетия н. э. Их укреплённые городища обычно располагались по несколько посёлков рядом, что позволяет считать их принадлежащими одному роду. Составлявшие род патриархальные семьи жили уже в отдельных домах. В некоторых местах это были наземные жилища со стенами из плетня, обмазанного слоем глины.

Некоторые группы славян в первые века нашей эры продвинулись от Среднего Поднепровья, по-видимому, к Северному Донцу и верховьям реки Сейма. Распространение на восток было началом расселения славянских племён, происходившего в последующие столетия.

Заселяя территории сарматских племён, славяне частично оттесняли сарматов на юг и восток, частично ассимилировали. Следы общения славян с сарматами бесспорно засвидетельствованы появлением у сарматов личных имён «Ант» и «Хорват», которые во II—IV вв. н. э. употреблялись даже сарматами, обитавшими далеко на юге, в Танаисе и Пантикапее.

Основным занятием населения было, как и раньше, земледелие, наряду с которым значительную роль играли охота и скотоводство. В первых веках нашей эры земледелие достигло более высокого уровня вследствие усовершенствования орудий производства - вместо прежних деревянных пашенных орудий у славян получило распространение рало с железным наконечником, что должно было повысить производительность земледельческого труда

Одновременно с ростом земледелия и скотоводства развивались и другие отрасли общественного производства. Уже в первых веках нашей эры можно отметить обособление металлургического и кузнечного ремёсел. Распространённость железных орудий в Верхнем Поднепровье указывает даже на большее развитие металлургии здесь, чем в Среднем Поднепровье. Однако все остальные отрасли ремесленной деятельности сохраняли ещё характер домашнего ремесла. Даже гончарное производство не выделилось в самостоятельное ремесло, и посуда изготовлялась от руки. Ремесленное производство в целом было ограничено, так как его продукция расходилась внутри узкого круга потребителей.

Вопрос о развитии торговли у восточных славян в первые века нашей ары исследован ещё недостаточно. О внутренней торговле между племенами пока ничего не известно. Внешние связи характеризовались относительно слабым контактом с областями средиземноморского бассейна. Это подтверждается указанным выше смутным знакомством римских авторов со славянами. Материал из поселений свидетельствует о другом направлении меновых и культурных отношений — на запад, к населявшим Чехословакию кельтским племенам и, что вполне естественно, к западнославянским племенам Повисленья. Это заключение, однако, следует считать предварительным, так как, из нескольких десятков поселений изучаемых племён раскопаны только единицы.

О социальном строе восточных славян приходится судить почти исключительно на основании археологических данных. Развитие производительных сил в рассматриваемое время достигло уже такого уровня, когда родовая община начала постепенно уступать место складывавшейся сельской общине — территориальному посёлку больших патриархальных семей Сравнительно небольшие жилища первых веков нашей эры и находимый в них инвентарь показывают, что отдельная семья уже владела орудиями производства и запасами.

Показателем начавшегося разложения первобытно-общинного строя у восточных славян служит наличие у них рабства, о чём сообщают более поздние византийские писатели. Хотя эти сведения, относящиеся уже к VI в., подтверждают, что и в это время институт рабства у славян был мало распространён и носил патриархальный характер, однако можно предполагать, что зарождение рабства относится ещё к предыдущим столетиям. Об этом свидетельствует наличие у славян в VI в. обычного права, запрещавшего порабощение соплеменников. Несомненно, в изучаемый период рабство не играло сколько-нибудь заметной роли в производстве.

Племенная организация у восточных славян известна сравнительно мало. По-видимому, каждое племя управлялось своим вождём, наряду с которым существовали совет старейшин и общее собрание племени. Можно думать, что к концу рассматриваемого периода уже началось образование славянских племенных союзов, столь сильных в VI в.

История восточнославянских племён в первые века нашей эры известна крайне недостаточно. В конце II в. н. э. на нижнем течении Дуная и в Северо-Западном Причерноморье появились племена готов, пришедшие из Юго-Восточной Прибалтики. Движение готов и появление их в Причерноморье не оказало заметного влияния на славянские племена. По-видимому, пришедшие с берегов Балтийского моря готские племена были не очень многочисленны, и, кроме того, они сравнительно быстро прошли на Дунай, в пределы фракийских племён. Ближе всего с готами, в частности с остготами, славянские племена столкнулись лишь в IV в. н. э.

Черняховская культура

Во II—IV вв. н. э. на всей территории от Среднего Поднепровья до Южного Буга, Днестра и Прута распространяется так называемая черняховская культура полей погребений, получившая своё название от села Черняхов, Киевской области УССР, где был открыт и раскопан обширный могильник, насчитывающий несколько сот захоронений— трупоположений и трупосожжений.

Черняховская культура представлена многочисленными поселениями и могильниками. Поселения — большие неукреплённые селища (их насчитывается в настоящее время уже несколько сот) — расположены по берегам рек и ручейков, вдоль их южных и восточных склонов. Жилища в поселениях наземные или несколько углублённые, и те и другие — деревоглинобитные. Поблизости от поселений располагаются могильники, обычно довольно больших размеров, с трупосожжениями и трупоположениями, обставленными сосудами и снабжёнными типичными для данной культуры мелкими украшениями и предметами домашнего обихода. Керамика, как

сопровождающая захоронения, так и с поселений, серого и чёрного цвета, великолепного качества, разнообразных форм, нередко украшенная орнаментом, в огромном своём большинстве сделана на круге. Довольно многочисленна, особенно на поселениях, импортная посуда, в частности амфоры, в которых с юга, из северочерноморских городов, доставлялись растительное масло и вино. Встречается и стеклянная посуда, а ещё чаще — стеклянные бусы, бронзовые, а иногда и серебряные фибулы, пряжки, подвески, костяные гребни и т. д. Совершенно отсутствует оружие.

Стеклянный кубок римской работы с греческой надписью.
Конец IV — начало V в. н. э.
Могильник у села Малоешты (Западная Молдавия).
(Из раскопок г. Б. Федорова в 1955 г.).

Создателями черняховской культуры были земледельческие племена, которые достигли несколько более высокого уровня развития, чем их северные соседи. Ремесленное производство характеризуется появлением гончарного круга, употребление которого было заимствовано этими племенами из областей римского мира.

Общественный строй носителей черняховской культуры отмечен возникающим имущественным неравенством членов племени. Инвентарь погребений и состав кладов показывают, что в руках отдельных лиц скапливались сокровища, включавшие ценные предметы и римские серебряные монеты. Примечательно, что, собирая римское серебро, это население не сохраняло медной монеты. Известны клады, содержащие сотни императорских серебряных монет, общий вес которых достигает 4 — 20 *кг.*

Носители черняховской культуры находились в тесном общении с Северным Причерноморьем и дунайскими провинциями, свидетельством чего являются, помимо монет, многочисленные находки амфор и инкрустированных металлических украшений из причерноморских центров, краснолаковая керамическая посуда, стеклянные изделия и т. д. Этот приток монет и вещей так называемой «провинциальной римской культуры» несколько сократился с середины III в. н. э. в связи с начавшимся передвижением европейских племён и натиском их на границы Римской империи.

Этнический состав носителей черняховской культуры при современном состоянии науки трудно определить более точно. Очевидно, носителями её в разных местностях были различные этнические элементы, жившие по соседству друг с другом. Например, в Поднестровье это были фракийские племена и та часть готов, которая там осела. В Среднем Поднепровье в создании тамошнего варианта черняховской культуры участвовала часть, по-видимому, славянского населения, смешавшегося здесь с давним сарматским населением.

4. Племена Северо-Восточной Европы

Прибалтийские племена

Значительные изменения происходят в это время в жизни племён Прибалтики — предков современных литовцев, латышей и эстонцев. Эти племена знали употребление бронзы и железа до начала нашей эры. Но металлы ещё не играли большой роли в их быту. Хотя при раскопках находят отдельные орудия из бронзы и железа и формочки для литья бронзы, подавляющее большинство орудий всё ещё изготовлялось из камня, кости и дерева. Примитивные металлические вещи поступали в основном от племён Юго-Запада и Среднего Поднепровья. Это были бронзовые и железные топоры, бронзовые наконечники копий, железные серповидные ножи. Земледелие было ещё развито слабо. Главным источником существования являлось скотоводство, уже оттеснившее на второй план охоту, рыболовство и бортничество. Нуждаясь прежде всего в хороших пастбищах для скота, население Прибалтики в конце I тысячелетия дон. э. осваивало лишь долины рек. Здесь археологи находят курганы, сложенные из камня и земли над расположенными в несколько ярусов погребальными урнами или стоящими на земле каменными ящиками. В этих курганах хоронили членов одного рода. Целые родовые общины жили в поселениях, окружённых земляными валами и оградами из брёвен. Жилища с плетёными из ветвей и обмазанными глиной круглыми стенами и коническими, державшимися на столбах крышами помещались внутри пространства, окружённого валом, который должен был служить защитой при столкновениях между родами и племенами, возникавших из-за обладания скотом и пастбищами.

В первые века нашей эры картина совершенно меняется. Особенно быстро идёт развитие племён Южной Латвии и Литвы, втянутых в торговлю с Римской империей и славянами, жившими по берегам Днепра и Вислы. По их территории пролегал путь римских купцов, скупавших прибалтийский янтарь, который пользовался большим спросом в Италии и провинциях. Даугава связывала Прибалтику со славянами Поднепровья. В её бассейне находят римские металлические и ювелирные изделия, римские монеты, украшенные эмалью вещи из Среднего Поднепровья. Вместе с тем возрастает импорт железа и одновременно обработка местного железа— болотных руд. Железные изделия вытесняют костяные и каменные. Появляются специалисты-кузнецы. В могиле одного кузнеца найдены его инструменты — клещи, молоток, зубило. Для обработки дерева использовался уже железный скобель.

Усовершенствование орудий производства позволило развить земледелие, которое становится ведущей отраслью хозяйства. В погребениях первых веков нашей эры появляются серпы, мотыги, ножи, а затем и косы. К началу нашей эры была введена в употребление деревянная соха. Земледелие становится пашенным, очевидно, начинает применяться тягловая сила скота. Под пашни расчищаются леса. Осваиваются культуры ржи, овса, ячменя, льна, репы, гороха. Укреплённые родовые поселения сменяются поселениями больших, а затем и малых семей, которым развитие земледелия дало возможность расселяться по более обширным территориям.

Так происходит разложение рода, и вследствие развития обмена отдельные семьи, в частности родовых старейшин, накопляют известные богатства. Племена, жившие к югу от Даугавы, создают особую материальную культуру, которая охватывала территорию современных Латвии, Литвы и Калининградской области. В это время формируются те летто-литовские племена, которые были предками латышского и литовского народов.

К северу от Даугавы складываются эстонско-ливские племена, несколько отстававшие в своём развитии от южных племён. Правда, и здесь в начале нашей эры увеличивается количество привозных и местных изделий из бронзы и железа, но техника обработки последних стоит значительно ниже. Земледелие стало и здесь преобладающим, но господствовала не пашенная, а подсечная система. В качестве основного земледельческого орудия помимо мотыги применялась лишь лёгкая

деревянная соха, которую люди волокли сами. Подсечное земледелие, требовавшее значительных усилий большого числа людей, тормозило разложение рода. Кое-где из рода выделяются большие патриархальные семьи, но выделение малых

Курганный могильник латгалов II—V вв. н. э. Акнистский район Латвийской ССР.
Вид после раскопок.

семей ещё не началось. Долго сохраняются общие могильники и укреплённые поселения, которые с развитием производительных сил и ростом населения распространяются на всё большую территорию.

Финно-угорские племена

В первой половине I тысячелетия н. э. известное развитие переживают и финно-угорские племена, жившие в бассейнах Оки и Камы. У античных авторов финно-угорские племена упоминаются под именем фенов (Тацит) или финнов (Птолемей), а возможно, и эстиев (Тацит), хотя наименование «эстии» могло в это время относиться и к прибалтийским племенам. Первое упоминание отдельных финно-угорских племён Восточной Европы встречается у готского историка Иордана, который приписывает «царю готов» Германариху победы над мордвой («морденс»), мерей («меренс») и другими племенами.

Археологические данные позволяют проследить судьбу финно-угорских племён и на более ранних этапах их развития. Так, они показывают, что в первой половине I тысячелетия н. э. у финно-угорских племён железо окончательно вытеснило бронзу, из которой изготовлялись теперь только ювелирные изделия — пряжки, нагрудные бляхи, фибулы, браслеты, подвески, ожерелья, характерные женские головные уборы с венчиками и подвесками в виде колокольчиков, оканчивающиеся спиралью серьги. Оружие, из которого наиболее употребительны были копья, дротики, топоры и сходные с римскими мечи, изготовлялось из железа или снабжа-

лось железными частями: наконечниками и т. д. Вместе с тем многие предметы, в частности стрелы, по-прежнему выделывались из кости. Как и раньше, большую роль играла охота на пушных зверей, мех которых шёл на вывоз.

К концу первой половины I тысячелетия усиливаются торговые связи прикамских племён с Ираном и Восточной Римской империей. В Прикамье, особенно в районе Соликамска и Кунгура, часто встречаются украшенные высокохудожественными изображениями серебряные позднеантичные и сасанидские блюда, поступавшие сюда в обмен на меха и, по-видимому, находившие применение для нужд культа. В бассейне Оки продолжает возрастать роль коневодства. В могилах мужчин, а иногда я женщин, находят конскую сбрую, откуда можно заключить, что лошади теперь уже служили и для верховой езды. Вместе с тем сохранившиеся в могилах остатки шерстяных тканей говорят о развитии овцеводства, а остатки льняных материй, находки серпов и мотыг — о том, что финно-угорским племенам было знакомо и земледелие.

Имущественное неравенство было уже довольно значительным. Наряду с бедными могилами, где найдены только ножи или вовсе не обнаружено никаких вещей, встречаются богатые погребения с большим количеством украшений, оружия и т. п. Особенно много ювелирных изделий встречается в женских могилах. Однако имущественное неравенство, по-видимому, ещё не привело к разложению родового строя, так как в руках отдельных лиц скапливались лишь предметы личного обихода. О длительном сохранении прежних форм жизни свидетельствует сходство финно-угорских городищ первых веков нашей эры с более ранними. Так, пьяноборская культура на Каме, сменившая ананьинскую, отличается от неё лишь стилем бронзовых изделий и преобладанием железа.

Значительный интерес представляют памятники культа и произведения искусства. Для последнего характерны бронзовые рельефные подвески, изображающие оленей, орлов с человеческим лицом на груди, ящеров, семиголовых лосей, людей, а также маленькие бронзовые и свинцовые идолы в виде птиц, зверей и людей. Около 2 тыс. таких фигурок найдено в 20 *км* от города Молотова, вниз по Каме, где, по-видимому, существовало святилище бога, которому их приносили в жертву. Там же обнаружено огромное количество костей различных жертвенных животных, около 2 тыс. костяных и железных наконечников стрел и около 15 тыс. стеклянных золочёных бус. Другой памятник культа — пещера на реке Чусовой, где найдено несколько тысяч костяных и железных наконечников стрел. Археологи считают, что в этом месте в связи с какими-то религиозными обрядами происходили состязания лучников.

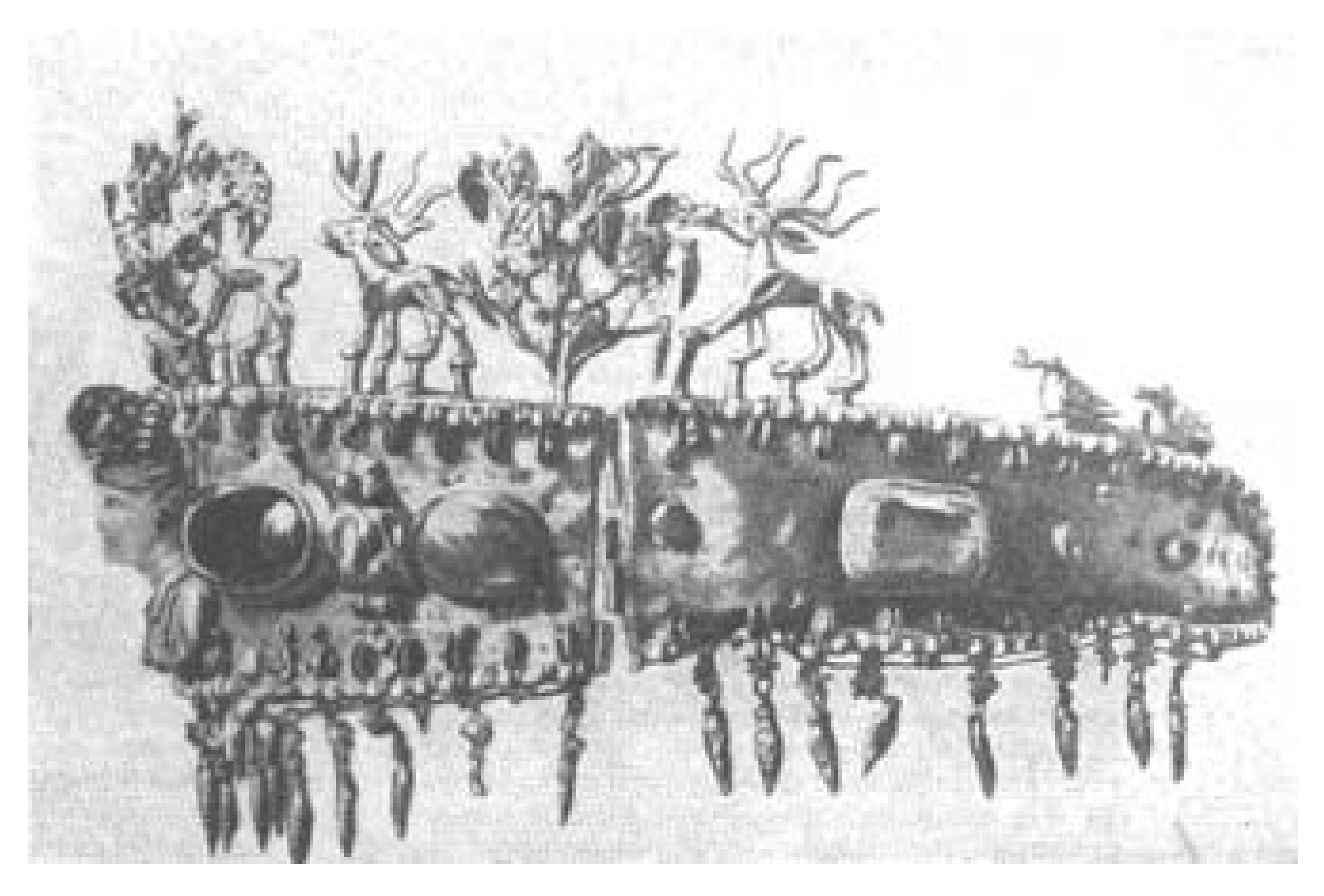
5. Сарматы. Племена Северного Кавказа

Сарматы

В южнорусских степях, на Дону, в Нижнем Поволжье и на Кубани главную роль в I—II вв. играли кочевые племена сарматов. Распространившись на этой территории, они оттеснили скифов, которые сохранили своё господствующее положение только в Крыму. От Меотиды (Азовского моря) до Поднепровья жили роксоланы, которые, по мнению некоторых исследователей, представляли союз кочевых сарматов и земледельческих племён Поднепровья — росов, или рокосов. Археологи высказывали также предположение, что известные особенности культуры полей погребений на левом берегу Днепра объясняются проникновением туда сарматов. В середине I в. сарматское племя язигов и часть роксоланов дошли до Дуная; часть сарматских племён вышла в непосредственное соседство с Северным Причерноморьем.

Степень развития отдельных сарматских племён была различной. Те из них, которые соприкасались с городами Причерноморья и находились с ними в торговых сношениях, развивались быстрее и оказывали, в свою очередь, большое влияние на эти города. Часть сарматской знати селилась в них, смешиваясь с местной знатью. Сарматские же племена поволжских степей в первые два века нашей

эры стояли на значительно более низкой ступени развития. У них ещё были сильны пережитки матриархата, торговые связи с рабовладельческими обществами почти отсутствовали. Это были прекрасные воины, создавшие тяжёлую конницу и сражавшиеся длинными мечами и копьями в противоположность лучникам-скифам. Некоторые исследователи считают, что у этих сарматских племён уже были рабы, но если это и так, то рабство могло иметь у них только примитивный характер и развилось лишь на юге, где соприкосновение с городами Причерноморья способствовало ускорению их социальной дифференциации. Раскопки, производив-



Золотая диадема из курганного погребения сарматской царицы («Новочеркасский клад»).
Местная работа II в. н. э. В диадему вставлена резная головка из халцедона греческой работы III в. до н. э.

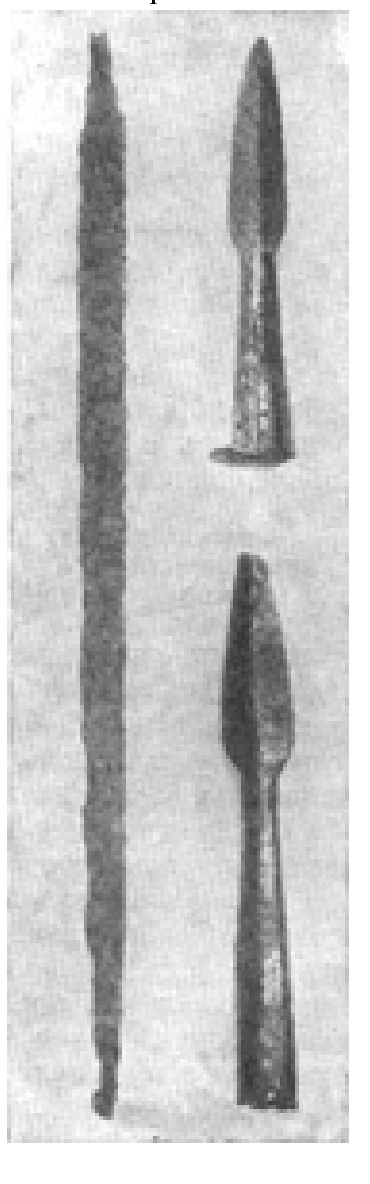
шиеся в Поволжье, показывают, что в первые два века нашей эры имущественное неравенство и, следовательно, общественное расслоение были здесь мало заметны.

Племена Северного Кавказа. Хозяйство и общественный строй

Область расселения сарматов наряду со степями Восточной Европы захватывала и степи Северного Кавказа. Рядом с ними по берегам Меотиды (Азовского моря) и по Гипанису (Кубани) жили меоты, а в горных областях вдоль Центрального хребта — племена кавказского происхождения, примыкавшие по своей этнической принадлежности к населению Закавказья — албанам, иберам, сванам. У сарматских племён в степях господствовало кочевое скотоводство, однако часть населения перешла к оседлой жизни; у кавказских горцев основной формой хозяйства было яйлажное скотоводство; местами оно дополнялось примитивным земледелием и охотой.

О развитии оседлого образа жизни, как у сарматских, так и у других племён Северного Кавказа можно судить по данным античных авторов. В 40-х годах I в. н. э. боспорский царь Митридат VII после неудачной попытки освободиться

из-под власти римлян бежал в степи Северного Кавказа. Странствуя среди сарматских племён, он попытался создать коалицию против своего брата Котиса, захватившего боспорский престол, и против поддерживавших его римлян. Рассказ о произошедшей в связи с этим войне, сохранившийся у Тацита, даёт интересные сведения о положении Северного Кавказа в середине I в. н. э. В долине Гипаниса наряду с кочевым существовало частично и оседлое население. У меотийского племени дандаридов и сарматского племени сираков имелись укреплённые города (Соза, Успа). Правда, стены их строились не из камня, а из плетней с насыпанной между ними землёй, а сами эти города представляли, по всей вероятности, укреплённые убежища, куда население собиралось в случае военной тревоги. Возможно также, что часть населения кочевала летом в степях, а зимой собиралась в города. Тем не менее, само по себе наличие городов указывает на то, что у племён Северного Кавказа начался переход к оседлой жизни, хотя кочевое хозяйство ещё продолжало играть основную роль.



Сарматское оружие первых веков нашей эры; меч и наконечники копий. Из курганов бассейна Кубани.

Являлись ли упоминаемые Тацитом дандариды, сираки, аорсы племенами в точном значении этого слова или союзами кочевых племён, сказать трудно. Во всяком случае государство у них, по-видимому, ещё не сложилось; во главе отдельных племенных образований стояли военные предводители, которых римляне трактовали как варварских царей.

Процесс разложения первобытно-общинного строя зашёл у населения долины Кубани достаточно далеко. Когда римляне осадили один город, население его предлагало им выдать, если они пощадят город, 10 тыс. рабов; цифра эта, по всей вероятности, сильно преувеличена (вряд ли всё население города достигало такой величины), но сам по себе факт свидетельствует о значительном развитии социального неравенства. Наряду с настоящими рабами представители знати могли в данном случае выдать и своих свободных, но более бедных и эксплуатируемых сородичей.

Напор племён Северного Кавказа на Закавказье и Переднюю Азию

Возникновение имущественного неравенства и рабовладения, выделение племенной знати, неразрывно связанное с этими процессами стремление к захвату рабов и грабежу приводили к тому, что племена Северного Кавказа начинают оказывать всё более сильный нажим на Закавказье. Кочевники Северного Кавказа прорываются через горные проходы Центрального хребта и через так называемые Каспийские ворота, около современного Дербента (Каспийскими воротами назывались и некоторые другие горные проходы на Кавказе и в Иране), подвергают грабежу закавказские области и поступают наёмниками к местным царям. В 35 г., во время борьбы за Армению, в которой помимо римлян и парфян приняли участие иберы, сарматы собирались помогать обеим сторонам. Однако иберы быстро пропустили союзных им сарматов Каспийской дорогой (скорее всего, современная Военно-Грузинская дорога) и направили их против армян, тогда как те сарматы, которые были союзниками парфян, не смогли прийти им на помощь: все остальные проходы были заперты иберами и союзными с ними албанами.

В середине I в. н. э. в античной литературе (Сенека, Лукан) появляется имя аланов, генетически, возможно, связанных с более древними аорсами. Особого могущества достигают аланы в III—IV вв., но уже на протяжении первых двух столетий нашей эры аланы совершали неоднократные набеги на Закавказье и прилегающие страны. Основной территорией расселения аланов были степи Северного Кавказа к северу от Дарьяла (от персидского «дар-и-алан», «ворота аланов»), где и ныне живут их потомки осетины.

6. Племена Северного Казахстана и Сибири

На территории Северного Казахстана и Сибири в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры происходят значительные изменения. Более широкое распространение получает железо, которое в ряде областей окончательно вытесняет бронзу. У наиболее развитых племён разложение первобытно-общинного строя идёт быстрым темпом. Восточноазиатские монголоиды продвигаются в Западную Сибирь и Казахстан, частично вытесняя древнее европеоидное население, частично смешиваясь с ним, и образуют здесь компактные группы. Этнографическая карта Сибири начинает приближаться к современной.

Племена Алтая и Минусинской котловины

Наиболее развитыми областями Сибири в этот период продолжают оставаться Алтай и Минусинская котловина. На смену тагарскому периоду в истории Южной Сибири окончательно приходит гунно-сарматский, который характеризуется выдвижением новых племён (гуннов на востоке, сарматов на западе) и дальнейшим углублением социальных противоречий в среде кочевников Казахстана и Южной Сибири. Весьма заметным в археологических памятниках Алтая становится гуннское влияние. Алтайские курганы этого времени во многом напоминают гуннские погребения в Ноин-Уле и других местах.

Среди курганов этого времени можно выделить три основных типа: бедные курганы рядовых свободных, более богатые, расположенные цепочками, и, наконец, огромные курганы, сложенные из камней, принадлежавшие, вероятно, наиболее знатным лицам (Шибе, Катанда и др.). Хотя эти курганы в подавляющем большинстве разграблены, всё же и то, что осталось, свидетельствует о том, что многие из них были богаче первого Пазырыкского кургана. На это указывает большое количество лошадей (в Шибе —14, в других курганах — до 16), а также огромные массы золота: в иных курганах, оставшихся неразграбленными в древности, но хищнически раскопанных в начале XVIII в., находили свыше пуда золота в каждом. В Катанде были найдены любопытные собольи одежды. Одна из них—мужская, имела вид шубы, верх которой был покрыт чешуевидным узором из кусочков горностаевого меха, выкрашенных в красный и зелёный цвета, и украшен множеством (более 5 тыс.) деревянных и кожаных бляшек, обтянутых листовым золотом. Другая одежда с длинной спинкой, несколько напоминающая фрак, была покрыта шёлком оливкового цвета и украшена по бортам и вдоль швов золотыми бляшками и полосками; эта одежда была, видимо, женской. Сохранность этих предметов объясняется тем, что содержимое Катанды, как и остальных курганов Алтая, было промёрзшим.

В курганах этого времени были погребены лица, занимавшие высокое общественное положение. Почти во всех погребениях вместе с умершим положены не только убитые лошади, но и убитые люди. В Шибе в большой колоде лежали искусственно мумифицированные трупы старика и ребёнка лет семи, в Караколе — мужчина и женщина, в Катанде — тоже, по-видимому, мужчина и женщина. Очевидно, считалось, что жена или наложница должны сопровождать знатного человека в загробный мир.

Накопление богатств в руках знати вело к расширению обмена. Если раньше, в те времена, когда был насыпан первый Пазырыкский курган, внешние связи алтайских племен были ориентированы на Запад, то теперь наиболее сильным становится китайское влияние, проникающее через гуннов. Во многих курганах встречаются китайские изделия, в частности шелк и вещи из китайского лака. Сохраняются связи и с Западом. В богатых погребениях этого времени часто встречаются мелкие штампованные золотые бляшки так называемого сарматского типа. Иногда они совершенно тождественны на всем протяжении огромных степных пространств от Алтая до Волги, что указывает на оживлённый межплеменной обмен и даже на известное единство в материальной культуре кочевого населения европейско-азиатских степей

Резная деревянная бляха (фалар) с изображением двух фигур фантастических животных из Большого кургана у с. Катанда (Алтай).
II в до н. э. — I в н. э.

Резные деревянные изображения лошадей и головы хищника из Большого кургана у с. Катанда (Алтай).
II в до н. э. — I в. н. э.

Быт и хозяйство оседлого населения остались в основном прежними, но и здесь железо вытесняет бронзу Очевидно, в связи с возрастанием военной активности кочевников вокруг оседлых поселений воздвигаются укрепления, часто эти поселения расположены на высоких мысах и защищены с трех сторон обрывистыми склонами, а с четвертой — валом и рвом. В могилах оседлых жителей появляются конские захоронения, чего раньше не бывало, Очевидно, оседлые жители в борьбе с конницей кочевников были вынуждены сами вступать в бой на конях.

История других областей Казахстана и Западной Сибири не может быть охарактеризована сколько нибудь подробно. Археологические памятники, исследованные

в степях к западу от Алтая, относятся в основном к рубежу нашей эры. В Барабинской степи, а также на правом берегу Иртыша, в районе Омска сохранились курганы, инвентарь которых в некоторых отношениях сходен с алтайским, но вместе с тем имеет и существенные отличия; в частности, в них нет конских захоронений. Тем не менее можно предполагать, что по социально-экономическому строю местные племена приближались к алтайским, хотя и были несколько примитивнее. И здесь имущественное неравенство пустило корни: встречаются очень большие курганы с изделиями из золота и серебра. Для искусства и здесь характерен звериный стиль.

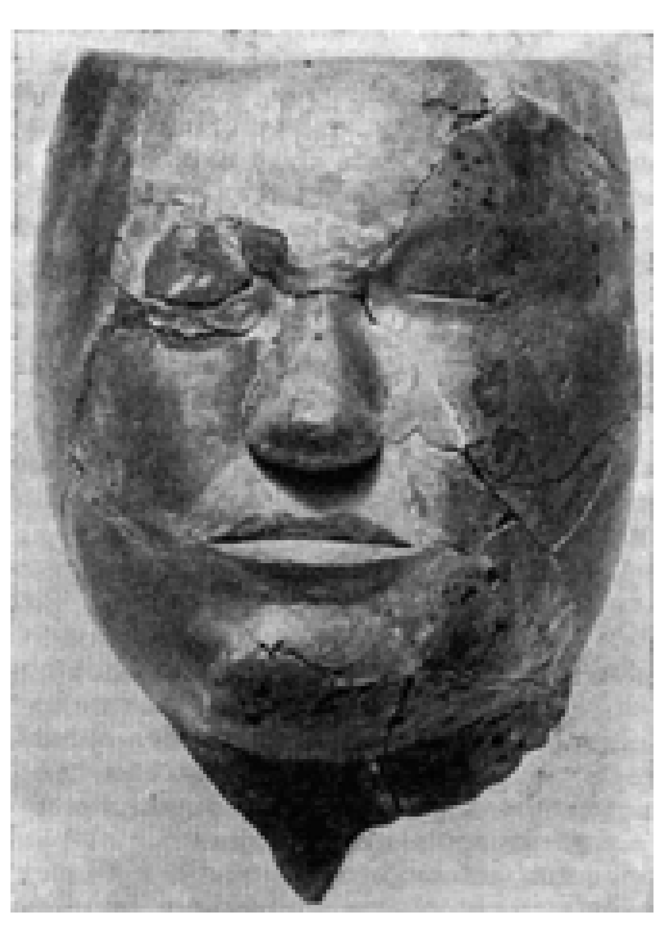
Изображение на золотой пластинке из так называемой «Сибирской коллекции Петра I». Найдена в начале XVIII в. Конец I тысячелетия до н. э.

Как и на Алтае, по берегам Иртыша и Оби сохранились городища оседлого населения. Это последнее жило в полуземлянках и занималось скотоводством, земледелием и охотой. Во II в. до н. э. в могильниках появляются бронзовые и золотые украшения. Далее на запад, на территории Северного Казахстана, Южного Урала и Западной Сибири между Тоболом и Уралом, могильные памятники приближаются к сарматским могильникам Поволжья и Приуралья.

Сведения о племенах Алтая и Северного Казахстана для этого периода черпаются почти исключительно из китайской литературы. В степях между Или и Иртышом, по китайским данным, жили северные чеши. Далее на северо-восток от Алтая до енисейских степей локализовались динлины — древние европеоиды Западной Сибири. В последние столетия до нашей эры они стали смешиваться с наступавшими с востока монголоидами, и именно это смешанное население создало Шибе, Катанду и другие грандиозные курганы рубежа нашей эры.

История Минусинской котловины в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры имеет много общего с историей Алтая. Здесь также к концу I тысячелетия до н. э. железо вытесняет бронзу. Ко II—началу I вв. до н. э. относятся позднетагарские курганы, расположенные в одиночку на больших расстояниях друг от друга, иногда громадных размеров и с каменными оградами из высоких плит. Они содержат обширные бревенчатые камеры, прикрытые толстым слоем коры и бересты, и большое количество погребённых (свыше 100). Часто встречается трупосожжение. Для инвентаря характерны железные изделия, гипсовые погребальные маски, глиняные сосуды на полых ножках, напоминающие этим сосуды из плиточных могил Забайкалья I тысячелетия до н. э. Встречается золото. Могильники этого типа к рубежу нашей эры распространяются к северу и северо-западу:
их можно встретить в окрестностях Красноярска, Ачинска и Мариинска. Курганы эти, вероятнее всего, представляют собой захоронения целых больших семей.

Во II—I вв. до н. э. тагарскую культуру на Енисее постепенно сменяет таштыкская (от реки Таштык близ Минусинска), которая продолжает существовать до IV в. н. э., соответствуя гунно-сарматскому периоду в истории степей Европы и Азии. Таштыкцы, как и тагарцы, занимались мотыжным земледелием и оседлым скотоводством. В могилах в изобилии встречаются зёрна проса. Оружие и орудия труда — целиком железные. Таштыкские могилы содержат мумифицированные трупы, гипсовые маски, иногда очень точно передающие облик умершего, остатки деревянных луков, деревянную и глиняную посуду и т. д. На связи с Китаем указывают куклы в одеждах из шёлка, берестяные сосуды, обтянутые китайским шёлком ханьского времени. Наряду с могилами таштыкского типа продолжали существовать каменные курганы с трупосожжением, бревенчатыми камерами, коллективными захоронениями (до 60 человек) и памятниками звериного стиля. Строителями этих курганов были скотоводы-полукочевники, разводившие лошадей, овец, коров и жившие бок о бок с населением, оставившим таштыкские могилы.



Погребальная маска мужчины
из Таштыкских курганов близ Минусинска.
III в. до н. э. — II в. н. э.

Как и на Алтае, европеоиды на Енисее начинают вытесняться монголоидами и постепенно смешиваются с ними. На смену европеоидным динлинам появляются монголоидные кыргызы, которых китайцы называли хягас, или хакаса, откуда идёт и современное наименование хакасов, до сих пор обитающих в окрестностях Минусинска. Впервые хакасы упоминаются около 100 г. до н. э. Сыма Цянем, который их локализует на Енисее рядом с динлинами. В дальнейшем хакасы частично оттесняют динлинов на север и северо-запад, частично смешиваются с ними, на что указывают прежде всего погребальные маски, дающие европеоидный, монголоидный и смешанный антропологические типы, а также преемственность погребальных обрядов.

Хакасы, подчинившие себе динлинов, образовали по верхнему течению Енисея, включая и Туву, племенной союз. Быстрыми темпами идёт разложение первобытно-общинного строя, подготовляется возникновение государства хакасов, которое окончательно складывается в VI в.

В Забайкалье в III—II вв. культура плиточных могил переходит постепенно в гуннскую, которая продолжает существовать здесь и в первые века нашей эры и которая охарактеризована выше в связи с историей Центральной Азии.

Племена Дальнего Востока

Побережье Японского моря к северу от Кореи продолжали населять «люди раковинных куч». Около начала нашей эры они стали называться *илоу* (от маньчжурского *еру* — нора, пещера, откуда «илоу» — «жители пещер», или «обитатели землянок»). Основу их хозяйств составляли земледелие и скотоводство, хотя большую роль продолжали

играть охота и рыбная ловля. Они сеяли пять видов хлебных злаков, разводили коров, лошадей и особенно свиней. Илоу добывали в своей стране яшму и охотились на соболей; в Китае были даже специально известны «илоуские соболя». Илоу жили в горах и лесах в землянках, в которые спускались по лестнице, летом ходили почти голые, зимой же одевались в шкуры животных и покрывали тело свиным жиром для защиты от ветра и мороза (аналогичный обычай известен у эвенков). Основное оружие составляли лук и стрелы с каменными наконечниками, которые смазывались ядом. По-видимому, этим илоу, упоминаемым в китайских источниках, принадлежат остатки древних поселений на Амуре.

Потомками древних жителей долины Амура были племена мохэ, которые известны из более поздних китайских источников. Мохэ состояли из семи племён. Они знали земледелие и скотоводство, сеяли рис, просо и пшеницу, разводили лошадей и свиней, добывали соль, гнали водку из риса, были знакомы с металлом. Мохэ вели деятельную торговлю с корейцами и китайцами, продавали им речной жемчуг, женьшень, соболей и кречетов, покупали у них металлические вещи, посуду, материи. Со временем в стране мохэ появляются и китайские колонисты. В V в. Китай начинают посещать посольства мохэ, вслед за тем часть их подчиняется Китаю. Племенная знать поддерживала господство Китая. Правители отдельных племён вводят подати и устанавливают податные округа. Жители побуждались к выполнению повинностей символической посылкой стрелы с тремя зарубками — факт, показывающий, что письменности у мохэ ещё не было. Но и в среде мохэ постепенно складываются предпосылки для образования государства. В бассейне Уссури и по нижнему течению Амура жили более отсталые племена мохэ.

Далее начинались области, уже неизвестные китайцам. Сахалин, Курильские острова и северную часть Японских (особенно остров Иедзо-Хоккайдо) заселяли айны, которые и до сих пор составляют часть населения этих местностей. Айны являются наиболее яркими представителями курильской малой расы, представлявшей собой смешение местного монголоидного населения с австралоидами, проникшими с островов, расположенных на юго-востоке Азии.

В первые века нашей эры айны находились на стадии развитого неолита. Они пользовались каменными полированными топорами, мотыгами из сланца, грубыми глиняными горшками, сделанными от руки. Главными занятиями были охота и рыболовство, но им было известно и разведение проса. Из домашних животных айны знали только собаку. Летом они жили в круглых хижинах, зимой — в землянках. Жилища располагались скученно и укреплялись особыми валами, которые свидетельствуют о том, что уже имели место военные столкновения. Рядом с айнами и вперемежку с ними обитали нивхи (гиляки); они имели сходную с ними культуру, но отличались по антропологическому типу (более монголоидному) и языку.

Население Камчатки жило в это время ещё в условиях неолитического быта. Судя по поздним данным, юг Камчатки населяли ительмены («камчадалы»), север — нымыланы (коряки). Орудия делались ими из камня, в том числе из обсидиана, шлифовались и ретушировались. Из камня делались также грузила для сетей и лампы-жирники, которыми освещались полуподземные помещения. Множество мелких вещей (наконечники стрел и гарпунов, части собачьей упряжи и т. д.) делалось из кости. Посуда изготовлялась из глины и дерева. Пищу варили в деревянных сосудах, опуская в них раскалённые камни. В материальной культуре есть кое-что общее с культурой айнов. Металлические (медные и железные) предметы попадали сюда главным образом через айнов. Владелец куска железа помещал его перед своим жилищем, как зримое свидетельство богатства. Население жило первобытно-общинным строем, обмен с соседями был случайным.

На севере Камчатки древние поселения окружались круглыми валами в виде сплошного кольца, причём землянки также имели круглую форму, как у позднейших нымыланов. Население находилось на уровне позднего неолита. Большое значение

приобрела, здесь обработка кости, из которой делались наконечники стрел, крючки, ножи, ложки, лопаты, мотыги, полозья и другие части саней. Керамика имеет черты сходства с керамикой Прибайкалья и долины Амура. Люди жили оседло, занимались охотой и рыболовством, спорадически промышляли морского зверя.

Поздненеолитические памятники представляют собой переход от неолита к так называемой пунукской стадии. Культура этой стадии имеет много общего с культурой племён Камчатки и Сахалина (подземные жилища, связанные с ними лампы-жирники, грубая керамика, езда на собаках), но к этому времени повышается общее материальное благосостояние населения: расширяется охота на китов, увеличиваются размеры жилищ. Позднее появляются отдельные железные предметы и укреплённые поселения. У современных чукчей сохранились ещё легенды, связанные с этими памятниками, которые они считают принадлежащими своим предкам.

К западу от Чукотки и устья Колымы существовала культура, родственная описанной выше.

К I тысячелетию относятся остатки оседлого поселения зверобоев на полуострове Ямал, пользовавшихся орудиями из камня и кости, но уже знакомых и с металлами.

Около г. Салехарда обнаружены стоянки более отсталых племён охотников и собирателей, живших, однако, оседло и знавших гончарное ремесло.

Выше по Оби, близ Сургута, открыты могильники, свидетельствующие о знании населением этих мест металлов и зачатках у него имущественного неравенства. Предметы искусства указывают на связи с культурой степных кочевников («скифские» вещи).

Возникновение мировой Римской империи внесло значительные перемены в положение рабовладельческих стран Средиземноморья. Если на протяжении нескольких веков между эллинистическими государствами шла ожесточённая, кровопролитная а, в конечном счёте, безрезультатная борьба за преобладание друг над другом, то теперь установилось безраздельное господство рабовладельческого Рима — воцарился «римский мир» (Pax romana).

«Римский мир» отнюдь не был миром между угнетателем и угнетённым, между господином и рабом, между богачом и бедняком. Он не был и миром между Римом и покорёнными им народами. Это был мир лишь между римскими завоевателями и правящими верхами включённых в состав империи стран. Рим не мог удержать своих завоеваний без опоры на имущие классы покорённых государств, также как эти классы, особенно в старых рабовладельческих обществах, раздиравшихся острейшими социальными противоречиями, не могли сохранить своё господствующее положение без военной силы могущественной империи. Так возник союз рабовладельцев Средиземноморья, объединившихся для совместной эксплуатации и угнетения народов, для грабительских войн за пределами империи, для подавления всяких форм протеста в пределах самой империи.

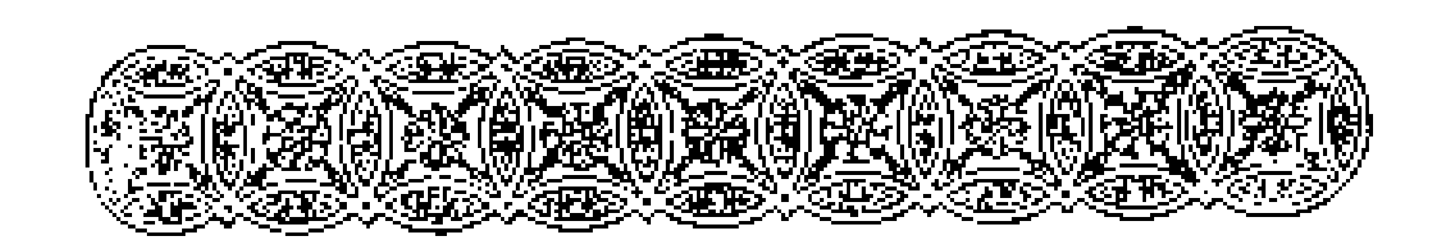
Соотношение сил внутри этого союза не оставалось неизменным на протяжении пяти веков существования Римской империи. Если вначале преобладают италийские рабовладельцы, то затем, по мере возрастания экономического веса провинций и упадка рабовладельческого хозяйства Италии, в управлении империей все большую роль начинает играть провинциальная знать. Крайне неустойчивое и постоянно нарушавшееся равновесие сил устанавливалось в кровавой, ожесточённой борьбе, взаимном истреблении отдельных группировок господствующего класса. Расплачивались же за всё народные массы, чьё недовольство нередко использовали боровшиеся между собой клики рабовладельцев. В эту борьбу втягивалась и племенная знать западных провинций (Галлии, Испании, Британии, Африки), часть которой длительное время была

враждебна, по отношению к римскому владычеству и нередко оказывалась во главе антиримских народных движений

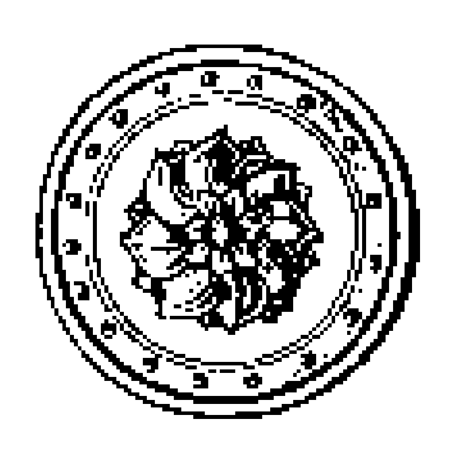
Установление мирового господства Рима сопровождалось распространением рабовладельческих отношений в небывалых до того масштабах. В западных провинциях, где римляне застали начальную стадию формирования классового общества, римское завоевание ускорило процесс разложения общины, а в ряде областей привело к ее исчезновению, к экспроприации крестьян, широкому распространению рабовладельческих хозяйств и тесно связанных с ними городов. В восточных провинциях — бывших эллинистических государствах — картина была несколько иной. Римское господство не внесло существенных изменений в их социально-экономический строй, лишь укрепив и расширив элементы частной собственности на землю, а вместе с тем расширив и сферу применения рабского труда

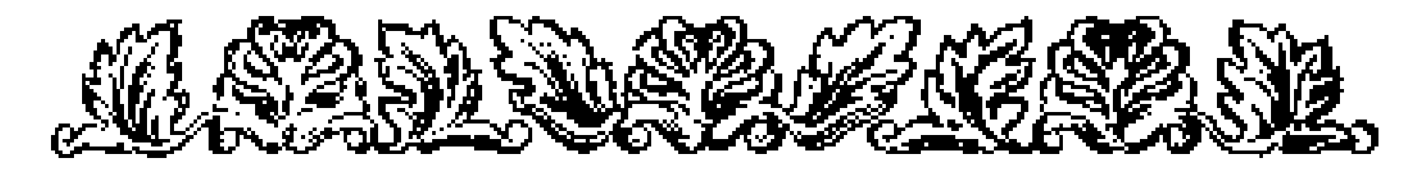
Но в то самое время, когда Римская империя достигла апогея своего могущества и расцвета, выступили наружу первые признаки упадка, исподволь назревавшего в ее недрах. Незаинтересованность рабов в труде ставила очень узкие пределы развитию производительных сил. Все большие массы свободных вытеснялись из производства, обращались в люмпен-пролетариат, полностью или частично содержавшийся за счёт труда рабов. Эксплуатация рабов становилась более интенсивной, противоречия между рабами и рабовладельцами углублялись, система массового применения труда рабов, особенно в крупных хозяйствах— латифундиях, становилась все более невыгодной и опасной. Поэтому началось дробление крупных владений на мелкие участки и передача их в аренду либо свободным, либо рабам. Так возникают и развиваются в Римской империи колонатные отношения — важнейший симптом кризиса рабовладельческого способа производства.

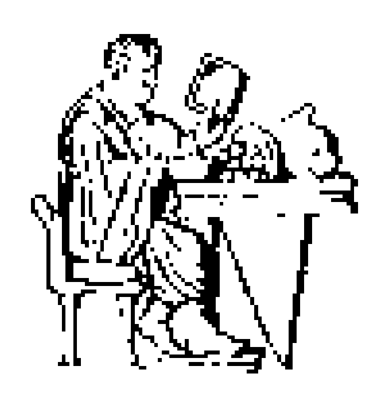
В это же самое время растет и новая грозная для Рима сила — союзы свободных племен, складывающиеся на периферии рабовладельческой империи. Все больше и больше усиливается их напор на границы Римской державы. Под давлением этих сил Рим вынужден перейти к обороне. Начинается последний этап римского господства над средиземноморским миром.



ЧАСТЬ
V
ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КРУШЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ







ГЛАВА XXIV
КРИЗИС РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Социально-экономический строй Римской империи в III в.

Тяжёлые войны и поражения, которые терпела империя со второй половины II в., совпали с глубоким кризисом рабовладельческого общества и были в значительной степени им обусловлены

Нарастание кризиса рабовладельческого строя

Этот кризис выражался прежде всего в том, что начался процесс разложения основных классов — рабов и рабовладельцев. Множество рабов было отпущено на свободу, другие рабы получали пекулий или превращались в колонов.

С другой стороны, большое число средних и мелких землевладельцев и рабовладельцев, составлявших значительную часть населения городов, разорялось. Их имения забирал за долги императорский фиск или богатый сосед-кредитор, обращавший бывшего владельца в колона. Причём такой колон уже не пользовался защитой закона, так как считалось, что новый собственник, позволяя колону возделывать его прежний участок, оказывает ему благодеяние, в которое закон вмешиваться не может. Нередко декурионы, чтобы избавиться от обременительных повинностей в пользу городов, продавали по дешёвке большую часть своих земель, отпускали рабов и превращались в мелких землевладельцев, сами обрабатывая оставшийся маленький участок, другие добровольно передавали свое имение какому-нибудь крупному землевладельцу, переходя на положение колонов. По-видимому, особенно часто они становились колонами императорских земель, так как в III в. эти колоны получили освобождение от муниципальных повинностей

Всё это приводило к тому, что город, как коллектив свободных землевладельцев и рабовладельцев, уже переставал быть основной опорой империи, ее первичной ячейкой Равным образом и фамилия переставала быть основой экономической и социальной жизни, по мере того как движимые страхом перед сопротивлением рабов

императоры II в. постепенно ограничивали власть её главы. Разложение античного города ускорялось ещё благодаря тому, что, несмотря на противодействие правительства, общественные городские земли переходили в частные руки. Частично их продавали, частично сдавали в так называемую «вечную», т.е. наследственную, аренду, которая делала арендаторов фактическими собственниками городских земель. К началу III в. только в Африке ещё продолжалось развитие городского строя; в остальных западных провинциях он находился уже в состоянии упадка. На Востоке крупные города оказались более устойчивыми благодаря значительному развитию торговли, ремесла, меньшему распространению рабства в целом и преобладанию системы эксплуатации колонов во всех видах хозяйств. Зато в этих городах социальные противоречия, сочетаясь с оппозицией против господства Рима, выступали ещё отчётливее, чем в городах Запада. Волнения городской бедноты возникали здесь всё чаще, всё ярче вырисовывались её антиримские настроения. Вследствие этого и восточные города всё менее могли играть роль базы рабовладельческого государства.

Хозяин поместья.
Мозаика IV в. н. э. из Карфагена.

С упадком городов ускорился рост латифундий, владельцы которых увеличивали свои земли как за счёт городов, так и за счёт обедневших соседей, скупая, забирая за долги или просто захватывая их имущество. Процесс этот шёл и на Западе и на Востоке. В латифундиях концентрировалась значительная часть земледельческого населения — посаженные на землю рабы, отпущенники, колоны, клиенты. Различия между отдельными категориями этого населения постепенно стирались. Каждый имел участок земли, который обрабатывал инвентарём, большей частью полученным от хозяина, был обязан отдавать ему часть урожая и исполнять для него определённую работу.

Такое имение становилось постепенно замкнутым целым, со своим рынком, своим штатом ремесленников-рабов, обслуживавших его нужды. Колоны если не юридически, то фактически попадали во всё большую зависимость от землевладельца, который представлял их перед государством. Императоры, заинтересованные в сохранении свободного сельского населения, которое могло бы обрабатывать землю и служить в армии, и не желавшие излишнего усиления земельных магнатов, иногда запрещали требовать с колонов больше, чем было установлено договором или обычаем, но это мало помогало. Если даже в различных указах подчёркивалась разница в положении свободного колона и раба, то в сознании людей эта разница всё более стиралась. Заимодавцы, например, считали, что колон так же отвечает за долг господина, как и раб, что колон, как и раб, ничем не может владеть юридически и т. д. По мере уменьшения роли рабов в производстве и постепенного вытеснения их другими категориями производителей последние попадают под действие господствовавших при рабовладельческом строе норм, ставивших каждого работника, лишённого средств производства, на один уровень с рабом. Постепенно в таком положении оказываются всё большие массы свободного населения. Кроме колонов—арендаторов земли—в зависимость от владельцев попадали и арендаторы помещений — инквилины, платив-

шие владельцам нередко своим трудом. Наёмный работник считался членом фамилии; как и раба, его нельзя было допрашивать по делу, ведущемуся против его господина; он не мог судиться с нанимателем; как и раба, его не брали в армию. Естественно, что все эти зависимые люди, так же как и рабы, были мало заинтересованы в результатах своего труда.

Накопившиеся к тому времени технические усовершенствования, достижения тогдашней агрономической науки, требовавшей тщательного ухода за растениями и животными и известных знаний от земледельца, могли быть полностью применены и развиваться далее только при условии, что работник будет заинтересован в своём труде. Но ни рабы, ни свободные, по своему положению во многом сближавшиеся с рабами, такой заинтересованности в труде иметь не могли, и все попытки рабовладельцев и землевладельцев создать ее особого успеха не имели. Производственные отношения становились тормозом развития производительных сил, начинался кризис самого рабовладельческого способа производства. Производительность труда катастрофически падала, земли пустели. Многие уходили в леса, пустыни, за границы империи или к разбойникам, нередко выступавшим носителями стихийного протеста против эксплуататорских классов и рабовладельческой империи. Борьба за рабочую силу становится теперь столь же острой, как во времена республики и ранней империи борьба за землю. Существование огромных императорских доменов, где рабы и колоны могли получить некоторые льготы, создавало опасную конкуренцию для владельцев латифундий. С другой стороны, императорские колоны, надеясь найти у сильных людей защиту от притеснения императорских управителей и чиновников, уходили иногда на земли крупных собственников. В поисках рабочей силы последние прибегали к всевозможным ухищрениям — выкупали пленных с тем, чтобы те работали на них, пока не возместят выкуп, брали у должников детей в качестве залога, покупали свободных бедняков, предпочитавших рабство голодной смерти. Эти сделки в корне противоречили основам римского права, не признававшего продажи свободного в рабство, и неоднократно запрещались императорами, но изжить их не удавалось.

Обострение социальных противоречий

В таких условиях снова до крайности обострились социальные противоречия. Эксплуатируемые массы, к которым теперь равно принадлежали рабы, колоны, городская беднота, разоряющиеся крестьяне, готовы были восстать. Муниципальные землевладельцы хотели, чтобы правительство защищало их от земельных магнатов, помогало городам и охраняло городскую автономию. Крупная землевладельческая знать добивалась передачи в её руки императорских сальтусов. В лице императора она хотела иметь главным образом военачальника, который содержал бы сильную армию, обеспечивал бы знать рабочей силой за счёт пленных «варваров» и держал бы в повиновении ненавистную ей «чернь»

На последнем особенно настаивала аристократия восточных провинций, обеспокоенная городскими волнениями. «Свобода черни — гибель лучших»,— писал историк начала III в. Дион Кассий, крупный землевладелец Вифинии, сенатор и консуляр. В написанном им труде по римской истории он изложил программу своего класса. В эту программу входили: полное уничтожение городской автономии, подавление всякой самостоятельной мысли, что должно было достигаться однотипным обязательным государственным образованием и изгнанием философов и религиозных проповедников: беспощадная расправа с всякими мятежниками, сильная власть императора, опирающегося на «лучших», т. е. самых богатых людей. Западная знать, ещё не испытавшая к началу III в. всей силы сопротивления масс, наоборот, была против укрепления центральной власти, предпочитая некоторую самостоятельность. При известных условиях она готова была даже отпасть от Рима и устроиться независимо.

К этим противоречиям прибавилось и ослабление связи между отдельными частями империи. За первые два века в ряде провинций развилось сельское хозяй-

ство и создалось собственное ремесло, сделавшее их независимыми от ввоза. Рост не связанных с рынком латифундий, где жило много ремесленников, обслуживавших нужды господ и колонов, также вёл к упадку торговли. Всё это способствовало укреплению местных элементов. Снова возрождаются местные языки; оживляются местные культы, местные традиции. В Галлии вместо роскошной керамики, повторявшей арретинскую, изготовляется посуда старого кельтского образца. В Дакии родители, носившие римские имена, называют своих сыновей в честь старых дакийских правителей Регебалами и Децебалами; в Сирии и Египте возрождается литература на местных языках. В восточных провинциях всё более крепнут проперсидские симпатии. Низы искали в союзе с персами защиты от римского гнёта, богатые купцы — торговых выгод.

Политическая борьба. Роль армии

Все эти различные социальные группы желали видеть у власти такого императора, который осуществлял бы их программу. Поэтому для III в. характерна чрезвычайно быстрая смена императоров, причём они почти все погибали насильственной смертью. Те из них, которые продолжали политику Флавиев и Антонинов, т. е. стремились опираться на городских средних землевладельцев и рабовладельцев, вследствие упадка городов вынуждены были искать новых путей. Их попытки поднять экономический уровень городов были бесплодны, и сами они, нуждаясь в деньгах, действовали противоречиво, переобременяя декурионов всё новыми сборами и повинностями. Они принуждали их продолжать исполнять свои обязанности, насильно возвращая в родные города тех, кто пытался перейти на положение колонов, стать солдатами или просто бежать. Единственной надёжной опорой императорской власти в III в. становится армия.

Армия в это время была не только вооружённой, но и социальной силой. Ветераны, а отчасти и солдаты, значительная часть которых состояла из сыновей ветеранов, в социальном смысле были наиболее близки к средним землевладельцам: обычно ветерана наделяли участком, равным имению среднего декуриона. Эти наделы, обрабатывавшиеся рабами, принадлежали им на таких же правах полной собственности, как и имения декурионов, тогда как земли крестьян-общинников считались собственностью государства. Жалованье и экстраординарные дарения, которые они получали во время службы, составляли довольно большую сумму, что позволяло им содержать рабов и вести хозяйство на основе связи с рынком, т. е. так же, как вели его городские землевладельцы. Юридически ветераны приравнивались к декурионам. Привилегированное положение в городах и сёлах и воспитанная двадцатилетней службой преданность Риму делали их надёжной опорой империи. За счёт усиления ветеранского землевладения мог временно возродиться тот социальный слой средних рабовладельцев, который господствовал в империи в I-II вв.

В тех провинциях, где латифундии вытеснили мелких и средних землевладельцев, оставалось мало населения, способного идти в армию. Зато в прирейнских и придунайских областях, где мелкое землевладение оставалось почти нетронутым из-за отсутствия латифундий, резервы для армии были очень велики. С III в. именно отсюда выходит большая часть солдат, здесь же они получают и землю после отставки. За счет разложения общины, которое ускорялось тем, что часть земли переходила в руки ветеранов, выделяется слой частных землевладельцев, растут виллы, развивается ремесло, обслуживающее их потребности. Эти области становятся последним очагом рабовладельческих отношений, последним оплотом империи. Однако то, что развитие этих областей началось в период общего упадка и кризиса рабовладельческой формации, наложило на них своеобразный отпечаток.

Уже мало создаётся здесь новых городов; даже такой значительный центр, как Могонтиак на Рейне (Майнц), остаётся селом вплоть до поздней империи; рабовладение развивается незначительно, и главным объектом эксплуатации становятся разоряющиеся общинники. Рост провинциального сепаратизма делал солдата, несмо-

РИМСКОЕ ЗНАМЯ (VEXILLUM) С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГИНИ ВИКТОРИИ НА ШАРЕ
Рисунок золотом на холсте. III в. н. э.

тря на его преданность императору и римским богам, в первую очередь патриотом родного села и почитателем местного сельского бога. Даже служа в Риме, уроженец Паннонии или Мёзии сооружал алтарь местному богу вместе со своими односельчанами, служившими с ним в одной воинской части. Если ещё во II в. всякий солдат считал своей родиной Рим и своей семьёй — товарищей по оружию, то в III в. он, наоборот, твёрдо помнил, что он «по рождению» фракиец или паннонец, и не порывал связи с земляками. В этом была слабость армии III в. как вооружённой силы и её преимущество как силы социальной. Связь со средними и мелкими землевладельцами заставляла её разделять их ненависть к земельным магнатам и поддерживать сильную центральную власть, которая могла бы обуздать крупных собственников.

Внешне это противоречие выражалось в борьбе «сената» и «армии», «сенатских» и «солдатских» императоров. Первые старались уменьшить влияние армии, набирая солдат за пределами империи и, развивая систему военной колонизации на границах, где солдат-землевладелец не мешал собственникам латифундий. Они вели агрессивную внешнюю политику, чтобы пополнить за счёт пленных количество поселённых на пограничных землях солдат-колонистов и колонов, и не мешали магнатам «округлять» свои владения и эксплуатировать земледельцев. «Солдатские» императоры пытались поддержать города, практиковали массовые конфискации латифундий, увеличивая свои земли и земли солдат, повышали налоги, чтобы увеличить жалованье солдатам, предпочитали большей частью откупаться от внешних врагов контрибуциями, поскольку солдаты и горожане удовлетворялись наличным количеством рабов и не были особенно заинтересованы в колонах. «Солдатские» императоры старались под видом защиты «маленьких людей» от сильных сохранить свободное население и не дать ему превратиться в фактических подданных крупных собственников.

Эта борьба затихала только перед лицом поднимавшихся на борьбу народных масс, равно страдавших от эксплуатации земельных магнатов, от средних землевладельцев, перекладывавших на их плечи тяжесть налогов и повинностей, от императорских чиновников, прокураторов, кондукторов, от насилий и грабежей солдат, от управляющих частными латифундиями, которые, несмотря на то, что сами они обычно выходили из рабов, безжалостно притесняли своих бывших собратьев по классу.

2. Гражданская война 193—197 гг. Септимий Север и его преемники

Римская империя в конце II в. н. э.

Борьба между различными социальными группами резко обострилась ещё при сыне и преемнике Марка Аврелия, Коммоде (180—192). Он сразу восстановил против себя сенат, купив за большие деньги мир с ещё не побеждёнными его отцом племенами. Говорили, что он намерен конфисковать все земли сенаторов и раздать их солдатам. Снова начались сенатские заговоры, вызвавшие ответные репрессии. Возмутились легионы Британии, недовольные исключительной ролью, которую играли при Коммоде избалованные императорскими милостями преторианцы. В Галлии не прекращались крестьянские волнения. Взрыв восстания буколов в Египте поставил под угрозу снабжение хлебом Рима, что, в свою очередь, вызвало серьёзное движение столичного плебса. Волнения происходили также в Испании и Дакии. Неоднократные выступления африканских колонов, теснимых кондукторами, чуть не стоили жизни проконсулу Африки Пертинаксу.

Нуждаясь в африканском хлебе, для перевозки которого в Италию он выстроил специальный флот, Коммод пытался успокоить земледельцев Африки. Он запретил кондукторам увеличивать повинности и платежи колонов. Вообще он старался снискать репутацию защитника крестьян, объявив себя Гераклом — покровителем земледельческого труда. С сенатом Коммод не считался, подчёркивая, что власть

досталась ему по праву рождения, а не по милости сената. Всё это крайне обострило его отношения со знатью.

В конце концов Коммод был убит, и императором был провозглашён Пертинакс. Сын разбогатевшего вольноотпущенника, сделавший блестящую карьеру благодаря протекции патрона своего отца, Пертинакс был всё же приемлем для сената, как крупнейший землевладелец. В своё время он скупил массу земель у обедневших соседей на средства, которые он нажил, управляя различными провинциями. Теперь Пертинакс возвратил сенаторам конфискованные у них имения и разрешил желающим занять часть императорских земель. Он отменил алиментарную систему Траяна и намеревался возобновить войны на Дунае.

Однако через полгода Пертинакс был убит преторианцами, которые устроили своеобразный аукцион, предлагая императорскую власть тому, кто больше им заплатит. Победителем оказался сенатор Дидий Юлиан, предложивший преторианцам, как сообщает Дион Кассий, по 6350 драхм на человека. Но одновременно с Юлианом появились ещё три претендента на императорскую власть — легат Сирии Песценний Нигер, легат Британии Клодий Альбин и легат Паннонии Септимий Север. Последний, африканец родом, был наиболее дальновидным и энергичным из всех. К тому же его армия была наиболее боеспособна и близко расположена к Италии. Объявив себя мстителем за Пертинакса, он обеспечил себе поддержку сената. Не встречая серьёзного сопротивления, он дошёл до Рима, где при вести о его приближении Дидий Юлиан был убит солдатами. Разоружив и распустив преторианцев, Север заключил союз с Клодием Альбином, которому даровал титул цезаря, и отправился сражаться против Нигера. Тот успел уже захватить не только восточную часть империи, но даже Грецию и Македонию. Главной его опорой были жители восточных городов, вступившие в его войско. Особенно популярен Нигер был в Антиохии. Ему предложила помощь Парфия. Землевладельческая знать была в основном ему враждебна. Ослабляло его и соперничество городов Азии, часть которых примкнула к Северу.

В двух больших битвах войска Нигера были разбиты, и сам он погиб. Многие его солдаты и городские ремесленники бежали в Парфию и впоследствии активно участвовали в войнах с Римом. Север наложил на поддерживавшие Нигера города тяжёлую контрибуцию. Византии, сдавшийся после трёхлетней осады, был лишён прав города. Та же кара постигла и Антиохию. Разбив Нигера, Север начал войну с Парфией и её вассалами. В это время поднял восстание Альбин, поддержанный знатью Испании и Галлии. Напротив, прирейнские области и армия были на стороне Севера. В битве при Лугдуне Альбин был убит. Конфискованные земли его казнённых сторонников значительно увеличили императорские владения. После смерти Альбина Север продолжал войну с Парфией. Он овладел Месопотамией и обратил её в провинцию, что вовлекло Рим в длительные войны с Аршакидами, а затем со сменившими их Сасанидами.

Династия Северов

Победа над Альбином явилась переломным моментом в политике Севера. В пику знати он приказал объявить Коммода богом и стал называть себя его братом, стремясь установить таким образом видимость династической преемственности с Антонинами. Он объявил наследниками своих сыновей — Бассиана, принявшего имя Антонина, и Гету, что отвечало интересам тех кругов, которые хотели иметь независимых от сената императоров. В сенате выходцы из восточных провинций и Африки получили при Севере численный перевес не только над уроженцами западных провинций, но и над италиками. Особое покровительство Север оказывал городам Африки и дунайских провинций, многие из которых при нём стали колониями и муниципиями. Впервые Александрия получила городской совет, а главные города египетских номов — муниципальное устройство. Стремясь сохранить город как общину землевладельцев. Север предписал возвращать городам проданные городские земли после смерти их покупателя.

Желая укрепить фамилию, Септимий Север повторил закон о прелюбодеянии, Поощрял фамильные культы, покровительствуя одновременно коллегиям «маленьких людей», которые по своей организации и культам были близки к фамилии. Вместе с тем он усилил меры по розыску беглых рабов и борьбу с «разбойниками». Чтобы заставить господ тщательно следить за рабами, он привлекал к ответственности хозяев, рабы которых были осуждены за какие-либо преступления. В интересах средних и мелких землевладельцев и ремесленников он запретил самовольное введение налогов городскими магистратами, продажу за долги имений малолетних владельцев, укрепил права патронов на труд вольноотпущенников, освободил от муниципальных повинностей членов ремесленных коллегий.

Но главные его мероприятия касались армии. Север перестал набирать преторианцев из италиков и назначать центурионов из преторианцев. Теперь преторианцами становились наиболее отличившиеся легионарии, главным образом, из дунайской армии. Центурионы выдвигались из рядовых легионариев, а затем они могли дослужиться и до высших должностей. Это открывало перед рядовыми провинциалами, поступившими в армию, широкие возможности. Солдатам было разрешено вступать в законные браки и жить с семьями вне лагерей. Жалованье преторианцам было повышено с 1000 до 1250, легионариям — с 300 до 500 денариев в год. Во время походов эта сумма удваивалась. Низшему командному составу было дозволено образовывать коллегии, представлявшие собой нечто среднее между обществами взаимопомощи, клубами и религиозными объединениями для культа гения императора, римских богов и военных святынь — легионных орлов и знамён. Уже размеры вступительных взносов в эти коллегии — от 750 до 2000 денариев — показывают, как велики были средства, которыми располагали солдаты.

Сенат от управления был фактически отстранён. Большая роль принадлежала теперь префектам претория, назначавшимся часто из опытных юристов. Такие светила римской юриспруденции, как Папиниан, Павел, Ульпиан, были префектами претория при Севере и его преемниках. Италия, в которой Север поставил один из трёх образованных им легионов под командой префекта из всадников, стала по положению близка к провинции. Только энергичная борьба Севера с народными движениями примиряла с ним сенаторов. В этом отношении, однако, репрессии мало помогали, число «разбойников» росло. Особенно были знамениты их предводители Клавдий, действовавший в Палестине, и Булла Счастливый, наводивший ужас на богачей Италии. О его храбрости, неуловимости, благородстве ходили легенды. Толпы голодных рабов из императорских и частных имений стекались к нему. Схватить его удалось лишь из-за предательства его возлюбленной.

Септимий Север умер в 211 г. во время похода против свободных племён Британии. Говорили, что его последним заветом сыновьям было: «Живите дружно, обогащайте солдат и не обращайте внимания на остальных». Ближайшими преемниками Септимия Севера были его сыновья — Антонин, более известный под прозвищем Каракаллы (211—217), Макрин (217—218), сменивший павшего жертвой заговора Каракаллу, и отдалённые родственники Септимия Севера — Элагабал (218—222) и Александр Север (222—235). При них в общем продолжалась политика Септимия Севера с некоторыми колебаниями в сторону «солдатской» или «сенатской» линии. Большую роль при преемниках Севера играли женщины из императорской семьи, жёны и матери императоров. Они назывались матерями сената и войска, почитались иногда, как богини. Весь императорский дом именуется теперь в надписях «божественным домом», что указывает на укрепление монархических и даже теократических тенденций в ущерб сенату.

Каракалла был представителем «солдатского» направления: он удвоил жалованье солдатам, сделал их подсудными только императору. Земельную знать он преследовал, особенно в западных провинциях, где при нём продолжались земельные конфискации. Грандиозную резню Каракалла учинил в Александрии, подозревая её граждан

в мятежных настроениях. Нуждаясь в деньгах для солдат, он увеличивал налоги и всякие экстраординарные поборы и пожертвования.

Наиболее важным из его мероприятий является эдикт 212 г., даровавший римское гражданство всем свободным жителям империи, кроме дедитициев. Кто в данном случае подразумевался под дедитициями, в науке точно не установлено. Первоначально к дедитициям причислялись народы, побеждённые римлянами и сдавшиеся на милость победителя без какого-либо договора, обеспечивавшего им те или иные права.

Развалины терм императора Каракаллы в Риме. III в. н. э.

Возможно, что дедитициями считались и некоторые не приписанные к городским территориям племена. В разряд дедитициев поступали также те из отпущенных на волю рабов, которые были заклеймены хозяевами и лишены права получить римское или латинское гражданство. Как это ни странно, такая, казалось бы, важная реформа, как эдикт 212 г., почти не была замечена современниками. Кассий Дион говорит о ней вскользь, считая, что Каракалла хотел лишь увеличить число налогоплательщиков, так как некоторые налоги — на наследство и другие — платили только римские граждане. Это равнодушие объясняется тем, что римское гражданство было уже и так широко распространено и давно утратило связанные с ним привилегии. Права свободного определялись уже не столько в зависимости от его гражданской, сколько от социальной принадлежности. Сенаторы, всадники, декурионы, ветераны, а впоследствии и солдаты считались людьми «почтенными», имевшими ряд привиле-

гий, оформленных законом. Остальные были «маленькими людьми». Их можно было подвергнуть телесному наказанию, сослать в рудники, бросить зверям — наказания, от которых прежде избавляло получение римского гражданства, а теперь лишь принадлежность к сословию «почтенных».

Избегая войн на Западе, Каракалла окончательно присоединил к империи Осроену, что привело к войне с Парфией. Во время этого похода он был убит заговорщиками, и императором был провозглашён префект претория Макрин, которого сенат охотно утвердил. Тяжёлое поражение, нанесённое Макрину парфянами, и его попытка снизить жалованье солдатам вызвали их недовольство, и он также вскоре был убит. Повсюду вспыхивали мятежи, появлялись новые претенденты на власть. Наконец, стоявшие в Сирии солдаты провозгласили императором считавшегося побочным сыном Каракаллы верховного жреца Элагабала — солнечного бога города Эмесы. Он был объявлен императором под именем Аврелия Антонина, хотя более известен под именем Элагабала. Однако вскоре он оттолкнул от себя не только сенат, но и войско своей исключительной преданностью эмесскому богу, которого он объявил верховным богом империи. В Рим был доставлен посвящённый Элагабалу чёрный камень и помещён в великолепном храме, куда император приказал собрать все римские святыни.

Попытки «дополнить мировую империю мировой религией» делались и раньше. И Септимий Север и Каракалла покровительствовали восточным солнечным культам; многие близкие к ним «теоретики» старались доказать, что верховным и даже единственным богом является солнце. Но в народе и в войске, несмотря на распространение восточных культов, была сильна привязанность к местным племенным богам, к народному Гераклу, к домашним ларам и к Юпитеру, олицетворявшему мощь Рима. Заменить все эти божества малоизвестным и чисто сирийским Элагабалом было невозможно. Сирийские обряды, которые император исполнял сам и заставлял исполнять других, казались римлянам проявлением неестественного разврата или прямого безумия, а его брак с весталкой — оскорбительным кощунством. Расточительная роскошь императора опустошила и без того тощую казну.

Вскоре Элагабал был убит, и на престол был возведён 14-летний Александр Север. В государстве и армии были восстановлены исконно римские обряды, чёрный камень отправлен обратно в Эмесу. Префектом претория был назначен знаменитый юрист Ульпиан, фактически ставший во главе управления. Сенату были сделаны большие уступки. Его представители были призваны в совет принцепса, расходы на двор сокращены, налоги снижены. Обедневшим сенаторам и «добросовестным» наместникам раздавались земли со скотом и инвентарём. Тогда же, по-видимому, были узаконены права господина на инвентарь колона, на труд выкупленных из плена, допущена самопродажа в рабство свободных старше 20 лет.

Сенатской программе соответствовало и усиление роли военных колонистов, которым на границах раздавались земли, скот и рабы с тем, чтобы они и их наследники несли военную службу в пограничных частях. Ветеранам было запрещено образовывать коллегии, освобождение от повинностей перестало распространяться на их детей. Вместе с тем у городских советов было отнято право распоряжаться общественными деньгами без разрешения принцепса и предпринимать что-либо, ведущее к соперничеству городов или порождающее «мятежные настроения». Против возможных или возникавших народных движений принимались усиленные меры. Организация недозволенных коллегий была приравнена к вооружённому захвату общественных зданий; запрещалось иметь оружие, кроме как для охоты. «Разбойников» было предписано распинать на месте поимки; всех проповедников новых религий, пророков, магов — казнить, а их книги — сжигать.

Чрезвычайно важно, что с этого времени закон фактически признаёт существовавшее уже и ранее расслоение класса рабов. Так, Ульпиан писал, что если раньше

обида, нанесённая рабу, считалась причиненной его господину, то теперь и обида раба не должна оставаться неотмщённой, если этот раб имеет имущество и рабов; если же кто-нибудь высек раба-чернорабочего, то ответственности он не подлежит, так как заботился только о «добрых нравах». Были закреплены права более зажиточных рабов на пекулий. С другой стороны, «маленькие люди» теперь были ещё более резко отделены от «людей почтенных». «Маленькие люди» освобождались от имущественных повинностей, но были обязаны повинностями трудовыми и «почтительностью» к высшим. Так, при всём многообразии и различии в положении отдельных категорий и групп трудящихся их всех уравнивало тяготевшее над ними бесправие.

3. Политический кризис империи

Ухудшение положения империи в конце правления Александра Севера

К концу правления Александра Севера положение в империи очень обострилось. Нуждаясь в деньгах, правительство прибегало к систематической порче монеты, что совершенно обесценивало деньги и усиливало натуральный характер хозяйства. С этого времени наместники, чиновники, командиры начинают получать жалованье главным образом натурой. В зависимости от ранга было точно определено, кто сколько получал одежды, драгоценностей, повозок, посуды, хлеба, мяса, яиц, лошадей, мулов, рабов для услуг, рабынь-наложниц. В связи с этим на ряд ремесленных коллегий была наложена повинность по поставке государству изготовляемых ими товаров, что в дальнейшем привело к прикреплению ремесленников к их коллегиям. Положение ухудшалось ещё войнами с окрепшим государством Сасанидов и началом массового наступления зарейнских и задунайских народов. Несколько раз вспыхивали солдатские мятежи. Во время одного из них был убит Ульпиан. Наконец, был убит солдатами и сам Александр, отправившийся в поход на Рейн.

Императором был провозглашён Максимин (235—238), ещё недавно бывший простым фракийским пастухом. Он был взят в армию и выдвинут Септимием Севером за исключительную силу, храбрость и ловкость в военных упражнениях. При Александре он был уже старшим легионным трибуном и ведал обучением рекрутов. Его популярность в дунайской армии была очень велика, его правление носило характер резкой антисенатской реакции. Сенаторы сравнивали его со Спартаком. Некоторые представители современной буржуазной историографии также пытаются изобразить Максимина вождём эксплуатируемых слоев населения. Однако это ни в коей мере не соответствует действительности. Напротив, именно при нём было установлено, что за особо серьёзные проступки рабы и «маленькие люди» могут быть сожжены на костре. Земли, в массовом порядке конфискуемые у знати, и возросшие налоги шли на содержание армии и на земельные раздачи ветеранам. Возможно, что к правлению Максимина относится важное нововведение, согласно которому, во изменение старого принципа, землевладелец, живший вне города, не считался его жителем и не был обязан ему повинностями. Эта мера была прямо противоположна политике императоров I—II вв., старавшихся приписать максимум земли и населения к городам. Зато она была выгодна солдатам и ветеранам, получавшим наделы в сёлах, и имела также целью сберечь свободное сельское население как резерв для армии.

Всё время своего правления Максимин провёл вне Рима, в войнах на Рейне и Дунае, которые велись им довольно успешно. Но его политика чрезвычайно обострила ненависть к нему аристократии. На юге римской Африки несколько «знатных юношей», вооружив рабов и колонов из своих латифундий, убили сборщика налогов, подняли восстание и провозгласили императорами престарелого намест-

ника Африки знатного и богатого Гордиана и его сына. Извещённый об этом сенат с радостью утвердил их и объявил Максимина низложенным.

Началась гражданская война. Против Гордианов выступил стоявший в Нумидии III Августов легион и карфагеняне, в результате чего сторонники обоих императоров были разбиты, асами они погибли. Максимин с дунайской границы готовился к походу на Рим. Сенат собирал по Италии рекрутов, нанимал германцев. В Риме вспыхнул мятеж преторианцев, волновался плебс. Максимин, осаждавший на севере Италии город Аквилею, был убит солдатами. В результате ряда столкновений, агитации и интриг сената, борьбы различных группировок был достигнут известный компромисс, выразившийся в провозглашении императором 13-летнего внука старшего Гордиана — Гордиана III (238—242). При нём африканские магнаты расправились со своими противниками. III Августов легион был расформирован, земли у его ветеранов и солдат были отняты, выступление карфагенян подавлено.

С этого времени африканские города, быстро разоряемые усиленным ростом латифундий, начинают приходить в упадок. Недовольство африканских муниципальных кругов сказалось в быстром распространении среди них христианства. Африканская церковь становится к середине III в. одной из самых сильных и крепких христианских организаций. Одновременно начинаются и движения колонов, эксплуатация которых частными владельцами и императорскими кондукторами очень усиливается. Катастрофически растёт количество брошенных земель.

Кризис империи. Гонения на христиан и укрепление церкви

Просенатское правительство Гордиана, как и правительство Александра, пыталось делать ставку не на регулярную армию, а на иррегулярную местную милицию. Недовольные солдаты убили Гордиана во время похода против Персии. При его быстро сменявших друг друга преемниках народные движения принимают массовый характер; достигают своего апогея нашествия «варваров» и поражения римлян. Рабы и колоны соединялись с франками, готами и маврами. Христианский поэт Коммодиан, выражая чаяния угнетённых, приветствует успехи готов, которые должны сокрушить сатанинскую власть Рима. Тогда, писал он, выступит войско «праведных», и после его победы военачальники и богачи станут рабами своих рабов.

В начале 50-х годов III в. императором стал ставленник сената Валериан (253— 260), сделавший соправителем своего сына Галлиена. В борьбе с оппозиционными элементами Валериан начал повсеместное преследование христиан. Эдикт его был направлен в основном против возглавлявшего христианские организации клира и христиан из сословия «почтенных людей». Эта политика была уже начата его предшественником, «сенатским» императором Децием, который, не упоминая в своём эдикте христиан, приказал всем жителям империи засвидетельствовать свою лояльность жертвоприношением официальным богам, от чего христиане отказывались и потому карались, как ослушники.

Гонения Валериана, особенно задевшие восточные и африканские провинции, способствовали дальнейшему обострению социальных противоречий. Многие богатые христиане, опасаясь конфискации имущества, ссылки и казни, спешили к языческим алтарям или покупали за взятку свидетельство о совершённом ими жертвоприношении. Христианская беднота, движимая надеждой на близящееся царство божие и ненавистью к правительству, гораздо упорней держалась за свою веру. Возникали новые демократические секты, оппозиционные течения внутри самой церкви. С другой стороны, епископы, среди которых в эти годы наиболее заметной фигурой был карфагенский епископ Киприан, сплачивали церковную организацию для борьбы как с демократической оппозицией, так и с правительственными гонениями. Власть епископа становилась абсолютной, христианские церковные организации — крепкими и жизнеспособными. Они практиковали систему широкой благотворительности, которая должна была соединить всех членов в один коллектив. Гонения, в конечном счёте, не только не ослабили, но ещё более укрепили христианскую церковь.

Император Валериан, взявший на себя управление восточными провинциями, в 260 г. потерпел жесточайшее поражение в войне с персами. Впервые римский им-

Император Валериан, побеждённый царём Шапуром I.
Наскальный сасанидский рельеф в Накш-и-Реджебе, близ Персеполя. III в. н. э.

ператор попал в плен к врагам и, как гласит предание, должен был держать стремя своему победителю — царю Шапуру. В плену он и умер.

Галлиен и время «тридцати тиранов»

Сын Валериана Галлиен (253—268), оставшийся единственным правителем империи, был одной из интереснейших фигур своего времени. Его идеалом был Август, его целью — возрождение империи на старой основе, но при учёте нового положения. В армии и в муниципальных кругах он был исключительно популярен. При нём снова появляются исчезнувшие при его предшественниках муниципальные надписи, ряд городов получает новые привилегии, оживляются коллегии. Он пожелал быть афинским архонтом, подобно «филэллину» Адриану, был посвящён в элевсинские мистерии и покровительствовал философу-неоплатонику Плотину. Пытаясь возродить старую римскую религию, Галлиен тем не менее отменил преследования христианства, уже довольно широко распространившегося среди поддерживавших Галлиена кругов. В борьбе со знатью Галлиен запрещал повышать повинности колонов и закрыл сенаторам доступ в армию. Отныне они не могли быть не только легатами легионов, но и наместниками провинций, в которых стояли легионы. Зато перед солдатами открывался путь к высшим военным постам. Галлиен провёл реформу армии, соединив конные отряды под одним командованием, что вызывалось возросшей ролью кавалерии у германцев, сарматов, персов и значительно подняло боеспособность римской армии в борьбе с ними.

Знать платила Галлиену последовательной ненавистью. Все его мероприятия осмеивались и осуждались. В провинциях начались мятежи, возглавлявшиеся аристократией, желавшей или заменить Галлиена своим ставленником или вовсе отпасть от империи, образовав из провинций независимые государства. В Сирии был провозглашён императором Квиет, сын ближайшего советника Валериана, богатейшего человека империи, обещавшего содержать войско на свой счёт. Однако преданные Галлиену солдаты довольно быстро его разбили. Между прочим, за Галлиена и против Квиета активно сражались и христиане.

Узурпаторы появлялись и во многих других провинциях, так что этот период получил название времени «тридцати тиранов». В большинстве случаев они удерживались недолго. С некоторыми расправлялись солдаты, иногда их покидала и сама выдвинувшая их знать. Так, например, какие-то попытки к узурпации и отпадению были сделаны в Африке, но как раз в это время там развернулось мощное восстание колонов, возглавлявшихся некиим Фараксеном, вступившим в союз с мавретанскими племенами бавариев и бакватов. В это время в среде мавретанских племён происходят значительные изменения. Они начинают разводить верблюдов, что способствовало улучшению военного дела — мавретанские стрелки, сражавшиеся сидя на верблюдах, представляли значительную силу. Развитие производительных сил и военного дела обусловило возникновение племенных союзов, главы которых принимали титул царей. Мавры, ранее неуклонно оттеснявшиеся римлянами в пустыню, теперь сами переходят в наступление. Многие мавретанские и нумидийские города были разрушены, богачи обложены данью. Местная знать организовала для самообороны отряды из коллегий юношества. В таких условиях порвать с Римом она не решалась. По-видимому, по той же причине потерпели неудачу узурпаторы в Малой Азии и Греции, где вторжения готов сочетались с восстаниями бедноты.

Галльская империя и Пальмирское царство

Зато Галлия, Испания и Британия, отпавшие от империи и провозгласившие императором Постума, просуществовали самостоятельно 15 лет и были воссоединены с империей лишь через пять лет после смерти Галлиена. Ненависть к Галлиену западных магнатов была особенно сильна, но прирейнские области и армия, как некогда при Клодии Альбине, долго оставались верны центральному правительству. Постум и его преемники вынуждены были пользоваться наёмной германской конницей Галлиен, занятый войнами с франками, аламанами и готским союзом, не мог фактически бороться с Постумом и примирился с существованием «Галльской империи».

Галлиену пришлось признать и возникшее на Востоке Пальмирское царство. Оно было создано знатным пальмирцем Оденатом, который сумел, организовав войско из арабов и сирийских крестьян, отогнать персов, опустошавших Сирию после пленения Валериана. Со второй половины III в. арабские племена начинают играть всё большую роль. Наивысшего расцвета достигает Аксум. Одновременно арабы продвигаются в сторону границы Месопотамии и Сирии, где возникают независимые, по существу, арабские царства, состоявшие из оседлого и полукочевого населения. Арабские воины, известные римским историкам под именем сарацин, становятся со временем серьёзными противниками империи. Их помощь в значительной мере обеспечила победу Оденату. Галлиен, сил которого не хватало для борьбы на многочисленных фронтах, даровал Оденату титул «императора и дука (вождя) Римлян» на Востоке. Однако подталкиваемый враждебными Риму элементами, Оденат постоянно колебался между Галлиеном и Шапуром. Когда его проперсидские тенденции стали брать верх, он был убит своим родственником, по-видимому, по наущению Рима. Его вдова Зенобия, правившая вместо малолетних сыновей Одената, после смерти Галлиена окончательно порвала с империей, подчинив своей власти кроме провинций Сирии и Аравии, которыми фактически владел уже Оденат, значительную часть Малой Азии и Египет, где её поддерживала сильная антиримская партия.

Начало движения багаудов

Казалось, империя раскалывается на части. Разразилась страшная эпидемия чумы, голод. В Сицилии началось восстание, которое современники сравнивали с восстаниями рабов времён республики. Несколько позже, чем в Африке, видимо, к концу правления Галлиена и Постума, восстание крестьян и колонов началось и в Галльской империи. К восставшим примкнул город Августодун, где было много мелких ремесленников и ремесленников, занятых в императорских оружейных мастерских. Галльские повстанцы получили название «багаудов», что на языке галлов означало «борцы» Они захватывали крупные имения, убивали или изгоняли владельцев. К повстанцам переходили нередко и солдаты. Знать в панике бежала. Впоследствии её представители с ужасом говорили об этом страшном для них времени, когда «пахари превращались в пехотинцев, а пастухи во всадников». Всё большие и большие массы земледельческого населения примыкали к восстанию.

Движение багаудов оказало на галльских магнатов то же влияние, что на африканских аристократов движение мавретанских колонов,— они стали искать союза с Римом. Последний галльский император Тетрик, сам крупнейший землевладелец Аквитании, тайно обратился к правившему тогда императору Аврелиану, прося его «завоевать» Галльскую империю и, обещая сдать ему свою армию, лишь для вида приняв бой. Аврелиан откликнулся на его просьбу, и Галльская империя была воссоединена с Римской, причём Тетрик получил большие богатства и наместничество на юге Италии.

«Иллирийские» императоры

События времени Галлиена показали, что возрождение империи на старой базе невозможно и что правительство должно более, чем до сих пор, считаться с провинциальной земельной знатью Они показали, что эта знать уже достаточно сильна, чтобы отстаивать свои интересы вплоть до попыток отделения от империи, но вместе с тем недостаточно сильна, чтобы без помощи Рима бороться с народными массами в условиях крайне обострившихся социальных противоречий. Наконец, они показали значительное ослабление связей между восточными и западными провинциями. Всё это подготовило изменения происшедшие в империи к концу III в.

В известной мере эти изменения начались уже при непосредственных преемниках Галлиена, убитого в борьбе с восставшим начальником конницы Авреолом. Почти все они были незнатными и небогатыми уроженцами дунайских провинций, сделавшими карьеру в армии. Поэтому их обычно называют «иллирийскими» императорами.

Для «иллирийских» императоров характерно стремление укрепить монархическую власть, подавить народные движения и защитить границы империи. Уже сменивший Галлиена Клавдий II (268—270), получивший наименование «Готского», нанёс тяжелое поражение племенам готского союза. Многочисленные пленные были обращены в колонов, военных поселенцев и римских солдат. Эта политика, неуклонно продолжавшаяся всеми последующими императорами, была одобрена сенатом, укрепила крупное землевладение и изменила армию в угодном земельной знати направлении. Правда, поселённые на римских землях франки вскоре восстали и долго опустошали провинции, но всё-таки знать считала «варварских» колонов более надёжными, чем местных.

При Аврелиане (270—275) к империи были вновь присоединены не только Галлия но и царство Зенобии. Часть восточной знати охотно признала власть Аврелиана, но городские низы и купцы долго не подчинялись, ища помощи в Персии. В Египте шла настоящая война между римской и антиримской партиями. Уже после того, как войска Зенобии были разбиты и сама она взята в плен, в Сирии и Египте не прекращались восстания. В Египте выступил богатейший купец Фирм, заключивший союз с блеммиями, полукочевым народом, жившим к югу от Египта. В бывшей Галльской империи часть знати всё ещё колебалась между страхом перед багаудами и оппозицией к Риму. Лугдун провозгласил императором Прокула, крупного земле-

владельца, который смог вооружить 2 тыс. одних своих рабов. Другой «узурпатор», Бонос, пытался заключить союз с захватившими большую часть Галлии франками.

Народные восстания. Окончание кризиса III в.

При «иллирийских» императорах наивысшего подъёма достигают народные восстания. Племена исавров, которых римляне именовали «разбойниками», опустошали окрестные области Малой Азии; африканские повстанцы доходили до Карфагена; несколько городов в Мавретании и Нумидии было ими взято и разрушено. Римские наместники отваживались лишь на отдельные вылазки против них и их союзников — мавров. Багауды избрали своими императорами Элиана и Аманда и, укрепившись в старинной крепости на острове при слиянии Сены и Марны, наводили ужас на галльских и испанских землевладельцев. При Аврелиане в Риме произошло кровопролитное восстание работников монетных мастерских. Неоднократно волновался римский плебс, требуя новых раздач, что привело к дальнейшему нажиму на ремесленные коллегии.

Ухудшалось и положение декурионов, так как Аврелиан в борьбе с запустением земель распространил египетскую практику принудительной аренды и на другие провинции, сделав ответственными за неё декурионов. Солдатам «иллирийские» императоры, с одной стороны, продолжали платить высокое жалованье, с другой — ставили их под более строгий контроль, заставляя работать. Проб (276—282), например, потребовал, чтобы солдаты осушали болота, расчищали леса и насаждали виноградники в Галлии, Паннонии и Мёзии. Он, вероятно, хотел наделить их новью, вместо того чтобы отнимать земли у старых владельцев, как это делалось раньше.

Во второй половине III в. в борьбе с народными движениями императорская власть принимает всё более неприкрыто-монархический характер. Уже Аврелиан официально именовал себя «господином и богом», появляясь в роскошной одежде, подобной одежде персидских царей. Он же сделал новую попытку ввести единый государственный культ, объявив верховным богом солнце, а императора — как бы соправителем верховного божества, однако в отличие от Элагабала Аврелиан. организовал культ солнца не в восточной форме, а наподобие римского культа Юпитера.

К 80-м годам III в. политический кризис был в основном преодолен, внешние вторжения приостановлены, распавшаяся империя вновь объединилась. Большое количество пленных было расселено в качестве колонов на императорских и частных землях. С частью племён были заключены договоры, согласно которым они получали места для поселения в пограничных районах и должны были служить в пограничных военных частях. Это способствовало временному возрождению военной мощи империи и несколько укрепило её экономическое положение. Путём жестокого нажима господствующему классу удалось на некоторое время затормозить кризис рабовладельческого способа производства, сохранить империю, которая была нужна ему для подавления сопротивления всех эксплуатируемых.

Восстановление империи сопровождалось значительными изменениями в её социальном и политическом строе. События III в. нанесли тяжёлый удар по тем слоям рабовладельцев, которые составляли главную опору принципата,— муниципальной знати, городским землевладельцам. Разнообразные данные показывают, что с конца III в. в большинстве провинций рабовладельческие виллы и города всё более вытесняются огромными имениями, основанными, главным образом, на эксплуатации колонов и посаженных на землю рабов. Эти имения, а также сохранившиеся ещё в ряде провинций сёла свободных крестьян играют важную роль в хозяйственной жизни империи. Здесь развивается теперь ремесло, в котором заняты рабы (в латифундиях) и свободные работники (в сёлах), возникают рынки.

Значительная часть населения перемещается из городов в сельские местности. Разорившиеся городские землевладельцы нередко становятся колонами в имениях крупных собственников. Территории большинства городов, особенно на Западе, в несколько раз уменьшаются.

Многократные попытки императорской власти приостановить неумолимый процесс упадка городов, сохранив их как организацию класса рабовладельцев, оказывались тщетными. Всё это меняло соотношение сил внутри империи, которая из органа господства широкого и неоднородного блока рабовладельцев Средиземноморья превращается всё больше в орган господства их верхушки — крупных земельных магнатов и сравнительно небольшого слоя городских богачей, сохранившегося главным образом в восточных провинциях. Представляя их интересы, она действует теперь как машина подавления не только в отношении рабов, но и колонов, закабаляемых крестьян, поселенцев-«варваров», городских налогоплательщиков.

4. Установление домината

Диоклетиан. Подавление народных движений

То, что в этом направлении ощупью и от случая к случаю намечали «иллирийские» императоры, в значительной мере выполнил Диоклетиан (284—305). Сын далмата-вольноотпущенника, он, как и его предшественники, сделал карьеру в армии. Став императором, он начал с подавления восстания багаудов и африканских повстанцев, чем стяжал симпатии провинциальной знати.

Вестибюль дворца императора Диоклетиана в Спалато. 305 г. н. э. Современное состояние.

Военными операциями против повстанцев в Африке и Галлии руководил соправитель Диоклетиана Максимиан при активной помощи местной аристократии. По свидетельству некоторых римских историков, именно размах народных восстаний принудил Диоклетиана разделить власть с Максимианом. Для подавления багаудов Максимиану пришлось вызвать легионы с Востока, так как местные войска он считал ненадёжными. Но и вновь прибывшие солдаты отказывались сражаться с повстанцами. Только повторными децимациями он смог заставить солдат выступить против багаудов. Карательные экспедиции Максимиана опустошали галльские сёла. Многие крестьяне и колоны уходили в крепость на Марне, где Элиан и Аманд готовились к обороне. Лишь после того как значительная часть сельского населения была истреблена, Максимиан отважился на осаду и штурм этой крепости. Такой же тактики он придерживался и против африканских повстанцев, которые защищались с замечательным мужеством. Взятие крепости багаудов и неприступных твердынь в горах Атласа, где укрывались африканские колоны, стоило обеим сторонам огромных жертв. Многие из восставших были убиты, и народ впоследствии чтил их память. Многие были захвачены в плен и розданы в качестве рабов без права освобождения.

Знать в напыщенных панегириках восхваляла победы новых Юпитера и Геракла, потомками которых называли себя Диоклетиан и Максимиан, над новыми гигантами— «мятежными сынами земли». Она приветствовала теперь установление сильной власти. Император был окончательно признан божественным. Всякий допущенный к императору был обязан падать ниц. Придворный этикет стал подобен персидскому. Император назывался уже не принцепсом, а господином (dominus). Поэтому и вся система, созданная Диоклетианом, обычно называется в отличие от принципата доминатом.

Административная и военная реформы

При Диоклетиане был проведён ряд реформ, направленных на усиление императорской власти, государственного и военного аппарата. Проявившийся в кризисе III в. раскол империи был оформлен разделением её на четыре части, внешне сохранявшие единство, но подчинённые четырём Правителям: двум августам — самому Диоклетиану, избравшему себе азиатские провинции, Египет и Киренаику, Фракию и Нижнюю Мёзию, и Максимиану, получившему Италию, Африку, Рецию и Норик, и двум цезарям — Галерию, управлявшему остальными балканскими и дунайскими провинциями, и Констанцию Хлору, ведавшему Британией, Галлией, Испанией и Мавретанией. Всех своих соправителей Диоклетиан выбрал из среды выслужившихся солдат дунайского происхождения. Старые провинции были поделены на более мелкие части, так что провинций образовалось более 100, причём Италия была окончательно приравнена к другим областям империи и подобно им разделена на провинции; 10—12 провинций объединялись в диоцезы во главе с викариями; военная власть была отделена от гражданской. Это новое деление должно было облегчить оборону провинций, контроль за ними и ослабить провинциальных наместников, склонных к узурпации.

Была проведена и военная реформа: количество легионов было увеличено до 72 (необходимо, однако, упомянуть, что это были не старые легионы по 6 тыс., со вспомогательными же войсками даже по 10 тыс. человек в каждом, а новые, значительно меньшего размера), общее число солдат всех категорий было доведено примерно до 600 тыс. Армия была поделена на пограничные части военных колонистов и подвижные внутренние части. И в тех и в других всё большее значение приобретали внеимперские элементы. Изменился и социальный состав армии, в которую стали набирать, кроме свободных земледельцев, также и колонов. Военная реформа позволила Диоклетиану одержать серьёзные победы над персами и другими внешними врагами. Множество пленных было обращено в колонов и рабов.

Социально-экономические мероприятия. Эдикт о ценах

Диоклетиан и его соправители, как и все их предшественники, начиная с Северов, требовали, чтобы подданные называли время их правления «золотым веком». Но на деле положение масс стало ещё более тяжёлым. Возросшая армия, штат придворных и чиновников, постройки в новых императорских резиденциях — всё это требовало огромных расходов на жалованье, раздачи и т. п. Попытка проведения денежной реформы в целях повышения стоимости денег не дала ожидаемого эффекта, и правительство Диоклетиана окончательно перешло на взимание основных налогов натурой. Только ремесленники и торговцы платили налог деньгами. Для земледельческого населения натуральный налог, аннона, был установлено комбинированной единицы, состоявшей из рабочей силы одного взрослого мужчины, свободного или раба — безразлично, и земельного участка размером от 5 до 60 югеров (в зависимости от плодородия земли и разводившейся на ней культуры). За взнос налогов отвечали декурионы городов или владельцы изъятых из ведения городов латифундий, что чрезвычайно усилило их власть над зависимыми людьми. При проводившемся раз в пять лет цензе для учёта людей и земли и определения суммы налога совершались вопиющие злоупотребления. Детей записывали как взрослых, покойников—как живых. Неисправных плательщиков, будь то крестьянин или декурион, нещадно били.

Наряду с методами насильственного подавления народных движений в политике Диоклетиана еще сохранялись элементы социальной демагогии, широко практиковавшейся его предшественниками.

Как и Север, Диоклетиан брал под защиту «маленьких людей», запрещал предрешать судебные дела в пользу знатных, обременять сельское население какими-либо

Роспись свода катакомб Санта-Пьетро и Марселлино в Риме.
Первая половина IV в. н. э.

дополнительными повинностями, категорически воспрещал продажу в рабство свободных людей и детей свободных за долги отцов, приказал «клеймить бесчестием» лиц, взимавших «бесстыдные проценты».

В ряду этих социально-экономических мероприятий Диоклетиана стоит и знаменитый эдикт о максимальных ценах. Законодательное регулирование цен в целях борьбы

со спекуляцией и предотвращения голодных бунтов проводилось и раньше, но регулировались главным образом цены на муку, иногда на мясо. Эдикт Диоклетиана устанавливал цены на все сельскохозяйственные продукты, ремесленные изделия, перевозки, заработную плату. За превышение установленных цен или сокрытие товаров назначалась смертная казнь. Издание эдикта мотивировалось тем, что спекулянты, наживаясь на неурожаях, разоряют народ и солдат. Перечень цен составлен очень детально: в нём, например, упомянуто 30 сортов зерна, 50 сортов мяса, 116 сортов льняных изделий и т. п. Наёмным работникам определялась подённая плата, причём наниматель должен был их кормить. Пастух получал 20 денариев в день, батрак — 25, пекарь, каменщик, столяр, кузнец — по 50, маляр — 75, художник — 150 и т. д. Эти расценки довольно велики, если сравнить их с ценами на продукты питания (например, фунт говядины стоил 8 денариев), но они малы по сравнению с ценами на ремесленные товары (обувь стоила 100 — 120 денариев, солдатский плащ — 1000, куртка из заячьего меха — 6000 денариев). Цены были установлены произвольно и никого не удовлетворяли. Эдикт не принёс пользы бедноте и вызвал негодование богачей, которые всячески старались его обойти.

Преследования манихеев и христиан. Отречение Диоклетиана

После разгрома багаудов и других повстанцев силы народного сопротивления были ослаблены. Поэтому часть населения искала прибежища в религиях, протестовавших против официального культа. Большое распространение в восточных провинциях и в Африке приобрело манихейство, проникшее в империю из Ирана. Диоклетиан, объявив манихеев орудием враждебной Персии, приказал казнить их проповедников и жечь их книги.

Но гораздо большее значение имело христианство, распространившееся теперь не только в восточных, но и в западных провинциях среди всех слоев общества. Даже жена Диоклетиана была христианкой. Верхушка христиан была готова примириться с государством и даже разрешить христианам ценой небольшого покаяния занимать должности муниципальных жрецов. Но массы христиан относились к империи враждебно. Нередки были случаи отказа христиан вступать в армию или подчиняться военной дисциплине и, тем более, признавать божественность императора и приносить жертвы.

Христианские писатели переходили от обороны к наступлению, осмеивали и обличали «ложных богов», основываясь, между прочим, и на цитатах из языческих философов, не отвергая даже в этом случае идей материалиста Лукреция. Они доказывали неизбежность конца мира и власти Рима, который должен пасть, как пали царства ассирийцев, персов, македонян. «Золотой век» Диоклетиана они называли веком нечестивым, а обожествлённых римских императоров — разбойниками. Всё это, конечно, противоречило идее божественной и вечной монархии. Многие приверженцы старой религии, в том числе цезарь Галерий, заявляли, что христиане отвращают от империи милость оскорбляемых ими богов.

По-видимому, главным образом по его настоянию, Диоклетиан начал новое преследование христиан. Вначале он только потребовал всеобщего жертвоприношения, но когда кое-где вспыхнули волнения, а в Никомедии был подожжён дворец, причём Галерий обвинил в поджоге христиан, начались повсеместные аресты, пытки, казни. Христианские церкви разрушали, их имущество отбирали, книги сжигали. Менее интенсивны были гонения в западных провинциях. Как и при предыдущих гонениях, многие богатые и знатные христиане довольно легко жертвовали верой, тогда как христиане из народа изливали всю накопившуюся ненависть к правительству, отказываясь от жертвоприношений, обличая судей и наместников. В общем, и эти новые преследования христиан своей цели не достигли.

Через 21 год после вступления на престол Диоклетиан отказался от власти и кончил жизнь частным лицом в родной Далмации. По его настоянию от власти отказался и Максимиан. После отречения Диоклетиана разгорелась борьба между

многочисленными претендентами на императорскую власть — бывшими цезарями, ставшими теперь августами, их сыновьями и вновь привлечёнными ими цезарями. Победителем из этой борьбы вышел Константин, сын умершего в 306 г. Констанция Хлора. Он был выдвинут аристократией западных провинций, и его победа знаменовала окончательный разрыв с традициями принципата.

5. Идеология и культура Римской империи в III в.

Общий характер культуры в III в. Римское право

Кризис III в. отразился и в идеологии того времени. Старые идеи и представления расшатывались, новые прокладывали себе путь. Этот период обычно считается временем глубокого упадка культуры, и действительно, в области науки, литературы и искусства в 111 в. не было создано ничего значительного. Единственное исключение составляет право, которое интенсивно разрабатывалось префектами претория— Папинианом, Ульпианом и другими юристами. Именно в это время в соответствии с нуждами мировой империи приводится в систему римское право «... с его непревзойденной по точности разработкой всех существенных правовых отношений простых товаровладельцев (покупатель и продавец, кредитор и должник, договор, обязательство и т. д.)» [1]. Римское право к этому времени включало элементы правовых норм, действовавших в провинциях. Оно было результатом и могучим оружием уравнения отношений во всех частях империи и воздействия на эти отношения.

Религия и философия

Напряжённая борьба в III в. шла в области религии и философии, которые в это время в значительной мере сливаются. Обострение этой борьбы объясняется тем, что в условиях резкого ухудшения положения большей части населения, всеобщей неуверенности в завтрашнем дне, беспрерывных внешних и внутренних войн, обострения социальных противоречий главным вопросом, занимавшим умы, стал вопрос о причинах, породивших все эти бедствия, о происхождении в мире зла, вопрос о том, как уйти из-под его власти, как жить, на что надеяться. На все эти вопросы в тех условиях некий, хотя бы лишь видимый ответ могли дать только религия и близкая к ней философия. А так как многие образованные люди этого времени были тесно связаны с деклассировавшейся, уходившей в прошлое муниципальной знатью, то созданные религиозно-философские системы принимают пессимистический, упадочнический характер.

Материализм повсеместно вытесняется идеализмом, интерес к земному миру — интересом к миру потустороннему, социальные и политические проблемы оттесняются учениями о силах, якобы управляющих судьбами мира, о боге, демонах, предопределении и свободной воле, грехе и очищении и т. п. Стремление к научным знаниям сменяется скептицизмом, утверждениями, что мир не познаваем для человека, а может быть, и вовсе не существует вне его представлений, как это пытались доказывать, например, Секст Эмпирик и другие представители школы скептиков. Правительство, понимая, что такие настроения пагубно влияют на общественную жизнь, пыталось бороться с ними, противопоставляя им казённый и обязательный оптимизм.

Большую роль играла, как и при Августе, идея нового «золотого века», который должен принести своим подданным император. Для укрепления этой идеи Септимий Север торжественно отпраздновал секулярные игры по образцу такого же празднества, устроенного Августом, а затем Клавдием. Чем тяжелее становилась жизнь и чем кратковременное правление императоров, тем более настойчиво требо-

[1] *Ф. Энгельс,* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. II, М. 1955, стр. 376.

вали они от подданных признания своего правления «золотым веком» «Мы видим золотой век», чеканилось на медалях, выдававшихся военным, а ритор III в. Менандр, написавший руководство для составления речей, произносившихся перед императорами, включил туда и обязательное упоминание о «золотом веке», «наступившем в их правление. Даже колоны свои жалобы императорам на притеснения прокураторов неизменно начинали с заверения, что в их правление все обрели счастье и только они одни составляют случайное исключение.

Но, конечно, все эти заверения никого не обманывали и не означали прекращения поисков утешения в религии. Даже единственный литературный жанр, продолжавший развиваться в III в.,—роман—приобретает религиозно-философскую окраску. Платоник Апулей из африканского города Мадавры, живший во второй половине II в. и начале III в., пишет весёлый роман о похождениях грека Луция, который, пожелав испытать колдовское искусство славившихся своими познаниями в магии фессалийских женщин, по ошибке превращается в осла и в таком виде переживает разнообразные приключения. В романе Апулея есть всё, что обычно входило в состав античного романа,— и разбойники, похищающие прекрасную девушку, и страшные опасности, и чудесные избавления, и любовные истории, и кровавые преступления, и вставные рассказы, из которых особенно знаменита сказка об Амуре и Психее, многократно обрабатывавшаяся впоследствии и на Западе, и в России. Но конец романа религиозен: Луция освобождает от чар явившаяся ему во сне богиня Исида, и он принимает посвящение в её мистерии. В романе «Эфиопика», написанном Гелиодором из Эмесы, обычный для античного романа сюжет — приключения двух влюблённых, которые соединяются, лишь испытав невероятные опасности и страдания,— сочетается с прославлением покровительствующего им солнечного бога, которого автор называет Аполлоном, но под которым, видимо, подразумевает эмесского Элагабала.

Наиболее интересен в этом смысле религиозно-философский роман начала III в., написанный известным софистом Филостратом, о мудреце и «чудотворце» I в. н. э. Аполлонии из каппадокийского города Тианы. Филострат был близок к жене Септимия Севера Юлии Домне, собиравшей вокруг себя всех выдающихся представителей тогдашних образованных кругов. Здесь обсуждались все волновавшие их вопросы с известной свободой, допускавшейся Юлией Домной, которая стояла в некоторой оппозиции сперва к мужу, а затем к сыну.

Филострат с одобрения или даже по совету императрицы попытался дать в своём романе новый идеал современникам. Его Аполлоний, которого, кстати, некоторые противники христианства впоследствии противопоставляли Христу,— совершенный образец античной мудрости и добродетели. Эти качества он приобрёл праведной жизнью по заветам Пифагора и общением с философами Эфиопии и Индии. Свою мудрость Аполлоний ставит на службу обществу. Он поучает граждан, реформирует и восстанавливает религиозные обряды, успокаивает мятежи, обличает корыстолюбцев, изгоняет демонов, даёт Веспасиану советы, как наилучшим образом устроить империю, причём формулирует программу монархии, основанной на городской автономии, свободе мысли и мирной политике, активно борется против «тирана» Домициана.

Это служение обществу сближает Аполлония с идеалом мудреца в учениях стоиков и киников. С ними роднит его и представление о всеобщем гармоническом единстве мира, но обоснование ему он даёт несколько иное. Для стоиков высшим началом был разум; разум диктовал подчинение неизбежным законам природы, исполнение долга и т. п. Аполлоний в духе положений неопифагорейцев и платоников учит, что выше разума стоит некое идеальное начало, общее всему и всё объединяющее. Разумом его познать нельзя, но к нему надо стремиться, так как только в соединении с ним — высший смысл жизни.

Чем дальше, тем острее становится идеологическая борьба, развёртывающаяся параллельно с борьбой социальной. Среди аристократии западных провинций крепнет

культ Антонинов, но не реальных, исторических Антонинов, а идеальных правителей, которые ещё явятся и устроят мир без солдат, без «варваров», без «тиранов» и передадут всю власть сенату. Появляются пророчества о грядущем пришествии такого сенатского «мессии». С ним сближается, между прочим, и Геракл, но не народный Геракл-труженик, а аристократический Геракл, «добрый царь», гроза тиранов, укротитель «черни». Такого Геракла особенно чтили правители Галльской империи: император Проб, искавший союза с западной знатью, и палач багаудов Максимиан.

Среди восточной аристократии в соответствии с её политическими устремлениями большое распространение получают солнечные культы. Солнце здесь мыслилось как единственный или во всяком случае верховный бог и вместе с тем как особый покровитель императора, который так же велик и недосягаем на земле, как солнце на небе. Это-то солнце и избрал своим богом Аврелиан, налаживая отношения с Востоком после победы над Зенобией.

В армии и связанных с нею кругах всё ещё процветал культ Юпитера — бога римской мощи и славы. Сложные религиозно-философские системы в народе и армии распространялись слабо или принимали формы примитивной магии и веры в демонов. Только культ «спасителя» Митры, ясно дававший ответ на вопрос о происхождении зла и об избавлении от него, а также христианство находили здесь всё больше сторонников.

В среде муниципальных рабовладельцев и связанной с ними городской интеллигенции идеологический кризис чувствовался острее всего. Большое распространение получают здесь христианские и нехристианские гностические системы, созданные главным образом уроженцами Сирии и Египта, где, особенно в Александрии, развиваются новые религиозно-философские школы, близкие к платонизму. На гностиков сильно влияли также египетские, сирийские и персидские мистерии. Их учения излагались в форме тайных откровений.

При всём различии этих систем их объединяла крайне пессимистическая оценка мира и человечества, что естественно для представителей класса, уходящего в прошлое. Бегство от общества, строгий аскетизм пользовались всё возрастающей популярностью в этих кругах. Презрение к «черни» заставляло гностиков делить человечество на немногих избранных, живущих духом, и массы обречённых на погибель людей, преданных только материальным интересам. Общая неудовлетворённость действительностью приводила к заключению, что зло неизбежно присуще материальному миру, греховному и испорченному. Ни улучшить, ни перестроить его нельзя, он обречён на гибель. Поэтому мудрый не может и не должен служить благу человечества, государства, города. Его дело — заботиться о собственном спасении, изучая высшие тайны мира духов, что должно привести его к преодолению царящей в мире роковой необходимости и ввести в область высшей свободы.

Этот беспросветный пессимизм был так распространён, что повлиял и на некоторых христианских писателей, вышедших из той же среды. Потребность ответить на занимавшие умы вопросы побуждала христиан создать собственную философскую систему. Первыми христианами, откликнувшимися в этом смысле на запросы времени, были александрийцы Климент и особенно Ориген. Ориген первоначально обучался у платоника Аммония и многое заимствовал у платоников и гностиков, пытаясь, однако, в противоположность им, обосновать идею не всеобщей гибели, а всеобщего спасения. Церковь впоследствии не признала его сочинения ортодоксальными, но в своё время Ориген был в большом почёте.

Плотин и неоплатонизм

Из той же школы Аммония вышел и творец последней значительной языческой философской системы — системы неоплатонизма — Плотин. Не случайно формирование этой системы совпало с правлением Галлиена: общественные слои, мечтавшие о реставрации империи Августа и Антонинов, в последний раз собрав свои силы, выступили как в области политики, так и в области идеологии. Лекции прибывшего в Рим Пло-

тина посещали представители образованных кругов, некоторые сенаторы и даже сам Галлиен, который, по некоторым данным, намеревался основать город философов Платонополь, по образцу государства Платона.

Система Плотина абстрактна, сложна и внешне совершенно оторвана от реальной жизни, но, как и всякая философская система, она всё же порождена окружающей действительностью. Для Плотина, как и для его современников, наиболее важны вопросы о добре и зле, о боге и мире, о месте и задачах человека. Он является последовательным идеалистом и связывает зло с материей, он презирает людей, для него большую роль играют мистика, астрология, магия. В этом смысле система Плотина носит на себе черты глубокого упадка, но всё-таки он попытался спасти то, что ещё казалось возможным спасти из свойственного античности активного, оптимистического отношения к миру.

Первопричиной, началом всего Плотин считает непознаваемое разумом верховное благо, которое он часто сравнивает со светом. Это благо — первоисточник всего сущего, присуще всему, и именно оно делает мир единым, стройным во всех его частях, взаимосвязанным целым. Ниже верховного блага стоят мировой разум и мировая душа, частями которых являются умы и души богов, светил, людей, животных. Верховный свет, как бы пройдя через разум и душу, постепенно меркнет и совершенно погасает в материи. Задача человека — путём совершенствования своей души и выделения таящегося в ней света слиться с верховным благом.

Плотин — противник крайнего аскетизма, он считает, как и стоики, что мудрец должен жить в обществе, исполнять свои обязанности по отношению к нему и помнить, что он только часть прекрасного и совершенного целого, благо которого выше блага его части. Для определения задач человека Плотин охотно пользуется образами стоиков: человек — это актёр мировой драмы, боец в мировом воинстве. Он высмеивает тех, кто складывает руки, полагаясь на богов или пришествие божественного спасителя, а потом жалуется на жизнь. Понятно, говорит он, что, когда люди становятся подобны робким овцам, их пожирают сильные волки, т. е. богачи и тираны. Этот призыв к борьбе весьма знаменателен, если учесть события времени Галлиена.

Заимствуя многое из этики стоиков, Плотин приспособляет её к индивидуализму своего времени. Добродетель для него, в отличие от стоиков, не самоцель, а лишь путь к слиянию с верховным благом. Не признаёт Плотин и конечной мировой катастрофы, о которой говорили стоики, и неоднократно возражает гностикам, для которых эта катастрофа была одной из основ их пессимизма. По мнению Плотина, мир вечен и прекрасен, как вечна и прекрасна его первопричина. Он движется по неизменным законам, которых не могут изменить ни пришествие «спасителя», ни заклинания демонов, ни молитвы богам. Однако он не отрицает религии, считая, что к богам надо обращаться с определёнными, строго установленными формулами, как это было характерно для старой римской религии, которую старался возродить Галлиен и которая была ещё сильна в поддерживавшей его армии.

Неудача реставраторских попыток Галлиена пагубно повлияла на школу Плотина. После смерти Галлиена Плотин и большинство его учеников покинули Рим. Близкий к нему философ Лонгин бежал к Зенобии и был затем казнён Аврелианом. Изменяется и самый неоплатонизм. Уже у ближайшего ученика Плотина, сирийца Порфирия, исчезают те элементы оптимистической оценки мира и призывы к активной жизни в обществе, которые были у его учителя. Порфирий считает, что мудрец должен бежать от толпы в пустыню. Аскетизм, магия, астрология, учение о демонах начинают играть главную роль в позднейшем неоплатонизме, который, таким образом, постепенно сливается с теми системами, против которых боролся сам Плотин.

Укрепление христианства

Среди всех этих упадочных, пессимистических, аристократических систем наиболее жизнеспособным и крепнущим остаётся христианство. Оно было самым простым, доходчивым, массовым учением. В этом причина его широкого распространения. Возражая философам, христианский писатель конца III в. Лактанций писал, что благо не может заключаться в знании, так как оно должно быть обще всем — и рабам, и крестьянам, и женщинам, и «варварам», которые не имеют возможности заниматься наукой или неспособны к ней. Кроме того, христианство оставляло достаточно места для личной активности и вместе с тем давало своим сторонникам определённую перспективу: личную — в загробном блаженстве; общую — во втором пришествии и наступлении «царства праведных». Правда, это «царство праведных» по-разному понималось богатыми и бедными, но тем больше возможностей было для привлечения различных слоев населения.

Одновременно с этим христианская религия в III в. постепенно теряет свою былую оппозиционность к правительству, к богатству: в ней всё громче начинает звучать проповедь смирения и покорности. Складывается общая церковная организация для всей империи, церковная иерархия всё больше приобретает монархические черты. Всё это подготовляет союз церкви с империей и окончательно ставит христианскую религию на службу господствующим классам.

ГЛАВА XXV
РАЗЛОЖЕНИЕ И УПАДОК РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ, ИРАНЕ, НА КАВКАЗЕ И В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

1. Средняя Азия в III—IV вв. н. э.

III—IV вв. н. э. — мало изученный период в истории Средней Азии. Особенно плохо известны социально-экономические отношения. Местная традиция скудна и сохранилась главным образом в пересказах арабо-язычных писателей более позднего времени. Материал литературных источников относится преимущественно ко времени, непосредственно предшествующему арабскому завоеванию (V—VIII вв.). Поэтому для характеристики Средней Азии III—IV вв. приходится использовать материал более позднего времени. Для истории идеологии и культуры Средней Азии в этот период большое значение имеют, в частности, согдийские рукописи VII—IX вв. из Восточного Туркестана и VIII в. с горы Муг в Таджикистане.

Распад Кушанского царства. Политическая раздроблённость Средней Азии

В III в. начинается распад Кушанской империи. Юго-западные области Средней Азии захватывает сасанидский Иран. Кушанские цари теряют значительные территории в Индии. Власть кушанских царей Индостана сохраняется лишь на небольшой территории в долине Кабула. Кушанские шахи Согда, правители города Кушании на Зарафшане, по-видимому, политически никак не были с ними связаны. В IV в. кушанские шахи Кабула переходят от борьбы с Сасанидами к союзу с ними, закреплённому брачными связями. Окончательное крушение остатков Кушанской державы происходит на рубеже IV и V вв., когда в Среднюю Азию хлынули новые волны кочевников.

В процессе разложения Кушанской империи Средняя Азия снова распадается на бесконечное количество городов-государств. Разделённые степями, пустынями и труднопроходимыми горами отдельные оазисы и долины представляли собой самостоятельные государственные образования. Нередко политическая раздроблён-

ность шла ещё дальше, и на территории одного оазиса возникало несколько государств. Напротив, иногда происходило объединение мелких городских царств под властью более крупных в своеобразные федерации городов-государств.

Изменилась вся карта Средней Азии. За древней Бактрией теперь окончательно утвердилось название Тохаристан. Гиндукуш отделял Тохаристан на юге от Кабульского царства, Гиссарский хребет на севере — от Согда. На востоке с Тохаристаном граничило Памирское нагорье, заселённое независимыми кочевниками, на западе — оазисы Мургаба и Герируда. На территории современной Горно-Бадахшанской области был расположен ряд горных княжеств.

Согд (Согдиана античных авторов) политически был раздроблен. Собственно Согд охватывал бассейн Зарафшана от Пенджикента до Кермине. Западная часть долины Зарафшана представляла собой особую федерацию городских царств во главе с Бухарой. Общее число владений в Согде было весьма значительно; наиболее сильным было княжество Маймург с центром в Ривдаде (вероятно, городище Тали-Барзу), в 8—9 *км* к югу от Самарканда. Значение Маймурга объяснялось тем, что в нём находились главные сооружения ирригационной системы, орошавшей земли к югу от Зарафшана.

Самарканд, древняя Мараканда, в III—IV вв. был, по-видимому, незначительным городом. После падения Греко-Бактрийского царства он упоминается в источниках (а именно, в китайских) впервые с V в. С этого времени начинается рост Самарканда как торгового и культурного центра. Ниже Самарканда по Зарафшану находились небольшое государство Иштихан и Кушания, столица Согда при кушанах, один из последних обломков великой империи. У истоков Зарафшана находилась область Осрушана. На левом берегу Аму-Дарьи было расположено небольшое владение Амуль (Чарджоу).

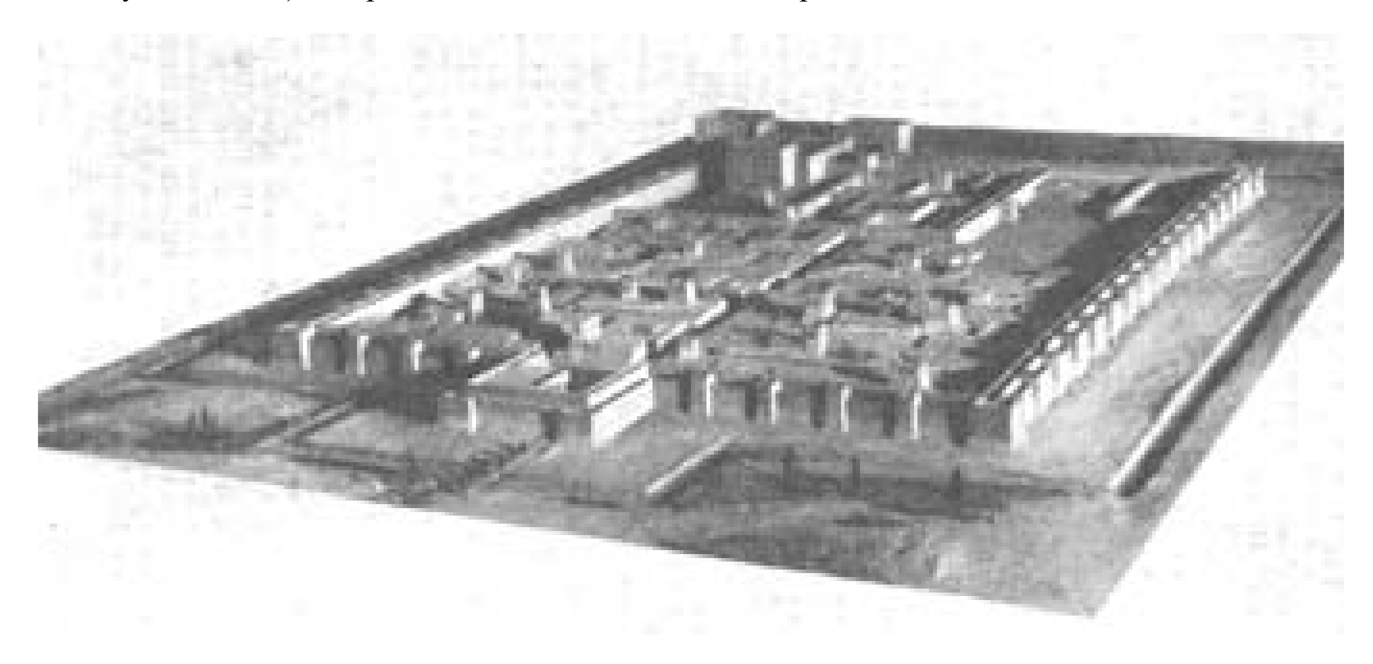
Фергана, за исключением Ходжента (древняя Александрия Эсхата, современный Ленинабад), также представляла собой федерацию городов-государств с центром в Касане. Ниже по течению Сыр-Дарьи, в долине Чирчика был расположен Шаш (Чач) с центром в Бинакенте (современный Ташкент). Ниже Шаша по Сыр-Дарье также существовали цветущие культурные земли. В бассейне Арыси было расположено Исфиджабское царство с центром в Исфиджабе (около современного Чимкента). Ещё ниже располагалась область Фараба, или Отрара, имевшая накануне арабского завоевания самостоятельных царей.

Хорезм

История Хорезма в III—IV вв. известна лучше, чем история других областей Средней Азии, благодаря производившимся здесь раскопкам. Культурная полоса Хорезма в I тысячелетии н. э. была значительно шире, чем когда-либо позже. Она простиралась далеко на запад и на восток от Аму-Дарьи. Для Хорезма была характерна довольно значительная политическая централизация. Упадок Кушанской империи в III в. н. э. привёл к освобождению Хорезма от кушанской зависимости. Первые Сасаниды претендовали на то, чтобы господствовать над Хорезмом, но фактически он был независим от них. На III в. падает кратковременный подъём могущества Хорезма, последний расцвет его в рабовладельческую эпоху.

Выдающимся памятником культуры Хорезма I—VI вв. н. э. является городище Топрак-кала. Здесь находилась в III в. столица Хорезма. Город в плане представлял собой правильный прямоугольник. В северо-западном углу был расположен дворец правителя — огромный трёхбашенный замок. На юго-восток от замка находился храм огня. От него на юг шла длинная улица, разрезавшая город на две половины. Отходившие от неё переулки отделяли друг от друга массивные дома-кварталы, из которых состояла столица позднерабовладельческого Хорезма. В Топрак-кала открыто большое количество памятников искусства (архитектуры, скульптуры, живописи), монет и — самое главное — памятники хорезмской письменности. Здесь был обнаружен архив из 116 документов, написанных на дереве и коже.

В 305 г. столица была перенесена в город Кят на правом берегу Аму-Дарьи, где, по рассказу хорезмского учёного X—XI вв. Бируни, хорезмшах Африг (имя его известно и по данным нумизматики) построил величественный замок Фир. От



Городище Топрак-кала. Хорезм. III в. н. э. Макет.

Африга пошла династия Афригидов, правившая в Хорезме несколько веков. По имени этой династии и культура Хорезма этого периода называется афригидской.

Юго-западная часть Средней Азии с первой половины III в. входила в состав сасанидского Ирана.

Хозяйство и общественный строй Средней Азии в III—IV вв.

Основу хозяйства Средней Азии составляло ирригационное земледелие. Оросительная сеть достигла наивысшего развития в кушанский период. Главные оросительные системы Средней Азии с их большими каналами, по которым крупные речные суда проникали на десятки километров в глубь страны, восходят к этому времени. В рассматриваемый период здесь были известны многие из сельскохозяйственных культур, выращиваемых и теперь: пшеница, просо, ячмень, люцерна, хлопок, виноград, огородные и бахчевые растения, в частности дыни, плодовые деревья, тутовое дерево и т. д. Значительную роль играло животноводство — разведение лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, домашней птицы. В малоплодородных горных районах скотоводство преобладало над земледелием.

Высокого развития достигло также ремесло—гончарное, металлургическое, стекольное, кузнечное, ткацкое (особенно в окрестностях Бухары) и т. д. Для данного периода оно известно по археологическим находкам, для более позднего — также и по сообщениям арабских писателей. Сильно было развито горное дело, особенно на востоке Средней Азии, в горах, нередко восходившее к глубокой древности. Китайские источники сообщают, что в горах Ферганы и Согда добывались железо, золото, серебро и нефрит. В Илаке добывалось серебро, в Карамазаре — медь, в Бадахшане — рубины, в Бактрии — лазурит и т. д.

Чтобы составить представление об общественном строе Средней Азии III— IV вв. материал приходится черпать отчасти из последующего времени. Среднеазиатский город рассматриваемого периода обычно занимал обширное пространство, обнесённое кольцом мощных глинобитных стен и пересечённое арыками. Здесь находились окружённые садами и посевами укреплённые усадьбы *дехкан.* Непремен-

Фазан. Роспись по глине из городища Топрак-кала. III в. н. э.

ной принадлежностью города был рынок, почти всегда за воротами, а также храмы и монастыри различных религий — зороастрийские («дома огня», куда по праздникам горожане собирались на общественную трапезу), буддийские, манихейские и христианские.

Вокруг города располагался *рустак* — находящаяся под его влиянием сельская местность, границы которой определялись размерами ирригационной сети. В рустаке находились такие же укреплённые усадьбы, как и в городе. Различие состояло в меньшей густоте расположения построек, в меньшем удельном весе ремесла сравнительно с земледелием. Неукреплённые селения существовали только в отсталых горных местностях. Даже те населённые пункты, которые позднейшие арабские источники именуют деревнями, имели обычно стены, цитадель правителя, храмы, рынки. Их полусамостоятельные правители нередко носили столь же громкие титулы, как и правители крупных городов. Наряду с относительно скромными «замками» крестьянских семейных общин возникают мощные крепости землевладельческой знати.

Наличие укреплённых поселений — характерная особенность Средней Азии. Не случайно поэтому иноземные источники постоянно говорят о большом количестве среднеазиатских «городов». Это объясняется специфическими условиями Средней Азии. Рядом с оазисами жили кочевники. Оживлённый обмен с ними способствовал возникновению центров торговли и ремесла, а их постоянные набеги не позволяли оседлому населению жить вне укреплений.

Упадок рабовладельческого строя на территории Средней Азии находит отражение в различных областях жизни. В результате ослабления государственной власти и прогрессирующего закабаления крестьянства приходит в упадок ирригационная система. Центр тяжести хозяйственной жизни переносится из города в деревню. Получает резкое преобладание замкнутое хозяйство, развивающееся в поместьях крупных землевладельцев. Ослабевают внешние экономические связи. Наивысшего расцвета торговля достигает в кушанский период. Обмен с кочевниками, транзитная торговля между Ираном, Индией, Китаем и Восточной Европой, пути которой скрещивались в Средней Азии,— всё это ещё сохраняется от кушанского периода, но в уменьшенных масштабах. Купцов ещё много, и они весьма влиятельны (источники упоминают о них применительно к Пайкенду, Бухаре, Хорезму), но по своему положению они во многом приближаются к землевладельческой знати: они также имеют земли, башни, клиентов и рабов. Именно рабами купцов и землевладельческой знати были те ремесленники, изделия которых упоминаются в литературных источниках и обнаружены археологами. Свободных ремесленников в рабовладельческой Средней Азии было мало; лишь в немногих городах, например в Антиохии Маргиане, в парфянский период существовали ремесленные кварталы.

Голова жены царя Вазамара.
Глиняная скульптура из городища Топрак-кала III в. н. э.

Политический строй

В политическом строе и в быту среднеазиатских государств этого времени сохранились весьма древние черты. Власть царя была ограничена советом старейшин. Царь был верховным жрецом и участвовал в религиозных церемониях. Особа царя считалась священной, с ней связывались магические представления: цари некоторых городов не могли показывать народу свои волосы, дабы не навлечь несчастья. Китайские и арабские источники говорят о пышном придворном этикете. Цари ряда городов и государств чеканили монету. Известны монеты Бухары, Хорезма, Согда. Для Хорезма характерны, в частности, мелкие бронзовые монеты. Некоторые согдийские монеты чеканились по образцу

китайских с квадратным отверстием в середине. Происхождение многих монет ещё не установлено.

Города-государства иногда объединялись в конфедерации под гегемонией сильнейшего из них. Во главе конфедерации стоял съезд царей и знати. Основную массу войска составляла аристократическая конница. Наряду с этим городская знать выставляла отряды вооружённых рабов — *чакиров.* О них говорят китайские источники.

Культура

Культура Средней Азии на рубеже древности и средневековья стояла высоко. Значительное развитие получили письменность и литература — религиозная, историческая, астрономическая и т. д. Существовало много различных видов письменности.

Очевидно, не позже IV в. н. э. на основе арамейского алфавита было создано согдийское письмо. Известная переписка между матерью, жившей в Самарканде, и дочерью, которая жила в согдийской колонии в Дуньхуане, в восточной части Восточного Туркестана, датируется началом IV в. Эта переписка даёт представление о семейном быте согдийцев и, в частности, о грамотности и самостоятельности женщин, не говоря уже о том, что она является одним из немногих и притом наиболее древних памятников согдийского языка. В Хорезме развивается хорезмское письмо, с V в. начинающее эволюционировать в сторону курсива. К III —IV вв. относятся важнейшие памятники древнехорезмской письменности: архив из Топрак-кала, ранние монеты Афригидов. В Тохаристане было, по-видимому, распространено несколько алфавитов индийского происхождения. Своеобразное письмо, восходящее к арамейскому алфавиту (как согдийское и хорезмское), существовало и у кочевников. К сожалению, письменных памятников этого времени сохранилось немного. Бируни упоминает о хрониках и религиозных трактатах в Хорезме, уничтоженных арабами.

Искусство Средней Азии на рубеже древности и средневековья также достигло высокого уровня. Его образцами могут служить терракотовые статуэтки Афрасиаба, скульптурные украшения погребальных ящиков, серебряные чаши с реалистическими изображениями царей, всадников и божеств, происходящие, видимо, из Хорезма. Архитектура получила новый толчок благодаря строительству замков. Для гражданской архитектуры Хорезма в этот период характерны суровые и простые формы построек, обработка поверхности стен в виде полуколонн, соединяемых наверху полукруглыми арочками, массивные цоколи центральных высоко подымающихся башен.

В религиозном отношении Средняя Азия отличалась не меньшей пестротой, чем в политическом. Это было следствием того, что в процессе исторического развития одна религиозная система наслаивалась здесь на другую. Древнейшими формами религиозной идеологии были местные культы, ещё продолжавшие играть значительную роль, хотя бы в виде пережитков, и возникший на территории Восточного Ирана и Средней Азии зороастризм. В кушанский период распространяется буддизм. В период распада Кушанского царства в Среднюю Азию проникают иудаизм, манихейство и христианство. Из Восточного Туркестана (Синьцзяна) дошли многочисленные манихейские тексты, согдийские и тюркские. В тюркском варианте, восходящем к V в., сохранилось главное произведение манихейского вероучения — «Хуастуанифт».

2. Сасанидский Иран в III—IV вв. н. э.

Парс

В 20-х годах III в. Парфянская держава, ослабленная борьбой с Римом и разъедаемая внутренними противоречиями, пала под ударами новой Политической силы, вышедшей из коренной персидской области — из Парса.

Парс (иранская форма), или Персида (греческая форма), область на юго-западе Иранского плоскогорья, был некогда тем ядром, вокруг которого сложилась держава Ахеменидов. Экономическим и культурным центром государства Ахеменидов стали, однако, более западные области: Элам, Западная Мидия и Месопотамия. Со времён

походов Александра политическое значение Парса было сведено на нет. В течение многовекового периода от разгрома державы Ахеменидов и до падения Парфянского царства Парс жил самостоятельной экономической и культурной жизнью.

Парфянская держава была неоднородным и неустойчивым объединением. В отдельных же небольших областях, из которых состояла Парфянская держава, положение часто бывало иным. Там в ряде случаев население принадлежало к одной народности или к близким, родственным племенам, имевшим общий понятный во всей области язык, общую материальную и духовную культуру. Такой областью был и Парс. Сохранилось несколько серий монет, чеканившихся правителями Парса с III в. до н. э. по II в. н. э. Имена правителей указывают на их связь с Ахеменидами. Монеты эти имели хождение на территории Парса и свидетельствовали о довольно значительном развитии здесь товарно-денежных отношений в рабовладельческую эпоху.

Возникновение державы Сасанидов. Общественный строй

К началу III в. относятся военные успехи знатного рода Сасанидов, выступившего в качестве собирателя земель Парса. Представитель этого рода Ардашир сумел подчинить, себе весь Парс и начал прибирать к рукам как области Центрального Ирана — Джей (позднее Исфахан) и Керман, так и лежащий к западу от Парса Хузистан (древнюю Сузиану). Обеспокоенный успехами Ардашира, парфянский царь Артабан V вступил с ним в борьбу, но в битве при Ормиздагане в Мидии (в апреле 224 г.) потерпел полное поражение и был убит на поле боя. В 226 г. Ардашир торжественно венчался на царство и оказался главой большой, но пришедшей к тому времени в полный упадок и распавшейся на составные части Парфянской державы.

Вопрос о структуре иранского общества в III—IV вв. очень сложен и окончательно не решён. Несомненно, что рабовладельческие порядки продолжали существовать и в ряде областей играли ещё немалую роль. Упоминания о рабах постоянно встречаются в различных источниках, но главные сведения дают сохранившиеся части сасанидского сборника юридических казусов «Матиган-и хазар дадестан». Здесь указывается, что первоначально рабом считался родившийся от отца-раба, а позднее — родившийся от матери-рабыни. Рабы покупались и продавались. Известна даже средняя цена раба — 500 драхм. Рабы дарились, посвящались храму, отдавались в залог. В рабство отдавали за некоторые преступления. Существовала сложная система вольноотпущенничества. Рабы могли на известных условиях иметь собственность, заключать сделки. К концу рассматриваемого периода уже существовала, по-видимому, система так называемого «частичного освобождения» раба, на деле — предоставление рабу права пользоваться частью произведённого им продукта.

Известны случаи массового обращения в рабство жителей захваченных городов и территорий. Это говорит о том, что рабство сохранялось ещё в больших масштабах. Известно также, что рабы работали не только в доме или в качестве ремесленников, но и на земле. Известно, что поместье — *дасткарт* — могло продаваться и дариться вместе с рабами. Дольше всего рабский труд, по-видимому, применялся на ирригационных и мелиоративных работах.

Необходимо, однако, иметь в виду, что различные области державы Сасанидов были несходны между собой по общественному строю. Если Месопотамия, имевшая в этот период, как и в предыдущие, значение экономического центра государства, продолжала сохранять рабовладельческие порядки, то жизнь внутренних, особенно горных, областей Ирана была весьма архаичной. Там всё ещё преобладали первобытно-общинные отношения.

Наряду с рабами, которые далеко не во всех областях играли одинаковую экономическую роль, существовала гораздо более многочисленная категория производителей — свободные ремесленники в городах и свободные общинники-крестьяне в деревне.

В Иране большесемейная домовая община ещё играла важную роль. В упомянутом выше юридическом сборнике имеются термины *дудак* (дым), обозначающий общину, и *хамдудакан* (однодымцы), обозначающий членов большесемейной общины, а также термин *нирмат,* обозначающий совместное владение имуществом. Однако к концу рассматриваемого периода можно говорить о далеко зашедшем распаде большесемейной общины и окончательном растворении её в общине соседской, существование которой в Иране засвидетельствовано уже в I в. до н. э. В связи с этим происходит и изменение значения термина *катак-хватав* (позднее *кед-худа*), первоначально означавшего главу большесемейной общины, а к концу рассматриваемого периода уже означающего сельского старосту, выделившегося из среды односельчан и несущего определённые административные и финансовые функции. Сасанидский сборник даёт также некоторые намёки на сохранение определённых видов коллективной общинной собственности. Так, упоминается пастух, пасущий как общественное стадо, так и скот, принадлежащий отдельным членам общины.

Несколько иную картину представляет входившая в состав государства Сасанидов Месопотамия. Среди месопотамского крестьянства можно различить свободного земледельца-*габра* (что значит просто «муж») и зависимого колона — *палаха.* Для Месопотамии этого времени можно проследить процесс прикрепления рабов к земле и превращения их в колонов, происходящий параллельно с процессом закабаления свободных крестьян, что приводит к стиранию грани между ними и колонами.

Господствующий класс состоял из рабовладельцев и землевладельцев, как мелких, так и очень крупных. Могущественные роды земельной аристократии во главе с правящим домом Сасанидов имели огромные земельные угодья в разных областях страны, но обычно большая часть земель одного рода располагалась компактно в одной области. Так, род Сурен был связан с Сакастаном, род Спандиад — с Реем, род Карен — с Мидией. Известный государственный деятель Михр-Нарсе из рода Спандиад владел в Парсе значительными угодьями в округах Ардашир-Хварре и Шапур. У него там были деревни, в которых он строил храмы огня, разбивал парки. Обширные земельные угодья принадлежали также храмам и духовенству.

Наряду с такими крупнейшими землевладельцами были и землевладельцы более мелкие. Низший, наиболее многочисленный слой господствующего класса составляли *азаты* (буквально «свободные»). В это понятие, по-видимому, кроме низших слоев земельной аристократии, входили также дехканы и кед-худа — верхушка, выделившаяся при обнищании и закабалении сельской общины. Часто такие дехканы, вероятно, сами обрабатывали свою землю с помощью домочадцев и рабов.

До сих пор остаются неясными конкретные формы взаимоотношений между землевладельцем и крестьянами, обрабатывавшими его землю, и тем более взаимоотношения между землевладельцем и ещё сохранившимися свободными крестьянскими общинами в сасанидском Иране. Известно только о государственных повинностях крестьянства. Основными видами налогов были поземельный налог и подушная подать.

Закабаление общинников. Положение ремесленников

Вопрос о закабалении свободных общинников — один из важнейших вопросов истории Западной Азии в первые века нашей эры. В дошедшем до нас документе о продаже виноградника (I в. до н. э.) заметно стремление парфянской государственной власти в целях обеспечения интересов фиска ввести принудительную обработку земли, учредив круговую поруку общины за уплату налогов. Это, несомненно, первый шаг по пути закабаления общинника крупными землевладельцами и их государством. Сасанидское государство, государство главным образом персидской, но также и парфянской рабовладельческой и земельной аристократии, пошло ещё дальше по этому пути. Закабаление свободного общинника, превращение его в зависимого крестьянина — один из главных признаков зарождения феодальных отношений в Иране и соседних областях в III-V вв.

Поземельный налог ложился тяжёлым бременем на население. Для времени до IV в. размеры налогов точно неизвестны, но об их тяжести можно судить по сообщению источников о том, что при вступлении на престол царя Бахрама V недоимки по поземельному налогу достигали 70 млн. драхм. Во второй половине V в. в Иране в результате междоусобной войны, недорода, а также восстаний крестьян царь Пероз вынужден был «объявить при помощи писем всему своему народу, что он всех освобождает от поземельного налога, подушной подати, общественных работ и барщины». Из данного отрывка видно, из чего складывались основные повинности крестьянского населения. Налоги поступали в основном натурой. Государство имело обширные запасы зерна в специальных зернохранилищах.

Положение ремесленников в сасанидском государстве до сих пор недостаточно ясно. Сохранившиеся многочисленные изделия говорят о большом мастерстве и, несомненно, предполагают уже далеко зашедшее разделение труда, наличие специализированного ремесла, давно отделившегося от сельского хозяйства. В источниках встречаются упоминания о ремесленниках и даже о каких-то ремесленных организациях, характер которых нам ещё недостаточно ясен.

Сословная организация. Государственный строй

Сасанидская держава была типичным сословно-кастовым государством. Всё население делилось сначала на три, а затем на четыре сословия. Первые три сословия принадлежали к господствующему классу, это были воины, духовенство и чиновничество. Четвёртое сословие было податным, в него входили крестьяне, ремесленники, а также купцы. Переход из податного сословия в высшие был чрезвычайно затруднён, практически даже невозможен.

Привилегированные сословия делились на ранги, причём переход из одного ранга в другой был также весьма затруднён. Главой воинов считался главнокомандующий войском, главой духовенства — верховный жрец господствовавшей зороастрийской религии, главой чиновников — «великий писец». Главой четвёртого, податного сословия был чиновник, назначавшийся царём и игравший большую роль в административном аппарате. Он носил титул *вастриошансалар.*

Хотя царь должен был обязательно происходить из дома Сасанидов, но строгого порядка наследования не существовало. Обычно царь ещё при жизни стремился закрепить престол за угодным ему царевичем. В разные периоды роль высшей знати — светской и духовной — в выборе царя была то большей, то меньшей. Во всяком случае царь неоднократно выбирался под давлением той или иной группировки знати. Единственным правилом, которого строго придерживались, было требование, чтобы царь не имел телесных недостатков. Власть царя теоретически ничем не была ограничена.

Во главе административного аппарата стоял сановник, которого называли «великим распорядителем». Центральное правительство ведало в основном финансами и армией. Всеми финансами страны распоряжался глава четвёртого сословия — вастриошансалар. Его основной функцией был сбор налогов, под его началом стояли *амаркары* — сборщики налогов в отдельных областях.

Провинциальное управление осуществлялось или через местных князьков и царей, покорившихся Сасанидам, но сохранивших известную самостоятельность, или через наместников, назначавшихся из представителей высшей персидской и парфянской знати. Часто наместниками важнейших, особенно пограничных со Средней Азией, провинций были члены дома Сасанидов.

Армия состояла из ополчения и вспомогательных отрядов союзных «варварских» племён. Её ядром была тяжёлая конница азатов. Пехота играла вспомогательную роль. Отдельные отряды были значительно больше преданы приведшему их представителю местной аристократии, чем главе армии — *эранспахбаду,* поставленному центральной властью. Такое войско являлось постоянной опасностью для царя,

и ему обычно стоило немалых трудов держать его в повиновении и пользоваться им в соответствии со своими интересами.

Зороастризм Громадную роль в царстве Сасанидов играла государственная религия — зороастризм, активно способствовавшая укреплению власти персидской земельной аристократии и закабалению крестьянства.

Зороастризм только в сасанидское время окончательно сложился в воинствующую религию с письменно зафиксированными догматами, с подробно разработанной мелочной обрядностью и строго определённым культом. Своими корнями зороастризм уходит в древние иранские земледельческие культы, которые стали складываться в единый культ ещё в ахеменидское время, но заглохли под натиском эллинистических синкретических учений, чтобы возродиться в позднепарфянское время (I в. до н. э.—II в. н. э.).

Сасанидский серебряный кувшинчик с изображением жрицы.

В основе зороастризма сасанидского времени, далеко отошедшего от первоначального учения легендарного пророка Заратуштры, которое зафиксировано в древнейших частях священной книги зороастрийцев—«Авесты», лежала дуалистическая идея борьбы в мире светлого и тёмного начала. Человек обязан всей своей жизнью помогать светлому началу (Ормазд) в борьбе с тёмным (Ахриман). Это представление влекло за собой деление всех земных существ и даже стихий на творения Ормазда и творения Ахримана и было связано с множеством мелочных обрядов и предписаний, исполнение которых должно было охранять верующего от осквернения и от общения, вольного или невольного, с тёмными силами.

Сложный и детально разработанный культ различных божеств — Ормазда, Михра, Анахез (Анахиты), Зрвана, стихий и сил природы (солнца, огня, звёзд) отправлялся огромным количеством жрецов — *мобадов* (собственно «начальников магов») и *хербадов.* Местами культа были многочисленные храмы, где горел неугасимый огонь и совершались обряды, сопровождаемые песнопениями и чтением священных текстов.

Храмы владели обширными землями, им делались богатые приношения. Высшее духовенство являлось одной из наиболее могущественных прослоек господствующего класса. Кроме того, духовенство получало с населения немалые доходы, исполняя за верующих сложные ритуалы, недоступные и невыполнимые для непосвящённых. Существовала хитроумная система штрафов за несоблюдение религиозных правил и обрядов, вольное или невольное осквернение стихий, осквернение себя соприкосновением с нечистыми творениями и предметами. Вся жизнь трудового населения проходила под неусыпным контролем жрецов, извлекавших из этого материальные выгоды и осуществлявших это наблюдение в интересах государства. Если добавить, что в руках духовенства находились также образование и суд, то станет понятной огромная роль, которую зороастризм играл в государстве Сасанидов.

Религиозная борьба. Манихейство

Социальный протест неизбежно принимал в этих условиях религиозный характер. Отражением ожесточённой классовой борьбы были различные религиозные движения в государстве Сасанидов. Важнейшим из них является манихейство.

Основатель манихейства Мани, родившийся около 215 г. в Вавилонии от знатных родителей, начал свою проповедь ещё при Ардашире I, основателе династии Сасанидов, однако его деятельность относится, главным образом, к правлению сына и преемника Ардашира — Шапура I. По мысли Мани, его учение должно было стать универсальной религией и заменить собой все существующие религии и культы. Именно поэтому он так свободно черпал внешние формы из известных ему религий — зороастризма и христианства.

Мани создал сложную религиозную систему, которая сильно видоизменялась в зависимости от места и времени. Проникая на запад, в Римскую империю, манихейство сближалось с многочисленными христианскими ересями. Распространяясь на восток, манихейство принимало ряд черт, свойственных буддизму. Но основной идеей манихейства, как и зороастризма, была идея дуалистическая. Мир — арена борьбы светлого и тёмного начала. В земном мире светлые и тёмные элементы смешаны, цель мирового процесса развития — освобождение светлых частиц. Человек всем своим поведением, всей своей жизнью должен содействовать освобождению светлых частиц своего существа и окружающего мира, помогая тем самым светлому началу в его борьбе со злом. Поэтому человек не должен убивать себе подобных, обязан воздерживаться от мясной пищи, вести нравственную жизнь. Ещё строже требования к «избранным», отличающимся от мирян тем, что они не должны вступать в брак, не должны не только потреблять мяса, но даже срывать растений, идущих в пищу. «Избранные» обязаны проповедовать манихейское учение, распространять его в мире.

Учение манихеев, направленное против угнетения, против государства, быстро получило широкое распространение, особенно, по-видимому, среди городского населения. Насколько сильно было влияние манихеев, показывает обширная христианская полемическая литература, направленная против них, а также собственно манихейская литература (на коптском, парфянском и других языках). Об этом же говорит и живучесть манихейства. Его отголоски могут быть прослежены в целом ряде антиклерикальных сект средневековья.

Первоначально Сасаниды не противодействовали распространению манихейства, а порой даже поддерживали Мани. Однако, когда выяснился антигосударственный и антиклерикальный характер манихейской проповеди, начались жестокие гонения на манихеев. Сам Мани был казнён, его приверженцы были вынуждены скрываться. На Западе, в Римской империи, куда стало быстро проникать это учение, манихеи подвергались не меньшим преследованиям. Более благоприятной была судьба манихеев на Востоке. Их учение распространилось в Средней Азии, особенно, по-видимому, в согдийских городах, откуда оно было занесено купцами в согдийские колонии Восточного Туркестана и дошло до Китая.

Борьба Сасанидского государства с Римом

Молодое царство Сасанидов, возникшее на развалинах Парфянской державы, во многом продолжало её политику. Ардашир I (226—241), захватив почти все области, подвластные некогда парфянам, потерпел неудачу в Мидии Атропатене и Армении. Затем он обратился на восток, где могущественная Кушанская держава к этому времени уже начала ослабевать. Предание сообщает, что Ардашир подчинил себе все области до Хорезма на северо-востоке и долины Кабула на востоке. Эти сведения преувеличены, хотя, вероятно, Сасаниды сумели сразу же прочно укрепиться в Хорасане и Мервском оазисе, ставшем на несколько веков опорой их власти на востоке.

Сын и преемник Ардашира Шапур I (242—272) возобновил жестокую борьбу с Римом, начатую ещё Парфией. Борьба шла, как и прежде, за Месопотамию и Арме-

нию, за преобладание в Передней Азии. Длительная борьба, в которой перевес склонялся в общем на сторону персов, закончилась в 260 г., как уже указывалось, полным разгромом римлян и пленением императора Валериана.

Шапур I, помимо побед над Римом и усиления позиций персов в Закавказье, сумел добиться значительных успехов и на востоке. Недавно найденная большая надпись Шапура рассказывает о его походе в Среднюю Азию, где он доходил до области Чач (в окрестностях современного Ташкента). Однако не нужно думать, что Шапуру в результате его похода удалось прочно укрепиться в Средней Азии. Вообще раскопки последних лет не подтверждают ходячего мнения о распространении власти Сасанидов далеко на восток, чуть ли не до Инда. По-видимому, в III в. границей империи Сасанидов на востоке были Мервский оазис, горные районы к востоку от Герата и Сакастан.

Сасанидское серебряное блюдо
с изображением Шапура II,
охотящегося на львов.

После смерти Шапура в Иране за двадцать лет сменились четыре царя, что говорит о неустойчивости политического положения в стране. На это же время приходится поход римского императора Кара в Месопотамию, окончившийся заключением мира в 283 г., в результате которого персы потеряли контроль над Арменией. Эти неудачи были осложнены большим восстанием на востоке, которое поднял один из царевичей при поддержке среднеазиатских племён. В самом конце III в. римляне нанесли ряд поражений Сасаниду Нарсесу (293—302), заставив его заключить выгодный для Рима Нисибинский мир (298 г.).

Некоторое укрепление Сасанидского государства совпадает с длительным правлением царя Шапура II (309—379). При нём борьба с Римом вступает в новую фазу, появляется новый политический фактор — христианство. К началу царствования Шапура II относится превращение христианства в господствующую религию Римской империи. В связи с этим изменилось и отношение к христианам в государстве Сасанидов. Когда христиане подвергались гонениям в Римской империи, цари Персии охотно давали им убежище на своей территории, надеясь найти в христианах союзников в тылу у римлян. Теперь же, когда христианство стало господствующей религией враждебного Рима, христиан — приверженцев официальной церкви стали в Иране преследовать и, наоборот, поддерживать представителей различных еретических учений, оппозиционных по отношению к Римской империи и господствующей церкви.

Новый конфликт с Римом начался из-за Армении, где шла сложная борьба интересов. Обе стороны стремились перетянуть армянскую знать на свою сторону. От дипломатических интриг враждующие державы в 359 г. перешли к военным действиям, которые в основном шли в Северной Месопотамии и на востоке Малой Азии. Война развивалась успешно для персов. Шапур II захватил несколько важных крепостей, на которые опиралась оборона римлян. Однако в 361 г. положение изменилось. Римскому императору Юлиану удалось добиться ряда успехов, но затем он был убит, и римляне вынуждены были отступить. Персы снова одержали победу.

Несмотря на это, Армения продолжала ещё довольно долго оставаться яблоком раздора между Римской империей и царством Сасанидов. В конце концов эти державы пришли к решению о разделе Армении.

Нашествия кочевников (V в.). Кризис империи Сасанидов и народные движения

С начала V в. дает о себе знать глухая борьба между царём и его окружением, с одной стороны, и могущественными родами земельной аристократии, проявляющими центробежные стремления,— с другой.

Середина V в. проходит под знаком всё возрастающего недовольства закабаляемых народных масс, борьбы отдельных группировок господствующего класса между собой и участившихся нападений на Иран кочевых племён то со стороны Кавказа, то со стороны Средней Азии.

Так, союз племен, возглавлявшийся эфталитами, создал в Средней Азии сильную кочевую державу, подчинившую себе все важнейшие земледельческие оазисы и города. Эфталиты стали тревожить империю Сасанидов. В двух кампаниях царь Пероз потерпел поражение. Сначала он вынужден был заплатить большую контрибуцию и до полной уплаты её оставить у эфталитов заложником своего сына, а затем войско его было окончательно разбито и сам он погиб на поле боя. В результате этой войны эфталиты захватили ряд восточных областей Персидской державы и наложили на Сасанидов тяжелую дань, которую те уплачивали много лет.

Следствием тяжёлых военных поражений и истощавшего страну голода были народные восстания. С огромным трудом персидской знати удалось подавить народное восстание в Закавказье в 483—484 гг. Но гораздо опаснее для господствующего класса оказалось начавшееся в конце V в. грандиозное крестьянское восстание в Иране и соседних областях, вызванное усилением эксплуатации и закабалением свободных общинников. Это восстание, вошедшее в историю под названием движения *маздакитов,* является важнейшим историческим событием в жизни Западной Азии на грани рабовладельческой и феодальной эпох.

3. Армения в III—IV вв.

Рассматриваемый период — время значительных сдвигов в социально-экономическом развитии Закавказья и, в частности, Армении. Рабовладельческие отношения, которые так и не достигли здесь полного развития, разлагаются и постепенно вытесняются отношениями феодального типа; рост последних совершается, в значительной мере, на основе далеко ещё не изжитых родоплеменных и общинных порядков.

Армения и в этот период играет большую роль в борьбе между Римом и сасанидским Ираном, пришедшим на смену Парфянской державе.

История Армении в III в. известна довольно плохо, главным образом по отрывочным известиям в греко-римской литературе. Лишь в V в. появляется местная армянская историография. В трудах армянских историков Фавстоса Бузанда, Лазара Парпеци, Мовсеса Хоренаци и в тексте Агафангела находит подробное освещение история IV в., тогда как для предшествующих периодов эти историки дают весьма скудные и часто недостоверные известия.

Наступление сасанидского Ирана на Армению

В 20-х годах III в. положение Армении резко изменилось в связи с возникновением державы Сасанидов в Иране. До того времени Армения представляла собой один из уделов династии Аршакидов и ориентировалась вследствие этого на Парфию, зависимость от которой, однако, к началу III в. стала почти номинальной. Союз с Парфией гарантировал Армению от посягательств Рима, тогда как сама Парфия была слишком слаба для того, чтобы навязать Армении реальное господство. После падения Парфии армянские Аршакиды оказались естественными противниками

Сасанидов, свергнувших господство Аршакидов в Иране. Для борьбы с Сасанидами Армения снова сближается с Римом, который теперь уже не был для неё так опасен, как раньше, поскольку ослабевшая империя вступает в III в. в полосу затяжного кризиса. Помимо Рима армяне в борьбе с агрессией Ирана сближаются с иберами и албанами, в результате чего складывается союз народов Закавказья, стремящихся отстоять свою независимость.

Сасаниды, достигнув власти, начали упорную борьбу с Римом за Месопотамию, в которой римляне терпели неудачу за неудачей. Армения также стала объектом борьбы между Сасанидами и Римом. Персидский царь Шапур I стремился прежде всего устранить армянского царя Хосрова I, поскольку тот энергично боролся с персами в союзе с римлянами и не прекратил войны даже после того, как между Римской империей и Ираном в 244 г. был заключен мир. Хосров был убит во время охоты наемником персов, а его сыну Тиридату несколько позже пришлось бежать; на армянский престол Шапур возвёл Артавазда V (253—273), видимо, одного из перешедших на его сторону представителей династии Аршакидов. Это было важным успехом для персов: Армения, до того постоянно угрожавшая им с правого фланга, оказалась в русле их политики.

Через некоторое время на престоле Армении с помощью римского императора Диоклетиана утверждается Тиридат III (287—330). В 296 г. персидский царь Нарсес начал войну с Римской империей и Арменией, однако после некоторых успехов потерпел тяжёлое поражение. В городе Нисибине в Месопотамии был заключён мир на 40 лет: персы уступили римлянам Месопотамию и пять небольших областей в бассейне Верхнего Тигра (некоторые из них когда-то входили в состав Армении) и признали римский протекторат над Арменией и Иберией. Фактически Армении удалось отстоять своё самостоятельное существование.

Утверждение христианства

Сорокалетний мир способствовал укреплению Армянского царства и хозяйственному процветанию страны. В IV в. в Армении складывается новая знать, опиравшаяся на независимое от царя крупное землевладение, называемая в источниках нахарарами (в более ранний период так назывались только начальники областей). Эта знать, особенно в период персидского господства, всё менее подчиняется царям. Уже Тиридату пришлось думать об укреплении своей власти и обуздании своеволия нахараров. Вскоре он нашёл себе союзника в лице христианской церкви.

Христианство появилось в юго-западных областях Армении ещё во II в. В III в. оно уже получило в Армении широкое распространение.

Тиридат III выступал в начале своего правления как гонитель христианства. Однако в начале IV в. в его политике происходит перелом, и он становится ревностным сторонником христианства. На это Тиридата толкнули причины политического характера. Древняя армянская религия была тесно связана с религией Ирана. Чтобы укрепить свои позиции в борьбе с сасанидским Ираном, Тиридат должен был порвать с древней религией и принять христианство.

Армения была одной из первых стран, в которой христианство стало государственной религией. В пользу армянской церкви были конфискованы земли древних святилищ. Были организованы епископства, причем епископские должности стали передаваться по наследству. Во главе церкви стоял архиепископ (позднее он стал называться католикосом); при Тиридате III и его преемнике Хосрове II эта должность передавалась по наследству в доме Григоридов.

Христианство было на первых порах враждебно встречено и народом и знатью. Народные массы крепко держались старых верований, не доверяя тому, что исходило от государства, знать же видела в церкви союзницу царя, властью которого она тяготилась. Тиридат на протяжении всего царствования вел упорную борьбу с нахарарами и с остатками языческого жречества и в конце концов погиб от руки своих противников, которых поддерживали Сасаниды.

Социальный строй и сословная организация

Уже при первых Аршакидах начинается наступление знати на земли крестьянских общин, а также на царские земли. К IV в. значительная часть царских земель перешла в руки нахараров и жречества, позднее — в руки церкви. Большая часть Армении распалась на наследственные княжества — нахарарства. Отдельным нахарарским родам были подчинены целые области с их населением. Таковы были роды Сюни, Мамиконян, Камсаракан, Аматуни и многие другие.

Глава нахарарского рода (танутер) считался слугой царя, держателем области. Танутер в пределах своей области, подобно царю, считался владыкой, осуществлял администрацию и суд, имел, подобно царю, своих чиновников *(гордзакалов)* для сбора налогов, собственное войско и знамя. Каждый нахарар имел свой замок, где хранились его сокровища. Во время войны сюда собирались все члены нахарарского рода, а также зависимое население. Вокруг замка располагались поместья — *дастакерты* и агараки.

Вассалами нахараров были мелкие землевладельцы — азаты. Они составляли основную массу конницы нахараров. Владения азатов обычно выделялись из общинных земель, но бывали и такие азаты, у которых фактически не было ничего, кроме оружия и коня.

Нахарары не платили почти никаких налогов. Исключение составляло «добровольное» приношение золота царю, сохранившееся позднее в византийской Армении («коронное золото»). Азаты, наделённые поместьями, должны были платить поземельный налог, но так как они вместе с тем имели право получать жалованье за службу, то налог засчитывался за жалованье и фактически не взыскивался.

Несмотря на переход значительной части царских земель к нахарарам, царь оставался крупнейшим землевладельцем. Царский удел *(востан)* охватывал Айраратскую область с Арташатом и Валаршапатом, окрестности Тигранакерта и некоторые другие земли. Земли востана частично передавались в условное владение *востаникам* — мелким владельцам, которые были обязаны царю военной службой. Востаники имели большие привилегии. Население востана и привилегированных городов составляло опору царской власти в борьбе последней с нахарарами.

Данные источников позволяют рассматривать формы землевладения, складывавшиеся в Армении IV—V вв., как характерные для раннефеодального периода. Земли, находившиеся в собственности нахараров, назывались *хайреник* (буквально «вотчина»). Вотчины сложились большей частью на основе земель племенных вождей и поэтому находились преимущественно на окраинах Армении. Кроме того, существовали и другие формы условного землевладения. Земля, дававшаяся за службу, была фактически владением азата, но считалась собственностью нахарара или царя. На земле сидели эксплуатируемые крестьяне и рабы.

Крупные землевладельцы стремились превратить свои поместья в собственность и эмансипироваться от царской власти; напротив, цари стремились, используя условный характер землевладения нахараров, удержать их в повиновении. Нуждаясь для укрепления своей власти в постоянном увеличении войска, Аршакиды были вынуждены раздавать свои земли в условное владение. Однако, поскольку эти земли постепенно превращались в наследственные, результаты оказывались совершенно противоположными: раздача земель приводила в конечном итоге к ослаблению царской власти.

Армянское общество делилось на три сословия: азатов, духовенства и *аназатов.* «Азат» и «аназат» (буквально «неазат») — древние иранские социальные термины, сравнительно рано перешедшие в Армению. Они означают «свободный» и «несвободный». Эти термины употреблялись, в первую очередь, по отношению к рабовладельцам и рабам, но, по-видимому, ещё в условиях рабовладельческого общества их применение стало более широким; в частности, аназатами назывались и другие категории зависимого населения. С зарождением феодализма азатами в узком смысле стали

называть мелких землевладельцев, вассалов нахараров, в широком — всех феодалов вообще. Аназатами теперь стали считать не только рабов и зависимых людей, но и свободных крестьян и всё население городов вплоть до богатейших купцов. Аназаты противостояли азатам, как весь народ — знати. Простой народ иначе назывался *рамик* («толпа», «масса»).

Азаты и духовенство были привилегированными сословиями. Они располагали обширными земельными владениями и, как правило, не платили налогов. Обязанностью азатов была военная служба, в ведении духовенства находились церковные дела, суд и школа. Аназаты являлись податным сословием, они должны были платить налоги и отправлять принудительные повинности. За проступки азаты и духовенство карались только штрафом, аназаты могли быть подвергнуты телесным наказаниям, а за особо тяжёлые преступления осуждались на многолетние принудительные работы. Знать и высшее духовенство не были подсудны общим судам; их судил царь или католикос.

Внутри господствующего класса существовала строгая иерархия. Выше всех стоял царь. Затем шли четыре *бдешха* — правители окраинных областей Нор-Ширакан, Алдзник, Цопк и Гугарк. Далее следовали нахарары, они были вассалами царя или бдешхов, играли крупную роль при дворе и занимали важнейшие государственные должности, которые передавались по наследству. Во дворце нахарары занимали места в строго иерархическом порядке, согласно особым «разрядным спискам». Одежда, головные уборы, обувь строго соответствовали наследственному и служебному рангу: так, у царя были красные сапоги, у бдешхов — один красный, один зелёный, у нахараров — оба зелёные. Нахарары не были равны: различались нахарары, которые могли выставить свыше 10000 всадников, 1000 всадников или менее. Внутри отдельных нахарарских родов различались танутеры (главы родов) и *сепухи* (рядовые члены рода). Ниже стояли азаты.

Важное место в социальной структуре Армении занимала церковь. Первые христианские цари Армении, особенно Тиридат III и его преемник Хосров II, покровительствовали церкви, щедро одаряя её землями как из своего востана, так и конфискованными у мятежных нахараров. Помимо этого сами нахарары дарили церкви земли и другое имущество на помин души и по разным другим поводам. В результате этого церковь на протяжении IV в. превратилась в мощную социальную силу, почти независимую от царской власти.

Внутри церкви также существовала строгая иерархия. Глава её — архиепископ, потом католикос — был сильнее любого нахарара. Он считался епископом востана. Католикосу были подчинены епископы, которые находились по отношению к нему в таком же положении, как нахарары по отношению к царю. Епископы имели обширные земельные владения. Постепенно в каждом нахарарстве возникло епископство. Ниже всех стояли сельские священники, положение которых напоминало положение мелких азатов.

Крестьяне; рабы

Основную часть населения Армении составляли крестьяне-*шинаканы* (т. е. живущие в *шэнах,* деревнях), находившиеся на разных ступенях зависимости от землевладельцев. Об их жизни в источниках имеются лишь крайне скудные сведения. Они занимались земледелием и скотоводством, сеяли ячмень, пшеницу, просо, рис. Земля обрабатывалась деревянной сохой с железным сошником. Кроме того, были развиты садоводство, виноградарство и виноделие. В наиболее отсталых областях существовали полукочевые скотоводческие племена.

Крестьяне жили общинами. При помощи длинной верёвки производились периодические переделы земли. Земля распределялась по жребию. Крестьянский надел *(вичак)* был величиной переменной: он изменялся соответственно количеству душ в крестьянской семье. Помимо надела крестьянин имел собственный дом» скот и орудия. Пастбища и леса оставались в общинной собственности.

Шинаканами первоначально называли свободное крестьянство, сидевшее на царской земле и составлявшее в своё время вместе с востаниками определённую опору царской власти в её борьбе с нахарарами. Но непрерывная раздача царских земель приводила к всё более безраздельному господству знати. Эта знать превращала свои держания в наследственные владения, присваивала земли крестьянских общин и низводила сидевших на них шинаканов до положения зависимых от неё и прикреплённых к земле арендаторов. Число свободных земледельцев сокращается; термин «шинакан» стал означать теперь — «зависимый крестьянин».

Процесс закрепощения шёл неодинаково, в зависимости от местных условий. Поэтому существовало большое количество различных категорий крестьянства. Имелась, например, особая категория *карчазатов* («полуазатов»); отличие их от аназатов неясно, но, по-видимому, ими становились шинаканы, служившие в ополчении всадников и получавшие вследствие этого некоторые привилегии. В сёлах складывается деревенская знать: сельские старосты, следившие за выполнением крестьянских повинностей, их семьи, приходские священники (должности старосты и священника были наследственными), наконец, сельские богачи. Вместе с тем существовали такие шинаканы, которые, разорившись, работали исполу на господской земле. Их положение немногим отличалось от положения посаженных на землю рабов.

Помимо работы в сельском хозяйстве крупные землевладельцы привлекали зависимых от них шинаканов к постройке замков, городов, дворцов, монастырей. Натуральная рента состояла из части урожая и приплода со скота. Церкви полагались десятина (десятая часть урожая) и «добровольные приношения». Помимо этого шинаканы иногда годами отрабатывали в церковных хозяйствах наложенные на них церковные наказания.

Шинаканы были обязаны определёнными налогами и повинностями также в пользу государства. Существовал натуральный поземельный налог, взыскивавшийся с урожая, и подушный, или подымный, налог, взимавшийся приплодом скота и шерстью. Общегосударственные работы — строительство крепостей и мостов, проведение дорог и каналов, насаждение лесов — всей своей тяжестью ложились на плечи шинаканов. Крестьяне снабжали провиантом должностных лиц, содержали местные гарнизоны. Во время войны они составляли пехотные части и служили в обозе. Вместе с тем шинаканы могли приобретать недвижимое имущество и иметь особые купленные земли.

В Армении IV в. продолжало существовать рабство. Рабов имели все слои господствующего класса — нахарары, азаты, духовенство, а также государство. В положении рабов произошли существенные изменения. Их сажали на землю, давали им хижину, инвентарь и, возможно, скот. С разрешения господина раб мог приобретать необходимые ему вещи. Постепенно посаженные на землю рабы сливались с низшими категориями зависимого крестьянства. В государственном хозяйстве рабы эксплуатировались на строительстве и в рудниках.

Города; ремесло, торговля

В Армении III—IV вв. городов было относительно немного. Наиболее значительные из них — Арташат, Тигранакерт, Валаршапат — находились в царском востане. Там же в рассматриваемый период возник город Двин, который позднее стал столицей Армении. На холме Двин, в лесу недалеко от Арташата, царь Хосров II построил себе дворец, вокруг которого стала селиться знать; в связи с изменением русла Аракса и заболачиванием окрестностей Арташата в Двин началось массовое переселение жителей древней столицы.

Большинство других городов представляло собой укреплённые пункты с замком нахарара в центре и посадом у его подножья. Коренное армянское население, жившее в городах, по своим занятиям мало чем отличалось от шинаканов: оно занималось хлебопашеством и садоводством, вокруг стен были расположены сады я посевы горожан. Наряду с земледелием горожане занимались также ремеслом. Ремес-

ленники работали в основном на внутренний рынок, однако металлические изделия, а также ткани вывозились и за пределы страны.

Города были центрами торговли. В Арташат прибывали караваны из Римской империи и из Ирана. Армения была связана с Ираном, Месопотамией, Малой Азией, портами Чёрного моря, с Картли и её столицей Мцхетой и т. д. Государство покровительствовало торговле, взыскивая таможенные пошлины. Под стенами замков устраивались рынки. Здесь купцы были защищены от насилий и грабежей. Торговля, однако, не затрагивала основной массы населения. Деревня в ней почти не участвовала.

Городское население в этническом и религиозном отношении было пёстрым, значительную роль в жизни городов по-прежнему играли иноземцы. Сирийцы и иудеи были по преимуществу купцами и ростовщиками, иранцы — ремесленниками. Иноземцы составляли, как и повсюду на Востоке, этническо-религиозные общины, жили в особых кварталах и имели своих старейшин, которые подчинялись царскому градоправителю. Со второй половины IV в. начался упадок городов и торговли. Усобицы и иноземные нашествия препятствовали торговым сношениям, усиливалась разобщённость отдельных областей.

Обострение классовой борьбы; еретические движения

Закрепощение крестьянства приводило к обострению классовой борьбы. Опираясь на общинную организацию, крестьяне упорно сопротивлялись закрепощению. Типичной формой проявления классового протеста было массовое бегство крестьян с земель, от своих «наследственных обязанностей». Одни бежали в царские привилегированные города, другие пополняли монашеские общины и религиозные секты. Сектанты подвергали церковь критике и противопоставляли ей свои организации. Еретические движения были одной из форм борьбы закрепощаемого крестьянства против складывавшегося феодального строя.

В IV в. в Малой Армении, где христианство распространилось ранее, появились секты мессалиан и борборитов. Они отвергали церковь, говорили о равенстве людей, убеждали рабов и крестьян покидать господ и соединяться в общины по образцу первых христиан. В общинах все были равны, частная собственность считалась смертным грехом; богатые, желавшие вступить в общину, должны были сначала раздать своё имущество. В IV—V вв. учение мессалиан и борборитов распространилось и на Великую Армению.

Размах крестьянского движения становился угрожающим для знати. Она борется с ним в союзе с духовенством. При Аршаке II по инициативе архиепископа Нерсеса был созван собор в Аштишате. Аштишатские постановления увещевали господ и слуг жить в мире. Господам предлагалось не обременять слуг непомерными повинностями, слугам — оказывать неизменную покорность господам.

Изменения в политическом строе

Сдвиги в социально-экономическом развитии Армении нашли своё отражение и в её политическом строе. Верховная власть теоретически была по-прежнему сосредоточена в руках царя. Царь принимал и отправлял послов, объявлял войну и заключал мир. При царском дворе были сосредоточены высшие правительственные органы. Бюрократический аппарат был довольно сложен. Считалось, что страною управляет царь с помощью своих чиновников. Однако все важнейшие вопросы, в том числе и связанные с внешней политикой, предварительно обсуждал совет нахараров. формально он имел совещательный голос, но фактически всегда мог навязать свою волю царю. Ни одно важное дело не решалось без согласия нахараров. Попытка царя нарушить их привилегии могла вызвать вооружённое сопротивление. Нахарары возглавляли высшие государственные ведомства, почётные должности были их привилегией. Они передавались по наследству в наиболее видных нахарарских родах. Одной из наиболее важных должностей была должность *спарапета* (военачальника), которая была наследственной в роде Мамиконянов.

Помимо постоянного войска, которым располагал царь, основные военные силы выставлялись нахарарами. Численность армии во время войны доходила до 100 — 120 тыс. Нахарары распределялись по рангам в зависимости от количества выставляемых ими воинов. Наиболее сильными после царей были князья Сюни. Особая воинская грамота определяла количество воинов, выставляемых каждым нахараром. Главным родом войск была конница азатов. Пехота, в которой служили шинаканы, имела второстепенное значение. Армянская конница славилась по всей Передней Азии.

Возобновление борьбы с Ираном и мятежи нахараров

При наследнике Тиридата III — Хосрове II — Армения вновь становится ареной военных действий. Срок сорокалетнего мира с персами истекал в 338 г. Непрерывные римско-персидские войны шли с переменным успехом. Утверждение христианства в Армении в качестве государственной религии сблизило Аршакидов с Римом, тем более, что по сравнению с персидской угрозой союз с Римом был теперь для Армении не опасен. Перед лицом персидской угрозы и всё возраставшей фактической независимости нахараров армянские цари стремились расширить социальную опору своей власти. Продолжая политику отца, Хосров II вёл упорную борьбу с нахарарами. Большая же часть нахараров видела в царской власти соперника своему могуществу и, предавая интересы страны, искала союза с Шапуром, надеясь путём подчинения Армении Ирану обеспечить себе безраздельное господство над закрепощаемыми народными массами.

Когда ещё за год до истечения Нисибинского договора в Армению вторглись персы, к ним присоединились мятежные нахарары и бдешх Алдзника. Однако с помощью римских войск персы были вытеснены из Армении. Но вскоре персы снова вторглись в Армению и на этот раз одержали победу; на престол Армении был посажен сын Шапура, который, однако, правил недолго. Вторичный захват им престола Армении также был кратковременным. В стране разгорелась ожесточённая война против персов и изменников-нахараров, закончившаяся поражением персов и утверждением на армянском престоле представителя династии Аршакидов Аршака II.

Острейшие столкновения между царём и нахарарами падают на время правления Аршака II (60—70-е годы IV в.). В борьбе с нахарарами Аршак попытался опереться в какой-то мере на городское население. С этой целью он основал у южного подножия Арарата, на скрещении торговых путей из Малой Азии в Иран и из Закавказья в Месопотамию, город Аршакаван (ныне Старый Баязет). В нём было предоставлено убежище бежавшим от хозяев «слугам», т. е. рабам и закрепощаемым крестьянам, а также неоплатным должникам. Городскому населению Аршакавана были предоставлены льготы. Началось повальное бегство из окрестных владений. Нахарары, в особенности род Камсараканов, земли которых находились по соседству, а также архиепископ Нерсес I были возмущены. Церковь также начинает временами выступать рука об руку с нахарарами против царской власти.

Заручившись поддержкой архиепископа Нерсеса I, нахарары во главе с Нерсесом Камсараканом напали на Аршакаван, разрушили его до основания и перебили его население. Аршаку для дальнейшей борьбы пришлось искать союзников на стороне. С помощью царя Картли (Иберии) Мириана он начал войну с непокорными нахарарами, которая была прекращена лишь вмешательством Нерсеса I.

Однако борьба между царём и нахарарами скоро возобновилась. На этот раз Аршак напал на владения Камсараканов, захватил крепость Артагерс и перебил весь их род. В ответ на эту расправу началось общее восстание нахараров. Не только сторонники Ирана, но и сторонники Рима, ранее в той или иной мере поддерживавшие царей, выступили против Аршака. Во главе нахараров стояли архиепископ Нерсес I, в знак протеста отрёкшийся от своей должности, и спарапет Васак Мамиконян.

В это время римский император Иовиан заключил с персами мир, уступив им Месопотамию и, обязавшись не вмешиваться в армянские дела. Армения осталась одна перед лицом врага. Под угрозой персидского нашествия проримская партия и её вождь Васак Мамиконян примирились с царём. Персы вторглись в Армению, разрушили Тигранакерт и ряд других важнейших городов, заняв западные области страны, но в битве на Айраратской равнине потерпели тяжёлое поражение от Васака Мамиконяна. Последующие набеги также не имели успеха, армянская конница всякий раз одерживала верх.

Однако в 367 г. Шапур II под предлогом заключения мира зазвал в Ктесифон Аршака II и Васака Мамиконяна и лишил их свободы. Васак впоследствии был убит, а Аршак II умер в «замке забвения» в Хузистане. Армения была захвачена персами. В стратегически важных пунктах были поставлены гарнизоны. Подгнётом иноземного владычества даже многие иранофилы из нахараров перешли на сторону проримской партии.

Началась народная война. Наиболее упорно сопротивлялся врагу гарнизон Артагерса, только через год с лишним персам удалось ворваться в крепость. Страна подверглась страшному опустошению. Население городов угонялось в Персию. Сопротивлявшихся избивали, детей бросали под ноги боевым слонам. Разгром городов привёл к упадку ремесла и торговли.

В 369 г. в самый разгар персидского разорения в Армению явился бежавший от персов наследник Аршака II Пап с римскими войсками. После упорной борьбы персы были изгнаны, Пап и спарапет Мушел Мамиконян победоносно вступили в Арташат. Весной 371 г. Шапур снова двинулся на Армению и Грузию, но с помощью отряда, присланного римлянами, был разбит и признал Папа царём Армении. Персидская агрессия была временно приостановлена.

Внутренняя политика царя Папа. Раздел Армении

Пап выступил как продолжатель политики своего отца. Подобно Аршаку II он стремился к укреплению царской власти. Находившаяся в распоряжении царя конница была увеличена с 10000 до 90 000 человек. Пап старался поднять благосостояние страны, заботился о строительстве. С помощью Мушела Мамиконяна и новосозданного войска он подавил мятежных нахараров и вновь подчинил окраинные области.

Ещё более решительны были мероприятия Папа в отношении церкви. В обстановке непрестанной борьбы между царской властью и нахарарами армянская церковь превратилась в большую независимую силу. В немалой мере этому способствовала наследственность епископских должностей. В руках церкви были сосредоточены обширные земельные владения: ни один нахарар в этом отношении не мог сравниться с архиепископом. Помимо этого армянская церковь опиралась на тесные связи с христианской церковью Римской империи и через неё — с императорским двором.

Чтобы сломить могущество архиепископа, Пап лишил Григоридов наследственного права на эту должность, которым они пользовались почти непрерывно свыше 70 лет. Пап стремился также порвать связи армянской церкви с Римской империей. Так началась самостоятельность армянской церкви. Её глава стал называться теперь католикосом.

Пять седьмых церковных земель было конфисковано. Тяжёлые для крестьян подати и повинности были уничтожены. Упразднение десятины нанесло серьёзный удар материальному благосостоянию церкви. Пап вёл также ожесточённую борьбу с монашеством: он закрыл большинство монастырей, заставлял монахов работать, сократил численность духовенства. Деятельность Папа способствовала временному укреплению царской власти в Армении.

Придя к власти с помощью римлян, Пап, однако, вошёл в сношения с Шапуром II, стремясь путём лавирования укрепить независимость Армении.

Политика Папа вызывала резкое недовольство нахараров. При их содействии Пап в 374 г. был убит римлянами.

После убийства Папа возобновляется борьба Рима и Персии за Армению. В ней активно участвовали нахарары. Результатом этой борьбы оказался раздел Армении

Храм в Ереруте (Армения). V в. н. э.

между Римом и Персией (договор 387 г.). Окраинные области Армении были присоединены к владениям соперничавших держав. Оставшаяся «Срединная страна» была также разделена, но в обеих частях её продолжали править вассальные цари, зависимые соответственно от Римской империи и Персии: $^4/_5$ достались Персии, $^1/_5$ — Риму. Царская власть продолжала существовать в римской Армении до 391 г., в персидской — до 428 г., после чего власть над Арменией окончательно перешла в руки нахараров, опиравшихся на иноземное владычество.

Культура Армении в III—IV вв.

III—IV века — переходный период в истории армянской культуры. Социальные сдвиги нашли отражение, хотя и несколько запоздалое, в культурных изменениях. Значительную роль в оформлении армянской идеологии и культуры этого времени сыграло распространение христианства. Важнейшим событием в развитии новой культуры следует считать возникновение армянской письменности.

Армянский алфавит был изобретён на рубеже IV и V вв. Создателем его был Месроп Маштоц (361—440), сын свободного крестьянина из Тарона. Алфавит Месропа Маштоца был создан на основе греческого, однако число букв было увеличено до 36 (вместо 24). Он был основан на весьма тонком понимании фонетики языка, для которого создавался. Алфавит Маштоца почти без изменений существует до сих пор.

Таким образом, Армения получила систему письменности, не только отличную от иранской, но и значительно более доступную для народа, чем иранская; последняя вследствие своей сложности была вполне понятна лишь профессиональным писцам. Этим отчасти и объясняется богатство армянской литературы по сравнению со среднеперсидской. На основе армянской письменности складывается классический язык армянской литературы — *грабар,* который продолжал оставаться нормой армянского литературного языка до начала XIX в.

Ещё в IV в. в Армении создаются школы, где преподавались греческий и сирийский языки. Армяне ездили учиться в Антиохию и Эдессу. С V в. в школах вводится преподавание на родном языке. Школы предназначались в основном для духовенства, но и для людей из народа просвещение не было полностью закрыто, как это показывает пример того же Месропа Маштоца.

С распространением христианства появляется и новый архитектурный стиль. Христианские церкви не были похожи на древние храмы. На первых порах они представляли собой продолговатые помещения с плоским деревянным, а затем сводчатым каменным потолком. Позднее план усложняется, появляются обширные залы с двойными рядами колонн, поддерживающих своды, иногда со сводчатыми галереями снаружи. Христианские храмы должны были вмещать внутри освящённого пространства всю местную религиозную общину, собиравшуюся к очередной службе. Поэтому они были рассчитаны на большое количество народа, а отсюда вытекало и общее изменение плана сооружения.

Круглая скульптура исчезает под влиянием армянской церкви, связывавшей её с идолопоклонством. Продолжает развиваться рельеф. Каменотёсы покрывали поверхность камня тончайшим резным орнаментом — растительным, геометрическим и т. д. Помимо этого на стенах церковных зданий нередко высекались сцены религиозного, а также светского содержания, отражавшие жизнь знати — торжественные выезды, охоты и т. д.

Так, несмотря на внутренние потрясения и потерю государственной самостоятельности, армянский народ продолжал развивать свою культуру, расцвет которой падает уже на следующие столетия (V—VII вв. н. э.).

4. Картли в III—IV вв.

С IV в. для истории Грузии имеются уже не только отрывочные свидетельства, исходящие извне, но и более достоверная, чем раньше, местная традиция. В этой традиции Иберия фигурирует уже как Картли.

О положении Картли в III в. почти ничего не известно. По-видимому, возвышение Сасанидов и борьба их с Римом оказали на Картли меньшее воздействие, чем на Армению, поскольку Картли была расположена дальше к северу. Вероятно, Картли продолжала оставаться в номинальной зависимости от Рима. Так, например, по

Нисибинскому миру персы признали за римскими императорами право давать иберским царям внешние знаки власти.

Политика картлийских царей в IV в. Принятие христианства

Политика картлийских царей в IV в. определялась, с одной стороны, прогрессирующим усилением знати, с другой — опасностью персидского нашествия. Ради сближения с Римом и укрепления своей власти картлийские цари переходят в христианство. Христианские общины в Иберии существовали, по-видимому, и раньше; превращение же христианства в государственную религию произошло в 30—40-х годах IV в. Вслед за обращением царя были крещены и жители Мцхеты.

Принятие христианства имело важные последствия для царей Картли. Во-первых, оно укрепляло их союз с Римской империей, где также победило христианство, против персов, во-вторых, развязывало царской власти руки в борьбе со жречеством. Жрецы обладали в Картли исключительным могуществом. В их руках были сосредоточены обширные земельные владения и огромные богатства. Так, например, Страбон рассказывает о богатейшем храме Левкотеи на юге Иберии. Между тем владения царя к этому времени сильно сократились отчасти вследствие дробления царской земли между царскими родичами, отчасти вследствие раздачи земель царского домена военно-служилой знати. Поэтому конфискация жреческих земель, которые отошли частично царю, частично церкви, имела для царей большое значение, сильно укрепляя их власть.

Христианство было встречено по-разному различными слоями населения. Картлийская знать отнеслась к нему благоприятно, так как в отличие от армянской сохраняла военно-служилый характер, была теснее связана с царской властью и так же, как она, заинтересована в борьбе с могущественным жречеством. Напротив, народные массы встретили новую религию враждебно. Особенно упорно сопротивлялись горцы. Их древняя религия была неразрывно связана с сохранившимися у них первобытно-общинными порядками. Проповедников христианства сопровождали *эриставы* (военачальники), которые помогали им с оружием в руках: они уничтожали изображения древних богов и силой принуждали народ креститься.

Раздел Картли и подчинение персам. Возвышение Тбилиси

Союз с Римом, окрепший после принятия христианства, не смог, однако, защитить Картли от персов. В 368 г. Шапур II вторгся в Картли, низложил царя Саурмага и провозгласил царём его родственника Вараз-Бакура (Аспакура), взяв его сына заложником. Саурмаг бежал в Римскую империю и вернулся в Картли с римскими войсками Вараз-Бакур вынужден был пойти с ним на соглашение, Картли была разделена: земли по левому берегу Куры и правому берегу Арагвы получил сторонник Рима Саурмаг, тогда как остальной частью Картли продолжал управлять ставленник Ирана. Оба царя опирались, по-видимому, на определённые группы местной знати. Впрочем, в отличие от Армении двоевластие в Картли длилось недолго, так как с V в. страна полностью подчинилась персидскому влиянию.

На рубеже IV и V вв. картлийские цари ещё пытались лавировать между Римом и Ираном. Однако ослабленная «варварскими» нашествиями в Европе Римская империя не могла защитить Картли от персов. Со второй четверти V в. картлийский царь становится вассалом Сасанидов. Рядом с царём в Картли назначается персидский наместник —«картлийский питиахш». Скоро эта должность сделалась наследственной в одном из южно-картлийских знатных домов. В руках питиахшей находилась почти вся территория Нижней Картли южнее Триалетского хребта и города Тбилиси, представлявшая собой государство в государстве.

Картлийские цари продолжали жить в Мцхете, куда они перебрались из Армази, по-видимому, в III в. н. э.; питиахши выбрали своей резиденцией Тбилиси. Здесь сходились важнейшие пути — путь в Персию, а также путь через Куру. Тбилиси

был заселён с древнейших времён; в IV в. он стал уже значительным центром, но особенно возвысился именно с тех пор, как в нём поселились питиахши. Со второй половины V в. картлийские цари делают Тбилиси второй столицей, а затем он навсегда оттесняет Мцхету на задний план.

Социальные сдвиги в Картли в III—IV вв.

Зарождение элементов феодализма в Картли протекало сходно с Арменией, однако более медленными темпами. Причиной этого было большее количество пережитков первобытно-общинного строя, сохранившихся в раннерабовладельческом обществе Картли. Поэтому картлийское общество III—IV вв. имеет переходный характер.

В древней Иберии привилегированная группа населения, как уже указывалось, состояла из царского «рода» и «рода» жрецов, основная же масса населения составляла эри, народ-войско, внутри которого наблюдалось относительное равенство. Теперь положение меняется. Раньше царский «род» эксплуатировал зависимых от него крестьян (лаой) сообща, теперь начинается дробление царского домена между «царскими детьми», которые превращаются в высший слой знати.

Вместе с тем появляется новая аристократия и за пределами царского «рода». Среди свободных выдвигались богатые семьи, захватывавшие лучшие земли и сосредоточивавшие в своих руках большее, чем у других, количество рабов. Как это бывало и в других рабовладельческих государствах на ранних стадиях развития, в Картли каждый вооружался на свой счёт. В условиях прогрессирующего разорения основной массы свободных далеко не всякий мог приобрести полный комплект металлического (обычно железного) оружия и коня (иберы славились прежде всего конницей), а потому богатые оттесняют бедных и на царской службе. Так в результате имущественного расслоения рядом со старой знатью и жречеством формируется новая, служилая знать.

Знать монополизирует в своих руках военное дело, перекладывая производительный труд на зависимых от неё людей. Представители знати с юных лет получают военное воспитание. Из среды знати назначаются правители областей *(мтавары)* и военачальники (эриставы). Чтобы привязать к себе военно-служилую знать, царь раздаёт ей земли с сидящими на них земледельцами.

На другом полюсе формируется класс зависимых крестьян. Этому способствовало то обстоятельство, что уже издавна существовали зависимые крестьяне на царской земле, которые именовались по-грузински *глехами;* постепенно они превращаются в крепостных, вместе с землями царского домена их раздают старой и новой знати. Превращаются в крепостных, видимо, и посаженные на землю рабы, а также закабаляемые за долги свободные. Слой эри исчезает. Знати теперь противостоит цврили эри — «мелкий люд».

Раннефеодальные отношения в Картли складываются к V в. Представители господствующего класса получают теперь наименование *азнаури* (грузинская форма иранского слова «азат», которому теперь придаётся специальное значение). Азнаурам противостоят *уазно* (не азнаури), соответствующие аназатам; к ним причислялись в первую очередь глехи.

Азнауры не были едины; они делились на великих и малых. К числу первых относились мтавары и эриставы, которые, приобретая политическую власть на местах, постепенно превращались в полусамостоятельных владетелей, наподобие армянских нахараров. Остальные азнауры соответствовали по своему положению мелким азатам. Между азнаурами и цврили эри стояли *мсахуры* (слуги) — свободные, находившиеся на службе у царя и крупных азнауров. Ниже всех были рабы.

Вся страна распадается на отдельные области — *сахли;* во главе каждой из областей стоит какой-либо знатный род. Правда, большинство населения этих областей не было ещё закрепощено и удерживало свои общинные и частновладельческие земли, однако могущество знатных домов стало уже весьма значительным.

Общинные должности становятся наследственными в знатных родах. Носители их накладывают руку на общинную собственность, заставляют делать себе «добровольные» подношения, принуждают общинников выполнять общественные работы (постройка крепостей, рытьё каналов) и сопровождать их на войну.

Важную роль в оформлении феодальных отношений сыграла картлийская церковь, которая превращается в мощную организацию. Во главе церкви стоял мцхетский архиепископ, живший в резиденции царя. Епископские епархии соответствовали административным округам, эриставствам. Церковь владела обширными землями, которые она получала от царей и знати или приобретала за деньги. На церковных землях работали зависимые крестьяне. Уже с V в. высшие посты в церкви находились в руках знати. Так же, как и в Армении, картлийский архиепископ стал (в конце V в.) католикосом, что обеспечивало определённую независимость картлийской церкви.

В процессе зарождения феодальных отношений царский домен тает, распадаясь на владения родовой и военно-служилой знати. Соответственно этому происходит ослабление царской власти. Раздача земель в условное владение представителям знати, что на первых порах укрепляло могущество царя, обеспечивая ему поддержку знати, теперь приводит к противоположным последствиям. Конфискация жреческих земель могла задержать процесс, но не приостановить его. Знать, ещё в IV в. поддерживавшая царя против жречества, как это видно из её отношения к христианству, с V в. открыто выступает против царской власти.

Грузинская письменность, литература и искусство

Важнейшим событием в культурной жизни Картли является формирование грузинской письменности. Древнейшая датированная надпись относится к 492—493 гг. Проблема происхождения грузинского алфавита сложна. Данные источников разноречивы. Некоторые древнеармянские писатели приписывают создание грузинского, а также албанского алфавита Месропу Маштоцу, изобретателю армянско-

Древняя грузинская надпись из Болниси. V в. н. э.

го алфавита. Однако это не соответствует действительности. Грузинский алфавит генетически не связан с армянским. Грузинское письмо, по-видимому, родственно армазскому и восходит вместе с ним к арамейскому.

С принятием христианства зарождается грузинская христианская литература. Первоначально преобладали переводы. С V в. появляются и оригинальные сочинения. К сожалению, значительная часть произведений древнейшей грузинской лиге-

ратуры была уничтожена в последующие века во время ожесточённой борьбы с ересями.

Развивается церковное зодчество, древнейшими памятниками которого являются базилики.

5. Лазика в III — IV вв.

Западная Грузия с III—IV вв. начинает называться Лазикой по имени племени лазов. Древнее наименование «колхи» исчезает. Лазикой страна именуется главным образом в греко-римской литературе. Местные жители называли её Эгриси. Это наименование перешло в ряд соседних языков, а также в древнегрузинскую литературу; отсюда и племенное наименование «мегрелы» («м-егр-ели»).

Как указывалось выше, в I—II вв. на территории Колхиды существовали различные местные княжества. Среди них со II—III вв. особенно выдвигается княжество лазов. Центром его была плодородная Рионская низменность, изобилующая виноградом и плодовыми деревьями. Это была наиболее богатая часть Колхиды, чем и объясняется выдвижение княжества лазов. В их стране было много городов: Вард-Цихе (Родополь), Кутаиси и др. Столицей был город Цихе-Годжи на реке Техури (у греков Археополь); обширные развалины его сохранились до сих пор Значительную роль в экономике страны играла морская торговля, центром которой был порт Фасис. Морская торговля способствовала и развитию культурных связей Колхиды с восточными провинциями Римской империи.

В IV в царёк лазов подчиняет окрестные племена. Во второй половине IV в его власть признали апсилы и абасги, жившие на территории Абхазии, а в конце столетия — сваны. Эти племена продолжали жить по своим собственным обычаям и управляться наследственными царьками. Так возникло царство Лазика, охватившее всю Западную Грузию. Оно простиралось от ущелья Бзыби в Абхазии на севере до Аджаристана на юге. На востоке Лазика граничила с Картли.

Римская власть в Колхиде пала в результате сопротивления местного населения в период кризиса империи в III в. В середине III в. Колхида, наряду с малоазийскими и балканскими областями империи, становится жертвой набегов северочерноморских племён, среди которых значительную роль играли готы.

После восстановления могущества Римской империи Лазика с конца III в. превратилась в зависимое от неё царство. Временами эта зависимость ограничивалась военным союзом (особую важность для империи представляла охрана царём лазов горных проходов Кавказа), временами она принимала более тяжёлый характер, когда Лазика платила дань, а в городах стояли римские гарнизоны. Поэтому цари Лазики постоянно стремились освободиться из-под власти Рима, обращая взоры к северным «варварам» и к сасанидскому Ирану, от которых надеялись получить помощь.

Общественное развитие Лазики в III—IV вв. характеризуется, по-видимому, формированием раннефеодальных отношений. Византийский историк VI в. Агафий говорит о лазах, что они уже не «варвары» и что у них установились развитая государственность и правопорядок. Общественный строй ранней Лазики известен плохо вследствие отсутствия источников. Однако, насколько можно судить, Лазика сильно отставала от Картли.

Весьма рано стало проникать в Лазику христианство. Оно распространялось сначала преимущественно среди эллинского и эллинизированного населения приморских городов. В начале IV в. здесь уже были значительные христианские общины с епископами во главе Питиунтский епископ Стратофил участвовал в Никейском соборе. Позднее (в IV—VI вв.) христианство стало проникать в Лазику и из Картли. Но среди самих лазов оно, однако, распространялось медленнее вследствие наличия в их быту значительных пережитков первобытнообщинного строя Государственной религией Лазики христианство стало лишь значительно позже (в VI в.).

Хотя в этот период мегрельский, лазский и некоторые другие диалекты грузинского языка, а также абхазский язык ещё не имели своей письменности, однако города Лазики, особенно прибрежные, уже жили интенсивной культурной жизнью. В IV в. в Лазике существовала высшая риторическая школа, подобная школам Римской империи; преподавание грамматики, риторики, философии велось в ней на греческом языке; она пользовалась такой славой, что наряду с местными жителями в ней получала образование и молодёжь из восточных провинций Римской империи. По мере укрепления связей с Картли в Лазике стали распространяться грузинский литературный язык, сформировавшийся на основе одного из восточно-грузинских диалектов — картльского (карталинского), и грузинская письменность.

6. Албания в III—IV вв.

Общественный строй Албании III—IV вв. известен плохо, так как албанская литература погибла, и соответствующий материал приходится черпать из иноземных источников, главным образом армянских.

По общему уровню своего общественного развития Албания в древности значительно отставала от Армении, Иберии и Колхиды. Ко времени возникновения раннефеодальных отношений здесь существовали ещё очень заметные элементы первобытно-общинного строя. Население занималось главным образом скотоводством, совершая сезонные передвижения с летних пастбищ в горах на зимние в низменностях и долинах рек. Где позволяли условия, там жили и настоящие кочевники. На берегах Куры и Аракса занимались также рыболовством. Помимо хозяйственной отсталости в известной медленности развития Албании сыграло роль и то обстоятельство» что она менее других стран Закавказья была связана с внешним миром. Отдельные части Албании не были между собой объединены; их правители постоянно враждовали между собой.

На развитие Албании оказывали влияние соседние страны, в первую очередь, Армения и сасанидский Иран. Армянское влияние было особенно сильно потому, что юго-западные области Албании довольно долго входили в состав Великой Армении и были организованы как нахарарства. Находилась в зависимости от Армении и Каспиана с центром в Пайтакаране, правители которой считали себя Аршакидами.

На протяжении IV в. эти области отложились от Армении. После смерти Тиридата III некий Санатрук присвоил себе корону, овладел Пайтакараном и думал даже о захвате Армении. Правители Пайтакарана опирались на помощь Сасанидов и позднее помогали Шапуру II в войнах с Арменией. В 60-х годах IV в. от Армении отложились и другие албанские земли, которые также попали под влияние персов.

Тем не менее, связь этих областей с Арменией продолжалась и позже. Албанская знать роднилась с армянской, в Западную Албанию под защиту гор переселялись армяне, распространялся армянский язык, между армянской и албанской церквами поддерживались деятельные связи, культурное влияние Армении на албанов было велико.

Значительное влияние на судьбы Албании имела экспансия Ирана в страны Закавказья. Сасаниды были особенно заинтересованы в подчинении Албании, поскольку без этого было невозможно контролировать горные проходы Кавказа, отражать набеги кочевников Северного Кавказа (аланов, гуннов), которые были для Сасанидов особенно опасны, как возможные союзники Римской империи; персидские цари пытались не только сдержать их напор, но и широко вербовали кочевников в свои войска»

Пока Армения была независима от Ирана и к тому же претендовала на влияние в Албании, путь в Албанию для Ирана был закрыт. Однако по мере ослабления Армении албанские области отпадают от неё и подчиняются Ирану. Особенно значи-

тельных успехов достиг Иран после раздела Закавказья между ним и Римской империей. Сасанидские цари, опираясь на Пайтакаран, проводят широкие мероприятия по обороне Дербентского прохода. Строятся укрепления, устраиваются военные поселения. Среди племён Северного Кавказа сасанидские цари вербуют себе союзников.

С установлением иранского господства значение аристократии усиливается, а царская власть ещё больше слабеет. В середине V в. она была окончательно уничтожена, и страной стали управлять персидские наместники.

С разложением рабовладельческого строя умирает и древняя религия албанов. Вместо неё распространяются христианство и зороастризм. Первые проповедники христианства были посланы в Албанию по инициативе армянского царя Тиридата III. Однако после отпадения Пайтакарана христианство стало подвергаться там преследованиям. Позднее, однако, христианство вновь укрепляется в Албании. Как и в Картли, христианство принимает прежде всего знать. Создаётся албанская церковь, находившаяся под армянским влиянием.

У христианства в Албании был сильный соперник — зороастризм. Зороастризм начал распространяться в Албании, как и в других странах Закавказья, ещё в парфянский период. В III—IV вв. он оказался в Албании сильнее, чем где-либо в Закавказье. Причиной этого была географическая близость Ирана. После того как в Римской империи христианство сделалось государственной религией, борьба двух держав за господство в Закавказье постоянно проходит под знаменем соперничества между христианством и зороастризмом. Особенно усилились позиции зороастризма после подчинения Албании Ираном. Власть Ирана над Албанией была сильнее, нежели над Арменией и Картли: здесь были сосредоточены военные силы Сасанидов для борьбы с северными кочевниками. Соответственно этому идеологическое и культурное влияние Ирана здесь также было сильнее.

В Албании существовала довольно богатая письменность на народном языке. Албанский алфавит, видимо, не древнее V в. В основу литературного языка было положено наречие Гаргарейской равнины (ныне Карабахская степь), где находился большой город Партав и жило племя утиев.

Создание албанской письменности способствовало культурному прогрессу. Переводятся сочинения с греческого, сирийского, армянского и других языков. К сожалению, от албанской литературы не сохранилось ни одного текста. Лишь сравнительно недавно в Валаршапатской рукописной библиотеке был найден албанский алфавит с армянскими соответствиями. В настоящее время известны также некоторые надписи на предметах, которые предположительно могут считаться албанскими.

7. Разложение рабовладельческого строя в Северном Причерноморье

Экономический и культурный упадок

Для всех городов Северного Причерноморья с 30-х годов III в. характерны экономический упадок, сокращение торговых связей, известный регресс в ремесленной технике и искусстве.

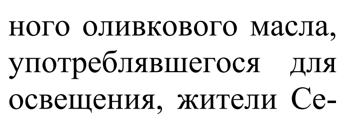
Данных о политической и тем более о социально-экономической истории Северного Причерноморья в этот период очень мало, но, по-видимому, и здесь шли те же процессы, которые обусловили разложение и гибель ряда других рабовладельческих государств. Очевидно, и здесь средние рабовладельческие хозяйства всё более вытеснялись крупным землевладением, основанным на эксплуатации прикреплённого к земле сельского населения, и здесь основная масса городского населения разорялась и деклассировалась. Почти непрерывные войны, которые шли в III в. между рабовладельческими государствами и союзами племён, разрушительно действовали на торговлю, игравшую значительную роль в экономике северочерноморских городов. Раскопки показывают, как пало благосостояние их жителей, даже принадлежавших к рабовладельческой греко-сарматской знати. Роскошные гробницы, характерные для преды-

дущего периода, почти исчезают. Многие более мелкие города, например Нимфей, Мирмекий, пустеют. Ремесленные изделия становятся грубее, наряду с керамикой, сделанной на гончарном круге, появляется значительное количество грубой лепной керамики сарматского типа, вероятно, изготовлявшейся в отдельных хозяйствах для собственных нужд.

В упадок приходит и некогда процветавшее искусство. Великолепные мраморные саркофаги, украшенные сложным орнаментом и рельефными изображениями, сменяются простыми гробами, многоцветная реалистическая живопись, сочетавшая греческие и местные традиции,—условными схематическими изображениями людей и животных или геометрическим орнаментом, исполненным почти исключительно одной только красной краской.

Лощёные сарматские сосуды. III—IV вв. н. э.
Из раскопок в Фанагории.

Некоторые отрасли хозяйства, как, например, соление рыбы (как показывают раскопки в Тиритаке), продолжают существовать, но масштабы их сокращаются в связи с почти полным прекращением внешней торговли. Любопытно, что, лишившись привоз-



ного оливкового масла, употреблявшегося для освещения, жители Северного Причерноморья стали применять для этой цели местную нефть, которую они извлекали из ям и колодцев.

Ярким свидетельством экономического упадка является состояние монетного дела. Около 235 г. прекращается чеканка монеты в Тире и Ольвии. Монеты Боспорского царства, начиная с этого же времени, содержат всё меньший процент золота; к 60-м годам III в. содержание золота достигает всего $^1/_2$%, а с 275 г. «золотые» монеты чеканятся уже из одной меди. В 30-х годах IV в. выпуск боспорских монет прекращается.

Нашествия готов

В первые десятилетия III в. в соседние с Причерноморьем области начинают проникать готы, германский народ, первоначально живший на острове Готланде, затем переместившийся на южное побережье Балтийского моря, а оттуда постепенно продвинувшийся далее к югу. Готы, постепенно оседая среди местного населения и усваивая его культуру, становятся во главе сильного племенного союза, включавшего различные этнические элементы. По мнению некоторых исследователей, в него входили и славяне. Во всяком случае, по-видимому, с III в. славяне начинают проникать в Северное Причерноморье, о чём свидетельствует появление славянских имён на надгробных памятниках того времени.

Племена готского союза постепенно продвигаются к побережьям Азовского и Чёрного морей. Несмотря на то, что в Ольвии стоял римский гарнизон, окрестности города уже в 30-х годах были опустошены готами. В то же время, вероятно, был взят и разрушен находившийся в устье Дона Танаис. Надпись 237 г. говорит о приготовлениях к обороне города, но, очевидно, они успеха не имели, так как с этого времени надписи из Танаиса прекращаются.

Боспорское царство в III—IV вв.

В связи с общим упадком, несомненно, понизилась и боеспособность армий рабовладельческих городов Северного Причерноморья. Можно думать, что здесь так же, как и в Римской империи, эксплуатируемое население нередко сочувствовало или даже активно помогало вторгавшимся племенам. Империя, окружённая со всех сторон врагами и раздираемая гражданскими войнами» не могла больше поддерживать правящий класс Северного Причерноморья. Известную помощь оружием, флотом, продовольствием она как в III, так и в IV в. оказывала только Херсонесу, не подвергавшемуся непосредственному нападению готов и даже, судя, правда, по позднейшим и не вполне достоверным известиям, участвовавшему в борьбе с ними на стороне Рима. Из Боспорского царства римские гарнизоны были выведены в 40-х годах III в. Боспорские цари после этого не смогли больше сопротивляться готам. Историк Зосим рассказывает, что в это время старую боспорскую династию, поддерживавшую дружбу с Римом, сменили «недостойные и презренные люди», которые «предоставили скифам (так античные историки иногда называли племена готского союза) проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах».

По-видимому, в связи с вторжением готов внутри Боспорского царства обострилась социальная борьба, в результате которой враждебные Риму круги населения сумели временно возвести на престол своих ставленников. Это подтверждается тем, что в 253—254 гг. появляются, наряду с монетами «законного» царя Рескупорида V, монеты царя Фарсанза. Очевидно, он продержался недолго, так как монеты эти чеканились всего два года. В 267 г. выпуск монет вообще прекращается и возобновляется лишь в 275 г.

Возможно, что на этот промежуток времени падает найденная в Пантикапее надпись царя Хедосбия. «Варварские» имена Фарсанза и Хедосбия подтверждают предположение, что они были представителями местного населения. Эти цари, видимо, заключили союз с готами и предоставили в их распоряжение боспорский флот, который дал готам возможность производить разрушительные набеги на побережья Кавказа, Малой Азии и Греции. Однако договор этот вынуждены были в дальнейшем соблюдать и цари, принадлежавшие к старой династии, — Рескупорид V, который, по-видимому, устранил Фарсанза в 254 г. и чеканил свои монеты до 267 г., и Савромат IV, пришедший к власти в 275 г. И при них готский союз пользуется для своих экспедиций боспорским флотом.

С середины 70-х годов III в. готы, разбитые римскими войсками, надолго прекращают набеги на империю, но остаются в степях Северного Причерноморья. Однако, как показывают данные археологии, они не оказали влияния на его культуру, которая чем дальше, тем больше приобретала сарматский характер без каких-либо чуждых примесей. Не повели готские вторжения и к значительному сокращению территории Боспорского царства. В конце III в. в его состав по-прежнему входили Феодосия и область аспургиан на азиатской стороне Боспора. Феодосия оставалась пограничным городом и в начале IV в., о чём свидетельствует надпись от 306 г.

С прекращением готских набегов снова укрепляется старая династия, цари которой по-прежнему подчёркивают свою преданность империи, сохраняя титул «друг кесаря и друг римлян». Восстановление относительного мира способствовало даже некоторому, правда, кратковременному, оживлению торговли с Малой Азией, хотя она ни в коей мере не достигала прежнего уровня. В то же время в конце III и начале IV в. появляются очень немногочисленные богатые погребения, но они значительно беднее гробниц I—II вв. В гробницах IV в. найдены серебряное блюдо с портретом императора Констанция II, очевидно, присланное им какому-то видному представителю местной знати, золотой венок с оттиском монеты императора Валентиниана I, значительное количество богато украшенного оружия и конского снаряжения, золотые вещи местного производства и привозные стеклянные сосуды.

Укрепляются сношения с империей. Возможно даже, что в начале IV в. правящие верхи Боспора старались поставить свою страну в более тесную зависимость от Рима. В это же время здесь распространяется христианство. В Боспорском царстве оно появляется с конца III в., в Херсонесе несколько позже. На первом вселенском соборе, происходившем в 325 г. в Никее, боспорская христианская община была представлена епископом Кадмом.

Окончательный упадок и гибель Боспорского царства

Однако новый подъём экономики Боспорского царства длился недолго. Постепенно прерываются регулярные сношения с империей. Историк Аммиан Марцеллин, сообщая, что в 362 г. к императору Юлиану за помощью обращались боспорцы, ставит их уже в ряд далёких и малоизвестных народов.

Упадок Боспорского царства предопределил лёгкость, с которой одержали над ним победу вторгшиеся на его территорию в 70-х годах IV в гунны. Одна часть их пришла со стороны заселённых аланами степей, другая — через Таманский полуостров, переправившись через Боспор Киммерийский. Эта волна гуннов произвела в Боспорском царстве особенно жестокие опустошения. Значительная часть населения была истреблена, города разрушены и разграблены. Раскопки показывают, что население в панике бежало из домов, не успевая даже захватить своё имущество. Сильно был разрушен и Пантикапей. После гуннского нашествия Боспорское царство уже не возродилось. От нашествия пострадал и Херсонес, но он все же продолжал существовать, постепенно попадая во всё большую зависимость от Римской империи.

ГЛАВА XXVI СОЮЗЫ ПЛЕМЁН И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ В ПАДЕНИИ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ

1. Кочевники азиатских степей

Падение рабовладельческого строя было результатом его внутреннего кризиса. Однако наряду с определяющими внутренними причинами большую роль сыграли и те внешние вторжения «варварских» племён, которыми повсюду сопровождалось разложение рабовладельческих отношений. Это явление было отнюдь не случайным, напротив, оно с необходимостью вытекало из основных особенностей развития рабовладельческого строя.

Значение «варварских» нашествий

Рабовладельческий мир накануне своего падения представлял собой полосу, тянувшуюся через восточный материк, в основном вдоль субтропического пояса Северного полушария. К северу и к югу от этой полосы огромные территории Европы, Азии и Африки продолжали оставаться почти или совершенно неохваченными рабовладельческими отношениями. Конечно, рабовладельческие государства оказывали влияние на жившие рядом с ними племена. Последние вовлекались в круг рабовладельческой экономики, что ускоряло разложение у них первобытно-общинного строя. Зарождение классовых отношений толкало, в свою очередь, эти племена к нападению на соседей.

Пограничные племена в поисках добычи и новых земель всё чаще вторгаются на территории рабовладельческих империй, могущество которых уже было подорвано разложением рабовладельческого строя, и, опустошая их, довершают их упадок. Подобные нашествия сами по себе не могли бы разрушить рабовладельческий строй, но они ускорили его падение. Именно потому, что «варвары» вступают в соприкосновение с обществом, уже в значительной мере изжившим рабовладельческие

отношения, разложение первобытно-общинного строя приводит у них не к рабовладельческому, а к феодальному пути развития. В силу этих причин «варварские» нашествия играют огромную роль в истории окончательного разложения и гибели рабовладельческого строя.

Передвижения кочевников в III в. н. э. Империя Цзинь и поздняя Римская империя

С середины II в. на смену гуннам на территории Монголии выдвигаются сянь-би, кочевники тунгусо-маньчжурского происхождения. Под властью сянь-би оказываются огромные пространства от Ляодунского полуострова до пустыни Гоби: часть гуннов включается в сяньбийский племенной союз, часть отступает вслед за соплеменниками, ушедшими на запад ещё в I в. до н. э.

III век был временем непрерывных передвижений в кочевом мире. На востоке гунны и сянь-би вторгаются в Китай. В центре под воздействием внутренних противоречий и «варварских» нашествий распадается Кушанское царство. На западе кочевники-сарматы, а также германские и славянские племена опустошают провинции Римской империи. Только с последней трети III в. этот напор несколько ослабевает. В 265 г. китайский военачальник Сыма Янь захватывает власть в государстве Вэй и основывает династию Цзинь; примерно в это же время происходит новое укрепление Римской империи на западе.

Эти государства смогли временно положить предел напору кочевников. Города-государства Восточного Туркестана под угрозой завоевания их сянь-би отдаются под защиту Китая. На протяжении первых трёх четвертей IV в. Римская империя в основном успешно сдерживает на границах напор «варваров». В Северном Причерноморье снова укрепляется Боспорское царство. Восстанавливаются связи между двумя империями, расположенными на противоположных концах Восточного полушария: в 284 г. в Китай через бассейн Тарима прибывает посольство из Да-Цинь — так китайцы называли Римскую империю,— и хотя это были, по всей вероятности, купцы, самовольно выдававшие себя за послов, тем не менее этот факт очень показателен.

Однако, несмотря на видимое затишье, натиск кочевников продолжается, хотя и незаметно, но упорно. Китайская империя нуждалась для обороны от кочевников в помощи с их же стороны. Отступавшие под напором сянь-би гунны селились на территории Китая, даже к югу от Великой стены, и подобно римским «федератам» должны были оборонять его границы. На протяжении III в. многие гуннские вожди получают высокие посты в китайской армии и наделяются громкими китайскими титулами. То же, хотя и несколько позже (на протяжении IV—V вв.), происходит в Римской империи.

В 304 г. один из гуннских полководцев Китая, Лю Юань, провозглашает себя шаньюем всех гуннских «федератов», а в 308 г.— императором Китая. В 311 г. его сын Лю Цун выступает против империи Цзинь, захватывает через несколько лет её столицу Лоян и берёт в плен последнего цзиньского императора. Это послужило сигналом для остальных «варваров»: кочевые племена степей, в первую очередь гунны и сянь-би, бросаются на обессилевшую империю, грабят и делят между собой провинции Китая. Богатые области Северного Китая— современные провинции Чжили, Шаньси, Шэньси, Шаньдун, Хэнань — наводняются кочевниками. В результате этого временно ослабевает напор кочевых племён на западе.

Жуань-жуани

Во второй половине IV в. н. э. в Центральной Азии, на границах Китая, возникает кочевая держава жуань-жуаней (иначе жужаней). Образование этой державы завершает те грандиозные передвижения кочевников, которые происходили в Центральной Азии в III—IV вв. В державу жуань-жуаней вошли монгольские племена, кочевавшие на территории Восточной Монголии и Западной Маньчжурии. Её возникновение связано с восстанием рабов против китайского императора Мо-ди (345—361). Рабы соединились с окрест-

ными «варварскими» племенами и образовали ядро, вокруг которого сложилась держава жуань-жуаней.

Держава жуань-жуаней, подобно другим кочевым объединениям, начала быстро расти и оказалась опасной для Китая. Однако китайцы в конце IV в. нанесли жуань-жуаням несколько поражений, несмотря на то, что те заключили союз с тангутами (тибетское население Северо-Восточного Тибета и китайской провинции Ганьсу). Это заставило жуань-жуаней отступить на север; они покорили племена уйгуров и двинулись в сторону Семиречья, вытеснили усуней с равнин Семиречья в горы Тянь-Шаня и Памира и подчинили своей власти эфталитов. В результате этого под властью жуань-жуаней оказалась обширная территория, простиравшаяся от Семиречья до Кореи и от Байкала до Гоби. В начале V в. ими были покорены племена, жившие в районе Алтая и Саян. Алтайские тюрки также были подчинены жуань-жуаням и добывали для них железо. Держава жуань-жуаней существовала около двух столетий, до середины VI в.

Жуань-жуани были кочевниками. Земледелие им, видимо, не было известно. Наряду со скотоводством они занимались и охотой. Жуань-жуани поддерживали тесные экономические связи с Китаем, как и другие кочевники, они были заинтересованы в продуктах земледелия и городского ремесла. Из Китая к ним везли рис, просо, ткани, одежду, лак, оружие и т. д.

Политическая структура союза жуань-жуаней отчасти напоминала структуру других кочевых союзов Центральной Азии. Как и гунны, они делились на две части — восточную и западную. Западная часть была сильнее восточной. Правители жуань-жуаней, чтобы показать своё превосходство над правителями гуннов, отказались от гуннского титула «шаньюй» и назывались каганами или ханами. С этих пор титулы «каган» и «хан» входят во всеобщее употребление у тюркских и монгольских народов.

В общественной жизни жуань-жуаней большую роль играла знать. Ханская ставка находилась в районе Хингана Жуань-жуаньский племенной союз не был равноправным: подчинённые племена подвергались эксплуатации, обременялись тяжёлой данью. Поэтому вся история жуань-жуаней наполнена борьбой подвластных племён за независимость. Особенно упорно сопротивлялись уйгуры. Всё это определяло внутреннюю слабость державы жуань-жуаней. В дальнейшем она погибла в результате восстания алтайских тюрок. Державу жуань-жуаней сменил тюркский каганат.

Эфталиты

В степях к северу от Средней Азии в IV в складывается несколько племенных союзов, которые впоследствии объединились под именем эфталитов.

Упоминания эфталитов в письменных источниках довольно многочисленны; о них говорят латинские, греческие, сирийские, армянские, китайские, арабские, средне- и новоперсидские источники, поздние части «Авесты», однако в большинстве своём все эти известия относятся уже ко времени господства эфталитов в Средней Азии, к V—VI вв.

Проблема происхождения эфталитов весьма сложна. В источниках имеется несколько наименований, относящихся к кочевым племенам Средней Азии рассматриваемого периода. Важнейшие из них — эфталиты, хиониты, кидариты и белые гунны. Взаимоотношения этих племён или народов между собой, а также с кушанами ещё не вполне ясны.

Эфталиты связаны по своему происхождению с местным кочевым населением Средней Азии. По данным китайских источников, владетельный дом «еда» (эфталитов) происходит от одного рода с юэчжи. Первоначальные места обитания эфталитов китайские источники локализуют к югу от Алтая и к востоку от Хотана, т. е. на крайнем востоке территории расселения юэчжи. Правда, китайские источники приводят в другую версию происхождения эфталитов, согласно которой они были

отраслью гаогюйского племени, т. е. уйгуров, но оговариваются, что язык их не похож ни на гаогюйский, ни на тюркский (т. е. на монгольские и тюркские языки). Поэтому можно предположить, что эфталиты представляли собой группу наиболее отсталых восточно-массагетских племён, говоривших на восточно-иранских наречиях

Однако эфталитский племенной союз состоял, по-видимому, не только из иранских племён. Уже в состав юэчжи входили наряду с иранскими и неиранские элементы (тибетские, тюркские). Среди эфталитов роль этих элементов была еще значительнее Позднее (в середине V в.) эфталитский племенной союз объединился с племенным союзом хионитов (или белых гуннов), сложившимся на основе объединения местных массагетских племён с гуннами. В этом союзе в отличие от эфталитского племенного союза преобладали гунны, давшие ему своё имя. После объединения названия «эфталиты» и «белые гунны» стали употребляться по отношению и к тем и к другим

Другой племенной союз составляли кидариты, они, по-видимому, также представляли собой смешение гуннов с массагетами. Кидариты заняли Тохаристан и первоначально были независимы от эфталитов. Разбитые сасанидскими войсками, они частью ушли оттуда в Гандхару, а затем в Индию, частью вошли в эфталитский племенной союз.

О социально-экономическом строе эфталитов известно сравнительно мало. Китайские источники определённо говорят о них, как о кочевниках. Эфталиты не имели городов, жили в местах, обильных травой, в войлочных кибитках. Накануне их вторжения в Среднюю Азию у них ещё господствовал первобытно-общинный строй. Их брачные обычаи отличались большой архаичностью. Среди широких масс свободного населения господствовала полиандрия (многомужество). По китайским известиям, несколько братьев имели одну жену. Число мужей, которых имеет женщина, можно было узнать по количеству углов на её шапке.

Однако первобытно-общинный строй у эфталитов начинает уже разлагаться. Выделяется аристократия, практикующая вместо полиандрии полигамию (многоженство). Жёны владетеля живут, по китайским известиям, на расстоянии 200—300 *ли* друг от друга, а муж, объезжая их, проводит у каждой по месяцу. Классовое расслоение заметно и в погребальных обрядах богатых хоронили в каменных склепах, бедных зарывали в землю. Для периода разложения первобытно-общинного строя типичен и своеобразный институт «соумирающих», упоминаемый византийским историком Прокопием. Знатные эфталиты имели дружины по 20 и более человек, дружинники обедали вместе с вождём, участвовали с ним в сражениях, имели одинаковые с ним права на добычу; в случае его смерти их хоронили вместе с ним

Процесс становления классового общества, элементы которого имелись уже в строе кочевых эфталитов, значительно ускорился после завоевания ими Средней Азии. У эфталитов развитие классовою общества пошло по пути феодализации в отличие от тохаров, завоевавших Среднюю Азию на несколько столетий раньше Эфталитская держава была первым раннефеодальным объединением Средней Азии.

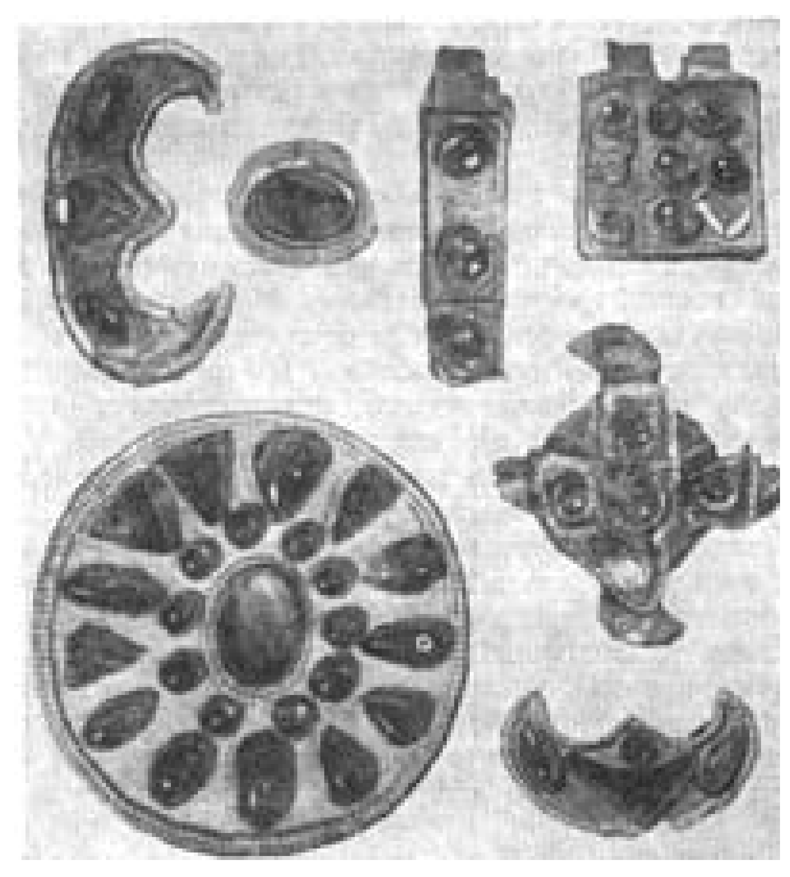
2 Аланы. Борьба аланов с гуннами

III—IV вв. н. э.— время крупнейших сдвигов в кочевом мире, о которых, однако, известно лишь постольку, поскольку они затрагивали судьбу соседних рабовладельческих империй. Более или менее ясны события, имевшие место на берегах Дуная и Хуанхэ, но то, что происходило посередине, в самом сердце азиатских степей и плоскогорий", остаётся, недостаточно выясненным. А между тем именно здесь под-

готовлялись грандиозные события, совершенно изменившие облик Европы, события, которые принято называть «великим переселением народов». Однако, прежде чем говорить о движении гуннов в Европу, которое послужило важнейшим импульсом переселения народов, необходимо дать характеристику тех племён, с которыми гунны столкнулись на рубеже Европы и Азии.

Возникновение аланского племенного союза

Обширные степи от Дона до Аральского моря, от Кавказа до предгорий Урала в III—IV вв. н. э. занимали аланы. Как уже говорилось, упоминания об аланах в античной литературе относятся к середине I в. н. э. Более обстоятельно пишет об аланах в 70-х годах I в. историк Иосиф Флавий, помещающий их на берегах Танаиса и Меотиды. «История Младшей династии Хань», составленная в V в., но по своим источникам восходящая в данном случае к началу II в., сообщает, что владение Яньцай (расположенное, по Сыма Цяню, вокруг большого озера с пологими берегами,—подразумевается Каспийское море) было переименовано в Аланья.



Золотые украшения с сердоликовыми вставками из могильника Рутха (Северная Осетия) IV—V вв. н. э.

Таким образом, наименование «аланы» возникает внезапно в I в. н. э. и с самого начала охватывает население значительной территории. Античные источники связывают их с более древними племенами, жившими в тех самых землях, по которым расселились впоследствии аланы, — с савроматами и массагетами (историки Кассий Дион, Аммиан Марцеллин); у знаменитого географа Птолемея сохранилось наименование аланоскифы. Очевидно, аланы представляли собой союз ряда племён, преимущественно кочевых, которые причислялись ранее к сарматам или массагетам. Уже Аммиан Марцеллин отмечал, что аланы состоят из множества племён и что эти племена лишь постепенно приняли имя аланов. Поэтому правы были те исследователи, которые указывали, что аланские элементы в северокавказских степях появились значительно раньше, чем наименование «аланы» в письменных источниках: действительно, племена, вошедшие в состав аланов, жили здесь издавна.

Таким образом, в I в. н. э. на указанной выше территории происходит образование обширного племенного союза аланов. У Аммиана Марцеллина хорошо показано, как аланы, побеждая соседние племена, принуждали их вступать в своё племенное объединение. Поэтому этнический состав аланского племенного союза был довольно разнородным. Лукиан (или другой автор II в., сочинение которого приписано Лукиану) наряду с аланами упоминает в долине Кубани синдов, сарматов, махлиев и скифов. Воз-

можно, что эти этнические наименования обозначают, во всяком случае частично, племена аланского союза. Большинство этих племен говорило на диалектах иранской группы, но в составе аланского союза могли быть и племена, говорившие на кавказских языках (например, синды). Что касается племени, которое стало называться аланами и объединило вокруг себя окрестных кочевников, то это были, возможно, аорсы, упоминания о которых прекращаются со второй половины I в. н. э.

Аммиан Марцеллин описывает аланов как высоких, белокурых воителей, суровых и подвижных, по образу жизни напоминающих гуннов, однако более цивилизованных. Ввиду разнородности племён аланского союза трудно сказать, относится ли это описание ко всем аланам или к какой-либо их части.

О хозяйственном быте аланов в источниках имеются различные известия. Аммиан Марцеллин характеризует их как типичных кочевников и сопоставляет с гуннами, тогда как китайские источники, напротив, утверждают, что аланы живут оседло. Объясняется это, по-видимому, отчасти тем, что в составе аланского союза имелись и оседлые и кочевые племена. С другой стороны, многие племена Северного Кавказа вели полукочевой образ жизни, сочетая скотоводство с примитивным земледелием. Это подтверждается данными археологии. Богатые керамикой городища, расположенные по берегам Кубани, Терека и Сунжи, встречающиеся в них жернова и зерновые ямы, иногда с остатками проса, определённо указывают на наличие оседлой жизни и земледелия. Весьма характерно наличие архаической культуры проса, типичной, с одной стороны, для кочевников вообще, с другой стороны, для горских народов Кавказа.

Общественный строй аланов определяется разложением первобытно-общинных отношений, хотя традиции их были еще очень сильны. По словам Аммиана Марцеллина, аланы не знали рабства в своей среде. Однако первобытно-общинный строй уже начал клониться к упадку. Это прежде всего нашло отражение в окончательной победе патриархата. Если когда-то для сарматских племен Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа были характерны сильные пережитки матриархата, то у потомков сарматов — аланов женщины были уже совершенно бесправны. Жену убивали на могиле мужа и хоронили вместе с ним. Вместе с тем начинается расслоение в среде свободных. Из общей массы погребений выделяются более богатые, в которых встречаются золотые украшения со вставками из полудрагоценных камней и другие предметы роскоши. Подобные погребения раннеаланской знати, сплошь разграбленные ещё в древности, встречаются в большом количестве на Северном Кавказе.

Набеги аланов на Закавказье и Переднюю Азию, переселение их на запад

Военные набеги и грабеж занимали довольно большое место в жизни аланов. Аланы сражались и в конном и в пешем строю. Для вооружения аланов характерны длинные железные мечи, сходные с сарматскими. Конные дружины аланов упоминаются в античных источниках, а также в армянских и грузинских летописях. Основной целью аланских набегов были Закавказье и прилегающие области Ирана и Передней Азии. Особенно усиливаются их набеги в Закавказье с III в. В это время начинается наступление сасанидского Ирана на Закавказье, и аланы часто нанимаются на службу к армянским и иберским царям. Узкий проход между долинами Терека и Арагвы, именовавшийся ранее то Кавказскими, то Каспийскими, то Сарматскими воротами, получает теперь название Аланских ворот.

Аланы совершали также далекие походы на запад. Уже один из авторов I в. связывает их с Истром (Дунаем). При Антонине Пии Римской империи пришлось вести войну с аланами. При Марке Аврелии аланы участвовали в великом союзе племён Средней и Восточной Европы против Римской империи, с которым римлянам пришлось выдержать многолетнюю борьбу (Германская и Сарматская, иначе первая Маркоманская война 167—175 гг., и затем возобновление борьбы в 178—180 гг.). В 242 г. аланы под Филиппополем во Фракии нанесли поражение Гордиану III.

Первоначально на запад проникали отдельные военные дружины, которые, захватив добычу, уходили назад. Позднее стали приходить целые племена, надолго остававшиеся в придунайских степях. К IV в. европейские аланы, т. е. жившие к западу от Танаиса, составляли уже значительный элемент в населении степей Северного Причерноморья. Тем не менее основной территорией аланов продолжали оставаться степи к востоку от Танаиса. Образование аланского племенного союза способствовало относительной безопасности торговых путей и облегчило торговые связи между Восточной Европой, с одной стороны. Центральной Азией и Китаем — с другой.

Таково было аланское общество к середине IV в. н. э., когда на восточной границе области аланов появился новый страшный враг — гунны.

Вторжение гуннов в Европу

Перемещение гуннов на запад началось ещё с I в. до н. э. В середине I в. до н. э. часть гуннов признала себя зависимой от Китая, а часть откочевала на запад, в Южный Казахстан. На рубеже нашей эры гуннские элементы появляются на побережье Аральского моря, где они смешиваются с местным кочевым населением. Таким образом, уже в I в. н. э. гунны были восточными соседями аланов.

Новый напор кочевников на запад начался с III в., когда тунгусо-маньчжурские кочевники сянь-би стали теснить гуннов к укреплённым границам Китая и на запад, в степи Казахстана. Вторжение кочевников в Китай и делёж ими богатых провинций Китайской империи несколько ослабили напор с востока, но затем он усиливается снова.

Гунны разгромили закаспийских аланов, перешли Урал, Волгу и вторглись на территорию западных аланов, именовавшихся танаитами (поскольку они жили на берегах Танаиса— Дона). На своём пути гунны предавали всё огню и мечу, безжалостно истребляли всех противившихся им. Многочисленные городища по Тереку, Кубани и особенно Нижнему Дону прекратили своё существование именно в это время. Оседлое аланское население было в значительной части перебито, а кочевые племена вынуждены были влиться в состав гуннского племенного союза. Только в степях за Тереком и в горных областях Кавказа сохранилось независимое аланское население.

Победив аланов и увлёкши часть их за собой, гунны напали на грейтунгов (остготов). Борьба гуннов и аланов с готами неразрывно связана уже с историей Римской империи и «варварских» вторжений в её пределы.

3. Племена Европы

С первых десятилетий III в. начинается всё усиливающийся натиск на Римскую империю племён Европы, а также Аравии и Африки.

Подобно другим рабовладельческим государствам, Римская империя переживала острый кризис, который делал её лёгкой добычей для вторгавшихся извне племён. В этот период выступают новые, ранее не известные племена, передвигавшиеся из областей, лишь косвенно задетых римским влиянием. Складываются племенные союзы, послужившие основой для формирования народностей, создавших средневековые государства.

Германцы

Маркоманские войны Марка Аврелия послужили началом не прекращавшихся почти весь III век войн между империей и племенами Северной, Средней и Восточной Европы. Эти войны обусловливались не столько внутренним состоянием империи, сколько изменениями, происшедшими у этих племён. Выше уже был охарактеризован путь развития, который они прошли за первые два века существования империи. Сравнение германцев времён Тацита с германцами III в. показывает, как велико было различие между ними. В III в. германское общество имело уже довольно сильную и богатую племенную знать, нуждавшуюся в тонких тканях, изящной утвари, драгоценных украшениях, хорошем вооружении, золоте и серебре.

Местное ремесло достигло такого уровня, когда оно могло удовлетворять этим потребностям. О его состоянии позволяют судить находки в Шлезвигских болотах вещей, относящихся к середине III в. и хорошо сохранившихся благодаря тому, что они были занесены торфом. Эти находки показывают, на каком высоком уровне стояли местное ткацкое, кожевенное, керамическое, стекольное, металлургическое производства, основанные на римской технике, которая была освоена и развита местными ремесленниками. Особенно большое значение имел уровень обработки металлов, из которых изготовлялись вооружение и многочисленные ювелирные изделия. Торговля с племенами Прибалтики и Скандинавии сделала германцев Средней Европы хорошими кораблестроителями и мореплавателями. В тех же болотах найдены дубовые ладьи на 14 пар гребцов. Германцы использовали свои суда не только для торговли, но и для пиратских набегов, дававших им ценности и рабов для продажи. Усовершенствование земледелия и скотоводства позволило вывести превосходные породы лошадей и создать конницу, ставшую главной военной силой германцев.

Мозельский крестьянин в капюшоне.
IV в. н. э. Бронза.

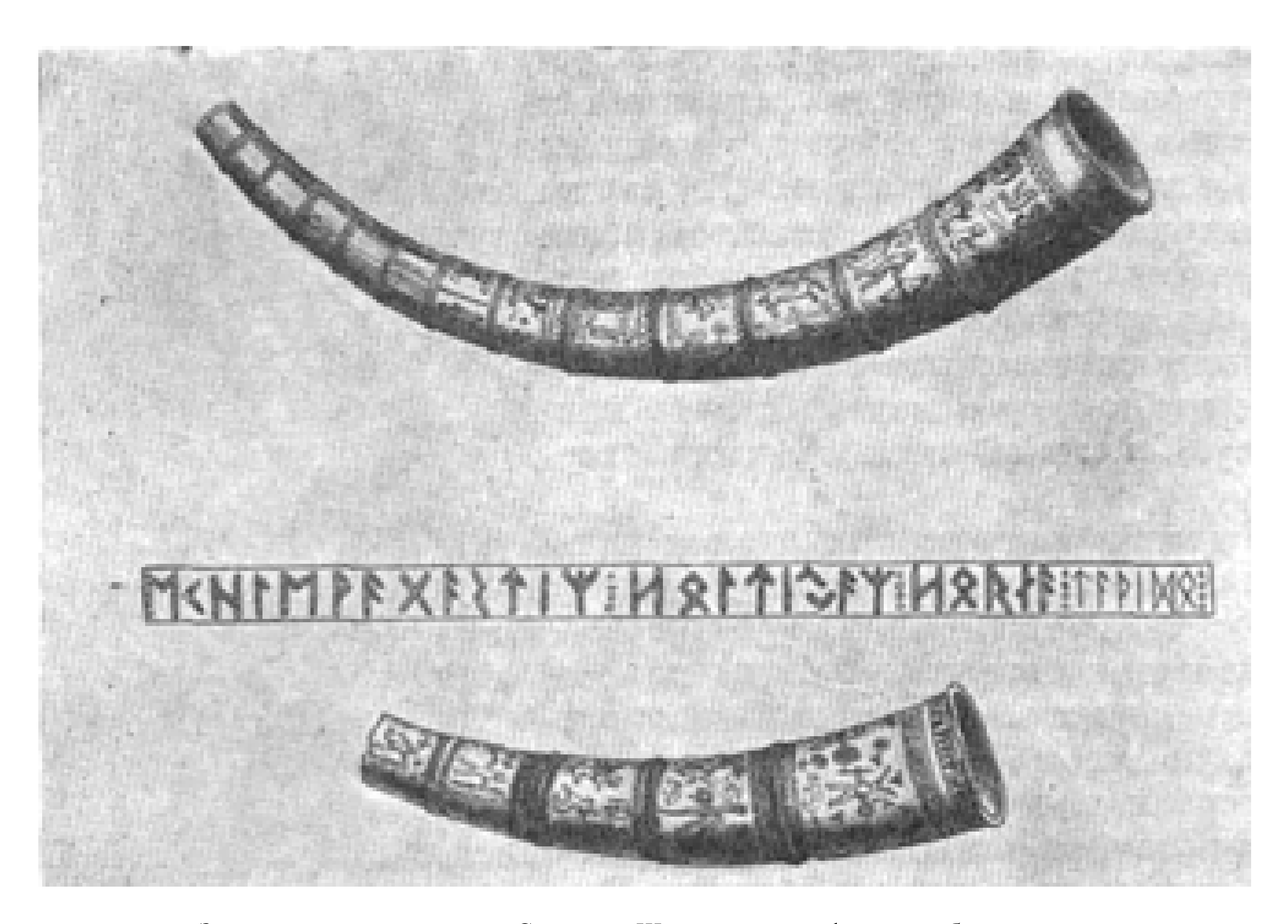
Экономический прогресс приводил к дальнейшему разложению первобытно-общинного строя. Оно достигло той стадии, когда особое значение приобретают военные походы для захвата добычи и новых земель, когда появляются значительные массы людей, не нашедших применения своим силам на родине и готовых искать счастья на чужбине. Всё большее число германцев поступает на римскую службу. Римские императоры и узурпаторы во время бесконечных междоусобиц III в. охотно пользовались услугами германских воинов и особенно германской конницы. Их привлекали не только её боевые качества, но и то, что пришлые германцы не имели, подобно римским солдатам, связей с населением империи. Часть служивших Риму германцев получала земли в пограничных областях империи с тем, чтобы обрабатывать и защищать их. За службу в армии их командиры наделялись римским гражданством, их земельные участки переходили к сыновьям, если те также поступали в солдаты. Правительство иногда снабжало их зерном, скотом, инвентарём и даже рабами, чтобы помочь им наладить хозяйство.

Постепенно эта система всё больше развивалась, заменяя прежнюю систему клиентских «царств». Последняя к III в. окончательно изжила себя. Опыт маркоманских войн показал, что народы, страдавшие от римской эксплуатации, первыми выступили против империи. Они стали слишком сильны, чтобы и дальше безропотно терпеть свою зависимость. Теперь, напротив, императорам сплошь и рядом приходилось платить соседним племенам большие деньги, чтобы купить мир, а когда выплата этой «субсидии» почему-либо задерживалась, племенные вожди являлись в империю требовать оплаты с оружием в руках.

В III в. среди германцев складываются прочные племенные союзы, в которых главную роль играют племена внутренних областей Германии.

Племена Скандинавии

Один из наиболее ранних и сильных союзов возникает у германских племен Скандинавии. Согласно Тациту, обитателями Южной Скандинавии были свионы. Тацит характеризует свионов как искусных мореплавателей, отмечает, что у них богатство в чести и что «царская власть», под которой надо подразумевать власть племенного вождя, у них сильнее, чем у других германских племён. Свидетельства эти в известной мере подтверждаются данными археологии, которые показывают, что в первые века нашей эры в результате торговли с империей и соседними с нею племенами среди свионов выделяется богатая племенная



Золотые ритуальные рога из Северного Шлезвига с рельефными изображениями.
На нижнем роге руническая надпись: «Я, Хлевагаст, сын Холтеса, сделал рог». Около 400 г. н. э.

знать. Особенно богатые погребения найдены в Ютландии, где скрещивались торговые пути Балтийского и Северного морей. В этих погребениях обнаружены драгоценные привозные ювелирные изделия, металлическая, глиняная, а позже и стеклянная посуда.

Ввезённые из империи предметы и римские монеты находят в значительном количестве и в других частях Скандинавии. На значение торговли с империей указывает совпадение древних норвежских весовых единиц с римскими. Высокого уровня достигло и местное ремесло. По римскому образцу изготовлялось превосходное оружие - широкие обоюдоострые мечи, копья, щиты и т. п., а также металлические орудия — топорики, ножи, ножницы. С начала III в. ввоз римских изделий и монет падает, местное ремесло освобождается от влияния римской провинциальной культуры и развивается более самостоятельно, хотя под значительным воздействием того стиля, который сложился в Северном Причерноморье и в III—IV вв. быстро распространился по Европе. В Скандинавии в это время преобладают изделия, украшенные цветной эмалью, полудрагоценными камнями, филигранью. Высказывалось предположение, что в III в. туда вторгались какие-то южно-германские племена, принёсшие с собой этот стиль.

Археологические находки III—IV вв. показывают, что, несмотря на упадок торговли с империей, богатства, сосредоточивавшиеся в руках племенной знати, в это время всё возрастают. Увеличивается количество и вес прежде редких золотых изделий. Особенно интересны два золотых рога для питья, один длиной в 53 *см,* другой — в 84 *см,* украшенные фигурами людей и животных и снабжённые рунической надписью, содержащей имя мастера. Вообще, руническая письменность, прежде имевшая чисто магический характер, получает теперь более широкое распространение, что также свидетельствует о высоком уровне развития, достигнутом племенами Скандинавии. Возможно, что свионы в III—IV вв. принимали участие в походах на империю и что захваченная ими добыча способствовала накоплению богатств в руках племенных вождей и предводителей дружин.

Германские племенные союзы Средней Европы

В Средней Европе особенно активизируются племена Северо-Восточной Германии, более сильные в военном отношении. Разложению у них первобытно-общинного строя способствовала значительно развитая торговля, которую эти племена вели с империей, со Скандинавией и ближайшими областями Восточной Европы. В восточной части Германии по берегам Балтийского моря укрепляются или вновь складываются племенные союзы вандалов, которые во время войн Марка Аврелия начали продвигаться на юг и были частично поселены этим императором в Дакии, а также бургундов, которые в начале III в. продвинулись в район реки Майна. Далее к западу, между Одером и Эльбой, возник сильный союз аламанов, ближе к устью Эльбы жили лангобарды, а на юге Ютландии — англы, саксы и юты, отважные мореплаватели и пираты, нападавшие на Британию и западное побережье Галлии. Жившие по Рейну племена батавов, хаттов и др. образовали племенной союз франков. Все эти племенные союзы в III в. начинают наступление на империю.

Племена придунайских областей и Восточной Европы. Готы в Причерноморье

В III в. германцы были не единственным врагом Рима в Европе. У племён придунайских областей Прикарпатья, Северного Причерноморья, Поднепровья и Поволжья происходят такие же изменения в экономике и общественном строе, как и у германцев. Торговые сношения этих племён с римскими провинциями и городами Северного Причерноморья способствовали развитию местного ремесла и сельского хозяйства, накоплению богатств в руках племенной знати, росту имущественного неравенства, а также совершенствованию военного дела. И здесь складываются новые, более сильные племенные союзы — свободных даков, карпов, которых римские писатели иногда называют гетами, аланов и, наконец, мощный союз ряда племён Причерноморья, которым античные писатели дали общее наименование готов.

В IV—V вв. готы сыграли большую роль в истории гибели империи. Более поздние римские историки считали, что готам принадлежала руководящая роль и в том племенном союзе, который обрушился на Рим в середине III в. Жившие при дворах позднейших готских королей историки Кассиодор и Иордан, желая польстить им, прославляли будто бы издавна существовавшее могущество готов. Однако в III в. готы были лишь одной из составных частей племенного союза, объединявшего кроме них гетские, дакийские, сарматские и славянские племена. Античные историки III в. в подражание греческим писателям классического периода часто давали им общее имя скифов. В середине III в. готы начали свои опустошительные набеги на империю. Вначале главным объектом их наступления была Дакия и Нижняя Мёзия, но постепенно сфера их действий расширилась. В 251 г. готы взяли фракийский город Филиппополь, разграбили его и многих жителей увели в плен. Армию вышедшего им навстречу императора Деция они завлекли в непроходимые болота и нанесли ей страшное поражение: почти все солдаты и сам император погибли в бою. Новый император Галл не мог воспрепятствовать готам уйти со всей добычей и пленными и обязался выплачивать им «субсидию». Однако уже через 3 года они снова вторглись во Фракию и

дошли до Фессалоники. С 258 г. начинаются самые опустошительные морские экспедиции готов, продолжавшиеся 10 лет. За это время были опустошены и разрушены многочисленные города Греции и Малой Азии, в том числе Эфес, Никея, Никомедия. По сообщению античных авторов, в самом крупном походе готов (267 г.) участвовало 500 судов и несколько сот тысяч человек. В 269 г. император Клавдий II разгромил армию готов при городе Наиссе; одновременно был уничтожен их флот, действовавший у берегов Греции. С этих пор натиск готов на империю постепенно ослабевает. Они осели в причерноморских степях и разделились на остготов (восточных готов) и вестготов (западных готов), границей между которыми служил Днестр.

Славяне

Выше уже были приведены данные, свидетельствующие о развитии производительных сил у восточных и западных славян в III—IV вв. н. э. В это же время резко сокращаются их экономические связи с Римской империей и её дунайскими провинциями. Уменьшается число импортированных в славянские области римских вещей, единичными становятся находки римских монет. Зато усиливаются связи с Северным Причерноморьем, главнейшие центры которого (Ольвия, Тира и др.) были теперь в руках «варваров». Крепнут связи и между отдельными славянскими племенами и их соседями, в первую очередь, с многочисленными племенами сарматов.

Как и другие народы Средней и Восточной Европы, славяне включаются в борьбу с рабовладельческим миром Римской империи. Славянские племена участвовали в маркоманских войнах второй половины II в. н. э. Принимали они участие и в так называемых скифских (или готских) походах III—IV вв. В то же время они вступали в борьбу с готами и гуннами. Об этой борьбе рассказывает историк готов Иордан (середина VI в.). Венеды, по его словам, пытались оказывать сопротивление воинственному вождю готов «риксу» Германариху, считавшемуся непобедимым и потерпевшему поражение лишь от гуннов. Позднее, в самом конце IV или в начале V в., при попытке одного из преемников Германариха — Винитара подчинить себе антов, последние нанесли ему поражение. В ответ на это Винитар при вторичном вторжении в земли антов распял вождя антов Божа, его сыновей и 70 антских старейшин.

Хотя крупные походы славян против империи начинаются лишь в самом конце V и в VI в., есть основание считать, что и ранее славяне принимали участие в борьбе, положившей конец власти рабовладельческого Рима над угнетёнными им народами.

В конце IV или в начале V в. южные древнеславянские племена подверглись нападению гуннов. Об атом говорят оставленные, по-видимому в страшной спешке, многочисленные поселения славян, в том числе и вышеупомянутый гончарный посёлок у Иголомни на Верхней Висле, а также зарытые клады, находимые в большом количестве в Повисленье и на Волыни. Это нашествие гуннов заставило часть славянского населения покинуть свои насиженные места и искать спасения в дремучих лесах и болотах Полесья. Оно положило начало и тем передвижениям, которые с особой силой развернутся в последующее время.

Борьба племён Средней и Восточной Европы с Римской империей

Борьба племен Средней и Восточной Европы с Римской империей вначале не была ещё борьбой за новые места для поселения. Такой характер она принимает лишь со второй половины III в. По-видимому, поход 267 г., в который готы отправились с семьями и имуществом, имел целью не захват добычи, как раньше, а приобретение земли. В IV в. «варвары» уже расселяются в захваченных ими областях.

В III в., несмотря на победы «варваров», перевес в военной технике и организации был ещё на стороне империи, в планомерных сражениях её войска большей частью одерживали победу. «Варвары» не умели брать города, которые были достаточно укреплены, так как их осадная техника только ещё зарождалась. Поэтому во время

военных действий окрестное население обычно сбегалось под защиту городских стен, которые часто могли выдержать длительную осаду. Однако — и это важно подчеркнуть — наступающей стороной становится теперь уже не рабовладельческий Рим и такие его форпосты, как греческие города Северного Причерноморья, а те племена, которые в предыдущие века являлись объектами грабежа и эксплуатации со стороны рабовладельческих государств. Теперь они наносят империи и её союзникам сокрушительные удары, обостряющие и усугубляющие кризис рабовладельческого строя.

Иной становится и расстановка классовых сил. В период агрессии римляне опирались на знать тех племён, которые они порабощали. Теперь окрепшая знать свободных племён не ищет более поддержки клонящейся к упадку рабовладельческой империи. Напротив, противники Рима, вторгаясь на его территорию, встречают сочувствие и прямую помощь широких народных масс, рабов, колонов, готовых видеть в «варварах» своих освободителей. Известны случаи, когда рабы или колоны служили проводниками войскам, вторгавшимся на территорию империи, когда они создавали собственные отряды, присоединявшиеся к этим войскам, когда они вместе с «варварами» расправлялись с крупными рабовладельцами и землевладельцами. Чем далее, тем более укреплялся этот союз, обусловивший в конечном счёте падение рабовладельческого строя. Обострение классовой борьбы, делавшее эксплуатируемое население империи союзником её врагов, было одной из наиболее важных причин успехов племён, наступавших на империю. Этим успехам способствовало и то, что быстро сменявшиеся императоры и их соперники неоднократно сами искали помощи «варваров», открывая им границы и сдавая города. Основными базами для наступления на империю в III в. были район между Дунаем, Рейном и Эльбой, а также Северное Причерноморье.

ГЛАВА XXVII
ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КРУШЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ

Кризис рабовладельческого строя, с огромной силой проявившийся в Римской империи в III в., был лишь на время отсрочен политикой домината. Усиление бюрократического и военного аппарата империи, изменение методов её господства привели к изменению форм сопротивления широких масс. Открытые выступления рабов и колонов беспощадно подавлялись. Политика империи, несмотря на попытки приспособиться к возникавшим зародышам нового способа производства, имела своим объективным следствием консервацию отживших рабовладельческих отношений. Экономические противоречия были только загнаны в глубь и неминуемо должны были проявиться с новой силой.

1. Социально-экономический и политический строй поздней Римской империи

Положение трудящихся масс

Одним из важнейших результатов наступления империи на массы трудящихся было резкое ухудшение положения рабов. Дважды повторённым законом Константин фактически восстановил право господина убивать раба. Закон этот гласил, что, если господин засечёт раба до смерти, он может не бояться судебного преследования, так как он проявил лишь своё законное право «исправлять» плохих рабов. Подстрекательство раба к бегству каралось не штрафом, как в III в., а розгами и пыткой. Рабов, пойманных при попытке перейти к «варварам», не возвращали, как прежде, господам, а ссылали в рудники, а в некоторых случаях им отрезали ногу. Свободная женщина, вступившая в связь с рабом, приговаривалась к костру, причём,

если сам раб доносил на неё, его награждали свободой. Константин официально узаконил продажу в рабство детей бедняков их родителями. При нём же был издан закон, позволявший вернуть в рабство вместе с его детьми «дерзкого» вольноотпущенника.

Драконовские законы против рабов имели целью подавить сопротивление и других категорий трудящихся, прежде всего колонов, значение которых в сельском хозяйстве поздней империи продолжает возрастать. Насколько в сельском хозяйстве поздней империи колон стал более характерной фигурой, чем раб в классическом понимании этого термина, показывает, между прочим, такой любопытный штрих: по законам III в. всякий нищий бродяга, происхождение которого не было установлено, считался беглым рабом, по законам IV в.— беглым колоном. В основном колонами, а не рабами становились теперь пленные; именно колонам, а не рабам уделяет основное внимание законодательство. В IV в. колон, независимо от того, был ли он первоначально посаженным на землю рабом, пленником, неоплатным должником или наследственным арендатором, был обязан землевладельцу натуральной рентой и отработками на его земле.

Однако при господстве рабовладельческого государства и права колонат не мог развиться в систему феодальных отношений. Нормы рабовладельческого общества накладывают свой отпечаток на положение колона, всё более сближая его с рабом. Уже Константин обложил значительным штрафом всякого укрывающего чужого колона, а самого беглого колона предписал возвращать на его местожительство закованным в цепи. В дальнейшем этот закон неоднократно подтверждался, причём сфера действия его всё расширялась. Законы о прикреплении колонов к земле касались не только их, но и их потомства — сын не мог покинуть участок земли, переходивший к нему от отца, дочь не могла вступить в брак с колоном из чужого имения. Браки колонов со свободными были воспрещены. Колон не мог подать в суд на господина, поступить без его разрешения в армию, не мог продать что-либо из своего инвентаря или своей части урожая, так как закон признавал, что колон не может иметь никакой собственности. «Можно,— писали императоры конца IV в.,— смотреть на колонов, обязанных годовыми работами и платежами, почти как на рабов... они и сами принадлежат господам, и всё их достояние принадлежит господам... и какое же может быть у них право, если закон ничего не признаёт их собственностью». Так колоны превратились в неполноправное, прикреплённое к земле сословие.

В IV в. закон равно запрещал продавать и колонов, и сельских рабов без земли, к которой они были приписаны по земельной описи — цензу. Прикрепление к земле колонов и сельских рабов было использовано государством в фискальных целях, поскольку землевладелец был обязан податями и повинностями в соответствии с количеством принадлежащей ему земли и приписанного к ней населения. Многочисленными эдиктами императоры старались бороться с попытками обойти этот закон — фиктивными продажами, представлениями подставных колонов, покупкой большого числа работников с малым количеством земли и т. п. Даже всякий взявший к себе рабов, разбредшихся из заброшенного имения, был обязан вносить подати за ту землю, на которой они прежде жили

Потребность в рабочей силе и фискальные интересы государства определяли положение и других категорий населения. В замкнутые корпорации были превращены ремесленные коллегии, члены которых (и их потомки) не могли ни покинуть свою коллегию, ни даже вступить в брак за её пределами. Коллегия в целом отвечала за наложенные на её сочленов поставки и повинности. Некоторые коллегии были прикреплены к императорским мастерским, так называемым «фабрикам», где для войска, двора, чиновничества изготовлялись оружие, ткани, одежда и т. п. Работавшие на этих «фабриках» как члены коллегий, так и другие лица клеймились, чтобы пресечь их попытки к бегству; они работали в мастерской или чаще получали работу на дом. Кроме того, ремесленники и торговцы, в

отличие от земледельцев, вносивших подати продуктами, были обложены денежным налогом, взимавшимся раз в четыре года, причём, по свидетельству современников, год сбора этого налога был годом траура и стенаний. Зато ремесленники были освобождены от муниципальных повинностей.

Упадок городов

Всё возраставшие муниципальные повинности, к которым добавлялись ещё и общегосударственные, были бичом большей части городского населения. Согласно учению тогдашних юристов, повинности делились на имущественные, требовавшие затрат, и личные, требовавшие труда. К первым причислялся сбор налогов с сограждан, а также устройство зрелищ и раздач для городского плебса, доставка перевозочных средств и фуража для войска и чиновников и т. п. В личные повинности входили ремонт дорог, общественных зданий, водопроводов, надзор за перевозками натуральных поставок для города и государства, производство ценза, вербовка рекрутов и т. п.

Кроме того, существовали ещё многочисленные экстраординарные повинности в связи с военными экспедициями, государственной почтой, посольствами к императорам и т. д. За уклонение от повинностей или недостаток в сумме податей членов городских советов, называвшихся теперь куриалами, сажали в тюрьму, нещадно бичевали, а впоследствии даже казнили. Включение в число куриалов стало в IV в. рассматриваться как несчастье, почти равное ссылке на рудники. Куриалы пытались поступить на должность чиновников или в армию, бежали в крупные имения, где становились колонами или, женившись на рабынях, даже рабами, но их неизменно приказывали возвращать в родные города. Всё же курии катастрофически пустели. За IV в. число куриалов уменьшилось в 10 раз и более, несмотря на то, что в их ряды с середины IV в. автоматически включался любой имевший или арендовавший более 25 югеров земли.

Из создавшегося положения извлекала выгоду только небольшая группа самых богатых куриалов, которые, пользуясь связями и, подкупая чиновников, умели переложить всю тяжесть повинностей на своих менее состоятельных коллег, а затем скупали по дешевке их имущество или эксплуатировали их, как неоплатных должников. Нажим государства на городских землевладельцев вёл к тому, что рабы и колоны их имений, подвергаясь ещё более жестокой, чем прежде, эксплуатации, в свою очередь бежали к крупным собственникам, искали покровительства, так называемого патроциния, сильных людей, чиновников, военных, которые становились их патронами и за соответственное возмещение деньгами или натурой защищали их от бывших господ. Это ещё более ускоряло разложение средних хозяйств, увеличивая концентрацию земли и рабочей силы в руках немногих собственников.

«Варваризация» армии

Положение, в которое попали куриалы, повлияло на положение солдат и ветеранов, из которых раньше пополнялись ряды декурионов. Правда, Константин и его преемники подтвердили и даже расширили привилегии ветеранов. Эти последние получали на пустующих землях имения, освобождённые от большего числа повинностей, зерно, инвентарь, деньги или рабов из заброшенных имений. Эти условия были бы весьма заманчивы в те времена, когда имение с 10—20 рабами обеспечивало владельцу достаточный доход и почётное положение в городе. Но в период упадка рабовладельческого хозяйства ветераны мало могли извлечь выгод из своих имений. Уже при Константине редкий ветеран мог дать своему поступавшему в армию сыну двух коней или коня и раба, что обеспечивало ему службу в более привилегированной части, а сын и преемник Константина Констанций писал, что многие ветераны, побросав свои хозяйства, обратились к разбою. К тому же сыновья ветеранов, если они не шли в армию, зачислялись в курию, и тогда все полученные их отцами привилегии сводились на нет.

Всё это лишало военную службу привлекательности, случаи самоувечья рекрутов и дезертирства становились всё чаще. Добровольный набор в армию был в основ-

ном заменён обязательной поставкой землевладельцами рекрутов из числа колонов. Землевладельцы часто старались подсунуть вербовщикам самых малосильных и нетрудоспособных людей; многие предпочитали вносить установленную за рекрута денежную сумму. Солдаты, набиравшиеся из числа презираемых колонов, не могли теперь рассчитывать дослужиться до командных должностей; разница между командиром и солдатом, несколько стиравшаяся в III в., снова стала очень велика. Командиры присваивали солдатское жалованье, распродавали отпущенный на армию провиант и обмундирование, использовали солдат для личных услуг. Всё это крайне понижало боеспособность римской армии.

Императоры предпочитали нанимать солдат из германских и сарматских племён. Командиры набирались из числа племенных вождей, которые начинают играть крупную роль в жизни империи, становясь высшими военачальниками, сановниками, консулами. Целые племена селились на землях империи под условием службы в армии. Это были так называемые леты и федераты. По расчётам историков, к концу IV в. минее четверти армии составляли уроженцы империи. Некоторых деятелей поздней империи очень пугало создавшееся положение. Они указывали правительству, что опасно держать армию из соплеменников римских врагов и римских рабов, то есть «варваров», что рано или поздно занявшие высшие посты в государстве «варвары» найдут мощную поддержку в рабах, которые ненавидят своих господ, и с их помощью покорят империю, что надо приложить все силы, чтобы возродить подлинно римскую армию из солдат, набранных на территории империи. Но советы эти оставались без последствий, так как в обстановке обострённой классовой борьбы императоры больше доверяли чужеземным наёмникам, а населения, пригодного к военной службе, становилось всё меньше.

Развитие крупного землевладения

Правда, правительство делало некоторые попытки сохранить как резерв для армии свободное крестьянство, особенно крестьянство придунайских областей. Рядом указов запрещалось привлекать крестьян к экстраординарным повинностям, уводить за их долги рабов-пахарей и быков, принуждать свободных крестьян работать на землях «сильных» людей. В середине IV в. был создан особый институт «городских дефенсоров» (т. е. защитников) для наблюдения за выполнением законов и правосудия. Дефенсорам городов дунайских провинций особо предписывалось защищать крестьян. Но всё это мало помогало. Налоги, повинности и долги разоряли крестьян. Даже узаконенный процент при займе продуктами равнялся трети долга, а фактически был ещё выше. В придунайских областях, где с середины III в. тоже растёт крупное землевладение в связи с наделением землёй местных жителей, сделавших карьеру в армии и при дворе, богатые собственники закабаляли крестьян, заставляли их отрабатывать долги в своих имениях. И здесь сложился колонат, узаконенный императорами в конце IV в. Во всех областях империи крестьяне, сохранившие ещё независимость, спасаясь от сборщиков налогов, целыми сёлами шли под патроциний крупных землевладельцев, хотя те за свою «защиту» отнимали у них землю и обращали их в колонов.

К концу IV в. патроциний по всей империи принял такие размеры, что императоры начали с ним жестокую борьбу, налагая на патронов штраф в 25—40 фунтов золота за каждого принятого ими крестьянина. Несмотря на это, свободное население быстро исчезало. К крупным частным владельцам уходили не только крестьяне, но и рабы и колоны императорских сальтусов, хотя императоры предоставляли им некоторые льготы. Так, они могли вступать в законный брак со свободными, не терявшими при этом свободы, их могли судить только императорские управляющие — рационалы или судьи в присутствии рационалов, они были освобождены от экстраординарных повинностей и налогов на торговлю. Вместе с тем, штраф за удержание беглого императорского колона равнялся 1 фунту золота, что более чем вдвое превышало штраф за удержание частного колона. Тем не менее

бесконтрольное, жестокое управление рационалов, наживавшихся на своих должностях, делало положение императорских колонов очень тяжёлым, вследствие чего они старались перейти под патроциний магнатов.

Эти земельные магнаты были единственным сословием, процветавшим при доминате. Теперь все крупные землевладельцы, высшее чиновничество и высший командный состав армии входили в наследственное привилегированное сословие сенаторов, причём принадлежность к нему, в отличие от времён ранней империи, не предполагала обязательного участия в делах и заседаниях сената. В число сенаторов Константин включил и богатейших куриалов, чем нанёс тяжёлый удар платёжеспособности курий. Сенаторы были свободны от всяких повинностей и от всяких связей с городами. Они вносили непосредственно в казну поземельный налог, определявшийся в зависимости от их состояния от 2 до 8 фунтов золота в год. В юбилеи императоров они были обязаны делать им богатые подарки, и, наконец, на них возлагались значительные затраты (до 4 тыс. фунтов серебра) на игры, постройки и т. п. в связи с отбыванием ими претуры.

Расходы эти

КОПТСКАЯ ТКАНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГА РЕКИ НИЛА
Выткана шерстью по холсту в гобеленной технике. IV в. н. э.

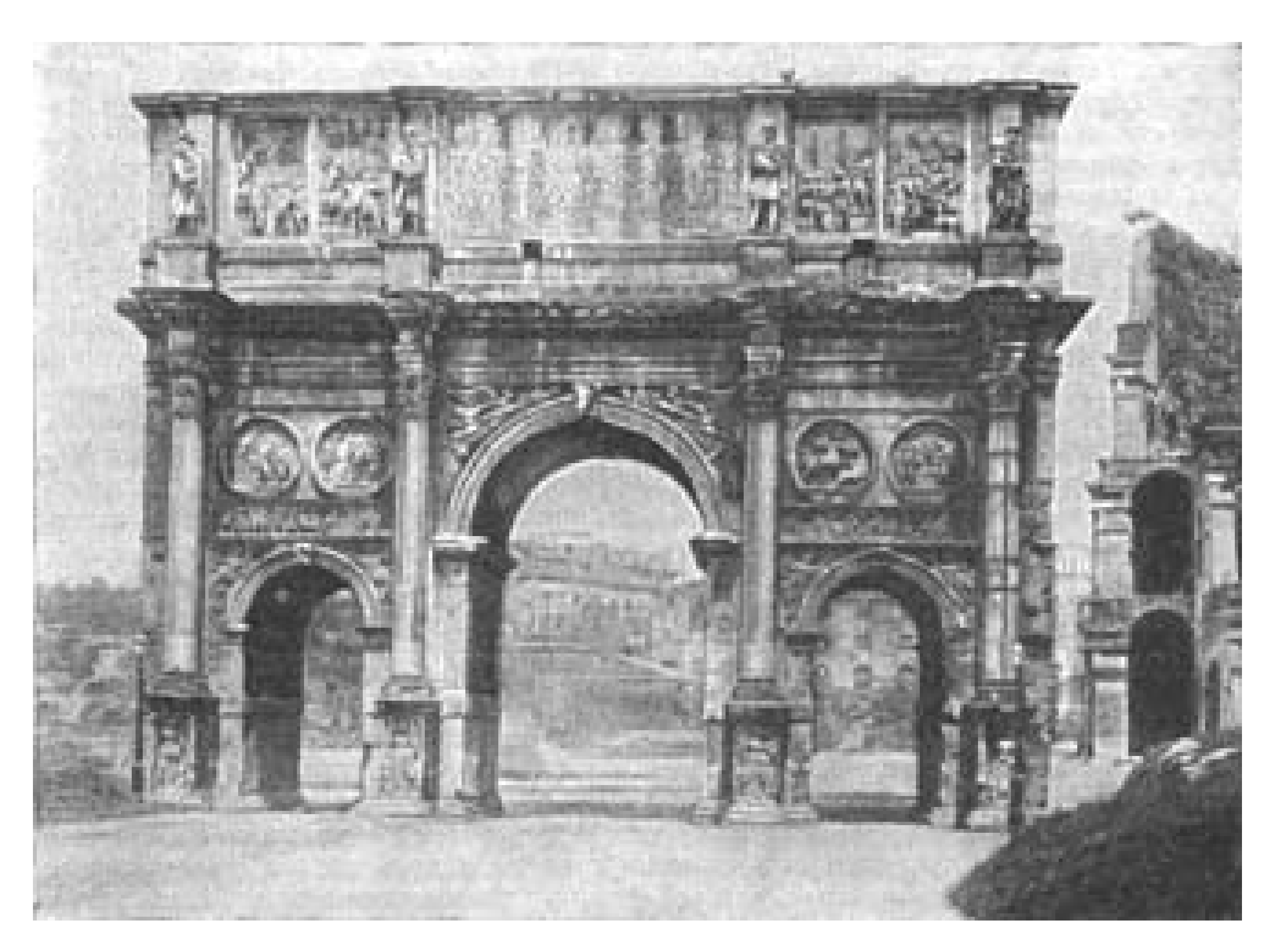
Районы, где рабство достигло высокого развития,— юго-восточные части Галлии, Испания, проконсульская Африка и, наконец, Италия—значительно сильнее пострадали от кризиса и приходили во всё больший упадок. Ещё сохранявшиеся здесь города влачили жалкое существование, курии быстро пустели. Императорское правительство пыталось опереться на более состоятельных куриалов, давая им некоторые привилегии, так как стремилось во что бы то ни стало сохранить города, служившие его фискальным интересам, но было бессильно восстановить их былое значение. Такие города Запада, как Медиолан (Милан), Августа Треверов (Трир), Арелата (Арль), были обязаны своим процветанием лишь тому, что служили императорскими резиденциями или центрами торговли, удовлетворявшей потребность знати в импортных предметах роскоши. В этих областях значительная часть колонов состояла из посаженных на землю рабов. Все институты рабовладельческого общества и самая империя сохраняли здесь глубокие корни, но вследствие прогрессирующей экономической деградации этих областей они не могли на долгое время обеспечить ей прочную базу.

Более сложным было положение в восточных провинциях. Развитие некоторых областей, таких как, например, Ахайя и западные береговые районы Малой Азии, где господствовал античный рабовладельческий полис и где рабство ещё до римского завоевания вытеснило все остальные отношения, зашло в тупик. В ряде глубинных частей Малой Азии, Сирии, Египта, в большинстве районов Фракии, отчасти в Македонии городская организация и рабство существенной роли не играли. Колонатные отношения развивались здесь на основе разложения сельской общины и старых, переживших эллинизм форм эксплуатации.

Особое место занимали те из областей Малой Азии, Сирии, Египта, где довольно высокое развитие рабства сочеталось со значительной ролью в производстве свободного населения — арендаторов земли и ремесленников. Города, земли которых возделывали колоны, оказались более устойчивыми; огромную роль играло и то, что многие города восточных провинций были важнейшими центрами ремесла и торговли, не только внутренней, но и внешней. Между тем, если торговые связи населения западных городов с зарейнскими и задунайскими народами почти совершенно прервались, то торговые сношения восточных провинций с Персией, Аравией и другими соседними странами в первый период домината вновь оживились. Этому оживлению способствовали временное умиротворение на восточной границе и проведённая Константином денежная реформа, более удачная, чем реформы его предшественников. Жизнь таких центров, как Антиохия, Никея, Никомедия, Александрия, не считая более мелких, была интенсивной и оказывала значительное влияние на весь строй провинций. Атак как античная культура была прежде всего городской культурой, то она не претерпела на Востоке такого упадка, как на Западе, хотя развитие кризиса нанесло и ей существенный удар и значительно модифицировало её. Таким образом;
экономический и культурный центр империи стал перемещаться на Восток.

Вместе с тем социальные противоречия в восточных провинциях были сложнее, Наряду с борьбой между эксплуатируемым сельским населением и крупными землевладельцами чрезвычайно острыми были здесь и столкновения между различными социальными группами в городах—между более и менее состоятельными куриалами, между городскими землевладельцами и окрестными колонами, обрабатывавшими их земли и земли городов, между купцами, наживавшимися на дороговизне, и плебсом, требовавшим дешёвого хлеба, между владельцами мастерских и обслуживавшими их свободными и рабами. Наконец, города противостояли земельным магнатам, стремившимся захватить городские земли и подчинить себе сидевших на них колонов. Лавируя между этими группами, опираясь то на одну, то на другую и прибегая к социальной демагогии, императорское правительство чувствовало себя здесь прочнее, чем на Западе, где его социальная база постепенно сужалась.

В результате всего этого столица империи была перенесена на восток. Уже Диоклетиан жил в Никомедии; Константин в 330 г. превратил в столицу старый торговый город на берегу Боспора — Византии, получивший теперь название Константинополя. Город отличался выгодным географическим положением и естественными укреплениями, делавшими его почти неприступным. В новой столице был создан свой сенат,

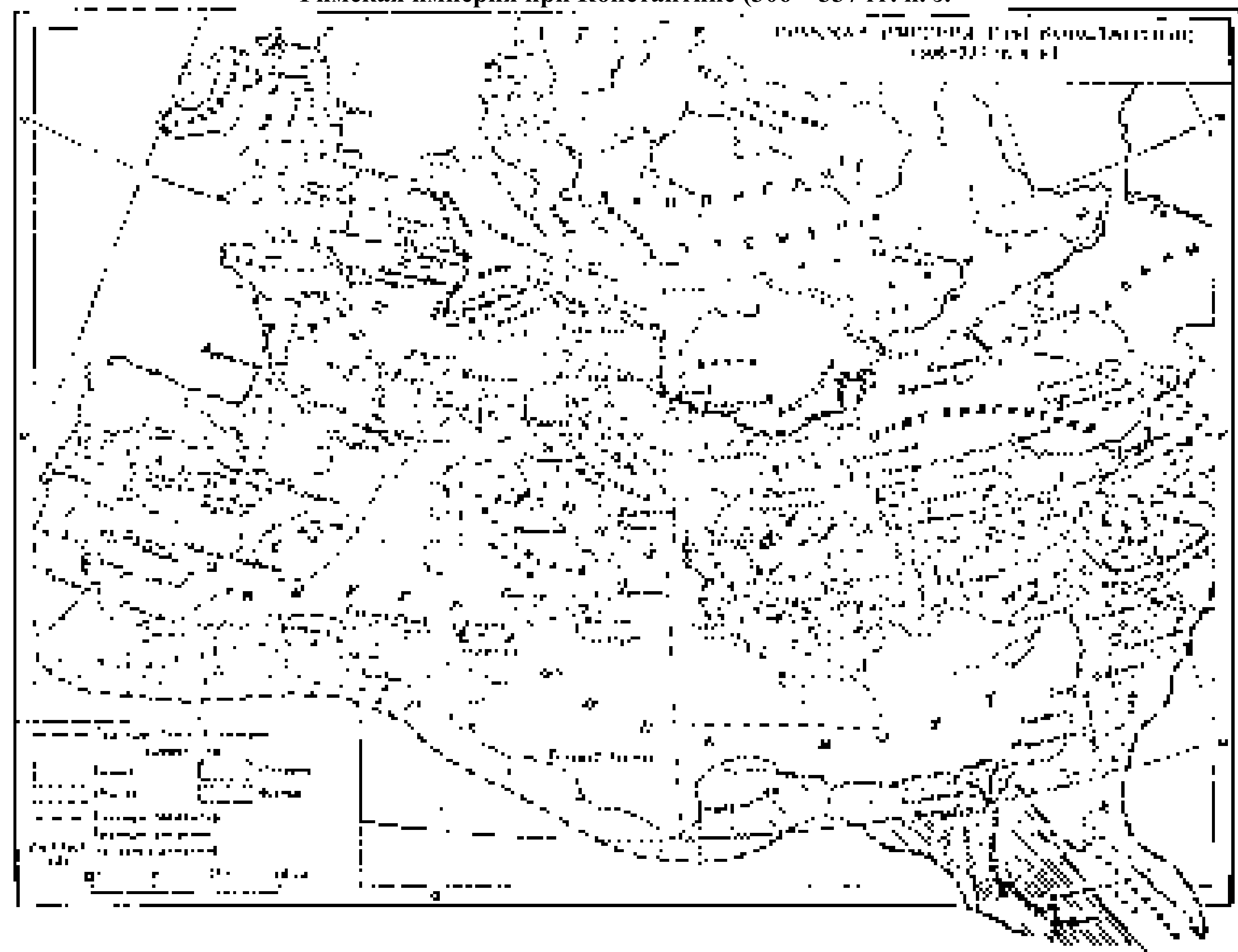


Триумфальная арка императора Константина в Риме.
IV в. н. э.

существовавший параллельно с римским, константинопольский плебс за счёт египетского хлеба получал те же раздачи, что и плебс Рима. Переселявшимся в Константинополь сенаторам давались земли и привилегии; стекавшиеся сюда купцы и ремесленники сделали вскоре город крупнейшим экономическим центром Востока. На украшение новой столицы, её дворцов, цирка, ипподрома со всей империи свозились лучшие памятники искусства. Постепенно Константинополь, как императорская резиденция, затмил собою старый Рим.

Возвышение Константинополя было внешним выражением того факта, что империя уже не составляла единого целого. Различные пути развития кризиса в её отдельных областях, обусловленные разницей в их экономическом и социальном строе, привели к фактическому расколу империи сначала на восточную и западную половину, а затем и на более мелкие части.

Римская империя при Константине (306—337 гг. н. э.



Политический строй поздней империи

Государственный аппарат поздней империи, начавший складываться при Диоклетиане и окончательно оформившийся при Константине, соответствовал её социальному строю. Римское государство этого времени, выполнявшее прежде всего функцию подавления огромного большинства населения, превратившееся, по словам Энгельса, в «машину для высасывания соков из подданных», приняло форму законченной бюрократической монархии. Огромная армия чиновников, разделённая особой «табелью о рангах» на «выдающихся», «благороднейших», «сиятельных» и т. д., тяжёлым бременем лежала на плечах населения. Высшие должностные лица государства были вместе с тем и высшими придворными чинами, империя как бы сливалась с императорским хозяйством. Так, «квестор священного дворца» был председателем императорского совета — «священной консистории»; «магистр должностей» ведал личной канцелярией императора, его личной стражей, состоявшей из отрядов «варваров», и ему вместе с тем принадлежал верховный контроль над всем управлением, так как под его началом стояло целое войско тайных полицейских агентов, так называемых «любопытных». Финансами заведовали комиты «частного имущества» и «священных щедрот» императора. Большую роль играл и высший дворцовый чин, так называемый «начальник священной опочивальни». Количество придворной челяди, среди которой особенно выделялись многочисленные евнухи, было необычайно велико. Одних брадобреев было 1000 человек, причём все они получали большое жалованье натурой и деньгами.

Империя делилась на четыре префектуры: Галлии, Италии, Иллирии и Востока. Гражданское управление префектур возглавляли четыре префекта претория, которым подчинялись викарии диоцезов и наместники провинций с их штатом секретарей, казначеев, писцов, судей и т. п. Общему гражданскому управлению не были подчинены Рим и Константинополь, имевшие особых префектов Армия находилась в ведении четырёх магистров пехоты и четырёх магистров конницы, за которыми по нисходящей линии шли начальники (дуки) военных округов и командиры легионов. Среди этого огромного аппарата процветали взаимная слежка, кляузы, беззастенчивое взяточничество и казнокрадство. Всякий спешил побольше награбить и поскорее выдвинуться, столкнув другого. Императоры поощряли доносы, считая, что они укрепляют их власть. При преемнике Константина Констанции один знаменитый придворный доносчик получил насмешливое прозвище «комита сновидений», так как специализировался на доносах о неблагоприятных для императора снах, которые будто бы видели разные высокопоставленные лица. Наиболее частыми были взаимные обвинения в колдовстве и гаданиях, направленных якобы во вред правителю.

2. Миланский эдикт и превращение христианства в господствующую религию

Миланский эдикт и покровительство церкви

Одним из важных событий правления Константина (306—337) был так называемый Миланский эдикт 313 г., даровавший свободу вероисповедания христианам и возвращавший им все конфискованные церкви и церковное имущество. В дальнейшем Константин оказывал христианам особое покровительство. Из гонимого учения христианство становилось государственной религией, из «церкви борющейся» — «церковью торжествующей».

Константин даровал христианской церкви ряд значительных привилегий; она получила право принимать наследства и дарения, что при быстрых успехах христианства сделало её менее чем за столетие обладательницей $^{1}/_{10}$ всех земель империи. Сам Константин и его преемники не скупились на богатые пожертвования. Клирики были освобождены от муниципальных повинностей, третейский суд

епископов был приравнен к государственному, епископы получили право узаконивать отпуск на волю рабов с тем, однако, чтобы они проверяли, «достойные» ли получают свободу. Сам император, не будучи ещё христианином, принимал горячее участие в делах церкви, называя себя её «епископом для внешних дел». К концу жизни он крестился.

Главную роль в признании Константином христианства сыграли политические соображения. Правда, в начале IV в. христианство исповедовало не более одной десятой части населения империи, однако христиане успели уже создать исключительно крепкую организацию, умевшую влиять на массы. Широкая благотворительность и надежда на загробное блаженство привлекали отчаявшуюся бедноту; проповедь смирения и покорности умеряла её сопротивление. Языческая религия, требуя лишь соблюдения внешних обрядов, оставляла известный простор для свободы мысли. Христианство требовало полного подчинения, безоговорочного признания установленной догмы. Именно такая религия была наиболее подходящей идеологической базой для монархии, возглавлявшейся «святейшим» императором и основанной на господстве небольшой кучки привилегированных над бесправными, униженными, лишёнными всяких перспектив массами тружеников.

Статуя императора Константина в Риме.

Арианство Миланский эдикт привлёк на сторону Константина христиан Востока во время его борьбы с другими претендентами на власть. Константину тем легче было пойти на союз с церковью, что на Западе христианство распространилось позже, чем на Востоке, и преимущественно среди аристократии, ставленником которой был Константин. О настроениях западных христиан позволяют судить постановления (так называемые «каноны») двух епископских съездов — соборов, состоявшихся на Западе в 306 и 314 гг. Из этих канонов видно, что рабы и колоны христианских господ ещё оставались язычниками и активно защищали своих богов, что епископы дозволяли христианам занимать общественные должности, в том числе и жреческие, и карали пожизненным отлучением христиан, отказывавшихся служить в армии, тогда как женщина, засекшая до смерти рабыню, отделывалась пятилетним покаянием. Как видно, христиане из числа знати были уже вполне готовы к союзу с государством, и Константин, запретивший преследовать господина, запоровшего раба, был для них подходящим союзником. Поэтому в западных провинциях религиозная политика Константина среди знати оппозиции

не встретила. Только римские сенаторы, державшиеся тысячелетних традиций республиканского и раннеимператорского Рима и недовольные возвышением Константинополя, оставались верны старым богам, демонстративно восстанавливая их храмы.

На Востоке прежних культов ещё придерживалась часть недовольных общей политикой Константина куриалов и интеллигенции, среди которой господствующим учением был неоплатонизм. Но и в рядах христиан Востока не было единства. Социальные противоречия принимали теперь религиозную окраску и проявлялись в ожесточённой борьбе различных направлений. Наиболее значительным из них было арианство. Его основатель, александрийский пресвитер Арий, утверждал, что Христос не извечен, так как сотворён богом-отцом, а, следовательно, ниже отца и не равен, а только подобен ему. Против этого положения восстали «правоверные» христиане, возглавлявшиеся Афанасием, который вскоре сделался епископом Александрии. Они доказывали, что Христос вечен, равен и единосущен богу-отцу, а возникшие из этого тезиса противоречия объявляли недоступной разуму божественной тайной. Разгоревшийся спор грозил церкви расколом, чего не мог допустить Константин, так как только единая церковь могла быть ему надёжной союзницей. По его желанию в 325 г. в городе Никее был собран первый, так называемый «вселенский», собор епископов. Он выработал обязательный для всех христиан символ веры, утверждавший единую сущность Христа и бога-отца, и осудил положения Ария.

Однако это не положило конец арианству. Напротив, борьба разгорелась с новой силой. В течение всего IV в. ариане и никейцы, или православные, то искали компромисса, обсуждая на многочисленных соборах новые символы веры, то набрасывались друг на друга с яростью, превосходившей, по словам Аммиана Марцеллина, ярость диких зверей. Епископы враждебных направлений обвиняли друг друга в растрате церковных средств, разврате, подлогах, государственной измене, добивались ссылки своих противников, их низложения и отлучения от церкви. Арианская партия, к которой под конец жизни стал склоняться сам Константин и которую поддерживали его преемники, временно одержала победу в восточных провинциях. К ней примыкали придворные, чиновничество, городская верхушка — те элементы, которые были слишком эллинизованы, чтобы отказаться от привычных философских категорий, даже приняв христианство, и вместе с тем поддерживали сильную императорскую власть и были готовы полностью подчинить ей церковь. «Что я прикажу, то вам и канон»,—заявил однажды сын Константина Констанций съехавшимся на собор арианским епископам, которые приняли это заявление без всяких возражений.

Напротив, все оппозиционные элементы собрались под знаменем никейского православия, возглавлявшегося Афанасием, не раз побывавшим в ссылке, отчего его популярность только росла. Из этого лагеря шли требования независимости церкви и яростные обличения «антихриста» Констанция. Сильную поддержку никейцы получали со стороны всё возраставших в числе монахов и отшельников. Основателем монашества считается египтянин Антоний. Следуя его примеру, множество сельских и городских жителей Египта и Азии бежало в пустыню, где первоначально жило в строгом аскетизме, питаясь приношениями верующих и продуктами своего земледельческого и ремесленного труда. Они были ожесточёнными врагами эллинистической знати, её культуры и философии. Это была одна из своеобразных форм пассивного протеста против гнёта Римского государства.

Донатисты и агонистики

Гораздо более активной формой протеста явился возникший в Африке и просуществовавший более столетия донатизм, названный так по имени одного из своих главных представителей — Доната, епископа нумидийского города Каза Нигра. Донатизм частично продолжал те демократические течения III в., которые требовали строгого осуждения христиан, отрёкшихся от веры во время гонений, и возник сразу после прекращения гонений Константином. Осуждённый официальной церковью, он имел в Африке многочисленных сторонников, особенно в Нумидии и Мавретании. К нему примыкали

элементы, настроенные против центрального правительства и желавшие самостоятельности Африки.

С донатизмом было связано и движение так называемых «агонистиков», т. е. «борцов». Это были крестьяне, посаженные на землю рабы и колоны, боровшиеся против крупных землевладельцев и ростовщиков, как и их предшественники, повстанцы III в. Среди них было значительное количество мавров, страдавших от римского гнёта. Собираясь в большие отряды, вооружившись дубинами, агонистики захватывали крупные имения, сжигали долговые обязательства, которые служили их закабалению, уничтожали списки рабов. Один из противников донатизма писал, что из-за агонистиков ни один землевладелец не чувствует себя в безопасности в своём имении, не смеет взыскивать долги; что собственники униженно просили милости у агонистиков и готовы на любые материальные потери, лишь бы те сохранили им жизнь. Он рассказывает, что, встречая на дороге богатую коляску, агонистики выбрасывают из неё владельца и сажают на его место рабов, так как считают, что господа и рабы должны поменяться положением. Донатистский епископ города Тамугади заставлял купцов делиться выручкой с бедняками, производил переделы земли. Особенно большой размах приняло движение в 30—40-х годах IV в., когда его возглавили мавры Аскидо и Фасир. Они были убиты в бою, но во главе агонистиков стал епископ Донат. Карательная экспедиция, посланная против них правительством, закончилась кровопролитной битвой и разгромом агонистиков при городе Богаи, но это не могло положить конец движению угнетённых. Агонистики снова собирали рассеянные отряды, заменяли убитых вождей новыми и продолжали борьбу.

3. Римская империя во второй половине IV в.

Междоусобия преемников Константина

Движение агонистиков и религиозные распри на Востоке показывают, что достигнутая напряжением всех сил видимая стабилизация империи при Диоклетиане и Константине была крайне непрочной. С совершенной очевидностью это выявилось при преемниках Константина. Константин завешал империю трём сыновьям — Константину, Константу, Констанцию и двум племянникам. Последние сразу же после его смерти были перебиты вместе с другими родственниками Константина во время вспыхнувшего в Константинополе военного мятежа, вызванного происками Констанция, который стремился избавиться от возможных соперников. Констант, отняв у своего брата Константина придунайские области, 13 лет правил Западом и погиб в борьбе с объявившим себя императором военачальником Магненцием. Констанцию удалось разбить Магненция и снова воссоединить империю под своей властью.

Констанций и Юлиан. Войны с «варварами»

При Констанции опять усиливается натиск «варваров». Франки и аламаны, ещё не умевшие брать города, захватывали сельские местности Галлии и размещались здесь со своими семьями. Население, истощённое непомерными налогами и в значительной мере разбежавшееся по лесам и болотам, и даже солдаты, оборванные и голодные, почти не оказывали им сопротивления. На Дунае наступали сарматы. Одно из сарматских племён, покорённое другим племенем, восстало против своих поработителей. Те просили помощи Констанция, который, будучи верен римскому принципу поддерживать господ против рабов, в помощи не отказал и был втянут в неудачную для него войну. В это же время на Востоке началась война с Персией из-за Армении и месопотамских областей. В этих сложных условиях Констанций сделал цезарем Востока одного из своих уцелевших во время константинопольской резни двоюродных братьев — Галла, которого, однако, вскоре казнил. После этого он возвёл в звание цезаря брата Галла — Юлиана и отправил его очищать Галлию от «варваров».

Многие считали, что подозрительный, ревнивый к своей власти Констанций послал молодого цезаря, последнего из рода Констанция Хлора, в Галлию в расчёте на то, что он оттуда не вернётся: так мало дал он ему войска и таким бдительным надзором стеснил его действия.

В Галлии новый цезарь неожиданно достиг значительных успехов. Добившись большой популярности среди солдат заботами об их нуждах, он одержал над франками и аламанами ряд побед, из которых особенно знаменита победа при Аргенторате (Страсбург), когда в плен был взят вождь франков Хнодомар. Юлиан трижды переходил Рейн. В провинциях он, несмотря на ограниченность своей власти, старался улучшить положение мелких и средних землевладельцев, снизив и более равномерно распределив налоги, отстраивая разрушенные города. Всё это, конечно, создавало ему популярность и среди куриалов Востока.

Кое-кто из языческой партии Востока, встречавшийся с Юлианом в Афинах и Эфесе, где он оканчивал образование, знал, что воспитанный в христианской вере Юлиан втайне придерживается неоплатонизма и поклоняется Солнцу. Это делало нового цезаря желанным кандидатом на императорский трон в глазах довольно значительной части населения восточных провинций. В правление Констанция язычники терпели гонения. Многие храмы были закрыты, их имущество отобрано в казну. Обширные земли храмов Каппадокии и Коммагены были выделены в особые округа и обогащали управлявших ими придворных. Конфискация собственности богатых городских храмов, которой распоряжались курии, ещё более ослабила платёжеспособность последних. Свою ненависть ко всей системе домината куриалы переносили на христианство и, мечтая о возвращении прежних порядков и прежней религии, с надеждой смотрели на Юлиана.

Между тем Констанций, терпя поражение от персов, приказал Юлиану отослать к нему часть войска. Солдаты, в большинстве местные уроженцы из провинциалов и «варваров», отказались покидать родину и семьи и, подняв мятеж, провозгласили августом Юлиана. Западные провинции признали его без сопротивления. Готовясь к неизбежной войне с Констанцием, Юлиан рассылал письма городским куриям, принимал делегации городов, обещая им помощь и удовлетворяя их просьбы. Столкновение с Констанцием было предотвращено смертью последнего, и Юлиан стал правителем всей империи (361—363 гг.).

Политика Юлиана

Прибыв на Восток, Юлиан открыто заявил о своём разрыве с христианством, лишил клир всех привилегий и приказал восстановить языческие храмы и языческий культ. Стремясь привлечь на свою сторону бедноту, он организовывал больницы и убежища для нищих, проводил большие раздачи, старался дать стройную организацию языческому жречеству. Рассчитывая, что внутренние распри ослабят христиан, он вернул из ссылки «еретиков» всех толков и устроил собор представителей всех учений и сект, наслаждаясь их взаимной грызнёй. Прямому преследованию христиане при Юлиане не подвергались, но он удалил их с высших должностей и запретил им преподавание в школах. Превосходно зная священное писание, он выступал с его опровержением. Антихристианская политика Юлиана сочеталась с попыткой воскресить городские курии. Он приказал разыскивать и возвращать в курии всех незаконно пользовавшихся привилегиями или скрывавшихся куриалов, возвращал городам их земли, оказывал им щедрую помощь, сократил придворную челядь, чтобы уменьшить тяжесть шедших на её содержание налогов.

Медная монета
Юлиана Отступника.

Однако мероприятия Юлиана не встретили широкой поддержки, так как не только христиане, высшие чиновники и придворные, но и богатые куриалы были ими

недовольны. Среди богачей Антиохии вызвал негодование закон о максимальной цене на муку. Чтобы поддержать этот закон, Юлиан приказал на свой счёт привезти дешёвое зерно из Египта, но богатые купцы раскупили и спрятали его, что повело к голоду и волнениям плебса. Не удалось возродить и не имевший уже реальной базы языческий культ во всём его былом великолепии. Недолгое правление Юлиана закончилось большим походом против Персии. Военные операции вначале протекали довольно успешно, так как Юлиан в армии был очень популярен за борьбу со злоупотреблениями командиров. Но заведя своё войско далеко вглубь пустынной вражеской территории, Юлиан погиб в бою.

Преемник Юлиана Иовиан (363—364) должен был отдать персам пять областей Месопотамии, чтобы получить возможность вернуться в империю с остатками войска, сильно пострадавшего от жары, голода и жажды Христиане ликовали по случаю гибели «отступника». Неудача Юлиана показала, что сословие куриалов и язычество окончательно отжили свой век, Она показала также всю невозможность возрождения римской военной мощи, к чему стремился Юлиан. После его смерти становится всё более очевидным, что империя уже не может обходиться без помощи «варваров» ни во внешних, ни в междоусобных войнах.

4. Новое наступление «варваров» на империю и народные движения. Падение Западной Римской империи

Союзы племён

Племенные союзы германцев, славян, сарматов, мавров всё более крепли и расширялись. В их среде росла социальная дифференциация и всё более укреплялась власть вождей. Некоторые из этих вождей, поступив на римскую службу, получали высокие чины и большие богатства, другие вели свои дружины на империю ради захвата новых земель для поселения. Те рядовые «варвары», которые селились в империи в качестве пленных, летов и федератов, жестоко страдали от эксплуатации землевладельцев, государства и собственных вождей, по дешёвке продававших их работорговцам, которые затем перепродавали их в провинции. Правительство, желая изолировать новых поселенцев, запрещало подданным империи вступать с ними в браки, вести торговлю; родственные связи «варваров» не признавались законом. Поэтому понятно, что они охотно переходили на сторону своих соплеменников, вторгавшихся в империю.

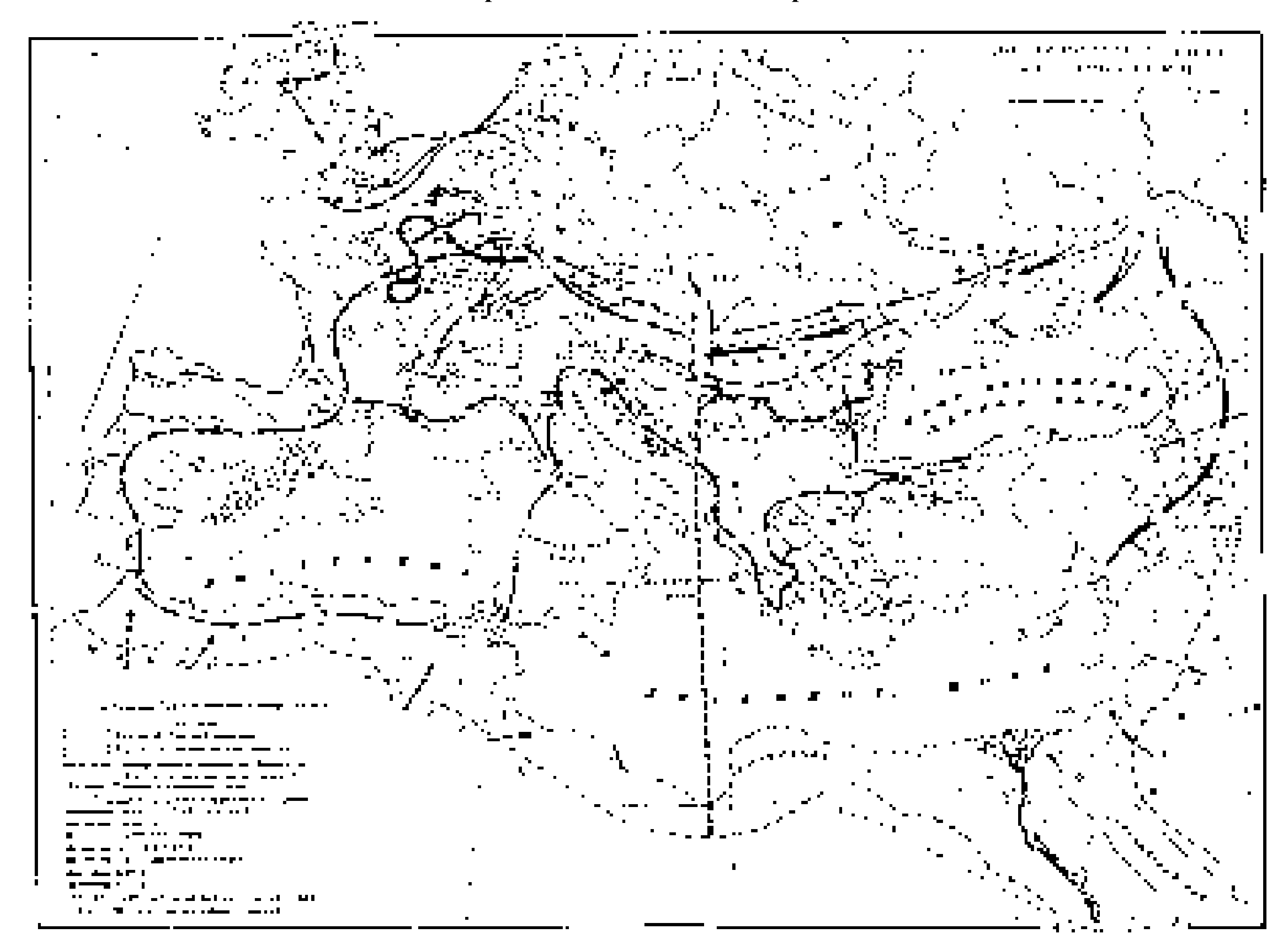
За Дунаем в это время складываются сильные готские союзы, с которыми воевали сарматские и славянские племена. Среди готов, находившихся в тесных отношениях с империей, в IV в. начинает распространяться христианство в форме арианства; его проповедником был Ульфила, который стал первым епископом готов и перевёл библию на готский язык. Постепенно среди готов выделились две ветви, разделённые Днестром,— остготы и вестготы. В 70-х годах тяжёлое поражение готам было нанесено продвинувшимися до причерноморских степей гуннами. Покорённые гуннами остготы вошли в их племенной союз.

Гунны выступили совместно с некоторыми сарматскими и славянскими племенами против вестготов Они оттеснили вестготов к Дунаю. Тогда вестготы обратились к правительству империи с просьбой предоставить им убежище на её территории.

Народные движения

Положение в империи было очень напряжённым. Рано умершего Иовиана сменил выдвинутый высшими военными и гражданскими чинами Валентиниан (364—375), который снова разделил империю и назначил августом Востока своего брата Валента (364—378). Писатели IV в. отмечают, что при этих императорах вымогательства и злоупотребления чиновников достигли высшего предела. Неисправных налогоплательщиков уже не бичевали, а казнили; тюрьмы были переполнены куриалами, ремесленниками, крестьянами. Население и солдаты массами бежали, некоторые пытались укрыться в больших городах, другие уходили в леса и пустыни, многие переходили к «варварам».

Римская империя в IV—V вв. н. э. и вторжения племен



Несмотря на повторные приказы без суда предавать смерти дезертиров и «разбойников», колоны и рабы охотно скрывали их в имениях. В Сирии возникли целые поселения обратившихся в «разбойников» беглых крестьян, рабов и колонов, которые захватывали богатые имения и даже нападали на города. В Малой Азии снова восстали исавры, совершавшие набеги на соседние области. Города раздирались религиозными распрями между православными и арианами; к последним принадлежал сам Валент. Выборы епископов давали повод к кровавым столкновениям между сторонниками различных кандидатов на эту должность, приносившую теперь огромные доходы, власть и влияние. Так, при выборах константинопольского епископа Македония было убито более 3 тыс. человек.

В западных провинциях всё более чётко обозначался грозный для знати союз народных масс с внешними врагами империи. Современники вынуждены были признать, что народ ждал «варваров», как освободителей. В Британии восстание местного населения совпало с вторжением живших на территории Каледонии пиктов, скоттов и германцев-саксов, отважных мореплавателей и пиратов. В Галлии снова поднимается движение багаудов. Их о гряды соединялись с аламанами, бургундами, франками, захватывали земли богатых собственников и убивали их самих Карательные экспедиции Валентиниана сжигали и истребляли всё на своём пути, но были бессильны подавить движение.

Восстание Фирма

В Африке движение местных крестьян, рабов и колонов, несмотря на временные поражения агонистиков, никогда не прекращалось. При Валентиниане это движение возглавил мавр Стахаон, призвавший к восстанию всю провинцию. Он был схвачен и казнён. Это всколыхнуло широкие слои местного населения. Восстание разрасталось, всё новые мавретанские племена примыкали к нему. Восставшими руководил теперь Фирм, вождь одного из мавретанских племён, на сторону которого перешла и часть римских солдат. Восставшие захватили и сожгли крупнейший город Мавретании Цезарею и овладели многими латифундиями.

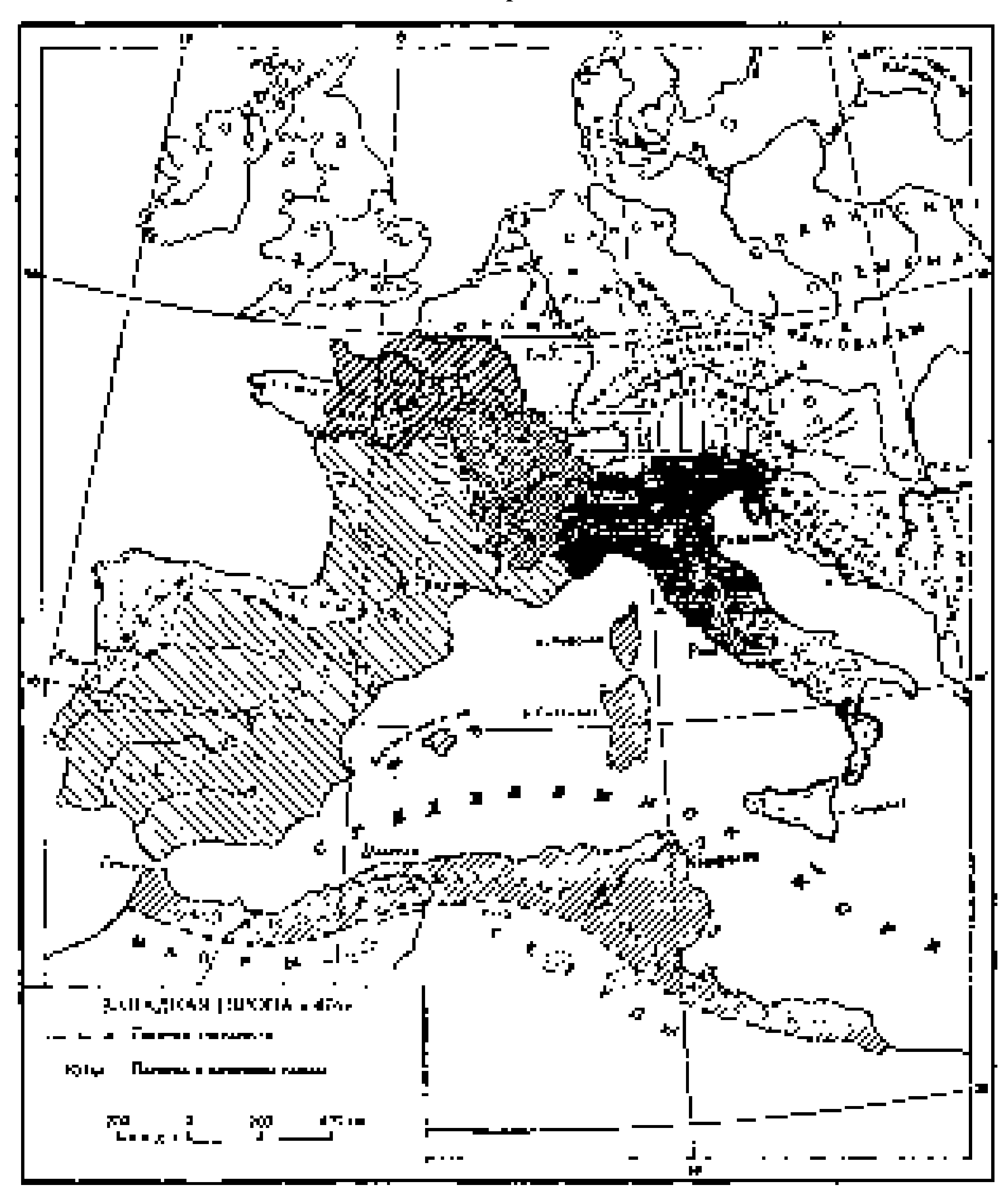
Основной слабостью восстания было отсутствие единства. Главы племён были сами крупнейшими землевладельцами, и размах движения их пугал. Некоторые из них (например, брат Фирма Гильдон) всё время сохраняли верность правительству. Сам Фирм то пытался договориться с посланным на подавление восстания магистром конницы Феодосием, то снова начинал военные действия. Феодосии, силы которого были невелики, предпринимал экспедиции против отдельных племён и вёл тайные переговоры с вождями других. После нескольких кровопролитных сражений Фирм вынужден был бежать под защиту одного из племенных вождей, но, узнав, что тот собирается выдать его Феодосию, повесился. Феодосии жестоко расправился с остатками повстанцев, но окончательно движение всё же подавлено не было. То затухая, то снова разгораясь, оно тянулось до завоевания Африки вандалами в V в.

Восстание готов на Дунае

Самым значительным из восстаний этого времени было восстание готов на Дунае. Придунайские провинции, где как раз тогда особенно быстро шло разорение и закрепощение крестьянства, были в крайне тяжёлом положении. По свидетельству Аммиана Марцеллина, эти некогда цветущие области обнищали и запустели, а жители их томились в тюрьмах, скрывались, кончали жизнь самоубийством. Страдали равно и исконное население и многочисленные новые поселенцы из числа карпов, сарматов, готов, количество которых непрерывно росло с середины III в.

Вскоре после воцарения Валента против него поднял восстание родственник Юлиана Прокопий. Долго скрывавшийся после смерти Юлиана Прокопий, воспользовавшись отсутствием Валента в Константинополе, проник в столицу и объявил себя императором. Перебравшись затем во Фракию, он нашёл здесь активную поддержку солдат и населения. К нему стекались рабы, колоны, переселенцы из числа «варваров». Задунайские готы прислали ему 3 тыс. солдат. Движение перекинулось в Малую Азию,

Западная Европа в 476 г.



где повстанцы взяли крупный город Кизик. Знатных приверженцев Валента Прокопий казнил. В глазах знати он, возможно, сам того не желая, превратился в «разбойника» и «возмутителя черни». Лишь с большим трудом, воспользовавшись предательством нескольких военачальников Прокопия, Валент разгромил движение. Карательные экспедиции, пытки, казни обрушились на его участников.

Валент и Валентиниан начали постройку укреплений за Дунаем. Это привело к столкновению с квадами и сарматами, напавшими на Мёзию. Во время войны с ними умер Валентиниан; правителями западной половины империи стали его сыновья — Грациан, который ещё раньше был его соправителем (367—383), и малолетний Валентиниан II (375—392). В этот напряжённый момент и явились на Дунай вестготы с просьбой принять их на римскую землю. Правительство решило дать им земли и обещало своё покровительство с тем, однако, чтобы они служили в армии. Вскоре положение новых поселенцев стало не менее отчаянным, чем положение их предшественников. Обещанное им продовольствие доставлено не было, и, страдая от голода, они продавали своих детей за фунт хлеба. Военачальники и чиновники хватали беззащитных готов, заставляли работать на своих полях или продавали их работорговцам. В результате среди готов вспыхнуло массовое восстание, к которому примкнули разноплемённые толпы рабов, колонов и крестьян. Повстанцы убивали или угоняли за Дунай знать, забирали и запахивали её земли. Города, не оказавшие им сопротивления, они оставляли свободными, не облагая никакими налогами. Так как на сторону восставших переходили массы солдат, правительство не могло справиться с этим движением.

Постепенно стихийные действия повстанцев, во главе которых встал готский вождь Фритигерн, превратились в планомерную войну против Рима. Через два года после начала восстания, в 378 г., войско Фритигерна встретилось с армией Валента у города Адрианополя. Последовавшая битва окончилась полной победой повстанцев. 40 тыс. римских солдат пали на поле боя. Сам Валент погиб. Движение быстро крепло. Всё новые отряды готов, сарматов, славян переходили Дунай и присоединялись к Фритигерну. На западе его отряды доходили до Альп, на востоке — подошли к Константинополю, но самую столицу взять не смогли. Это было первое торжество объединённых сил «варваров» и угнетённых масс. Знать была в панике. Грациан вызвал из Испании Феодосия, сына победителя Фирма, назначив его августом Востока, и поручил ему подавление готского восстания.

Не решаясь на новую битву, Феодосии в течение пяти лет применял тактику отдельных стычек, охоты за отрядами повстанцев, карательных экспедиций, подкупа и договоров с вождями отдельных племён, среди которых после смерти Фритигерна начались раздоры. Часть из них перешла на сторону Феодосия, который умел польстить им роскошными приёмами в константинопольском дворце и высокими чинами в войске.

В результате Феодосию удалось заключить с готами договор, по которому они получали зерно, скот и земли во Фракии, Фригии и Лидии, сохраняли племенную организацию и племенных вождей. Это дало ему возможность жестоко расправиться с рядовыми повстанцами, ещё долго продолжавшими партизанскую борьбу.

Правление Феодосия. Окончательное разделение Римской империи на Западную и Восточную

В правление Феодосия (379—395) было достигнуто последнее, по существу уже эфемерное, объединение империи Он сам в значительной мере зависел от готских войск и их вождей. Правительство Западной империи ещё более зависело от своих «варварских» военачальников. Грациана, свергнутого и убитого узурпатором Максимом, сменил его брат Валентиниан II, которому Феодосии помог разбить Максима. При нём фактическим правителем был командующий галльской армией франк Арбогаст, в конце концов заменивший Валентиниана императором Евгением. Евгения кроме войска «варваров» поддержали остатки языческой партии Рима, и на его знамени монограмму Христа заменило

изображение Геракла. Гото-сарматская армия Феодосия, в которой, между прочим, находился готский вождь Аларих, впоследствии взявший Рим, и которой командовал вандал Стилихон, разгромила франков Арбогаста; последние три года своей жизни Феодосии был единоличным правителем всей империи. После его смерти, в 395 г., восточная и западная части империи окончательно разделились.

Правление Феодосия доставило полную победу никейскому православию над арианством, разнообразными «ересями» и язычеством. Арианство, бывшее религией готов и дунайских повстанцев, оказалось скомпрометированным в глазах знати. «Ереси» и язычество также были идеологическим оружием её врагов и врагов правительства. Феодосием были запрещены все религии и вероучения, кроме православия. Понимая, что церковь может быть сильным союзником, только имея абсолютный авторитет, он и сам оказывал ей всяческое уважение и покровительство.

Теперь церковь стала могущественнейшей и богатейшей организацией. Десятки тысяч людей содержались на её счет, высшее духовенство жило в роскоши, удивлявшей даже придворных сановников. Епископы Антиохии, Александрии, Константинополя, считавшиеся главами клира подчинённых им территорий, имели огромную власть и влияние. Но особенно велики были притязания римских епископов, считавших себя преемниками одного из наиболее близких, по преданию, учеников Христа — апостола Петра.

Скандальная роскошь высшего духовенства вызывала протест многих рядовых христиан. Несмотря на все запрещения, возникали новые секты, проповедовавшие аскетическую, простую жизнь, общность имущества, простой труд. Росло количество монахов и монастырей. Но постепенно и монашеское движение теряло характер протеста против существующего строя. Щедрые пожертвования обогащали монастыри и их настоятелей. Крайний аскетизм стал постепенно ослабевать. Вместе с тем рядовые монахи были обязаны повиноваться настоятелю и трудиться на монастырских землях.

Падение Западной Римской империи

Пути исторического развития Восточной и Западной империй (после окончательного разделения империи в 395 г.) существенно отличались друг от друга. Восточная империя, известная впоследствии под именем Византийской, превратившись в результате сложных процессов в феодальное государство, просуществовала до середины XV в. (1453 г.).

Иначе сложились исторические судьбы Западной Римской империи. Крушение рабовладельческого строя в её пределах протекало особенно бурно и сопровождалось кровавыми войнами, переворотами, народными восстаниями, которые окончательно подорвали былое могущество крупнейшей средиземноморской державы.

Одним из решающих событий было взятие Рима войсками вестготского вождя Алариха 24 августа 410 г. Следует отметить, что после взятия «вечного города», когда готы в течение трёх суток опустошали Рим, рабы и колоны восстали против своих господ и многие из них присоединились к войску Алариха.

Рим продолжал существовать и после вторжения вестготов. Однако его мировое значение было утрачено. Столица Западной империи была перенесена на север Италии, в Равенну. «Вечный город» пустел, на римском форуме, где некогда решались судьбы народов, теперь росла густая трава и паслись свиньи. Формальное существование Западной империи также продолжалось ещё несколько десятилетий. За это время она пережила опустошительное нашествие гуннов, возглавлявшихся Аттилой, ряд переворотов и потрясений, причём не раз вторгавшиеся в империю племена объединялись в своей борьбе против Рима с рабами и колонами. Территория империи непрерывно сокращалась. К середине V в. под властью римских императоров оставалась лишь Италия и незначительная часть Галлии.

Престол Западной империи стал игрушкой в руках вождей «варварских» дружин. В 476 г. командир германских наёмников Одоакр свергнул последнего римского

императора, которого, по иронии судьбы, звали так же, как и легендарного основателя «вечного города», — Ромул. 476 год — год свержения Ромула и образования на территории Италии первого «варварского» королевства — считается датой окончательного падения Западной Римской империи.

5. Идеология и культура поздней империи

Борьба язычества и христианства. Историография

Упадок рабовладельческого строя отразился на культуре IV в., когда язычество было побеждено христианством. Последние философы-язычники на Востоке были преимущественно неоплатониками; виднейшие их представители — Порфирий, Ямблих, император Юлиан. Это была философия полного упадка, тесно сливавшаяся с демонологией, магией, астрологией. Старые мифы толковались неоплатониками символически, как повествования об очищении души и слиянии её с божественным благом.

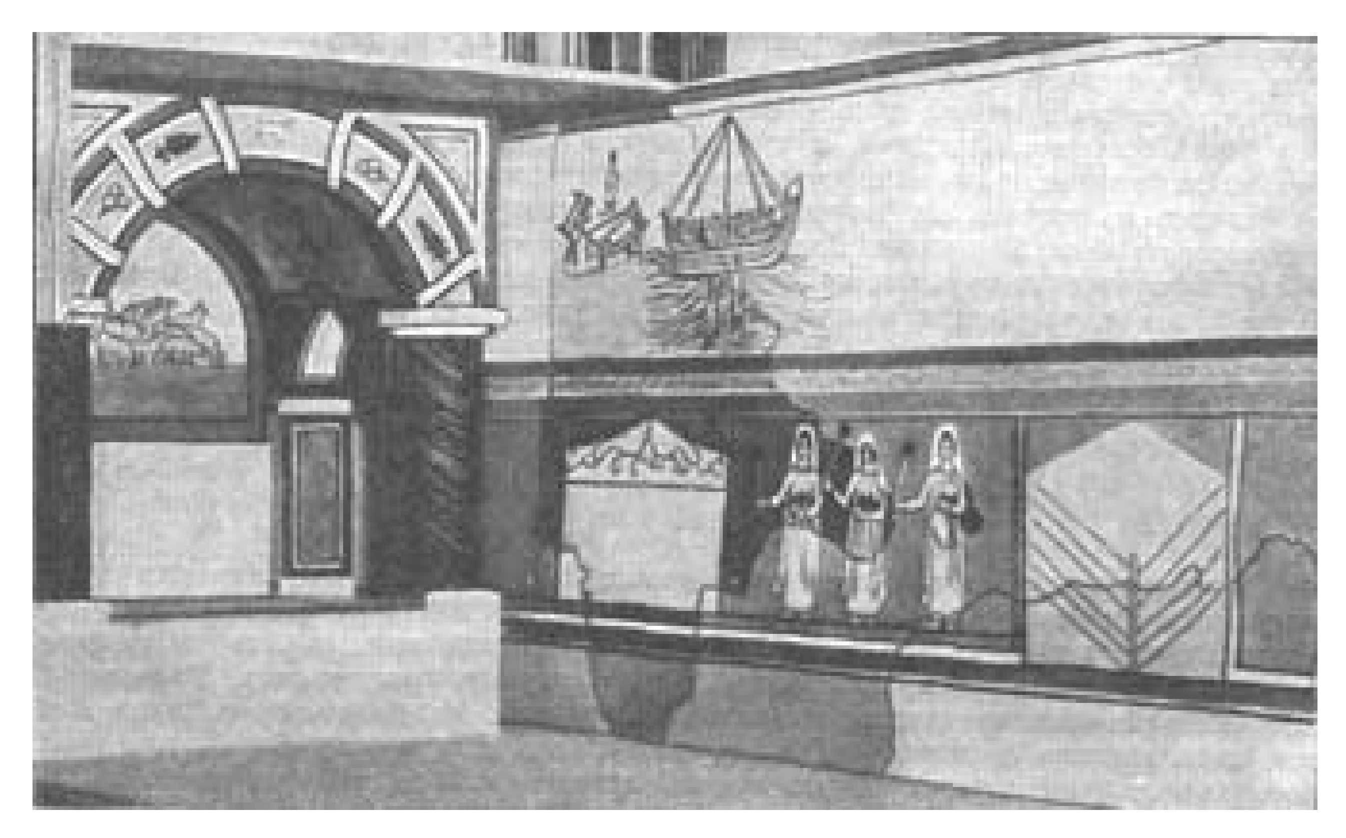
На Западе язычество ещё вдохновлялось воспоминаниями о былом величии Рима. Когда император Грациан приказал вынести из сената древний алтарь богини Победы, известный оратор сенатор Симмах приготовил речь с просьбой отменить это решение. В своей речи он говорил о славе и победах, дарованных Риму богами, и указывал на возможные печальные последствия их гнева. Епископ Медиолана Амвросий, видный деятель церкви, пользовавшийся большим влиянием при дворе, не допустил Симмаха произнести речь перед Грацианом, но написал на неё ответ, в котором подчёркивал, что нельзя держаться за устаревшие и отжившие обычаи только потому, что они освящены авторитетом «предков». Если бы все относились так к новому, говорил он, то никакое движение вперёд не было бы возможно.

Чтобы показать благодетельные результаты победы христианства для всей империи, христианские авторы начали обрабатывать историю. Так, Лактанций написал сочинение «О смерти гонителей», где доказывал, что все враждебные христианам императоры погибали мучительной и позорной смертью, то1да как императоры, им покровительствовавшие, не только сами были счастливы, но дали счастье и империи. В своём большом сочинении «О божественных установлениях» он останавливался и на неизбежности гибели империи, подчёркивая, что все существовавшие до неё большие державы тоже рано или поздно погибали. Падение империи приведёт к торжеству «царства праведных» и «золотого века». Так, уже в IV в. закладывались основы христианской историографии, однако христианская философия истории сложилась позже, а именно в V в.

Языческая историография имела в IV в. такого крупного представителя, как писавший полатыни грек Аммиан Марцеллин. Он служил в армии, участвовал в персидском походе Юлиана. От его «Истории», начинавшейся со времени Нервы, сохранились только последние книги, посвящённые периоду от назначения Галла цезарем до битвы при Адрианополе. Аммиан Марцеллин преклонялся перед величием древнего Рима и резко осуждал Константина и его преемников, кроме Юлиана. К современной ему римской знати, придворным, чиновничеству он относился очень отрицательно и посвятил описанию их нравов немало обличительных строк. К тому же лагерю принадлежал историк Аврелий Виктор, пользовавшийся большим расположением Юлиана. В первой половине IV в. был, по-видимому, составлен и сборник императорских биографий от Адриана до Кара и его сыновей. Приспособленный к вкусам знати, предпочитавшей лёгкое чтение, он содержит в большом количестве анекдотические и эротические подробности из жизни императоров, но в некоторых биографиях, особенно в биографии Александра Севера, авторы пытаются нарисовать образ идеального правителя, с точки зрения западной аристократии.

Христианская литература и разработка христианского вероучения

В первой половине IV в. появилась первая «История церкви» епископа Евсевия Кесарийского, которому принадлежит панегирик Константину и его жизнеописание, составленное также в панегирическом тоне уже после смерти императора. На Западе во второй половине IV в. жили и писали «отцы церкви»: Амвросии Медиоланский, «блаженный» Иероним; на Востоке - Афанасий Александрийский, Василий Кесарийский, Иоанн Златоуст и многие другие. Они по-своему откликались на вопросы, волновавшие современное им общество, составляли толкования к Библии, проповеди, поучения, письма. Их сочинения в борьбе с «ере-



Христианская базилика в Дура-Эвропос. V в. н. э.
Реконструкция.

тиками» расширяли и усложняли христианское вероучение и закладывали основы средневековой схоластики и богословия.

Торжество христианской церкви сопровождалось гибелью множества памятников античной культуры, разрушенных христианами. Но в борьбе с язычеством церковь была вынуждена многое у него заимствовать, чтобы сделать христианство популярнее. Так, например, праздник рождества был приурочен ко дню празднования рождения бога солнца — Митры. Многим «святым», число которых всё росло, приписывались черты отдельных языческих богов. На Востоке, где был особенно силен культ богинь плодородия — Исиды, Астарты, Кибелы, — развивался культ богоматери.

Общий уровень культуры значительно понизился; число грамотных упало, так как большинство населения уже не могло давать детям образования. Наука, будившая мысль, не одобрялась церковью и на многие века была вытеснена богословием.

Художественная литература. Риторика

Придворные и аристократические вкусы повлияли и на художественную литературу, особенно на западную, которая была рассчитана только на двор и знать. Бесконечные панегирики вычурным, напыщенным языком прославляли добродетели «вечных» августов. В моде было посвящать им стихи, которые могли читаться через строку, справа налево, снизу вверх. К этим поэтическим фокусам принадлежали и произведения, составленные из отдельных стихов древних поэтов, особенно Вергилия.

Отдал им дань и виднейший поэт IV в., воспитатель Грациана, знатный галл Авсоний. Его литературное наследство весьма велико. Он писал поэмы, стихи о родных пейзажах по берегам реки Мозеллы и письма. Этот жанр пользовался большим успехом, и, например, многочисленные изящные письма Симмаха на разные темы ценились чуть ли не на вес золота. Интересно, что учёные до сих пор спорят, был ли Авсоний христианином или язычником. На Западе религиозная борьба не была столь острой, и христианские писатели охотно пользовались образами мифологии, развлекая читателей рассказами о хорошо известных, но не надоедавших приключениях языческих богов. Напротив, в условиях религиозных столкновений в городах Востока языческие симпатии резко звучат в речах одного из последних крупных языческих риторов, антиохийца Либания. Речи этого друга Юлиана, защитника притесняемых куриалов, дают яркую картину бедственного положения городских землевладельцев, ремесленников, крестьян, солдат и полного произвола чиновничества, придворных и военных командиров.

6. Историческое значение падения Западной Римской империи

Всемирно-историческое значение падения Западной Римской империи заключается не в самом факте её гибели, тем более что она давно утратила своё мировое значение, но в том, что крушение Западной империи знаменовало собой гибель рабовладельческого строя, рабовладельческого способа производства. Вслед за разложением рабовладельческих отношений на Востоке, рухнувших ранее всего в Китае, пала главная цитадель рабовладения на Западе, и в результате этого новый, исторически более прогрессивный способ производства получил широкие возможности для своего развития.

Говоря о гибели рабовладельческого общества Западной Римской империи, следует прежде всего иметь в виду глубокие внутренние причины. Рабовладельческий способ производства изжил себя, исчерпал возможности своего развития, вследствие чего рабовладельческие отношения и рабовладельческое общество зашли в тупик. Рабство стало помехой для дальнейшего развития производства. Энгельс писал: «Рабство перестало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в презрении свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось экономически невозможным, труд свободных морально презирался. Первое уже не могло, второй еще не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только коренная революция» [1].

Разложение рабовладельческого способа производства приводит к тому, что в римском обществе времён поздней империи наблюдается сложное, противоречивое сочетание старых рабовладельческих отношений с элементами новых, предвосхищающих отношения феодальные, но зародившихся ещё в недрах рабовладельческого общества. Эти новые отношения и формы порой причудливо переплетаются со старыми; они сосуществуют, но в то же время находятся между собой в постоянной

[1] *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 155.

борьбе. Однако развитие и победа новых, более прогрессивных отношений в условиях поздней Римской империи были невозможны без революционного переворота, без «коренной революции», ибо старые устои были ещё достаточно стойкими и живучими, а зарождающиеся новые формы были опутаны густой сетью тех же старых отношений и пережитков.

Так, например, есть все основания констатировать разложение рабовладельческой формы собственности. Как было уже показано выше, мелкое и среднее землевладение, связанное с городами и сохранившее в наибольшей степени черты рабовладельческого хозяйства прежних времён, переживает в период поздней империи упадок. Вместе с тем идёт рост крупных поместий (сальтусы), уже не связанных с городами. По мере своего развития эти поместья превращались в замкнутое целое (и в экономическом и в политическом отношении) и становились фактически независимыми от центральной власти. Такие поместья уже существенно отличались от «классической» рабовладельческой латифундии и предвосхищали в своей структуре некоторые черты феодального поместья. Однако в условиях поздней Римской империи эта новая форма собственности не могла получить беспрепятственного и полного развития, и поместья римских магнатов IV—V вв. должны быть признаны лишь эмбрионом новой формы собственности.

Кроме того, нельзя недооценивать удельный вес мелкого и среднего землевладения в экономике поздней империи. Хозяйство мелких земельных собственников и куриалов не было полностью поглощено крупными поместьями. Ряд юридических (в первую очередь — кодекс Феодосия) и литературных (Сидоний Аполлинарий, Сальвиан) источников недвусмысленно подтверждает существование курий и связанных с ними форм земельной собственности вплоть до крушения Западной Римской империи. Это обстоятельство приобретает тем большее значение, что и упадок городов нельзя представлять себе, как явление одновременное и повсеместное. Не говоря уже о важной роли городов восточной части империи или Африки, следует отметить, что и города западных провинций в отдельных случаях продолжали сохранять значение местных экономических и политических центров (например, в прирейнских и придунайских областях).

Серьёзным препятствием для развития новой формы собственности было то обстоятельство, что в позднеримском сальтусе эта новая форма была опутана густой сетью ещё не изжитых рабовладельческих отношений. Эксплуатация труда колонов (и рабов, посаженных на землю) не приобрела ещё характера феодальной эксплуатации. В этом заключается принципиальное отличие колона от крепостного крестьянина феодальной эпохи, как и принципиальное отличие позднеримского сальтуса от феодального поместья.

Несмотря на сохранение больших масс рабов и на использование их труда как в крупном, так и среднем землевладении, ведущей фигурой сельскохозяйственного производства поздней империи, бесспорно, становится колон. Это особенно верно для последних двух столетий существования Западной империи, когда происходит определённая нивелировка положения всех категорий зависимого населения. Своеобразный характер этой нивелировки заключался в том, что она как бы объединила два идущих навстречу друг другу процесса: наряду с общим ограничением свободы, закрепощением различных категорий зависимого населения произошло распространение на все эти категории (а в том числе и на колонов) правового статуса, имеющего в своей основе экономические отношения рабовладельческого общества.

Значительная близость колона ко всей системе рабовладельческих отношений, промежуточный характер его положения между «классическим» рабом и средневековым крепостным крестьянином определяется, в частности, тем, что он (как и другие категории зависимого населения) не получил собственности на орудия производства. Нам известно из источников, что ещё в период ранней империи собственник земли давал колонам в пользование необходимые орудия труда. В последние века сущест-

вования империи права земельных собственников на инвентарь, которым пользовались колоны, и вообще на всё имущество колонов были закреплены законодательно. Так, например, в законодательстве времён Аркадия и Гонория (конец IV в.) указывается, что всё имущество колона принадлежит его господину, в кодексе Феодосия говорится, что колон не имеет права отчуждать землю и вообще что-либо из своего имущества без согласия господина. В начале VI в. (кодекс Юстиниана) законодательство подтвердило, что всё имущество колона принадлежит его господину. Таким образом, колон, хотя он и вёл самостоятельное хозяйство, не пользовался никакой имущественной правоспособностью и не имел собственности на орудия производства. Это и было существенной чертой, которая отличала колона от феодального крестьянина Отношение к орудиям производства и те формы распределения продуктов производства (оброки и повинности колонов), которые господствовали в поздней Римской империи, в значительной степени сближали колона и раба в смысле их малой заинтересованности в результатах труда. Одно из наиболее характерных противоречий рабовладельческого способа производства, таким образом, сохранилось и при этой новой форме эксплуатации и в труде новой категории непосредственных производителей.

Отсутствие права собственности колона на орудия производства является одновременно той особенностью, которая отличает также позднеримский сальтус от феодального поместья. Наиболее характерной и определяющей чертой последнего следует считать то, что в нём наряду с феодальной собственностью на землю существует единоличная собственность крестьянина на орудия производства и на своё частное хозяйство, основанная на личном труде. Имущественная неправоспособность колона, приближающая его в этом смысле к рабу, исключала подобную возможность. Так, над всеми этими новыми формами более прогрессивного общественного строя (новая форма земельной собственности, новые формы зависимости) тяготели старые отношения рабовладельческого общества, тормозившие и ограничивавшие развитие элементов феодального способа производства.

Господствующий класс поздней Римской империи также находился в состоянии разложения. Выделилась верхушка земельных магнатов, связанных с крупным землевладением (владельцы сальтусов). Определённое значение сохранила довольно узкая прослойка денежной и торговой знати. Положение куриалов-рабовладельцев в последние века существования Римской империи катастрофически ухудшилось, но всё-таки курии, как уже сказано, сохранялись, а следовательно, куриалы представляли собой ещё определённую социальную и политическую силу.

Господствующий класс римского общества и в период ранней империи и даже в период республики никогда не представлял собою единого целого. Однако, новое заключалось в том, что позднеримские земельные магнаты владели своими огромными поместьями на иных основах, чем крупные землевладельцы эпохи республики или ранней империи, т. е. не на правах члена коллектива свободных рабовладельцев и землевладельцев. В своё время принадлежность к такому коллективу, как мы знаем, была необходимым условием владения земельной собственностью. Позднеримские земельные магнаты, наоборот, эмансипировались от этих коллективов, от городов, а в ряде случаев и от центральной власти и потому нередко чувствовали себя в своих огромных поместьях самостоятельными правителями и независимыми царьками. Но перерождения этой правящей верхушки в класс феодалов не произошло и не могло произойти, так как в основе их экономического и политического могущества лежала ещё не феодальная форма собственности.

Следует также подчеркнуть консервативный характер надстройки позднеримского общества и в первую очередь его политической надстройки. Превращение Римского государства в гигантскую машину для выкачивания налогов и поборов достаточно ярко свидетельствует о его тормозящей роли, о том, что оно было

серьёзным препятствием для развития новых, более прогрессивных отношений. Так, например, закрепляя юридически отсутствие у колонов права собственности на орудия производства, государство по мере своих сил препятствовало превращению их в производителей типа средневековых крестьян.

Императорская власть в Риме в IV—V вв. пытается лавировать между новыми земельными магнатами и старыми рабовладельцами-куриалами. Если, как нетрудно убедиться из вышеизложенного, правительство Константина открыто поддерживало крупных земельных магнатов, то в более позднее время, а именно при Юлиане, мы сталкиваемся с противоположными усилиями имперского правительства, со стремлением возродить городские курии. В этом лавировании также проявлялась известная консервативность Римского государства. Оно теряло свою социальную опору. Оно ещё, возможно, было нужно куриалам, но они, постепенно всё более и более ослабевая, сами не могли служить ему достаточно прочной опорой, для земельных же магнатов, которые всё более эмансипировались от центральной власти, оно с определённого момента (примерно с середины IV в.) становится просто помехой. Правда, в тех случаях, когда речь шла о подавлении народных движений, и крупные земельные магнаты оказывались заинтересованными в существовании государства и его помощи. Римское государство даже в последние столетия своего существования в основе оставалось рабовладельческим, ибо оно было продуктом развития именно рабовладельческих отношений, охранялось и поддерживалось чисто рабовладельческим правом (юридическое закрепление отсутствия права собственности у колонов на орудия труда) и чисто рабовладельческой идеологией (воспитание у свободных граждан чувства презрения к людям труда).

Однако и в области идеологии произошли существенные изменения. Крупнейшим из них была победа христианства. Христианское учение, возникшее в форме социального протеста масс, превращается затем в государственную религию рабовладельческой империи. Но это произошло уже в период разложения рабовладельческих отношений, в период кризиса полисной идеологии — античной философии, морали, права. Именно потому, что христианство было наиболее ярким выражением этого кризиса, впоследствии оказалось возможным приспособить его к нуждам и того общественного строя, который пришёл на смену рабовладельческому.

В целом же те элементы нового, те феодальные институты, которые возникли в зародыше в римском обществе, не имели перспектив свободного развития и тормозились стойкими и ещё не изжитыми рабовладельческими отношениями. Подобное положение вполне закономерно и понятно, так как все эти институты формировались в Римской империи в обстановке гибнущей цивилизации, в обстановке рабовладельческого общества, зашедшего в тупик.

Единственным средством, которое могло бы обеспечить свободное развитие новым силам, был революционный переворот, «коренная революция», способная окончательно похоронить рабовладельческое общество с его ещё достаточно мощной политической надстройкой. Однако этот революционный переворот не мог быть произведён только внутренними силами римского общества. Широкие народные движения III—V вв., каковыми были восстание багаудов, движения агонистиков, несомненно, расшатали Римскую империю, но оказались не в состоянии её окончательно сокрушить.

Для этого потребовалось сочетание классовой борьбы внутри общества с таким внешним фактором, как вторжения «варварских» племён на территорию Римской империи. И действительно, в результате объединённого воздействия этих исторических факторов наступает гибель Западной Римской империи и гибель рабовладельческого строя.

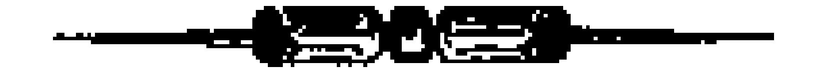
В середине I тысячелетия н. э. происходит глубокий перелом в социально-экономическом развитии древнего мира. Рабовладельческий строй, достигший в первые века нашей эры максимальных пределов своего распространения на территории Европы, Азии и Африки, почти повсеместно приходит в упадок.

Этот процесс принимает в разных странах различные конкретно-исторические формы, но его основное содержание всюду одно и то же. Рабовладельческая собственность изживает себя: постепенно складывается крупное землевладение, сочетающееся с мелким землепользованием посаженных на землю рабов и насильно прикрепляемых к земле арендаторов, земледельцев-общинников и др. Основной фигурой производства становятся такие категории трудящегося населения, как колоны в Римской империи, аназаты в Армении, кэ и бинь-кэ в Китае и т. п. Зарождение новых производственных отношений происходит в обстановке напряженной социальной борьбы. Восстания и народные движения потрясают различные части древнего мира — от северного побережья Африки до берегов Желтого моря.

Особенно острые формы классовая борьба принимает там, где рабовладельческие отношения достигли наибольшего развития, где в руках господствующего класса находились сильные средства подавления, как это было прежде всего в Римской империи. В странах, где рабовладение было менее развито, где на протяжении всей предшествующей истории значительную роль играла эксплуатация свободного населения (общинников) — в сасанидском Иране, Восточной Римской империи и др.,—процесс разложения рабовладельческих отношений протекал медленнее.

Разрушение зашедшего в тупик рабовладельческого строя не сразу привело к утверждению более прогрессивного феодального строя, открывшего новые возможности для развития производительных сил. Феодальная собственность и феодальные производственные отношения, а также соответствующие им политические и правовые институты, идеология и культура сложились лишь в результате длительного развития. Между колоном поздней Римской империи и крепостным крестьянином феодальной Европы стоял, по словам Энгельса, свободный франкский крестьянин.

Сложный процесс взаимодействия разлагающегося общинно-родового строя «варваров» с социальными порядками, оставшимися в наследство от рабовладельческих государств,— таков был в целом исходный пункт развития и утверждения общественно-экономических отношений, характеризующих новую эпоху всемирной истории —• эпоху феодализма.



ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

*

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

*

СПИСОК КАРТ

*

СПИСОК ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

*

СПИСОК РИСУНКОВ, ПОМЕЩЁННЫХ В НАЧАЛЕ И В КОНЦЕ ГЛАВ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

VI в. до н. э.	— Господство этрусков в Лации.
	— Реформы Сервия Туллия в Риме (традиционная дата)
	— Движение рабов за сожжение даньшу в царстве Чжэн.
	— Восстание Дао Чжэ в царстве Цзинь (Китай).
	— Появление монеты в царстве Цзинь (Китай).
VI—V вв.	— Возникновение буддизма, джайнизма и материалистического учения «чарвака» в Индии.
594 г.	— Реформы Солона в Афинах.
560—527 гг.	— Тирания Писистрата в Афинах.
Около 560 —480 гг.	— Традиционные даты жизни Шакьямуни (Будды)
551—479 гг.	— Традиционные даты жизни Кун-цзы (Конфуция).
550 г.	— Покорение Киром (558—529) [1] Мидии.
546 г.	— Покорение Киром Лидии
538 г.	— Покорение Киром Вавилонии
529 г.	— Поход Кира в Среднюю Азию против саков и массагетов.
525 г.	— Завоевание Египта персами.
522 г.	— Переворот мага Гауматы в державе Ахеменидов Подавление восстания Дарием (522—486).
519—518 гг.	— Завоевания Дария в Индии.
514 или 513 г.	— Поход Дария в Северное Причерноморье [2].
510—509 гг.	— Падение тирании в Афинах. Реформы Клисфена
509 г.	— Установление республиканского строя в Риме (традиционная дата)
Конец VI в.	— Восстание против этрусков в Лации
Конец VI — первая половина V в.	— Творчество философа Гераклита (около 530—470) и поэта-драматурга Эсхила (525—456) в Греции.
V в. до н. э.	— Возникновение царства одрисов во Фракии.
	— Творчество философа Анаксагора (около 500 — около 428), скульптора Фидия (около 490—431), драматургов Софокла (около 496—406) и Эврипида (485—408 или 407), живописца Полигнота (годы рождения и смерти неизвестны) в Греции
V—IV вв.	— Возникновение даосизма, конфуцианства, «фацзя», моизма и других идеологических течений в Китае
Первая половина V в.	— Подчинение Магадхой в царствование Аджаташатру (491—459) государств Кошала и Вриджи (Индия).
500—493 гг.	— Восстание малоазийских греков против персов.
500—449 гг.	— Греко-персидские войны
490 г.	— Вторжение персов в Аттику. Победа греков в битве при Марафоне.
490 е—480-е годы	— Восстания против персов в Египте и Вавилонии
480-е годы	— Образование Боспорского государства
481 (или 403)	— Период Чжаньго («Воюющих — 221 гг. царств»). Борьба между древнекитайскими царствами за гегемонию

[1] Для правителей государств в скобках указываются годы их правления, для ученых, писателей и худож-ни-ков — годы жизни.

[2] По мнению ряда исследователей — 512 г.

480 г.	— Битва при Гимере. Победа сицилийских греков над карфагенянами.
	— Поход Ксеркса (486—465) в Грецию, битва при Фермопилах. Победа греков в морском сражении у о-ва Саламин.
479 г.	— Переход греков в наступление на персов. Битва при Платеях и Микале
478 г.	— Создание Делосского союза (первый Афинский морской союз).
464 г.	— Восстание илотов в Спарте (третья Мессенская война)
462 г.	— Законодательство Эфиальта. Демократизация государственного строя Афин.
460—440 гг.	— Восстание сикулов под руководством Дукетия.
451—450 гг.	— Составление законов XII таблиц в Риме (традиционная дата).
Середина V в.	— Превращение Делосского союза в Афинскую морскую державу. Расцвет афинской рабовладельческой демократии.
	— Начало переселения индийцев на Цейлон.
Вторая половина V в. — первая половина IV в.	— Творчество философа Сократа (469—399), историка Фукидида (460—около 395).
	— Творчество врача Гиппократа (около 460—377), философа Демокрита (около 460—370), оратора Лисия (около 459— 378), комедиографа Аристофана (около 446—385) в Греции.
	— Творчество китайского философа Мо Ди (479—381).
449 г.	— Победа греков над персами при городе Саламине на Кипре Каллиев мир.
445 г.	— Закон Канулея в Риме.
443—429 гг.	— Правление Перикла в Афинах.
438/37 г.— II в. до н. э.	— Династия Спартокидов в Боспорском царстве.
431—404 гг.	— Пелопоннесская война.
415—413 гг.	— Сицилийская экспедиция афинян.
411 г.	— Олигархический переворот в Афинах.
410—409 гг.	— Введение демократической конституции в Сиракузах.
Около 405 г.	— Освобождение Египта из-под власти персов.
405-367 гг.	— Тирания Дионисия в Сиракузах.
404 г.	— Победа Спарты над Афинами. Роспуск Афинского морского союза. «Тирания тридцати».
403—402 гг.	— Восстановление демократического строя в Афинах.
403 г.	— Распад царства Цзинь на царства Вэй, Чжао и Хань (Китай).
401—400 гг.	— Династическая борьба в Персии между Артаксерксом III и Киром Младшим. Битва при Кунаксе. Поход 10 тыс. греков.
Конец V— середина IV в.	— Творчество оратора Исократа (436—338), историка Ксенофонта (около 430—353), философа Платона (около 429—347), математика Эвклида (годы рождения и смерти неизвестны) в Греции.
IV в. до н. э.	— Творчество китайского философа Ян Чжу (около 395— 335).
	— Творчество философа Аристотеля (384—322), скульпторов Праксителя (около 400—340) и Лисиппа (вторая половина века) в Греции.
	— Политическая деятельность и творчество Демосфена (384—322) в Греции.
	— Расцвет городов Северного Причерноморья Усиление Боспорского царства.
	— Образование Иллирийского царства.
	— Образование племенных объединений в Южной Корее (Махан, Чинхан, Пенхан).
Начало IV в.	— Проникновение кельтов в Северную Италию.
399 г.	— Заговор Кинадона в Спарте.
395—386 гг.	— Коринфская война. Анталкидов (царский) мир.
390 или 387 г.	— Поражение римлян галлами на р. Алии. Захват галлами Рима.
379 г.	— Демократический переворот в Фивах.
378 г.	— Образование второго Афинского морского союза.
371 г.	— Победа фиванцев над Спартой в битве при Левктрах. Конец гегемонии Спарты в Греции.
370 г.	— Освобождение Мессении от власти Спарты.
367 г.	— Законы Лициния и Секстия в Риме.
365—359 гг.	— Великое восстание сатрапов в державе Ахеменидов
Около 364 — около 324 гг	— Династия Нанда в Магадхе (Индия).
362 г.	— Битва при Мантинее. Начало упадка политического влияния Фив.
357—355 гг.	— Союзническая война. Распад второго Афинского морского союза.
355—346 гг.	— «Священная» война греков и Македонии против фокейцев. Проникновение Македонии в Среднюю Грецию.

Середина IV в. — Начало чеканки медной монеты в Риме.

— Упадок царства одрисов во Фракии.

— Реформы Шан Яна в царстве Цинь (Китай).

Середина IV — начало III в. — Творчество естествоиспытателя Феофраста.

— Творчество философов Мэн-цзы (372—289) и Чжуан-цзы (369—286) в Китае.

Вторая половина IV в. — Возникновение скифского племенного союза («царства Атея») в Западном Причерноморье.

— Начало продвижения сарматов на запад.

346 г. — Междоусобная борьба в Сиракузах. Распад Сицилийской державы.

345 г. — Восстание финикийцев против персов.

343—290 гг. — Самнитские войны — покорение Римом Средней Италии.

343 г. — Вторичное завоевание Египта персами.

340—338 гг. — Латинская война — окончательное подчинение Лация Риму.

339—338 гг. — Борьба коалиции греческих городов во главе с Афинами против Македонии. Поражение греков при Херонее (338).

337 г. — Коринфский конгресс — оформление македонской гегемонии в Греции.

334—324 гг. — Завоевания Александра Македонского (336—323) на Востоке.

334 г. — Битва при Гранике — завоевание македонянами Малой Азии.

333 г. — Битва при Иссе — завоевание македонянами Сирии и Финикии.

332 г. — Подчинение македонянами Египта; основание Александрии.

331—330 гг. — Осада Ольвии и поход Зопириона, полководца Александра, в скифские степи.

331 г. — Битва македонян с персами при Гавгамелах. Крушение державы Ахеменидов.

330—327 гг. — Завоевание македонянами Средней Азии.

327—325 гг. — Поход греко-македонских войск в Индию.

326 г. — Закон Петелия в Риме.

324 г. — Завоевание Чандрагуптой (около 324—298) Магадхи. Основание династии Маурьев в Индии.

323 г. — Смерть Александра Македонского. Первый раздел сатрапий.

323—283 гг. — Правление в Египте Птолемея I; образование державы Птолемеев.

321—276 гг. — Борьба диадохов. Возникновение эллинистических государств.

316—289 гг. — Тирания Агафокла в Сиракузах; образование Сицилийской державы.

312—280 гг. — Правление Селевка I; образование державы Селевкидов.

305 г. — Поход Селевка I в Индию.

Конец IV в. — Образование государств в Малой Азии (Пергам, Вифиния, Понт, Каппадокия).

— Образование государств на территории Армении.

— Перенесение столицы Эфиопского царства из Напаты в Мероэ.

Конец IV — начало III в. — Государства Пихити и Рухуна на Цейлоне. Распространение буддизма.

Конец IV — первая половина III в. — Творчество комедиографа Менандра (343—291), философов Эпикура (341—около 270) и Зенона (около 336—264), писателя Феокрита (около 305—253).

— Творчество вавилонского астронома и историка Бероса (годы рождения и смерти неизвестны).

— Творчество египетского историка Манефона (годы рождения и смерти неизвестны).

— Творчество поэта Цюй Юаня (340—278) в Китае.

Начало III в. до н. э. — Образование Иберского царства с центром в Мцхете.

287 г. — Закон Гортензия в Риме.

280—275 гг. — Походы Пирра в Италию и Сицилию. Завоевание Римом Южной Италии.

279 г. — Вторжение придунайских кельтов (галатов) в Грецию.

276 г. — Провозглашение Антигона II Гоната царём Македонии. Основание династии Антигонидов.

Около 273 — 236 гг. — Правление Ашоки. Расцвет империи Маурьев.

267—261 гг. — Хремонидова война — укрепление гегемонии Македонии в Греции.

264—241 гг. — Первая Пуническая война. Подчинение Римом Сицилии.

253 г. — Буддистский собор в Паталипутре.

Середина III в. — Захват Западной Каппадокии галатами.

— Возникновение государства Ау Лак в Индо-Китае.

— Восстание в Парфии против господства Селевкидов. Образование Парфянского царства.

— Отложение от Селевкидов бактрийского наместника Диодота. Образование Греко-Бактрийского царства.

Вторая половина III в. — Возникновение государства скифов в Крыму.
— Начало упадка Боспорского царства.

Вторая половина III — первая половина II в. — Развитие математики и естественных наук: Архимед (около 285—212), Эратосфен (276—193).
— Творчество поэта Гнея Невия (около 274—204), комедиографа Плавта (около 254—184), поэта Энния(239—169). Рост греческого культурного влияния в Риме.

240-е годы — Первые массовые движения в Египте против Птолемеев.

245—241 гг. — Реформы Агиса IV в Спарте.

241—238 гг. — Восстание наёмников в Карфагене.

238 г. — Захват Римом Сардинии.

237—228 гг. — Завоевания Карфагена в Испании.

235—221 гг. — Реформы Клеомена в Спарте.

232 г. — Аграрное законодательство Гая Фламиния в Риме.

230—221 гг. — Подчинение Циньским царством царств Хань, Чжао, Вэй, Чу, Янь и Ци (Китай).

229 г. — Вторжение римлян в Иллирию. Начало римской экспансии на Балканский п-ов.

221 г. — Образование Циньской империи. Провозглашение Ин Чжэна (246—210) «первым императором империи Цинь» (Цияь Ши хуанди).
— Унификация мер и весов в Циньской империи. Введение единой письменности.

220—217 гг. — Союзническая война в Греции.

218—201 гг. — Вторая Пуническая война.

217 г. — Битва при Рафии. Победа египетской армии над войсками Антиоха III (223—187).

216 г. — Поражение римлян при Каннах.

215—205/4 гг. — Первая война Рима с Македонией.

Около 214 г. — Завершение строительства Великой Китайской стены.

210—204 гг. — Восточный поход Антиоха III.

209—208 гг. — Восстание Чэнь Шэна и У Гуана. Начало гражданской войны в империи Цинь.

207—192 гг. — Тирания Набиса в Спарте.

207 г. — Подчинение государства Ау Лак (Намвьет) южнокитайской династией Чиеу.

206—186 гг. — Восстание в Фиваиде против Птолемеев.

206 г. — Основание Лю Баном (202— 195) Старшей династии Хань.

205 г. — Попытка кассации долгов в Этолии.
— Указ Лю Бана о разрешении продажи свободных в рабство частным лицам.

202 г. — Победа римлян над карфагенянами при Заме.

200 г. — Битва при Панионе. Потеря Египтом Келесирии и владений в Малой Азии и Эгеиде.

Конец III в. — Образование племенного союза гуннов.
— Возникновение на юге Индии государства андхров.

Конец III —начало II в. — Расцвет Пергамского царства.

II в. до н. э. — Расцвет скифского царства в Крыму при Скилуре.
— Творчество поэтов Цзя И (200—168) и Мэй Шэна (ум. 140 г.), Сыма Сян-жу (ум. 118 г.) в Китае.
— Творчество историка Полибия (около 201—120), философа Панэтия (180—110) и поэта Г. Луцилия (180—102).

II—I вв. — Возникновение государства Пегу в Индо-Китае.

Первая половина II в. — Расцвет «державы гуннов».

200—197 гг. — Вторая Македонская война. Потеря Македонией политического влияния в Малой Азии и Греции.

198 г. — Заговор рабов в Лации.

196 г. — Восстание рабов в Этрурии.
— Провозглашение римлянами «свободы» Греции.

195—190 гг. — Война Рима с Антиохом III. Начало упадка державы Селевкидов.

Около 187 —73 гг. — Династия Шунга в Магадхе.

177 г. — Захват гуннами Ордоса.

Около 175 г. — Захват власти в Бактрии Эвкратидом. Начало распада Греко-Бактрийского царства.

171—167 гг. — Третья Македонская война. Подчинение Македонии Риму.

170—168 гг. — Походы Антиоха IV в Египет. Вмешательство Рима в отношения между эллинистическими государствами.

167—160 гг. — Восстание в Иудее против Селевкидов под руководством Маккавеев.

165 г. — Восстание Дионисия Петосараписа в Египте.

154—139 гг. — Восстание лузитанов, кельтиберов и других племён в Испании во главе с Вириатом против римского господства.

154 г. — «Мятеж семи ванов» (Китай).

Середина II в. — Проникновение саков в Арахосию и Дрангиану.
— Усиление Парфии. Захват Митридатом I (171—138/7) Мидии и Месопотамии.

149—148 гг. — Восстание Андриска. Превращение Македонии в римскую провинцию.

149—146 гг. — Третья Пуническая война. Разрушение Карфагена.

146 г. — Выступление Ахейского союза против Рима. Разрушение Коринфа; подчинение Греции Риму.

Вторая половина II в. — Усиление Понтийского царства.

Вторая половина II —начало I в. до н. э. — Творчество историка Сыма Цяня (145—86) в Китае.

143—133 гг. — Восстание племён Испании с центром в Нуманции против римского господства («Нуман-тинская война»).

140-е—130-е годы — Разгром и заселение Греко-Бактрийского царства тохарами.

140-е—120-е годы — Обострение династической борьбы и междоусобные войны в Египте.

140—87 гг. — Правление императора Лю Чэ (У-ди). Период расцвета империи Старших Хань.

138—125 гг. — Путешествие Чжан Цяня в Среднюю Азию.

138 г. — Завоевание империей Хань земель Юэ Дунхай на юге Китая.

137—132 гг. — Первое восстание рабов в Сицилии.

130-е годы — Восстание рабов на о-ве Де-лосе и в Лаврийских рудниках Аттики.

133—123 гг. — Аграрное движение римского плебса. Реформы Гракхов.

133—129 гг. —Восстание Аристоника в Малой Азии. Превращение Пергама в римскую провинцию Азию.

Около 130—129 гг. — Попытка Селевкидов восстановить свою власть в Междуречье. Поход и гибель Ан-тиоха VII Сидета.

120-е годы — Возникновение «великого шёлкового пути».

112—109 гг. — Завоевание империей Хань государств Наньюэ, Миньюэ и племён на юго-западе Китая.

111—105 гг. — Югуртинская война. Военная реформа Мария в Риме.

110/9 г. — Наступление скифов на Хер-сонес, переход Херсонеса под власть Понтийского царства.

Около 108—107 гг. — Восстание Савмака на Боспоре.

108 г. — Завоевание Китаем Чаосяни (Чосон).

105—101 гг. — Вторжение в Италию кимвров и тевтонов.

104—100 гг. — Второе восстание рабов в Сицилии.

104—102 гг. — Походы китайцев в Фергану.

Конец II в. — Подчинение понтийским царём Митридатом VI (111— 63) Боспорского царства, Колхиды, Западного Причерноморья.

— Разгром гуннов китайцами. Начало упадка «державы гуннов».

— Установление государственных монополий на соль и железо в Китае.

Конец II в. до н. э.—начало I в. н. э. — Превращение конфуцианства в официальную идеологию господствующего класса Ханьской империи.

Конец II — середина I в. — Творчество учёного и философа Посидония (135—50) в Риме.

I в. до н. э. — Творчество философа Лукреция (98—55), поэта Катулла (около 87—54), историка Сал-люстия (86—35) в Риме.

— Политическая деятельность и творчество Цицерона (106— 43) в Риме.

— Образование государства Ак-сум на побережье Красного моря.

— Образование Албанского царства в Закавказье.

— Начало передвижения гуннов на Запад.

100 г. — Движение сельского плебса и италиков (законопроект Са-турнина).

99 г. — Восстания в Хэнани, Аньхое, Шаньдуне и Хэбэе.

90—88 гг. — Союзническая война в Италии. Законы о римском гражданстве.

80-е годы — Восстание в Фиваиде против Птолемеев.

89—85 гг. — Первая война Митридата VI Понтийского с Римом.

88 г. — Сулланский переворот в Риме.

— Захват Митридатом VI Греции, Малой Азии, Причерноморья. Массовые избиения римских граждан в Малой Азии.

88—85 гг. — Война Армении с Парфией. Усиление Армении при Тиг-ране II (95/94—56).

Около 83 г. — Захват Тиграном II Армянским владений Селевкидов.

82—79 гг. — Диктатура Суллы в Риме.

80—72 гг. — Антиримское движение в Испании. Серторианская война.

78 г. — Восстание Лепида в Риме.

70-е—60-е годы — Усиление племенного союза усуней.

73—71 гг. — Великое восстание рабов в Риме под предводительством Спартака [1].

[1] По мнению ряда исследователей — 74—71 гг.

73—64 гг.	— Третья война Митридата VI Понтийского с Римом. Захват римлянами Понтийского царства.
73 г.	— Свержение Васудевой династии Шунга в Индии; основание династии Канва.
65 г.	— Поход Помпея в Закавказье.
64/63 г.	— Присоединение Сирии к Риму. Окончательный распад державы Селевкидов.
63 г.	— Заговор Катилины.
	— Взятие Помпеем Иерусалима. Превращение Иудеи в римскую провинцию.
60 г.	— Первый триумвират (Помпей, Красс, Цезарь).
50-е годы	— Образование северофракийского племенного союза во главе с Биребистой.
58—51 гг.	— Завоевание Галлии Ю. Цезарем.
54—53 гг.	— Поход Красса в Месопотамию. Победа парфян над римлянами в битве при Каррах.
54—51 гг.	— Великое галльское восстание.
Середина I в.	— Разгром Ольвии гетами.
Вторая половина I в.	— Образование племенных союзов Силла, Когурё и Пэкче в Северной Корее.
	— Творчество поэтов Вергилия (70—19) и Горация (65—8) в Риме.
Вторая половина I в. до н. э.— первая половина I в. н. э.	— Творчество историка Тита Ливия (59 г. до н. э.— 17 г. н. э.), поэта Овидия (43 г. до н. э.— 17 г. н. э.), философа Филона Александрийского (25 г. до н. э.— 45 г. н. э.) в Римской империи.
49—45 гг.	— Гражданская война в Риме. Установление диктатуры Цезаря.
45/44 г.	— Распад «царства» Биребисты.
44 г.	— Убийство Цезаря.
43—31 гг.	— Второй триумвират (Антоний, Октавиан, Лепид). Возобновление гражданской войны в Риме.
Около 40 г.	— Народное восстание в Анурадхапуре на Цейлоне.
40 г.	— Захват парфянами Сирии, Палестины и .Малой Азии.
39—38 гг.	— Победы римлян над парфянами. Отступление Парфии за Евфрат.
38—36 гг.	— Война Октавиана с Секстом Помпеем.
36 г.	— Поход китайского полководца Чэнь Тана в Согдиану против гуннского шаньюя Чжи-чжи.
31—30 гг.	— Битва при Акции; подчинение Египта Римом.
28 г.	— Завоевание Магадхи андхрами.
	— Первая запись о наблюдении китайскими астрономами солнечных пятен.
27 г.	— Установление принципата Августа (30 г. до н. э.— 14 г. н. э.) в Риме.
21—19 гг.	— Восстание астуров и кантабров в Испании против римского господства.
22—13 гг.	— Восстания рабов и бедноты в Хэнани, Сычуани и Шаньдуне.
12 г. до н. э. — 5 г. н. э.	— Завоевание римлянами территории от Рейна до Эльбы. Образование провинции Германия.
6 г. до н. э.	— Указ императора Ай-ди об ограничении полей и рабов у частных лиц (Китай).
2 г. до н. э. — 4 г. н. э.	— Законы Августа об ограничении отпуска рабов на волю.
Конец I в. до н. э.	— Превращение Армении в зависимое от Рима государство.
I в. н.э.	— Образование племенного союза аланов.
	— Возникновение христианства в восточных провинциях Римской империи.
	— Творчество философа Сенеки (4—65) в Риме.
I—II вв.	— Расцвет Иберского царства.
	— Возникновение государств Тьямпа и Фунань в Индо-Китае.
	— Творчество поэта Ашвагхоши (Индия).
	— Возникновение новой формы буддизма (махаяна).
	— Начало проникновения буддизма в Китай.
I—III вв.	— Образование государств на Суварнадвипе (Малакка) и Явадвипе (Суматра).
Начало I в.	— Образование племенного союза маркоманнов во главе с Марободом.
	— Возникновение Кушанской империи при Кадфисе I (15— 45 или 51 гг.).
	— Расцвет государств Южной Индии (Чола, Пандья, Керала).
6—9 гг.	— Восстание в Паннонии и Далмации против римлян.
8 г.	— Дворцовый переворот Ван Мана в Китае.
9 г.	— Битва в Тевтобургском лесу. Уничтожение римских легионов в Германии.
9—10 гг.	— Реформы императора Ван Мана (9—23) в Китае. Указы о земле и рабах, регулирование цен и др.
12 г.	— Отмена Ван Маном указов о земле и рабах.
14—68 гг.	— Династия Юлиев-Клавдиев в Риме.
15 г.	— Восстание среди пограничных гарнизонов на северо-западе Китая.

17 г. — Установление Ван Маном налога на частновладельческих рабов в Китае.
17—24 гг. — Восстание Такфарината в Африке против римского господства.
18—28 гг. — Восстание «красных бровей» в Китае.
21 г. — Восстание в Галлии против Рима.
24 г. — Заговор рабов в Южной Италии.
25—220 гг. — Традиционные даты правления Младшей династии Хань.
26—39 гг. — Указы Гуан У-ди (25—57) об ограничении рабства (Китай).
28 г. — Восстание фризов против римского господства.
35—42 гг. — Восстание против парфянского господства в Селевкии.
40—43 гг. — Восстание «двух сестер Чынг» против китайских наместников в Намвьете.
41—42 гг. — Восстание в Мавретании против римлян.
43 г. — Завоевание Римом Британии.
44 г. — Превращение Фракии в римскую провинцию.
Середина I в. — Усиление скифского царства при царях Фарзое и Инисмее.
— Появление на Дунае сарматских племён язигов и роксоланов.
Вторая половина I в. — Творчество ученого Плиния Старшего (23—79), писателей Лукана (39—65) и Петрония (ум. 66 г.), баснописца Федра в Риме.
— Походы кушанов в Индию.
— Творчество философа Ван Чуна (27—97) и историка Бань Гу (32—92) в Китае.
Вторая половина I в. — первая половина II в. — Творчество ритора Диона Хрисостома (около 30 — около 116), историка Иосифа Флавия (37—100), поэта-сатирика Марциала (около 40— 104), историков Плутарха (около 46—126) и Тацита (около 55—120), поэта-сатирика Ювенала (около 55— около 132) в Римской империи.
— Творчество и деятельность Плиния Младшего (61—113) в Римской империи.
50-е—60-е годы — Борьба Рима и Парфии за Армению. Превращение Армении в удел парфянского царского дома Аршакидов.
61 г. — Восстание Боудикки в Британии против римлян.
— Казнь 400 рабов Педания Секунда. Волнения в Риме.
66—70 гг. — Иудейская война.
68—69 гг. — Гражданская война в Римской империи.
68—70 гг. — Восстание Цивилиса в Галлии.
69 г — Восстание Аникета в Понте
69—96 гг. — Династия Флавиев в Римской империи.
70 г. — Взятие и разрушение Иерусалима римлянами.
75—99 гг. — Деятельность Бань Чао в Западном крае. Подчинение Китаем Восточного Туркестана.
78 г. — Начало эры шака в Кушанской державе.
78—123 гг. — Правление императора Канишки. Рост политического могущества Кушанской империи.
79 г. — Извержение Везувия, гибель Помпей, Геркуланума, Стабия.
96—192 гг. — Династия Антонинов в Римской империи.
90-е годы — Вторжение кушанов в Восточный Туркестан. Победы китайского полководца Бань Чао над войсками Канишки.
Конец I в. — Вторжение в Паннонию маркоманнов, квадов, свевов и сарматов
— Образование племенного объединения в Дакии под предводительством Децебала.
Конец I — начало II в. — Образование государства Проме на территории современной Бирмы.
Конец I — середина II в. — Время наивысшего могущества римской рабовладельческой империи.
II в. н. э. — Распространение христианства в Римской империи.
— Усиление Иберии при Фарасмане.
— Рост «сильных домов» в Китае. Появление новой категории зависимых земледельцев (бинь-кэ, бу-цюй и др.).
— Распространение буддизма в Средней Азии.
— Творчество писателей Светония (около 70—160) и Аппиана (конец I в.— около 170-х гг.), астронома и географа Кл. Птолемея (101—179), писателей Апулея (124—170) и Лукиана (около 125—180), врача Галена (129—199) в Римской империи.
Начало II в. — Перенесение центра Кушанской державы в Индию.
— Изобретение сейсмографа и небесного глобуса Чжан Хэном (78—139) (Китай).
Первая половина II в. — Борьба гуннов с Китаем за Восточный Туркестан.
— Захват андхрами областей Центральной Индии при царе Гаутамипутре.

101—106 гг.	— Дакийские войны. Завоевание Римом Дакии.
106 г.	— Подчинение Римом Набатей-ского царства. Образование провинции Аравии.
114—117 гг.	— Парфянская война. Временное присоединение римлянами Месопотамии и Ассирии.
132—135 гг.	— Восстание против римлян Бар-Кохбы в Иудее.
Середина II в.	—Начало движения готов и других германских племен от Балтийского моря к Чёрному.
	— Возникновение даоской религии в Китае.
Вторая половина II в.	— Освобождение Албании от римской зависимости.
161—165 гг.	— Вторжение Вологеса III в Сирию. Война Рима с Парфией.
166 г.	— Первое «посольство» из Рима в Китае.
160-е—180-е годы	— Вторжение маркоманнов, квадов и сарматов в придунайские провинции. Маркоманские войны.
172 г.	— Восстание буколов в Египте.
184 г.	— Начало восстания «Желтых повязок» в Китае. Восстания в Гуандуне и Сычуани. Восстания подчинённых Китаю племен в Ганьсу и Шэнси.
185 г.	— Подавление восстания «Жёлтых повязок» в центральных районах Китая.
193—197 гг.	— Гражданская война в Римской империи.
194—199 гг.	— Война Рима с Парфией. Образование провинции Месопотамии.
Конец II — начало III в.	— Падение могущества скифского царства. Присоединение Таврики к Боспорскому царству.
Конец II — первая половина III в.	— Разработка римского права: Папиниан (около 150—212) и Ульпиан (170—228).
III в. н. э.	— Социально-политический кризис в Римской империи. Развитие колонатных отношений. Начало наступления на империю племен Средней и Восточной Европы
	— Творчество философа Плотина (204—270) (Рим).
	— Вторжение гуннов и сянь-би в Китай.
	— Распад государства андхров в Индии.
204 г.	— Указ о сборе налогов натурой в Китае.
205—208 гг.	— Последние выступления отрядов «Желтых повязок» в Китае.
212 1.	— Эдикт императора Каракаллы (211—217) о римском гражданстве.
215—276 гг.	— Традиционные даты жизни Мани. Возникновение манихейства.
220 г.	— Падение Младшей династии Хань. Образование государств Вэй, Шу и У (Китай).
226 г.	— Падение Парфянской державы Аршакидов. Переход власти в Иране к Сасанидам.
230-е годы	— Ослабление и начало распада Кушанской империи.
240 г.	— Победа аланов над римлянами под Филиппополем.
248 г.	— Празднование 1000-летия Рима.
Середина III в.	— Борьба Рима и Сасанидов за влияние в Армении и Закавказье; поражение римлян в 260 г.; потеря Месопотамии.
	— Гонения на христиан в Римской империи. Вторая по-— Поход Шапура I Сасанида ловина III в. (242—272) в Среднюю Азию.
259—273 гг.	— Отпадение Галлии от Рима. Галльская империя (Постум, Викторин, Тетрик).
260-е годы	— Основание Оденатом Пальмирского царства.
260—290 гг.	— Восстания крестьян и колонов в Африке.
270-е—280-е годы	— Восстание багаудов в Галлии.
293 г.	— Административные реформы императора Диоклетиана (284—305), установление до-мината в Римской империи.
296—298 гг.	— Война Рима с Персией. Нисибинский мир.
Конец III в.	— Восстание сельского населения Малой Азии против римлян.
IV в. н. э.	— Новый подъём движения багаудов в Галлии.
	— Творчество поэта Авсония (310—395) и историка Ам-миана Марцеллина (около 330 — около 400) в Римской империи.
	— Возникновение племенных объединений у кочевников северных областей Средней Азии.
	— Образование государств на Яве.
	— Возникновение государства Дваравати в Индо-Китае.
	— Завоевание Китая кочевниками.
IV—V вв.	— Проникновение в Корею буддизма.
Первая половина IV	— Возникновение донатизма в в Африке.
	— Усиление государства Паллавов в Южной Индии.
301 г.	— Эдикт Диоклетиана о ценах.
305 г.	— Перенесение столипы Хорезма в Кят.

313 г. — Миланский эдикт императора Константина (306—337).

320 г. — Основание Чандрагуптой I (320—330) государства Гупт в Индии.

325 г. — 1-й Вселенский собор христианской церкви в Никее. Осуждение арианства.

330 г. — Перенесение столицы империи из Рима в Византии (Константинополь).

330-е—340-е годы — Подъём движения агонистиков в Африке.

Середина IV в. — Завоевания Самудрагупты (330—380) в долине Ганга и Центральной Индии Походы в Южную Индию.

Вторая половина IV в. — Возникновение державы жуань-жуаней в Средней Азии.

Вторая половина IV — первая половина V в. — Творчество и деятельность в Армении Месропа Маштоца (361—440).

Около 355 г. — Вторжение гуннов на территорию аланов.

361—363 гг. — Реставрация язычества и гонения на христиан при императоре Юлиане (361—363).

370-е годы — Победа гуннов над готами, вторжение гуннов в Европу.

378 г. — Победа готов над римлянами при Адрианополе.

387 г. — Договор между Римом и Персией о разделе Армении.

395 г. — Окончательное разделение Римской империи на Западную и Восточную после смерти императора Феодосия (379— 395).

Конец IV — начало V в. — Расцвет могущества державы Гупт при Чандрагупте II (380—414). Подчинение областей Западной Индии и Пенджаба Гуптами.
— Творчество поэта Калидасы (353—420) в Индии.

Начало V в. н. э. — Превращение Картли в вассальное царство империи Сасанидов.
— Покорение жуань-жуанями алтайских и саянских племен.

410 г. — Взятие Рима вождём вестготов Аларихом.

450—455 гг. — Вторжение гуннов-эфталитов в Индию.

451 г. — Вторжение гуннов в Западную Римскую империю и их разгром на Каталаунских полях.

455 г. — Разграбление Рима вандалами.

476 г. — Свержение Одоакром последнего императора Ромула Авгу стула. Падение Западной Римской империи.

483—484 гг. — Восстание в Закавказье против персов.

488 г. — Начало восстания маздакитов в Иране и соседних областях.

Конец V в. — Распад государства Гупт в Индии.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ [1]

I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ К ТОМУ В ЦЕЛОМ

Произведения основоположников марксизма-ленинизма

Маркс К. К критике политической экономии. Введение. М. 1953.

Маркс К. Капитал. Т. I—III. М. 1955.

Маркс К. Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество». В кн.: Архив Маркса и Энгельса. Т. IX. М. 1941.

Маркс К. Ответ Маркса В. Засулич. Первый черновик. 1881. В кн.: Архив Маркса и Энгельса. Т. I. М. 1924.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Из неизданной рукописи «К критике политической экономии». Т. I—III. М. 1936.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М. 1953.

Энгельс Ф. Диалектика природы. М. 1953.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. V. М.—Л.1929.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. 1953.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М. 1953.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М. 1954.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Немецкая идеология. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2. Т. 3. М. 1955.

Ленин В. И. Карл Маркс. Соч. Т. 21. М. 1948.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Соч. Т. 14. М. 1947.

Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете. Соч. Т. 29. М. 1950.

Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Соч. Т. 28. М. 1950.

Ленин В. И. Философские тетради. М. 1947.

Литература общего характера

Авдиев В. И. История Древнего Востока Изд. 2. М. 1953.

Бузескул В. П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира Ч. I—II. Пг. 1923—1924.

Всеобщая история государства и права. Ч. I. Древний мир. Вып. 1—2. М. 1944—1945

История дипломатии. Т. I. Под ред. В. П Потёмкина. М. 1941.

История древнего мира. Т. ' 1—3. М. 1936—1937 (Гос. Акад. истории материальной культуры).

История древнего мира. Под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского. М. 1952.

Ковалев С. И. История античного общества. Ч. 1 (изд. 2)—2. Л. 1936—1937.

Мишулин А. В. О воспроизводстве в античной общественной формации.— «Изв. Гос. Акад. истории материальной культуры». Л. 1932. Т. XIII. Вып. 8.

Струве В. В. История древнего Востока Изд. 2. М. 1941.

Струве В. В. Проблема происхождения нации и вопросы древней истории.— «Вестник древней истории». 1951. № 2

Тураев Б. А. История Древнего Востока. Под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирёва. Изд. 2. Т. I—II. Л. 1936.

Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ. М.—Л. 1935.

[1] Список включает основную литературу и наиболее важные публикации источников (преимущественно на русском языке). Методическое руководство и консультации при составлении списка осуществляли сотрудники Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР К. Р. Симон С. А. Лясковский и Н. А. Баумштейн.

Утченко С. Л. О классах и классовой структуре античного рабовладельческого общества.— «Вестник древней истории». 1951. № 4.

Валлон А. История рабства в античном мире. Пер. под ред. А. В. Мишулина. М. 1941.

Вебер М. Аграрная история древнего мира. Пер. под ред. Д. М. Петрушевского. М. 1925.

Мейер Э. Рабство в древности. Пер. в нем. Изд. 2. Пг. 1923.

Мейер 9. Экономическое развитие древнего мира. Пер. с нем Изд. 3. Пг. 1923.

Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. Пер. под ред. М. И. Ростовцева. СПб. 1910.

Фюстель де Куланж. Гражданская община античного мира. Пер. под ред. Д. Н. Кудряв-ского. СПб. 1906.

The Cambridge ancient history. Vol. I—XII. Cambridge 1928—1939.

Histoire generale, publ. sous la direction de G. Glotz. Paris 1926—1949. I. Histoire ancienne. Pts. 1—3; II. Histoire de Moyen Age. Vol. 10. 1941.

Histoire generale des civilisations. T. I. L'Orient et la Grece antique T. II. Rome et son empire. Par A. Aymard, et S. Auboyer. Paris 1953—1954.

Historia mundi. Begrundet v. F. Kern. Bd. I—IV. Bern 1952—1956.

Meyer E. Geschichte des AItertums. Bd. I—IV. Stuttgart 1953—1954 (Neue AufL, не законч.). Bd. V. 3 Aufl. 1921.

Peuples et civilisations. Histoire generale fondee par L. Halphen et Ph. Sagnac. T. I—V. Paris 1936—1953.

Westermann W. L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia 1955.

Walek-Czernecki T. Historia gospodarcza swiata starozytnego. Grecja — Rzym. War-szawa 1948.

Литература по истории культуры и религии

Алпатов М. В. Всеобщая история искусств. Т 1. М. 1948.

Всеобщая история архитектуры. Под общей ред. Д. Е. Аркина, Н. И. Брунова и др. Т. I—II. М. 1944—1949.

Выгодский М. Я. Арифметика и алгебра В древнем мире. М —Л 1941.

История философии. Т. 1. Философия античного и феодального общества. М. 1940.

Тронский И. М. История античной литературы. Изд 2. Л. 1951.

Даннеман Ф. История естествознания. Т. 1. Пер. со 2-го нем. изд. под ред. М. Л. Левина и О. Ю. Шмидта. М. 1932.

Дильс Г. Античная техника. Пер. под ред. С. И. Ковалёва. М.—Л. 1934.

Музыкальная культура древнего мира. Сб. статей под ред. Р. И. Губера. Л. 1937.

Рейнак С. Орфей. Всеобщая история религии. Пер. с 7-го франц. изд. под ред. А. Е. Яновского. Вып. 1. М. 1919.

Источники

Античный способ производства в источниках. Под ред. С. А. Жебелева и С. И. Ковалева. Л. 1933.

Древний мир в памятниках его письменности. Сост. Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский и др. Ч. 1—11. М. 1915—1921.

Зограф А. Н. Античные монеты. М.—Л. 1951.

Хрестоматия по истории древнего мира. Под ред. В. В. Струве. Т. 1—3. М. 1950— 1953.

Справочные издания

Большая Советская Энциклопедия (Изд 2).

Daremberg Ch. et *Sagho E.* Dictionnaire des antiquites grecques et romaines d'apres les textes et les monuments. 5 t. en 19 fasc. Paris 1877—1919.

Paulys Real-Encyclopadie der klassi-schen Altertum-swissenschaft. Neue Bearb. Begonnen von G. Wissowa... Beibe I, Hibd. 1—44. Reihe II. Hibd. 1—14. Suppl. Bd. I—VII. Stuttgart 1894—1955 (изд. не окончено).

Reallexikon der Vorgeschichte. Hrsg. von M. Ebert Bd. 1—15. Berlin 1924—1932.

The Oxford Classical Dictionary. Oxford 1949.

II. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В VI—I ВВ. ДО Н. Э.

К части I, главам I—V; к части II, главам VII—IX и к главе X, разд. 3—5

1. История державы Ахеменидов

К части I, гл. I; к части II, гл. VII

Литература по истории

Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор. Ташкент 1926.

Дьяконов М. М. История древнего Ирана. (Автореферат докторской диссертации) — «Вопросы истории». 1946. № 1.

Струве В. В. Аренда податей в государстве Ахеменидов (V в. до н. э.). III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.—Л. 1939.

Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I.— «Вестник древней истории». 1949. № 2.

Струве В. В. Датировка Бехистунской надписи..— «Вестник древней истории». 1952. № 1.

Струве В. В. Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов.— «Изв. АН СССР». Серия истории и философии. 1944. Т. 1. № 3.

Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов.—- «Изв. АН СССР». Серия истории и философии. 1946. № 3.

Струве В. В. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота.— «Вестник древней истории». 1952. № 2.

Тюрин В. О. Социальное положение Kur-tas по документам из «сокровищницы» Персеполя.— «Вестник древней истории». 1951 .№ 3.

Cameron G. G. History of Early Iran. Chicago 1936.

Dalton 0. The Treasure of the Oxus, with other Objects from Ancient Persia and India. London 1905.

Ghirshman R. L'lran des origines a 1'Islam. Paris 1951.

Herzfeld E. Archaeological History of Iran. London 1935.

Herzfeld E. Iran in the Ancient East. London 1941.

Huart C., Delaporte L. L'lran antique. Paris 1952.

Olmstead A. T. E. History of Persian Empire (Achaenaenid Period). Chicago 1948.

Литература по истории культуры и религии

Струве В. В. Родина зороастризма.— «Советское востоковедение». 1948. V.

Benveniste E. The Persian Religion according to the Chief Greek Texts. Paris 1929.

Hennig W. B. Zoroaster, Politician or Witch-doctor? London—Oxford 1951.

Nyberg H. S. Die Religionen des alten Iran. Leipzig 1938. (Mitteil. d. vorderasiat.-aegypfc. Gesellschaft. Bd. 43).

A survey of Persian Art, from Prehistoric Times to the Present. Vol. I, IV. Ed. by A. U. Pope. London — New York 1938.

Schmidt E. F. The Treasury of Persepolis and other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians. Chicago 1939.

Источники

Ktesias. The Fragments of the Persica. Ed. J. Gilmore. London 1888.

Волков И. М. Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V в. до Р. X. М. 1915.

Avesta, die heiligen Bucher der Parsen, ubers... von F. Wolf. Strassburg 1910.

The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B. C. Ed. with a historical introd. by E. G. Kreeling. New Haven 1953.

Cameron G. G. Persepolis Treasury Tablets. Chicago 1948.

Driver G. R. Aramaic Documents of the 5-th Century B. C. Oxford 1954.

Kent R. G. Old-Persian Grammar. Texts. Lexicon. New Haven 1950.

Posener G. La premiere domination perse en Egypte. Le Caire 1936.

Sachau E. Aramaische Papyrus und Ost-raka aus einer judischen Militarkolonie zu Elephantine. Leipzig 1911.

Sarre F. und *Herzfeld E.* Iranische Pels-reliefs. Bd. I—II. Berlin 1910.

Smith S. Babylonian Historical Texts relating to the Capture and Downfall of Babylon. London 1924.

См. также сочинения Геродота, Диодора, Ксенофонта (в разделе II, 2), Арриана (в разделе II, 3).

2. История древней Греции

К части I, главам II—IV

Литература общего характера

Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Пг. 1915.

Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху. М. 1916.

Древняя Греция. Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова. М. 1956.

Лурье С. Я. История Греции. Ч. 1. Л. 1940.

Новосадский Н. И. Греческая эпиграфика. Ч. 1. Изд. 2. М. 1915.

Сергеев В. С. История древней Греции, Изд. 2. М. 1948.

Тюменев А. И. Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Т. I—III. Пг. 1920—1922.

Хвостов М. М. История Греции. М. 1924.

Beloch K. J. Griechische Geschichte. 3 AufL Bd. I—IV. Berlin 1912—1927.

De Sanctis G. Storia dei Greci delle ori-gini allo fine del secolo V. 4 ed. Vol. 1—2. Firenze 1954.

Источники

Аристотель. Афинская полития. Пер. С. И. Радцига. Изд. 2. М.—Л. 1937; Категории. Пер. А. В. Кубицкого. М. 1939; Метафизика. Пер. А. В. Кубицкого. М.—Л. 1934; О душе. Пер. П. С. Попова. М. 1937;
Политика. Пер. С. А. Жебелева. СПб. 1911;
Поэтика. Пер. Н. И. Новосадского. Л. 1927;
Физика. Пер. В. П. Карпова. М. 1936;
Этика Аристотеля. Пер. Э. Радлова. СПб. 1908.

Аристофан. Комедии. Т. I—II. М. 1954.
Геродот.. История. Пер. Ф Г. Мищенко. Т I—II. М. 1888.
Демосфен. Речи. Пер. С. И. Радцига. М. 1954.
Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Пер. И. Алексеева. Ч. I—VI СПб. 1774—1775.
Исократ. Торжественное похвальное слово Пер. Н. Коренькова. Калуга 1891;
Панегирик. Пер А. Замятина. Смоленск 1883; Наставление Демонику. Речь о значении ареопага. Пер М. Гурьева. СПб. 1883
Ксенофонт. Собрание сочинений Пер. Г. А. Янчевецкого. Вып. 1—5. Киев 1876— 1900; Греческая история. Пер С. Я Лурье. Л 1935; Сократические сочинения. Пер С. И. Соболевского М.—Л. 1935.
Лисий. Речи. Пер. С. И. Соболевского. М —Л. 1933.
Павсаний. Описание Эллады Т. I—II. Пер. С. П. Кондратьева. М. 1938
Платон. Сочинения (Все, кроме «Законов»). Пер. Карпова. Ч. 1—6 СПб. 1863— 1879; Полное собрание творений Платона в 15 томах. Новый пер. под ред. С. А. Жебелева. Т. I, IV, V, IX, XIII, XIV Л. 1923 — 1929.
Плутарх. Сравнительные жизнеописа-ния. Пер. В. А Алексеева Т. I—IX. СПб. 1891—1892; Избранные биографии. Пер под ред. С. Я. Лурье. М.—Л. 1941.
Софокл. Драмы. Пер. Ф Ф Зелинского. Т. I—Ill. М 1914—1915.
Фукидид. История. Пер. Ф. Мищенко в переработке С Жебелева Т. I — II. М. 1915.
Эврипид. Театр Еврипида. Пер. И. Ф. Анненского. Т. I—Ill. М 1916—1921
Эллинские поэты. Пер. В. В Вересаева. В кн.: *Вересаев В. В.* Соч. Т. 3 М 1948.
Эсхил. Трагедии Пер А. И. Пиотровского. М.—Л 1937.
Эсхин. Речи против Ктесифонта. Пер. К. Нейлисова. СПб. 1887.
Маковельский А. Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах- древности и в свете новейших исследований. Ч. 1—3. Казань 1914—1919.
Daniel G. E. A Hundred Years ot Archaeology. London 1950.
Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. 3 Aufl. Vol. I—IV. Leipzig 1915— 1924.
Meritt B. D. Athenian Tribute Lists. Vol. I—III. Cambridge. Princeton 1939— 1950.
Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol. I—II Oxford 1946— 1948.
См. также сочинения Корнелия Непота (в разделе III), Юстина (в разделе II, 3).

*К главе **II***

Греко-персидские войны. Расцвет эллинской рабовладельческой демократии.

*К главе **III***

Пелопоннесская война. Упадок Афин и возвышение Македонии

Богаевский Б. Л Очерк земледелия Афин. Пг. 1915
Брзескул В. П. Афинская демократия. Харьков 1920
Глускина Л. М Дельфы в период первой Священной войны.— «Вестник древней исто-рии». 1951. № 2.
Жебелев С. А. О «Тирании тридцати» в Афинах.— «Вестник древней истории». 1940. № 1.
Казаманова Л. Н Рабовладение на Крите в VI—IV вв. до н. э.— «Вестник древней истории». 1952. № 3.
Кулишер И М. Очерк экономической истории древней Греции. Л. 1925.
Куторга М. С. Собрание сочинений. Т. 1—11 СПб 1894—1895.
Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 1. СПб. 1897.
Ленцман Я. А, О древнегреческих терминах, обозначающих рабов.— «Вестник древней истории». 1951. № 2.
Ленцман Я. А. О возникновении товарного производства в древней Греции.— «Вестник древней истории». 1953. № 3.
Лурье С. Я Эксплуатация афинских союзников — «Вестник древней истории». 1947. № 2.
Соколов Ф. Ф. Труды. СПб. 1910.
Banner B. J and *Smith G.* The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol I—II Chicago 1930—1938.
Busolt G und *Swoboda C.* Griechische Staatskunde. Vol I—II. Munchen 1920—1926,
Clerc M.Lesmeteques atheniens. Paris 1893.
Cloche P. La democratic athenienne. Paris 1951.
Данов X. М. Борбитъ на старитъ Гърци за Черно море и протоцитъ. В кн.. Годишникъ на Софийския университетъ. Ист.-филол. фак-т. Т. 39 (1942—1943). София 1943.
Finley M. I. Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500—200 B. C. The Horos-Inscriptions. New Brunswick 1951.
Glotz G La cite grecque. Paris 1953
Glotz G. Le travail dans la Grece ancienne. Paris 1920.
Grundy G. B. The Great Persian War and its Preliminaries. London 1901.
Grundy G. B Thucydides and the History of his Age. Vol. I—II. Oxford 1948.
Guillon P. La Beotie antique. Paris 1948. *Guiraud P.* La propriete fonciere en Grece jusqu'a la conquete romaine. Paris 1893.

Hasebroek J. Staat und Handel im alten Griechenland. Tubingen 1928.

Кацаров Г. И. Цар Филипп II Македонски. История на Македония до 336 год пр. Христа. София 1922.

Kumaniecki К. Epoka Peryklesa. War-szawa 1949.

Michel Я. The Economics of Ancient Greece. Cambridge 1940.

Michel H. Sparta. Cambridge 1952.

Panbeni R. La Macedonia sino ad Ales-sandro Magno. Milano 1947.

Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus. Oxford 1933.

Robert L. Etudes de numismatique grecque. Paris 1951.

Sargent R. L. The Size of the Slave Population at Athens during the Fifth and Fourth Centuries B. C. Urbana. 1925. (University of Illinois studies in the social sciences. Vol. XII. № 3.)

Sokolowski F. Propaganda polityczna w Grecji w okresie upadku niepodlegtoSci. War-szawa 1947.

Ure P. N. The Origin of Tyranny. Cambridge 1922.

К главе IV *Эллинская культура в V—IV вв. до н. э.*

Философия и наука

Дынник М. А. Очерк истории философии классической Греции. М. 1936.

Лурье С. Я. Очерки по истории античной науки. М.—Л. 1947.

Лурье С. Я. Геродот. М.—Л. 1947.

Лурье С. Я. История античной общественной мысли. М.—Л. 1929.

Маковелъский А. О. Греческие атомисты. Баку 1946.

Barker E. Greek Political Theory; Plato and his Predecessors. London 1947.

Bury J. B. Ancient Greek Historians. Cambridge 1919.

Farnngton B. Science and Politics in the Ancient World. New York 1940.

Литература и искусство

Блаватский В. Д. Греческая скульптура М.—Л. 1939.

Блаватский В. Д. История античной рас-писной керамики. М. 1953.

История греческой литературы. Под ред. С. И. Соболевского и др. Т. I—II. М.-Л. 1946—1956.

Соболевский С. И. Рабы в комедиях Аристофана как литературный тип.— «Вестник древней истории». 1954. № 4.

Фармаковский Б. *В.* Аттическая вазовая живопись. СПб. 1902.

Ярхо В. Н. Аристофан. М. 1954.

Религия

Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин. Т. I. Пг. 1916.

Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия. Пг. 1918.

Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. Munchen 1941.

3. История эллинистических государств

К части II, главам VIII и IX;
к главе X, разд. 3—4

Литература общего характера

Зельин К. К. Основные черты эллинизма.— «Вестник древней истории». 1953. № 4.

Ранович А, Б, Эллинизм и его историческая роль. М.—Л. 1950.

Соколов Ф. Ф. Третье столетие до Р. X. В кн.: Труды Ф. Ф. Соколова. СПб. 1910.

Дройзен И. Г. История эллинизма. Пер М. Шелгунова и Э. Циммермана. Т. I—Ill. М. 1890—1893.

Тарн В. Эллинистическая цивилизация. Пер. С. А. Лясковского. М. 1949.

Biezuhska-Matowist L. Z zagadnieu nie-wolnictwa w okresie hellenistycznym. Wroctaw 1949.

Heichelheim F. Wirtschaftliche Schwan-kungen der Zeit von Alexander bis Augustus. Jena 1930.

Holleaux M. Rome, la Grece et les monarchies hellenistiques au III-e siecle avant J. C. (273—205). Paris 1921.

Jones A. H. The Greek City from Alexander to Justinien. Oxford 1940.

Kaerst J. Geschichte des Hellenismus. 3 Aufl. Bd. I—II. Leipzig 1927.

Launey M. Recherches sur les armeea bellenistiques. Vol. 1—2. Paris 1949—1950.

Meyer Ed. Blute und Niedergang des Hellenismus in Asien. Berlin 1925.

Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I—III. Oxford 1941.

Литература по истории
культуры и религии

Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Пг 1922.

Кун Н. А. Предшественники христианства. М. 1922.

Лурье С. Я. Архимед. М.—Л. 1945.

Эллинистическая техника. Сб. статей под ред. акад. И. И. Толстого. М.—Л. 1948.
Bevan E. R. Stoics and Sceptics. Oxford 1913.
Brehier E. Chrysippe et Pancien stoicisme. Paris 1951.
Couat Aug. Alexandrian Poetry under the First Three Ptolemies 324—222 B. C. Trad. by J. Loeb. London 1931.
Die/Tins G.Hellenistic sculpture. Oxford 1920.
Dudley D. R. A History of Cynicism. London 1937.
Gressmann H. Die orientalischen Re-ligionen im hellenistisch-romischen Zeitalter. Berlin — Leipzig 1930.
Korte A. Die hellenistische Dichtung. Leipzig 1925.
Lefebvre G. Le tombeau de Petosiris. Vol. 1—3. Le Caire 1923—1924.
Nestle W. Die Nachsokratiker. Bd. I—II. Jena 1923.
Reitzpnstein R. Die hellenistischen My-sterienreligionen. Leipzig 1920.

Источники

Арриан. Анабасис Александра. Пер. Н. Коренькова. Ташкент 1912.
Менандр. Комедии. Пер. Г. Ф. Церетели. М.—Л. 1936.
Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. I—III. М. 1890—1899.
Страбон. География в семнадцати книгах. Пер. Ф. Г. Мищенко. М. 1879.
Феокрит. Идиллии. Пер. А. Н. Сироти-нина. СПб. 1890.
Эпикур. Пер. С. И. Соболевского. В кн.: *Лукреций* О природе вещей. Т. II. М. 1947.
Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога. Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского.— «Вестник древней истории». 1954. № 2—4;
1955. № 1.
Саркисян Г. X. Частные клинописные контракты Селевкидского времени из собрания Гос. Эрмитажа.— «Вестник древней истории». 1955. № 4.
Catalogue general des antiquites egyp-tiennes du Musee du Caire: Zenon Papyri. Publ. par C. C. Edgar. Vol. I—IV. Caire 1925— 1931.
Geographi graeci minores. Vol. I—II. Paris 1855—1861.
Jacoby F. Die Fragm'ente der griechischen Historiker Tl. I, II. Lfg. 1—5. Berlin 1923— 1930. (Произведения авторов эллинистического периода).
Dittenberger W. Orientis Graeci Inscrip-tionesSelectae.Vol.I—II. Leipzig 1903—1905.
Huntd A. S. and *Edgar C. C.* Select 'Papyri. Vol. I—II. London 1932—1934.
Mitteis L. und *Wilcken U.* Grundzuge und Chrestoinatie der Papyruskunde. Bd. I Hlf. 1—2; Bd. II, Hlf. 1—2. Leipzig 1912.
Papiri greci e latini. Ed. G. Vitelli, M. Norsa и др. Firenze 1912—1943. Vol. 1—12. (Publicazioni delta Societa Italiana per la ricerca dei Papiri greci e latini in Egitto).
Papyri in the University of Michigan Collection Ed. by C. C. Edgar, A. E. R. Boak, J. G. Winter и др. Vol. I—VII. Ann Arbor 1931—1947.
Papyri russischer und georgischer Samm-lungen. Hrsg. G. Zereteli V. Kruger, P. Gern-stedt. Vol. I—V. Tiflis 1925—1935.
Revenue Laws of Ptolemy Philadelphus. Ed. by B. P. Grenfell. Oxford 1896. Nouv. ed. par J. Bingen. Gottingen 1952.
The Tebtunis Papyri. Ed. by B. P. Grenfell, A. S. Hunt, J. G. Smyly и др. Vol. I—III. London 1902—1938.
Welles C. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven 1934.
Wilcken U. Griechische Ostraca aus Aegypten und Nubien. Bd. I—II. Berlin und Leipzig 1899.
См. также сочинения Диодора, Павса-ния, Плутарха, Dittenberger W. Sylloge inscr. graec. (в разделе II, 2).

К главе VIII

Возникновение и распад державы Александра Македонского

Ковалев С. И. Монархия Александра Македонского.— «Вестник древней истории». 1949. № 4.
Ковалев С. И. Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция.— «Вестник древней истории». 1946. № 4.
Тревер К. Александр Македонский в Согде.— «Вопросы истории». 1947. № 5.
Tarn W. Alexander the Great. Vol. 1—2. Cambridge 1948—1950.

К главе IX и к главе X, разд. 3—4

Эллинистические государства в IV—I вв. до н. э.

Бергер А, К. Социальные движения в древней Спарте М.—Л. 1936.
Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период её упадка. СПб. 1869.
Жебелев С А.Ш истории Афин 229—31 гг. до Р. X. СПб. 1898.
Жебелев С. А. Манифест Птолемея Ки-ренского. — «Изв. АН СССР». 1933. № 5. VII серия. Отделение , обществ, наук.
Жебелев С. А. Союз островитян.— «Журнал Мин-ва народн. просвещения». 1905. Май.
Зельин К. К. Земля клерухов в Керкео-сирисе по данным Тебтюнисских папирусов.— «Вестник древней истории». 1948. № 3.
Ленцман Я. А. О хлебной торговле Де-лоса в III—II вв. до н. э.- «Вестник древней истории». 1946. № 2.

Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий. В кн.: *Полибий.* Т. I. 1890.
Павловская А. И. Формы землевладения и организация земледелия на царских землях Египта в середине III в. до н. э.— «Вестник древней истории». 1953. № 1.
Пигулевская Н. В. Угасающий Вавилон.— «Учёные записки Ленингр. гос. ун-та». Серия историч. наук. IX. 1941.
Пикус Н. Н. Переломный период в истории эллинистического Египта.— «Вестник древней истории». 1951. № 1.
Саркисян Г. Х. Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии.— «Вестник древней истории». 1952. № 1.
Старкова К. В. Рукописи из окрестностей Мёртвого моря.— «Вестник древней истории». 1956. № 1.
Струве В. В. Значение некоторых из демотических папирусов Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина для истории и культуры птолемеевского Египта. М. 1955. (Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме.)
Струве В. В. Три демотических папируса Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, связанные с документами фиванской жреческой семьи от конца IV в. по начало III в. до н. э. М. 1954. (Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Серия египтологии.)
Хвостов М. М. История восточной торговли в греко-римском Египте. Казань 1907.
Хвостов М. М. Текстильная промыш-ленность в греко-римском Египте. Казань 1914.
Bikermann Я Institutions des Seleucides. Paris 1938.
Bevan E. R. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty London 1927.
Bouche-Leclercq A. Histoire des Seleucides. Vol. 1—2. Paris 1913—1914.
Данов Х. Полибий и сведенията му за източнята половина на Балканския полуостров. София 1942.
Ferguson W. S. The Hellenistic Athens. London 1911.
Hansen M. Attalides of Pergamon. New York 1947.
Manteuffel J. Ze swiata papirusow. War-szawa 1950.
Oertel F. Die Liturgie. Leipzig 1917.
Preaux Cl. L'economie royale dies Lagides. Bruxelles 1939.
Schnebel M. Die Landwirtschaft im hel-lenistischen Aegypten. Munchen 1925
Taubenschalg R. The Law of Greek-Roman Egypt in the Light of the Papyri 332 B. C.— 640 A. D. 2 ed. Warszawa 1955.
Zawadzki T. Z zagadnien struktury agrarno-spotecznej krajow matoazjatyckich w epoce hellenizmu. Poznari 1952.

4. История Аравии и Северо-Восточной Африки

К главе X, раад, 5 и к главе XX, разд. 6

Крачковская В. А. Историческое значение памятников южноарабской архитектуры.— «Советское востоковедение». 1947. IV.
Крачковская В. А. Новые археологические открытия в Заиорданье.— «Вестник древней истории». 1946. № 4.
Крачковский И. Ю. Новые материалы из Йемена. В кн.: Библиография Востока. Вып. 2—4 (1933). Л. 1934 (Ин-т востоковедения АН СССР).
Нильсен Д. О древнеарабской культуре и религии.— «Вестник древней истории». 1938 № 3.
Berthelot A. L'Afrique Saharienne et Soudanaise, ce qu'en ont connu les anciens. Paris 1927.
Handbuch der altarabischen Altertums-kunde. Hrsg. von D. Nielsen Bd I Kopen-hagen 1927.
Hitti P. K. History of the Arabs. 3 ed London 1946.
Kammerer A. Essai sur 1'histoire antique d'Abyssinie. Paris 1926
Monneret de Villard U. La Nubia **Romana.** Roma 1941.
Glueck N. The other Side of the Jordan. New Haven 1940.

III. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ И РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

К части I, главе V; к части II, главам X, XI, XII; к части IV, главам XX, XXI; к части V, главам XXIV; XXVII

Литература общего характера

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. Изд. 2. Берлин 1923
Ковалёв С. И. История Рима. Л. 1948. *Машкин Я. А.* История древнего Рима. М 1956.
Нетушил И. В. Обзор римской истории. Изд. 2. Харьков 1916.
Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Вып. I—III. Харьков 1894—1902.
Покровский И. А. История римского права. Изд. 4. СПб. 1918.
Римское частное право. М. 1948
Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. Ч. 1—2. М. 1938.
Моммэен Т. История Рима. Пер. под ред. Н. А. Машкина. Т. I, II, III, V. М.—Л.1936— 1949.

Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. Пер. с 4-го нем. изд. под ред. М. И. Ростовцева. Изд. 3. СПб. 1910.

Ферреро Г. Величие и падение Рима. Пер. А. А. Захарова. Т. I—V. М. 1915—1923.

Bih/iski B. Problem pracy w starozytnym Rzymie. «Archeologia». Warszawa — Wroclaw 1952. T. III.

De Sanctis G. Storia dei Roniani. Vol. 1—4. Torino 1907—1954.

Dessau H, Geschichte der romischen Kaiserzeifc. Bd. I—II. Berlin 1924—1930.

Frank T. An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. 1—5. Baltimore 1933—1940.

Gsell St. Histoire ancienne de 1'Afrique du Nord. Vol. I—VIII. Paris 1913—1928.

Kromayer J. und *Weith G.* Heerwesen und Kriegsfuhrung der Griechen und Romer. Mun-chen 1928.

Rostovtzeff M. Gesellschaft und Wirt-schaft im romischen Kaiserreich. Bd. 1—2. Leipzig 1930.

Литература по истории культуры и религии

Блаватский В. Д. Архитектура древнего Рима. М. 1938.

Виппер Р. Ю. Возникновение христианской литературы. М. 1946.

Виппер Р. Ю. Рим и раннее христианство. М. 1954.

Гревс И. М. Тацит. М.—Л. 1946.

История римской литературы. Под общей ред. Н. Ф. Дератани. М. 1954.

Кобылина М. М. Искусство древнего Рима. М.—Л. 1939.

Машкин Н. А. Эсхатология и мессианизм в последний период Римской республики.— «Изв. АН СССР. Серия истории и философии». 1946. Т. III. № 5.

Покровский М. М. История римской литературы. М.—Л. 1942.

Ранович А. Очерк истории раннехристианской церкви. М. 1941.

Harnack A. Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhun-derten. (4 Aufl.) Bd. I—II. Leipzig 1924.

Schanz M. Geschichte der romischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaiser Justinian. Bd. I—III. Munchen 1922— 1935.

Wissowa G. Religion und Rultu& der Romer. Munchen 1912.

Источники

Аммиан Марцеллин. История. Пер. с лат. Ю. Кулаковского и А. Сонни. Вып. 1—3. (Кн. XIV—XXXI). Киев 1906—1908.

Аппиан. Гражданские войны. Пер. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. М. 1935; Иберийско-римские войны. Пер С. П. Кондратьева — «Вестник древней истории». 1939. № 2; Митридатовы войны. Сирийские дела. Пер. G. П. Кондратьева» — «Вестник древней истории». 1946. № 4; Римская история. Пер. С. П. Кондратьева. — «Вестник древней истории». 1950. № 2—4.

Апулей, Люций. Апология. Метаморфозы. Флориды. Пер. М. Кузмина и С. П. Маркиша. М. 1956.

Вергилий. Сельские поэмы. Буколики. Георгики. Пер. С. Шервинского. М.—Л. 1937. Энеида. Пер. В. Брюсова и С. Соловьёва. М.—Л. 1933.

Витрувий Поллион, Марк. Десять книг об архитектуре. Пер. Ф. А. Петровского. М, 1936.

Гораций Флакк, Квинт. Полное собрание сочинений. Пер. под ред. Ф. А. Петровского. М.—Л. 1936.

Евсевий Памфил. Сочинения, переведённые с греч. при СПб. Духовной академии. Церковная история. Т. 1. Изд. 2. СПб. 1858.

Иосиф Флавий. Иудейская война. Пер. Я. Чертка. СПб. 1900.

Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве. Под ред. М. И. Бурского. М.—Л. 1937.

Катулл, Кай Валерий. Книга лирики. Пер. А. И. Пиотровского. Л. 1929.

Либаний. Речи. Пер. С. Шестакова. Т. I—II. Казань 1914—1916.

Ливии, Тит. Римская история от основания города. Пер. под ред. И. Адрианова. Т. I—VI. М. 1892—1899.

Лукан, Марк Анней. Фарсалия, или поэма о гражданской войне. Пер. Л. Е. Остроумова. М.—Л. 1951.

Лукиан. Собрание сочинений. Пер. под ред. Б. Л. Богаевского. Т. I—II. М.—Л. 1935.

Лукреций. О природе вещей. Ред. латинского текста и пер. Ф. А. Петровского. Т. I—II. Л. 1946—1947.

Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. Пер. С. Роговина. М. 1914.

Марциал. Избранные эпиграммы. Пер. Н. И. Шатерникова. М. 1937.

Непот Корнелий. Биографии знаменитых полководцев. Пер. И. Е. Тимошенко. Киев 1883.

Овидий. Баллады-послания. Пер. Ф. Ф. Зелинского. М. 1918; Метаморфозы. Пер. С. В. Шервинского. М.—Л. 1937.

Петроний Арбитр. Сатирикон. Пер. под ред. Б. И. Ярхо. М.—Л. 1924.

Плавт, Тит Макций. Избранные комедии. Пер. А. В. Артюшкова. Т. I—III. М.—Л. 1933—1937.

Плиний Младший. Письма. Пер. М. Е. Сергеенко, А. Д. Доватура, В. С. Соколова. М.—Л. 1950.

Саллюстий Крисп, Гай. Полное собрание сочинений. Пер. В. Е. Рудакова. Вып. 1—3. СПб. 1892—1894.

Светоний Транквилл, Гай. Жизнеописание двенадцати Цезарей. Пер. Д. П. Конча-ловского. М. 1933.

Тацит, Корнелий. Сочинения. Пер. В. И. Модестова. Ч. 1—2. СПб. 1886—1887.

Теренций. Комедии. Пер. А. В. Артюшкова. М.—Л. 1934.

Фронтин. Стратегемы. Пер. А. Рановича.— «Вестник древней истории». 1946. № 1.

Цезарь, Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря. Пер. М. М. Покровского. М.—Л. 1948.

Цицерон, Марк Туллий. Письма. Пер. и комм. В. О. Горенштейна. Т. I—III. М.—Л. 1949—1951; Полное собрание речей в русском переводе. Редакция, введение и примечания Ф. Зелинского. Т. I. (81—63 гг. до Р. Х.). СПб. 1901; Первая Филиппика. Пер. К. Ф. Даценко. Киев 1891; Вторая Филиппика. Пер. К. Ф. Даценко. Киев 1892.

Элий Аристид. Панегирик Риму. Пер. И. Турцевича. Нежин 1907.

Ювенал. Сатиры. Пер. Д. Недовича и Ф. А. Петровского. М.—Л. 1937.

Aurelius Victor. Liber de Caesaribus. Lipsiae 1911.

Dion Cassius. Historiarum romanorum quae supersunt. Ed. P. Boissevain. T. I—V. Berolini 1895—1931.

Panegyriques latins. Textes etablis et trad. par E. Galletier. T. 1—3. Paris 1949— 1955.

Plinius. Naturalis Historia. Ed. May-hoff. Vol. I—II. Lipsiae 1906—1909.

Scriptores Historiae Augusfcae. Ed H. Peter. Vol. I—II. Lipsiae 1884.

Zosimus. Historia nova. Ed. L. Mendelsohn. Lipsiae 1887.

Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. М. 1933.

Ранович А. Б. Античные критики христианства М 1935.

Штаерман Е. М. Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи.— «Вестник древней истории» 1955 № 2—4; 1956. № 1—4.

Bernhardt M. Handbuch zur Munzkunde der romischen Kaiserzeit. Bd. 1—2. Halle
1926.

Cagnat R. et Chapot V. Mannel d'archeo-logie romaine. T. I—II. Paris 1916—1920

Cagnat R. Inscriptiones graecae ad res fiomanas pertinentes Vol. I—IV. Paris 1911—
1927.

Corpus inscriptionum latinarum. Vol. I—XVI Berolini 1863—1946.

Corpus iuris civilis. Vol. I—II. Berlin 1915—1922.

Jurisprudientiae anteiustinianae quae supersunt. Comp. recens. adnot. Ph. E. Hu-schke. Lipsiae 1886.

Dacia Recherches et decouvertes archeo-logiques en Roumanie. Vol. 1—12. Bucarest 1927—1948.

Die Schriften der romischen Feldmesser, hrsg. und eriaut. von F. Blume, K. Lachmann und A. Rudorf. Bd. I—II. Berlin 1948.

См. Также: Сочинения Диодора, Плутарха (в разделе II, 3); Полибия, Страбона, Юсти-на, MUteis L. und Wilcken U. (в разделе II, 3).

К главе V

Развитие рабовладельческих отношений в Западном Средиземноморье

К главе X

Разд. 1. **Западное Средиземноморье в III в. до н. э. Завоевание Италии Римом**

Разд. 2. **Борьба Рима и Карфагена за господство в Западном Средиземноморье**

Залесский Н. Н. К вопросу о происхождении плебса.— «Учёные записки Гос. пед. ин-та им. Герцена». Л. 1948. Т. 68.

Кагаров Е. Г. О царской власти в древнем Риме. «Филологические записки». Воронеж 1910. Кн. 1—2.

Ковалев С. И. Проблемы происхождения патрициев и плебеев.— Труды юбилейной научн. сессии Ленингр. ун-та. Секция ист, наук. 1948.

Кругликова И. Т. Археологические открытия в Италии за последние годы.— «Вестник древней истории». 1947. № 2.

Лурье С. Я. Афины и Карфаген в 409— 406 гг. — «Вестник древней истории». 1947. № 3.

Машкин Н. А. Карфагенская держава до пунических войн.— «Вестник древней истории». 1948. № 4.

Машкин Н. А. Последний век пуниче-ского Карфагена.— «Вестник древней истории». 1949. № 2.

Мишулин А. В. Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э. М. 1952.

Модестов В. И. Введение в римскую историю. Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. Ч. 1—2. СПб. 1902— 1904.

Нич К. В. История Римской республики. Пер. под ред. Д. П. Кончаловского. М 1908.

Струве В. В. Плебеи и илоты. В кн : Из истории докапиталистических формаций Сб. статей. М.—Л. 1933. (Известия ГАИМК, № 100)

Ducati P. Come nacque Roma. Roma 1939

Dunbabm T. J. The Western Greeks. Oxford 1948.

Homo L. L'Italic primitive et les debuts de 1'imperialisme romain. Paris 1953.

Lapeyre G. et *Pellegrm A.* Carthage puni-que 814—146 avant J. C. Paris 1942.

Nogara B. Les etrusques et leur civilisation. Paris 1936.

Pais E Storia di Roma durante le guerre Puniche. V. 1—2. 2 ed. Torino 1935.

Pallotino M. L'origine degli Etruschi. Roma 1946

Picard C. Carthage. Paris 1951

К главе XI

Обострение классовой борьбы в Римской державе. Восстания рабов

К главе XII

Падение республики в Риме

Бокщанин А. Г. Битва при Каррах.— «Вестник древней истории». 1949. №. 4.

Гендерсон М. И. Юлий Цезарь и латинское право в Испании.— «Вестник древней истории». 1946. № 3.

Жебелев С. А. и *Ковалёв С. И.* Великие восстания рабов II—1 вв. до н. э.— «Изв. Гос. Акад. истории материальной культуры». 1939. № 101.

Машкин Н. А. Римские политические партии в конце II и начале I в. до н. э.— «Вестник древней истории». 1947. № 3.

Мишулин А. В. Спартаковское восстание. М. 1936.

Протасова С. И. Борьба общественных идеалов в Риме в эпоху Гракхов. В кн.: Из далёкого и близкого прошлого. Сборник... Пг.—М. 1923.

Сергеенко М. Е. Катоновская шкала доходности разных земельных угодий.— «Вестник древней истории». 1949. № 1.

Сергеенко М. Е. Характерные черты сельскохозяйственной жизни Средней Италии во II в. до н. э.— «Вестник древней истории». 1952. № 4.

Утченко С. Л, Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М. 1952.

Утченко С. Л. Кризис полиса и политические воззрения римских стоиков. М. 1955. (Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме.)

Цветаева Г. А. Народные волнения в Риме после убийства Юлия Цезаря.— «Вестник древней истории». 1947. № 1.

Carcopmo J. Sylla ou la шопагсЫе manquee. Paris 1931.

Gohler J. Rom und Italien. Breslau 1939.

Marsh F. B. A History of Roman world from 146 to 30 B. C. 3 ed. London 1954.

Meyer E. Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius. Innere Geschichte Roms vom 66 bis 44. v. Chr. Stuttgart 1919.

Paribeni R. L'eta di Cesare e di Augusto. Bologna 1950.

Poptawski M. Polityczna publicystyka w dobie Cezara i Augusta. Lublin 1935.

Syme R. Roman Revolution. Oxford 1939.

Taylor L. -R. Party Politics in the Age of Caesar. Berkeley 1949.

К главе XX

Ранняя Римская империя

К главе XXI

Римская империя в период своего высшего могущества

Белова Н. Н. Социальные движения в Галлии в I—II вв.— «Вестник древней истории». 1952. № 4.

Бокщанин А. Г. Социальный кризис в Римской империи в I в. до н. э. М. 1954.

Болтунова А. И. Восстание Аникета. — «Вестник древней истории». 1939. № 2.

Гревс И. М. Очерки по истории римского землевладения преимущественно в эпоху империи. Ч. 1. СПб. 1899.

Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. I—II. СПб. 1900—1902.

Златковская Т. Д. Мёзия в I и II вв. до н. э. М. 1951.

Колосовская Ю. К. К истории падения рим-ского господства в Дакии.— «Вестник древ" ней истории». 1955. № 3.

Кругликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М. 1955.

Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М 1954.

Машкин Н. А. Принципат Августа. М.—Л. 1949.

Мишулин А. В. О возникновении римского провинциального управления в Испании.— «Вестник древней истории». 1949. № 1.

Пригоровский Г. М. Развитие колонатных отношений в римской Африке.— «Учёные записки Моск. ун-та». 1909. Кн. 39.

Ранович А. Б. Восточные провинция Римской империи в I—III вв. н. э. М, 1949.

Сергеев В. С. Принципат Тиберия. (К вопросу о социальной природе императорской власти в Риме.) — «Вестник древней истории». 1940. № 2.

Сергеев В. С. Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи.— «Вестник древней истории». 1938. № 3.

Сергеенко М. Е. Два типа сельского хозяйства в Италии I века н. э.— «Изв. АН СССР». Отд-ние обществ, наук. 1935. № 6. VIIсерия.

Сергеенко М. Е. Помпеи. М.—Л. 1949.

Льюис Н. Из истории римского гнёта в Египте.— «Вестник древней истории». 1939. № 1.

Abbott F. F. and *Johnson A. A.* Municipal Administration in the Roman Empire. Princeton 1926.

Barrow R. H. Slavery in the Roman Empire. London 1928.

Colhngwood R. G. and *Myres S. N. L* Roman Britain and the English Settlements... 2 ed. Oxford 1937.

Duff A. M. Freedmen in the Early Roman Empire. Oxford 1928.

Gummerus H. Der romische Gutsbetrieb ab wirtschaftlichor Organismus nach den Weikon des Cato, Varro und Columella. Leipzig 1906.

Histria. Monografie archeologica. Vol. 1. Bucuresti 1954.

Jones A. H. M. The cities of the eastern Roman provinces. Oxford 1937.

Jullian C. Histoire de la Gaule. Vol I—V111 Paris 1920—1926.

Juhen Ch. Hibtoire de 1'Afrique du Nord. Tunisie, Algerie, Maroc. Paris 1951.

Kahrstedt U. Das wirtschaftliche Gesicht Griechenlands in der Kaiserzeit. Kleinstadt, Villa und Domane. Bern 1954.

Magie D. Roman rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ. Vol. 1—2 Princeton 1950.

Molnar E. A magyar пёр obtortenete. Budapest 1954.

Pdrvan V. Dacia. Cambridge 1928.

Thouvenot R Essai sur la province romaine de Betique. Paris 1940.

Vulpe R. Histoire ancienne do la Dobrou-dja. В кн.: La Dobroudja. Bucarest 1938.

Wheeler M. Rome beyond the Imperial Frontiers. London 1954.

К главе XXIV

Кризис рабовладельческого строя в Римской империи

К главе XXVII

Поздняя Римская империя. Крушение рабовладельческого строя

Архангельский С. И. Указ Диоклетиана о таксах. Нижний Новгород 1928.

Белоруссов М. Колонат. Варшава 1903.

Гемп А. Г. Трибутарии и инквилины Поздней Римской империи.— «Вестник древней истории». 1954.

Дмитрев А.Д. Буколы. (Из истории аграрного движения в римском Египте.) — «Вестник древней истории». 1946. № 4.

Дмитрев А. Д. Движение багаудов.— «Вестник древней истории». 1940. № 3—4.

Дмитрев А. Д. Движение latrones как особая форма классовой борьбы в Римской империи.— «Вестник древней истории». 1951. № 4

Дмитрев А. Д. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах.— «Вестник древней истории». 1948. № 3. '

Каждан А. П. О некоторых спорных вопросах исюрии становления феодальных отношений в Римской империи.— «Вестник древней исгории». 1953. № 3.

Ковалёв С. И. К вопросу о характере социального переворота III—V вв. в Западной Римской империи.— «Вестник древней истории». 1954. № 3.

Корсунский А. Р. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв — «Вестник древней истории». 1954. № 2.

Машкин Н. А. Движение агонистиков.— «Историк-марксист». 1935 № 1.

Машкин Н. А. Городской строй Римской Африки.— «Вестник древней истории». 1951. № 1.

Машкин Н. А Из истории африканских городов во II—III вв. н. э.—«Вестник древней истории» 1951. № 2.

Машкин Н. А. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке.— «Вестник древней истории». 1949 № 4.

Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. М. 1956

Ранович А. Колонат в римском законодательстве II—V вв.— «Вестник древней истории». 1951. № 1.

Ранович А. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи.— «Вестник древней истории». 1946. № 2.

Розенталь Н. Н. Социальные основы языческой реакции императора Юлиана.— «Изв. АН СССР. Серия истории и философии». Т. II. 1945. № 5.

Серееенко М. Е. Скрофа и апология крупного .землевладения — «Вестник древней истории» 1947. № 4.

Штаерман Е. М. Рабство III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи. — «Вестник древней истории». 1951. №2

Штаерман Е. М. К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи.— «Вестник древней истории». 1951. № 2.

Штаерман Е. М. Проблема падения рабовладельческого строя.— «Вестник древней истории». 1953. № 2.

Фюстель де Куланж. Римский колонат. Пер. под ред. И. М. Гревса. СПб. 1908.

Burckhardt J. Die Zeit Constantins des Grossen Bern 1950.

Bury В. History of the Later Roman Empire from the death of Theodeseus I. Vol. I—II. London 1951.

Calderini A. I Severi. Bologna 1949.

His Я Die Domanen der romischen Kaiserzeit. Leipzig 1895.

Rostowtzew M. Studien zur Geschichte de& romischen Kolonates. Leipzig 1910.

SereJski M. H. Upadek cesarstwa rzym-skiego i poczatki feodalizmu na zachodzie i w Bizancjum. Warszawa 1954.

Stein E, Geschichte des spatromischea Reiches. Bd. I. Vom romischen zum byzantini-schen Staate (284—476 n. Chr.). Wien 1928.

IV. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, КАВКАЗА, СРЕДНЕЙ И ЗАПАДНОЙ АЗИИ V В. ДО Н. Э. — V В. Н. Э.

К части I, главе III, разд. 2; к части II, главе XIII, разд. 1—6, к части IV, главе XXII и к части V, главе XXV

Литература и источники общего характера

Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. Под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта. М. 1956.

Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. 1—11. СПб. 1893—1906. (Полное собирание всех известий.) -— «Вестник древней истории». 1947. № 1—4; 1948 № 1—4; 1949. № 1—4; 1952. № 2.

Монгайт А Л. Археология в СССР. М. 1955.

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР.— «Труды Ин-та востоковедения АН СССР». М.—Л. 1941. Вып. XLI.

См также сочинения Геродота, Ксено-фонта, Плутарха (в разделе II, 2), Полибия, Страбона, Юстина (в разделе II, 3), Аммиана Марцеллина, Аппиана (в разделе III).

1. История Северного Причерноморья

К части I, главе III, разд. 2; к части II, главе XIII, разд. 1—3; к части IV, главе XX, разд. 9; к части V, главе XXV, разд. 9—10

Литература по истории и истории культуры

Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л. 1948

Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1953.

Блаватский В Д. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М. 1947.

Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1954.

Вопросы скифо-сарматской археологии. (По материалам конференции ИИМК АН СССР. 1952 г.) Сб. статей М.—Л. 1954.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л. 1949

Дьяков В, Н. Таврика в эпоху римской оккупации.— «Учёные записки Моск. гос. пед. ин-та». 1942. Т. 28. Вып. 1.

Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.—Л. 1953.

Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи Л. 1949

Книпович Т. Н. Танаис. М.—Л. 1949.

Колобова К. М. Политическое положение городов в Боспорском государстве — «Вестник древней истории». 1953. № 4.

Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб. 1887.

Латышев В. В. ПОNТIКА. СПб. 1909.

Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л. 1956.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л. 1925.

Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пг. 1918.

Стржелецкий С. Ф. Клер Херсонеса Таврического. — «Вестник древней истории». 1951 № 3.

Тюменев А. И. Херсонесские этюды — «Вестник древней истории». 1938. № 2; 1949. № 4; 1950. № 2 и № 4; 1955. № 3.

Фармакоеский Б. В. Ольвия. М. 1915.

Ebert M. Sudrussland im Altertuni. Bonn— Leipzig 1921.

Mmns E. Scythians and Greeks. Cambridge 1913.

Stern E. Die griechische Kolonisation ani Nordgestade des Schwarzen Meeres im Licbte archaologischer Forschungen. «Klio». Leipzig 1909. Bd IX.

Zgusta L. Die Personennamen griechi-scher Stadte der nordischen Schwarzmeerkuste. Praha 1955.

Источники

Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса 1884. См. также *Бертъе-Делагард А. Л.* Поправки общего каталога монет П. О. Бурачкова. М. 1907.

Граков В. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М. 1928.

Древности Босфора Киммерийского. Т. I—III. СПб. 1854.

Карасев А Н. Оборонительные сооружения Ольвии.— «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры». 1948. Вып. XXII.

Латышев В. В. Inscriptiones orae septen-trionalis Ponti Euxini graecae et latinae. T. I. II. IV. СПб. 1890—1916.

Шулъц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского. М. 1953.

2. История Закавказья

К части II, главе XIII, разд. 3—4; к ча-сти IV, главе XXII, разд. 6—8, к части V, главе XXV, разд. 5—8

Литература общего характера и источники

Помяловский И. В. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб. 1881.

Джавахишвили И. А. Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи.— «Вестник древней истории». 1939. № 4.

Джавахов (Джавахишвили) И. А. Государственный строй древней Грузии и древней Армении. Т. I. СПб. 1906.

Еремян С. Т. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов.— «Вестник древней истории». 1939. № 1.

Зограф А. Н. Распространение находок античных монет на Кавказе.— «Труды Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа». Л. 1945. Т. I.

Манандян Я. А. Круговой путь Помпея в Закавказье.— «Вестник древней истории». 1939. № 4.

Манандян Я. А. Маршруты понтийского похода Помпея и путь отступления Митри-дата в Колхиду (66—64 гг. до н. э.).— «Вестник древней истории». 1940. № 3—4.

Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краёв и областей Кавказа. Т. I—V. Баку 1928—1954.

Колхида и Иберия

Литература по истории и истории культуры

Амиранашвили А. И. Иберия и римская экспансия в Азии. (К истории древней Грузии.) — «Вестник древней истории». 1938. № 4.

Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. Т. I. М. 1950.

Бегиашвили Ф. История древнегрузин-ской литературы. Ч. 1. Тбилиси 1949.

Болтунова (Амиранашвили) А. И. Описание Иберии в «Географии» Страбона (XI, 3, 1—6).—«Вестник древней истории». 1947. № 4.

Болтунова А. И. Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии.— «Вестник древней истории». 1956 № 2.

Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Изд. 4. Т. I. Тбилиси 1951.

Меликишвили Г. А. Возникновение классового общества и первых государственных образований в Грузии.— «Вестник древней истории». 1955. № 3.

Меликишвили Г. А. О происхождении грузинского народа. Тбилиси 1952.

Источники

«Картлис Цховреба» («История Грузии»). Список царицы Анны. Под ред. С. Г. Каух-чишвили. Тбилиси 1942.

«Обращение Грузии» («Мокцевай Карт-лисай») (на русск. яз.). В кн.: *Такайшвили Е.* Источники грузинских летописей. Сб. материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис 1900. Вып. XXVIII.

Капанадэе Д. Г. Грузинская нумизматика. М. 1955.

Каухчишвили Т. С. Греческие надписи Грузии. Тбилиси 1951 (на груз. яз.).

Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. I—II. Тбилиси 1949— 1950.

Ломтатидзе Г. А. Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мцхета. Тбилиси 1955.

Церетели Г. В. Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии.— «Вестник древней истории». 1948. *№ 2.*

Албания

Литература по истории и истории культуры

Дьяконов И. М. К вопросу об общественном строе Мидийской державы VI в. до н. э. Труды Ин-та истории и философии АН АзССР. Баку 1955. Т. 6.

Казиев С. М. Родовой строй в древнем Азербайджане. В кн.: Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку 1949.

Мещанинов И. И. История Азербайджана по археологическим памятникам.— «Изв. АН АзССР». Баку 1944. № 7.

Минкович Н. В. Разложение родового общества в древнем Азербайджане. В кн.:
Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку 1949.

Очерки по древней истории Азербайджана. Под ред. А. Н. Гулиева. Баку 1956.

Тер-Григорьян Т. И К истории Азербайджана.— «Изв. АН АзССР». Баку 1945. № 1.

Источники

Джафарзаде И. М. Развитие археологических работ в Азербайджане.— «Изв. АН АзССР». Баку 1945 № 6.

Казиев С. М. Археологические памятники Мингечаура, как исторический источник для изучения истории Азербайджана.— «Изв. АН АзССР». Баку 1949. № 9.

Материальная культура Азербайджана. Т. I. Баку 1949.

Ямпольский З. И. Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-Даш (Азербайджанская ССР).— «Вестник древней истории».
1950. № 1.

Армения

Литература по истории и истории культуры

Абегян М. История древнеармянской литературы. Т. I. Ереван 1948.

Аракелян Б. Н. Значение раскопок в Гарни для изучения культуры древней Армении.— «Вестник древней истории». 1953. № 3.

Аракелян Б. Н. Мозаика из Гарни.— «Вестник древней истории». 1956. .№ 1.

Еремян С. Т. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху.— «Изв. АН АрмССР». Ереван 1948. № 1.

Еремян С. Т. Рабовладельческое общество древней Армении. М. 1953

Еремян С. Т. Развитие городов и городской жизни в древней Армении.— «Вестник древней истории». 1953. № 3.

История армянского народа. Ч. 1. Под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна Ереван 1951.

Кудрявцев О. В. Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона.— «Вестник древней истории». 1949. № 3.

Кудрявцев О В. Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона.— «Вестник древней истории». 1948. Я» 3.

Манандян Я. А. Армавирские греческие надписи в новом освещении. Ереван 1946.

Манандян Я. А. Краткий обзор истории древней Армении. М.—Л. 1943.

Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времён (V в. до н. э.— XV в. н. э.). Изд. 2. Ереван 1954.

Манандян Я. А. Проблема общественного строя доаршакидской Армении.— «Исторические записки». М. 1945 Т. XV.

Манандян Я. А. Тигран Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам. Ереван 1943.

Пиотровский Б. Б. К вопросу о происхождении армянского народа.— «Изв. АН АрмССР». Ереван 1945. № 5 (Обществ, науки) (на арм. яз.; резюме на русск. яз.)

Саркисян Г. Х. Градостроительство в Армении при Тигране II и вопрос о переселении чужестранцев.— «Изв. АН АрмССР». 1955. № 2.

Саркисян Г. Х. Из истории городской общины в Армении.— «Вестник древней истории». 1955. № 3.

Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э.— IV в. н. э.). М.—Л. 1953.

Халатъянц Г. Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского. М. 1903. «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков». Ч. 1—2. Вып. XIV.

Lehmann-Haupt C. F Armenien einst und jetzt. Bd. I—II (1—2). Berlin 1910—1931.

Источники

Езник. Опровержение ересей. Пер. Г. Эзова.— «Журнал Мин-ва нар. просвещения». СПб. 1858. № 4.

История Егише Вардапета. Пер. П. Шан-шиева. Тифлис 1853.

История епископа Себеоса. Пер. С. С. Малхасянц. Ереван 1939.

Моисей Хоренский. История Армении. Пер. Н. О. Эмина. М. 1893.

Фавст Бузанд. История Армении. Пер. М. А. Геворгяна. Ереван 1953.

Langlois V. Collection des historiens anciens et modernes de 1'Armeme. Vol. I—II. Paris 1867—1869.

Аракелян Б. Н. Археологические открытия в Армении.— «Вестник древней истории». 1951. № 1.

Аракелян Б. Н. Гарни. Результаты раскопок 1949—1950. Т. I. Ереван 1951.

Болтунова А. И. Греческие надписи Армавира (Предварительное сообщение).— «Изв. АН АрмССР». Ереван 1942. № 1—2.

Дьяконов И. М., Старкова К. Б. Надписи Артаксия, царя Армении.— «Вестник древней истории». 1955. № 2.

3. История Средней Азии

К части II, главе XIII, разд. 5;
к части IV, главе XXII, разд. 1—2;
к части V, главе XXV, разд. 1—3.

Литература общего характера

Баженов Л. В. Народы Средней Азии в древний период (VI—II вв. до н. э.).— «Исторический журнал». М. 1938. № 6.

Толстов С. Л. Основные вопросы древней истории Средней Азии.— «Вестник древней истории». 1938. № 1.

Литература по истории и истории культуры отдельных районов Средней Азии

Бартольд В. В. Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток.— «Изв. имп. Акад. Наук». Пг. 1916. Серия 6. Т. X.

Бернштам А. Н. Древняя Фергана. «Вестник древней .истории». 1949. № 1. *Бернштам А.* Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня.— «Советская археология». М. 1949. XI**.**

Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана.— «Вестник древней истории». 1947. № 2.

Бернштам А Н. К вопросу об усунь, кушанах и тохарах.— «Советская этнография». М. 1947. 3.

Васильев Л. С. Бань Чао в Западном крае (I в. н. э.). — «Вестник древней истории». 1955. № 1.

Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент 1927.

Гайдукевич В. Ф. К истории древнего земледелия в Средней Азии.—«Вестник древней истории». 1948. № 3.

Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. Изд. 3. Т. 1. М. 955.

Массон В. М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным.— «Вестник древней истории». 1955. №. 2.

Пугаченкова Г. А. Архитектура среднеазиатской античности.— «Вестник древней истории». 1951. № 4.

«Согдийский сборник». Л. 1934 АН СССР.

Тереножкин А. Вопросы историко-архео-логической периодизации древнего Самарканда.— «Вестник древней истории» 1947. № 4.

Толстов С. П. Древний Хорезм. М 1948.

Толстов С. П. Древняя культура Узбекистана. Ташкент 1943

Толстов С. П. По следам древнехорез-мийской цивилизации. М.—Л. 1948.

Тревер К. В. Памятники греко-бактрий-(кого искусства. М —Л. 1940.

Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э. История народов Узбекистана. Под ред. С. П. Толстова Т. 1. Ташкент 1950

Умняков И. Тохары и тохарский вопрос.— «Труды Узбек, гос. ун-та». Самарканд 1946. Новая серия. № 31. Серия ист.-филол наук. Вып. 1.

Якубовский А. Культура и искусство Средней Азии. Л 1940.

Ghirshman R. Begram. Recherches ar-cheologiques et historiques sur les Kouchans Le Cdire 1946.

Helfen O. M. The Jueh-chin Problem 're-examined.— «Journal of American Oriental Society». Baltimore 1945. Vol. LXV, Apr.— June.

Rowland B. 1. Gandhara and Late Antique Art.— «American Journal of Archaeology». .Cambridge. Mass. 1942. Vol 46. № 2.

Tarn W. The Greeks in Bakfcria and India. 2 ed. Cambridge (Eng.). 1951.

Источники

Баженов Л. В. Древние авторы о Средней Азии (VI в до н э.— III в. н. э.) Ташкент 1940.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I—III М.—Л. 1950— 1953.

Археологические и этнографические ра-боты Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг. Под ред. С. П. Толстова и Т. А. Жданко М. 1952.

Григорьев Г. Городище Тали-Барзу. — «Труды Отдела истории культуры и искусств Востока [Гос. Эрмитаж]». Л. 1940. Т. II.

Григорьев Г В Поселения древнего Сог-да — «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры». М.—Л. 1940. Вып. VI.

Зограф А. Н. Монеты Герая. Ташкент 1937.

Марущенко А. А. Хосров-Кала. Отчет о раскопках 1953 г.— «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР». Ашхабад 1956. II.

Марущенко А А. Старый Серахс (там же).

Массон М. Е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. (Из работ Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции 1951 г.). — «Вестник древней истории». 1953 № 1.

Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва.— «Вестник древней истории». 1951. № 4.

Массон М. Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция.— «Труды Узбек филиала АН СССР». Серия 1. Вып. 2. Ташкент 1940.

Материалы Археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина.— «Труды Ин-та истории и археологии АН УзбССР». Ташкент 1951. IV.

Потапов А. А. Рельефы древней Согдиа-ны как исторический источник.— «Вестник древней истории» 1938. № 2.

Труды Согдийско-таджикской (Таджикской) археологической экспедиции Ин-та истории материальной культуры АН СССР» Таджикского филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа Под ред. А. Ю. Якубовского Т. I—II М. — Л. 1950—1953.

Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции Под ред. М. Е. Массона. Т. I—V. Ашхабад 1949— 1955

Фрейман А. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане.— «Труды Ин-та востоковедения АН СССР». М.—Л. 1936. XVII.

Фрейман А. А. Два согдийских рукописных документа на коже с горы Муг в Таджикистане.— «Вестник древней истории». 1952. № 1

Фрейман А А. Древнейшая согдийская надпись.— «Вестник древней истории». 1939. № 3.

Фрейман А. А. Согдийский рукописный документ астрологического содержания (календарь) — «Вестник древней истории». 1938 № 2.

Фрейман А. А. Согдийский рукописный документ на коже 6В5 из собрания документов с горы Муг.— «Вестник древней истории». 1940. № 1.

Hackin J. et *Carl J* Recherches archeo-logiques au col de Khair Khaneh pres de Kabul. Paris 1936.

Tibetian Literary Texts and Documents concerning Chinese Turkestan Selected and transl. by F. W. Thomas Pt I—II London 1935—1951.

4. История Парфии и сасанидского Ирана

К части II, главе XIII, разд. 6;
к *части IV, главе XXII, разд. 3—5;*
к части V, главе XXV, разд 2

Парфия

Литература по истории
и истории культуры

Винберг Н. А. Указатель литературы по истории и археологии Парфии В кн.: Материалы Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Вып. 1. Ашхабад 1949, окончание см «Труды ЮТАКЭ» Т. V 1955

Винников И. Н. О языке письменных памятников из Нисы (Южный Туркменистан). — «Вестник древней истории» 1954 № 2.

Дьяконов И. М., Дьяконов М. М. Лившиц В. А. Парфянский архив из древней:

Нисы — «Вестник древней истории» 1953 *№* 4.

Массон М. Е. Некоторые новые данные по истории Парфии — «Вестник древней истории». 1950. № 3.

Периханян А. Г. К вопросу о землевладении и рабовладении в Иране парфянского времени — «Вестник древней истории» 1952. *№* 4.

Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости Южного Туркменистана (Из истории архитектуры).—«Вестник древней истории» 1952. № 2.

Andrae W Hatra Bd I—II. Leipzig 1908—1912.

Debevoise N. G, A Political History of Parthia. Chicago 1938.

IngholtH Parthidn Sculptures from Hatra. Orient and Hellas in Art and Religion «Memoirs of the Connecticut Academy of Arts and Sciences» New Haven 1954 Vol XII July

Rostovzeff M. I. Dura and the Problem of the Parthian Art. «Yale Classical Studies» New Haven 1935 Vol V.

Wolski J. L'effondrement de la domination des Seleucides en Iran au III siecle av J.-C. — «Bulletin international de 1'Aca-demie Polonaise» Classe de philologie, d'hi-stoire et de philosophic. *№* suppi 5 Cracovie 1947.

См. также общие работы по истории и культуре Ирана (в разделе 11,1).

Источники

Дьяконов М. М. Надписи на парфянских печатях из древней Нисы. — «Вестник древней истории» 1954 № 4

Пугаченкова Г. А. Храм и некрополь в Парфянской Нисе — «Вестник древней истории». 1953 № 3.

Hennmg W. B A new Parthian Inscription — «Journal of the Royal Asiatic Society». London 1953 № 3—4

Hennmg W. B. The Monuments and Inscriptions of Tang i Sarvak — «Asia Major». London 1952 Vol II. Pt 2

Isidorus Characenus. Mansiones Parthicae. В кн Geographi graeci minores. Ed C Mul-lerus Vol I. Parisiis 1855

Minns E H Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan — «Journal of Hellenic Studies» London 1915 Vol XXXV

Nyberg H S The Pahlavi Document from Avroman — «Le monde oriental» Uppsala 1923 Vol XVII

Rostovtzeff M I. and *Welles C B* Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates — «Yale Classical Studies». New Haven 1931. Vol II

Supplementum Epigraphicum Graecum. Vol VII. Lugduni 1934

Wroth W. Catalogue of the Coins of Parthia. London 1903.

См также «Труды ЮТАКЭ» Т. V (в разделе IV, 3).

Сасанидский Иран в III—IV вв.

Литература по истории
и истории культуры

Заходер Б. Н. Иран при Сасанидах.— «Исторический журнал» 1938 № 12.

Орбели И. А. Сасанидское искусство — «Восток». М.—Л. [1924] Кн. IV.

Орбели И А , Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л 1935

Пигулевская Н . В. Византия и Иран на рубеже VI—VII веков. М.—Л. 1946.

Пигулевская Н. В. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием. — «Вестник Ле-нингр. гос. ун-та». 1948. № 4

Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб. 1909.

Andreas F. und *Hennmg W,* Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan. (Sit-zungsberichte d. Preuss. Akademie der Wissen-schaften Berlin 1932, 1933, 1934.)

Christensen A. L'lran sous les Sasanides. 2 ed Copenhague 1944.

Marquart J EranSahr .. Berlin 1901.

Sp renghng M. Third Century Iran, Sapor and Kartir Chicago 1953

См также общие работы по истории и культуре Ирана (в разделе II, 1).

Источники

Девксипп Афинский, Эвнапий Сардский, Феофан... В кн.: Византийские историки. Пер. С. Дестуниса. Вып. 5. СПб. 1860.

Пигулевская Н. В. Анонимная сирийская хроника времени Сасанидов. Записки Ин-та востоковедения АН СССР. Л. 1939. Т. VII.

Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита.— «Труды Ин-та востоковедения». М.—Л. 1940. Т. 31.

Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, вандалами и готами. Пер. С. Дестуниса. Т. 1. Кн. 1, 2. СПб. 1876—1880.

Agathias Historiarum libri quinque. Rec. B. Niebuhrius. Bonnae 1828.

Chronique syriaque de Denys de Tell-Mahre. Publ. et tr. par J. B. Chabot. Pt. 1—2. Paris 1895.

Karnamak i ArtaSer i Papakan. (Jbers. von Th. Noldeke. Gottingen 1878. «Beitrage zur Kunde derindogermanischen-Sprachen». Bd. IV.

Minovi M. Tansar's Epistle to GoSnasp. Teheran 1932.

Noldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabi-schen Chronik des Tabari libers, und mit ausfuhrlichen Eriaut. und Erganz. versehen. Leiden 1879.

Payne-Smith R. The Third Part of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus. Oxford 1860.

Theophylacti Symocattae Historiarum libri octo. Rec. I. Bekkerus. Bonnae 1834.

Thomas, bishop of Marga. The Book of Governors. Ed. E. A. Wallis-B.udge. Vol. I. London 1893.

Unvala J. M. The Pahlavi Text «King Husrav and his Boy». Paris 1921.

Zosimus. Historia nova. Ed. L. Mendel-sohn. Lipsiae 1887.

Bulsara S. J. Laws of the Ancient Persians. Bombay 1937.

Ghirshman R. Inscription du monument de Chapour I a Chapour.— «Revue des arts asiatiques». Paris 1936. Vol. X.

Herzfeld E. Kushano-Sasanian Coins. Calcutta 1930. «Memoirs of the Archaeological Survey of India». № 38.

Herzfeld E. Paikuli. Berlin 1924. Vol. I—II.

Markwart J. *A.* Catalogue of the Provincial Capitals of Eransahr. Roma 1931. В кн.:
«Analecta Orientalia». Fasc. 3.

Paruck F. Sasanian Coins. Bombay 1924.

См. также сочинения Егише, Езника, Моисея Хоренского, Себеоса, Фавста Бузанда (в разделе IV, 2)

V. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИИ

К части III, главам XIV—XIX

1. История Китая V в. до н. э.— III в. н. э.

К части III, главам XIV—XVI

Литература по истории

Васильев Л. С. Бань Чао в Западном крае.— «Вестник древней истории». 1955. № 1.

Георгиевский С. М. Первый период китайской истории (до императора Цинь-ши Хуан-ди). СПб. [1885].

Думан Л. И. Реформы Ван Мана.— «Вестник древней истории». 1940. № 1.

Конрад Н. И. «Средние века» в исторической науке. В кн.: «Из истории общественно-политических идей». М. 1955.

Кюнер Н. В. Лекции по истории главнейших основ китайской материальной и духов-ной культуры. Владивосток 1901.

Рубин В. А. Дискуссия о периодизации древней истории Китая в журнале «Вэнь-шичжэ». — «Вестник древней истории». 1955. № 4.

Симоновская Л. В. Вопросы периодизации древней истории Китая.— «Вестник древней истории». 1950. № 1.

Симоновская Л. В. Возникновение и развитие государства в древнем Китае (III тысячелетие— III в. до н. а.). —«Исторический журнал». М. 1940. № 7.

Симоновская Л. В., Эренбург Т. В., Юрьев М. Ф. Очерки истории Китая. М. 1956.

Степугина Т. В. О способах порабощения в древнем Китае во времена империй Цинь и Старшей Хань. В кн.: Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М. 1952.

Го Мо-жо. Десять критических статей. Пекин 1954 (на кит. яз.).

Го *Мо-жо.* Эпоха рабовладения. Шанхай 1952 (на кит. яз.).

Го Мо-жо. Изучение древнего общества Китая. Изд. 4. Шанхай 1951 (на кит. яз).

Люй Чжэнь-юй. Краткая история Китая. Пекин 1955 (на кит. яз.).

Фань Вэнь-лань. Общая история Китая. Т. I. Пекин 1953 (на кит. яз.).

Хоу Вай-лу. История древнекитайского общества. Шанхай 1950 (на кит. яз.).

Цзянь Бо-цзань. Очерк истории Китая. Т. 1—11. Чунцин 1946 (на кит. яз.).

Шан Юэ. Общий курс истории Китая. Пекин 1954 (на кит. яз.).

Ян Куанъ. История периода Чжаньго. Шанхай 1955 (на кит. яз.).

Дебс Гомер Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное

время. Пер. с англ.— «Вестник древней истории». 1946. № 2.

Balazs E. La crise sociale et la philosophie
Solitique a la fin de Han. «T'oung Pao». Lei-en 1949. Vol. 39. Livre 1—3.

Bielenstein H. The Restoration of the Han Dynasty with prolegomena of the Historiography of the «Hou Han Shu». Goteborg 1953.

Bielenstein H. The Census of China during the Period 2—742 A. D. «Bull. Mus. of Far Eastern Antiquities». XIX (1947).

Bodde D. China's First Unifier. A Study of the Ch'in Dynasty as seen in the Life of **Zi** Ssu (280?—208 B. C.). Leiden 1938.

Chang Chun-Ming. The Genesis and Meaning of Huan K'uan's «Discourses on Salt and Iron». «The Chinese Social and poЦ-tical Science Review». Peiping [Pekin(g)] (1934). XVIII. № 1.

Chi CVao-ting. Key Economic Areas in Chinese History, as revealed in the Development of Public Works for Watercontrol. London 1936.

Cordier H. Histoire generale de la Chine et de ses relations avec des pays etrangers depuis les temps les plus anciens, jusqu'a la chute de la dynastie Mandchoue. Vol. I—IV. Paris 1920—1922.

Dubs H. H. Wang Mang and his Economic Reform. «T'oung Pao». Leiden 1940. Vol. **XXXV.**

Eberhard W. Zur Landwirtschaft der Han-Zeit. Berlin 1932 (Mitteilungen d. Seminars f. Oriental. Sprachen an d. Univ. zu Berlin. «Ostasiat. Studien». XXXV).

Eberhard W. A History of Chine. Berkeley 1950.

Franke 0. Geschichte des chinesischen Reiches. Eine Darstellung seiner Entstehung, seines Wesens und seiner Entwicklung bis zur neuesten Zeit. Bd. I—III. Berlin 1930—1937.

Gardner C. S. Chinese Traditional Historiography. Cambridge 1938.

Granet M. La civilisation chinoise. La vie publique et la vie privee. Paris 1948.

Haenisch E. Der Aufstand von Ch'en She im Jahre 209 v. Chr. (Shiki 48). «Asia Maior». New Series. London (1951). Vol. II. Pt. I.

Haloun G. The Liang Chou Rebellion 184—221 A. D. «Asia Maior». London 1949. New Series. Vol. I. P. 1

Hermann A. Historical and Commercial Atlas of China. Cambridge 1935.

LaturetteK. The Chinese, their History and Culture. New York. 2 vols. 1945.

Lee Mabel Ping-hua. The Economic History of China, with Special Reference to Agriculture. New York 1921.

Maspero H. La Chine antique. Paris 1927.

Maspero H. Contribution a 1'etude de la Societe chinoise a la fin des Chang et au debut de Tcheou. Bull. de 1'Ecole franQaise d'Extreme Orient. Paris (1954). T. 46.

Maspero H. et *Escarra J.* Les institutions de la Chine. Essai historique. Paris 1952.

Tchepe. Histoire du royaume de Ou (1122—443 av. J. C.). «Varietes sinologiques». Changhai 1896. № 10.

Tchepe. Histoire du royaume de Tch'ou (1122—223 av. J. C.). Ibid. № 22. 1903.

Tchepe. Histoire du royaume de Ts'in (777—207av. J. C;). Ibid. № 27. 1909.

Tchepe. Histoire de trois royaumes de Han Wei et Tchao. Ibid. № 31. юю

Teggart F. Rome and China. A Study of Correlations in Historical Events. Berkeley 1939.

Wang Yu-Ch'uan. Early Chinese Coinage. New York 1951.

Wilbur M. Slavery in China during the Former Han Dynasty. 206 B. C.— A. D. 25. Chicago 1943.

Литература по истории культуры и религии

Васильев В. П. Очерк истории китайской литературы. СПб. 1880.

Васильев В. П. Религии Востока. Конфуцианство, буддизм, даосизм. СПб. 1873.

Васильев В. П. Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные за-служ. профессором С.-Петербургского имп. университета В. П. Васильевым. СПб 1888.

Глухарева О. Н. и *Денике Б. П.* Краткая история искусства Китая. М.—Л. 1948.

Петров А. А. Ван Чун. Древнекитайский материалист и просветитель. М. 1954.

Петров А. А. Из истории материалистических идей в древнем Китае (Ван Чун, I в. н. э.). — «Вестник древней истории». 1939 №3.

Петров А. А. Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая.— «Советское востоковедение». 1940. № 1.

Ян Хин-шун. О борьбе материализма с идеализмом в древнем Китае. — «Вопросы философии». 1953. № 2.

Eberhard W. Localkulturenim Alten China. «T'oung Pao». Leiden 1942 Vol. XXXVII Suppl.

Feng Yu-lan. A History of Chinese Philosophy. Transi by D. Bodde. Princeton 1953. Vol. I—II.

Fischer 0. Cbinesische Plastik. Munchen 1948.

Fitzgerald G. P. China, a short cultural history. London 1950.

Giles H. A A History of Chinese Literature. New York and London 1924.

Giles H. A Religion of ancient China. London 1905.

Granet M. Danses et legendes de la Chine Ancienne. Paris 1926 2 vols

The Great Heritage of Chinese Art. Под ред. Чжэн Чжэнь-до. Vol. I—П. Шанхай 1951 -1952.

Margoulies G. Histoire de la litterature Chinoise (Prose). Paris 1949.

Margoulies G. Histoire de la litterature Chinoise (Poesie). Paris 1951.

Munsterberg O. Chinesische Kunstgeschi-chte. 1912. Vol. I—II.

Needham J. Science and Civilisation in China. Vol. I. Cambridge 1954.

Rudolph R. C. Han Tomb Art of West China. A Collection of First-and Second Century Reliefs. Berkeley and Los Angelos 1951.

Siren 0. A History of Early Chinese Art. Vol. I—IV. London 1929—1930.

Источники

Ван Юй-цюань. Археологические памятники княжества Чу.— «Народный Китай». Пекин 1954. № 2.

Иванов А. Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы. СПб. 1912.

Конрад Н. И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.—Л. 1950.

Попов П. С. Китайский философ Мэн-цзы. Пер. с кит. С Примеч. СПб. 1904.

Сыма Цянь. Избранное. Пер. с кит. В. Панасюка. М. 1956.

Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.—Л. 1950.

Бань Гу. Цянь Хань шу. (История Старшей династии Хань). В кн.: Двадцать пять династических историй. Т. I. Шанхай 1935 (на кит. яз.).

Сыма Цянь. Ши цзи. (Исторические записки). Там же.

Фань Е. Хоу Хань шу. (История Младшей династии Хань). Там же.

Вэнъ Ю. Памятники изобразительного искусства Ханьской эпохи в провинции Сы-чуань. Шанхай 1955 (на кит. яз.).

Bodde D. Statesman, Patriot and General in Ancient China. Three Shin Chi Biographies of the Ch'in Dynasty (255—206 B. C.). Tr. and discussed by Derk Bodde. New Haven, Connecticut 1940.

Chavannes E. Les Memoires Historiques de Se-ma Ts'ien. Vol. I—V. Paris 1895— 1905,

Chavannes E. Trois generaux Chinois de la Dynastie des Han Orientaux — Pan Tch'ao (32—102); son fils Pan Jong; Leang K'in. Ch. 77 du Heou Han chou. «T'oung Pao». Leiden
1906. Serie II. Vol. VII.

Chavannes E. Les pays d'occident d'ap-Tes le Heou Han Chou. «T'oung Pao». Leiden
1907. Serie II. Vol. VIII.

Chavannes E. Mission arcbeologique dans la Chine septentrionale.— «Bulletin de 1'Ecole Francaise de I'Extreme Orient». Hanoi. Paris 1909—1915. T. XIII. Fasc. 1—2.

Dubs H. H. The Work of Hsuntze. London 1928.

Duwendak J. J. L. Shang Chun shu: The Book of Lord Shang. A Classic of the Chinese School of Law. London 1928.

ForkeA, Lun Heng. Pt. I—II.B кн.: Mittei-ungen des Seminars fur orientalische Sprachen. Berlin 1906—8, 1911. Pt. I. Philosophical Rssays 6f Wang Ch'ung. Pfc. II: Miscellaneous Essays of Wang Gh'ung.

Gale E. M. Discourses on Salt and Iron (Yen T'ieh Lun). A Debate on Salt Control of Commerce and Industry in Ancient China (by) Huan K'uang. Ch. I—XIX.— «Sinica — Lei-densia». Leiden 1931. Vol. II. Ch. XX— XXVIII.— «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society». 1934. Vol. LXV.

Hulsewe A. F. P. Remnants of Han Law. Vol. I. Introd. Studies and annot. transl. of ch. 22 and 23 of the History of the Former Han Dynasty. Leiden 1955.

Jabtoriski W. Czuang-tzu. Warszawa 1953.

Legge J. The Sacred Book of China. The Texts of Taoism. T. I—II. Oxford 1891. The Sacred Book of the East. Vol. XXXIX, XL. Многочисленные переиздания; последнее — 1936.

Legge J. The Chinese Classics, with a Translation, Critical and Exegetical Notes Prolegomena and Copious Indexes. Vol. 1—5'. Hongkong 1861—1872; 2nd rev Ed. Oxford — London 1893—1895.

Liao Wen Kuei. Han Fei Tzu (died 233 B. C.). Complete Works Vol. I. London 1939.

Mailla J. A. M., Moyriac de. Histoire generale de la Chine ou annales de cet empire. Trad. du Tong-Kien-Kang-Mou. Vol. 1—13. Paris 1773—1785.

Pan Ku. The History of the Former Han Dynasty. Ch'ien Han Shu. First division. The Imperial Annals, ch. 1-X. A Critical Translation with Annotations by Homer H. Dubs Vol. I—II. Baltimore 1938—1944.

Segalen V. Mission archeologique en Chine (1914 et 1917). Atlas. T. 1—2. Paris 1923—1924. Vol. I; L'art funeraire a 1'epoque des Han. Paris 1935.

Stange H. H. Die Monographic tiber Wang Mang (Ts'ien-Han-shu. Kap. 99), kritisch bearb., iibers. und erkl. Leipzig 1939. «Abhand-lungen fur die Kunde des Morgenlandes». Vol. XXIII Pt. 3.

Sun Tzu Wu. The Art of War. The Oldest Military Treatise in the World. Transl. from the Chinese by L. Giles. Harrisburg, Penn. 1944.

Swann N. L. Food and Money in Ancient China. The Earliest Economic History of China to A. D. 25. Han Shu 24. With related texts Han Shu 91 and Shin-chi 129. Prince-ton 1950.

Wylie A. Notes on the Western Region. Transl. from the «Tseen Han Shoo», Book 94.— «Journal of the Royal Antropological Institute». 1880—1881. Vol. Ill, V.

Wieger L. Textes historiques. Histoire politique de la Chine depuis 1'origine jusqu'en 1912. 3 ed. Vol. I. Paris 1929.

Hsia Nai. New Archaeological Discoveries.— «China Reconstructs». Shanghai 1952. № 4.

См. также: Хрестоматия по истории древнего мира под ред. В. В. Струве. Т. 1 (в разделе I); *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... (в разделе IV, 3).

2. История Индии в VI в. до н. э.— IV в. н. э.

К части III, главам XVII и XVIII

Литература по истории

Античные писатели о древней Индии. (Предисловие).— «Вестник древней истории». 1940 № 2

Ильин Г. Ф. Особенности рабства в древней Индии.— «Вестник древней истории». 1951. № 1.

Ильин Г. Ф. Шудры и рабы в древнеиндийских сборниках законов.— «Вестник древней истории». 1950 № 2

Осипов А. М. Краткий очерк истории Индии до X в. М. 1948

Неру Джавахарлал. Открытие Индии. Пер. с англ М. 1955.

Синха Н. К. и *Банерджи А. Ч.* История Индии. Пер. с англ. под ред. К. А Антоновой. М 1954

Age of the Nandas and Mauryas. Ed. Sastri K. A. Bonares 1952

Bofe A Social and Rural Economy of Northern India cir 600 B C.—200 A D. Vol. 1—2. Calcutta 1942—1945

The Cambridge History of India. Vol. I. Rapson E Ancient India Cambridge 1922

Foucher A La vieille route de 1'Inde de Bactra a Taxila Vol. I—II Paris 1942—1947.

Ghosh N. Early History of India. 2 ed. Allahabad 1948.

The History and Culture ot Indian People. Gen. ed R C. Majumdar Vol II—IV London 1952—1954

Moo>:erfi R. K. The Gupta empire. 2 ed. Bombay lt)52.

Raychaudhury H. Political History of Ancient India From Accession ol Parikshit to the Extinction of the Gupta Dinasly 6 ed. Calcutta 1953.

Renou L et *Fillozat S* L'lnde ctassique. T. I—II. Paris 1947—1953

Saletore R. N Life in the Gupta Age. Bombay 1943

Sastri, K A. History of India Pi. 1. Ancient India. Madras 1950.

Smith V A The Early History ol India. From 600 BC to the Muhammedan Conquest including the Invasion of Alexander the Great. Oxford 1925.

Литература по истории культуры и религии

Минаев И. П. Буддизм Исследования и материалы Т I. Вып. 1 СПб 1897

Минаев И. П. Очерк важнейших памятников санскритской литературы В кн.: Всеобщая история литературы. Под ред В. Ф. Корша. Т I Ч. 1 СПб. 1880.

Чаттерджи С. и *Датта Д.* Введение в индийскую философию. Пер с англ. М 1955.

Щербатской Ф. И. Научные достижения древней Индии Пг. 1924

Basham A. L. The Wonder that was India London 1954

Chakravarti K Ch Anrieni Indian Culture and Civilization Bombay 1952

Dowson J A A Classicaf Dirlionnary of Hindu Mythology and Religion Geography, History and Literature. London 1891

Rowland B The Art and Architecture of India Buddhist, Hindu, Jain 2 ed London 1953

Sukthankar V. S Memorial edition VoL I—II Poona 1955—1956

Wmternttz M GCS(hichte der mdischer Litteratur Bd. II—III. Leipzig 1908—1922.

Источники

Арриан. Индия.— «Вестник дровней истории» 1940 № 2.

Асвагоша Жизнь Будды Пер. К. Бальмонта М 1913

Законы Ману Пер. С. Д. Эльмановича. СПб. 1913.

Калидаса. Драмы. Пер. К. Бальмонта. М 1916

Панчатантра. Избранные рассказы Пер. Р. О. Шор М. 1930

Псевдо-Арриан Плавание вокруг Эритрей-ского моря — «Вестник древней истории». 1940. *№2*

Arthacastra of Kaufilya. 1—ITI. 1922— 1924. (Trivandrum Sanscrit series. LXXIX.)

Jataka, or Stories of the Buddha's Former Births Vol I-VI Cambridge 1895—1907.

Marshall J Taxila An Illustrated Account ol Archaeological Excavations 1913—1934. VoL 1—3. Cambridge 1951

Muir J Original Sanscrit Texts on the Origin and History of the People of India VoL I—V London 1858—1870.

Ptoiemaeus Geographia Ed C Muller C. T Fisrher Vol 1—2 Parisiis 1883—19U1.

Yajnanavalkyas Gesetzbuch Hrsg von A. Stenzler Berlin 1850

Select Inscriptionb bearing on Indian History and Civilization Ed D C. Sikrar. Vol I From the VI century B C to VI century A D Calcutta 1942

См также сочинения Геродота, Диодора, Ксенофонта (в разделе II, 2), Страбона, Юстина (в разделе II, 3), Пливия Старшего (в разделе III).

3. История Кореи, Японии, Индо-Китая, Индонезии в Цейлона

К части III, главе XIX

Корея и Япония

Литература по истории

Воробьёв М В. Каменный век стран Японского моря. Л. 1953.

Жуков Е. М. История Японии. М. 1939.
Зайчиков В. Т. Корея. М. 1951.
Конрад Н. И. Лекции по истории Японии. Ч. 1. Древняя история. М. 1937.
Нихамин В. П., Тягай Г. Д., Шабшина Ф. И. Исторический очерк Кореи с древних времён. В кн.: Корейская Народно-Демократи-ческая Республика. Сб. статей. М. 1954. (Ин-т востоковедения АН СССР).
Akiyama К. The History of Nippon. Tokyo 1941.
Нага К. An Introduction to the History of Japan. New York — London 1920.
Isobe Y. The Story of Ancient Japan or Tales from the Kojiki. Tokyo 1929.
Munro N. G. Prehistoria Japan. Yokohama 1908.

Индо-Китай, Индонезия и Цейлон

Литература по истории и истории культуры

Briggs L. The Ancient Khmer Empire. Philadelphia 1951.
Codrmgton H W. A Short History of Ceylon London 1939.
Дао Зюи Ань. Древняя история Вьетнама. Ханой 1955 (на вьетнамском яз.).
Минь Чань. Краткий очерк истории Вьетнама. Ханой 1954. Ч. 1 (на вьетнамском яз).
De Graff H. Geschiedenis van Indonesie. Bandung 1949.
f)o Qinh Nghidm. Coup d'oeil sur 1'histoire d'Annam. Hanoi 1926.
Evans I. Papers on the Ethnology and Archaeology of the Malay Peninsula. Cambridge 1928.
Harvey G. E. History of Burma. London, New York 1925.
Loeb E. Sumatra, its History and People. Wienna 1935.
Maspero G. Le royaume de Champa. Paris et Bruxelles 1928.
Pelliot P. Le Fou-nan.— «Bulletin de 1'Ecole Francaise d'Extreme-Orient».Parisl903. Vol. III.
Phayre A. History of Burma. London 1884.
Tricffng Vinh Ky. Cours d'histoire anna-mite. T. I—II. Saigon 1877—1879.
Wood W A History of Siam from the Earliest Times. 2 ed. Bangkok 1933.

Источники

Goloubew V. L'age du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam.— «Bulletin de 1'Ecole Francaise d'Extreme-Orient». Hanoi 1929. T XXIX.
Kham ainh Viet sir th6ng giam clfong muc ou Texte et commentaire du miroir complet de 1'histoire du Viet. Traduit M. Durand. Hanoi 1950.
Majumdar R. C. Ancient Indian Colonies in the Far East. Vol. I. Champa. Lahore 1927. (The Punjab Oriental (Sanskrit) Series. № 16.)
Malleret L. Recentes decouvertes concer-nant 1'archeoldgie du Fou-Nan. Paris 1949;
Patte E. L'lndochine prehistorique. «Revue anthropologique». 1936. № 10—12.
Семёнов С. А. Ранние археологические памятники Вьетнама.— «Вестник древней истории». 1950. № 4.

VI. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПЛЕМЁН ЕВРОПЫ И АЗИИ

К части 1, главе VI; к части II, главе XIII, разд. 6; к части IV, главе XXIII; к части V, главе XXVI

Литература общего характера

Арциховский А. В. Основы археологии. Изд. 2. М. 1955.
Брюсов А. Я. Очерки по истории племён европейской части СССР в неолитическую эпоху. М. 1952.
Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.—Л. 1930.
Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель. Пер. Ф. К. Волкова. СПб. 1898.

Источники

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена Т. I—III. М.—Л. 1950— 1953.
Кропоткин В. В. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР.— «Вестник древней истории». 1954. № 3.
Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т 1—11. СПб. 1893—1906.— «Вестник древней истории». 1947. № 1—4; 1948. № 1—4; 1949 № 1—4; 1952. № 2.
См. также сочинения Геродота, Ксено-фонта, Фукидида (в разделе II, 2); Полибия, Страбона (в разделе II, 3); Аппиана, Плиния Старшего, Тацита (в разделе III), Птолемея (в разделе V, 2).

К главе VI, разд. 1; к главе XXIII, разд. 1; к главе XXVI, разд. 3

Иберы, кельты, германцы

Литература по истории и источники

Древние германцы. Сборник документов. Под ред. и со вступит, статьёй А. Д. Удаль-цова. М. 1937.

Прокопий Кесарийский. Война с готами. Пер. С. П. Кондратьева. М. 1950.

Петерс Д. Проблема этногенеза населения Иберии (древней Испании).— «Вестник древней истории». 1940. № 2 и 3—4.

Кацаров Г. Келтите в стара Тракия и Македония. «Списание на Българската академия на науките». София 1919. Кн. 18. (Клон историко-филологически).

Dechelette J Manuel d'archeologie prehi-storique celtique et gallo-romaine. T. II. Pt 1—3. Paris 1910—1914.

Fihp J. Koltove ve strednf Europe. Praha 1956.

Germanische Altertumskunde. Hrsg. von H. Schneider. Munchen 1951.

Grenier A. Les Gaulois. Paris 1945.

Jullien C Histoire de la Gaule. Vol. I—III Paris 1907—1909.

Klose J. Roms Klientel Randstaaten am Rhein und an der Donau. Breslau 1934

Sckmidt L. Geschichte der Germanischen Fruhzeit. Bonn 1925.

К главе VI, разд. 4; к главе XXIII, разд. 2; к главе XXVI, разд. 3

Славяне

Литература по истории и источники

Гильфердинг А Древнейший период истории славян М. 1868.

Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяноскифских и славяносарматских отношениях.— «Советская археология». М. 1954. XIX

Ременникав А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в н. э. М. 1954.

Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М. 1948.

Спицын А. А. Поля погребальных урн — «Советская археология», Л. 1948 X.

Третьяков П Н. Восточнославянские племена. М. 1953.

Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев 1913.

Неедлы 3. История чешского народа. Т I. М. 1952.

Шафарик П. И. Славянские древности. Пер. И. Бодянского. Изд 2. Т. 1—11. М. 1847.

Niederle L. Rukovet slovanskych starozit-nosti. Praha 1953.

Niederle L. Slovanske starozitnosti. Dil. II. Zivot starych slovanu. Praha 1916.

К главе VI, разд. 1; к главе XXII, разд. 3

Фракийцы в иллирийцы

Литература по истории и источники

Извори за старата история и география на Тракия и Македония. Сборник Избраха и преведеха Г. И. Кацаров, Д. Дечев и др. Изд 2 София 1949

Блаватская Т В. Западнопонтийские города в VII—1 вв. до н. э М 1952.

Златковская Т. Д. Племенной союз гетов под руководством Биребисты.— «Вестник древней истории». 1955. № 2.

Георгиев В. За произхода на древното население на североизточната част на Балкан-ския полуостров.— «Сборник Гаврил Кацаров. П.». София 1955 (Известия на Археологический институт, т. XIX).

Димитров Д. П. Един нов паметник за античного робство в римска Тракия. София 1950.

Daicoviciu C. Le probleme de 1'Etat et de la culture des Daces a la lumiere des nouvel-les recherches. «Nouvelles Etudes d'Histoire, presentees au X-e Congres des Sciences Histo'-riques». Bucarest 1955.

Данов Хр. М. Западният бряг на Черно море в древностата София 1947.

Данов Хр, М. Към историята на Тракия я западного Черноморье от второй половины III до средины I в п. н. е. В кн • Годишник на Софийский университет. И ст.-фил ол фак-т. Т. XLVII. Кн. 2 София 1952

История на България. Т. I. София 1954.

Историја народа lyrocnaaie. Београд 1953. Гл. I—II.

Kazarow G. Beitrage zur Kulturgeschichte der Thraker. Sarajewo 1916.

Кацаров Г. България в древностата. Историко-археологический очерк София 1926.

Миков В Античната гробница близ Казанлыка. София 1954.

Михайлов Г. Към историята на Тракия през IV—III в. пр. н. е. — В кн ; Сборник Гаврил Кацаров. Ч. 2. София 1955.

К главе VI, разд. 4;
к главе XXIII, разд. 4

Летто-литовские и финно-угорские племена

Брюсов А. Я. История древней Карелии. М. 1940. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. IX.)

Моора Э. А. Возникновение классового общества в Прибалтике.— «Советская археология». М. 1953. XVII.

Моора Э. А. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных.— «Советская археология». М. 1954. XXI.

Гарматта Я. Мифические северные пле-мена у Гелланика. «Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae». Budapest 1951. T. I. Fdsc. 1—2 (на рус. яз.).

К главе VI, разд. 2 и 3;
к главе XXIII, разд. 5;
к главе XXVI, разд. 2

Скифские, сарматские и аланские племена

Литература по истории и источники

Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— «Вестник древней истории». 1939. № 3.

Анфимов Н. В. Древние поселения При-Кубанья. Краснодар 1953.

Анфимов Н. В. Земледелие у меото-сар-матских племён Прикубанья.— «Материалы и исследования по археологии СССР». М. 1951. № 23.

Артамонов М. И. Этнический состав населения Скифии. В кн.: Доклады VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР. Киев 1953.

Блаватский В. Д. О стратегии и тактике скифов.— «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры». 1950. Вып. XXXIV.

Граков Б. Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов).— «Вестник древней истории». 1947. № 3.

Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре.— «Материалы и исследования по археологии СССР». М. 1954. Вып. 36.

Граков Б. Н. Скифский Геракл.— «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры». 1950. Вып. XXXIV.

Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота. — «Советская археология». М. 1953. XVIII.

Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем.— «Советская археология». 1946. Т. VIII.

Ильинская В. Л. К вопросу о развитии общественных отношений в Скифии.—«Краткие сообщения Ин-та археологии АН УССР». Киев 1953. Вып. 2.

Кругликова И. Т. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в восточном Крыму.— «Советская археология». М. 1955. XXIV.

Крупнов Е. И. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе.— «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры». 1949. Вып. XXIV.

Мелюкова А. И. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы.— «Советская археология». М. 1955. XXII.

Покровская Е. Ф. Мелитопольский скифский курган.— «Вестник древней истории». 1955. № 2.

Смирнов К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племён и их культуры.— «Советская археология». 1953. XVII.

Струве В. В. Дарий I и скифы Причерно-морья.— «Вестник древней истории». 1949. № 4.

Тереножкин А. И. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племён Северного Причерноморья в скифское время. — «Советская археология». М. 1955. XXIV.

Fettich N. Archaologische Beitrage zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehun-gen. «Acta archaeologica». Budapest 1953. T. III. Fasc. 1—4.

Мочи А. К вопросу о периодизации ран-несарматской эпохи. «Acta archaeologica». Budapest 1954. T. IV. Fasc. 1—4.

Harmatta I. Studies in the History of the Sarnaatians. Budapest 1950

Parducz M. Denkmaler der Sarmatenzeit Ungarns. Bd. l—III. Budapest 1941—1950.

К главе VI, разд. 5;
к главе XIII, разд. 6; к главе XXIII,
разд. 6, к главе XXVI, разд. 1

Саки, массагеты, гунны

Литература по истории и источники

Бернштам А. Я. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе 1941.

Бернштам А. Я. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение.— «Изв. АН СССР». Отд-ние обществ. наук. 1937. № 4.

Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата 1941.

Воеводский М. В. и *Грязнов М. П.* У-суньские могильники на территории Киргизской ССР.— «Вестник древней истории». 1938. № 3.

Давыдова А. В. и *Шилов В. П.* К вопросу о земледелии у гуннов.— «Вестник древней истории». 1953. № 2.

Залкинд Е. М. Древние народы китайских хроник и эвенки, Хун-ну, Дун-ху, Сянь-би, Ши-вэй.— «Советская этнография». М.—Л. 1937. № 1.

История Казахской ССР. Под ред. А. М. Панкратовой. Изд. 3. Алма-Ата 1952.

Киселев С. В. Монголия в древности. — «Изв. АН СССР». Серия истории и философии. М. 1947. Т. IV. № 4.

Сорокин С. С. К вопросу о гуннах в Средней Азии.— «Вестник Ленингр. гос. ун-та». 1948. № 11.

Сосновский Г. П. Раскопки Ильмовой Пади.— «Советская археология». 1946. VIII.

Тереножкин А. И. К историко-археологи-ческому изучению Казахстана и Киргизии.— «Вестник древней истории». 1938. № 1.

Harmatta I. The Dissolution of the Hun Empire. Vol. I. Hun Society of the Age of Attila. «Acta archaeologica». Budapest 1952. Vol. II. Fasc. 4.

Junge J. Saka-Studien. Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike. «Klio». Leipzig 1939. Beiheft. XLI (N. F., Hf. 28).

McGovern W. M. The Early Empires of Central Asia. Oxford 1939.

Trever C. Excavation in the Northern Mongolia. Leningrad 1932.

Wylie A. History of the Heung-Noo in their Relation with China (Transl. from the Tseen Han Shoo, Book 94, etc.).— «Journal of the Royal Anthropological Institute». London 1873—1875. Vol. Ill, V.

К главе VI, разд. 5;
к главе XXIII, разд. б

Племена Сибири
и Дальнего Востока

Литература по истории
и источники

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан 1948.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. 1951.

Окладников А. П. Древние культуры северо-востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае.— «Вестник древней истории». 1947. № 1.

Окладников А. П. История Якутии. Т. 1. М. 1955.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. II—III — «Материалы и исследования по археологии СССР». М. 1950. № 18; 1955. № 43.

Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л. 1953

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л. 1953.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СПИСОК КАРТ [1]

[1] Без обозначения страниц в списке указаны цветные карты, вынесенные в приложение.

Карты составили: *А. Я. Абрамович* (№№ 11, 12 15, 16, 19), А. С. *Амальрик* (№№ 7, 9, 20, 22,34—37), *Б. Г.* Галкович (№№ 23—31, 39, 40), *И. М. Дьяконов* (№ 2), *А. П. Левандовский* (№№ 4, 6, 10, 17, 32). Карты .№№ 3, 5, 8, 13, 14, 18 и 38 составили совместно *А. Я. Абрамович* и *Н.* М. *Терехов,* карты №№ 21 и 33 — *А. С. Амальрик* и *Б. Г. Галкович.*

В составлении карт для части III приняли участие: *М. В. Воробьев* (Корея и Япония), *Д. В. Деопик* (Индо-Китай), *Г. В. Степугина* (Китай), *А. Я. Шевеленко* (Индонезия).

Редактирование карт проведено *Б. Г. Галковичем* и *И. А. Голубцовым.*

СПИСОК ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СПИСОК РИСУНКОВ, ПОМЕЩЁННЫХ В НАЧАЛЕ И В КОНЦЕ ГЛАВ [1]

[1] Орнаментальные заставки перед главами и на шмуцтитулах сделаны по мотивам орнаментов, характерных для соответствующих стран и периодов.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть II
КРУШЕНИЕ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА. ОБРАЗОВАНИЕ РИМСКОЙ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Часть IV

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ИМПЕРИИ. НАРОДЫ И ПЛЕМЕНА ЕВРОПЫ, ПЕРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ (I—III вв. н. э.)

Часть V
ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КРУШЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ